PRIX EN FRANCE: Frs 3.— 4 АПРѢЛЯ 4 AVRIL 1931 ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

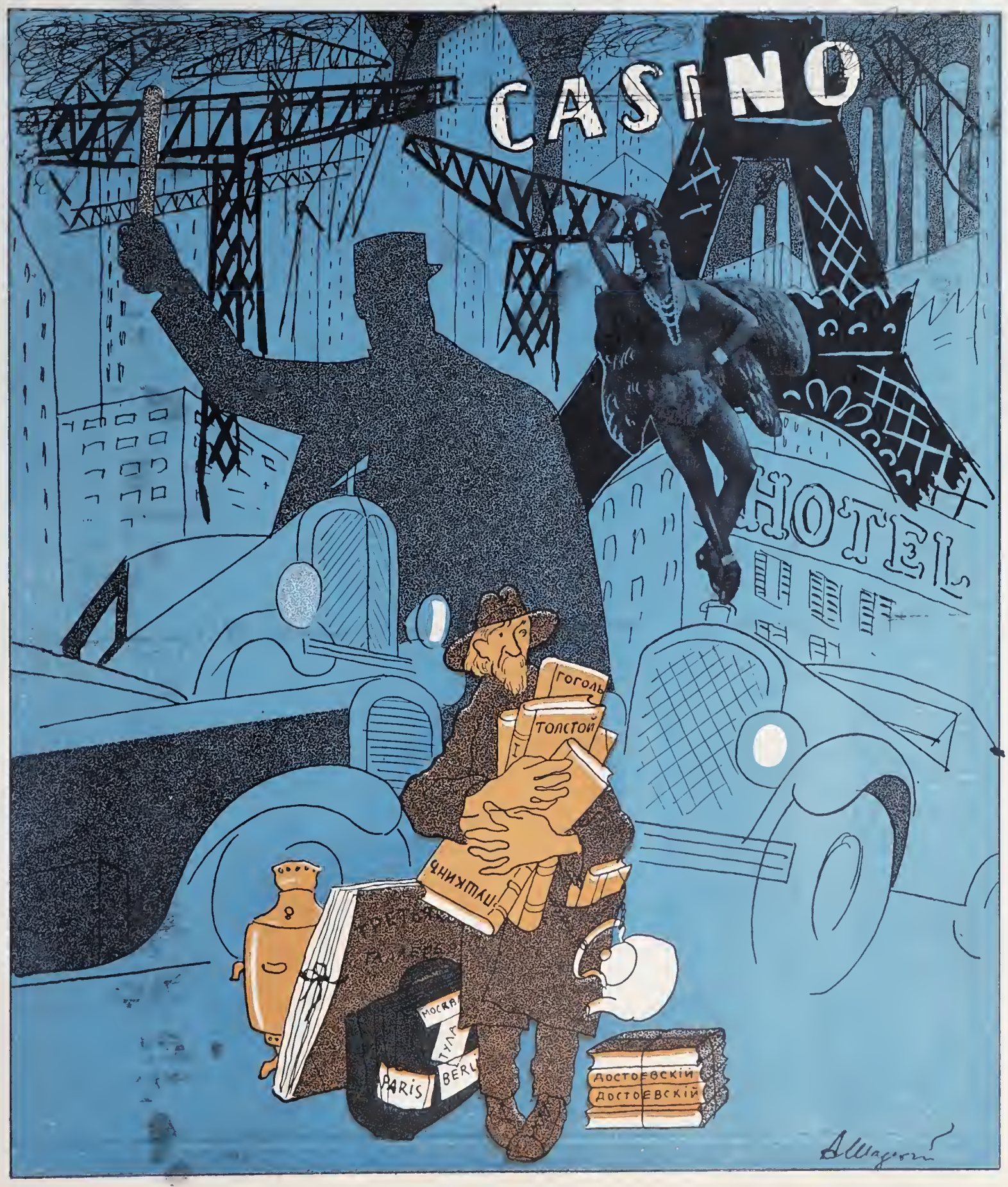
Сатирикон

SATYRICON

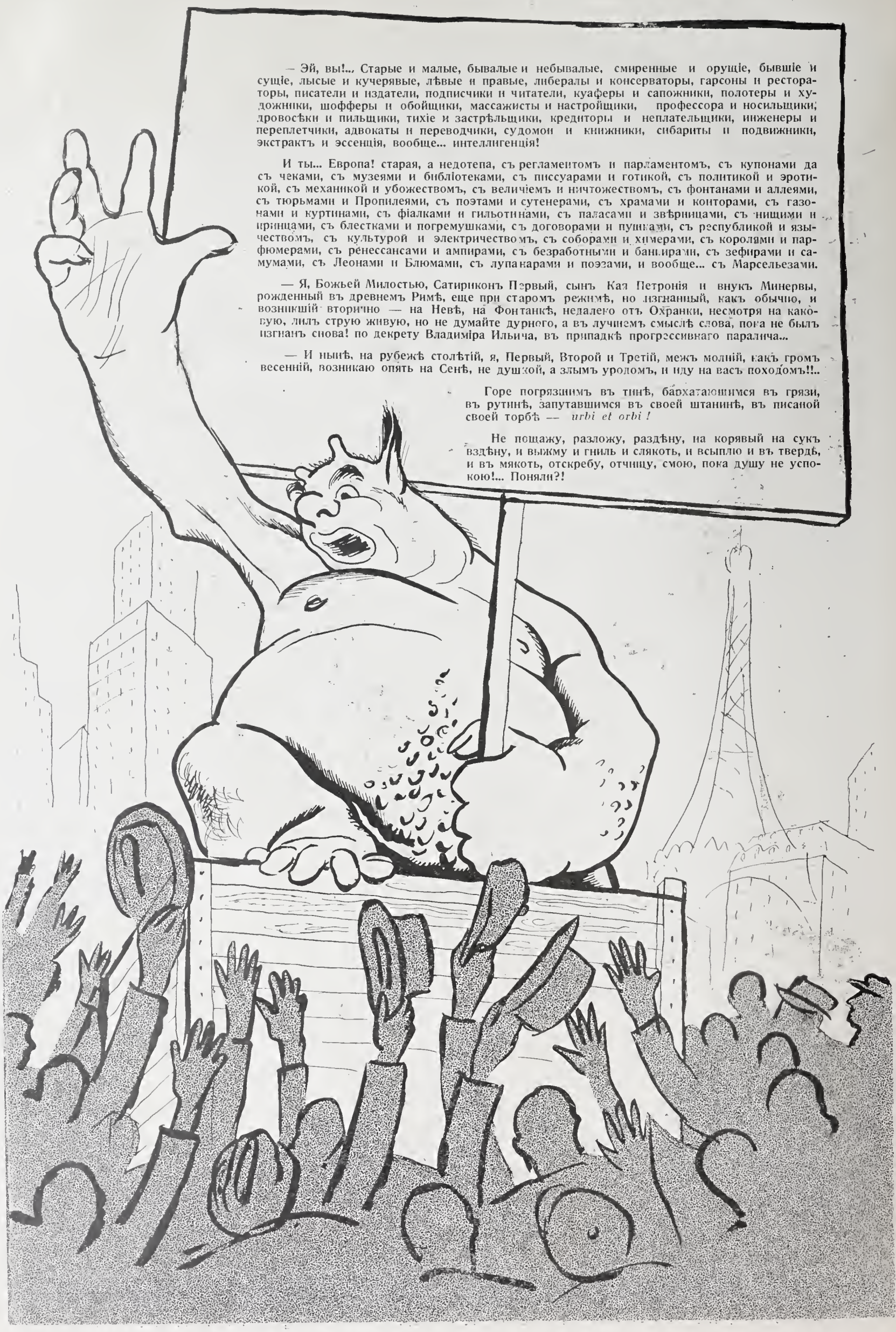
1931
Hebdomadaire Russe

еженедѣльное изданіе
Rédaction et Administration: 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)

№ 1
Directeur M. Kornfeld
Рис. А. Шараго.



«— Мы отдохнемъ, Дядя Ваня! Мы увидимъ небо въ алмазахъ... Мы услышимъ пѣніе ангеловъ надъ собою...»


— Эй, вы!... Старые и малые, бывалые и небывалые, смиренные и орущіе, бывшіе и сущіе, лысые и кучерявые, лѣвые и правые, либералы и консерваторы, гарсоны и рестораторы, писатели и издатели, подписчики и читатели, куаферы и сапожники, полотеры и художники, шофферы и обойщики, массажисты и настройщики, профессора и носильщики, дровосѣки и пильщики, тихіе и застрѣльщики, кредиторы и неплательщики, инженеры и переплетчики, адвокаты и переводчики, судомои и книжники, сибариты и подвижники, экстрактъ и эссенція, вообще... интеллигенція!
И ты... Европа! старая, а недотепа, съ регламентомъ и парламентомъ, съ купонами да съ чеками, съ музеями и библіотеками, съ писсуарами и готикой, съ политикой и эротикой, съ механикой и убожествомъ, съ величіемъ и ничтожествомъ, съ фонтанами и аллеями, съ тюрьмами и Пропилеями, съ поэтами и сутенерами, съ храмами и конторами, съ газонами и куртинами, съ фіалками и гильотинами, съ палассами и звѣринцами, съ нищими и принцами, съ блестками и погремушками, съ договорами и пушками, съ республикой и язычествомъ, съ культурой и электричествомъ, съ соборами и химерами, съ королями и парфюмерами, съ ренессансами и ампирами, съ безработными и банкирами, съ зефирами и самумами, съ Леонами и Блюмами, съ лупанарами и поэзами, и вообще... съ Марсельезами.
— Я, Божьей Милостью, Сатириконъ Первый, сынъ Кая Петронія и внукъ Минервы, рожденный въ древнемъ Римѣ, еще при старомъ режимѣ, но изгнанный, какъ обычно, и возникшій вторично — на Невѣ, на Фонтанкѣ, недалеко отъ Охранки, несмотря на каковую, лилъ струю живую, но не думайте дурного, а въ лучшемъ смыслѣ слова, пока не былъ изгнанъ снова! по декрету Владиміра Ильича, въ припадкѣ прогрессивнаго паралича...
— И нынѣ, на рубежѣ столѣтій, я, Первый, Второй и Третій, межъ молній, какъ громъ весенній, возникаю опять на Сенѣ, не душкой, а злымъ уродомъ, и иду на васъ походомъ!!..
Горе погрязшимъ въ тинѣ, бархатающимся въ грязи, въ рутинѣ, запутавшимся въ своей штанинѣ, въ писаной своей торбѣ — *urbi et orbi!*
Не пощажу, разложу, раздѣну, на корявый на сукъ вздѣну, и выжму и гниль и слякоть, и всыплю и въ твердь, и въ мякоть, отскребу, отчищу, смою, пока душу не успокою!... Поняли?!

Пять лѣтъ тому назадъ, въ Парижѣ, скончался Петръ Петровичъ Потемкинъ.

Это былъ настоящій поэтъ, очарованный странникъ, тихій и грустный бродяга, неприкаянный и несовременный.

Это онъ воспѣлъ и ситецъ, и герань, и голубой околышъ послѣдняго студента, и бѣдную, уѣздную Психею, обманутую военнымъ писаремъ.

Такъ онъ и прошагалъ на длинныхъ и худыхъ ногахъ свою короткую, озаренную грустнымъ свѣтомъ жизнь, накинувъ плащъ, съ гитарой подъ полою...

Съ прищуренными, темными глазами, нелѣпому и очаровательному, куда-жъ ему было угнаться за пыхтящимъ большевистскимъ грузовикомъ?

И не угнался, и не хотѣлъ поспѣть, и только надорвалъ любящее сердце, въ хмурое октябрьское утро, средь шумной Парижской улицы.

1918-й годъ... Сатириконъ закрытъ. Россійскій смѣхъ задушенъ. Осталось улюлюканье и гоготанье.

Въ изгнаніи, въ чехословацкомъ госпиталѣ, молодой, неутомимый, блестящій, испускаетъ послѣдній вздохъ Аркадій Аверченко.

Продолжатель Лейкинской традиціи, «человѣкъ, который смѣялся», добродушнѣйшій и лукавѣйшій, неисчерпаемый и жизнерадостный, Аркадій Тимофѣевичъ Аверченко это уже страница своеобразной русской книги, превратившейся въ хрестоматію.

Но сегодня, въ день выхода возрожденнаго Сатирикона, глубокій поклонъ его смѣху, его бѣдному погребенному на чужбинѣ праху — отъ старыхъ и молодыхъ, отъ прежнихъ и новыхъ.

САТИРИКОНЪ

Надъ Фонтанкой сизосѣрой
Въ старомъ добромъ Петербургѣ,
Въ низкихъ комнаткахъ уютныхъ
Расцвѣталъ Сатириконъ.
За окномъ пестрѣли барки
Съ бѣлостовольными дровами,
А напротивъ Дворъ Апраксинъ
Впился охрой въ небосклонъ.

Въ низкихъ комнаткахъ уютныхъ
Было шумно и привольно...
Сумасбродные рисунки
Разлеглись по всѣмъ столамъ.
На окнѣ сидѣлъ художникъ
И, закинувъ кверху гриву,
Дулъ калинкинское пиво
Со слюною пополамъ.

На диванѣ два поэта
Какъ безпечные кентавры
Хохотали до упаду
Надъ какой-то ерундой...
Почтальонъ стоялъ у стойки
И посматривалъ тревожно
На огромные плакаты
Съ толстымъ дьяволомъ-балдой.

Тихій вѣжливый издатель,
Деликатнаго сложенья,
Пробѣгалъ изъ кабинета
Какъ взволнованная мышь...
Кто-то въ ванной лаялъ басомъ,
Кто-то рѣзвыми ногами
За издателемъ помчался,
Чтобъ сорвать съ него бакшишъ...

А въ сторонкѣ, въ кабинетѣ,
Грузный, медленный Аркадій,
Наклоняясь надъ грудой писемъ,
Почту свѣжую вскрывалъ:
Сотни дикихъ графомановъ
Изо всѣхъ уѣздныхъ щелей
Насылали горы хлама,
Что ни день — бумажный валъ.

Ну и чушь... Въ зрачкахъ хохлацкихъ
Искры хитрыя дрожали:
Въ первомъ ящикѣ почтовомъ
Вздѣнетъ на колъ — и прощай.
Четкимъ почеркомъ кудрявымъ
Плелъ онъ вязь, глаза прищуривъ,
И, свирѣпо чертыхаясь,
Пилъ и пилъ холодный чай.

Ровно въ полдень встанетъ. Баста.
Сатирическая банда,
Гулко топая ногами
Вдоль Фонтанки цугомъ шла
Къ Чернышеву переулку...
Тамъ въ Гостиницѣ Московской
Можно досталь съѣсть и выпить,
Поорать вокругъ стола.

Хвостъ прохожихъ возлѣ сквера
Оборачивался въ страхѣ,
Дѣти, бросивъ свой песочекъ,
Мчались къ нянькамъ поскорѣй:
Кто такіе? то за хохотъ?
Что за странныя манеры?!
Мексиканскіе ковбои?
Укротители звѣрей?

А подъ аркой Министерства
Околодочный знакомый
Добродушно ухмыляясь,
Рявкалъ басомъ, какъ медвѣдь:
«Какъ, Аркадій Тимофѣичъ,
Драгоцѣнное здоровье?»
— «Ничего, живемъ — не тужимъ.
До ста лѣтъ рѣшилъ скрипѣть».
До ста лѣтъ, чудакъ, не дожилъ...

Развѣ могъ онъ знать и чаять,
Что за молодостью дерзкой
Грянетъ темная гроза —
Годы краснаго разгула,
Годы горькаго скитанья,
Засыпающіе пепломъ всѣ веселые глаза.

А. Черный.

ЖИЗНЬ, КАКЪ ТАКОВАЯ

(Съ послѣдней страницы русскихъ газетъ)

1.

Повивальная бабка обоего пола принимаетъ нуждающихся. Здѣсь-же продается моторъ внутренняго сгоранія.

2.

Полотеръ съ высшимъ образованіемъ натираетъ квартиры лично, письменно, а также по телефону.

3.

Проѣздомъ черезъ Парижъ желалъ бы призанять 400 франковъ.

4.

Ищу квартиру безъ репризы, въ случаѣ необходимости могу жениться.

5.

Въ квартирѣ вдовы отдается гаражъ.

6.

Спѣшно продается небольшой громоотводъ, старинныя запонки и четыре статуи Свободы для письменнаго стола.

7.

Типъ преступника предлагаетъ услуги кино-режисерамъ, ищетъ работу по спеціальности.

8.

Славянскія вафли по послѣднимъ научнымъ даннымъ. Большой выборъ дамскихъ растегаевъ.

9.

Окончившій Институтъ Восточныхъ Языковъ ищетъ мѣсто за все. Писать постъ-рестантъ для Восточнаго Отдѣла.

10.

Кооператоръ довоеннаго времени желаетъ получить мѣсто смотрителя вулкана, или къ дѣтямъ.

11.

Молодая титулованная чета, знающая много языковъ, ищетъ мѣсто короля и королевы въ небольшомъ иностранномъ государствѣ. Предложенія адресовать управляющему, Якову Абрамовичу Половинеру.

12.

Постояннаго мѣста роженицы или кормилицы ищетъ бывшій ротмистръ дикой дивизіи, Замирайло. Имѣетъ рекомендаціи съ полѣдняго мѣста.

13.

Фанни! Это была ошибка. Вернись отъ 5 до 7! Безумно страдаю.

Миша.

РАЗСКАЗЫ ГОСПОДИНА ТОЩЕНКИ

Я сегодня, братишки, насчетъ женскаго вопроса думалъ. Относительно моды. Я къ этому дѣлу здорово приглядывался. И къ женской натурѣ вообще, тѣмъ болѣе, что я и самъ женатый. И у меня накопилось много цѣнныхъ наблюденій. Можно сказать, солидный кабинетный трудъ изслѣдователя. И не только кабинетный, потому что развѣ только въ кабинетѣ я наблюдалъ свою супругу? Развѣ не изучалъ я ее и въ другихъ разныхъ комнатахъ?! Но не будемъ углубляться въ этомъ скользкомъ предметѣ. Я уже вижу отвратительную улыбку на симпатичномъ лицѣ моего читателя. И я даже слышу его непріятный голосъ: — За кого онъ насъ принимаетъ этотъ господинъ Тощенко? Вотъ какой онъ странный нахалъ. И чего онъ морочитъ намъ голову? Точно мы не знаемъ, что никакой квартиры у него нѣтъ и что живетъ онъ въ скромномъ номерѣ въ отелѣ на улицѣ извѣстнаго сотрудника Эмиля Золя...

Конечно, я не буду спорить съ читателемъ и опровергать. Читатель лишенъ полета фантазіи. Если читатель живетъ въ одной комнатѣ, онъ никогда не сможетъ перефантазировать ее на четыре съ ванной, съ телефономъ, и горячей водой.

Этими словами я считаю нашу полемику законченной. А пока я возвращаюсь къ лейтмотиву моего удачнаго беллетристическаго произведенія.

У насъ была знакомая— Ева Карловна. Ничего себѣ дамочка. Безъ особыхъ физическихъ недостатковъ, и даже наоборотъ. Такъ, она была капризное дитя большого свѣта. И она стала руководить моей женой, въ смыслѣ обмундированія. Чтобы все было въ соотвѣтствіи. Она пришла однажды къ женѣ и сказала: — стыдно — говоритъ — душечка, имѣть брови. Прямо очень неумѣстно. Я, говоритъ, какъ капризное дитя, не могу не бороться съ этимъ растительнымъ предразсудкомъ. Совѣтую, говоритъ, какъ дитя свѣта, выщипли. Потомъ, говоритъ, карандашомъ будешь рисовать, руководствуясь образцами. Будешь добиваться психологическихъ эффектовъ. На переносицѣ сведешь — твердость характера получится. Низко опустишь — озабоченность. Крутыми дугами до середины лба — удивленіе. Очень это на мужчинъ будетъ дѣйствовать. На ихъ грязныя страсти. Совѣтую, говоритъ, какъ великосвѣтское дитя. И потомъ, говоритъ, худѣй! Иначе фокстрота танцовать не сможешь. И вообще, говоритъ, теперь въ женской фигурѣ одни углы требуются, и при минимальной юбкѣ.

Ну, конечно, жена моя брови выщипала и на діэту сѣла. И, конечно, мнѣ одно огорченіе. Каждый мѣсяцъ, а чего нибудь у нея да меньше. Вотъ, кажется, что еще вчера было, а сегодня уже и нѣтъ.

— Что же это, — сказалъ я Евѣ Карловнѣ, — вы съ моей женой сдѣлали? Вѣдь зигзагъ получился, а не женщина. Ломанная линія, а не подруга жизни...

А она мнѣ опять, конечно, про то, что она-де капризное дитя большого свѣта и проч. Но только я ее все таки выгналъ.

А время идетъ! И до чего быстро идетъ время, братишки! Даже скорѣе, чѣмъ надо. Я полагаю, что это послѣ Эйнштейна. Послѣ его безсмертныхъ опытовъ. Напортилъ онъ тамъ чего то своими высшими измѣреніями. До его безсмертныхъ опытовъ время шло продолжительнѣе.

Я это къ тому, что Ева Карловна опять у насъ заявилась. Конечно, какъ ни въ чемъ ни бывало, и прямо къ женѣ:

— Душечка, говоритъ, какая ты тощая! Какъ тебѣ не совѣстно? Полнѣй, душечка. Теперь опять вальсъ въ модѣ, а ты знаешь, что у тощихъ вальсъ не получается. А брови! Милая, я принесу тебѣ чудное удобреніе. Ахъ, ахъ, ахъ... — какая ты отсталая! Ходи въ Лувръ, погляди на господина Рубенса, вотъ нашъ современный идеалъ! Я, говоритъ, какъ капризное дитя большого свѣта....

Но тутъ, конечно, жена моя ужасно разсердилась, и излила ей всю скорбь наболѣвшей души (а брови у нея на рѣшительный характеръ подрисованы были) — чтобъ, говоритъ, ноги вашей у насъ въ домѣ не было!... А потомъ ко мнѣ: прости, говоритъ, милый, что я въ изгнаніи лишила тебя послѣднихъ радостей! Не безпокойся, опять пополнѣю! Въ мѣшкѣ на ночь на стѣнку вѣшай, шариками корми, которыми пулярдамъ жиръ нагоняютъ. Все стерплю...

И вотъ я думаю сейчасъ, братишки мои, насчетъ женскаго вопроса и моды въ частности. И еще относительно того, что похудѣть эмигранту легче, чѣмъ пополнѣть. Но пока что удобреніе для женскихъ бровей купилъ, хотя тоже сомнѣваюсь. Потому что полоть-то ихъ пололи, но съ корнемъ.

Тощенко.

Рис. Александра Н. Бенуа.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ

«Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія...»

О, если-бъ узы гробовыя
Хоть на единый мигъ земной
Поэтъ и Царь расторгли нынѣ!
Гдѣ градъ Петра? И чьей рукой
Его краса, его твердыни
И алтари разорены?

Хлябь, хаосъ — царство Сатаны,
Губящаго слѣпой стихіей.
И вотъ дохнулъ онъ надъ Россіей,
Возсталъ на Божій строй и ладъ —
И скрылъ пучиной окаянной
Великій и священный Градъ,
Петромъ и Пушкинымъ созданный.

И все-жъ придетъ, придетъ пора
И воскресенья, и дѣянья,
Прозрѣнія и покаянья.

Россія! Помни-же Петра.
Петръ значитъ Камень. Сынъ Господній
На Камени созиждетъ храмъ
И скажетъ: «Лишь Петру я дамъ
Владычество надъ преисподней».

Изъ «Книги стиховъ» И. А. Бунина.

ПЕРВОАПРѢЛЬСКІЙ ДІАЛОГЪ

Рис. Лори.

Poisson d'Avril. — Вы-жъ изъ какихъ будете, изъ Руанскихъ?

Первоапрѣльская утка. — О, нѣтъ, Madame, ничего общаго... Я русская, и работаю исключительно для печати!

ИСКУССТВЕННАЯ ЛОШАДЬ

Это произошло въ маленькомъ и тихомъ городѣ, среди благонамѣренныхъ и веселыхъ гражданъ.

Однажды утромъ, на углахъ улицъ, на заборахъ и фонарныхъ столбахъ появились афиши:

«Вниманію гражданъ! Нотаріусъ, г. Буше, изобрѣлъ искусственную лошадь!... Сегодня въ два часа дня онъ выѣдетъ на ней въ первый разъ. Всѣ желающіе приглашаются присутствовать при этомъ поучительномъ зрѣлищѣ».

Жители города взволновались. Они прекрасно знали г-на Буше, милаго и застѣнчиваго человѣка, но никто даже и помыслить не могъ, чтобы г. Буше оказался изобрѣтателемъ.

Жанъ-Мизантропъ, злой обыватель тихаго города, торжествовалъ. Онъ хорошо зналъ любопытство своихъ согражданъ и, расклеивъ афиши, нисколько не сомнѣвался въ томъ, что къ двумъ часамъ дня весь городъ соберется у дома застѣнчиваго нотаріуса.

Пользуясь утреннимъ клевомъ, онъ сидѣлъ на берегу безмолвной рѣки и ловилъ рыбу.

— Это я хорошо придумалъ, радовался Жанъ-Мизантропъ. Пріятно видѣть одураченныхъ сосѣдей. И тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ ихъ больше. Проклятый міръ! — шепталъ онъ демонически улыбаясь и вытаскивая пескаря.

Господинъ Буше только что купилъ лошадь. Въ два часа дня онъ дѣйствительно собирался отправиться на прогулку. Онъ сталъ запрягать ее у воротъ своего дома и былъ крайне смущенъ присутствіемъ большой толпы сосѣдей, проявляющей къ нему и его лошади какое-то исключительное вниманіе.

Толпа росла съ каждой минутой. Жители тихаго города были любителями сенсацій.

Когда нѣсколько школъ первоначальнаго образованія, съ учителями во главѣ, выстроились правильными рядами противъ дома нотаріуса, г. Буше растерялся.

— Что случилось?! — думалъ онъ, въ то время какъ интересъ толпы все время возрасталъ. Ужъ не купилъ-ли я краденую лошадь?

Мадамъ Буланже, проживная въ пріютѣ для престарѣлыхъ 50 лѣтъ и сбѣжавшая оттуда, бойко торговала въ толпѣ пирожками съ яблочнымъ кремомъ. Граждане становились смѣлѣе. Они уже вплотную окружили нотаріуса и его искусственнаго коня, нервно поводившаго ушами.

Шли разговоры.

— Трудно повѣрить, что это не настоящая лошадь. Она удивительно тонко сдѣлана.

— Замѣчательный механизмъ. Къ сожалѣнію. не вижу, куда надо вливать бензинъ.

— Почему же вамъ думается, что въ нее именно надо вливать бензинъ?

— Что-же прикажете въ нее вливать, надѣюсь не сельтерскую воду?...

— Какъ вамъ не стыдно говорить такія глупости!

— Какіе у нея странные глаза, — сказала одна изъ гражданокъ.

— Это вы фантазируете, мадамъ. Просто, обыкновенные, искусственные глаза...

Съ большимъ трудомъ г. Буше запрягъ лошадь. Когда онъ занялъ мѣсто въ своемъ шарабанѣ, толпа взволнованно колыхнулась.

Нотаріусъ ничего не понималъ изъ того, что вокругъ него дѣлалось. Онъ сгоралъ отъ стыда и застѣнчивости, но преодолѣлъ себя и спросилъ наконецъ у г. Фервиля — мэра города:

— Скажите, господинъ Фервиль, — почему граждане проявляютъ такой интересъ къ скромной моей покупкѣ?

— Не пытайтесь мистифицировать насъ, господинъ Буше, — отвѣтилъ мэръ города.

— Что хотите вы этимъ сказать?

— Ничего особеннаго. Развѣ только то, что ваша тайна уже не тайна.

Господинъ Фервиль значительно подмигнулъ правымъ глазомъ.

— Положеніе мое принимаетъ серьезнѣйшій оборотъ, — съ тревогой подумалъ нотаріусъ.

Въ это время взглядъ его упалъ на двухъ полисменовъ въ полной парадной формѣ, которые были вызваны для того, чтобы своимъ блестящимъ видомъ усилить сегодняшнее событіе. Нотаріусъ поблѣднѣлъ.

Нужно спасаться, мелькнуло у него въ головѣ, и онъ сталъ усиленно понукать лошадь, дергая возжами и причмокивая.

Лошадь, однако, заупрямилась. Она оказалась животнымъ весьма дурного характера и все время старалась встать на дыбы, но возможно и для того, чтобы получше показаться заднимъ рядамъ публики

Толпа тревожно шарахнулась въ сторону

— Не испортилось-ли въ ней что нибудь? — предположилъ кто-то.

— Это было бы весьма непріятно...

— Остерегайтесь, пожалуйста. Испорченная машина за себя не отвѣчаетъ!

— Быть можетъ она плохо смазана, г. Буше? Всюду ли вы смазали ее, гдѣ полагается? — сказалъ мэръ города и поправилъ лошади хвостъ.

— Конечно я купилъ краденую лошадь, и теперь они издѣваются надо мной, — терзался нотаріусъ.

— Ура! — послышался единодушный и восторженный крикъ толпы.

— Что такое? — всполошилась мадамъ Буланжэ.

— А вы смотрите, мадамъ, смотрите!

Мадамъ Буланжэ взглянула.

Лошадь нотаріуса присмирѣла и стояла въ классической позѣ, обычно игнорируемой цѣломудренными художниками.

— Фи! — жеманно отвернулась мадамъ Буланжэ.

— Ура! — торжествовали граждане, — доказательство налицо! Она приводится въ движеніе овсомъ и сѣномъ!

— Не можетъ быть?!

— А вы посмотрите!

— Ничего особеннаго, — сказалъ какой-то скептикъ, — овсомъ и сѣномъ питаются и обыкновенныя лошади.

— Но вѣдь это машина! — обидѣлся г. Фервиль, которому очень льстило, что именно въ періодъ его управленія городомъ была изобрѣтена искусственная лошадь.

Господинъ Буше тѣмъ временемъ изловчился и сильнымъ ударомъ трости преодолѣлъ упрямство сквернаго животнаго. Лошадь помчалась во весь опоръ.

— Слава Богу! Я спасенъ! — думалъ нотаріусъ, продолжая работать тростью.

Господинъ Буше больше никогда не вернулся въ свой тихій, родной городъ.

До сихъ поръ въ долгіе зимніе вечера дѣвушки города, сидя за рукодѣльемъ, поютъ пѣсню о нотаріусѣ, который уѣхалъ на искусственной лошади въ неизвѣстную даль и увезъ съ собой секретъ необычайнаго изобрѣтенія.

«Ты скрылся въ неизвѣстности,
А насъ прославить могъ, —
О злой, о злой нотаріусъ,
Тебя накажетъ Богъ!»

Такъ заканчивается пѣсня, а снѣжная буря подхватываетъ эти слова и повторяетъ ихъ тысячью голосовъ въ трубѣ жарко пылающаго камина.

Валентинъ Горянскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ

По сообщенію «Тасса», въ составъ вновь избранныхъ Цика и Совнаркома, между прочими, вошли:

Муссабековъ.
Ходжаевъ.
Антаковъ.
Микоянъ.
Нусраторля.
Орджоникидзе и
Енукидзе.

Или, говоря словами застольной пѣсни:

— «Алаверды, Господь съ тобою!...»

Въ Будапештѣ протестантскій пасторъ Коренъ явился въ полицію заявилъ, что въ ближайшемъ будущемъ намѣренъ убить протестанскаго епископа и просилъ помѣшать ему осуществить это намѣреніе, такъ какъ самъ онъ потерялъ надъ собой контроль.

«Мы уже давно рекомендовали Венгріи»... — перейти на тормаза Вестингауза, какъ въ отношеніи трамваевъ, такъ и въ отношеніи отдѣльныхъ пасторовъ.

Хорошо, что на этотъ разъ пастора Корена удалось затормозить и сдать въ депо, или, выражась по венгерски, подъ арестъ.

Но что было-бы, если бы пасторъ дѣйствительно сошелъ съ рельсъ, и на всемъ ходу врѣзался бы въ епископа?!

Японскія газеты послали въ Женеву подарокъ — пятьдесятъ вишневыхъ деревьевъ.

Деревья были немедленно посажены въ паркѣ, на берегу Женевскаго озера, рядомъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ будетъ строиться дворецъ Лиги Націй.

Надо надѣяться, что деревья примутся и, такимъ образомъ, хотя-бы вишни будутъ первыми плодами разоруженія...

«Миссъ Пари» 1930-го года предстала предъ исправительнымъ судомъ: желая наказать нѣкоего Армана Жиро, королева прошлогодней красоты подстерегла его на улицѣ и бросила въ глаза нѣчто сыпучее.

На судѣ выяснилось, что нѣкій Арманъ — обыкновенный любовникъ, а нѣчто сыпучее — обыкновенный перецъ.

За злоупотребленіе перцемъ судъ приговорилъ королеву къ ста франкамъ штрафу.

Вообще говоря, плебисцитъ вещь субтильная.

Вся суровость предвыборнаго регламента сразу же падаетъ, какъ только выборы произведены.

Достаточно вспомнить классическій случай съ Монтіоповской преміей, присужденной самой цѣломудренной дѣвушкѣ одного провинціальнаго округа.

Не успѣла юная жрица Весты приблизиться къ столу, за которымъ возсѣдалъ торжественный синклитъ, не успѣла она протянуть дрожащія руки, чтобы получить полагавшійся ей дипломъ и денежную награду, какъ вдругъ поблѣднѣла, упала на полъ и отъ волненія, тутъ же, не сходя съ мѣста, и родила...

Рис. Шварца.

Ш а р л о. — Много-ли человѣку земли надо...

«АПОКАЛИПСИСЪ»

Рис. А. Шарапо.

«Честь безумцу, который навѣетъ человѣчеству сонъ золотой... *(С. Надсонъ).*
— **И безумецъ пришелъ, и навѣялъ.**

СОВѢТСКАЯ ДѢТСКАЯ

Кто васъ, дѣтки, наплодилъ?
Кто васъ, дѣтки, народилъ?
Кто васъ, дѣтки, изобрѣлъ?
Кто въ капустѣ васъ нашелъ?!
Кто пустилъ васъ въ оборотъ?
Кто вамъ соску сунулъ въ ротъ?
Кто былъ тотъ интеллигентъ,
Что платилъ вамъ алиментъ?
Кто васъ тискалъ? Кто васъ жалъ?
Кто васъ ставилъ, кто сажалъ?
Кто вамъ оспу прививалъ?!
Кто по мягкимъ дралъ частямъ?
Кто показывалъ гостямъ?
Кто пугалъ васъ домовымъ?
Кто папашъ ссылалъ въ Нарымъ?
Кто безъ нянекъ, безъ горшковъ,
Жить училъ васъ, дураковъ?!
Кто васъ, сукиныхъ дѣтей,
Гналъ на сорокъ скоростей,
Чтобъ вогнать васъ въ параличъ?

Хоръ:

— До-ро-гой нашъ вождь Ильичъ...
— До-ро-гой нашъ вождь Ильичъ...
— До-ро-гой нашъ вождь Ильичъ...

К. Страшноватенко.

«МОЛОДАЯ ГВАРДІЯ»

(Изъ книги пародій)

«Солнце горячее, какъ примусъ...
Улица теплая, какъ щека...»
(Изъ «Солнечныхъ разсказовъ» совѣтскаго самородка, Дмитрія Четверикова).

Солнце было горячее, какъ примусъ...

Казалось, что кто-то Огромный и Предпріимчивый вывинтилъ въ припадкѣ соціалистическаго соревнованія весь солнечный фитиль до отказу, и наполнилъ планетарнымъ чадомъ дымящуюся, какъ яичница, вселенную.

Вселенная шипѣла и невольно возбуждала убійственное желаніе жить и лихорадочно дѣйствовать.

Какое неслыханное счастье выпало на долю нашему безусловно-молодому поколѣнію, родившемуся отъ неизвѣстныхъ родителей пролетарскаго происхожденія!...

Бронзовые какъ подсвѣчники, и коричневые какъ кирпичи, безпаспортные и независимые, мы идемъ впередъ, мощно передвигая наши сталелитейныя ноги, которыя во времена проклятаго самодержавія назывались конечностями.

И несмотря на то, что сами мы идемъ впередъ, наши древообдѣлочныя головы все время закинуты назадъ, потому что такъ надо!...

Въ нашихъ ушныхъ раковинахъ гудятъ Эпохи.

Зоркіе глаза внимательно слѣдятъ за мельчайшими событіями мірового масштаба.

И чутко откликается наша безпризорная совѣсть на каждое явленіе заводской жизни.

Какъ бурная лава просыпающагося вулкана, выдѣляется нашъ желудочный сокъ изъ неуемныхъ пропастей неразложившагося организма.

Сотрясаются отъ топота земныя нѣдра.

Ежится, какъ каучукъ, паршивый глобусъ.

Дрожитъ пупъ земли.

И подгибаются колѣнки у стараго міра

— Дай ножку, чуткая молодежь!

Нажми педаль, которые въ авангардѣ!

Натирай себѣ трудовую мозоль во имя соціализма!

Заволоки испариной тѣлосложенія окружающій тебя горизонтъ, и съ веселымъ нахальствомъ подымись въ небо, и превратись въ грозовую тучу, и зачерни, затемни вотъ именно это солнце, горячее какъ примусъ, и дохни дыханіемъ бури на испуганное мірозданіе, и отрыгнись громомъ и пролейся проливнымъ дождемъ на черноземъ и суглинокъ, и затопи, и захлестни огороды мѣщанскаго благополучія!!!

И выгружайся повзводно у набережной Ильича, подъ звуки интернаціонала и птички-польки!...

Потому что уже горитъ мавзолей зарею новой, и на отполированныхъ колоннахъ Лабрадора зайчиками играетъ категорическое солнце, горячее, какъ примусъ, и знойное, какъ шарикоподшипникъ, высвистанный изъ котла!...

Объ чемъ разговоръ и какія дискуссіи?!...

Довольно словъ, ветхихъ какъ истина, и скользкихъ какъ вазелинъ.

А надо дѣло дѣлать, и изъ конаго памятника генералу Скобелеву наковать чугунныхъ бюстовъ Клары Цеткиной, и поставить ихъ совершенно безплатно на трамвайныхъ остановкахъ, на добрую память!...

Соединимся вмѣстѣ изо всѣхъ странъ, и начихаемъ единымъ и могучимъ чихомъ на предыдущую грамматику!

Или мы не самородки безъ всякой метрики, что-ли?

Или даромъ насъ рожали наши неизвѣстныя матери въ революціонныхъ мукахъ родильной горячки?

Или мы не дѣти солнца, горячаго, какъ примусъ, и знойнаго, какъ сковородка?

Да, или нѣтъ?! Отвѣчайте мнѣ на языкѣ эсперанто, безъ придаточныхъ предложеній!!!

...И что-то ретивое, и что-то лошадиное заиграло въ грудяхъ и въ селезенкахъ сногсшибательнаго поколѣнія.

Какія-то невидимыя калоріи забродили и забулькали въ калорифераxъ молодежи.

И вся она вспыхнула, какъ вспыхиваетъ коллективная зажигалка.

И вся она загорѣлась, какъ древесный спиртъ, горящій голубымъ пламенемъ въ ночной вазѣ.

И, соединившись вмѣстѣ, какъ полиура съ лакомъ, выплеснула наружу, ни разу не заикнувшись:

— Да!!!

И безумное солнце, раскаленное, какъ доменная печь бывшаго Путиловскаго завода, озарило этотъ величественный молоднякъ, вырвавшійся наконецъ изъ тьмы къ свѣту...

Донъ-Аминадо.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА

— Что вы считаете началомъ русскаго зодчества?
— Трехъэтажный стиль, г. профессоръ!

ЗАГАДКИ КИНТО

— Отгадай, что такое? Перваго класса нѣтъ; второго класса нѣтъ; третьяго класса нѣтъ; и четвертаго класса нѣтъ?!
— ? !
— Не знаешь? — Крушеніе товарнаго поѣзда!...

ЗЕМСКАЯ ДАВНОСТЬ

М у ж ъ. — Какъ ему написать? Ваше Превосходительство, Иванъ Петровичъ, или дорогой Иванъ Петровичъ?

Ж е н а. — Напиши просто : «Милый Ваня». Онъ уже забылъ, что вы не были съ нимъ на ты.

НЕИЗЛѢЧИМЫЙ

— А что Марковъ II-й, все еще на евреяхъ помѣшанъ?
— Да, у него это... іуден-фиксъ.

НА ПИГАЛЛИ

— Зачѣмъ же ты пѣвицу на колѣни сажаешь?
— Изъ патріотизма... Хочу подержать русское искусство!

Рис. Е. Ницше.

СЛОНЪ ЗА РОЯЛЕМЪ

(Не смѣшивать съ портретомъ автора)

Однажды въ одномъ обществѣ,
Гдѣ — какъ это ни странно —
Случайно находился слонъ,
Шла рѣчь о музыкѣ.
Говорили о Чайковскомъ,
О Шопенѣ,
О Вагнерѣ,
И о великихъ виртуозахъ.
«А вы играете?» — спросили слона.
«Немного», — отвѣчалъ онъ.
«Сыграйте, пожалуйста! Сыграйте, пожалуйста!» —
Раздалось со всѣхъ сторонъ.
Слонъ сѣлъ за рояль...
Но едва онъ взялъ нѣсколько аккордовъ,
По его сѣрымъ щекамъ,
Изъ его маленькихъ глазъ
Потекли двѣ жемчужныхъ слезинки...
«О очемъ вы плачете?» — спросили слона.
«Какъ же мнѣ не плакать?» — отвѣчалъ слонъ —
«Когда, быть можетъ, я играю
«На костяхъ моей бѣдной матери!...»

Н. Еврейновъ.

ПЕРВЫЙ ИНТИТИМНЫЙ ВЕЧЕРЪ «САТИРИКОНА»

при участіи русскихъ и французскихъ поэтовъ, пѣвцовъ, танцоровъ и художниковъ состоится въ ближайшемъ будущемъ.

О днѣ и мѣстѣ будетъ объявлено особо

«М. и Ж.»

— На пригоркѣ твой домикъ,
Отцвѣтающій макъ.
Ты растрепанный томикъ
Уронила въ гамакъ.

Вѣтеръ легкія сучья
Накренилъ у верховъ,
Отгоняя созвучья
Налетѣвшихъ стиховъ.

Хорошо такъ качаться
И мечты не дробить,
Чтобъ ни съ кѣмъ не встрѣчаться,
Никого не любить,

Чтобы не было фальши,
Чтобъ лежать, какъ въ бреду...

...— И лежи себѣ дальше,
Я обѣдать пойду.

Мих. Долиновъ.

МЕМУАРЫ ЭМИГРАНТСКОЙ БАБУШКИ

(Исключительное право опубликованія настоящихъ мемуаровъ принадлежитъ, согласно любезному разрѣшенію будущихъ наслѣдниковъ и потомковъ бабушки, «Сатирикону»). *)

На твердой почвѣ

1.

«Дорогіе внуки и внучки! Эпоха и жизнь моя были вполнѣ историческія: исторій было очень много, и всѣ онѣ совпали съ эмиграціей.

Въ мое время, для выясненія истины, всѣ эмигранты обязаны были писать мемуары. Я тоже была обязана, но не знала, писать-ли все, или многое надо забыть, то-есть обиды. Это даже говорилось тогда на разныхъ собраніяхъ. Да и большевики упрекали, что мы все забыли и ничему не научились.

Научишься тутъ!

2.

Начать съ того, что въ Константинополѣ я скомбинировала синенькую шляпку изъ шелка, а потомъ мы ѣхали или, какъ говоритъ капитанъ второго ранга Лукинъ, шли... (на палубѣ), и лилъ дождь. На меня все поглядывалъ одинъ поручикъ. (Мужъ ушелъ въ очередь за кипяткомъ). Я улыбнулась поручику. (Мужъ ушелъ въ очередь за кипяткомъ), и посмотрѣлась въ зеркало. Шелкъ отъ дождя полинялъ, и все лицо у меня стало синее и въ полоску...

Боже, сколько пережито!

3.

Изъ Россіи меня вывезли со всѣмъ институтомъ, потому что я, какъ и всѣ, была институтка. На рейдѣ было адски весело. Турки кричали якши! и задаривали инжиромъ. Въ это время пришвартовался къ намъ еще одинъ пароходъ, и тутъ-то я и познакомилась съ моимъ вышеупомянутымъ мужемъ. То-есть, тогда онъ еще не былъ мужемъ, а только предложилъ мнѣ:

— Олечка, раздѣлите со мною мой походный котелокъ.

Я согласилась, — вѣдь неизвѣстно было, куда увезутъ, и можетъ быть пришлось бы выходить замужъ за негра. Кромѣ того, мнѣ ужасно хотѣлось остричься.

Маманъ не соглашалась ни на стрижку, ни на бракъ. Но все таки революція великое завоеваніе. Я сказала, что будетъ по-моему. А тутъ еще вмѣшались союзныя власти: потому что мы были зачислены на паекъ и по пароходамъ.

Тѣмъ не менѣе, меня перекинули на другой пароходъ, а паекъ переписали, и тамъ мы повѣнчались. Одна дама уступила мнѣ кружевную наволоку, самоотверженно вывезенную ею изъ Россіи, — вышла премиленькая фата. Но деспотъ мужъ запретилъ срѣзать волосы. Тогда я заболѣла тифомъ! — во время эпидеміи это было не трудно, — меня обрили наголо и перевели въ трюмъ.

4.

Надо сказать правду, что селиться въ трюмѣ трудно изъ за общественной жизни. Кубанскій хоръ поетъ; союзъ освобожденія родины, какъ учрежденіе тайное, собирается только по ночамъ; будущее бродячее кабарэ вырабатываетъ программу будущихъ выступленій; подъ нами (мы на верхнихъ нарахъ) капитанъ выясняетъ отношенія:

— Дэзи, въ послѣдній разъ спрашиваю: любишь ты меня или нѣтъ?

А она отвѣчаетъ:

— Отстань, у меня температура тридцать восемь.

Тогда онъ выскакиваетъ на свой капитанскій мостикъ, и кричитъ:

— Смотрите на нее, это не женщина, а змѣя...

На Лемносѣ онъ чуть совсѣмъ не сбѣжалъ и даже забралъ съ собой чемоданчикъ. Тогда семилѣтній Дэзинъ сынъ побѣжалъ за нимъ и завопилъ сверху дѣтскимъ голосомъ:

— Мамочка, онъ не идетъ, спрашиваетъ: любишь-ли?!

Тогда она помчалась сама. Вернула.

Бѣжитъ сынъ, за нимъ Дэзи съ чемоданчикомъ, сзади капитанъ, лицо страшно счастливое.

Онъ былъ вообще очень воспитанный. Когда мы сверху проливали кипятокъ, и жена ругалась, онъ всегда ее урезонивалъ:

— Дэзи, говоритъ, вѣдь они извинились...

Но у него была еще одна — и почище чѣмъ Дэзи, — чуть что ей не по нраву, она въ крикъ оретъ:

Конечно, всѣмъ становилось жутко — на нарахъ-то! — и ей уступали.

Но все это я наблюдала сквозь тифъ.

— Не забывайте, что я беременная!

Мужъ въ это время сушилъ для меня на паровомъ отопленіи сухари, и даже досталъ одинъ лимонъ — обмѣнялъ на хранившійся у меня портретъ поэта Надсона.

Зато термометра мнѣ никто не давалъ, потому что я была заразная, и всѣ боялись.

5.

Въ Греціи меня поразили звѣзды. За Дубровникомъ снѣжныя горы и апельсины. Наши высадились, кинулись собирать, и мѣстное населеніе не возбраняло, тѣмъ болѣе, что апельсины были дикіе и несъѣдобные.

Потомъ насъ повезли въ Сербію, въ Бакаръ. Докторъ сталъ провѣрять, чистыя ли на насъ рубахи, съ санитарной точки зрѣнія. Сошли на берегъ. Поѣздовъ не хватило, и наша партія двое сутокъ прожила на улицѣ. Но зато намъ дали денегъ, и мы накупили хлѣба, яицъ, сахару, свинаго сала и даже коньяку съ одной звѣздочкой.

Вообще было очень пріятно попасть въ братскую, славянскую страну, потому что и мы, и они говорили по нѣмецки, и могли понять другъ друга.

Рис. Пикельнаго.

— Какъ членъ Р. Д. О. и холостякъ, могу продолжать игру и безъ королевы...

*) *Copyright by Babushka.*

Недоразумѣнія были только съ курящими мужчинами, которые спрашивали спичекъ по-русски. Одного даже вытолкали изъ лавки... Впрочемъ, это дѣло филологовъ.

Но все таки дорого было смотрѣть на сербовъ, изъ за которыхъ какъ никакъ, а началась война. Неловко было только то, что они оказались не сербами, а хорватами и лишь изрѣдка словенами. Но, конечно, это мелочи. Главное, что было общее національное прошлое.

Кстати, мужъ нашелъ большой пустой ящикъ, мы приспособили его около стѣнки какого-то зданія, одѣяло мнѣ на прощанье выдала маманъ, и мы очутились на твердой почвѣ, то-есть на ящикѣ.

А съ моря шла нѣжная, туманная сырость.. Это было въ ночь подъ новый, 1921-й годъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Н. Городецкая.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА

Парижскій юмористическій журналъ «Ле Риръ» выпустилъ, какъ извѣстно, особый номеръ, посвященный дѣятельности депутатовъ, министровъ и политическихъ дѣятелей Франціи. Карикатурная часть номера была выполнена талантливымъ художникомъ Сеннепомъ настолько зло, но и безцеремонно, что весь тиражъ журнала былъ, попостановленію полиціи, конфискованъ.

На томъ бы все и кончилось, если-бъ въ дѣло не вмѣшался самъ... Демьянъ Бѣдный!

Скромно полагая, что Сеннеповскіе рисунки предвѣщаютъ не только кризисъ парламентаризма, крушеніе буржуазнаго строя, но и немедленный взрывъ міровой революціи въ полномъ масштабѣ, придворный буревѣстникъ пускаетъ очередного пѣтуха въ «Извѣстіяхъ»:

«...Пусть сатира Сеннепа послужитъ намъ впрокъ.
Другъ-товарищъ Халатовъ, послушай, нельзя-ли,
Намъ сеннеповскій переиздать номерокъ?!...»

Весьма возможно, что номерокъ и впрямь переиздадутъ, и дѣйствительно используютъ въ качествѣ дежурной агитки.

Между тѣмъ, если-бъ на тотъ же путь перепечатки, съ цѣлью борьбы съ коммунистической чумой, вступила и западная буржуазія, то ея задача была-бъ куда проще.

Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, стремиться къ каррикатурѣ, когда достаточно добросовѣстно воспроизвести и размножить любую фотографію Сталина, чтобы пролетаріи всѣхъ странъ дѣйствительно соединились вмѣстѣ — для коллективной тошноты и таковой-же рвоты.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОДЪ

на большой еженедѣльный литературно-художественный журналъ сатиры и юмора

Сатирикон'

СОСТАВЪ СОТРУДНИКОВЪ:

ПИСАТЕЛИ:

Г. В. Адамовичъ, В. А. Азовъ, М. А. Алдановъ, Альталена (В. Е. Жаботинскій), А. В. Амфитеатровъ, Н. Ф. Баліевъ, кн. В. В. Барятинскій, Н. Н. Берберова, гр. П. А. Бобринскій, Ив. Бунинъ, Валентинъ Горянскій, Сергѣй Горный, Над. Городецкая, Мих. Долиновъ, Донъ-Аминадо, Н. Н. Евреиновъ, Борисъ Зайцевъ, Леонидъ Зуровъ, Георгій Ивановъ, Галина Кузнецова, А. И. Купринъ, Ант. Ладинскій, Лери, Лоло, С. Литовцевъ, Иванъ Лукашъ, Сергѣй Маковскій, К. В. Мочульскій, Ирина Одоевцева, М. А. Осоргинъ, Петръ Пильскій, Сергѣй Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, Н. Я. Рощинъ, М. Струве, Андрей Сѣдыхъ, В. Ф. Ходасевичъ, Е. Хохловъ, М. О. Цетлинъ, А. М. Черный, А. А. Яблоновскій, Сергѣй Яблоновскій.

ХУДОЖНИКИ:

Александръ Бенуа, О. М. Бернацкая-Савичъ, И. Я. Билибинъ, Д. Бушенъ, Б. Билинскій, Вл. Бѣлкинъ, А. Гроссъ, М. В. Добужинскій, Б. Зворыкинъ, Юр. Ильинъ, К. А. Коровинъ, Е. И. Лурье, Эр. Ницше, Б. Пикельный, Ф. С. Рожанковскій, А. Серебряковъ, В. Стелецкій, Терешковичъ, С. Черевковъ, А. Шарый, Шварцъ, Г. И. Шильтянъ, В. И. Шухаевъ, Вѣра Шухаева, Шэмъ, Л. Эндэнъ, Алекс. Яковлевъ.

Редакторъ-Издатель: М. Г. КОРНФЕЛЬДЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		1 годъ	9 мѣс.	7 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи	Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ другихъ странахъ	Frs	235.—	190.—	120.—	63.—	21.50

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**

Téléphone: GUTENBERG 05-40

Рис. М. В. Д.

— Глупымъ розсказнямъ не вѣрь
Жить своимъ разсудкомъ надо.
Большевизмъ огромный звѣрь,
На земь выползшій изъ ада.

— Да откуда знаешь ты?
— Отъ тебя скрывать не буду:
Звѣрь невидимъ, но хвосты
Протянулися повсюду.

Сергѣй Рафаловичъ.

Въ «Красной Газетѣ» приведена рѣчь небезызвѣстнаго литературнаго громкоговорителя, В. Ермилова, на свѣженькую тему о нѣляхъ и задачахъ.

Рѣчь обыкновенная, казеннаго образца, съ истерической прослойкой.

И только въ заключительныхъ словахъ, сказанныхъ подъ занавѣсъ, звучитъ неподдѣльный пафосъ и чувствуется обѣщанный паекъ.

«Итакъ, передъ пролетарской литературой стоитъ огромная задача: Догнать и перегнать и Шекспира и Толстого!»

Эхъ, другъ Ермиловъ, широко шагаешь, анатомію разорвешь!...

Лондонская печать съ востергомъ отзывается о спектакляхъ «Летучей Мыши».

Предметомъ восторговъ является не только Баліевскій репертуаръ, но и самъ Никита Баліевъ, въ качествѣ конферансье.

Особенныя похвалы по адресу Н. Ф. расточаетъ «Морнингъ-Постъ». Театральный критикъ газеты глубокомысленно замѣчаетъ:

«Своей нарочитой невозмутимостью, выдержкой и короткой скандирующей рѣчью талантливый артистъ положительно походитъ на величайшаго мудреца Конфуція...»

— Вотъ, это называется табель о рангахъ!

Такъ, чего добраго, и до Будды дослужишься.

И со всей труппой и съ декораціями въ Нирванѣ очутишься.

Недаромъ сказано: Слава приходитъ поздно, зато основательно.

ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ

Покупатель. — Почему же у васъ нѣтъ «Новой Газеты»?

Продавецъ. — «Извѣстно, что Слонимъ въ диковинку у насъ»!...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ «САТИРИКОНА»

(Къ свѣдѣнію молодыхъ псевдонимовъ, писателей изъ народа, остряковъ-самоучекъ и агентовъ по продажѣ самопишущихъ перьевъ Ватерманъ).

1. — «Написаннаго перомъ, не вырубишь топоромъ». Но кто сказалъ, что нельзя зарубить автора?

2. — Непринятыя рукописи не возвращаются, а предаются огню въ домашнемъ крематоріи, типа «Саламандры».

3. — Въ переписку по поводу непринятыхъ рукописей редакція не вступаетъ, даже въ томъ случаѣ, если рукопись представляетъ собою автобографію, духовное завѣщаніе или манифестъ.

4. — Произведенія, сдѣланныя въ драматической формѣ, принимаются только въ томъ случаѣ, если они написаны на кредитныхъ билетахъ, и то карандашемъ.

5. — Ни къ чему не обязываютъ редакцію и присланныя для отвѣта почтовыя марки, какъ свѣжія, такъ и отмытыя изъ любви къ чистотѣ и комфорту.

Редакторъ-издатель: **М. Г. Корнфельдъ.**

Издательство М. Г. КОРНФЕЛЬДА

БИБЛІОТЕКА «САТИРИКОНА»

Готовится къ печати:

«РУССКАЯ САТИРА ЗА 15 ЛѢТЪ»

ВОЙНА — РЕВОЛЮЦІЯ — ЭМИГРАЦІЯ

(на французскомъ языкѣ)

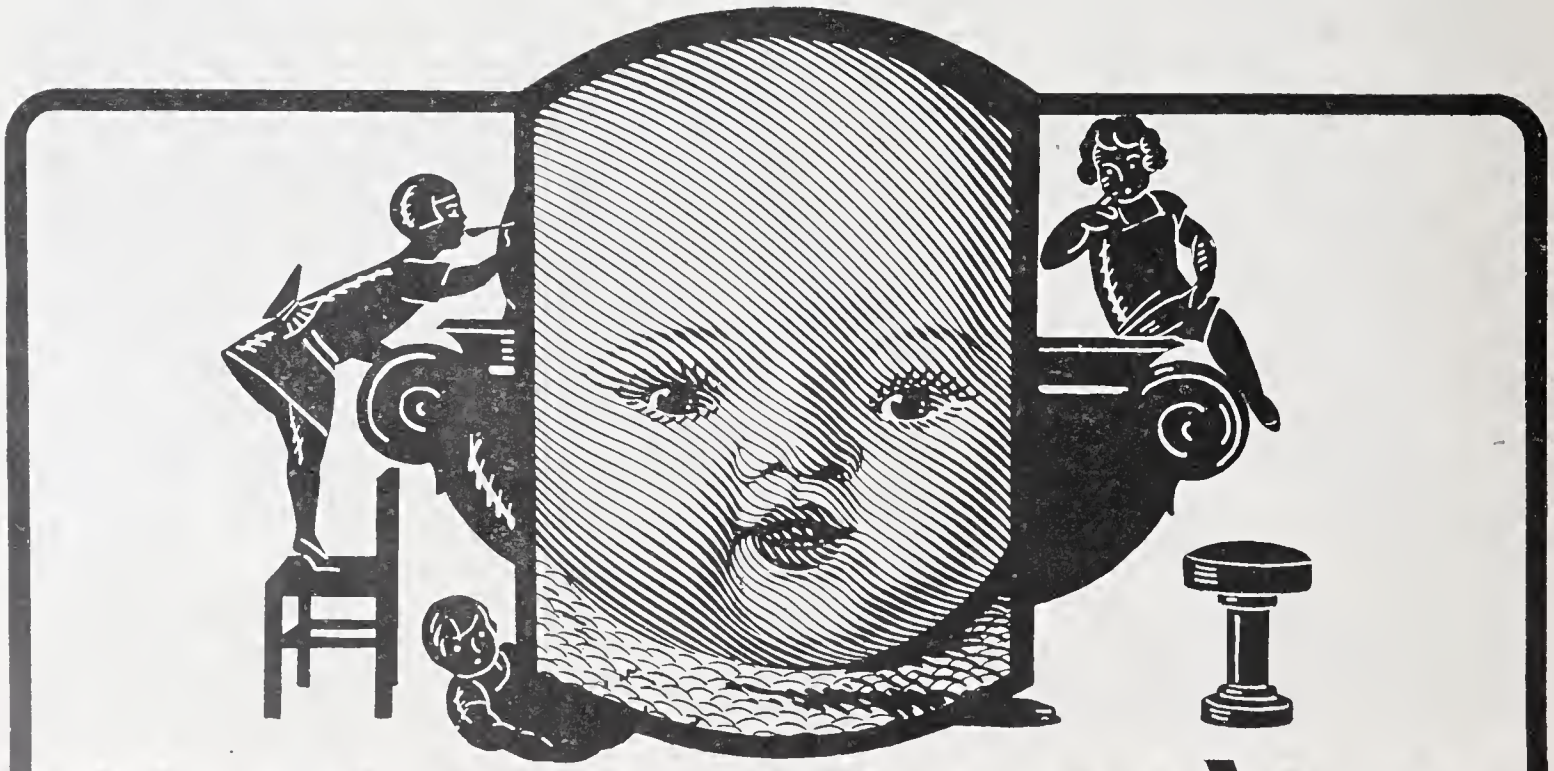
«САТИРИКОНЪ» ВЪ ЛАТВІИ

Продается во всѣхъ кіоскахъ. — Представитель для Латвіи: **Эд. Петцгольцъ.** Сарайная 16. РИГА.

«САТИРИКОНЪ» ВЪ ЮГОСЛАВІИ

Представительство и пріемъ подписки:

Павловскій, улица Zrinska 19. NOVY SAD.



Impr. Coop. Etoile, 17, rue de la Comète. — Paris (7e) *Le Gérant : N. Kornfeld.*

Рис. Е. Ницше.

ВЪ АПТЕКѢ

— Я усердно рекомендую вамъ это средство. У меня у самаго были ноги какъ у васъ. Я принялъ слишкомъ большую дозу — и, судите сами, какой получился результатъ!...

IMPRIMERIE

COOPÉRATIVE ÉTOILE

17, rue de la Comète

Téléphone : Invalides 11-50 — **PARIS (7)** — R. C. S. 227.770 — Métro : La Tour-Maubourg

TOUS GENRES DE TRAVAUX EN TOUTES LES LANGUES

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ТИПОГРАФСКІЯ РАБОТЫ НА ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ

Изъ писемъ Вашихъ Родныхъ Вы убѣдитесь, что **лучше всего отправлять продовольственныя посылки въ Россію** изъ Отдѣл. Société TITAN въ Ригѣ

Оптовые цѣны. - Быстрѣйшая доставка Первоклассные продукты. — Всѣ гарантіи

ПРІЕМЪ ЗАКАЗОВЪ НА ПОСЫЛКИ И ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ

на наивыгоднѣйшихъ условіяхъ

SOC. TITAN, 1, rue Mondetour. Paris (Ier). Gutenb. 80-51 à 80-55

и въ магазинахъ:

ARSER, 83, rue Michel-Ange (16e).
BERLIN, 368 *bis*, rue de Vaugirard (15e)
REDSKY, 76, rue du Cardinal-Lemoine (5e).
IDEAL, 153, rue de la Convention (15e).

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ
НОВАЯ КНИГА
П. ЛИДВАЛЬ

ИСКУССТВО ОДѢВАТЬСЯ

(S'HABILLER... raisonnement sur le costume masculin)

Во время Осенняго Салона П. Лидваль прочелъ въ Grand Palais чрезвычайно интересный докладъ о мужскомъ костюмѣ, имѣвшій выдающійся успѣхъ у парижской публики. Во всѣхъ газетахъ появились хвалебные отзывы, причемъ многіе слушатели горячо рекомендовали докладчику опубликовать прочитанный докладъ въ печатной формѣ.

Вышедшій нынѣ въ свѣтъ трактатъ о мужскомъ костюмѣ, роскошно изданный со множествомъ рисунковъ и иллюстрацій, представляетъ большой интересъ для всѣхъ, интересующихся эстетикой мужской моды.

П. Лидваль, обладающій заслуженной репутаціей первокласснаго мастера мужского костюма, является новаторомъ, стремящимся критически отнестись къ тому, что дѣлается въ области искусства одѣваться.

Путемъ чрезвычайно интересныхъ историческихъ параллелей, авторъ устанавливаетъ несомнѣнную связь, существующую между архитектурными формами и костюмомъ въ данный историческій моментъ. Въ его трактатѣ мы находимъ рядъ превосходныхъ иллюстрацій, относящихся къ Египту, Греціи, Среднимъ Вѣкамъ и другимъ классическимъ эпохамъ.

Переходя къ переживаемому нами моменту, П. Лидваль стремится логически подчинить линіи современнаго мужского костюма тѣмъ новымъ архитектурнымъ формамъ, которыя постепенно завоевываютъ признаніе всего культурнаго міра.

Не подлежитъ сомнѣнію, что книга П. Лидваля явится весьма цѣннымъ вкладомъ въ области современныхъ эстетическихъ исканій.

Складъ изданія:

PAUL LIDVALL

28, rue de la Pepinière, PARIS

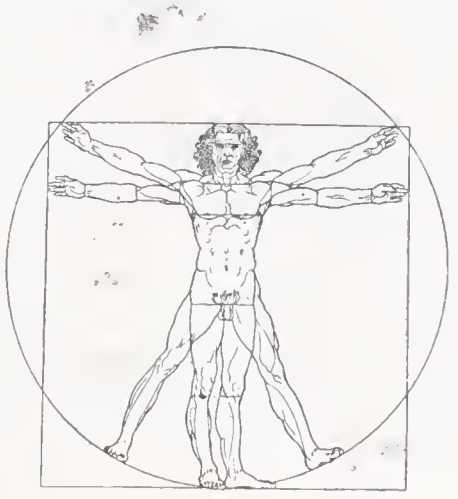


Рис. Г. Шильтяна.

Отъ труда на биржѣ

До биржи труда — одинъ шагъ.

PRIX EN FRANCE: Frs 3.— 11 АПРѢЛЯ 11 AVRIL 1931 ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

Сатирикон

1931
Hebdomadaire Russe

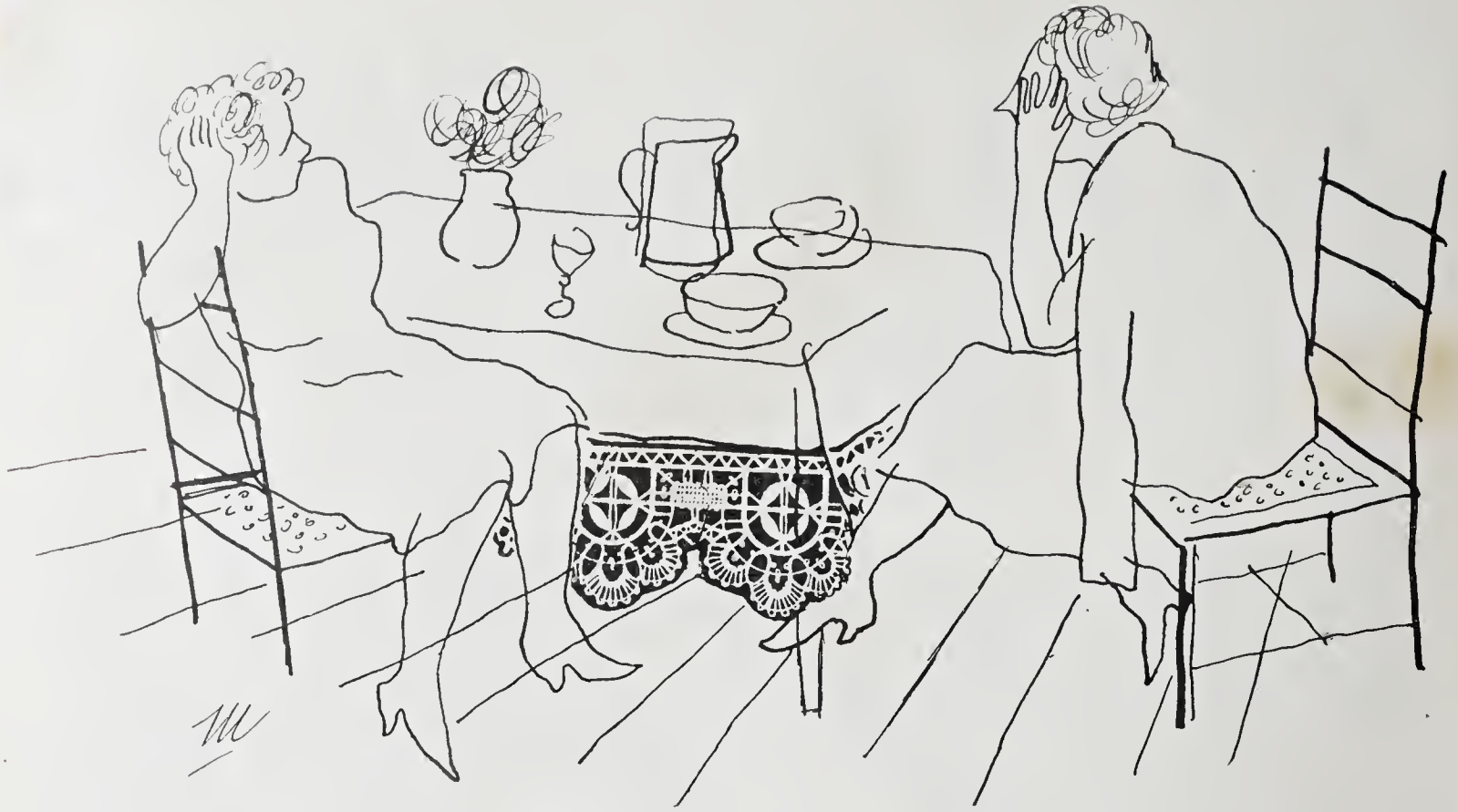
еженедѣльное изданіе
Rédaction et Administration: 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)

№ 2
Directeur M. Kornfeld

TEMPI PASSATI

Рис. А. Шараго.

«Кабы Волга - Матушка да вспять побѣжала,
«Кабы можно, братцы, начать жить сначала!...» *(А. К. Толстой).*



Марья Петровна. — А что онъ дѣйствительно живетъ съ ней?

Марья Ивановна. — Да какъ вамъ сказать... во всякомъ случаѣ, небольшой прожиточный минимумъ онъ у нея имѣетъ.

ЦЫГАНКА

Лѣнивая, на зовъ гитары,
Покачиваясь, входишь въ кругъ
И, нехотя, твой бубенъ старый
Отрывистый кидаетъ звукъ.

За выгономъ — фургонъ дырявый,
Томительная тишь и гарь,
Щекочущія локоть травы,
Прокуренный, въ зубахъ, янтарь.

Огромная пустыня хлѣба,
Вић времени блужданье дней
И сонное, слѣпое небо
Безъ облачка и безъ лучей.

И все равно подъ небомъ ровнымъ
Глядѣть или глаза закрыть.
Ни двинуться, ни молвить слова...
Такъ, — медленно дышать и быть.

Вотъ, мечешься въ кругу упорномъ,
Притоптываютъ парни въ ладъ,
И розаны на шали черной
За черною косой летятъ.

Марія Харитонова.

КОЛОВРАЩЕНІЕ ВРЕМЕНЪ

Философическое представленіе для кукольнаго театра

ЦИКЛЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ «Эрмитажа» къ «Эрмитажу».

I.

«Эрмитажъ» на Трубной площади.

Господинъ Иванъ Ивановичъ Разгуляевъ, баринъ.
Госпожа Серафима Ивановна Разгуляева, барыня.
Гаврила, оффиціантъ.

Господинъ Разгуляевъ. — Мнѣ, Гаврила, дай еще порцію зернистой икры и еще коньяку 1836 года...

Госпожа Разгуляева. — А мнѣ, Гаврила, еще рябчиковъ и еще ананасовъ въ шампанскомъ...

Гаврила. — Слушаю-ссс...

II.

Сима де-Разгуляефф ъ, оффиціантка.
Жанъ де-Разгуляефф ъ, вестіерщикъ.
Гавріилъ Иванычъ Околухинъ, изъ торгпредства.

Сима де-Разгуляефф ъ. — Закусочки прикажете для начала? Семушка хорошая только что получена... Кильки ревельскія. Селедочку можно сдѣлать — рубленую или съ картошечкой...

Жанъ де-Разгуляефф ъ. — Шляпочку вашу позвольте. Я вамъ сейчасъ номерокъ принесу.

Гавріилъ Иванычъ Околухинъ. — Дайте мнѣ кусочекъ семги, только если не соленая... и поживѣе!

Сима де-Разгуляефф ъ. — Слушаю-сь

ЦИКЛЪ ВТОРОЙ.

«Тюрьма и кафедра».

I.

Камера въ Бутыркахъ.

Сенька Хлыщъ, воръ.
Сторожъ.

Сенька Хлыщъ. —

Жилъ я, мальчикъ, значитъ, веселился,
И имѣлъ я, мальчикъ, капиталъ,
Капиталу, значитъ, я рѣшился
И въ неволю, значитъ, жить попалъ!...

С т о р о ж ъ. — Сенька, буде голосить! Скоро повѣрка. Отдѣленный уже прошелъ...

II.

«Буржуазная» квартира на Моховой

Т о в а р и щ ъ Х л ы щ ъ, профессоръ.
П р а с к о в ь я, его жена.

Т о в а р и щ ъ Х л ы щ ъ. — Я, Прасковья, новое назначеніе получилъ: ординарнаго профессора по кафедрѣ взлома банковыхъ сейфовъ при университетѣ имени тов. Дзержинскаго и по совмѣстительству — декана факультета гражданской войны. Буде мнѣ въ экстраординарныхъ мотаться... Такъ что, теперича я, Прасковья, въ пивнушку ходить послѣ обѣда не буду, а прямо буду закатываться къ альма матери.

П р а с к о в ь я. — Былъ ты, Сенька обормотомъ-матерщинникомъ, пока въ домушникахъ ходилъ и профессоромъ такимъ же обормотомъ остался...

ЦИКЛЪ ТРЕТІЙ.

Отъ пожара до пожара.

I.

Покой въ Кремлѣ.

Л е в ъ Т р о ц к і й, главнокомандующій всѣми арміями и флотомъ республики.

Л е в ъ Т р о ц к і й. — Отсюда я зажгу пожаръ во всей вселенной и маніемъ руки моей двину на ветхій буржуазный міръ красный флотъ и красные полки. Пылай пурпурный пожаръ, звените красныя трубы, вейся алое знамя, звучи багряный Интернаціоналъ! Языки яраго пламени лижутъ, лижутъ послѣднюю твердыню капитализма... Какъ береста трещатъ и корчатся въ огнѣ устои имперіализма... Все выше, выше забираетъ пламя! Пылай, красный костеръ! Гуляй огонь! Жги!...

II.

Вилла на Принкипо.

Левъ Давидовичъ Б р о н ш т е й н ъ, эмигрантъ.
А б а з а л и д и с ъ, грекъ-домовладѣлецъ.

Левъ Давидовичъ Б р о н ш т е й н ъ. — Слушайте, г-нъ Абазалидисъ, это же форменное безобразіе! Вѣдь вы плату съ меня за вашу паршивую виллу получаете аккуратно, почему же вы не обращаете вниманіе на неисправность вашихъ печей? На кухнѣ у меня чуть не каждый день изъ трубы выкидываетъ, въ кабинетѣ печь того и гляди развалится: вѣдь угли же выпадаютъ, чуть не доглядишь! Слушайте, г. Абазилидисъ, это плохія шутки: вѣдь пожаръ можетъ быть. Вы знаете, что пожаръ-то не шутка или вы не знаете?

А б а з а л и д и с ъ. — Слусайте, г-нъ Бронстейнъ, вотъ, ей Богу, завтра трубочиста придетъ... Стобы мнѣ провалиться на этомъ мѣстѣ и стобы глаза у меня лопнули какъ у собаки, если она не придетъ...

Влад. Азовъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Московскій корреспондентъ «Кельнише Цайтунгъ» описываетъ ежедневную, будничную жизнь Москвы.

Бытъ, это то простое, крѣпкое и настоящее, что выпираетъ изъ всѣхъ щелей, изъ-за картонныхъ декорацій, красноармейскихъ парадовъ, истерическихъ лозунговъ и многосаженныхъ, заборныхъ афишъ.

Часами стоятъ передъ пустыми кооперативами толпы холодныхъ, голодныхъ, придавленныхъ жизнью «самыхъ свободныхъ гражданъ», въ тоскливомъ ожиданіи селедочныхъ хвостовъ, вяленой воблы и сапожнаго крема гуталина, который выдается только активнымъ работникамъ, состоящимъ на особомъ учетѣ у щедринскихъ властей.

И тутъ же, наряду со стопроцентной винностью, вопіющей нищетой и неизбывной, неистребимой ненавистью, злобой, безнадежностью и глухимъ отчаяньемъ, высится какой-то кубистическій небоскребъ — «Институтъ по изученію мозговыхъ извилинъ могучаго Ильича», надрывается межъ кумачаевыхъ полотнищъ революціонный Мейерхольдъ, танцуютъ танецъ Октября крѣпостныя, расписанныя по комиссарамъ балерины и отправляются на Соловенкую каторгу классовые враги рабоче-крестьянской власти.

Но есть и лучъ свѣта въ этомъ царствѣ непроглядной тьмы.

«Это уличные часы, по которымъ живетъ почти весь городъ, выбѣгающій изъ своихъ потопленныхъ домовъ, кооперативовъ и казармъ, справиться о времени...

На службѣ у московскаго Горсовѣта только два часовщика.

Перебѣгаютъ они со складными лѣсенками отъ одного циферблата къ другому... — а циферблатовъ отъ проклятаго самодержавія осталось множество, минутныхъ и часовыхъ стрѣлокъ тьма, — и справится часовщикамъ немыслимо.

И вотъ, и показываютъ городскіе часы, одни на нѣсколько часовъ впередъ, другіе на нѣсколько часовъ назадъ, поблескивая сумасшедшими циферблатами надъ обреченнымъ городомъ. И лишь одно радуетъ глазъ, электрическая стрѣла и надпись на столбахъ:

— Соціализмъ уже начался!...»

Такимъ образомъ, независимо отъ широкихъ, государственныхъ идеаловъ, которые стоятъ предъ будущими возстановителями Россіи, поколѣнію завтрашняго дня предстоитъ и очередная, практическая задача.

— Привести въ порядокъ московскіе циферблаты, согласовать стрѣлки, часовыя и минутныя, и надъ единообразно опредѣленнымъ временемъ дня и ночи надписать скромно и безъ претензій:

«Соціализмъ уже кончился, часы идутъ правильно...»

ВЕСЕННІЙ РАЗЛИВЪ.

С е р д о б о л ь н ы й п р о х о ж і й. — Какъ? Неужели вы упали въ воду?

У т о п а ю щ і й. — А вы что-жъ думали, что я тутъ постоянно живу?!

ТУРГЕНЕВСКІЙ ЯЗЫКЪ.

— Вы слышали, такое нахальство... довелъ ее до бѣлаго колѣна, а теперь говоритъ что онъ въ полѣ не воинъ!...

НА ВОКЗАЛѢ

Рис. Э. Ниццше.

— Господи! Неужели надо поѣзда до будущаго года ждать!..

САДИКЪ РУССКОЙ ЭМИГРАЦІИ

Рис. А. Шараго.

«Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ
Распустилась въ немъ сирень !...»

А. Плещеевъ.

ВРЕДНАЯ ИГРУШКА

Игрушка представляла собой обыкновенную баночку изъ подъ чернилъ и искусно сдѣланную чернильную кляксу.

Если баночку опрокинуть, а подлѣ нея положить кляксу, то получалось впечатлѣніе пролитыхъ чернилъ.

У меня веселый характеръ. Даже не по годамъ. Я немедленно-же отправился къ знакомымъ съ намѣреніемъ произвести у нихъ маленькій переполохъ.

Я ловко уронилъ баночку на великолѣпное покрывало, лежавшее на столѣ передъ хозяйкой дома, и еще ловчѣе подсунулъ кляксу подъ горлышко флакона.

Картина катастрофы получилась полная...

— Боже мой!... — воскликнулъ я въ отчаяніи.

Хозяйка забѣгала по комнатѣ, призывая прислугу. Зловѣщее пятно жирныхъ чернилъ застыло на покрывалѣ.

Я наслаждался эффектомъ и, продолжая шутку, издалъ еще нѣсколько восклицаній, въ которыхъ звучали оттѣнки и огорченія, и раскаянья, и льстиваго извиненія.

— Скорѣй, скорѣй!... — кричала хозяйка. — Бумагу или тряпку — скорѣй!...

Мнѣ уже стало жаль бѣдную женщину. Она суетилась подлѣ стола, удрученная и безпомощная.

— Успокойтесь, — сказалъ я, желая еще пошутить немного. — Успокойтесь! Я куплю вамъ новое покрывало...

— Что? — воскликнула взбѣшенная женщина тономъ безграничнаго презрѣнія. — Вы купите?! Вы, который носитъ уже вторую шляпу моего мужа и каждую недѣлю обѣдаетъ у насъ по три раза?! Вы, который вмѣсто того, чтобы работать, мажетъ какія-то глупыя и бездарныя картинки? Всѣ смѣются надъ вашими картинками. Всѣ, всѣ! И никто васъ за художника не считаетъ! Вы слышите, — никто!

Я былъ оскорбленъ. Грубая женщина. Вотъ что таилось на днѣ ея мелкой и ничтожной души подъ маской доброжелательности.

— Стыдно! — сказалъ я, — стыдно вамъ говорить все это. Я раскаиваюсь въ моей шуткѣ. Вотъ, взгляните!

Я снялъ съ покрывала кляксу, кусокъ плоскаго желѣза, густо покрашеннаго черной краской, и вмѣстѣ съ флакономъ спряталъ въ карманъ.

— Взгляните, — ничего нѣтъ! Это былъ только фокусъ. Ничего не осталось. Остались только ваши жестокія слова...

Эффектъ получился еще больший.

— Такъ это фокусъ?! Ахъ, какая прелесть! — вскричала пріятнымъ голосомъ хозяйка. — Я сразу же догадалась, что это шутка!...

— А шляпы вашего мужа? А обѣды? А мои картинки?

— Ахъ, какой вы глупый! Неужели мы могли принять всерьезъ мои слова? Фи! Какъ вамъ не совѣстно! — ласково щебетала хозяйка.

Я человѣкъ довѣрчивый. — Дѣйствительно, — думалъ я, — дѣйствительно надо научиться понимать шутку. Проницательная женщина очень тонко обманула меня въ тотъ самый моментъ, когда я расчитывалъ обмануть ее...

— Не хотите ли чашку кофе? — пѣла смущенная женщина.

Черезъ пять минутъ я пилъ кофе и разговаривалъ съ маленькимъ Жоржемъ, на котораго фокусъ произвелъ неотразимое впечатлѣніе.

— Я не понимаю, — серьезно сказалъ онъ, глядя на меня серьезными глазками — не понимаю! Вы пролили чернила, а покрывало осталось чистымъ... Вы — колдунъ?

— Да, — отвѣтилъ я, — я колдунъ и для меня нѣтъ ничего невоможнаго...

Жоржъ почувствовалъ ко мнѣ большое уваженіе.

— Но вы — добрый колдунъ? — спросилъ онъ меня съ нѣкоторой опаской.

— Конечно, добрый! — подтвердилъ я его справедливое предположеніе.

Мальчикъ задумался.

Прошло нѣсколько минутъ. Мы сидѣли съ хозяйкой и мило болтали. Она была любезна и предупредительна, какъ никогда.

— У мужа есть еще одна шляпа, которую онъ не носитъ. Я хочу и эту шляпу отдать вамъ...

Я не знаю, почему она вообразила, что возможно большее количество старыхъ шляпъ должно украсить мою жизнь. Однако, я человѣкъ болѣзненно деликатный. Я никакъ не могу отказаться. Конечно, и третью шляпу возьму. Что я могу сдѣлать?

Пока мы бесѣдовали тихо и мирно, появился Жоржикъ. Онъ дѣловито подошелъ къ столу и энергичнымъ движеніемъ вылилъ на знаменитое покрывало большую банку чернилъ, взятыхъ изъ отцовскаго кабинета.

— А ну еще сдѣлайте фокусъ!... — прозвучалъ его нѣжный голосокъ.

Стоитъ ли говорить о томъ, какъ закончилась вся эта исторія.

— Вы развратитель малолѣтнихъ! Вы — чудовище! — кричала хозяйка дома, наступая на меня.

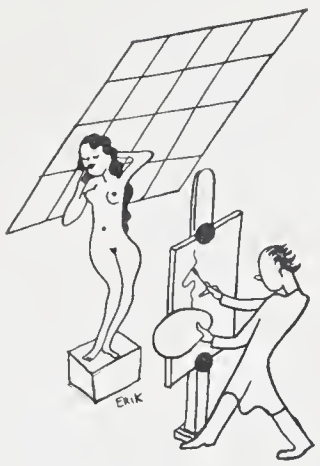
— Но позвольте... — пробовалъ было протестовать я.

— Не позволю! — захлебывалась она. Не позволю! Вы старый негодяй. Вы безстыдный расточитель чужого имущества. Вы въ чай кладете по шести кусковъ сахару на чашку!!!...

Я быстро выскочилъ вонъ. Вслѣдъ мнѣ неслась брань, къ которой примѣшивались неистовые вопли Жоржика:

— Мамочка! Никогда больше не буду! — кричалъ бѣдный ребенокъ, ставшій жертвой своего безграничнаго довѣрія къ взрослымъ.

Петръ Гугулинъ.



ULTIMA RATIO

О н а
Уходи! Осенней ночи
Темнота страшитъ меня...

О н ъ
Намъ другъ друга свѣтятъ очи
Ярче солнца, ярче дня!

О н а
Уходи! На этомъ мѣстѣ
Кто-то на смерть былъ убитъ...

О н ъ
Когда я съ тобою вмѣстѣ,
Адъ меня не устрашитъ!

О н а
Уходи! Здѣсь бѣсъ таится,
Обитаетъ лютый звѣрь...

О н ъ
Бѣсъ молитвы устрашится,
Съ нимъ я справлюсь, о, повѣрь!

О н а
Уходи! Идетъ за мною
Мой заботливый отецъ, —
Онъ заставитъ насъ съ тобою
Стать тотчасъ же подъ вѣнецъ!!!

— И скорѣй ядра изъ пушки,
И быстрѣй чѣмъ Ахиллесъ,
Черезъ кочки, вдоль опушки,
Онъ бѣжалъ, покинувъ лѣсъ.
А она часы достала
И, не думая бѣжать,

«Скоро десять», прошептала,
И другого стала ждать.

Сергѣй Сергѣевъ.

«ТРЕБУЮТСЯ ВТОРЫЯ РУКИ...»

Рис. Гросса

— А что у меня душа Мэри Пикфордъ, объ этомъ они не думаютъ!...

РАЗСКАЗЫ ГОСПОДИНА ТОЩЕНКИ.

Я, братишки, люблю интеллигентную компанію. Потому что я за науку. Я всегда тянулся къ среднему образованію, какъ цвѣтокъ къ солнцу. Названіе цвѣтка роли не играетъ. Да я и не проходилъ курса ускоренной ботаники, а говорю просто для пышнаго сравненія. Такъ у меня есть одинъ знакомый. Онъ очень начитанный господинъ. Онъ слѣдитъ за явленіями природы. За разными стихійными бѣдствіями. И конечно онъ очень сокрушается. Особенно если прочтетъ въ газетахъ насчетъ колебанія почвы. Его судьба Европы ужасно безпокоитъ. Онъ все думаетъ, что она можетъ провалиться и конечно волнуется за гибель цивилизаціи. И онъ уже предпринялъ нѣкоторые шаги, принимая во вниманіе прецедентъ съ небезызвѣстной Атлантидой.

Но не пора ли открыть читателю имя и отчество моего героя. Не довольно ли вести безцѣльную интригу? Читатель имѣетъ полное право возмущаться авторомъ. Что же авторъ намъ голову морочитъ, — можетъ воскликнуть читатель. Онъ вводитъ въ свое произведеніе такой интересный персонажъ, а имени отчества его не называетъ? Какъ же зовутъ наконецъ этого наблюдателя стихійныхъ бѣдствій? И какіе шаги онъ предпринимаетъ этотъ герой? Зачѣмъ авторъ скрываетъ отъ читателя эти существенныя обстоятельства? А я, братишки, не скрываю. Героя моего зовутъ Иванъ Петровичъ. И онъ съ честью носитъ свое эсцентричное имя. Что же касается шаговъ — то именно къ нимъ и будетъ относиться мое эпическое изложеніе. Иванъ Петровичъ за европейскую цивилизацію страшно безпокоится и потому рѣшилъ оставить о ней потомству документальныя данныя. Чтобы это потомство послѣ гибели культуры не тыкалось почемъ зря и могло бы возстановить полную картину. Такъ Иванъ Петровичъ купилъ стопу бумаги и теперь ведетъ научный трудъ. Онъ расчитываетъ, что послѣ гибели Европы кой-кто уцѣлѣетъ. То-есть, конечно, какой-нибудь русскій эмигрантъ. И тогда этотъ неуязвимый эмигрантъ по документамъ Иванъ Петровича возстановитъ обратно всю культуру. Ахъ, Боже мой, до чего все предусмотрѣно Иваномъ Петровичемъ въ этомъ его солидномъ описательномъ сочиненіи! Во всѣхъ областяхъ. Только читай, да возстанавливай. Теперь уже никакіе катаклизмы человѣчеству не страшны. Но возьмемъ нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ идею. Скажемъ, напримѣръ, что послѣ исчезновенія Европы и всей цивилизаціи есть у полуодичавшаго гражданина штаны, которые на ногахъ не держатся, такъ какъ пуговицы погибли при этой грандіозной катастрофѣ. Тогда одичавшій гражданинъ беретъ великій трудъ Иванъ Петровича и начинаетъ искать на букву «ша». И находитъ слово штаны. И подробное ихъ описаніе. И узнаетъ, что штаны держатся на пуговицахъ.

После этого ищетъ на букву «пе» и находитъ слово «пуговица» и даже чертежъ этого неодушевленнаго предмета. Само собой разумѣется, что гражданинъ немедленно изготовляетъ себѣ пуговицу для штановъ и это уже культурное достиженіе... Лично я очень уважаю Ивана Петровича за его упорный трудъ и даже состою у него въ сотрудникахъ. Я довольно сильно облеченъ у него довѣріемъ и онъ беретъ у меня разные предметы для описанія ихъ устройства въ своемъ энциклопедическомъ словарѣ цивилизаціи. Конечно, я терплю отъ этого всякія неудобства и матеріальный убытокъ. Но я полагаю, граждане, что ради высокой цѣли можно отказаться отъ эгоистическихъ соображеній. И кромѣ того, Иванъ Петровичъ здорово умѣетъ убѣдить и склонить къ жертвѣ. Я, скажемъ, прихожу съ работы и приношу изъ русской лавочки колбасы. И располагаюсь закусить. А тутъ приходитъ Иванъ Петровитчъ и начинаетъ впечатлительно глядѣть на колбасу. Вотъ, говоритъ, послѣ катаклизмы наши потомки уже не попробуютъ этой прелести. Никакихъ документовъ не останется для изготовленія. А жаль! Колбаса знатная, изъ русской лавочки. Подумать только, что и она погибнетъ съ цивилизаціей. Не знаемъ же мы, говоритъ, какую колбасу ѣли жители Атлантиды. А можетъ быть ѣли очень хорошую колбасу. Давайте, говоритъ, эту вашу русскую, пока не поздно. Возьму я ее домой для подробнаго описанія. Помѣщу ее въ букву «ка». И беретъ мою колбасу Иванъ Петровичъ съ собой и увѣковѣчиваетъ ее въ своемъ трудѣ, съ разными похвальными отзывами. Но, конечно, съѣдаетъ ее для точнаго анализа. И такъ онъ частенько беретъ у меня разные продукты, и бѣлье, и носильныя вещи. Тутъ недавно пальто взялъ. Совсѣмъ новенькое. На букву «де» пошло, потому что демисезонъ. И стало мнѣ какъ то обидно, когда я Иванъ Петровича черезъ три дня въ этомъ моемъ деми-сезонѣ встрѣтилъ. Еще не описывалъ, говоритъ, а ношу для полноты впечатлѣнія. Поношу еще съ недѣльку, говоритъ, и опишу. Пусть, говоритъ, одичавшіе граждане послѣ катастрофы обмундируются. А вамъ, говоритъ, въ предисловіи къ словарю будетъ благодарность напечатана. Между прочимъ, говоритъ, мнѣ сто франковъ нужны, тоже для описанія. Не откажите, говоритъ, во имя будущаго человѣчества. Не ходить же ему безъ денегъ? Я, конечно, сто франковъ далъ, но только на другой день пришелъ къ нему требовать ихъ обратно. Невозможно, говоритъ, вернуть. Почему? — спрашиваю. Потому что, говоритъ, я эти сто франковъ еще на одну букву записалъ. На какую? — спрашиваю. На букву «ка». Объясните, — говорю ему довольно сухо. Квартирная плата, говоритъ. Хозяйну отеля за двѣ недѣли уплатилъ и въ энциклопедіи воспроизвелъ. Пусть, говоритъ, знаютъ наши потомки, что даромъ въ отеляхъ никто держать не будетъ.

И тутъ, граждане, заговорилъ во мнѣ мой здоровый инстинктъ. Я поссорился съ Иванъ Петровичемъ. Конечно, какъ интеллигентный человѣкъ не очень сильно, но на два этажа съ мезониномъ — все таки завернулъ. И теперь печатно заявляю, что больше сотрудникомъ въ изданіи Иванъ Петровича не состою.

Тощенко.

АНЕКДОТИЧЕСКАЯ КОПИЛКА

(«Доброе, старое время...»)

1.

Филологическія изысканія покойнаго Федора Никифоровича Плевако.

Какъ извѣстно, аристократическая украинская фамилія Кочубей — татарскаго происхожденія: Кочукъ, или Кучукъ-бей.

— Неправда, — доказывалъ Плевако, — Кочубеи чисто русскіе и фамилія ихъ самая русская.

— Какимъ же это способомъ, Федоръ Никифоровичъ?

— А такимъ, что когда Петръ Великій выдалъ ихъ предка Мазепѣ на расправу за доносъ, Мазепа принялся этого предка пытать:

— Гдѣ спряталъ деньги, укажи! Деньги гдѣ, скажи!

А предокъ-то былъ съ характеромъ. Его пытаютъ, мучатъ, а онъ, знай, твердитъ:

— Хочь убей, не укажу. Хочь убей, не скажу.

Съ тѣмъ и померъ.

«Хочь убей», да «хочь убей», съ того времени и потомки его стали слыть «Хочубеями» съ начальнымъ Херомъ. А въ Кочубеи съ Како они сами уже для благозвучія себя произвели, когда въ графы вышли.

2.

Велъ Плевако сложный, долгій процессъ съ казной о многомилліонномъ наслѣдствѣ, оставшемся послѣ купчихи Кудрявцевой, старухи столь древнезавѣтной, что она даже счета бумажнымъ деньгамъ не знала, а признавала только звонкую монету, а онную считала мѣшками, — по звуку, — колотя по мѣшкамъ костылемъ. Коммерческія дѣла этой удивительной старицы велъ ея внучатный племянникъ, парень-ухо, и страшно ихъ запуталъ, такъ что со стороны казны предъявлены были къ наслѣдникамъ тоже чуть не милліонные начеты...

Къ участію въ процессѣ Плевако привлекъ нѣсколькихъ своихъ помощниковъ. Одна изъ наслѣдницъ, купчиха тоже богатѣйшая и тоже изъ сѣрыхъ, была туга на расплату со своимъ повѣреннымъ, и тотъ уже не разъ намекалъ ей, что пора-бы ему получить слѣдуемый гонораръ.

Вотъ свидѣлась она какъ-то разъ съ самимъ Плевако и говоритъ:

— Скажи ты мнѣ, другъ Федоръ Никифоровичъ, на милость Божью: что это твой парень все ко мнѣ пристаетъ, — подай да подай ему какой-то гонорарій. Что это за гонорарій такой, — растолкуй мнѣ, голубчикъ!

Посмотрѣлъ на нее Плевако.

— Мавра Кузьминишна, ты хабаръ знаешь?

— Какъ не знать, родимый!

— Халтуру знаешь?

— Знаю, батюшка.

— Ну, такъ гонорарій, это — вдвое!

3.

Въ какомъ-то процессѣ Плевако столкнулся со «вторымъ по немъ», московскимъ адвокатомъ Шубинскимъ, выступавшимъ въ качествѣ гражданскаго истца, и разбилъ его на голову, хотя дѣло Шубинскаго и казалось безспорно правымъ...

Шубинскій, озадаченый и раздраженный неожиданнымъ проигрышемъ, не сумѣлъ скрыть досады.

— Все-то вы выигрываете, Федоръ Никифоровичъ, — сказалъ онъ высочайшимъ своимъ, тонкимъ фальцетомъ, — все-то вы выигрываете... Этакое-же вамъ счастье!... Прямо удивляюсь...

— Всякому свое, Николай Петровичъ. А вотъ вы все проигрываете, все-то вы проигрываете... Этакое-же вамъ несчастье!... А я даже не удивляюсь...

4.

Одно время Плевако началъ появляться въ судѣ во фракѣ не изъ сукна, а изъ кашемира.

Такъ какъ онъ въ ту пору велъ громадный процессъ по мазуринскому наслѣдству и долженъ былъ получить баснословно крупный гонораръ, то злые московскіе языки острили:

— Ничѣмъ не брезгуетъ: съ Мазуриной послѣднюю юбку снялъ и себѣ на фракъ перешилъ!

5.

Плевако часто упрекали, что онъ достигаетъ успѣха средствами отнюдь не юридическими, особенно въ защитахъ уголовныхъ, а просто гипнотизируетъ присяжныхъ своимъ изумительнымъ краснорѣчіемъ и мастерской декламаціей, актерствуетъ, шарлатанитъ. Упрекали не безъ основанія. Но...

— Знаете ли, — сказалъ онъ однажды мнѣ, нижеподписавшемуся, — всѣ подобные упреки моихъ противниковъ напоминаютъ мнѣ анекдотъ изъ эпохи польскаго возстанія. Какой-то плохенькій «довудца» съ бандою, набранною съ бора да сосенки, изъ холоповъ, напалъ на мѣстечко, гдѣ квартировалъ казацкій полкъ.

Полковой командиръ, зная слабосиліе непріятеля, даже и боя не принялъ, а выслалъ взводъ казаковъ, которые, не пуская въ дѣло оружія, разогнали хлопскій сбродъ нагайками, а самого довудцу захватили въ плѣнъ...

Вотъ нашъ полковникъ и допрашиваетъ его:

— Кой чертъ несъ васъ, пане, на вѣрный провалъ? Выже, какъ ни какъ, человѣкъ военный, должны были видѣть, что нельзя вести этакую публику въ бой на кавалерійскую часть?

А довудца пріосанился и говоритъ:

— Пане пулковнику, прошу осторожнѣй! Я васъ атаковалъ потому, что ждалъ, что вы примете бой, по правиламъ и обычаямъ военнаго искусства. А вы... казаковъ съ нагайками! Конечно, ваше счастье, вы побѣдили, но развѣ такъ воюютъ?! Чи то спосубъ войсковый?!»

Александръ Амфитеатровъ.

ПО ПЬЯНОМУ ДѢЛУ.

Она (Не глядя на входящаго мужа). — Наконецъ-то! Почему такъ долго!

Онъ (Въ рукѣ клѣтка съ попугаемъ). — Ахъ, милая! Сегодня такъ чертовски темно, что я съ фонаремъ, и то еле дорогу нашелъ!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ

А. М. РЕМИЗОВЪ

Махатма-Ганди изъ Пасси
И авторъ «Взвихренной Руси».

« БІЯНКУРСКІЕ ПРАЗДНИКИ »

Рис. Э. Ницше

— Боже, какая тоска по родинѣ!...

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Въ почтенномъ французскомъ издательствѣ почтенный французскій авторъ выпустилъ почтенный французскій романъ на историческую русскую тему.

Издательство называется: «Nouvelle Revue Française»

Имя и фамилія автора (отчество, къ сожалѣнію, неизвѣстно):

Андрэ Бэклэръ.

Герой романа:

Иванъ Тэрриблъ, или, какъ загадочно выражаются эти русскіе эмигранты, — Иванъ Грозный.

Короче говоря, постановка вполнѣ западно-европейская, печать убористая, бумага лучшаго качества.

Что-же касается до содержанія, то ограничимся двумя пассажами.

Пассажъ номеръ первый, который по полному праву могъ-бы быть названъ «пассажъ клутэ»:

Распущенность московскихъ нравовъ была до такой степени велика, что русскія женщины выбѣгали изъ банныхъ заведеній совершенно голыми и такъ, въ голомъ видѣ, и бѣгали по улицамъ, между группами прохожихъ...»

Повергая читателя въ состояніе близкое къ обмороку, почтенный авторъ не считаетъ даже нужнымъ хотя-бъ изъ любезности, высказать столь естественное предположеніе, что, кто его знаетъ:

— Можетъ быть эти русскія женщины были предшественницами французскаго нюдизма?

— Или родственницами, по восходящей линіи, госпожи Жозефины Бэккэръ, благополучно избранной королевой колоній?

— Или, наконецъ, просто жертвами международныхъ воровъ, пріѣхавшихъ въ Россію въ спальныхъ вагонахъ со спеціальной цѣлью грабежа въ баняхъ?!

Нѣтъ, г. Андрэ Бэклэръ не опускается до комментарій и никакихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ не признаетъ.

«Голыя, и по улицамъ!»

Конечно, русскому читателю становится очень тяжело и грустно при видѣ такого сплошного женскаго дэмпинга и притомъ въ столь отдаленныя времена, и читатель готовъ уже впасть въ ничтожество и погрузиться въ отчаяніе, какъ вдругъ, сжалившись надъ нимъ, проницательный авторъ не безъ вдохновенія замѣчаетъ (пассажъ клутэ № 2):

«Вообще говоря, царь Иванъ Тэрриблъ это настоящій Гамлѣтъ, принцъ датскій, но только вышедшій изъ глубинъ славянской души!...»

Послѣ чего читатель захлопываетъ книгу, бѣжитъ сломя голову въ книжную лавку, бьетъ сломя голову ни въ чемъ неповиннаго приказчика и требуетъ двѣнадцать франковъ за доммажъ и за интересъ.

Въ «Царскомъ Вѣстникѣ» (въ эмиграціи, говоря словами чеховскаго грека Дымбы, какъ въ Греціи... — усо есть!), издающемся хотя и въ столицѣ Югославіи, но неизвѣстно для чего, напечатаны стихи, принадлежащіе перу нѣкоего Петра Евграфова, и посвященные митрополиту Антонію.

Ввиду ограниченности тиража и издателя, стихамъ этимъ грозитъ опасность безславной смерти и равнодушнаго забвенія.

А между тѣмъ, молодое и хрупкое дарованіе автора, человѣка съ несомнѣннымъ вкусомъ и воображеніемъ, заслуживаетъ всяческой поддержки.

Вотъ почему «Сатириконъ» не только съ особеннымъ удовольствіемъ перепечатываетъ эти строки, но обращается и ко всѣмъ другимъ газетамъ и журналамъ «съ просьбой перепечатать».

«...Духовный пастырь мой!... При мысли лишь одной,
Что я живу въ тѣ дни, когда и вы живете —
Моя душа горитъ волшебною звѣздой,
Моя душа поетъ въ благословенномъ летѣ!
Блаженнѣйшій!... Меня, гонимаго пѣвца,
Спасаетъ эта мысль въ земномъ, тяжеломъ гнетѣ!...
И я благодарю Всевышняго Творца —
За то, что я живу — когда и Вы живете!...»
...Не знаю, вашъ глаголъ... прожжетъ-ли онъ сердца,
Но съ этакимъ перомъ ужъ вы не пропадете!..

Образчикъ тонкой сатиры, написанной подъ явнымъ вліяніемъ Раблэ, Вольтэра, Джонатана Свифта и другихъ сотрудниковъ Путиловскаго завода, и напечатанной въ «Крокодилѣ»», боевомъ органѣ ЦК ВКП (Центральнаго Комитета Всероссійской Коммунистической Партіи).

СЕРЬЕЗНЫЙ ВОПРОСЪ

Въ депо при станціи Узловой, въ тендерномъ бакѣ одного изъ паровозовъ оказалось 24 ведра грязи.

Пора рѣшить вопросъ серьезный,
Разсѣять надобно туманъ:
Что это — тендеръ паровозный,
Иль, можетъ... грязевой лиманъ?!...

Предлагаемъ ударной бригадѣ Демьяновыхъ учениковъ слѣдующій скромный варіантъ:

Пора рѣшить задачу міра —
Безъ кубовъ, конусовъ и призмъ:
Что это — юморъ и сатира,
Иль можетъ... просто, кретинизмъ?!

ДОЛГОВѢЧНОСТЬ.

Какъ повелось повсюду, съ давнихъ поръ,
Два брата-близнеца явилися въ наборъ
Изъ дальней деревушки
«Гнилушки».
Одинъ былъ ростомъ малъ, и сильно косъ, и хромъ,
То грудью маялся, бѣднякъ, то животомъ.
Зато ужъ братъ другой,
Былъ прямо богатырь, подковы гнулъ рукой.
Пришли. Военный врачъ на Сеньку бросилъ взглядъ,
И, сплюнувъ, къ матушкѣ послалъ его назадъ,
А Ванькой битый часъ собранье любовалось,
«Вотъ быкъ!» — «Да какъ здоровъ!» повсюду раздавалось
И даже грозный генералъ
Ивана по спинѣ трепалъ...
И что же вышло въ результатѣ?
Попрежнему Семенъ сидитъ въ отцовой хатѣ,
Межъ темъ какъ Сенькинаго брата
Давнымъ давно хватила въ лобъ граната.

Мораль отсюда вытекаетъ:
Здоровье жизни угрожаетъ.

Маркіанъ Малаевъ.

ПОСЛѢ ОПЕРАЦІИ АПЕНДИЦИТА.

Пацієнтка (капризно). — Скажите, докторъ, а что — разрѣзъ не будетъ виденъ?

Хирургъ (многозначительно). — Сударыня, это зависитъ отъ васъ!...

МЕМУАРЫ ЭМИГРАНТСКОЙ БАБУШКИ *)

(Исключительное право опубликованія настоящихъ мемуаровъ принадлежитъ, согласно любезному разрѣшенію будущихъ наслѣдниковъ и потомковъ бабушки «Сатирикону»).

(Глава вторая)

1.

Первое знакомство со страною, въ которую забросила насъ волна исторіи, произошло въ условіяхъ товарнаго поѣзда.

Надо полагать, что страна была огромная, потому что везли насъ неимовѣрно долго.

Заснула я на чемоданѣ, повернувшись на всякій случай въ профиль, и склонясь на плечо мужа. Подъ утро выяснилось, что это былъ не мужъ, а чужое и постороннее плечо одного поручика. Я такъ сконфузилась, что осталась на плечѣ и не шевелилась. Въ полдень поручикъ наконецъ проснулся, и у насъ сразу завязались довольно милыя отношенія. Мы его угощали сгущеннымъ молокомъ, а онъ подарилъ намъ разныхъ консервовъ — на случай возможной перемѣны режима и вообще гражданскихъ войнъ.

Послѣ долгаго путешествія привезли насъ въ одинъ очень промышленный городокъ, судя по тому, что въ немъ имѣлась и аптека, и кондитерская, и колбасная. Вдали разстилались каменныя природныя богатства, подъ названіемъ вершинъ Королевича Марко.

Чтобъ нанять комнату, мы обратились къ приходившему селянину въ живописныхъ мужскихъ штанахъ, отдѣланныхъ несомнѣнными дамскими кружевами. По-русски и по-нѣмецки онъ не понималъ, и тогда одинъ изъ насъ рѣшилъ спросить его по-украински:

— А дэ-жъ жити?

Селянинъ страшно обрадовался и повелъ насъ неизвѣстно куда. Наконецъ мы приблизились къ большому зданію, оказавшемуся складомъ жита и овса...

Нелегко было глотать горечь національныхъ обидъ, особенно по началу. Но потомъ постепенно привыкли, и глотали, можно сказать, не поперхнувшись.

2.

Правительство любезно отвело намъ бараки для военно-плѣнныхъ гдѣ мы и зажили осмысленной и разумной жизнью.

Жили тѣсно, такъ что дамы должны были одѣваться подъ одѣяломъ, и потомъ кричать не своимъ голосомъ:

— Господа отвернитесь!...

*) *Copyright by Babushka.*

И господа, повинуясь чувству атавизма, дѣйствительно отворачивались.

Затѣмъ всѣ дружно искали револьверъ капитана, изъ котораго онъ изъ ночи въ ночь собирался застрѣлить Дэзи и который мы по очереди прятали.

Дэзи жила бурно и поэтому рѣдко умывалась, тѣмъ болѣе, что воспиталась она на цвѣточномъ одеколонѣ Ралле, а здѣсь была только чистая вода изъ неизвѣстнаго юго-славянскаго источника.

Между прочимъ, именно въ эту эпоху опредѣлилось, съ всей ясностью и безперемонностью, что люди дѣлятся на холостыхъ и женатыхъ.

Женатые получаютъ пособіе на двоихъ, но имъ его не хватаетъ.

Холостые-же получаютъ пособіе только на одного, но зато ходятъ къ женатымъ обѣдать.

Кромѣ того, у женатыхъ есть жены, которыхъ, въ отличіе отъ пособій, имъ хватаетъ съ изыткомъ, а у холостыхъ никакихъ женъ и въ поминѣ нѣтъ, вслѣдствіе чего имъ и приходится пользоваться избытками женатыхъ...

Несмотря на это сплошь и рядомъ попадались чудные мужья, которые своихъ женъ и кормили, и поили, и дѣйствительно были имъ и кормильцами, и поильцами.

Впрочемъ, и среди женъ попадались самоотверженныя

„ЕВРОПА И МЫ"

Рис. Шильтяна.

Европа. — «Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ!»

ЖИЗНЬ ПРОЖЕКТЁРА И МИЛЛІОНЕРА ВЪ ИДЕѢ

Рис. Э. Ницше.

Жена работаетъ въ кутюрѣ... **А онъ, мятежный, ищетъ бури!...**

кормилицы. Напримѣръ, та, что всѣмъ еще на пароходѣ угрожала своей беременностью, а сойдя на твердую почву немедленно разрѣшилась, послѣ чего, при малѣйшей сценѣ съ капитаномъ, въ величайшемъ возбужденіи кричала:

— Не забывайте, что у меня молоко свернется!

Конечно, на капитана молоко дѣйствовало убійственно, и несчастная Дэзи ужасно страдала и дѣлала все возможное, чтобы перевести его обратно на мясной режимъ...

3.

Что касается общественной жизни, то въ колоніи было нѣсколько настоящихъ, хотя и бывшихъ, губернаторовъ, которые впрочемъ очень скоро начали стихійно вымирать, и кромѣ того имѣлся еще одинъ довольно вредный типъ педагога изъ эсэровъ, онъ же и предводитель бой-скаутовъ.

Предводитель былъ человѣкъ рѣшительный и немедленно требовалъ и земли, и воли, и притомъ всего сразу, и безъ уступки. Кромѣ того, онъ страшно хвастался, что у него нѣтъ ни отца, ни матери, а одна только бабушка русской революціи.

Въ противовѣсъ эсэру, рѣшено было основать союзъ бывшихъ институтокъ и бывшихъ благородныхъ дѣвицъ.

Союзъ основали, но просуществовалъ онъ недолго, такъ какъ товарищъ предсѣдателя въ скоромъ времени вышелъ за эсэра замужъ...

Къ этому времени, хотя и независимо отъ союза, власти разрѣшили намъ выйти изъ бараковъ на широкую общественную дорогу, и даже пригласили насъ на балъ мѣстнаго высшаго общества.

Я сочинила себѣ боярскій костюмъ изъ чудной бархатной скатерти, которую мужъ успѣлъ предусмотрительно вывезти изъ одной совершенно гражданской капелляріи ; къ ней я приспособила свою вѣнчальную фату изъ кружевной наволоки, и успѣхъ имѣла бѣшеный... Я не только танцовала коло, очень занимательный и развивающій мускулы танецъ, но еще и пѣла пѣсни западныхъ славянъ подъ тихій аккомпанементъ на гребенкѣ одного члена боевой организаціи.

Мэръ городка былъ въ такомъ восторгѣ, что минутъ десять говорилъ о русскомъ искусствѣ и грядущемъ братствѣ народовъ.

Послѣ чего одинъ изъ нашихъ такъ воодушевился, что соло протанцовалъ мазурку, съ переходомъ въ комаринскій, и въ концѣ концовъ сбилъ таки жену мэра съ ногъ.

Кстати, тутъ же на балу насъ познакомили съ мѣстнымъ крезомъ, который, несмотря на честное еврейское происхожденіе, съ большимъ нафосомъ заявилъ, что славянскій долгъ повелѣваетъ ему пригласить всѣхъ насъ для работы на его плантаніяхъ лекарственныхъ растеній.

4.

Плантаціи и курортъ состояли изъ сарая и чердака. За двѣ версты отъ деревни начинался лѣсъ, гдѣ цвѣли цикламены и прочія медицинскія и обыкновенныя травы.

Патронъ сказалъ, чтобы мы всѣ эти травы высушивали, и вообще чувствовали себя какъ дома.

Вставали мы, какъ и полагается на курортахъ, въ шесть утра, и усаживались въ кружокъ въ тѣни сарая, и рѣзали корни.

Отъ испареній беладонны, или, выражаясь по славянски, бѣлены, мы всѣ страшно похорошѣли, а зрачки у насъ до того расширились, что мы стали слегка слѣпнуть, и въ слѣпотѣ своей то и дѣло ошибаться въ близкихъ, главнымъ образомъ, въ мужьяхъ.

Но образъ жизни мы вели скорѣе все таки замкнутый, тѣмъ болѣе, что и сама жизнь проходила въ сараѣ.

Однажды, изъ сутолоки промышленнаго города пріѣхалъ посмотрѣть на насъ нашъ благодѣтель и все время твердилъ:

— Какъ я вамъ завидую!... Какъ я вамъ завидую!...

Мнѣ было его ужасно жаль...

Тяжела жизнь милліонера, разъ онъ не можетъ себѣ позволить даже такого пустяшнаго удовольствія, какъ жить въ сараѣ, сидѣть на корточкахъ и нюхать обыкновенную бѣлену...

(Продолженіе слѣдуетъ)

Н. Городецкая.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

С. Р—ву. Медонъ-Вальфлери. — Въ началѣ вашей новеллы сказано: «Четыре стѣны его убогой комнаты были украшены однимъ портретомъ любимой дѣвушки...»

Почему-бы вамъ просто не сказать: «Обѣденный столъ былъ весь уставленъ полубутылкой минеральной воды»?!

Нѣтъ, говоримъ вамъ прямо: дѣла ваши обстоятъ не важно.

Матвѣеву. Ницца. — Матвѣевъ проситъ отвѣтить въ двухъ словахъ. Что-жъ, такъ и быть:

Ог — казать.

Н. П. — Рисунокъ пришлите, а тамъ видно будетъ.

Бывшему. — Вы предупредительно пишете, что не хотите зарывать свой талантъ въ землю, а есть-ли у васъ земля, объ этомъ вы не сообщаете. Странно!...

Симочкѣ. — Симочка спрашиваетъ, что ей дѣлать — продолжать дальше, или повернуть оглобли назадъ?

Конечно, лучше всего — повернуть, но только осторожно, чтобъ не зацѣпить родственниковъ.

Редакторъ-издатель: **М. Г. Корнфельдъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОДЪ

на большой еженедѣльный литературно-художественный журналъ сатиры и юмора

Сатирикон'

СОСТАВЪ СОТРУДНИКОВЪ:

ПИСАТЕЛИ:

Г. В. Адамовичъ, В. А. Азовъ, М. А. Алдановъ, Альталена (В. Е. Жаботинскій), А. В. Амфитеатровъ, Н. Ф. Баліевъ, кн. В. В. Барятинскій, Н. Н. Берберова, гр. П. А. Бобринскій, Ив. Бунинъ, Валентинъ Горянскій, Сергѣй Горный, Над. Городецкая, Мих. Долиновъ, Донъ-Аминадо, Н. Н. Евреиновъ, Борисъ Зайцевъ, Леонидъ Зуровъ, Георгій Ивановъ, Галина Кузнецова, А. И. Купринъ, Ант. Ладинскій, Лери, Лоло, С. Литовцевъ, Иванъ Лукашъ, Сергѣй Маковскій, К. В. Мочульскій, Ирина Одоевцева, М. А. Осоргинъ, Петръ Пильскій, Сергѣй Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, Н. Я. Рощинъ, М. Струве, Андрей Сѣдыхъ, В. Ф. Ходасевичъ, Е. Хохловъ, М. О. Цетлинъ, А. М. Черный, А. А. Яблоновскій, Сергѣй Яблоновскій.

ХУДОЖНИКИ:

Александръ Бенуа, О. М. Бернацкая-Савичъ, И. Я. Билибинъ, Д. Бушенъ, Б. Билинскій, Вл. Бѣлкинъ, А. Гроссъ, М. В. Добужинскій, Б. Зворыкинъ, Юр. Ильинъ, К. А. Коровинъ, Е. И. Лурье, Эр. Ницше, Б. Пикельный, Ф. С. Рожанковскій, А. Серебряковъ, В. Стелецкій, Терешковичъ, С. Черевковъ, А. Шарый, Шварцъ, Г. И. Шильтянъ, В. И. Шухаевъ, Вѣра Шухаева, Шэмъ, Л. Эндэнъ, Алекс. Яковлевъ.

Редакторъ-Издатель: М. Г. КОРНФЕЛЬДЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи	Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ другихъ странахъ	Frs	235.—	190.—	120.—	63.—	21.50

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**

Téléphone: GUTENBERG 05-40

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), téléph. Inval. 11-50 Le Gérant : *N. Kornfeld.*

Рис. Шварца.

Ни аллеи. Ни липы. Никакой скамьи.
Никакой пасторали. Ни драмы.

Отрицаніе брака. Отрицаніе семьи.
Отрицаніе папы и мамы.

PRIX EN FRANCE: Frs 3.— 18 АПРѢЛЯ 18 AVRIL 1931 ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

САТИРИКОНЪ

SATYRICON

1931 ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ № 3

Hebdomadaire Russe Rédaction et Administration: 51, Rue Vivienne, PARIS (2e) Directeur M. Kornfeld

ВЕЧЕРЪ ВЪ СОРРЕНТО

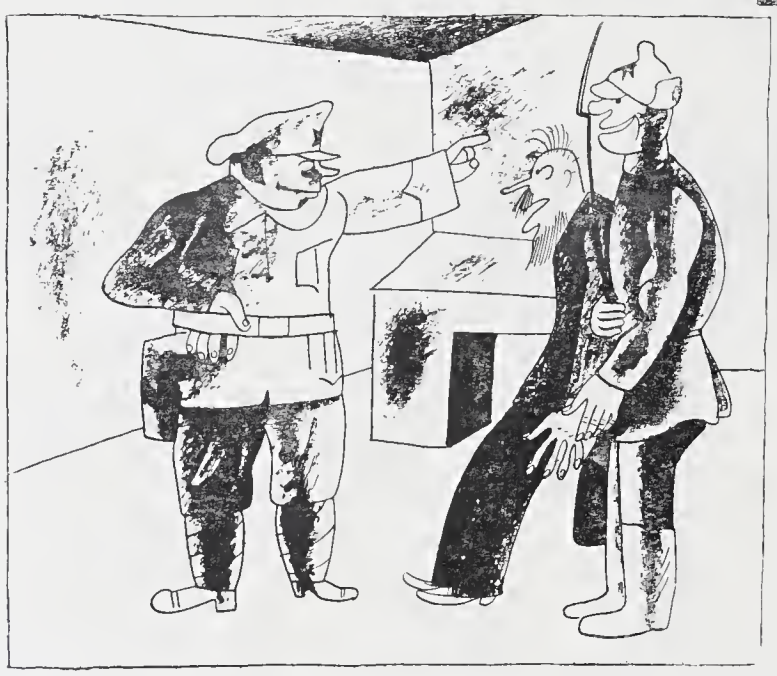
Рис. А. Шараго.

«Въ полномъ разгарѣ страда деревенская...»

КАКЪ СНИМАЮТЪ ВЪ СОВѢТСКОЙ РОССІИ...

Рис. Шильтяна.

— Штаны съ мужичка.



— Спеца съ должности.

— Отвѣтственнаго работника...

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ.

Золъ ты былъ и лукавъ
Господинъ на дорогахъ узкихъ,
Горчайшая изъ всѣхъ травъ
Горькихъ пустырей русскихъ.

Испытанный лицемѣръ,
Ты пришелъ полотеромъ-франтомъ
И вотъ уже — кавалеръ
Орденъ «Интеллигента съ бантомъ».

Вралъ до искреннихъ слезъ,
И даже недугъ свой самый,
Хроническій туберкулезъ,
Ловко обернулъ рекламой.

Продавалъ пафосъ и пылъ,
Буревѣстника пѣлъ и тучу,
А самъ копилъ и копилъ —
Въ сундучишко, подъ спудъ, въ ону [illegible]

А жизнь отходитъ прочь...
На кого-жъ у тебя злоба
Кипитъ въ соррентскую ночь, —
Ты, стоящій у гроба?

И чему ты завидуешь, тать,
Утерявшій и честь, и славу,
Не праву ли презирать,
Сладкому моему праву?

Валентинъ Горянскій.

ПОДЪ НЕБОМЪ АФРИКИ.

(Авантюрный романъ изъ дѣйствительной жизни)

1.

— Потомъ мы доберемся до Невольничьяго Озера и перевалимъ черезъ Скалистыя Горы. Переходъ будетъ труднымъ и полнымъ всякихъ лишеній. Затѣмъ мы спустимся внизъ по Оригону въ дикія области Сьерры-Невады, гдѣ пасутся стада дикихъ мустанговъ.

Двѣ бѣдныхъ, стриженныхъ бобрикомъ, гимназическихъ головы склонились надъ атласомъ Ильина. Испачканные чернилами, исколотые перочинными ножами и перьями пальцы слѣдили за извилистымъ теченіемъ Оригона. Изъ солнечныхъ прерій Сьерры-Невады доносилось ржанье мустанговъ. Тамъ стояли полныя величественной тишины Скалистыя Горы. Тамъ дымились вигвамы дружественнаго вождя индѣйцевъ, Чернаго Волка.

Ученикъ 2-го класса, Петя Финтиковъ пошевелилъ ушами, — недавнее достиженіе, стоившее многихъ усилій и терпѣнія, предметъ зависти всего класса, — и сиплымъ басомъ, какимъ обыкновенно говорятъ пираты и морскіе волки, спросилъ:

— Хорошо, а потомъ?

— Потомъ, — мечтательно поднялъ голубые глаза Володя, — потомъ мы будемъ ловить мустанговъ...

Лампа подъ зеленымъ абажуромъ наполняла комнату спокойнымъ свѣтомъ. На столѣ лежали книги, тетрадки и ставшій романтической страной тропическихъ джунглей и клондайкскихъ снѣговъ атласъ Ильина. Никто не зналъ, что въ этой маленькой комнатѣ замышлялись великія предпріятія, путешествія и подвиги. Здѣсь рождались прекрасныя мечты о горахъ золота, о боченкахъ съ пиратскими дублонами, о каравеллахъ морскихъ бродягъ.

«Горятъ морозныя пушистыя звѣзды. Косматыя юконскія собаки летятъ по снѣжнымъ полямъ. Щелкаютъ бичи. Вотъ и салунъ поселка золотоискателей съ освѣщенными окошками, покрытыми хрустальными пальмами. Въ низенькой накуренной комнатѣ бородатые люди съ револьверами за поясами. Подъ потолкомъ висятъ копченные окорока. Весело трещитъ огонь очага.

— Добрый вечеръ, джентельмены, — привѣтствуетъ пріѣхавшихъ толстый хозяинъ салуна, — не угодно ли вамъ выпить по стакану рома?»

Такъ начинается плѣнительное приключеніе въ холодной странѣ юконскихъ сосенъ.

— А чѣмъ же мы будемъ питаться? — спрашиваетъ Петя.

— Мы будемъ питаться сушеной рыбой и олениной, — безъ запинки отвѣчаетъ Володя.

Но жизнь такъ сложна и непонятна. Уже другія мечты плывутъ нѣжными облаками въ стриженныхъ гимназическихъ головахъ.

— А какъ же Оля? — спросилъ опять Петя.

— Оля?

Оля танцевала на дѣтскомъ спектаклѣ. На ней была пышная-пышная и нѣжная, какъ дымъ, балетная юбочка. Ея ножки были перевиты бѣлыми лентами балетныхъ башмачковъ. Ея волосы были завиты буклями. У нея были огромные черные глазищи.

— Знаешь, — сказалъ Петя и положилъ голову на атласъ Ильина, — я не перенесу разлуки.

Володя почувствовалъ, что на него повѣяло дыханіемъ огромной любви и великихъ страданій...

2.

Сэръ Арчибальдъ Линворстъ вышелъ изъ своей палатки. Со всѣхъ сторонъ лагерь обступила бархатная африканская ночь. Гигантскія бабочки кружились надъ тропическими цвѣтами. Отъ озера Чадъ тянуло свѣжестью. Оттуда доносился глухой топотъ — то шли на водопой тысячеголовыя стада слоновъ.

Сэръ Арчибальдъ закурилъ папиросу. Лагерные огни догорали. Негры-носильщики спали на травѣ, беззаботно храпѣли и видѣли во снѣ чернокожихъ ангеловъ. Одинъ изъ носильщиковъ спалъ даже стоя на часахъ, опираясь на винчестеръ. Это не понравилось начальнику экспедиціи. Онъ подошелъ къ негру и ударилъ его ладонью по головѣ:

— Не спать, чертъ побери — сказалъ англичанинъ.

Негръ очнулся, вытаращилъ глаза и покорно отвѣтилъ:

— Хорошо, мистеръ!

Нужно было держать ухо остро. Маленькая экспедиція, послѣ двухмѣсячнаго труднаго путешествія подошла къ озеру Чадъ, гдѣ нужно было пополнить экзотическія коллекціи сэра Арчибальда. Въ составѣ экспедиціи было три европейца и пятьдесятъ негровъ и суданцевъ. Люди жестоко страдали отъ тяжелыхъ переходовъ, отъ тропической жары и москитовъ. Одного изъ носильщиковъ ужалила ядовитая змѣя, и черезъ часъ онъ умеръ извиваясь въ судорогахъ мучительной агоніи. Двое умерли отъ лихорадки. Если не считать этихъ печальныхъ событій, все шло болѣе или менѣе благополучно. Но вчера произошло первое недоразумѣніе съ туземцами.

Въ негритянской деревушкѣ покупали быка. Никто не могъ объяснить сэру Арчибальду, почему случилась ссора. Изъ тростниковыхъ хижинъ выскакивали женщины и дѣти, сбѣгались полуголые люди. Сверкали копья. Пришлось постыдно ретироваться. Сегодня невидимые враги осыпали лагерь стрѣлами изъ-за деревьевъ. Все время гдѣ-то за лѣсомъ гудѣли глуховатые барабаны тамъ-тамъ.

Одинъ изъ членовъ экспедиціи былъ русскій — Владимиръ Пироговъ, молодой талантливый ученый — ботаникъ, ученикъ сэра Арчибальда. Онъ сидѣлъ въ полотняномъ шезлонгѣ и курилъ трубку.

3.

Странныя вещи происходятъ въ наши дни. Не случись революціи, онъ бы обиталъ на какой-нибудь тихой улицѣ Васильевскаго Острова и готовилъ ботаническіе препараты для петербургскихъ студентовъ. И вотъ — эти нѣдра Африки, война съ неграми, отравленыя стрѣлы. Все, какъ въ тѣхъ мечтахъ, что рождались въ глупыхъ стриженныхъ мальчишескихъ головахъ. Гдѣ-то его пріятели и соратники? Кое-кого убили на войнѣ, кое-кто доживаетъ свой вѣкъ инвалидомъ, работаетъ за станками парижскихъ заводовъ. Гдѣ-то порхаютъ прелестныя ножки Оли?

Огромныя тропическія бабочки бились надъ бѣлыми восковыми цвѣтами. Африканская бархатная ночь чернѣла, какъ знойный адъ. Изъ- за лѣса долеталъ глухой ропотъ тамъ-тамовъ. И вдругъ впереди блеснулъ огонь.

Въ лагерѣ всполошились. Немедленно всѣ были поставлены на ноги. Европейцы растегнули кобуры револьверовъ. Изъ лѣса выходилъ человѣкъ съ факеломъ въ рукахъ. Это былъ огоромный полуголый негръ.

— Спроси его, Измаилъ, — сказалъ сэръ Арчибальдъ переводчику суданцу, — что ему нужно?

Съ перекошеннымъ отъ страха лицомъ переводчикъ вышелъ впередъ. Стрѣлки держали винтовки наготовѣ. Нѣсколько минутъ оба парламентера размахивали руками и что-то лопотали на неизвѣстно какомъ языкѣ.

— Въ чемъ дѣло? — опять крикнулъ сэръ Арчибальдъ.

— Онъ говоритъ, — отвѣтилъ Измаилъ, что ихъ вождь тоже европеецъ, и что онъ хочетъ видѣть своихъ бѣлыхъ братьевъ.

— Что за чертовщина! — выругался англичанинъ.

— Это крайне интересно, — сказалъ мистеръ Боттомъ.

Пироговъ пожалъ плечами: онъ привыкъ ко всякимъ вещамъ.

Когда наконецъ, въ сопровожденіи туземцевъ, подъ грохотъ барабановъ, въ торжественномъ сіяніи десятковъ факеловъ, явился вождь, европейцы съ удивленіемъ увидѣли, что это дѣйствительно бѣлый, высокій человѣкъ съ бѣлокурой бородой. Одѣтъ онъ былъ въ истрепанный бѣлый костюмъ.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ по-англійски съ большимъ иностраннымъ акцентомъ.

Соблюдая даже въ Африкѣ европейскій этикетъ, бѣлые пожали другъ другу руки и представились.

— Какъ вы называетесь? Какъ ваше имя? Какъ? — спросилъ изумленный Пироговъ.

«Король» пожалъ плечами и сказалъ сипловатымъ баскомъ:

— Финтиковъ!

Ант. Ладинскій.

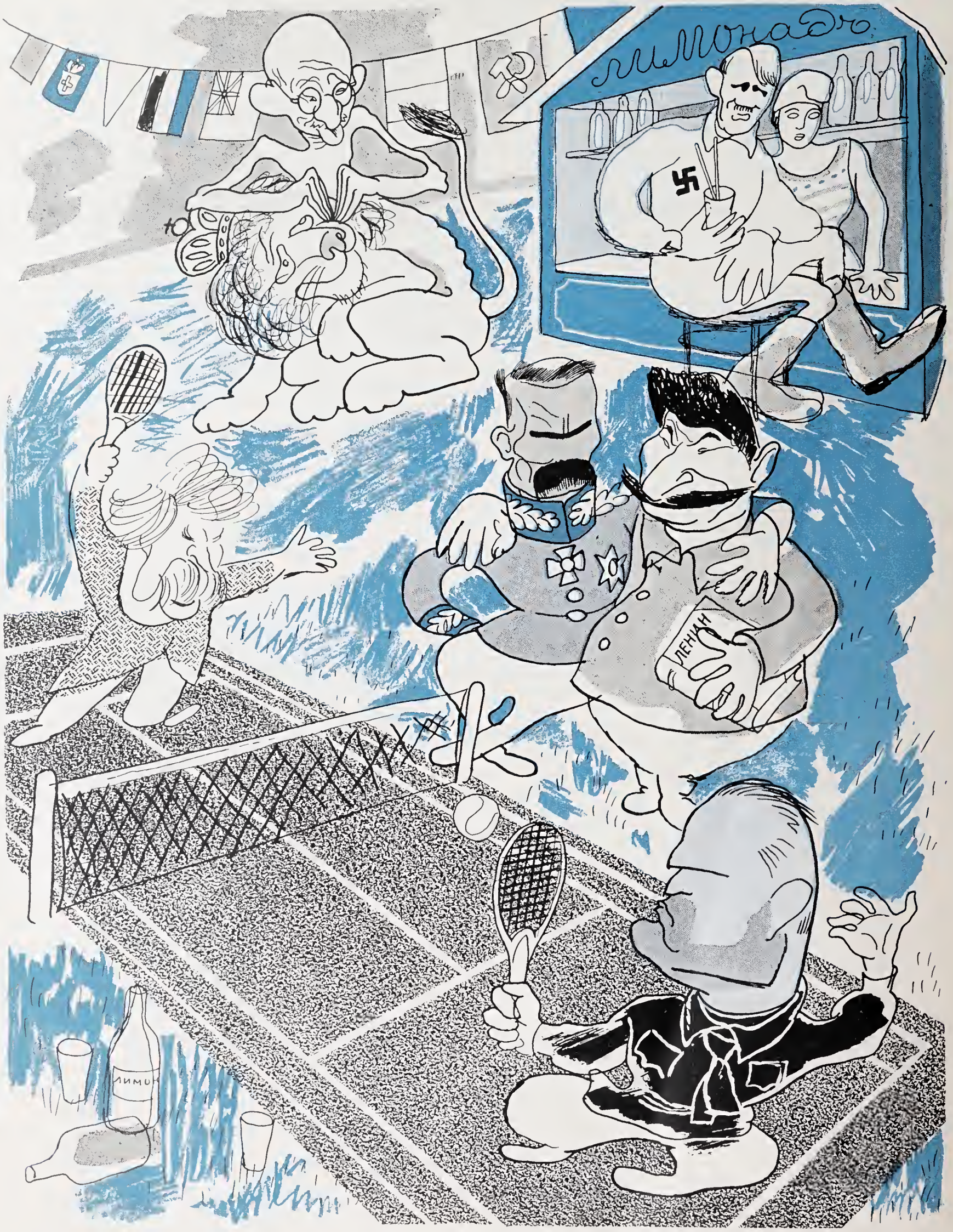
«ТАНЦЫ ДО УТРА!...»

Рис. Э. Ницше.

О н а (томно). — Главное, это не пропустить моментъ...
О н ъ. — Послѣднее метро мы уже пропустили!

«ВЕСНА ИДЕТЪ!... ВЕСНА ИДЕТЪ!...»

Рис. А. Шараго.



«Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало...»

Что въ порывѣ христіанскомъ,
Мирной преданъ пропагандѣ,
Ловлей блохъ на львѣ брнтанскомъ
Увлеченъ Махатма-Ганди...

Что со Сталиимъ Пилсудскій
Обнимаются какъ братья...
Что француженка Марьянна
Нѣмцу бросилась въ объятья...

И что, виднмо, расплавленъ,
Словно цинкъ нль аллюминій,
Играмъ юностн съ Бріаномъ
Предается Муссолиии!...

БУБА.

Вотъ такъ, въ метро, никому не разскажешь. Потому что свое, кровное. Въ своей семьѣ посторонній третейскій судья не требуется.

Но на первой зеленой подстилкѣ, когда въ воскресенье съ пріятелемъ, съ закуской и зубровкой, занесетъ тебя весенній вѣтеръ въ Медонскій лѣсъ, — бѣсъ откровенности толкнетъ человѣка подъ ребро — и покатишься... Хотя безъ зубровки, конечно никакой бѣсъ ничего не сдѣлаетъ.

И вообще, г. Глушковъ разговаривалъ какъ-бы самъ съ собой. Въ своемъ случаѣ разбирался и въ такихъ-же сосѣдскихъ. А кому онъ жаловался — пріятелю-ли, лежавшему рядомъ, очками кверху, съ травинкой во рту, пожилому-ли каштану, подымавшему надъ головой толстыя почки, либо пустой бутылкѣ изъ подъ зубровки, блестѣвшей у канавки, — г. Глушковъ объ этомъ не думалъ. Подводилъ итогъ, а въ паузахъ морщился, какъ-бы сплевывая съ языка душевную полынь.

***

— Буба она называется, племянница моя. Хотя мы съ женой, оба безплодныя смоковницы, имѣли всѣ основанія, взростивъ сей парижско-русскій продуктъ, считать ее своей дочкой.. Буба... Почему она себѣ такую попугайскую кличку приспособила, не могу понять. По метрикѣ она Любовь. Люба, Любаша — сочное православное имя. Должно быть для афиши. Когда она въ балетныя звѣзды выйдетъ, Буба круче въ носъ ударитъ... Ну ужъ назовись Ліаной, Вервеной... Покудрявѣе. Нѣтъ-съ, Буба. Игры фантазіи на три копѣйки. Какой-нибудь португальскій брандахлыстъ, что съ ней фокстротные вензеля выводитъ, языкомъ щелкнулъ: «Буба! Комъ сэ жоли» — и кончено. А мнѣніе дяди — коту подъ столъ, да ножкой въ уголъ, подальше...

***

Лѣтъ до четырнадцати былъ у нея свой рисунокъ, даже лицей не перемололъ. Русская пышка, ласковый звѣрекъ. Варенье обожала, дядю съ теткой любила, все какъ по дѣтской простотѣ полагается. Одѣвали мы ее чистенько. Передъ зеркаломъ скорымъ пѣтушкомъ попрыгаетъ, каждому бантику улыбнется. Въ облизанную стильность ее не бросало, что къ личику, то и модно. Щечки въ ямкахъ, ноготки въ заусеницахъ, душа — розовый ситчикъ. Русская дѣвочка и больше ничего. А съ пятнадцати лѣтъ пошло...

Проболтался я какъ-то мѣсяца два по дѣламъ въ Гренобль. Вернулся, такъ и присѣлъ: размѣняло себя мое русское золото на конфектную бумажку. Темные волоски будто корова языкомъ склеила, головка мертвымъ яичкомъ, ямки чертъ унесъ, въ глазахъ этакая манекенная стертость. И платьице новое съ воображеніемъ — внизу тюльпанъ, вверху лысая рюмка. Въ кутюрныхъ прейскурантахъ видали? Лицо, такъ сказать, второстепенная подробность къ модному покрою... Мизинчики на отлетѣ, поворотъ плеча въ брезгливую покатость, — то-ли горничная, то-ли герцогиня Дармштадтская, — всѣ на одинъ ладъ, какъ солдатики изъ картона... Это въ пятнадцать-то лѣтъ по такому компасу равняться?

Бросился я къ женѣ: какъ-же это ты, слабохарактерная женщина, такимъ вещамъ потакаешь?

А что-жъ, говоритъ, дѣлать. Дѣвочки — обезьянки. Парижскій воздухъ... Тутъ иная каплюшка въ четыре года въ Люксембургскомъ саду этакимъ дамскимъ лилипутомъ выступаетъ, что и сама не знаешь — ахать или плеваться. А Любѣ въ Европѣ жить, пусть ужъ мимикрію эту безболѣзненно себѣ прививаетъ. Ей же потомъ легче будетъ.

Нашелъ я союзника, дѣйствительно.

***

Вижу и во внутреннемъ департаментѣ червоточина обнаружилась. «Записки охотника» въ ванной въ углу валяются. Еще, слава Богу, что въ ванной... Журнальчики, смотрю, у нея появились парижскіе: кинематографическіе Антиной на всѣхъ страницахъ зрачками вращаютъ, міровыхъ звѣздъ къ пиджакамъ прижимаютъ. Проборы блестятъ, зубы переливаются и опять-же, какъ пожарные солдаты, всѣ на одинъ салтыкъ. Только по подписи и узнаешь, кто какого пола. Духовная пища-съ!

Развернулъ я какъ-то вечеромъ «Соборянъ», сталъ ей вслухъ отрывокъ читать. Пять минутъ вытерпѣла, потомъ, вижу, стала зѣвки, какъ устрицы, глотать, ножкой о ножку бьетъ.

— Что-жъ, скучно тебѣ, Люба? Ты не стѣсняйся.

— Вы, — говоритъ, — дядя, дусикъ, не сердитесь. Мы сегодня всей своей компаніей въ синема идемъ. «Семьсотъ поцѣлуевъ въ минуту» смотрѣть. А археологію эту я, такъ и быть, на досугѣ какъ-нибудь потомъ перелистаю.

— Спасибо за одолженіе. Что-жъ и Татьяна пушкинская тоже по твоему археологія?

— Нѣтъ, — говоритъ. — Большой диферансъ! Татьяна ваша сама мужчинамъ на шею вѣшалась и даже въ письменной формѣ. А когда у нея съ премьеромъ романъ не вышелъ, она за стараго богатаго маршала замужъ и выскочила. И еще неизвѣстно, какъ-бы она въ Парижѣ развернулась, если бы къ намъ сюда въ эмиграцію попала... Татьяну, — говоритъ, — вы ужъ лучше изъ козырей вашихъ выкиньте.

Такъ я и крякнулъ. Вѣдь этакъ, если всѣ классическіе типы къ эмиграціи примѣрять, что-жъ это будетъ?... Съ женой даже посовѣтоваться хотѣлъ. Да эта ужъ... Не пойметъ.

***

А потомъ вотъ и пошло балетное это икроверченіе. Въ студію какую-то раздѣвально-пластическую записалась. Науки забросила, — по физикѣ еле ползаетъ. Въ которомъ, говорю, году Расинъ родился? А она мнѣ еще и дерзитъ: посмотрите въ Ларуссѣ, если вамъ приспичило. Сами по французски дальше молочной ни слова...

Мнѣ, говорю, ни къ чему, у меня своихъ русскихъ мыслей въ головѣ не уложишь. А ты-то какъ безъ образованія, на однихъ пуантахъ, въ свѣтъ выпрыгнешь?...

Хохочетъ... По французски она, правда, здорово чешетъ, — иной природный французъ не пойметъ, что она съ подругами лопочетъ... Но багажъ-то духовный какой-нибудь нуженъ? Какъ-же въ одномъ голомъ трико безъ багажа?

Жена, разумѣется, и тутъ поперекъ. За что Бубу, молъ, мучишь?... Теперь всѣ дѣвочки черезъ балетъ въ міровую карьеру выходятъ. Ты что-жъ ее въ приходскія учительницы готовишь? Опоздалъ, милый. Въ Европѣ жить, по европейски и выть.

И вотъ-съ еще и у себя въ квартирѣ терпѣть долженъ. Мало ей студіи. Въ пачки свои дома выряднтся, — совсѣмъ стрекоза въ папиросныхъ бумажкахъ, — и по всему паркету дражэ свое подъ грамофонъ выводитъ. Посмотришь изъ за газеты, сердце такъ и закипитъ... Личико — марципанъ съ вишней, интеллигентности ни на полсантима, одной ножкой надъ головой вертитъ, другой себя подмышкой подстегиваетъ. Да еще меня, Господи помилуй, подставкой быть заставляетъ...

***

Собираются у нея подружки всякія востроносенькія, кавалеры — полѣтки изъ полотеровъ. Пожалуйста. Милости просимъ! Пусть ужъ лучше дома флиртуютъ, чѣмъ по неизвѣстнымъ ротондамъ зеленую слизь сквозь соломинку сосать...

Да и флирта-то никакого нѣтъ. Тысячелѣтіями занятіе это держалось, а они вотъ прекратили. Раздѣться не успѣютъ, заведутъ грамофоннаго козла и трясутся. Оршаду попьютъ, отдышаться не успѣютъ и опять подъ гобойный гнусъ плечиками трясутъ до упаду... Чистая маслобойка. И выраженіе у всѣхъ будто воинскую повинность отбываютъ.

Подсядешь къ нимъ, когда ужъ совсѣмъ упарятся. Поговорить хочется, вѣдь не ихтіозавръ-же я, не зубръ бѣловѣжскій. Ни черта не выходитъ. То-ли я къ нимъ ключъ потерялъ, то-ли и ключа никакого нѣтъ. Лупятъ что-то свое французское, по глазамъ вижу — не разговоръ, а сѣмечки. А Буба губы сожметъ и все бровью на дверь показываетъ: ушли-бы, молъ, дядя, — и безъ васъ мебели много...

Только тогда сердце и отогрѣешь, когда они, какъ дѣти, порой играть начнутъ: сядутъ всѣ на полъ, другъ за дружкой... руками гребутъ и хохочатъ... Какіе ужъ тутъ, думаю, «Соборяне», хоть искры-то дѣтскія въ нихъ, слава Богу, не погасли...

***

А время летитъ. Не успѣли обои въ столовой смѣнить, какъ ей шестнадцать стукнуло.

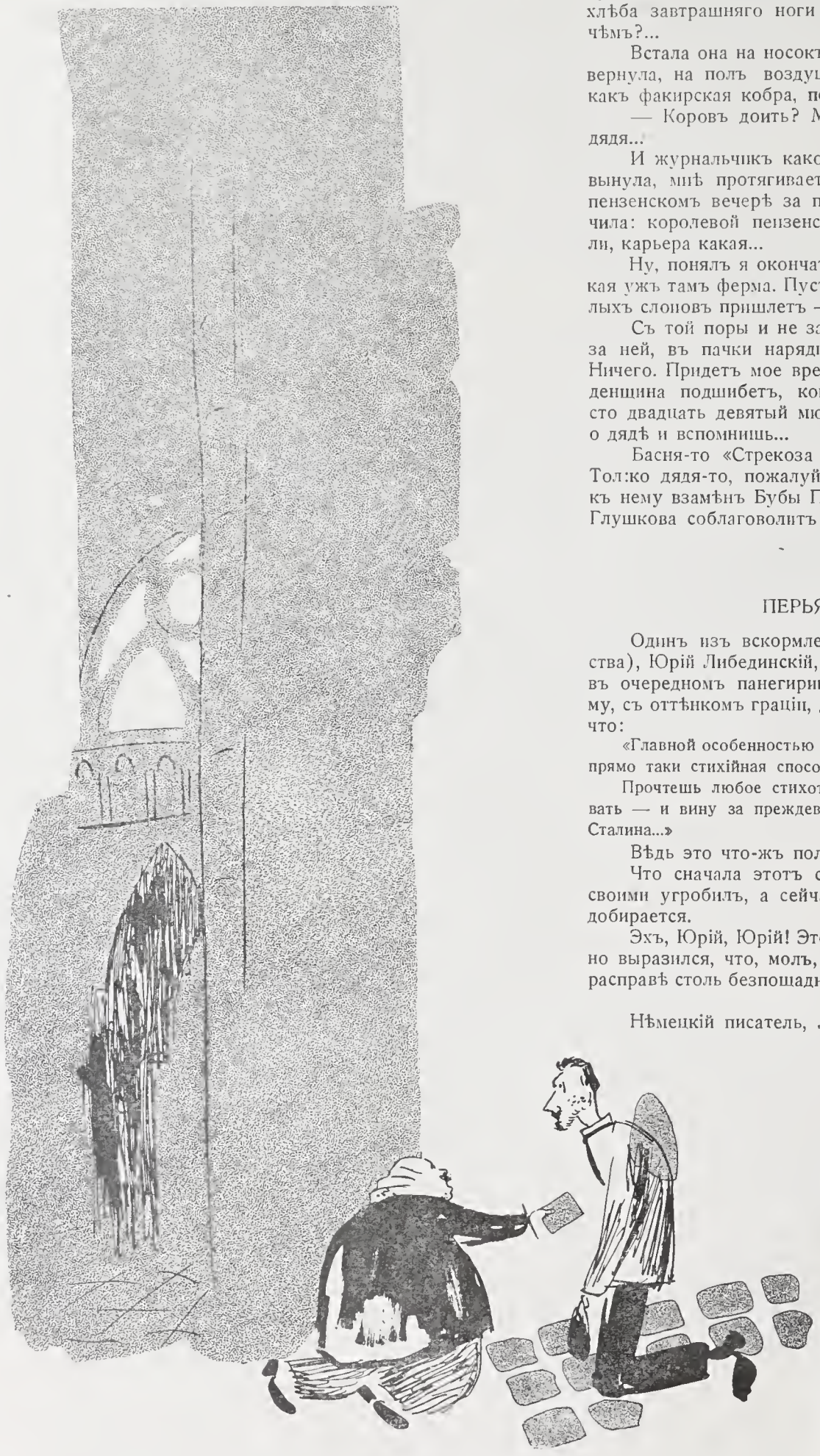
Говорю ей какъ-то въ тихую минуту:

— Что-жъ, Люба, мечты наши старыя? Уставать я сталъ, какъ самоваръ несмѣняемый который годъ кипію. Мечталъ я съ тобой, помнишь, ферму миніатюрную подъ Тулузой присмотрѣть... Переѣхали-бы втроемъ съ теткой — райскіе цвѣты разводить. Во Франціи на цвѣты спросъ, какъ

ПЕРЕДЪ СТАТУЕЙ СВ. ТЕРЕЗЫ.

Неизвѣстно почему, но Св. Тереза считается покровительницей русскихъ эмигрантовъ.

Рис. Лори.



Эмигрантъ-банкиръ. — О, Святая Тереза, пошли мнѣ милліонъ франковъ, не то мой банкъ лопнетъ!

Эмигрантъ-безработный. — О, Святая Тереза, пять франковъ на обѣдъ! Только пять франковъ на обѣдъ...

Эмигр.-банкиръ. — Вотъ вамъ пять франковъ, и не отвлекайте Терезу.

на картошку. И лирика и польза... Угомонилась-бы ты, въ зеленую жизнь бы вошла. А тамъ какіе-нибудь скорострѣльные агрономическіе курсы окончишь, хозяйство-бы свое чудесно вела... Что-жъ, Люба, такъ ужъ точку и ставить ради прыжковъ твоихъ резиновыхъ? Я-жъ понимаю, другія ради хлѣба завтрашняго ноги себѣ выламываютъ, а тебѣ-то зачѣмъ?...

Встала она на носокъ, вокругъ себя трижды спираль обвернула, на полъ воздушнымъ шаромъ осѣла, — головка какъ факирская кобра, покачивается, — и прошипѣла:

— Коровъ доить? Мнй?! Бубѣ Птифру?... Комикъ вы, дядя...

И журнальчикъ какой-то паршивенькій изъ-за пазушки вынула, мнѣ протягиваетъ. Сняли ее тамъ, видите-ли... На пензенскомъ вечерѣ за пластику она почетное званіе получила: королевой пензенскаго землячества избрали. Шуткали, карьера какая...

Ну, понялъ я окончательно: кто этого яда хлебнулъ, какая ужъ тамъ ферма. Пусть самъ бабельмандебскій раджа бѣлыхъ слоновъ пришлетъ — и то не поѣдетъ.

Съ той поры и не заикаюсь. А то, не дай Богъ, и жена за ней, въ пачки нарядившись, начнетъ паркетъ натирать. Ничего. Придетъ мое время... Вотъ, когда тебя балетная поденщина подшибетъ, когда изъ пензенскихъ королевъ въ сто двадцать девятый мюзикхольный сортъ попадешь, тогда о дядѣ и вспомнишь...

Басня-то «Стрекоза и Муравей» недаромъ написана Только дядя-то, пожалуй, помягче муравья окажется, когда къ нему взамѣнъ Бубы Птифру — родная племянница Люба Глушкова соблаговолитъ личико свое повернуть...

А. Черный.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Одинъ изъ вскормленышей ОГИЗА (Госуд. Издательства), Юрій Либединскій, Огиза сынъ и самъ Огизъ въ душѣ, въ очередномъ панегирикѣ, посвященномъ Демьяну Бѣдному, съ оттѣнкомъ граціи, доходящей до простраціи, увѣряетъ, что:

«Главной особенностью генія Демьяна является необыкновенная, прямо таки стихійная способность будить и расталкивать...

Прочтешь любое стихотвореніе Демьяна и начинашь чувствовать — и вину за преждевременную смерть Ленина, и заботу за Сталина...»

Вѣдь это что-жъ получается?

Что сначала этотъ самый Демьянъ — Ленина стихами своими угробилъ, а сейчасъ и до Ильи Сталина, душегубъ, добирается.

Эхъ, Юрій, Юрій! Это еще адмиралъ Дубасовъ безсмертно выразился, что, молъ, «патроновъ не жалѣть!...» — но о расправѣ столь безпощадной даже и онъ помышлять не смѣлъ.

Нѣмецкій писатель, Людвигъ Реннъ, авторъ высокопарной «Войны», сдѣланной подъ Ремарка, состоитъ секретаремъ Союза пролетарскихъ писателей Германіи, въ каковомъ качествѣ сочиняетъ дубовые стишки для нѣмецкихъ піонеровъ.

Въ номерѣ пятомъ «Піонера» (московскаго ежемѣсячника для развращенія малолѣтнихъ въ государственномъ масштабѣ) помѣщено послѣднее произведеніе нѣмецкаго репетитора на тему «Пѣсня о пятилѣткѣ».

Такъ, напримѣръ, прославляя ежедневныя достиженія совѣтской власти, Людвигъ Реннъ, по милости переводчика, восклицаетъ:

«Вчера еще пустынный видъ,
А нынче фабрика стоитъ!...»

Выходитъ, что радоваться, собственно-то говоря, нечему.

— Вѣдь, если фабрика стоитъ,
Причемъ указано, что — нынѣ,
То чѣмъ-же сей пустынній видъ
Отъ прежней разнится пустыни?

ПОДРАЖАНІЯ ВЕЛИКИМЪ ОБРАЗЦАМЪ.

(Добросовѣстныя пародіи)

Кто онъ?

«Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ».

Только вотъ — рыбачья хата.
У воды старикъ сѣдой
Конопатитъ челнъ дырявый
И шевелитъ бородой.

Трудно дѣду. Лѣтъ не мало,
Плохъ здоровьемъ, тѣломъ слабъ...
«— Это гдѣ-жъ ты, дѣдъ, раскокалъ
Окіянскій свой корабъ?»

Всадникъ молвитъ и хохочетъ,
Радъ, что шутка весела.
«Комсомольцы, чтобъ имъ лопнуть!
Изъ сосѣдняго села...

Мимо шли и долбанули,
А челнокъ для рыбака —
То, что бабѣ веретена
Али конь для сѣдока...»

Всадникъ прочь съ коня и молча
За работу принялся,
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.

Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото,
Носъ разбилъ, корму оттяпалъ,
Дно раздѣлалъ въ рѣшето.

Острой шашкой снасти рубитъ,
О березу бьетъ весло,
И накладываетъ дѣду
По двадцатое число.

«— Ну, старинушка, готово.
Дуй въ колхозъ въ одинъ моментъ
Буржуазный, безобразный,
Мелкій, частный элементъ...»

Скрылся мастеръ и старатель,
Дѣдъ встаетъ и смотритъ въ лѣсъ —
Смотритъ долго въ ту сторонку
Гдѣ чудесный гость исчезъ...

Чарли Цаплинъ.

ЧУДЕСА ПЯТИЛѢТКИ.

— Напрасно вы такъ пессимистически смотрите на пятилѣтку. Пятилѣтка это безусловно великая вещь. Когда пятилѣтка осуществится въ четыре года, каждый изъ насъ будетъ имѣть свой аэропланъ.

— Вы меня смѣшите, гражданинъ Кацъ. Зачѣмъ мнѣ нужно имѣть свой аэропланъ?

— Что значитъ — зачѣмъ. Представьте себѣ, что вы сидите въ Москвѣ и вдругъ разносится слухъ: въ Казани выдаютъ подсолнечное масло! Что же вы дѣлаете? Вы садитесь на аэропланъ, летите въ Казань, слѣзаете и прямо становитесь въ очередь.

ИЗЪ ТЬМЫ КЪ СВѢТУ.

(Подлинный документъ изъ эмигрантскаго архива).

«Глубокоуважаемый мусью режиссеръ! Усѣ крутютъ теперь спнема, и попадаются дамочки, что зо своей наружной красотой или извиняюсь мордой дѣлаютъ себѣ черезъ то усю карьеру жизни и смерти, и ходятъ у брильянтовыхъ сережкахъ, ажъ болтаются.

А можетъ если взаправдочки углядѣться, то можетъ увовси они не фотоженные, а только зъ разной распродажной помадкою до отказу нашмаровались и черезъ ету щикатурку на екранъ попали.

Какъ я зъ города Данцига ажъ сюды добренькалась, то, конечно, протекціи не маю, а работаю туточки зъ простыми пробками на пробочномъ заводи.

Но еще не дамочка, а только краля, и маю девятнадцать годовъ.

И каждый вечеръ у синема хожу и слезами плачу:

И себѣ жалко, и мусью Мишеля Строгова до того жалкую, за што ему такая горькая доля выпала, что и глазъ лишился, и зрѣніе потерялъ.

Я-бъ на такого Ваню Мозжухина и стирала, и гладила и кофій ему варила-бы, и зразы съ кашей готовила-бъ, такой ето геній и безпутство, а не человѣкъ.

А еще женскую симпатію до Мери Пикфордъ маю, какая ето талентка и поклонница!...

И, конечно, мнѣ одинъ ухажоръ усе время барамбуетъ та барамбуетъ, что я полную фотоженичную наружность маю и сама на полотно прошусь.

Но я имъ отвѣчаю, што еще не просилась, но ежели прійдется, то не злякаюсь и еще лучше этой Мери скрутить могу.

А они мнѣ говорятъ, что съ такимъ экстерьеромъ, какъ мой, не то што пробки мыть, а можно сумасшедшія деньги даромъ брать, только чтобъ мусью режиссеръ попробовалъ и по міру пустилъ!...

И долго я про себѣ думала и мучилась, але можетъ до мене такое счастье прійти, штобъ удругъ я мусью режиссеру цидульку нашкрябала, а они менѣ телеграмму бахнули:

— Пріѣзжайте крутиться на одну тыщу метровъ!

А только потомъ набралась себѣ присутствія духу и пишу вамъ, мусью режиссеръ, положа руку на сердце и съ крѣпкой надѣей, што отвѣтите посрестантъ, штобъ у кантинѣ не засмѣяли, и запробуете менѣ на полотнѣ, але на какомъ хочете матерьялѣ.

И при етомъ кладу у середку конверта свой экстерьеръ, чтобъ вы какъ слѣдуетъ на свѣтъ разглядѣли и въ глубинѣ вашего благородства и характера здѣлали мнѣ ударъ судьбы, или можно изъ менѣ здѣлать звѣзду екрана, или лучше мнѣ сидѣть на пробкахъ и броситься въ бездну гражданскаго брака съ моимъ отчаяннымъ ухажоромъ.

Дожидаюсь зъ увѣреніемъ, што не пренебрегете и остаюсь зъ почтеніемъ Маня Горицинска зъ Монружа, посъ рестантъ».

К. Страшноватенко.

ЦЫГАНСКІЕ РОМАНСЫ ВЪ ЛИЦАХЪ.

Рис. Пикельнаго.

«Не искушай меня безъ нужды!...»

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ.

По десять разъ въ году, всѣмъ школьникамъ извѣстно,
Въ Японіи земля трясется повсемѣстно.

Такъ вотъ — въ селеніи одномъ
Два дома Хо и Хи построили рядкомъ.
Хи былъ поклонникъ гейшъ, развратникъ и кутила,
А Хо такъ даже мать его жены — хвалила.
(Тутъ всякій долженъ понимать,
Что больше нечего сказать).

Однажды вечеромъ съ женою, какъ обычно,
Хо выпилъ молока и на полъ легъ прилично.
А Хи изъ чайной шелъ, да спьяну взялъ направо
И, въ полѣ заплутавъ, попалъ башкой въ канаву.

И что-жъ? Покуда Хо достойно спалъ въ постели,
На голову его всѣ балки полетѣли!...
А забулдыга Хи впотьмахъ, свалившись съ ногъ,
Въ открытомъ полѣ былъ отъ всякихъ бѣдъ далекъ,
Лишь поворчалъ на шумъ, поглубже легъ въ канаву,
И къ утру выспался на славу.

Пусть лицемѣръ не возражаетъ, —
Отъ бѣдствій пьянство охраняетъ.

Маркіанъ Малаевъ.

ПОЧТИ ПО МАРКСУ.

Капиталъ — это сто франковъ, данные взаймы.

Трудъ — это когда нужно сто франковъ получать обратно.

ВЕРХЪ РАЗСѢЯННОСТИ.

Прочитавъ въ газетѣ объявленіе о собственной смерти, немедленно написать самому себѣ трогательное письмо съ выраженіемъ соболѣзнованія, опустить его въ ящикъ, не наклеивъ почтовыхъ марокъ, а получивъ — разразиться проклятьями по адресу отправителя, изъ-за разсѣянности котораго приходится платить двойной тарифъ!...

Рис. С. Чехевкова.

«Весна! Выставляется первая рама!...

МЕМУАРЫ ЭМИГРАНТСКОЙ БАБУШКИ. *)

(Исключительное право опубликованія настоящихъ мемуаровъ принадлежитъ, согласно любезному разрѣшенію будущихъ наслѣдниковъ и потомковъ бабушки «Сатирикону»).

Глава третья.

I.

«Знаете ли вы... Нѣтъ, вы не знаете», какъ говорилъ Гоголь.

Вы конечно догадываетесь, милыя внучки, къ чему относится мой намекъ.

Я говорю о чувствѣ, которое медленно, но вѣрно пролагало дорогу въ мое семнадцати-съ-половиной-лѣтнее сердце въ то самое время, какъ я сушила листья и корни белладонны.

И пусть изъ дорогого имени сыпется песокъ времени, — я припадаю къ нему памятью нѣжной и тихо зову:

— Гдѣ вы, Бобочка?!

Причемъ надо сказать, что полное имя Бобочки было Николай Ивановичъ.

Но Бобочкой я его называла отъ любви и для конспираціи. Потому что окружавшіе меня члены союза бывшихъ институтокъ вели себя не какъ дѣйствительные друзья и члены, а именно какъ соревнователи.

Бобочка былъ ужасно умный и слегка мистикъ.

Однажды вечеромъ онъ сказалъ глухимъ голосомъ:

— Когда приходитъ ночь, люди засыпаютъ...

Если-бы я въ то время вела мемуары, я сохранила бы еще немало его изреченій, но я была молода и неосмотрительна.

Когда онъ возвращался изъ лѣсу съ мѣшкомъ и киркой за плечами, я восхищалась его юной, античной красотой, напоминавшей греческаго волоокаго бога изъ учебника мифологіи.

Однажды мы сидѣли на крыльцѣ. Онъ взволнованно зашнуровывалъ шнурки своихъ англійскихъ башмаковъ, въ которыхъ союзныя войска продѣлали европейскую войну, а наши — гражданскую. Тѣни великихъ эпохъ рѣяли надъ нами, и Бобочка съ чувствомъ выразился:

— Экая мерзкая гниль. Подумать, что одинъ счастливый бѣженецъ ухитрился повѣситься на такихъ дрянныхъ шнуркахъ!...

— Да, дѣйствительно, согласилась я, и между нами воцарилось многозначительное молчаніе.

2.

Ахъ, Оленька! — воскликнулъ онъ, — судьба моя такая чрезвычайная. Вотъ сижу и шнурую, а думаю я о томъ...

Онъ не докончилъ фразы.

Я поняла его, но продолжала молчать.

Въ это время раздался тихій вскрикъ, что-то зашумѣло въ терновыхъ кустахъ у крыльца, и снова стихло. Бобочка продолжалъ:

— Я единственный въ своемъ родѣ человѣкъ. На австрійскомъ фронтѣ меня ранили въ сердце. Всѣ считали, что я уже мертвъ, но я только слабо улыбнулся и отправился санитарнымъ поѣздомъ въ Петроградъ на безумной смѣлости операцію, но не военную, а гражданскую. Я мужественно перенесъ ее и хотя и съ зашитымъ сердцемъ, а живу. Отъ васъ зависитъ, жить ли мнѣ дальше!...

Что я могла отвѣтить Бобочкѣ? Не надо упускать изъ виду, что онъ былъ моей первой любовью, если не считать двухъ полу-первыхъ — къ учителю танцевъ и къ брату одной подруги, не говоря о мужѣ.

Будь онъ, какъ всѣ люди, конечно я могла бы устоять, но прострѣленное сердце... Я почувствовала роковую отвѣтственность, ужасно испугалась и побѣжала въ свою комнату. Она помѣщалась на чердакѣ, но съ видомъ на небо. Бобочка пошелъ за мною.

Я прислонилась къ стѣнѣ, черезъ которую проходила кухонная труба, и сказала : — Какая горячая стѣна.

Бобочка подтвердилъ:

— Магнетическі! — и попробовалъ температуру стѣны черезъ мою руку.

---

*) *Copyright by Babushka.*

ВОЗРАЖЕНІЕ ПО СУЩЕСТВУ.

Рис. А. Гросса.

— Двѣнадцатый годъ подъ землей ѣздимъ, а они еще говорятъ, что мы отъ почвы оторваны!...

Мы оба тяжело дышали. Я слышала, какъ бьется его зашитое на операціи сердце.

3.

Но вдругъ послышался грохотъ и снизу крикнули:

— Дэзи покончила съ собой!...

Мы кинулись внизъ.

Передъ сараемъ, на охапкѣ сѣна, лежала Дэзи. Несчастная выбросилась изъ единственнаго сарайнаго окошка высотою въ одинъ метръ надъ уровнемъ моря (хотя тамъ никакого моря не было, а была обыкновенная югославянская земля). Руки Дэзи были исцарапаны въ кровь колючками терна, подъ которымъ она насъ подслушивала.

Въ истерическомъ полузабытьи она шептала:

«Мою любовь, широкую, какъ море,
Вмѣстить не могутъ жизни берега!...»

Несмотря на это, ее подняли и понесли въ комнату.

— Раздѣньте меня, — прошептала она, — я кажется умираю...

Мужъ и Бобочка кинулись исполнять ея послѣднюю волю, но я воспротивилась:

— Хотя она была уже почти покойница, но все таки чужая дама!

Тутъ собрались остальные члены соревнователи и мы начали стаскивать съ нея юбку, чтобъ вернуть Дэзи къ жизни.

Въ это время за дверью раздался голосъ мужа. Я замолчала, а Дэзи даже сѣла и сразу вернулась къ жизни.

— Я слышалъ о магнетической теплотѣ и предупреждаю васъ, какъ честный человѣкъ, убирайтесь назадъ, въ бараки!

Это говорилъ мой мужъ.

Голосъ Бобочки гордо отвѣтилъ:

— Увы, я ухожу, но вы отсталый типъ!

— Я вамъ предлагаю смыться! грозно повторилъ мужъ.

Тутъ Дэзи закричала и забилась въ истерикѣ, но я сказала, что теперь уже поздно и что она Мата-Хари и шпіонка вообще.

На другой день Бобочка уѣхалъ и изъ мести увезъ казенный мѣшокъ, выданный ему милліонеромъ для сбора бѣлены.

Послѣ чего мы съ Дэзи тихо объяснились, поплакали и помирились навсегда, по гробъ жизни и эмиграціи.

4.

Не успѣли зарубцеваться раны моей первой любви, какъ настала зима и всѣ мы вернулись подъ гостепріимный кровъ барака.

Періодъ времени, о которомъ я разсказываю, назывался въ газетахъ лихолѣтьемъ. Это не было преувеличеніемъ. Жили мы дѣйствительно лихо, особенно въ дни полученія ссуды отъ гостепріимнаго правительства.

Въ баракахъ было уютно и семейственно. Мы разгородились досками и одѣялами, и это дало возможность и невидимо участвовать въ общей жизни и въ то же время высказывать свободно свои мнѣнія.

Чтобъ сдѣлать жизнь окончательно уютной, мы рѣшили купить свинью.

Покупка нами свиньи, или, какъ выражался педагогъ изъ эсъ-эровъ, четвероногаго парнокопытнаго, само собой разумѣется, произошла не съ бухта-барахты, а по зрѣломъ размышленіи. Около мѣсяца мы собирались по вечерамъ въ нашемъ углу и высчитывали всѣ могущія произойти потери и выгоды. Педагогъ оказался безкорыстнымъ интеллигентнымъ труженикомъ и сидѣлъ съ нами до поздней ночи, производя вычисленія, причемъ онъ-же и навелъ насъ на мысль, что стоимость есть Иксъ, дѣленный на четыре.

Потомъ вычислили вѣсъ и возможность вытопить сало, причемъ сало обозначили Игрекомъ...

Свинья оказалась милымъ и жизнерадостнымъ животнымъ. Пока ее щупали и мяли, она прокусила палецъ педагога. Какъ человѣкъ партійный, онъ придерживался мнѣнія, что свиней, какъ и лошадей, узнаешь по зубамъ.

Послѣ долгаго и оживленнаго торга свинья перешла въ нашу собственность съ преміей въ видѣ веревки.

Мужъ уступилъ капитану, какъ старшему въ чинѣ, право вести ее домой. Свиньѣ связали заднія лапы и она скакала на двухъ переднихъ, спиной къ капитану, а мордой на базаръ, и долго и звонко визжала. Дэзинъ сынъ бѣжалъ рядомъ и утѣшалъ ее, какъ могъ.

До сихъ поръ не могу вспомнить безъ волненія какъ

туземный мясникъ свѣжевалъ нашу дорогую свинью и ея свиныя лапы, столь недавно бѣгавшія по главной улицѣ. Великодушная хорватка предложила намъ закоптить окорока въ своемъ дымоходѣ, благо дымъ пропадалъ у нея совсѣмъ зря.

Что мнѣ еще добавить? Свинья оправдала всѣ надежды, и только мой бывшій Бобочка проявилъ себя во всемъ своемъ мужскомъ эгоизмѣ. А было это такъ:

— Дэзи топила сало, отцѣживала шкварки. На этотъ пиръ явился изъ бараковъ и оторванный отъ моего сердца Бобочка. И не успѣла я отвернуться, какъ почувствовала ужасный запахъ гари. Это горѣло сало, а Дэзи стояла съ Бобочкой тутъ-же рядомъ и цѣловалась!..

Я хотѣла закричать. Но мнѣ вдругъ стало жаль Дэзи... Все таки передо мной вся жизнь, а она пожилая тридцатилѣтняя женщина и, какъ ни какъ, кончала изъ за него самоубійствомъ. Я смягчилась, махнула рукой и только потребовала отъ нея лишній кусокъ грудинки въ видѣ компенсаціи.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Н. Городецкая.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Г. В. Н. П а р и ж ъ. — Вы пишете просто и откровенно:

Понялъ я, что Дэзи-крошка
Сладострастна точно кошка,
И мой мозгъ родилъ идею:
— Завтра встрѣтимся мы съ нею!»

Отвѣчаемъ вамъ такъ-же просто и столь-же откровенно:

Прочитавъ стишокъ послѣдній,
Понялъ я, что авторъ средній,
И мой мозгъ родилъ идею:
— Бросить автора въ корзину!...

А. К. Б у л ь в а р ъ М ю р а. — Присылайте еще.

К о м а р о в у. — Изъ присланнаго вами самое удачное — цитата изъ... Гегеля. Вотъ-бы такого сотрудника въ «Сатириконъ» залучить, цѣны-бъ ему не было!...

М а ш ѣ Т. — Перепишите набѣло на пишущей машинкѣ въ двухъ экземплярахъ, но въ редакцію не посылайте...

А совѣтуемъ мы просто такъ, чтобъ у васъ все было въ порядкѣ.

Л и к ѣ. — Пишете вы по-русски, а думаете по-французски. Попросите маму, чтобъ она васъ передумала.

М и з е р и к о р д у. — Стихотвореніе въ прозѣ «Тоска по родинѣ» дошло. Но изъ того, что оно дошло, ничего не выйдетъ, ибо оно не пойдетъ.

Редакторъ-издатель: **М. Г. Корнфельдъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОДЪ

на большой еженедѣльный литературно-художественный журналъ сатиры и юмора

Сатирикон'

СОСТАВЪ СОТРУДНИКОВЪ:

ПИСАТЕЛИ:

Г. В. Адамовичъ, В. А. Азовъ, М. А. Алдановъ, Альталена, А. В. Амфитеатровъ, Н. Ф. Баліевъ, кн. В. В. Барятинскій, Н. Н. Берберова, гр. П. А. Бобринскій, Ив. Бунинъ, С. М. Газіевъ, Валентинъ Горянскій, Сергѣй Горный, Над. Городецкая, Мих. Долиновъ, Донъ-Аминадо, Н. Н. Евреиновъ, Борисъ Зайцевъ, Леонидъ Зуровъ, Георгій Ивановъ, Галина Кузнецова, А. И. Купринъ, Ант. Ладинскій, Лери, Лоло, С. Литовцевъ, Иванъ Лукашъ, Сергѣй Маковскій, К. В. Мочульскій, Ирина Одоевцева, М. А. Осоргинъ, Петръ Пильскій, Сергѣй Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, Н. Я. Рощинъ, М. Струве, Андрей Сѣдыхъ, В. Ф. Ходасевичъ, Е. Хохловъ, М. О. Цетлинъ, А. М. Черный, А. А. Яблоновскій, Сергѣй Яблоновскій.

ХУДОЖНИКИ:

Александръ Бенуа, О. М. Бернацкая-Савичъ, И. Я. Билибинъ, Д. Бушенъ, Б. Билинскій, Вл. Бѣлкинъ, А. Гроссъ, М. В. Добужинскій, Б. Зворыкинъ, Юр. Ильинъ, К. А. Коровинъ, Е. И. Лурье, Эр. Ницше, Б. Пикельный, Ф. С. Рожанковскій, А. Серебряковъ, В. Стелецкій, Терешковичъ, С. Черевковъ, А. Шарый, Шварцъ, Г. И. Шильтянъ, В. И. Шухаевъ, Вѣра Шухаева, Шэмъ, Л. Эндэнъ, Алекс. Яковлевъ.

Редакторъ-Издатель: М. Г. КОРНФЕЛЬДЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи	Frs	**135.—**	**105.—**	**70.—**	**37.—**	**12.50**
Въ другихъ странахъ	Frs	**235.—**	**190.—**	**120.—**	**63.—**	**21.50**

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**

Téléphone: GUTENBERG 05-40

ПРИ РЕДАКЦИИ
„САТИРИКОНА“
открытъ сборъ пожертвованій
на
ГОЛОДНУЮ
ПЯТНИЦУ
Лично отъ 10-12 и отъ 3-6
Письмено:
"Satyricon", 51, Rue Vivienne, Paris (2)

Зубоврачебн. кабинетъ **М. Когенъ**
D. F. M. P.
8, Rue Duban (16). Pl. Passy. Auteil 95-14
Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6.
Остальные дни 10-8 час. вечъ.

Русскій Гастроном. Магазинъ
въ Levallois-Perret
77, rue Chevalier. Tél. Per. 22-56
ВСѢ РУССКІЕ ПРОДУКТЫ
Закуски дом. приготовленія
Посылки въ Россію

BANQUE POUR L'ARBITRAGE ET LA COMMISSION

6, rue Buffault (9). Métro CADET. Téléphone PROVENCE 95-20 et la suite

ПО ПРЕЖНЕМУ ПРОДОЛЖАЕТЪ ПЕРЕВОДИТЬ ВЪ РОССІЮ ДЕНЬГИ И ПОСЫЛКИ ДЕШЕВЛЕ И АККУРАТНѢЕ ДРУГИХЪ БАНКОВЪ. ПО СПЕЦІАЛЬНОМУ ТРЕБОВАНІЮ КЛІЕНТОВЪ ДЕНЬГИ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ ЭКСПРЕССОМЪ, Т. Е. НА 10-ый ДЕНЬ ПО ПОЛУЧЕНІИ ЗАКАЗА. КОРРЕСПОНДЕНЦІЮ МОЖНО ПРОИЗВОДИТЬ И ПО-РУССКИ.

РУССКІЙ ЭРМИТАЖЪ

21, Rue Boissy-d'Anglas. Tél. Elysées 13-84
(MADELEINE - CONCORDE)
ИЗЫСКАННАЯ РУССКАЯ КУХНЯ
ДѢЛОВЫЕ ЗАВТРАКИ 18 фр. ОБѢДЫ — 30 фр.
Вечеромъ артистическая программа
ДОНСКОЙ ВОКАЛЬН. КВАРТЕТЪ
Г. Б. Галинская, Муратъ-Туаевъ и др.
Румынскій Оркестръ СПРИНЧАНА

Антикварныя и художественныя ВЕЩИ
Покупка и продажа
Л. СОРКИНЪ
(Прежде Петроградъ)
90, rue Faubourg Saint-Honoré
(противъ Елисѣйскаго дворца)
PARIS (8). Téléphone Elysées 98-49

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ принимаетъ
Комитетъ Помощи Голодающимъ въ Россіи (Comité Russe de Secours)
7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9)
Métro: Clichy. Tél. Louvre 39-25
Пріемъ исключительно отъ 3—7

Русскій Винно-Гастрономическій магазинъ **"CHEZ NOUS"**
Всѣ продукты, кромѣ совѣтскихъ, для русской кухни
Заказы на кулебяки, пирожки, пельмени и для ПАСХАЛЬН. СТОЛА
25, rue Mademoiselle, Метро: Камбронъ и Коммерсъ. Автобусы Z и Y

«Сатириконъ» въ Латвіи
Продается во всѣхъ кіоскахъ
Представитель для Латвіи:
Эд. Петцгольцъ. Сарайная 16.

«Сатириконъ» въ Югославіи
Представительство и пріемъ подписки
Павловскій,
улица Zrinska 19, NOVY SAD

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), téléph. Inval. 11-50 Le Gérant : *N. Kornfeld.*

Рис. Шема.

РУССКІЙ ИНТИМНЫЙ БАЛЪ
ВЪ ПОЛЬЗУ
Единственный способъ избѣжать ошибокъ и быстро научиться правильно опредѣлять
Le ou La?
въ. Танцы до утра.
562 Бублички
рыжекіе
ОГУРЧИКИ
Кирпичики
Карманчики
36 МѢСЯ ЦЕВЪ КРЕДИТА
ИНТ. ОДИН. РУС. ДАМА же
ВЪ КАКОЙ БЫ СТРАНѢ ВЫ НИ НАХОДИЛИСЬ
ИНТЕЛЛИГЕНТ. ЭСТОНКА, совершенно одинъ въ Парижѣ, желаетъ познакомиться съ русской въ томъ же положеніи
Русск. Зубовр. Каб.
безошибочно гадаетъ и открываетъ тайны будущаго по восточному способу.
любитъ ... не любитъ
Старѣйшій русскій дамскій портной
Разм. 25 см. по 20 франковъ
Большаковъ (теноръ)
Вернись.
Витингъ (теноръ)
То былъ сонъ
Сладкимъ запахомъ
романсы.
Бѣлостоцкій (теноръ)
Очи черныя.
Двѣ гитары.
Кактынъ (баритонъ):
У камина.
Элегія — Глинки.
Сабининъ (теноръ).
Мурочка.
Я помню день.
Бравинъ (баритонъ).
Накинувъ плащъ.
Пожаръ московскій
Свѣтлановъ (теноръ):
Пѣснь арестанта.
Бубенчики
Ратчевъ (теноръ):
Сирень — Рахманинова.
Ваза — Якобсонъ.
Дыловъ (басъ):
Бывали дни веселые.
Вдоль по Питерской.
„Я ослабѣла настолько, что потеряла въ вѣсѣ 6 килограммовъ" — заявляетъ Mme
МѢХОВОЙ ВОРОТНИКЪ (горжетка) небольшой дамскій, желаю купить.
МЫ ПЛАТИМЪ ЗА ВАСЪ...
Замѣч. малос. СЕЛЬДИ. консервы, икра, колбасы, огурцы, клюква
ЖИВЫЕ КАРПЫ Открыто до 8 ч. веч.
Всѣ палестинскія вина
предсмертная трапеза
Убійство?.. Самоубійство?..
Задавили человѣка въ сто
ДНЕВНАЯ РУБАШКА
вышив. руч. раб. Бюстъ 34 до 40
Закрытые панталоны
Комбинезонъ-юбка
Lingerie d'enf
5,75
7,50
Элегантныя дамы
носятъ шелковые чулки
ХОЛОСТОЙ ШОФФЕРЪ, опытный
практики, ищетъ мѣсто
выѣздъ.
ищу выгод.
80.000.
копченая грудинка, салями, въ особой упаковкѣ, сыръ, черносушеные молоко и яйца въ порошкѣ

PRIX EN FRANCE: Frs 3.— 25 АПРѢЛЯ 25 AVRIL 1931 ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

Сатирикон'

SATYRICON

1931
Hebdomadaire Russe

еженедѣльное изданіе
Rédaction et Administration: 51, Rue Vivienne, PARIS (2e

№ 4
Directeur M. Kornfeld

ТЯГА НА ЗЕМЛЮ.

Рис. А. Шараго.

«Сосѣди по имѣнію».

Рис. Александра Н. Бенуа.

ЧАСТУШКИ.

(Тамошнія и здѣшнія)

1.

Нѣту дровъ, потухла печь,
Керосинъ кусается...
— Міровой пожаръ зажечь
Милка обѣщается.

2.

Что за баба нашъ краскомъ! —
Что ни годъ въ родильный домъ...
Докторъ умиляется:
— Видно, полкъ старается!

3.

Черезъ тыщу восемь лѣтъ
Будетъ каждому обѣдъ,
А для этого покуда
Выдается всѣмъ посуда.

4.

Я француженкамъ на диво
Собралася жить красиво...
Да закрыли мнѣ какъ разъ
Электричество и газъ.

5.

Зря учила модный танецъ
— Не клюетъ американецъ!
Пять затратила франчковъ
На починку каблучковъ.

Марьянна Раздорова.

УМОЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Трехлѣтней дѣвочкѣ говорятъ:

— Если ты будешь врать, то у тебя носъ почернѣетъ!

Однажды она встрѣчаетъ негра, долго и съ ужасомъ на него смотритъ, и наконецъ соображаетъ:

— Ахъ, сколько-же онъ навралъ своей бѣдной мамочкѣ!..

Рис. В. Гроссера.

Гдѣ-же «Голосъ хозяина»?

СКАЗКА ПРО СПЯЩУЮ ЦАРЕВНУ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жили-были царь и царица и при нихъ не то сынокъ, не то не сынокъ, не то царевичъ, не то не царевичъ, по имени Антилигенъ. Былъ онъ ребенокъ умственный, ужасъ до чего образованный и ужъ до того совѣстливый, что прямо житья отъ него никому не было. А главное, интересовался, кто на что какія права имѣетъ.

Увидѣлъ разъ, къ примѣру сказать, такое невыдающееся явленіе, какъ собачка ножку задрала, — и тутъ же забезпокоился:

— Чего-де это она? Да въ полномъ ли своемъ правѣ, да оправдано-ли такое ея дѣйствіе пользой для общества и какіе плоды могутъ отъ него получиться?

Какъ подросъ ребенокъ, и совсѣмъ покою отъ него никому не стало.

Однако-же въ развитіи не останавливался, и пришла и ему жениться пора. И дошли до него слухи, что въ дремучихъ лѣсахъ, за горами, за морями, отличной стройки дворецъ стоитъ, со службами, съ угодьями, все какъ слѣдуетъ быть, и нигдѣ не заложенъ. Въ томъ дворцѣ царевна на отборнаго пуха перинѣ лежитъ ужъ который годъ, непробуднымъ сномъ почиваетъ.

Какъ услыхалъ это царевичъ, такъ сейчасъ и вспыхнулъ:

— Что-же это, — говоритъ, — такое? Нѣшто это порядокъ бока себѣ отлеживать и безо всякой заботы о смыслахъ посупковъ? А ну, говоритъ, батюшка, съ матушкой, поѣду я царевну будить! А какъ она глаза продеретъ, тутъ мы съ нею, съ вашего родительскаго благословенія, сейчасъ-же сельскую школу и построимъ!...

Очень царь съ царицей обрадовались, что не будетъ ребенокъ подъ ногами болтаться, неумѣстные вопросы спрашивать.

Благословили, снарядили, все честь-честью, сѣлъ Антилигенъ на коня, и айда. Да только дернула его нелегкая взять съ собой въ дорогу Фильку [illegible] доѣзжаго.

Былъ этотъ Филька самый первый прохвостъ, пьяница и хулиганъ, прямо сказать, самаго свинячьяго воспитанія несъ. Держалъ же его царевичъ при своей особѣ для развитія въ Филькѣ умственной способности, а пуще всего изъ особаго уваженія къ его крайне низкому происхожденію.

Долго-ли, коротко-ли ѣхалъ Антилигенъ, однако-же пріѣзжаетъ.

Видитъ, не соврали люди, все какъ сказано: хозяйство хорошее, доходное, и въ теремѣ чисто, подметено, а посреди терема опочивальня, и въ ней царевна лежитъ, спитъ крѣпко, носомъ рулады выводитъ.

Какъ поглядѣлъ на нее царевичъ, сразу въ немъ сердце отъ любви заколотилось, и печенка размякла. Сталъ это онъ, значитъ, передъ тюфякомъ на колѣнки и слова всякія произ-

носитъ. Много онъ разныхъ словъ умѣлъ, всего не упомнишь, однако больше въ такомъ родѣ:

— Вставай, говоритъ, подымайся, ученье — свѣтъ, а неученье — тьма, и посѣемъ мы съ тобой ниву народную, и не рожь тамъ или овесъ какой нибудь, или не дай Богъ пшеницу, а что нибудь этакое разумное, доброе, вѣчное!...

И вообще всячески ее уговариваетъ нѣжнымъ голосомъ.

А она себѣ спитъ и въ усъ не дуетъ, развѣ что носомъ пуще прежняго свистѣть начала.

Потянулся тутъ къ ней Антилигенъ и вѣжливенько такъ, безо всякаго нахальства, въ щечку ея румяную — чмокъ! Еле-еле...

А ей хоть бы что, какъ ты ее не чмокай, какихъ словъ ни наворачивай, окончательный нуль вниманія.

Задумался царевичъ, чего еще предпринять. То ли за ручку потянуть, то ли усами подъ мышкой пощекотать... Но правъ однако за собой не чувствовалъ, все же таки она дѣвица.

А тутъ, какъ на грѣхъ, Филька-доѣзжій, съ утра наклюкавшись, стоитъ, смотритъ какъ царевичъ вокругъ барышни узоры вышиваетъ, и стала его пьяная злость разбирать.

— Эхъ, — говоритъ, — да что-жъ это вы, ваше благородіе, нюни распускаете? Да развѣ же такъ съ нею надо?

И прямо рыло поганое царевнѣ претъ, и кулакомъ ее подъ микитки, со всего маху, — бацъ!

Вскочила тутъ царевна, какъ встрепанная, со страху да съ просонья въ ноги Филькѣ повалилася, пардону проситъ. А Филька, подлецъ, во всемъ своемъ пьяномъ безобразіи на постель царевнину въ сапожищахъ валится и ейнымъ мужемъ безъ дураковъ себя заявляетъ.

И такъ оно съ той поры и пошло. Филька-песъ всѣмъ хозяйствомъ командуетъ, все въ разоръ разорилъ, царевна Филькины сапоги языкомъ чиститъ, побой-надругательство терпитъ, и еще и Антилигена на чемъ свѣтъ обкладываетъ, зачѣмъ на нее напасть такую наслалъ, не въ свое дѣло совался...

— Я-бы, — говоритъ, — годиковъ черезъ сто-двѣсти и сама бы очнулась, все одно къ тому дѣло шло. И что, говоритъ, значитъ подобная небольшая цыфра при моемъ свѣжемъ дѣвическомъ возрастѣ? Ишь, говоритъ, будитель какой нашелся, чтобъ ему раки носъ отгрызли!

А Антилигенъ, бѣдняга, въ острогѣ сидитъ, по Филькиному приказу упрятанный. И ужъ вопросовъ никакихъ не спрашиваетъ, — то ли потому, что ему и впрямь все яснѣе стало, то ли потому, что ему въ ротъ тряпка воткнута.

Виссаріонъ Павловъ.

НЕ ВЗИРАЯ НА КРИЗИСЪ.

— Вотъ, говорятъ, — кризисъ, да кризисъ. А я, при всемъ своемъ бѣженскомъ положеніи, жаловаться не могу...

— Зарабатываете помаленьку?

— Ого! Три мѣсяца назадъ въ Берлинѣ на одномъ дѣльцѣ десять тысячъ марокъ чистоганомъ положилъ въ карманъ.

— Здорово. А съ тѣхъ поръ — ничего?

— Какое тамъ ничего! Съѣздилъ въ Лондонъ и тысячу фунтовъ, какъ одну копѣйку, слупилъ съ сыновъ Альбіона.

— Ну и мастакъ же вы! Но на этомъ, надѣюсь, вы успокоились?

— Не знаете вы меня, видно, батенька. Я прямо изъ Лондона махнулъ въ Парижъ и на первой же недѣлѣ сдѣлалъ полтораста тысячъ франковъ...

— Эге! Да съ васъ причитается десять процентовъ.

— За что?

— Какъ за что? Комиссіонныхъ!

— Почему комиссіонныхъ?!

— Потому что если бы я васъ не разспрашивалъ, вы бы столько не заработали...

Рис. Э. Ницше.

— Странно, у тебя на сердцѣ и король, и валетъ въ одно и то-же время...
— Что-жъ ты удивляешься, это-жъ минимумъ!...

СТРѢЛОЧНИКИ.

Восторгъ весны и радость ипотеки
Воспой, о, бардъ!
Ты видишь, вотъ... худые человѣки
Спѣшатъ въ ломбардъ.

Любой изъ нихъ за дѣло — и бездѣлку
Считать готовъ.
Они идутъ, чтобъ передвинуть стрѣлку
Своихъ часовъ.

Ни сдѣланныхъ изъ никеля, изъ стали,
Ни золотыхъ,
Счастливые!... они не наблюдали
Часовъ своихъ.

Но жизнь свою устроивши искусно
И безъ прикрасъ,
Они прохожихъ спрашивали устно —
Который часъ?

Когда-же вмѣсто точнаго отвѣта
По всѣмъ статьямъ,
Ихъ посылали именно за это,
Ко всѣмъ чертямъ,

Они, невольной горечи изгнанья
Вкусивъ остро,
Покорно шли въ общественныя зданья,
Въ метро, въ бистро...

И ходъ временъ на явномъ циферблатѣ
Легко открывъ,
Вздыхали и заказывали кстати
Аперитивъ.

Но въ нѣкій часъ, когда раскрылись почки,
И міръ земной
Уже дошелъ до крайности, до точки,
До запятой,

И клейкій листъ, томившійся отъ жажды,
Хлебнулъ росы,
Лишь въ этотъ мигъ съ тревогой вспомнилъкаждый
Что есть часы...

И густо шли толпой интеллигенты,
За рядомъ рядъ.
Платили по квитанціямъ проценты,
И шли назадъ.

И тѣшились мечтою настоящей,
Не такъ, не зря,
Что все теперь налажено блестяще
До Октября...

Что правильно подъ солнцемъ происходитъ
Движенье сферъ...
Что въ мірѣ каждый стрѣлку переводитъ
На свой манеръ!

К. Страшноватенко.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

«Воспоминанія, какъ острый ножъ они...»

Особенно, когда ножъ слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ пріятной аллегоріи, а въ порядкѣ обыкновеннаго покушенія на убійство, и съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ.

Въ «Новой Газетѣ», англійскій художникъ и литераторъ, Морсъ-Румель, вспоминаетъ о своихъ встрѣчахъ съ Есенинымъ, причемъ оговаривается, что дѣлаетъ это безъ особой охоты.

Оговаривается и сама редакція «Новой Газеты», поясняя, что статью Руммеля помѣщаетъ въ качествѣ матеріала...

Какого именно, редакція не говоритъ, но надо думать, что матеріалъ этотъ по преимуществу строительный и притомъ изъ породы осиновыхъ коловъ и прочихъ древообдѣлочныхъ.

«Когда къ концу вечера въ ателье, гдѣ танцевала Айседора, вошелъ Есенинъ, большинство изъ насъ, присутствующихъ, поняло, что намъ не миновать непріятной сцены. Онъ не любилъ танца, ему не нравилась музыка, и превыше всего были непріятны ему люди, собравшіеся у Айседоры.

Въ эту минуту онъ былъ похожъ на взбѣсившагося маньяка, ищущаго повода къ скандалу.

И за скандаломъ дѣло не стало, и какимъ скандаломъ!

Испуганные гости, торопясь, покидали ателье, опустѣвшее почти мгновенно... Къ счастью для Айседоры, трое мужчинъ остались для ея защиты: Есенинъ надвигался на нее съ ножемъ въ рукѣ».

Послѣ этого, что-жъ удивляться, что ни Жоржъ Дюгамель, ни Люкъ Дюртэнъ, ни Пьеръ Доминикъ, ни Вова Позперъ до сихъ поръ успокоиться не могутъ:

— Помилуйте, десятки очевидцевъ разсказываютъ о томъ, какъ покойный Сержъ Есенинъ билъ покойную Айседору Дунканъ пивной бутылкой по головѣ, а вы смѣете утверждать, что въ молодой совѣтской литературѣ нѣтъ ничего мистическаго и стихійнаго!...

Поэтъ А. Безыменскій, наиболѣе безцеремонный претендентъ на освободившійся за смертью Маяковскаго красный уголъ, печатаетъ въ «Правдѣ» слѣдующій манифестъ:

«Обязуюсь дать нѣсколько вещей, посвященныхъ транспорту и мобилизаціи страны на помощь ему.

Вызываю пролетарскихъ писателей дать стихи, разсказы, лозунги и пѣсни о транспортѣ.

Призываю литературные кружки ударниковъ посвятить рядъ бесѣдъ вопросамъ транспорта!...»

Въ общемъ, какъ говорится:

«Поэтомъ можешь ты не быть»,
Но быть извозчикомъ обязанъ!

Классическій юморъ висѣльниковъ, изобрѣтенный нѣмцами, наибольшее распространеніе получилъ въ совѣтской Россіи.

Просматривая казеннокоштный «Крокодилъ», единственный оффиціальный органъ государственнаго смѣха и соціалистическаго веселья, невольно думаешь:

— Какая страшная судьба, какая непроглядная, безрадостная жизнь у этого поколѣнія!

Юмористы и сатирики, весельчаки и разсказчики анекдотовъ, шутники и карикатуристы, которыхъ въ ударномъ порядкѣ поставили къ стѣнкѣ и подъ угрозой лубянскихъ пулеметовъ заставляютъ смѣяться, смѣшить, призывать, строить, созидать — въ стихахъ, въ прозѣ, перомъ, карандашемъ,

Чего стоитъ одна эта хроника, напечатанная на первомъ мѣстѣ, въ очередномъ номерѣ «Крокодила»!

«Спеціальная бригада редакціи выѣхала на заводъ Электростали».

«Кружокъ карикатуристовъ, навербованныхъ изъ молодыхъ рабочихъ забойнаго цеха приступилъ къ активной работѣ».

«При редакціи открыта запись въ кружокъ рабочихъ-сатириковъ».

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

И главное, какая божественная простота въ созиданіи и въ устроеніи новаго міра.

— Даешь бодрый смѣхъ въ порядкѣ соціалистическаго соревнованія?

— Даешь сатиру на капитализмъ въ двадцать четыре часа по Ленинградскому времени?

— Даешь шутку и улыбку по приказу Ревоенсовѣта?

И изъ перекошенныхъ отъ страха и отвращенія, голодныхъ, судорожно подергивающихся ртовъ раздается хоромъ:

— Даемъ, даемъ, даемъ!...

КОГДА ЧЕЛОВѢКУ НЕ ВЕЗЕТЪ, ТО...

Рис. Г. Шильтяна.

— Встаетъ онъ въ суевѣрномъ предчувствіи, и съ лѣвой ноги.

— Мэнэ... Тэкэлъ... Фаресъ... Вода... Газъ... Электричество.

— Потерявъ равновѣсіе, онъ брѣется до послѣдней капли крови, и чувствуя сердцебіеніе...

— Влетаетъ въ аптеку. Но оказывается, что и магистры фармаціи могутъ ошибаться и спутать валерьянъ съ касторкой...

— «Изъ искры возгорится пламя!» Еще мгновеніе, и...

— Его переѣзжаетъ дѣтская колясочка, и возмущенный младенецъ кроетъ его крылатымъ словомъ!...

ДОМАШНЯЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ.

Поваренная книга.

Введеніе.

Такъ какъ цѣль настоящаго труда, — указать хозяйкамъ способъ приготовленія самыхъ роскошныхъ и изысканныхъ блюдъ, безъ затраты времени и денегъ, — то мы прежде всего спѣшимъ сообщить нашимъ читателямъ, что это совершенно невозможно.

Однако, одно изъ двухъ въ отдѣльности — либо хорошій столъ, либо отсутствіе расходовъ, — кажется намъ вполнѣ достижимымъ.

Рыба.

Рыба бываетъ двухъ сортовъ, — дорогая и дешевая. Такъ какъ первая представляетъ интересъ исключительно для ихтіологовъ, то мы сразу переносимъ вниманіе читателей на второй или, точнѣе, третій сортъ рыбы, каковой сортъ въ свою очередь подраздѣляется на мелкій и крупный.

Мелкая рыба.

Мелкая рыба есть, собственно говоря, селедка, которую и рекомендуемъ покупать въ русской лавочкѣ или въ ея окрестностяхъ. Такъ какъ на безрыбьи и ракъ рыба, то на безденежьи и креветка омаръ.

Но только гдѣ тотъ фанатикъ, чтобъ ихъ чистить?

Крупная рыба.

Если бы монархи ѣздили лично на всѣ похороны, свадьбы и конференціи, то они никогда не вылѣзали бы изъ вагона. На это у нихъ существуютъ родственники и представители.

Аналогичное явленіе мы наблюдаемъ и въ подводномъ царствѣ.

Особенно большимъ количествомъ родственниковъ обладаетъ судакъ. Родственники эти обычно и представляютъ его на всѣхъ эмигрантскихъ обѣдахъ, что однако каждая хозяйка пытается скрыть.

Всякій родственникъ требуетъ хорошаго соуса. Но на требованье это можно вниманья не обращать.

Мясо.

Мясомъ по новѣйшей треминологіи называются кости. Кости бываютъ телячьи, бараньи и разныя.

Для гостей предпочтительно брать телячьи.

Дичь.

Такъ какъ кости отъ нея отдѣльно не продаются, то и говорить не о чемъ.

Зелень.

Сварить лукъ порей, объявивъ всему семейству, что сегодня къ завтраку спаржа. Посолить, подавать.

Сладкія блюда.

Одинъ желтокъ растереть до бѣла. Такъ какъ до бѣла онъ все равно не разотрется, то сказать гостямъ, что сладкое еще не готово.

— Ничего, не къ милліонерамъ пріѣхали!...

Т. Т. Т.

НА МОНПАРНАССѢ.

Рис. Б. Гроссера.

О н а. — О чемъ ты думаешь?

О н ъ. — Я думаю, хватитъ-ли у меня гарсону на чаевыя...

БѢШЕНАЯ ПЧЕЛА.

За вечернимъ чаемъ супруги поссорились.

Василій Петровичъ сказалъ:

— Слава Богу! Вотъ и вторникъ прошелъ.

— Почему — вторникъ? — спросила жена.

— То-есть, какъ почему? По закону послѣдовательности. Вчера понедѣльникъ, сегодня вторникъ.

— Среда сегодня, голубчикъ! — сказала жена.

— То-есть, какъ это среда? Вчера то вѣдь былъ понедѣльникъ?

— Пятница была вчера! — отрѣзала супруга.

— Даже если и пятница была вчера, то опять таки не среда сегодня, а суббота! Мы чего то зарапортовались, матушка...

— Ахъ, ты опять спорить? Опять?

— Фу-ты! Да успокойся, пожалуйста. Что это тебя точно бѣшеная кошка укусила...

— Тебя самого укусила бѣшеная кошка! — воскликнула жена...

— и въ тотъ же самый моментъ Василій Петровичъ схватился за щеку и съ крикомъ: «Ай-ай — укусила!» запрыгалъ по комнатѣ.

Супруги пили чай съ вареньемъ у открытаго окна. Весенняя голодная пчела залетѣла въ комнату и, потревоженная горячей жестикуляціей супруговъ, дѣловито уязвила Василія Петровича въ щеку.

— Ахъ, проклятая! Васенька, дорогой мой! Компрессъ. Надо скорѣе компрессъ!

Она была милая женщина. Вѣрная и заботливая подруга, съ чуть-чуть раздраженной печенью.

Нѣсколько минутъ спустя Василій Петровичъ лежалъ въ постели, забинтованный и обласканный, какъ дитя.

Жена даже сама завела будильникъ, хотя никогда не дѣлала этого изъ боязни, что онъ внезапно зазвонитъ у нея въ рукахъ.

Супруги мирно уснули, безъ всякаго предчувствія тѣхъ послѣдствій, каковыми будетъ чреватъ сегодняшній вечеръ, столь сладостно ими заключенный.

Они не знали, что сослуживецъ Василія Петровича, Чилиричкинъ, стоялъ на площадкѣ лѣстницы передъ ихъ дверью въ то самое время, какъ они ссорились.

Чилиричкинъ уже собирался позвонить, но кубаремъ скатился по лѣстницѣ, услышавъ о бѣшеной кошкѣ, которая укусила Василія Петровича. Восклицанія пріятеля и встревоженная бѣготня его супруги не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что въ домѣ произошло несчастье.

Когда на утро Василій Петровичъ съ перевязанной и сильно распухшей щекой явился на службу, онъ былъ встрѣченъ боязливыми и подозрительными взглядами сослуживцевъ.

Чилиричкинъ уже всѣмъ сообщилъ о томъ, что Василій Петровичъ укушенъ бѣшеной кошкой и пожалуй не безопасенъ для общества.

Директоръ вышелъ изъ кабинета и остановился передъ столомъ Василія Петровича.

— Сильно она васъ укусила? — спросилъ директоръ.

— Довольно сильно, — отвѣтилъ Василій Петровичъ, польщенный вниманіемъ начальства и чуть-чуть удивленный его освѣдомленностью.

— Но какъ же она попала къ вамъ въ комнату? Или это ваша собственная?

Василій Петровичъ, несмотря на все свое уваженіе къ директору, фыркнулъ. Что за странный вопросъ? подумалъ онъ. Собственная пчела? На кой чортъ была бы ему нужна собственная пчела?! Для меду, что ли? Такъ много ли меду отъ одной пчелы? Ноди и на языкѣ не услышишь!...

И Василій Петровичъ еще разъ фыркнулъ.

— Пустяки, — сказалъ онъ, — пройдетъ. Просто маленькая непріятность...

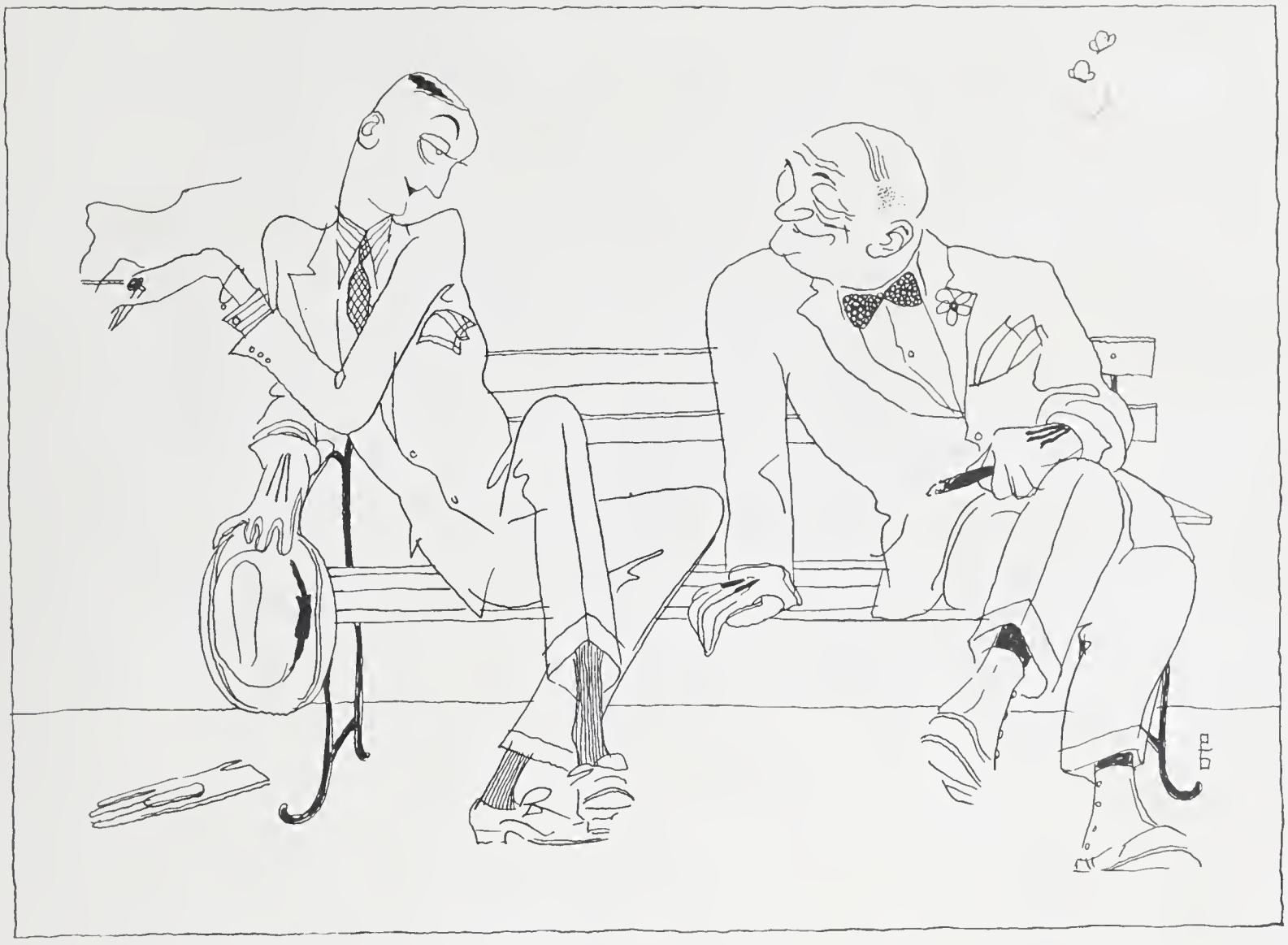
— Изловили вы ее по крайней мѣрѣ? — сказалъ директоръ.

— Зачѣмъ-же ее ловить? — чистосердечно удивился Василій Петровичъ.

Какъ зачѣмъ? — возмутился директоръ, — чтобы

ВЪ БЕРЛИНѢ, ВЪ ТИРГАРТЕНѢ.

Рис. Вл. Бѣлкина.



— Мнѣ кажется... мы съ вами гдѣ-то встрѣчались!

убить! Обезвредить! Вскрыть! Произвести анализъ!!!...

Василій Петровичъ немного встревожился горячимъ тономъ начальника.

«Правда, — подумалъ онъ, бываютъ очень вредные укусы. Бываетъ такъ, что отъ укуса простой мухи человѣкъ умираетъ. Зараженье крови, и готово».

— Нѣтъ, мы ее не поймали, — сказалъ Василій Петровичъ уже серьезно. — Она пожужжала, и улетѣла въ окно.

Всѣ присутствующіе испуганно переглянулись и безпокойно заерзали на своихъ стульяхъ.

— Успокойтесь, Василій Петровичъ! — твердо произнесъ директоръ. — Вы, конечно, хотѣли сказать, что она замяукала, зашипѣла и выпрыгнула въ окно. Успокойтесь! Я такъ и понялъ. Легкое затменіе мысли еще ничего не предрѣшаетъ. Я уже звонилъ по телефону и все будетъ въ порядкѣ. Во всякомъ случаѣ напрягите всю вашу волю, чтобы не надѣлать глупостей. И не только глупостей! Вы понимаете?...

Василій Петровичъ поблѣднѣлъ. Какая-то страшная угроза нависла надъ нимъ.

— Ради всего святого, господинъ директоръ, что случилось? — простоналъ онъ, утирая холодный потъ со лба. — Что случилось? О чемъ мы говоримъ съ вами? Мнѣ прямо жутко дѣлается, господинъ директоръ...

— Страхъ — обычное сопутствующее явленіе въ этомъ случаѣ. Тѣмъ болѣе мужества вы должны проявить, Василій Петровичъ. Смотрите, какъ мы вамъ довѣряемъ. Мы знаемъ, что вы намъ добрый другъ и не хотите намъ зла. И вы видите, что мы васъ совсѣмъ, совсѣмъ не боимся...

Но директоръ лгалъ. Онъ боялся, и ждалъ съ нетерпѣніемъ полиціи, которая была уже увѣдомлена по телефону. Онъ стоялъ передъ Василіемъ Петровичемъ такъ, что между нимъ и несчастнымъ находился столъ, долженствующій послужить первымъ препятствіемъ въ томъ случаѣ, если Василій Петровичъ захочетъ кинуться на него и укусить. Такъ или иначе, директоръ былъ достойнымъ начальникомъ, не покидающимъ въ опасности своихъ подчиненныхъ.

— Ужъ не думаете ли вы, что она была бѣшеная? — заикаясь и лязгая зубами спросилъ Василій Петровичъ.

— Увы! Для меня въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. — подтвердилъ директоръ. — Но — мужайтесь. Вы будете спасены. Современная медицина творитъ чудеса...

Съ дикимъ крикомъ Василій Петровичъ бросился къ выходнымъ дверямъ, опрокидывая столы и стулья. Но за дверьми уже были приняты мѣры. Едва онъ раскрылъ ихъ, какъ могучая струя холодной воды изъ направленнаго на него брандсбоя сбила его съ ногъ, оглушила и ослѣпила. Тѣмъ не менѣе онъ вырвался на улицу. Толпа людей, предшествуемая полиціей, преслѣдовала его съ криками: «Держи! Держи!» Но его не могли догнать. Онъ домчался до своей квартиры, кинулся къ женѣ и зарыдалъ у нея на груди. Онъ рыдалъ и кричалъ непонятныя слова о мяукающей бѣшеной пчелѣ, которая укусила его, несмотря на то, что была его собственная. Бѣдная женщина пыталась успокоить его, привести въ себя, но даже напоминаніе о варенникахъ со сметаной не оказало на него никакого дѣйствія.

Я часто, и по сей день, встрѣчаю Василія Петровича въ паркѣ. Въ короткихъ штанишкахъ, изъ подъ которыхъ видны его худыя, волосатыя ноги, онъ бѣгаетъ по лужайкамъ, ловитъ дѣтскимъ голубымъ сачкомъ невинныхъ пчелъ, мотыльковъ, бабочекъ и безжалостно ихъ уничтожаетъ.

Петръ Гугулинъ.

РЭГБИ.

Рис. Шварца.

«Прошлое принадлежало нервамъ.
Будущее принадлежитъ мускуламъ».

СОВРЕМЕННАЯ КЛЕОПАТРА.

Рис. Шварца.

— Какая тоска.... Ни Цезаря, ни Антонія, — одни художники!

ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ.

1.

Если молодое поколѣніе въ лицѣ твоего собственнаго сына или дочери начнетъ тебя посыпать преждевременно нафталиномъ, — объясни молодымъ кентаврамъ спокойно и вѣско, что то-же самое когда нибудь случится и съ ними.

И прибавь, что нѣтъ мыслей пожилыхъ и юныхъ, немодныхъ и модныхъ, а есть только дѣльныя и ослиныя мысли. Причемъ онѣ попадаютъ въ ту или иную голову совершенно независимо отъ возраста.

Послѣ этого разъясненія дай молодому поколѣнію десять франковъ на кинематографъ, сядь къ окну и спокойно закури папиросу.

2.

Если къ тебѣ пришелъ, по неизвѣстной для него самого причинѣ, ближній и сидитъ какъ фурункулъ три часа кряду, — нажми подъ столомъ спеціально для такихъ случаевъ устроенную кнопку... Раздастся звонокъ.

Сорвись съ мѣста, побѣги будто отворять дверь, вернись и скажи:

— Какая непріятность... Въ нашемъ подвалѣ консьержъ нашелъ припаянную къ стѣнѣ адскую машину, — черезъ пять минутъ она должна взорваться... Да куда-же вы, дорогой мой, торопитесь?!

3.

Обыкновенно люди ведутъ себя во снѣ также прѣсно, какъ и на яву, не измѣняя ни своего характера, ни общепринятыхъ правилъ поведенія.

А между тѣмъ только во снѣ и можно пожить въ полное удовольствіе. Такъ напримѣръ: во снѣ можно побить своего кредитора; во снѣ можно, прійдя въ гости, снять со стѣны понравившуюся вамъ картину или надѣть на голову хозяйки футляръ отъ пишущей машинки.

Проведя такимъ образомъ время, вы проснетесь бодрый и жизнерадостный и будете весь день чувствовать себя прекрасно.

4.

Когда 99 твоихъ знакомыхъ зачитали у тебя книги и придетъ 100-й, и со сладкой улыбочкой подойдетъ вкрадчиво къ твоему книжному шкафу, — прежде чѣмъ онъ раскроетъ ротъ, скажи ему сердечно:

— А знаете-ли, Василій Васильевичъ, во мнѣ за послѣднее время открылась удивительная способность читать чужія мысли. Сказать вамъ, о чемъ вы сейчасъ думаете?

— Гмъ... Пожалуйста.

— Вы думаете: вотъ разрозненный Пушкинъ, вотъ остатки Толстого... На мѣстѣ хозяина я-бы ни одной канальѣ не далъ больше изъ этого шкафа ни одной книги...

— Совершенно вѣрно. — отвѣтитъ вамъ хрипло Василій Васильевичъ, — и отшатнется отъ васъ и отъ вашего шкафа.

5.

Если про тебя сплетничаютъ и говорятъ всякія мерзости. — усиль самъ дозу. Говорятъ, скажемъ, что ты въ Прагѣ ограбилъ свою квартирную хозяйку, — пусти слухъ, что не одну, а трехъ.

Когда сплетня увеличитъ тиражъ до двѣнадцати, каждый нойметъ, что это вздоръ и что ты кристальная личность.

6.

Если жена твоя (или не-жена, подробности эти насъ не касаются) въ ворчливомъ настроеніи, — не возражай ей, это ее взбѣситъ; не отдѣлывайся молчаніемъ, это ее еще больше взбѣситъ; и не поддакивай ей, — она приметъ это за иронію.

Сандро.

КОНТРЪ-ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

— Не найдется ли у васъ сто франковъ на три дня?

— Гмъ... Знаете что: я вамъ лучше дамъ т р и франка на с т о дней.

НЕПОНЯТНАЯ НАДПИСЬ.

Зоологическій садъ. Клѣтка со львомъ. Традиціонная надпись: «Кормить звѣрей строго воспрещается».

Мальчикъ, обращаясь къ отцу:

— Папа, если ихъ нельзя кормить — то какъ же они живутъ?

ЗАТРУДНИТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ.

— Вообразите, въ какое положеніе я на-дняхъ попалъ. Прихожу къ Переплюевымъ, вхожу, какъ всегда, запросто, безъ доклада — и нахожу самое хозяйку въ гостиной, на диванѣ... Заснула, бѣдняжка! Я постоялъ, посмотрѣлъ, да на цыпочкахъ и вышелъ... Еще двери за собой затворилъ. А вы что-бы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

— То же, что и вы... обманщикъ!

«ХОТЬ РАЗЪ ВЪ ЖИЗНИ, НО КРАСИВО!...»

Рис. Пикельнаго.

Жена пациента (тремоло въ голосѣ). — **Скажите, докторъ, это ангина Людовика?!**

Докторъ (сухо). — **Нѣтъ, просто свинка!**

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

Эпиграфъ.

Меньше всего я хотѣлъ бы, чтобы меня считали серьезнымъ человѣкомъ, потому что передъ серьезными людьми снимаютъ маски, или надѣваютъ только печальныя; женщины не кривляются, дѣти играютъ безъ удовольствія, военные рѣже звякаютъ шпорами и не желаютъ разсказывать анекдотовъ.

Къ тому же только дураки всегда серьезны.

1. Въ домѣ повѣшеннаго не говорятъ о веревкѣ.

Я не знаю, что осталось въ этой женщинѣ естественнаго? Волосы, губы, глаза, ногти, щеки насквозь прокрашенные; зубы фальшивые, брови выщипанныя, блескъ глазъ атропиновый; тѣло искусственно сбавленное въ вѣсѣ и въ объемѣ; пищевой трактъ, изнасилованный острыми приправами; нѣдра, измѣненныя оперативными вмѣшательствами; мысли и чувства, отравленныя никотиномъ, духами, бульварными романами и кино-драмами...

А вотъ подите — полукавьте съ такою и она тотчасъ же возопитъ фальшивымъ тономъ къ вашей искренности.

2. Объ улыбкѣ и улыбкѣ.

Св. Францискъ Ассизскій, какъ говоритъ легенда, корилъ угрюмаго монаха, понуждая его улыбаться:

— Не то можно подумать, что тебѣ не по сердцу міръ, созданный Богомъ! И тотъ сталъ улыбаться, чтобы не обидѣть Бога, Зиждителя вселенной.

Keer smiling! учитъ въ Америкѣ приказчиковъ любой хозяинъ магазина: «Этого требуетъ покупатель, требуетъ торговля». И приказчики улыбаются, чтобы не обидѣть...

— Молоха?

3. Симъ побѣдиши.

Успѣхъ въ повседневной борьбѣ невозможенъ безъ должной маски — завлекающей, устрашающей, обѣщающей, скрывающей, сбивающей съ толку, усыпляющей строжайшую бдительность...

Надо только, чтобы каждый разъ вашу очередную маску принимали за подлинное лицо. Въ этомъ вся штука-съ!

4. Самая обманчивая личина.

— «Чрезмѣрная любезность».

У этой личины — коль присмотрѣться — завораживающіе глазки змѣи, улыбка шакала, ноздри вампира и кожа хамелеона.

Не хвастайте, что васъ не надуешь! Мы такъ часто мнимъ себя въ зоологическомъ саду, когда вокругъ насъ и безъ того настоящія джунгли.

5. Въ глубоко-провинціальномъ театрѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Полина! Ты требуешь невозможнаго (ломаетъ руки)!

— Я требую этого во имя любви, Аркадій!

— Скорѣе смерть въ такомъ разѣ! (Блѣднѣетъ).

— Гдѣ же твои клятвы, Аркадій? (Рыдаетъ).

— Есть нѣчто высшее на свѣтѣ, чѣмъ любовь, Полина!

— Что же это? Договаривай!

(Отчеканивая). — Честь!

...Кто-то слезливо высморкался на галеркѣ. Чей-то тяжелый вздохъ заглушилъ этотъ звукъ... У дѣвушки, съ лицомъ Мадонны и глазами лани, застигнутой въ чащѣ, скатилась свѣтлая, «жемчужная» слеза...

А вчера еще этотъ самый Аркадій, проигравъ брошку Полины въ мѣстномъ клубѣ, былъ выведенъ изъ помѣщенія за шулерство, при апплодисментахъ, отъ которыхъ у него слѣзали остатки дешеваго грима.

6. Наказъ стремящейся на сцену.

Бѣда, если ты плохо будешь играть на сценѣ. Еще хуже, если не научишься играть хорошо въ жизни. Потому что хорошая актриса въ жизни доберется, при стараніи, и до первой роли на сценѣ, а плохая, да еще съ фанаберіей («Глупо, молъ, ломать комедію въ жизни») не только на сценѣ, но и въ жизни не будетъ играть никакой роли.

7. Что такое вѣжливость.

Говорятъ, лицемѣріе — лишь вѣжливость, которую порокъ оказываетъ добродѣтели.

Какъ будто вѣжливость въ большинствѣ случаевъ не то же лицемѣріе, но освященное обычаемъ. (Несогласныхъ прошу выйти вонъ).

Н. Евреиновъ.

ТОРГОВОЕ ПРАВО.

— Объясните мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ, что такое вексель.

— Вексель? Это очень просто. Допустимъ, что вы мнѣ одолжили тысячу франковъ, а я вамъ выдалъ вексель срокомъ на три мѣсяца. Это означетъ, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ вы не имѣете никакого права — понимаете, ника-ко-го права! — требовать у меня эти деньги. Потомъ, когда три мѣсяца прошли и наступилъ срокъ — вы уже имѣете право требовать хоть каждый день...

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

За тринадцать лѣтъ, прошедшихъ со дня октябрьской революціи, большевики успѣли создать:

Пролетарскій балетъ.

Рабоче-крестьянскую музыку.

Соціалистическую тригонометрію.

Марксистскіе инкубаторы.

Молочное хозяйство, примѣнительно къ матеріалистическому пониманію исторіи.

Однимъ словомъ, передѣлали, перекроили, перелицевали старый буржуазный міръ до такой степени, что человѣчество, какъ оперный Германъ, только и могло развести руками отъ удивленія.

— Гляжу, и наглядѣться не могу!...

Единственно, что было непростительно упущено, это — человѣческая одежда, такъ называемый гражданскій костюмъ.

И въ самомъ дѣлѣ: мыслимо-ли, чтобы членъ ячейки и соревнователь коллектива носилъ на своихъ плечахъ обыкновенный двубортный пиджакъ стараго режима, а на револю-

ціонныя нижнія конечности натягивалъ скучные штаны, состоящіе изъ двухъ штанинъ и ничего больше?

Да, это немыслимо.

И прежде всѣхъ **осознала** это комсомольская ячейка швейной фабрики имени Володарскаго, въ Петроградѣ.

И предложила проэктъ новаго, пролетарскаго костюма, встрѣченный съ большимъ сочувствіемъ въ сферахъ и полусферахъ.

«Гладкія брюки безъ манжетъ внизу, широкія въ поясѣ и въ колѣняхъ, суживающіяся къ щиколоткѣ.

Кармановъ въ брюкахъ нѣтъ, вмѣсто нихъ, къ поясу прицѣплены наружныя вмѣстилища изъ мягкаго гранитоля...

Пиджакъ короткій, доходящій до поясницы, безъ лацкановъ, безъ воротника, чтобы подчеркнуть и выдѣлить шею.

Въ общемъ, поясняетъ ячейка, костюмъ долженъ имѣть форму треугольника, поставленнаго на остріе...»

Любопытно было бы знать, какую форму должна имѣть голова авторовъ этого геніальнаго проэкта, и если горшка, то какого именно — для неотложныхъ надобностей восьмичасового рабочаго дня, или ночи?

***

Итакъ, неугомонный Ллойдъ-Джорджъ собирается въ Россію.

«Престарѣлый лидеръ либераловъ очень заинтересовался пятилѣтнимъ планомъ и хотѣлъ бы лично ознакомиться со способами проведенія его въ жизнь».

Такъ сообщаетъ «Ньюсъ-Кроникль».

«Ньюсъ-Сатириконъ» по этому поводу скромно констатируетъ:

— Достигнувъ семидесятилѣтняго возраста, почтенный Ллойдъ-Джорджъ впалъ въ пятилѣтку.

Tant pis для Ллойда.

ЗНАМЯ ИСКУССТВА

Вы думаете это легко? Создать русскій, передвижной, отечественный, зарубежный, художественный, интимный, общедоступный театръ?

Да еще высоко держать знамя родного искусства?! Попробуйте, подержите...

Театръ у меня — миніатюръ. Миніатюрнаго типа. И репертуаръ тоже соотвѣтственный. Всѣ новинки сезона самъ сочиняю.

А легко сказать — новинки!

Репертуаръ у насъ, изволите видѣть, на три части дѣлится: во-первыхъ, инсценировки; во-вторыхъ, народные номера; въ третьихъ, танцовальные вообще.

Возьмемъ, къ примѣру, инсценировки. Найдите мнѣ нѣчто такое, чего еще не было?!

Оживленныя куклы были. Оживленный фарфоръ — есть. Оживленныя игрушки — есть.

А ужъ о статуяхъ, манекенахъ, фигуркахъ, папье маше, пресъ-папье, и прочей дряни — и говорить нечего.

То ли дѣло было въ Россіи? Снялъ театръ, взялъ у Разсохина репертуаръ, расклеилъ афиши — и вся недолга.

А теперь нѣтъ! Выдумывай...

Бываетъ, на ночь газету читаешь, да такъ горько задумаешься... Жена сбоку посмотритъ и до того сочувственно спрашиваетъ: — оживляешь? И сама тоже инициативу проявляетъ:

— Можетъ домашнихъ животныхъ? Курочку съ пѣтушкомъ. А?

— Да вѣдь они живые! Ты мнѣ неодухотворенные говори! Цвѣты, часы, будильники!...

Такъ вотъ лежимъ и мучаемся. Другіе спятъ, а мы вдвоемъ знамя поднимаемъ...

— А народные номера чего стоятъ? Чего мы только ни дѣлали? Монаховъ — дѣлали, нищихъ и бродягъ — дѣлали, частушки на менуэты перекладывали, цыганъ до отказу пользовали, старшихъ и младшихъ дворниковъ при лунномъ освѣщеніи давали!...

— Сословій не хватаетъ!...

За то, съ танцами совсѣмъ плохо.

Приходитъ ко мнѣ одинъ актеръ, басъ-шантанъ, онъ же второй теноръ и костюмеръ, и предлагаетъ номерокъ:

— «Гусаръ и Она». Гусаръ уходитъ на войну, она рыдаетъ. Сцена прощанія, и мазурка... А за кулисами колокола, и хоръ поетъ «Ноченьку» Рубинштейна.

— Да вы, что, говорю, въ своемъ умѣ или нѣтъ? Кто же это на прощанье мазурку танцуетъ, да еще съ рыданьемъ и на стальномъ носкѣ?

Однимъ словомъ, что говорить!...

Есть у меня одна балеринка небольшая, Линочка. Такъ у той просто: играйте ей что угодно, она, все равно, изъ «Сильвіи» танцовать будетъ.

Одно только одолженіе дѣлаетъ, что въ разныя стороны крутится. Подъ «Грусть» Шопена — влѣво, подъ рапсодію Листа — вправо.

— Я, говоритъ, сама себѣ танцы ставлю!

Пачки выстираетъ, розу отъ Лафайета приколетъ, гуммиарабикомъ туфельки подклеитъ, серенаду Шуберта изъ сольминора въ ми-мажоръ переложатъ ей — и пошла!

Она, можете себѣ представить, и половецкія пляски такимъ же способомъ протанцовать хотѣла. Еле отговорили...!

Правда, балетная часть у насъ не центральная, а переодѣвальная: покуда Линочка крутится, актеры переодѣваются, но все же и о публикѣ подумать надо!

Да-съ, голубчикъ... Но все таки съ репертуаромъ кое какъ справляемся, нѣтъ-нѣтъ, а кое чего придумываемъ.

Но труппа?! Вѣдь главное въ нашемъ дѣлѣ, что всѣмъ визы нужно! Я теперь, когда голоса пробую, первымъ дѣломъ на документъ смотрю.

Пришелъ ко мнѣ чудеснѣйшій басъ-октава: си снизу беретъ, а по утрамъ, въ крайнемъ случаѣ, и ля вытягиваетъ...

— А документы, спрашиваю, въ порядкѣ?

— Какъ же-съ. Вотъ у меня такая, вродѣ паспорта.

И подаетъ мнѣ бумажку изъ префектуры: «Выслать на границу Испаніи въ 48 часовъ!...»

Вотъ тутъ и ломай себѣ голову. Если набирать по голосамъ, то-есть перваго тенора, второго тенора, баритона и октаву-баса, то ни одной визы конечно не дадутъ. А станешь по документамъ набирать, весь квинтетъ изъ однихъ баритоновъ получается!

Зову капельмейстершу и прошу ее хоровую партитуру въ порядокъ привести. Чтобъ, значитъ, два баритона пѣли тенорами, и чтобъ всю транскрипцію имъ на терцію внизъ.

«НЕМЕДЛЕННЫЙ СОЦІАЛИСТЪ».

Рис. Шема.

О н ъ. — Мой принципъ — смѣлость города беретъ!

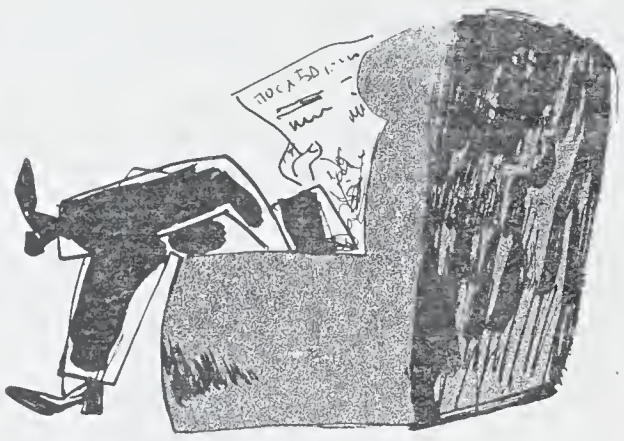
О н а. — Подождите, пока мы хоть за городъ выѣдемъ!

«ПѢСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ».

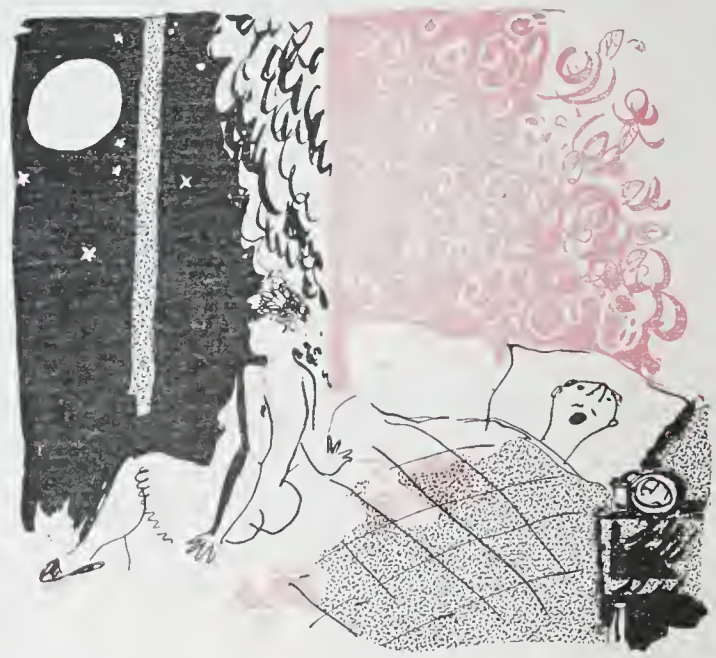
Рис. Лори.

1. Посмотри, какая дивная луна!... Ты сама похожа на луну, на грезу, да! на Принцессу Грезу въ переводѣ Щепкиной-Куперникъ!...

2. Мнѣ все равно, что они подумаютъ!... Я готовъ тебя цѣловать въ метро, въ театрѣ, на улицѣ, пусть всѣ знаютъ, какъ мы счастливы!...



3. Маня, принеси мнѣ папиросы! !



— 4. Плевать я хотѣлъ на эту луну! Затяни занавѣску, мнѣ спать хочется...

5. Удивительная вещь, эта женская психологія! Ей-бы Молоховца читать, — а она еще Щепкиной-Куперникъ бредитъ!...

6. Посмотри на этихъ двухъ кретиновъ, не нашли другого мѣста, чтобъ цѣловаться, какъ въ метрополитэнѣ!...

А басовому баритону на терцію вверхъ. Но тутъ получается, что среднему, то-есть настоящему баритону Божьей милостью, пѣть уже негдѣ!

Марья Андреевна, капельмейстерша наша, женщина хотя геніальная, но начинаетъ рыдать...

— Теноровый баритонъ переходитъ на фальцетъ, а его партію передаютъ второму кларнету, а въ тѣхъ городахъ, гдѣ оркестры безъ кларнетовъ, — віолончели.

Но самое тяжелое, это такъ называемый конферансье. Это ничего, что они ни на одномъ языкѣ говорить не умѣютъ, пулбика это даже любитъ.

Главная трудность въ томъ, что фракъ на него невозможно сшить. Потому что, если ему сшить по мѣркѣ, покуда онъ безъ ангажемента тощій ходитъ, то какъ только онъ обѣдать начнетъ, фракъ уже на него не лѣзетъ! Пробовалъ я съ нимъ такъ: сшилъ ему нарочно пошире. Думаю первыя двѣ недѣли пускай такъ болтается, а тамъ какъ отъѣстся, въ самую пору и будетъ. А онъ, подлецъ, экономный оказался; жалованье получаетъ, а въ ресторанъ не ходитъ, — чай съ колабской дома кушаетъ. Ну и само собой, ни за что не полнѣетъ. Такъ весь сезонъ фракъ на немъ мѣшкомъ и провисѣлъ.

Приказалъ съузить, а онъ! будь онъ проклятъ, обидѣлся, и отъ самолюбія сталъ и обѣдать и ужинать! А ужъ изъ узкаго на широкій какъ передѣлаешь? Наплакался я съ нимъ...

Такъ вотъ, я и говорю:

Легко вамъ, профанамъ, совѣтовать: держите высоко знамя родного искусства!

Попробуйте, — подержите...

Ѳ. Сурдинкинъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

К а т ю ш ѣ М а с л о в о й. — Вашъ разсказъ о кораблекрушеніи въ Индійскомъ океанѣ по-истинѣ производитъ жуткое впечатлѣніе.

Но вы сами пишете въ сопроводительномъ письмѣ, что слишкомъ исчерпали себя, описывая переживанія обоихъ героевъ, и что поэтому никакъ не можете прійти къ достойной этихъ переживаній развязкѣ.

А между тѣмъ развязка напрашивается сама собой:

« Не пойдетъ».

Ф. С. — Тетрадь стиховъ получили и прочли запоемъ. Въ слѣдующій разъ пришлите средство отъ запоя, а стиховъ больше не присылайте.

М а т а д о р у. Г р е н о б л ь. — «Бой быковъ» напечатанъ не будетъ. Не унывай, матадоръ!

П - н у. П а р и ж ъ. — Присылайте. Кое-что взяли.

Ч и т а т е л ю. Р и г а. — Письмо ваше переслали въ Прагу, въ Архивъ русской эмиграціи.

Не пришлете-ли кстати и антропометрическое измѣреніе вашего черепа?

Вѣдь вамъ навѣрное извѣстно какъ бьется современная наука надъ отысканіемъ промежуточнаго типа между человѣкообразной обезьяной и среднимъ читателемъ, а вы не хотите ей помочь и скрываетесь подъ робкимъ анонимомъ. Стыдно!...

О с т р я к у - с а м о у ч к ѣ. — Отостритесь, и когда прійдете въ нормальное состояніе, зайдите какъ-нибудь.

Редакторъ-издатель: **М. Г. Корнфельдъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОДЪ

на большой еженедѣльный литературно-художественный журналъ сатиры и юмора

Сатирикон'

СОСТАВЪ СОТРУДНИКОВЪ:

ПИСАТЕЛИ:

Г. В. Адамовичъ, В. А. Азовъ, М. А. Алдановъ, Альталена, А. В. Амфитеатровъ, Н. Ф. Баліевъ, кн. В. В. Барятинскій, Н. Н. Берберова, гр. П. А. Бобринскій, Ив. Бунинъ, С. М. Газіевъ, Валентинъ Горянскій, Сергѣй Горный, Над. Городецкая, Мих. Долиновъ, Донъ-Аминадо, Н. Н. Евреиновъ, Борисъ Зайцевъ, Леонидъ Зуровъ, Георгій Ивановъ, Галина Кузнецова, А. И. Купринъ, Ант. Ладинскій, Лери, Лоло, С. Литовцевъ, Иванъ Лукашъ, Сергѣй Маковскій, К. В. Мочульскій, Ирина Одоевцева, М. А. Осоргинъ, Петръ Пильскій, Сергѣй Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, Н. Я. Рощинъ, М. Струве, Андрей Сѣдыхъ, В. Ф. Ходасевичъ, Е. Хохловъ, М. О. Цетлинъ, А. М. Черный, А. А. Яблоновскій, Сергѣй Яблоновскій.

ХУДОЖНИКИ:

Александръ Бенуа, О. М. Бернацкая-Савичъ, И. Я. Билибинъ, Д. Бушенъ, Б. Билинскій, Вл. Бѣлкинъ, А. Гроссъ, М. В. Добужинскій, Б. Зворыкинъ, Юр. Ильинъ, К. А. Коровинъ, Е. И. Лурье, Эр. Ницше, Б. Пикельный, Ф. С. Рожанковскій, А. Серебряковъ, В. Стелецкій, Терешковичъ, С. Черевковъ, А. Шарый, Шварцъ, Г. И. Шпильтянъ, В. И. Шухаевъ, Вѣра Шухаева, Шэмъ, Л. Эндэнъ, Алекс. Яковлевъ.

Редакторъ-Издатель: М. Г. КОРНФЕЛЬДЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи	Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ другихъ странахъ	Frs	235.—	190.—	120.—	63.—	21.50

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**

Téléphone: GUTENBERG 05-40

ПРИ РЕДАКЦІИ
„САТИРИКОНА“
открытъ сборъ пожертвованій
на
ГОЛОДНУЮ
ПЯТНИЦУ
Лично отъ 10-12 и отъ 3-6
Письмено:
"Satyricon", 51, Rue Vivienne, Paris (2)

Зубоврачебн. кабинетъ **М. Когенъ**
D. F. M. P.
8, Rue Duban (16). Pl. Passy. Auteil 95-14
Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6.
Остальные дни 10-8 час. веч.

Русскій Гастроном. Магазинъ
въ **Levallois-Perret**
77, rue Chevalier. Tél. Per. 22-56
ВСѢ РУССКІЕ ПРОДУКТЫ
Закуски дом. приготовленія
Посылки въ Россію

BANQUE POUR L'ARBITRAGE ET LA COMMISSION

6, rue Buffault (9). Métro CADET. Téléphone PROVENCE 95-20 et la suite

ПО ПРЕЖНЕМУ ПРОДОЛЖАЕТЪ ПЕРЕВОДИТЬ ВЪ РОССІЮ ДЕНЬГИ И ПОСЫЛКИ ДЕШЕВЛЕ И АККУРАТНѢЕ ДРУГИХЪ БАНКОВЪ. ПО СПЕЦІАЛЬНОМУ ТРЕБОВАНІЮ КЛІЕНТОВЪ ДЕНЬГИ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ ЭКСПРЕССОМЪ, Т. Е. НА 10-ый ДЕНЬ ПО ПОЛУЧЕНІИ ЗАКАЗА. КОРРЕСПОНДЕНЦІЮ МОЖНО ПРОИЗВОДИТЬ И ПО-РУССКИ.

РУССКІЙ ЭРМИТАЖЪ

21, Rue Boissy-d'Anglas. Tél. Elysées 13-84
(MADELEINE - CONCORDE)
ИЗЫСКАННАЯ РУССКАЯ КУХНЯ
ДѢЛОВЫЕ ЗАВТРАКИ 18 фр. ОБѢДЫ — 30 фр.
Вечеромъ артистическая программа
ДОНСКОЙ ВОКАЛЬН. КВАРТЕТЪ
Г. Е. Галицкая, Муратъ-Туаевъ и др.
Румынскій Оркестръ СПРИНЧАНА

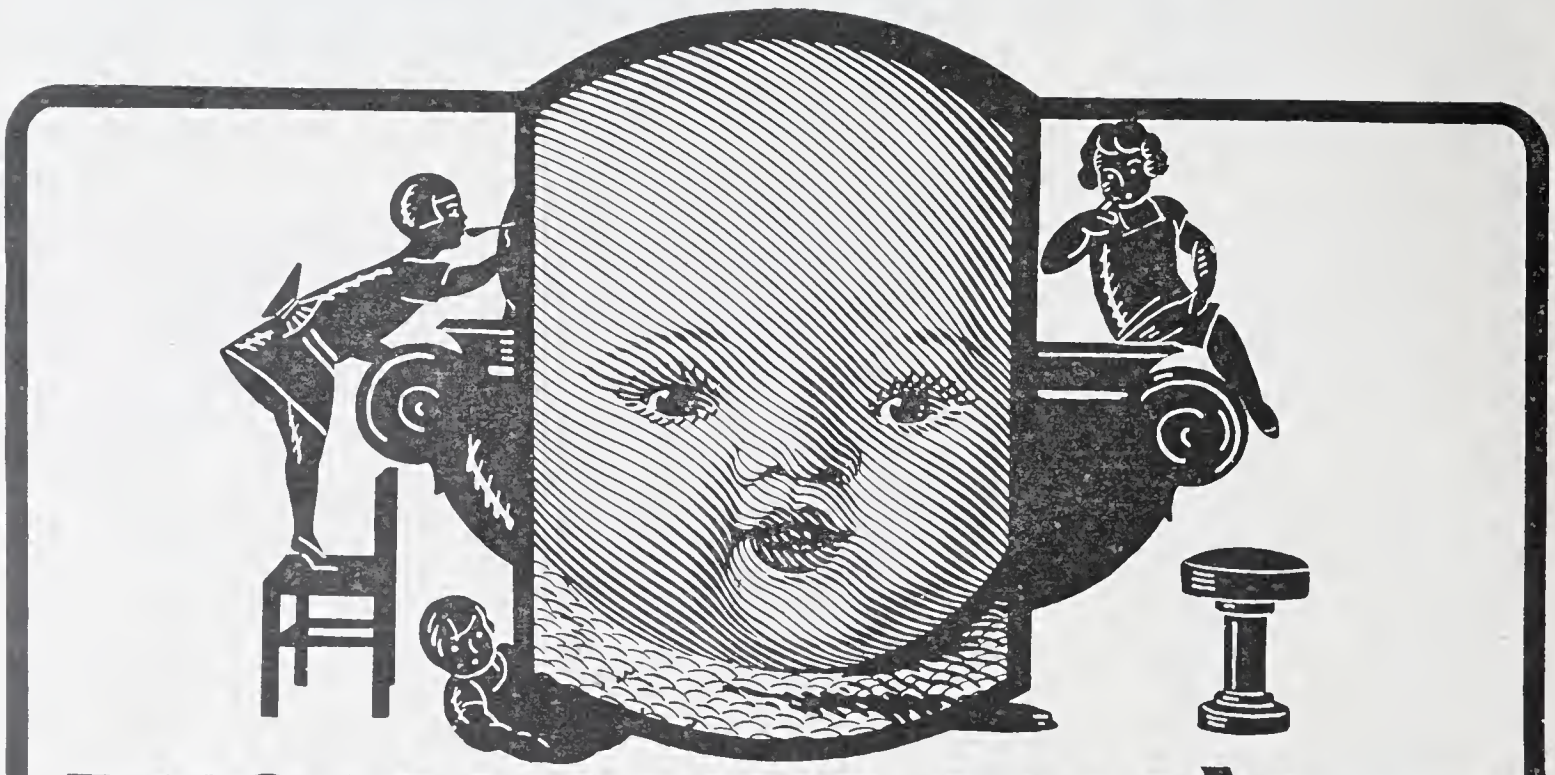
Антикварныя и художественныя ВЕЩИ
Покупка и продажа
Л. СОРКИНЪ
(Прежде Петроградъ)
90, rue Faubourg Saint-Honoré
(противъ Елисѣйскаго дворца)
PARIS (8). Téléphone Elysées 98-49

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ принимаетъ
Комитетъ Помощи Голодающимъ въ Россіи (Comité Russe de Secours)
7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9)
Métro: Clichy. Tél. Louvre 39-25
Пріемъ исключительно отъ 3-7

Русскій Винно-Гастрономическій магазинъ **"CHEZ NOUS"**
Всѣ продукты, кромѣ совѣтскихъ, для русской кухни
Заказы на кулебяки, шрожки, пельмени и для ПАСХАЛЬН. СТОЛА
25, rue Mademoiselle, Метро: Камбронъ и Коммерсъ. Автобусы Z и Y

Общество взаимнаго Кредита "СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). Tel. Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрышн. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер.

Денежные переводы и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9



ПЕРВЫЙ ИНТИМНЫЙ ВЕЧЕРЪ «САТИРИКОНА»

при участіи русскихъ и французскихъ поэтовъ, пѣвцовъ, танцоровъ и художниковъ состоится въ ближайшемъ будущемъ.

О днѣ и мѣстѣ будетъ объявлено особо

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky*, Mehitarsitengasse, 4, Wien VII.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель.
ГЕРМАНІЯ.	Берлинъ. — *Pesskin*, 53, Barbarossastrasse, Berlin W. 30.
ГОЛЛАНДІЯ.	Роттердамъ. — Van Ditmar, Post Box 262, Rotterdam.
ГРЕЦІЯ.	Аѳины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitory, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport*, 39/41, Seestr. Zoppot.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko*, Khiabané Post Hané Kontcha Beha es Saltaneh N°4. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovie.
РУМЫНІЯ.	Буахерстъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré. Buearest.
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York.
	Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov*, Boulevardin, 17, Helsingfors.
	Выборгъ. — *Ivankov*, Linnankatu, 8, Wiiborg.
	Келломяки. — *Reiche*, Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel.
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon*, Goldschmiedstrasse, Reval.
	Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, suur Tan, Narva.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre*, Ul. Kn. Mihailova br. 27.

Изъ писемъ Вашихъ Родныхъ Вы убѣдитесь, что **лучше всего отправлять продовольственныя посылки въ Россію** изъ Отдѣл. Société TITAN въ Ригѣ

Оптовые цѣны. - Быстрѣйшая доставка Первоклассные продукты. — Всѣ гарантіи

ПРІЕМЪ ЗАКАЗОВЪ НА ПОСЫЛКИ
И ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ
на наивыгоднѣйшихъ условіяхъ

SOC. TITAN, 1, rue Mondetour.
Paris (Ier). Gutenb. 80-51 à 80-55

и въ магазинахъ:
ARSER, 83, rue Michel-Ange (16e).
BERLIN, 368 *bis*, rue de Vaugirard (15e)
REDSKY, 76, rue du Cardinal-Lemoine (5e).
IDEAL, 153, rue de la Convention (15e).

LIBRAIRIE RUSSE "ZNANIE"
BIBLIOTHÈQUE
Grande rue de Péra, 388. Stambuol-Turquie

INTERNATIONAL PUBLIC STENOGRAPHERS & TRANSLATORS
А. П. РАТНЕРЪ
15, rue Godot de Mauroy. Tél. Gutenberg 58-06
Переводы, переписка, циркуляры
Цѣны умѣренныя

Тургеневская Общественная Библіотека въ Парижѣ
9, rue Val-de-Grâce. Paris (V)
Болѣе 60,000 томовъ. Библіотека откр. ежедн. кр. праздн. 16-20 ч. Подп. плата за одну кн. 6 фр. в м. при зал. въ 30 фр.

ОФЕНЯ
(съ 1925 года)
28-bis, rue Nationale - BILLANCOURT
Книжный Магазинъ и Библіотека
ВСѢ НОВИНКИ КНИЖНАГО РЫНКА
Всѣ періодическія изданія. Пріемъ подписокъ и объявленій. Доставка газетъ на домъ, безъ доплаты, съ 4 часовъ утра. Новѣйшіе матеріалы по подготовкѣ на такси. Художественныя открытки. Гравюры (Третьяковской Галлереи, Музея Императора Александра III и др.). Писчебумажныя принадлежности.

IMPRIMERIE
COOPÉRATIVE ÉTOILE
17, rue de la Comète
Téléphone: Invalides 11-50
PARIS (7)
R. C. S. 227.770
Métro: La Tour-Maubourg

TOUS GENRES DE TRAVAUX
EN TOUTES LES LANGUES

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ТИПОГРАФСКІЯ РАБОТЫ
НА ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ

Le gérant : *N. Kornfeld.*
Impr. Coop. « Etoile », 17 rue de la Comète. Paris.

ГРИМАСЫ БОЛЬШОГО ГОРОДА.

Рис. А. Гросса.

— Благодари Бога, что я тебя еще на куски не разрѣзалъ...

PRIX EN FRANCE: Frs 3.—

2 МАЯ - 2 MAI 1931

ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

Сатирикон

SATYRICON

1931

Hebdomadaire Russe

еженедѣльное изданіе

Rédaction et Administration: 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)

№ 5

Directeur M. Kornfeld

ВОСПОМИНАНЬЯ ПРЕЖНИХЪ ДНЕЙ.

Рис. А. Шараю.

«Разлука, ты, разлука,
Чужая сторона,

Никто насъ не разлучитъ,
Какъ мать — сыра земля!...»

Рис. А. Гросса.

ГЕКТОРЪ И БАРБОСЪ

Однажды, за особыя заслуги
Догъ, Гекторъ, получилъ котлету отъ прислуги
И про запасъ въ укромный уголокъ
Подарокъ уволокъ.

Откуда ни возьмись, на запахъ мяса
Является Барбосъ,
Совсѣмъ неважный песъ
Простого класса,

Съ котлеты глазъ не сводитъ,
Подходитъ...
И, не вступая въ долгій споръ,
Котлету въ пасть, — и прыгъ черезъ заборъ!

Отнынѣ и дуракъ поймета —
Что значитъ классовый подходъ!

Маркіанъ Малаевъ.

«СЧАСТЛИВЫЕ ЧАСОВЪ НЕ НАБЛЮДАЮТЪ»

— Ваши часы вѣрны?
— Нѣтъ, отстаютъ.
— На много?
— На три тысячи километровъ.
— ???
— Ну да. Они остались въ Константинополѣ, въ ломбардѣ...

АНЕКДОТИЧЕСКАЯ КОПИЛКА.

Однажды нѣкій юный поэтъ изъ Лодзи принесъ мнѣ на просмотръ символическую драму, герой которой изъяснялся приблизительно такимъ языкомъ:

— Когда окровавленное небо завивается въ черныя кудри «сумерковъ», и раненый въ пяту Ахиллесъ-солнце ложится въ могилу на кладбищѣ заката, мое уязвленное сердце объемлетъ сѣдая грусть и по мѣрѣ того, какъ пепелятся піоны лучей, мнѣ бываетъ все груще и груще»...

Смѣлость сравнительной степени — «груще» доставила мнѣ тогда веселую минуту.

А ну, семъ-ка я, попробую подражать.

Торжество Марселя Пруста
или
Состязаніе русскихъ зарубежныхъ беллетристовъ
въ достиженіяхъ творчества.

«— Романъ мой содержаньемъ густъ!
Мой вдвое гуще!
Куда тебѣ! Я русскій Прустъ!
— Анъ, врешь! Я Пруще!»

■

Въ настоящее время принято прославлять Ѳ. М. Достоевскаго, какъ вѣщаго пророка и провидца нашихъ дней. Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, позволю себѣ однако замѣтить, что даръ провидѣнія былъ ниспосланъ не ему одному, но и другимъ русскимъ писателямъ-класикамъ. Напримѣръ, Николаю Васильевичу Гоголю. Перечитывая на дняхъ его безсмертныя творенія, я былъ пораженъ прозорливостью нижеслѣдующаго замѣчанія въ «Запискахъ Сумасшедшаго»:

— «Люди воображаютъ, будто человѣческій мозгъ находится въ головѣ; совсѣмъ нѣтъ; онъ приносится вѣтромъ со стороны Каспійскаго моря».

Не ясно ли, что Авксентій Поприщинъ предчувствовалъ появленіе евразійцевъ и, слѣдовательно, они вправѣ чтить въ немъ первоначальника своей доктрины?

Или въ «Мертвыхъ Душахъ»:

« Господинъ съ нѣсколько подмигивавшимъ лѣвымъ глазомъ такъ, какъ будто бы говорилъ: Пойдемъ, братъ, въ другую комнату, тамъ я тебѣ что-то скажу!»

Но вѣдь это же живой портретъ Виктора Михайловича Чернова!

Или тамъ-же:

«Пророкъ пришелъ и возвѣстилъ, что Наполеонъ держится на каменной цѣпи, за шестью стѣнами и семью морями, но послѣ разорветъ цѣпь и овладѣетъ всѣмъ міромъ».

Читайте «Наполеона» и «Тайну Запада. Атлантиду-Европу» Дмитрія Сергѣевича Мережковскаго: слово въ слово, и точка въ точку!

А вотъ и характеристика супруги творца «Атлантиды» — поэтессы, романистки и критико-публицистки, Зинаиды Николаевны Гиппіусъ.

«— Ничего не пожалѣла, чтобы сдѣлаться любезною въ послѣдней степени, хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась — ухъ какая прыть женскаго характера! и хотя подчасъ въ пріятномъ словѣ ея торчала — ухъ, какая булавка!»

Собакевичъ въ «Мертвыхъ Душахъ» протестуетъ:

— «Выдумали діэту — лѣчить голодомъ. Воображаютъ, что съ русскимъ желудкомъ сладятъ. Нѣтъ, это все не то, это все выдумки».

Теперь совершенно въ томъ-же смыслѣ и тонѣ ополчаются на «голоднаго доктора» Алексѣя Алексѣевича Суворина озлобленные его практикой бѣлградскіе врачи.

И на пришествіе невозвращенцевъ — «третьей эмиграціи» — то-жъ.

«Чортъ знаетъ что: птица — не птица, гражданинъ — не гражданинъ, — просто, возьми да и вышвырни за окошко!» («Носъ»).

Полагаю, что приведенными примѣрами пророческое значеніе Н. В. Гоголя уже вполнѣ доказано, а потому прекращаю. Продолжать-же можно, при желаніи, до безконечности.

Развѣ что pour la bonne bouche, еще одно словцо изъ «Тараса Бульбы»:

«— Такъ, стало быть, слѣдуетъ, чтобы пропадала даромъ наша сила, чтобы человѣкъ сгинулъ, какъ собака, безъ добраго дѣла, чтобы ни отчизнѣ, ни всему христіанству не было отъ него никакой пользы? Такъ на что-же мы живемъ? На какого чорта мы живемъ? Растолкуй ты мнѣ это!»

Это ужъ пущено по всей эмиграціи. И... здорово пущено!

■

Лѣто 1921 года. Петроградъ. Въ связи съ пресловутымъ «Таганцевскимъ заговоромъ», обыски по всему городу, въ особенности на Васильевскомъ славномъ островѣ. У профессора С., не причастнаго ни къ какой контръ-революціи ни сномъ, ни духомъ, ночные гости перевернули вверхъ дномъ всю его убогую квартиренку. Озорничали безобразно и безсмысленно: не нашли ничего, — такъ хоть досадить буржую. Профессоръ долго терпѣлъ, но когда чекистъ нарочно разсыпалъ и перемѣшалъ листы его многолѣтней научной работы, старикъ не выдержалъ и «обложилъ» негодяя нехорошими словами.

Мгновеніе опѣпененія. Затѣмъ ревъ «сопровождающаго» красноармейца:

— А прикладомъ по башкѣ хочешь?

И неожиданный отвѣтъ профессора:

— Хочу.

Красноармеецъ опѣшилъ, — и руки врозь. Потомъ:

— Ишь, сволочь! Ужъ и башки ему не жаль! До чего народъ обтерпѣлся!

■

Тогда же. Тамъ же. Обыскъ у другого профессора. Чекистъ: — Лишняя пара ботинокъ!

Профессоръ (флегматически). — Возможно.

Чекистъ. — Притомъ мало поношенныхъ.

Профессоръ. — Возможно.

Чекистъ. — Собственно говоря, они подлежатъ отобранію.

Профессоръ. — Возможно.

Чекистъ. — Но... (великодушный взглядъ на профессорскія ноги въ опоркахъ). Но, пожалуй, я, такъ и быть, вамъ ихъ оставлю.

Профессоръ (съ флегмой пуще прежняго). — Хотя мало вѣроятно, но возможно.

Чекистъ. — Только вы ужъ объ этомъ моемъ вамъ послабленіи, пожалуйста, никому не разсказывайте.

Профессоръ. — Не безпокойтесь. Если и разскажу, все равно, никто не повѣритъ.

■

Много грусости въ обывательствѣ, согнутомъ большевицкою палкой, а бываютъ и дерзновенія. Недавній московскій случай.

На пропагандѣ безбожія ораторы почему то очень любятъ приводить въ доказательство безнравственности библейскаго Бога примѣръ, какъ, по молитвѣ пророка Елисея, обиженнаго насмѣшками мальчишекъ надъ его лысиной, Богъ послалъ на озорниковъ свирѣпыхъ медвѣдицъ, которыя ихъ и растерзали.

Голосъ изъ публики:

— Что значитъ пророкъ то Божій! А у насъ въ волости, какъ повѣсили Ильичевъ портретъ, всѣ ребятеньки, словно обуянные, съ недѣлю крикомъ кричали: «Лысая Сатана!» — и никакихъ медвѣдей!

Александръ Амфитеатровъ.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Во французскомъ благочестивомъ и буржуазномъ домѣ помолвка. Устанавливаютъ день свадьбы. Остановились на четвергѣ.

Тетка однако предупреждаетъ жениха:

— Не женитесь наканунѣ пятницы, — прійдется на другой день поститься.

Невѣста вмѣшивается:

— Нѣтъ, тетя, въ моемъ требникѣ сказано, что на другой день послѣ свадьбы можно доѣдать остатки.

«ПОДАРОКЪ МОЛОДЫМЪ ХОЗЯЙКАМЪ»

По случаю празднованія дня Перваго Мая, населенію Союза Совѣтскихъ Соціалистическихъ Республикъ будетъ выдано по одному фунту картофельной муки — безъ карточекъ.

«РАЗДУМЬЕ».

Рис. П. Ильина.

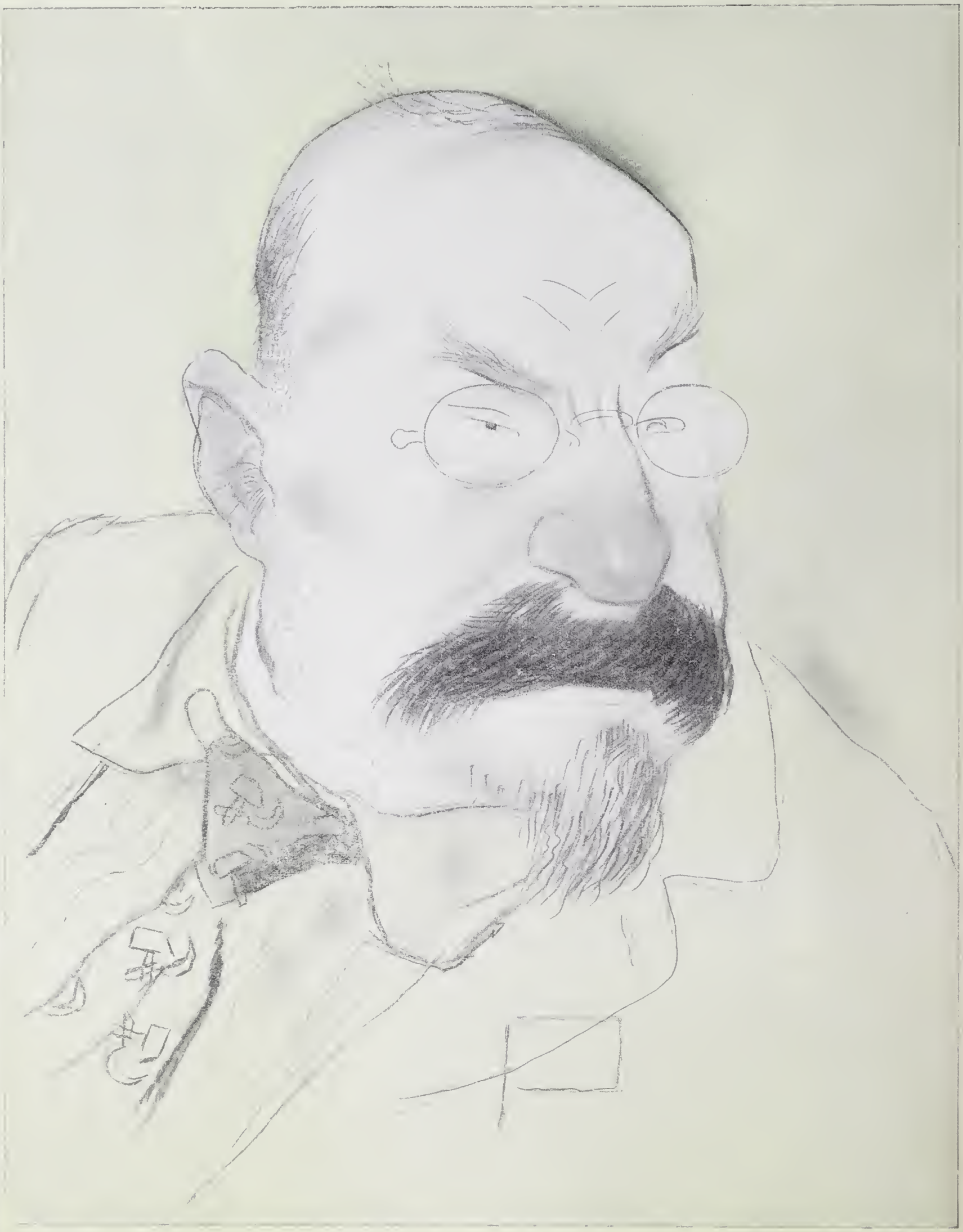
— Это еще Бальзакъ сказалъ: Когда насъ любятъ, намъ прощаютъ все, даже наши недостатки... но какъ только насъ разлюбятъ, намъ ничего не прощаютъ, даже нашихъ достоинствъ!

«КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ».

Портретная галлерея.

А. В. ЛУНАЧАРСКІЙ.

Рис. А. Шараю.



Онъ Аполлонъ. Онъ Фебъ. Онъ Анатолій.
Онъ драматургъ. Поэтъ. И беллетристъ.
Онъ нашъ Фоблазъ. Онъ нашъ король Павзолій.
И, вообще, большой соціалистъ!

Онъ все постигъ — и нѣгу пресыщенья,
И власти хмель, и многоженства рай.
И видѣлъ онъ на нивѣ просвѣщенья
Такой необычайный урожай,

Такой восторгъ счастливаго покоса,
Такихъ соревнованій идеалъ,
Что, въ качествѣ жнеца и наркомпроса,
Посѣянное полностью пожалъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Въ «Русскомъ Магазинѣ», журналѣ русской молодежи въ Ревелѣ, наряду съ недурными стихами Вячеслава Лебедева, неряшливыми поэзами Бориса Поплавскаго, гастрольнымъ разсказомъ Ремизова и научной статейкой К. Гаврилова «О вспрыскиваніи спермы въ организмъ высшихъ животныхъ» напечатаны и Мысли о кинематографѣ.

Подъ «мыслями» значится скромная подпись Х. (Иксъ), что невольно рождаетъ еще одну «мысль» — о полной неизвѣстности автора.

Но такъ какъ Истина есть уравненіе со многими неизвѣстными, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и на долю ревельскаго Икса можетъ тоже кое-что перепасть.

И, какъ видно изъ нижеслѣдующаго, и перепадаетъ...

Такъ, напримѣръ, Иксъ пишетъ:

«Какъ романъ Уоллеса въ рукахъ скучающей дѣвицы, какъ утренняя гимнастика съ зубной щеткой, какъ пѣсенки Вертинскаго, какъ парадъ старѣющихъ и возрождающихся фокстротовъ, кино прочно утвердилось въ культурномъ минимумѣ нашего быта».

О томъ, что пѣсенки Вертинскаго являютъ собою культурный минимумъ, спорить разумѣется безполезно.

Равно, какъ нелѣпо оспаривать и другое культурное завоеваніе — возрождающійся фокстротъ.

Но зачѣмъ-же закалять спартанскій духъ молодежи «утренней гимнастикой съ зубной щеткой»?!

Или, г. Иксъ не понимаетъ, что сдѣлать бѣдную зубную щетку единственнымъ орудіемъ всей утренней гимнастики, это значитъ требовать отъ беззащитной щеточки не минимума, а максимума?

Послѣ этого неудивительно, что ревельскія дѣвицы изнываютъ отъ скуки и предпочитаютъ читать Уоллэса въ переводѣ, нежели худосочныхъ мѣстныхъ юношей въ подлинникѣ.

Впрочемъ, какое дѣло Иксу до ревельскихъ дѣвицъ, когда весь онъ живетъ высшими интересами, о коихъ такъ прямо и пишетъ:

«Свѣтлый, полотняный прямоугольникъ разрывается въ лоскуты, и черезъ зрительный залъ проходитъ сквозникъ искусства...»

И вотъ и выходитъ, что лучшіе изъ писателей простуживаются и, закаленные одной только зубной щеточкой, безнадежно гибнутъ.

■

Періодическія изданія на русскомъ языкѣ въ Америкѣ являются въ нѣкоторомъ родѣ униками...

Если бы филологическіе факультеты всего міра соединились вмѣстѣ и общими усиліями и въ теченіе долгихъ лѣтъ изучали бы тайны зарожденія и образованія этого своеобразнаго русско-американскаго языка, то, пожалуй, и имъ-бы не удалось открыть сложные законы эмигрантскихъ словосочетаній, флексій, суффиксовъ, корней и ударенія.

Вотъ ужъ, по-истинѣ, какая смѣсь именъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній!...

Въ газетѣ «Разсвѣтъ», издающейся въ Чикаго, въ отдѣлѣ хроники и объявленій читаемъ:

«Докторъ Штейнберъ, спеціалистъ по экзаменаціи глазъ и подбору очковъ всѣхъ возрастовъ и обоего пола».

«Настройте вашъ организмъ при помощи Ойль-капсюлей!»

«Продается свѣжая табачная лавка со всѣми школьными принадлежностями».

«Братъ Сергѣй Голынъ ищетъ брата Прокофія Голына посредствомъ Якова Коваля».

«Первоклассная русско-турецкая баня, тамъ-же комнаты для спанья, съ вентиляторами и всѣми усовершенствованіями для мозолей».

«Русскій погребальщикъ и бальзаматоръ, Иванъ Юркевичъ, первоклассная и аккуратная работа, не исключая любого вѣроисповѣданія, по тремъ разрядамъ».

«Марія Лабунь, русско-украинская акушерка, большой опытъ всемірнаго дѣторожденія».

«Александра В. Максимова, С.-Петербургская повивальная институтка, первая спеціалистка по родовспомогательной профессіи съ хирургическимъ вмѣшательствомъ днемъ и ночью».

Спрашивается:

— Почему испанская королева Изабелла не сожгла, какъ хотѣла, Христофора Колумба на кострѣ и дала ему возможность открыть Америку?!

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ЮМОРЕСКИ Н. Н. ЕВРЕИНОВА

Мистеръ Браунъ

Мистеръ Браунъ былъ мужчиной хладнокровнымъ.
Отличался онъ характеромъ столь ровнымъ,
Что убійственную выдержку его
Не смущало никогда и ничего.

Разъ сидѣлъ онъ съ миссисъ Браунъ на балконѣ,
Было чисто и свѣтло на небосклонѣ.
Онъ читалъ свой неизмѣнный Дели-Ньюсъ,
И наматывалъ внимательно на усъ.

Миссисъ бережно и страстно вышивала,
И, какъ любящая женщина, молчала,
...Вдругъ невидимо откуда, почему,
Небо въ черную одѣлся кайму,

Грянулъ громъ надъ притаившейся землею,
И изломанная молнія стрѣлою
Озарила просвѣтлѣвшій небосклонъ
И зигзагами ударила въ балконъ! —

И въ прическу бѣдной женщины вонзилась,
И несчастная до тла испепелилась!!!

А супругъ ея, — вотъ это человѣкъ! —
Отъ газеты не поднявши даже вѣкъ,
Позвонилъ, и прибѣжавшему лакею
Отчеканилъ съ хладнокровностью своею:

— Джонъ, достаньте подходящую метлу,
Подметите этотъ пепелъ на полу...

Н. Евренновъ.

РАЗСКАЗЫ ВЪ КАПЛЯХЪ.

Идиллія.

Уже которое утро, нѣкій неугомонный артистъ не безъ изящества исполняетъ у меня подъ окномъ, на какомъ то невѣдомомъ мнѣ инструментѣ любимую парижскую пѣсенку.

Однажды я рѣшился разстаться съ удобно належанной постелью и посмотрѣть, въ чемъ дѣло.

— Мальчишка-молочникъ разставилъ на тротуарѣ пустыя бутылки и съ увлеченіемъ игралъ на нихъ.

Я съ удивленіемъ убѣдился, что даже діэзы съ бемолями были подобраны въ его стекляшной клавіатурѣ.

Мальчишка старался.

Несомнѣнно онъ хотѣлъ очаровать кого-то, прельстить, убѣдить, вызвать благосклонное вниманіе, восхитить, выдѣлиться, прославиться.

И мнѣ удалось увидѣть ту, ради которой такъ удивительно пѣли молочныя бутылки, казалось, завѣдомо обреченныя только на то, что называется — бой посуды.

Прелестная дѣвушка, служанка, вышла изъ дома и пожелала молочнику добраго утра.

Но и безъ ея пожеланія утро выпало мальчугану совсѣмъ не плохое.

Онъ увидѣлъ ее.

Разговариваетъ.

Чего же больше?

Она смѣялась, онъ радостно волновался. Жесты его или вразрѣзъ со словами и руки его тянулись къ ней, въ простомъ и чистосердечномъ желаніи еще большаго.

Можетъ быть, второстепеннаго.

Можетъ быть, главнаго.

И вдругъ повидимому безъ всякой связи съ предметомъ ихъ разговора, расторопный мальчишка обнялъ дѣвушку и поцѣловалъ.

Она сдѣлала круглые, притворно удивленные глаза, и отвѣтила тѣмъ выразительнымъ французскимъ словомъ, которое означаетъ второстепенное, но выражаетъ главное, и которое родится гдѣ то очень глубоко, и является и существительнымъ, и междометіемъ, гибкимъ и подвижнымъ и прекрасно обслуживающимъ очень многія душевныя впечатлѣнія.

И теперь, когда я беру изъ-за дверей ожидающую меня бутылку молока, я уже совсѣмъ иначе смотрю на нее. Я знаю, что изъ нея можно извлечь не только обыкновенное молоко, разбавленное водой, но и хрустальные звуки, любовныя мелодіи, идущія отъ сердца и къ сердцу.

Джентльмэны.

Раннимъ утромъ двое неизвѣстныхъ подошли къ мусорному баку, — одновременно, съ разныхъ сторонъ.

Ихъ туалеты не оставляли никакихъ сомнѣній въ ихъ профессіи.

Продырявленный котелокъ одного былъ нисколько не хуже фетровой шляпы другого. И ихъ длиннополые сюртуки были сшиты съ небезосновательной претензіей на вѣчность.

Господа держали себя такъ,какъ версальскіе кавалеры, или депутаты партіи консерваторовъ. Они обмѣнялись привѣтствіями и между ними произошелъ непередаваемый по вѣжливости діалогъ.

— Я арендую этотъ бакъ, сударь, уже три мѣсяца...

Вполнѣ возможно, сударь, но взгляните на этотъ котелокъ. Я нашелъ его именно здѣсь, четыре мѣсяца тому назадъ.

— Не смѣю сомнѣваться въ вашихъ словахъ, сударь, но сегодня исполнилось какъ разъ полгода, какъ я обнаружилъ въ этомъ бакѣ почти что полную бутылку бордо. Мы выпили его съ женой за завтракомъ, и нашли превосходнымъ.

— Въ такомъ случаѣ, сударь, право давности конечно за вами...

— О нѣтъ, сударь, пожалуйста! Не станемъ же мы обижать другъ друга изъ за такихъ пустяковъ.

Если вамъ угодно, мы осмотримъ этотъ бакъ вмѣстѣ и найденное раздѣлимъ пополамъ.

— Ахъ, вы такъ любезны, сударь.

Одинъ изъ господъ приподнялъ крышку бака и въ тотъ-же моментъ изъ него выпрыгнула большая крыса... Джентльмэны дружно расхохотались.

— Нѣтъ, вы посмотрите, какъ она удираетъ!

— Ха-ха-ха. До свиданья, мосье!

— Ха-ха-ха. До свиданья, сударь!

...И я подумалъ: ахъ, еслибы эти люди вели полемику въ русскихъ газетахъ!...

А. Пильсенъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.

Шаржъ Л. Эндена.

Г. В. Адамовичъ.

Онъ судитъ зло, но безпристрастно,
И не опасенъ въ смыслѣ зла.
Но въ Адамовичѣ опасно
Не осужденье... а хвала.

ЖЕНА БОЛТУНА.

М у ж ъ. — Ты скажи мнѣ правду... При нашихъ съ тобой взглядахъ на бракъ и при взаимной свободѣ, чего ты, собственно говоря, боишься?

Ж е н а. — Конечно, сказать я могу... Но если я чего и боюсь, то только твоей болтливости! Вѣдь черезъ полчаса о моемъ романѣ будетъ знать весь городъ...

ДРУЖЕСКОЕ ПОСВЯЩЕНІЕ АНТ. ЛАДИНСКОМУ.

Дрыгни, дрыгни черной ножкой,
Дрыгни ножкой голубой,
Дрыгни, крохотная крошка,
Трехаршинный ангелъ мой!

Робинъ-Гудъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ О НАЛОГѢ.

«Многоуважаемый Господинъ Контролеръ!

Позвольте вамъ сдѣлать чистосердечно заявленіе насчетъ моего финансоваго положенія, а потомъ сами судите, можно съ меня брать налогъ или нельзя.

Буду отвѣчать по пунктамъ, какъ вы того требуете.

Семейное положеніе.

Семейное положеніе, скажу вамъ откровенно, у меня такое.

Съ одной стороны я какъ-будто и женатъ, а съ другой стороны, я какъ будто и холостъ.

Выходитъ-же это такъ потому, что жена моя дневная машинистка, а самъ я ночной шоферъ.

Такъ что мы, вотъ уже два года, никакъ другъ съ другомъ встрѣтиться не можемъ!

Она утромъ ровно въ полъ часа девятаго на службу бѣжитъ, а я ровно въ девять часовъ утра изъ гаража пріѣзжаю.

Опять же я въ шесть часовъ съ половиной вечера въ гаражъ отправляюсь, а она ровно въ семь изъ конторы является.

Приходится одной сухой перепиской ограничиваться.

Слышалъ стороной, что она, бѣдняжка, здорово за эти годы измѣнилась и даже постарѣла.

Вотъ, господинъ контролеръ, и разберитесь.

Процентныя бумаги и купоны.

Дѣйствительно, есть у меня одна бумажка, блѣдно розового цвѣта, по которой я каждый разъ проценты плачу...

Но сохрани васъ Богъ, г. контролеръ, имѣть такія процентныя бумаги и никогда толкомъ не знать, который часъ...

Земельная собственность.

Земли у меня, господинъ контролеръ, какъ котъ наплакалъ, и даже еще меньше!

— Горшокъ изъ подъ елки, и въ немъ земля насыпана.

А что касается елки, то отъ горя и климата засохла.

Такъ что лѣснымъ участкомъ считать ее не могу.

Нерегулярные доходы.

Самый нерегулярный въ нашемъ дѣлѣ доходъ, это пурбуаръ или чаевые.

Зависитъ отъ психологіи.

Если нормальный пассажиръ и съ чужой женой, то чистая прибыль.

Но если одиночка и разочарованный, прямой убытокъ: самоубійство въ такси и неплатежъ по счетчику.

Доходъ отъ либеральныхъ профессій.

Считаю своимъ долгомъ честно заявить, что профессія у меня была вполнѣ либеральная, но только ни черта изъ нея не вышло.

Былъ присяжнымъ повѣреннымъ и могъ любого негодяя изъ второй кражи со взломомъ, какъ угодно вытащить.

Товарища прокурора противной стороной, иначе не называлъ!

Два фрака съ атласными отворотами имѣлъ, одинъ для уголовныхъ дѣлъ, другой для гражданскихъ.

Изъ любого состава присяжныхъ могъ какую угодно слезу вышибить.

Кудрями встряхивалъ, въ крахмальную грудь кулакомъ себя колотилъ, лучше, говорю, десять виновныхъ, чѣмъ одного невиннаго, и тому подобное, господинъ контролеръ, и тому подобне!...

Не хочется мнѣ васъ разстраивать, а то-бъ я вамъ и не такое еще разсказалъ.

Но что касается дохода въ настоящій моментъ, то хотя и во имя свѣтлаго будущаго, но работаю не по адвокатурѣ, а по извозу.

Декларація.

На основаніи вышеизложеннаго предлагаю вамъ покончить дѣло миромъ и, какъ говорится, безъ анексій и контрибуцій:

— «Санъ контрибюсьонъ».

Или, въ крайнемъ случаѣ, съ разсрочкой платежа на шестьдесятъ лѣтъ.

А тамъ посмотримъ, чьи нервы крѣпче, и кто выдержитъ.

Агреэ, мсье, сантиманъ дистангэ».

К. Страшноватенко.

БЕЗРАБОТНЫЕ.

Композиція А. Ш.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЗВУКОВОЙ ФИЛЬМЪ.

Рис. Б. Гроссера.

Р е ж и с с е р ъ. — Помните, что вы захвачены разбойниками и подвѣшены на высотѣ 4.000 метровъ... И вотъ, въ этотъ незабываемый моментъ вы поете вашу лебединую пѣсню!... Разъ, два, три!... Пойте!...

РАЗСКАЗЫ ГОСПОДИНА ТОЩЕНКО

Тутъ ко мнѣ, братишки-эмигранты, мое дитя на праздники пріѣзжало. Мальчишечка. Антономъ зовутъ. Такъ я его два года не видѣлъ. Я даже его внѣшнюю наружность забылъ. Помню только, что блондинъ мужского пола. И я ходилъ его на вокзалъ встрѣчать. Много ребятишекъ пріѣхало и конечно сталъ выбирать, который мой. Выбирать долго не пришлось. Къ каждому дитяти записочка приколота, съ объясненіемъ личности. Я своего живо по записочкѣ нашелъ и страшно ему обрадовался. И я сразу увидѣлъ, что онъ чудное воспитаніе получилъ, и къ своему учебному заведенію такъ привыкъ, что шарахается отъ меня и ѣхать домой не хочетъ. И по-русски ни слова. Убѣждаетъ меня на чистомъ французскомъ языкѣ. И я опять обрадовался. Потому что получился ребенокъ вродѣ какъ отъ порядочныхъ родителей. Ну, конечно, я мальчишечку схватилъ и привезъ его на автобусѣ Х. въ наше жилое помѣщеніе. И вручилъ матери для слезъ и объятій. Дитя, натурально, сопротивляется, потому что за два года забыло источники своего происхожденія. Но главное — по-русски не говоритъ. А мы по-французски не занимались. И мы рѣшили перейти съ женой на мимику и пластическія тѣлодвиженія. Это горько, братишки, съ роднымъ сыномъ при помощи пантомимы разговаривать, но ничего не подѣлаешь. Покажемъ ему, говорю женѣ, какъ мы безъ него тосковали. Да какъ покажешь? спрашиваетъ жена. Очень просто, говорю, не зря же мы въ синема каждую недѣлю ходимъ. Изобрази, говорю, сцену тоски и одиночества. Садись за столъ и ломай въ отчаяньи руки. Выполняй все, какъ на фигураціи. Я режиссеромъ буду. Ну, конечно, жена сѣла за столъ и стала изображать скорбь.

— Регардэ, мусью! — говорю сыну.

Тотъ глядитъ, но вродѣ какъ пугается и норовитъ къ двери. Теперь, говорю женѣ, подойди къ фотографіи нашего дитяти и цѣлуй стекло. У меня жена покорная подруга жизни, потому что у меня характеръ довольно гадкій. Ну, подошла жена къ фотографіи. Опять руки поломала и поцѣловала стекло. Хорошо, говорю. Теперь покажемъ ему, что мы очень рады его пріѣзду. Давай хохотать и что-нибудь передъ нимъ станцуемъ.

— Регардэ, мусью! — опять говорю сыну.

И стали мы танцовать и до упаду смѣяться. А сынишка такъ перевоспитался, что все таки ничего не понимаетъ. Сидитъ, бѣдненькій, и нашему русскому святому католическую молитву читаетъ. И тогда я ужасно разсердился и хотѣлъ сынишку за измѣну роднымъ предразсудкамъ высѣчь. Но только въ это время кто-то неумѣстно постучался въ дверь. Открываю и вижу стоитъ какой-то господинъ и тоже съ мальчикомъ. И это дитя больше похоже на моего сына, чѣмъ первое. И оно кидается ко мнѣ и по-русски говоритъ: — Здравствуй, папочка. Тутъ подошла наша сосѣдка. Она намъ всегда даромъ переводитъ. И тогда намъ объяснили, что ребятишки въ вагонѣ записочками обмѣнялись и что я слишкомъ довѣрился документу, игнорируя родительскій инстинктъ. Ну, конечно, господинъ увелъ рыдающее чужое дитя, а наше осталось съ нами и прожило двѣ недѣли.

Тощенко.

СТРАДАНІЯ МОЛОДОГО ВЕРТЕРА.

Распускаются акаціи,
Первыхъ розъ алѣетъ кровь.
Ахъ, какъ трудно въ эмиграціи
Выражать свою любовь!
Сядешь этакимъ молодчикомъ
Съ обожаемой въ такси,
А тайкомъ... слѣди за счетчикомъ,
Глазомъ опытнымъ коси.
Говоришь слова ей дерзкія
Про земной любви права...
А въ мозгу горятъ шофферскія
Предстоящія слова!
Говорятъ, что къ сердцу дѣвушки
Есть и пѣшая стезя...
Только гдѣ-же эти дѣвушки
Пѣшеходныя, друзья?!

Кривой Джимми.

ВСЕ ОТНОСИТЕЛЬНО.

— ...И вотъ, пришлось купить козла!

— Господи, вотъ наказаніе! Козла въ Парижѣ... Гдѣ же вы его помѣстили?

— Да въ квартирѣ.

— Козла въ квартирѣ? Какъ это возможно? А запахъ?

— Ну, что такое — запахъ. Козелъ привыкнетъ...

IN MEDIAS RES

Двое бродягъ. Одинъ, указывая на полисмена, говоритъ второму:

— Смотри, у нихъ новые головные уборы.

В т о р о й (уныло). — Да, но палки у нисъ тѣ-же самыя...

У ЗАРО-АГА ВЪ ГОСТЯХЪ.

(Интервью съ туркомъ 157-ми лѣтъ).

Когда я пришелъ къ Заро-Ага — старецъ былъ не вполнѣ здоровъ. У него рѣзались зубы. Современный Мафусаилъ держалъ костяное кольцо во рту и безпечно барахтался въ постели.

— Селямъ-алейкюмъ! — сказалъ я — какъ поживаете?

— Алейкюмъ селямъ! Благодарю васъ, — отвѣтилъ турокъ. Вотъ только жарокъ и капризничаю немного... Скоро отъ груди будутъ отлучать. А жаль! Я, знаете-ли, такъ привыкъ. Да и кормилица у меня была, прямо душка. Француженка.

— Алла-верды. — сказалъ я одобрительно и спросилъ:

— Какъ же вы переживаете ваше новое младенчество?

— А мнѣ наплевать! — отвѣтилъ Мафусаилъ. — Не въ первый разъ.

И высосавъ большой рожокъ молока съ ромомъ, разокровенничался во всю.

— Да, — вдзохнулъ онъ, — жизнь пережить не поле перейти. Старость этакую Богъ послалъ, никакого утѣшенія. Цѣлыми днями исторію учу...

— Да зачѣмъ вамъ исторія понадобилась?

— Какъ зачѣмъ? Чтобъ интервью давать. Всѣ ко мнѣ за историческими справками лѣзутъ. Голубчикъ, говорятъ, Заро-Ага, да вѣдь вы прямо Иловайскій въ кожаномъ переплетѣ!

— Скажите, а русскіе у васъ бываютъ?

— Именно отъ русскихъ то отбою нѣтъ. Очень ужъ они всѣ историки.

— Кто же у васъ бываетъ?

— Всѣ бываютъ. И даже знаменитые писатели, и тѣ заходятъ.

— Кто же именно?

— Алдановъ, Маркъ Александровичъ, заходили. Серьезныхъ письменныхъ документовъ, съ печатью, требовали. На память ни одному слову не вѣрятъ. Но зато до чего вѣжливы! Полчаса безъ шляпки, такъ и стояли.

— Ну, а еще кто?

— Ну, Иванъ Лукашъ заходилъ... торжественный и чудный. Я, говоритъ, любовью къ Россійской Имперіи занимаюсь. Нѣтъ ли, говоритъ, у васъ подходящаго воспоминанія о жертвѣ на алтарь отечества?

Конечно, впомнилъ. Отчего-жъ не вспомнить для милаго человѣка?

— Спасибо, говоритъ, вполнѣ подходитъ.

Еще тутъ одинъ молоденькій приходилъ. Какъ это по фамиліи?

— Не знаю, — сказалъ я.

— О синтаксисѣ пугачевскихъ временъ разспрашивалъ. На Пугачевѣ упражняется.

— Можетъ быть, Зуровъ?

— Онъ и есть. Пріятный юноша! Удивительно на Стеньку Разина въ молодости похожъ...

— Кто же еще бывалъ?

— А, вотъ Алексѣй Михайловичъ Ремизовъ, тоже навѣдывались. — Пришелъ, говоритъ, батюшка турчинъ, на долголѣтіе ваше подивиться, а свѣдѣній никакихъ мнѣ не требуется. Я, говоритъ, любой наидревнѣйшій фактъ самъ на свѣтъ Божій произведу, а захочу, во снѣ увижу...

И даже мнѣ изъ обожженой глины кукишъ преподнесли. На манеръ, какъ бы для заговора отъ нечистой силы.

Но зато ничего на чай не дали. А мнѣ безъ пурбуара жить невозможно! Потому, какъ импрессаріо у меня скаредъ... То-есть прямо скажу, сукинъ сынъ. Надѣюсь хоть вы земляка не обидите?..

— Кого? Земляка?! — вскричалъ я.

— Да Господи-жъ, Боже-жъ ты мой, ну конечно!...

И съ торжественностью, которая какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала этому дѣйствительно незабываемому моменту, онъ вытащилъ изъ-за пазухи невообразимо-засаленный, коричневый какъ цикорій, и дѣйствительно напоминающій хартію верменъ, документъ и дрожащей отъ волненія рукой протянулъ его мнѣ.

Глаза мои, глаза интервьюера, чуть не вылѣзли у меня на лобъ.

На документѣ, чернымъ по бѣлому, вѣрнѣе даже чернымъ по черному, было написано:

« Certificat de domicile, délivré par le Haut Commissaire, Docteur Nansen (arrière-grand-père du futur Docteur Fritiof Nansen) au nom de Monsieur Zakhar-Agapoff, dit Zaro-Aga, refugié russe, né en Russie, sous le règne de S. M. l'Empereur des toutes les Russies, Paul I-er. »

Чарли Цаплинъ.

НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ НАТУРА.

Въ англійскомъ судѣ, въ колоніи, слушается дѣло о разводѣ супруговъ Смайльсъ.

Разводъ начатъ по иниціативѣ мужа, обвиняющаго жену, которая измѣнила ему съ нѣкіимъ Бульверсомъ, служащимъ фирмы «Смайльсъ и К-о».

Въ качествѣ свидѣтеля допрашивается негръ Джо, лакей Смайльса.

С у д ь я. — Скажите, свидѣтель, что вы знаете по дѣлу?

Н е г р ъ. — Я видѣлъ, г. судья, какъ мистеръ Бульверсъ пришелъ къ мистеру Смайльсу и, не заставъ его дома, сѣлъ на диванъ рядомъ съ миссисъ Смайльсъ.

С у д ь я. — Ну, и потомъ...

Н е г р ъ. — Потомъ, мистеръ Бульверсъ закрылъ дверь, и я сталъ смотрѣть въ замочную скважину.

С у д ь я. — Ну, и дальше...

Н е г р ъ. — Дальше я увидѣлъ, что онъ ее цѣлуетъ!

С у д ь я. — Потомъ?

Н е г р ъ. — Потомъ... извините, г. судья, но они оба раздѣлись!...

С у д ь я. — Потомъ?

Н е г р ъ. — Потомъ... навѣрное у миссисъ закружилась голова, потому что на вдругъ прилегла...

С у д ь я. — И дальше?

Н е г р ъ. — И дальше... У мистера навѣрное тоже закружилась голова, потому что онъ вдругъ тоже прилегъ...

С у д ь я. — Ну, и потомъ... что-же вы еще видѣли?

Н е г р ъ. — Потомъ, г. судья, я уже ничего не видѣлъ...

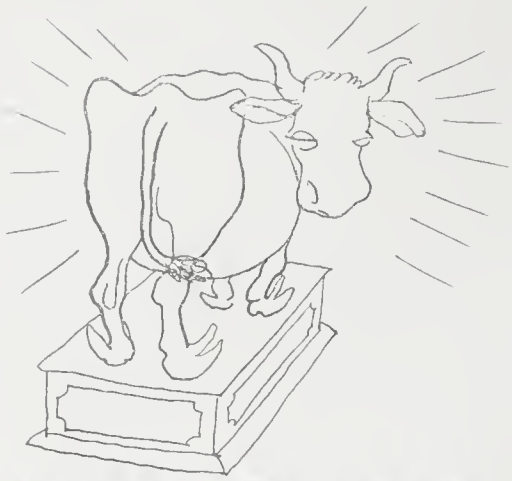
С у д ь я. — Что-же, вамъ было плохо видно?

Н е г р ъ. — Да, г. судья... потому что я скорѣй-скорѣй побѣжалъ внизъ, чтобъ задушить въ объятьяхъ горничную миссисъ Смайльсъ!...

«РУССКІЙ СЕЗОНЪ ВЪ ИСПАНІИ».

Рис. Г. Ш.

Литвиновъ: — Пора ѣхать!...



ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОКЪ

Романъ изъ совѣтской жизни
Ильи Ильфа и Евгенія Петрова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Иллюстраціи П. Ильина.

Глава первая.

О томъ, какъ Паниковскій нарушилъ конвенцію.

Пѣшеходовъ надо любить.

Пѣшеходы составляютъ большую часть человѣчества. Мало того — лучшую его часть. Пѣшеходы создали міръ. Это они построили города, возвели многоэтажныя зданія, провели канализацію и водопроводъ, замостили улицы и освѣтили ихъ электрическими лампами. Это они распространили культуру по всему свѣту, изобрѣли книгопечатаніе, выдумали порохъ, перебросили мосты черезъ рѣки, расшифровали египетскіе іероглифы, ввели въ употребленіе безопасную бритву, уничтожили торговлю рабами и установили, что изъ бобовъ сои можно изготовить 114 вкусныхъ нитательныхъ блюдъ.

И когда все было готово, когда родная планета приняла сравнительно благоустроенный видъ, появились автомобилисты.

Надо замѣтить, что автомобиль тоже былъ изобрѣтенъ пѣшеходами. Но автомобилисты объ этомъ какъ-то сразу забыли. Кроткихъ и умныхъ пѣшеходовъ стали давить. Улицы, созданныя пѣшеходами, перешли во власть автомобилистовъ. Мостовыя стали вдвое шире, тротуары сузились до размѣра табачной бандероли. И пѣшеходы стали испуганно жаться къ стѣнамъ домовъ.

Въ большомъ городѣ пѣшеходы ведутъ мученическую жизнь. Для нихъ ввели нѣкое транспортное гетто. Имъ разрѣшаютъ переходить улицы только на перекресткахъ, то-есть, имешно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ движеніе сильнѣе всего и гдѣ волосокъ, на которомъ обычно виситъ жизнь пѣшехода, легче всего оборвать.

Въ нашей обширной странѣ обыкновенный автомобиль, предназначенный по мысли пѣшеходовъ, для мирной перевозки людей и грузовъ, принялъ грозныя очертанія братоубійственнаго снаряда. Онъ выводитъ изъ строя пѣлыя шеренги членовъ профсоюзовъ и ихъ семей.

Если пѣшеходу иной разъ удается выпорхнуть изъ подъ серебряного носа машины — его штрафуетъ милиція за нарушеніе правилъ уличнаго катехизиса.

И вообще авторитетъ пѣшеходовъ сильно пошатнулся. Они, давшіе міру такихъ замѣчательныхъ людей, какъ Горацій, Бойлль-Маріоттъ, Лобачевскій, Гутенбергъ, Мейерхольдъ и Анатоль Франсъ, — принуждены теперь кривляться самымъ пошлымъ образомъ, чтобы только напомнить о своемъ существованіи. Боже, Боже, котораго въ сущности нѣтъ, до чего ты, котораго на самомъ дѣлѣ-то и нѣтъ, довелъ пѣшехода!

Вотъ идетъ онъ изъ Владивостока въ Москву по сибирскому тракту, держа въ одной рукѣ знамя съ надписью: «Перестроимъ бытъ текстильщиковъ», и, перекинувъ черезъ плечо палку, на концѣ которой болтаются резервные сандаліи «Дядя Ваня» и жестяной чайникъ безъ крышки. Это совѣтскій пѣшеходъ-физкультурникъ, который вышелъ изъ Владивостока юношей и на склонѣ лѣтъ у самыхъ воротъ Москвы будетъ задавленъ тяжелымъ автокаромъ, номеръ котораго такъ и не успѣютъ замѣтить.

Или другой, европейскій, могиканъ пѣшеходнаго движенія. Онъ идетъ пѣшкомъ вокругъ свѣта, катя передъ собой бочку. Онъ охотно пошелъ бы такъ, безъ бочки, но тогда никто не замѣтитъ, что онъ дѣйствительно пѣшеходъ дальняго слѣдованія и про него ничего не напишутъ въ газетахъ. Приходится всю жизнь толкать передъ собой проклятую тару, на которой къ тому же (позоръ, позоръ!) выведена большая желтая надпись, восхваляющая непревзойденныя качества автомобильнаго масла «Грезы шоффера».

Такъ деградировалъ пѣшеходъ.

И только въ маленькихъ русскихъ городахъ пѣшехода еще уважаютъ и любятъ. Тамъ онъ еще является хозяиномъ улицъ, беззаботно бродитъ по мостовой и пересѣкаетъ ее самымъ замысловатымъ образомъ въ любомъ направленіи.

Гражданинъ въ фуражкѣ съ бѣлымъ верхомъ, какую по большей части носятъ администраторы лѣтнихъ садовъ и конферансье, несомнѣнно принадлежалъ къ большей и лучшей части человѣчества. Онъ двигался по улицамъ города Арбатова пѣшкомъ, со снисходительнымъ любопытствомъ озираясь по сторонамъ. Въ рукѣ онъ держалъ небольшой акушерскій саквояжъ. Городъ видимо, ничѣмъ не поразилъ пѣшехода въ артистической фуражкѣ.

Онъ увидѣлъ десятка полтора голубыхъ, резедовыхъ и бѣло-розовыхъ звонницъ; бросилось ему въ глаза облѣзлое американское золото церковныхъ куполовъ. Флагъ трещалъ надъ оффиціальнымъ зданіемъ.

У бѣлыхъ башенныхъ воротъ провинціальнаго кремля двѣ суровыя старухи разговаривали по-французски, жаловались на совѣтскую власть и вспоминали любимыхъ дочерей. Изъ церковнаго подвала несло холодомъ, билъ оттуда кислый винный запахъ. Тамъ, какъ видно, хранился картофель.

— Храмъ Спаса на картошкѣ, — негромко сказалъ пѣшеходъ.

Пройдя подъ фанерной аркой со свѣжимъ известковымъ лозунгомъ: «Привѣтъ 5-й окружной конференціи женщинъ и дѣвушекъ», онъ очутился у начала длинной аллеи, именовавшейся Бульваромъ Молодыхъ Дарованій.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ съ огорченіемъ, — это не Ріо де Жанейро.

Почти на всѣхъ скамьяхъ Бульвара Молодыхъ Дарованій сидѣли одинокія дѣвицы съ раскрытыми книжками въ рукахъ. Дырявыя тѣни падали на страницы книгъ, на голые локти, на трогательныя челки. Когда пріѣзжій вступилъ въ прохладную аллею, на скамьяхъ произошло замѣтное движеніе. Дѣвушки, прикрывшись книгами Гладкова, Элизы Оржешко и Сейфуллиной, бросали на пріѣзжаго трусливые взгляды. Онъ прослѣдовалъ мимо взволнованныхъ читательницъ парадньмъ шагомъ и вышелъ къ зданію исполкома — цѣли своей прогулки.

Въ эту минуту изъ-за угла выѣхалъ извозчикъ. Рядомъ съ нимъ, держась за пыльное облупленное крыло экипажа и размахивая взлутой папкой съ тисненной надписью « Мюзикъ» быстро шелъ человѣкъ въ длиннополой толстовкѣ. Онъ что-то горячо доказывалъ сѣдоку. Сѣдокъ — пожилой мужчина съ висячимъ, какъ бананъ, носомъ, сжималъ ногами чемоданъ и время отъ времени показывалъ своему собесѣднику кукишъ. Въ пылу спора его инженерская фуражка, околышъ которой сверкалъ зеленымъ диваннымъ плюшемъ, покосилась набокъ. Обѣ тяжущіяся стороны часто и особенно громко попзносили слово «окладъ».

Вскорѣ стали слышны и прочія слова.

— Вы за это отвѣтите, товарищъ Талмудовскій! — крикнулъ длиннополый, отводя отъ своего лица инженерскій кукишъ.

—А я вамъ говорю, что на такія условія къ вамъ не поѣдетъ ни одинъ приличный спеціалистъ, — отвѣчалъ Талмудовскій, стараясь вернуть кукишъ на прежнюю позицію.

— Вы опять про окладъ жалованья?

«...Сѣдокъ, пожилой мужчина съ висячимъ, какъ бананъ, носомъ, сжималъ ногами чемоданъ и время отъ времени показывалъ своему собесѣднику кукишъ».

Придется поставить вопросъ о рвачествѣ.

— Плевалъ я на окладъ! Я даромъ буду работать! — кричалъ инженеръ, взволнованно описывая кукишемъ всевозможныя кривыя. — Захочу - - и вообще уйду на пенсію. Вы это крѣпостное право бросьте. Сами всюду пишутъ «Свобода, равенство и братство», а меня хотятъ заставить работать въ этой крысиной норѣ.

Тутъ инженеръ Талмудовскій быстро разжалъ кукишъ и принялся считать по пальцамъ:

— Квартира — свинюшникъ, театра нѣтъ, окладъ... Извозчикъ! Пошелъ на вокзалъ!

— Тпру-у! — завизжалъ длиннополый, суетливо забѣгая впередъ и хватая лошадь подъ уздцы. — Я какъ секретарь секціи инженеровъ и техниковъ... Кондратъ Ивановичъ! Вѣдь заводъ остается безъ спеціалистовъ... Побойтесь Бога.. Общественность этого не допуститъ, инженеръ Талмудовскій... У меня въ портфелѣ протоколъ...

И секретарь секціи, разставивъ ноги, сталъ живо развязывать тесемки своей «Мюзикъ».

Эта неосторожность рѣшила споръ. Увидѣвъ, что нуть свободенъ, Талмудовскій поднялся на ноги и, что есть силы, закричалъ:

— Пошелъ на вокзалъ!

— Куда? Куда? — залепеталъ секретарь, устремляясь за экипажемъ. — Вы дезертиръ трудового фронта!

Изъ папки «Мюзикъ» вылетѣли листки папиросной бумаги съ какими-то лиловыми «слушали-постановили».

Пріѣзжій, съ интересомъ наблюдавшій инцидентъ, постоялъ съ минуту на опустѣвшей площади и убѣжденнымъ тономъ сказалъ:

— Нѣтъ, это не Ріо де Жанейро.

Черезъ минуту онъ уже стучался въ дверь кабинета предисполкома.

— Вамъ кого? — спросилъ его секретарь, сидѣвшій за столомъ, рядомъ съ дверью. — Зачѣмъ вамъ къ предсѣдателю? По какому дѣлу?

Какъ видно, посѣтитель тонко зналъ систему обращенія съ секретарями правительственныхъ, хозяйственныхъ и общественныхъ организацій. Онъ не сталъ

«...— Здравствуйте! Вы меня не узнаете?»

увѣрять, что прибылъ по срочному, казенному дѣлу.

— По личному, — сухо сказалъ онъ, не оглядываясь на секретаря и засовывая голову въ дверную щель.

— Къ вамъ можно?

И, не дожидаясь отвѣта, приблизился къ письменному столу.

— Здравствуйте, вы меня не узнаете?

Предсѣдатель, черноглазый, большеголовый человѣкъ въ синемъ пиджакѣ и въ такихъ же брюкахъ, заправленныхъ въ сапоги, на высокихъ скороходовскихъ каблучкахъ, посмотрѣлъ на посѣтителя довольно разсѣянно и заявилъ, что не узнаетъ.

— Неужели не узнаете? А между тѣмъ многіе находятъ, что я поразительно похожъ на своего отца.

— Я тоже похожъ на своего отца, — нетерпѣливо сказалъ предсѣдатель. — Вамъ чего, товарищъ?

Тутъ все дѣло въ томъ, какой отецъ, — грустно замѣтилъ посѣтитель. — Я сынъ лейтенанта Шмидта.

Предсѣдатель смутился и приподнялся. Онъ живо вспомнилъ знаменитый обликъ революціоннаго лейтенанта съ блѣднымъ лицомъ и въ черной пелеринѣ съ бронзовыми львиными застежками. Пока онъ собирался съ мыслями, чтобы задать сыну черноморскаго героя приличествующій случаю вопросъ, посѣтитель присматривался къ меблировкѣ кабинета взглядомъ разборчиваго покупателя.

Когда-то, въ царскія времена, меблировка присутственныхъ мѣстъ производилась по трафарету. Выращена была особая порода казенной мебели: плоскіе, уходящіе подъ потолокъ, шкафы, деревянные диваны съ трехдюймовыми полированными сидѣньями, столы на билліардныхъ ногахъ и дубовые парапеты, отдѣлявшіе присутствіе отъ внѣшняго безпокойнаго міра. За время революціи эта порода мебели почти исчезла, и секретъ ея выработки былъ утерянъ. Люди забыли, какъ нужно обставлять помѣщенія должностныхъ лицъ, и въ служебныхъ кабинетахъ оказались предметы, считавшіеся до сихъ поръ неотъемлемой принадлежностью частной квартиры. Въ учрежденіяхъ появились пружинные адвокатскіе диваны съ зеркальной полочкой для семи фарфоровыхъ слоновъ, которые якобы приносятъ счастье, горки для посуды, этажерочки, спеціальныя кожаныя кресла для ревматиковъ и голубыя японскія вазы. Въ кабинетѣ предсѣдателя арбатовскаго исполкома, кромѣ обычнаго письменнаго стола, прижились два пуфика, обитыхъ полопавшимся розовымъ шелкомъ, полосатая козетка, атласный экранъ съ Фузи-Ямой и вишней въ цвѣту и зеркальный славянскій шкафъ грубой рыночной работы.

«А шкафчикъ-то типа «Гей, славяне!» — подумалъ посѣтитель. Тутъ много не возьмешь. Нѣтъ, это не Ріо де Жанейро».

— Очень хорошо, что вы зашли, — сказалъ наконецъ предсѣдатель. — Вы, вѣроятно, изъ Москвы?

— Да, проѣздомъ, — отвѣтилъ посѣтитель, разглядывая козетку и все болѣе убѣждаясь, что финансовыя дѣла исполкома плохи. Онъ предпочиталъ исполкомы, обставленные новой шведской мебелью ленинградскаго древтреста.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ВЕСЕННЯЯ ПРОКАТНАЯ КОНТОРА.

Съ Монпарнасса художникъ принесъ плакатъ:
Сердца и амуры, и виноградъ въ кубкѣ,
И надпись: Вотъ, отдаются въ прокатъ
Перья, качества и поступки.

Швейцаръ открываетъ дубовую дверь:
— Извольте, пожалуйста, здѣсь безъ обману —
Птица-ли, человѣкъ-ли, просто-ли звѣрь —
Выбирай любое, что по карману!...

Все пробудилось отъ зимняго сна,
Чиститъ, скоблитъ и третъ позументы.
Въ самую точку попала весна:
— И летѣли, и шли, и ползли кліенты.

Разукрасился щедро франтъ-фазанъ:
Обольстителю въ красотѣ нужна-ли мѣра?
Фазаниха, поди, не повѣритъ глазамъ
Увидя такого пестраго кавалера.

Тутъ же у прилавка ползалъ ужъ.
Правда, у него съ красотой слабо,
Но чѣмъ-же ужъ не любовникъ и не мужъ,
Если имѣется и ужъ-баба?

Мотыльки и солдаты, и даже козлы!
Коты мяучатъ, кобели лаютъ!
Потому что самки капризны и злы
И очень требовательны весной бываютъ.

А вотъ и твой хитроумецъ, — вотъ!
Полный комплектъ взялъ Донъ-Кихота.
Ты-то подумаешь, что онъ Донъ-Кихотъ,
А ему извѣстно чего охота.

Только на время, только на срокъ
Всѣ эти пѣсни, шпаги и краски,
Стихи по альбомамъ и вздохи у ногъ
Той, у которой клянчатся ласки.

Вернетъ соловей за романсомъ романсъ,
Цѣли добился и вотъ на попятный...
И твой Донъ-Кихотъ играть въ преферансъ
Пойдетъ къ сосѣду по одной пятой.

А насѣдки уже по гнѣздамъ сидятъ,
Волчица тяжелое раститъ вымя.
И въ святцахъ, въ календаряхъ твой усталый взглядъ
Звучное выбираетъ имя.

Печаль твоя, какъ хрусталь ясна,
Но повѣришь-ли кому еще ты,
Послѣ того, какъ прибыль весна
Положитъ на большіе счеты?

Валентинъ. Горянскій.

«БАЗАРЪ ЖИТЕЙСКОЙ СУЕТЫ...»

(По Теккерею).

Фотомонтажъ Степанчича.

«Нечистая сила»...

Изабелла Макдональдъ, дочь англійскаго премьеръ-министра. Самая безпокойная дѣвушка въ Англіи, пишетъ, рисуетъ, играетъ, декламируетъ, ѣздитъ верхомъ, плаваетъ, ходитъ пѣшкомъ, летаетъ на аэропланѣ, говоритъ со сна, и по телефону...

«Переписка изъ двухъ угловъ».

Сэръ Генри Дэтердингъ — сэру Карлу Радеку.

«Каторжныя работы».

Сутки на пролетъ Эрикъ-Марія Ремаркъ только то и дѣлаетъ, что раздаетъ автографы «На добрую память»...

«Этюды оптимизма».

Заро-Ага, который, не взирая на свои 158 лѣтъ, «дѣлаетъ что хочетъ...»

«Все въ прошломъ».

Чичеринъ, уходящій на покой.

— или «КАКЪ ЛЮДИ НА БѢЛОМЪ СВѢТѢ ЖИВУТЪ...»

(По Водовозову).

РАЗГОВОРЪ ПО ДУШѢ.

1.

То ,что ея нѣжнѣйшій цвѣтъ лица не былъ натураленъ, бросалось въ глаза линь тогда, когда она быстро и съ изумительной ловкостью подкрашивалась. Изъ-подъ крохотной вязаной шапочки длинные, очаровательные волосы ниспадали до самыхъ плечъ.

Она ждала съ тѣмъ открытымъ нетерпѣніемъ, которое такъ характерно для перваго свиданія, причемъ она даже не прилагала ни малѣйшихъ стараній къ тому, чтобы хоть сколько нибудь скрыть свое волненіе.

Папиросы, пудра, газета, модный журналъ, часы, губной карандашъ, опять папиросы, папиросы безъ конца, — она имѣла въ своемъ распоряженіи все необходимое для того, чтобы заполнить время.

2.

Наконецъ, явился онъ.

Ея неподдѣльная радость была столь велика, что она и не подумала о томъ, чтобы сдѣлать ему хотя-бы самый малый упрекъ за опозданіе. Онъ склонился передъ ней, согласно прекрасному старинному ритуалу всѣхъ влюбленныхъ, помедлилъ съ секунду и галантно поцѣловалъ ей руку.

— Ты думаешь, что здѣсь можно будетъ спокойно побесѣдовать? А не лучше-ли будетъ, если мы устроимся въ этомъ уголочкѣ? Пожалуй, такъ лучше будетъ... вотъ ужъ гдѣ никто не помѣшаетъ намъ!

— Хорошо... какъ хочешь.

3.

...Я отдѣленъ отъ нихъ довольно широкой, дощатой перегородкой и могу только слышать, но не видѣть ихъ. Они говорятъ, говорятъ безъ умолку и что-то недосказанное чудится мнѣ въ ихъ нѣжной бесѣдѣ, скользитъ, извивается въ ихъ фразахъ, восклицаніяхъ, смѣхѣ. Но тщетны всѣ мои попытки уловить то, что, быть можетъ, составляетъ сущность всего разговора.

Господи, какъ все это знакомо, старо и... очаровательно! Кто изъ насъ, въ свое время, не ворковалъ подобнымъ же образомъ!

— Какъ, chérie, ты не хочешь пирожнаго съ кремомъ? Серьезно? Но съ какихъ это поръ, скажи на милость? Между прочимъ, и я говорю это вполнѣ серьезно, ты должна пить побольше молока. Ты страшно блѣдная. И слишкомъ тоненькая. Я понимаю, конечно, что это очень красиво, но все таки, знаешь... Впрочемъ, все это — чепуха. Дѣло вовсе не въ томъ и я, въ сущности говоря, думаю совершенно объ иномъ. Итакъ, значитъ, когда можно будетъ продѣлать все это оффиціальнымъ порядкомъ?

— Я думаю, что въ концѣ текущаго мѣсяца.

— О, чудесно! Наше положеніе до того обострилось, что въ концѣ концовъ стало совершенно невыносимымъ для насъ обоихъ...

— Да, положеніе невыносимое...

— Значитъ, твои родители больше не возражаютъ?

— Я постаралась разъяснить имъ, что иначе нельзя, и что такъ дальше продолжаться не можетъ!

Онъ смущенно кашляетъ.

— Само собой разумѣется, что у нихъ возникаютъ колебанія чисто матеріальнаго характера... Это такъ естественно...

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, запомни разъ и навсегда, что всѣ эти заботы матеріальнаго характера я беру на себя, и ни тебѣ, ни твоимъ родителямъ ни о какихъ расходахъ безпокоиться нечего!

Снова смущенный кашель, но на этотъ разъ женскій.

— Я страшно рада! А ты?

— Я тоже, конечно! Неужели-же ты полагаешь, что мнѣ было легче или пріятнѣе переживать это вѣчно безумное и напряженное состояніе?

— Я понимаю, конечно.

Пауза.

— А знаешь, chérie. ты шикарно ведешь себя!

Дѣвушка тихо смѣется.

— Послушай, милый, послѣ того, какъ все принимаетъ такой серьезный и въ сущности нормальный оборотъ, я не хотѣла бы, чтобы ты называлъ меня chérie. Теперь это какъ-то слишкомъ не къ мѣсту!

Новая пауза.

...Мнѣ очень легко было-бы подсмотрѣть за ними въ щелочку, но я не дѣлаю этого. Зачѣмъ? Развѣ и безъ того не все ясно? Единственное, что меня удивляетъ, это то, что онъ такъ легко сдался и, дѣйствительно, ужъ больше не называетъ ее chérie

Хотя... если женщина отклоняетъ одну ласку, она дѣлаетъ это только для того, чтобы немедленно потребовать другую.

— Если хочешь знать, мы сами во многомъ виноваты. Мы чуть ли не добровольно усложняли положеніе и безъ того тягостное, — произноситъ она наконецъ.

— Ты думаешь?

Короткій смѣхъ.

— Интересно знать, что запоютъ кругомъ. Придется намъ, пожалуй, цѣлый годъ затыкать уши ватой.

Дѣвушка издаетъ легкій свистъ:

— Ну, къ этому то я привыкла! Я цѣлыхъ три года только то и дѣлала, что затыкала уши ватой. Три года!

— Два года. Пожалуйста, только два года! Вѣдь мы такъ условились. Но не будемъ отклоняться въ сторону. Итакъ?

— Итакъ, все отлично!

Она произноситъ это весьма энергично.

Онъ, явно первичая:

Тѣмъ лучше. Я страшно радъ, право! Значитъ, въ концѣ мѣсяца?

Если ничего особеннаго не случится, само собой!

Дай мнѣ руку!

— Вотъ она!

— Ты довольна?

— Очень, очень!

4.

Когда они подымаются, оправляются и проходятъ мимо меня, далеко не такъ тѣсно прижавшись другъ другу, какъ я могъ-бы « Chérie ! »

этого ожидать, я слышу какъ она ему говоритъ:

— Впрочемъ, не лучше-ли будетъ, если ты еще разъ переговоришь съ адвокатомъ? Онъ какъ разъ сегодня говорилъ мнѣ, что если нашъ разводъ будетъ проведенъ съ такой поспѣшностью, то это влетитъ намъ въ огромную сумму!

— Гмъ...

— Было бы просто смѣшно выбрасывать деньги на вѣтеръ послѣ того, какъ мы цѣлыхъ три года жили на гроши и рѣшительно во всемъ себѣ отказывали...

И они выходятъ изъ кафе, на улицу.

Ленни-Ранъ (перев. З—на).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Р к л и ц к о м у. Б ѣ л г а р д ъ. — Произведеніе ваше, присланное въ двухъ экземплярахъ, получили и немедленно пришили къ «Дѣлу о невмѣняемости Рклицкаго изъ Бѣлграда».

М и л ю т и н у. П р а г а. — Милютинъ пишетъ: «У нея были роскошные волосы, широкой волной ниспадавшіе до колѣнъ и закрывавшіе половину лица...»

Ставимъ вамъ, дорогой Милютинъ, категорическое требованіе — остричь героиню, по крайней мѣрѣ, до таліи и немедленно открыть вторую половину лица! Чортъ знаетъ, что вы себѣ тамъ, въ Прагѣ, позволяете. !

Л — о. Ч е х о с л о в а к і я. — Берите болѣе общія темы, и — покороче, покороче, покороче!

П. Е. П а р и ж ъ. — Вниманіе обратили. А вы вотъ ни на что вниманія не обращаете, и пишете, какъ ни въ чемъ не бывало:

«Когда гляжу на молодежь
Съ ихъ электричествомъ и паромъ,
Я говорю себѣ: — Ну, что-жъ!
Труды отцовъ пропали даромъ...»

Мы говоримъ вамъ: это ложь! Вѣдь электричествомъ и паромъ не создается молодежь, а создается высшимъ даромъ, который, скажемъ тоже... что-жъ! Вы потеряли, ставши старымъ, но конемъ, удалясь по парамъ, еще владѣетъ молодежь!...

Редакторъ-издатель: **М. Г. Корнфельдъ.**

Изъ писемъ Вашихъ Родныхъ Вы убѣдитесь, что **лучше всего отправлять продовольственныя посылки въ Россію** изъ Отдѣл. Société TITAN въ Ригѣ

Оптовые цѣны. - Быстрѣйшая доставка
Первоклассные продукты. Всѣ гарантіи

ПРІЕМЪ ЗАКАЗОВЪ НА ПОСЫЛКИ
И ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ
на наивыгоднѣйшихъ условіяхъ

SOC. TITAN, 1, rue Mondetour.
Paris (Ier). Gutenb. 80-51 à 80-55

и въ магазинахъ:
ARSER, 83, rue Michel-Ange (16e).
BERLIN, 368 *bis*, rue de Vaugirard (15e)
REDSKY, 76, rue du Cardinal-Lemoine (5e).
IDEAL, 153, rue de la Convention (15e).

IMPRIMERIE
COOPÉRATIVE ÉTOILE
17, rue de la Comète

Téléphone: Invalides 11-50
PARIS (7)
R. C. S. 227.770
Métro: La Tour-Maubourg

TOUS GENRES DE TRAVAUX
EN TOUTES LES LANGUES

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ТИПОГРАФСКІЯ РАБОТЫ
НА ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ

Общество взаимнаго Кредита "СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). Tel. Trinité 45-77

Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрыши, билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер.

Денежные переводы и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9

БОЛѢЮТЪ

и теряютъ трудоспособность часто тѣ, у кого кровь засорена ядами нарушеннаго обмѣна (мочевой кислотой, уратами и пр.). Эти яды быстро растворяются и удаляются изъ организма **извѣстнымъ очистителемъ «КАЛЕФЛЮИДОМЪ Д. КАЛЕНИЧЕНКО»**, который одновременно насыщаетъ организмъ **лечебно-энергіетворными гормонами и жизнетворными витаминами, возстанавливающими здоровье, силы и трудоспособность и бывшій больной** опять пользуется всѣми радостями молодого и здороваго человѣка.

« KALEFLUID », 19, rue Balagny, Bureau 18. Paris (17^e)
БЕЗПЛАТНО требуйте литературу, какъ сохранить здоровье.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОДЪ

на большой еженедѣльный литературно-художественный журналъ сатиры и юмора

Сатирикон'

СОСТАВЪ СОТРУДНИКОВЪ:

ПИСАТЕЛИ:

Г. В. Адамовичъ, В. А. Азовъ, М. А. Алдановъ, Альталена, А. В. Амфитеатровъ, Н. Ф. Баліевъ, кн. В. В. Барятинскій, Н. Н. Берберова, гр. П. А. Бобринскій, Ив. Бунинъ, С. М. Газіевъ, Валентинъ Горянскій, Сергѣй Горный, Над. Городецкая, Мих. Долиновъ, Донъ-Аминадо, Н. Н. Евреиновъ, Борисъ Зайцевъ, Леонидъ Зуровъ, Георгій Ивановъ, Галина Кузнецова, А. И. Купринъ, Ант. Ладинскій, Лери, Лоло, С. Литовцевъ, Иванъ Лукашъ, Сергѣй Маковскій, К. В. Мочульскій, Ирина Одоевцева, М. А. Осоргинъ, Петръ Пильскій, Сергѣй Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, Н. Я. Рощинъ, М. Струве, Андрей Сѣдыхъ, В. Ф. Ходасевичъ, Е. Хохловъ, М. О. Цетлинъ, А. М. Черный, А. А. Яблоновскій, Сергѣй Яблоновскій.

ХУДОЖНИКИ:

Александръ Бенуа, О. М. Бернацкая-Савичъ, И. Я. Билибинъ, Д. Бушенъ, Б. Билинскій, Вл. Бѣлкинъ, А. Гроссъ, М. В. Добужинскій, Б. Зворыкинъ, Юр. Ильинъ, К. А. Коровинъ, Е. И. Лурье, Эр. Ницше, Б. Пикельный, Ф. С. Рожанковскій, А. Серебряковъ, В. Стелецкій, Терешковичъ, С. Черевковъ, А. Шарый, Шварцъ, Г. И. Шильтянъ, В. И. Шухаевъ, Вѣра Шухаева, Шэмъ, Л. Эндэнъ, Алекс. Яковлевъ.

Редакторъ-Издатель: М. Г. КОРНФЕЛЬДЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи	Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ другихъ странахъ	Frs	235.—	190.—	120.—	63.—	21.50

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**
Téléphone: GUTENBERG 05-40

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8.
ГЕРМАНІЯ.	Берлинъ. — *Pesskin,* 53, Barbarossastrasse, Berlin W. 30.
ГОЛЛАНДІЯ.	Роттердамъ. — Van Ditmar, Post Box 262, Rotterdam.
ГРЕЦІЯ.	Афины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 31, Kongens Nitorv, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — «Sevodnia», 57, Dzirnavu Jela.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spanda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko,* Khiabané Post Hané Koutcha Beha es Saltaneh N°1. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovie.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré.
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York.
	Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors.
	Выборгъ. — *Ivankov,* Linnankatu, 8, Wiiborg.
	Келломяки. — *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel.
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon,* Goldschmiedstrasse, Reval.
	Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, suur Tan, Narva.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre,* Ul. Kn. Mihailova br. 27.

Вышла въ свѣтъ новая книга
П. ЛИДВАЛЬ

Искусство одѣваться

(S'HABILLIER.. raisonnements sur le costume masculin)

Во время Осенняго Салона П. Лидваль прочелъ въ Grand Palais чрезвычайно интересный докладъ о мужскомъ костюмѣ, имѣвшій выдающійся успѣхъ у парижской публики. Во всѣхъ газетахъ появились хвалебные отзывы, причемъ многіе слушатели горячо рекомендовали докладчику опубликовать прочитанный докладъ въ печатной формѣ.

Вышедшій нынѣ въ свѣтъ трактатъ о мужскомъ костюмѣ, роскошно изданный со множествомъ рисунковъ и иллюстрацій, представляетъ большой интересъ для всѣхъ, интересующихся эстетикой мужской моды.

П. Лидваль, обладающій заслуженной репутаціей первокласснаго мастера мужского костюма, является новаторомъ, стремящимся критически отнестись къ тому, что дѣлается въ области искусства одѣваться.

Путемъ чрезвычайно интересныхъ историческихъ параллелей, авторъ устанавливаетъ несомнѣнную связь, существующую между архитектурными формами и костюмомъ въ данный историческій моментъ. Въ его трактатѣ мы находимъ рядъ превосходныхъ иллюстрацій, относящихся къ Египту, Греціи, Среднимъ Вѣкамъ и другимъ классическимъ эпохамъ.

Переходя къ переживаемому нами моменту, П. Лидваль стремится логически подчинить линіи современнаго мужского костюма тѣмъ новымъ архитектурнымъ формамъ, которыя постепенно завоевываютъ признаніе всего культурнаго міра.

Не подлежитъ сомнѣнію, что книга П. Лидваля явится весьма цѣннымъ вкладомъ въ области современныхъ эстетическихъ исканій.

ЦѢНА : 15 ФР.

Склады изданія :

1) Lidvall, 28, rue de la Pépinière, Paris.
2) «Satyricon», 51, rue Vivienne, Paris.
3) Librairie Stock, 155, rue St-Honoré.

Выписывающіе изъ складовъ за пересылку не платятъ.

ПРИ РЕДАКЦІИ
„САТИРИКОНА"
открытъ сборъ пожертвованій
на
ГОЛОДНУЮ
ПЯТНИЦУ
Лично отъ 10-12 и отъ 3-6
Письмено :
"Satyricon", 51, Rue Vivienne, Paris (2)

Зубоврачебн. кабинетъ **М. Когенъ**
D. F. M. P.
8, Rue Duban (16e), Pl. Passy. Auteil 95-14
Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6.
Остальные дни 10-8 час. веч.

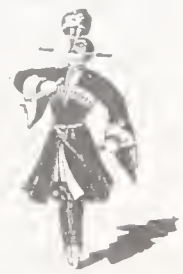
Русскій Гастроном. Магазинъ
въ Levallois-Perret
77, rue Chevalier. Tél. Per. 22-56
ВСѢ РУССКІЕ ПРОДУКТЫ
Закуски дом. приготовленія
Посылки въ Россію

BANQUE POUR L'ARBITRAGE ET LA COMMISSION

6, rue Buffault (9). Métro CADET. Téléphone PROVENCE 95-20 et la suite

ПО ПРЕЖНЕМУ ПРОДОЛЖАЕТЪ ПЕРЕВОДИТЬ ВЪ РОССІЮ ДЕНЬГИ И ПОСЫЛКИ ДЕШЕВЛЕ И АККУРАТНѢЕ ДРУГИХЪ БАНКОВЪ. ПО СПЕЦІАЛЬНОМУ ТРЕБОВАНІЮ КЛІЕНТОВЪ ДЕНЬГИ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ ЭКСПРЕССОМЪ, Т. Е. НА 10-ый ДЕНЬ ПО ПОЛУЧЕНІИ ЗАКАЗА. КОРРЕСПОНДЕНЦІЮ МОЖНО ПРОИЗВОДИТЬ И ПО-РУССКИ.

РУССКІЙ ЭРМИТАЖЪ



21, Rue Boissy-d'Anglas. Tél. Elysées 13-84
(MADELEINE - CONCORDE)

ИЗЫСКАННАЯ РУССКАЯ КУХНЯ
ДѢЛОВЫЕ ЗАВТРАКИ 18 фр. ОБѢДЫ — 30 фр.
Вечеромъ артистическая программа
ДОНСКОЙ ВОКАЛЬН. КВАРТЕТЪ
Г. Б. Галинская, Муратъ-Туаевъ и др.
Румынскій Оркестръ СПРИНЧАНА

Антикварныя и художественныя ВЕЩИ
Покупка и продажа
Л. СОРКИНЪ
(Прежде Петроградъ)
90, rue Faubourg Saint-Honoré
(противъ Елисейскаго дворца)
PARIS (8). Téléphone Elysées 98-49

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ принимаетъ
Комитетъ Помощи Голодающимъ въ Россіи (Comité Russe de Secours)
7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9)
Métro : Clichy. Tél. Louvre 39-25
Пріемъ исключительно отъ 3- 7

Русскій Винно-Гастрономическій магазинъ **"CHEZ NOUS"**
Всѣ продукты, кромѣ совѣтскихъ, для русской кухни
Заказы на кулебяки, пирожки, пельмени и для ПАСХАЛЬН СТОЛА
25, rue Mademoiselle, Метро : Камбронъ и Коммерсъ. Автобусы Z и Y

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e) téleph. Inval. 11-50 Le Gérant : N. Kornfeld.

ФАНТАЗІЯ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Какъ они себѣ представляли день 1-го Мая, и какъ они его провели...

Рис. Г. Ш.

— «Это будетъ послѣдній и рѣшительный бой!...»

Въ огорченьи откровенномъ,
Подъ одною изъ «Ротондъ»,

Довгалевскій пилъ съ Кашеномъ
Demi brune и *demi blonde*...

PRIX EN FRANCE: Frs 3.— 9 МАЯ - 9 MAI 1931 ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

Сатирикон

SATYRICON

1931

Hebdomadaire Russe

еженедѣльное изданіе

Rédaction et Administration: 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)

№ 6

Directeur M. Kornfeld

HOTEL DE l'EUROPE

Рис. А. Шарапо.

У ПАРАДНАГО ПОДЪѢЗДА.

— Помилосердствуй, батюшка... Обрати вниманіе! Тринадцать годковъ терплю, моченьки моей нѣту...

-- Vous prétendez être la Russie, Madame? Seuls Leurs Excellences Messieurs les Ambassadeurs, et Messieurs les Commissaires du Peuple sont admis ici, mais pas le peuple lui-même. Veuillez circuler!..

Рис. Шварца.

4.711.

Опять любовная драма,
Опять этотъ трафаретъ.
Господинъ. Съ господиномъ дама,
А съ дамою пистолетъ.

Чувствуя морскую качку
Послѣ ликеровъ и винъ,
Дама нажимаетъ собачку,
Послѣ чего господинъ

Падаетъ грозной тушей,
Успѣвъ прохрипѣть едва...
А дама говоритъ: Послушай!
Неужели-же я вдова?!

Потомъ, господамъ присяжнымъ
Она скажетъ, что это рокъ...
И прижметъ къ рѣсницамъ влажнымъ
Носовой, кружевной платокъ.

И въ залѣ будетъ движенье,
Аплодисменты и цвѣты.
А у дамы головокруженье
Отъ сознанія правоты.

И въ этотъ, такой достойный
Всякихъ восторговъ, часъ
Только чудакъ покойникъ
На кладбищѣ Монпарнассъ
Въ нелѣпомъ клубкѣ событій
Запутается навсегда...

— Но чего-же вы еще хотите
Отъ покойниковъ, господа?!

Кривой Джимми.

НАБЛЮДЕНІЯ ИНТУРИСТА.

Совѣтское правительство прилагаетъ всѣ усилія съ цѣлью привлечь иностранныхъ туристовъ, т. н. «интуристовъ».

Смотрѣлъ изъ окна отеля на любимую русскую игру: «хвосты». Одинъ всталъ у закрытой лавки, за нимъ другой, за нимъ третій, — пока хвостъ за уголъ не загнулся. А потомъ лавку открыли... Каждый по одиночкѣ входилъ и выходилъ съ маленькой (въ бинокль видно) сухой рыбкой подъ мышкой.

Скучная игра. Но гидъ объяснилъ, что народу она очень нравится, а рыбку они получаютъ въ премію для кормленія своихъ любимыхъ домашнихъ животныхъ.

■

Неправда, будто они совсѣмъ истребили буржуевъ. Своими глазами видѣлъ очень многихъ: всѣ сытые и гладкіе, даже черезчуръ; держатъ себя нахально; всѣ съ большими портфелями, — вродѣ акушерскихъ сумокъ (д. б. носятъ въ нихъ на всякій случай свои анулированныя акціи); одѣты солидно и сообразно съ климатомъ: кто въ кожѣ, кто въ защитныхъ френчахъ.

Простой оборванный народъ охотно имъ уступаетъ дорогу. Только иногда вслѣдъ ругается и то, впрочемъ, негромко...

О, до чего мы въ Европѣ ничего толкомъ о совѣтскомъ союзѣ не знаемъ!

■

Насчетъ религіи тоже все ерунда. Съ автокара самъ видѣлъ свободный «крестный ходъ». Дьяконы плясали, какъ дервиши и бросали въ народъ агитаціонныя религіозныя картинки, а самый главный ихъ «папа» ѣхалъ верхомъ на метлѣ и, по старинному обычаю, кричалъ пѣтухомъ.

И не только никто ихъ не преслѣдовалъ, но даже милиція ихъ охраняла отъ всегда возможнаго восторга толпы. Гидъ позволилъ мнѣ снять фотографію и я всѣмъ покажу ее въ Лондонѣ.

Врага надо изучать, но клеветать на него — недостойно джентльменовъ...

■

Вчера днемъ автокаръ остановился, — шоферъ подобралъ у моста румянаго безпризорнаго мальчика и, извинившись передъ нами, нарушилъ маршрутъ и отвезъ ребенка во «Дворецъ случайныхъ красныхъ малютокъ»... Вся admini-

страція вышла на крыльцо и, прежде чѣмъ впустить мальчика въ вестибюль, опрыскала его со всѣхъ сторонъ одеколономъ.

Хотѣлъ-бы я знать, когда у насъ въ Лондонѣ научатся такъ обращаться съ подобными малютками.

■

Сегодня утромъ, когда я переходилъ черезъ улицу, чтобы бросить письмо въ ящикъ, мимо моего уха пролетѣлъ камень. Гидъ объяснилъ, что д. б. какой-нибудь сознательный пролетаріи принялъ меня за Чемберлена и невольно далъ волю своему гражданскому негодованію. Но вообще совграждане очень любятъ интуристовъ и нерѣдко высказываютъ на улицѣ пожеланія по адресу ихъ родителей въ самой восторженной формѣ.

■

Спросилъ на перекресткѣ у бѣдно одѣтаго гражданина съ интеллигентнымъ выраженіемъ лица, не могъ-ли бы онъ за хорошую плату дать мнѣ нѣсколько уроковъ русскаго языка... Но гражданинъ убѣжалъ отъ меня, какъ отъ зачумленнаго...

До чего, все таки, въ нихъ развито отвращеніе къ Чемберлену!

Къ пережиткамъ стараго строя они терпимы и лойяльны въ высшей степени. Проходилъ мимо памятника Пржевальскому, — путешественнику-генералу, — и собственными глазами видѣлъ: на генеральскихъ плечахъ до сихъ поръ сохранились погоны.

■

Купилъ на госфарфоровомъ заводѣ на память совѣтскую чашку (серія для интуристовъ): краснымъ серпомъ бреютъ золотого барашка, а вокругъ на голубой ленточкѣ надпись — «деньги ваши будутъ наши».

Непонятно, но сдѣлано съ большимъ вкусомъ.

■

Поразительно, какъ развился простой народъ за время совѣтской власти! Не только швейцаръ въ отелѣ, но всѣ слуги до послѣдняго уборщика говорятъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

Одного я какъ-то, возвратясь изъ уборной въ номеръ, засталъ врасплохъ за чтеніемъ моей записной книжки. «Простите, сэръ! — сказалъ онъ мнѣ, покраснѣвъ, какъ дѣвушка. — «Я только упражнялся въ англійскомъ языкѣ...»

— Какой народъ, какая страна!

■

Гуманность ихъ выше всякой похвалы. Какъ-то гидъ, отведя меня въ сторону, сказалъ, понизивъ голосъ: «Гражданинъ, у васъ доброе лицо... Можетъ быть у васъ есть какія-нибудь порученія къ нашимъ несчастнымъ обѣднѣвшимъ буржуямъ отъ ихъ заграничныхъ друзей? Передайте мнѣ и я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ. Къ побѣжденнымъ врагамъ мы великодушны..»

Къ сожалѣнію, никакихъ порученій у меня не было.

■

И когда я спросилъ его: правда-ли будто ваши граждане не могутъ также свободно путешествовать въ иноземныя страны, какъ мы, интуристы, ѣздимъ къ вамъ? — О! — отвѣтилъ гидъ, — какая черная клевета! Кого нужно мы командируемъ сами. А у прочихъ нѣтъ свободной минуты, — мы всѣ доканчиваемъ нашу дорогую пятилѣтку и даже не имѣемъ времени перечесть передъ сномъ нѣсколько страницъ изъ вашего дорогого Шекспира...

А кому не терпится и кто очень любитъ передвиженія, тѣхъ посылаемъ мы на сѣверъ. Тамъ очень здоровый климатъ и нашимъ туристамъ тамъ такъ нравится, что никто уже оттуда не возвращается.

Молча пожалъ я ему руку и подумалъ: какой строй! Какой удивительный строй!

Такъ иногда пять дней непосредственнаго осязанія даютъ больше, чѣмъ тринадцать лѣтъ пережевыванія непровѣренныхъ слуховъ....

А. Черный.

ОТКЛОНИЛЪ СЪ БЛАГОДАРНОСТЬЮ.

Извѣстный берлинскій издатель Николаи (1765-1791) получилъ отъ аббата Геслера рукопись, которая называлась такъ: «Душеспасительныя проповѣди для христіанъ, евреевъ и язычниковъ».

Николаи отвѣтилъ аббату слѣдующимъ письмомъ: «Ваше преподобіе, я безконечно сожалѣю, что не могу принять къ изданію предложенную вами мнѣ книгу. Но христіане больше не читаютъ проповѣдей, евреи не покупаютъ ихъ, а съ язычниками я не имѣю никакихъ коммерческихъ сношеній».

СИМФОНИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ.

С. В. Рахманиновъ.

Почтительный шаржъ А. Шараго.

«Рукой я громы извлекаю,
Ногой педали нажимаю,
Я — Рах, я — Ма, я — Ни, я — Новъ!...»

«ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ»

Два молодыхъ беллетриста, одинъ юный поэтъ и одинъ начинающій критикъ, задумали совмѣстно написать романъ... Это не подражаніе крыловскому квартету, и не фантазія: это дѣйствительно происходило на-дняхъ, въ Парижѣ. Существуютъ же «литературныя мастерскія» въ совѣтской Россіи, — что мѣшаетъ имъ возникнуть и здѣсь? Итакъ, нѣсколько молодыхъ людей рѣшили совмѣстно написать романъ. Цѣль у нихъ была двойная: съ одной стороны имъ очень хотѣлось обогатиться, съ другой — страстно хотѣлось прославиться.

— Сейчасъ публика жаждетъ хорошаго романа, — сказалъ одинъ изъ беллетристовъ, — издатели мечатютъ о хорошемъ романѣ. Но, понимаете-ли, хорошемъ, увлекательномъ по содержанію, блестящемъ по формѣ.

— Я бы выразился... ударномъ романѣ, — заудумчиво замѣтилъ критикъ.

— Ну, дорогой, вы видно начитались совѣтскихъ журналовъ! Наша публика прежде всего требуетъ, чтобы никакихъ такихъ словечекъ и въ поминѣ не было, и чтобы ять съ твердымъ знакомъ стояли на своихъ мѣстахъ. Это программа минимумъ. Еще — чтобы романъ былъ безъ комсомольцевъ и колхозовъ. Надо что-нибудь нѣжное, романтическое... лунный вечеръ, она, невинная дѣвушка, онъ влюбленный юноша. Надо что-нибудь оригинальное. Начать лучше всего съ луннаго вечера.

Поспорили, потолковали, согласились, что необходимъ весенній лунный вечеръ. Къ слѣдующему собранію было приготовлено нѣсколько варіантовъ.

— «Въ этотъ вечеръ я долго сидѣлъ у раскрытаго окна, и вмѣстѣ съ опьяняющимъ ароматомъ расцвѣтающихъ розъ неслись ко мнѣ изъ притихшаго, будто обвороженнаго сада, трели и цоканье соловья, пѣвшаго какъ тысячу лѣтъ тому назадъ все ту-же вѣчную пѣснь любви. Боже, какъ трепетало мое сердце, преисполненное тѣмъ же невыразимымъ, безпричиннымъ и благодарнымъ блаженствомъ, которымъ объятъ былъ и этотъ садъ...»

— Довольно, довольно, — остановили чтеца. — Это вѣдь Бунинъ.

— И притомъ это плохой Бунинъ. Бунинъ пишетъ несравненно лучше.

— Да, конечно, Бунинъ пишетъ лучше. Это, собственно говоря, не Бунинъ, а... ну, все равно, кто это. Но дѣло въ томъ, что если у насъ запокали и затрещали солоьья, то всѣ рѣшатъ, что мы подражаемъ Бунину. У Бунина на соловья монополія есть.

Дальше, другой варіантъ!

— «Если иногда, въ тѣ отдаленные, далеко отодвинутые года, когда я еще былъ ребенкомъ, весна и луна производили на меня всегда впечатлѣніе, которое я тогда, будучи еще лишенъ изощрившейся впослѣдствіи воспріимчивости, не способенъ былъ отчетливо понять, то теперь, когда я узналъ и понялъ то, что она иногда, какъ кажется мнѣ, въ себѣ заключаетъ то, что именно въ такой лунный вечеръ представляется мнѣ какъ-то волшебно, двойственно и въ то же самое время сравнительно отчетливо отраженнымъ, и даже можетъ быть запечатлѣннымъ съ той силой, которую я только впослѣдствіи дѣйствительно въ состояніи буду (или былъ) уловить, причемъ видъ этихъ залитыхъ какимъ-то молочнымъ свѣтомъ невысокихъ клумбъ, все же слабо волновалъ меня, но я все же и тогда замѣчалъ, что это не природа, которую я съ дѣтства...»

— Отлично — зажмурившись сказалъ критикъ — Отлично! Это какъ разъ то, что нужно. Это продолжаетъ линію Пруста.

Но послѣдователь Бунина запротестовалъ.

— Линія Пруста? Да вѣдь вашего Пруста и въ подлинникѣ почти никто не осилилъ, а эта смѣсь французскаго съ нижегородскимъ, — да кому она нужна? Хвалить въ газетахъ насъ, быть можетъ, будутъ. Но читать — не станетъ никто.

— Господа, сейчасъ говорятъ о возрожденіи символизма. У насъ есть еще такой варіантъ.

— «И былъ вечеръ. Кто-то зажалъ въ небѣ плоскій, бѣлый кругъ. И тоска, охватившая землю, всходила къ нему. Былъ человѣкъ и была луна. Ничего больше въ мірѣ не было, кромѣ человѣка и луны.

Кто-то сидѣлъ у окна, и думалъ: я владѣю землей, ибо я человѣкъ. И молочно-хрустально-звонкіе лучи скользили по лицу сидѣвшаго...»

— Что вы объ этомъ думаете?

— Я думаю, что есть вещи, которыя никакъ не возродишь.

Всѣ варіанты были отвергнуты. Тогда авторъ будущаго романа рѣшилъ спросить одного умнаго человѣка, рядового читателя, который самъ никогда не написалъ ни строчки, — какое описаніе луннаго весенняго вечера больше всего пришлось бы ему по сердцу?

Тотъ помолчалъ и отвѣтилъ:

— «Былъ лунный весенній вечеръ». Больше ничего не надо.

— Вы шутите?

— Нѣтъ, я говорю совершенно серьезно.

Георгій Адамовичъ.

ТАЙНЫ ЯЗЫКОВѢДѢНІЯ.

Что-то рѣзкое для уха
Заключаетъ этотъ стиль...
Смотришь, женщина-старуха,
А зовутъ ее... Сесиль!

Н. С.

НАРОДНЫЯ ЗАГАДКИ
СЪ ЭМИГРАНТСКИМИ РАЗГАДКАМИ.

Всѣ кишки въ одномъ горшкѣ, одна кишка поперекъ горшка?

— «Воля Россіи».

Полна горница воробышковъ: сидятъ, не летятъ, почирикиваютъ?

— Младороссы.

Вверхъ турлы, внизъ турлы — по всѣмъ турламъ пройти нельзя?

— Евразійцы.

Четыре дѣда назадъ бородами?

— Союзъ національной молодежи.

Ни шитъ, ни кроенъ, а весь въ рубцахъ?

— Эмигрантъ.

Безъ рукъ, безъ ногъ — лапину кроитъ ?

— «Числа».

Дѣдушка моститъ мостикъ, безъ топора и безъ ножа?

— «Россія и Славянство».

Черезъ лѣсъ дорога, на пунктѣ тревога, внутри ярмарка?

— Эмигрантскіе балы.

Два кума — Авакума, двѣ кумы — Авдотьи, два Пантелея, да десять Андреевъ?

— Землячество.

Стучитъ, гремитъ, вертится, ничего не боится?

— Шоффферъ.

Четыре братца подъ однимъ шатромъ стоятъ?

— Квартетъ братьевъ Кедровыхъ.

Виситъ килка на одной жилкѣ?

— «Новая Газета».

Сивка бѣжитъ, а оглобли стоятъ?

«Кочевье».

С — о.

КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.
«ВДОВСТВУЮЩАЯ»

Рис. А. Шараю.

Н. К. КРУПСКАЯ.

(Зав. отделом борьбы с безпризорностью).

Комментаріи излишни.

О ЗУБНОЙ БОЛИ И ОБЪ ОКРУЖАЮЩИХЪ.

О зубной боли можно было-бы написать по крайней мѣрѣ шесть томовъ убористымъ шрифтомъ, и въ полукожаныхъ переплетахъ.

Но лучше, конечно, — не писать.

А, между тѣмъ, двумя, тремя словами отъ нея тоже не отдѣлаешься.

Потому что настоящая, ноющая, душу раздирающая, хорошая зубная боль, это, какъ вамъ сказать?...

Это и психологія, и философія, и мелодекламація, и романъ, и самолюбіе, и переживаніе, и паденіе, и вознесеніе, и небеса, и бездна, и синтезъ, и анализъ, и самосожженіе, и надежда, и свѣтъ, и тьма, и воля къ самоубійству, и вообще... развѣ мыслимо на бѣдномъ,членораздѣльномъ, человѣческомъ языкѣ толкомъ разсказать, что такое зубная боль?!

И, все таки, самое въ зубной боли страшное это не самая боль, отъ которой больно, и не самый зубъ, который болитъ, а... самое, господа, страшное, это семья, или домашнее окруженіе!

Здоровое, сытое, уравновѣшенное, равнодушное, но въ то-же время сочувствующее окруженіе, которое приходитъ, суетится, даетъ совѣты, покачиваетъ головой, вздыхаетъ, разспрашиваетъ, утѣшаетъ, пожимаетъ плечами, суетъ носъ, лѣзетъ, пристаетъ, надоѣдаетъ, дѣлаетъ лицо, и уходитъ.

Представьте себѣ, что у васъ болитъ зубъ, что щека у васъ распухла, что вся ваша физіономія обвязана носовымъ платкомъ, и что два кончика этого проклятаго платка торчатъ въ разныя стороны, какъ и полагается въ лучшихъ домахъ.

И сидите вы, конечно, въ двояко-вогнутомъ положеніи, и раскачиваетесь, и стонете.

Потому что нѣтъ лучшаго средства противъ зубной боли, какъ раскачиваться и стонать.

И вотъ вы, стало быть, стонете и глядите мутными глазами вокругъ, и страдаете.

— Честно, гордо, независимо, и въ одиночествѣ.

И вдругъ приходитъ нахальный, веселый и жизнерадостный окружающій, хлопаетъ васъ изо всѣхъ силъ по двояковогнутому плечу и говоритъ:

— Плюньте, мамаша!... Рюмку коньяку, или водки съ перцемъ, и все какъ рукой сниметъ!...

И заливается развязнымъ смѣхомъ, неизвѣстно отчего.

Конечно, вы смотрите на него мутными глазами, но съ ненавистью.

И продолжаете раскачиваться и мычать.

Пока не приходитъ новый окружающій, — но съ чуткой душой и меланхоликъ.

Этотъ грустно покачиваетъ головой и говоритъ шопотомъ, словно съ покойникомъ.

— Вы-бы, батюшка, валерьяну взяли... И траву-шалфей въ кипяткѣ отварили-бы... и шалфейнымъ отваромъ пополаскивали-бы... на здоровье!

И не успѣваете вы всей душой возненавидѣть чуткаго меланхолика, какъ является кто нибудь изъ домашнихъ, и съ мѣста въ карьеръ начинаетъ визгливымъ голосомъ жаловаться:

— Да развѣ онъ кого-нибудь слушается? Да развѣ это человѣкъ? Да развѣ мы ему двадцать разъ не говорили, чтобъ онъ къ доктору обратился? Да развѣ съ нимъ справишься съ такимъ характеромъ? И съ такимъ упорствомъ ? И съ такими зубами?!

И, конечно, оба постороннихъ окружающихъ немедленно и самымъ подлымъ образомъ переходятъ на сторону домашняго окружающаго.

И всѣ трое визжатъ, кричатъ, и сочувствуютъ.

Такой содомъ, такое столпотвореніе, что даже не слышно, какъ вы стонете.

И, конечно, чѣмъ сильнѣе боль, тѣмъ большо собирается окружающихъ.

Одинъ говоритъ, что навѣрное зубъ мудрости.

Другой говоритъ, что, наоборотъ, что это вовсе тройничный нервъ.

Третій клянется, что воспаленіе надкостницы и что съ воспаленіемъ лучше не шутить.

Потомъ слѣдуютъ совѣты: аспиринъ, кальминъ, хининъ, стрихнинъ, кокаинъ, кофеинъ, ціанистый калій и, въ крайнемъ случаѣ, пуля въ лобъ.

Потомъ вспоминаютъ случаи.

Что у кого болѣло, въ какомъ году, въ какомъ мѣстѣ и съ какой стороны.

Съ зубовъ переходятъ на легкія, съ легкихъ на почки, съ почекъ на переломъ ноги, трехмѣсячное пребываніе въ гипсѣ, искусственное питаніе и подвѣшиваніе.

Потомъ просто усаживаются за чайный столъ, и спиной къ зубу, хохочутъ, хрустятъ печеньемъ, курятъ, разсказываютъ анекдоты, передаютъ послѣднія сплетни, играютъ въ шестьдесятъ шесть, опять пьютъ чай, орутъ, шумятъ, другъ друга перебиваютъ и вдругъ опомнившись, смотрятъ на часы, всплескиваютъ руками и, не попрощавшись, спѣшатъ на метро, потому что это метро послѣднее.

А онъ все ноетъ, ноетъ, ноетъ.

И кончики носового платка торчатъ.

И бѣдное туловище раскачивается изъ стороны въ сторону...

И безумно хочется остаться одному, безъ зубовъ, и безъ окружающихъ.

Донъ-Аминадо.

ГОРОДСКОЙ РИСУНОКЪ.

Рис. Гросса.

Солнце. Листья распускаются.
Лѣзутъ мысли праздныя.
А вокругъ еще шатаются
Силуэты разные...

Рис. Пикельнаго.

«ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ СТРАНСТВІЙ ВОЗВРАТЯСЬ...»

(Докладъ Пьера Доминика въ Обществѣ друзей совѣтской Россіи, т. н. Доминиканцевъ).

П ь е р ъ Д о м и н и к ъ. — Ситуаены и ситуаенки! Электрофикація облаковъ въ совѣтской Республикѣ даетъ такое количество тепловой энергіи, что населеніе съ презрѣніемъ отказывается отъ развращающихъ организмъ одѣялъ и укрывается исключительно галстуками, эшантійонъ которыхъ вы можете не только лицезрѣть, но и осязать!...

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

«Миръ хижинамъ, война дворцамъ!»

«Красная Газета» сообщаетъ:

«Ораніенбаумскій дворецъ Бельведеръ отданъ колхозу «Впередъ». Колхозъ устраиваетъ во дворцѣ избу-читальню...»

Переведите это на какой угодно иностранный языкъ, ни одинъ иностранецъ не пойметъ, въ чемъ дѣло.

Прежде всего онъ не пойметъ, зачѣмъ дворецъ превращать въ избу?

Затѣмъ онъ никакъ не уразумѣетъ, на кой чортъ устраивать читальню въ избѣ, когда можно устроить ее во дворцѣ?

И чего онъ уже окончательно не пойметъ, такъ это неслыханной мощи соціалистическаго строительства...

При которомъ вся Россія до такой степени увлечена чтеніемъ, что читателей не хватаетъ.

А между тѣмъ, намъ, знающимъ свой народъ и еще не совсѣмъ забывшимъ родной языкъ, сообщеніе «Красной Газеты» такъ близко и понятно.

«Колхозъ устраиваетъ во дворцѣ избу-читальню».

Что это значитъ?

А очень просто: это значитъ, что не успѣетъ русскій мужикъ выйти утромъ изъ дортуара и съѣсть свой обычный, крестьянскій брекфастъ, какъ онъ уже, земли подъ собой не чуя, со всѣхъ ногъ мчится въ Тургеневскую библіотеку и умоляетъ дать ему полное собраніе сочиненій Ленина и переломающійся карандашъ, чтобы подчеркнуть наиболѣе выдающіяся мѣста и сдѣлать попутныя замѣчанія на поляхъ.

— Дѣйствительно на него Бельведеровъ не напасешься!..

Чуткая молодежь.

Такъ называемыя, мелочи быта.

«Студенты «Астраханскаго Индустріальнаго Техникума» (какъ пышно! какъ богато!) прибыли въ Таганрогъ на заводъ «Сталь», на практику.

Цѣлый мѣсяцъ добивались они въ заводскомъ комитетѣ общественной работы, но не добились. По каковому случаю была выдана имъ слѣдующая справка:

«Дана студентамъ Индустріальнаго Техникума въ томъ, что, находясь на практикѣ на таганрогскомъ заводѣ «Сталь», они не несли общественной нагрузки, потому что подходящей работы для нихъ не нашлось.

Но зато съ ихъ стороны была проявлена инициатива, они этой нагрузки не разъ требовали, но ея не нашлось. Предсѣдатель заводскаго комитета, Синицынъ».

На глаза навертываются тихія слезы, непроизвольныя слезы гордости и умиленія.

Такъ и видишь предъ собой эту пѣвучую молодежь, пріѣхавшую изъ далекой Астрахани въ не менѣе далекій Таганрогъ, и обуреваемую единственнымъ желаніемъ совершить гигантскій, сталелитейный подвигъ, марксизму на пользу, соціализму на утѣшеніе.

Чувствуешь, какъ бьется этотъ коллективный пульсъ, какъ радостно напрягаются молодые мускулы, какой бѣшеной инициативой охваченъ молодой астраханскій мозгъ, изнывающій по таганрогскому гарниру.

Тридцать дней сплошной инициативы, цѣлый мѣсяцъ горѣнія и исканія, и, въ концѣ концовъ, ни малѣйшей нагрузки, и безславное возвращеніе домой, въ родную Астрахань, въ родной Индустріальный Техникумъ!...

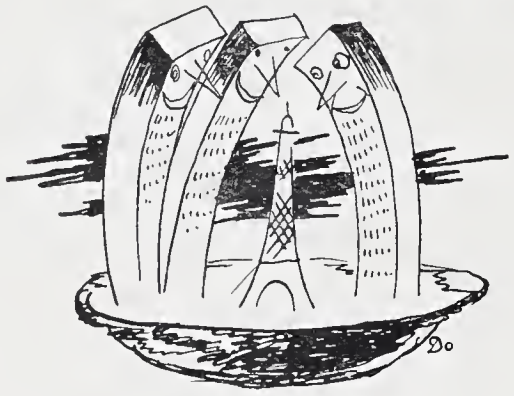
И какъ подумаешь, что мы, погрязшіе въ развратѣ и предающіеся безработицѣ, занимаемся только тѣмъ, что обливаемъ грязью совѣтскую федеративную республику и что, какъ справедливо выразился писатель Горькій, — ни сказокъ о насъ не разскажутъ, ни справокъ о насъ не дадутъ!...

ЧЕСТНЫЙ ДОЛЖНИКЪ.

Гусь съ индюкомъ
Поспорили однажды кой о чемъ,
И, словъ потративши довольно,
Индюкъ противника за хвостъ щипнулъ пребольно.
Тутъ, прибѣжавъ на шумъ скандала,
Ихъ птичница метлою разогнала.
Однако, черезъ часъ,
За завтракомъ опять они сошлись какъ разъ.
— Ага, — воскликнулъ гусь, — за мной еще должокъ.
И съ маху индюка ударилъ клювомъ въ бокъ.
Индюкъ упалъ, затрепыхался
И въ тотъ же мигъ скончался...

Изъ басни той
Мы выводъ сдѣлаемъ прямой.
Чтобъ кредиторамъ не нанесть вреда,
Долговъ не возвращайте никогда.

Маркіанъ Малаевъ.



ФИЛОСОФИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Счастье.

Человѣкъ опустился на колѣни передъ великимъ мудрымъ старцемъ и, коснувшись губами края его плаща, сказалъ:

— Спаси меня, мудрый, ибо погибаю я. Я здоровъ, не бѣденъ, у меня славная жена, и не имѣю я повода жаловаться на дѣтей моихъ. Но несчастенъ я. Злая жизнь жалитъ меня ежедневно, ежечасно острымъ своимъ жаломъ. Куда ни посмотришь — всюду войны, революціи, катастрофы... всюду льется кровь. Великіе люди, благодѣтели человѣчества, умираютъ во цвѣтѣ лѣтъ, а ничтожества живутъ мафусаиловъ вѣкъ. Злыми шипами вонзается повседневность въ мое бѣдное сердце, и никуда отъ нея не уйти...

— Пить ты пробовалъ, чадо, въ винѣ искать забвенія? — сочувственно спросилъ человѣка мудрый старецъ.

— Пробовалъ, отецъ, — сказалъ человѣкъ. — Не помогаетъ. Выпьешь — забудешься, а протрезвишься — станетъ еще горше. Виномъ не заслонишься отъ жизни.

— Въ карты тоже хорошо играть, — задумчиво промолвилъ мудрый старецъ. — Многихъ очень, очень отвлекаетъ. Опять-же ипподромы посѣщать, конскія ристалища съ участіемъ тотализатора...

— Пробовалъ, отецъ, — прервалъ человѣкъ мудраго наставника. — Помогаетъ это, — прости, что скажу по простотѣ, — какъ мертвому банки. Пока выигрываешь, такъ оно отвлекаетъ дѣйствительно, но стоитъ продуться, еще хуже станетъ. Еще болѣе волнуетъ, еще болѣе огорчаетъ и еще острѣе воспринимается... Не уйти-ли мнѣ въ монастырь? Заслониться отъ міра толстыми монастырскими стѣнами, въ келью уединиться, въ скитъ? Благословишь-ли, мудрый?

— Не благословлю, — рѣшительно сказалъ мудрый старецъ. — Того, что ты ищешь, — покоя — не обрѣтешь нынче за монастырскими стѣнами. Радіо достанетъ тебя своими щупальцами и въ одинокой твоей кельѣ. Нѣтъ, другъ... Увлеченіе тебѣ нужно пріобрѣсти, сильное, всезахватывающее, маніакальное. Ничѣмъ нельзя лучше отгородиться отъ жизни, какъ увлеченіемъ. Начни собирать что нибудь: табакерки, чашки, трубки, оружіе, монеты, марки, гравюры — что хочешь. Это захватитъ тебя, перейдетъ въ манію, и жизнь не въ состояніи будетъ уязвить тебя въ твоемъ замурованномъ мірѣ. Встань, чадо! Иди и собирай. И что бы ты ни собиралъ, ты обрѣтешь покой! И человѣкъ пошелъ, и началъ собирать марки. И черезъ годъ, дѣйствительно, онъ пересталъ уже ходить на собранія «Дней», и сталъ ходить только на марочную биржу; и онъ пересталъ спрашивать пріѣзжающихъ изъ Россіи, скоро-ли уйдутъ большевики, а сталъ спрашивать у нихъ, нельзя ли выписать марку съ одиннадцатью рубчиками, съ изображеніемъ молотобойца.

А черезъ десять лѣтъ человѣкъ встрѣтился опять съ мудрымъ старцемъ.

— Ну, что, — спросилъ старецъ, — раздражаетъ тебя попрежнему жизнь теперь, когда ты обзавелся спасительной маніей? Войны и революціи и теперь заставляютъ твое сердце обливаться кровью? Катастрофы, безсмысленно уносящія тысячи человѣческихъ жизней, заставляютъ тебя и теперь содрогаться? Проливаешь ты и теперь слезы надъ преждевременной смертью великаго человѣка?

— Нѣтъ, мудрый, — отвѣтилъ человѣкъ, — теперь для меня все стало по-иному. Съ войнами и революціями для меня связаны лишь прекращеніе выпуска однихъ марокъ и появленіе другихъ; катастрофы я привѣтствую, ибо за ними слѣдуютъ выпуски отличнѣйшихъ благотворительныхъ марокъ; а послѣ смерти великаго человѣка, я съ нетерпѣніемъ жду выпуска марокъ съ его портретомъ.

— Значитъ, — сказалъ мудрый старецъ, — хорошій я далъ тебѣ совѣтъ, научивъ тебя оградиться отъ жизни толстыми альбомами? И значитъ ты счастливъ теперь?

Человѣкъ меланхолически усмѣхнулся.

— Нѣтъ, мудрый, — сказалъ онъ, — я не знаю счастья. Не такъ то крѣпко мое здоровье и не такъ-то долго мнѣ еще осталось жить, а коллекція моя.. страдаетъ пробѣлами! Нѣтъ у меня еще ни краснаго св. Маврикія въ десять пенсовъ, ни зеленаго св. Фомы, и надежда достать ихъ становится все призрачнѣе и призрачнѣе. А если ты взглянешь на мою коллекцію французскихъ колоній, такъ ты увидишь тоже...

И человѣкъ прикусилъ губу, чтобы удержаться отъ слезъ, но не въ силахъ былъ побороть свое волненіе.

— Отче, отче, — вырвалось у него вперемежку съ рыданіями, — отчего я родился подъ столь несчастной звѣздой? Отчего мнѣ нѣтъ ни въ чемъ удачи? Отчего злосчастье преслѣдуетъ меня по пятамъ, не давая мнѣ ни отдыха, ни срока? Вѣдь я ни одного аукціона не пропускаю, вѣдь я выписываю журналы на всѣхъ языкахъ, вѣдь я веду переписку съ торговцами и коллекціонерами пяти частей свѣта, а у меня все-таки не хватаетъ шести самыхъ важныхъ номеровъ въ моемъ альбомѣ французскихъ колоній, въ то время, какъ у бездѣльника, невѣжи, лѣнтяя и фанфарона, моего сосѣда Иванова, они есть!

Влад. Азовъ.

НАГЛЯДНЫЙ ПРИМѢРЪ.

Б о б а. — Объясни мнѣ пожалуйста, папа, какъ начинается война?

П а п а. — Гмъ.... Ну, представь себѣ, что Франція, напримѣръ, поссорилась, ну, что-ли, съ Бельгіей...

М а м а. — Зачѣмъ ты даешь ребенку такой невѣроятный примѣръ? Какъ можетъ Франція поссориться съ Бельгіей?

П а п а. — Что ты путаешься? Я хочу объяснить ребенку, какъ начинается война, и беру яркій и наглядный примѣръ.

М а м а. — Я не возражаю противъ яркаго примѣра. Я возражаю противъ глупаго.

П а п а. — Занимайся своими горшками и не мѣшай мнѣ объяснить ребенку то, чего онъ не понимаетъ!

Б о б а. — Спасибо, папа, уже не нужно. Я уже знаю, какъ начинается война.

ЧЕСТНОСТЬ, НО ВЪ МѢРУ.

Къ кассиршѣ, въ кинематографѣ пришла пріятельница и усѣлась рядомъ съ ней въ будкѣ. Пришелъ посѣтитель, потребовалъ билетъ за восемь франковъ, положилъ на конторку десять франковъ и торопливо побѣжалъ въ залъ, забывъ взять два франка сдачи.

— Часто бываютъ такіе случаи? — спросила пріятельница кассирши.

— Довольно часто, — отвѣтила кассирша.

— А что же ты дѣлаешь въ такихъ случаяхъ?

— А я стучу вслѣдъ забывчивому зрителю въ окошечко... Только я стучу пуховкой.

«НОВЫЙ БЫТЪ».

Улица Розы Люксембургъ, уголъ Карла Либкнехта.

Рис. А. Шараю.

«Революціонный держите шагъ!
Неугомонный не дремлетъ врагъ!...»

— Бодрымъ шагомъ идутъ ударники древообдѣлочнаго цеха. Стройными колоннами движутся зародыши и піонеры. Мощно сотрясаютъ нѣдра спортивныя команды дѣвушекъ безъ черемухи. И всѣ идутъ навстрѣчу солнцу, навстрѣчу соціализму!...

КАКЪ РАБОТАЕТЪ ФАНТАЗІЯ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХЪ РАСЪ.

Корова и оса.

(Разсказъ Джека Уортингтона, эсквайра, изъ Барнемаута).

Однажды нѣкая корова, когда она паслась на лугу, проглотила вмѣстѣ съ пучкомъ травы осу. «Вотъ дрянь, — сказала оса, очутившись въ желудкѣ коровы. — Мало того, что ты обмахивала меня своимъ противнымъ хвостомъ, теперь ты еще меня и проглотила! Ну, погоди же, я тебя такъ ужалю въ толстую твою кишку, что ты у меня раздуешься, какъ шаръ».

Но въ желудкѣ у коровы было такъ тепло и такъ, между нами говоря, уютно, что оса рѣшила вздремнуть немножко, прежде чѣмъ привести въ исполненіе свою жестокую угрозу.

Каково же было ея изумленіе, когда она проснулась: она лежала (правда, на мягкомъ и тепломъ) въ чистомъ полѣ, а корова... ушла.

Благодарный слонъ.

(Разсказъ Маріуса Турнедо де Моэль изъ Марселя).

Въ молодости я принялъ однажды участіе въ охотѣ на слоновъ въ дебряхъ Индіи. Одинъ изъ охотниковъ, вооружившись тяжелымъ топоромъ, собирался разбить черепъ симпатичному маленькому слоненку, отбившемуся навѣрно отъ своей матки. «Брось, Махатма, — сказалъ я охотнику, — не трогай этого малыша. Пусть онъ живетъ».

Слоненокъ вильнулъ своимъ короткимъ хвостикомъ и неуклюжей побѣжкой скрылся въ джунгляхъ.

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ этого я какъ-то сидѣлъ въ циркѣ, въ Марселѣ. Сидѣлъ я, конечно, на самой верхушкѣ за 1 фр. 50 с. Седьмымъ номеромъ программы были дрессированные слоны. И что же вы думаете? Вдругъ одинъ изъ слоновъ, вмѣсто того, чтобы, по знаку своего дрессировщика, стать на колѣни и поклониться публикѣ, радостно затрубилъ, вытянулъ свой хоботъ, осторожно снялъ меня съ моего мѣста и еще болѣе осторожно пересадилъ на пустое кресло въ первомъ ряду, которое стоитъ 40 франковъ.

НЕ СТОИТЪ ТРУДИТЬСЯ.

Профессоръ бѣлой и черной магіи приготовился показать свой лучшій номеръ.

— Если какая-нибудь дама изъ присутствующихъ пожелаетъ подняться на сцену, — обратился онъ къ публикѣ, — я буду имѣть честь продемонстрировать чудо индійской магіи двадцатаго вѣка. Я поставлю ее на стулъ, сдѣлаю знакъ моей магической палочкой и дама исчезнетъ.

Тотчасъ же въ партерѣ поднялся господинъ въ помятомъ котелкѣ.

— Слушайте, — сказалъ онъ, — если вы подождете ровно двѣ минуты, я сбѣгаю домой и приведу жену. Мы живемъ напротивъ.

Но профессоръ бѣлой и черной магіи продолжалъ, не обращая вниманія на откликнувшагося:

— ...Дама исчезнетъ и по новому знаку моей магической палочки появится вновь, живой и невредимой.

— Э-э... — протянулъ человѣкъ въ помятомъ котелкѣ и опустился на свое мѣсто, — тогда не стоитъ и ходить...

М. и Ж.

Мужчина покупаетъ за пять рублей вещь, которой настоящая цѣна три рубля, но которая полезна. Женщина покупаетъ за три рубля вещь, настоящая цѣна которой пять рублей, но которая безполезна.

ИСКЛЮЧЕНІЕ ИЗЪ ПРАВИЛА.

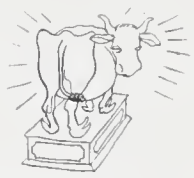
Когда мужъ говоритъ женѣ, что его поздно задержали на службѣ, женѣ почти невозможно провѣрить, правду онъ говоритъ или вретъ.

Это не относится къ женѣ «громковѣщателя» на радіостанціи.

ВЪ АПТЕКѢ.

— Скажите, пожалуйста, а что у васъ въ этой большой бутылкѣ безъ этикетки?

— А изъ этой бутылки я наливаю, когда я не могу разобрать почеркъ врача.



Золотой теленокъ

Романъ изъ совѣтской жизни Ильи Ильфа и Евгенія Петрова.

(Продолженіе)

Предсѣдатель хотѣлъ было спросить о цѣли пріѣзда лейтенантскаго сына въ Арбатовъ, но неожиданно для самого себя жалобно улыбнулся и сказалъ:

— Церкви у насъ замѣчательныя. Тутъ уже изъ Главнауки пріѣзжали, собираются реставрировать. Скажите, а вы-то сами помните возстаніе на броненосцѣ «Очаковъ»?

— Смутно, смутно, — отвѣтилъ посѣтитель. — Въ то героическое время я былъ еще крайне малъ. Я былъ дитя.

— Простите, а какъ ваше имя?

— Николай... Николай Шмидтъ.

— А... по батюшкѣ?

«Ахъ, какъ нехорошо, — подумалъ посѣтитель, который и самъ не зналъ имени своего отца.

— Да-а, — протянулъ онъ, уклоняясь отъ прямого отвѣта, — теперь многіе не знаютъ именъ героевъ. Угаръ нэпа. Нѣтъ того энтузіазма. Я, собственно, попалъ къ вамъ въ городъ совершенно случайно. Дорожная непріятность. Остался безъ копейки.

Предсѣдатель очень обрадовался перемѣнѣ разговора. Ему показалось позорнымъ, что онъ забылъ имя очаковскаго героя.

«Дѣйствительно, — думалъ онъ, съ любовью глядя на воодушевленное лицо героя, — глохнешь тутъ за работой. Великія вѣхи забываешь».

— Какъ вы говорите? Безъ копейки? Это интересно.

— Конечно, я могъ бы обратиться къ частному лицу, — сказалъ посѣтитель, — мнѣ всякій дастъ; но, вы понимаете, это не совсѣмъ удобно съ политической точки зрѣнія. Сынъ революціонера, и вдругъ проситъ денегъ у частника, у нэпмана...

Послѣднія слова сынъ лейтенанта произнесъ съ надрывомъ. Предсѣдатель тревожно прислушался къ новымъ интонаціямъ въ голосѣ посѣтителя. «А вдругъ припадочный, — подумалъ онъ, — хлопотъ съ нимъ не оберешься».

— И очень хорошо сдѣлали, что не обратились къ частнику, — сказалъ, наконецъ, запутавшійся предсѣдатель.

Затѣмъ сынъ черноморскаго героя мягко, безъ нажима, перешелъ къ дѣлу. Онъ просилъ пять-десять рублей. Предсѣдатель, стѣсненный узкими рамками мѣстнаго бюджета, смогъ дать только восемь рублей и три талона на обѣдъ въ кооперативной столовой «Бывшій другъ желудка».

Сынъ героя уложилъ деньги и талоны въ глубокій карманъ поношеннаго, сѣраго въ яблокахъ,пиджака и уже собирался было подняться съ розоваго пуфика, когда за дверью кабинета послышался топотъ и заградительный возгласъ секретаря. Дверь носпѣшно растворилась, и на порогѣ ея показался новый посѣтитель.

— Кто здѣсь главный? — спросилъ онъ, тяжело дыша и рыская блудливыми глазами.

— Ну, я, — сказалъ предсѣдатель.

— Здорово, предсѣдатель, — гаркнулъ новоприбывшій, протягивая лопатообразную ладонь. — Будемъ знакомы. Сынъ лейтенанта Шмидта.

— Кто? — спросилъ глава города, таращя глаза.

— Сынъ великаго незабвеннаго героя лейтенанта Шмидта, — повторилъ пришелецъ.

— А вотъ же товарищъ сидитъ — сынъ товарища Шмидта, Николай Шмидтъ.

И предсѣдатель въ полномъ разстройствѣ указалъ на перваго посѣтителя, лицо котораго внезапно пріобрѣло сонное выраженіе.

Въ жизни двухъ жуликовъ наступило щекотливое мгновеніе. Въ рукахъ скромнаго и довѣрчиваго предсѣдателя исполкома въ любой моментъ могъ блеснуть длинный, непріятный мечъ Немезиды. Судьба давала только одну секунду времени для созданія спасительной комбинаціи. Въ глазахъ второго сына лейтенанта Шмидта отразился ужасъ.

Его фигура въ лѣтней рубашкѣ «Парагвай», штанахъ съ матросскимъ клапаномъ и голубоватыхъ парусиновыхъ туфляхъ, еще минуту назадъ рѣзкая и угловатая, стала расплываться, потеряла свои грозныя контуры и уже рѣшительно не внушала никакого уваженія. На лицѣ предсѣдателя появилась скверная улыбка.

И вотъ, когда второму сыну лейтенанта

SENNEP

Извѣстный французскій карикатуристъ и художникъ.

Человѣкъ, который однимъ карандашомъ можетъ скомпрометировать цѣлую республику.

МАРИНЕТТИ.

Пѣвецъ итальянскаго фашизма.
«Поэтъ на лирѣ вдохновенной рукой разсѣянно бряцалъ...»

Принцъ Уэллькій, законодатель модъ, воздухоплаватель, мореплаватель, охотникъ на слоновъ, наѣздникъ, и фотографъ - любитель, но холостякъ.

Сенаторъ ДЕ-МОНЗИ. — Большой спеціалистъ по русскимъ финансамъ!...
Проэктъ новыхъ кредитныхъ билетовъ Сов. Республики.

— Родной! Братикъ! Узнаешь брата Колю?

уже казалось, что все потеряно и ужасный предсѣдательскій гнѣвъ свалится сейчасъ на его рыжую голову, съ розоваго пуфика пришло спасеніе.

— Вася! — закричалъ первй сынъ лейтенанта Шмидта, вскакивая. — Родной, братикъ! Узнаешь брата Колю?

И первый сынъ заключилъ второго сына въ объятія.

— Узнаю! — воскликнулъ прозрѣвшій Вася. — Узнаю брата Колю!

Счастливая встрѣча ознаменовалась такими сумбурными ласками и столь необыкновенными по силѣ объятіями, что второй сынъ черноморскаго революціонера вышелъ изъ нихъ съ поблѣднѣвшимъ отъ боли лицомъ. Братъ Коля на радостяхъ помялъ его довольно сильно.

Обнимаясь, оба брата искоса поглядывали на предсѣдателя, съ лица котораго не сходило укусное выраженіе. Въ виду этого спасительную комбинацію тутъ же на мѣстѣ пришлось развить, пополнить бытовыми деталями и новыми, ускользнувшими отъ Истпарта подробностями возстанія моряковъ въ 1905 году. Держась за руки, братья опустились на козетку и, не спуская льстивыхъ глазъ съ предсѣдателя, погрузились въ воспоминанія.

— До чего удивительная встрѣча! — фальшиво воскликнулъ первый сынъ, взглядомъ приглашая предсѣдателя примкнуть къ семейному торжеству.

— Да, — сказалъ предсѣдатель замороженнымъ голосомъ. Бываетъ, бываетъ.

Увидѣвъ, что предсѣдатель все еще находится въ лапахъ сомнѣнія, первый сынъ погладилъ брата по рыжимъ, какъ у сеттера, кудрямъ и ласково спросилъ:

— Когда же ты пріѣхалъ изъ Маріуполя, гдѣ ты жилъ у нашей бабушки?

— Да, я тамъ жилъ, — пробомоталъ второй сынъ лейтенанта, — у нея.

— Что-жъ ты мнѣ такъ рѣдко писалъ? Я очень безпокоился.

— Занятъ былъ, — угрюмо отвѣтилъ рыжеволосый.

И опасаясь, что неугомонный братъ сейчасъ же заинтересуется, чѣмъ онъ былъ занятъ (а занятъ онъ былъ преимущественно тѣмъ, что сидѣлъ въ исправительныхъ домахъ различныхъ автономныхъ республикъ и областей), второй сынъ лейтенанта Шмидта вырвалъ инициативу и самъ задалъ вопросъ:

— А ты почему не писалъ?

Я писалъ, — неожиданно отвѣтилъ братецъ, чувствуя необыкновенный приливъ веселости. — Заказныя письма посылалъ. У меня даже почтовыя квитанціи есть.

И онъ полѣзъ въ боковой карманъ, откуда дѣйствительно вынулъ множество лежалыхъ бумажекъ. Но показалъ ихъ почему-то не брату, а предсѣдателю исполкома, да и то издали.

Какъ ни странно, но видъ бумажекъ немного успокоилъ предсѣдателя, и воспоминанія братьевъ стали живѣе. Рыжеволосый вполнѣ освоился съ обстановкой и довольно толково, хотя и монотонно, разсказалъ содержаніе массовой бршюры «Мятежъ на Очаковѣ». Братъ украпалъ его сухое изложеніе деталями, настолько живописными, что предсѣдатель, начинавшій было уже успокаиваться, снова навострилъ уши.

Однако, онъ отпустилъ братьевъ съ миромъ, и они выбѣжали на улицу, чувствуя большое облегченіе.

За угломъ исполкомовскаго дома они остановились.

— Кстати, о дѣтствѣ, — сказалъ первый сынъ, — въ дѣтствѣ такихъ, какъ вы, я убивалъ на мѣстѣ. Изъ рогатки.

— Почему? — радостно спросилъ второй сынъ знаменитаго отца.

— Таковы суровые законы жизни. Или, короче выражаясь, жизнь диктуетъ намъ свои суровые законы. Вы зачѣмъ полѣзли въ кабинетъ? Развѣ вы не видѣли, что предсѣдатель не одинъ?

— Я думалъ...

— Ахъ, вы думали? Вы, значитъ, иногда думаете? Вы мыслитель? Какъ ваша фамилія, мыслитель? Спиноза? Жанъ-Жакъ Руссо? Макъ Аврелій?

Рыжеволосый молчалъ, подавленный справедливымъ обвиненіемъ.

— Ну, я васъ прощаю. Живите. А теперь давайте познакомимся. Какъ-никакъ мы братья, а родство обязываетъ. Меня зовутъ Остапъ Бендеръ. Разрѣшите также узнать вашу первую фамилію.

— Балагановъ, — представился рыжеволосый, — Шура Балагановъ.

— О профессіи не спрашиваю, — учтиво сказалъ Бендеръ, — по догадываюсь. Вѣроятно, что-нибудь интеллектуальное? Судимостей за этотъ годъ много?

— Двѣ, — свободно отвѣтилъ Балагановъ.

— Вотъ это нехорошо. Почему вы про-

«...Придавъ тѣлу достаточный размахъ и инерцію, выбросили его на улицу...»

даете свою безсмертную душу? Человѣкъ не долженъ судиться. Это пошлое занятіе. Я имѣю въ виду кражи. Не говоря уже о томъ, что воровать грѣшно, — мама, навѣрно, познакомила васъ въ дѣтствѣ съ такой доктриной, — это къ тому же безцѣльная трата силъ и энергіи.

Остапъ долго еще развивалъ бы свои взгляды на жизнь, если бы его не перебилъ Балагановъ.

— Смотрите, — сказалъ онъ, указывая на зеленыя глубины Бульвара Молодыхъ Дарованій. — Видите, вонъ идетъ человѣкъ въ соломенной шляпкѣ?

— Вижу, — высокомѣрно сказалъ Остапъ. — Ну и что-же? Это губернаторъ острова Борнео?

— Это Паниковскій, — сказалъ Шура. — Сынъ лейтенанта Шмидта.

По аллеѣ, въ тѣни августѣйшихъ липъ, склонясь немного набокъ, двигался немолодой уже гражданинъ. Твердая соломенная шляпа съ рубчатыми краями бокомъ сидѣла на его головѣ. Брюки были настолько коротки, что обнажали бѣлыя завязки кальсонъ. Подъ усами гражданина, подобно огоньку папиросы, пылалъ золотой зубъ.

— Какъ, еще одинъ сынъ? — сказалъ Остапъ. — Это становится забавнымъ.

Паниковскій подошелъ къ зданію исполкома, задумчиво описалъ у входа восьмерку, взялся за поля шляпы обѣими руками и правильно установилъ ее на головѣ, обдернулъ пиджакъ и, тяжело вздохнувъ, двинулся внутрь.

— У лейтенанта было три сына, — замѣтилъ Бендеръ, — два умныхъ, а третій дуракъ. Его нужно предостеречь.

— Не надо, — сказалъ Балагановъ, — пусть знаетъ въ другой разъ, какъ нарушать конвенцію.

— Что это за конвенція такая?

— Подождите, потомъ скажу. Вошелъ, вошелъ!

— Я человѣкъ завистливый, — сознался Бендеръ, — но тутъ завидовать нечему. Вы никогда не видѣли боя быковъ? Пойдемъ, посмотримъ.

Сдружившіяся дѣти лейтенанта Шмидта вышли изъ-за угла и подступили къ окну предсѣдательскаго кабинета.

За туманнымъ, немытымъ стекломъ сидѣлъ предсѣдатель. Онъ быстро писалъ. Какъ у всѣхъ пишущихъ, лицо у него было скробное. Вдругъ онъ поднялъ голову. Дверь распахнулась, и въ комнату проникъ Паниковскій. Прижимая шляпу къ сальному пиджаку, онъ остановился передъ столомъ и долго шевелилъ толстыми губами. Послѣ этого предсѣдатель подскочилъ на стулѣ и широко раскрылъ ротъ. Друзья услышали протяжный крикъ.

Со словами «всѣ назадъ» Остапъ увлекъ за собою Балаганова. Они побѣжали на бульваръ и спрятались за деревомъ.

— Снимите шляпы, — сказалъ Остапъ, обнажите головы. Сейчасъ состоится выносъ тѣла.

Онъ не ошибся. Не успѣли еще замолкнуть раскаты и переливы предсѣдательскаго голоса, какъ въ порталѣ исполкома показались два дюжихъ сотрудника. Они несли Паниковскаго. Одинъ держалъ его за руки, а другой за ноги.

— Прахъ покойнаго, — комментировалъ Остапъ, — былъ вынесенъ на рукахъ близкими и друзьями.

Сотрудники вытащили третье глупое ди-

тя лейтенанта Шмидта на крыльцо и принялись неторопливо раскачивать. Паниковскій молчалъ, покорно глядя въ синее небо.

— Послѣ непродолжительной гражданской панихиды... — началъ Остапъ.

Въ ту же самую минуту сотрудники, придавъ тѣлу Паниковскаго достаточный размахъ и инерцію, выбросили его на улицу.

— ...тѣло было передано землѣ, — закончилъ Бендеръ.

Паниковскій плюхнулся на землю, какъ жаба. Онъ быстро поднялся и, кренясь набокъ сильнѣе прежняго, побѣжалъ по Бульвару Молодыхъ Дарованій съ невѣроятной быстротой.

— Ну, теперь разскажите, — промолвилъ Остапъ, — какимъ образомъ этотъ гадъ нарушилъ конвенцію и какая это была конвенція.

— Удовлетворимся квасомъ! — сказалъ Балагановъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта.

Хлопотливо проведенное утро окончилось.

Бендеръ и Балагановъ, не сговариваясь, быстро пошли въ сторону отъ исполкома. По главной улицѣ на раздвинутыхъ крестьянскихъ ходахъ везли длинную синюю рельсу. Такой звонъ и пѣнье стояли на главной улицѣ, будто возчикъ везъ не рельсу, а оглушительную музыкальную ноту. Солнце ломилось въ стеклянную витрину магазина наглядныхъ пособій, гдѣ надъ глобусами, черепами и картонной, весело раскрашенной печенью пьяницы, дружески обнимались два скелета. Въ бѣдномъ окнѣ мастерской штемпелей и печатей наибольшее мѣсто занимали эмалированныя донечки съ надписями: «Закрыто на обѣдъ», «Обѣденный перерывъ отъ 2 до 3 час. дня», «Закрыто на обѣденный перерывъ», просто «Закрыто», «Магазинъ закрытъ» и, наконецъ, черная фундаментальная доска съ золотыми буквами: «Закрыто для переучета товаровъ». Повидимому, эти рѣшительные тексты пользовались въ городѣ Арбатовѣ наибольшимъ спросомъ. На всѣ прочія явленія жизни мастерская штемпелей и печатей отозвалась только одной синей табличкой: «Дежурная няня».

Затѣмъ, одинъ за другимъ, расположились подрядъ три магазина духовыхъ инструментовъ, мандолинъ и басовыхъ балалаекъ. Мѣдныя трубы, развратно сверкая, возлежали на витринныхъ ступенькахъ, обтянутыхъ краснымъ коленкоромъ. Особенно хорошъ былъ басъ-геликонъ. Онъ былъ такъ могучъ, такъ лѣниво грѣлся на солнцѣ, свернувшись въ кольцо, что его слѣдовало бы содержать не въ витринѣ, а въ столичномъ зоопаркѣ, гдѣ-нибудь между слономъ и удавомъ.

И чтобы въ дни отдыха родители водили бы къ нему дѣтей и говорили: «Вотъ, дѣточка, навильонъ геликона. Геликонъ сейчасъ спитъ. А когда проснется, то обязательно станетъ трубить». И чтобы дѣти смотрѣли на удивительную трубу большими чайными глазами.

Въ другое время Остапъ Бендеръ обратилъ бы вниманіе и на свѣжесрубленныя, величиной въ избу, балалайки, и на свернувшіеся отъ солнечнаго жара грамофонныя пластинки и на піонерскіе барабаны, которые своей молодцеватой раскраской наводили на мысль о томъ, что пуля дура, а штыкъ молодецъ; но сейчасъ ему было не до того. Онъ хотѣлъ ѣсть.

— Вы, конечно, стоите на краю финансовой пропасти? — спросилъ онъ Балаганова.

— Это вы насчетъ денегъ? — сказалъ Шура. — Денегъ у меня нѣтъ уже цѣлую недѣлю.

— Въ такомъ случаѣ вы плохо кончите, молодой человѣкъ, — наставительно сказалъ Остапъ. — Финансовая пропасть — самая глубокая изъ всѣхъ пропастей, въ нее можно падать всю жизнь. Ну, ладно, не горюйте. Я все-таки унесъ въ своемъ клювѣ три талона на обѣдъ. Предсѣдатель исполкома полюбилъ меня съ перваго взгляда.

Но молочнымъ братьямъ не удалось воспользоваться добротой главы города. На дверяхъ столовой «Бывшій другъ желудка» висѣлъ большой замокъ, покрытый не то ржавчиной, не то гречневой кашей.

— Конечно, — съ горечью сказалъ Остапъ, — по случаю учета пищицелей столовая закрыта навсегда. Придется отдать свое тѣло на растерзаніе частникамъ.

— Частники любятъ наличныя деньги, — возразилъ Балагановъ глухо.

— Ну, ну, не буду васъ мучить. Предсѣдатель осыпалъ меня золотымъ дождемъ на сумму въ восемь рублей. Но имѣйте въ виду, уважаемый Шура, даромъ я васъ питать не намѣренъ. За каждый витаминъ, который я вамъ скормлю, я потребую отъ васъ рядъ мелкихъ услугъ.

Однако, частновладѣльческаго сектора въ городѣ не оказалось, и братья пообѣдали въ лѣтнемъ кооперативномъ саду, гдѣ особые плакаты извѣщали гражданъ о послѣднемъ арбатовскомъ нововведеніи въ области народнаго питанія:

Пиво отпускается только членамъ профсоюза.

— Удовлетворимся квасомъ, — сказалъ Балагановъ.

— Тѣмъ болѣе, — добавилъ Остапъ, — что мѣстные квасы изготовляются артелью частниковъ, сочувствующихъ совѣтской власти. А теперь разскажите, въ чемъ провинился передо мной Паниковскій. Я люблю разсказы о мелкихъ жульничествахъ.

Насытившійся Балагановъ благодарно взглянулъ на своего спасителя и началъ разсказъ. Разсказъ длился часа два и заключалъ въ себѣ чрезвычайно интересныя свѣдѣнія.

Во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности предложеніе труда и спросъ на него регулируются спеціальными органами.

«Анархія раздирала корпорацію дѣтей лейтенанта».

Актеръ поѣдетъ въ Омскъ только тогда, когда точно выяснитъ, что ему нечего опасаться конкурренціи и что на его амплуа холоднаго любовника или «кушать подано» нѣтъ другихъ претендентовъ. Желѣзнодорожниковъ опекаютъ родные имъ профсоюзы заботливо публикующіе въ газетахъ сообщенія о томъ, что безработные багажные раздатчики не могутъ разсчитывать на полученіе работы въ предѣлахъ Сызрано-Вяземской дороги, или о томъ, что Средне-Азіатская дорога испытываетъ нужду въ четырехъ барьерныхъ сторожихахъ. Экспертъ-товаровѣдъ помѣщаетъ объявленіе въ газетѣ, и вся страна узнаетъ, что есть на свѣтѣ экспертъ-товаровѣдъ съ десятилѣтнимъ стажемъ, по семейнымъ обстоятельствамъ мѣняющій службу въ Москвѣ на работу въ провинціи.

Все регулируется, течетъ по расчищеннымъ русламъ, совершаетъ свой кругооборотъ въ полномъ соотвѣтствіи съ закономъ и подъ его защитой.

И одинъ лишь рынокъ особой категоріи жуликовъ, именующихъ себя дѣтьми лейтенанта Шмидта, находился въ хаотическомъ состояніи. Анархія раздирала корпорацію дѣтей лейтенанта, и они не могли извлечь изъ своей профессіи тѣхъ выгодъ, которыя она, несомнѣнно, могла принести.

Трудно найти болѣе удобный плацдармъ для всякаго рода самозванцевъ, чѣмъ наше обширное государство, переполненное или сверхъ мѣры подозрительными, хозяйственниками и общественниками.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Алексѣю Н—ву. Парижъ. — Съ большимъ сожалѣніемъ должны отказаться отъ удовольствія напечатать вашу поэму, равно какъ и отъ счастья предложить вамъ гонораръ.

— Вотъ именно (цитируемъ васъ по рукописи, что:

«Въ нашъ двадцатый, хлесткій вѣкъ
Вреднѣе чорта человѣкъ!...»

Развѣ не дана въ этихъ двухъ строчкахъ вся трагедія противорѣчивой нашей современности? Дѣйствительно, и хлесткій, какъ вы правильно говорите, и двадцатый, и вѣкъ!

Но... такъ какъ «вреднѣе чорта человѣкъ», то нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣло идетъ о нашемъ редакторѣ, который только то и дѣлаетъ, что наливаетъ въ почтовый ящикъ неимовѣрное количество воды, и топитъ въ этомъ ящикѣ какъ поэтовъ, такъ и прозаиковъ.

Редакторъ-Издатель: **М. Г. Корнфельдъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОДЪ

на большой еженедѣльный литературно-художественный журналъ
сатиры и юмора

Сатирикон'

СОСТАВЪ СОТРУДНИКОВЪ:

ПИСАТЕЛИ:

Г. В. Адамовичъ, В. А. Азовъ, М. А. Алдановъ, Альталена, А. В. Амфитеатровъ, Н. Ф. Баліевъ, кн. В. В. Барятинскій, Н. Н. Берберова, гр. П. А. Бобринскій, Ив. Бунинъ, С. М. Газіевъ, Валентинъ Горянскій, Сергѣй Горный, Над. Городецкая, Мих. Долиновъ, Донъ-Аминадо, Н. Н. Евреиновъ, Борисъ Зайцевъ, Леонидъ Зуровъ, Георгій Ивановъ, Галина Кузнецова, Анатолій Каменскій, А. И. Купринъ, Ант. Ладинскій, Лери, Лоло, С. Литовцевъ, Иванъ Лукашъ, Сергѣй Маковскій, К. В. Мочульскій, Ирина Одоевцева, М. А. Осоргинъ, Петръ Пильскій, Сергѣй Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, Н. Я. Рощинъ, М. Струве, Андрей Сѣдыхъ, В. Ф. Ходасевичъ, Е. Хохловъ, М. О. Цетлинъ, А. М. Черный, А. А. Яблоновскій, Сергѣй Яблоновскій.

ХУДОЖНИКИ:

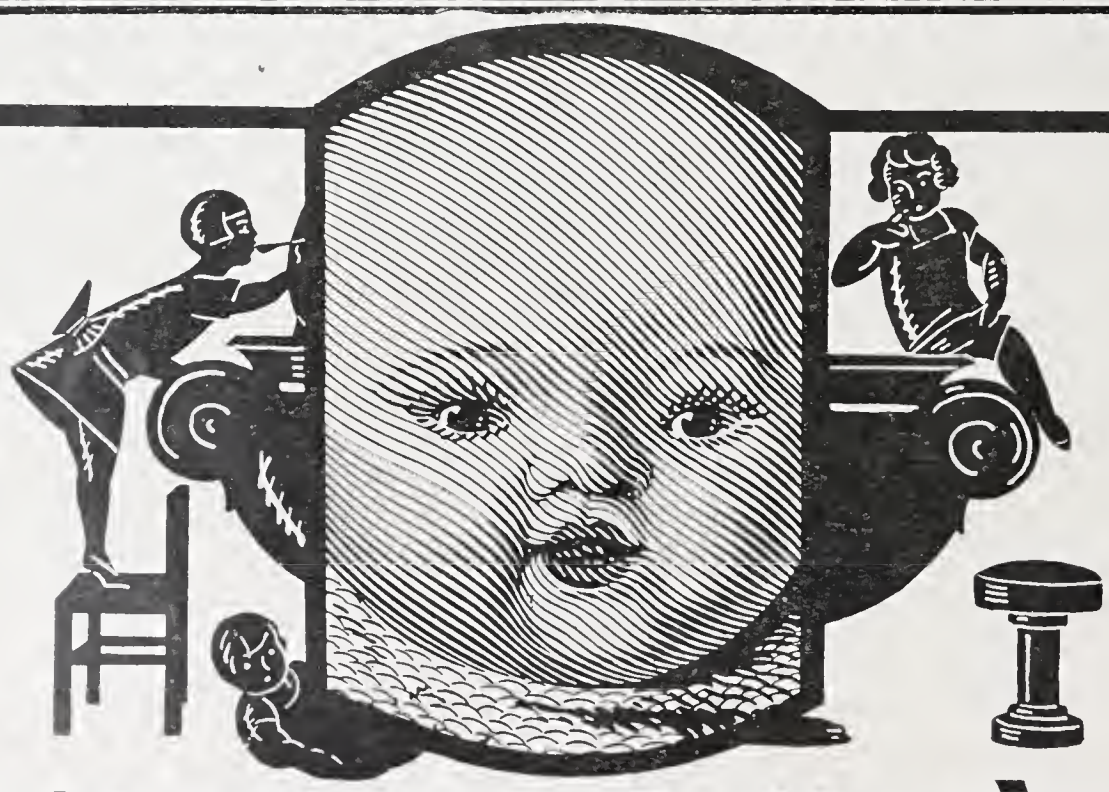
Александръ Бенуа, О. М. Бернацкая-Савичъ, И. Я. Билибинъ, Д. Бушенъ, Б. Билинскій, Вл. Бѣлкинъ, Б. Гроссеръ, А. Гроссъ, М. В. Добужинскій, Б. Зворыкинъ, Юр. Ильинъ, К. А. Коровинъ, Е. И. Лурье, Эр. Ницше, Б. Пикельный, Ф. С. Рожанковскій, А. Серебряковъ, В. Стелецкій, Терешковичъ, С. Черевковъ, А. Шарый, Шварцъ, Г. И. Шильтянъ, В. И. Шухаевъ, Вѣра Шухаева, Шэмъ, Л. Эндэнъ, Алекс. Яковлевъ.

Редакторъ-Издатель: М. Г. КОРНФЕЛЬДЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи	Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Съ странахъ, вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза		160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почт. Союза		177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**
Téléphone: GUTENBERG 05-40



PHOSPHATINE FALIÈRES

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ СУПЪ РЕБЕНКА

Даетъ силу и здоровье. Рекомендуется также малокровнымъ, и выздоравливающимъ.

1, QUAI AULAGNIER.-ASNIÈRES-PARIS

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tel. Barbarossa 1881. Postscheckkonto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГОЛЛАНДІЯ.	Роттердамъ. — Van Ditmar, Post Box 262, Rotterdam.
ГРЕЦІЯ.	Афины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitory, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ. ЛИТВА.	Рига. — *Fischer,* Wallstr. 22-A.
	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schlefko,* Khiabané Post Hané Koutcha Beha es Saltaneh N°1. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovie.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré.
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York.
	Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661. O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors.
	Выборгъ. — *Ivankov,* Linnankatu, 8, Wiiborg.
	Келломяки. — *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel.
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon,* Goldschmiedstrasse, Reval.
	Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, sunr Tan, Narva.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre,* Ul. Kn. Mihailova br. 27.

Антикварныя и художественныя ВЕЩИ
Покупка и продажа
Л. СОРКИНЪ
(Прежде Петроградъ).
90, rue Faubourg Saint-Honoré
(противъ Елисейскаго дворца)
PARIS (8). Téléphone Elysées 98-49

ПЕРЕВОДЪ
ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ
ПОСЫЛКИ принимаетъ
Комитетъ Помощи Голодающимъ
въ Россіи (Comité Russe de Secours)
7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9)
Métro: Clichy. Tél. Louvre 39-25
Пріемъ исключительно отъ 3 7

Общество взаимнаго Кредита "СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). Tél. Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрышн. билетовъ Crédit National. Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер.

Денежные переводы и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9

IMPRIMERIE
COOPÉRATIVE ÉTOILE
17, rue de la Comète
Téléphone: Invalides 11-50
PARIS (7)
R. C. S. 227.770
Métro: La Tour-Maubourg

TOUS GENRES DE TRAVAUX
EN TOUTES LES LANGUES

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ТИПОГРАФСКІЯ РАБОТЫ
НА ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ
„НАША РѢЧЬ"
издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.
Редакторъ-Издатель: С. М. ГАЗІЕВЪ.
Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse.* Въ Парижѣ — въ « *Publicité Metzl* », *Rue de Turbigo,* 51, *Paris VIII*e и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ «Нашей Рѣчи» С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier,* 7, *Paris IX*e.

БОЛѢЮТЪ
и теряютъ трудоспособность часто тѣ, у кого кровь засорена ядами нарушеннаго обмѣна (мочевой кислотой, уратами и пр.). Эти яды быстро растворяются и удаляются изъ организма **извѣстнымъ очистителемъ «КАЛЕФЛЮИДОМЪ Д. КАЛЕНИЧЕНКО»**, который одновременно насыщаетъ организмъ лечебно-энергіетворными гормонами и жизнетворными витаминами, возстанавливающими здоровье, силы и трудоспособность и бывшій больной опять пользуется всѣми радостями молодого и здороваго человѣка.
« KALEFLUID », 19, rue Balagny, Bureau 18. Paris (17e)
БЕЗПЛАТНО требуйте литературу, какъ сохранить здоровье.

Изъ писемъ Вашихъ Родныхъ Вы убѣдитесь, что **лучше всего отправлять продовольственныя посылки въ Россію** изъ Отдѣл. Société TITAN въ Ригѣ
Оптовые цѣны. — Быстрѣйшая доставка
Первоклассные продукты. — Всѣ гарантіи
ПРІЕМЪ ЗАКАЗОВЪ НА ПОСЫЛКИ
И ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ
на наивыгоднѣйшихъ условіяхъ
SOC. TITAN, 1, rue Mondetour,
Paris (Ier). Gutenb. 80-51 à 80-55
и въ магазинахъ:
ARSER, 83, rue Michel-Ange (16e).
BERLIN, 368 *bis,* rue de Vaugirard (15e)
REDSKY, 76, rue du Cardinal-Lemoine (5e).
IDEAL, 153, rue de la Convention (15e).

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), téléph. Inval. 11-50 Le Gérant,: *N. Kornfeld.*

— Предаваясь сладкимъ воспоминаніямъ о добромъ старомъ времени, Иванъ Иванычъ вдохновенно повѣствуетъ о томъ, какимъ онъ былъ либеральнымъ губернаторомъ и просвѣщеннымъ вельможей, совершенно забывая о томъ, что...

— На самомъ-то дѣлѣ онъ былъ всего на всего сверхштатнымъ писцомъ губернскаго присутствія, страдавшимъ хроническимъ воспаленіемъ сѣдалищнаго нерва, и при сорока рубляхъ жалованья ассигнаціями...

— Переходя къ героическому періоду гражданской войны, Иванъ Иванычъ ниже командующаго дивизіей въ разсказахъ своихъ не опускался, совершенно забывая о томъ, что...

— На самомъ-то дѣлѣ былъ онъ всего на всего простымъ кашеваромъ, но, правда, не безъ иниціативы, ибо неоднократно къ смоленской крупѣ примѣшивалъ то отруби, то просо...

— Когда-же о золотомъ вѣкѣ эмиграціи, о Константинополѣ велъ онъ рѣчь, то выходило такъ, будто управлялъ онъ всѣми финансами Блистательной Порты, хотя...

— На самомъ-то дѣлѣ торговалъ онъ въ разносъ апельсинами и лимонами, равно какъ и иными фруктами, произраставшими въ сихъ дивныхъ краяхъ!

PRIX EN FRANCE: Frs 3.— 16 МАЯ 16 MAI 1931 ЦѢНА ВО ФРАНЦИИ: 3 ФР.

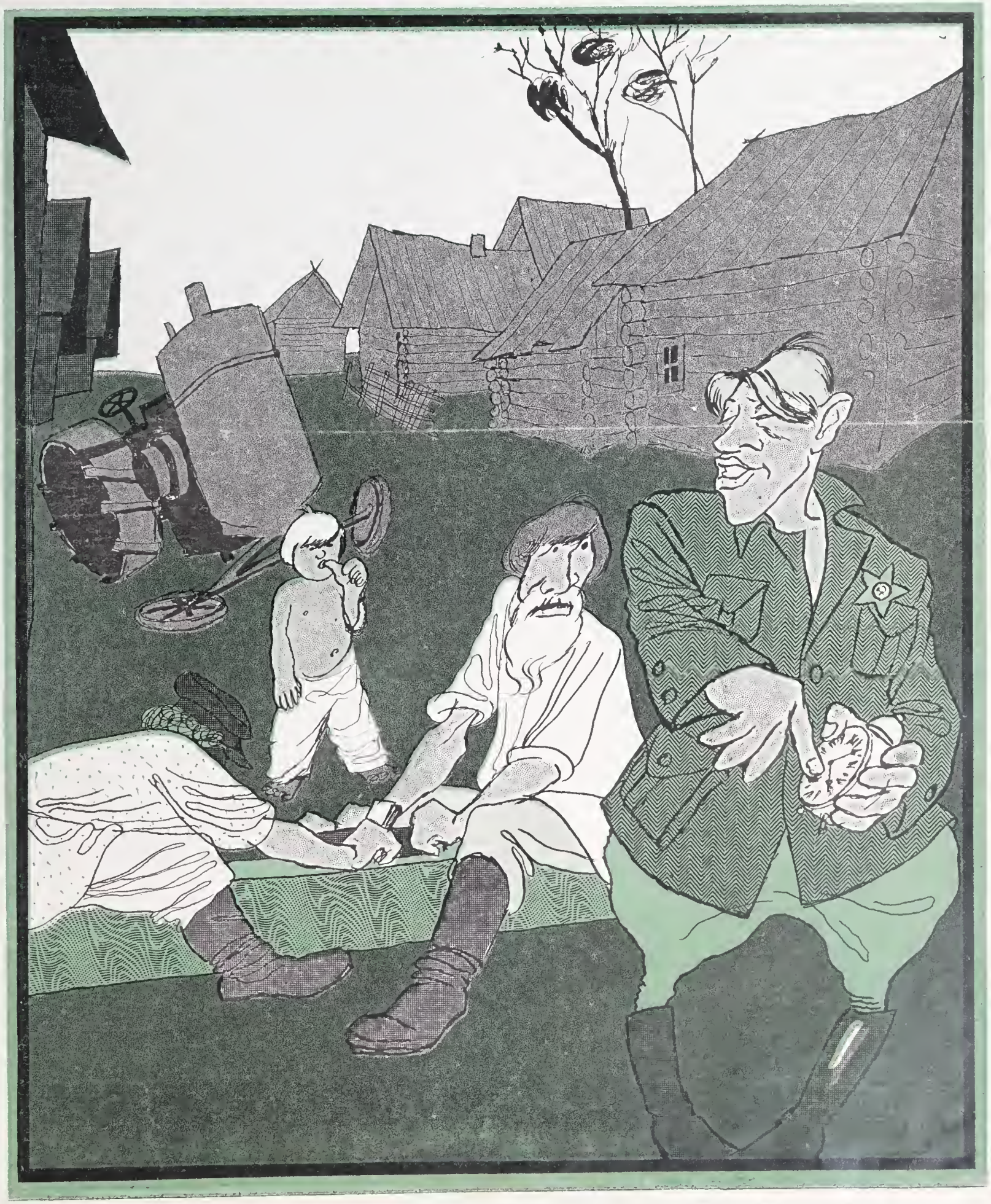
САТИРИКОНЪ

SATYRICON

1931 ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ № 7

Hebdomadaire Russe *Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)* *Directeur M. Kornfeld*

УСПѢХИ ПЯТИЛѢТКИ. *Рис. А. Шараго.*



— Видишь, старина, какъ мы эту самую Америку обогнали!.. У нихъ только полночь теперь, а у насъ, поди, уже два часа пополудни!...

Рис. Лори.

СОВРЕМЕННЫЯ БАСНИ.

ЭКОНОМІЯ.

Все лѣто напролетъ, не выходя изъ зала,
Въ рулетку, въ баккара, одна жена играла
И даже мужъ ея, хотя и самъ игралъ,
За расточительность всегда ее ругалъ.

И что-же? Осенью, вернувшись изъ Монако,
Квартиру за гроши нашла она однако,
И, къ удивленью всѣхъ подругъ,
Машину продала и разсчитала слугъ,
Сама работаетъ, и стряпаетъ и моетъ
И въ десять разъ теперь имъ жизнь дешевле стоитъ...

Напрасно, не браните карть!
— Путь къ экономіи — азартъ.

УСИДЧИВОСТЬ.

Одинъ поэтъ, неважный рифмоплетъ,
Надѣялся, что трудъ талантъ въ немъ разовьетъ.
Купилъ ведро чернилъ, сто перьевъ, выбралъ тему
И крѣпко накрѣпко засѣлъ писать поэму...
Когда-же отъ стола онъ всталъ въ концѣ концовъ,
Тутъ всѣ увидѣли плоды его трудовъ
И не скрывали восхищенья:
— На авторѣ штаны протерлись отъ сидѣнья!

Запомнить должно всѣмъ — терпѣніе и трудъ
Матерію любую перетрутъ.

Маркіанъ Малаевъ.

РАЙСКОЕ ЖИТЬЕ.

Какъ поживаете?

— Какъ въ раю!

— ? ? ?

— Очень просто: одѣнь нечего и каждый день могутъ выкинуть вонъ...

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

— Сударыня, примите эти цвѣты, знакъ моего обожанія...

— Очень мило... Но только когда вы наконецъ перейдете отъ ботаники къ минералогіи?

ИСТОРІЯ ОДНОГО ЧЕТВЕРОСТИШІЯ.

Сказалъ поэту редакторъ:

— Слушайте, вы талантъ. Вы почти геній, развѣ что безъ пяти минутъ съ нѣсколькими секундами. Напишите-же мнѣ патріотическое четверостишіе, но такое, чтобы оно угодило всему Зарубежью съ крайняго права до крайняго лѣва, безъ различія партій, фракцій и пр., и пр., и пр.

— Могимъ, отвѣчалъ поэтъ, за нами дѣло не станетъ. Намъ рифмовать что плевать.

Присѣлъ къ столу и накаталъ однимъ махомъ:

Россія, Россія, Россія,
Россія, Россія моя!
Ты новаго жертва Батыя!
Какая-же Ленинъ свинья!

Редакторъ прочиталъ и не одобрилъ:

Сильно, но... нѣтъ, не то! Во-первыхъ, я взыскательный старовѣръ на счетъ рифмы, а «Россія — Батыя» — какъ-то дубовато это ерь. Во-вторыхъ, бранясь Батыемъ, вы вооружаете противъ журнала евразійцевъ.

— Не важно суть! Ихъ всего два съ половиной человѣка.

— При подпискѣ и два съ половиной человѣка счетъ множатъ, а не убавляютъ. Въ-третьихъ, Ленинъ уже давній покойникъ, ругать его — нѣсколько запоздалый пріемъ...

— Вы правы. Зачеркните Ленина, поставьте Сталина. Размѣра не нарушитъ, а смыслъ, правда и экспрессія даже возростутъ.

— Но четвертое и самое главное: вы слишкомъ несспмистъ, мой другъ! Что это? Одно отчаяніе — и никакого упованія! А развѣ эмиграція не уповаетъ? О-го-го! Въ томъ дни и ночи проводитъ: главный промыселъ! Ну-съ, и гдѣ же у васъ ея упованіе? Нельзя безъ упованія! Упованія дайте мнѣ!

— Упованія подпустить не штука, согласился покладистый поэтъ. Вотъ вамъ:

Россія, Россія, Россія,
Россія, Россія моя!
Приденъ ли, желанный Мессія?
О, Боже! будь воля Твоя!

Но редакторъ сморщилъ носъ.

— Нѣтъ. Слишкомъ елейно. За «Боже, будь воля Твоя» лѣвые либрпансеры обвинятъ насъ въ піэтизмѣ, клерикализмѣ, евлогіанствѣ, антоніанствѣ, а за «желаннаго Мессію» завопятъ правые ортодоксалы, что мы іудействуемъ и тянемъ эмиграцію въ жидомасоны... И, притомъ, опять: кто же теперь рифмуетъ притяжательныя мѣстоименія? Надо быть изысканнымъ, а это какая-то Башкирія «моя врала — твоя не разобрала».

— Гмъ... Ну, и требовательны же вы!... Хорошо, попробуемъ такъ:

Россія, Россія, Россія,
Россія, Россія моя...

— Погодите, — перебилъ редакторъ, — давно хочу спросить: почему такъ много «Россій»? Пять разъ! Убавьте, голубчикъ.

— Но это-же пафосъ?!

— Хватитъ для пафоса и трехъ разъ.

— Это уже покушеніе на свободу творчества! Но будь по вашему:

Россія, Россія, Россія!
О, Волга, мать Волга моя!...

— Вы волжанинъ? — опять перебилъ редакторъ.

— Нѣтъ, у насъ Пселъ.

— Такъ по какому же праву вы, Пселъ этакій, присваиваете себѣ Волгу? Тужа же — «моя»!

Фу, какой вы придира! Ладно ужъ, получайте:

О, дѣвственной Волги струя!

Редакторъ пожалъ плечами.

— Извините, дорогой, но... совершенно безмысленный эпитетъ. Сами же только что называли: «мать Волга». Да-съ. Волга — мат ушка, Волга — кормилица. Какъ же она можетъ быть дѣвственной?

— Всякое терпѣніе съ вами лопнетъ! Мѣняю:

Кормилицы Волги струя!

Доволены?

— Ни мало. «Струя кормилицы» — это грубая проза, молочный продуктъ. И, вообще, «струя»... Вы Волгу то видали?

— Не случалось.

— Оно и замѣтно. Недурна «струя»: у Саратова шириной три версты.

— О, чортъ возьми! Мучитель вы мой! Напрягаюсь изъ послѣднихъ силъ!

Россія, Россія, Россія!
Заря запылала твоя!
Греми, вдохновенный витія:
«Я иду съ мечемъ, судія!»

— Въ послѣднемъ стихѣ размѣръ не выдержанъ.

— Это, по нынѣшней просодіи, не грѣхъ, но достиженіе. За то обратите вниманіе: его можно читать « и сюдою и тудою», какъ, бывало, говорили въ Одессѣ. Читай справа, читай слѣва — все будетъ «я иду съ мечомъ, судія»!

— Гмъ... Я эту штучку знаю съ приготовительнаго класса гимназіи, но... Дѣйствительно, удовлетворяетъ и справа, и слѣва! Вотъ бы политическія программы такъ писать!

— А все четверостишіе, замѣтьте, такъ же удовлетворительно читается, что сверху внизъ, что снизу вверхъ:

Я иду, съ мечомъ судія!
Греми, вдохновенный витія!
Заря запылала твоя,
Россія, Россія, Россія!

— Очень удобно, только пояснить бы, какая заря: вѣдь ихъ ежесуточно двѣ пылаетъ.

— Понятно, утренняя!

— Хорошо. Но отдѣлывать, такъ отдѣлывать. «Иду». Куда иду? зачѣмъ иду? Темно и безпокойно. Активизмъ какой то. Не надежнѣе ли будетъ «сижу»?

— Тогда ужъ за одно и стихъ выгладимъ:

Сижу я, съ веромъ, судія.

Превосходно. И спокойно, и картинно. Вдохновенный витія приглашается гремѣть, а вы сидите съ веромъ, готовый записывать его громъ, вродѣ репортера.

— Позвольте! Какой-же репортеръ, если судія? Это ужъ не репортажъ, а протоколомъ называется.

— Вы правы. Уберемъ судію. Чортъ съ нимъ! Давайте другую рифму.

— Да у меня истощились существительные снаряды. Развѣ стрѣльнуть дѣепричастіемъ?

Отрадныя слезы лія,
Гремитъ вдохновенный витія:
Заря возсіяла твоя,
Россія, Россія, Россія!

— Чудесно. Однако, вдохновеннаго витію не замѣнимъ ли «многодумнымъ»? Знаете: вдохновеннымъ витіей можетъ вѣдь быть и какой нибудь озорной мальчишка, — прилично ли намъ рекламировать всякаго сорванца? А «многодумный», значитъ, витія съ цензомъ, серьезный, лидеръ этакій. Даже не безъ политическаго намека, что въ свое время засѣдалъ во многихъ Государственныхъ Думахъ: не фунтъ изюму! Согласны?

— Сдаюсь на безусловную капитуляцію. Ухъ, упарили!

— Итакъ, окончательная редакція?

— «Россія, Россія, Россія!
Заря возсіяла твоя!
Гремитъ многодумный витія,
Отрадныя слезы лія.

— Великолѣпно. Именно то, чего я желалъ. Патріотизма — безъ конца, причѣпиться не къ чему. Чувствительно очень — ни къ чему не обязываетъ. Со всѣхъ сторонъ гладко. И какъ это вы, право, прытко! Скорѣй, чѣмъ стриженая дѣвка косу плететъ, скорѣй, чѣмъ Бальмонтъ литовскихъ поэтовъ переводитъ. Позвольте, въ знакъ признательности, дружески обнять васъ!

Александръ Амфитеатровъ.

Рис. Шварца.

— Странные эти режиссеры... Ставятъ фильмъ въ двѣ тысячи метровъ, а для туалета исполнительницы главной роли имъ и лучшаго сантиметра жаль!

КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Народный комиссаръ по иностраннымъ дѣламъ.

Рис. А. Шараго.

ЛИТВИНОВЪ.

— Человѣкъ, до того преданный идеѣ строительства, что даже лицо у него, и то кирпича проситъ!...

ИЗЪ МАРГАРИНА ПАРМСКАГО.

1.

Родственники созданы для того, чтобы никто не вѣрилъ въ ваше аристократическое происхожденіе.

2.

Знакомые это люди, на всякій случай называющіе васъ дуракомъ.

Хорошіе знакомые, уже могутъ разсказать о васъ скверный анекдотъ.

Друзьями же называются тѣ, которые дѣйствительно знаютъ о васъ нѣсколько настоящихъ гадостей.

3.

Молодымъ поэтомъ можно стать во всякомъ возрастѣ: надо только не умѣть писать.

4.

Конечная цѣль бережливости — похороны по первому разряду.

5.

Когда совмѣстная жизнь мужчины съ женщиной представляетъ извѣстныя удобства и выгоды, — это называется любовью.

6.

Хорошій характеръ — это умѣніе скрывать свои дурныя наклонности.

7.

Когда вы измѣняете собственной женѣ, — обижается только она одна.

Когда вы измѣняете собственнымъ же убѣжденіямъ, — считаютъ нужнымъ обидѣться всѣ ваши знакомые.

8.

Любовь къ жизни подобна любви къ апендициту. Удовольствія никакого, а вырѣзать — страшно.

9.

Интересно, какъ отразилось бы вліяніе Пруста на эмигрантской литературѣ, если бы его и въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь прочелъ?!

10.

— Что такое пессимистъ?

— Пессимистъ, это человѣкъ, который долго прожилъ въ обществѣ оптимиста.

Маргаринъ Пармскій.

«Цитни его, цитни!...»

Въ «Новой Газетѣ», зорко слѣдящей за всѣмъ, что есть въ русской литетатурѣ значительнаго, включая и опечатки, лестно удѣлено нѣсколько строкъ и возродившемуся за рубежомъ «Сатирикону».

Съ тихой грустью и не безъ гражданской слезы авторъ (маститый и переведенный на всѣ языки Ал. Новикъ), совершая свой послѣобѣденный моціонъ по садамъ россійской словесности, роняетъ на ходу:

«Неплохи въ журналѣ нѣкоторыя каррикатуры, но плохо, что одна изъ основныхъ — на обложкѣ — сопровождается столь сомнительно звучащей по-русски игрой словъ — отъ труда биржи до биржи труда одинъ шагъ...»

Въ порядкѣ добрососѣдскихъ отношеній мы готовы съ Ал. Новикомъ согласиться:

— Дѣйствительно, игра словъ сомнительная.

И это тѣмъ болѣе грустно, что авторомъ вышеозначенной игры является не Сатириконъ, а самъ Ал. Новикъ (маститый и переведенный на всѣ языки).

Ибо подъ каррикатурой, о которой идетъ рѣчь, было написано:

— Отъ труда **на** биржѣ до биржи труда — одинъ шагъ.

Скромно полагаемъ, что это столь-же законно, сколь законна любая игра словъ въ нашей маленькой эмигрантской жизни...

Напримѣръ: «Россія и Славянство», «Принцъ Уэльскій и Корова испанская», «Маркъ Слонимъ и Савременни русски писаца», «Щупъ и цапля, и Гвоздь и Панихида», и т. д. и т. д.

«Лулутивизмъ».

«Прогрессъ въ мірѣ писателей и читателей», иначе международный синематографическій журналъ «Кино», вышедшій въ Парижѣ, не взирая на кризисъ, безработицу, вздорожаніе жизни и прочіе ужасы.

Цѣли и задачи кратко, но убѣдительно изложены въ подзаголовкѣ:

— Цѣна одинъ франкъ, bi-mensuelle...

Но настоящій смыслъ изданія, что-бы тамъ редакторы и издатели не говорили, это искренее желаніе поднять интеллектуальный уровень эмиграціи, оживить духовную жизнь нашего надломленнаго войной и революціей поколѣнія, вообще говоря, размахнуться и высадить наконецъ это проклятое окно въ Европу, которое со времени Петра I-го стоитъ пробитое, но безъ толку.

Первый номеръ трогательно посвященъ Тургеневу, хотя имя его нигдѣ и не упоминается, а должно подразумѣваться само собой.

И дѣйствительно, тургеневская традиція чувствуется на каждомъ шагу, звучитъ въ каждой строкѣ, дышитъ и источаетъ ароматъ въ каждомъ словѣ.

«Онъ разсказываетъ ей о томъ, что ему безудержно нравится Лулу, и проситъ помощи у своей собесѣдницы, чтобы побѣдить юную красотку».

«Онъ видитъ свою подругу въ обществѣ банкира и въ приступѣ отчаянной ревности убѣгаетъ».

«И чтобы снова завоевать ту, которой онъ лишился по собственной винѣ, онъ садится къ роялю и начинаетъ пѣть».

«Но Лулу, утопающая въ счасти, не хочетъ вернуться къ прежней жизни».

Восемь страницъ такого сплошного Лулутивизма, и притомъ на тринадцатомъ году эмиграціи, единой и недѣлимой, и по цѣнѣ въ одинъ франкъ tout compris, положительно это недорого.

КАЙЕНСКІЙ ПЕРЕЦЪ.

Въ «Красной Нивѣ», въ номерѣ, посвященномъ прославленію совѣтской печати, наряду съ казеннокоштными панегириками и обычными манифестами, помѣщены острые стишки Вл. Василенко. Острые потому, что такая ужъ въ нихъ острота положена,

Ядомъ измѣны
Отравлены рѣчи.
Хуже «Матэновъ»
Газеты эсдэчьи...

Въ этомъ экзерсисѣ обращаетъ на себя вниманіе та настоящая искра Божія, которая хотя и прожгла бѣднаго Василенку, но зато обратила въ пепелъ европейскую печать.

Еще нѣсколько экзерсисовъ въ такомъ-же духѣ, и дѣйствительно можно будетъ скоро вздохнуть, и отречься отъ дряхлаго міра, и отрясти его прахъ съ нашихъ ногъ!...

ДРАМА ВЪ ДОМѢ.

Въ полицейскій комиссаріатъ вбѣгаетъ взъерошенный субъектъ и кидается къ столу дежурнаго чиновника:

— Арестуйте меня! Я бросилъ въ свою жену утюгомъ.

— Она убита?

— Нѣтъ, но она сейчасъ будетъ здѣсь...

«НАШИ ДОСТИЖЕНІЯ»

Рис. А. Шарапо.

Правленіе Всероссійскаго Пуговичнаго треста «Революціонная Пуговица».

ВЕРТЯЩІЙСЯ СТОЛИКЪ.

Въ исторіи спиритическихъ и медіумическихъ явленій произведенъ былъ въ прошломъ году профессоромъ Н. Жаклэ переворотъ... До сихъ поръ считалось установленнымъ, что при посредствѣ деревяннаго столика или фарфороваго блюдца можно бесѣдовать съ душами умершихъ. Профессоръ Жаклэ доказалъ однако, что и души живыхъ людей во время сна охотно вступаютъ въ бесѣду съ медіумомъ.

Глубокой ночью представляется возможнымъ войти въ телепатическое общеніе съ любымъ изъ нашихъ современниковъ, и тотъ не отказывается любезно подѣлиться съ медіумомъ лучшими своими мыслями. Учитывая вѣрность этого открытія, «Кружокъ ревнителей неизвѣданнаго за рубежомъ» предпринялъ опросъ ряда виднѣйшихъ дѣятелей эмиграціи, принадлежащихъ къ міру пера, слова, политики, сцены, и т. д.

Матерьялы, полученные въ теченіе этихъ сеансовъ, предоставлены кружкомъ редакціи нашего журнала. Приступая къ обнародованію ихъ, мы полагаемъ законнымъ первое мѣсто отвести литературѣ. Удалось вступить въ сношенія до сего времени съ Д. С. Мережковскимъ, В. Ф. Ходасевичемъ, И. Г. Одоевцевой, кн. С. М. Волконскимъ.

Д. С. Мережковскій: Въ двѣсти сорокъ седьмомъ вѣкѣ до начала христіанской эры, мексиканскій военачальникъ Квитцилпарликэкуатматль, идучи на охоту, споткнулся о прибрежный камень и упалъ на песокъ, причемъ руки его раскинулись крестообразно... Крестообразно! Упалъ — понялъ — вспомнилъ. Увидѣлъ довременной памятью — знаньемъ страшную и святую тайну Запада-Востока. Это и значитъ: знакъ былъ — знакъ будетъ. Имя его по бездонно-глубокому слову З. Н. Гиппіусъ значитъ: тотъ, кто чуетъ вѣтеръ и быка, рожденнаго на Критѣ... Это и значитъ: Атлантида была — Атлантида будетъ.

Неизвѣстный голосъ по близости: Дмитрій, э-то все совсѣмъ не такъ... цѣлый вечеръ я те-бѣ объясняла, а ты опять все пу-та-ешь!

В. Ф. Ходасевичъ: Осенью 1830 года, въ бытность свою въ с. Болдино, Пушкинъ ежедневно кушалъ чай съ земляничнымъ вареньемъ. Въ настоящее время слѣдуетъ считать установленнымъ, что садился онъ за столъ не позднѣе 5 1/4 часовъ пополудни. Пишущій эти строки... точнѣе, произносящій эти слова... не разъ имѣлъ случай доказывать, что Пушкинъ въ с. Болдино пріобрѣлъ привычку класть въ каждый стаканъ чая два куска сахару. Возникшая по предмету сему полемика движется вокругъ вопроса, былъ ли употребляемъ поэтомъ сахаръ колотый, или пиленый. Если основываться на данныхъ Румянцевскаго музея, первое предположеніе слѣдуетъ признать болѣе основательнымъ. Однако, г. Цявловскій, вмѣстѣ съ покойнымъ Щеголевымъ, оспариваютъ сіе предположеніе, какъ сравнительно шаткое. Въ виду значительной важности указаннаго вопроса для русской литературы, въ ея прошломъ, настоящемъ и будущемъ, мы намѣрены предложить на терпѣливое вниманіе многочисленныхъ нашихъ читателей цѣлый рядъ фельетоновъ-изслѣдованій, посвященныхъ исторіи онаго спора.

И. Р. Одоевцева: Вы видѣли, меня перевели на лапландскій, на средне-китайскій, на персидскій, на корейскій... Я пишу сейчасъ четыре новыхъ романа. Люка сидитъ на полу, а между колѣнъ у нея вьется ужъ. Какъ грустно, какъ сладко! Луна плываетъ по небу, какъ маленькій серебряный корабль. Мика, ты опять держишь руки подъ одѣяломъ? Знаете, въ Берлинѣ кто-то написалъ, что со временъ Эсхила не было ничего подобнаго. Неужели вы не слыхали? Профессоръ Сперанскій будетъ читать объ «Изольдѣ» большой докладъ. Берберова? Ахъ, она премило пишетъ, премило... бѣдненькая...

Я на будущей недѣлѣ ѣду въ Америку читать лекціи... о чемъ? да чепуха какая-то... о Ницше и Шопенгауэрѣ. А въ «Таймсъ», какое нахальство, сравнивали меня съ Львомъ Толстымъ! Воротникъ? Нѣтъ, это не кошка, что вы, шеръ ами! Это соболь... Вчера получила письмо отъ д-Аннунціо. Довольно холодное. Завидуетъ старый хрѣнъ.

Кн. С. М. Волконскій: Господа, я предвижу, что мысль моя покажется вамъ новой и смѣлой. Но все же я ее выскажу: надо беречь чистоту родного языка. У насъ всѣ объ этомъ забыли. Пора, наконецъ, объ этомъ напомнить.

Мы всѣ говоримъ, напримѣръ, я экрирую письмо. Господа, разрѣшите мнѣ напомнить, что слѣдуетъ сказать: я пишу письмо. Мы объ этомъ забыли.

У насъ всѣ говорятъ: я диширую. Не проще ли сказать, господа: я обѣдаю. Развѣ нашъ языкъ не достаточно богатъ? Наконецъ, господа, зачѣмъ говорить, я раздѣлъ шляпу, если классики наши неизмѣнно указывали, что шляпа снимается, а не раздѣвается... Храните великій нашъ языкъ! Читайте мои статьи: обратите вниманіе, какой правильный, красивый и чистый въ нихъ языкъ!

Ата Троль.

БАЗАРЪ ЖИТЕЙСКОЙ СУЕТЫ.

Фотомонтажъ Степанчича.

Тамара Карсавина,

знаменитая русская балерина, которая, не покидая сцены и стоя на стальномъ носкѣ, успѣла написать два тома воспоминаній...

Какъ сказалъ нѣкогда Апухтинъ:

Учитесь у нея, россійскіе акте-ры!

Гастонъ Думергъ,

вчерашній Президентъ французской Республики.

— Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!...

Сноуденъ,

англійскій министръ финансовъ, человѣкъ, который питается одними желтками, благодаря чему никакихъ эмодій не признаетъ и никогда и ни въ чемъ никому не уступаетъ.

Луи Шанезъ,

или

«Отъ мірового до мирового одинъ шагъ».

Предпріимчивый парижскій маляръ, отправившій самого себя наложеннымъ платежемъ въ Америку, и немедленно отправленный назадъ по адресу мирового судьи гор. Парижа.

Бернардъ Шоу,

написавшій новую пьесу «Возъ съ яблоками», пріѣхалъ въ Парижъ на первое ея представленіе, выругалъ актеровъ, режиссеровъ, публику, сказалъ два афоризма и одинъ парадоксъ, и уѣхалъ...

ДУХЪ

(Къ исторіи спиритизма въ русской эмиграціи).

Рис. Лори.

Сначала было такъ: была Россія, была мебель, и не было эмиграціи. Потомъ не стало Россіи, не стало мебели, но появилась эмиграція. Какъ только появилась эмиграція, какъ у нея появилась: тоска по Россіи, и тоска по мебели. Тоска по Россіи не привела ни къ чему, а тоска по мебели привела къ разсрочкѣ. Которая и привела эмиграцію къ мебели. Когда эмиграція дошла до мебели, она сѣла. А когда она сѣла и почувствовала подъ собой сидѣніе, то конечно она стала гадать, когда она встанетъ. И начала вызывать духъ, но неизвѣстно чей... Но духъ, неизвѣстно чей, оказался, о ужасъ! духомъ судебнаго пристава, у котораго тоже была тоска по мебели, которая, увы! хотя и была разсрочена, но не была оплачена...

МЕМУАРЫ ЭМИГРАНТСКОЙ БАБУШКИ.

(Конецъ 1-ой части)

1.

Долгое время вспоминала старая Европа молодое русское искусство, въ которое и мы вложили немало въ нашемъ театрѣ.

Декораціи были двухъ кистей: полковника Мышко и его сына, тоже Мышко, и хотя и подпоручика, но создавшаго совершенно волшебные пейзажи.

Для начала мы поставили «Ревизора» и «Цыганъ».

Я смастерила изъ чернаго ватина парикъ и вышила тамбурнымъ швомъ прямой проборъ. Тогда мнѣ тутъ-же предложили роль Земфиры.

Полъ скрипѣлъ отчаянно. Алеко ревновалъ въ шатрѣ изъ англійскаго плаща. Я на авансценѣ предавалась свободному влеченію сердца къ молодому цыгану или, говоря точнѣе, къ капитану.

Я приходилась ему какъ разъ подъ мышку, не взирая на что онъ все время отвлекался и смотрѣлъ за кулисы, гдѣ Дэзи немилосердно увлекала Бобочку. Тогда я ему зловѣще шепнула, чтобъ онъ смотрѣлъ только на меня, разъ онъ мой любовникъ. А онъ зловѣще шепнулъ мнѣ въ отвѣтъ:

— Отвяжитесь, не ваше дѣло.

Мы уже почти поссорились, но въ это время выскочилъ Алеко и пырнулъ капитана финскимъ ножомъ. Тотъ отъ неожиданности крикнулъ:

— Мерзавецъ! — И повалился головой за кулисы, а ногами на середину сцены. Мнѣ буквально некуда было преклонить свою голову, такъ какъ Алеко успѣлъ уже меня зарѣзать. Тогда я срочно умерла, упавъ къ бездыханнымъ ногамъ капитана. Голова моя попала въ шатеръ и зацѣпилась за пуговицу, послѣ чего оваціямъ не было конца. Алеко махалъ ножомъ. Убитый Дэзинымъ поведеніемъ капитанъ горестно улыбался. Меня держала пуговица, и я, лежа, посылала воздушные поцѣлуи. Послѣ спектакля, всѣ окружающіе цѣловали меня навзрыдъ и кричали, что меня ожидаетъ слава. Я спросила, гдѣ именно? — и послѣ категорической справки, что разумѣется въ Парижѣ, рѣшила ѣхать въ Парижъ.

2.

Для переѣзда нужны деньги и чемоданы.

Денегъ не было, но роль чемодановъ съ успѣхомъ выполнили два мѣшка и небезызвѣстный сарафанъ изъ бархатной скатерти. Только съ паспортомъ получилась путаница, и выходило такъ, что артистка не я, а мужъ. А меня почему-то зачислили на радіостанцію на Эйфелевой башнѣ. Все это выхлопоталъ по почтѣ за небольшое вознагражденіе нѣкій Миткильсъ, русскій изъ Парижа. Больше всего онъ умолялъ насъ не разговаривать въ дорогѣ и на границѣ.

Мы запаслись картой Европы, отмѣтили на ней краснымъ карандашемъ пересадки и тронулись въ путь. Дэзи плакала.

На мнѣ была прелестная спортивная шапочка изъ обмотокъ цвѣта хаки, и не скрою, что на насъ оглядывались.

На границѣ мы смолкли, и все обошлось довольно благополучно, если только не считать того, что я потеряла мужа и уже начала готовиться къ жизни молодой вдовы, какъ вдругъ онъ нашелся. Оказывается, у него на таможнѣ распоролся мѣшокъ, и онъ еле успѣлъ догнать поѣздъ и спасти кое что изъ имущества: во-первыхъ, мои голубые лифчики и, во-вторыхъ, обломокъ скалы съ подножія вершины Королевича Марко...

3.

Въ Швейцаріи чуть не произошло непоправимое несчастье.

На одной изъ станцій, я не выдержала и, несмотря на транзитную визу, которой у меня не было, сошла на чужую территорію, и купила плитку шоколада.

А мужъ высунулся въ окно и началъ орать на всю Швейцарію:

— Ольга, куда тебя несетъ! Тебя арестуютъ!

Я сдѣлала видъ, что Ольга вовсе не я, а проходившая рядомъ дама и даже стала на нее оглядываться. Тогда, рискуя потерей свободы, мужъ ринулся на платформу и схватилъ меня за пальто.

Поднялась безумная суматоха. Кричали, что я бѣжала отъ родителей и не заплатила за шоколадъ. За нами кинулись жандармы.

Мужъ сейчасъ же обезоружилъ ихъ своей явной ко мнѣ любовью. Онъ рыдалъ, цѣловалъ мнѣ руки, и повторялъ безъ конца:

— Ты со мной, ты спасена!

Я не выдержала и тоже растрогалась, и даже назвала его сумасшедшимъ и идіотомъ.

4.

Пріѣхавъ въ Парижъ, мы поселились на стильной и многолюдной улицѣ Муфтаръ.

Миткильсъ, хлопотавшій о визахъ, принялъ въ насъ горячее участіе и направлялъ наши первые шаги.

Совершенно безкорыстно онъ взялся за какіе-нибудь сто франковъ выдать мужу удостовѣреніе и членскую карточку союза аптекарей. Это имѣетъ громадное значеніе для французовъ, у которыхъ каждый человѣкъ обязанъ состоять членомъ какого-нибудь человѣческаго общества.

Со мной обстояло хуже. Пока мы ѣхали, всѣ вакансіи на Эйфелевой башнѣ оказались заняты, и я осталась безъ работы. Міровая слава тоже не приходила, и я пока что осматривала достопримѣчательности Галлери-Лафайетъ и разучивала роли. Сосѣди по гостиницѣ адски завидовали и потому отчаянно стучали въ стѣнку.

Назрѣвали непріятности, но Миткильсъ и тутъ нашелся, и сталъ клясться, что меня ждетъ карьера въ Великомъ Нѣмомъ, который вполнѣ безопасенъ для сосѣдей. Я быстро согласилась, и снялась съ голымъ плечомъ и въ профиль.

Едва посмотрѣвъ на мой негативъ, Миткильсъ немедленно посовѣтовалъ внести тысячу франковъ одной самой большой кинематографической фирмѣ, и даже взялся лично передать деньги по назначенію...

Недѣлю мы съ мужемъ хлопотали и распродавали мои медальонъ.

Кромѣ того, мужъ будучи членовъ союза аптекарей, неплохо устроился въ одной фармацевтической лабораторіи по мытью половъ, такъ что и у него появились денежки.

Однако, набрали мы всего четыреста франковъ...

Я плакала и доказывала, что не могу губить молодость и карьеру изъ-за остающихся шестисотъ, которыхъ не хватаетъ. Миткильсъ чутко раздѣлялъ мое горе и страшно безпокоился, что денегъ не хватитъ. Пока-же онъ взялъ эти четыреста и обѣщалъ постараться достать остальныя.

Четыре дня мы ждали отвѣта.

На пятый я погнала мужа къ Миткильсу.

Надо полагать, что съ бѣднягой произошло непредвидѣнное и внезапное несчастье: онъ выѣхалъ изъ гостиницы четыре дня тому назадъ, даже не успѣвъ сообщить своего новаго адреса.

Н. Городецкая.

БЕЗКОРЫСТНОЕ ЛЮБОПЫТСТВО.

Дама вошла къ мяснику и попросила отрѣзать ей десять кило говядины. Мясникъ отрѣзалъ кусокъ, свѣсилъ его и сказалъ: «Тутъ на 250 граммовъ больше. Можно оставить?»

«Нѣтъ, нѣтъ, — всполошилась дама. — Мнѣ нужно ровно десять кило, не больше и не меньше».

Мясникъ отрѣзалъ стегнышко отъ куска, еще разъ взвѣсилъ говядину и сказалъ: «Пожалуйте-съ. Ровно десять. Прикажете доставить на домъ?»

«Нѣтъ, — сказала дама. — мнѣ никакого мяса не нужно. А просто я похудѣла за послѣдніе мѣсяцы на десять кило, и мнѣ непремѣнно хотѣлось посмотрѣть, какъ это выглядитъ въ одномъ кускѣ...»

СМѢХЪ У ДРУГИХЪ.

(Иностраный юморъ).

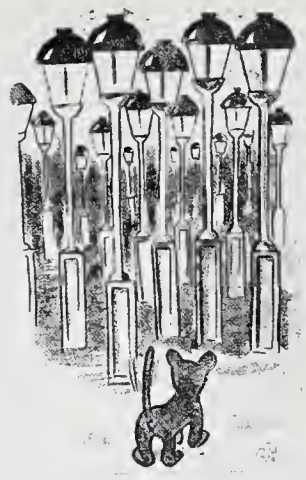
Человѣкъ, у котораго есть чутье.

— Что вы тамъ записываете? Что вы, художественный критикъ, что-ли?

Нѣтъ, я сотрудникъ газеты по уголовной хроникѣ...

(*Punch*).

«Психологія животныхъ».



Какъ представляютъ себѣ рай — собаки.

(*Die Lustige Blaetter*).

Ребенокъ, подающій надежды.

Жожо, уступи старику мѣсто.

— Я ему уступлю, мамочка, но если ты собираешься заглядывать къ нему въ газету, то это напрасно... потому что газета у него иностранная! (*Le Rire*).

Кейфъ.

— Вы не чувствуете, мой другъ, что въ мірѣ не все благополучно?

— О да! изъ-за этихъ соціальныхъ несправедливостей... послѣ обѣда даже отдохнуть нельзя!... (*Punch*).

Литературный діалогъ.

Какъ ты думаешь, это богиня поэзіи? .. Нѣтъ, судя по размѣрамъ, — прозы !...

(*Fliegende Blaetter*).

«Вызовъ акціонеровъ».

Командиръ. — Вѣдь вы мнѣ только что указали отца, кого-жъ вы еще ищете? ..

Счастливая мать. — Да, г. капитанъ, но ихъ было еще трое!... (*Le Rire*).

Дитя «тромбона»

Вотъ, проклятый ребенокъ!... Три часа подрядъ я ему играю колыбельную пѣсню, а онъ хоть-бы глазъ сомкнулъ!...

(*Life*).

Толкованіе рѣшеній

Судья. — Кто посмѣетъ хоть однимъ словомъ нарушить порядокъ засѣданія, тотъ будетъ немедленно удаленъ и выведенъ на улицу!...

Подсудимый. — Уррра! У-рра! Урра! Да здравствуетъ господинъ судья!

(*Buen Humor*).

Знаменья времени.

Гензель и Грехтель въ изданіи 1931 г.

(*Der Querschnitt*).

ЧУДО ДВАДЦАТАГО ВѢКА.

Разговоръ человѣка съ машиной.

Иванъ Иванычъ.
Всѣ говорятъ, сужденья ваши мѣтки:
Какого мнѣнья вы о новой пятилѣткѣ, —
Не правда-ли, обманъ и чепуха?
Роботъ (механически).
Ха-ха.
Иванъ Иванычъ.
А что вы скажете о красной диктатурѣ,
О пролетаріяхъ, объ ихъ литературѣ —
По вкусу-ль вамъ ихъ проза и стихи?
Роботъ (саркастически).
Хи-хи.
А эмигрантская сатира не плоха?
Роботъ (критически).
Ха-ха.
Иванъ Иванычъ.
Доколѣ намъ страдать за прежніе грѣхи?
Роботъ (мистически).
Хи-хи.
Иванъ Иванычъ (послѣ долгаго раздумья).
Въ Испаніи — свободы торжество!
Ну, а совѣтскаго не будетъ ничего?
Роботъ (политически).
Че-го?
Иванъ Иванычъ.
Того, что на Руси у насъ произошло:
Террора, грабежа, разбоя, Гепеу?
Роботъ (по радіо — съ Испаніей).
Алло! Алло!
Москва (перехвативъ «волну»).
Ау! Ау!
Иванъ Иванычъ (не дождавшись отвѣта).
Взгляните на нашъ горизонтъ:
Единый возможенъ-ли фронтъ, —
Взамѣнъ эмигрантской грызни?
Роботъ (рѣшительно).
Ни-ни!
Иванъ Иванычъ.
Сегодня — мученье одно,
А «завтра» — туманно, темно...
Ужель опуститься на дно?
Роботъ (успокоительно).
Но, но...
Иванъ Иванычъ.
Не знаю, что дѣлать начну, —
Мой умъ у сомнѣній въ плѣну...
Вернуться-ль въ родную страну?
Роботъ (неодобрительно).
Ну, ну!...
Иванъ Иванычъ.
Гастетъ на продукты цѣна...
Борьба безконечно-трудна.
Награда за трудъ не видна...
Роботъ (благотворительно).
На, на!

Машинально суетъ ему въ руку стофранковую бумажку).

Иванъ Иванычъ (увидѣвъ, что бумажка фальшивая).
Что толку въ техническомъ чудѣ?
Поддѣльны, и деньги, и люди...
О, о, времена!

Lolo.

Золотой теленокъ

Романъ изъ совѣтской жизни
Ильи Ильфа и Евгенія Петрова.

(Продолженіе)

По всей странѣ, вымогая и клянча, передвигаются фальшивые внуки Карла Маркса, несуществующіе племянники Фридриха Энгельса, братья Лапчирскаго, кузины Клары Цеткинъ или, на худой конецъ, потомки знаменитаго анархиста Кропоткина. Отряды мифическихъ родственниковъ усердно разрабатываютъ природныя богатства страны: добросердечіе, глупость, раболѣпство и низкопоклонничество.

Отъ Минска до Берингова пролива и отъ Нахичевани на Араксѣ до земли Франца-Іосифа входятъ въ исполкомы, выживаются на станціонныя платформы и озабоченно катятъ на извозчикахъ родственники великихъ людей. Они торопятся. Дѣлъ у нихъ много.

Одно время предложеніе родственниковъ все же превысило спросъ, и на этомъ своеобразномъ рынкѣ наступила депрессія. Чувствовалась необходимость въ реформахъ. Постепенно упорядочили свою дѣятельности внуки Карла Маркса, кропоткинцы, энгельсовцы и имъ подобные, за исключеніемъ буйной корпораціи дѣтей лейтенанта Шмидта, которую изъ маневръ полезнаго сейма, вѣчно раздирала анархія. Дѣти подобрались какія-то грубыя, жадныя, строптивыя и мѣшали другъ другу собирать въ жатвицы.

Шура Балагановъ, который считалъ себя племянцемъ лейтенанта, не на шутку обезпокоился создавшейся конъюнктурой. Все чаще и чаще ему приходилось сталкиваться съ товарищами по корпораціи, совершенно изгадившими плодоносныя поля Украины и курортныя высоты Кавказа, гдѣ онъ привыкъ прибыльно работать.

— И вы убоялись возрастающихъ трудностей? — насмѣшливо спросилъ Остапъ.

Но Балагановъ не замѣтилъ иронiи. Попивая лиловый квасъ, онъ продолжалъ свое повѣствованіе.

Выходъ изъ этого напряженаго положенія былъ одинъ — конференція. Надъ созывомъ ея Балагановъ работалъ всю зиму. Онъ переписывался съ конкурентами, ему лично знакомыми. Незнакомымъ передавалъ приглашенія черезъ попадавшихся на пути внуковъ Маркса. И вотъ, наконецъ, ранней весной 1928 года почти всѣ извѣстныя дѣти лейтената Шмидта собрались въ московскомъ трактирѣ у Сухаревой башни. Кворумъ былъ великъ — у лейтенанта Шмидта оказалось тридцать сыновей въ возрастѣ отъ 18 до 52 лѣтъ и четыре дочки, глупыя, немолодыя и некрасивыя.

Въ краткой вступительной рѣчи Балагановъ выразилъ надежду, что братья найдутъ общій языкъ и выработаютъ, наконецъ, конвенцію, необходимость которой диктуетъ сама жизнь.

По проекту Балаганова, весь Союзъ Республикъ слѣдовало разбить на тридцать четыре эксплоатаціонныхъ участка по числу собравшихся. Каждый участокъ передается въ долгосрочное пользованіе отцу дитяти. Никто изъ членовъ корпораціи не имѣетъ права переходить границы и вторгаться на чужую территорію съ цѣлью заработка.

Противъ новыхъ принциповъ работы никто не возражалъ, если не считать Паниковскаго, который уже тогда заявилъ, что проживетъ и безъ конвенціи. Зато при раздѣлѣ стравы разыгрались безобразныя сцены. Высокія договаривающіяся стороны переругались въ первую же минуту и уже не обращались другъ къ другу иначе, какъ съ добавленіемъ бранныхъ эпитетовъ.

Весь споръ произошелъ изъ-за дѣлежа участковъ.

Никто не хотѣлъ брать университетскихъ центровъ. Никому не нужны были видавшіе виды Москва, Ленинградъ и Харьковъ. Всѣ единодушно отказывались отъ республики нѣмцевъ Поволжья.

А что развѣ это такая плохая республика? — невинно спрашивалъ Балагановъ. Это, кажется, хорошее мѣсто. Нѣмцы какъ культурные люди не могутъ не протянуть руку помощи.

— Знаемъ, знаемъ! — кричали разволновавшіяся дѣти. — У нѣмцевъ возьмешь!

Видимо, не одинъ изъ собравшихся сидѣлъ у недовѣрчивыхъ нѣмцевъ-колонистовъ въ тюремномъ плѣну.

Очень плохой репутаціей пользовались также далекія, погруженныя въ пески, восточныя области. Ихъ обвиняли въ невѣжествѣ и незнакомствѣ съ личностью лейтенанта Шмидта.

— Нашли дураковъ! — визгливо кричалъ Паниковскій. — Вы мнѣ дайте Средне-русскую возвышенность, тогда я подпишу конвенцію.

— Какъ? Всю возвышенность? — язвилъ Балагановъ. — А не дать ли тебѣ еще Мелитополь въ придачу? Или Бобруйскъ?

При словѣ «Бобруйскъ» собраніе болѣзненно застонало. Всѣ соглашались ѣхать въ Бобруйскъ хоть сейчасъ. Бобруйскъ считали прекраснымъ, высококультурнымъ мѣстомъ.

— Ну, не всю возвышенность. — настаивалъ жадный Паниковскій, — хотя бы половину. Я, наконецъ, семейный человѣкъ, у меня двѣ семьи.

Но ему не дали и половины.

Послѣ долгихъ криковъ рѣшено было дѣлить участки по жребію. Были нарѣзаны тридцать четыре бумажки, и на каждую изъ нихъ нанесено географическое названіе. Плодородный Курскъ и сомнительный Херсонъ, мало разработанный Минусинскъ и почти безнадежный Асхабадъ, Кіевъ, Петрозаводскъ и Чита — всѣ республики, всѣ области лежали въ чьей-то заячьей шапкѣ съ наушниками и ждали хозяевъ.

Веселые возгласы, глухіе стоны и ругательства сопровождали жеребьевку.

Злая звѣзда Паниковскаго оказала свое вліяніе на исходъ дѣла. Ему досталась безплодная и мстительная Реснублика нѣмцевъ Поволжья. Онъ присоединился къ конвенціи внѣ себя отъ злости.

— Я поѣду, — кричалъ онъ, — но предупреждаю, если нѣмцы плохо ко мнѣ отнесутся, я конвенцію нарушу, я перейду границу.

«Я поѣду, но предупреждаю, если нѣмцы ко мнѣ плохо отнесутся, я конвенцію нарушу!...»

Балагановъ, которому достался золотой Арбатовскій участокъ, примыкавшій къ Республикѣ нѣмцевъ, встревожился и тогда же заявилъ, что нарушенія эксплоатаціонныхъ нормъ не потерпитъ.

Такъ или иначе, дѣло было унорядочено, послѣ чего тридцать сыновей и четыре дочери лейтенанта Шмидта выѣхали въ свои районы на работу.

— И вотъ вы, Бендеръ, сами видѣли, какъ этотъ гадъ нарушилъ конвенцію, — закончилъ свое новѣствованіе Шура Балагановъ. — Онъ давно ползалъ по моему участку, только я до сихъ норъ не могъ его поймать.

Противъ ожиданія разсказчика, дурной поступокъ Паниковскаго не вызвалъ со стороны Остапа осужденія. Бендеръ развалился на стулѣ, небрежно глядя передъ собой. На высокой задней стѣнѣ ресторанаго сада были нарисованы деревья, густолиственныя и ровныя, какъ на картинкѣ въ хрестоматіи. Настоящихъ деревьевъ въ саду не было, но тѣнь, падающая отъ стѣны, давала живительную прохладу и вполнѣ удовлетворяла гражданъ. Граждане были, повидимому, поголовно членами союза, потому что пили одно только пиво и даже ничѣмъ не закусывали.

Къ воротамъ сада, непрерывно ахая и стрѣляя, подъѣхалъ зеленый автомобиль, на дверцѣ котораго была выведена бѣлая дугообразная надпись: «Эхъ, прокачу!» Ниже помѣщались условія прогулокъ на веселой машинѣ. Въ часъ — три рубля. За конецъ — по соглашенію. Пассажировъ въ машинѣ не было.

Посѣтители сада тревожно зашептались. Минутъ пять шоффферъ просительно смотрѣлъ черезъ садовую рѣшетку и, потерявъ, видно, надежду заполучить пассажира, вызывающе крикнулъ:

— Такси свободенъ! Прошу садиться!

Но никто изъ гражданъ не выразилъ желанія сѣсть въ машину «Эхъ, прокачу!» И даже самое приглашеніе шоффера подѣйствовало на нихъ страннымъ образомъ. Они понурились и старались не смотрѣть въ сторону машины. Шоффферъ покачалъ головой и медленно отъѣхалъ. Арбатовцы печально смотрѣли ему вслѣдъ. Черезъ пять минутъ зеленый автомобиль бѣшено промчался мимо сада въ обратномъ направленіи. Шоффферъ подпрыгивалъ на своемъ сидѣніи и что-то неразборчиво кричалъ. Машина была пуста по-прежнему.

Остапъ проводилъ ее взглядомъ и сказалъ:

— Такъ, вотъ, Балагановъ, вы пижонъ. Не обижайтесь. Этимъ я просто хочу точно указать на мѣсто, которое вы занимаете подъ солнцемъ.

— Идите къ чорту! — грубо сказалъ Балагановъ.

— Вы все-таки обидѣлись? Значитъ, по вашему, должность лейтенантскаго сына это не пижонство?

— Но вѣдь вы же сами сынъ лейтенанта Шмидта! — вскричалъ Балагановъ.

— Вы пижонъ, — повторилъ Остапъ. — И сынъ пижона! И дѣти ваши будутъ пижонами. Мальчикъ! То, что произошло сегодня утромъ, — это даже не эпизодъ, а такъ, чистая случайность, капризъ художника. Джентльменъ въ поискахъ десятки. Ловить на такіе мизерные шансы не въ моемъ характерѣ. И что это за профессія такая, прости Господи! Сынъ лейтенанта Шмидта! Ну, годъ еще, ну, два. А дальше что? Дальше ваши рыжія кудри примелькаются, и васъ просто начнутъ бить.

— Такъ что же дѣлать? — забезпокоился Балагановъ. — Какъ снискать хлѣбъ насущный?

— Надо мыслить, — сурово отвѣтилъ Остапъ. — Меня, напримѣръ, кормятъ идеи. Я не протягиваю лапу за кислымъ исполкомовскимъ рублемъ. Моя пометка пошире. Вы, я вижу, безкорыстно любите

«Тогда мнѣ съ вами не по пути. Мнѣ нужно пятьсотъ тысячъ. И по возможности сразу, а не частями!...»

деньги. Скажите, какая сумма вамъ нравится?

— Пять тысячъ, — быстро отвѣтилъ Балагановъ.

— Въ мѣсяцъ?

— Въ годъ.

— Тогда мнѣ съ вами не по пути. Мнѣ нужно пятьсотъ тысячъ. И по возможности сразу, а не частями.

— Можетъ, все таки возьмете частями? — спросилъ мстительный Балагановъ.

Остапъ внимательно посмотрѣлъ на собесѣдника и совершенно серьезно отвѣтилъ:

— Я бы взялъ частями. Но мнѣ нужно сразу.

Балагановъ хотѣлъ было пошутить по поводу и этой фразы, но, поднявъ глаза на Остапа, сразу осѣкся. Передъ нимъ сидѣлъ атлетъ съ точнымъ, словно выбитымъ на монетѣ, лицомъ. Смуглое горло перерѣзалъ хрупкій, бѣлый шрамъ. Глаза сверкали грознымъ весельемъ.

Балагановъ почувствовалъ вдругъ непреодолимое желаніе вытянуть руки по швамъ. Ему даже захотѣлось откашляться, какъ это бываетъ съ людьми средней отвѣтственности при разговорѣ съ кѣмъ-либо изъ вышестоящихъ товарищей. И, дѣйствительно, откашлявшись, онъ смущенно спросилъ:

— Зачѣмъ же вамъ такъ много денегъ... и сразу?

— Вообще-то мнѣ нужно больше, — сказалъ Остапъ, — пятьсотъ тысячъ — это мой минимумъ, пятьсотъ тысячъ полновѣсныхъ ориентировочныхъ рублей. Я хочу уѣхать, товарищъ Шура, уѣхать очень далеко, въ Ріо-де-Жанейро.

— У васъ тамъ родственники? — спросилъ Балагановъ.

— А что, развѣ я похожъ на человѣка, у котораго могутъ быть родственники?

— Нѣтъ, но мнѣ...

— У меня нѣтъ родственниковъ, товарищъ Шура, — я одинъ на всемъ свѣтѣ. Былъ у меня папа, турецкій подданный, да и тотъ давно скончался въ страшныхъ судорогахъ. Не въ этомъ дѣло. Я съ дѣтства хочу въ Ріо-де-Жанейро. Вы, конечно, не знаете о существованіи этого города.

Балагановъ скорбно покачалъ головой. Изъ міровыхъ очаговъ культуры онъ, кромѣ Москвы, зналъ только Кіевъ, Мелито-

ноль и Жмеринку. И вообще онъ былъ убѣжденъ, что земля плоская.

Остапъ бросилъ на столъ листъ, вырванный изъ книги.

— Это вырѣзка изъ «Малой совѣтской энциклопедіи». Вотъ что тутъ написано про Ріо-де-Жанейро: «1360 тысячъ жителей...» такъ... «значительное число мулатовъ... у обширной бухты Атлантическаго океана...» Вотъ, вотъ! Главныя улицы города по богатству магазиновъ и великолѣпію зданій не уступаютъ первымъ городамъ міра». Представляете себѣ, Шура? Не уступаютъ! Мулаты, бухта, экспортъ кофе, такъ сказать, кофейный демпингъ, чарльстонъ подъ названіемъ «У моей дѣвочки есть одна маленькая штучка» и... о чемъ говорить! Вы сами видите, что происходитъ. Полтора милліона человѣкъ, и всѣ поголовно въ бѣлыхъ штанахъ. Я хочу отсюда уѣхать. У меня съ совѣтской властью возникли за послѣдній годъ серьезнѣйшія разногласія. Она хочетъ строить соціализмъ, а я не хочу. Мнѣ скучно строить соціализмъ. Что я, каменщикъ, каменщикъ въ фартукѣ бѣломъ?... Теперь вамъ ясно, для чего мнѣ нужно столько денегъ?

— Гдѣ же вы возьмете пятьсотъ тысячъ? — тихо спросилъ Балагановъ.

— Гдѣ угодно, — отвѣтилъ Остапъ. — Покажите мнѣ только богатаго человѣка, и я отниму у него деньги.

— Какъ? Убійство? — еще тише спросилъ Балагановъ и бросилъ взглядъ на сосѣдніе столики, гдѣ арбатовцы поднимали задравные фужеры.

— Знаете, — сказалъ Остапъ, — намъ не надо было подписывать такъ называемой сухаревской конвенціи. Это умственное упражненіе, какъ видно, сильно васъ истощило. Вы глупѣете прямо на глазахъ. Замѣтьте себѣ, Остапъ Бендеръ никогда никого не убивалъ. Его убивали — это было. Но самъ онъ чистъ передъ закономъ. Я, конечно, не херувимъ. У меня нѣтъ крыльевъ, но я чту уголовный кодексъ. Это моя слабость.

— Какъ же вы думаете отнять деньги?

— Какъ я думаю отнять? Отъемъ или уводъ денегъ варьируется въ зависимости отъ обстоятельствъ. У меня лично есть четыреста сравнительно честныхъ способовъ отъема. Но не въ способахъ дѣло. Дѣло въ томъ, что сейчасъ нѣтъ богатыхъ людей. И въ этомъ ужасъ моего положенія. Иной набросился бы, конечно, на какое-нибудь беззащитное госучрежденіе. но это не въ моихъ правилахъ. Вамъ извѣстно мое уваженіе къ уголовному кодексу.

«...Полтора милліона человѣкъ, и всѣ поголовно въ бѣлыхъ штанахъ!...»

— Да что вы! — воскликнулъ Балагановъ. — Есть очень богатые люди.

— А вы ихъ знаете? — немедленно сказалъ Остапъ. — Можете вы назвать фамилію и точный адресъ хотя бы одного совѣтскаго милліонера? А вѣдь они есть, они должны быть. Разъ въ странѣ бродятъ какіе-то денежные знаки, то должны же быть люди, у которыхъ ихъ много. Но какъ найти такого ловчилу? Нѣтъ расчета грабить коллективъ. Дайте мнѣ индивида побогаче. Но его нѣтъ, этого индивидуума.

«Хирургъ сухо говоритъ больному: — «Ну-съ, снимайте бурнусъ!..»

Остапъ даже вздохнулъ. Видимо, грезы о богатомъ индивидуумѣ давно волновали его.

— Какъ пріятно, — сказалъ онъ задумчиво, — работать съ легальнымъ милліонеромъ въ хорошо организованномъ буржуазномъ государствѣ со старинными капиталистическими традиціями. Тамъ милліонеръ — популярная фигура. Адресъ его извѣстенъ. Онъ живетъ въ особнякѣ, гдѣ-нибудь въ Ріо-де-Жанейро. Идешь прямо къ нему на пріемъ и уже въ передней, послѣ первыхъ же привѣтствій, отнимаешь деньги. И все это, имѣйте въ виду, по-хорошему, вѣжливо: «Алло, сэръ, не волнуйтесь. Придется васъ маленько побезпокоить. Оллъ-райтъ! Готово! И все. Культура! Что можетъ быть проще? Джентльменъ въ обществѣ джентльменовъ дѣлаетъ свой маленькій бизнесъ. Только не надо стрѣлять въ люстру, это лишнее. А у насъ... Боже, Боже! въ какой холодной странѣ мы живемъ! У насъ все скрыто, все въ подпольѣ. Совѣтскаго милліонера не можетъ найти даже наркомфинъ съ его сверхмощнымъ налоговымъ аппаратомъ. А милліонеръ, можетъ быть, сидитъ сейчасъ въ этомъ такъ называемомъ лѣтнемъ саду, за сосѣднимъ столикомъ и пьетъ сорокакопѣечное пиво «Тинъ-Топъ». Вотъ что обидно!

— Значитъ, вы думаете, — спросилъ Балагановъ погодя, — что если бы нашелся такой вотъ тайный милліонеръ, то...?

— Не продолжайте. Я знаю, что вы хотите сказать. Нѣтъ, не то, совсѣмъ не то. Я не буду душить его подушкой или бить воронепымъ наганомъ по головѣ. И вообще ничего дурацкаго не будетъ. Ахъ, если бы только найти индивида! Ужъ я такъ устрою, что онъ свои деньги мнѣ самъ принесетъ, на блюдечкѣ съ голубой каемкой.

— Самъ принесетъ? — спросилъ вдругъ Балагановъ скрипучимъ голосомъ. — На блюдечкѣ? А если не принесетъ? А гдѣ это Ріо-де-Жанейро? Далеко? Не можетъ того быть, чтобы всѣ ходили въ бѣлыхъ штанахъ. Вы это бросьте, Бендеръ. На пятьсотъ тысячъ можно и унасъ хорошо прожить.

— Безспорно, безспорно, — весело сказалъ Остапъ. — прожить можно. Но вы не трепите крыльями безъ повода. У васъ же пятисотъ тысячъ нѣтъ.

На безмятежномъ невспаханномъ лбу Балаганова обозначилась глубокая морщина. Онъ неувѣренно посмотрѣлъ на Остапа и промолвилъ:

— Я знаю такого милліонера. Можетъ выйти дѣло.

Съ лица Бендера мигомъ сошло все оживленіе. Лицо его сразу же затвердѣло и снова приняло медальныя очертанія.

— Идите, идите, — сказалъ онъ, — я подаю только по субботамъ, нечего тутъ заливать.

— Честное слово, мосье Бендеръ...

— Слушайте, Шура, если ужъ вы окончательно перешли на французскій языкъ, то называйте меня на мосье, а ситуайенъ, что значитъ — гражданинъ. Кстати, адресъ вашего милліонера?

— Онъ живетъ въ Черноморскѣ.

— Ну, конечно, такъ и зналъ. Черноморскъ! Тамъ даже въ довоенное время человѣкъ съ десятью тысячами назывался милліономъ. А теперь... могу себѣ представить! Нѣтъ, это чепуха!

— Да нѣтъ же, дайте мнѣ сказать. Это настоящій милліонеръ. Понимаете, Бендеръ, случилось мнѣ недавно сидѣть въ тамошнемъ Допрѣ... (1)

Черезъ десять минутъ молочные братья покинули лѣтній кооперативный садъ съ подачей нива. Великій комбинаторъ чувствовалъ себя въ положеніи хирурга, которому предстоитъ произвести весьма серьезную операцію. Все готово. Въ электрическихъ кастрюлькахъ парятся салфеточки и бинты, сестра милосердія въ бѣлой тогѣ неслышно передвигается по кафельному полу, блеститъ медицинскій фаянсъ и никель, больной лежитъ на стеклянномъ столѣ, томно закативъ глаза къ потолку, въ спеціально нагрѣтомъ воздухѣ носится занахъ нѣмецкой жевательной резинки. Хирургъ съ растопыренными руками подходитъ къ операціонному столу, принимаетъ отъ ассистента стерилизованный финскій ножъ и сухо говоритъ больному: «Ну-съ, снимайте бурнусъ».

---

(1) Допръ — домъ предварительнаго заключенія (тюрьма).

(Продолженіе слѣдуетъ)

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

А. Бернеръ. Парижъ. — Въ присланныхъ вами стихахъ удачныя строки чередуются съ неудачными...

Причемъ, поразительное совпаденіе, эти удачныя строчки уже были однажды напечатаны за подписью такихъ случайныхъ писателей, какъ А. С. Пушкинъ, А. Н. Майковъ и друг., а неудачныя строчки, хотя и не были ни разу напечатаны, но и не будутъ.

Викт. Т. Ліонъ. — Начать никогда не поздно. Тѣмъ болѣе, что, рано или поздно, вы сами поймете, что лучше — никогда.

Редакторъ-Издатель: М. Г. Корнфельдъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОДЪ

на большой еженедѣльный литературно-художественный журналъ
сатиры и юмора

Сатирикон'

СОСТАВЪ СОТРУДНИКОВЪ:

ПИСАТЕЛИ:

Г. В. Адамовичъ, В. А. Азовъ, М. А. Алдановъ, Альталена, А. В. Амфитеатровъ, Н. Ф. Баліевъ, кн. В. В. Барятинскій, Н. Н. Берберова, гр. П. А. Бобринскій, Ив. Бунинъ, С. М. Газіевъ, Валентинъ Горянскій, Сергѣй Горный, Над. Городецкая, Мих. Долиновъ, Донъ-Аминадо, П. П. Евреиновъ, Борисъ Зайцевъ, Леонидъ Зуровъ, Георгій Ивановъ, Галина Кузнецова, Анатолій Каменскій, А. И. Купринъ, Ант. Ладинскій, Лери, Лоло, С. Литовцевъ, Иванъ Лукашъ, Сергѣй Маковскій, К. В. Мочульскій, Ирина Одоевцева, М. А. Осоргинъ, Петръ Пильскій, Сергѣй Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, Н. Я. Рощинъ, М. Струве, Андрей Сѣдыхъ, В. Ф. Ходасевичъ, Е. Хохловъ, М. О. Цетлинъ, А. М. Черный, А. А. Яблоновскій, Сергѣй Яблоновскій.

ХУДОЖНИКИ:

Александръ Бенуа, О. М. Бернацкая-Савичъ, И. Я. Билибинъ, Д. Бушенъ, Б. Билинскій, Вл. Бѣлкинъ, Б. Гроссеръ, А. Гроссъ, М. В. Добужинскій, Б. Зворыкинъ, Юр. Ильинъ, К. А. Коровинъ, Е. И. Лурье, Эр. Ницше, Б. Пикельный, Ф. С. Рожанковскій, А. Серебряковъ, В. Стелецкій, Терешковичъ, С. Черевковъ, А. Шарый, Шварцъ, Г. И. Шильтянъ, В. И. Шухаевъ, Вѣра Шухаева, Шэмъ, Л. Эндэнъ, Алекс. Яковлевъ.

Редакторъ-Издатель: М. Г. КОРНФЕЛЬДЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи	Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ странахъ, вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза		160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почт. Союза		177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: 51, Rue Vivienne. Paris (2e)
Téléphone: GUTENBERG 05-40

Изъ писемъ Вашихъ Родныхъ Вы убѣдитесь, что **лучше всего отправлять продовольственныя посылки въ Россію** изъ Отдѣл. Société TITAN въ Ригѣ

Оптовые цѣны. - Быстрѣйшая доставка
Первоклассные продукты. — Всѣ гарантіи

ПРІЕМЪ ЗАКАЗОВЪ НА ПОСЫЛКИ
И ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ
на наивыгоднѣйшихъ условіяхъ

SOC. TITAN, 1, rue Mondétour.
Paris (Ier). Gutenb. 80-51 à 80-55

и въ магазинахъ:

ARSER, 83, rue Michel-Ange (16e).
BERLIN, 368 *bis*, rue de Vaugirard (15e)
REDSKY, 76, rue du Cardinal-Lemoine (5e).
IDEAL, 153, rue de la Convention (15e).

Общество взаимнаго Кредита "СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). T. I. Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. иностранн. билетовъ, Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер.

Денежные переводы
и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9

IMPRIMERIE
COOPÉRATIVE ÉTOILE
17, rue de la Comète
Téléphone: Invalides 11-50
PARIS (7)
R. C. S. 227.770
Métro: La Tour-Maubourg

TOUS GENRES DE TRAVAUX
EN TOUTES LES LANGUES

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ТИПОГРАФСКІЯ РАБОТЫ
НА ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ

БОЛѢЮТЪ

и теряютъ трудоспособность часто тѣ, у кого кровь засорена ядами нарушеннаго обмѣна (мочевой кислотой, уратами и пр.). Эти яды быстро растворяются и удаляются изъ организма извѣстнымъ очистителемъ «КАЛЕФЛЮИДОМЪ Д. КАЛЕНИЧЕНКО», который одновременно насыщаетъ организмъ лечебно-энергіетворными горючими и жизнетворными витаминами, возстанавливающими здоровье, силы и трудоспособность и бывшій больной опять пользуется всѣми радостями молодого и здороваго человѣка.

« KALEFLUID », 49, rue Balagny, Bureau 18, Paris (17e)
БЕЗПЛАТНО требуйте литературу, какъ сохранить здоровье.

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky*, Mehitarsitengasse, 1, Wien VII.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin*, Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tel. Barbarossa 1881. Postscheckkonto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГОЛЛАНДІЯ.	Роттердамъ. — Van Ditmar, Post Box 262, Rotterdam.
ГРЕЦІЯ.	Афины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitorv, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport*, 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — *Fischer*, Wallstr. 22-A.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko*, Khiabané Post Hané Koutcha Beha es Saltaneh N°1. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovie.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré.
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York.
	Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov*, Boulevardin, 17, Helsingfors.
	Выборгъ. — *Ivankov*, Linnankatu, 8. Wiiborg.
	Келломяки. — *Reiche*, Représentant. Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russuniou* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel.
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon*, Goldschmiedstrasse. Reval.
	Нарва. «Старый Нарвскій Листокъ», 1, suur Tan, Narva.
ІОГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre*, Ul. Kn. Mihailova br. 27.

Вышла въ свѣтъ новая книга
П. ЛИДВАЛЬ

Искусство одѣваться

(S'HABILLIER.. raisonnements sur le costume masculin)

Во время Осенняго Салона П. Лидваль прочелъ въ Grand Palais чрезвычайно интересный докладъ о мужскомъ костюмѣ, имѣвшій выдающійся успѣхъ у парижской публики. Во всѣхъ газетахъ появились хвалебные отзывы, причемъ многіе слушатели горячо рекомендовали докладчику опубликовать прочитанный докладъ въ печатной формѣ.

Вышедшій нынѣ въ свѣтъ трактатъ о мужскомъ костюмѣ, роскошно изданный со множествомъ рисунковъ и иллюстрацій, представляетъ большой интересъ для всѣхъ, интересующихся эстетикой мужской моды.

П. Лидваль, обладающій заслуженной репутаціей первокласснаго мастера мужского костюма, является новаторомъ, стремящимся критически отнестись къ тому, что дѣлается въ области искусства одѣваться.

Путемъ чрезвычайно интересныхъ историческихъ параллелей, авторъ устанавливаетъ несомнѣнную связь, существующую между архитектурными формами и костюмомъ въ данный историческій моментъ. Въ его трактатѣ мы находимъ рядъ превосходныхъ иллюстрацій, относящихся къ Египту, Греціи, Среднимъ Вѣкамъ и другимъ классическимъ эпохамъ.

Переходя къ переживаемому нами моменту, П. Лидваль стремится логически подчинить линіи современнаго мужского костюма тѣмъ новымъ архитектурнымъ формамъ, которыя постепенно завоевываютъ признаніе всего культурнаго міра.

Не подлежитъ сомнѣнію, что книга П. Лидваля явится весьма цѣннымъ вкладомъ въ области современныхъ эстетическихъ исканій.

ЦѢНА : 15 ФР.

Склады изданія :

1) Lidvall, 28, rue de la Pépinière, Paris.
2) «Satyricon», 51, rue Vivienne, Paris.
3) Librairie Stock, 155, rue St-Honoré.

Выписывающіе изъ складовъ за пересылку не платятъ.

ПРИ РЕДАКЦІИ
„САТИРИКОНА"
открытъ сборъ пожертвованій
на
ГОЛОДНУЮ ПЯТНИЦУ
Лично отъ 10-12 и отъ 3-6
Письмено :
"Satyricon", 51, Rue Vivienne, Paris (2)

Зубоврачебн. кабинетъ **М. Когенъ**
D. F. M. P.
8, Rue Duban (16e). Pl. Passy. Auteil 95-14
Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6.
Остальные дни 10-8 час. веч.

Русскій Гастроном. Магазинъ
въ **Levallois-Perret**
77, rue Chevalier. Tél. Per. 22-56
ВСѢ РУССКІЕ ПРОДУКТЫ
Закуски дом. приготовленія
Посылки въ Россію

КРОВОЧИСТИТЕЛЬ АВРАНИНЪ

СПБ. Колокольная 11 сущ. с 1893 г.

Индійскій бальзамъ — безвр. раст. сокъ, сов. очищ. кровь отъ вред. микроб. и заразы. Послѣ перв. пріем. бальз., больн. чувств., какъ организмъ, измуч. болѣзн., наполн. пов. сил. На 3-5 день больн. уже чувств. облегч., а послѣ мѣс. всяк. леч стан. излишн. потому, что бол. побѣжд. и силы возстановл., не приход. даже повт. курса леч., т. к., бол радик. излеч., Авранином, кот. даетъ прекр. аппет., изл. желуд. и киш. забол., быстро возст. первн. сист., излеч. полов. безсил. Почт. излеч. **сифилиса во всѣхъ стад. и всѣхъ его послѣд. Сух. спин. мозга (табесъ), прогр. парал., трипперъ, люпусъ или волчанка, псоріазисъ, экзема, ракъ, сикозъ, падуч. бол.. (эпилепс.), туберк. кост. и всѣ насл. бол., золотуха.** Объ изл. этихъ бол. им. дес. тыс. нотар. и письм. благод. **Бальз прем. на европ. выст. съ награжд. золот. мед. Треб. на вс. яз. брошюру.** Почт. расх. 2 фр. **АВРАНИНЪ,** прод. въ аптекахъ, а гдѣ нѣтъ, высыл. налож. плат. **Треб. направл. по адр.:**

AVRAKHOFF, 6, rue Maublanc; Paris (15). Métro : Vaugirard

BANQUE POUR L'ARBITRAGE ET LA COMMISSION

6, rue Buffault (9). Métro CADET. Téléphone PROVENCE 95-20 et la suite

ПО ПРЕЖНЕМУ ПРОДОЛЖАЕТЪ ПЕРЕВОДИТЬ ВЪ РОССІЮ ДЕНЬГИ И ПОСЫЛКИ ДЕШЕВЛЕ И АККУРАТНѢЕ ДРУГИХЪ БАНКОВЪ. ПО СПЕЦІАЛЬНОМУ ТРЕБОВАНІЮ КЛІЕНТОВЪ ДЕНЬГИ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ ЭКСПРЕССОМЪ, Т. Е. НА 10-ый ДЕНЬ ПО ПОЛУЧЕНІИ ЗАКАЗА. КОРРЕСПОНДЕНЦІЮ МОЖНО ПРОИЗВОДИТЬ И ПО-РУССКИ.

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), téléph. Invalides 11-50 — Le Gérant : *N. Kornfeld.*

«АМЕРИКАНКИ ПРІѢХАЛИ».

(Въ русскомъ кутюрѣ).

Рис. А. Гросса.

Первый манекенъ. — О чемъ онѣ такъ долго думаютъ, эти американки?

Второй манекенъ. — По моему, онѣ хотятъ дождаться, пока платья тутъ-же на глазахъ выйдутъ изъ моды, чтобъ купить ихъ со скидкой!...

PRIX EN FRANCE : Frs 3. –

23 МАЯ 1931 23 MAI 1931

ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

Сатирикон

SATYRICON

1931

Hebdomadaire Russe

еженедѣльное изданіе

Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)

№ 8

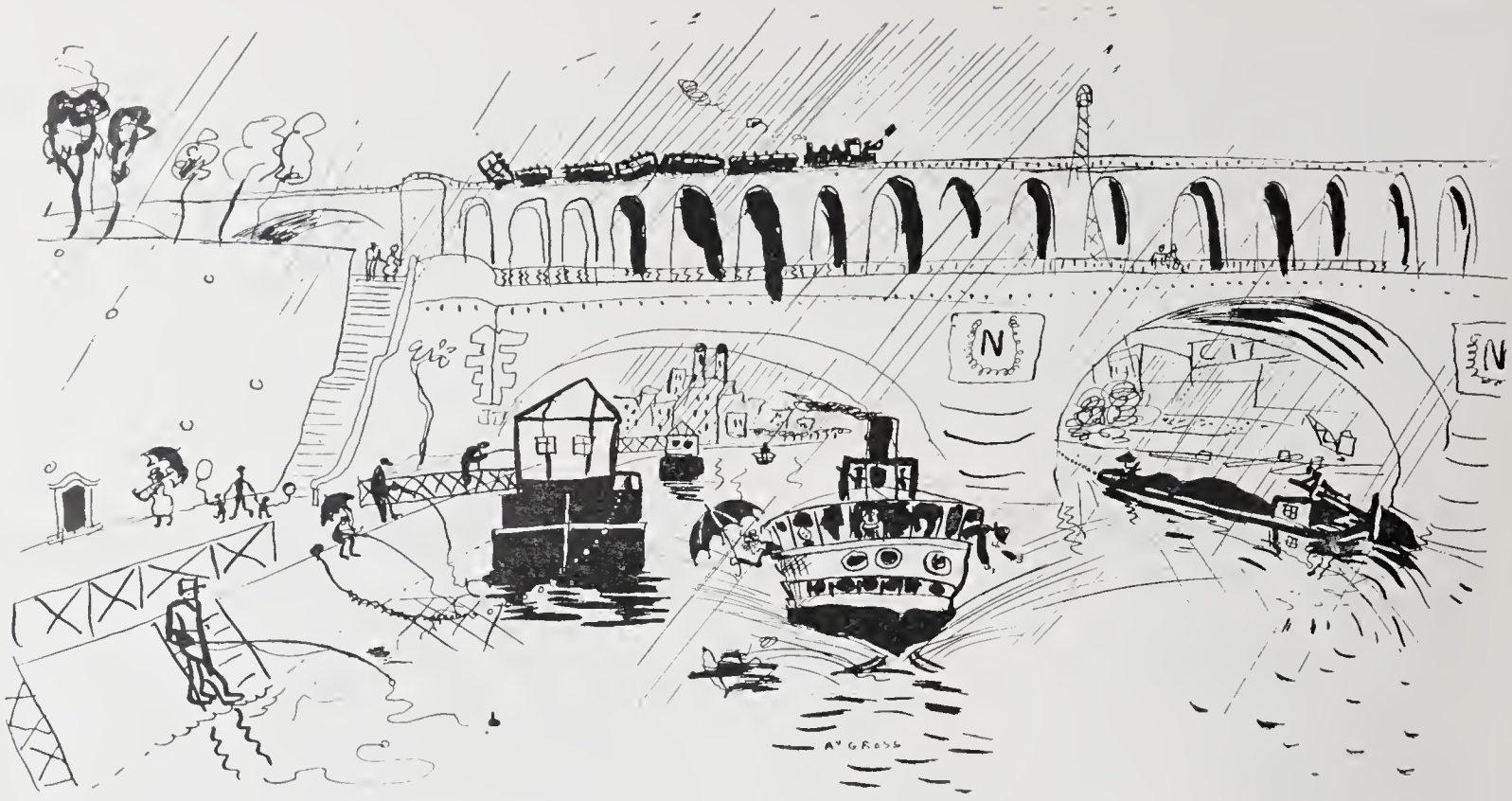
Directeur M. Kornfeld

«ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Рис. А. Шараго.

Легкій политическій диспутъ на эмигрантскую тему: — Куда мы идемъ, и что намъ дѣлать?

Рис. А. Гросса.



ВОСТОРГИ РАВНОПРАВІЯ.

ЗЮЛЕЙКА.

У Зюлейки крашеныя губки,
У Зюлейки до колѣна юбки,

Декольтэ по поясъ у Зюлейки,
У Зюлейки голосъ канарейки,

Въ поведеньи легкая манера,
А читаетъ она Клода и Фаррера,

Пьеръ Лоти и всяческія книжки,
Льетъ Коти-духи себѣ подъ мышки,

И на зло ортодоксальной тетѣ
По ночамъ качается въ фокстротѣ.

В. Г.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Гранъ-Гиньоль съ четырьмя трупами.

Варшава живетъ полной жизнью...

Господинъ Буткевичъ, редакторъ «Добраго Вечера», вызвалъ на дуэль господина Августыньскаго, редактора «Рекорда Вечерняго», а господинъ Левандовскій, редакторъ «Курьера Червоннаго» вызвалъ на дуэль господина Плевиньскаго, тоже редактора и тоже вечерняго.

По первой дуэли два секунданта съ одной стороны и два секунданта съ другой стороны.

По второй дуэли опять же по два секунданта съ каждой стороны.

Итого, четыре газеты, четыре редактора, четыре пистолета, и восемь секундантовъ.

Вообще, тиражъ!...

Но самое любопытное, какъ сообщаетъ одна изъ постороннихъ смертоубійству газетъ, это то, что:

«...Кромѣ вызова на дуэль, господа Буткевичъ и Левандовскій привлекаютъ господъ Августыньскаго и Плевиньскаго... къ суду!»

Волосы встаютъ дыбомъ отъ одного только представленія объ этой жуткой сценѣ судебнаго засѣданія.

— Судъ идетъ, прошу встать! — возглашаетъ судебный приставъ, и грозно повертывается въ сторону подсудимыхъ и обвинителей.

Но!... тутъ-то и происходитъ то, что леденитъ душу, или тутъ-то именно ничего и не происходитъ, что еще болѣе ее леденитъ:

Четыре трупа, прострѣленные насквозь, лежатъ по обѣ стороны уголовнаго суда, въ то время, какъ четыре души четырехъ бывшихъ редакторовъ предстоятъ предъ Судомъ Всевышняго.

Что и говорить, не изсякли еще чернила въ чернильницахъ варшавскихъ и есть еще порохъ въ пороховницахъ!

«Всюду жизнь...»

Нѣтъ людей съ болѣе ограниченнымъ кругозоромъ, нежели русскіе парижане.

Они искренне убѣждены, что Парижъ это единственный въ мірѣ городъ-свѣточъ, что Колоніальная выставка это восьмое чудо міра, и что только изъ аллеи Елисейскихъ Полей открывается перспектива вселенной.

А между тѣмъ, если бы они хоть изрѣдка заглядывали въ газету «Голосъ», издающуюся въ Софіи, они-бы поняли, что такое настоящій размахъ, подлинная ширь и неподдѣльная красота творческой и созидательной жизни!

Достаточно просмотрѣть скромныя, но выразительныя объявленія газеты «Голосъ», достаточно даже самого поверхностнаго знакомства съ мѣстной эмигрантской хроникой, чтобы сразу-же возникла въ душѣ жестокая зависть и непреодолимая жажда бросить этотъ скучный, ничего не говорящій ни уму ни сердцу Парижъ, съ его безсмысленной Эйфелевой башней, и ринуться, очертя голову, въ сладчайшій омутъ софійской эмиграціи, и испить наконецъ чашу наслажденій, пріуготованныхъ неунывающими соотечественниками.

Развѣ не соблазнами Валтасаровыхъ пировъ звучатъ эти простыя строки, повѣствующія объ открытіи сладкарницы (кофейни) «Родины», о которой прямо сказано:

«Самое шикарное заведеніе, съ паркетными залами, съ разными аперитивами, модными журналами и общедоступными цѣнами»?

Развѣ не свѣтло и радостно становится отъ сознанія, что ровно въ 10 1/2 часовъ вечера начнется общій полонезъ (съ поясненіемъ — **«для взаимнаго знакомства»**) бывшихъ кадетскихъ корпусовъ, и что **«для обращенія вечера въ балъ-маскарадъ»** (такъ именно и сказано!) устроителями заготовлено **восемьдесятъ бумажныхъ костюмовъ, типа домино,** по цѣнѣ 25 лева за костюмъ **и со внесеніемъ денегъ и бенефиціи въ фондъ спасенія Родины** (не смѣшивать со сладкарницей)?!

Развѣ не щекотно для самолюбія, что на слѣдующій день, сейчасъ-же послѣ кадетскаго бала, съ полонезомъ и въ домино, состоится **танцевальный вечеръ «Международной Лиги Теодора Обера», съ концертнымъ отдѣленіемъ, холодными закусками и лотереей-аллегри,** и причемъ не то что для пустой забавы и свѣтскаго легкомыслія, а **съ цѣлью освобожденія родины отъ большевицкаго ига?!**

А въ то-же время, во вновь открытой русской млекарницѣ (молочной), и въ двухъ шагахъ отъ русской сладкарницы (кофейной), **«можно найти разныя сладости, какъ напримѣръ, куриный бульонъ и курицу, и не только днемъ, но и ночью, и всегда въ самомъ свѣжемъ видѣ, и по спеціальному прейсу-куранту...»**

Развѣ это не предѣлъ буйнаго строительства, созиданія, творчества, полнокровной, бьющей черезъ край жизни?

Развѣ это не своеобразная эмигрантская пятилѣтка въ

четыре года, съ домино, съ полонезами, со свѣжей курицей и Теодоромъ Обероmъ?!

А кто этого не понимаетъ, тотъ есть жалкій сынъ прошлаго вѣка, бредущій «съ изнеможеніемъ въ кости» по аллеямъ Елисейскихъ Полей, не могущій поспѣть за новымъ, бодрымъ и могучимъ столѣтіемъ!...

«Анархія въ опасности!...»

«Одно мановеніе волшебной палочки», какъ любятъ выражаться индійскіе факиры въ провинціальныхъ паноптикумахъ, и мы переносимся въ городъ Чикаго, въ штатъ Иллинойсъ, въ Сѣверную Америку, гдѣ предъ глазами восхищенныхъ зрителей проходитъ новая жизнь все тѣхъ-же, подъ любой широтой любезныхъ намъ, соотечественниковъ.

Тутъ ужъ дѣло серьезное.

Иные темпы, иные ритмы, другая орфографія.

— Рабочая газета «Разсвѣтъ».

Передовая статья, крупнымъ шрифтомъ, о **вывозѣ муравьиныхъ яицъ въ Гватемалу.**

Крикъ души, въ отдѣлѣ объявленій:

— **«Ищу учителя для преподаванія навигаціи!»**

Украинская вечеринка въ городѣ Балтиморѣ, **«при участіи украинскаго джазъ-банда».**

Премія за лучшую прическу на балу **«Прогрессивной Похоронной кассы взаимопомощи»** — въ видѣ полнаго собранія сочиненій П. А. Кропоткина, въ переплетѣ.

И, въ заключеніе, стихи Ивана Беззубаго, въ отдѣлѣ сторонніхъ сообщеній:

«Дерзай! Стремись впередъ!
Изъ царства темной олигархіи
Зови угнетенный твой народъ
Къ лучезарной анархіи!...»

...И, вотъ, какъ прочтешь все это, такъ и подумаешь:

— А дѣйствительно, не настало-ли время созвать второй Зарубежный съѣздъ для полнаго объединенія русской эмиграціи, въ отелѣ «Мажестикъ» и для активныхъ дѣйствій?!

ПИСЬМО АНТОНА КРАЙНЯГО ВЪ РЕДАКЦІЮ «САТИРИКОНА»

М. Г., г-нъ Сатириконъ!

Я не чуждъ литературѣ. Напротивъ, я нахожусь въ непрерывномъ отъ нея восхищеніи. Этого восторга я не могъ, конечно, сдерживать: изъ подъ пера моего выливались постоянно бурныя статьи о творчествѣ безконечнаго ряда нашихъ писателей, – молодыхъ и пожилыхъ геніевъ. Достойные органы печатали мою критику, цѣня въ ней объективную правду, читатели читали, и даже съ наслажденіемъ. Что же касается самихъ творцовъ, то иные, изъ окруженныхъ поклоненіемъ всеобщимъ, — какъ бы уставшіе отъ беззавѣтной носки ихъ на рукахъ, пресыщенные сладостью похвалъ, — даже знать мнѣ давали (окольнымъ путемъ), что мое де перо имъ пока нежелательно: ужъ слишкомъ; и ужъ можно разстроиться. Но я не могъ сдержать правды въ груди, хотя они и разстраивались. Не буду называть именъ, кромѣ одного: наиславнѣйшаго Максима. Могъ-ли я молчать, не простереться сорокъ разъ ницъ передъ его тончайшей «Старухой Изергилью», едва она вышла, какъ Венера изъ пѣны, изъ нѣдръ Максима? Или передъ побѣднымъ «Соколомъ», или передъ божественной пролетарской «Матерью»? Я скорбѣлъ, что являюсь причиной разстройства, но восторгъ мой былъ сильнѣе меня.

Въ эмиграціи я сталъ крѣпче: когда меня такіе, отъ славы уставшіе, геніи просятъ: не пишите, пожалуйста! (совсѣмъ недавно былъ случай) — я не пишу. И трудно, а не пишу о просящемъ.

Извините мое многословіе, г. Сатириконъ, все это я вотъ къ чему веду: сказать,что чуждъ я литературѣ — нельзя, значитъ; входилъ въ нее, матушку, достаточно; обвивалъ розами прозаиковъ, а ужъ поэтовъ-то! Я трепеталъ передъ тайной ихъ вдохновенья; тайной, ибо самъ я поэтическаго этого вдохновенья не зналъ. Упиваясь дивными сочетаніями звуковъ, отмѣчая ихъ, — какъ, напримѣръ, сочетанія «какъ-не-каковъ» въ «Рабочемъ Фаустѣ», поэмѣ Наркомпроса, вышедшей въ 18 году въ Петербургѣ, — я даже не понималъ, что дѣлается съ человѣкомъ, когда Аполлонъ вдругъ требуетъ его къ священной жертвѣ, въ результатѣ чего являются короткія строчки со сладкими звуками.

И вотъ, достаточно было двухъ номеровъ парижскаго Сатирикона съ двумя потретами, чтобы свершилось чудо. Уже глядя на первый, я почувствовалъ, что-то странное подъ ложечкой; когда же увидѣлъ второй, столь роскошно обрамленый (на проэктируемой совѣтской кредиткѣ) — я какъ бы лишился обыкновенныхъ здравыхъ ощущеній; въ забытьи сталъ тутъ-же чертить что-то карандашемъ, а выйдя изъ

ДЖУНГЛИ БОЛЬШОГО ГОРОДА.

Фабрика взрослыхъ ангеловъ.

Рис. Шварца.

«Въ Марсель арестованы почтенный и извѣстный своей корректностью страховой агентъ, г. Саррэ, а также очень почтенныя, пожилыя и пользовавшіяся всеобщимъ уваженіемъ двѣ сестры Шмитъ по обвиненію: въ убійствахъ, въ уничтоженіи труповъ при помощи кислотныхъ составовъ, и въ полученіи страховыхъ премій своихъ жертвъ».

забытья — нашелъ... четыре строки съ рифмами, т. е. стихотворныя.

Я не имѣю мнѣнія о семъ трудѣ; старался судить, взывая къ моему критическому опыту, — нѣтъ, не могу! Да и чего тутъ еще! Я лишь жажду, чтобъ начало было началомъ, чтобъ повторился дивный мигъ вдохновенья. А начнешь размышлять — случится, какъ одинъ старый поэтъ сказалъ:

Минута безсилья,
Минута раздумія...
И сломлены крылья
Святого безумія...

Такъ вотъ, г. Сатириконъ, можетъ быть вы, — принявъ во вниманіе, что это начало, и что никогда еще не видѣлъ я стихотворенія, подписаннаго моимъ именемъ, а также и обстоятельство, что мое превращеніе дѣло рукъ вашихъ, — можетъ быть, говорю я, вы согласитесь напечатать слѣдующія строки (какія ни на есть):

Въ насъ ужъ вонзился ножъ пролетарскій,
А здѣсь лишь кричатъ — вонзи! вонзи!
У насъ Анатоль Луначарскій,
А здѣсь — Анатоль де Монзи.

Антонъ Крайній.

РОДСТВЕННИКЪ.

Когда я женился — у меня появился новый родственникъ — братъ жены.

Это былъ дуракъ, впадавшій отъ поры до поры въ сосредоточенность.

Послѣднее его состояніе разрѣшалось обыкновенно самымъ неожиданнымъ образомъ. Онъ приходилъ ко мнѣ и говорилъ:

— А я къ вамъ...

— Неужели? А мнѣ казалось, что вы зашли къ моему сосѣду спросить который часъ.

Братъ жены слегка западазривалъ насмѣшку, но довѣрчивость брала свое:

— Пришелъ подѣлиться съ вами кой-чѣмъ...

— Это весьма любезно съ вашей стороны. Чѣмъ же именно? Съѣстными, одеждой или деньгами?

Братъ жены скорбно вздыхалъ.

— Пришелъ подѣлиться съ вами нѣкоторыми идеями.

— Опять изобрѣли что-нибудь?

— Откуда вы знаете?

— По глазамъ. У васъ въ глазахъ есть нѣчто эдиссоновское...

Послѣднее замѣчаніе явно льститъ ему. Онъ пріободривается. Сморкается и долго смотритъ въ платокъ. Чертъ его знаетъ, чего онъ тамъ нашелъ любопытнаго.

— Изобрѣлъ. — говоритъ онъ, наконецъ, — особые гвозди. Обыкновенный гвоздь вбивается только однимъ концомъ, а мой не имѣетъ шляпки и вбивается съ любого конца...

Я встаю и жму этому идіоту руку.

— Спасибо, милый! Человѣчество оцѣнитъ со временемъ ваши заслуги.

Братъ жены сіяетъ.

— Да, да! Вы поняли? Каждый гвоздь можетъ служить два раза...

— Геніально, мой другъ, геніально!

— Какъ вы думаете, что бы можно было еще изобрѣсти?

— Изобрѣтите тормазъ для пѣшехода! — съ живостью совѣтую я. — Представьте себѣ, что вы очень быстро идете и вамъ нужно остановиться. Вы нажимаете особую кнопку и длинная палка попадаетъ вамъ между ногъ. Остановка происходитъ машинально.

— А это — идея!...

— Да, ужъ будьте покойны! Особенно въ гористыхъ мѣстахъ, гдѣ вы на каждомъ шагу рискуете свалиться въ пропасть. Здѣсь такой тормазъ совершенно необходимъ.

— Ахъ, какъ хорошо! — воскликнулъ братъ жены. — Надо будетъ какъ можно скорѣе взять патентъ...

— Ну, конечно! Какъ же иначе. Между прочимъ, — спрашиваю я, — нравятся ли вамъ коровы?

— Да! Коровы ничего себѣ. Коровы мнѣ нравятся! — нисколько не удивляясь, отвѣчаетъ родственникъ.

Такъ вотъ: корова пріятное животное, но развѣ нельзя сдѣлать ее еще пріятнѣе?

— Продолжайте, продолжайте! — волнуется дуракъ.

— Извольте. Почему бы вамъ не изобрѣсти средства для коровьихъ улыбокъ? Ну, порошокъ какой-нибудь что-ли, скажемъ, найти.

Братъ жены умно прищуриваетъ правый глазъ и соображаетъ:

— Трудно будетъ это осуществить, — говоритъ онъ. — Необходимо имѣть животное для опытовъ.

— Купите морскихъ свинокъ. Я думаю можно даже попробовать на тараканахъ. Конечно трудно, но за то какіе результаты! Скучное, безразличное, туго соображающее животное подъ дѣйствіемъ вашего средства будетъ лукаво улыбаться. Какъ пріятно доить такую корову! Сколько радости доставитъ она какой-нибудь честной коровницѣ — все равно — служитъ ли она, эта коровница по найму или сама хозяйка.

Глаза моего родственника разгорались свѣтомъ фанатическаго восторга.

— Какъ вы думаете, — спрашиваетъ онъ, — какіе элементы должны входить въ составъ моего средства для коровьихъ улыбокъ?

— Разные! — беззаботно отвѣчаю я, — бромъ, столярный клей, динамитъ, кремъ для обуви, перекись водорода, — мало-ли что съ чѣмъ можно смѣшать.. Лишь бы добиться цѣли. А цѣль — благородна. Улыбается корова — весело и крестьянкѣ. А веселость — облагораживаетъ. Вотъ вамъ уже смягченіе нравовъ окрестныхъ жителей. Улыбка какъ и глаза — зеркало души. Улыбка коровы будетъ свидѣтельствовать о ея душевномъ расположеніи, которое несомнѣнно повліяетъ на улучшеніе качества молока и поднятіе молочнаго хозяйства..

Мой родственникъ ушелъ, напѣвая арію изъ «Лакмэ» «Я хочу, чтобы ты улыбалась!»

Черезъ три дня наша горничная Маша говорила мнѣ сокрушенно:

— Баринъ-то нашъ, барынинъ братецъ въ призонѣ сидитъ. У консьержки кота отравили. Что-то имъ теперь за жестокое обращеніе будетъ. Для француза котъ какъ дитя родное...

Черезъ три часа пришло письмо отъ родственника.

«Пробовалъ на котѣ. Опытъ не удался. Котъ подохъ. Надо было дѣйствительно сначала на тараканахъ. Должно быть переложилъ бертолетовой соли. Много думаю и работаю. Разрабатываю тормазъ. Пришлите адвоката, папиросъ и колбасы изъ русской лавки...»

Петръ Гугулинъ.

ВЪ РЕДАКЦИИ ТОЛСТАГО ЖУРНАЛА.

— Скажите, какъ вы стали литературнымъ критикомъ ?

— А я, знаете-ли, съизмальства чувствовалъ отвращеніе къ литературѣ.

ПОВОДЪ КЪ РАЗВОДУ.

— Почему вы разошлись съ женой?

— А что общаго было между нами? Кромѣ шестерыхъ дѣтей, никакихъ-же общихъ интересовъ!

ОПТИМИСТЪ.

Страховой агентъ встрѣчаетъ на улицѣ пріятеля, недавно вступившаго въ законный бракъ.

— Поздравляю, поздравляю! И надѣюсь, что теперь, когда ты женился, ты рѣшишься, наконецъ, застраховать свою жизнь...

— Ну-у-у... Это, все-таки, не до такой степени опасно.

КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

ДЕМЬЯНЪ БѢДНЫЙ.

Рис. А. Шараго.

Двадцать лѣтъ писать поэмки,
Гнать стишки на километръ...
Это даже для ребенка
Очевидно, что вы maître!

— Я не скучный словъ точильщикъ,
Вы сказали, — я другой!
Я простой продольный пильщикъ,
Я работаю пилой!

И, рубанокъ взявъ упрямый,
Страшный выпятивъ кадыкъ,
Вы стругали этотъ самый
Сплошь тургеневскій языкъ!

И за это васъ прославить
Хилый долженъ будетъ вѣкъ,
Съ чѣмъ позвольте васъ поздравить,
Гражданинъ и дровосѣкъ!

СЛОЖНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.

Маша Загуляева была очень богата. Ея отцу принадлежали мукомольня, цѣлый рядъ лабазовъ въ торговыхъ рядахъ и всѣ бани въ городѣ. Коля Пѣтушковъ былъ очень бѣденъ. Онъ служилъ въ банкѣ простымъ конторщикомъ. Коля Пѣтушковъ нравился Машѣ Загуляевой, но не болѣе. И онъ это зналъ. Однажды вечеромъ, послѣ дивнаго обѣда на дачѣ у Загуляевыхъ, въ саду, Коля погладилъ Машину руку и сказалъ:

— Вы очень богаты, Маша. Правда?

— Да, Коля, — откровенно отвѣтила дѣвушка. — Папа даетъ за мною наличными двѣсти тысячъ.

— Такъ хотите выйти за меня замужъ, — сказалъ Коля. — Но я знаю, что вы не хотите.

— Да, Коля, замужъ выйти за васъ я не хочу. Но я не понимаю, зачѣмъ вы спрашиваете, если вы знаете?

— Для психологіи, — отвѣтилъ Коля. — Мнѣ хотѣлось испытать, что чувствуетъ человѣкъ, когда онъ теряетъ двѣсти тысячъ наличными.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ РАЗСКАЗЪ.

Землекопы копали глубокую и длинную канаву. Въ разгаръ работы пришелъ десятникъ, сѣлъ на кучку щебня и сталъ наблюдать за работой. Работа кипѣла. Вздымались лопаты и по краямъ канавы росли кучи выкопанной земли.

— Эй, рыжій, вылѣзай-ка изъ канавы, — обратился вдругъ десятникъ къ одному изъ землекоповъ, рыжему веснушатому парню съ мечтательными голубыми глазами.

Малый повиновался и неуклюже выбрался изъ канавы.

— Ну, теперь полѣзай обратно, — скомандовалъ десятскій.

Малый полѣзъ назадъ, но едва онъ коснулся подошвами дна канавы, послѣдовалъ новый приказъ:

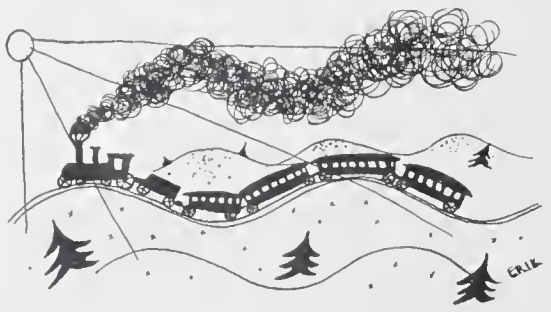
— Вылѣзай, рыжій.

Рыжій вылѣзъ и сейчасъ же отосланъ былъ обратно, но какъ только онъ очутился на днѣ, сейчасъ же вызванъ былъ опять наверхъ.

На десятый или двѣнадцатый разъ рыжій взбѣленился.

— Это что же? — сказалъ онъ. — Смѣетесь, что ли? Я вамъ въ шуты не рядился!

— Чего тутъ милый, смѣяться, — отвѣтилъ десятникъ. — Никакого тутъ смѣха нѣтъ. А только что ты на сапогахъ больше земли изъ канавы выносишь, чѣмъ лопатой выбрасываешь, сонная твоя морда!



ЛЮБОВЬ И ХЛѢБЪ НАСУЩНЫЙ

Миссъ Марта Бичемъ владѣла небольшой пекарней, той самой, гдѣ три ступеньки ведутъ внизъ и гдѣ отчаянно дребезжитъ звонокъ, какъ только вы прикасаетесь къ ручкѣ двери.

Миссъ Мартѣ Бичемъ было подъ сорокъ лѣтъ. Ея банковая книжка показывала сбереженія въ двѣ тысячи долларовъ. Кромѣ того, эта нѣсколько перезрѣлая дѣвушка обладала одной фальшивой челюстью и крайне отзывчивымъ сердцемъ. Нашли себѣ мужей очень многія изъ ея сосѣдокъ, шансы которыхъ были гораздо ниже.

Два-три раза въ недѣлю въ пекарню являлся одинъ покупатель, которымъ миссъ Марта начала въ послѣднее время интересоваться. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ очкахъ, съ русой, весьма тщательно подстриженной бородкой. Платье на немъ было поношенное, мѣстами даже заштопанное, висѣло оно мѣшковато, что нисколько не мѣшало однако общему опрятному и пріятному виду.

Покупатель, который отличался прекрасными манерами, неизмѣнно покупалъ по два черствыхъ хлѣбца. Свѣжіе хлѣбцы стоили по пяти центовъ каждый, черствые же — продавались по пяти центовъ пара. Онъ никогда не требовалъ ничего другого, кромѣ чернаго хлѣба. Какъ-то разъ миссъ Марта обратила вниманіе на красныя и коричневыя пятна на его пальцахъ. Она немедленно рѣшила про себя, что онъ художникъ и вѣроятно очень бѣдный. Не было никакого сомнѣнія, что онъ живетъ въ мансардѣ, гдѣ рисуетъ картины, ѣстъ черствыя булки и мечтаетъ о лучшихъ дняхъ...

Весьма часто, сидя за чаемъ со сдобными булочками, вкусными бутербродами и свѣжимъ вареньемъ, миссъ Марта подавляла невольный вздохъ и думала о томъ, какъ было бы хорошо, если бы художникъ съ изящными манерами раздѣлилъ ея трапезу вмѣсто того, чтобы ѣсть черствый хлѣбъ въ своей отвратительной, несомнѣнно сырой, мансардѣ...

Съ цѣлью провѣрить свое предположеніе касательно рода его занятій, она однажды принесла изъ своей спальни картину, купленную на аукціонѣ и поставила ее у полокъ, за прилавкомъ. Это былъ венеціанскій сюжетъ. Тамъ можно было узрѣть: дворецъ, гондолу, величественную даму, проводящую пальчикомъ по лазоревой водѣ, облака, небо и кое-какія другія интересныя вещи. Ни единый художникъ не могъ бы пройти мимо, не обративъ вниманія на этотъ шедевръ.

Часа черезъ два явился художникъ.

— Будьте добры, двѣ черствыхъ булки! — И онъ добавилъ въ то время, какъ миссъ Марта заворачивала ему булочки: — У васъ очень хорошая картина, мадамъ.

— Вы находите? — воскликнула дѣвушка, въ восторгѣ отъ собственной хитрости. — Вы знаете, я такъ люблю искусство и...

Конечно, было слишкомъ рано сказать — художниковъ, — и она заключила свою фразу:

— ...Картины! Значитъ, вамъ нравится эта картина?

— Да, только перспектива не совсѣмъ хорошо выдержана. Будьте здоровы, мадамъ.

Онъ взялъ булки, вѣжливо поклонился и ушелъ.

Да, онъ несомнѣнно художникъ! Ни на секунду она не переставала думать о своемъ замѣчательномъ покупателѣ... Какъ мягко и внимательно свѣтятся его глаза за стеклами очковъ! Какой у него большой лобъ! Какъ это ужасно: такъ проницательно разбираться въ перспективахъ, и... всю жизнь есть черствыя булки! Какъ было-бы хорошо для искусства и для перспективы, если-бы этотъ несомнѣнный геній могъ присоединить къ своей геніальности еще и двѣ тысячи долларовъ, пскарное заведеніе и... отзывчивое сердце, способное отдать все, чтобы...

Заходя въ булочную, художникъ обмѣнивался теперь нѣсколькими словами съ миссъ Мартой. Онъ продолжалъ покупать черствыя булки и никогда не спрашивалъ ни сладкихъ печеній, ни ея знаменитаго пирога съ вишнями, ни безподобныхъ пышекъ. Съ нѣкотораго времени онъ какъ будто похудѣлъ и упалъ духомъ. У миссъ Марты болѣло сердце отъ мучительнаго желанія прибавить чего-нибудь вкусненькаго къ его скромной покупкѣ, но у нея не хватало мужества рѣшиться на такой отчаянный шагъ. Она не смѣла оскорблять его. Она много слышала о болѣзненномъ самолюбіи художниковъ, вообще... и страдала про себя.

Миссъ Марта начала надѣвать въ тѣ дни, когда она ждала художника, свой шелковый, синій, въ крапинку, лифъ. На кухнѣ она варила какое-то таинственное мѣсиво изъ сѣмянъ айвы.

— Многія женщины употребляли это зелье для улучшенія цвѣта лица.

Но вотъ однажды таинственный покупатель положилъ, какъ обычно, деньги на стойку и попросилъ ему дать двѣ черствыхъ булки. Въ то время, какъ миссъ Марта потянулась за товаромъ, на улицѣ послышался звукъ рожка, тотчасъ же раздался неистовый грохотъ, и мимо пекарни протащился тяжелый пожарный обозъ. Покупатель поспѣшилъ къ двери, чтобы посмотрѣть на пожарныхъ. Въ порывѣ вдохновенія, миссъ Марта рѣшила воспользоваться исключительно благопріятнымъ случаемъ...

За прилавкомъ, на нижней полкѣ, лежалъ фунтъ чудеснаго свѣжаго масла, доставленнаго ей минутъ десять назадъ. Хлѣбнымъ ножомъ она сдѣлала глубокій надрѣзъ въ каждой черствой булочкѣ, всунула туда изрядное количество масла, и — все было готово къ тому моменту, какъ художникъ вернулся къ стойкѣ. Когда же послѣ необыкновенно пріятнаго, хотя и короткаго разговора, художникъ попрощался и ушелъ, миссъ Марта улыбнулась самой себѣ, почувствовавъ въ то-же время легкій трепетъ въ сердцѣ. Не былъ-ли черезчуръ смѣлъ ея поступокъ? Не обидится-ли въ концѣ концовъ художникъ? Въ сущности говоря, какъ посмѣла она сдѣлать это?

Миссъ Марта густо покраснѣла: — Когда онъ будетъ ѣсть хлѣбъ, подумаетъ-ли онъ хоть разокъ о той рукѣ, которая положила туда масло? Догадается-ли онъ?...

Вдругъ неистово задребезжалъ звонокъ на входной двери.

БАЗАРЪ ЖИТЕЙСКОЙ СУЕТЫ.

Фотомонтажъ Степанчича.

Гитлеръ.

«Вождь народа»...

Изъ малярнаго цеха — въ міровую исторію, съ пересадкой на hakenkreuz' ѣ.

Издатель Бернаръ Грассэ.

«Молодой, но плодовитый...» Человѣкъ, держащій въ своихъ рукахъ весь книжный рынокъ Франціи, почему и говорятъ про него, что — ему и книги въ руки!

MARY LEWIS

«Графиня Марица».

Американская пѣвица, покорившая французскую публику въ австрійской опереткѣ на югославянскій сюжетъ, или просто говоря: — Вся Лига Націй въ одной женщинѣ!...

Барбюсовъ сынъ,

и самъ Барбюссъ въ душѣ.

Анри Барбюссъ, энергичный брюнетъ и апостолъ коммунизма, усердный сѣятель разумнаго, добраго и вѣчнаго, какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ, человѣкъ, продолжающій дѣло Ильича на собственной виллѣ, съ оранжереей и паркомъ...

Грокъ.

Геніальный мимъ, блестяще доказавшій на собственномъ примѣрѣ, что можно зарабатывать деньги одной только мимикой, что и значитъ зарабатывать хлѣбъ въ потѣ лица...

МАТРОСЫ. *Рис. Лори.*

— Единственные въ послѣвоенной Европѣ люди, которые не ссылаются на Версальскій договоръ и не требуютъ отдѣльнаго выхода къ морю.

Кто-то съ отчаяннымъ шумомъ ворвался въ булочную. Миссъ Марта поспѣшила выйти изъ своей комнаты. Въ булочной ее ждало двое мужчинъ. Одного изъ нихъ, молодого человѣка съ трубкой въ зубахъ, она никогда въ жизни не видѣла. Другой былъ — художникъ.

Лицо его было багроваго цвѣта, шляпа съѣхала на бокъ, а волосы висѣли космами. При видѣ миссъ Марты онъ грозно сжалъ кулаки и бросился въ ея сторону.

Молодой человѣкъ всячески старался увести его, но художникъ продолжалъ кричать:

— Я не уйду... я не уйду до тѣхъ поръ, пока не скажу ей... пока не покажу ей!... ей!...

Онъ забарабанилъ кулаками по прилавку и надвинулся еще ближе на блѣдную какъ смерть миссъ Марту.

— Вы испортили мнѣ!... — оралъ онъ, — вы испортили мое!... мнѣ!...

И синіе глаза его метали испепеляющія молніи за стеклами очковъ.

— Я хочу сказать вамъ, что вы... старая, дранная, глупая кошка!... Вотъ!...

Миссъ Марта въ изнеможеніи прислонилась къ полкамъ съ хлѣбомъ и положила руку на свой шелковый, синій въ крапинку лифъ, на то мѣсто, гдѣ мучительно билось ея сердце. Молодой человѣкъ схватилъ своего товарища за воротъ и вытащилъ разъяреннаго художника на улицу.

Минуту спустя онъ вернулся одинъ.

— Я думаю, сударыня, что я долженъ разъяснить вамъ всю эту глупую исторію, — сказалъ онъ. — Вотъ, собственно говоря, изъ-за чего разгорѣлся этотъ сыръ-боръ. Это Блюмбергеръ, архитекторъ, и мы служимъ съ нимъ въ одной конторѣ. Вотъ уже три мѣсяца, какъ онъ усернѣйшимъ образомъ работаетъ надъ планомъ новой ратуши! Былъ объявленъ конкурсъ на премію. Вчера онъ закончилъ обведеніе чертежа тушью. Надо вамъ знать, что чертежникъ сначала вычерчиваетъ планъ карандашемъ, а потомъ уже обводитъ его тушью. Когда же работа готова, онъ стираетъ карандашъ крошками черствaго хлѣба. Блюмбергеръ все время покупалъ черствый хлѣбъ у васъ, вы это, сударыня, сами знаете. И вотъ теперь, благодаря вамъ, весь его чертежъ никуда не годится, все для него пропало, все...

И молодой человѣкъ ушелъ.

Миссъ Марта вернулась въ свою спальню, сняла шелковый, синій въ крапинку, лифъ и надѣла старую кофту изъ коричневой саржи, которую она обычно носила за работой. А затѣмъ, молча, взяла миску съ отваромъ сѣмянъ айвы, смѣшанныхъ съ бурой, и выплеснула за окно.

О-Генри.

(Переводъ съ англійскаго З—на).

НОВЫЕ КОРОБЕЙНИКИ.

(По Некрасову).

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и бархатъ, и парча...
Ждемъ залетнаго воробушка,
Пусть клюетъ онъ сгоряча...
Горностай и соболь съ бѣлкою
Отдаются ни по чемъ,
Дѣло стало за бездѣлкою —
Заманить васъ калачомъ...
Вся Россія разбазарена,
Продается все за грошъ, —
Но за то уважимъ барина,
Если будетъ торгъ хорошъ...
Есть музейныя картинушки
И другая дребедень,
У совѣтскаго дѣтинушки
Что ни день — базарный день...
Рыбы волжьи, вина горькія
Ужъ разложены въ кульки,
Люди вольные, заморскіе,
Приготовьте кошельки!...

У дѣдушки — у Ленина —
Настойка горькой корочки
И зернышки икорочки,
Живемъ мы сыто, маслено,
И это все напраслина
И выдумка злодѣйская
Да ложь бѣлогвардейская,
Что мрутъ у насъ рабочіе,
И прочее, и прочее...
Живя серпомъ и молотомъ,
За все мы платимъ золотомъ,
Никто тутъ не заботится,
Что значитъ безработица...

Туристъ-сударикъ,
Купи букварикъ,
Не все коврижки,
Нужны и книжки...
Кладемъ мы тропы
Для всей Европы, —
Вотъ-вотъ страницы
Для заграницы...

Туманомъ даль завѣсило,
Не скажутъ, хоть проси —
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

А межъ тѣмъ тяжкій стонъ перекатами
Буйный вѣтеръ далеко разнесъ—
И въ поляхъ съ «полосами несжатыми»
И въ лѣсахъ, гдѣ «морозъ-красный носъ»...
Выдь на Волгу... Еремушки, Провушки
Спятъ по прежнему, грезя сквозь сонъ,
По дворамъ не найти ни коровушки,
И тяжелый разносится стонъ:
«Холодно, странничекъ, холодно,
«Голодно, родименькій, голодно!...»
Крѣпокъ былъ парень, дороденъ былъ съ молоду,
Да угодилъ подъ арестъ, —
Умеръ, Касьяновна, умеръ онъ съ голоду,
Но не поставленъ и крестъ...
Пусть же мрутъ себѣ Еремушки,
Не смущайтесь, богачи,
Много есть еще въ котомушкѣ
Горностая и парчи...

Вадимъ.

ОЧЕНЬ ПРОСТО.

Гидальго. — Сегодня ночью, сеньорита, вы увидите меня подъ вашимъ балкономъ. Я приду съ гитарою и буду пѣть вамъ серенаду.

Сеньорита. — А я запущу въ васъ цвѣткомъ.

Гидальго. — Въ порывѣ страсти?

Сеньорита. — Нѣтъ, въ горшкѣ.

ИЗБИТАЯ ВЕЩЬ.

— Смотрѣла «Горе отъ ума» нѣкоего Грибоѣдова. Въ общемъ, ничего себѣ вещица, смотрится легко, но только можно ли такъ заимствовать? Вѣдь половина пьесы всѣмъ знакомыя остроты! Затѣмъ цитаты, цитаты, цитаты безъ конца!...

ПРОЗАИЧЕСКІЙ ВѢКЪ.

— Возьмите назадъ кольцо, которое вы мнѣ подарили. Я не могу выйти за васъ, потому что я люблю другого.

— Кто онъ?

— Вы хотите убить его? Ради Бо́га!...

— Зачѣмъ убить? Но, можетъ быть, онъ купитъ у меня это кольцо?

«ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ». *Рис. Г. Шильтяна.*

«На чужой сторонушкѣ и старушка — Божій даръ».

Смѣхъ у другихъ

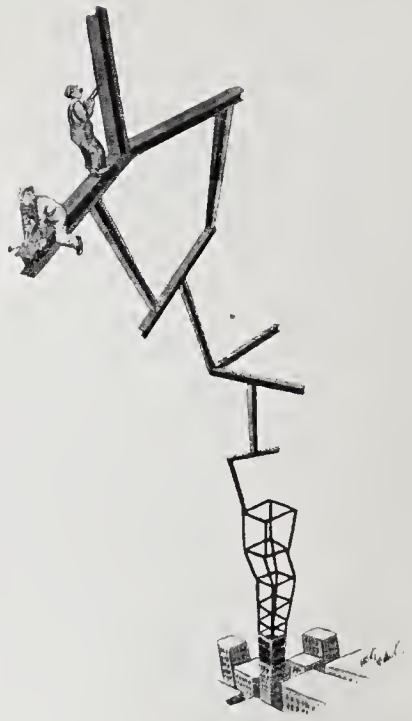
(ИНОСТРАННЫЙ ЮМОРЪ).

– Какъ пессимистъ представляетъ себѣ оптимиста.

«Противорѣчія классовыхъ интересовъ».

— Какъ оптимистъ представляетъ себѣ пессимиста... (*Uhu*).

«Человѣколюбіе».



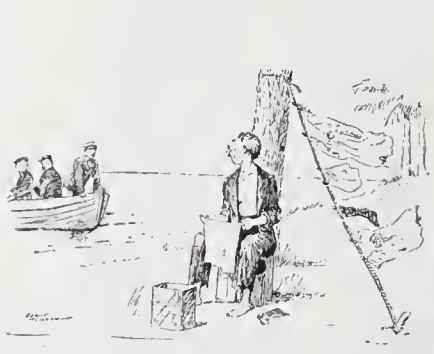
— Мнѣ кажется, Джо, что мы, какъ будто, ошиблись въ расчетѣ. (*Life*).

«Обманчивая наружность».

— Чѣмъ объяснить, Мари, что я на каждомъ шагу нахожу недокуренныя папиросы?

— У госпожи всегда такъ много работы для меня, что я никогда не имѣю времени докурить!... (*Punch*).

«Ясность мысли».



— Вамъ повезло, мы сразу замѣтили ваши сигналы бѣдствія!...

— Вы жестоко ошибаетесь, у меня просто день стирки!... (*Punch*).

Воскресный день въ лѣсу.

— Ради Бога, сударыня, не пугайте ее, она каждую минуту можетъ стать матерью!..

(*New-Yorker*).

Воскресный день въ городѣ.

— Недаромъ, чортъ возьми, мнѣ это такъ часто снилось!... (*Life*).

– Разъ они такъ упорно плодятся, то...

— ...Приходится здѣсь устраиваться!...

(*Uhu*).

ИСПАНСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

Когда я пришелъ въ русскую лавочку, хозяинъ ея, Гавриила Гавриловичъ, былъ въ радостномъ возбужденіи.

— Слышали? — спросилъ онъ меня.

— Что именно?

— Революція-то въ Испаніи, какъ по маслу прошла.

— А вамъ то что?

— Какъ что? Помилуйте! Прямой интересъ. Очень я безпокоился все время. А вдругъ, думаю, такъ и останется...

— Э, да вы революціонеръ, Гавриила Гавриловичъ!...

— Ну, какой тамъ революціонеръ. Просто насчетъ торговли безпокоился. Зато теперь пойдетъ!

— Да что пойдетъ-то, Гавриила Гавриловичъ?

— А будто вы не знаете? Высшій испанскій классъ теперь заграницу спасаться будетъ. Поди всѣ сюда въ Парижъ кинутся.

— Ну и что же?

— Вотъ сразу и видать, что вы не дѣловой человѣкъ, а литературой занимаетесь. Испанское отдѣленіе собираюсь при магазинѣ открывать! Поняли?..

— Испанское?

— Ну да, испанское! Для испанскаго эмигранта...

— Чѣмъ же вы торговать будете?

— Очень просто чѣмъ! Начнемъ, скажемъ, съ клюквы. Вѣдь потребуетъ-же киселя испанское дитя у своей мамаши. Потребуетъ! А у меня клюква уже готовая, пожалуйте, полная бочка.

— А вѣдь вы голова, Гавриила Гавриловичъ!

— Да ужъ будьте покойны! Наше коммерческое дѣло превзошелъ, во какъ! Опять же, скажемъ, выпить захочетъ испанскій эмигрантъ, чиновникъ бывшій, или губернаторъ. Тоску по родинѣ заглушить. Пожалуйте, водка первый сортъ. Колбаса варепая. Селедка. Широты. Выпивай, закусывай, вспоминай Севилью, или Барселопу. Вотъ теперь только служащаго пищу, который бы испанскій языкъ зналъ. Для успѣха дѣла необходимо. Сами посмотрите, какъ онъ, пріѣзжій, ко мнѣ въ лавочку потянется и на родную пищу кинется...

— Такъ, такъ, Гавриила Гавриловичъ, — сказалъ я, — все это очень хорошо, по съ чего-же вы взяли, что испанскій эмигрантъ будетъ русскую водку пить и селедкой закусывать?

— А чѣмъ-же ее закусывать? Водку-то? Миндалемъ жареным, что ли?

— Я не про то. Я вообще хочу сказать, что испанецъ водку нашу не пьетъ, что у него есть свой напитокъ...

— Вотъ оно исторія-то какая! — сконфузился Гавриила Гавриловичъ. Ну, хорошо! — ободрился онъ. — Водка, скажемъ, другая. А селедка-то? Я чего-то насчетъ испанской селедки не слыхалъ. Я такъ полагаю, что наша русская голландская сельдь по всему міру идетъ. Вотъ оно, исторія то какая! Ну, а клюква? Вѣдь не можетъ-же испанскій ребенокъ безъ киселя? Какъ вы думаете?

— Да что-жъ, Гавриила Гавриловичъ, если по правдѣ сказать, такъ вѣдь испанецъ про клюкву пожалуй ничего и не слышалъ...

— Это выходитъ, усмѣхнулся Гавриила Гавриловичъ, что у нихъ въ Испаніи и болота нѣтъ?

— Болото можетъ быть и найдется, но клюква по климату не выходитъ!

— Скажите пожалуйста! — сокрушенно вздохнулъ Гавриила Гавриловичъ. Вѣдь вотъ что значитъ, поторопился. Ну, да все равно, отдѣленіе я открою. Къ испанской церкви съ переводчикомъ пойду и у богомольцевъ насчетъ ихней пищи попытаю. Что вы думаете?

— Попробуйте! — сказалъ я. — Между прочимъ, одинъ испанскій продуктъ я у васъ уже вижу.

— Это какой-же? Крупа гречневая, что-ли?

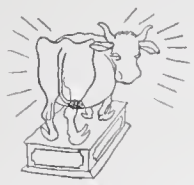
— Чеснокъ, Гавриила Гавриловичъ.

— Вотъ и хорошо! — обрадовался онъ, начнемъ съ чесноку, а тамъ постепенно обзаведемся. А вѣдь любопытно будетъ узнать, какую они водку пьютъ и какой соленой рыбкой закусываютъ. И насчетъ киселя тоже. Изъ какой они его клюквы варятъ? Очень любопытно. А вамъ чего прикажете? Какъ всегда — чайной полчетверти?

— Да ужъ не болѣе того, мы не испанцы, съ насъ и полчетверти хватитъ.

— Пожалуйте, вотъ вашъ пакетикъ... А какъ что насчетъ вкусовъ ихнихъ услышите, ради Бога, немедленно дайте знать. Все таки, хочется дѣло на надлежащую высоту поставить!...

Вигъ.



Золотой теленокъ

Романъ изъ совѣтской жизни
Ильи Ильфа и Евгенія Петрова.

(Продолженіе).

Содержаніе предыдущихъ главъ:

«Тридцать сыновей и дочерей лейтенанта Шмидта» спекулируютъ на легковѣріи совѣтскихъ губернаторовъ, предсѣдателей исполкомовъ и проч.

Для наибольшаго успѣха вся сов. республика раздѣлена на индивидуальные районы дѣйствій, и между «дѣтьми» заключена конвенція...

Однако, нѣтъ еще такой конвенціи, которая не нарушалась-бы.

— У меня всегда такъ, — сказалъ Бендеръ, блестя глазами, — милліонное дѣло приходится начинать при ощущительной нехваткѣ денежныхъ знаковъ. Весь мой капиталъ, основной, оборотный и запасный, исчисляется пятью рублями... Какъ, вы сказали, фамилія подпольнаго милліонера?

— Корейко, — отвѣтилъ Балагановъ.

— Да, да, Корейко. Прекрасная фамилія. И вы утверждаете, что никто не знаетъ о его милліонахъ?

— Никто, кромѣ меня и Пружанскаго. Но Пружанскій, вѣдь я вамъ уже говорилъ, будетъ сидѣть въ тюрьмѣ еще года три. Еслибъ вы только видѣли, какъ онъ убивался и плакалъ, когда я выходилъ на волю. Онъ, видно, чувствовалъ, что мнѣ не надо было разсказывать про Корейко.

— То, что онъ открылъ свою тайну вамъ, это чепуха. Не изъ-за этого онъ убивался и плакалъ. Онъ, вѣроятно, предчувствовалъ, что вы разскажете все дѣло мнѣ. А это, дѣйствительно бѣдному Пружанскому прямой убытокъ. Къ тому времени, когда Пружанскій выйдетъ изъ тюрьмы, Корейко будетъ находить утѣшеніе только въ поплой пословицѣ: «Бѣдность не порокъ».

Остапъ скинулъ свою лѣтнюю фуражку и, помахавъ ею въ воздухѣ, спросилъ:

— Есть у меня сѣдые волосы?

Балагановъ подобралъ животъ, раздвинулъ носки на ширину ружейнаго приклада и голосомъ правофланговаго отвѣтилъ:

— Никакъ нѣтъ!

— Значитъ, будутъ. Намъ предстоятъ великіе бои. Вы тоже посѣдѣете, Балагановъ.

Балагановъ вдругъ глуповато хихикнулъ:

— Какъ вы говорите? Самъ принесетъ деньги на блюдечкѣ съ голубой каемкой?

— Мнѣ на блюдечкѣ, — сказалъ Остапъ, — а вамъ на тарелочкѣ.

— А какъ же Ріо-де-Жанейро? Я тоже хочу въ бѣлыхъ штанахъ.

— Ріо-де-Жанейро, — это хрупкая мечта моего дѣтства, — строго отвѣтилъ великій комбинаторъ, — не касайтесь ея своими лапами. Ближе къ дѣлу. Выслать линейныхъ въ мое распоряженіе. Частямъ прибыть въ городъ Черноморскъ въ наикратчайшій срокъ. Форма одежды караульная. Ну, трубите маршъ! Командовать парадомъ буду я!

Глава третья.

БЕНЗИНЪ ВАШЪ — ИДЕИ НАШИ.

За годъ до того, какъ Паниковскій нарушилъ конвенцію, проникнувъ въ чужой эксплоатаціонный участокъ, въ городѣ Арбатовѣ появился первый автомобиль. Основоположникомъ автомобильнаго дѣла былъ шоферъ, по фамиліи Козлевичъ.

Къ рулевому колесу его привело рѣшеніе начать новую жизнь. Старая жизнь Адама Козлевича была грѣховна. Онъ безпрестанно нарушалъ уголовный кодексъ РСФСР, а именно статью 162-ю, трактующую вопросы тайнаго похищенія чужого имущества (кража).

Проспдѣвъ въ общей сложности года три, Адамъ Козлевичъ пришелъ къ той мысли, что гораздо удобнѣе заниматься открытымъ накопленіемъ своей собственности, чѣмъ тайнымъ похищеніемъ чужой. Эта мысль внесла успокоеніе въ его мятежную душу. Онъ сталъ примѣрнымъ заключеннымъ, писалъ разоблачительные

стихи въ тюремной газетѣ «Солнце всходитъ и заходитъ» и усердно работалъ въ механической мастерской исправдома. Пенитенціарная система оказала на него благотворное вліяніе. Козлевичъ, Адамъ Казимировичъ, 46 лѣтъ, происходящій изъ крестьянъ б. Ченстоховскаго уѣзда, холостой, неоднократно судившійся, вышелъ изъ тюрьмы честнымъ человѣкомъ.

Послѣ двухъ лѣтъ работы въ одномъ изъ московскихъ гаражей, онъ купилъ по случаю такой старый автомобиль, что появленіе его на рынкѣ можно было объяснить только ликвидаціей автомобильнаго музея. Рѣдкій экспонатъ былъ проданъ Козлевичу за сто девяносто рублей. Автомобиль почему-то продавался вмѣстѣ съ искусственной пальмой въ зеленой кадкѣ. Пришлось купить и пальму. Пальма была еще туда-сюда, но съ машиной пришлось долго возиться: выискивать на базарахъ недостающія части, латать сидѣнье, заново ставить электрохозяйство. Ремонтъ былъ увѣнчанъ окраской машины въ ящеричный зеленый цвѣтъ. Порода машины была неизвѣстна, но Адамъ Казимировичъ утверждалъ, что это «Лоренъ-Дитрихъ». Въ видѣ доказательства онъ приколотилъ къ радіатору автомобиля мѣдную бляшку съ лорендитриховской фабричной маркой. Оставалось приступить къ частному прокату, о которомъ Козлевичъ давно мечталъ.

Въ тотъ день, когда Адамъ Казимировичъ собрался впервые вывезти свое дѣтище въ свѣтъ, на автомобильную биржу, произошло печальное для всѣхъ частныхъ шоффероръ событіе. Въ Москву прибыли сто двадцать маленькихъ черныхъ, похожихъ на браунинги, таксомоторовъ «Рено». Козлевичъ даже и не пытался съ ними конкурировать. Пальму онъ сдалъ на храненіе въ извозчичью чайную «Версаль» и выѣхалъ на работу въ провинцію.

Арбатовъ, лишенный автомобильнаго хозяйства, понравился шоферу и онъ рѣшилъ остаться въ немъ навсегда.

Адаму Казимировичу представлялось, какъ трудолюбиво, весело и главное, честно онъ будетъ работать на нивѣ автопроката.

Работа есть на весь день, всѣ рады воспользоваться услугами механическаго экипажа. Козлевичъ и его вѣрный «Лоренъ-Дитрихъ» — непремѣнные участники всѣхъ городскихъ свадебъ, экскурсій и торжествъ. Но больше всего работы — лѣтомъ. По воскресеньямъ на машинѣ Козлевича выѣзжаютъ за городъ цѣлыя семьи. Раздается безсмысленный смѣхъ дѣтей, вѣтеръ дергаетъ шарфы и ленты, женщины весело лопочутъ, отцы семействъ съ уваженіемъ смотрятъ на кожаную спину шоффера и разспрашиваютъ его о томъ, какъ обстоитъ автомобильное дѣло въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ (вѣрно ли, въ частности, то, что Фордъ ежедневно покупаетъ себѣ новый автомобиль).

Такъ рисовалась Козлевичу его новая чудная жизнь въ Арбатовѣ. Но дѣйствительность въ кратчайшій срокъ развалила построенный воображеніемъ Адама Казимировича воздушный замокъ со всѣми его башенками, подъемными мостами, флюгерами и штандартомъ.

Въ первый же вечеръ, озаренный неяркими керосиновыми фонарями, къ Адаму Казимировичу, который весь день безплодно простоялъ на Спасо-Кооперативной площади, подошли четверо мужчинъ. Долго и молчаливо они вглядывались въ автомобиль. Потомъ одинъ изъ нихъ, горбунъ, неувѣренно спросилъ:

...Автомобиль почему-то продавался вмѣстѣ съ искусственной пальмой...

— Всѣмъ можно кататься?

— Всѣмъ, — отвѣтилъ Козлевичъ, удивляясь робости арбатовскихъ гражданъ. — Пять рублей въ часъ.

Мужчины зашептались. До шоффера донеслись страстные вздохи и слова: «Прокатимся, товарищи, послѣ засѣданія? А удобно ли? По рублю двадцати пяти на человѣка не дорого. Чего-жъ неудобнаго?...»

И впервые помѣстительная машина приняла въ свое коленкоровое лоно арбатовцевъ. Нѣсколько минутъ пассажиры молчали, подавленные быстротой передвиженія горячимъ запахомъ бензина и свистками вѣтра. Потомъ, томимые неяснымъ предчувствіемъ, они тихонько затянули: «Быстры какъ волны дни нашей жизни». Козлевичъ взялъ вторую скорость. Промелькнули мрачныя очертанія законсервированной продуктовой палатки, и машина выскочила въ поле, на лунный трактъ.

«Что день, то короче къ могилѣ нашъ путь», — томно выводили пассажиры. Имъ стало жалко самихъ себя, стало обидно, что они никогда не были студентами. Пришѣвъ они исполнили громкими голосами:

«Но рюмочкѣ, по маленькой, тирлимъ-бомъ-бомъ, тирлимъ-бомъ-бомъ».

— Стой! — закричалъ вдругъ горбунъ. — Давай назадъ. Душа горитъ.

Въ городѣ сѣдоки захватили много бѣлыхъ кегельныхъ бутылочекъ и какую-то широкоплечую гражданку. Въ полѣ разбили бивакъ, ужинали съ водкой, а потомъ безъ музыки танцовали польку-кокетку.

Истомленный почнымъ приключеніемъ, Козлевичъ весь день продремалъ у руля на своей стоянкѣ. А къ вечеру явилась вчерашняя компанія, уже навеселѣ, снова усѣлась въ машину и всю ночь носилась вокругъ города. На третій день повторилось то же самое. Ночные пиры веселой компаніи, подъ предводительствомъ горбуна, продолжались двѣ недѣли кряду. Радости автомобилизаціи оказали на кліентовъ Адама Казимировича странное вліяніе: лица у нихъ опухли и бѣлѣли въ темнотѣ, какъ подушки. Горбунъ съ кускомъ колбасы, свисавшимъ изо рта, походилъ на вурдалака.

Они стали суетливыми и въ разгарѣ веселья иногда плакали. Одинъ разъ бѣдовый горбунъ подвезъ на извозчикѣ къ автомобилю мѣшокъ риса. На разсвѣтѣ рисъ повезли въ деревню, обмѣняли тамъ на самогонъ-первачъ и въ этотъ день въ городъ уже не возвращались. Пили съ мужиками на брудершафтъ, сидя на скирдахъ. А почью зажгли костры и плакали особенно жалобно.

Въ послѣдовавшее затѣмъ сѣренькое утро желѣзнодорожный кооперативъ «Линеецъ», въ которомъ горбунъ былъ завѣдующимъ, а его веселые товарищи членами правленія и лавочной комиссіи, закрылся для переучета товаровъ. Каково же было горькое удивленіе ревизоровъ, когда они не обнаружили въ магазинѣ ни муки, ни перца, ни мыла хозяйственнаго, ни корытъ крестьянскихъ, ни текстиля, ни риса. Полки, прилавки, ящики и кадушки — все было оголено. Только посреди магазина, на полу стояли вытянувшіеся къ потолку гигантскіе охотничьи сапоги, сорокъ девятый номеръ, на желтой картонной подошвѣ, и смутно мерцала въ стеклянной будкѣ автоматическая касса «Націопаль», никелированный дамскій бюстъ, который былъ усѣянъ разноцвѣтными кнопками. А къ Козлевичу на квартиру прислали повѣстку отъ народнаго слѣдователя; шоферъ вызывался свидѣтелемъ по дѣлу кооператива «Линеецъ».

Горбунъ и его друзья больше не являлись и зеленая машина три дня простояла безъ дѣла.

Новые пассажиры, подобно первымъ, явились подъ покровомъ темноты. Они тоже начали съ невинной прогулки за городъ, но мысль о водкѣ возникла у нихъ, едва только машина сдѣлала первые полкилометра. Повидимому, арбатовцы не представляли себѣ, какъ это можно пользоваться автомобилемъ въ трезвомъ видѣ и считали авто-телѣгу Козлевича гнѣздомъ разврата, гдѣ обязательно нужно вести себя разухабисто, издавать непотребные крики и вообще прожигать жизнь.

Только тутъ Козлевичъ понялъ, почему мужчины, проходившіе днемъ мимо его стоянки, подмигивали другъ другу и нехорошо улыбались.

Все шло совсѣмъ не такъ, какъ предполагалъ Адамъ Казимировичъ. Но почамъ опъ носился съ зажженными фонарями мимо окрестныхъ рощъ, слыша позади себя пьяную возню и вопли пассажировъ, а днемъ, одурѣвъ отъ безсонницы, сидѣлъ у слѣдователей и давалъ свидѣтельскія показанія. Арбатовцы прожигали свои жизни почему-то на деньги, принадлежавшія государству, обществу и кооперацiи. И Козлевичъ противъ своей воли снова погрузился въ пучину уголовнаго кодекса, въ міръ главы третьей, назидательно говорящей о должностныхъ преступленіяхъ.

Начались судебные процессы. И въ каждомъ изъ нихъ главнымъ свидѣтелемъ обвиненія выступалъ Адамъ Казимировичъ. Его правдивые разсказы сбивали подсудимыхъ съ ногъ, и они, задыхаясь, въ слезахъ и воплях, признавались во всемъ. Онъ погубилъ множество учрежденій. Послѣдней его жертвой пало филіальное отдѣленіе областной книгоорганиз-

заціи, снимавшее въ Арбатовѣ историческую фильму «Стенька Разинъ и княжна». Весь фиціалъ упрятали на шесть лѣтъ, а фильма, представлявшая узко-судебный интересъ, была передана въ музей вещественныхъ доказательствъ, гдѣ уже находились охотничьи ботфорты изъ кооператива «Линеецъ».

Послѣ этого наступилъ крахъ. Зеленаго автомобиля стали бояться, какъ чумы. Граждане далеко обходили Спасо-Кооперативную площадь, на которой Козлевичъ водрузилъ полосатый столбъ съ табличкой: «Биржа автомобилей». Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Адамъ не заработалъ ни копейки и жилъ на сбереженія, сдѣланныя имъ за время ночныхъ поѣздокъ.

Тогда онъ пошелъ на жертвы. На дверцѣ автомобиля онъ вывелъ бѣлую и на его взглядъ весьма заманчивую надпись «Эхъ, прокачу», и снизилъ цѣну съ пяти рублей въ часъ до трехъ. Но граждане и тутъ не перемѣнили тактики. Шоферъ медленно колесилъ по городу, подъѣзжалъ къ учрежденіямъ и кричалъ въ окна:

— Воздухъ-то какой. Прокатимся, что-ли?

Должностныя лица высовывались на улицу и, подъ грохотъ ундервудовъ, отвѣчали:

— Самъ катайся. Душегубъ.

— Почему же душегубъ? — чуть не плача спрашивалъ Козлевичъ.

— Душегубъ и есть, — отвѣчали служащіе — подъ выѣздную сессію подведешь.

— А вы бы на свои катались! — запальчиво кричалъ шоферъ. — На собственныя деньги.

При этихъ словахъ должностныя лица юмористически переглядывались и запирали окна. Катанье въ машинѣ на свои деньги казалось имъ просто глупымъ.

Владѣлецъ «Эхъ, прокачу» разссорился со всѣмъ городомъ. Онъ уже ни съ кѣмъ не раскланивался, сталъ нервнымъ и злымъ.

Сбереженія подходили къ концу. Надо было принять какое-то рѣшеніе. Дальше такъ продолжаться не могло.

Въ такомъ воспаленномъ состояніи Адамъ Казимировичъ сидѣлъ однажды въ своей машинѣ, съ отвращеніемъ глядя на глупый полосатый столбикъ «Биржа автомобилей». Онъ смутно понималъ, что честная жизнь не удалась, что автомобильный мессія прибылъ раньше срока и граждане не повѣрили въ него. Козлевичъ былъ

...По ночамъ онъ носился съ зажженными фонарями, слыша позади себя пьяную возню и вопли пассажировъ...

такъ погруженъ въ свои печальныя размышленія, что даже не замѣтилъ двухъ молодыхъ людей, уже довольно долго любовавшихся его машиной.

Оригинальная конструкція, — сказалъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ, — заря автомобилизма. Видите, Балагановъ, что можно сдѣлать изъ простой швейной машины Зингера? Небольшое приспособленіе — и получилась прелестная колхозная сноповязалка.

— Отойди, — угрюмо сказалъ Козлевичъ.

— То-есть, какъ это «отойди»? Зачѣмъ же вы поставили на своей молотилкѣ рекламное клеймо «Эхъ, прокачу». Можетъ быть, мы съ пріятелемъ желаемъ совершить дѣловую поѣздку? Можетъ быть, мы желаемъ именно эхъ-прокатиться?

Въ первый разъ за арбатовскій періодъ жизни на лицѣ мученика автомобильнаго дѣла появилась улыбка. Онъ выскочилъ изъ машины и проворно завелъ тяжело застучавшій моторъ.

— Пожалуйте, — сказалъ онъ, — куда везти?

— На этотъ разъ никуда, — замѣтилъ Балагановъ, — денегъ нѣту. Ничего не подѣлаешь, товарищъ механикъ, бѣдность.

— Все равно, садись! — закричалъ Козлевичъ отчаянно. — Повезу даромъ. Пить не будете? Голые танцовать не будете, при лунѣ? Эхъ! Прокачу!

— Ну, что-жъ, воспользуемся гостепріимствомъ, — сказалъ Остапъ, усѣвшись рядомъ съ шофферомъ. — У васъ, я вижу, хорошій характеръ. Но почему вы думаете, что мы способны танцовать въ голомъ видѣ?

— Тутъ всѣ такіе, — отвѣтилъ шоферъ, выводя машину на главную улицу, государственные преступники.

И шоферъ разсказалъ новымъ пассажирамъ всю исторію паденія города Арбатова, подъ развалинами котораго барахтается сейчасъ его зеленый автомобиль.

— Куда теперь ѣхать? — съ тоской закончилъ Козлевичъ. — Куда податься?

Остапъ помедлилъ, значительно посмотрѣлъ на своего рыжаго компаньона и сказалъ:

— Всѣ ваши бѣды происходятъ оттого, что вы правдоискатель. Вы, просто, угнетенный, неудавшійся баптистъ. Печально наблюдать въ средѣ шоферовъ такія унадочническія настроенія. У васъ есть автомобиль — и вы не знаете, куда ѣхать. У насъ дѣла похуже — у насъ автомобиля нѣтъ. И все-таки мы знаемъ, куда ѣхать. Хотите, поѣдемъ вмѣстѣ?

— Куда? — спросилъ шоферъ.

— Въ Черноморскъ, — сказалъ Остапъ. У насъ тамъ небольшое интимное дѣло. И вамъ работа найдется. Въ Черноморскѣ цѣнятъ предметы старины и охотно на нихъ катаются. Поѣдемъ?

Сперва Адамъ Казимировичъ только улыбался, словно вдова, которой ничего уже въ жизни не мило. Но Бендеръ не жалѣлъ краски. Онъ развернулъ передъ смущеннымъ шофферомъ удивительныя дали и тутъ же раскрасилъ ихъ въ голубой и розовый цвѣта.

— А въ Арбатовѣ вамъ терять нечего, кромѣ запасныхъ цѣпей. По дорогѣ голодать не будете. Это я беру на себя. Бензинъ вашъ — идеи наши.

Козлевичъ остановилъ машину, и все

...Съ площади по направленію къ шоссе бѣжалъ человѣкъ съ бѣлымъ гусемъ подъ мышкой...

еще ухмыляясь, хмуро сказалъ: Бензину мало.

— На пятьдесятъ километровъ хватитъ?

— Хватитъ на восемьдесятъ.

— Въ такомъ случаѣ все въ порядкѣ. Я вамъ уже сообщалъ, что въ идеяхъ и мысляхъ у меня недостатка нѣтъ. Ровно черезъ шестьдесятъ километровъ васъ прямо на дорогѣ будетъ поджидать большая желѣзная бочка съ авіаціоннымъ бензиномъ. Вамъ нравится авіаціонный бензинъ?

— Нравится, — застѣнчиво отвѣтилъ Козлевичъ.

Жизнь вдругъ показалась ему легкой и веселой. Ему захотѣлось ѣхать въ Черноморскъ немедленно.

— И эту бочку, — закончилъ Остапъ, — вы получите совершенно безплатно. Скажу болѣе. Васъ будутъ просить, чтобы вы приняли этотъ бензинъ.

— Какой бензинъ? — шепнулъ Балагановъ. — Что вы плетете?

Остапъ важно посмотрѣлъ на оранжевыя веснушки, разсѣянныя по лицу молочнаго брата, и такъ же тихо отвѣтилъ:

— Людей, которые не читаютъ газетъ, надо морально убивать на мѣстѣ. Вамъ я оставляю жизнь только потому, что надѣюсь васъ перевоспитать.

Остапъ не разъяснилъ, какая связь существуетъ между чтеніемъ газетъ и большой бочкой съ бензиномъ, которая якобы лежитъ на дорогѣ.

— Объявляю, большой скоростной пробѣга назначаю себя. Водителемъ машины зачисляется... какъ ваша фамилія?

Адамъ Козлевичъ. Гражданинъ Балагановъ утверждается бортъ-механикомъ съ возложеніемъ на такового обязанностей прислуги за все. Только вотъ что, Козлевичъ, надпись «Эхъ, прокачу», надо немедленно закрасить. Намъ не нужны особыя примѣты.

Черезъ два часа машина со свѣжимъ темно-зеленымъ пятномъ на боку медленно выкатилась изъ гаража и въ послѣдній разъ покатила по улицамъ города Арбатова. Надежда свѣтилась въ глазахъ Козлевича. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Балагановъ. Онъ хлопотливо протиралъ тряпочкой мѣдныя части, ревностно выполняя новыя для него обязанности бортъ-меха-

нка. Командоръ пробѣга развалился на рыжемъ сидѣньи, съ удовлетвореніемъ поглядывая на своихъ новыхъ подчиненныхъ.

— Адамъ! — закричалъ онъ, покрывая скрежетъ мотора. — Какъ зовутъ вашу телѣжку?

— Лоренъ-Дитрихъ, — отвѣтилъ Козлевичъ.

— Ну, что это за названіе? Машина, какъ военный корабль, должна имѣть собственное имя. Вашъ Лоренъ-Дитрихъ отличается замѣчательной скоростью и благородной красотой линій. Посему предлагаю присвоить машинѣ названіе — Антилона-Гну. Кто противъ? Единогласно.

Зеленая Антилона, скрипя всѣми своими частями, промчалась по внѣшнему проѣзду Бульвара Молодыхъ Дарованій и вылетѣла на рыночную площадь.

Тамъ взору экипажа Антилоны представилась бытовая картина. Съ площади, по направленію къ шоссе, согнувшись бѣжалъ человѣкъ съ бѣлымъ гусемъ подъ мышкой. Лѣвой рукой онъ придерживалъ на головѣ твердую соломенную шляпу. За нимъ съ криками бѣжала большая толпа. Убѣгавшій часто оглядывался назадъ и на его благообразномъ актерскомъ лицѣ можно было разглядѣть выраженіе ужаса.

— Паниковскій бѣжитъ! — закричалъ Балагановъ.

— Вторая стадія кражи гуся, — холодно замѣтилъ Остапъ. — Третья стадія начнется послѣ поимки виновнаго. Онъ сопровождается чувствительными побоями.

О приближеніи третьей стадіи Паниковскій, вѣроятно, догадывался, потому что бѣжалъ во всю прыть. Отъ страха онъ не выпускалъ гуся, и это вызывало въ преслѣдователяхъ сильное раздраженіе.

— 116-я статья наизусть, — сказалъ Козлевичъ. — Тайное, а равно открытое похищеніе крупнаго скота у трудового земледѣльческаго и скотоводческаго населенія.

Балагановъ захохоталъ. Его тѣшила мысль, что нарушитель конвенціи получитъ законное возмездіе.

Машина выбралась на шоссе, прорѣзавъ галдящую толпу.

— Спасите! — закричалъ Паниковскій, когда Антилопа съ нимъ поровнялась.

— Богъ подастъ, — отвѣтилъ Балагановъ, свѣшиваясь за бортъ.

Машина обдала Паниковскаго клубами малиновой пыли.

— Возьмите меня, — вопилъ Паниковскій изъ послѣднихъ силъ, держась рядомъ съ машиной. — Я хорошій.

Голоса преслѣдователей сливались въ общій недоброжелательный гулъ.

— Можетъ возьмемъ гада? — спросилъ Остапъ.

— Не надо, — жестоко отвѣтилъ Балагановъ, — пусть въ другой разъ знаетъ, какъ нарушать конвенціи.

Но Остапъ уже принялъ рѣшеніе.

— Брось птицу! — закричалъ онъ Паниковскому и, обращаясь къ шоферу, добавилъ: — малый ходъ.

Паниковскій немедленно повиновался. Гусь недовольно поднялся съ земли, почесался и, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ обратно въ городъ.

— Влѣзайте, — предложилъ Остапъ, — чортъ съ вами! Но больше не грѣшите, а то вырву руки съ корнемъ.

Паниковскій, перебирая ногами, ухватился за кузовъ, потомъ налегъ на бортъ животомъ, перевалился въ машину, какъ купающійся въ лодку, и, стуча манжетами, упалъ на дно.

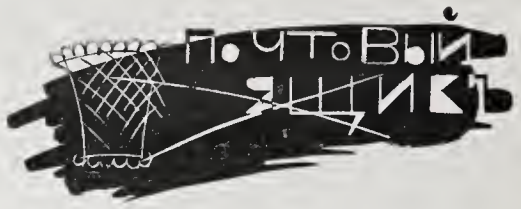
— Полный ходъ, — скомандовалъ Остапъ. — Засѣданіе продолжается.

Балагановъ надавилъ резиновую грушу и изъ мѣднаго рожка вырвались старомодные, веселые, внезапно обрывающіеся звуки:

Матчишъ прелестный танецъ. Та-рата... Матчишъ прелестный танецъ. Та-рата...

И Антилопа-Гну вырвалась въ дикое поле, навстрѣчу бочкѣ съ авіаціоннымъ бензиномъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)



Марусѣ Б. Брюссель.

Вы пишете, что посылаете намъ свои лучшія «вещества» и еще вдобавокъ просите прислать вамъ гонораръ.

Отвѣтъ: перваго не взяли, второго не дадимъ.

Такимъ образомъ, никакого обмѣна веществъ не будетъ.

Олегу и Танѣ.

Спасибо за привѣтъ, дорогія дѣти, и за поддержку!

Смѣемъ васъ завѣрить, что, если вмѣсто того, чтобы ходить во французскій лицей, вы будете учить наизусть русскій Сатириконъ, то изъ васъ дѣйствительно вырастутъ полезные граждане — отечеству на пользу, родителямъ на утѣшеніе.

Леониду — ву. Провинція.

Пришлите «Эмигрантскія параллели», напр., кн. Курбскій и, скажемъ, В. Л. Бурцевъ; Василій Шибановъ и Казимъ-Бекъ; вообще, вы-же молодой и способный, въ чемъ-же дѣло?!

Добрынину. Чехословакія.

Кое-чѣмъ воспользуемся.

Лялѣ Парижъ.

Самая очаровательная женщина въ мірѣ не имѣетъ права называться Лялей, если ей больше десяти - двѣнадцати лѣтъ...

А вѣдь вамъ, вы сами пишете, тридцать два... Какая-жъ вы послѣ этого Ляля?!

А. К — ву. Берлинъ.

Ваша рукопись принята. Посылайте еще.

Редакторъ-Издатель: **М. Г. Корнфельдъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОДЪ

на большой еженедѣльный литературно-художественный журналъ сатиры и юмора

Сатирикон'

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи	Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ странахъ, вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза		160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почт. Союза		177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**

Téléphone: GUTENBERG 05-40

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tel. Barbarossa 4881. Postscheckkonto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГОЛЛАНДІЯ.	Роттердамъ. — Van Ditmar, Post Box 262, Rotterdam.
ГРЕЦІЯ.	Афины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 31, Kongens Nitorv, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 50 п.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko,* Khiabané Post Hané Koutcha Beha es Saltaneh N°4. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovie.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré.
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York. Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors. Выборгъ. — *Ivaukov,* Linnankatu, 8. Wiiborg. Келломяки. — *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russuuiou* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel.
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobou,* Goldschmiedstrasse, Reval. Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 70 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre,* Ul. Kn. Mihailova br. 27.

Зубоврачебн. кабинетъ **М. Когенъ**
D. F. M. P.
8, Rue Duban (16). Pl. Passy. Auteil 95-14
Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6.
Остальные дни 10-8 час. веч.

Русскій Гастроном. Магазинъ
въ **Levallois-Perret**
77, rue Chevalier. Tél. Per. 22-56
ВСѢ РУССКІЕ ПРОДУКТЫ
Закуски дом. приготовленія
Посылки въ Россію

Аптека
Всѣ патентованныя средства
Всѣ анализы
38, av. Félix-Faure,
Tél. Vaugir. 44-15

Общество взаимнаго Кредита "СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). Tél. Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрышн. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер.

Денежные переводы и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9

БОЛѢЮТЪ

и теряютъ трудоспособность часто тѣ, у кого кровь засорена ядами нарушеннаго обмѣна (мочевой кислотой, уратами и пр.). Эти яды быстро растворяются и удаляются изъ организма извѣстнымъ очистителемъ «КАЛЕФЛЮИДОМЪ Д. КАЛЕНИЧЕНКО», который одновременно насыщаетъ организмъ лечебно-энергіетворными гормонами и жизнетворными витаминами, возстанавливающими здоровье, силы и трудоспособность и бывшій больной опять пользуется всѣми радостями молодого и здороваго человѣка.

« KALEFLUID », 49, rue Balagny, Bureau 18. Paris (17e)
БЕЗПЛАТНО требуйте литературу, какъ сохранить здоровье.

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ

„НАША РѢЧЬ"

издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.

Редакторъ-Издатель: С. М. ГАЗІЕВЪ.

Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse.* Въ Парижѣ — въ « *Publicité Metzl* », *Rue de Turbigo,* 51, *Paris VIII*e и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ «Нашей Рѣчи» С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier,* 7, *Paris IX*e.

Много самыхъ разнообразныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній, совѣтовъ и указаній по правовымъ, юридич., администр.-полиц., налоговымъ и пр. вопросамъ во Франціи.

Жизнь обществ. организацій, торгово-пром. предпріятія, медиц. свѣдѣнія, курорты, всякія полезныя справки и адреса

Все въ Русскомъ Алманахѣ

1931 г. Продается вездѣ. Цѣна 10 фр. Высыл. нал. плат. по первому требованію. Скл. изд. SARATCHI, 13, rue Pinet, Paris (15e). Tél. Invalides 10-11.

IMPRIMERIE COOPÉRATIVE ÉTOILE
17, rue de la Comète
Téléphone: Invalides 11-50
PARIS (7)
R. C. S. 227.770
Métro: La Tour-Maubourg

TOUS GENRES DE TRAVAUX
EN TOUTES LES LANGUES

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ТИПОГРАФСКІЯ РАБОТЫ
НА ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ

Tout dernier confort — Ascenseur — Chauffage Central
Chambres avec bains — Eau chaude et froide
PENSION - HOTEL de la PORTE DE VERSAILLES
15, rue de la Grotte - PARIS (15e)
(Angle du Boulevard Lefebvre — Près la Foire de Paris)
Tel. : *Vaugirard* 10-77. Télégr.: *Hotelef 5 Paris*
Nord-Sud: Porte de Versailles — Aut.: A. G. Bourse
Tram.: 89 Hôtel de Ville

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), téléph. Inval. 11-50 Le Gérant,: *N. Kornfeld.*

«СИРЕНЬ».

Рис. А. Гросса.

Хорошо, что весна
Не бываетъ бѣдняцкой.
Хорошо, что весна
Не бываетъ батрацкой.

Хорошо, что весна
Никакой не бываетъ.
Но, зато, хорошо,
Что она наступаетъ!...

PRIX EN FRANCE : Frs 3. — 30 MAI 1931 30 МАЯ 1931 ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

САТИРИКОНЪ

SATYRICON

1931 еженедѣльное изданіе № 9

Hebdomadaire Russe *Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)* *Directeur M. Kornfeld*

"LE PLAN QUINQUENNAL"... *Рис. А. Шараго.*

— Россія можетъ исчезнуть, но пятилѣтка должна быть выполнена на всѣ сто процентовъ!...

МАЙ — ІЮНЬ.

Приближается іюньская пора,
Начинается безуміе съ утра...
Все набухло, все разбухло, все цвѣтетъ,
Все живое поразительно растетъ!
И на почвѣ потрясенія основъ
Даже дѣти вырастаютъ изъ штановъ,
И нахально, подъ вліяніемъ весны,
Реагируютъ на новые штаны!...

Съ подоконника шестого этажа
Смотритъ ласковая кошка на чижа,
А изъ пятаго на кошку фокстэрьеръ
Направляетъ свой собачій глазомѣръ,
И у каждаго, по смыслу бытія,
Психологія имѣется своя....

Человѣческій, усталый организмъ
Ощущаетъ этотъ бурный пантеизмъ, —
Накопленіе, смятеніе, порывъ,
Набуханіе, стремленіе, разрывъ,
Пробужденіе, свѣтлѣніе, разсвѣтъ,
Одолѣніе, цвѣтеніе, расцвѣтъ!..

А въ природѣ — сумасшествіе и грѣхъ,
Всѣ влюбляются рѣшительно во всѣхъ!
Всѣ какъ будто помѣшались по веснѣ...
Муха бѣшено мечтаетъ о слонѣ,
И страдаетъ, и вздыхаетъ тяжело,
Какъ влюбленная въ патрона дактило!
А слоны ужъ убѣгаютъ отъ слонихъ,
И присяжные оправдываютъ ихъ...

Донъ-Аминадо.

ТАРАКАНЬИ БѢГА.

Грустный разсказъ.

1.

Наше бытіе можно сравнить съ утлымъ челномъ, брошеннымъ въ бурный океанъ жизни. Испытанный въ трудахъ капитанъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы доставить по назначенію довѣренный ему грузъ. Въ тихой гавани его ждетъ семейный очагъ, заботы вѣрной подруги, удобныя домашнія туфли съ вышитыми гарусомъ розами. Но часто бываетъ и такъ, что маленькій корабликъ бренной и неустроенной жизни носится по волнамъ, покинутый на волю вѣтровъ и теченій, и матросы не знаютъ, что ожидаетъ ихъ завтра: одиночкая смерть въ морской пучинѣ? Гитары и пальмы Гавайскихъ острововъ? Или скудный берегъ Гренландіи?

2.

Такой, напримѣръ, была жизнь И. И. Куролѣпова. Какъ жалкую щепку его бросало изъ стороны въ сторону въ житейскомъ океанѣ, и не суждено ему было увидѣть ни тихой семейной пристани, ни заботъ нѣжной подруги, ни туфель съ гарусными розами.

Его дѣтство началось, какъ и у всѣхъ, веселымъ смѣхомъ, любовью къ пирожнымъ съ кремомъ и къ экзотическимъ почтовымъ маркамъ. Но однажды случилась исторія, которая исковеркала всю его карьеру.

Со свистомъ разрѣзая классическій воздухъ, напоенный стихами Овидія, комочекъ жеванной бумаги, какъ тучный шмель, шлепнулся въ карту древней Греціи, гдѣ-то на розовомъ ахейскомъ полѣ Арголиды. Преподаватель французскаго языка мосье Жако захлопнулъ классный журналъ, и сказалъ: — Читайте молитву!

Куролѣповъ вышелъ впередъ и среди затихшаго класса съ непонятнымъ нахальствомъ прочелъ:

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда...

— Что? Что такое? — бросился къ нему мосье Жако, — что это значитъ? Это издѣвательство надъ religion. Вы дерзкій мальчишка! Читайтъ молитву!

Кто-то прыснулъ. Куролѣповъ упрямо, какъ баранъ, повторилъ:

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда...

Произошелъ скандалъ. Мосье Жако рвалъ и металъ

— Я не позволю, — кричалъ онъ, — я позову инспектора! Позвать сюда Михалъ Андреевичъ!

Пришелъ Михаилъ Андреичъ.

— Въ чемъ дѣло? Что здѣсь происходитъ?

— Ви сейчасъ увидите, — размахивалъ руками французъ, — Куролѣповъ, читайтъ молитву!

Куролѣповъ, красный какъ ракъ, сталъ истово креститься и монотоннымъ голосомъ зачиталъ положенную молитву.

— Нѣтъ, нѣтъ, птичку, пожалуста, птичку, — бросился къ нему мосье Жако...

Вечеромъ въ торжественной конференцъ-залѣ происходило засѣданіе педагогическаго совѣта. На синемъ директорскомъ вицъ-мундирѣ сіяла станиславская звѣзда. Со всѣхъ четырехъ стѣнъ смотрѣли съ портретовъ огромные императоры. За ихъ головами плыли благостныя облака и пороховые дымы сраженій. За стеклянной дверью класса виднѣлась гипсовая безглазая голова Софокла, страшная, какъ судьба. Директоръ сказалъ:

— Господа, въ стѣнахъ нашей гимназіи произошелъ прискорбный случай...

Куролѣповъ долго плакалъ, уткнувшись носомъ въ подушку. Потомъ началась новая жизнь, подготовка къ экзаменамъ на аптекарскаго ученика, всяческія мученія, и послѣ всѣхъ неудачъ, грошовая служба у мѣстнаго адвоката.

Почемъ знать? Если бы не глупая выходка съ «птичкой», гимназія съ грѣхомъ пополамъ научила-бы его плавать въ житейскомъ морѣ и приставать къ нужнымъ берегамъ. Но случилось такъ, что всю жизнь И. И. Куролѣповъ прозябалъ въ ничтожествѣ и бѣдности. И только случай съ тараканьими бѣгами сохранилъ это скромное имя для исторіи.

3.

Въ двадцатомъ году онъ вмѣстѣ съ другими бѣженцами очутился въ Константинополѣ. Въ тѣ дни столица падишаховъ представляла собою шумный міровой базаръ. На рейдѣ дымились корабли всѣхъ странъ міра. На улицахъ маршировали американцы, негры и украшенныя пѣтушиными перьями берсальеры. Открывались русскіе рестораны, и начинали свое путешествіе по вселенной родовые русскіе брилліанты. Нужно было жить, и въ этой борьбѣ за существованіе Куролѣпову пришла счастливая мысль возродить бѣга таракановъ, которые онъ нѣкогда устраивалъ съ товарищами по классу. Нашелся ловкій компаньонъ и необходимый «капиталъ» для оборудованія предпріятія. Былъ устроенъ большой плоскій ящикъ, раздѣленный стеклянными полосами на узкіе коридорчики, по которымъ должны были бѣгать будущіе скакуны. Снизу ящикъ подогрѣвался свѣчкой, и это непріятное обстоятельство побуждало таракановъ съ необычайнымъ рвеніемъ стремиться къ финишу.

Успѣхъ новаго предпріятія превзошелъ всѣ ожиданія. На новомъ тараканодромѣ происходило столпотвореніе вавилонское. Интернаціональный константинопольскій народъ захватила скаковая лихорадка.

— Ставлю на рыжаго!

— На чернаго! Ишь какъ усищами ворочаетъ! Фаворитъ!

— Пошли! Пошли!

Кругомъ толпились турки и русскіе въ кубанкахъ, солдаты оккупаціоннаго корпуса и американскіе матросы. Лиры лились золотой рѣкой. Шелестѣли шелковыя бумажки долларовъ и англійскихъ фунтовъ. Еще разъ на землѣ торжествовалъ русскій геній...

4.

Дѣло было поставлено на широкую ногу. Молодые подручные доставали въ турецкихъ булочныхъ отборныхъ, породистыхъ таракановъ. Новые питомцы проходили спеціальный курсъ обученія. Привычка брала свое: черезъ нѣсколько дней тараканы вели себя, какъ заправскіе скакуны Они входили во вкусъ азартнаго состязанія и подъ волнующіе крики зрителей и игроковъ, яростно шевеля усами, стремились къ заманчивой побѣдѣ.

— Черный на полъ головы впереди! Браво! Браво! Олъ райтъ! Са ва! — орали присутствующіе.

Фотографія фаворита была даже помѣщена въ одной изъ лондонскихъ газетъ. Но чрезмѣрная слава и погубила это замѣчательное учрежденіе. Такъ какъ значительное участіе въ тараканьихъ бѣгахъ принимали и чины союзныхъ армій, то бѣга приказано было закрыть. Самъ комендантъ, не то сэръ Генри, не то сэръ Пенри, грозно явился на мѣсто событій, но, будучи самъ по натурѣ азартнымъ игрокомъ, проигралъ 300 лиръ! Послѣ чего бѣга закрыли до слѣдующей міровой войны.

А ловкій компаньонъ исчезъ вмѣстѣ съ кассой.

Теперь Куролѣповъ служитъ ночнымъ сторожемъ при маленькомъ лѣсномъ складѣ. По ночамъ, обходя пахнущіе смолой штабели досокъ и бревенъ, онъ вспоминаетъ счастливыя времена и мечтаетъ о грандіозномъ тараканодромѣ въ Америкѣ, гдѣ люди умѣютъ цѣнить изобрѣтателей и таланты!...

Ант. Ладинскій.

ВѢРНОСТЬ ИДЕАЛАМЪ.

Рис. Шема.

— Смѣю Васъ предупредить, Ваше Превосходительство, что колбасу здѣсь зазорачиваютъ въ новую орфографію!....

РУССКІЙ ПЕЙЗАЖЪ.

Дождь. Изрытая насыпь. Мѣшки и ружья.
Семафора черный скелетъ.
Сочитъ фонарь въ дрожащія лужи
Ржавый, желѣзный свѣтъ.

Сунуть ребенку прокисшій ломоть,
Уставить тощую кладь.
Откуда?... Куда?... Не понять, не вспомнить...
На рельсахъ, скорчившись, ждать.

Земля велика и станцій много.
За каждой ширь полотна,
Костры, водокачка, тягость блока
Да чадъ гнилого пшена.

Брань, словно молитва, и дѣтскій лепетъ.
Сквозь дымъ разящій свистокъ...
И тотъ же вѣтеръ сварливо треплетъ
Рваный, старый платокъ.

Марія Харитонова.

НЕДОСТАТОКЪ ВООБРАЖЕНІЯ.

Въ дѣтскомъ саду учительница задаетъ своимъ маленькимъ ученицамъ урокъ — нарисовать, кѣмъ каждая изъ нихъ хотѣла бы быть, когда вырастетъ. Дѣти стали прилежно рисовать — кто гувернантку, кто маму, кто учительницу... Одна только дѣвочка, послѣ долгихъ попытокъ что-то начертить, отложила карандашъ и стала тихо плакать.

— Что съ тобой, дѣтка? — спрашиваетъ участливо учительница.

— Я... я... хочу, когда выросту, замужъ выйти, но не знаю, какъ это рисуется...

ПРИСУТСТВІЕ ДУХА.

Присутствіе духа — одна изъ величайшихъ добродѣтелей, друзья мои. Одна изъ величайшихъ и одна изъ самыхъ полезныхъ.

И вотъ примѣръ, который полезно запомнить.

Однажды въ переполненномъ театрѣ возникъ пожаръ. Поднялась безумная паника. Публика въ ужасѣ ринулась къ выходу.

Тогда одинъ господинъ, обладавшій этой величайшей добродѣтелью, присутствіемъ духа, вскочилъ на свое кресло и закричалъ, обращаясь къ охваченному животнымъ страхомъ человѣческому стаду:

— Господа! Нѣтъ ни малѣйшей опасности. Умоляю васъ, сядьте совершенно спокойно на ваши мѣста!...

Слово его, сказанное отъ души, произвело впечатлѣніе. Многіе успокоились, разыскали свои мѣста и опять усѣлись.

...Всѣ они сгорѣли.

ВЕРТЯЩІЙСЯ СТОЛИКЪ.

Редакція получила отъ секретаря «Общества ревнителей неизвѣданнаго» отчетъ о дальнѣйшихъ бесѣдахъ съ виднѣйшими дѣятелями нашего Зарубежья. Съ удовольствіемъ удѣляемъ мѣсто этому цѣнному матеріалу.

Однажды, когда за окномъ моросилъ мелкій дождикъ и была, по выраженію одного изъ присутствовавшихъ, «совсѣмъ морская погода», мы рѣшили вызвать душу г. Лукина, — капитана II ранга и извѣстнаго разсказчика приключеній на сушѣ и на морѣ.

Послѣ первыхъ магическихъ пассовъ, вдалекѣ раздался сначала слабый, затѣмъ все болѣе явственный крикъ:

— Плагіатъ!

— Не позволю!

— Письмо въ редакцію!

— и черезъ нѣсколько минутъ послышался взволнованный голосъ г. Лукина:

— Зналъ бы, ни за что не пришелъ бы! Вообразите, по дорогѣ сюда встрѣтился мнѣ въ эфирныхъ сферахъ какой-то стариканка, да какъ набросится на меня: «Вы, говоритъ, милый человѣкъ, ужъ черезчуръ подражаете мнѣ, прямо, говоритъ, безобразіе, право!» — Ну, я спрашиваю, съ кѣмъ имѣю честь, такъ сказать? — А онъ представляется — Станюковичъ! Я, разумѣется, объяснилъ ему, что главное — это раціональное воспитаніе потомства, основанное на правильномъ освѣщеніи морскихъ событій, а самолюбія авторскія вовсе не у мѣста, да и вызвали вѣдь не его, а меня... Насилу отдѣлался! А вѣдь у меня есть о чемъ поразсказать. Вотъ, напримѣръ, вспомнился мнѣ случай, жуткій трагическій эпизодъ изъ жизни нашего славнаго флота. Позвольте подѣлиться?

Мы, конечно, съ радостью согласились.

— Было это, — началъ г. Лукинъ, — подъ тропиками, у береговъ знойной Африки, въ послѣднюю кровопролитную войну. Солнце ударяло прямо въ вымпелъ и нашъ крейсеръ «Карась» стоялъ на дрейфѣ, тихо покачиваясь на быстро несущихся волнахъ.

Все спало. Не спалъ только молодой мичманъ Хрустикъ-Ковальскій. Онъ писалъ письмо невѣстѣ своей, голубоглазой блондинкѣ Олѣ.

— Милая, славная Олечка, писалъ онъ...

Какъ вдругъ внезапно мичманъ услышалъ громкую нѣмецкую рѣчь, съ отчетливымъ прусскимъ акцентомъ.

— Подводная лодка! — мгновенно понялъ онъ.

Прижавъ къ груди дорогое письмо, онъ выбѣжалъ на мостикъ.

Тамъ уже находился капитанъ I-го ранга, Штурмъ, въ полной парадной формѣ и четыре младшихъ офицера. Они задумчиво и печально смотрѣли въ дальнобойные бинокли на подводную лодку новѣйшаго германскаго типа, покачивающуюся на изумрудно-бирюзовыхъ волнахъ.

— Стрѣляйте! — вскрикнулъ мичманъ.

— Поздно! — грустно вздохнулъ капитанъ, оторвался отъ бинокля и съ отеческой лаской взглянулъ на Хрустика-Ковальскаго. Поздно! А жаль! Изъ васъ, мичманъ, вышелъ бы отличный боевой офицеръ!

— Нѣмцы мину выпустили! — лихо доложилъ сторожевой матросъ.

Дѣйствительно, по волнамъ приближалась со зловѣщимъ шипѣньемъ огромной силы мина.

— Измѣните галсъ, — воскликнулъ мичманъ, съ отчаянной мыслью о голубоглазой Олечкѣ.

Но капитанъ въ отвѣтъ только устало махнулъ рукой.

Между тѣмъ храбрые русскіе матросы дѣятельно готовились къ смерти.

— Прощай, братцы, — то тамъ, то сямъ раздавались бодрые возгласы.

— Эхъ, Рассея! — вздохнулъ боцманъ.

Вдругъ, будто внезапно, крейсеръ вздрогнулъ. Воздухъ огласился звукомъ страшнаго треска и судно начало быстро погружаться въ пучину.

Мичманъ Хрустикъ-Ковальскій, все еще прижимая къ груди завѣтное письмо, видѣлъ какъ на палубѣ подводной лодки, въ лучахъ уже склоняющагося къ горизонту солнца, выстраивались германскіе матросы, отдавая послѣдній долгъ гибнущему русскому кораблю.

— Басурманы, а вѣдь то же... жалѣютъ, поди! — пробасилъ тонувшій рядомъ съ мичманомъ рулевой Филюкъ.

— Прощайте, — хотѣлъ крикнуть мичманъ, но соленая волна захлестнула ему горло. Все смѣшалось.

Такъ погибъ одинъ изъ лучшихъ крейсеровъ русскаго флота».

Мы сидѣли, потрясенные. Кто-то изъ насъ хотѣлъ предложить разсказчику нѣсколько дополнительныхъ вопросовъ... Но г. Лукина душили рыданія...

Ата Троль.

КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

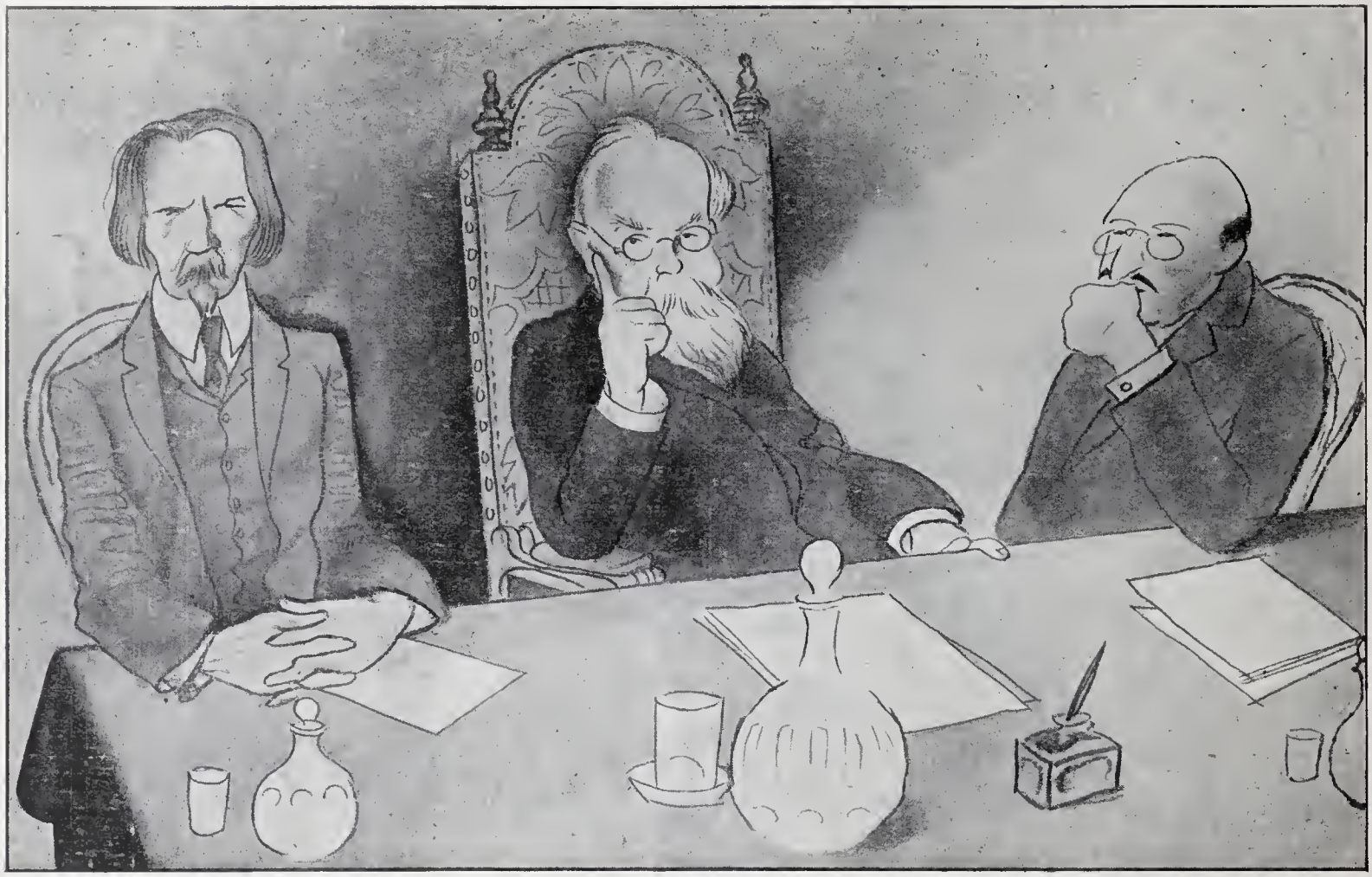
«НАРОДНЫЙ КОМИССАРЪ ТОРГОВЛИ».

Рис. А. Шараго.

ТОВАРИЩЪ МИКОЯНЪ
ИЛИ
«ПѢСНЯ БЕЗЪ СЛОВЪ».

«БЛЮДУЩІЕ ЧИСТОТУ РИЗЪ...»

Рис. С. Балавина.



— **Третейскій судъ въ эмиграціи.**

ПРИСКОРБНЫЙ СЛУЧАЙ.

Въ припадкѣ острой откровенности, доведенный до бѣшенства человѣкъ, назвалъ своего ближняго «скотиной». Основанія всѣ были на лицо. Ближній (назовемъ его алгебраически Иксомъ) былъ дѣйствительно такой скотъ, что это знали поголовно всѣ, — не только его родственники, но даже посторонніе люди, живущіе на другомъ концѣ города.

И только одинъ Иксъ объ этомъ своемъ основномъ качествѣ даже и не догадывался. Даромъ критическаго самопознанія, — таково ужъ свойство всѣхъ скотовъ на свѣтѣ, — онъ не обладалъ, а изъ окружающихъ никто ни разу въ жизни не рѣшился ему намекнуть, что онъ скотъ и ничего больше.

И вдругъ такой случай! Пусть съ глазу на глазъ, пусть по телефону, но вѣдь слово было произнесено. Какъ смыть пятно? Дуэлью или «письмомъ въ редакцію»? Но дуэль небезопасна: предупрежденная полиція можетъ опоздать, мало-ли у нея дѣла... А «письмо въ редакцію» могутъ и не напечатать, ибо откровенное выраженіе, вырвавшееся по адресу Икса, никакого общественнаго значенія не имѣло. Если-же и напечатаютъ, письмо неизбѣжно вызоветъ контръ-письмо, — чортъ знаетъ, что изъ всего этого выйдетъ...

Какъ смыть пятно?... И тогда Иксъ вспомнилъ о старинномъ патентованномъ пятно-выводчикѣ, который называется «третейскимъ судомъ». Вспомнилъ и заработалъ.

■

Обидчикъ (назовемъ его алгебраически Игрекомъ) получилъ отъ Ивана Ивановича, стараго партнера по бриджу, чрезвычайно оффиціальное посланіе:

«Милостивый Государь — и тому подобное!

Г. Иксъ оказалъ мнѣ честь, избравъ меня третейскимъ судьей по извѣстному Вамъ прискорбному дѣлу. Благоволите со своей стороны указать лицо — и тому подобное. Уклоненіе Ваше отъ третейскаго суда дастъ основаніе — и тому подобное. Примите, Милостивый Государь, увѣреніе — и тому подобное».

Даже никакого сердечнаго постскриптума не было: «Судъ, молъ, судомъ, а я сегодня черносмородинную водку изъ Риги получилъ. Приходите, дорогой. Жму руку — и тому подобное...»

Разумѣется, Игрекъ долженъ былъ-бы бросить письмо со всѣми увѣреніями за комодъ, — въ архивъ русской эмиграціи. Какой, къ чорту, третейскій судъ! Развѣ самъ Иванъ Ивановичъ, правда неоффиціально и, такъ сказать, «между нами», не называлъ сто сорокъ разъ Икса скотиной? Но святая глупость, вдохновительница многихъ далеко неглупыхъ людей, толкнула Игрека подъ ребро, и онъ сдуру соблаговолилъ и полѣзъ въ мышеловку.

Иванъ Ивановичъ и Петръ Петровичъ, — третейскій судья со стороны Игрека, — сидѣли за столомъ другъ противъ друга торжественно-непроницаемые, словно члены жюри по выбору королевы русской колоніи въ Нарвѣ. Еще торжественнѣе былъ избранный ими арбитръ, Семенъ Семеновичъ, вдумчиво разсматривавшій добытую зубочисткою изъ уха сѣру.

И вошелъ Иксъ. И вошелъ Игрекъ. У обиженнаго Икса было такое величаво-благородное выраженіе лица, что любой профессоръ психологіи сталъ-бы втупикъ: какъ можно такую благоухающую личность назвать скотиной? А обидчикъ былъ удивительно похожъ на облитаго огуречнымъ разсоломъ цыпленка... Въ житейскихъ дѣлахъ всегда почему-то бываетъ совѣстно не свиньѣ, а тому, кто на эту свинью сгоряча указалъ пальцемъ.

Игрека удалили въ другую комнату, и онъ оттуда, волнуясь и давясь слюной, могъ горестно въ теченіи двадцати минутъ прислушиваться къ негодующимъ раскатамъ голоса Икса. Словъ, къ счастью, разслышать не могъ. Да и не старался, потому что это было некорректно.

Потомъ позвали его и допрашивали отдѣльно. И онъ, къ ужасу своему, вдругъ понялъ, что никакихъ твердыхъ объясненій по поводу своего неакадемическаго выраженія онъ дать не можетъ. Ибо Иксъ принадлежалъ къ числу тѣхъ незарегистрированныхъ скотовъ, о которыхъ еще въ старой русской формулѣ сказано: «Не пойманъ, не воръ». Визитная карточка у него была чрезвычайно пышная и даже на банкетахъ нерѣдко случалось, что распорядители его сажали (хотя и съ глубокимъ отвращеніемъ) поближе къ центру. Поди-ка, поборись съ такимъ...

Какъ-то вдругъ такъ вышло, что шелъ Игрекъ, грубый неврастеникъ, по лѣсу, наступилъ каблукомъ на невинный ландышъ и выругался. Выходъ изъ мышеловки былъ одинъ: принести съ душевнымъ прискорбіемъ хрупкому цвѣтку свои глубочайшія извиненія и взять свой комплиментъ обратно...

■

До этого, впрочемъ, не дошло. На перекрестномъ допросѣ Игрекъ сорвался, и все полетѣло къ чорту... Обиженный ландышъ съ такой свободной граціей клеветалъ, вралъ и передергивалъ, словно въ лунную ночь на флейтѣ игралъ. Силы были ужъ слишкомъ неравны: у одного въ арсеналѣ пулеметъ, капканы и вымазанная грязью оглобля, — у другого нервы и дурацкая бѣлоснѣжная лилія голословной правды.

И бѣдный Игрекъ не выдержалъ. Помощи ниоткуда. Даже его собственный третейскій судья, Петръ Петровичъ, либо академически хмыкалъ въ бородку, либо объективно кусалъ свои грязные ногти. Бѣдный Игрекъ не выдержалъ... Нарушивъ всѣ правила третейской шахматной игры, вскочилъ, рѣзко перебилъ своего партнера и свалилъ всѣ шахматы на полъ:

— Послушайте, я дѣйствительно ошибся, назвавъ васъ скотиной... Вы въ сущности — оберъ-скотина!

Можете себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело на всѣхъ это дополненное и улучшенное изданіе...

■

Результаты? Игрекъ былъ единогласно обвиненъ съ выраженіемъ общественнаго порицанія (безъ занесенія въ эмигрантскій формуляръ): въ двойномъ сугубо-необоснованномъ оскорбленіи Икса, въ подчеркнутомъ неуваженіи къ третейскому суду и въ халатной распущенности. Послѣднее обвиненіе, какъ недостаточно академическое по формѣ, было послѣ долгихъ споровъ снято. Затѣмъ, принявъ во вниманіе контузію на войнѣ и тяжелую наслѣдственность по женской линіи, рѣшили подсудимаго изъ числа членовъ рязанскаго землячества, къ которому принадлежали всѣ вышепоименованныя лица, не исключать.

Послѣдняя неоффиціальная точка была поставлена на лѣстницѣ. И оба третейскихъ судьи и самъ арбитръ поочереди, но въ одиночку, сочувственно пожали несчастному Игреку руку и каждый повторилъ одно и то-же:

— И надо было вамъ, батенька, съ этой скотиной связываться!

А. Черный.

КОНСПЕКТЪ ЭЛЕГАНТНОСТИ.

1.

Помните пословицу -- «по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ» ? Стало быть, каждой женщинѣ надо прежде всего заботиться о платьѣ, чтобы обезпечить себѣ встрѣчу.

2.

Главное въ мужчинѣ — это складки. Пріобрѣсти складки на брюкахъ такъ же легко, какъ и складки у рта, но въ то время, какъ отъ житейскихъ бурь и невзгодъ складки у рта становятся все прочнѣе и рельефнѣе, — складки на штанахъ все разглаживаются и расходятся.

— Чтобы сдѣлать ихъ рельефнѣе, — подкладывать на ночь подъ свое семейное ложе...

3.

Эмигрантскія условія жизни какъ нельзя лучше содѣйствуютъ пріобрѣтенію и сохраненію силуэта, — надо только научиться это понимать и цѣнить.

Не смотрите на вчерашніе круасаны, составляющіе сегодняшній вашъ обѣдъ, какъ на недоѣданіе.

— Въ сущности, это и есть тотъ режимъ, за который въ санаторіяхъ богатѣйшія американки платятъ безумныя деньги.

4.

Отсутствіе косметики на женскомъ лицѣ — есть признакъ безстыдства и самоувѣренности.

Приличная, застѣнчивая женщина никогда не позволитъ себѣ выйти даже къ почтальону съ голой физіономіей.

5.

Если вы носите четвертый годъ одно и то же платье, — говорите, что это вашъ стиль. Это выглядитъ неважно, но звучитъ очень хорошо!

6.

Никогда, даже и по случаю, не покупайте обуви на два номера меньше, чѣмъ надо.

Все можетъ уменьшиться, — и вашъ успѣхъ, и ваши доходы, и любовь, и дружба...

Но только не ваши ноги.

М. П.

ПО ОСКАРУ УАЙЛЬДУ.

Рис. Н. Ильина.

Современная Саломея. — О, Іоканаанъ!... Ты достался мнѣ не только обезглавленный, но и повсемѣстно усѣченный...

ИСТОРІЯ ПОВТОРЯЕТСЯ.

«Глава Временнаго Правительства въ Испаніи намѣренъ уступить свое мѣсто министру иностр. дѣлъ Лерру, полагая, что, будучи соціалистомъ. Лерру будетъ пользоваться большимъ авторитетомъ въ глазахъ революціоннаго народа...»

(Изъ газетъ).

Рис. А. Шараго.

БУДУЩІЙ ИСПАНСКІЙ ПРЕМЬЕРЪ СОЦІАЛИСТЪ ЛЕРУ.

(Краткій конспектъ по русской исторіи для испанской подготовки на аттестатъ зрѣлости).

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Языковѣдѣніе.

Въ Чехословакіи, въ центрѣ Подкарпатской Руси, въ городѣ Ужгородѣ, тринадцатый годъ существуетъ газета «Русская Земля».

Цѣль изданія безупречна:

— Служить культурному и бытовому объединенію русскаго населенія.

Надо полагать, что дѣлается это безкорыстно и со всѣмъ страстнымъ и огорченнымъ идеализмомъ, свойственнымъ обдѣленному политической судьбой меньшинству.

Но, относясь со всѣмъ вниманіемъ къ идейной сторонѣ этого похвальнаго національнаго служенія, какъ не увѣковѣчить для благодарнаго потомства нѣкоторыя чисто техническія достиженія ужгородскихъ идеалистовъ?

Какъ пройти мимо тѣхъ филологическихъ изысковъ, копми въ превосходной степени изобилуетъ каждый номеръ «Русской Земли», издающейся на якобы русскомъ языкѣ?

И если даже признать, что путь совершенствованія труденъ и тернистъ, то какъ не отмѣтить, что по временамъ эти терніи не только больно колютъ, но и щекочатъ?

Вотъ, нѣсколько подкарпатскихъ вкладовъ въ сокровищницу языковѣдѣнія.

— *«Докторъ Каминскій, отъ изобилія вѣжливости, поставился на точку зрѣнія мадьярской націи».*

«Если въ четвергъ припадетъ праздникъ, то концертъ будетъ въ среду».

«Сенаторъ Цуркановичъ пояснилъ тяжкое господарское положеніе нашего края, и выразился, чтобъ мы не дѣлилися и не дробилися, бо мы русскіе люди изъ одного корня, изъ одного пня».

«Послѣ чего собраніе благодарило г. Цуркановича воодушевленными словами».

Въ томъ же номерѣ, наряду съ воодушевленными словами, помѣщены и виолнѣ прозаическія слова, — правила пріема гражданъ на службу въ жандармерію.

— *Жандармомъ можетъ быть тотъ, кто: есть добраго поведенія и душевно способный; имѣетъ сильнос и здоровое тѣло, и достаточную высоту, а также собственноручно знаетъ грамоту чешско-словенскую.*

А также наклеитъ колки на прошеніе...»

■

Пятница и яичница.

«Звѣзда», такъ называемый толстый журналъ.

— Не взирая на литературное худосочіе.

Въ журналѣ обычный совѣтскій репертуаръ:

Путиловскіе дневники, монологъ пронзительнаго Авербаха о пленумѣ пролетарскихъ писателей, желчная блевотина Ильи Эренбурга по адресу лицемѣрнаго и коварнаго Альбіона, психологическая каша самолюбиваго Воронскаго, принадочныя статейки на тему о самокритикѣ, и стихи, стихи, стихи...

Среди «стиховъ, стиховъ, стиховъ», обращаютъ вниманіе качающіеся вывихи Бориса Корнилова, посвященные Франціи.

Написанныя съ огромнымъ вкусомъ и съ поразительнымъ знаніемъ людей и міровоззрѣній, корниловскія строчки разятъ и умерщвляютъ.

«Жирнос личико,
Бокальчикъ вина,
Страшная кличка —
Пуанкарс — Война...
На плечахъ румяный блинъ,
Подъ блиномъ бородки клинъ,
Кнопка носика,
Плѣшь, какъ просѣка...
Позолота панцыря,
Бокальчикъ вина,
Франція,
Франція,
Богатая страна!...»

Бѣдный, унылый бардъ, пишущій для «Звѣзды» и для другихъ свѣтилъ междупланетнаго Госиздата!...

Кто тебѣ сказалъ, что Раймонда Пуанкаре личико?

Что при этомъ оно румяное, какъ блинъ?

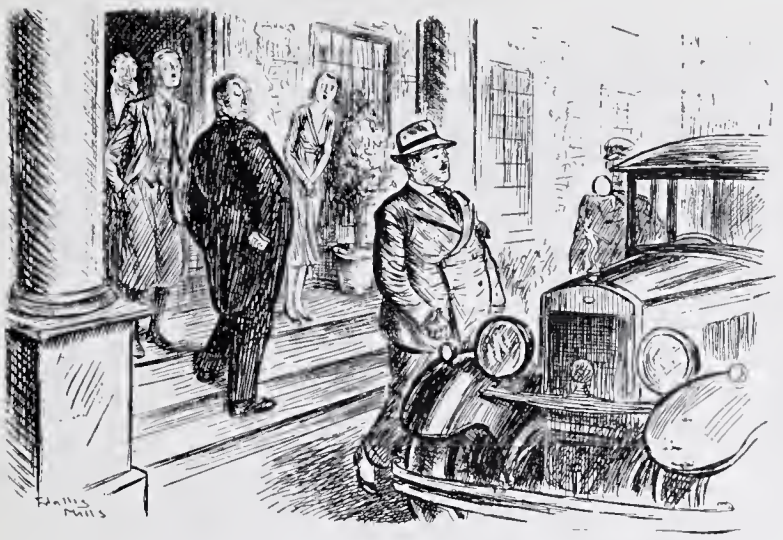
И что носъ его, столь уничижительно названный носикомъ, не болѣе, чѣмъ кнопка?!

И почему ты воображаешь, о ядовитый, что «бокальчикъ вина» это и есть тотъ страшный символъ безстыднаго довольства, сытости и благополучія, отъ конхъ, какъ сказано въ дальнѣйшихъ вывихахъ, должна погибнуть Франція?

СМѢХЪ У ДРУГИХЪ

(ИНОСТРАННЫЙ ЮМОРЪ).

Комики божьей милостью...



Человѣкъ, искренне увѣренный въ томъ, что онъ далъ щедро на чай отельной прислугѣ.

Ученый садоводъ, искренне убѣжденный въ томъ, что и онъ кой-чему можетъ научить простого садовника.

Сообразительность.

Жена. — Ахъ!.. Впрочемъ... Погоди... Я тебѣ сейчасъ объясню!...

Нежданно вернувшійся мужъ. — Не объясняй, я уже понялъ!

(*Le Rire*).

Въ силу закона

«По новому финанс. закону м-ра Сноудена, всякій землевладѣлецъ будетъ законно пользоваться участкомъ, даже захваченнымъ имъ у государства, при условіи, что цѣнность участка не превышаетъ 120 фунтовъ стерлинговъ».

М-ръ Сноуденъ. — Вы присвоили себѣ имущество, принадлежащее народу?

Крестьянинъ. — Да, но оно стоитъ всего 120 фунтовъ!...

Сноуденъ. — А... тогда другое дѣло! Если-бы оно стоило на одинъ пэнсъ дороже, я принялъ-бы суровыя мѣры!... Можете идти, вы свободны!

(*Punch*).

«ARS AMANDI»

— Твоя изобрѣтательность не имѣетъ границъ... Еще одно изобрѣтеніе, и я не выдержу!

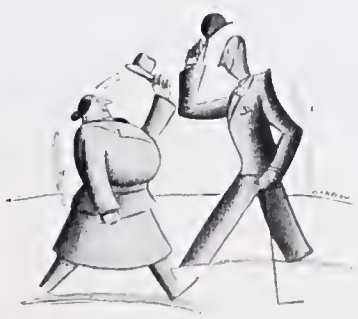
(*Simplicissimus*).

Договоръ дороже денегъ...

— Пожалуйста!... Только не стрѣляйте, если бумажникъ окажется пустъ!

(*Simplicissimus*).

Преображеніе бытія.



— 2000 лѣтъ назадъ онъ былъ Амуръ, она — Психея...

(*New-Yorker*).

«Утро вечера мудреннѣе...»

— Вы знаете, Паркинсъ, этой ночью я видѣлъ странный сонъ...

(*Life*).

Тюремный докторъ.

— Пустяки... вамъ прійдется не выходить нѣсколько дней!...

(*Le Rire*).

ВОСПОМИНАНЬЯ ПРЕЖНИХЪ ДНЕЙ.

«ГОРОДА И ГОДЫ»...

МОСКВА.

Рис. Рожанковскаго.

НА ТРУБѢ.

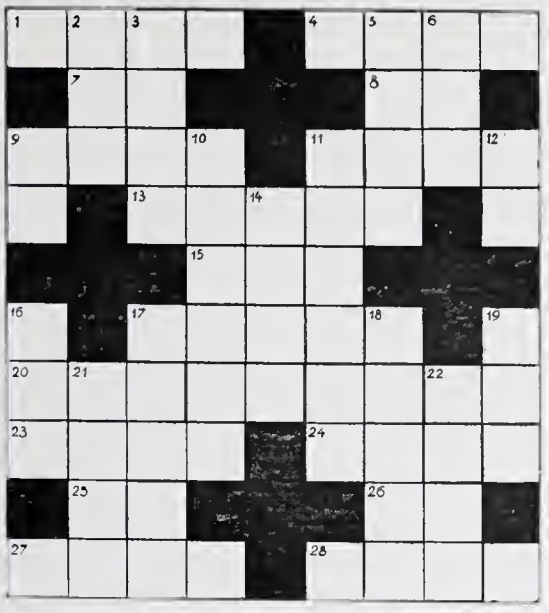
Гимназистикъ на Трубѣ
Жадно выпучилъ глядѣлки:
Все-бы онъ унесъ къ себѣ
Отъ малиновки до бѣлки!

Цѣлый день-бы онъ кормилъ
Птицъ за флигелемъ въ бесѣдкѣ.
Дворникъ, старенькій Памфилъ,
Перекрасилъ-бы всѣ клѣтки...

Ахъ, румяный мой чудакъ, —
Ты напрасно глазки лупишь:
Въ кошелькѣ твоемъ пятакъ,
Воробья, и то не купишь!

А. Ч.

КРЕСТОСЛОВИЦЫ МИЧМАНА ДЫРКИ.



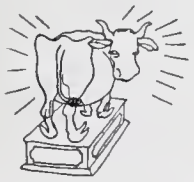
№ 1.

Горизонтально:

1. Отъ нея остаются слѣды на личности. 4. Его не выговариваетъ, вмѣстѣ съ его супругой, пьяный, но это не имѣетъ никакого отношенія къ Ватикану. 7. Совершенно непонятно зачѣмъ, была превращена Юпитеромъ въ кобылицу. 8. На выборъ — первая или вторая половина одной дѣвицы, поющей въ «Богемѣ». 9. Изъ маршрута Геннадія Демьяныча Несчастливцева. 11. Его побѣда была самой настоящей побѣдой, но почему то принято брать ее въ кавычки. 13. Находится какъ разъ напротивъ номера «9 горизонтально», но можетъ быть разсматриваема и какъ произведеніе Лермонтова. 15. Первая половина англійской фуфайки. 17. Отбросы. 20. Если мы опредѣлимъ: «родился на брегахъ Невы», помѣшанные на точности могутъ возразить намъ: «Извините, онъ родился на берегу Фонтанки». Поэтому ограничимся опредѣленіемъ, подъ которое подкопаться нельзя: воскресъ на брегахъ Сены. 23. До жути распространенное имя. 24. Благопріятствуютъ громиламъ и влюбленнымъ. 25. Такъ звучитъ одно распространеннѣйшее мѣстоименіе въ простонародномъ произношеніи. 26. Мѣстоименіе, какъ мѣстоименіе. 27. Люди, не знающіе какъ слѣдуетъ русскаго языка, называютъ его капюшономъ. 28. Свѣтская половина фамиліи французскаго композитора.

Вертикально:

2. Мѣстоименіе. 3. Въ Парижѣ вызываетъ ассоціаціи не морского, а терминологическаго характера. 5. За тѣмъ, кто его произноситъ, остается послѣднее слово. 6. Получается при отсѣченіи послѣдней буквы у « одиннадцатаго горизонтально» и можетъ состоять, по бѣженскимъ обстоятельствамъ, изъ весьма скромныхъ ингредіентовъ. Водочка и селедочка, напримѣръ. 9. Курортъ въ Швейцаріи. 10. Прославленъ своимъ костюмомъ и самъ прославилъ свой костюмъ. 11. На углу Невскаго и Владимірской. 12. Нота. 14. Дамская матерія. 16. Французское слово, но его отлично понимали русскія собаки. 17. Ихъ не носятъ негры въ Центральной Африкѣ и купающіеся на пляжѣ въ Жуанъ-лэ-Пенѣ. 18. Когда душа съ Богомъ бесѣдуетъ, обыкновенно послѣ злоупотребленія питіями и яствами. 19. Иванъ въ Афинахъ. 21. Былъ убитъ, но слѣдствія по дѣлу объ его убійствѣ произведено не было, ибо тогда еще не было ни полиціи, ни слѣдователей, ни уголовныхъ репортеровъ. 22. Весьма.



Золотой теленокъ

Романъ изъ совѣтской жизни
Ильи Ильфа и Евгенія Петрова.

(Продолженіе).

Содержаніе предыдущихъ главъ:

«Тридцать сыновей и дочерей лейтенанта Шмидта» спекулируютъ на легковѣріи совѣтскихъ губернаторовъ, предсѣдателей исполкомовъ и проч.

Для наибольшаго успѣха вся сов. республика раздѣлена на индивидуальные районы дѣйствій, и между «дѣтьми» заключена конвенція...

Однако, нѣтъ еще такой конвенціи, которая не нарушалась-бы.

Главнымъ нарушителемъ оказался яркій мошенникъ и индивидуалистъ Паниковскій, съ которымъ и встрѣчаются въ городѣ Арбатовѣ главные герои романа, они-же и дѣти Шмидта, Остапъ Бендеръ и Шура Балагановъ.

Глава четвертая.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕМОДАНИШКА.

Человѣкъ безъ шляпы, въ сѣрыхъ парусиновыхъ брюкахъ, кожаныхъ сандаліяхъ, надѣтыхъ по-монашески на босу ногу, и бѣлой сорочкѣ, безъ воротничка, пригнувъ голову, вышелъ изъ пизенькой калптки дома ном. 16. Очутившись на тротуарѣ, выложенномъ голубоватыми каменными плитами, онъ остановился и негромко сказалъ:

— Сегодня пятница. Значитъ опять нужно идти на вокзалъ.

Произнеся эти слова, человѣкъ въ сандаліяхъ быстро обернулся. Ему показалось, что за его спиной стоитъ гражданинъ съ цинковой мордой соглядатая. Но Малая Касательная улица была совершенно пуста.

Часъ дворниковъ уже прошелъ, часъ молочницъ еще не начинался.

Человѣкъ въ сандаліяхъ прошелъ весь городъ, почти никого не встрѣтивъ на пути. Онъ шелъ подъ акаціями, которыя въ Черноморскѣ несли нѣкоторыя общественныя функціи: на однѣхъ висѣли синіе почтовые ящики съ вѣдомственнымъ гербомъ-конвертомъ и молніей, къ другимъ же были прикованы жестяныя лоханочки съ водою для собакъ.

На Приморскій вокзалъ человѣкъ въ сандаліяхъ прибылъ въ ту минуту, когда оттуда выходили молочницы. Больно ударившись нѣсколько разъ объ ихъ желѣзныя плечи, онъ подошелъ къ камерѣ храненія ручного багажа и предъявилъ квитанцію. Багажный смотритель съ неестественной строгостью, принятой только на желѣзныхъ дорогахъ, взглянулъ на квитанцію и тутъ же выкинулъ предъявителю его чемоданъ. Предъявитель въ свою очередь разстегнулъ кожаный кошелечекъ, со вздохомъ вынулъ оттуда десятиконѣечную монету и положилъ ее на багажный прилавокъ, сдѣланный изъ шести старыхъ, отполированныхъ локтями рельсовъ.

Очутившись на вокзальной площади, человѣкъ въ сандаліяхъ поставилъ чемоданъ на мостовую, заботливо оглядѣлъ со всѣхъ сторонъ и даже потрогалъ рукою его бѣлый портфельный замочекъ.

Удовлетворившись бѣглымъ осмотромъ, человѣкъ въ сандаліяхъ подхватилъ чемоданъ и влѣзъ въ бѣлый тропическій вагонъ трамвая, доставившій его на другой конецъ города — къ Восточному вокзалу. Здѣсь его дѣйствія были прямо противоположны тому, что онъ продѣлалъ только что на Приморскомъ вокзалѣ Онъ сдалъ свой чемоданъ на храненіе и получилъ квитанцію отъ величаваго багажнаго смотрителя.

Совершивъ эти странныя эволюціи, хозяинъ чемодана покинулъ вокзалъ, какъ разъ въ то время, когда на улицахъ уже появились болѣе примѣрные служащіе.

Учрежденіе, въ которомъ служилъ человѣкъ въ сандаліяхъ, называлось «Геркулесъ» и помѣщалось въ бывшей гостиницѣ. Вертящаяся стеклянная дверь съ мѣдными пароходными поручнями втолкнула его въ большой вестибюль изъ розоваго мрамора. Въ заземленномъ лифтѣ помѣщалось бюро справокъ. Оттуда уже выглядывало смѣющееся женское лицо. Пробѣжавъ по инерціи нѣсколько шаговъ, вошедшій остановился передъ старикомъ-швейцаромъ въ фуражкѣ съ золотымъ зигзагомъ на околышѣ и молодецкимъ голосомъ спросилъ:

— Ну, что, старикъ, въ крематорій пора?

— Пора, батюшка, — отвѣтилъ швейцаръ, радостно улыбаясь, — въ нашъ совѣтскій колумбарій.

Онъ даже взмахнулъ руками. На его добромъ лицѣ отразилась полная готовность хоть сейчасъ предаться огненному погребенію.

Въ Черноморскѣ собирались строить крематорій съ соотвѣтствующимъ помѣщеніемъ для гробовыхъ урнъ, то есть колумбаріемъ, и это новшество со стороны кладбищенскаго подотдѣла почему-то очень веселило гражданъ.

До начала запятій оставалось еще пятнадцать минутъ, но за своими столами уже сидѣли Сахарковъ, Дрейфусъ, Тезоиме-

ницкій, Музыкантъ, Чежаевская, Кукушкиндъ, Борисохлѣбскій и Лапидусъ-младшій. Чистки они нисколько не боялись, въ чемъ неоднократно завѣряли другъ друга, но въ послѣднее время почему-то стали приходить на службу какъ можно раньше. Пользуясь немногими минутами свободнаго времени, они шумно переговаривались между собой. Голоса ихъ гудѣли въ огромномъ залѣ, который въ былое время былъ гостиничнымъ ресторапомъ. Объ этомъ напоминали потолокъ въ рѣзныхъ дубовыхъ кессонахъ и расписанныя стѣны, гдѣ съ ужасающими улыбками кувыркались менады, наяды и дріады.

— Вы слышали новость, Корейко? — спросилъ вошедшаго Лапидусъ-младшій. — Неужели не слышали? Ну? Вы будете поражены.

— Какая новость?... Здравствуйте, товарищи! — произнесъ Корейко. — Здравствуйте, Анна Васильевна!

— Вы даже представить себѣ не можете! — съ удовольствіемъ сказалъ Лапидусъ-младшій. — Бухгалтеръ Берлага попалъ въ сумасшедшій домъ.

— Да что вы говорите? Берлага? Вѣдь онъ же нормальнѣйшій человѣкъ!

— До вчерашняго дня былъ нормальнѣйшій, а съ сегодняшняго дня сталъ ненормальнѣйшій, — вступилъ въ разговоръ Борисохлѣбскій. — Это фактъ. Мнѣ звонилъ его шуринъ. У Берлаги серьезнѣйшее психическое заболѣваніе, разстройство пяточнаго нерва.

— Надо только удивляться, что у насъ у всѣхъ нѣтъ еще разстройства этого нерва, — зловѣще замѣтилъ старикъ Кукушкиндъ, глядя на сослуживцевъ сквозь овальные никелированные очки.

— Не каркайте, — сказала Чежаевская. — Вѣчно онъ тоску наводитъ.

— Все-таки жалко Берлагу, — отозвался Дрейфусъ, повернувшись на своемъ винтовомъ табуретѣ лицомъ къ обществу.

Общество молчаливо согласилось съ Дрейфусомъ. Одинъ только Лапидусъ-младшій загадочно усмѣхнулся. Разговоръ перешелъ на тему о поведеніи душевнобольныхъ; заговорили о маньякахъ, разсказано было нѣсколько исторій про знаменитыхъ сумасшедшихъ.

— Вотъ у меня, — воскликнулъ Сахарковъ, — былъ сумасшедшій дядя, который воображалъ себя одновременно Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ. Представляете себѣ, какой шумъ онъ поднималъ!

— Надо только удивляться, — жестянымъ голосомъ сказалъ старикъ Кукушкиндъ, неторопливо протирая очки полой пиджака, — надо только удивляться, что мы всѣ еще не вообразили себя Авраамомъ, — старикъ засопѣлъ, — Исаакомъ...

— И Іаковомъ? — насмѣшливо спросилъ Сахарковъ.

— Да! И Яковомъ! — внезапно завизжалъ Кукушкиндъ. — И Яковомъ! Именно Яковомъ! Живешь въ такое нервное время... Вотъ когда я работалъ въ банкирской конторѣ «Сикоморскій и Цесаревичъ», тогда не было никакой чистки.

При словѣ «чистка» Лапидусъ-младшій встрепенулся, взялъ Корейко объ-руку и увелъ его къ громадному окну, на которомъ разноцвѣтными стекляшками были выложены два готическихъ рыцаря.

На Приморскій вокзалъ человѣкъ въ сандаліяхъ прибылъ въ ту минуту, когда оттуда выходили молочницы.

— Самаго интереснаго про Берлагу вы еще не знаете, — зашепталъ онъ. — Берлага здоровъ, какъ быкъ.

— Какъ? Значитъ онъ не въ сумасшедшемъ домѣ?

— Нѣтъ, въ сумасшедшемъ.

Лапидусъ тонко улыбнулся.

— Въ этомъ весь трюкъ. Онъ просто испугался чистки и рѣшилъ пересидѣть тревожное время. Притворился сумасшедшимъ. Сейчасъ онъ, навѣрно, рычитъ и хохочетъ. Вотъ ловкачъ! Даже завидно!

— У него, что же, родители не въ порядкѣ? Торговцы? Чуждый элементъ?

— Да, и родители не въ порядкѣ и самъ онъ, между нами говоря, имѣлъ аптеку. Кто же могъ знать, что будетъ революція? Люди устраивались какъ могли, кто имѣлъ аптеку, а кто даже фабрику. Я лично не вижу въ этомъ ничего плохого. Кто могъ знать?

— Надо было знать, — холодно сказалъ Корейко.

— Вотъ и я говорю, — быстро подхватилъ Лапидусъ, — такимъ не мѣсто въ совѣтскомъ учрежденіи.

И, посмотрѣвъ на Корейко расширенными глазами, онъ удалился къ своему столу.

Александръ Ивановичъ Корейко, одинъ изъ ничтожнѣйшихъ служащихъ «Геркулеса», былъ человѣкъ въ послѣднемъ приступѣ молодости — ему было тридцать восемь лѣтъ. На красномъ, сургучномъ лицѣ сидѣли желтыя пшеничныя брови и бѣлые глаза. Англійскіе усики цвѣтомъ тоже походили на созрѣвшій злакъ. Лицо его казалось бы совсѣмъ молодымъ, если бы не грубыя ефрейторскія складки, пересѣкавшія щеки и шею. На службѣ Александръ Ивановичъ велъ себя, какъ сверхсрочный солдатъ: не разсуждалъ, былъ исполнителенъ, трудолюбивъ, искателенъ и туповатъ.

Была у Александра Ивановича удивительная особенность. Онъ мгновенно умножалъ и дѣлилъ въ умѣ большія трехзначныя и четырехзначныя числа. Но это не освободило Корейко отъ репутаціи туповатаго парня.

— Слушайте, Александръ Ивановичъ, — спрашивалъ сосѣдъ. — Сколько будетъ восемьсотъ тридцать шесть на четыреста двадцать три?

— Триста пятьдесятъ три тысячи шестьсотъ двадцать восемь, — отвѣчалъ Корейко, помедливъ самую малость.

И сосѣдъ не провѣрялъ результата умноженія, ибо зналъ, что туповатый Корейко никогда не ошибается.

— Другой бы на его мѣстѣ карьеру сдѣлалъ, — говорили и Сахарковъ, и Дрейфусъ, и Тезоименицкій, и Музыкантъ, и Чежаевская, и Борисохлѣбскій, и Лапидусъ-младшій, и старый дуракъ Кукушкиндъ, и даже бѣжавшій въ сумасшедшій домъ бухгалтеръ Берлага, — а этотъ — шляпа! Всю жизнь будетъ сидѣть на своихъ сорока шести рубляхъ.

И, конечно, сослуживцы Александра Ивановича, да и самъ начальникъ финсчета товарищъ Арниковъ, и не только онъ, но даже Серна Михайловна, личная секретарша начальника всего «Геркулеса», товарища Полыхаева, — ну, словомъ, всѣ были бы чрезвычайно удивлены, если бы узнали, что Александръ Ивановичъ Корейко, смиреннѣйшій изъ конторщиковъ еще только часъ назадъ перетаскивалъ зачѣмъ-то съ одного вокзала на другой чемоданъ, въ которомъ лежали не брюки «Столѣтіе Одессы», не блѣдная курица и не какія-нибудь «Задачи комсомола въ деревнѣ», а десять милліоновъ рублей въ иностранной валютѣ и совѣтскихъ денежныхъ знакахъ.

Въ 1915 году мѣщанинъ Саша Корейко былъ двадцатитрехлѣтнимъ бездѣльникомъ изъ числа тѣхъ, которыхъ по справедливости называютъ гимназистами въ отставкѣ. Реальнаго училища онъ не окончилъ, дѣломъ никакимъ не занялся, шатался по бульварамъ и прикармливался у родителей.

Революція семнадцатаго года согнала Корейко съ плюшеваго дивана. Онъ понялъ, что можетъ сдѣлаться счастливымъ наслѣдникомъ незнакомыхъ ему богачей. Онъ почуялъ, что по всей странѣ валяется сейчасъ великое множество безпризорнаго золота, драгоцѣнностей, превосходной мебели, картинъ и ковровъ, шубъ и сервизовъ. Надо только не упустить минуты и побыстрѣе схватить богатство.

Но тогда онъ былъ еще глупъ и молодъ. Онъ захватилъ большую квартиру, владѣлецъ которой благоразумно бѣжалъ на пароходѣ въ Константинополь, и открыто въ ней зажилъ. Цѣлую недѣлю онъ врасталъ въ чужой богатый бытъ исчезнувшаго коммерсанта, пилъ найденный въ буфетѣ скатъ, закусывая его пайковой селедкой, таскалъ на базаръ разныя бездѣлушки и былъ немало удивленъ, когда его арестовали.

Онъ вышелъ изъ тюрьмы черезъ пять мѣсяцевъ. Отъ мысли своей сдѣлаться богачомъ онъ не отказался, но понялъ, что дѣло это требуетъ скрытности, темноты и постепенности. Нужно было надѣть на себя защитную шкуру, и она пришла къ Александру Ивановичу въ видѣ высокихъ оранжевыхъ сапогъ, бездонныхъ синихъ бриджей и долгополаго френча работника по снабженію продовольствіемъ.

Въ то безпокойное время все, сдѣланное руками человѣческими, служило хуже, чѣмъ раньше: дома не спасали отъ холода, ѣда не насыщала, электричество зажигалось только по случаю большой облавы на дезертировъ и бандитовъ, водо-

проводъ подавалъ воду только въ первые этажи, а трамван совсѣмъ не работали. Все же силы стихійныя стали злѣе и опаснѣе, и простуда, которая раньше укладывала человѣка въ постель на три дня, теперь въ тѣ же три дня убивала его. И молодые люди безъ опредѣленныхъ занятій кучками бродили по улицамъ, безшабашно распѣвая пѣсенку о деньгахъ, потерявшихъ свою цѣну:

Залетаю я въ буфетъ,
Ни конейки депегъ нѣтъ,
Размѣняйте десять милліо-новъ.

Александръ Ивановичъ съ безпокойствомъ видѣлъ, какъ деньги, которыя онъ наживалъ съ великими ухищреніями, превращаются въ ничто.

Тифъ валилъ людей тысячами, Саша торговалъ краденными изъ склада медикаментами. Опъ заработалъ на тифѣ пятьсотъ милліоновъ, но денежный курсъ за мѣсяцъ превратилъ ихъ въ пять милліоновъ. На сахарѣ онъ заработалъ милліардъ. Курсъ превратилъ эти деньги въ норошокъ.

Въ этомъ періодѣ однимъ изъ наиболѣе удачныхъ его дѣлъ было похищеніе маршрутнаго поѣзда съ продовольствіемъ, шедшаго па Волгу. Корейко былъ комендантомъ поѣзда. Поѣздъ вышелъ изъ Полтавы въ Самару, но до Самары не дошелъ, а въ Полтаву не вернулся.

Вмѣстѣ съ нимъ пропалъ и Александръ Ивановичъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПОДЗЕМНОЕ ЦАРСТВО.

Оранжевыя сапоги вынырнули въ Москвѣ въ концѣ 1922 года. Надъ сапогами царила зеленоватая бекеша на золотомъ лисьемъ мѣху. Поднятый барашковый воротникъ, похожій съ изнапки на стеганое одѣяло, защищалъ отъ мороза молодецкую харю съ севастопольскими полубаками. На головѣ Александра Ивановича помѣщалась прелестная курчавая папаха.

А въ Москвѣ въ ту пору уже бѣгали новые моторы съ хрустальными фонарями, двигались по улицамъ скоробогачи въ котиковыхъ ермолочкахъ и въ шубкахъ, подбитыхъ узорнымъ мѣхомъ «лира». Въ моду входили остроносые готическіе штиблеты и портфели съ чемоданными ремнями и ручками. Слово «гражданинъ» начинало тѣснить привычное слово «товарищъ», и какіе-то молодые люди, быстро сообразившіе, въ чемъ именно заключается радость жизни, уже танцовали въ ресторанахъ уанстепъ «Дикси» и лаже фокстротъ «Цвѣтокъ солнца». Надъ городомъ стоялъ крикъ лихачей, и въ большомъ домѣ Наркоминдѣла портной Журкевичъ день и ночь строчилъ фраки для отбывающихъ за границу совѣтскихъ дипломатовъ.

Александръ Ивановичъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что его одѣяніе, считавшееся въ провинціи признакомъ мужественности и богатства, здѣсь, въ Москвѣ, является пережиткомъ старины и бросаетъ невыгодную тѣнь на его обладателя.

Черезъ два мѣсяца на Срѣтенскомъ бульварѣ открылось новое заведеніе подъ вывѣской «Промысловая артель химическихъ продуктовъ «Ревапшъ». Артель располагала двумя комнатами. Въ нервой висѣлъ портретъ основоположника соціализма — Фридриха Энгельса, подъ которымъ невинно улыбаясь, сидѣлъ самъ Корейко въ сѣромъ англійскомъ костюмѣ, продернутомъ красной шелковой ниткой. Исчезли оранжевые ботфорты и грубые полубаки. Щеки Александра Ивановича были хорошо выбриты. Въ задней комнатѣ находилось производство. Тамъ стояли двѣ дубовыя бочки съ манометрами и водомѣрными стеклами, одна — на полу, другая — на антресоляхъ. Бочки были соединены тонкой клистирной трубкой, по которой, дѣловито журча, бѣжала жидкость. Когда вся жидкость переходила изъ верхняго сосуда въ нижній, въ производственное помѣщеніе являлся мальчикъ въ валенкахъ. Не по-дѣтски вздыхая, мальчикъ вычерпывалъ ведромъ жидкость изъ нижней бочки, тащилъ ее на антресоли и вливалъ въ верхнюю бочку. Закончивъ этотъ сложный процессъ, мальчикъ уходилъ въ контору грѣться, а изъ клистирной трубки снова неслось всхлипываньe, — жидкость совершала свой обычный путь изъ верхняго резервуара въ нижній.

Александръ Ивановичъ и самъ точно не зналъ, какого рода химикаліи вырабатываетъ артель «Реваншъ». Ему было не до химикалій. Его рабочій день и безъ того былъ уплотненъ. Онъ переѣзжалъ изъ банка въ банкъ, хлопоча о ссудахъ для расширенія пропзводства. Въ трестахъ онъ заключалъ договоры на поставку химпродуктовъ и получалъ сырье по твердой цѣнѣ. Ссуды опъ тоже получалъ. Очень много времени отнимала перепродажа полученнаго сырья на госзаводы по удесятеренной цѣнѣ, и поглощали множество энергіи валютныя дѣла па черной биржѣ, у подножія памятника героямъ Плевны.

По прошествіи года банки и тресты возымѣли желаніе узнать, насколько благотворно отразилась на развитіи промартели «Реваншъ» оказанная ей финансовая и сырьевая помощь и не нуждается ли здоровый частникъ еще въ какомъ-либо содѣйствіи. Комиссія, увѣшанная учеными бородами, прибыла въ артель «Реваншъ» на трехъ пролеточкахъ. Въ пустой конторѣ предсѣдатель комиссіи долго вглядывался въ равнодушное лицо Энгельса и долго стучалъ палкой по словому прилавку, вызывая руководителей и членовъ артели.

Наконецъ, дверь производственнаго помѣщенія растворилась, и передъ глазами комиссіи предсталъ заплаканный мальчикъ.

Изъ разговора съ юнымъ представителемъ «Реванша» выяснилось, что производство находится на полномъ ходу и что хозяинъ уже недѣлю не приходитъ. Въ производственномъ помѣщеніи комиссія пробыла недолго. Жидкость, такъ дѣловито журчавшая въ клистирной кишкѣ, по вкусу, цвѣту и химическому содержанію напоминала обыкновенную воду, каковой въ дѣйствительности и являлась. Удостовѣрнвъ этотъ певѣроятный фактъ, предсѣдатель комиссіи сказалъ «гмъ» и посмотрѣлъ на членовъ, которые тоже сказали «гмъ». Потомъ предсѣдатель съ ужасной улыбкой взглянулъ на мальчика и спросилъ:

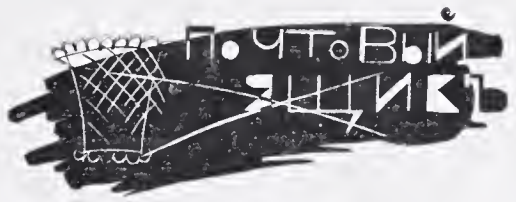
— А кой тебѣ годпкъ?

— Двѣнадцатый миновалъ, — отвѣтилъ мальчикъ.

И залился такимп рыданіямп, что члены комиссіи, толкаясь, выбѣжали на улицу и размѣстившись на пролеточкахъ, уѣхали въ полномъ смущеніи. Что же касается артели «Реваншъ», то всѣ операціи ея была занесены въ банковскія и трестовскія книги на «Счетъ прибылей и убытковъ» и именно въ тотъ раздѣлъ этого счета, который ни словомъ не упомпнаетъ о прибыляхъ, а цѣликомъ посвященъ убыткамъ.

Въ тотъ самый день, когда комиссія вела многозначительную бесѣду съ мальчикомъ въ конторѣ «Реванша», Александръ Ивановичъ Корейко высадился изъ спальнаго вагона нрямого сообщенія въ небольшой виноградной республикѣ, отстоявшей отъ Москвы на три тысячи километровъ.

(Продолженіе ельдуетъ).



Алексашкѣ. Ліонъ. — Стихи ваши произвели на насъ незгладимое впечатлѣніе. Въ каждомъ словѣ — острота и засолъ. Особенно хорошъ третій куплетъ, какъ по оригинальности высказанной въ немъ мысли, такъ и по благоуханной красотѣ слога:

«Всѣ бредятъ быть кино-артистомъ
И въ старъ немедленно попасть...
Но надо быть вѣдь атлетистомъ,
Чтобъ съ высоты сей не упасть!»

Спѣшимъ отвѣтить вамъ по существу вопроса:

— Высотъ плѣнительный образчикъ
Былъ столь отмѣнной красоты,
Что авторъ былъ въ почтовый ящикъ
Низвергнутъ сразу съ высоты!

Постоянному читателю. — Вашъ разсказъ про двухъ клоуновъ былъ-бы абсолютно хорошъ, если-бы онъ не былъ абсолютно плохъ. Поэтому, основываясь на абсолютѣ, печатать его не станемъ.

Иринѣ К. — Напрасно вы все по-французски пишете, попробуйте написать съ ошибками, но по-русски.

Помните, что сказалъ Омаръ-Хейямъ? — Лучше ошибиться въ языкѣ, нежели въ выборѣ языка.

С. Г—нъ. Яффа. То обстоятельство, что разсказъ вашъ былъ премированъ на конкурсѣ «Волп Россіи» продиктовало намъ нѣчто еще болышее: объявить васъ внѣ конкурса, а потому и не печатать.

Редакторъ-издатель: М. Г. Корнфельдъ.

IMPRIMERIE
COOPÉRATIVE ÉTOILE
17, rue de la Comète

Téléphone: Invalides 11-50 — **PARIS (7)** — Métro: La Tour-Maubourg

R. C. S. 227.770

TOUS GENRES DE TRAVAUX
EN TOUTES LES LANGUES

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ТИПОГРАФСКІЯ РАБОТЫ
НА ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ

„НАША РѢЧЬ“

издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.

Редакторъ-Издатель: С. М. ГАЗІЕВЪ.

Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse*. Въ Парижѣ — въ « *Publicité Melzl* », *Rue de Turbigo*, 51, *Paris VIII*e и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ «Нашей Рѣчи» С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier*, 7, *Paris IX*e.

Если Вы хотите помѣстить Ваше объявленіе въ « **Сатириконѣ** » позвоните по телефону Gutenberg 05-40 и къ Вамъ явится агентъ отдѣла объявленій.

Много самыхъ разнообразныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній, совѣтовъ и указаній по правовымъ, юридич., администр.-полиц., налоговымъ и пр. вопросамъ во Франціи.

Жизнь обществ. организацій, торгово-пром. предпріятія, медиц. свѣдѣнія, курорты, всякія полезныя справки и адреса

Все въ Русскомъ Альманахѣ

1931 г. Продается вездѣ. Цѣна 10 фр. Высыл. нал. плат. по первому требованію. Скл. изд. SARATCH, 13, rue Plumet, Paris (15e). Tél. Invalides 10-14.

КРОВОЧИСТИТЕЛЬ СПБ. Колокольная 11 суш. с 1893 г. АВРАНИНЪ

Индійскій бальзамъ — безвр. раст. сокъ, сов. очищ. кровь отъ вред. микроб. и заразы. Послѣ перв. пріем. бальз., больн. чувств., какъ организмъ, измуч. болѣзн., наполн. нов. сил. На 3-5 день больн. уже чувств. облегч., а послѣ мѣс. всяк. леч стан. излишн. потому, что бол. побѣжд. и силы возстановл., не приход. даже повт. курса леч., т. к., бол радик. излеч., Авраниномъ, кот. даетъ прекр. аппет., изл. желуд. и киш. забол., быстро возст. первн. сист., излеч. полов. безсил. Полн. излеч. сифилиса во всѣхъ стад. и всѣхъ его послѣд. Сух. спин. мозга (табесъ), прогр. парал., трипперъ, люпусъ или волчанка, псоріазисъ, экезма, ракъ, сикозъ, падуч. бол.., (эпилепс.), туберк. кост. и всѣ насл. бол., золотуха. Объ изл. этихъ бол. им. дес. тыс. нотар. и письм. благод. Бальз прем. на европ. выст. съ награжд. золот. мед. Треб. на вс. яз. брошюру. Почт. расх. 2 фр. АВРАНИНЪ, прод. въ аптекахъ, а гдѣ нѣтъ, высыл. налож. плат. Треб. направл. по адр.:

AVRAKHOFF, 6, rue Maublanc; Paris (15). Métro: Vaugirard

Зубоврачебн. кабинетъ **М. Когенъ**
D. F. M. P.
8, Rue Duban (16). Pl. Passy. Autell 95-14
Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6. Остальные дни 10-8 час. веч.

Русскій Гастроном. Магазинъ
въ **Levallois-Perret**
77, rue Chevalier. Tél. Per. 22-56
ВСѢ РУССКІЕ ПРОДУКТЫ
Закуски дом. приготовленія
Посылки въ Россію

Аптека
Всѣ патентованныя средства
Всѣ анализы
38, av. Félix-Faure,
Tél. Vaugir. 44-15

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОДЪ
на большой еженедѣльный литературно-художественный журналъ
сатиры и юмора

Сатиконъ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

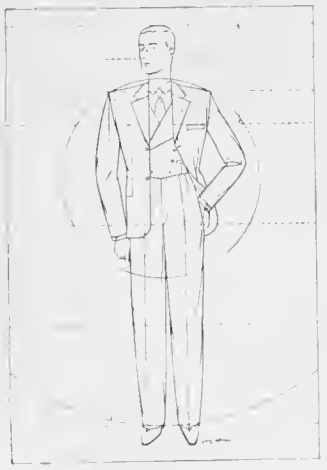
	1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи . . . . . Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ странахъ, вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза	160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почт. Союза	177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**
Téléphone: GUTENBERG 05-40

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tel. Barbarossa 4881. Postscheckkonto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГОЛЛАНДІЯ.	Роттердамъ. — Van Ditmar, Post Box 262, Rotterdam.
ГРЕЦІЯ.	Афины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitorv, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 50 ц.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko,* Khiabané Post Hané Koutcha Beha es Saltaneh N°4. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovie.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré.
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York.
	Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors.
	Выборгъ. — *Ivankov,* Linnankatu, 8, Wiiborg.
	Келломяки. — *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel.
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon,* Goldschmiedstrasse, Reval.
	Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 70 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre,* Ul. Kn. Mihailova br. 27.



Вышла въ свѣтъ новая книга

П. ЛИДВАЛЬ

Искусство одѣваться

(S'HABILLIER.. raisonnements sur le costume masculin)

Во время Осенняго Салона П. Лидваль прочелъ въ Grand Palais чрезвычайно интересный докладъ о мужскомъ костюмѣ, имѣвшій выдающійся успѣхъ у парижской публики. Во всѣхъ газетахъ появились хвалебные отзывы, причемъ многіе слушатели горячо рекомендовали докладчику опубликовать прочитанный докладъ въ печатной формѣ.

Вышедшій нынѣ въ свѣтъ трактатъ о мужскомъ костюмѣ, роскошно изданный со множествомъ рисунковъ и иллюстрацій, представляетъ большой интересъ для всѣхъ, интересующихся эстетикой мужской моды.

П. Лидваль, обладающій заслуженной репутаціей первокласснаго мастера мужского костюма, является новаторомъ, стремящимся критически отнестись къ тому, что дѣлается въ области искусства одѣваться.

Путемъ чрезвычайно интересныхъ историческихъ параллелей, авторъ устанавливаетъ несомнѣнную связь, существующую между архитектурными формами и костюмомъ въ данный историческій моментъ. Въ его трактатѣ мы находимъ рядъ превосходныхъ иллюстрацій, относящихся къ Египту, Греціи, Среднимъ Вѣкамъ и другимъ классическимъ эпохамъ.

Переходя къ переживаемому нами моменту, П. Лидваль стремится логически подчинить линіи современнаго мужского костюма тѣмъ новымъ архитектурнымъ формамъ, которыя постепенно завоевываютъ признаніе всего культурнаго міра.

Не подлежитъ сомнѣнію, что книга П. Лидваля явится весьма цѣннымъ вкладомъ въ области соверменныхъ эстетическихъ исканій.

ЦѢНА : 15 ФР.

Склады изданія:

1) Lidvall, 28, rue de la Pépinière, Paris.
2) «Satyricon», 51, rue Vivienne, Paris.
3) Librairie Stock, 155, rue St-Honoré.

Выписывающіе изъ складовъ за пересылку не платятъ.

Tout dernier confort — Ascenseur — Chauffage Central
Chambres avec bains — Eau chaude et froide

PENSION - HOTEL de la PORTE DE VERSAILLES

15, rue de la Grotte - PARIS (15e)

(Angle du Boulevard Lefebvre — Près la Foire de Paris)
Tel. : *Vaugirard* 10-77. Télégr.: *Hotelef 5 Paris*
Nord-Sud: Porte de Versailles — Aut.: A. G. Bourse
Tram.: 89 Hôtel de Ville

Антикварныя и художественныя ВЕЩИ
Покупка и продажа
Л. СОРКИНЪ
(Прежде Петроградъ)
90, rue Faubourg Saint-Honoré
(противъ Елисейскаго дворца)
PARIS (8). Téléphone Elysées 98-49

ПЕРЕВОДЪ
ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ
ПОСЫЛКИ принимаетъ
Комитетъ Помощи Голодающимъ
въ Россіи (Comité Russe de Secours)
7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9)
M-o Clichy. Tél. Trinité 25-02 et 25-03
Пріемъ исключительно отъ 3--7

Общество взаимнаго Кредита "СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). Tél. Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрышн. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер.

Денежные переводы и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала контора журнала
САТИРИКОНЪ
проситъ г.г. подписчиковъ, срокъ подписки коихъ истекаетъ, ВОЗОБНОВИТЬ ЕЕ заблаговременно

ЕСЛИ ВЫ ЖЕЛАЕТЕ БЫТЬ ЭЛЕГАНТНЫМЪ
Получить хорошій матеріалъ моднаго рисунка по вашему вкусу
ЗА УМѢРЕННУЮ ЦѢНУ И ВЪ РАЗСРОЧКУ
Обратитесь: **32, avenue Félix-Faure**
Tél. Vaugirard 54-19
N. MASSE (de 9 à 7 h.) ·:· **Я. ДЖИГИТЪ** от 2-4 воскр. 10-12

РУССКАЯ МАСТЕРСКАЯ ДАМСКОЙ И МУЖСКОЙ ОБУВИ НА ЗАКАЗЪ
M A X
10, Rue Edmond Roger yr. Rue Violet, PARIS (XVe)
Téléphone Vaugirard 52-15.

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), téléph. Inval. 11-50 Le Gérant : *N. Kornfeld.*

«ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВѢТЕРЪ НА КРУГИ СВОЯ».

(Стихъ Экклезіаста объ эмиграціи). *Рис. Г. Шильтяна.*

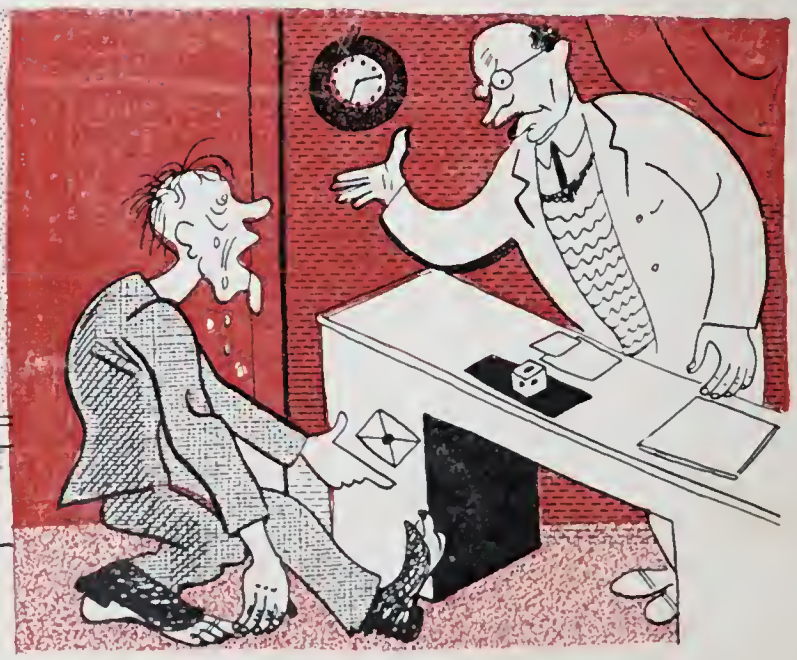
1. Иванъ Петровичъ былъ адски любезенъ. — Лично я устроить васъ не могу, но вотъ вамъ рекомендательное письмо къ Петру Ивановичу!...

2. Петръ Иванычъ былъ дьявольски любезенъ. — Лично я устроить васъ не могу, но вотъ вамъ отличная рекомендація къ Степанъ Сидорычу!...

3. Степанъ Сидорычъ былъ чертовски обходителенъ. — Лично у меня никакой службы сейчасъ нѣтъ, но вотъ вамъ превосходнѣйшая рекомендація къ Сидору Степанычу!... Однако, торопитесь...

4. — Потому что его застать можно только до 12-ти!...

5. Сидоръ Степановичъ, это любезность сама! — Лично я предложить вамъ службы, къ сожалѣнію не сумѣю, но вотъ вамъ рекомендательное письмо...



6. ...къ Ивану Петровичу!

PRIX EN FRANCE : Frs 3. — 6 ІЮНЯ 1931. 6 JUIN 1931. ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

Сатирикон

SATYRICON

1931 — Hebdomadaire Russe — еженедѣльное изданіе — Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e) — № 10 — Directeur M. Kornfeld

ОБЩІЙ ЯЗЫКЪ.

Рис. А. Шарапо.

«Интуристъ». — *How do you do ?*
Мужикъ. — Ты гавъ, то гавкай, а про ѣду не спрашивай!..

«ПОСЛѢ ВЫБОРОВЪ ВЪ ПРЕЗИДЕНТЫ ПОЛЬ ДУМЕРА».

Рис. Шварца

Говорятъ, старикамъ теперь лафа будетъ...

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ЧЕМОДАНОМЪ.

Ой ты, гой-еси, чемоданъ-чемоданище,
Утѣшеніе мое и пристанище!

Путь заказанъ тебѣ европейскій,
Очень видъ у тебя плебейскій,
Не податься съ тобой въ Довилли,
Въ замѣчательные ихъ Трувилли,
На изысканные ихъ пляжи
Не ткнешься даже!...

Раскрою я обѣ половины
Изъ суровой твоей парусины,
Пропахшей запахами многихъ странъ,
Бѣдный мой чемоданъ!

Положу въ одну половину манишку,
А въ другую — записную книжку,
И закрою тебя на задвижку,
Которая не закрывается,
А такъ только называется !
Взвалю на плечи,
И пойду далече,
По рельсамъ, по шпаламъ,
По тропинкамъ малымъ,
По горамъ, по склонамъ,
По холмамъ зеленымъ,
Въ неизвѣстную даль,
Куда ни картъ, ни посталь,
Ничего не ходитъ!...

Выберу полянку съ ельникомъ,
Стану жить отшельникомъ
Съ единственнымъ моимъ вѣрнымъ,
Съ тобою, нелицемѣрнымъ,
Все перевидавшимъ, перестрадавшимъ,
Съ продавленнымъ, съ продырявленнымъ,
Безъ верха, безъ низа,
А все-жъ... — отъ Мюра,
Отъ Мерилиза!

Д. А.

ПРОГУЛКА ПО САДАМЪ СОВѢТСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

«Въ Парижѣ, напримѣръ, наиболѣе удобнымъ способомъ сообщенія является подземка или метро, въ зависимости отъ того, какъ называютъ подземную желѣзную дорогу парижане. Поѣзда ходятъ очень быстро и смѣняются часто. Сообщеніе обходится недорого, особенно на большія разстоянія. Только сажа, несущаяся отъ локомобилей и не находящая выхода, является непріятной неизбѣжностью этого практичнаго способа передвиженія, о чемъ свидѣтельствуютъ почернѣлыя лица пассажировъ».

Гр. Стругъ. «Будущіе города», очерки.

■

«Его полное, выхоленное лицо пахло одеколономъ и щами. Павлу былъ еще съ дѣтства знакомъ этотъ щекочущій запахъ, возбуждавшій въ немъ ощущеніе классовой розни»...

Т. Романовъ. «Рѣки».

■

«Колѣни женщины бываютъ величественнѣе, чѣмъ Монбланъ».

Б. Пильнякъ. «Волга впадаетъ въ Каспійское море».

■

«Король достаточно народу погубилъ
Ла-ла-ла, Ла-ла-ла,
Король на плахѣ голову сложилъ
Ла-ла-ла, Ла-ла-ла,
Король, вамъ нравится ли участь бѣдняка.
Ла-ла-ла, Ла-ла-ла,
Она какъ кремъ малиновый казалась вамъ сладка,
Ла-ла-ла, Ла-ла-ла,
Король отнынѣ знаетъ самъ,
Ла-ла-ла, Ла-ла-ла,
Что месть знакома бѣднякамъ.
Ла-ла-ла, Ла-ла-ла!».

А. Луначарскій. «Революціонные поэты Запада».

«Однако, слѣдуетъ замѣтить, что и механистическія теоріи не могутъ насъ удовлетворить, ибо механистическая теорія есть механистическая теорія, и какъ таковая, она является механистической теоріей. Полагаю, что это достаточно ясно».

Т. Эрлихъ. Рѣчь на философскомъ совѣщаніи въ Москвѣ (14 февраля 1931 г.).

«— Эхъ, Люба, Любушка моя! задумчиво сказалъ Рябчикъ, запустивъ руку за ея капотъ, — чѣмъ это ты меня держишь, не пойму?! Груди у тебя хороши, а міровоззрѣніе ,ну, одно слово, — никуда!».

Як. Солнцевъ. «На второмъ пути».

«Я знаю, Рябчикъ, что ты любишь меня, но иногда, повѣришь-ли, на меня находятъ сомнѣнія... Смѣшно при существующихъ отношеніяхъ требовать доказательствъ, но мнѣ хотѣлось бы избавиться отъ моихъ сомнѣній.

— Это, что же... какъ по старинкѣ? Палецъ отчикать, что ли?

— А отрѣжешь?

Онъ усмѣхнулся.

— А думаешь нѣтъ? Только глупо, какъ будто, а?

Она подошла къ нему вплотную и обвила шею Рябчика своими горячими руками.

— Скажи, а если бы я попросила... оставить работу, бросить партію?

Рябчикъ выпрямился.

— Измѣнить своему классу? Никогда!

Люба ребячливо надула губы.

— Поймн, Любаша, ты вся жизнь моя. Но классъ — это больше жизни, Любаша. Классъ, классъ... какъ же ты не понимаешь?!».

(Оттуда же).

«Совѣтская общественность привыкла уже дорожить свободой мнѣній. Можно утверждать, что отличительнымъ признакомъ нашей общественной жизни является та свобода сужденій, о которой въ странахъ капитализма не имѣютъ даже и начальнаго представленія».

Проф. Гвоздевъ. «Наши разногласія».

«Онъ потянулся рукой и тямкнулъ за висячій звонокъ. Минуты черезъ полторы захлюбали босые шаги и показалась женщина въ подоткнутой мокрой юбкѣ.

— Чего шандаете? — спросила Катерина.

— Шандаю? Ты у меня, смотри, не того... По портрету хрясну-то, всю фотографію измараю, зубы на брошки продавать станешь! Хамба!

Онъ отшвырнулъ ее отъ двери и какъ былъ, треснулся на кровать».

Н. Новиковъ. «Горностай».

Ата-Троль.

НАДПИСИ НА ПОЛЯХЪ БИБЛІОТЕЧНЫХЪ КНИГЪ.

(Почти съ натуры).

ТЮТЧЕВЪ.

Поперекъ стиховъ помѣтка:
«Мысли есть, но въ общемъ — сухо».
(Такъ на мраморѣ нерѣдко
Оставляетъ слѣдъ свой муха)

«КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА».

Миѣнье крайне-правой барыни
Кратко, вѣско и сурово:
«Я на мѣсть Государыни
Не простила-бы Гринева».

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

«Писать на книжкахъ очень глупо.
Иванъ Фаддеичъ Кандалупа».

Скрутъ.

ВЪ КИНО.

Рис. Б. Гроссера.

Онъ (про себя). — **Какъ-бы я хотѣлъ быть на его мѣстѣ!...**
Она (про себя). — **А какъ-бы я хотѣла быть на ея мѣстѣ!..**
Оба (вслухъ). — **Фи, какая непристойная сцена!...**

ГОРОДА И ГОДЫ.

ГАТЧИНА.

Рис. Александра Н. Бенуа

«Кто можетъ знать при словѣ — разставанье,
Какая намъ разлука предстоитъ...»

О. Мандельштамъ.

ГОЛОСЪ КРОВИ
ИЛИ
ТАЙНЫ СЛАВЯНСКОЙ ДУШИ.

Старый фіакръ, запряженный давно вышедшей изъ моды лошадью довоеннаго образца, медленно приближался къ Елисейскимъ Полямъ...

Виконтъ де Кальва думалъ о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ его неожиданный визитъ. — «Жозефина навѣрное воскликнетъ: «Ахъ!» Впрочемъ, послѣ непродолжительнаго раздумья рѣшилъ виконтъ, — она можетъ воскликнуть и «Ай!»

Онъ былъ очень взволнованъ и, чтобы какъ нибудь убить время, сталъ учить наизусть полученное вчера анонимное письмо.

> «Особа, любовью которой Вы дорожите и любовь которой стоитъ Вамъ довольно дорого, обманываетъ Васъ».
>
> **Неизвѣстный доброжелатель**
> **Гюставъ Б.**

Читатель вѣроятно догадался, что Жозефина была любовницей виконта. Я не вправѣ скрывать отъ читателя и то, что, остановившись возлѣ дома любовницы, виконтъ расплатился съ извозчикомъ, послѣ чего вошелъ въ домъ, болѣе или менѣе безшумно открылъ дверь Жозефининой квартиры, осторожно, на цыпочкахъ, подошелъ къ вѣшалкѣ, снялъ пальто и попрежнему стараясь не шумѣть, подкрался къ будуару красавицы, такъ какъ Жозефина де ля Помъ д-Адамъ была красавицей.

Затаивъ дыханье, виконтъ остановился передъ полузакрытой дверью будуара, такъ какъ дверь была полузакрыта.

Жозефина лежала на диванѣ. Она курила и, выпуская клубы дыма изо рта, заразительно смѣялась.

— Поцѣлуй меня, — сказала она, — обращаясь къ элегантному молодому человѣку, сидѣвшему рядомъ съ ней въ позѣ типичнаго любовника.

Элегантный молодой человѣкъ исполнилъ желанье красавицы и красавица произнесла:

— Теперь уходи...

Но элегантный молодой человѣкъ не хотѣлъ уходить.

— Этотъ ревнивый кретинъ виконтъ де Кальва приходитъ по пятницамъ, а сегодня четвергъ, — сказалъ молодой человѣкъ и вздохнулъ.

— Сегодня четвергъ, но онъ здѣсь! — раздался за занавѣской голосъ виконта.

— Я погибла! — воскликнула Жозефина и не долго думая упала въ обморокъ.

У элегантнаго молодого человѣка хватило мужества закрыть лицо руками и сказать:

— Это не я...

— Не вы? А кто же? — ехидно спросилъ виконтъ и вмѣсто того, чтобы выхватить изъ кармана револьверъ и въ состояніи законной самообороны или временнаго умопомѣшательства застрѣлить соперника и измѣнницу, или хотя бы только соперника, или только измѣнницу, какъ поступилъ бы на его мѣстѣ всякій цивилизованный европеецъ, виконтъ закурилъ папиросу и быстро направился къ выходу.

Столь странное поведеніе моего героя можно объяснить лишь тѣмъ, что въ благородныхъ жилахъ рода де Кальва текло около двухъ процентовъ славянской крови. Одна изъ пра-прабабушекъ виконта была дочерью великаго русскаго балалаечника, который пожелалъ остаться неизвѣстнымъ, но который за наличье абсолютнаго слуха и другія музыкальныя заслуги былъ еще при Іоаннѣ Грозномъ награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона...

Антиной Килькинъ.

КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

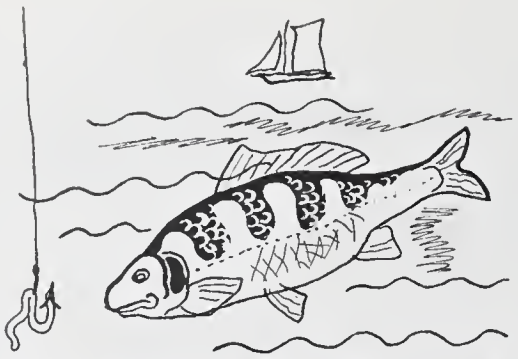
МИХАЙЛО КАЛИНИНЪ.

Рис. А. Шараго.

Всесоюзный Староста

или...

« Monsieur le Président de la République »



Объ Окунѣ и Рыбакѣ

ПОЛУДѢТСКІЕ СТИХИ.

I.

Вьешься, окунь, надъ приманкой,
Но тебѣ и невдомекъ,
Что, едва ея коснешься,
Дрогнетъ хитрый поплавокъ.

И на солнечный, на яркій,
На неумолимый свѣтъ
Повлекутъ тебя, откуда
Въ прудъ родной возврата нѣтъ.

Пусть одно тебя утѣшитъ,
Что не такъ уже плоха
Съ перцемъ и листомъ лавровымъ
Окуневая уха.

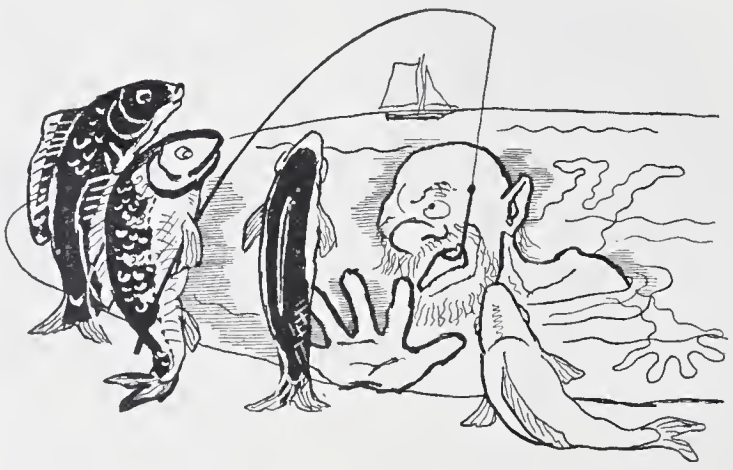
II.

И страшный сонъ терзаетъ рыбака:
Огромный окунь съ удочкой зловѣщей
Сидитъ въ травѣ, два красныхъ поплавка
Какъ два крыла Архангела трепещутъ.

А онъ на днѣ лежитъ. Ему во грудь
Крючекъ вонзается, другой и третій...
Онъ крикнуть хочетъ, силится вздохнуть, —
Его влекутъ: въ палящемъ дикомъ свѣтѣ

Онъ видитъ прудъ; кругомъ на берегахъ
Сѣдыя рыбы строго смотрятъ въ волны.
И плачетъ онъ, и кается въ грѣхахъ,
Во всѣхъ грѣхахъ... Но окуни безмолвны.

Робинъ-Гудъ.



ДРУГОЕ ДѢЛО.

— Какъ вы думаете, вашему мужу можно довѣриться?

— Я думаю! Я же ему довѣрила самое себя.

— Нѣтъ, я спрашиваю можно ли ему довѣриться въ серьезномъ дѣлѣ?

ДѢТИ.

Большой магазинъ, суета, давка. Къ приказчику робко подходитъ мальчуганъ лѣтъ пяти.

— Monsieur, .. можетъ быть, вы видѣли мою маму?

— Ты потерялъ маму? Опиши ее подробно.

— ...Ну... такая дама... безъ такого мальчика, какъ я! Безъ такого мальчика въ курточкѣ и желтыхъ ботинкахъ!...

«БѢГСТВО».

(Отрывокъ изъ романа).

Тамара Матвѣевна не преувеличивала, когда говорила Фомину, что Семену Исидоровичу предлагаютъ на Украинѣ очень видныя и почетныя должности. Кременецкій не отклонялъ дѣлавшихся ему предложеній, но и не принималъ ихъ; а Тамарѣ Матвѣевнѣ хмуро-уклончиво отвѣчалъ, что ему еще не достаточно ясны нѣкоторыя подробности политической игры. Эта загадочная фраза внушала его женѣ уваженіе, смѣшанное съ робостью. Тамара Матвѣевна заранѣе подчинялась всякому рѣшенію мужа, но имѣла и свои собственныя надежды. Въ числѣ другихъ должностей, о которыхъ шла рѣчь въ переговорахъ Кременецкаго съ вліятельными украинскими кругами, были дипломатическіе посты. Тамарѣ Матвѣевнѣ очень хотѣлось, чтобы Семенъ Исидоровичъ принялъ именно должность посланника. Изъ заграницы гораздо легче было бы снестись съ Мусей, а всѣ мысли Тамары Матвѣевны были устремлены на то, чтобы возможно скорѣе вывезти дочь изъ Петербурга. Вдобавокъ, жизнь Муси все равно должна была бы протекать заграницей.

— По моему, лучше всего было бы, чтобы тебя назначили посланникомъ въ Лондонъ, — штопая чулокъ подъ электрической лампой, говорила мужу Тамара Матвѣевна въ двѣнадцатомъ часу ночи передъ отходомъ ко сну. У нихъ въ это время обычно велись самые задушевные разговоры, — разговоры о такихъ предметахъ, о которыхъ только другъ съ другомъ они могли бесѣдовать вполнѣ откровенно.

— Ты забываешь прежде всего, золото, что украинская республика пока признана только германской коалиціей, а не союзниками, — со вздохомъ отвѣтилъ Семенъ Исидоровичъ, снимая пиджакъ. Ему самому очень хотѣлось стать посломъ.

— Ахъ, я увѣрена, вы можете добиться, чтобы и союзники васъ признали, — настаивала Тамара Матвѣевна и слова ея звучали приблизительно такъ: «ты можешь добиться, чтобъ и союзники тебя признали». — Сначала пусть они васъ признаютъ de facto, а потомъ признаютъ и de jure. — Эти выраженія Тамара Матвѣевна недавно впервые услышала отъ виднаго украинскаго дѣятеля и повторяла ихъ теперь съ особенно озабоченнымъ видомъ.

— Со временемъ они насъ, конечно, признаютъ, объ этомъ спора нѣтъ. Но пока мы не признаны, и слѣдовательно о должности посланника въ Лондонѣ разсуждать еще преждевременно.... Вотъ проклятая запонка, наконецъ-то отцѣпилъ... Кромѣ того есть еще минусъ: я англійскаго языка не знаю, а французскимъ владѣю недостаточно свободно, — сказалъ Семенъ Исидоровичъ. Онъ всегда говорилъ, что недостаточно свободно владѣетъ французскимъ языкомъ, хотя въ дѣйствительности не владѣлъ имъ совершенно.

— Какое это можетъ имѣть значеніе? — горячо возражала Тамара Матвѣевна, отрываясь отъ чулка. — Ллойдъ-Джорджъ тоже не говоритъ по французски, я сама читала. Притомъ развѣ тебѣ долго будетъ подучиться? Вѣдь ты же знаешь, что по украински ты теперь говоришь какъ украинецъ.

— Это не совсѣмъ то же самое, я родился на Украинѣ... Однако допустимъ... — сказалъ Семенъ Исидоровичъ, разстегивая пуговицы панталонъ на животѣ. — Уфъ, легче стало... Тогда возникаетъ другое но. Вѣдь все-таки мое главное и подлинное призваніе, это адвокатура, юриспруденція, право: имъ я посвятилъ лучшіе годы жизни, быть можетъ, добился въ нихъ и кое-какихъ успѣховъ. (Тамара Матвѣевна только улыбнулась: слова были излишни). Значитъ, бросить все это и начать новое поприще? Это легко сказать, золото!

— Ты забываешь, что въ Петербургѣ жизнь наладится еще не скоро, это ясно, какъ день. Пока мы можемъ жить въ Англіи... А когда жизнь тамъ наладится, ты можешь перевестись въ Петербургъ. Тамъ, говорятъ, тоже будетъ украинскій посолъ. А тебя тамъ, слава Богу, всѣ знаютъ, у насъ тамъ чудная квартира... И я увѣрена, что это можно будетъ совмѣстить съ адвокатурой, — убѣжденно говорила Тамара Матвѣевна. — А пока мы изъ Лондона сейчасъ же все сдѣлаемъ, чтобы выписать Мусеньку. Ему тогда ты тоже сможешь выхлопотать какое-нибудь мѣсто въ

Лондонѣ: я увѣрена, что къ зятю посланника будетъ совсѣмъ другое отношеніе.

Семенъ Исидоровичъ съ легкимъ нетерпѣніемъ махнулъ рукой: его немного раздражали и безтолковыя мысли жены, и то, что она его политическую карьеру явно ставила въ зависимость отъ дѣлъ Муси.

— Пока насъ державы Антанты не признали, обо всемъ этомъ говорить безполезно.

— Но de facto они васъ должны признать!

— Я не виноватъ, золото, они насъ пока не признали и de facto... Куда запропастилась пижама?

— Вотъ, подъ второй подушкой... Въ такомъ случаѣ ты долженъ быть посломъ въ Стокгольмѣ... Вѣдь Швеція ужъ навѣрное должна васъ признать, если этого потребуетъ Германія. А оттуда намъ еще ближе будетъ къ Мусенькѣ, и я уже думала, что...

— Все это разговоры, — сказалъ, потягиваясь, Семенъ Исидоровичъ. — Получить должность посланника можно было бы развѣ только въ Берлинѣ или въ Вѣнѣ, но назначенія туда я и самъ не желалъ бы, хотя бы изъ за того, что было, — произнесъ онъ скороговоркой. Семенъ Исидоровичъ имѣлъ въ виду свое прежнее отношеніе къ войнѣ и четырехлѣтнюю вѣрность союзникамъ. — У меня съ нѣмцами (онъ чуть было не сказалъ: съ Германіей) корректныя отношенія и только. Разумѣется, они цѣнятъ во мнѣ культурно-политическую силу, но это все, и больше я ничего не желаю. Такъ не въ Болгарію же мнѣ идти посланникомъ.

— Этого я никогда и не предлагала, — сказала возмущенно Тамара Матвѣевна: постъ посланника въ Болгаріи явно не соотвѣтствовалъ значенію Семена Исидоровича, и до Муси изъ Болгаріи было очень далеко. — Конечно, въ Болгарію ты не долженъ ѣхать. Да они никогда и не рѣшатся предложить тебѣ такой второстепенный постъ.

— А если такъ, то я не вижу, почему мнѣ не принять первостепеннаго поста, который болѣе отвѣчалъ бы моему опыту, моимъ знаніямъ всему моему прошлому...

— Ты берешь портфель министра юстиціи? — поспѣшно спросила Тамара Матвѣевна и, несмотря на ея желаніе уѣхать заграницу, гордость за мужа такъ и залила ея душу.

— Ахъ, Боже мой, ты отлично знаешь, что постъ министра юстиціи занятъ. По секрету скажу тебѣ, со мной на дняхъ говорили о должности вице-предсѣдателя Сената.

— Какъ вице-предсѣдателя Сената? Но вѣдь Сенатъ остался въ Петроградѣ? — спросила, не подумавъ, Тамара Матвѣевна.

— Я говорю, разумѣется, о будущемъ украинскомъ Сенатѣ, — не безъ раздраженія пояснилъ Семенъ Исидоровичъ. — Но это совершенно между нами, золото. Объ этомъ проэктѣ еще никто не знаетъ, я только тебѣ сказалъ.

— Ты можешь быть спокоенъ. — отвѣтила Тамара Матвѣевна. И дѣйствительно развѣ лишь пытка могла бы вырвать у нея секретъ, который мужъ довѣрилъ только ей одной. Семенъ Исидоровичъ зналъ это и у него почти не было тайнъ отъ жены; онъ лишь не забывалъ добавлять въ важныхъ случаяхъ эту фразу: «я тебѣ одной говорю».

— Это пока впрочемъ только предварительные разговоры.., Ты еще не ложишься?

— Сейчасъ... Вице-предсѣдатель Сената, — повторила Тамара Матвѣевна, наслаждаясь звучностью будущаго титула мужа. — Но все-таки это теперь зависитъ отъ тебя?

— Да, — кратко отвѣтилъ Семенъ Исидоровичъ и это «да» прозвучало какъ «о, да!».

— Когда выяснится? — такъ же кратко спросила Тамара Матвѣевна.

— Скоро, — отвѣтилъ Семенъ Исидоровичъ. — Вѣроятно, уже выяснилось бы, еслибъ не эти несчастные слухи о гетманщинѣ, которые только создаютъ нездоровую политическую атмосферу. Кучка какихъ-то карьеристовъ первируетъ всю страну!..

— Это просто вздоръ, — вздохнула Тамара Матвѣевна. — Какъ можно такъ не понимать создавшееся положеніе!

— Да... Да... Со всѣмъ тѣмъ я не увѣренъ, что они не начинаютъ заходить намъ въ тылъ, — мрачно сказалъ Семенъ Исидоровичъ послѣ недолгаго молчанія. — Что-то очень они шушукаются съ нѣмцами.

— Я не думаю... Нѣмцы отлично понимаютъ, что ихъ пулеметовъ мало противъ общественнаго мнѣнія, — высказалась Тамара Матвѣевна, часто повторявшая мысли мужа съ нѣкоторымъ опозданіемъ. — Нѣмцы не станутъ поддерживать откровенныхъ реставраторовъ.

— Собственно реставраторами въ настоящемъ смыслѣ слова ихъ нельзя назвать, — отвѣтилъ безъ обычной увѣренности Семенъ Исидоровичъ. — Во всякомъ случаѣ игра скоро должна выясниться, и я приму свое рѣшеніе, — сказалъ онъ такимъ тономъ, какимъ генералъ Бонапартъ могъ сообщить Жозефинѣ о предстоящемъ переворотѣ 18 брюмера.

М. Алдановъ.

ПРИЧИНЫ И СЛѢДСТВІЯ.

— Ты слышалъ? Жоржъ въ больницѣ!

— Что ты говоришь? Да я третьяго дня видѣлъ, какъ онъ танцовалъ на Монпарнассѣ съ Марьей Ивановной.

— Да, но мужъ Марьи Ивановны тоже это видѣлъ.

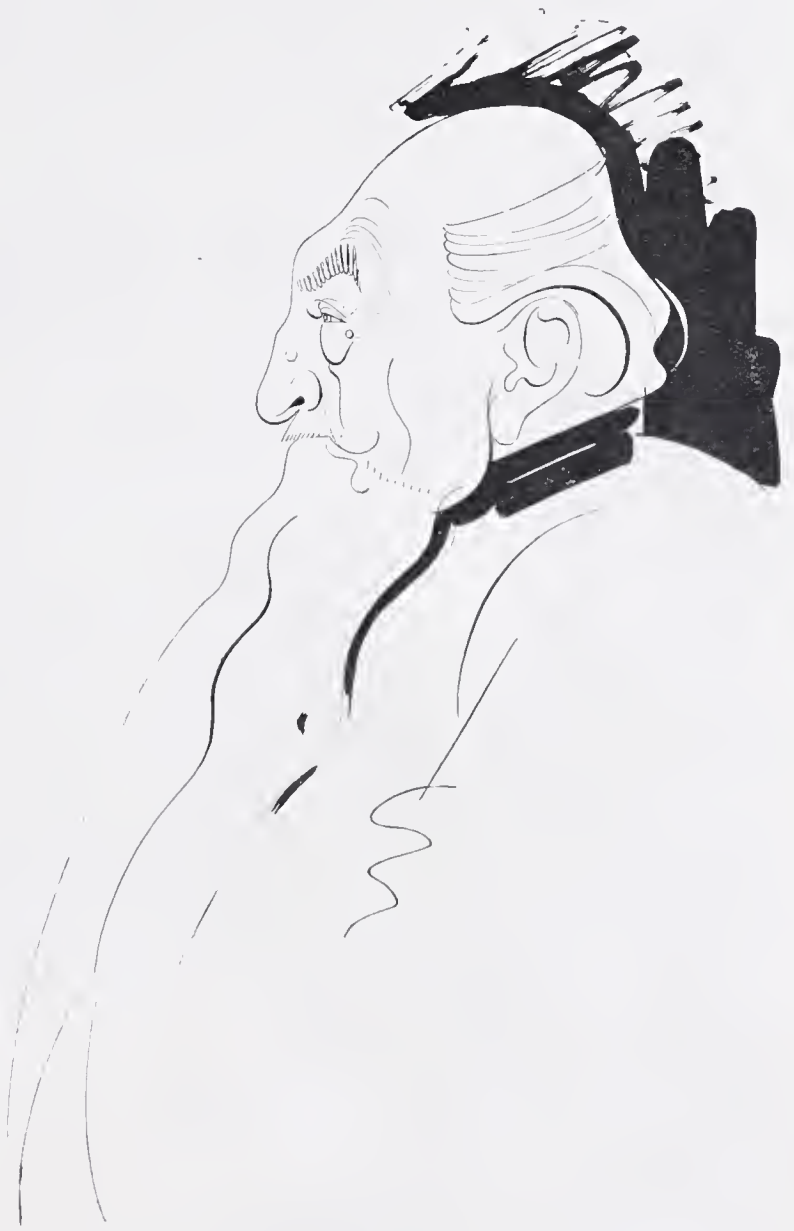
ДОКТОРЪ.

— Если я послушаюсь моего доктора, мнѣ придется голодать цѣлую недѣлю.

— Что ты? Развѣ онъ тоже голоданіемъ лечитъ?

— Нѣтъ, но онъ требуетъ, чтобы я заплатилъ ему за шесть визитовъ впередъ!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.
ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.



«Мафусаилъ —
Въ расцвѣтѣ силъ».

РАЗСКАЗЫ ГОСПОДИНА ТОЩЕНКИ.

У меня, братишки, характеръ довольно странный. Веселый какой-то. Я и самъ не знаю, почему онъ у меня такой. Быть можетъ тяжелая наслѣдственность. Быть можетъ у меня дѣдушка весельчакъ былъ, и любилъ изощряться. Конечно, этотъ вопросъ подлежитъ изученію. Пусть займутся этимъ вопросомъ спеціалисты. Чтобы потомство наше имѣло передъ собой мою выпуклую личность. Чтобы будущіе читатели могли воскликнуть однажды на основаніи научныхъ трудовъ: такъ вотъ оно почему былъ такой веселый этотъ знаменитый Тощенко! Теперь то мы понимаемъ.

Но все это розовыя перспективы. Настоящее мое должно изображаться въ болѣе мрачныхъ краскахъ, такъ какъ я, братишки, изъ-за веселости своей очень страдаю. Я со всѣхъ сторонъ слышу упреки. И чего это вамъ все весело, господинъ Тощенко? Почему всегда вертится у васъ на языкѣ какой-нибудь остроумный выводъ или забавное сравненіе? Стыдно, господинъ Тощенко, вы совсѣмъ не похожи на вымирающій осколокъ русской интеллигенціи, и нарушаете стиль. Эмигрантъ долженъ быть подавленъ гибелью просвѣщеннаго абсолютизма. И ходить понуро. И предаваться воспоминаніямъ, напѣвая вальсъ «Невозвратное время» безъ словъ, и «Замело тебя снѣгомъ» со словами.

Конечно, я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ моихъ безправныхъ согражданъ и самъ весьма удрученъ своей неумѣстной жизнерадостностью.

Тутъ меня недавно пригласили въ гости. Я люблю въ гости ходить, братишки. Мнѣ добавочныя калоріи очень нравятся Въ ветчинѣ этихъ калорій, говорятъ, довольно много. Ну, и въ другихъ закускахъ тоже. Но въ ветчинѣ, говорятъ, больше.

И вотъ прихожу я въ гости и начинаю пользоваться своимъ священнымъ правомъ. Выпиваю, и ветчины на тарелку накладываю. Для начала ѣмъ, не спѣша, но постепенно перехожу на вторую скорость. И чувствую, что подмываетъ меня къ проявленію характера. Чувствую, что на анекдотъ меня тянетъ. И даже просто дурака повалять хочется. Въ рифму чего нибудь пустить или израсловъ какой нибудь скомбинировать. И знаю, что нельзя, но съ наслѣдственностью бороться не могу. Принялъ я еще три рюмочки, и родилась у меня идея. Въ одномъ изъ мозговыхъ полушарій. Въ которомъ именно не помню, потому что, сознаюсь, былъ уже выпивши.

Такъ какая-же все таки идея осѣнила меня, братишки? — задамъ я риторическій вопросъ, и отвѣчу: литературно-художественная! Я графа Толстого вспомнилъ, граждане и нравственные его сюжеты. Конечно, читатель догадывается, что я имѣю въ виду Отца Сергія, который отрубилъ себѣ какую-то конечность въ моментъ крайняго искушенія. Но пусть читатель не думаетъ, что рѣшилъ я сдѣлать то же самое. О нѣтъ, я слишкомъ самостоятельная натура, чтобы впадать въ подражательность. Но я оставляю за собой право на варіантъ. И я рѣшилъ прекратить приливъ моей досадной веселости медицинскимъ средствомъ. Я стянулъ со стола стаканъ горчицы и вымазалъ ее на носовой платокъ. И я сунулъ себѣ подъ сорочку на грудь этотъ простонародный препаратъ, чтобы жгло меня и припекало и наводило на печальныя размышленія объ ужасахъ совѣтской власти. Стаканъ, конечно, подъ столъ сунулъ, а самъ сижу и жду радикальнаго дѣйствія. И дѣйствительно чувствую, что подступаетъ. Въ это время гости горчицу начали искать. И вѣдь только что была горчица. А какъ ветчину безъ горчицы ѣсть? Или опять же сосиски горячія съ капустой поданы?!

— Не можетъ русскій человѣкъ безъ горчицы. И не пойдетъ ему впрокъ никакое самое лакомое національное блюдо безъ этой пышной приправы. И не будетъ гостю отрады отъ обильной русской ѣды, если не обожжетъ онъ себѣ языка этой горчицей и если не выпибетъ она непрошенной слезы на суровыя его очи.

Ищутъ гости горчицу и уже начинаютъ дѣлать хозяйкѣ колкіе намеки, что вотъ, молъ, до чего въ эмиграціи экономія дошла. Уже горчицу со стола потихоньку убираютъ. Этакъ, изъ совѣтской Россіи не стопло уѣзжать.

Хозяйка, конечно, увѣряетъ, что и не думала убирать и что стаканъ самъ со стола пропалъ. Но гости уже безъ всякаго уваженія стали надъ хозяйкой нервно смѣяться и пошли обыскивать помѣщеніе. А я сижу, какъ на углях. Жжетъ горчичникъ, прямо силъ нѣтъ, а главное дѣло на животъ сползъ и вытащить его безъ общественной стыдливости нѣтъ возможности.

И сталъ я громко стонать и за животъ хвататься. Тутъ обступили меня со всѣхъ сторонъ и начали выражать удивленіе: что это, говорятъ, съ господиномъ Тощенко сдѣлалось?! Такой всегда некстати веселый бываетъ, а тутъ, изволите видѣть, за животъ держится и чуть не плачетъ. Неужели, говорятъ, его наконецъ ностальгія хватила? Именно, братишки, говорю, — она самая. И тогда про горчицу всѣ позабыли и начали меня утѣшать: ничего, говорятъ, Тощенко, крѣпись. Совѣтской власти дышать не долго осталось. Опять вернешься въ Санктъ-Петербургъ и писаремъ въ Сенатѣ устроишься. Смотри какія у тебя теперь связи въ эмиграціи пріобрѣтены. Съ графами бывшими и съ губернаторами за ручку здороваешься.

По совѣсти скажу, братишки, эти рѣчи были бы мнѣ совсѣмъ пріятны, если бы не горчичникъ. Очень онъ сильное дѣйствіе имѣетъ. И чувствую я, что глаза у меня, какъ у затравленной газели дѣлаются: злые такіе и противные. Изловчился я, руку поглубже сунулъ и вытащилъ на свѣжій воздухъ это народное средство.

Но не опустить-ли намъ занавѣсъ надъ всѣмъ тѣмъ, что произошло дальше?! Стоитъ-ли, братишки, продолжать изложеніе? Да и хватитъ-ли у автора силъ? Хватитъ-ли у него придаточныхъ предложеній?!

Начали срамить меня и гости и хозяева. Вотъ такъ Тощенко! Стали кричать кругомъ. Этакій сукинъ сынъ! Въ гости приходитъ, пьетъ, ѣстъ, да еще горчицу воруетъ. Обыщите его, можетъ онъ себѣ и мелкой столовой соли въ карманы насыпалъ.

Ушелъ я, братишки, униженный и оскорбленный. И я не рѣшился открыть истинные мотивы моего предосудительнаго поведенія. Потому что они интимные.

Тощенко.

ИЗЪ МАРГАРИНА ПАРМСКАГО.

1.

За тоску по родинѣ памятниковъ не ставятъ.

2.

Будь доволенъ тѣмъ, что ты есть фактъ, а не реклама!

3.

Любовь, которая продолжается десять лѣтъ, считается на основаніи земской давности страстью.

4.

И у дурака можетъ быть головная боль.

5.

Проще всего поступилъ Сократъ:

— Чтобъ избавиться отъ интервью, онъ отравился.

6.

Только кассиры не имѣютъ права быть авіаторами.

7.

И огрызкомъ карандаша можно написать поэму.

8.

Пословица для боксеровъ:

— Чужой кулакъ — потемки.

9.

Система Берлица — это послѣдствіе Вавилонскаго столпотворенія.

10.

Молодость, это страсть къ путешествію.

Зрѣлость, это вкусъ къ путешествію.

11.

Богъ создалъ человѣка по образу и подобію Своему, но о велосипедистѣ Онъ не подумалъ.

12.

Все зависитъ отъ точки зрѣнія:

Соціалисты увѣрены, что будущее принадлежитъ соціализму, а оптимисты думаютъ, что — международному обществу спальныхъ вагоновъ.

13.

И плѣшивый человѣкъ можетъ стать эстетическимъ анархистомъ.

14.

Для переоцѣнки цѣнностей требуются единицы, для отвинчиванія памятниковъ нужна толпа.

15.

Не старайтесь познать самихъ себя, а то вамъ противно станетъ!...

ЕВРОПА.

Рис. Г. Шильтяна.

Каждый средній человѣкъ
Для того и созданъ Богомъ,
Чтобъ закончить краткій вѣкъ
Гармоническимъ итогомъ,

То-есть быть со всѣхъ сторонъ
Защищеннымъ отъ ненастья,
И сидѣть, и стричь купонъ,
Этотъ страшный символъ счастья!...

ДОРОГІЯ ЖЕМЧУЖИНЫ.

Разсказъ Томаса Чэмлина.

Все мужское населеніе Рэйчестера было глубоко убѣждено, что мисъ Мюріель Снобуерзъ «шикарная дѣвица». А все женское держалось о ней другого мнѣнія.

Впрочемъ старуха Боббинсъ, долголѣтняя служанка мисъ Снобуерзъ, выражалась о ней откровенно:

«Это такая сквалыга, какихъ свѣтъ еще не видывалъ. Она бы всѣ ягоды сначала вытащила изъ варенья, прежде чѣмъ дать его прислугѣ, если бы только она давала прислугѣ варенье. Но не дастъ! А расфуфыриться и пыль пускать въ глаза, какъ призовая кобыла, — это она можетъ».

И дѣйствительно, надо сказать, что мисъ Снобуерзъ любила пускать пыль въ глаза и распространяться о своихъ изысканныхъ, аристократическихъ привычкахъ и вкусахъ.

«Вамъ нравится моя плянка? — говорила она, жеманясь, дочери викарія. — Впрочемъ, это, дѣйствительно, ничего себѣ колпачекъ. Я выписала ее отъ Миллинэ изъ Парижа, слыхали, конечно? Тридцать пять фунтовъ. Но я, хоть убей, не могу носить дешевыхъ вещей... и, право, я этого не стыжусь».

Во всемъ Рейчестерѣ была только одна особа, которая умѣла утереть иногда носъ мисъ Снобуерзъ и поставить ее на свое мѣсто. Это была простоватая, но спеціалистка по части правды-матки, Джейнъ Бриггзъ.

И мисъ Снобуерзъ скорѣе отдала бы палецъ, на который она давно потеряла надежду надѣть обручальное кольцо, чѣмъ дать Джейнъ хоть малѣйшій преферансъ.

Мисъ Снобуерзъ какъ-то захлопоталась и увидѣла, что можетъ опоздать въ воскресную библіотеку. Она начала торопиться и неплотно застегнула на затылкѣ аграфъ, которымъ замыкалось ея жемчужное ожерелье. Штукъ пять-шесть прозрачныхъ нѣжно-розовыхъ слезинокъ скатились на тротуаръ, прежде чѣмъ мисъ Снобуерзъ замѣтила свою оплошность. Мисъ Снобуерзъ сняла ожерелье, сунула его въ сумку и вошла въ библіотеку.

Когда она вышла съ послѣднимъ романомъ Уоллеса въ рукѣ, у библіотечнаго подъѣзда копошилась толпа. Тутъ была и Джейнъ Бриггзъ и не меньше дюжины другихъ знакомыхъ дамъ и дѣвицъ.

На фронтѣ толпы стояли два субъекта: у одного выраженіе лица было торжествующее, у другого сквозь надежду проглядывала опаска. У этого второго лежали на грязной ладони пять или шесть розовыхъ жемчужинокъ.

— Я ихъ нашелъ, мисъ, — сказалъ субъектъ № 1. — Поднялъ ихъ онъ, но нашелъ-то я. Я ему показалъ, а только что я не успѣлъ нагнуться, — онъ уже ихъ и заграбасталъ.

— Вретъ онъ, какъ послѣдній песъ, — возразилъ субъектъ № 2. — Я ихъ увидѣлъ и я ихъ и поднялъ. А онъ потомъ подошелъ со своимъ длиннымъ носомъ и кричитъ: «Я въ долѣ!». А какая его, кабацкаго затычки, доля, когда я ихъ уже въ рукѣ держалъ, когда онъ подкатился?

— Лопни мои глаза, — сказалъ № 1, рѣшительно протягивая ладонь, — если я хоть каплю вру. Я ихъ увидѣлъ! Я!

— Бываютъ же дармоѣды, чтобъ имъ сдохнуть, — вздохнулъ № 2 и, бережно ссыпавъ жемчужинки въ руку мисъ Снобуерзъ, остался передъ ней съ протянутой рукой.

Мисъ Снобуерзъ поблѣднѣла. По лицу ея пробѣжала судорога. Она хотѣла что-то сказать, но захлебнулась и устремила умоляющій взоръ сначала на физіономіи своихъ знакомыхъ, а затѣмъ въ горѣвшіе алчностью глаза субъектовъ. Выраженіе ея лица могло бы растопить сердце замерзшаго тысячи лѣтъ назадъ мамонта.

Но субъекты не были мамонтами...

Мисъ Снобуерзъ медленно опустила руку въ сумку и еще медленнѣе, словно ея рука попала тамъ въ густой клей, вытащила ее назадъ.

№ 1 получилъ шиллингъ. № 2 сказалъ: « Ну, и господа нынче пошли».

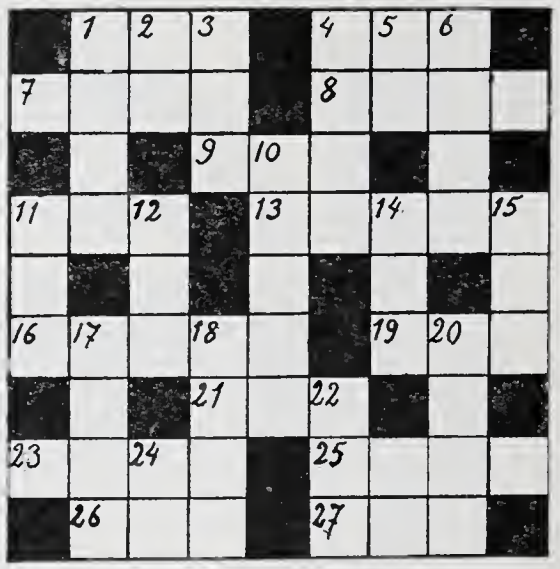
Джейнъ Бриггзъ отдѣлилась отъ толпы и, взявъ близкую къ обмороку мисъ Снобуерзъ подъ руку, повела ее въ ближайшее кафе.

— Что же это, милая? — сказала она. — Я знаю, положимъ, что вы за грошъ готовы повѣситься, но вѣдь это же не зря выброшенныя деньги. За эти жалкіе полтора шиллинга вы получили обратно...

— Жалкіе полтора шиллинга! — прервала ее мисъ Снобуерзъ. — Дура вы! Вѣдь эти ожерелья продаются въ Лондонѣ въ большихъ магазинахъ полтора шиллинга дюжина!

КРЕСТОСЛОВИЦЫ МИЧМАНА ДЫРКИ.

№ 2.



Горизонтально:

1. Капля времени, по выраженію поэта, но какая увѣсистая капля, когда она не изъ первыхъ! 4. Съ эллинской точки зрѣнія — богъ, но ежели стать на польскую, такъ даже и не полубогъ. 7. Неправильное употребленіе этого слова выдаетъ одесское происхожденіе. 8. Былъ гарантированъ отъ смерти на скотобойнѣ. 9. Рисуется земледѣльцу, когда пѣвица разливается: «Василечки, василечки!» 11. Членъ очень музыкальной семьи. 13. Рѣдко доставляетъ удовольствіе дѣлающему его и еще рѣже тому, кому его дѣлаютъ. 16. Киноартистъ, обязанный своей славой своему портному. 19. Простая матерія. 21. Попугайская порода, но ассоціируется и съ широкой благотворительностью. 23. Попробуйте спросить его въ посудной лавкѣ! А между тѣмъ посуда. 25. Санаторій для пароходовъ. 26. Городъ, въ которомъ, по увѣренію Остапа Бендера, всѣ жители ходятъ въ бѣлыхъ штанахъ. 27. Если вамъ угодно знать, онъ былъ братомъ Магомета.

Вертикально:

1. Славна среди городовъ, да и изъ птицъ не послѣдняя. 2. Русская рѣка. 3. За неблагодарность можетъ быть отнятъ. 4. Дѣлали карьеру при маркизахъ. 5. Иниціалы автора стихотворенія «Глухой глухого звалъ къ суду судьи глухого» и многихъ другихъ. 6. Интересуютъ сыщиковъ. 10. Православный на службѣ у нехристя. 11. Первый изъ клоунской пары, а если угодно, такъ и второй. 12. Нехристь, владыка только что упомянутаго православнаго. 14. Швейцарская болѣзнь. 15. На спинѣ имѣть его плохо, а на рукахъ хорошо. 17. Эйнштейнъ отрицаетъ его существованіе. 18. У пчелы. 20. Американскій житель, но не въ банкѣ. 22. Женское имя. 24. Шпучка.

РѢШЕНІЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 1.

ТОЧНЫЙ ОТВѢТЪ.

— Вотъ противный мальчишка! Ну, гдѣ это видано, чтобы бутылками по головѣ драться?

— Въ кино, мамаша.

«Базаръ Житейской Суеты»

Фотомонтажъ Степанчича

Типъ красавца-мужчины. Получившій на парижской кошачьей выставкѣ первый призъ за красоту, грацію и силу. Несмотря на свои два съ половиной года одинокъ и живетъ холостякомъ.

Марія Куренко. Зимой поетъ для американскихъ милліардеровъ, лѣтомъ, для нищихъ русскихъ студентовъ, почему и называется и Primadonna и Alma mater.

Monsieur Renier. Главный директоръ Гаваса, умудрившійся запутать весь міръ въ свои сѣти... телефонныя и телеграфныя.

«Изъ Индіи толпа магараджей, уставъ отъ дѣлъ, возстаній, мятежей, спѣшитъ для отдыха въ Парижскій мюзикхолль!.»

Знаменитый піанистъ **Падеревскій,** бывшій президентъ польскій, Кумиръ Американскій, и проч., и проч.

Золотой теленокъ

Романъ изъ совѣтской жизни
Ильи Ильфа и Евгенія Петрова.

(Продолженіе).

Содержаніе предыдущихъ главъ:

«Тридцать сыновей и дочерей лейтенанта Шмидта» спекулируютъ на легковѣріи совѣтскихъ губернаторовъ, предѣисполкомовъ и проч.

Для наибольшаго успѣха вся сов. республика раздѣлена на индивидуальные районы дѣйствій, и между «дѣтьми» заключена конвенція...

Однако, нѣтъ еще такой конвенціи, которая не нарушалась-бы.

Главнымъ нарушителемъ оказался яркій мошенникъ и индивидуалистъ Паниковскій, съ которымъ и встрѣчаются въ городѣ Арбатовѣ главные герои романа, они-же и дѣти Шмидта, Остапъ Бендеръ и Шура Балагановъ.

Въ это время на сцену выступаетъ новый персонажъ, нѣкто Корейко, по геніальности далеко превосходящій всѣхъ дѣтей лейтенанта Шмидта, вмѣстѣ взятыхъ.

На другой же день онъ узналъ, что республика начала строить электрическую станцію. Узналъ онъ также, что деньгъ постоянно не хватаетъ и постройка, отъ которой зависитъ будущность республики, можетъ остановиться.

И здоровый частникъ рѣшилъ помочь республикѣ. Онъ снова погрузился въ оранжевые сани, надѣлъ тюбетейку и, захвативъ пузатый портфель, двинулся въ управленіе строительствомъ.

Его встрѣтили не особенно ласково: но онъ велъ себя весьма достойно, ничего не просилъ для себя и напиралъ главнымъ образомъ на то, что идея электрофикаціи отсталыхъ окраинъ чрезвычайно близка его сердцу.

— Вашему строительству, — говорилъ онъ, — не хватаетъ денегъ. Я ихъ достану.

И онъ предложилъ организовать при строительствѣ электростанціи доходное подсобное предпріятіе.

Что можетъ быть проще! Мы будемъ продавать открытки съ видами строительства, и это принесетъ тѣ средства, въ которыхъ такъ нуждается постройка. Запомните: вы ничего не будете давать, вы будете только получать.

Александръ Ивановичъ рѣшительно рубилъ воздухъ ладонью, слова его казались убѣдительными, проектъ былъ вѣрный и выгодный. Заручившись договоромъ, по которому онъ получалъ четвертую часть всѣхъ барышей съ открыточнаго предпріятія, Корейко началъ работать.

Сперва понадобились оборотныя средства. Ихъ пришлось взять изъ денегъ, ассигнованныхъ на постройку станціи. Другихъ денегъ въ республикѣ не было.

Для печатанія открытокъ рѣшено было какъ можно скорѣе выстроить собственную типографію. Деньги, какъ и въ первый разъ, были взяты изъ строительныхъ средствъ.

Черезъ полгода на всѣхъ желѣзнодорожныхъ остановкахъ появились агенты-распространители въ полосатыхъ штанахъ. Они торговали открытками, изображавшими скалы виноградной республики, среди которыхъ или грандіозныя работы. Въ лѣтнихъ садахъ, театрахъ, кино, на пароходахъ и курортахъ барышниковечки вертѣли застекленные барабаны благотворительной лотереи. Лотерея была безпроигрышная, — каждый выигрышъ являлъ собою открытку съ видомъ электрическаго ущелья.

Слова Корейко сбылись — доходы притекали со всѣхъ сторонъ. Но Александръ Ивановичъ не выпускалъ ихъ изъ своихъ рукъ. Четвертую часть онъ бралъ себѣ по договору, столько же присваивалъ, ссылаясь на то, что еще не отъ всѣхъ агентскихъ каравановъ поступила отчетность, а остальныя средства употреблялъ на расширеніе благотворительнаго комбината.

Дѣло расцвѣло, и Александръ Ивановичъ, съ лица котораго не сходила честная совѣтская улыбка, приступилъ къ печатанію открытокъ съ портретами кино-артистовъ.

Какъ водится, однажды вечеромъ на тряской машинѣ пріѣхала полномочная комиссія. Александръ Ивановичъ не сталъ мѣшкать, бросилъ прощальный взглядъ на потрескавшійся фундаментъ электростанціи, на грандіозное, полное свѣта зданіе подсобнаго предпріятія и задалъ стрекача.

Гмъ! — сказалъ предсѣдатель, ковыряя палкой въ трещинкахъ фундамента. — Гдѣ же электростанція?

Онъ посмотрѣлъ на членовъ комиссіи, которые въ свою очередь сказали «гмъ». Электростанціи не было.

Зато въ зданіи типографіи комиссія застала работу въ полномъ разгарѣ. Сіяли лиловыя лампы, и плоскія печатныя машины озабоченно хлопали крыльями. Три изъ нихъ выпекали ущелье въ одну краску, а изъ четвертой, многокрасочной, словно карты изъ рукава шулера, вылетали открытки съ портретами Дугласа Фербенкса въ черной полумаскѣ на толстой самоварной мордѣ, очаровательной Ліа де-Путти и славнаго малаго съ вытаращенными глазами, извѣстнаго подъ именемъ Монти Бенкса.

«...Дѣло расцвѣло, и Александръ Ивановичъ приступилъ къ печатанію открытокъ съ портретами кино-артистовъ».

«..Онъ не завтракалъ, а совершалъ физіологическій процессъ введенія въ организмъ должнаго количества жировъ, углеводовъ и витаминовъ...»

И долго еще послѣ этого памятнаго вечера въ ущельи подъ открытымъ небомъ шли показательные процессы. А Александръ Ивановичъ прибавилъ къ своему капиталу полмилліона рублей.

Корейко понялъ, что сейчасъ возможна только подземная торговля, основанная на строжайшей тайнѣ. Всѣ кризисы, которые трясли молодое хозяйство, шли ему на пользу, все, на чемъ государство теряло, приносило ему доходъ. Онъ прорывался въ каждую товарную брешь и уносилъ оттуда свою сотню тысячъ. Онъ торговалъ хлѣбо-продуктами, сукнами, сахаромъ, текстилемъ — всѣмъ. И онъ былъ одинъ, совершенно одинъ со своими милліонами. Въ разныхъ концахъ страны на него работали большіе и малые пройдохи, но они не знали, на кого работаютъ. Корейко дѣйствовалъ только черезъ подставныхъ лицъ. И лишь самъ зналъ длину цѣпи, по которой шли къ нему деньги.

Ровно въ двѣнадцать часовъ Александръ Ивановичъ отодвинулъ въ сторону контокоррентную книгу и приступилъ къ завтраку. Онъ вынулъ изъ ящика заранѣе очищенную сырую рѣпку и, чинно глядя впередъ, съѣлъ ее. Потомъ онъ проглотилъ холодное яйцо всмятку. Холодныя яйца всмятку — ѣда очень невкусная, и хорошій веселый человѣкъ никогда ихъ не станетъ ѣсть. Но Александръ Ивановичъ не ѣлъ, а питался. Онъ не завтракалъ, а совершалъ физіологическій процессъ введенія въ организмъ должнаго количества жировъ, углеводовъ и витаминовъ.

Всѣ геркулесовцы увѣнчивали завтракъ чаемъ, Александръ Ивановичъ выпилъ стаканъ кипятку въ прикуску. Чай возбуждаетъ излишнюю дѣятельность сердца, а Корейко дорожилъ своимъ здоровьемъ.

Обладатель десяти милліоновъ походилъ на боксера, расчетливо подготовля-

ющаго свой тріумфъ. Онъ подчиняется спеціальному режиму, не пьетъ и не куритъ, старается избѣгать волненій, тренируется и рано ложится спать — все для того, чтобы въ назначенный день выскочить на сіяющій рингъ счастливымъ побѣдителемъ. Александръ Ивановичъ хотѣлъ быть молодымъ и свѣжимъ въ тотъ день, когда все возвратится къ старому и онъ сможетъ выйти изъ подполья, безбоязненно раскрывъ свой обыкновенный чемоданишко. Въ томъ, что старое вернется, Корейко никогда не сомнѣвался. Онъ берегъ себя для капитализма.

И чтобы никто не разгадалъ его второй и главной жизни, онъ велъ нищенское существованіе, стараясь не выйти за предѣлы сорокашестирублеваго жалованья, которое получалъ за жалкую и нудную работу въ финсчетномъ отдѣлѣ, расписанномъ менадами, дріадами и наядами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Антилопа-гну.

Зеленый ящикъ съ четырьмя жуликами скачками понесся по дымной дорогѣ.

Машина подвергалась давленію такихъ же силъ стихіи, какія испытываетъ на себѣ пловецъ, купающійся въ штормовую погоду. Ее внезапно сбивало налетавшимъ ухабомъ, втягивало въ ямы, бросало со стороны на сторону и обдавало красной закатной пылью.

— Послушайте, студентъ, — обратился Остапъ къ новому пассажиру, который уже оправился отъ недавняго потрясенія и беззаботно сидѣлъ рядомъ съ командоромъ, — какъ же вы посмѣли нарушить сухаревскую конвенцію, этотъ почтенный пактъ, утвержденный трибуналомъ Лиги Націй?

Паниковскій притворился, что не слышитъ, и даже отвернулся въ сторону.

— И вообще, — продолжалъ Остапъ, — у васъ нечистая хватка. Только что мы были свидѣтелями отвратительной сцены. За вами гнались абатовцы, у которыхъ вы увели гуся.

— Жалкіе, ничтожные люди! — сердито пробормоталъ Паниковскій.

«...Паниковскій такъ поспѣшно опустился на колѣни, словно ему подрубили ноги...»

— Вотъ какъ! — сказалъ Остапъ. — А себя вы считаете, очевидно, врачомъ-общественникомъ, Джентльменомъ? Тогда вотъ что: если вамъ, какъ истому джентльмену, взбредетъ на мысль дѣлать записки на манжетахъ, вамъ придется писать мѣломъ.

— Почему? — раздраженно спросилъ новый пассажиръ.

— Потому что онѣ у васъ совершенно черные. Не отъ грязи ли?

— Вы жалкій, ничтожный человѣкъ! — быстро заявилъ Паниковскій.

— И это вы говорите мнѣ, своему спасителю? — кротко спросилъ Остапъ. — Адамъ Казимировичъ, остановите на минутку вашу машину. Благодарю васъ. Шура, голубчикъ, возстановите пожалуйста статусъ-кво.

Балагановъ не понялъ, что означаетъ «статусъ-кво». Но онъ ориентировался на интонацію, съ какой эти слова были произнесены. Гадливо улыбаясь, онъ принялъ Паниковскаго подъ мышки, вынесъ изъ машины и посадилъ на дорогу.

— Студентъ, идите назадъ, въ Арбатовъ, — сухо сказалъ Остапъ, — тамъ васъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ хозяева гуся. А намъ грубіяновъ не надо. Мы сами грубіяны. Ѣдемъ.

— Я больше не буду! — взмолился Паниковскій. — Я нервный!

— Станьте на колѣни, — сказалъ Остапъ.

Паниковскій такъ поспѣшно опустился на колѣни, словно ему подрубили ноги.

— Хорошо! — сказалъ Остапъ. — Ваша поза меня удовлетворяетъ. Вы приняты условно, до перваго нарушенія дисциплины, съ возложеніемъ на васъ обязанностей прислуги за все.

Антилопа-гну приняла присмирѣвшаго грубіяна и покатила дальше, колыхаясь какъ погребальная колесница.

Черезъ полчаса машина свернула на Большой Новозайцевскій трактъ и, не уменьшая хода, въѣхала въ село. У бревенчатаго дома, на крышѣ котораго росла сучковатая и кривая радіомачта, собрался народъ. Изъ толпы рѣшительно выдвинулся мужчина безъ бороды. Въ рукѣ безбородый держалъ листокъ бумаги.

— Товарищи, — сердито крикнулъ онъ, — считаю торжественное засѣданіе открытымъ! Позвольте, товарищи, считать эти аплодисменты...

Онъ, видимо, заготовилъ рѣчь и уже заглядывалъ въ бумажку, но, замѣтивъ, что машина не останавливается, не сталъ распространяться.

— Всѣ въ Автодоръ! — поспѣшно сказалъ онъ, глядя на поровнявшагося съ нимъ Остапа. — Наладимъ серійное производство совѣтскихъ автомашинъ. Желѣзный конь идетъ на смѣну крестьянской лошадкѣ.

И уже вдогонку удаляющемуся автомобилю, покрывая поздравительный гулъ толпы, выложилъ послѣдній лозунгъ:

— Автомобиль — не роскошь, а средство передвиженія!

За исключеніемъ Остапа, всѣ антилоповцы были нѣсколько обезпокоены торжественной встрѣчей. Ничего не понимая, они вертѣлись въ машинѣ, какъ воробушки въ гнѣздѣ. Паниковскій, который вообще не любитъ большого скопленія честныхъ людей въ одномъ мѣстѣ, опасливо присѣлъ на корточки, такъ что глазамъ селянъ представилась только лишь грязная соломенная крыша его шляпы. Но Остапъ ничуть не смутился. Онъ снялъ фуражку съ бѣлымъ верхомъ и на привѣтствія отвѣчалъ гордымъ наклоненіемъ головы то вправо, то влѣво.

— Улучшайте дороги! — закричалъ онъ на прощаніе. — Мерси за пріемъ!

И машина снова очутилась на бѣлой дорогѣ, разсѣкавшей большое тихое поле.

— Они за нами не погонятся? — озабоченно спросилъ Паниковскій. — Почему толпа? Что случилось?

— Просто люди никогда не видѣли автомобиля, — сказалъ Балагановъ.

— Обмѣнъ впечатлѣніями продолжается, — отмѣтилъ Бендеръ. — Слово за водителемъ машины. Ваше мнѣніе, Адамъ Казимировичъ?

Шоферъ подумалъ, пугнулъ звуками матчиша собаку, сдуру выбѣжавшую на дорогу, и высказалъ предположеніе, что толпа собралась по случаю храмового праздника.

— Праздники такого рода, — разъяснилъ водитель Антилопы, — часто бываютъ у селянъ.

— Да, — сказалъ Остапъ. — Теперь я ясно вижу, что попалъ въ общество некультурныхъ людей, то есть босяковъ безъ высшаго образованія. Ахъ, дѣти, милыя дѣти лейтенанта Шмидта, почему вы не читаете газетъ? Ихъ нужно читать. Онѣ довольно часто сѣютъ разумное, доброе, вѣчное.

Остапъ вынулъ изъ кармана «Извѣстія» и громкимъ голосомъ прочелъ экипажу Антилопы замѣтку объ автомобильномъ пробѣгѣ Москва — Харьковъ — Москва.

— Сейчасъ, — самодовольно сказалъ онъ, — мы находимся на линіи автопробѣга, приблизительно въ полутораста километрахъ впереди головной машины. Полагаю, что вы уже догадались, о чемъ я говорю?

(Продолженіе слѣдуетъ)

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Ж. Б. Парижъ. — Съ удовольствіемъ констатируемъ, что пульсъ эмиграціи бьется съ удесятиренной силой.

Творческія ея возможности неограничены ни временемъ, ни пространствомъ, ни писчей бумагой.

Какъ сказалъ поэтъ — чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды... чѣмъ глубже почтовый ящикъ, тѣмъ больше въ немъ стиховъ.

Авторъ, у котораго есть не только будущее, но и прошлое, г. Ж. Б., пишетъ:

...Хочу,
Чтобъ не темнили взора
Мнѣ толпы тѣхъ людей,
Что любятъ только франки!...
— Средь нихъ теперь живу.
Но тѣсны мнѣ ихъ рамки,
Такъ жить — я не могу!
Хочу людей въ рубахахъ,
Въ портканхъ и сапогахъ,
Хочу махорки запахъ,
Цвѣточковъ на лугахъ!...
. . . . . .
Мнѣ жить здѣсь нѣтъ резону,
Мой приговоръ таковъ:
— Хочу внимать я звону,
Родныхъ колоколовъ!..

Писать вамъ нѣтъ резону... И длинно, и темно. Зачѣмъ Сатирикону подобные стихи?

Редакторъ-издатель: М. Г. Корнфельдъ.

IMPRIMERIE
COOPÉRATIVE ÉTOILE
17, rue de la Comète

Téléphone: Invalides 11-50 — **PARIS (7)** — Métro: La Tour-Maubourg

R. C. S. 227.770

TOUS GENRES DE TRAVAUX
EN TOUTES LES LANGUES

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ТИПОГРАФСКІЯ РАБОТЫ
НА ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ

„НАША РѢЧЬ“

издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.
Редакторъ-Издатель: С. М. ГАЗІЕВЪ.

Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse*. Въ Парижѣ — въ « *Publicité Metzl* », *Rue de Turbigo*, 51, *Paris VIII*e и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ «Нашей Рѣчи» С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier*, 7, *Paris IX*e.

ПЕРЕВОДЫ и ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ на небывало выгодныхъ условіяхъ. Переводы съ ручательствомъ за выплату въ 15 дней.
BANQUE pour l'ARBITRAGE et COMMISSION
6, Rue Buffault. PARIS (9) — Tél. Provence 95-20 и 95-21

Много самыхъ разнообразныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній, совѣтовъ и указаній по правовымъ, юридич., администр.-полиц., налоговымъ и пр. вопросамъ во Франціи.
Жизнь обществ. организацій, торгово-пром. предпріятія, медиц. свѣдѣнія, курорты, всякія полезныя справки и адреса
Все въ Русскомъ Альманахѣ
1931 г. Продается вездѣ. Цѣна 10 фр. Высыл. нал. плат. по первому требованію. Скл. изд. SARATCH, 13, rue Plumet, Paris (15e). Tél. Invalides 10-14.

КРОВОЧИСТИТЕЛЬ СПБ. Колокольная 11 сущ. с 1893 г. **АВРАНИНЪ**

Индійскій бальзамъ — безвр. раст. сокъ, сов. очищ. кровь отъ вред. микроб. и заразы. Послѣ перв. пріем. бальз., больн. чувств., какъ организмъ, измуч. болѣзн., наполн. нов. сил. На 3-5 день больн. уже чувств. облегч., а послѣ мѣс. всяк. леч стан. излишн. потому, что бол. побѣжд. и силы возстановл., не приход. даже повт. курса леч., т. к., бол радик. излеч., Авраниномъ, кот. даетъ прекр. аппет., изл. желуд. и киш. забол., быстро возст. нервн. сист., излеч. полов. безсил. Полн. излеч. сифилиса во всѣхъ стад. и всѣхъ его послѣд. Сух. спин. мозга (табесъ), прогр. парал., трипперъ, люпусъ или волчанка, псоріазисъ, экезма, ракъ, сикозъ, падуч. бол.., (эпилепс.), туберк. кост. и всѣ насл. бол., золотуха. Объ изл. этихъ бол. им. дес. тыс. нотар. и письм. благод. Бальз прем. на европ. выст. съ награжд. золот. мед. Треб. на вс. яз. брошюру. Почт. расх. 2 фр. АВРАНИНЪ, прод. въ аптекахъ, а гдѣ нѣтъ, высыл. налож. плат. Треб. направл. по адр.:
AVRAKHOFF. 6, rue Maublanc; Paris (15). Métro: Vaugirard

Зубоврачебн. кабинетъ **М. Когенъ**
D. F. M. P.
8, Rue Duban (16). Pl. Passy. Auteil 95-14
Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6.
Остальные дни 10-8 час. веч.

Русскій Гастроном. Магазинъ
въ **Levallois-Perret**
77, rue Chevalier. Tél. Per. 22-56
ВСѢ РУССКІЕ ПРОДУКТЫ
Закуски дом. приготовленія
Посылки въ Россію

Аптека
Всѣ патентованныя средства
Всѣ анализы
38, av. Félix-Faure,
Tél. Vaugir. 44-15

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОДЪ
на большой еженедѣльный литературно-художественный журналъ
сатиры и юмора

Сатирикон'

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи . . . . . Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ странахъ, вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза	160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почт. Союза	177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**
Téléphone: GUTENBERG 05-40

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII. Цѣна отд. ном. 1 шилл.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tel. Barbarossa 4881. Postscheckkonto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГОЛЛАНДІЯ.	Роттердамъ. — Van Ditmar, Post Box 262, Rotterdam.
ГРЕЦІЯ.	Аѳины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitorv, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 70 л. с.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko,* Khiabané Post Hané Koutcha Bcha es Saltaneh N°4. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovie.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré.
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York.
	Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra. Цѣна отд. ном. 25 піастр.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors.
	Выборгъ. — *Ivankov,* Linnankatu, 8, Wiiborg.
	Келломяки. — *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel.
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobou,* Goldschmiedstrasse, Reval.
	Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 70 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre,* Ul. Kn. Mihailova br. 27.

Вышла въ свѣтъ новая книга
П. ЛИДВАЛЬ

Искусство одѣваться

(S'HABILLIER.. raisonnements sur le costume masculin)

Во время Осенняго Салона П. Лидваль прочелъ въ Grand Palais чрезвычайно интересный докладъ о мужскомъ костюмѣ, имѣвшій выдающійся успѣхъ у парижской публики. Во всѣхъ газетахъ появились хвалебные отзывы, причемъ многіе слушатели горячо рекомендовали докладчику опубликовать прочитанный докладъ въ печатной формѣ.

Вышедшій нынѣ въ свѣтъ трактатъ о мужскомъ костюмѣ, роскошно изданный со множествомъ рисунковъ и иллюстрацій, представляетъ большой интересъ для всѣхъ, интересующихся эстетикой мужской моды.

П. Лидваль, обладающій заслуженной репутаціей первокласснаго мастера мужского костюма, является новаторомъ, стремящимся критически отнестись къ тому, что дѣлается въ области искусства одѣваться.

Путемъ чрезвычайно интересныхъ историческихъ параллелей, авторъ устанавливаетъ несомнѣнную связь, существующую между архитектурными формами и костюмомъ въ данный историческій моментъ. Въ его трактатѣ мы находимъ рядъ превосходныхъ иллюстрацій, относящихся къ Египту, Греціи, Среднимъ Вѣкамъ и другимъ классическимъ эпохамъ.

Переходя къ переживаемому нами моменту, П. Лидваль стремится логически подчинить линіи современнаго мужского костюма тѣмъ новымъ архитектурнымъ формамъ, которыя постепенно завоевываютъ признаніе всего культурнаго міра.

Не подлежитъ сомнѣнію, что книга П. Лидваля явится весьма цѣннымъ вкладомъ въ области соверменныхъ эстетическихъ исканій.

ЦѢНА : 15 ФР.

Склады изданія :

1) Lidvall, 28, rue de la Pépinière, Paris.
2) «Satyricon», 51, rue Vivienne, Paris.
3) Librairie Stock, 155, rue St-Honoré.

Выписывающіе изъ складовъ за пересылку не платятъ.

Tout dernier confort — Ascenseur — Chauffage Central
Chambres avec bains — Eau chaude et froide

PENSION-HOTEL de la PORTE DE VERSAILLES

15, rue de la Grotte - PARIS (15e)

(Angle du Boulevard Lefebvre — Près la Foire de Paris)
Tel. : *Vaugirard* 10-77. Télégr.: *Hotelef 5 Paris*
Nord-Sud: Porte de Versailles — Aut.: A. G. Bourse
Tram.: 89 Hôtel de Ville

НАЛОГИ Учрежденіе обществъ. Всѣ юридич. акты. Разводъ. Регистрація фирмъ Выборка патентовъ. Взысканія. Натурализаціи. Консультаціи по всѣмъ вопросамъ.

JACQUES KARNAOUCH lic. en droit
3, rue du Pasteur Wagner, (на углу 26, Bd. Beaumarshais). M-ro Bastille
Tél. Roquette 07-66.

ПЕРЕВОДЪ
ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ
ПОСЫЛКИ принимаетъ
Комитетъ Помощи Голодающимъ въ Россіи (Comité Russe de Secours)
7, rue du Cardinal Mercier, Paris (9)
M-o Clichy. Tél. Trinité 25-02 et 25-03
Пріемъ исключительно отъ 3--7

Общество взаимнаго Кредита "СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). Tél. Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрышн. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер.

Денежные переводы и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала контора журнала
САТИРИКОНЪ
проситъ г.г. подписчиковъ, срокъ подписки коихъ истекаетъ, ВОЗОБНОВИТЬ ЕЕ заблаговременно

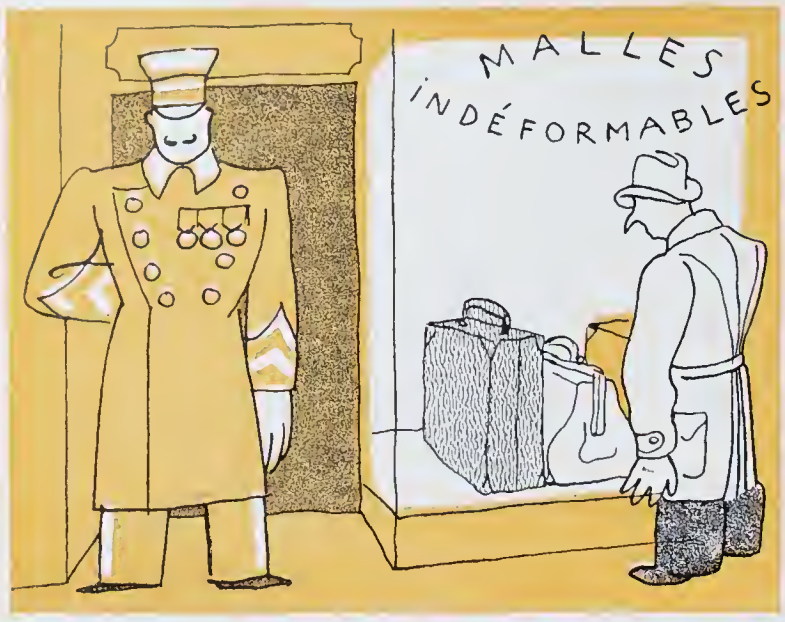
ЕСЛИ ВЫ ЖЕЛАЕТЕ БЫТЬ ЭЛЕГАНТНЫМЪ
Получить хорошій матеріалъ моднаго рисунка по вашему вкусу
ЗА УМѢРЕННУЮ ЦѢНУ И ВЪ РАЗСРОЧКУ
Обратитесь: **32, avenue Félix-Faure**
Tél. Vaugirard 54-19
N. MASSE (de 9 à 7 h.) ⁘ **Я. ДЖИГИТЪ** от 2-4 воскр. 10-12

РУССКАЯ МАСТЕРСКАЯ ДАМСКОЙ И МУЖСКОЙ ОБУВИ НА ЗАКАЗЪ
M A X
10, Rue Edmond Roger yr. Rue Violet, PARIS (XVe)
Téléphone Vaugirard 52-15.

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), téléph. Inval. 11-50 Le Gérant : *N. Kornfeld.*

ТЕОРІЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ
ИЛИ УЧЕНІЕ ПРОФЕССОРА ЭЙНШТЕЙНА.
ВЪ ПОПУЛЯРНОМЪ ИЗЛОЖЕНІИ ДЛЯ ЛЕГКОМЫСЛЕННЫХЪ И УМСТВЕННО-ОТСТАЛЫХЪ.

Рис. Н. Ильина.



1.

2.

3.

4.

5.

6.

PRIX EN FRANCE : Frs 3. – 13 ИЮНЯ 1931. 13 JUIN 1931. ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

САТИРИКОНЪ

SATYRICON

1931 ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ № 11

Hebdomadaire Russe *Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)* *Directeur M. Kornfeld*

„DUMPING"

ИЛИ ТАЙНЫ КРАСНОЙ МАГІИ.

Рис. А. Шарго.

— Одно мановеніе волшебной палочки, лэди и джентльмэны, и этотъ маленькій домикъ, въ которомъ проживаетъ извѣстный комикъ, *le moujik russe*, превращается въ рогъ изобилія!...

Рис. Б. Гроссера.

ПЕРЕОЦѢНКА ЦѢННОСТЕЙ.

«Когда легковѣренъ и молодъ я былъ»,
Я тоже съ утра по музеямъ ходилъ,
И мѣрялъ паркеты торжественныхъ залъ,
И въ каждую нишу, какъ въ душу влѣзалъ,
И, вѣрный обычаю, тоже не разъ
Весьма добросовѣстно щурилъ свой глазъ,
И пялилъ бинокли на тусклыхъ Венеръ,
На всѣхъ Аполлоновъ изъ всѣхъ Бельведеръ.
И въ бурномъ восторгѣ, и съ пѣной у рта
Увы! не шадилъ я тогда живота,
Считая, что въ мірѣ нетлѣнныхъ красотъ
Позорно имѣть человѣку животъ,
И даже послѣдній на свѣтѣ дуракъ
Обязанъ глядѣть на Венеръ натощакъ!...

«Когда легковѣренъ и молодъ я былъ»,
Я тоже по всѣмъ катакомбамъ бродилъ,
И чуть-ли не падалъ отъ ужаса ницъ
Предъ бронзой и мраморомъ старыхъ гробницъ,
Гдѣ тлѣлъ, заслуживъ уваженія дань,
Какой-то худой и чужой Шарлемань,
Который по слухамъ, иди — провѣряй,
Попалъ въ голубой католическій рай,
И носится облачкомъ, въ золотѣ ризъ,
И смотритъ весьма иронически внизъ....

«Когда легковѣренъ и молодъ я былъ»,
Я тоже музейныя вещи любилъ,
И тоже, бывало, ни свѣтъ, ни заря,
Какой-то болѣзненной страстью горя,
Шатаясь подъ сводами всѣхъ галлерей,
Взиралъ на портреты былыхъ королей!
И, чувствуя въ сердцѣ невольную грусть,
Зубрилъ біографіи ихъ наизусть,
И бомбой врывался въ угрюмый Шильонъ,
И робко со всѣхъ оглядѣвшись сторонъ,
Свою монограмму на стѣнкѣ чертилъ...
«Когда легковѣренъ и молодъ я былъ».

Довольно! Законченъ нашъ вѣтренный стажъ!
Сдадимъ свою молодость тоже въ багажъ,
И помня, какъ ноютъ и пятки и кость,
Пойдемъ, опираясь на прочную трость,
Почуя законный вполнѣ аппетитъ,
Въ кафе, что напротивъ музея стоитъ,
И, отдавъ безумству прошедшаго дань,
Закажемъ котлеты а-ля-Шарлемань,
Который, должно быть, ихъ тоже любилъ
«Когда легковѣренъ и молодъ онъ былъ»...

Д. А.

■

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ТЕРМОМЕТРЪ.

— Что-же вы купаете ребенка, не измѣривъ предварительно температуры воды термометромъ?

— А зачѣмъ мнѣ термометръ? Я опускаю ребенка въ воду и вижу: если онъ краснѣетъ — значитъ вода черезчуръ горячая, а если онъ синѣетъ, значитъ ванна черезчуръ холодная.

КОЛОНІАЛЬНЫЙ МАНИФЕСТЪ.

(Совѣтская аллея черезъ Венсенскій лѣсъ).

«Негры и негритянки!

Вотъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ подрядъ, какъ міровая буржуазія продолжаетъ держать васъ въ черномъ тѣлѣ.

Оглянитесь на вашу исторію и на вашу географію и скажите, что вы видите?

— Ваша исторія темна, какъ ваша подмышка.

— А отъ вашей географіи даже на самые близорукіе глаза невольно навертываются слезы.

«То слезы бѣдныхъ матерей, имъ не забыть своихъ дѣтей, погибшихъ на кровавой нивѣ...»

Такъ сказалъ, нашъ родной поэтъ Некрасовъ въ своемъ извѣстномъ произведеніи за негритянскую независимость.

Что-же касается вышеупомянутой нивы, такъ это только по цензурнымъ соображеніямъ.

А на самомъ дѣлѣ, это вовсе не нива, а недюжинная табачная плантація.

На которой грубая рука плантатора безпощадно била васъ бѣлымъ по черному!

И въ то время, какъ вся остальная Лига Націй преспокойно набивала свои трубки табакомъ вашихъ рукъ и продуктами вашихъ ногъ, вы сами гибли, какъ мухи или говоря точнѣе, какъ дикіе экземпляры хищныхъ звѣрей.

Изъ вашей кожи дѣлались портсигары, и, смѣшно скрывать, дамскія сумочки, а изъ вашихъ бѣдныхъ костей вырабатывались издѣлія изъ слоновой кости!...

Въ концѣ концовъ эта безстыдная міровая торговля вашими интимными чувствами вывела васъ изъ себя.

И выйдя изъ себя, вы пошли навстрѣчу солнцу и соціализму.

Но по дорогѣ вы встрѣтили Авраама Линкольна, который пустился на хитрость и сейчасъ-же сказалъ своимъ спутникамъ:

— Если мы ихъ не освободимъ сверху, то они сами освободятъ себя снизу!

Само собой разумѣется, мелкая буржуазія немедленно освободила васъ отъ крѣпостного права, но даже безъ намека на уничтоженіе черезполосицы, которую оставили плантаторскіе бичи на вашемъ измученномъ тѣлѣ.

Съ этого момента и начинается ваша непосильная борьба за лучезарные подпольные идеалы.

Послѣ крѣпостного права вы дѣлаете шагъ впередъ и въ видѣ протеста, начинаете танцевать кэкъ-уокъ, пропагандируя на европейскихъ сценахъ идею самоопредѣленія.

Но въ то время, какъ вы въ потѣ ногъ своихъ зарабатываете хлѣбъ свой, міровые деспоты роскошно пируютъ въ своихъ дворцахъ и, развалившись въ ложахъ еще смѣютъ кричать бисъ!

Но положительное и отрицательное электричество уже чувствуется въ воздухѣ, отравленномъ удушливыми газами шипучаго шампанскаго.

Наступаетъ второй этапъ насилія надъ личностью.

Какъ грозные буревѣстники, появляетесь вы на коробочкахъ черной ваксы и сапожнаго гутталина и, сверкая своими вылѣзающими изъ орбитъ бѣлками, вы беззастѣнчиво используетесь для уличной рекламы, оскаливъ зубы и размахивая сапожной щеткой.

Выхода нѣтъ...

Передъ вами тупикъ и пробиваніе стѣны лобнымъ мѣстомъ!

Собравшись на митингъ, вы выдѣляете изъ своей среды боевой центръ, такъ называемый жазъ-бандъ!

Не будучи въ силахъ разбудить сердца, вы переносите свой ударъ на барабанную перепонку...

Ревъ вашихъ саксофоновъ потрясаетъ міръ, и въ предчувствіи страшной расплаты, еще больше надуваются ваши и безъ того надутыя отъ природы губы!

«Надъ сѣдымъ отъ пѣны моремъ
Жозефина Беккеръ рѣетъ,
То бедромъ своимъ взмывая,
То полдюжиной банановъ!...»

И вотъ въ эту историческую минуту на помощь къ вамъ приходимъ мы, старые мулаты и ученики Ленина, и говоримъ вамъ:

— Негры всѣхъ странъ, объединяйтесь съ негритянками!...

Развѣ не всѣ мы произошли отъ обезьяны, дабы сомкнувъ ряды, идти дальше?!

Не мы ли произнесли Ганнибалову клятву надъ гробомъ Ильича, вписавъ такимъ образомъ имя Ильича въ метрику Ганнибала?

Миръ хижинамъ дяди Тома и война дворцамъ!

Требуйте восьмичасового рабочаго дня для людоѣдовъ центральной Африки!

Жертвуйте на воспаленіе коммунистической ячейки негритянской фракціи!

Отречемся отъ стараго міра и отряхнемъ его ваксу съ нашихъ ногъ!

Добивайтесь уничтоженія негритянской черезполосицы и помните, что негръ умеръ, но негритосы его живы!... Ура!»

К. Страшноватенко.

ХРАБРОСТЬ И ОСТОРОЖНОСТЬ.

— Что такое храбрость?

— Храбрость? Храбрость это — подойти къ міровому чемпіону бокса и сказать ему, что онъ мразь, и что, если вы дадите ему въ ухо, то онъ полетитъ вверхъ тормашками.

— А осторожность?

— Осторожность — это сказать ему тоже самое, но по телефону.

КАКЪ ПИШЕТСЯ ИСТОРІЯ.

Когда Наполеонъ бѣжалъ съ о. Эльбы, чтобы вернуться во Францію, оффиціальный «Мониторъ», передавая объ этомъ событіи, выразился:

«Кровожадный звѣрь сбѣжалъ съ о. Эльбы».

Наполеонъ добрался до береговъ Франціи и высадился. «Мониторъ» оповѣстилъ объ этомъ читателей такъ:

«Корсиканскій драконъ высадился на мысу С. Жанъ».

Наполеонъ добрался до Капа. «Мониторъ» писалъ:

«Тигръ показался въ Капѣ. Королевскія войска быстро подвигаются на встрѣчу, чтобы арестовать его. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта глупѣйшая авантюра скоро кончится».

Наполеонъ въ Греноблѣ. «Мониторъ» пишетъ:

«Коровожадное чудовище сумѣло добраться до Гренобля. Мы не сомнѣваемся, что здѣсь пахнетъ измѣной».

Наполеонъ съ организованной имъ наспѣхъ арміей двинулся на Ліонъ. «Мониторъ» писалъ:

«Тиранъ въ Ліонѣ. Онъ подвигается, сѣя вокругъ себя панику и терроръ».

Наполеонъ началъ походъ свой на Парижъ. «Мониторъ» писалъ:

«Узурпаторъ осмѣлился приблизиться на разстояніе 60-часового перехода къ Парижу».

Наполеонъ подошелъ къ Орлеану. «Мониторъ» писалъ:

«Бонапартъ подвигается форсированнымъ маршемъ. Совершенно невѣроятно, чтобы онъ смѣлъ лелѣять надежду вступить въ Парижъ».

Наполеонъ вступилъ въ Фонтенбло. «Мониторъ» писалъ:

«Императоръ въ Фонтенбло».

На девятый день со дня бѣгства Наполеона съ о. Эльбы, «Мониторъ» писалъ:

«Наполеонъ завтра будетъ въ столицѣ».

А на десятый:

«Вчера вечеромъ состоялось вступленіе Его Величества Императора въ Тюильри. Восторгъ населенія не поддается описанію».

ДИТЯ, ЛИШЕННОЕ ВООБРАЖЕНІЯ.

Учитель. — Ну-съ, дѣтки, кто изъ васъ сумѣетъ сказать мнѣ, во что одѣта Божіимъ Промысломъ знакомая всѣмъ вамъ милая игрунья-кошечка? Что защищаетъ это прелестное и изящное животное, приносящее также и пользу истребленіемъ мышей, — что защищаетъ это зябкое животное отъ холода? Что грѣетъ кошечку? Можетъ быть, она носитъ передникъ, какъ многіе изъ васъ дѣтки? Или кутается въ шаль? Или надѣваетъ теплый пуллъ-оверъ, связанный для нея ея мамой? Или, можетъ быть, она купила себѣ у мѣховщика тепленькую шубку?

Абраша. — Я удивляюсь вашему вопросу, г. учитель. Неужели вы дѣйствительно никогда не видѣли кошки?

ВЫХОДЪ ИЗЪ ПОЛОЖЕНІЯ.

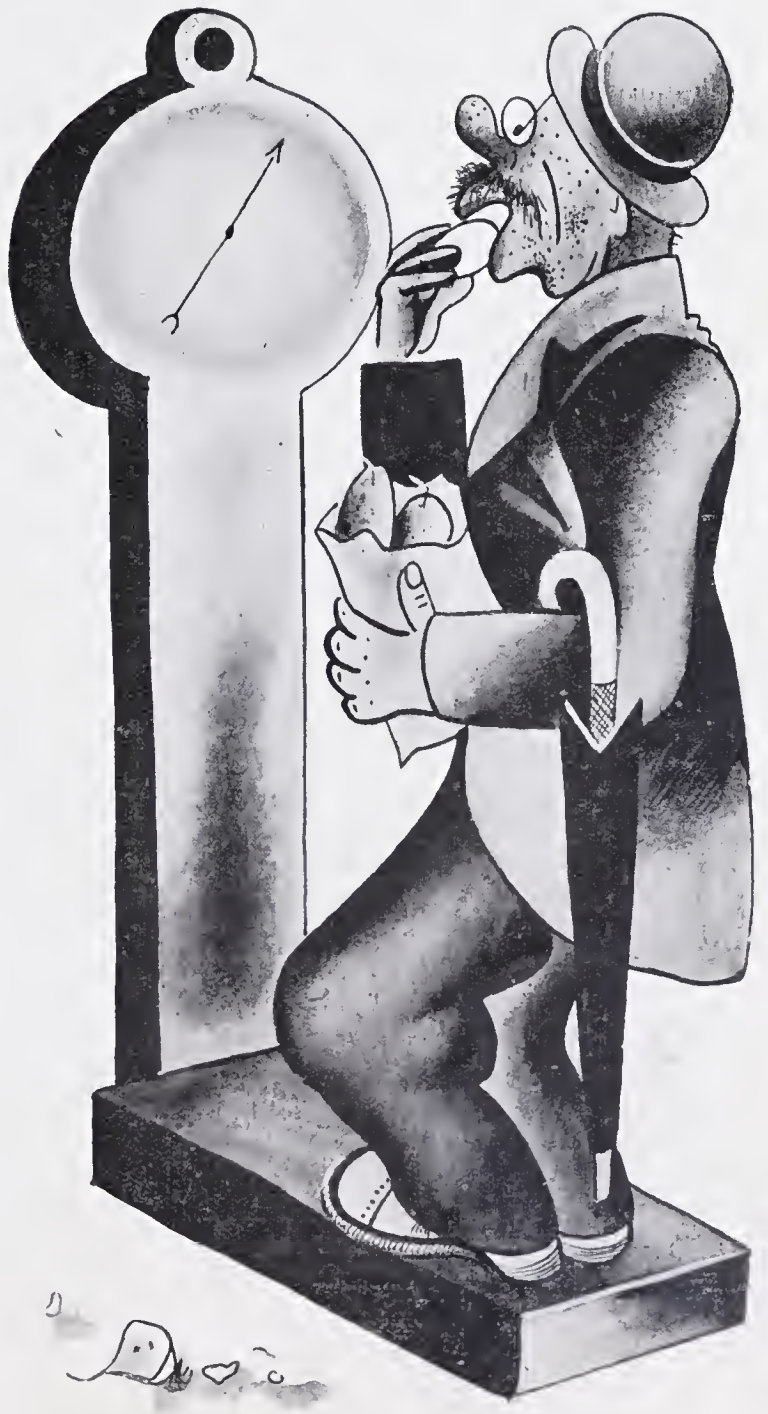
— Ты замѣтилъ, кондукторъ смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто я не взялъ билета.

— А что ты сдѣлалъ?

— А я смотрѣлъ на него такъ, какъ будто я взялъ.

БЕЗДУШНАЯ МЕХАНИКА.

Рис. Шильтяна.

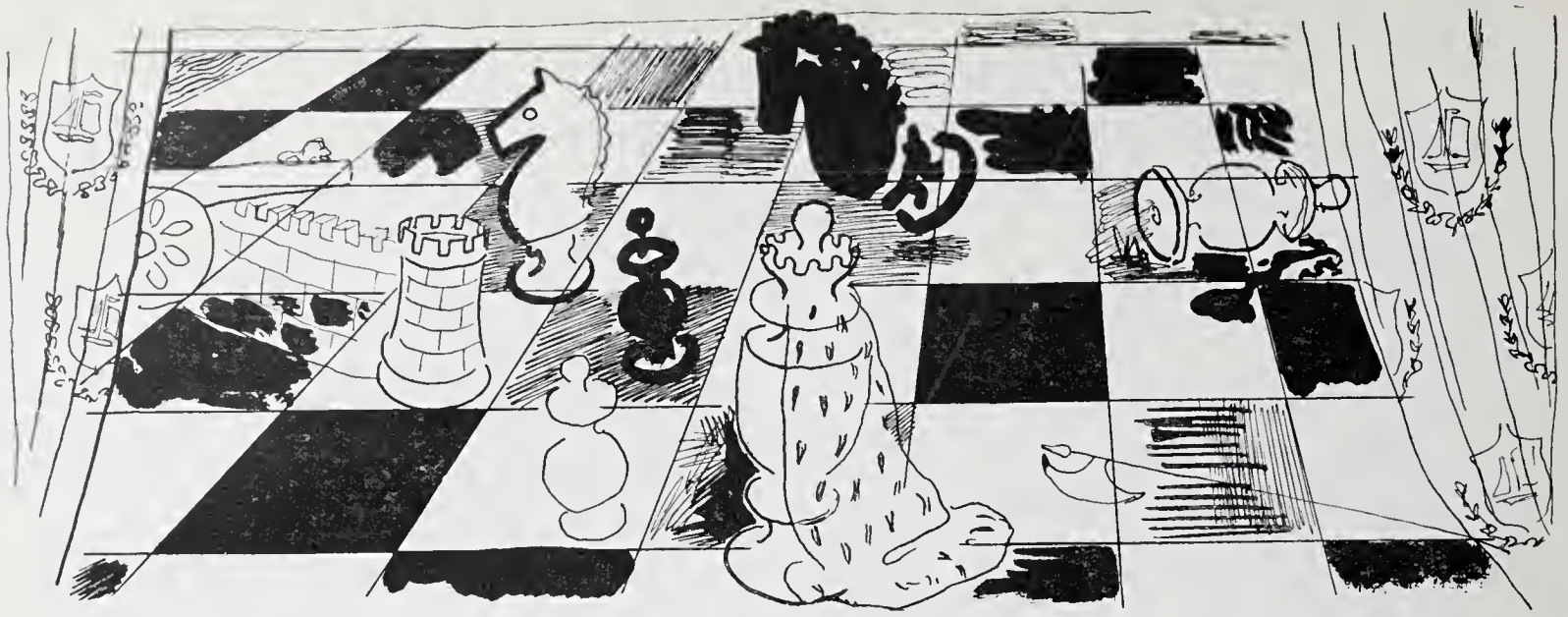


— Удивительный механизмъ на этихъ вѣсахъ!...

Четырнадцатую грушу ѣмъ, а они все одно и то-же показываютъ!...

ШАХМАТНАЯ ПОЭМА.

Рис. А. Ш.



1.

Берясь за пѣшекъ и слоновъ,
Дрожали руки игроковъ,
Блестѣли взоры ихъ огнемъ
Надъ королевой и конемъ.

Иванъ Петровичъ Мотыльковъ
Былъ невысокъ, но чернобровъ.
Другой игрокъ былъ Боденштедъ,
На немъ былъ бархатный беретъ.

Движенье вражеской туры
Грозило гибелью игры,
И устрашалъ грядущій матъ
Вотъ тотъ чернѣющій квадратъ.

Суровъ былъ строгій кабинетъ,
Изъ канделябровъ лился свѣтъ,
Въ каминѣ вѣтеръ завывалъ,
И грогъ въ стаканахъ остывалъ.

«Я проиграть тебѣ готовъ,
Старинный другъ, о, Мотыльковъ,
Но чѣмъ тебѣ я заплачу?
Договориться я хочу!».

Иванъ Петровичъ молвилъ такъ:
«О, чужестранецъ, ты чудакъ,
Въ обычай ты не посвященъ:
Играемъ мы à discretion!».

И вотъ забрезжилъ новый день,
И Боденштедъ вставалъ, какъ тѣнь,
Изъ за стола: онъ проигралъ,
И приговора ожидалъ.

Иванъ Петровичъ вышелъ вонъ,
Вернувшись, несъ ребенка онъ,
И протянувъ его врагу,
Сказалъ: «Агусеньки, агу!
Скончалась вдругъ жена моя,
Вотъ наша дочь — она твоя.
Ее вдовцу не воспитать:
Ты проигралъ — ты будешь мать!».

Въ каминѣ вѣтеръ громче взвылъ,
Дворецкій свѣчи погасилъ,
И, завернувъ ребенка въ пледъ,
Покорно вышелъ Боденштедъ.

2.

Хранитель тайны роковой,
Блюститель дѣвы молодой,
Сѣдой и хмурый Боденштедъ
Ее лелѣялъ двадцать лѣтъ.

Однажды онъ ее призвалъ,
Всѣ двери заперъ, и сказалъ:
«Осталось мнѣ не долго жить,
Хочу тебѣ я все открыть:
Узнай, что нами правитъ рокъ,
Я не отецъ твой! Я игрокъ!!
А твой отецъ — безъ лишнихъ словъ,
Иванъ Петровичъ Мотыльковъ».

«Иванъ Петровичъ! Боже мой!»
Раздался дѣвы молодой
Дрожащій голосъ. «Ахъ, ужель?!
Какая будетъ канитель!»...

Садилось солнце за горой,
Несъ иноходецъ удалой
Ихъ мимо пашенъ и лѣсовъ...
— Дрожи, безуменъ Мотыльковъ!

Въ суровый, строгій кабинетъ
Вошелъ съ дѣвицей Боденштедъ,
И всталъ, всегда къ гостямъ готовъ,
Иванъ Петровичъ Мотыльковъ...

«Старинный врагъ, пора, пора!
Пускай разсудитъ насъ игра,
Пускай укажетъ эта ночь,
Твоя-ли дочь, моя-ли дочь?

Отвѣтилъ смѣло другъ былой:
«Ну что жъ, я радъ сыграть съ тобой.
А васъ прошу, чтобъ не скучать,
Вотъ въ этихъ креслахъ подремать!».

Они играли до утра,
И Боденштедъ вскричалъ: «Ура!!!
Я отомщенъ, я отомщенъ!»
Надѣлъ беретъ, и вышелъ вонъ.

3.

Прошло нелегкихъ десять лѣтъ.
Должно быть, умеръ Боденштедъ,
Но былъ все такъ-же чернобровъ,
Иванъ Петровичъ Мотыльковъ,

Иванъ Петровичъ не былъ сѣдъ,
А дочкѣ было тридцать лѣтъ.
Онъ колебался много разъ
Предъ тѣмъ, какъ свой начать разсказъ.

Но вотъ рѣшился, наконецъ:
«О дочь, тебѣ я не отецъ,
Ты мнѣ не дочь. Скажу любя,
Судьба послала мнѣ тебя:
Была игра и, видитъ Богъ,
Рокироваться я не могъ...
Будь проклятъ, роковой гамбитъ!
Я молодъ былъ, я былъ убитъ!

Отецъ твой былъ въ игрѣ упрямъ,
Джонъ Эдуардычъ Пельсингамъ,
Играли мы à discretion,
И взять тебя заставилъ онъ!».

Раздался снова крикъ и гамъ:
«Джонъ Эдуардычъ Гальсингамъ?!
Да какъ онъ могъ, да какъ онъ смѣлъ,
Да будетъ ли сему предѣлъ?!».

Сіяютъ ярко небеса,
Корабль разставилъ паруса,
Прекрасна даль, невидимъ брегъ.
Куда корабль направилъ бѣгъ?

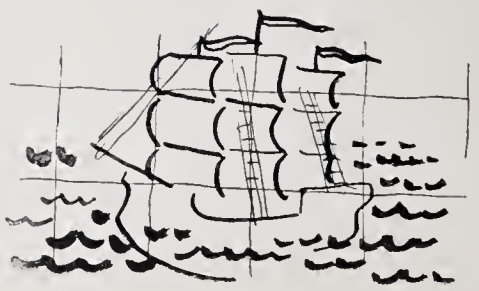
Бѣжитъ онъ къ дальнимъ берегамъ,

Туда, гдѣ бродитъ Гальсингамъ,

Еще не знаетъ Гальсингамъ,

Что дочка ѣдетъ по волнамъ!..

Н. Берберова.



КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

«VIVAT ACADEMIA!...»

Рис. А. Шарапо.

ЗАСѢДАНІЕ

ВСЕСОЮЗНОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПОДЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВОМЪ

ПРЕЗИДЕНТА КАРПИНСКАГО

ЗА НЕДОСТАТКОМЪ УЛИКЪ.

Рис. В. Бѣлкина.

С у д ь я. — Итакъ, сударыня, по дѣлу о похищеніи карманныхъ часовъ вы свободны!

« С у д а р ы н я ». — Значитъ, я ихъ могу оставить себѣ, г. судья ?

НАГЛЯДНОЕ ОБУЧЕНІЕ

Обыкновенная женщина, безъ всякихъ уклоновъ въ геніальность, — Вѣра Павловна Бубнова, давно уже не могла разобраться въ одномъ семейномъ недоразумѣніи: дѣйствительно-ли ея мужъ геній?

Конечно, всегда пріятнѣе вѣрить, что близкій человѣкъ явленіе необыкновенное. Она знала и отъ самого мужа и отъ его геніальныхъ коллегъ, что «непризнаніе» — похвальный листъ, который обычно толпа выдаетъ молодымъ Колумбамъ. Толпа въ началѣ всегда дура. А потомъ проходитъ лѣтъ десять, двѣнадцать: въ мастерской гордаго и не уступившаго ни пяди художника появляются директора южно-американскихъ и австралійскихъ музеевъ, — и остается только катиться по новой нирококолейной дорогѣ...

Своихъ геніевъ ни въ Южной Америкѣ, ни въ Австраліи, почему-то нѣтъ. Климатъ, должно быть, неподходящій. Директора рыщутъ по Европѣ... И такъ-какъ не всѣ они ослы, то поймутъ-же они, чертъ возьми, что первый открывшій Бубнова, своихъ фунтовъ стерлинговъ въ воду не броситъ. Надо только умѣть ждать...

Многое, впрочемъ, смущало Вѣру Павловну. Геніевъ, помимо ея мужа, была прорва. Ходили они другъ къ другу стадами... Рисовали они всѣ на одинъ салтыкъ: словно бросали на разстояніи буро-грязныя кисти въ полотна! Дѣло, конечно, не въ томъ, что она ничего не могла понять — гнилая-ли картошка была на полотнѣ, трупъ-ли старухи, разрѣзанный на куски и обильно политый навозной жижей?.. Желаніе что-либо понять — было постыдно, она это очень хорошо усвоила.

Со всѣхъ сторонъ мансарды глядѣли на нее тусклыя завитушки, дымящіеся пробочники и термитныя кучи со вставленными въ нихъ сверху до низу, оловяннаго цвѣта, глазами... Утромъ проснешься, — будто отваромъ цикорія тебѣ всю душу вымазали. Но Вѣра Павловна покорно терпѣла. Ради будущаго. Ради австралійскихъ директоровъ, ради побѣдной колесницы, въ которой и она, подруга и рабыня, займетъ свое мѣсто... Даже любимыхъ своихъ пророковъ и сивиллъ Микель-Анжело убрала со стѣны. Ибо Владыка изрекъ:

— Въ моей квартирѣ прошу такой слащавой дряни не развѣшивать.

И она покорно сложила гравюры въ папку и сунула подъ диванъ.

Даже отъ любимаго дяди отказалась. Потому что ея дядя однажды не выдержалъ, — покраснѣлъ, посмотрѣлъ съ отвращеніемъ на баранье руно генія и ляпнулъ:

— Хорошо-съ... Предположимъ, что я лавочникъ и безглазый моллюскъ. Но вы вѣдь въ сущности топчетесь на одномъ мѣстѣ. На всю эту абракадабру я любовался еще двадцать лѣтъ тому назадъ на выставкѣ «Треугольникъ».. И вотъ съ тѣхъ поръ — все та же вобла. Хоть-бы вы ее омолодили какъ-нибудь. Старо... Трижды старо!

Зналъ дядя, какое слово, — единственное слово, — убивало наповалъ. И вотъ, пришлось отказаться отъ дяди. Владыка въ тотъ вечеръ послѣ его ухода сказалъ: «я, или дядя, — извольте выбирать!».

Она выбрала. Съ утра до ночи, не подымая глазъ, вышивала въ углу у окна дамскія сорочки. Геніальная орава, шатавшаяся къ мужу, съѣдала пропасть чайной колбасы, выкуривала бездну синихъ папиросъ. Термитниковъ съ оловянными глазами никто не покупалъ... Безглазые моллюски до нихъ не доросли, директора музеевъ до адреса Бубнова не добрались, — путеводителя по геніямъ никто еще въ Парижѣ не догадался издать.

Вѣра Павловна терпѣла. Вышивала, стряпала, стирала — только порой подымала кроткіе глаза на бурыя, обрамленныя на ея счетъ, кляксы и покорно вздыхала:

— О, Господи!

Но вотъ однажды она расивѣла. Геній всталъ какъ-то въ часъ дня, почесался спиной о косякъ комода и буркнулъ:

— Садись. Буду тебя писать...

Боже мой! Портретовъ онъ никогда еще не писалъ, — первый будетъ она. Быть можетъ ощупью онъ дойдетъ наконецъ до настоящаго своего призванія. Быть можетъ штопоры и термитники были только томленіемъ духа, мутными черновиками вдохновенія, а ее, свою жену, онъ увидитъ иными — теплыми, человѣческими глазми... И раскроетъ въ ней себя, — и поймутъ всѣ... И...

Она сидѣла тихо-тихо, какъ гимназистка на экзаменѣ космографіи. Сдерживала дыханіе, не шевелилась. Только невидимыя крылья дрожали надъ ея вязаной кофточкой и глаза сіяли такъ лучезарно, что даже слѣпой дуракъ-бы понялъ: «а вѣдь какое она удивительное существо, эта простенькая Вѣра Павловна».

Владыка кончилъ. Она встала, сжала руки и робко спросила:

— Можно?

Художникъ зѣвнулъ и небрежно провелъ платяной щеткой по лохматому войлоку, замѣнявшему ему волоса.

— Смотри. — Сказалъ такъ, будто буйволица подошла къ картинѣ...

На полотнѣ круглилась грязная тыква, надъ ней тыква поменьше съ двумя идіотскими щелками вмѣсто глазъ. Рта не было, — зачѣмъ такая мѣщанская подробность? Вмѣсто рукъ изъ большой тыквы торчали два отрѣзка автомобильной шины. А наискось, должно быть для ясности, красной краской было размашисто наляпано:

«Моя жена»!

Вѣра Павловна долго не отрывала глазъ отъ своего портрета. Глаза ея уже не сіяли — прищурились, спрятались, ушли...

— Это... я?

— Разумѣется. Твой внутренній портретъ! Я такъ тебя вижу!.. Если тебѣ нужна фотографія, пойди на уголъ и снимись.

— И ты «это»... выставишь?

— Разумѣется. Дай мнѣ пять франковъ.

Геній зажалъ въ кулакъ сунутую ему бокомъ бумажку, влѣзъ въ свой, похожій на переваренный коровой мѣшокъ, пиджакъ и ушелъ прожигать жизнь.

Вѣра Павловна осталась одна. Со своимъ портретомъ. Долго смотрѣла, стучала пальцами по столу и произнесла сухо и четко только одно слово, чрезвычайно выразительное слово:

— Такъ...

Къ закату художникъ вернулся. Вѣра весело напѣвала у окна. Странно, — никогда раньше не пѣла. Дамскія сорочки валялись на диванѣ, точно онѣ не были заказаны къ сроку.

— Вѣра, ѣсть...

Жена молча указала генію головой на салфетку, закрывавшую блюдо. Странно, — никогда раньше не закрывала. Онъ сдернулъ салфетку и выпучилъ глаза: на блюдѣ лежали обрѣзки ржавой жести, вокругъ гарниръ (онъ наклонился и понюхалъ) — нарѣзанный кусочками резиновый каблукъ.

— Что это за фокусы?

— Это не фокусы. Это твой обѣдъ. Внутренній портретъ твоего обѣда. Такъ я его вижу..

Художникъ поморщился, но лицо жены было грозно.

— Ахъ, такъ... Въ такомъ случаѣ дай мнѣ десять франковъ.

Жена молча протянула кусочекъ холста, выкроенный изъ портрета «моей жены».

— Въ чемъ дѣло, Вѣра?

— Ни въ чемъ. Это внутреній портретъ десяти франковъ. Ты научилъ меня видѣть вещи. Спасибо.

— И что-же дальше?..

— Ничего. Сегодня вечеромъ я иду къ дядѣ. Если ты хоть на что-нибудь годишься, я попрошу его достать для тебя работу. У его знаковыхъ — кукольная мастерская, — плюшевымъ фоксамъ надо пятна на боку рисовать...

— А если я не пожелаю?

— Тогда и завтра и послѣзавтра, до тѣхъ поръ пока ты не перестанешь симулировать геніальность, ты будешь получать такой-же обѣдъ и такіе-же десять франковъ. Вурдалаковъ своихъ, — она показала на стѣны, — сегодня-же убери вонъ. Понялъ?

— Понялъ. Хорошо... Я подумаю.

По лицу его было, впрочемъ, видно, что думать онъ долго не будетъ.

Начиналась новая жизнь...

А. Черный.

ПОЭЗОШАРАДЫ.

По старинному ключу:

«Въ огородѣ бузина,
А въ Кіевѣ дядька».

Читателямъ «Сатирикона» предлагается рѣшить въ минуты досуга одну изъ слѣдующихъ поэзошарадъ поэта Бориса Поплавскаго (изъ книги «Флаги», изд. «Числа» 1931).

1.

«Какъ въ зеркало при воротахъ казармы
Гдѣ исходящій смотрится солдатъ.
Свои мы въ Богѣ обозрѣли бармы
И повернули медленно назадъ».

2.

«Анъ по небу летаетъ корова
И собачки на крылышкахъ легкихъ.
Мы явились въ половинѣ второго
И вздохнули всей «емкостью легкихъ».

3.

«Онъ сошелъ въ голубую долину стакана
Огнедышащій поѣздъ, подъ ледникъ, и канулъ».

4.

«Какъ холодны общественныя воды».
Сказали Вы, и посмотрѣли внизъ».

5.

«Се словъ игра могла сломать осла,
Но я оселъ желѣзный, я желе
Жалѣлъ всегда, жалѣлъ, но анъ ослабъ
Но ахъ еще! Пожалуй, пожалѣй!

Приславшимъ сколько-нибудь оригинальное и удовлетворительное рѣшеніе будутъ выданы въ видѣ преміи портретъ неизвѣстнаго исходящаго солдата, банка сгущеннаго молока изъ-подъ летающей коровы, билетъ на право купаться въ теченіе лѣта въ общественныхъ водахъ и складной желѣзный оселъ для приготовленія изъ осла желе.

Скрутъ.

КОНТРАКТЪ.

Американскій безработный рѣшилъ попробовать торговать лимонами. Онъ устроился со своимъ лоткомъ у подъѣзда одного банка, и дѣло у него пошло. Онъ зарабатывалъ себѣ на пропитаніе.

Въ одинъ прекрасный день мимо проходитъ его товарищъ по заводу, тоже теперь безработный.

— Какъ дѣла?

— Ничего, — говоритъ торговецъ лимонами, — жить можно. Дай Богъ, чтобы и дальше не хуже было. Кормлюсь.

— Слушай, я попробую тоже торговать лимонами. Можетъ быть, и у меня пойдетъ. Одолжи мнѣ долларъ на оборотъ, товаръ купить!

— Съ удовольствіемъ бы, — отвѣтилъ торговецъ лимонами, — но, къ сожалѣнію, не имѣю права. Понимаешь, у меня договоръ съ этимъ банкомъ: банкъ имѣетъ право одалживать деньги, сколько ему угодно, но не имѣетъ права продать ни одного лимона. А я имѣю право продавать лимоны хоть сотнями, но мнѣ абсолютно запрещается выдавать ссуды, хотя бы въ одинъ долларъ.

ВЫГОДНОЕ РЕМЕСЛО.

Петровъ-Сидоровъ, умудрившись отложить нѣсколько сотъ франковъ на каникулы, впервые за десять лѣтъ покидаетъ душный Парижъ и ѣдетъ на двѣ недѣли къ морю.

Первое по пріѣздѣ утро. Петровъ-Сидоровъ блаженствуетъ на пескѣ. Его вниманіе привлечено какимъ-то здоровеннымъ парнемъ, который черпаетъ ведромъ воду изъ моря и наливаетъ ее въ большую бочку.

— Зачѣмъ вы это дѣлаете, мосье? — спрашиваетъ онъ, побуждаемый природнымъ любопытствомъ.

— Это вода для гостиницы, тамъ наверху, объясняетъ «мосье», богатые люди принимаютъ ванны изъ теплой морской воды у себя въ номерахъ.

— И хорошо вамъ платятъ?

— По пять су за ведро.

Петровъ умиляется многогранностью человѣческаго духа, создавшаго столь диковинные способы зарабатывать деньги, и поддерживаетъ еще нѣсколько минутъ разговоръ съ интереснымъ собесѣдникомъ. Наконецъ, отъ жары, усталости и непривычки къ морскому воздуху, онъ засыпаетъ...

Когда онъ просыпается, солнце стоитъ уже высоко въ небѣ.

Но удивительнѣе всего то, что и моря нѣтъ тамъ, гдѣ оно раньше было: пока онъ спалъ, наступилъ отливъ.

Петровъ вскочилъ на ноги, протеръ глаза, мысленно измѣрилъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ далекаго моря и произнесъ съ искренней завистью:

— Ну, и здо-о-орово зарабатываетъ этотъ молодой человѣкъ!

У РУЛЯ.

Рис. Э. Ницше.

О н ъ (одобрительно). — **Вы сразу берете послѣднюю скорость!**

О н а (язвительно). — **А вы, какъ всегда, медлите!...**

АНЕКДОТИЧЕСКАЯ КОПИЛКА

М. М. Ковалевскій, западникъ до мозга костей, относился весьма скептически къ славянофильству вообще, къ панславизму въ особенности. Острилъ, будто ни одинъ изъ русскихъ панславистовъ не въ состояніи точно перечислить «славянскіе ручьи», которымъ онъ рекомендуетъ «слиться въ русскомъ морѣ». И, къ примѣру, разсказывалъ эпизодъ, какъ на одномъ высокоторжественномъ всеславянскомъ банкетѣ нѣкій знаменитый московскій панславистъ ораторствовалъ во славу единоцѣльности славянскаго литературнаго генія.

— Если мы, русскіе, — гремѣлъ онъ, — гордимся нашими Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ, Тургеневымъ, Достоевскимъ, Толстымъ, то...

Прочувствованный взглядъ, ласковая улыбка и граціозный жестъ въ сторону польской делегаціи.

— То вы, поляки, съ равною гордостью провозглашаете славныя имена вашихъ Мицкевича, Словацкаго, Красикаго, Сенкевича...

Такой же взглядъ, та же улыбка, тотъ же жестъ — къ делеганіи чешской.

— Вы, чехи, съ честью назовете вашихъ... гмъ... вашихъ...

Сосѣди витіи, замѣтивъ, что онъ замялся, поспѣшно суфлируютъ:

— Ганку, Шафарика, Дубровскаго, Палацкаго...

— Назовете вашихъ Ганку, Шафарика, Дубровскаго, Палацкаго! — радостно разрѣшается отъ бремени ораторъ, счастливый, что сбылъ съ плечъ свой хвалебный синодикъ. Но, увы, не тутъ то было: его уже ѣстъ глазами, въ нетерпѣливомъ ожиданіи своей очереди, сербъ.

— Вы, сербы, — съ разбѣгу бросается въ воду витія, — вы, сербы... гмъ... да, да, да... вы, сербы... кха-кха-кха!.. вы, сербы, съ достоинствомъ противопоставляете своихъ великихъ...

Толчекъ ногой подъ столомъ сосѣду справа, сосѣду слѣва и — змѣинымъ шипомъ отчаянія:

— Да подскажите же, чортъ возьми, какихъ тамъ своихъ дьяволовъ они противопоставляютъ?

И отвѣтный змѣиный шипъ въ два голоса:

— А я почемъ знаю?!

— — —

Въ настоящее время развелось много исправителей и спасателей якобы гибнущаго русскаго языка. Бываетъ, что эти втуне усердствующіе «сами хороши».

П. М. Пильскій въ интересной книгѣ «Затуманившійся міръ» сообщаетъ, что подсовѣтскій критикъ Корней Чуковскій высмѣялъ покойнаго К. С. Баранцевича за фразу:

— Онъ пріѣхалъ на извощикѣ.

Даже стихотворной пародіей :

Ѣдетъ лошадь на извощикѣ,
Баранцевича везетъ.

Пильскій заступается за Баранцевича. Но безъ твердой увѣренности. Напрасно. Лошади на извощикахъ не ѣздятъ, — это у Чуковскаго глупо. А пріѣхать на извощикѣ законно и вполнѣ въ духѣ языка.

И незамѣнимо. Потому что:

Если вы пріѣдете съ извощикомъ, то въ подобоной компаніи впустятъ ли васъ знакомые къ свое общество?

Если вы пріѣдете съ извощикомъ, то не покажется-ли странной столь пролетарская метаморфоза?

Если вы пріѣдете посредствомъ извощика, то не будетъ ли «извощикъ» превратно истолкованъ, какъ нѣкая двигательная сила механическаго устройства или химической реакціи?

Если вы пріѣдете помощью или при помощи извощика, это будетъ обозначать, что извощикъ платилъ за вашъ проѣздъ или, во время его, поддерживалъ васъ, чтобы вы не свалились съ пролетки: гипотезы предосудительныя.

Если вы пріѣдете чрезъ извощика, то возбудите недоумѣніе, почему же васъ послѣ столь звѣрскаго поступка не задержала полиція?

Буде человѣкъ не самолюбивъ, онъ можетъ успѣшно прибѣгнуть къ обороту.

— Меня привезъ извощикъ.

Но ясно, что здѣсь уже звучитъ отказъ отъ личной инициативы, уподобляющій сѣдока неодушевленной клади, что для разумнаго существа возможно лишь въ состояніи обморока или крайняго опьяненія.

Кто, будучи недоволенъ пріѣздомъ на извощикѣ, желалъ бы опредѣлить свое дѣйствіе совершенно точно, долженъ выразиться такъ:

— Я пріѣхалъ въ экипажѣ, влекомомъ лошадью, которою правилъ извощикъ.

Единственное неудобство столь сточно опредѣлительныхъ распространеній — что, если вы станете краснорѣчиво прибѣгать къ нимъ всякій разъ, когда языкъ простыхъ смертныхъ довольствуется употребленіемъ «части вмѣсто цѣлаго» (pars pro toto), то половина слушателей вашихъ, минутъ черезъ пять, разбѣжится, а самоотверженно оставшіеся уснутъ крѣпкимъ сномъ.

— — —

А. А. Кизеветтеръ въ своихъ воспоминаніяхъ о московскомъ университетѣ нашего врѣмени (первой половины восьмидесятыхъ годовъ) разсказываетъ о профессорѣ-языковѣдѣ Дювернуа:

«Странный это былъ профессоръ. Онъ ходилъ по Москвѣ, словно иностранецъ, нежданно для себя попавшій въ русскую столицу. Его рѣчь была весьма нелѣпа для русскаго уха. Я слышалъ, какъ онъ, идя по улицѣ и желая поторопить бабу, медленно шедшую передъ нимъ и мѣшавшую ему итти, говорилъ ей:

— Поселянка, прогрессируй!

И искренно удивлялся, что баба его не понимаетъ».

Студенты понимали языкъ Дювернуа немногимъ больше, чѣмъ баба, приглашаемая прогрессировать по тротуару. Потому что лекціи его пестрились такими, напримѣръ, фразами:

— Тяжеловѣсное Ъ увлекаетъ легкомысленное Ь изъ области полугласія въ область полногласія.

«Студенты ходили къ нему за объясненіями, но онъ, широко открывая глаза, говорилъ удивленно:

— Но, друзья мои, вѣдь это же ясно.

На томъ и кончалось объясненіе».

— — —

А о самомъ А. А. Кизеветтерѣ, профессорствующемъ нынѣ въ Прагѣ, разсказывали мнѣ такой недавній случай.

Экзаменовалась у него дѣвица прекрасной наружности, но историческихъ знаній слабыхъ. Деликатный профессоръ, желая облегчить ей отвѣты, началъ предлагать вопросы одинъ другого легче. Все равно, — ни въ зубъ толкнуть, безмолвствуетъ и только очаровательно краснѣетъ.

— Ну, — говоритъ, наконецъ, истощившій свою изобрѣтательность, историкъ, — вотъ что: разскажите мнѣ, — ужъ этого то вы не можете не знать, — разскажите мнѣ о Войнѣ Алой и Бѣлой Розы?

Дѣвица вдругъ вспыхнула еще пуще, выпрямилась, засверкала глазами и, — твердымъ голосомъ, съ великолѣпнымъ достоинствомъ, — произнесла:

— Господинъ профессоръ, если я отвѣчаю неудовлетворительно, вы можете поставить мнѣ плохую отмѣтку. Но издѣваться надо мною вы не въ правѣ, и я категорически запрещаю вамъ предлагать мнѣ, въ насмѣшку, безсмысленные вопросы!

Александръ Амфитеатровъ.

ВЪ ТЮРЬМѢ.

— За что вы сидите, молодой человѣкъ?

— За медленную ѣзду.

— Вы хотите сказать: за быструю?

— Нѣтъ, за медленную. Я укралъ автомобиль, и ѣхалъ на немъ такъ медленно, что хозяинъ автомобиля догналъ меня на велосипедѣ.

МОСКВА.

Рис. М. В. Добужинскаго.

«Быть Царевой ты не захотѣла —
Ужъ такое подвернулось дѣло,
Врагъ шепталъ: развѣй, да расточи,
Ты отдай казну свою богатымъ,
Власть холопамъ, силу супостатамъ,
Смердамъ честь, измѣнникамъ ключи...»

Максимиліанъ Волошинъ.

СМѢХЪ У ДРУГИХЪ

Пятилѣтка въ семейной жизни.

— Что, Джо! Не такъ-то легко дается осуществленіе пятилѣтки.

(*Life*)

Нормальный.

— До чего только не доходятъ люди! Благодарю Создателя, что во мнѣ нѣтъ ничего ненормальнаго.

(*Life*)

Переборщилъ...

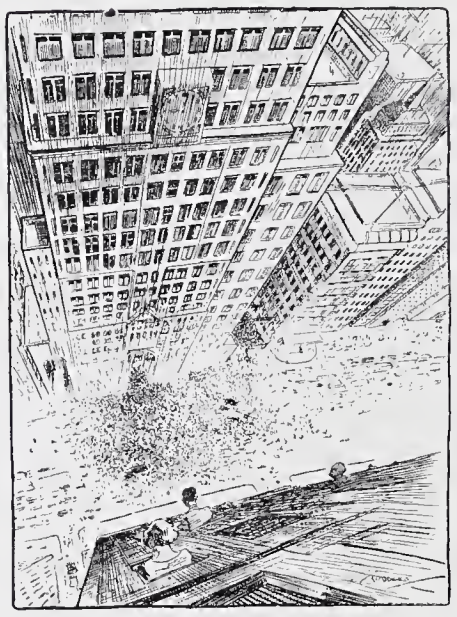
Тюремный сторожъ. — Къ моему большому сожалѣнію, пилы я вамъ никакъ не могу одолжить!...

(*Life*)

Дешево и практично.

Новѣйшее изобрѣтеніе для людей, стѣсняющихся появляться на улицѣ въ вечернемъ костюмѣ.

(*The New-Yorker*)



Удобства американской жизни.

Швейцаръ небоскреба потерялъ ключъ отъ лифта.

(*Tatler*)

Добрый совѣтъ.

— Это піаниссимо должно быть чрезвычайно нѣжно! Совѣтую тебѣ думать о буттербродѣ съ редиской.

(*Fliegende Blaetter*)

Неожиданное признаніе.

— Я никогда не думала, что у меня есть душа, пока ты не привелъ меня сюда...

(*Life*)

Стыдливость.

— Боже мой — мужчина!

(*Life*)

Застѣнчивая паціентка.

— Докторъ не смотрите на меня такъ!

(*The New-Yorker*)

Золотой теленокъ

Романъ изъ совѣтской жизни
Ильи Ильфа и Евгенія Петрова.

(Продолженіе).

Содержаніе предыдущихъ главъ:

«Тридцать сыновей и дочерей лейтенанта Шмидта» спекулируютъ на легковѣріи совѣтскихъ губернаторовъ, предѣисполкомовъ и проч.

Въ городѣ Арбатовѣ встрѣчаются главные герои романа, они-же и дѣти Шмидта, Остапъ Бендеръ, Шура Балагановъ и бывшій студентъ Паниковскій.

Но въ это время на сцену выступаетъ новый персонажъ, никто Корейко, по геніальности далеко превосходящій всѣхъ дѣтей лейтенанта Шмидта, вмѣстѣ взятыхъ.

Нока Корейко умудряется раздѣть до гола цѣлую автономную республику на югѣ сов. Россіи, вышеупомянутая четверка «Шмидтовъ по призванію» совершаетъ тріумфальный автопробѣгъ изъ Арбатова въ Черноморскъ.

Нижніе чины Антилопы молчали. Паниковскій разстегнулъ пиджакъ и почесалъ голую грудь подъ грязнымъ шелковымъ галстукомъ.

— Значитъ, вы не поняли? Какъ видно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не помогаетъ

«... Не дѣлайте изъ ѣды культа!... »

даже чтеніе газетъ. Ну, хорошо, выскажусь болѣе подробно, хотя это и не въ моихъ правилахъ. Первое: крестьяне приняли Антилопу за головную машину автопробѣга. Второе: мы не отказываемся отъ этого званія, болѣе того — мы будемъ обращаться ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ съ просьбой оказать намъ надлежащее содѣйствіе, напирая именно на то, что мы — головная машина. Третье. Впрочемъ, хватитъ съ васъ и двухъ пунктовъ. Совершенно ясно, что нѣкоторое время мы продержимся впереди автопробѣга, снимая пѣнки, сливки и тому подобную сметану съ этого высококультурнаго начинанія.

Рѣчь великаго комбинатора произвела огромное впечатлѣніе. Козлевичъ бросалъ на командора преданные взгляды. Балагановъ растиралъ ладонями свои рыжіе вихры и заливался смѣхомъ. Паниковскій, въ предвкушеніи безопасной наживы, кричалъ ура.

— Ну, хватитъ эмоцій, — сказалъ Остапъ. — Въ виду наступленія темноты объявляю вечеръ открытымъ. Стопъ!

Машина остановилась, и усталые антилоповцы сошли на землю. Въ поспѣвающихъ хлѣбахъ кузнечики ковали свое маленькое счастье. Пассажиры уже усѣлись въ кружокъ у самой дороги, а старая Антилопа все еще кипятилась: иногда самъ по себѣ потрескивалъ кузовъ, иногда слышалось въ моторѣ короткое бряканье.

Неопытный Паниковскій развелъ такой большой костеръ, что казалось — горитъ цѣлая деревня. Огонь, соня, кидался во всѣ стороны. Покуда путешественники боролись съ огненнымъ столбомъ, Паниковскій, пригнувшись, убѣжалъ въ поле и вернулся, держа въ рукѣ теплый кривой огурецъ. Остапъ быстро вырвалъ его изъ рукъ Паниковскаго, говоря:

— Не дѣлайте изъ ѣды культа.

Послѣ этого онъ съѣлъ огурецъ самъ. Поужинали колбасой, захваченной изъ дому хозяйственнымъ Козлевичемъ, и заснули подъ звѣздами.

— Ну-съ, — сказалъ на разсвѣтѣ Остапъ Козлевичу, — приготовьтесь какъ слѣдуетъ. Такого дня, какой предстоитъ сегодня, ваше механическое корыто еще не видѣло и никогда не увидитъ.

Балагановъ схватилъ цилиндрическое ведро съ надписью: «Арбатовскій родильный домъ», и побѣжалъ за водой на рѣчку. Адамъ Казимировичъ поднялъ капотъ машины, посвистывая, запустилъ руки въ моторъ и сталъ копаться въ его стальныхъ кишечкахъ.

Паниковскій опершись спиной на автомобильное колесо и, пригорюнившись, не мигая, смотрѣлъ на клюквенный солнечный сегментъ, появившійся надъ горизонтомъ. У Паниковскаго оказалось морщинистое лицо со множествомъ старческихъ мелочей: мѣшочковъ, пульсирующихъ жилокъ и клубничныхъ румянцевъ. Такое лицо бываетъ у человѣка, который прожилъ долгую порядочную жизнь, имѣетъ взрослыхъ дѣтей, пьетъ по утрамъ здоровое кофе «Желудинъ» и подписываетъ въ учрежденской стѣнгазетѣ подъ псевдонимомъ «Антихристъ».

— Разсказать вамъ, Паниковскій, какъ вы умрете? — неожиданно сказалъ Остапъ.

Старикъ вздрогнулъ и обернулся.

— Вы умрете такъ. Однажды, когда вы вернетесь въ пустой холодный номеръ гостиницы «Марсель» (это будетъ гдѣнибудь въ уѣздномъ городѣ, куда занесетъ васъ профессія), вы почувствуете себя плохо. У васъ отнимается нога. Голодный и небритый, вы будете лежать на деревянномъ топчанѣ, и никто къ вамъ не придетъ, Паниковскій, никто васъ не пожалѣетъ. Дѣтей вы не родили изъ экономіи, а женъ бросили. Вы будете мучиться цѣлую недѣлю. Агонія ваша будетъ ужасна. Вы будете умирать долго и это всѣмъ надоѣстъ. Вы еще не совсѣмъ умрете, а бюрократъ завѣдующій гостиницей уже напишетъ отношеніе въ отдѣлъ коммунальнаго хозяйства о выдачѣ безплатнаго гроба. Какъ ваше имя и отчество?

— Михаилъ Самуэлевичъ, — отвѣтилъ пораженный Паниковскій.

— ...о выдачѣ безплатнаго гроба для гражданина М. С. Паниковскаго. Впрочемъ, не надо слезъ, годика два вы еще протянете. Теперь — къ дѣлу. Нужно позаботиться о культурно-агитаціонной сторонѣ нашего похода.

Остапъ вынулъ изъ автомобиля свой акушерскій саквояжъ и положилъ его на траву.

— Моя правая рука — сказалъ великій комбинаторъ, похлопывая саквояжъ по толстенькому колбасному боку. — Здѣсь все, что только можетъ понадобиться элегантному гражданину моихъ лѣтъ и моего размаха.

Бендеръ присѣлъ надъ чемоданчикомъ, какъ бродячій китайскій фокусникъ надъ своимъ волшебнымъ мѣшкомъ, и одну за другой сталъ вынимать различныя вещи. Сперва онъ вынулъ красную нарукавную повязку, на которой золотомъ было вышито слово «Распорядитель». Потомъ на траву легла милицейская фуражка съ гербомъ города Кіева, четыре колоды картъ съ одинаковой рубашкой и пачка документовъ съ круглыми спрепевыми печатями.

Весь экипажъ Антилопы-гну съ уваженіемъ смотрѣлъ на саквояжъ. А оттуда появлялись все новые предметы.

— Вы — голубь, — говорилъ Остапъ, — вы, конечно, никогда не поймете, что честный совѣтскій паломникъ-пилигримъ вродѣ меня не можетъ обойтись безъ докторскаго халата.

Кромѣ халата въ саквояжѣ оказался и стетоскопъ.

— Я не хирургъ, — замѣтилъ Остапъ. — Я невропатологъ, я психіатръ. Я изучаю души своихъ паціентовъ. И мнѣ почему-то всегда попадаются очень глупыя души.

Затѣмъ на свѣтъ были извлечены: азбука для глухонѣмыхъ, благотворительныя открытки, эмалевые нагрудные знаки и афиша съ портретомъ самого Бендера въ шальварахъ и чалмѣ. На афишѣ было написано:

ПРІѢХАЛЪ ЖРЕЦЪ

Знаменитый бомбейскій браминъ (іогъ)
— сынъ Крѣпыша —
Любимецъ Рабиндраната Тагора
ЮКАНААНЪ МАРУСИДЗЕ
(Заслуженный артистъ
союзныхъ республикъ).
Номера по опыту Шерлока Холмса.
— Индійскій факиръ. — Курочка-

«Весь экипажъ Антилопы съ уваженіемъ смотрѣлъ на саквояжъ....»

Семь дней Сатирикона

Самый юный артистъ Холливуда.

Мальчишкѣ нѣтъ и восьми лѣтъ, а онъ, подлецъ, уже утомленъ славой и, въ ожиданіи своего номера, съ грустью размышляетъ о бренности земного...

Альфредъ Коллинсъ.

Уличный продавецъ корзинъ, выигравшій 30 тыс. фунтовъ стерлинговъ на эпсомскомъ Дэрби. Если-бъ не корзины, куда - бъ уложилъ столько фунтовъ?

Дэрби въ Эпсомѣ
или
Сорокъ лошадиныхъ силъ въ погонѣ за счастьемъ!

15.780 метровъ надъ землей.

Проф. Пикаръ и докторъ Кипферъ, первые поднявшіеся въ область т. н. стратосферы, куда до сихъ поръ не подымалась ни одна ласточка, не доходила ни одна пневматичка.

Послѣдній крикъ моды.

Испанская чемпіонка тенниса, синьорита Альваресъ, на послѣднихъ состязаніяхъ въ Парижѣ.

— Типъ дѣвушки, знающей, чего она хочетъ...

«Жизнь продолжается...»

На сѣверѣ Россіи только что закончился посѣвъ яровыхъ.

невидимка. — Свѣчи съ Атлантиды. — Адская палатка. — Пророкъ Самуилъ отвѣчаетъ на вопросы публики. — Матеріализація духовъ и раздача слоновъ.

Входные билеты отъ 50 к. до 2 р.

Грязная, захватанная руками чалма появилась вслѣдъ за афишей.

— Этой забавой я пользуюсь очень рѣдко, — сказалъ Остапъ. — Представьте себѣ, что на жреца больше всего ловятся такіе передовые люди, какъ завѣдующіе желѣзнодорожными клубами. Работа легкая, но противная. Мнѣ лично претитъ быть любимцемъ Рабиндраната Тагора. А пророку Самуилу задаютъ одни и тѣ же вопросы: «Почему въ продажѣ нѣтъ животнаго масла?» или: «Евреи ли вы?».

Въ концѣ концовъ Остапъ нашелъ то, что искалъ: жестяную лаковую коробку съ медовыми красками въ фарфоровыхъ ванночкахъ и двѣ кисточки.

— Машину, которая идетъ въ головѣ пробѣга, можно украсить хотя бы однимъ лозунгомъ, — сказалъ Остапъ.

И на длинной полоскѣ желтоватой бязи, извлеченной изъ того же саквояжа, онъ вывелъ печатными буквами коричневую надпись:

АВТОПРОБѢГОМЪ — ПО БЕЗДОРОЖЬЮ И РАЗГИЛЬДЯЙСТВУ!

Плакатъ укрѣпили надъ автомобилемъ на двухъ хворостинахъ. Какъ только машина тронулась, плакатъ выгнулся подъ напоромъ вѣтра и пріобрѣлъ настолько лихой видъ, что не могло быть больше сомнѣній въ необходимости грохнуть автопробѣгомъ по бездорожью, разгильдяйству, а заодно, можетъ быть, даже и по бюрократизму. Пассажиры Антилопы пріосанились. Балагановъ напялилъ на свою рыжую голову кепку, которую постоянно таскалъ въ карманѣ. Паниковскій вывернулъ манжеты на лѣвую сторону и выпустилъ изъ-подъ рукавовъ на два сантиметра. Козлевичъ заботился больше о машинѣ, чѣмъ о себѣ. Передъ отъѣздомъ онъ вымылъ ее водой, и на неровныхъ бокахъ «Антилопы» заиграло солнце. Самъ командоръ весело щурился и зазывалъ спутниковъ.

— Влѣво по борту деревня! — крикнулъ Балагановъ, палочкой приставивъ ладонь ко лбу. — Останавливаться будемъ?

— Позади насъ. — сказалъ Остапъ, — идутъ пять первоклассныхъ машинъ. Свиданіе съ ними не входитъ въ наши планы. Намъ надо поскорѣй снимать сливки. Посему остановку назначаю въ городѣ Уловѣ. Тамъ насъ кстати должна поджидать бочка съ горючимъ. Ходу: Казимировичъ.

— На привѣтствія отвѣчать? — озабоченно спросилъ Балагановъ.

— Отвѣчать поклонами и улыбками. Ртовъ прошу не открывать. Не то вы чортъ знаетъ, что наговорите.

Деревня встрѣтила головную машину привѣтливо. Но обычное гостепріимство здѣсь носило довольно странный характеръ. Видимо деревенская общественность была извѣщена о томъ, что кто-то проѣдетъ, но кто проѣдетъ и съ какой цѣлью — не знала. Поэтому на всякій случай были извлечены всѣ изреченія и девизы, изготовленные за послѣдніе нѣсколько лѣтъ. Вдоль улицы стояли школьники съ разнокалиберными старомодными плакатами: «Привѣтъ Лигѣ Времени и ея основателю, дорогому товарищу Керженцеву», «Не боимся буржуазнаго звона, отвѣтимъ на ультиматумъ Керзона», «Чтобъ дѣти наши не угасли, пожалуйста организуйте ясли».

Кромѣ того было множество плакатовъ, исполненныхъ преимущественно церковнославянскимъ шрифтомъ, съ однимъ и тѣмъ же привѣтствіемъ: «Добро пожаловать!».

Все это живо пронеслось мимо путешественниковъ. На этотъ разъ они увѣренно размахивали шляпами. Паниковскій не удержался и, несмотря на запрещеніе, вскочилъ и выкрикнулъ невнятное, политически безграмотное привѣтствіе. Но за шумомъ мотора и криками толпы никто ничего не разобралъ.

— Гипъ, гипъ, ура! — закричалъ Остапъ.

Козлевичъ открылъ глушитель, и машина выпустила шлейфъ синяго дыма, отъ котораго зачихали бѣжавшія за автомобилемъ собаки.

— Какъ съ бензиномъ? — спросилъ Остапъ. — До Удоева хватитъ? Намъ только тридцать километровъ сдѣлать. А тамъ — все отнимемъ.

— Должно хватить. — съ сомнѣніемъ отвѣтилъ Козлевичъ.

— Имѣйте въ виду, — сказалъ Остапъ строго оглядывая свое войско, — мародерства не допущу. Никакихъ нарушеній закона. Командовать парадомъ буду я.

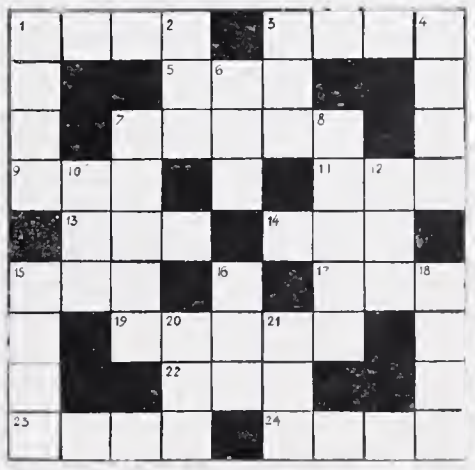
Паниковскій и Балагановъ сконфузились.

— Все, что намъ надо, удоевцы отдадутъ сами. Вы это сейчасъ увидите. Позвольте мѣсто для хлѣбъ-соли.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРЕСТОСЛОВИЦЫ МИЧМАНА ДЫРКИ.

№ 3.



Горизонтально:

1. Его высоко цѣнятъ дамы... и мѣховщики тоже. 3. Онъ встрѣчается въ Азіи, а онъ только въ Америкѣ. 5. Ею можно поймать, хотя бы «7 горизонтально». 7. Рыба во множественномъ, которая въ единственномъ приводитъ въ изступленіе поэтовъ. 9. Животное. 11. Въ немъ можетъ водиться, напримѣръ, «14 горизонтально». 13. Доказано и принято, что онъ хорошъ съ кашей. 14. Герой поэмы изъ царства животныхъ. 15. Огромное животное. 17. Болѣзнь животныхъ. 19. Морскія путешествія. 22. Встрѣчаются и въ хрестоматіи. 23. Его убійца не попалъ ни на каторгу, ни даже въ тюрьму, хотя и не былъ оправданъ. 24. Въ ней можетъ водиться много животныхъ.

Вертикально:

1. Малъ, но кусается. 2. Удобреніе. 3. Животное. 4. Въ немъ навѣрно водятся, если не «7 горизонтально», то «15 вертикально». 6. Дерево. 7. Рыба, которая ассоціируется съ Собакевичемъ. 8. Птицы. 10. Деревья. 12. Значительно больше «1 вертикально» и тоже кусается, а точнѣе жалитъ. 15. Рыба. 16. Изъ народнаго пѣсеннаго припѣва. 18. Животное. 20. Его изображаютъ съ надутыми щеками. 21. Птица.

РѢШЕНІЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 2.

Горизонтально:

1. Годъ. 4. Панъ. 7. Пара. 8. Аписъ. 9. Рожь. 11. Бахъ. 13. Визитъ. 16. Меншу. 19. Бязь. 21. Ара. 23. Фіалъ. 25. Доки. 26. Рио. 27. Али.

Вертикально:

1. Гага. 2. Оръ. 3. Даръ. 4. Пажи. 11. А. П. 6. Нити. 10. Овлуръ. 11. Бимъ. 12. Ханъ. 14. Зобъ. 15. Тузъ. 17. Эфиръ. 18. Жало. 20. Янки. 22. Ада. 24. Ан.

П. Я. Парижъ. Получили вашъ грудъ, посвященный описанію Колоніальной выставки.

Немедленно телеграфировали Министру Колоній съ просьбой о награжденіи васъ большой медалью съ правомъ ношенія на животѣ и въ банѣ.

Госпожѣ М. Банлье. — Ваше письмо поражаетъ и количествомъ упрековъ и количествомъ знаковъ препинанія! Недаромъ въ энциклопедіи права сказано: преувеличенная грамотность лучше всего свидѣтельствуетъ о заранѣе обдуманномъ намѣреніи. Получается такое впечатлѣніе, что, несмотря на весь пафосъ, крикъ души (и притомъ женской!), обиду, желчь и справедливый гнѣвъ, письму предшествовало не мало черновиковъ и по крайней мѣрѣ восьмичасовый рабочій день добросовѣстной женской работы... Будучи, вообще говоря, большими сторонниками раскрѣпощенія женщины, почтительно снимаемъ шляпу и даемъ вамъ вольную! Дальнѣйшія ваши письма будемъ возвращать нераспечатанными, но однако-же съ примѣчаніемъ изъ Гейне на каждомъ конвертѣ:

«Когда хотятъ отставку дать,
Не стоитъ длинно такъ писать!»

Редакторъ-издатель: М. Г. Корнфельдъ.

IMPRIMERIE
COOPÉRATIVE ÉTOILE
17, rue de la Comète

Téléphone: Invalides 11-50 — **PARIS (7)** — R. C. S. 227.770 — Métro: La Tour-Maubourg

TOUS GENRES DE TRAVAUX EN TOUTES LES LANGUES

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ТИПОГРАФСКІЯ РАБОТЫ НА ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ

„НАША РѢЧЬ“

издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.
Редакторъ-Издатель: С. М. ГАЗІЕВЪ.

Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse*. Въ Парижѣ — въ « *Publicité Metzl* », *Rue de Turbigo*, 51, *Paris VIII*e и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ «Нашей Рѣчи» С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier*, 7, *Paris IX*e.

РЕСТОРАНЪ
“CHEZ KORNILOFF”

6, rue d'Armaillé между avenue Carnot и des Ternes
Tél. Carnot 52 - 49

Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ влад.
Ф. Д. КОРНИЛОВА.
Prix-fixe Завтракъ — 15 фр.
Обѣдъ — 20 фр. и à la carte
ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА:
Среда — уха; четв. — Драгомір. форшмакъ и блинч. пирогъ; пятн. — Московская селянка на сковородѣ; субб. — цыплята; воскр. — курникъ; пон. — бефъ-бун; втори. — пельмени.
Ежедн.: кулебяка, блины, осетрина, рябчики, чахохбили, гурьев. каша
Самый элегантный и уютный русско-французскій ресторанъ Парижа

Много самыхъ разнообразныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній, совѣтовъ и указаній по правовымъ, юридич., администр.-полиц., налоговымъ и пр. вопросамъ во Франціи.
Жизнь обществ. организацій, торгово-пром. предпріятія, медиц. свѣдѣнія, курорты, всякія полезныя справки и адреса
Все въ Русскомъ Альманахѣ
1931 г. Продается вездѣ. **Цѣна 10 фр.** Высыл. нал. плат. по первому требованію. Скл. изд. SARATCH, 13, rue Plumet, Paris (15e). Tél. Invalides 10-14.

BRASSERIE GARGANTUA 24, rue Vavin (Montparnasse)
ПИВО FURSTENBERG
Элегантно, комфортабельно, по-Монпарнасски. Садъ на крышѣ. Прохладный залъ. Американскій баръ на свѣжемъ воздухѣ.
Цѣны очень умѣренныя.
Отдѣленіе на Колоніальной выставкѣ на островѣ Ile de Reuilly.

Издательство «ДОБРО» въ Варшавѣ принимаетъ подписку на «САТИРИКОНЪ» На 1 мѣс. — зл. 5.50 ; на 3 мѣс. — зл. 15; на 6 мѣс. — зл. 29; на 12 мѣс. — зл. 57.
Подписную плату можно вносить на почтовое конто фирмы «Добро» въ Р. К. О. №9368.

ПАВИЛЬОНЪ ВЪ БУЛОНИ спѣш по сдается; 5 комн., ванна, центр. отопл., фр. 11.000, включая шаржъ. Справ. въ конт. «Сатирикона».

Аптека
Всѣ патентованныя средства
Всѣ анализы
38, av. Félix-Faure, Tél. Vaugir. 44-15

КАЗБЕКЪ
12. Av. de CLICHY
Tél. Marcadet 46-85
Директоръ А. Каупинскій

Александръ Скаржинскій представляетъ лучшую артистическую программу
Нюра Массальская, Зинаида Ростова, Jamin et Jacson
(ДУЭТЪ)
Каю (гавайскія гитары), **Хазъ - Булатъ и др.** Цыганскій оркестръ **Г. Збовскаго**

Сатирикон'

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи	Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ странахъ, вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза		160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почт. Союза		177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**
Téléphone: GUTENBERG 05-40

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII. Цѣна отд. ном. 1 шилл.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tel. Barbarossa 4881. Postscheckkonto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГОЛЛАНДІЯ.	Роттердамъ. — Van Ditmar, Post Box 262, Rotterdam.
ГРЕЦІЯ.	Афины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitorv, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 70 л. с.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spanda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko,* Khiabané Post Hané Koutcha Beha es Saltaneh N°4. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovie. Цѣна отд. ном. зл. 1.35.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré.
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York. Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra. Цѣна отд. ном. 25 піастр.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors. Ц. отд. ном. ф. м. 6.50 Выборгъ. — *Ivankov,* Linnankatu, 8, Wiiborg. Келломяки. — *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel.
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon,* Goldschmiedstrasse, Reval. Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 70 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Sonbre,* Ul. Kn. Mihailova br. 27.

17.027 АДРЕСОВЪ АМЕРИКАНСКИХЪ МИЛЛІОНЕРОВЪ
444 " МИЛЛІАРДЕРОВЪ
5410 " АМЕРИК. БЛАГОТВОРИТ. УЧРЕЖД.

Адреса МАНУФАКТУРИСТОВЪ, ИЗОБРѢТАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЕВЪ, БАНКИРОВЪ, КИНО - РЕЖИССЕРОВЪ и др.

100 адресовъ 3 доллара
200 " 5 "
1000 " 18 "

Деньги можете посылать въ любой валютѣ

Наша фирма существуетъ съ 1908 года

Adress: A. R. BOGIN, 201 2nd Avenue

New York, N. Y. U. S. of America

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ СПЕЦІАЛЬНЫЙ НОМЕРЪ САТИРИКОНА

Колоніальный

ПОСВЯЩЕННЫЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОЛОНІАЛЬНОЙ ВЫСТАВКѢ ВЪ ПАРИЖѢ

Tout dernier confort — Ascenseur — Chauffage Central
Chambres avec bains — Eau chaude et froide

PENSION - HOTEL de la PORTE DE VERSAILLES

15, rue de la Grotte - PARIS (15e)

(Angle du Boulevard Lefebvre — Près la Foire de Paris)
Tel. : *Vaugirard* 10-77. Télégr.: *Hotelef 5 Paris*
Nord-Sud: Porte de Versailles — Aut.: A. G. Bourse
Tram.: 89 Hôtel de Ville

Общество взаимнаго Кредита "СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). Tel. Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрышн. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер

Денежные переводы и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9

НАЛОГИ Учрежденіе обществъ. Всѣ юридич. акты. Разводъ. Регистрація фирмъ Выборка патентовъ. Взысканія. Натурализаціи. Консультаціи по всѣмъ вопросамъ.
JACQUES KARNAOUCH lic. en droit
3, rue du Pasteur Wagner. (на углу 26, Bd. Beaumarchais), M-ro Bastille
Tél. Roquette 07-66.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ принимаетъ
Комитетъ Помощи Голодающимъ въ Россіи (Comité Russe de Secours)
7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9)
M-o Clichy. Tél. Trinité 25-02 et 25-03
Пріемъ исключительно отъ 3- 7

ЕСЛИ ВЫ ЖЕЛАЕТЕ БЫТЬ ЭЛЕГАНТНЫМЪ

Получить хорошій матеріалъ модиаго рисунка по вашему вкусу
ЗА УМѢРЕННУЮ ЦѢНУ И ВЪ РАЗСРОЧКУ

Обратитесь: **32, avenue Félix-Faure**
Tél. Vaugirard 54-19

N. MASSE (de 9 à 7 h.) ·:· **Я. ДЖИГИТЪ** от 2-4 воскр. 10-12

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала контора журнала
САТИРИКОНЪ
проситъ г.г. подписчиковъ, срокъ подписки коихъ истекаетъ, ВОЗОБНОВИТЬ ЕЕ заблаговременно

РУССКАЯ МАСТЕРСКАЯ ДАМСКОЙ И МУЖСКОЙ ОБУВИ НА ЗАКАЗЪ
M A X
10, Rue Edmond Roger yr. Rue Violet, PARIS (XVe)
Téléphone Vaugirard 52-15.

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), Téléph. Inval. 11-50 Le Gérant : *N. Kornfeld.*

НА ПЛЯЖѢ.

«ДУША НА РАСПАШКУ».

Рис. Н. Пльина.

— Главное это распашка, а душа тутъ не при чемъ!...

PRIX EN FRANCE : Frs 3. – 20 ИЮНЯ 1931. 20 JUIN 1931. ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

САТИРИКОНЪ

SATYRICON

1931 Hebdomadaire Russe

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)

№ 12

Directeur M. Kornfeld

А. Чеховъ и А. Ситроенъ

AME SLAVE *(dans les Usines Citroën)*

Рис. А. Шарлю.

— А я васъ увѣряю, г. контрмэтръ, что черезъ двѣсти-триста лѣтъ жизнь будетъ невыразимо-прекрасной!...

— Je peux vous assurer, Mr le Contremaitre, que d'ici 2 ou 3 siècles la vie sera infiniment belle...

Рис. Шварца.

СЕМЬ ЧУДЕСЪ.

Объ этомъ не пишутъ въ передовицахъ
И лекцій объ этомъ никто не читаетъ, —
Какъ липы трепещутъ въ солнечныхъ спицахъ,
Какъ вдумчивый дроздъ по полянѣ шагаетъ...
А можетъ быть это всего важнѣе:
И липы и дроздъ, и жукъ на ладони
И песъ, летящій козломъ вдоль аллеи,
И я — въ подтяжкахъ на липовомъ фонѣ.

*

Съ почтительной скорбью глаза закрываю
И вновь обращаюсь къ Господу Богу:
Зачѣмъ Ты къ такому простому раю
Закрылъ для насъ навсегда дорогу?
Зачѣмъ не могу я качаться на вѣткѣ,
Питаяся листьями, свѣтомъ, росою
И долженъ, потѣя въ квартирной клѣткѣ,
Насущный хлѣбъ свой жевать съ колбасою?

*

Какос мнѣ дѣло до предка Адама
И что мнѣ до Евы съ ея поведеньемъ?
Ихъ дѣтскій грѣхъ, ихъ нелѣпая драма
Какое имѣютъ ко мнѣ отношенье?
И вотъ, однако, лишь разъ въ недѣлю
Могу удирать я въ медонскую чащу...
Шесть дней, какъ Каинъ, брожу вдоль панели,
Томлюсь и на стѣны глаза таращу.
Зато сегодня десница Господня
Наполнила день мой свѣтомъ и миромъ, —
Семь свѣтлыхъ чудесъ я видѣлъ сегодня,
И первое чудо — встрѣча съ банкиромъ:
На тихой опушкѣ, согнувши ляжки,
Пыхтѣлъ онъ, склонясь у своей машины,
И кротко срывалъ охапки ромашки,
Растущей кольцомъ у передней шины.

*

Второе чудо было послаще...
Кусты бузины зашипѣли налѣво
И вдругъ изъ дремучей таинственной чащи
Ко мнѣ подошла трехлѣтняя дѣва:
Шнурокъ у нея развязался на ножкѣ, —
А мать уснула вдали на полянѣ.
Я такъ былъ тронутъ довѣріемъ крошки,
Что справился съ ножкой не хуже няни...

*

Я третьяго чуда не понялъ сначала...
О, запахъ знакомый — шербетъ и малага!
Раскинувъ кудрявымъ дождемъ опахала,
Акація буйно цвѣла у оврага.
И вотъ въ душѣ распахнулась завѣса:
Надъ моремъ городъ всталъ облакомъ тонкимъ,
И вдругъ я вспомнилъ, Одесса, Одесса,
Какъ эту акацію ѣлъ я ребенкомъ.

*

Четвертое чудо меня умилило...
Подъ липой читалъ эмигрантъ «Возрожденье»,
А рядомъ сосѣдъ, бородатый верзила,
Уставилъ въ «Послѣднія Новости» зрѣнье.
Потомъ они мирно сложили газеты
И чокнулись дружно пунцовой вишневкой
И ѣли, какъ добрые братья, котлеты
И липа качала надъ ними головкой.

*

А пятое чудо, какъ факелъ изъ мрака,
Склонилось въ лѣсу къ моему изголовью:
Ко мнѣ подбѣжала чужая собака
И долго меня изучала съ любовью, —
Меня, — не мои бутерброды, конечно...
И вдругъ меня въ носъ безкорыстно лизнула
И скрылась, тряхнувши ушами безпечно,
Какъ райская гостья, какъ пуля изъ дула...

*

Но чудо шестое — иного порядка, —
Не вѣрилъ своимъ я глазамъ... Неужели?!
Подъ старой жестянкой лежали перчатки, —
Я здѣсь ихъ посѣялъ на прошлой недѣлѣ...
Перчатки! Прильнувъ къ травянистому ложу,
Букашекъ и мусоръ съ нихъ счистилъ я палкой
И долго разглаживалъ смятую кожу,
Которая пахла гнилою русалкой.

*

Послѣднее чудо мелькнуло сквозь вѣтки
И, фыркая, стало, какъ листъ, предо мною:
Знакомый наборщикъ на мотоциклеткѣ
Пристроилъ меня за своею спиною...
И мчался въ Парижъ я, счастливый и сонный,
Закатное солнце сверкало мечами
И бѣшеный вѣтеръ, дуракъ, безпардонный,
Мой шарфъ, словно крылья, трепалъ за плечами.

А. Черный.

ОКНА ВЪ САДЪ.

Въ объявленіи было ясно сказано: «Въ интеллигентной семьѣ сдается комната одинокому. Масса свѣта и воздуха. Стильная, старинная мебель. Окна въ садъ. Право пользоваться гостинной. Лифтъ. Къ консьержкѣ не обращаться».

Дѣйствительно, думаю, рѣдкій случай. Сѣлъ въ метро, три раза пересаживался, вылѣзъ, гурнулъ а-гошъ, турнулъ а-друатъ, потомъ еще разъ а-гошъ и наконецъ попалъ въ переулокъ. И, дѣйствительно, номеръ правильный и все какъ полагается: фасадъ, подъѣздъ, фундаментъ, электрическая кнопка сбоку.

Скользнулъ мимо консьержки, какъ тѣнь отца Гамлета, голову въ плечи втянулъ, и къ лифту.

Лифтъ на троихъ человѣкъ, но и на одного не дѣйствуетъ.. Набралъ воздуху на пять этажей сразу, и — пѣшкомъ.

Долго соображалъ, гдѣ это можетъ быть «о-дессю, о-дессу де л-антресоль, премьеръ портъ, анъ-фасъ, котэ гошъ, жюстъ анъ-фасъ, э-пюи-за-друатъ». Пока я это соображалъ, слышу голоса:

— Чортова перечница.

— Оселъ. — Дура набитая. — Отъ дурака слышу. — Квочка! — Дармоѣдъ! — Ослина валаамова! — Хамъ!...

Ну, думаю, очевидно здѣсь, потому что сразу видать, что семья интеллигентная. И позвонилъ. Голоса стихли. Шлепанье босыхъ ногъ. Еще минута. Отворяютъ.

— Простите, у васъ комната сдается?

— Да, пожалуйста... Но только мужчинѣ. Я терпѣть не могу женщинъ... То-есть не вообще, а въ комнатѣ... Возня, непріятности, мигрени, самоубійства. Не желаю! Впрочемъ, что же вы стоите въ передней и на сквозникѣ. Пожалуйста входите, сюда, направо, вы одинокій? Много бываете дома? Простите, я сію минуточку...

Ну, думаю, дѣйствительно лучше быть одинокимъ. Не успѣлъ подумать, появляется. Носъ въ пудрѣ, на губахъ ружъ.

— Разрѣшите взглянуть на комнату?

— Да чего тамъ глазѣть. Вы только не обращайте вниманія... тамъ сейчасъ небольшой безпорядокъ... Пожалуйста, вотъ сюда

— Вы, кажется, писали, что окна въ садъ.

— Да, да, пожалуйства, вотъ посмотрите сюда, направо, а потомъ перегнитесь наискосокъ и налѣво, видите?

— Гмъ... да... собственно, это скорѣе, такъ сказать, огородъ...

— Ну, знаете, я вамъ не ботаникъ, чтобы въ такихъ тонкостяхъ разбираться... Раз зеленое, значитъ садъ!

— Конечно, вы совершенно правы... Дѣйствительно, прелестный садикъ... Лѣтомъ можно даже чай пить.

— Вотъ это... ужъ не знаю... Садъ вѣдь не въ нашемъ дворѣ, а въ сосѣднемъ... и притомъ черезъ дорогу...

— Стало быть, чужой?

— А что-жъ думали? Чтобъ я вамъ за пятьсотъ франковъ въ мѣсяцъ — собственный Булонскій лѣсъ подъ носомъ насадила? Хорошенькое дѣло. Сказано вамъ — окна въ садъ, вотъ и кушайте! А чужой, или не чужой, это васъ совершенно не касается... Зато обратите вниманіе на мебель. Что?! Какой эпохи? Да вы лучше укажите мнѣ такую эпоху, которой бы здѣсь не было! Всѣ, какія угодно! На любой вкусъ угодить можно. Вотъ, ночной столикъ, напримѣръ. Вы знаете, что это за ночной столикъ. Нѣтъ. Тото же... Такъ знайте, что этому ночному столику цѣны нѣтъ!... А матрацъ. На этомъ матрацѣ гугеноты спали!

...Чувствуя, что у меня уже мурашки по спинѣ бѣгаютъ, тихо спрашиваю:

— Если не ошибаюсь, можно и гостинной пользоваться?

— Гостинной. Да сдѣлайте ваше одолженіе... Только тамъ, извините, страшный безпорядокъ... Къ намъ, понимаете ли, пріѣхала свояченица мужа, и родила, тутъ-же, понимаете ли, на самой серединѣ гостинной, взяла, и родила... Но это ничего... ребенокъ страшно спокойный и даже задумчивый... такъ что, если вамъ по какому-нибудь важному дѣлу посовѣщаться надо, такъ пожалуйста.. не стѣсняйтесь.. ребенокъ все равно ничего не понимаетъ.

Въ общемъ, рѣшайте да или нѣтъ, а то у меня желающихъ хоть прудъ пруди.

Главное чтобъ одинокій и чтобъ поменьше дома торчалъ. А затѣмъ, еще одна маленькая деталь: консьержкѣ, Боже сохрани, на глаза показываться. Потому что здѣсь на этотъ счетъ ужасъ, какъ строго, чуть что, сейчасъ же выселятъ... и васъ, и насъ, и всѣхъ... Поняли?

...Сидя потомъ въ бистро и глотая какой-то гнусный ситронадъ, я долго и напряженно размышлялъ: конечно, присяжные меня оправдали бы. Но все таки, вы подумайте, до чего же легко сдѣлаться убійцей?!

Н. Ѳадѣевъ.

ТЩЕСЛАВІЕ.

— Я надѣюсь, что на этотъ разъ моя Маня принесетъ мнѣ, наконецъ, сына, — сказалъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ, отецъ четырехъ дѣвочекъ. — Вѣдь ужасно было бы, если бы заглохъ родъ Ивановыхъ!

ВЪ СТУДІИ.

Рис. Н. Ильина

— Подумай, еще какихъ-нибудь двѣнадцать дней назадъ я была влюблена въ него, какъ кошка... А теперь я его видѣть не могу!

— Да, я тебя понимаю... Мужчины, они страшно непостоянны!...

КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

LES PILIERS DU REGIME SOVIETIQUE

(Pour ceux qui cherchent à comprendre le sens de la Révolution Communiste)

Рис. Шарапо

Товарищъ БѢЛОБОРОДОВЪ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ
Curriculum vitae : Убійца Царской семьи.

LE CAMARADE BELOBORODOFF,
ministre de l'Intérieur
Curriculum vitae : Assassin de la famille Impériale.

ДѢДУШКА И ВНУЧЕКЪ.

Басня.

У дѣда внучекъ былъ — Васютка,
Лѣтъ шести.
Красавчикъ — глазъ не отвести.
При всемъ, при томъ, ума палата.
Случаются подобные ребята,
Родятся иногда на свѣтъ.
Я самъ такой, пожалуй, былъ когда-то...
Теперь ужъ этакихъ дѣтишекъ
Нѣтъ.
Куда теперешнимъ!
Себялюбивы, грубы,
Имъ бабки и волчки не любы,
Ихъ не обрадуешь сусальнымъ пѣтушкомъ,
А если за ухо уцѣпишься тишкомъ,
Въ негодованьи справедливомъ, —
Тогда услышишь словъ такихъ,
Что...
Впрочемъ — стопъ! Закончу кратко:
Ребенокъ современный лихъ,
О немъ подумать даже гадко.
Не то малышъ мой. Красокъ нѣтъ
Изобразить его портретъ, —
Столь преисполненъ
Добрыхъ качествъ,
Забавъ веселыхъ, и чудачествъ;
Расчесанъ на косой проборъ,
Любезенъ, милъ, лукавый взоръ,
Не чванится и не гордится
И въ то же время
Ухъ, горячъ,
И пистолетъ, какъ говорится!
Приходитъ къ дѣду какъ то разъ
И мышку малую приноситъ.
«Вотъ, посади ее на плѣшь!»
Умильно Вася дѣда проситъ.
Старикъ дивится: «Что съ тобой?
Вѣдь этакъ засмѣетъ любой.
Вотъ, скажутъ, дѣдъ, какую штуку
Удралъ вчерась, въ угоду внуку.
Ну, понимаю — воробей,
Котенокъ даже бы!
Но мышка? Но погань скверная?
Убей,
Въ толкъ не возьму, смѣшной мальчишка,
Какую въ томъ ты видишь цѣль?...
«— Ахъ, милый дѣдушка. Ужель, —
Звучитъ въ отвѣтъ малютки голосъ, —
Ты не слыхалъ какъ хорошо
Подмышкой вырастаетъ волосъ?

Вальгоръ.

■

СУРРОГАТЪ СЧАСТЬЯ.

— Отчего у васъ такой страдальческій видъ?

— Не спрашивайте... Ботинокъ такъ жметъ, что глаза на лобъ лѣзутъ!

— Перемѣните.

— Видите-ли, перемѣнить жалко...

— Жалко?!

— Я вамъ объясню. День-деньской маешься, бѣгаешь по городу, какъ угорѣлый, заработковъ никакихъ, за квартиру не оплочено, газъ закрыли, электричество закрываютъ, молочникъ скандалитъ, изъ лицея требуютъ правоученіе за сына, сосѣду внизу накапало на голову изъ нашей ванной, такъ онъ подаетъ въ судъ на доммажъ съ интересами, отъ податного инспектора идетъ желтая бумажка, отъ пристава — синяя... словомъ, не жизнь, а малина...

— Не вижу связи съ ботинками.

— Подождите! Такъ вотъ когда послѣ этой каторги придешь вечеромъ домой, да сядешь въ кресло поудобнѣе, да снимешь, наконецъ, этотъ проклятый ботинокъ съ натертой ноги — чувствуешь настоящее облегченіе. Подумайте **единственное удовольствіе,** а вы говорите — «перемѣните»!

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ИНТЕРЕСОВЪ.

Немногочисленная публика, гулявшая около пруда, съ ужасомъ увидѣла, какъ человѣкъ, только что стоявшій въ глубокой задумчивости на берегу, скрылся внизъ головой подъ водою.

Только пузыри указывали на мѣсто, гдѣ погибалъ несчастный.

Атлетически сложенный молодой человѣкъ быстро скинулъ съ себя пиджакъ, бросился въ воду и размашисто поплылъ. Доплывъ до мѣста, отмѣченнаго пузырями, онъ нырнулъ и черезъ нѣсколько секундъ показался опять на поверхности.

Онъ плылъ теперь къ берегу, работая одной рукой. Другая рука его крѣпко вцѣпилась въ шевелюру спасеннаго имъ самоубійцы.

— Отпустите меня, — булькая и отплевываясь, прохрипѣлъ утопленникъ. — Дайте мнѣ умереть. Я не хочу жить.

— Ну, это дудки, — возразилъ, еще сильнѣе загребая свободной рукой, спаситель. — Утопиться вы можете завтра, а моя золотая медаль за спасеніе утопающихъ такъ и пропадетъ, что-ли?!

■

ИЗЪ МАРГАРИНА ПАРМСКАГО

1.

Дѣловое опроверженіе:

«Прошу ни цвѣтовъ, ни вѣнковъ на гробъ мой не возлагать, такъ какъ я живъ».

2.

Ударомъ кулака можно и конституцію передѣлать.

3.

Минимумъ обстановки:

— Вѣшалка для гостей, веревка для хозяина.

4.

Ходъ часовъ не зависитъ отъ того, украдены ли они, или куплены за наличныя.

5.

Если бы древніе греки ѣздили на автомобиляхъ, они-бы ни за что въ жизни не создали школы перипатетиковъ.

6.

Примѣчаніе одного лондонскаго издателя къ Чарльзу Дарвину:

— Всѣ люди происходятъ отъ обезьянъ, кромѣ англосаксовъ.

7.

Когда дружеская бесѣда начинается распивочно, она всегда кончается на выносъ.

8.

И бѣшенный темпераментъ есть вопросъ усидчивости!

9.

Великодушіемъ можно убить только человѣка, но не слона.

10.

Живите такъ, чтобъ другимъ стало скучно, когда вы умрете.

11.

Не судите ближняго своего по фотографіи его...

— Можетъ быть, она тюремная.

12.

За однимъ зайцемъ погонишься, такъ ужъ двоихъ наверное не поймаешь.

13.

Ни одно великое произведеніе искусства не было написано натощакъ.

14.

Ложась животомъ на алтарь отечества, продолжайте думать все таки головой.

15.

Когда про человѣка говорятъ, что онъ не хватаетъ звѣздъ съ неба, то это еще не значитъ, что онъ и носового платка стянуть не можетъ.

16.

Сангвиники, хотя и румяны, но надоѣдливы.

17.

Плакатъ въ вегетеріанской столовкѣ:

— Товарищи добивайтесь одной салфетки для всѣхъ трудящихся!...

НАГРАЖДЕННАЯ СКРОМНОСТЬ.

Очень непріятно знакомить любимую дѣвушку съ человѣкомъ, который верховодитъ въ компаніи ротозѣевъ и почитается за избранника. Конечно, я терпѣть не могу Фреди. Между нами говоря, я считаю его пройдохой. Но тѣмъ не менѣе, онъ умѣетъ нравиться. Онъ совсѣмъ не плохъ въ разговорѣ и рѣчь его носитъ характеръ пріятной литературности. Нѣкоторые изъ насъ даже подозрѣваютъ въ немъ писателя, который втайнѣ отъ всѣхъ печатаетъ свои сочиненія и только изъ скромности не говоритъ объ этомъ. Что касается меня, то я ни на одну минуту не допустилъ бы подобнаго предположенія. Скромность и Фреди не имѣютъ общаго знаменателя.

Такъ или иначе Фреди и Руфь должны познакомиться, а то говорятъ, что я намѣренно прячу ее и что я ревнивое животное. Знакомству предшествовало мое свиданіе съ Руфью. Я бы сказалъ — спеціальное свиданіе. Мнѣ лишній разъ хотѣлось удостовѣриться въ прочности ея любви ко мнѣ. Почувствовать неуязвимость любовной моей цитадели, прощупать каждый ея кирпичъ и убѣдиться, что ни одинъ камень не расшатался, что стража на мѣстѣ и что голубой флагъ цвѣта глазъ моей Руфи все также гордо развѣвается на башнѣ. А на голубомъ флагѣ — золотые инициалы Д и Б, потому что меня зовутъ Джекомъ Бильдингомъ.

Въ это свиданье Руфь цѣловалась восхитительно. Не только съ полнымъ ко мнѣ расположеніемъ, но еще съ какой-то милой сообразительностью. Пусть читатель самъ догадается, что я разумѣю подъ этимъ послѣднимъ, какъ будто не подходящимъ къ случаю выраженіемъ.

— Значитъ, ты меня любишь, дорогая Руфь? — сказалъ я ей при прощаніи.

Въ ея отвѣтѣ вопросъ исчерпывался до дна, хотя она произнесла только одно слово: дурачекъ!

Несмотря на полную мою немузыкальность, я, кажется, довольно вѣрно схватилъ тонъ этой маленькой мелодіи и сдѣлалъ соотвѣтствующіе выводы.

— Ну, а если ты встрѣтишь человѣка умнѣе меня, способнѣе и, допустимъ, красивѣе?

— Твое «допустимъ» великолѣпно! — расхохоталась Руфь. А потомъ добавила вполнѣ серьезно:

— Мой милый! Все дѣло въ пропорціи!...

— Ну, конечно, — надулся я, — ты читаешь много книгъ и вотъ важничаешь...

— И не думаю, — отвѣтила Руфь. — Сколько ты подаешь послѣ обѣдни тетушкѣ Катеринѣ?

— Почему тебя это интересуетъ? — покраснѣлъ я.

— Но все таки?

— Два цента! — и я покраснѣлъ еще больше.

— Скуповато! — опять расхохоталась Руфь. — Такъ вотъ, если бы ты подавалъ одинъ центъ или три, такъ я бы уже не была твоей невѣстой...

— Богъ съ тобой, моя дорогая! — сказалъ я. — Ты очень образованная дѣвушка, — это всѣ знаютъ, но сейчасъ рѣчь о другомъ. Завтра въ нашей компаніи будетъ Фреди. Мнѣ придется тебя познакомить съ нимъ. Ты ничего не имѣешь противъ?

— Ага! Знаменитый Фреди! Очень любопытно. Братъ мнѣ о немъ много разсказывалъ. Онъ буквально влюбленъ въ него — этого Фреди. Ходитъ за нимъ по пятамъ съ блокъ-потомъ и записываетъ его «мысли». А тебѣ онъ нравится?

— Ну, конечно, — отвѣтилъ я безъ всякаго энтузіазма.

Руфь внимательно посмотрѣла на меня.

— Знаешь что, — сказала она, — я буду очень занята завтра. Да и не только завтра. Нельзя ли отложить знакомство на недѣлю? До слѣдующаго четверга?

Я былъ искренне обрадованъ такимъ ея рѣшеніемъ. Повидимому, Фреди не такъ уже ей интересенъ.

— Пожалуйста, моя дорогая! Почему бы нѣтъ? — согласился я съ поспѣшностью.

— Вотъ и прекрасно, — улыбаясь сказала Руфь, очень нѣжно простилась и убѣжала.

Утромъ, въ среду, на слѣдующей недѣлѣ почтальонъ подалъ мнѣ пакетъ, оказавшійся по распечатаніи книгой. Какой-то романъ — «Голубыя овцы»...

По совѣсти сказать, библіотеки и книжные магазины нашего города ни въ малѣйшей степени не обязаны мнѣ своимъ процвѣтаніемъ. И я, и мои друзья, — мы любимъ проводить свободное время на открытомъ воздухѣ. Футболъ, борьба и велосипедъ требуютъ постоянной тренировки. Ясно, что для чтенія не остается ни одной лишней минуты. Отсюда я заключилъ, что книга прислана мнѣ мало-знакомымъ человѣкомъ. Тѣмъ болѣе, что это романъ въ триста страницъ, а я вообще не вѣрю, что триста страницъ могутъ быть преодолѣны кѣмъ либо безъ посторонней помощи. Однако, не выбрасывать же книгу? Спортъ всегда несетъ въ себѣ нѣкоторую долю риска. Если мнѣ не повезетъ и я останусь однажды въ постели — тогда попробую почитать.

Не раньше.

И вдругъ изъ книги выпала записка. Кто-то неизвѣстнымъ мнѣ почеркомъ писалъ:

«...Просмотрите книгу. Обратите вниманіе на подчеркнутыя строчки. И запомните. Вашъ маленькій трудъ не пропадетъ даромъ. Въ этомъ вы убѣдитесь очень скоро».

Я пожалъ плечами. Анонимный корреспондентъ, конечно, не обязывалъ меня къ вѣжливости. Однако, я сталъ перелистывать книгу. Подчеркнутыхъ строкъ оказалось не очень много.

Между прочимъ, я замѣтилъ, что какая бы глупость ни была подчеркнута въ книгѣ — она обязательно пріобрѣтаетъ значительность. И требуется нѣкоторый характеръ, чтобы отдѣлаться отъ этого, въ какой-то степени, шантажа.

Подчеркнутыя строчки въ «Голубыхъ овцахъ» не возмущали глупостью. Это были фальшивые локоны стиля, сомнительные парадоксы и претенціозныя сравненія, мѣткость которыхъ значительно уступала серьезнымъ надеждамъ автора.

...Въ этомъ платьѣ вы похожи на абажуръ, перехваченный лентой.

...Однимъ и тѣмъ же перомъ можно написать стихи и чекъ безъ покрытія.

...Этотъ котъ подъ столомъ — не напоминаетъ ли онъ вамъ епископа подъ балдахиномъ?

...Еще неизвѣстно, какъ бы реагировалъ человѣкъ на внезапную тишину. Быть можетъ такъ же, какъ на взрывъ бомбы.

...Отнимите отъ него его пороки, и онъ, какъ табакъ безъ никотина, станетъ безвкуснымъ...

Все остальное было въ такомъ же родѣ. Я положилъ книгу въ шкафъ. Вечеромъ Руфь и я встрѣтились. Я разсказалъ ей о книгѣ. Она стала весело надо мной издѣваться. Она сказала, что какое-нибудь тайное гуманитарное братство рѣшило просвѣтить молодежь нашего города и начало съ меня, какъ наибольшаго невѣжды. Что члены этого братства слабосильны и малокровны, а глава и руководитель ихъ страдаетъ безчисленными болѣзнями, среди которыхъ чахотка расцѣнивается, какъ легкая зубная боль.

Руфь была въ прекрасномъ настроеніи духа. Я напомнилъ ей о предстоящемъ завтра знакомствѣ съ Фредомъ и добавилъ, что не сомнѣваюсь въ пріятности для нея этого знакомства, такъ какъ несомнѣнно Фреди самый умный изъ насъ, что онъ то, конечно, не нуждается въ услугахъ братства и что ей, какъ очень образованной дѣвушкѣ, будетъ о чемъ поговорить съ нимъ и поспорить. Все это я сказалъ скрѣпя сердце изъ боязни показать ей тайныя мои опасенія и неувѣренность въ себѣ. Все таки Фреди умный парень, а я слышалъ гдѣ-то, что культура человѣчества строилась на предпочтеніи, которое оказывалось женщиной умнымъ и хитрымъ передъ сильными и красивыми. Моральныя качества игнорировались повидимому и можно только пожалѣть объ этомъ.

И вотъ наконецъ состоялась встрѣча Фреди и Руфь. Мы собрались у Неда, который только что отличился въ состя-

ПСКОВЪ.

Рис. М. В. Добужинскаго

«Когда въ кругу убійственныхъ заботъ
Намъ все мерзитъ, и жизнь, какъ камней груда,
Лежитъ на насъ, — вдругъ... знаетъ Богъ откуда,
Намъ на душу отрадное дохнетъ,
Минувшимъ насъ обвѣетъ и обниметъ...
И страшный грузъ минутно приподниметъ».

Тютчевъ.

заніи нашего футбольнаго клуба съ агрономической школой. Мы побили агрономовъ и Недъ, ставшій теперь голкиперомъ, устроилъ намъ пирушку.

Руфь, которую всѣ, кромѣ Фреди, знали, была мила, какъ никогда. Мои друзья подтянулись, повеселѣли и немедленно же вступили въ неизмѣнную въ присутствіи дѣвушки борьбу между собой. Каждый пытался заинтересовать невѣсту въ ущербъ прочимъ. Даже мрачный Гарри разсказалъ какую-то сомнительную исторію объ умѣ муравьевъ. Его разсказъ былъ покрытъ негодующими восклицаніями и мы тутъ же взяли съ него честное слово, что онъ впредь будетъ болѣе строгимъ при выборѣ матеріала.

Фреди сидѣлъ недалеко отъ Руфи и снисходительно улыбался. Онъ притворялся скучающимъ и усталымъ. Одна изъ любимыхъ его, какъ я замѣтилъ, поз, которая почему то импонировала окружающимъ.

Какъ это часто бываетъ въ большихъ компаніяхъ, всѣ мы неожиданно замолчали. И тогда Фреди сказалъ:

— Если бы пребываніе въ шумѣ и грохотѣ было естественнымъ для человѣка, то внезапная тишина потрясала бы насъ какъ взрывъ бомбы...

Руфь мило улыбнулась Фреди, и быстро взглянула на меня. Одновременно я замѣтилъ легкія тѣни недоумѣнія на лицахъ всѣхъ присутствующихъ.

Фреди, поймавъ улыбку моей невѣсты, окинулъ ее внимательнымъ и дружелюбнымъ взглядомъ...

— Вы прелестны, — сказалъ онъ, — въ этомъ платьѣ вы напоминаете мнѣ абажуръ. Да именно абажуръ. Абажуръ, перехваченный лентой...

Среди насъ произошло замѣшательство, ускользнувшее отъ вниманія Фреди. Онъ вдругъ разсмѣялся.

— Знаете почему я смѣюсь? — обратился онъ опять къ Руфи. — Я только что былъ у знакомыхъ. У нихъ есть великолѣпный котъ. И когда онъ важно сидитъ подъ столомъ, то онъ такъ похожъ... — Но Фреди не удалось окончить. Нашъ хохотъ прервалъ его.

...на епископа! — вскричалъ Гарри. Ха-ха-ха!

...подъ балдахиномъ! Ха-ха-ха! — надрывался Недъ.

— ...Ха-ха-ха! — гремѣлъ Джонни.

Всѣхъ спокойнѣе была Руфь. Она сидѣла, тонко улыбаясь и не безъ лукавства поглядывая на меня.

А я хохоталъ, какъ сумасшедшій.

— Отнимите отъ него его пороки... — сотрясаясь отъ смѣха вскричалъ я.

— ...И онъ какъ табакъ безъ никотина... Ха-ха-ха!

— ...станетъ... Ха-ха-ха!

Когда мы успокоились, Фреди среди насъ уже не было.

— Да, это я разослала всѣмъ вамъ романъ «Голубыя овцы», — сказала мнѣ вечеромъ Руфь. Мы записаны съ Фреди въ одной библіотекѣ. Мнѣ случайно попалась послѣ него одна книга и я нашла въ ней подчеркнутыми тѣ самыя мѣста, которыя мой братъ только что передавалъ мнѣ, какъ принадлежащія Фреди. Тогда я намѣренно взяла прочитанную имъ книгу — романъ «Голубыя овцы». Онъ и тамъ уже поработалъ карандашемъ. И мнѣ захотѣлось разоблачить его, что я и сдѣлала. Я купила нѣсколько экземпляровъ «Голубыхъ овецъ» и разослала всѣмъ вамъ, подчеркнувъ то, что было имъ самимъ подчеркнуто.

— Милая Руфь! Но гдѣ же корень такой жестокой расправы? — спросилъ я.

— Будь смѣлѣй и увѣренѣй! — сказала Руфь. — Я принесла Фреди въ жертву твоей скромности.

Валентинъ Горянскій.

ИНТЕРЕСУЮЩІЙ ВОПРОСЪ.

— Буба, если ты будешь скверно себя вести, ты пойдешь въ адъ, а если ты будешь вести себя хорошо, ты пойдешь въ рай.

— А какъ надо себя вести, чтобы пойти въ кинематографъ?

ВАЖНАЯ ДЕТАЛЬ.

— Почему у васъ на этомъ деревѣ изображенъ, словно зацѣпившійся за листву, носовой платокъ?

— А это чтобы публикѣ было ясно, что это плакучая ива.

ВЪ РЕДАКЦІИ.

— Слушайте, это невыносимо! Я вамъ далъ поэму, вы ее приняли, и вотъ уже скоро три года, какъ вы ее маринуете... Неужели я долженъ ждать три года, чтобы моя поэма попала въ типографію?

— Что вы волнуетесь? А Гомеръ не ждалъ три тысячи лѣтъ, пока его поэма попала въ типографію?

НЕПРОФЕССІОНАЛЬНАЯ ЮМОРИСТИКА.

Рядомъ съ юмористикой профессіональной живетъ ея родная сестра — то что писатели не юмористы сочиняютъ экспромтомъ, къ случаю, для собственнаго развлеченія. По большей части, сочиненныя на лету, такія шутки, эпиграммы, остроты на лету и гибнутъ, — ни сами авторы, ни окружающіе не придаютъ имъ никакого значенія, никто ихъ не записываетъ и... Вотъ и я собралъ для «Сатирикона» небольшой «букетъ» изъ того, что сохранилось въ моей памяти отъ недавнихъ временъ Литературнаго Петербурга 1910-1920 годовъ, уже многое помню линь въ отрывкахъ, не твердъ и въ томъ, что кому принадлежитъ — что Гумилеву, что Кузмину, что Осипу Мандельштаму или прославленному петербургскому острослову М. Л. Лозинскому, какая именно строка была случайно вставлена присутствовавшимъ при сочиненіи той или другой вещи Блокомъ или Соллогубомъ. По большей части, впрочемъ, это «коллективное творчество» — за бутылкой вина въ Бродячей Собакѣ или, потомъ, за пшенной кашей и морковнымъ чаемъ въ петербургскомъ «Домѣ Литературы». Самая малая часть этого коллективнаго творчества уже воспроизводилась мной однажды въ печати, но полноты ради я даю ее здѣсь снова.

Георгій Ивановъ.

«Античныя глупости»

(1910-1915).

Заданіе этихъ стиховъ — выразить въ формѣ античныхъ дистиховъ какъ можно болѣе глупую мысль.

I.

Делія, гдѣ ты была? Я лежала въ объятьяхъ Морфея.
Женщина! Ты солгала — въ нихъ я покоился самъ.

II.

Вѣтеръ съ осеннихъ деревъ срываетъ желтыя листья —
Делія, о погляди — фиговыхъ сколько листовъ!

III.

Катится по небу Фебъ въ своей золотой колесницѣ.
Той-же стезей ввечеру онъ возвратится назадъ.

IV.

Путникъ! Откуда идешь? — Я былъ въ гостяхъ у Шилейки. (1)
Дивно живетъ человѣкъ. Смотришь — не вѣришь глазамъ.
Въ плюшевомъ креслѣ сидитъ. За обѣдомъ кушаетъ гуся.
Кнопки коснется рукой — самъ зажигается свѣтъ.
Если такіе живутъ на четвертой Рождественской люди,
Путникъ, молю, объясни — кто же живетъ на восьмой?!

V.

На М. Л. Лозинскаго.

Сынъ Леонида былъ скупъ. Говорилъ онъ, гостей принимая:
Скифамъ любезно вино. Мнѣ же любезны друзья.

VI.

Купающемуся меценату.

Шумныхъ гостей голоса заглушаютъ шумящіе краны.
Ванну, хозяинъ, прими! Но принимай и гостей.

Отрывки изъ великосвѣтскаго романа (1910-1915).

1 — У дверей роскошнаго особняка на Калашниковской набережной раздался рѣзкій повелительный звонокъ молодого виконта, только что вернувшагося съ нордъ экспрессомъ изъ заграницы.. Распахнувъ дверь и почтительно сгибаясь въ три погибели, ливерный лакей возвѣстилъ: Не велено принимать — енаралы изволили уѣхать фрыштыкать къ Доминику.

2 — Старый графъ, тяжело поднявшись съ вольтеровскаго кресла, надменно произнесъ: извольте оставить мой домъ, милостивая государыня, Олимпіада Екатериновна.

Молодая женщина изумленно хлопнула прекрасными рѣсницами.

— Развѣ вы не знаете, графъ, что мое отчество Петровна?

— Знаю-съ. Но къ такимъ особамъ какъ вы, я предпочитаю обращаться по матушкѣ!

3. — Медленно раздѣвшись при помощи вышколенной субретки, баронъ вошелъ въ ванну — и нѣжно запѣнилось зеленое мыло въ одеколонѣ.

4. — Что-же ты, мать моя, — воскликнула вдовствующая княгиня, входя въ будуаръ къ дочери, еще нѣжившейся въ роскошномъ дезабилье, несмотря на то, что уже шелъ седьмой часъ утра. Жениховская линейка во дворъ въѣзжаетъ, а ты вся разломанная, вся расхлыстанная.

5 — О, не безпокойтесь, мой дорогой, — сказалъ банкиръ, видя, что посланникъ ищетъ перочиннаго ножика, чтобы обрѣзать тщательно выбранную имъ благоуханную гаванну. — Жанъ, надменно приказалъ онъ вошедшему на звонокъ камердинеру, — отнесите сигару его превосходительства въ мою домашнюю синагогу.

Изгнаніе изъ рая.

Пьеса въ двухъ картинахъ. Сочиненіе Н. Гумилева и П. Потемкина.

Картина первая. — Адамъ выходитъ изъ чащи, видитъ Еву, держащую плодъ въ рукѣ и протягиваетъ къ нему руку.

Адамъ. — Это рай!
Ева, — дай!

Ева (жеманясь и пряча плодъ).
Нѣтъ, Адамъ,
Я не дамъ.

Голосъ Змѣя съ дерева.
Полно врать —
Надо дать.

(Занавѣсъ).

Картина вторая. — Привратникъ изгоняетъ согрѣшившихъ прародителей за рѣшетку рая:

Функціонируя лѣтомъ,
Осенью садъ опускаетъ засовъ.
Станція желтымъ билетамъ,
Нѣту мѣстовъ, нѣту мѣстовъ.
(Подталкивая ихъ въ шею)
Нѣту мѣстовъ!

Жизнеописаніе поэта О. Мандельштама, составленное имъ самимъ, по параграфамъ.

(Не окончено).

§ 1.

Въ девятьсотъ двѣнадцатомъ, какъ яблоко румянъ,
Былъ канонизированъ святой Тустаміанъ.

§ 2.

И къ неувядаемымъ блаженствамъ пріобщенъ
Тотъ, кто отъ чудовищныхъ родителей рожденъ.

§ 3.

Серебро закладывалъ, одежды продавалъ,
Тысячу динаріевъ мѣнялямъ задолжалъ.

§ 4.

Гонятъ люди палками того, кто нагъ и нищъ.
Охраняютъ граждане добро своихъ жилищъ.

(1) В. К. Шилейко, ассиріологъ. Второй мужъ А. Ахматовой.

СЕМЬ ДНЕЙ САТИРИКОНА

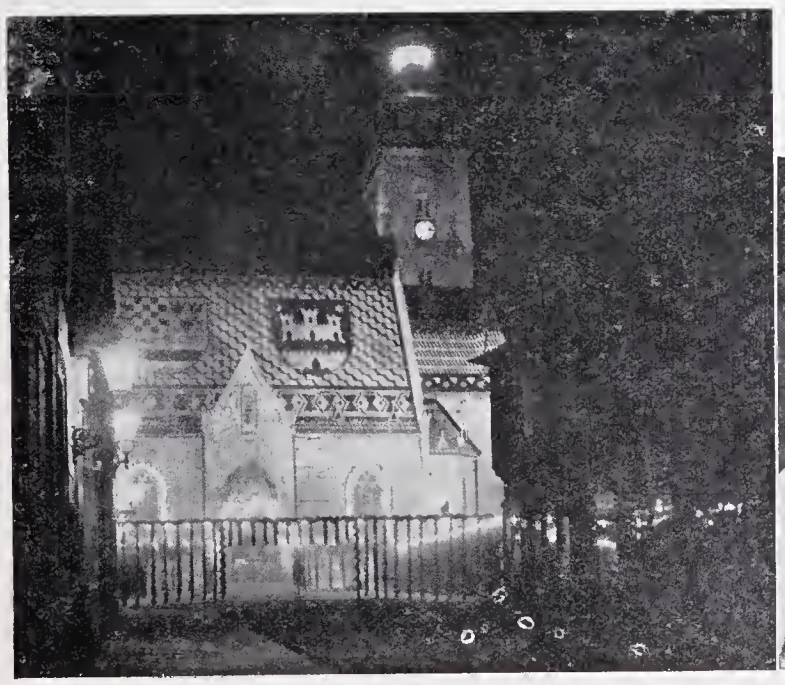
Работницы на торфяныхъ разработкахъ Московской губерніи.

Къ Сѣверному полюсу на подводной лодкѣ.

«Наутилусъ» сэра Губерта Вилькинса по дорогѣ въ Нью-Іоркъ изъ Камдена, гдѣ было закончено оборудованіе лодки, потерпѣлъ аварію.

Сэръ Губертъ Вилькинсъ и его жена лэди Вилькинсъ.

Чемпіонка плаванія московскаго завода «Динамо».



Двѣсти лѣтъ тому назадъ въ Загребѣ сгорѣла до тла церковь. На пожарищѣ, среди развалинъ была найдена невредимой икона Божьей Матери, съ тѣхъ поръ почитавшаяся въ Сербіи чудотворной. Въ началѣ іюня состоялось, въ присутствіи королевской семьи, торжественное освященіе храма Св. Марка, построеннаго на мѣстѣ пожара.

Борьба съ религіей.

Глава безбожниковъ, тов. Ярославскій, въ кругу обрабатываемой имъ юной аудиторіи.

§ 5.

И однажды идучи ко святымъ мѣстамъ —
Слышитъ онъ: О, Мандельштамъ, — глянь-ка — ландышъ тамъ!

Баллада о томъ, что случилось бы если бы Н. Гумилевъ и О. Мандельштамъ влюбились бы въ библіотекаршу Всемірной Литературы.

(1920).

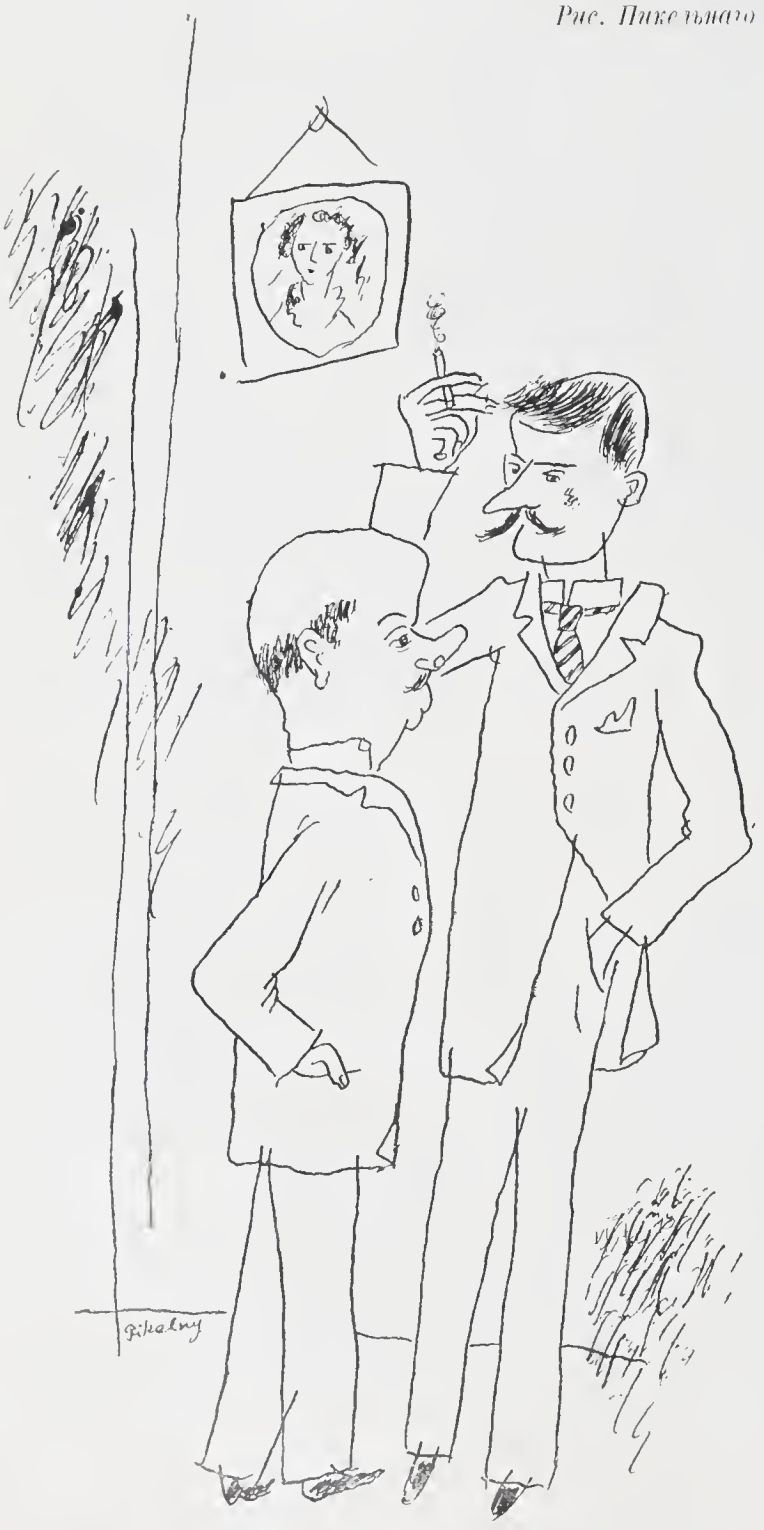
Однажды подъ сѣнью старинныхъ дубовъ
Ступая по желтымъ листамъ,
Сошлись знаменитый гусаръ Гумилевъ
И юный грузинъ Мандельштамъ.

Зачѣмъ Гумилевъ головою поникъ?
Что могъ Мандельштамъ совершить?
Онъ въ спальню красавицы тайно проникъ —
И вымолвилъ слово «любить». (1)

Единственный выходъ соперникамъ есть,
Другого не можетъ и быть,
Лишь тотъ, кто отпразднуетъ страшную месть —
Вновь вымолвитъ слово «любить»!

СВОБОДОМЫСЛЯЩІЕ.

Рис. Пикельнаго



— И вотъ я и говорю:

Каждый эмигрантъ, имѣющій меблированную квартиру съ удобствами или безъ, воленъ спасать родину по своему усмотрѣнію.

(1) «Легче камень поднять, чѣмъ вымолвить слово любить».
О. Мандельштамъ.

И утромъ нашли на углу Моховой
Отвѣтъ на проклятый вопросъ:
Изъ чистаго золота зубъ штифтовой,
Вонзенный въ откушенный носъ.

Изъ альбома Розы.

торговки, еврейки лѣтъ 60-ти, продававшей въ кредитъ сотрудникамъ «Всемірной Литературы» продукты, папиросы и проч. Она завела альбомъ, въ который ей писали мадригалы Блокъ, Гумилевъ, Горькій, Соллогубъ и т. д. по ея настойчивому требованію! «Пусть мои внуки продадутъ его за милліарды».

1.

Печальна жизнь. Все суета и проза.
Лишь женщины насъ тѣшатъ, да цвѣты.
Но двухъ чудесъ соединенье ты:
Ты женщина! Ты Роза!

2.

Зачѣмъ намъ былая свобода,
Зачѣмъ намъ Берлинъ и Парижъ —
Когда ты направо отъ входа
Насупротивъ кассы сидишь!

3.

Если грустишь, что тебѣ задолжалъ я одиннадцать тысячъ —
Помни, что двадцать одну могъ я тебѣ задолжать.

4.

Роза! Розы вянутъ отъ мороза
Отчего ты не увянешь, роза?

Баллада объ издателѣ Петрополиса Я. Н. Блохѣ.

(1921).

На Надежинской жилъ одинъ
Издатель стиховъ.
Назывался онъ: господинъ
Блохъ.
Всѣмъ хорошъ бы, лишь однимъ онъ былъ
Плохъ.
Фронтисписы слишкомъ полюбилъ
Блохъ.
Фронтисписъ его и погубилъ —
Охъ!
Труденъ издателю путь и суровъ и тяжелъ и тернистъ,
А тутъ еще марка, шмуцъ-титулъ и титульный листъ.
Книгу за книгою Блохъ отправляетъ въ печать.
Издалъ съ десятокъ — и началъ смертельно скучать.
Добужинскій, Чехонинъ не радуютъ взора его,
На Митрохина смотритъ, а сердце, какъ камень, мертво.
И шепнулъ ему дьяволъ однажды, когда онъ ложился въ постель:
Яковъ Ноевичъ! Есть еще Врубель, Бирдслей, Рафаэль!
Всю ночь Блохъ фронтисписы жегъ,
Всю ночь Блохъ эксъ-либрисы рвалъ, —
Очень поздно легъ,
Съ пѣтухами всталъ —
И записки пишетъ, звонитъ въ телефонъ,
На обѣдъ приглашаетъ поэтовъ онъ.
И когда собрались за поэтомъ поэтъ,
И когда принялись они за обѣдъ —
Поднялъ Блохъ руку одну, (1)
Ножъ вонзилъ въ бокъ Кузмину.
Далъ Соллогубу яду стаканъ —
Вышелъ тотъ — и упалъ на диванъ.
Дорого продалъ жизнь Гумилевъ,
Умеръ, ни пикнувъ, Жоржъ Ивановъ.
И когда покончилъ со всѣми Блохъ
Изъ груди его вырвался радостный вздохъ.
Онъ сказалъ — я окончилъ задачу свою,
Отдѣленье издательства будетъ въ раю.
Тамъ Врубель, Ватто, Рафаэль, Леонардо, Бирдслей, —
Никто не посмѣетъ соперничать съ фирмой моей.

(1) «Подняла лошадь ногу одну».
И. Одоевцева.

Золотой теленокъ

Романъ изъ совѣтской жизни
Ильи Ильфа и Евгенія Петрова.
(Продолженіе).

Содержаніе предыдущихъ главъ:

«Тридцать сыновей и дочерей лейтенанта Шмидта» спекулируютъ на легковѣріи совѣтскихъ губернаторовъ, предѣисполкомовъ и проч.

Въ городѣ Арбатовѣ встрѣчаются главные герои романа, они-же и дѣти Шмидта, Остапъ Бендеръ, Шура Балагановъ и бывшій студентъ Паниковскій.

Но въ это время на сцену выступаетъ новый персонажъ, никто Корейко, но геніальности далеко превосходящій всѣхъ дѣтей лейтенанта Шмидта, вмѣстѣ взятыхъ.

Пока Корейко умудряется раздѣть до гола цѣлую автономную республику на югѣ сов. Россіи, вышеупомянутая четверка «Шмидтовъ по призванію» совершаетъ тріумфальный автопробѣгъ изъ Арбатова въ Черноморскъ.

Смыслъ автопробѣга заключается въ томъ, чтобъ опередить на нѣсколько часовъ офиціальный автомобильный кочкурсъ и снять, такимъ образомъ, пѣнки съ молока...

Тридцать километровъ Антилопа пробѣжала за полтора часа. Послѣдній километръ Козлевичъ очень суетился, подавая газу и сокрушенно крутилъ головою. Но всѣ усилія, а также крики и понуканія Балаганова ни къ чему не привели. Блестящій финишъ, задуманный Адамомъ Казимировичемъ, не удался изъ-за нехватки бензина. Машина позорно остановилась посреди улицы, не дойдя ста метровъ до кафедры, увитой хвойными гирляндами въ честь отважныхъ автомобилистовъ.

«— Ударимъ автопробѣгомъ по бездорожью и разгильдяйству!...»

Собравшіеся съ громкими криками кинулись навстрѣчу прибывшему изъ мглы вѣковъ «Іоренъ-Дитриху». Терніи славы сейчасъ же вились въ благородные лбы путниковъ. Ихъ грубо вытащили изъ машины и принялись качать съ такимъ ожесточеніемъ, будто они были утопленниками и ихъ во что бы то ни стало нужно было вернуть къ жизни.

Козлевичъ остался у машины, а всѣхъ остальныхъ повели къ кафедрѣ, гдѣ по плану намѣченъ былъ летучій трехчасовый митингъ. Къ Остапу протиснулся молодой человѣкъ шоферскаго типа и спросилъ:

— Какъ остальныя машины?

— Отстали, — равнодушно отвѣтилъ Остапъ. — Проколы, поломки, энтузіазмъ населенія. Все это задерживаетъ.

— Вы въ командорской машинѣ? не отставалъ шоферъ-любитель. — Клептуновъ съ вами?

— Клептупова я спялъ съ пробѣга, сказалъ Остапъ недовольно.

— А профессоръ Двуптихъ? На «Паккардѣ»?

— На «Паккардѣ».

— А писательница Вѣра Крупъ? — любопытствовалъ полушоферъ. — Вотъ бы на нее посмотрѣть! На нее и на товарища Нѣжинскаго. Онъ тоже съ вами?

— Знаете, — сказалъ Остапъ, — я утомленъ пробѣгомъ.

— А вы на «Студебеккерѣ»?

— Можете считать нашу машину «Студебеккеромъ», — сказалъ Остапъ злобно, — но до сихъ поръ она называлась «Іоренъ-Дитрихъ». Вы удовлетворены?

Но шоферъ-любитель удовлетворенъ не былъ.

— Позвольте, — воскликнулъ онъ съ юношеской назойливостью, — но вѣдь въ пробѣгѣ нѣтъ никакихъ «Іоренъ-Дитриховъ»! Я читалъ въ газетѣ, что идутъ два «Паккарда», два «Фіата» и одинъ «Студебеккеръ».

— Идите къ чортовой матери со своимъ «Студебеккеромъ»! — заоралъ Остапъ. — Кто такой Студебеккеръ? Это вашъ Студебеккеръ? Чего вы пристали къ человѣку? Русскимъ языкомъ ему говорятъ, что «Студебеккеръ» въ послѣдній моментъ замѣненъ «Іоренъ-Дитрихомъ», а онъ морочитъ голову! «Студебеккеръ»!

Юношу уже давно оттѣснили распорядители, а Остапъ долго еще взмахивалъ руками и бормоталъ:

— Знатоки! Убивать надо такихъ знатоковъ! «Студебеккеръ» ему подавай!

Дѣлалъ онъ это съ той цѣлью, чтобы разъ навсегда избавиться отъ опасныхъ разпросовъ.

Предсѣдатель комиссіи по встрѣчѣ автопробѣга протянулъ въ своей привѣтственной рѣчи такую длинную нѣпь пріаточныхъ предложеній, что не могъ изъ нихъ выкарабкаться въ теченіе получаса. Все это время командоръ пробѣга провелъ въ большомъ безпокойствѣ. Съ высоты кафедры онъ слѣдилъ за подозрительными дѣйствіями Балаганова и Паниковскаго, которые слишкомъ оживленно шныряли въ толпѣ. Бендеръ дѣлалъ страшные глаза и въ концѣ концовъ своей сигнализаціей пригвоздилъ дѣтей лейтенанта Шмидта къ одному мѣсту.

— Я радъ, товарищи, — заявилъ Остапъ въ отвѣтной рѣчи, — нарушить автомобильной сиреной патріархальную тишину города Удоева. Автомобиль, товарищи, не роскошь, а средство передвиженія. Желѣзный конь идетъ на смѣну крестьянской лошадкѣ. Наладимъ серійное производство совѣтскихъ автомашинъ. Ударимъ автопробѣгомъ по бездорожью и разгильдяйству. Я кончаю, товарищи. Предварительно закусивъ, мы продолжимъ нашъ далекій путь.

«...Двое имѣли весьма надменный, заграничный видъ. Третій, судя по одуряющему калошному запаху, былъ соотечественникъ».

Пока толпа, недвижимо расположившаяся вокругъ кафедры, внимала словамъ командора, Козлевичъ развилъ обширную дѣятельность. Онъ наполнилъ бакъ бензиномъ, который, какъ и говорилъ Остапъ, оказался высшей очистки, безза-стѣнчиво захватилъ въ запасъ три большихъ бидона горючаго, перемѣнилъ камеры и протекторы на всѣхъ четырехъ колесахъ, захватилъ помпу и даже домкратъ. Этимъ онъ совершенно опустошилъ какъ базисный, такъ и операціонный склады удоевскаго отдѣленія Автодора.

Дорога до Черноморска была обезпечена матеріалами. Не было, правда, денегъ. Но это командора не безпокоило. Въ Удоевѣ, путешественники прекрасно пообѣдали.

— О карманныхъ деньгахъ не надо думать, — сказалъ Остапъ, — они валяются на дорогѣ и мы ихъ будемъ подбирать по мѣрѣ надобности.

Между древнимъ Удоевымъ, основаннымъ въ 791 году, и Черноморскомъ, основаннымъ въ 1794 году, лежали тысяча лѣтъ и тысяча километровъ грунтовой и шоссейной дороги.

За эту тысячу лѣтъ на магистрали Удоевъ — Черное море появлялись различныя фигуры.

Двигались по ней разъѣздные приказчики съ товарами византійскихъ торговыхъ фирмъ. Навстрѣчу имъ изъ гудящаго лѣса выходилъ Соловей-разбойникъ, грубый мужчина въ каракулевой шапкѣ. Товары онъ отбиралъ, а приказчиковъ выводилъ въ расходъ. Брели по этой дорогѣ завоеватели со своими дружинами, проѣзжали мужики съ пѣснями, тащились странники.

Жизнь страны мѣнялась съ каждымъ столѣтіемъ. Мѣнялась одежда, совершенствовалось оружіе, были усмирены картофельные бунты. Люди научились брить бороды. Полетѣлъ первый воздушный

шаръ. Были изобрѣтены желѣзные близнецы — пароходъ и паровозъ. Затрубили автомашины.

А дорога осталась такой же, какой была при Соловьѣ-разбойникѣ.

Горбатая, покрытая вулканической грязью или засыпанная пылью, ядовитой, словно порошокъ отъ клоповъ, — протянулась отечественная дорога мимо деревень, городковъ, фабрикъ и колхозовъ, протянулась тысячеверстной западней. По ея сторонамъ, въ желтѣющихъ, осквернепныхъ травахъ валяются скелеты телѣгъ и замученные, издыхающіе автомобили.

Быть можетъ, эмигранту, обезумѣвшему отъ продажи газетъ среди асфальтовыхъ полей Парижа, вспоминается россійскій проселокъ очаровательной подробностью родного пейзажа: въ лужицѣ сидитъ мѣсяцъ, громко молятся сверчки, и позванивастъ пустое ведро, подвязанное къ мужицкой телѣгѣ.

Но мѣсячному свѣту дано уже другое назначеніе. Мѣсяцъ сможетъ отлично сіять на гудронномъ шоссе. Автомобильные сирены и клаксоны замѣнятъ симфоническій звонъ крестьянскаго ведерка. А сверчковъ можно будетъ слушать въ спеціальныхъ заповѣдникахъ; тамъ будутъ построены трибуны, и граждане, подготовленные вступительнымъ словомъ какого-нибудь сѣдого сверчковѣда, смогутъ вдосталь насладиться пѣніемъ любимыхъ насѣкомыхъ.

Глава седьмая.

СЛАДКОЕ БРЕМЯ СЛАВЫ.

Командоръ пробѣга, водитель машины, бортмеханикъ и прислуга за все чувствовали себя прекрасно.

Утро было прохладное. Въ жемчужномъ небѣ путалось блѣдное солнце. Въ травахъ кричала мелкая птичья сволочь. Дорожныя птички «пастушки» медленно переходили дорогу передъ самыми колесами автомобиля. Степные горизонты источали такіе бодрые запаха, что, будь на мѣстѣ Остапа какой-нибудь крестьянскій писатель-середнячокъ изъ группы «Стальное вымя», не удержался бы онъ, вышелъ бы изъ машины, сѣлъ бы въ траву и тутъ же на мѣстѣ началъ бы писать на листкахъ походнаго блокнота новую повѣсть, начинающуюся словами: «Инда взопрѣли озимые. Разсупонилось солнышко, расталдыкнуло свои лучи по бѣлу свѣтушку. Поѣхалъ старикъ Ромуальдычъ свою портянку и ажъ заколдобился...».

Но Остапъ и его спутники были далеки отъ поэтическихъ воспріятій. Вотъ уже сутки они мчались впереди автопробѣга. Ихъ встрѣчали музыкой и рѣчами. Дѣти были для нихъ въ барабаны. Взрослые кормили ихъ обѣдами и ужинами, снабжали заранѣе приготовленными авточастями, а въ одномъ посадѣ поднесли хлѣбъ-соль на дубовомъ рѣзномъ блюдѣ съ полотенцемъ, вышитымъ крестиками. Хлѣбъ-соль лежала на днѣ машины, между ногами Паниковскаго. Онъ все время отщипывалъ отъ каравая кусочки и въ концѣ концовъ продѣлалъ въ немъ мышиную дыру. Послѣ этого брезгливый Остапъ выкинулъ хлѣбъ-соль на дорогу. Ночь антилоповцы провели въ деревушкѣ, окруженные заботами деревенскаго актива.

«...Крестьянскій писатель - середнячокъ не удержался бы, сѣлъ бы въ траву и началъ бы писать повѣсть, начинающуюся словами: «Инда взопрѣли озимые... »

— Молоко и сѣно, — сказалъ Остапъ, когда Антилопа на разсвѣтѣ покидала деревню, — что можетъ быть лучше! Всегда думаешь: «Это я еще успѣю. Еще много будетъ въ моей жизни молока и сѣна». А на самомъ дѣлѣ никогда этого больше не будетъ. Такъ и знайте: это была лучшая ночь въ нашей жизни, мои бѣдные друзья. А вы этого даже не замѣтили.

Спутники Бендера смотрѣли на него съ уваженіемъ. Ихъ приводила въ восторгъ открывшаяся передъ ними легкая жизнь.

— Хорошо жить на свѣтѣ! — сказалъ Балагановъ. — Вотъ мы ѣдемъ, мы сыты. Можетъ быть, насъ ожидаетъ счастье...

— Вы въ этомъ твердо увѣрены? — спросилъ Остапъ. — Счастье ожидаетъ насъ на дорогѣ? Можетъ быть, еще машетъ крылышками отъ нетерпѣнья, «Гдѣ, — говоритъ оно, — адмиралъ Балагановъ? Почему его такъ долго нѣтъ?» Вы психъ, Балагановъ! Вы оборванецъ. Посмотрите, на кого вы похожи! Человѣкъ въ вашемъ костюмѣ никогда не добьется счастья. Да и вообще весь экипажъ «Антилопы» экипировали отвратительно. Удивляюсь, какъ это насъ еще принимаютъ за участниковъ автопробѣга!

Остапъ съ сожалѣніемъ оглядѣлъ своихъ спутниковъ и продолжалъ:

— Шляпа Паниковскаго меня рѣшительно смущаетъ. Вообще онъ одѣтъ съ вызывающей роскошью. Проще надо одѣваться, Паниковскій! Вы — почтенный старикъ. Вамъ нуженъ черный спортукъ и касторовая шляпа. Балаганову подойдетъ клѣтчатая ковбойская рубаха и кожаныя краги. О нашемъ уважаемомъ водителѣ я не говорю. Неужели вы не видите, какъ подчепелъ бы къ его одухотворенному, слегка испачканному масломъ лицу кожаный комбинезонъ и хромовый черный картузъ. Да, дѣтушки, вамъ надо экипироваться.

— Денегъ нѣтъ, — сказалъ Козлевичъ, оборачиваясь.

— Шоффер правъ, — любезно отмѣтилъ Остапъ. — денегъ дѣйствительно нѣтъ.

— Смотрите! — закричалъ вдругъ Балагановъ. — Автомобиль!

Закрытый сѣрый «Кадилакъ», слегка накренившись, стоялъ у края дороги. Колёнопреклоненный шоффер снималъ покрышку съ праваго колеса. Надъ нимъ въ ожиданіи томились три фигуры въ песочныхъ дорожныхъ пальто.

— Терпите бѣдствіе? — спросилъ Остапъ, вѣжливо приподымая фуражку.

Шоффер поднялъ напряженное лицо и, ничего не отвѣтивъ, снова углубился въ работу.

Антилоповцы вылѣзли изъ своего зеленаго тарантаса. Козлевичъ нѣсколько разъ обошелъ кругомъ чудесную машину, завистливо вздыхая, присѣлъ на корточки рядомъ съ шоффером и вскорѣ завелъ съ нимъ спеціальный разговоръ. Паниковскій и Балагановъ съ дѣтскимъ любопытствомъ разглядывали пассажировъ, изъ которыхъ двое имѣли весьма надменный заграничный видъ. Третій, судя по одурящему калошному запаху, исходившему отъ его резино-трестовскаго плаща, былъ соотечественникъ.

— Терпите бѣдствіе? — повторилъ Остапъ, деликатно прикоснувшись къ резиновому плечу соотечественника и въ то же время устремивъ задумчивый взглядъ на иностранцевъ.

Соотечественникъ раздраженно заговорилъ о лопнувшей шинѣ, но его бормотаніе пролетѣло мимо ушей Остапа.

— Скажите, — перебилъ онъ, — эти двое не изъ Ріо-де-Жанейро?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ соотечественникъ, — они изъ Чикаго. А я переводчикъ изъ «Интуриста».

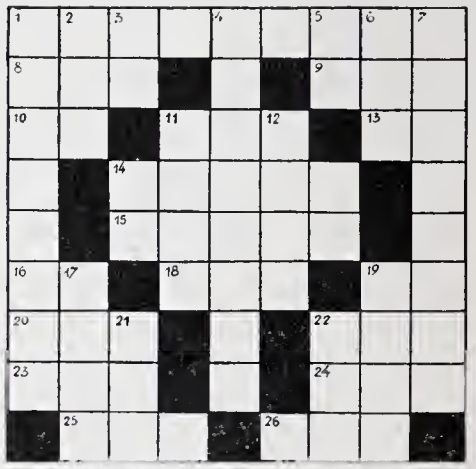
— Что же они здѣсь дѣлаютъ, на распутьи, въ дикомъ, древнемъ полѣ, вдалекѣ отъ Москвы, отъ балета «Красный макъ», отъ антикварныхъ магазиновъ и знаменитой картины художника Рѣнина «Иванъ Грозный убиваетъ своего сына»?

Не понимаю! Зачѣмъ вы ихъ сюда завезли?

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРЕСТОСЛОВИЦА № 4.

СОСТАВИЛЪ МИЧМАНЪ ДЫРКА.



Горизонтально: 1. Герой пьесы, которая могла бы кончиться вполнѣ благополучно, если бы не мѣшали родители какъ жениха, такъ и невѣсты. 8. По турецки важная персона, но можетъ быть и простымъ восклицаніемъ.9. Хоть и мужчина, но былъ *чтицей* у императрицы Елисаветы Петровны. 10. Докторъ, фигурующій въ большинствѣ крестословицъ. 11. Указываетъ на близость воды. 13. Когда-то эти двѣ буквы обозначали русскую политическую партію. 14. Иногда своевременно сдѣланный избавляетъ отъ необходимости прибѣгнуть къ болѣе строгимъ мѣрамъ. 15. Безъ зу-

бовъ, а бываетъ, что заѣдаетъ. 16. Предлогъ. 18. Часть имени медвѣдя, сотрудничающаго въ «Сатириконѣ». 19. Иванъ на берегахъ Вислы. 20. Турецкое имя. 22. Пахнетъ сильно, а стрѣляетъ неважно. 23. Пріятенъ лѣтомъ. 24. Имя пѣвицы, сдѣлавшей карьеру черному мальчику Тому. 25. Театральное амплуа. 26. Русская рѣка.

Вертикально : 1. Для набожныхъ высокая духовная особа, а для скептиковъ парижское кафе. 2. Слово, понятное грудным младенцамъ. 3. Элементъ танца. 4. Не эту ли породу имѣлъ въ виду Некрасовъ, когда писалъ: «*И на лепти ведетъ собаченку*». 5. Мѣстоименіе. 6. Стоитъ дорого да еще подверженъ короткому замыканію. 7. Цвѣтъ ея кожи не вызвалъ бы сенсаціи на пляжѣ въ Жуанъ-ле-Пэнъ и даже въ Трувилѣ. 11. Подается въ неограниченное количествѣ на раутахъ для знатныхъ иностранцевъ въ полпредствахъ. 12. Не будучи республиканкой, вступила, однако, въ конфликтъ съ дочерью могущественнаго царя и въ концѣ концовъ соединилась съ заживо погребеннымъ. 14. Если земная, то ее выдумали учителя географіи. 17. Первая буква азбуки, которую изучаютъ въ Палестинѣ. 19. На берегахъ оной гуляли нѣкогда и мы, москвичи. 21. Гора въ Греціи. 22. Изображеніе.

РѢШЕНІЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 3.

Горизонтально:

1. Кротъ. 3. Лама. 5. Уда. 7. Окуни. 9. Песъ. 11. Боръ. 13. Лещъ. 14. Лисъ. 15. Китъ. 17. Сапъ. 19. Рейсы. 22. Оды. 23. Авель. 24. Чаща.

Вертикально.

1. Клопъ. 2. Тукъ. 3. Ланъ. 4. Амуръ. 6. Дубъ. 7. Осетръ. 8. Ибисы. 10. Ели. 12. Оса 15. Кета. 16. Дидъ. 18. Пума. 20. Эолъ. 21. Сычъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Д. Батурину. Рига.

Батуринъ пишетъ:

«Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ небо облокотилось и стало свинцово-черным отъ заволочившихъ горизонтъ тучъ...»

Въ отвѣтъ на что срочно отвѣчаемъ:

— Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ каждое слово вашей рукописи перекрестилось и поставленные редакторскимъ карандашомъ кресты заволокли вашу рукопись такимъ обиліемъ крестословицъ, что вы сами-бы разрыдались, если-бы увидѣли это жуткое зрѣлище!...

Прощайте, Батуринъ, и не поминайте насъ лихомъ.

К. Л. Кламаръ.

Вы посвящаете насъ въ тайну вашего поэтическаго творчества и сообщаете, что оно построено на интуиціи и на предчувствіи.

Принимаемъ это къ свѣдѣнію, и въ свою очередь сообщаемъ вамъ, что и мы тоже не лишены этихъ высокихъ даровъ природы.

А именно:

Интуиція наша говоритъ намъ, что стихи ваши никуда не годятся, а предчувствіе подсказываетъ, что стиховъ этихъ мы никогда не напечатаемъ.

Редакторъ-издатель: **М. Г. Корнфельдъ.**

Cette Gaine garde le corps jeune

Вы не найдете подобной модели нигдѣ, только у РУССЕЛЬ. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ... Это самая лучшая парижская Gaine... Эластичная, легкая, безъ костей, она надѣвается буквально въ нѣсколько секундъ, облегаетъ ваше тѣло, какъ перчатка, давая полную свободу движеніямъ, устраняя складки на таліи, — эта Gaine въ тоже время, если нужно, утончаетъ вашу фигуру.

Сотканная изъ эластичнаго трико, тонкаго и прочнаго, Gaine красиво выдѣляетъ линію вашего платья и, при большомъ вырѣзѣ на спинѣ, подходитъ и для вечерняго туалета. Ея изящный бюстгальтеръ ручной работы, изъ тонкихъ кружевъ, разъединяетъ грудь и придаетъ ей модную линію.

GAINE ROUSSEL имѣются готовыми и могутъ быть сдѣланы на заказъ въ 6-8 дней. Зайдите въ одинъ изъ нашихъ магазиновъ и примѣрьте.. Или потребуйте, чтобы Вамъ прислали по почтѣ... Вы будете въ восторгѣ...

ЗАКАЗЫ ПО ПОЧТѢ.

Пояса, заказанные по почтѣ, безпрекословно обмѣниваются. Укажите объемъ груди, таліи и бедеръ (безъ одежды) и ростъ въ сантиметрахъ. Цѣна Gaine полушелк. съ круж. 530 франковъ, изъ чистаго шелка съ круж. 960 франковъ. Изъ бумажной ткани съ круж. 345 франковъ. Пересылка заграницу 25 франковъ.

Въ продажѣ только у

J. Roussel Paris

166 a, Bd Haussmann

SUCCURSALES

83, Bd Malesherbes — PARIS

LONDRES 117, Regent Street, W.I. — LA HAYE 21, Noordeinde — AMSTERDAM 14, Leidschestraat — MILAN 17, via Manzoni — BRUXELLES 144, rue Neuve — LIÉGE 13, rue Vinâve d'Ile

II

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ

„НАША РѢЧЬ“

издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.

Редакторъ-Издатель: С. М. ГАЗІЕВЪ.

Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse*. Въ Парижѣ — въ « *Publicité Metzl* », *Rue de Turbigo*, 51, *Paris VIII*e и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ «Нашей Рѣчи» С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier*, 7, *Paris IX*e.

Аптека

Всѣ патентованныя средства
Всѣ анализы

38, av. Félix-Faure,

Tél. Vaugir. 44-15

ДЛЯ СЛАБЫХЪ И ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХЪ
MAISON DE REPOS
Docteresse B. LEVANTISSE

Діэтическій столъ. Прекрасный уходъ. Комфортъ модернъ. Большой садъ. Гидротерапія, Массажъ, Гимнастика. Ультра-фіолетовые лучи, Діатермія.

Постоянное дежурство врача
Комната съ полнымъ пансіономъ, включая уходъ и пр. отъ 50 фр. въ сутки.

(5 минутъ отъ **Porte Champerret** около **25, Bd Bineau**)
49. rue Parmentier, NEUILLY s/s
Téléphone: MAILLOT 10-84

РЕСТОРАНЪ
“CHEZ KORNILOFF”

6, rue d'Armaillé между **avenue Carnot** и **des Ternes**
Tél. Carnot 52 - 49

Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ влад.
Ф. Д. КОРНИЛОВА.
Prix-fixe Завтракъ — 15 фр.
Обѣдъ — 20 фр. и à la carte
ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА:
Среда — уха; четв. — Драгомір. форшмакъ и блинч. пирогъ; пятн. — Московская селянка на сковородѣ; субб. — цыплята; воскр. — куришкъ; пон. — бефъ-бун; втор. — пельмени.
Ежедн.: кулебяка, блины, осетрина, рябчики, чахохбили, гурьев. каша
Самый элегантный и уютный русско-французскій ресторанъ Парижа

Много самыхъ разнообразныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній, совѣтовъ и указаній по правовымъ, юридич., администр.-полиц., налоговымъ и пр. вопросамъ во Франціи.

Жизнь обществ. организацій, торгово-пром. предпріятія, медиц. свѣдѣнія, курорты, всякія полезныя справки и адреса

Все въ Русскомъ Альманахѣ

1931 г. Продается вездѣ. Цѣна 10 фр. Высыл. нал. плат. по первому требованію. Скл. изд. SARATCH, 13, rue Plumet, Paris (15e). Tél. Invalides 10-14.

Зубоврачебн. кабинетъ **М. Когенъ**
D. F. M. P.
8, Rue Duban (16). Pl. Passy. Auteil 95-14
Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6.
Остальные дни 10-8 час. веч.

А. С. ШАПИРО
Петр. Прис. Пов. licencié en droit
Налоги, натур., уставы, Prud'hommes
11, rue Mogador, tél. Centr. 11-35.
Ежедн. 11-12 и 5-6 ч., суб. 11-12 ч.

BRASSERIE GARGANTUA 24, rue Vavin (Montparnasse)
ПИВО FURSTENBERG
Элегантно, комфортабельно, по-Монпарнасски. Садъ на крышѣ. Прохладный залъ. Американскій баръ на свѣжемъ воздухѣ.
Цѣны очень умѣренныя.
Отдѣленіе на Колоніальной выставкѣ на островѣ Ile de Reuilly.

ПАВИЛЬОНЪ ВЪ БУЛОНИ спѣшно сдается; 5 комн., ванна, центр. отопл., фр. 11.000, включая шаржъ. Справ. въ конт. «Сатирикона».

ВЕТЕРИНАРНАЯ КЛИНИКА
Проф. Н. А. ИЛЬИНА
Пріемъ: 2-6 ч. кромѣ воскр.
45, avenue Emile Zola, 45,
Tél.: Vaugir. 18-99
ПАНСІОНЪ ВАННЫ

КАЗБЕКЪ
12. Av. de CLICHY
Tél. Marcadet 46-85
Директоръ А. Каушинскій

Александръ Скаржинскій представляетъ лучшую артистическую программу
Нюра Массальская, Зинаида Ростова, Jamin et Jacson
(ДУЭТЪ)
Каю (гавайскія гитары), **Хазъ-Булатъ и др.** Цыганскій оркестръ **Г. Збовскаго**

Сатирикон'

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи . . . . . Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ странахъ, вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза	160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почт. Союза	177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**
Téléphone: GUTENBERG 05-40

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII. Цѣна отд. ном. 1 шилл.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tel. Barbarossa 4881. Postscheckkonto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГОЛЛАНДІЯ.	Роттердамъ. — Van Ditmar, Post Box 262, Rotterdam.
ГРЕЦІЯ.	Афины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitorv, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 70 л. с.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko,* Khiabané Post Hané Koutcha Beha es Saltaneh N°4. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovie. Цѣна отд. ном. зл. 1.35.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré.
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York.
	Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra. Цѣна отд. ном. 25 піастр.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors. Ц. отд. ном. ф. м. 6.50
	Выборгъ. — *Ivankov,* Linnankatu, 8, Wiiborg.
	Келломяки. — *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel.
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon,* Goldschmiedstrasse, Reval.
	Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 70 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre,* Ul. Kn. Mihailova br. 27.

17.027 АДРЕСОВЪ АМЕРИКАНСКИХЪ МИЛЛІОНЕРОВЪ
444 " МИЛЛІАРДЕРОВЪ
5410 " АМЕРИК. БЛАГОТВОРИТ. УЧРЕЖД.

Адреса МАНУФАКТУРИСТОВЪ, ИЗОБРѢТАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЕВЪ, БАНКИРОВЪ, КИНО - РЕЖИССЕРОВЪ и др.

100 адресовъ 3 доллара
200 " 5 "
1000 " 18 "

Деньги можете посылать въ любой валютѣ

Наша фирма существуетъ съ 1908 года

Adress: A. R. BOGIN, 201 2nd Avenue
New York, N. Y. U. S. of America

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ СПЕЦІАЛЬНЫЙ НОМЕРЪ САТИРИКОНА

Колоніальный

ПОСВЯЩЕННЫЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОЛОНІАЛЬНОЙ ВЫСТАВКѢ ВЪ ПАРИЖѢ

TOUT DERNIER CONFORT
ASCENSEUR - CHAUFFAGE CENTRAL - CHAMBRES avec BAINS - EAU CHAUDE ET FROIDE

Tél. VAUGIRARD 10-77
Télégr. Hotelef 5 Paris

PENSION-HOTEL DE LA PORTE DE VERSAILLES

15, rue de la Grotte PARIS (15e)
(Angle du Boulevard Lefebre - Près la Foire de Paris)

Nord-Sud . Porte de Versailles - Aut. : Aut. A. G. Bourse - Tram. : 89 Hôtel de Ville

НАЛОГИ Учрежденіе обществъ. Всѣ юридич. акты. Разводъ. Регистрація фирмъ. Выборка патентовъ. Взысканія. Натурализація. Консультаціи по всѣмъ вопросамъ.

JACQUES KARNAOUCH lic. en droit
3, rue du Pasteur Wagner. (на углу 26, Bd. Beaumarshais), M-ro Bastille
Tél. Roquette 07-66.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ принимаетъ
Комитетъ Помощи Голодающимъ въ Россіи (Comité Russe de Secours)
7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9)
M-o Clichy. Tél. Trinité 25-02 et 25-03
Пріемъ исключительно отъ 3--7

Общество взаимнаго Кредита "СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). Tél. Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрыш. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер.

Денежные переводы и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала контора журнала
САТИРИКОНЪ
проситъ г.г. подписчиковъ, срокъ подписки коихъ истекаетъ, ВОЗОБНОВИТЬ ЕЕ заблаговременно

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ **Л. РИХТЕРЪ, Рига**
Представительница Е. Михайловская
9, rue Auguste Vitu, Paris (15). Métro Javel. Tél. Vaugirard 65-59.
САМЫЯ ДЕШЕВЫЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ
Нѣкоторыя цѣны за килограммъ
Масло сливочное въ жестянкѣ **22** фр. **50**. **Грудинка 16** фр.
Сало свиное въ жестянкѣ **16** фр. **Колбаса** сухая 1 с. **28** фр. **50**
Упаковка, страховка, отправка за 5 к. **25** фр., за 10 к. **50** фр.
Пріемъ заказовъ ежедн. не исключая воскр. и праздн. съ 9 ч. у. до 9 ч. веч.

РУССКАЯ МАСТЕРСКАЯ ДАМСКОЙ И МУЖСКОЙ ОБУВИ НА ЗАКАЗЪ
MAX
10, Rue Edmond Roger yr. Rue Violet, PARIS (XVe)
Téléphone Vaugirard 52-15.

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), téléph. Inval. 11-50 Le Gérant : *N. Kornfeld.*

Рис. Г. Шильтяна.

ЖИЗНЬ НАША ЭМИГРАНТСКАЯ.

«Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи...»
Некрасовъ.

Въ трактирахъ шумъ. Струятся рѣки
Благословеннаго вина.
А тамъ, внутри библіотеки, —
«Тамъ вѣковая тишина».

PRIX EN FRANCE : Frs 3. – 27 ИЮНЯ 1931. 27 JUIN 1931. ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

Сатирикон

SATYRICON

1931 еженедѣльное изданіе № 13

Hebdomadaire Russe *Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)* *Directeur M. Kornfeld*

Рис. А. Шарапо.

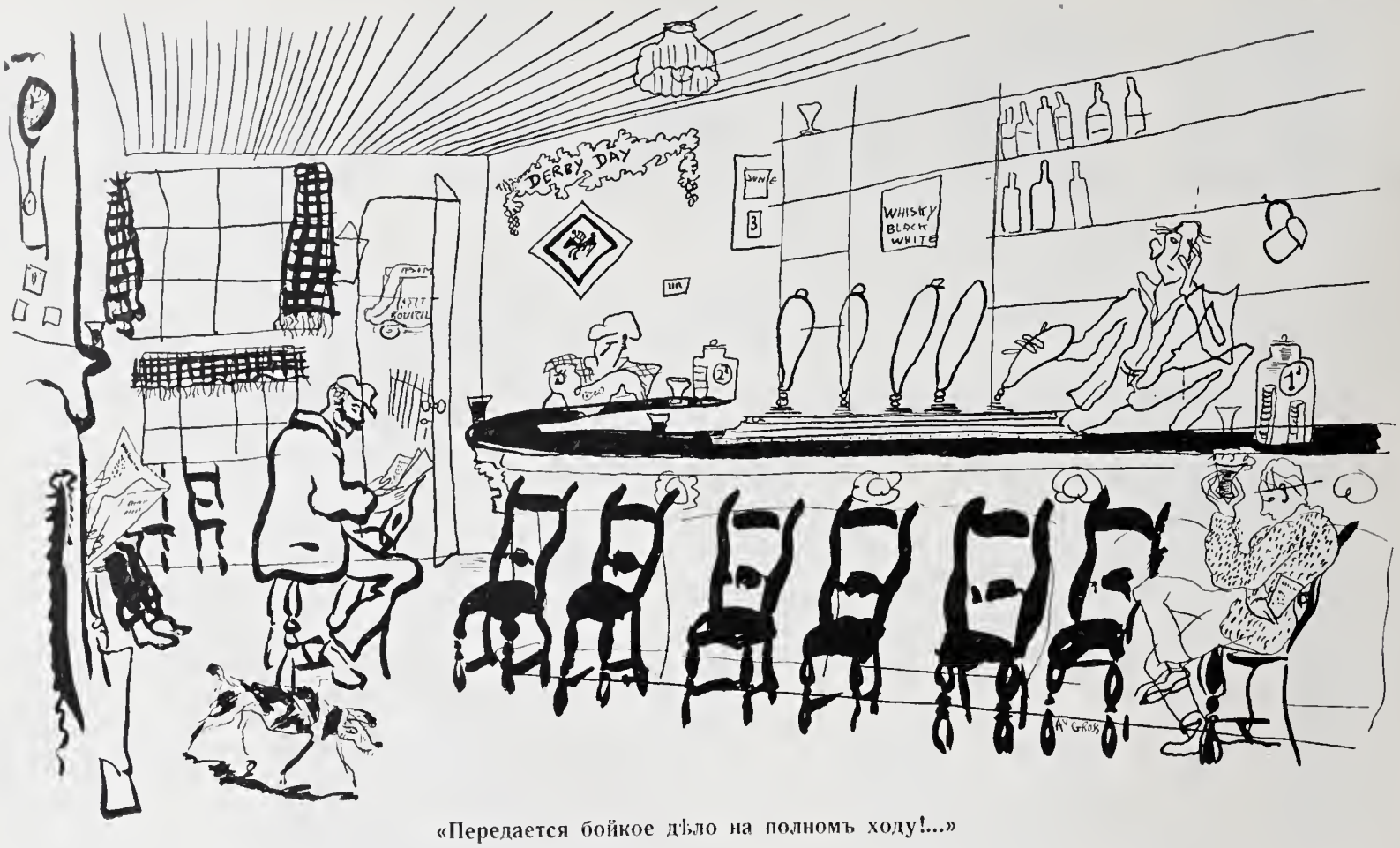
Conférence Franco-Soviétique

Timeo Danaos et dona ferentes

Франко-совѣтскіе переговоры или Троянскій конь въ Парижѣ.

ВЪ АНГЛІЙСКОМЪ БАРѢ.

Рис. А. Гросса.



«Передается бойкое дѣло на полномъ ходу!...»

КОЛЛЕКТИВЪ

Изъ дневника комсомолки

ДЕКАБРЬ

Цѣлый мѣсяцъ «коллективу»
Насъ учили... Ну, дѣла!
Долго я дивилась диву —
Только нынче поняла.

ЯНВАРЬ

Пристаетъ матросикъ Вася,
Но не дамся я ему:
Я въ сорочкѣ родилася
И сорочки не сыму.

ФЕВРАЛЬ

У Андрюшки вьются кудри,
Въ каждомъ глазѣ по бѣльму...
У меня вся рожа въ пудрѣ,
Чтобъ понравиться ему.

МАРТЪ

Мой Петрушка франтъ, красавчикъ —
Сверху до низу хорошъ:
Глазъ на выкатъ, носъ — буравчикъ.
Такъ цѣлуетъ, что помрешь!

АПРѢЛЬ

Всѣ мы, бабы, очень слабы, —
Всяка малость намъ страшна.
Къ Санькѣ я бы не пошла бы,
Да боюся спать одна.

МАЙ

У моево дружка Ванюшки
Носъ курносый; нравъ хмѣльной.
За однѣ его веснушки
Съ нимъ я спуталась весной.
. . . . . .

НОЯБРЬ

Холодъ... Рваная шубенка...
Невеселыя дѣла...
«Коллективнаго ребенка»
Въ октябрѣ я родила.

Лолоша.

ПОЛНОЧНЫЙ АНГЕЛЪ.

(Маленькая сказка).

Былъ весенній вечеръ. Вечернія чаепитія подходили къ концу. Люди предавались сладкой разслабленности и тихой печали. Весна дѣйствовала даже на самовары. По крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, казалось бы совсѣмъ заглохшіе, вдругъ просыпались и снова заводили въ сумеркахъ свои мѣщанскія пѣсенки. Хозяйки умиленно улыбались, но тѣмъ не менѣе хватались за крышки. Самоваръ можетъ распаяться, а это уже домашняя непріятность.

Въ садахъ и палисадникахъ трещали кусты сирени. Влюбленные кавалеры ломали ее для своихъ дамъ. Ломали конечно въ чужихъ садахъ и палисадникахъ, такъ какъ ворованная сирень жертвеннѣе: можно получить и палкой по головѣ и нарваться на пса — неумолимаго формалиста, и продырявить брюки о ржавый гвоздь.

Въ ожиданіи семейнаго событія.

Иванъ Петровичъ, телеграфистъ отправной радіо-станціи, сидѣлъ пьянепькій у аппарата. Вино чрезвычайно усиливаетъ природныя качества людей. Добрый дѣлается отъ вина очень добрымъ, злой — очень злымъ. Телеграфистъ Иванъ Петровичъ въ трезвомъ видѣ былъ нѣженъ и чувствителенъ, въ пьяномъ видѣ очень нѣженъ и очень чувствителенъ. Иванъ Петровичъ выпилъ сегодня по весьма важному поводу. Дома онъ оставилъ жену при послѣднихъ тревожныхъ часахъ и уходя столкнулся въ дверяхъ съ повивальной бабкой. Иванъ Петровичъ прежде чѣмъ пойти на дежурство купилъ бутылку вина и задумчиво выпилъ ее въ глухомъ углу церковнаго сада, на скамейкѣ, исковырянной перочинными ножами и покрытой различными надписями, нѣжными и пакостными рядомъ, свидѣтельствующими о двухъ лицахъ любви.

Иванъ Петровичъ нашелъ имя Вѣра, которое вырѣзалъ пять лѣтъ тому назадъ. Теперь Вѣра его жена. У нея до сихъ поръ руки четырнадцатилѣтней школьницы. Красные и зябкіе пальчики. И онъ ихъ очень любитъ и никогда не перестанетъ любить. Иванъ Петровичъ сильно захмелѣвъ, пошелъ на станцію.

Это ничего что въ Россіи совѣтская власть. Къ небу полуночи летѣлъ ангелъ. Онъ несъ въ объятьяхъ молодую душу для ребенка Ивана Петровича и пѣлъ. Чистый сердцемъ, Иванъ Петровичъ услышалъ черезъ раскрытое окно пѣсню ангела, и сердце его проникло восторгомъ.

— Вотъ какъ здорово поетъ какой-то хорошій человѣкъ... — сказалъ Иванъ Петровичъ и сталъ ангелу вторить.

«Иже херувимы!» — пѣлъ ангелъ.

«Тайно образующе...» — подхватилъ Иванъ Петровичъ.

Онъ очень любилъ церковное пѣніе. Даже пѣвалъ когда-то въ архіерейскомъ хорѣ.

Я знаю, что скажутъ по поводу всего этого образованные скептики. Ихъ смѣшки нисколько меня не трогаютъ. Бутылка водки, которую выпилъ Иванъ Петровичъ въ городскомъ саду, да будетъ подачкой ихъ бѣдиому раціонализму.

Иванъ Петровичъ пѣлъ съ ангеломъ и волновался самой высокой радостью, на какую только способно было его нѣжное сердце.

Иванъ Петровичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не могутъ радоваться въ одиночку и которые тѣмъ богаче въ радости, чѣмъ больше дѣлятся ею съ ближними. Старая исторія о пяти хлѣбахъ и неупиваемой чашѣ.

Пускай же послушаютъ товарищи! — рѣшилъ Иванъ Петровичъ, придвинулъ микрофонъ и короткой волной послалъ свой дуэтъ съ ангеломъ по Россіи.

Въ губерніи, уѣзды, мѣста, мѣстечки, посады, села, деревни, погосты, по колхозамъ, заводамъ, избамъ-читальнямъ, культпросвѣтамъ и единоличнымъ обладателямъ T. S. F.

Что произошло дальше...

Я вспоминаю нѣкоторыя попытки беллетристическаго изображенія того, какъ хорошо, какъ проникновенно пѣвали иногда ревнивые русскіе самородки, какъ вдохновенно игрывали въ трактирахъ импровизаторы скрипачи. Фальшь и недобросовѣстное многословіе — точные признаки этой дурной литературы. Пусть читатель самъ предоставитъ себѣ ту душевную бурю, то великое смятеніе, которыя охватили русскаго обывателя, когда изъ о-парлера его T. S. F. послышалась «Херувимская». Люди не вѣрили своимъ ушамъ. Неужели это не трюкъ безбожниковъ? Неужели въ прекрасныя слова молитвы не вторгнутся грязныя хула кощунства? Что такое? Какъ это могло случиться? Бѣдные обыватели въ восторгѣ и страхѣ падали на колѣни передъ своими радіоаппаратами и, присоединяясь къ голосамъ ангела и Ивана Петровича, стали пѣть и молиться. И загремѣло «Херувимомъ» по всей Совѣтской странѣ и забѣгали всполошившіеся комиссары.

— Провокація, товарищи! — послышались въ о-парлерахъ перебивающіе пѣніе голоса. — Религія — опіумъ для народа. Закройте ваши аппараты, товарищи, и не слушайте бѣлогвардейской пропаганды.

И съ тѣмъ большимъ воодушевленіемъ пѣли и молились обыватели, чѣмъ злѣе и тревожнѣе дѣлались крики комиссаровъ.

И вдругъ по всей Россіи раздался револьверный выстрѣлъ, послѣ котораго пѣніе смолкло.

Пронзенный пулей чекиста Иванъ Петровичъ лежалъ мертвый передъ микрофономъ. Въ это самое время его милая Вѣрочка родила. Ангелъ передалъ молодую душу ея сыну и тутъ же взялъ душу отца...

Горе вамъ и позоръ, коммунисты ! Даже въ маленькой сказкѣ поэта вы убиваете честныхъ и чистыхъ. Горе вамъ и позоръ!

Валентинъ Горянскій.

ВЪ СУДѢ.

Подсудимый. — Я утверждаю, что я и не думалъ украсть эту курицу. Я хотѣлъ только пошутить.

Судья. — Однако, васъ задержали съ курицей потерпѣвшаго за два километра отъ его дома.

Подсудимый. — Такъ я же и говорю, что я унесъ ее для шутки.

Судья. — Мѣсяцъ за шутку, которая зашла слишкомъ далеко.

ТОЧКА ЗРѢНІЯ.

— Какую карьеру вы хотѣли бы избрать для вашего сына?

— Мнѣ очень хотѣлось-бы, чтобъ изъ него вышелъ писатель...

— А что, развѣ у него есть талантъ?

— О нѣтъ, таланта у него и въ поминѣ нѣтъ, но зато онъ въ состояніи двѣ-три недѣли подрядъ оставаться безъ пищи!...

СОВѢТСКІЕ ЛОЗУНГИ.

Недѣля чистоты.

1.
Мощными колоннами — въ баню!

2.
Съ помощью мыла и мочалы
Крѣпи совкультуры причалы.

3.
Гражданка, если ты не мыта,
Ты не знаешь про новаго быта!

Въ разгаръ партъ-дискуссіи.

Въ кооперативѣ «Культсдвигъ».
Объявляется выдача
Портретовъ Льва Давыдыча.
Будутъ вѣшать вновь его
И снимать Зиновьева.

По поводу убоя скота въ деревняхъ.

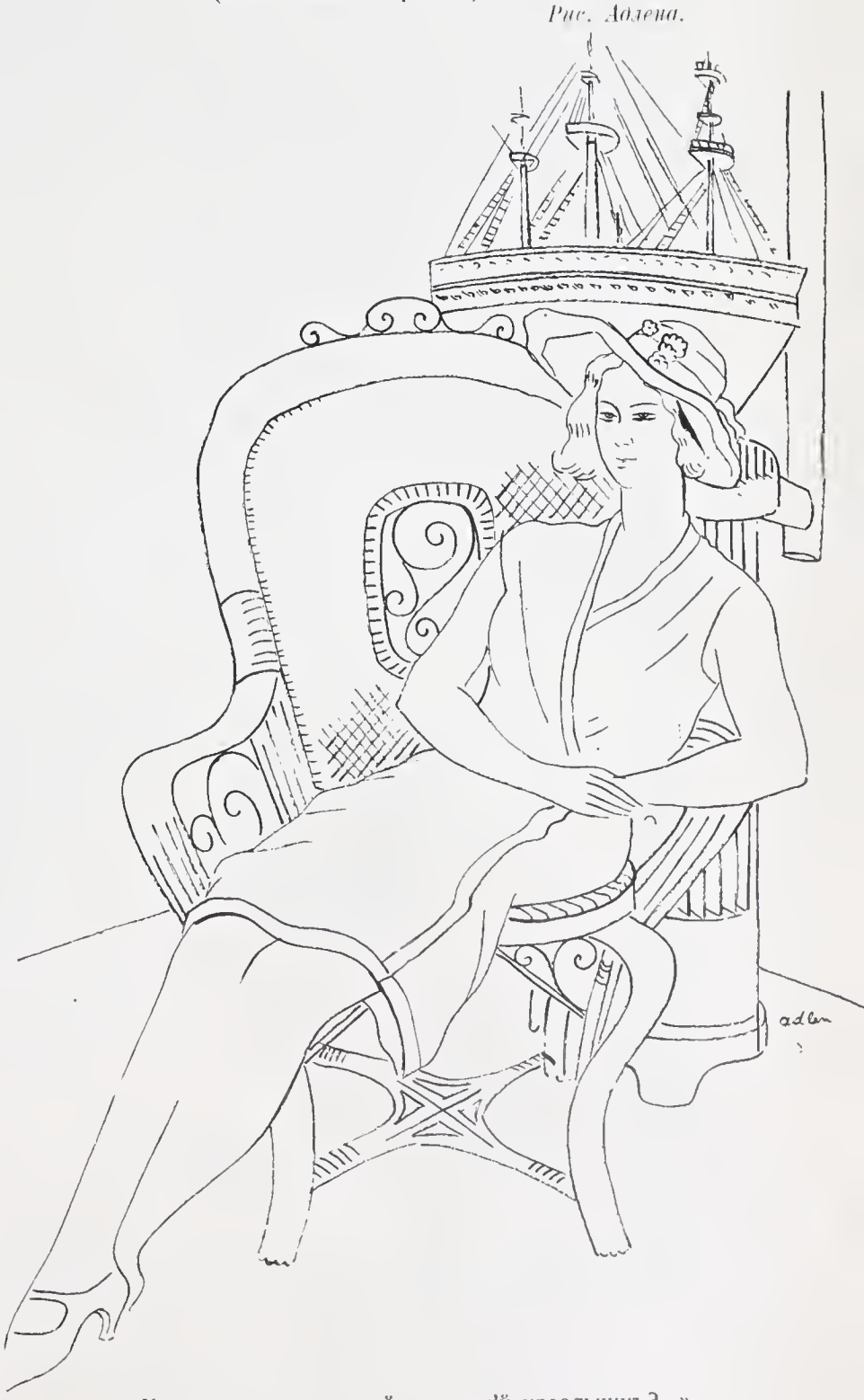
Не убивай, постой!

Левъ Толстой.

НА КОЛОНІАЛЬНОЙ ВЫСТАВКѢ.

(Эстетическая отрыжка)

Рис. Адлера.



«— Куда-же вы ушли, мой маленькій креольчикъ?...»

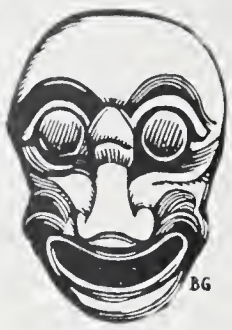
КОНЬ И ЗЕВЕСЪ.

БАСНЯ.

Не то подъ Нижнимъ Вольскомъ,
Не то подъ Вышнимъ,
Мужикъ лѣтъ сорока
И даже съ лишнимъ
Съ базару, съ ярмарки
Спѣшилъ домой.
Дорога тяжкая:
Пески,
Мосты,
Пригорки,
Пути россійскіе не спорки —
Извѣстно каждому,
И, стало быть, и порки
Крестьянскій Конь не миновалъ...
Мужикъ то билъ его,
А то именовалъ
Словами разными,
И всяческія клички
Давалъ ему, въ телѣгѣ развалясь,
Какъ баринъ въ бричкѣ.
Стараясь изъ послѣднихъ силъ,
Въ оглобляхъ Конь упорно бился,
Издѣвки и удары выносилъ
И наконецъ богамъ взмолился:
— О, пощади, блистательный Зевесъ!
Смотри какъ бѣдной твари худо.
Я потяну еще съ версту,
А ты, покуда,
Сдѣлай чудо
И вотъ отъ этого куста
Пусть эта самая верста
Верстой послѣдней обернется,
А тамъ ужъ — домъ,
Овесъ,
Навѣсъ,
Вода въ колодѣ у колодца...»
«— Вотъ глупый Конь! — сказалъ Зевесъ,
Оно и такъ версты не болѣ
Ему осталось до села.
Сія мольба намъ весела,
Она смѣшитъ насъ очень.
Впрочемъ, —
Хорошій случай, и его
Мы къ славѣ нашей пріурочимъ,
А Конь, пускай благодаритъ...

Изъ суммъ казенныхъ инвалиду
Такъ Секретарь благотворитъ...

В. Г.



СРЕДИ ПАУКОВЪ.

Два паука встрѣтились и, натурально, разговорились.

— Чортъ возьми! — сказалъ одинъ паукъ до чего же ты, братецъ, отощалъ! Словно ты трое сутокъ не имѣлъ ни минуты покоя. Въ чемъ дѣло?

— Покоя? — печально отвѣтилъ худой паукъ. Я уже забылъ, что это вообще за покой такой! Слушай, если ты не хочешь дойти до моего плачевнаго состоянія, имѣй въ виду: никогда не устраивайся въ домахъ комфоръ-модернъ. Чуть устроишься, протянешь паутину — бацъ! — они запускаютъ этотъ проклятый пылесосъ, и всѣ твои труды идутъ ко всѣмъ чертямъ. Повѣришь ли, я уже два мѣсяца какъ кочую изъ квартиры въ квартиру. Даже переночевать ни разу не удалось спокойно. Ну, а ты? Ты — прямо, какъ яблочко: толстый, налитой. Тебѣ, видно, хорошо живется?

— Слава Богу, — отвѣтилъ толстый паукъ. — Пожаловаться не могу, я устроился въ кружкѣ для сбора пожертвованій на «Голодную пятницу»...

«СО СТОРОНЫ СЕРДЦА».

Марья Ивановна, наконецъ, уразумѣла, что строгостью съ Бубой ничего не подѣлаешь. Не такой ребенокъ. Онъ еще больше ожесточается, когда на него кричишь или когда его шлепаешь. Марья Ивановна, наконецъ, поняла, что Бубу надо брать «со стороны сердца».

Выраженіе это принадлежало не Марьѣ Ивановнѣ, а г. Хочубееву, извѣстному педагогу и знатоку дѣтской души но Марья Ивановна рѣшила сдѣлать это выраженіе своимъ лозунгомъ и своей программой.

И поэтому, когда Буба опять измазалъ чистую, только что постеленную скатерть вареньемъ, а потомъ показалъ носъ менажкѣ. Марья Ивановна усадила Бубу противъ себя и сказала ему тономъ, который она еще въ Петербургѣ подслушала какъ-то у Ведринской:

Буба, если ты будешь продолжать такъ гадко шалить и не слушаться мамы, знаешь что будетъ? Мамочка заболѣетъ отъ огорченія и несмотря на горькія лѣкарства, которыя будетъ давать ей докторъ, умретъ. Да, да, Буба, умретъ. И тогда, Буба, у тебя уже не будетъ мамочки. Мамочку положатъ въ длинный черный ящикъ и ящикъ этотъ поставятъ на черныя дроги и кучеръ ударитъ лошадей, и лошади увезутъ маму навсегда на кладбище...

Марьѣ Ивановнѣ стало такъ жалко себя, что она остановилась, чтобы высморкаться прежде чѣмъ приступить къ описанію горестной сиротской жизни оставшагося безъ мамочки Бубы.

— Мама, — сказалъ Буба, — а мнѣ можно будетъ сѣсть рядомъ съ кучеромъ? Онъ дастъ мнѣ поправить лошадьми? Немножко?

Влад. Азовъ.

ВЛАСТЬ ТЕРМИНОЛОГІИ.

У мадамъ Бижу, биллетерши въ одномъ изъ парижскихъ театровъ, заболѣлъ зубъ. Она очутилась въ кабинетѣ дантиста.

— Откройте ротъ... пошире... такъ... Какой же именно зубъ васъ безпокоитъ?

— Номеръ три, второй направо, въ верхнемъ ряду.

ВЪ РЕДАКЦІИ.

Молодой беллетристъ. Вы знаете, кстати, какое замѣчательное у меня совпаденіе? Я вѣдь родился въ тотъ самый день, когда умеръ Левъ Толстой.

Редакторъ. — Да что вы? Вотъ ужъ, дѣйствительно, вѣрно говоритъ народная мудрость: бѣда никогда не приходитъ одна.

ИЗЪ ХРЕСТОМАТІИ САТИРИКОНА.

Держи языкъ за зубами.

Нѣкоторые люди, въ общемъ придерживаясь мудраго правила, рекомендующаго держать языкъ за зубами, допускаютъ отступленіе отъ него, когда они находятся въ одиночествѣ и, мысля вслухъ, разговариваютъ сами съ собою. Между тѣмъ, молчаніе является золотомъ и когда человѣкъ одинъ, и мыслить вслухъ такъ-же вредно, какъ болтать на митингѣ. Случай, который произошелъ недавно съ однимъ саксонскимъ поселяниномъ, какъ нельзя лучше показываетъ, какой вредъ можетъ принести скверная привычка мыслить вслухъ.

Этотъ поселянинъ ѣхалъ недавно верхомъ по дорогѣ, обсаженной фруктовыми деревьями. Фрукты его соблазнили. Онъ остановилъ коня подъ грушей, на которой росли изумительные бергамоты, сталъ обѣими ногами на сѣдло, ухватился лѣвой рукой за вѣтку и ну огребать правой груши да совать себѣ въ карманъ и за пазуху.

Но какъ у этого поселянина была пагубная привычка мыслить вслухъ, онъ и сказалъ себѣ, отрывая то груши:

— Хорошъ бы я былъ, если бы сейчасъ кто-нибудь вздумалъ подшутить надо мною и сказать моей лошади: «Гопъ!»

Добрый конь, какъ услышалъ голосъ своего хозяина, сказавшаго (вотъ они мысли-то вслухъ!) «Гопъ», поднялъ уши, да и пустился въ галопъ, оставивъ неразумнаго поселянина висѣть, уцѣпившись одной рукой за вѣтку.

Надо полагать, что достаточно и этого одного, взятаго изъ жизни примѣра, чтобы заставить согласиться даже скептиковъ, что мыслить вслухъ во многихъ случаяхъ нерационально и опасно даже въ полномъ одиночествѣ.

Апоплексій Барбароссій.

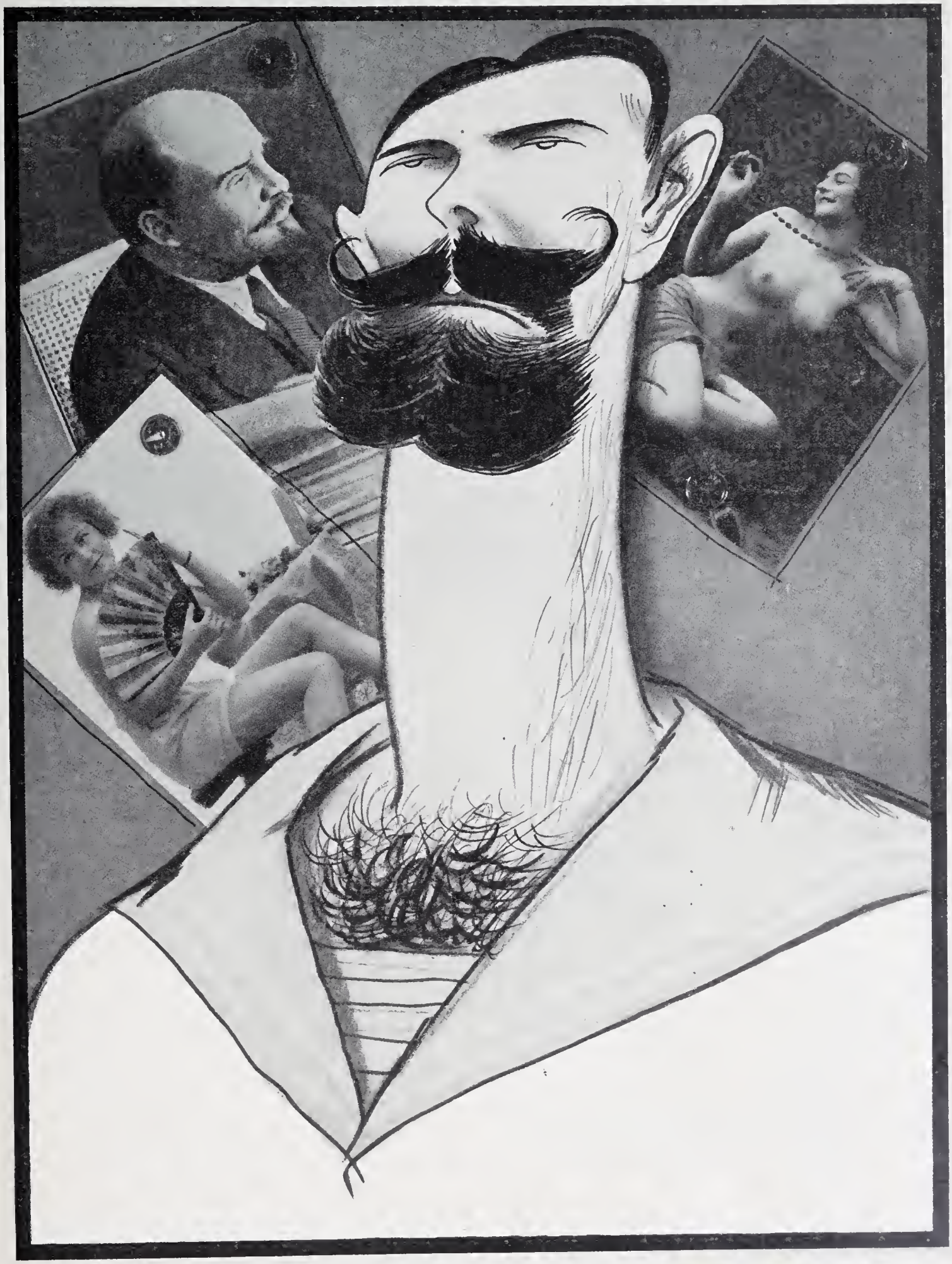
КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

«КРАСА И ГОРДОСТЬ».

LES PILIERS DU RÈGIME SOVIÉTIQUE

Pour ceux qui cherchent à comprendre le sens de la Révolution Communiste

Рис. А. Шарапо.



МАТРОСЪ ДЫБЕНКО.

LE CAMARADE DIBENKO

Jeune Premier de la Révolution Communiste

ЯПОНСКІЯ ТАНКИ.

Вольное подражаніе.

1.

Кузнечикъ скачетъ въ зеленой травѣ,
Проплываетъ облачко въ голубой синевѣ,
Бѣлая хризантема цвѣтетъ въ саду...
— Я сегодня вечеромъ къ тебѣ приду.

Въ небѣ померкнулъ закатный свѣтъ,
Съ вишенъ осыпался вишневый цвѣтъ,
Безлиственъ и голъ вишневый стволъ...
— Ты сегодня вечеромъ ко мнѣ не пришелъ.

2.

Надѣнь твое шелковое кимоно,
И кинься въ море.
И упади на морское дно,
И лежи на просторѣ.

А я буду на морскомъ берегу
Плакать слезами.
Потому что я такой не смогу
Найти въ Іокогамѣ.

3.

Дай мнѣ палочку, которой ѣдятъ рисъ,
И я проткну себѣ животъ,
Если только палочка... не сломается!
И удуши меня тугимъ платкомъ,
Чтобъ я сталъ синій, какъ синька,
И даже еще синѣй!

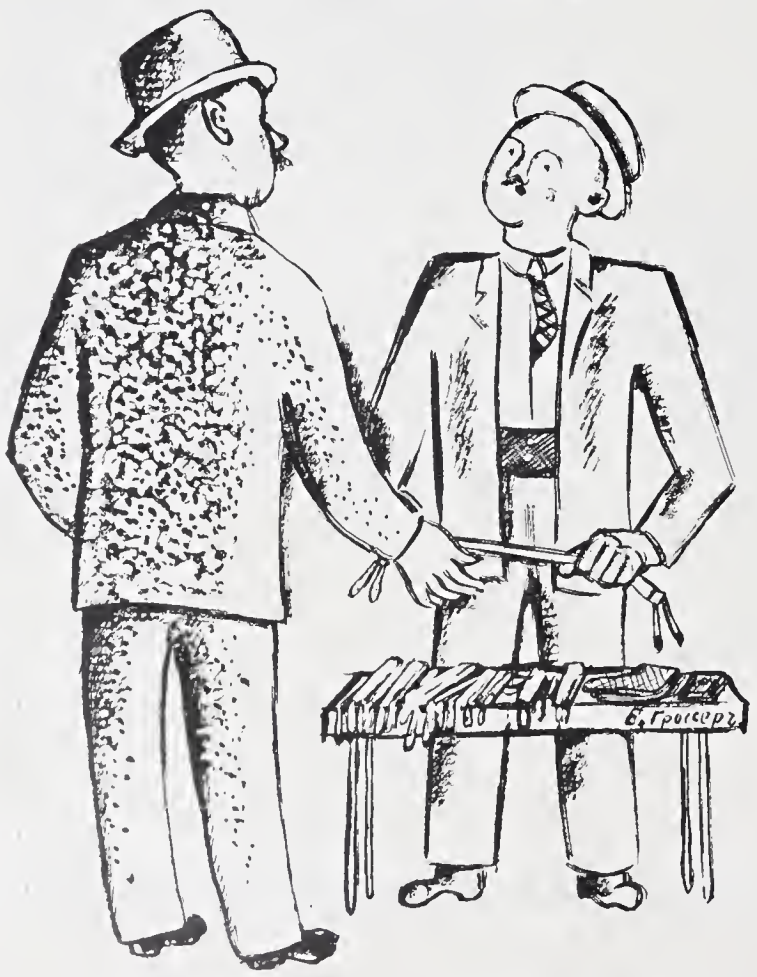
И прикажи мнѣ дать триста ударовъ
Тростью изъ бамбука,
Пока я не вспухну!

И когда я проткнусь насквозь.
И задохнусь навсегда,
И вспухну навѣки,
Попробуй тогда сказать,
Что я тебя не любилъ?!

Донъ-Аминадо.

КОММЕРЧЕСКІЙ ГЕНІЙ.

Рис. В. Гроссера.



— Вы говорите, что Вамъ штука стоитъ четыре франка. Какъ же Вы можете ее продавать за три?
— Очень просто. Я зарабатываю на количествѣ.

ЗАПИСКИ ЗНАМЕНИТОЙ ЖЕНЩИНЫ.

Я вчера пріѣхала въ Парижъ, чтобы стать знаменитой, а сегодня уже начинаю писать свои записки знаменитой женщины. Я пока еще не знаменита, но скоро стану знаменитой. Вѣдь я только для этого пріѣхала. Но надо всегда ждать самое скверное и страшное, предположимъ на минуту, что мнѣ не удастся стать знаменитой (этого конечно не можетъ быть), но даже и тогда однихъ моихъ записокъ будетъ довольно, чтобы прославить мое имя.

Кстати объ имени. Меня зовутъ Лидія Николаевна. Но развѣ это имя для знаменитости? Лидію я просто передѣлала на Лилію, но надъ фамиліей долго ломала голову. Надо, чтобы она была красива, звучна, современна и соотвѣтствовала назначенію, т. е. мнѣ и моей знаменитости. Ахъ, какъ это трудно и сколько безсонныхъ ночей я провела. Чуть было не остановилась на Славской. Мнѣ казалось, что лучше и найти нельзя. Вѣдь я прибыла изъ Югославіи. Значитъ, Юго-Славская или просто Славская. И красиво, и звучно, и сразу намекаетъ на мое прошлое (географически), и перекликается съ будущей славой (симво-мистически). Развѣ не чудесно. И все таки моя требовательная душа еще не была довольна. Ахъ, какъ мучительны эти вѣчныя исканія красоты и совершенства. Со стороны можетъ показаться, что это мелочь. Но еще Наполеонъ, кажется, сказалъ, что нѣтъ мелочи на пути къ славѣ. Онъ правъ и я съ нимъ вполнѣ согласна.

Славская хорошо, но... И вдругъ геніальная мысль осѣнила меня. Геніальная и простая, какъ все геніальное. Зачѣмъ мнѣ мѣнять фамилію моихъ предковъ, когда стоитъ только выбросить одинъ слогъ чтобы получилась небывалая красота и гармонія нансовременнѣйшаго типа. Никольская — ко — вычеркнуть и вотъ вмѣсто плоскаго будничнаго шаблона, широкія волны заполняютъ слухъ цвѣтущей мелодіей. Лилія Нильская! Развѣ не очаровательно? И какъ музыкально, какъ современно, какъ изумительно тактично напоминаетъ Колоніальную Выставку. Лилія Нильская. Нильская Лилія. Ахъ!...

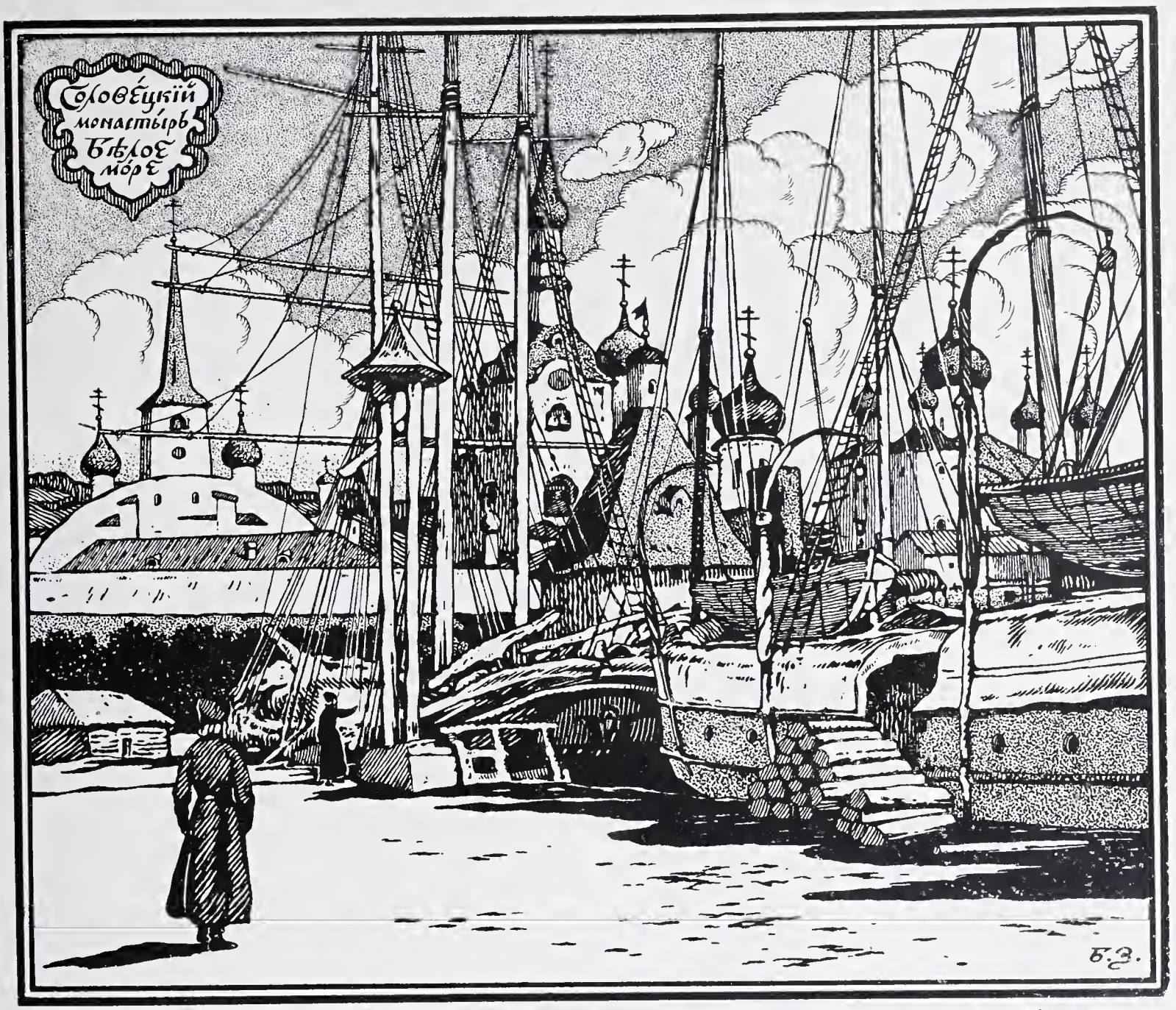
Надо будетъ перевести по французски. Жаль, что я такъ слаба въ этомъ языкѣ, но я научусь, научусь. Кажется, лилія — lil, впрочемъ, кто ее знаетъ. Чтобы быть вполнѣ увѣренной (вѣдь дѣло идетъ о моемъ имени, и смѣшно бояться затратъ), зайду завтра въ цвѣточный магазинъ и куплю лилію. Ткну въ нее пальцемъ и скажу — une. И приказчица сейчасъ же повторитъ, конечно. Une lil ? Или какъ ее тамъ. Вотъ я и узнаю. А пока перевожу начерно. Lil de или du Nil Лучше de, въ de что то аристократическое. Какъ будто маленькій намекъ на мое происхожденіе. Вѣдь мой дѣдъ съ материнской стороны былъ капитаномъ интендантуры. Конечно, я не хвастаюсь этимъ, но впомнить все таки пріятно.

Очень трудно писать такъ серьезно и обоснованно, но я знаю, что это необходимо. Это не письмо поклоннику, гдѣ все чѣмъ растрепаннѣе, тѣмъ прелестнѣе. Нѣтъ, это скорѣе посланіе потомству. А слава обязываетъ, и охъ какъ! И мнѣ начинать надо не съ конца или середины, какъ средняя незамѣтная женщина можетъ себѣ позволить, а съ самаго начала, обстоятельно и постепенно.

Итакъ я вчера пріѣхала изъ Сенты и уже извѣстно зачѣмъ. И теперь мнѣ кажется вполнѣ умѣстнымъ занести свои впечатлѣнія о Парижѣ. Такъ, кажется, всегда дѣлаютъ знаменитости. И Руссо тоже. Впрочемъ, я въ этомъ не увѣрена и Руссо не читала. Но мнѣ Парижъ не понравился. Я смѣло заявляю свое мнѣніе и никого не боюсь. Не понравился. Во-первыхъ, женщины совсѣмъ не элегантны. Чулки носятъ темные, явно изъ экономіи, какъ менѣе маркіе. Въ Сентѣ у насъ это себѣ ни одна модница не разрѣшитъ. У насъ считаются съ расходами на стирку и всѣ щеголяютъ въ нѣжно розовыхъ чулкахъ моднаго цвѣта «смущенной невинности». И какія парижанки худыя. Развѣ онѣ не читали, что теперь настала эра округлой женской прелести. Нѣтъ, у насъ больше слѣдятъ за модой. Я, напримѣръ, чтобы пополнѣть три мѣсяца пила натощакъ оливковое масло и закусывала инжиромъ, отъ котораго жиръ отлагается на бедрахъ. И достигла блестящихъ результатовъ. Во-вторыхъ — роскошь. Какъ я много слышала о ней. Но вотъ мой отель. Очень хорошій, конечно, называется онъ Hôtel Tabac и у него электрическая мигающая вывѣска. Онъ очень дорогой —

СОЛОВКИ.

Рис. В. Зворыкина.



«Еще на западѣ земное солнце свѣтитъ,
И кровли городовъ въ его лучахъ блестятъ.

А здѣсь ужъ бѣлая дома крестами мѣтитъ,
И кличетъ вороновъ, и вороны летятъ...»
Анна Ахматова.

15 франковъ въ сутки. А у насъ въ Сентѣ за 15 франковъ можно живого поросенка купить, такого розовенькаго, хрюкающаго, съ хвостикомъ кренделемъ. Если проживу здѣсь 20 дней — могла бы завести 20 поросятъ. Цѣлое свиноводство. Но что свиньи передъ славой? Такъ о моей комнатѣ. Конечно, въ ней электрическое освѣщеніе и обои такіе, что глаза болятъ, и горячая вода, и кровать широченная, но ничего поражающаго нѣтъ. Я ожидала большаго. И сколько мнѣ разсказывали о бульварахъ. И весело то на нихъ, и оживленно, и шикарно, какъ нигдѣ въ мірѣ. Ну, и все оказалось преувеличеннымъ. Я сама живу на бульварѣ, и не на какомъ нибудь, а на бульварѣ Belleville судя по названію, лучшему въ городѣ. Belle — красиво, ville — городъ. И что же? Опять таки ничего особеннаго. Движеніе конечно большое и оживленіе, и гулянье. Но что за странныя парижскія манеры. Большинство гуляютъ съ длинными тонкими хлѣбами въ рукахъ, много женщинъ безъ шляпъ (спортивная мода, должно быть) и въ войлочныхъ туфляхъ. Говорятъ, всѣ парижане подагрики и у нихъ болятъ ноги, но фи, какъ не эстетичны войлочныя туфли. Не пили бы такъ много шампанскаго лучше. Потомъ, много мужчинъ безъ воротничковъ. Опять, конечно, спортъ виноватъ. Потомъ магазины. Я всѣ выставки осмотрѣла. Шикарно и богато, словъ нѣтъ. Но и въ Сентѣ у насъ есть всевозможные магазины: галантерейные, сапожные, парфюмерные, москательные, парикмахерскіе. Чего же мнѣ удивляться. И ногти у меня ярко-красные. И брови я выщипала себѣ начисто, чтобы ни одного волоска не было, а теперь рисую карандашемъ въ видѣ крыши домика. Очень эффектно и придаетъ мнѣ жестокій и изумленный видъ.

Но дѣло не въ Парижѣ и не въ моихъ бровяхъ. Дѣло въ томъ, какъ я начну завоевывать славу. Борьба будетъ жестокая (всегда надо ждать худшаго), но я выйду побѣдительницей. Главное, найти свою дорогу. Но ихъ такъ много и каждая такъ соблазнительна. Не легко рѣшить, когда женщина такъ красива и полна талантами. Чѣмъ мнѣ стать: кинематографической звѣздой, танцовщицей, пѣвицей, манекеншей, личной секретаршей банкира или просто одной изъ царицъ Парижа? Я не знаю! Ахъ, не знаю! Пусть за меня рѣшитъ судьба. Я нарѣжу бумажки, напишу на нихъ профессіи, положу въ шляпу и вытяну. Что то выйдетъ. Какъ я волнуюсь, Боже мой, какъ я волнуюсь. Я вся дрожу и во рту горько. Но сама я никогда не рѣшу. Пусть ужъ судьба за меня. Ахъ, какъ страшно. Манекенша. Я немного разочарована. Я предпочла бы кинематографическую звѣзду или пѣвицу. Но манекенша съ моей фигурой, въ особенности съ моей округлостью бедеръ... Черезъ мѣсяцъ я навѣрное уже буду женой американскаго милліардера. Онъ придетъ покупать цѣлый сундукъ платьевъ для оставшейся въ Нью-Іоркѣ сестры. — Кто эта пышная блондинка, — спроситъ онъ, блеснувъ на меня роговыми очками. — Мадемуазель Lil de Nil, наша гордость и лучшая манекенша, почтительно отвѣтитъ директоръ. И сердце милліонера оборвется въ его

Семь дней Сатирикона

Международный конкурсъ красоты въ Гальвестонѣ (Америка). – Представительницы европейскихъ странъ (слѣва направо): Миссъ Норвегія, Данія, Швеція, Германія, Бельгія, избранная Миссъ Вселенной, Австрія, Франція и догъ Дина, принадлежащій миссъ Франціи.

Въ concours hyppique въ Булонскомъ лѣсу приняли участіе дѣти: на снимкѣ самая молодая амазонка, 10-ти лѣтняя Элькана Санцъ-Лиматуръ.

Дѣтскій праздникъ на открытіи Парка Культуры въ Москвѣ.

Дѣти, несмотря ни на что, остаются дѣтьми: пляска «краснокожихъ»

Лѣтнія моды.

Манто изъ кренъ-де-шинъ по рисунку худ. Эйма.

«Вожди красной арміи»: товарищи Буденный, Ворошиловъ и Гамарникъ принимаютъ парадъ на Красной Площади въ Москвѣ.

груди и въ видѣ набитаго долларами толстаго бумажника упадетъ къ моимъ ногамъ.

Какъ все просто и легко. Какъ мнѣ все удается. Какъ мнѣ все удается. Стоитъ только пожелать, и вотъ я уже милліонерша.

5 мая.

Ахъ, какъ мнѣ везетъ! Какъ мнѣ сказочно везетъ. Но все по порядку. Спала я прескверно и за стѣной какіе-то люди отчаянно ругались и даже кажется дрались, а я такъ много слышала о французской вѣжливости и мнѣ было такъ страшно, что я положила подушку себѣ на голову, чтобы успокоиться, и задремала и чуть не задохлась. И вдругъ-бы я совсѣмъ заснула и совсѣмъ умерла. Какъ же тогда съ моей знаменитостью. Но все обошлось и не успѣла я утромъ развернуть «Послѣднія Новости», какъ въ глаза мнѣ такъ и бросилось объявленіе:

Домъ Chic Impérial
ищетъ манекеншу 42-44.

Вотъ что значитъ судьба! Я конечно немного покувыркалась на коврѣ отъ радости, а потомъ еще разъ прочла.

Ну, и домъ-же это должно быть. Не иначе, какъ первый въ Парижѣ. Одѣлась я быстро, шляпу надѣла самую лучшую съ анютиными глазками и фазанымъ крыломъ и платье изъ голубого кружева съ большимъ декольтэ.

Хоть и холодно было, но зато я ужъ очень хороша. Мнѣ дома аптекарь говорилъ, что какъ увидѣлъ меня у зауtрени, такъ и разговляться не могъ, апетитъ отшибло, все передъ глазами фазанье крыло. Поѣхала я на такси и безъ ложной скромности скажу, много на меня смотрѣли. Пріѣзжаю. Улица шикарная и домъ соотвѣтствующій, хотя и со двора 4-й этажъ. Но я вспомнила, что французы любятъ интимность и во дворѣ они устраиваютъ свои магазины изъ шика и для уютности. Я вошла своей самой эластичной походкой. Прихожая, должна прямо сказать, мовэ, хотя на стѣнѣ и висятъ портреты всего царствующаго дома, начиная съ Петра Великаго, но меня послѣ Сенты никакими царственными портретами не удивишь. Чего-чего, а этого у насъ слишкомъ много. И такъ темновато, узковато и пахнетъ жаренымъ лукомъ. И вдругъ меня по-русски вполнѣ непочтительно какая-то кочерга въ черномъ шелку окликаетъ: Вамъ что?

Я съ достоинствомъ объяснила, что я манекенша.

— Толсты больно, — говоритъ.

Вотъ отсталая идіотка, неужели не читала еще про эру. Хотѣла ей объяснить, да сдержалась.

А она такъ дѣловито:

— Изъ провинціи? 300 франковъ и завтракъ согласны?

Я не стала спорить. Очень мнѣ ея 300 франковъ нужны. Мнѣ главное показать себя, завести связи въ аристократическомъ мірѣ.

Она спрашиваетъ: какъ зовутъ.

Отвѣчаю: Лилія Нильская.

А она, грубіянка, какъ захохочетъ:

— Это крокодилъ бываетъ нильскій, а не манекенши. Безъ фокусовъ: какъ фамилія?

Пришлось сознаться.

— Вотъ что. Похудѣть вамъ надо, — говоритъ она. (А какъ же эра?). Платья на васъ лопнутъ. Сегодня суббота, ложитесь до понедѣльника въ кровать и пейте одно молоко. Живо отощаете. А въ понедѣльникъ приходите въ восемь утра на работу.

Я конечно поблагодарила, а она не унимается.

— У меня, говоритъ, maison аристократическій, съ традиціями. Съ гордостью могу сказать, что сумѣла создать въ эмиграціи нѣчто, что можно противопоставить большевизму и по духовной и по матеріальной цѣнности. Они разрушаютъ, а я создаю. И къ тому же я сама графиня, прошу не забывать.

И такъ строго на меня поглядѣла и весь ея черный шелкъ отъ важности засвистѣлъ.

Хотѣла я ей про дѣдушку капитана интендантуры разсказать. Но раздумала. Зачѣмъ хвастаться?

Побѣжала внизъ по лѣстницѣ. Подо мной ступеньки отъ радости прыгаютъ. Чуть не упала.

Вотъ оно! Начинается. Жизнь, слава, счастье — здравствуйте!

Купила лилію. Оказывается, по-французски — лисъ. Кто бы могъ думать. И почему лисъ, а не лиса? Все шиворотъ на выворотъ въ этомъ Парижѣ. И все таки онъ мнѣ начинаетъ уже нравиться. Или это просто оттого, что я чувствую, что скоро буду парить въ немъ?

Лилію обрѣзала стебель и поставила въ стаканъ вмѣстѣ съ зубной щеткой. Вотъ насъ и двѣ лиліи — я и она. Посмотрѣла на нее, потомъ на себя въ зеркало. Она красива, но я лучше.

Молока пить, конечно, не буду. Кочергѣ скажу, что пила. Выдумаетъ тоже, худѣть. А вдругъ прилетъ настоящій знатокъ моды и милліардеръ. Онъ-то сумѣетъ меня оцѣнить, онъ то знаетъ про эру округлой женственности.

Воскресенье.

Сегодня обѣдала въ большомъ ресторанѣ, такъ называемомъ При-Фи. И должна сказать, имя свое онъ заслужилъ. Настоящее Фи! Иначе не скажешь. А дорого очень — 8 франковъ. Правда, вино и блюдъ много. Но зато какія блюда? Сардинка съ отломаннымъ хвостомъ, салатъ безъ всего. На сладкое захотѣлось мнѣ скушать что-нибудь изысканное. Смотрю въ карту, вижу жофреть. Дай-ка, думаю, закажу эту жофретку, чтобы не даромъ въ шикарномъ ресторанѣ обѣдать, а съ пользой, научиться чему-нибудь. Заказываю жофретку. И что же мнѣ подаютъ? Обыкновенную вафлюрѣшетку, да еще и не чиненую. Кто-бы могъ подумать?

Пришла домой и записала: жофретка — вафля, лисъ — лилія, при-фи — дорогой ресторанъ (не достовѣрно).

Гулять сегодня, хотя и воскресенье, некогда, надо готовиться къ завтрашнему. Упражнялась все утро, вырабатывая движенія и атитюды и очень устала. Сейчасъ опять прорепетирую. Вотъ я выхожу, высоко закинувъ голову, глиссэ на лѣвую ногу, глиссэ на правую, остановка, балансэ на бедрахъ, полуоборотъ, снова два глиссэ и небольшое кабріолэ.

Надъ глиссэ поработала порядочно, зато за кабріолэ не безпокоюсь — кабріолэ у меня прирожденное, врядъ ли у кого въ Парижѣ найдется такое.

Теперь прорепетирую взгляды, какъ учила меня Анна Архиповна, по кино и всемірной исторіи. За это я не тревожусь, все это я еще въ Сентѣ досконально проработала. Въ глиссэ подходитъ взглядъ скромно-чарующій (Лиліанъ Гишъ изъ «Вѣтра»), балансэ — немножко Жозефина Бэкеръ, немножко — Жозефина Богарнэ, смѣсь огня и царственности, кабріолэ — Аста Нильсенъ изъ знаменитаго боевика «Обнаженная». О, это мой коронный номеръ. Уходъ — Марія Стюартъ, всходящая на костеръ.

Впрочемъ, смотря по впечатлѣнію, произведенному на зрителей. Если впечатлѣніе черезчуръ сильное, можно смягчить его граціознымъ бѣгомъ изъ чуднаго балета «Изласъ Нимфы», который я видѣла въ Загребѣ.

Охъ, что-то будетъ завтра. Впрочемъ, я совершенно спокойна. Если бы я безпокоилась, я была бы просто глупа.

Ирина Одоевцева.

РАЗГОВОРЪ О БЛИЖНИХЪ.

Рис. Г. Шильтяна.

— Ты замѣтилъ, что Дмитрій Ивановичъ всегда приходитъ обѣдать, когда его не зовутъ ?

— Ну да, не даромъ-же ему дали кличку Дмитрія Самозванца.

ЗАКОРЕНѢЛЫЙ ПРЕСТУПНИКЪ.

— Вы подумайте, эта дрянь Шмурловъ — неисправимый рецидивистъ! Служилъ въ Госбанкѣ, пропало на десять тысячъ валюты. Потомъ онъ перешелъ въ кооперативъ Наркомпути — пропало два вагона картошки. Устроился въ Главметаллѣ — пропало тридцать пудовъ олова. Взяли его по протекціи на Почтамтъ — пропало сто листовъ юбилейныхъ марокъ съ портретомъ Ворошилова. Наконецъ, всѣми правдами и неправдами удалось устроить его на службу въ крематорій. Такъ что-жъ вы думаете? Во время учета оказалось, что шести покойниковъ не хватаетъ!

УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА.

Судья. — Свидѣтель, почему вы не вмѣшались, когда увидали, что супруги дерутся стульями?

Свидѣтель. — Я хотѣлъ, господинъ судья, но уже не было свободнаго стула...

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ФАНТАЗІЯ.

Эрикъ XIV-ый, не подозрѣвавшій о существованіи исторіи, и сочиненный М. А. Чеховымъ.

Эрикъ XIV-ый, не подозрѣвавшій о существованіи М. А. Чехова, и сочиненный исторіей.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КОНСУЛЬТАЦІИ САТИРИКОНА

(Вопросы и отвѣты).

1.

Вопросъ. — Я человѣкъ одинокій и холостой, но безпартійный. Обладая застѣнчивымъ характеромъ, желалъ-бы сочетаться законнымъ бракомъ съ противоположнымъ лицомъ женскаго рода, хотя бы вдовой. Для означенной цѣли рѣшился рискнуть на столбцахъ вашей многоуважаемой прессы, дабы путемъ публикаціи найти подходящій сюжетъ типа блондинки.

Не увѣнчавшись успѣхомъ, получилъ отказъ, и въ результатѣ спрашиваю:

— За что? И почему?!

Отвѣтъ. — Не имѣя возможности помѣстить ваше объявленіе по соображеніямъ, которыхъ вы, какъ одинокій столбецъ общества, вѣроятно не поймете, мы все же просимъ васъ не падать духомъ.

Попробуйте устроиться непечатнымъ образомъ.

А постъ-фактумъ, т.-е., когда вы, не дай Богъ, овдовѣете, дайте намъ знать...

ПРОФЕССІОНАЛЫ.

Рис. Вл. Бѣлкина.

— У меня правило такое: до франка я только головой киваю, а выше франка я говорю мерси!

2.

Вопросъ. — Гуляя подъ воскресеніе вечеромъ, я попалъ подъ дѣтскую коляску и получилъ кой-какіе физическіе ушибы.

Спрашивается, съ кого я долженъ искать за увѣчья, съ самого ребенка или съ безпечной мамаши?

Отвѣтъ. — Это зависитъ отъ обстоятельствъ дѣла.

— Если въ колискѣ лежалъ ребенокъ, а толкала его мамаша, то это одно.

— А если въ колискѣ лежала мамаша, а толкалъ ее ребенокъ, то это другое.

За исходъ дѣла не ручаемся, несмотря на то, что, даже по письму вашему судя, вы человѣкъ несомнѣнно униблен-ный.

3.

Вопросъ. — Если я имѣю только одну безопасную бритву и зажигалку, то сколько я долженъ платить подоходнаго налогу за прошлый годъ, и въ случаѣ, если не уплачу, могутъ ли съ публичнаго торга продать вышеупомянутое имущество?

Отвѣтъ. — Если бритва и зажигалка принадлежатъ вамъ по праву частной собственности и не состоятъ въ залогѣ ни у частныхъ лицъ, ни у правительственныхъ учрежденій, то, увы! онѣ могутъ быть проданы, но увы! кто ихъ купитъ?!

Во всякомъ случаѣ, не поддавайтесь паникѣ...

4.

Вопросъ. — Со мной случился интересный юридическій казусъ съ шоколаднымъ автоматомъ на станціи метро.

Находясь на пересадкѣ и не зная, что мнѣ дѣлать, отъ скуки бросилъ въ дырочку двадцать пять сантимовъ, какъ сказано въ правилахъ, и сталъ тянуть.

Но автоматъ не реагировалъ, и деньги пропали на глазахъ смѣющихся пассажировъ перваго и второго классовъ.

Спрашивается, могу-ли по французскимъ законамъ взыскать всю сумму полностью?

На отвѣтъ, какъ джентльмэнъ, прилагаю почтовую марку.

Отвѣтъ. — Казусъ вашъ дѣйствительно очень интересный. Если-бъ вы ходили пѣшкомъ, а не швыряли такія безумныя средства на метро, то, конечно, ничего подобнаго съ вами не случилось-бы.

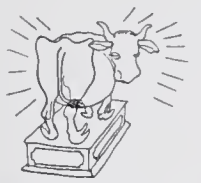
Но очевидно, что вы не заботитесь о будущемъ и просто говорите: хоть день, да мой!...

Ваше дѣло.

Но такъ какъ, ко всему, вы еще оказываетесь и джентльмэнъ, то приходите какъ нибудь, въ свободное время.

Во-первыхъ, мы на васъ посмотримъ, а во-вторыхъ, отъ скуки тоже кинемъ въ васъ двадцать пять сантимовъ, и, главное, даже тянуть не будемъ.

Завѣдующій юридич. отдѣломъ **К. С.**



Золотой теленокъ

Романъ изъ совѣтской жизни

Ильи Ильфа и Евгенія Петрова.

(Продолженіе).

Содержаніе предыдущихъ главъ:

«Тридцать сыновей и дочерей лейтенанта Шмидта» спекулируютъ на легковѣріи совѣтскихъ губернаторовъ, предѣисполкомовъ и проч.

Въ городѣ Арбатовѣ встрѣчаются главные герои романа, они-же и дѣти Шмидта, Остапъ Бендеръ, Шура Балагановъ и бывшій студентъ Паниковскій.

Но въ это время на сцену выступаетъ новый персонажъ, никто Корейко, по геніальности далеко превосходящій всѣхъ дѣтей лейтенанта Шмидта, вмѣстѣ взятыхъ.

Пока Корейко умудряется раздѣть до гола цѣлую автономную республику на югѣ сов. Россіи, вышеупомянутая четверка «Шмидтовъ по призванію» совершаетъ тріумфальный автопробѣгъ изъ Арбатова въ Черноморскъ.

Смыслъ автопробѣга заключается въ томъ, чтобъ опередить на нѣсколько часовъ оффиціальный автомобильный конкурсъ и снять, такимъ образомъ, пѣнки съ молока...

— А ну ихъ къ чорту! — со скорбью сказалъ переводчикъ. — Третій день уже носимся по деревнямъ, какъ угорѣлые. Замучили меня совсѣмъ. Много я имѣлъ дѣла съ иностранцами, но такихъ еще не видѣлъ, — и онъ махнулъ рукой въ сторону своихъ румяныхъ спутниковъ. — Всѣ туристы, какъ туристы, носятся по Москвѣ, покупаютъ въ кустарныхъ магазинахъ деревянныя братины. А эти двое отбились. Стали по деревнямъ ѣздить.

— Это похвально, — сказалъ Остапъ. — Широкія массы милліардеровъ знакомятся съ бытомъ новой совѣтской деревни.

«Стой! — кричалъ Остапъ, дѣлая гигантскіе прыжки».

Граждане города Чикаго важно наблюдали за починкой автомобиля. На нихъ были серебристыя шляпы, замороженные крахмальные воротнички и красные матовые башмаки.

Переводчикъ съ негодованіемъ посмотрѣлъ на Остапа и воскликнулъ:

Какъ же! Такъ имъ и нужна новая деревня! Деревенскій самогонъ имъ нуженъ, а не деревня!

При словѣ «самогонъ», которое переводчикъ произнесъ съ ударѣніемъ, джентльмены безпокойно оглянулись и стали приближаться къ разговаривающимъ.

— Вотъ видите! — сказалъ переводчикъ. — Слова этого спокойно слышать не могутъ.

— Да. Тутъ какая-то тайна. — сказалъ Остапъ, — или извращенные вкусы. Не понимаю, какъ можно любить самогонъ, когда въ нашемъ отечествѣ имѣется большой выборъ благородныхъ крѣпкихъ напитковъ.

— Все это гораздо проще, чѣмъ вамъ кажется, — сказалъ переводчикъ. — Они ищутъ рецептъ приготовленія хорошаго самогона.

— Ну, конечно! — закричалъ Остапъ. — Вѣдь у нихъ «сухой законъ». Все понятно... Достали рецептъ?... Ахъ, не достали? Ну, да. Вы бы еще на трехъ автомобиляхъ пріѣхали! Ясно, что васъ принимаютъ за начальство. Вы и не достанете рецепта, смѣю увѣрить.

Переводчикъ сталъ жаловаться на иностранцевъ.

— Повѣрите ли, на меня стали бросаться: разскажи да разскажи имъ секретъ самогона. А я не самогонщикъ. Я членъ Союза работниковъ просвѣщенія. У меня въ Москвѣ старуха-мама.

— А вамъ очень хочется обратно въ Москву? Къ мамѣ?

Переводчикъ жалобно вздохнулъ.

— Въ такомъ случаѣ засѣданіе продолжается, — промолвилъ Бендеръ. — Сколько дадутъ ваши шефы за рецептъ? Полтораста дадутъ?

— Дадутъ двѣсти, — зашепталъ переводчикъ. — А у васъ въ самомъ дѣлѣ есть рецептъ?

— Сейчасъ же вамъ продиктую, то есть сейчасъ же по полученіи денегъ. Какой угодно: картофельный, пшеничный, абрикосовый, ячменный, изъ тутовыхъ ягодъ, изъ гречневой каши. Даже изъ обыкновенной табуретки можно гнать самогонъ. Нѣкоторые любятъ табуретовку...

Остапъ былъ представленъ американцамъ. Въ воздухѣ долго плавали вѣжливо приподнятыя шляпы. Затѣмъ приступили къ дѣлу. Американцы выбрали пшеничный самогонъ, который привлекъ ихъ простотой выработки. Рецептъ долго записывали въ блокноты. Въ видѣ безплатной преміи Остапъ сообщилъ американскимъ ходокамъ наилучшую конструкцію кабинетнаго самогоннаго аппарата.

Американцы легко отдали двѣсти рублей и долго трясли руку Бендера. Паниковскому и Балаганову тоже удалось попрощаться за руку съ гражданами заатлантической республики измученными «сухимъ закономъ». Переводчикъ на радостяхъ чмокнулъ Остапа въ твердую щеку и просилъ захаживать. Однако адреса почему-то не оставилъ.

— Видите, — сказалъ Остапъ, когда американскую машину заволокло пылью, — все произошло такъ, какъ я вамъ говорилъ. Мы ѣхали. На дорогѣ взялись деньги. Я ихъ подобралъ. Смотрите, онѣ даже не запылились.

И онъ затрещалъ пачкой кредитокъ.

Собственно говоря, хвастаться нечѣмъ, комбинація простенькая. Но опрятность, честность — вотъ что дорого.

Подходило время обѣда. Остапъ углубился въ карту пробѣга, вырванную имъ изъ автомобильнаго журнала, и возвѣстилъ приближеніе города Лучанска.

— Городъ очень маленькій, — сказалъ Бендеръ, — это плохо. Чѣмъ меньше городъ, тѣмъ длиннѣе привѣтственныя рѣчи.

Понаторѣвшій въ торжественныхъ финишахъ Козлевичъ лихо осадилъ машину передъ самой трибуной. Здѣсь Бендеръ ограничился краткимъ привѣтствіемъ. Условились перенести митингъ на два часа. Подкрѣпившись безплатнымъ обѣдомъ, автомобилисты въ пріятнѣйшемъ расположеніи духа двинулись къ магазину готоваго платья.

Магазинъ «Платье мужское, дамское и дѣтское» помѣщался подъ огромной вывѣской, занимавшей весь двухэтажный домъ. На вывѣскѣ были намалеваны десятки фигуръ: желтолицые мужчины съ тонкими усиками въ шубахъ съ отвернутыми наружу хорьковыми полами, дамы съ муфтами въ рукахъ, коротконогія дѣти въ матросскихъ костюмчикахъ, комсомолки въ красныхъ косынкахъ и сумрачные хозяйственники, погруженные по самыя бедра въ фетровые сапоги.

Все это великолѣпно разбивалось о маленькую бумажку, прикрѣпленную къ входной двери магазина:

ВИЗАНОВЪ НѢТЪ.

— Фу, какъ грубо, — сказалъ Остапъ входя. — сразу видно, что провинція. Написали бы, какъ пишутъ въ Москвѣ: «Брюкъ нѣтъ». — прилично и благородно.

Въ магазинѣ автомобилисты задержались недолго. Для Балаганова нашлась ковбойская рубашка въ просторную каваречную клѣтку. Козлевичу пришлось удовольствоваться хромовымъ картузомъ и такой же тужуркой, сверкающей, какъ прессованная икра. Долго возились съ Паниковскимъ. Пасторскій долгополый сюртукъ и мягкая шляпа, которые, по замыслу Бендера, должны были облагородить внѣшность нарушителя конвенціи, отпали въ первую же минуту. Магазинъ могъ предложить только костюмъ пожарнаго: куртку съ золотыми насосами въ петлицахъ и фуражку съ синимъ кантомъ.

Не понимаю, — сказалъ Остапъ, — чѣмъ вамъ не нравится костюмъ пожарнаго?

На улицу вышли въ новыхъ нарядахъ.

Мнѣ нуженъ смокингъ, — сказалъ Остапъ, — но здѣсь его нѣтъ. Подождемъ до лучшихъ временъ.

Остапъ открылъ митингъ въ приподнятомъ настроеніи, не подозрѣвая о томъ, какая гроза надвигается на пассажировъ Антилопы. Онъ острилъ, разсказывалъ смѣшныя дорожныя приключенія, чѣмъ чрезвычайно расположилъ къ себѣ публи-

Снился генералъ-губернаторъ. И рядомъ съ нимъ еще полицмейстеръ стоялъ.

ку. Конецъ рѣчи онъ посвятилъ разбору давно назрѣвшей автопроблемы.

— Автомобиль, — воскликнулъ онъ трубнымъ голосомъ, — не роскошь, а...

Въ эту минуту онъ увидѣлъ, что предсѣдатель комиссіи по встрѣчѣ принялъ изъ рукъ подбѣжавшаго мальчика телеграмму. Произнося слова: «не роскошь, а средство передвиженія», Остапъ склонился влѣво и черезъ плечо предсѣдателя заглянулъ въ телеграфный бланкъ. То, что онъ прочелъ, поразило его. Онъ думалъ, что впереди еще нѣлый день...

Предсѣдатель еще шевелилъ усами, силясь вникнуть въ содержаніе депеши, а Остапъ, на полусловѣ спрыгнувшій съ трибуны, уже продирался сквозь толпу. Антилопа зеленѣла на перекресткѣ. Къ счастью, пассажиры сидѣли на мѣстахъ и, скучая, дожидались того момента, когда Остапъ велитъ перетаскивать въ машину дары города. Это обычно бывало послѣ митинга.

Наконецъ до предсѣдателя дошелъ смыслъ телеграммы. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ убѣгающаго командора.

— Это жулики! — закричалъ онъ страдальчески.

Онъ всю ночь трудился надъ составленіемъ привѣтственной рѣчи, и теперь его авторское самолюбіе было уязвлено.

— Хватай ихъ, ребята!

Крикъ предсѣдателя достигъ ушей антилоповцевъ. Они первно засуетились. Козлевичъ пустилъ моторъ и однимъ махомъ влетѣлъ на свое сидѣнье. Машина прыгнула впередъ, не дожидаясь Остапа. Впопыхахъ антилоповцы даже не сообразили, что оставляютъ своего командора въ опасности.

Стой! — кричалъ Остапъ, дѣлая гигантскіе прыжки. Догоню всѣхъ уволю!

Стой! — кричалъ предсѣдатель.

— Стой, дуракъ! — кричалъ Балаганову Козлевичу. — Не видишь, шефа потеряли!

Адамъ Казимировичъ нажалъ педали. Антилопа заскрежетала и остановилась. Командоръ кувыркнулся въ машину съ отчаяннымъ крикомъ: «Полный ходъ!» Несмотря на разносторонность и хладнокровіе своей натуры, онъ терпѣть не могъ физической расправы. Обезумѣвшій Козлевичъ перескочилъ на третью скорость, машина рванулась, и въ открывшуюся дверцу выпалъ Балагановъ. Все это произошло въ одно мгновеніе. Пока Козлевичъ снова тормозилъ, на Балаганова уже пала тѣнь набѣгающей толпы. Уже протягивались къ нему здоровенныя ручищи, когда задомъ ходомъ подобралась къ нему Антилопа и желѣзная рука командора ухватила его за ковбойскую рубаху.

— Самый полный! — завопилъ Остапъ.

И тутъ жители Лучанска впервые поняли преимущество механическаго транспорта передъ гужевымъ...

— Это вы погнали машину, прежде чѣмъ я успѣлъ сѣсть? — спросилъ командоръ грозно.

— Ей-Богу... — началъ Паниковскій.

— Нѣтъ, нѣтъ, не отпирайтесь! Это ваши штуки. Значитъ вы еще и трусъ къ тому же?

И Остапъ торжественно содралъ съ красныхъ петличекъ Паниковскаго золотые насосы.

Послѣ этой процедуры Остапъ познакомилъ своихъ спутниковъ съ содержаніемъ телеграммы.

— Дѣло плохо. Въ телеграммѣ предлагается задержать зеленую машину, идущую впереди автопробѣга. Надо сейчасъ же свернуть куда-нибудь въ сторону. Хватитъ съ насъ тріумфовъ. Идея себя изжила. Свернуть мы можемъ только на Гряжское шоссе. Но до него еще часа три пути. Я увѣренъ, что горячая встрѣча готовится во всѣхъ ближайшихъ населенныхъ пунктахъ. Проклятый телеграфъ всюду понапихалъ свои столбы съ проволоками.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.
КРИЗИСЪ ЖАНРА.

Въ четвертомъ часу ночи затравленная «Антилопа» остановилась надъ обрывомъ. Внизу на тарелочкѣ лежалъ незнакомый городъ.

Зубчатый лѣсъ подходилъ къ городу. Дорога петлями падала съ обрыва.

— Райская долина, — сказалъ Остапъ. — Такіе города пріятно грабить рано утромъ, когда еще не печетъ солнце. Меньше устаешь.

— Сейчасъ какъ разъ раннее утро, — замѣтилъ Паниковскій, льстиво заглядывая въ глаза командора.

— Молчать, золотая рота! — закричалъ Остапъ. — Шутокъ не понимаете!..

— Что дѣлать съ «Антилопой»? — спросилъ Козлевичъ.

— Да, — сказалъ Остапъ. — Въ городъ на этой зеленой лоханкѣ теперь не въѣдешь. Арестуютъ. Придется стать на путь наболѣе передовыхъ странъ. Въ Рio-де-Жанейро, напримѣръ, краденые автомобили перекрашиваютъ въ другой цвѣтъ.

Рѣшено было пойти въ городъ пѣшимъ порядкомъ и достать красокъ, а для машины подыскать надежное убѣжище за городской чертой.

Остапъ быстро пошелъ по дорогѣ вдоль обрыва и вскорѣ увидѣлъ косой бревенчатый домикъ, маленькія окошечки котораго поблескивали рѣчною синевой. Позади домика стоялъ сарай, показавшійся подходящимъ для сокрытія «Антилопы».

Пока великій комбинаторъ размышлялъ о томъ, подъ какимъ предлогомъ удобнѣе всего проникнуть въ домикъ и сдружиться съ его обитателями, дверь отворилась, и на крыльцо выбѣжалъ почтенный господинъ въ солдатскихъ подштанникахъ съ черными жестяными пуговицами.

Это лицо казалось непатуральнымъ.

— О, Господи, — зашамкалъ обитатель бревенчатаго домика, протягивая руки къ восходящему солнцу, — Боже, Боже! Все тѣ же сны! Тѣ же самые сны!

Онъ повернулся и, спотыкаясь о собственныя ноги, пошелъ прямо на Остапа. Рѣшивъ, что пришло время дѣйствовать, великій комбинаторъ подхватилъ бакенбардиста въ свои могучія объятія.

— Что? Кто? Что такое? — закричалъ безпокойный старикъ. — Что?

Остапъ осторожно разжалъ объятія, охватилъ старика за руку и сердечно ее потрясъ.

— Я вамъ сочувствую! — воскликнулъ онъ.

— Правда? — спросилъ хозяинъ домика, приникая къ плечу Бендера.

— Конечно, правда, — отвѣтилъ Остапъ. — Мнѣ самому часто снятся сны.

— А что вамъ снится?

— Разное.

— А какое все-таки? — настаивалъ старикъ.

— Ну, разное. Смѣсь. То, что въ газетѣ называютъ «Міровой экранъ». Позавчера мнѣ, напримѣръ, снились похороны микадо, а вчера — юбилей Сущевской пожарной части.

— Боже! — произнесъ старикъ. — Боже! Какой вы счастливый человѣкъ. Какой счастливый! Скажите, а вамъ никогда не снился какой-нибудь генералъ-губернаторъ или... даже министръ.

Бендеръ не сталъ упрямиться.

— Снился, — весело сказалъ онъ. — Какъ же. Генералъ - губернаторъ. Въ прошлую пятницу. Всю ночь снился. И, помнится, рядомъ съ нимъ еще полицмейстеръ стоялъ.

— Ахъ ты, Господи! — заволновался старикъ. — Что-жъ это мы здѣсь стоимъ. Милости просимъ ко мнѣ. Простите, вы не соціалистъ? Не партіецъ?

— Ну, что вы! — добродушно сказалъ Остапъ. — Какой же я партіецъ? Я безпартійный монархистъ. Слуга царю, отецъ солдатамъ. Въ общемъ, взвейтесь соколы орлами, полно горе горевать....

— Чайку, чайку не угодно ли? — бормоталъ старикъ, подталкивая Бендера къ двери.

Въ домикѣ оказалась одна комната съ сѣнями. На стѣнахъ висѣли портреты господъ въ форменныхъ сюртукахъ. Судя по

...Два человѣка съ черными мольбертами и полированными этюдниками.

петлицамъ, господа эти служили въ свое время по министерству народнаго просвѣщенія. Постель имѣла безпорядочный видъ и свидѣтельствовала о томъ, что хозяинъ проводилъ на ней самые безпокойные часы своей жизни.

— И давно вы живете такимъ анахоретомъ? — спросилъ Остапъ.

— Съ весны, — отвѣтилъ старикъ. — Моя фамилія — Хворобьевъ. Здѣсь, думалъ я, начнется новая жизнь. А вѣдь что вышло. Вы только поймите...

Федоръ Никитичъ Хворобьевъ ненавидѣлъ совѣтскую власть. Эта власть была ему противна. Онъ, когда-то попечитель учебнаго округа, принужденъ былъ служить завѣдующимъ методологическо-педагогическимъ секторомъ мѣстнаго Пролеткульта. Это вызывало въ немъ отвращеніе.

До самаго конца своей службы онъ не зналъ, какъ расшифровать слово «Пролеткультъ» и отъ этого презиралъ его еще больше. Дрожь омерзенія вызывали въ немъ однимъ своимъ видомъ члены мѣсткома, сослуживцы и посѣтители методологическо-педагогическаго сектора. Онъ возненавидѣлъ слово « секторъ».

Когда-же методологическо-педагогическій секторъ перешелъ на непрерывную недѣлю и вмѣсто чистаго воскресенья днями отдыха Хворобьева стали какія-то фіолетовыя пятыя числа, онъ съ отвращеніемъ исхлопоталъ себѣ пенсію и поселился далеко за городомъ.

— Все тѣ же сны! — заключилъ Хворобьемъ плачущимъ голосомъ. — Проклятые сны!

— Ваше дѣло плохо, — сочувственно сказалъ Остапъ, — какъ говорится, бытіе опредѣляетъ сознаніе. Разъ вы живете въ совѣтской странѣ, то и сны у васъ должны быть совѣтскіе.

— Ни минуты отдыха, — жаловался Хворобьевъ. — Хоть что-нибудь. Я уже на все согласенъ. Пусть не Нуришкевичъ. Пусть хоть Милюковъ. Все-таки человѣкъ съ высшимъ образованіемъ и монархистъ въ душѣ. Такъ нѣтъ же! Всѣ эти совѣтскіе антихристы.

— Я вамъ помогу, — сказалъ Остапъ. — Мнѣ приходилось лѣчить друзей и знакомыхъ по Фрейду. Сонъ — это пустяки. Главное — это устранить причину сна. Основной причиной является самое существованіе совѣтской власти. Но въ данный моментъ я устранить ее не могу. У меня нѣтъ времени. Я, видите ли, туристъ-спортсменъ, сейчасъ мнѣ надо произвести небольшую починку своего автомобиля, такъ что разрѣшите закатить его къ вамъ въ сарай. А насчетъ причины вы не безпокойтесь. Я ее устраню на обратномъ пути. Дайте только пробѣгъ окончить.

Одурѣвшій отъ тяжелыхъ сновъ монархистъ охотно разрѣшилъ милому и отзывчивому молодому человѣку воспользоваться сараемъ. Онъ набросилъ поверхъ сорочки пальто, надѣлъ на босу ногу калоши и вышелъ вслѣдъ за Бендеромъ во дворъ.

— Такъ, значитъ, можно надѣяться? — спрашивалъ онъ, семеня за своимъ ранннимъ гостемъ.

— Не сомнѣвайтесь. — небрежно отвѣчалъ командоръ. — какъ только совѣтской власти не станетъ, вамъ сразу станетъ какъ-то легче. Вотъ увидите!

Черезъ полчаса «Антилопа» была спрятана у Хворобьева и оставлена подъ надзоромъ Козлевича и Паниковскаго. Бендеръ въ сопровожденіи Балаганова отправился въ городъ за красками.

Молочные братья шли навстрѣчу солнцу, пробираясь къ центру города. На карнизахъ домовъ прогуливались сѣрые голубн. Спрыснутые водой деревянные тротуары были чисты и прохладны.

Внезапно дорогу братьямъ преградилъ человѣкъ со складнымъ мольбертомъ и полированнымъ ящикомъ для красокъ въ рукахъ. Онъ имѣлъ настолько взбудораженный видъ, словно бы только что выскочилъ изъ горящаго зданія, успѣвъ спасти изъ огня лишь мольбертъ и ящикъ.

— Простите, — звонко сказалъ онъ, — тутъ только что долженъ былъ пройти товарищъ Плотскій-Поцѣлуевъ. Вы его не встрѣтили? Онъ здѣсь не проходилъ?

— Мы такихъ никогда не встрѣчаемъ, — грубо сказалъ Балагановъ.

Художникъ толкнулъ Бендера въ грудь, сказалъ «пардонъ» и устремился дальше.

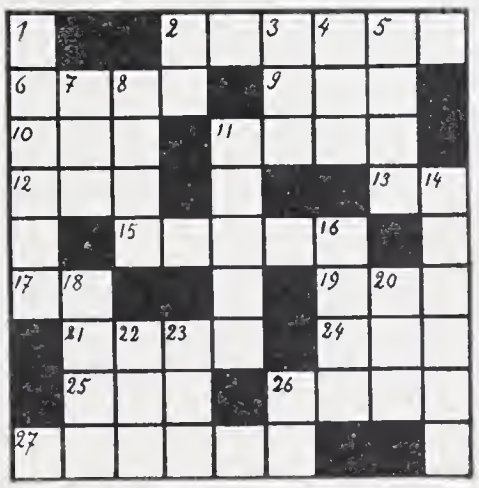
— Плотскій-Поцѣлуевъ? — ворчалъ великій комбинаторъ, который еще не завтракалъ, — У меня самого была знакомая акушерка по фамиліи Медуза-Горгонеръ, и я не дѣлалъ изъ этого шума, не бѣгалъ по улицамъ съ криками: «Не видали ли вы часомъ гражданки Медузы-Горгонеръ? Она, дескать, здѣсь прогуливалась». Подумаешь! Плотскій-Поцѣлуевъ!

Не успѣлъ Бендеръ закончить своей тирады, какъ прямо на него выскочили два человѣка съ черными мольбертами и полированными этюдниками. Это были совершенно различные люди. Одинъ изъ нихъ, какъ видно, держался того взгляда, что художникъ обязательно долженъ быть водосатымъ, и по количеству растительности на лицѣ былъ прямымъ замѣстителемъ Генриха Наваррскаго въ СССР. Усы, кудри и бородка очень оживляли его плоское лицо. Другой былъ просто лысъ, и голова у него была скользкая и гладкая, какъ стеклянный абажуръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРЕСТОСЛОВИЦА № 5.

СОСТАВИЛЪ МИЧМАНЪ ДЫРКА.



Горизонтально: 2. Усиленные расходы на нее предшествуютъ обыкновенно послѣднему расходу: на гробовщика. 6. Его языкъ не принятъ въ независимомъ и свободолюбивомъ «Сатириконѣ». 9. Попугай. 10. Монета, въ которой получаютъ гонораръ сотрудники рижской газеты «Сегодня». 11. Городъ въ Венгріи, сосуществующій съ другимъ городомъ, съ которымъ вмѣстѣ онъ образуетъ столицу. 12. Едва. 13. Дикій быкъ, который неизвѣстно, водится ли еще въ Гималаяхъ, но продолжаетъ водиться въ крестословицахъ. 15. Швейцарскій городъ, конкуррировавшій въ свое время съ Женевой ,какъ пріютъ для русской эмиграціи. Впрочемъ это дѣла давно минувшихъ дней. 17. Не можетъ испугать живущихъ подъ совѣтскимъ режимомъ. 19. Человѣкъ, много пострадавшій отъ своихъ дѣтей. 21. Пригородъ Петербурга, родина разбавленнаго молока. 24. Въ примѣненіи къ обыкновенной печкѣ принимаетъ полногласную форму, въ примѣненіи же къ адской печи усыхаетъ на одну гласную. 25. Экономные нѣмцы довольствуются этимъ сокращеніемъ для обозначенія одного изъ замѣчательнѣйшихъ учрежденій Берлина. 26. Названіе разсказа Горькаго. 27. Можетъ быть и политической, но мы предпочитаемъ на бильярдѣ.

Вертикально: 1. Какъ можно объѣсться такой гадостью, непонятно, но, судя по существующему выраженію, кто-то когда-то ею объѣлся. 2. Инициалы автора стихотворенія «Ахъ, тошно, тошно, помогите!» и многихъ другихъ. 3. Этимъ выраженіемъ пересыпалъ свою рѣчь отецъ Никиты (не Баліева). 4. Хорошъ для ухи. 5. Дѣвичье имя. 7. Гдѣ танцуютъ. 8. «19. горизонтально» былъ онымъ, за то и пострадалъ. 11. Родина печатающаго въ «Сатириконѣ» свои мудрые афоризмы мыслителя. 14. Чинъ-то невеликій, но подходящій для успѣха у женщинъ. 16. Газъ какой-то. 18. Нѣкоторымъ не помогаетъ и лошадиная. 20. Бракъ, — сказалъ-бы нессимистъ. 22. Ассоціируется съ Калинычемъ. 23. Египетскій богъ и русское мѣстоименіе.

РѢШЕНІЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 4.

Горизонтально: 1. Капулетти. — 9. Ага. — 9. Эонъ. — 10. Ру. — 11. Ива. — 13. К. Д. — 14. Окрикъ. — 15. Среда. — 16. На. — 18. Ата. — 19. Янъ. — 20. Али. — 22. Лукъ. — 23. Ледъ. — 24. Иза. — 25. Фатъ. — 26. Ока.

Вертикально: 1. Кардиналъ. — 2. Агу. — 3. Па. — 4. Левретка. — 5. Тѣ. — 6. Токъ. — 7.Инд іанка. — 11. Икра. — 12. Аида. — 14. Ось. — 17. Алефъ. — 19. Яуза. — 21. Ида. — 22. Ликъ.

Катѣ А — вой. Парижъ.

Изъ всего присланнаго, вниманіе наше привлекли слѣдующія строчки:

«Хочу сказать одно лишь слово,
Но такъ сказать его свѣтло,
Чтобъ даже самаго глухого
Оно вниманіе привлекло!»

Секретарь редакціи, вдохновившись, отвѣчаетъ вамъ, не сходя съ мѣста:

Я былъ глухимъ, но ваше слово
Произвело переворотъ!...
Свой бѣдный слухъ обрѣлъ я снова,
И говорю: не подойдетъ!..

Редакторъ-издатель: М. Г. Корнфельдъ.

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ

„НАША РѢЧЬ“

издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.

Редакторъ-Издатель: С. М. ГАЗІЕВЪ.

Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse*. Въ Парижѣ — въ « *Publicité Metzl* », *Rue de Turbigo*, 51, *Paris VIII*e и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ «Нашей Рѣчи» С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier*, 7, *Paris IX*e.

РЕСТОРАНЪ
“CHEZ KORNILOFF”

6, rue d'Armaillé между avenue Carnot II des Ternes
(Tél. Carnot 52 - 49)

Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ влад.
Ф. Д. КОРНИЛОВА.
Prix-fixe Завтракъ — 15 фр.
Обѣдъ — 20 фр. и à la carte
ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА:
Среда — ботвинья; четв. — чахохбили; пятн. — царскій студень; субб. разсольникъ; воскр. поросенокъ; пон. бефъ-буи; вторникъ — пельмени.
Ежедн.: кулебяка, блины, осетрина, рябчики, чахохбили, гурьев. каша
Самый элегантный и уютный русско-французскій ресторанъ Парижа

Общество взаимнаго Кредита “СОЮЗЪ”
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). Tél. Trinité 45-77

Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрышн. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер

Денежные переводы и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9

БОЛѢЮТЪ

и теряютъ трудоспособность часто тѣ, у кого кровь засорена ядами нарушеннаго обмѣна (мочевой кислотой, уратами и пр.). Эти яды быстро растворяются и удаляются изъ организма извѣстнымъ очистителемъ «КАЛЕФЛЮИДОМЪ Д. КАЛЕНИЧЕНКО», который одновременно насыщаетъ организмъ лечебно-энергіетворными гормонами и жизнетворными витаминами, возстанавливающими здоровье, силы и трудоспособность и бывшій больной опять пользуется всѣми радостями молодого и здороваго человѣка.

« KALEFLUID », 49, rue Balagny, Bureau 18. Paris (17e)
БЕЗПЛАТНО требуйте литературу, какъ сохранить здоровье.

Аптека

Всѣ патентованныя средства
Всѣ анализы

38, av. Félix-Faure,
Tél. Vaugir. 44-15

Зубоврачебн. кабинетъ **М. Когенъ**
D. F. M. P.
8, Rue Duban (16). Pl. Passy. Auteil 95-14
Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6.
Остальные дни 10-8 час. веч.

А. С. ШАПИРО
Петр. Прис. Пов. licencié en droit
Налоги, патур., уставы, Prud'hommes
11, rue Mogador, tél. Centr. 11-35.
Ежедн. 11-12 и 5-6 ч., суб. 11-12 ч.

ВЕТЕРИНАРНАЯ КЛИНИКА
Проф. Н. А. ИЛЬИНА
Пріемъ: 2-6 ч. кромѣ воскр.
45, avenue Emile Zola, 45,
Tél.: Vaugir. 18-99
ПАНСІОНЪ ВАННЫ

ДЛЯ СЛАБЫХЪ И ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХЪ
MAISON DE REPOS
Doctoresse B. LEVANTISSE
Діэтическій столъ. Прекрасный уходъ. Комфортъ модерить. Большой садъ. Гидротиранія, Массажъ, Гимнастика. Ультра-фіолетовые лучи, Діатермія.
Постоянное дежурство врача
Комната съ полнымъ пансіономъ, включая уходъ и пр. отъ 50 фр. въ сутки.
(5 минутъ отъ Porte Champerret около 25, Bd Bineau)
47, rue Parmentier.
NEUILLY s/s
Téléphone: MAILLOT 10-84

Паста - Порошекъ - Эликсиръ
ESKA
по форм. С. С. Кострицкаго б. зубн. врача Госуд. Импер.
Наилучшія, научно - обоснованныя средства для ухода за зубами и полостью рта
Продаются только въ аптекахъ
Laboratoires ESKA, A. Hobchette
Dr. en Pharmacie.
76, rue Orfila, PARIS (20)

Прошедшее, настоящее и будущее
Извѣстная Ясновидящая
пріемъ ежедневно, кромѣ воскрес. 3—7 ч. веч.
Mme Cherbatoff
10 rue Froidvaux, второй этажъ
рядомъ съ метро Denfert Rochereau

Дав. Е. Каганъ
Кандитатъ Пар. Унив.
Взысканія, уставы общіе разводы и проч.
новый адресъ:
8, square Port Royal (13)
(15, rue de la Santé)
Téléphone Gobelins 61-95
пріемъ 10—12 и 6—8 ч. веч.

КОНДИТЕРСКАЯ
JULIEN
25, rue Bosquet
во дворѣ на право
Téléphone SEGUR 68-27
Métro: Ecole Militaire
доставка на домъ

Издательство «ДОБРО»
въ Варшавѣ
принимаетъ подписку на
« САТИРИКОНЪ »
На 1 мѣс. — зл. 5.50 ; на 3 мѣс. — зл. 15; на 6 мѣс. — зл. 29; на 12 мѣс. — зл. 57.
Подписную плату можно вносить на почтовое конто фирмы «Добро» въ Р. К. О. №9668.

Сатиконъ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи	Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ странахъ, вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза		160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почт. Союза		177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**
Téléphone: GUTENBERG 05-40

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII. Цѣна отд. ном. 1 шилл.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tel. Barbarossa 4881. Postscheckkonto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГОЛЛАНДІЯ.	Роттердамъ. — Van Ditmar, Post Box 262, Rotterdam.
ГРЕЦІЯ.	Афины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitory, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 70 л. с.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko,* Khiabané Post Hané Koutcha Beha es Saltanch №4. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovie. Цѣна отд. ном. зл. 1.35.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré.
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York.
	Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra. Цѣна отд. ном. 25 піастр.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors. Ц. отд. ном. ф. м. 6.50
	Выборгъ. — *Ivankov,* Linnankatu, 8, Wiiborg.
	Келломяки. — *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel.
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon,* Goldschmiedstrasse, Reval.
	Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 70 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre,* Ul. Kn. Mihailova br. 27.

17.027 АДРЕСОВЪ АМЕРИКАНСКИХЪ МИЛЛІОНЕРОВЪ
444 " МИЛЛІАРДЕРОВЪ
5410 " АМЕРИК. БЛАГОТВОРИТ. УЧРЕЖД.

Адреса МАНУФАКТУРИСТОВЪ, ИЗОБРѢТАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЕВЪ, БАНКИРОВЪ, КИНО - РЕЖИССЕРОВЪ и др.

100 адресовъ 3 доллара
200 " 5 "
1000 " 18 "

Деньги можете посылать въ любой валютѣ

Наша фирма существуетъ съ 1908 года

Adress: A. R. BOGIN, 201 2nd Avenue
New York, N. Y. U. S. of America

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ **Л. РИХТЕРЪ, Рига**
Представительница Е. Михайловская
9, rue Auguste Vitu, Paris (15). Métro Javel. Tél. Vaugirard 65-59.
САМЫЯ ДЕШЕВЫЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ
Нѣкоторыя цѣны за килограммъ
Масло сливочное въ жестянкѣ **22** фр. **50**. **Грудинка 16** фр.
Сало свиное въ жестянкѣ **16** фр. **Колбаса** сухая 1 с. **28** фр. **50**
Упаковка, страховка, отправка за 5 к. **25** фр., за 10 к. **50** фр.
Пріемъ заказовъ ежедн. не исключая воскр. и праздн. съ 9 ч. у. до 9 ч. веч.

BRASSERIE GARGANTUA 24, rue Vavin (Montparnasse)
ПИВО FURSTENBERG
Элегантно, комфортабельно, по-Монпарнасски. Садъ на крышѣ. Прохладный залъ. Американскій баръ на свѣжемъ воздухѣ.
Цѣны очень умѣренныя.
Отдѣленіе на Колоніальной выставкѣ на островѣ Ile de Reuilly.

TOUT DERNIER CONFORT ASCENSEUR - CHAUFFAGE CENTRAL - CHAMBRES avec BAINS - EAU CHAUDE ET FROIDE
Tél. VAUGIRARD 10-77
Télégr. Hotelef 5 Paris
PENSION-HOTEL DE LA PORTE DE VERSAILLES
15, rue de la Grotte PARIS (15e)
(Angle du Boulevard Lefebvre - Près la Foire de Paris)
Nord-Sud . Porte de Versailles - Aut. : Aut. A. G. Bourse - Tram. : 89 Hôtel de Ville

НАЛОГИ Учрежденіе обществъ. Всѣ юридич. акты. Разводъ. Регистрація фирмъ. Выборка патентовъ. Взысканія. Натурализаціи. Консультаціи по всѣмъ вопросамъ.
JACQUES KARNAOUCH lic. en droit
3, rue du Pasteur Wagner. (на углу 26, Bd. Beaumarchais), M-ro Bastille
Tél. Roquette 07-66.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ принимаетъ
Комитетъ Помощи Голодающимъ въ Россіи (Comité Russe de Secours)
7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9)
M-o Clichy. Tél. Trinité 25-02 et 25-03
Пріемъ исключительно отъ 3—7

IMPRIMERIE
COOPÉRATIVE ÉTOILE
17, rue de la Comète
Téléphone : Invalides 11-50
PARIS (7)
R. C. S. 227.770
Métro : La Tour-Maubourg
TOUS GENRES DE TRAVAUX EN TOUTES LES LANGUES
ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ТИПОГРАФСКІЯ РАБОТЫ НА ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала контора журнала
САТИРИКОНЪ
проситъ г.г. подписчиковъ, срокъ подписки коихъ истекаетъ, ВОЗОБНОВИТЬ ЕЕ заблаговременно

РУССКАЯ МАСТЕРСКАЯ ДАМСКОЙ И МУЖСКОЙ ОБУВИ НА ЗАКАЗЪ
MAX
10, Rue Edmond Roger yr. Rue Violet, PARIS (XVe)
Téléphone Vaugirard 52-15.

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), téléph. Inval. 11-50 Le Gérant : *N. Kornfeld.*

ПОЛИТГРАМОТА САТИРИКОНА.

Рис. Шэма

ПЕРВЫЯ ЧЕТЫРЕ БУКВЫ.

Готовится къ печати спеціальный номеръ САТИРИКОНА:

“КОЛОНІАЛЬНЫЙ”

Посвященный Международной Колоніальной выставкѣ въ Парижѣ

PRIX EN FRANCE : Frs 3. – 4 ІЮЛЯ 1931. 4 JUILLET 1931. ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

Сатирикон

SATYRICON

1931 еженедѣльное изданіе № 14

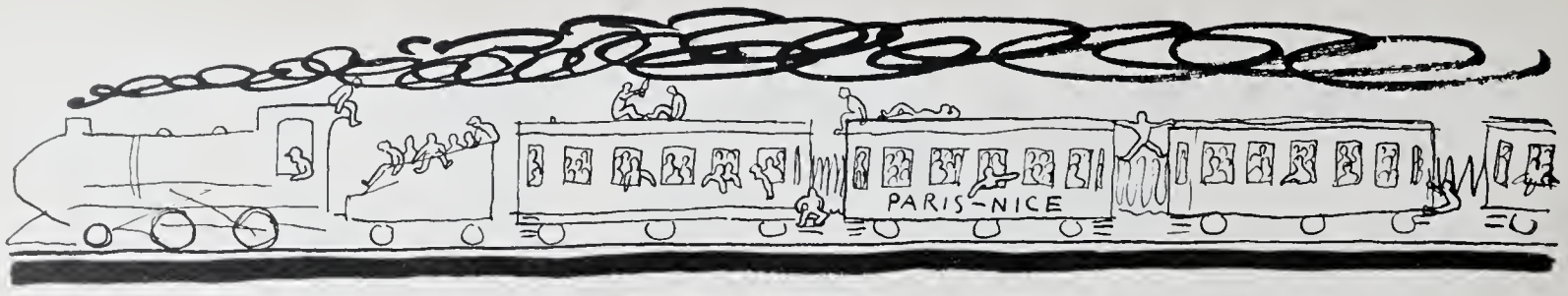
Hebdomadaire Russe *Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)* *Directeur M. Kornfeld*

L'AMERIQUE ET L'EUROPE

Рис. А. Шарго.

Х у в е р ъ (обращаясь къ Меллону). — А что если бы дать ей вздохнуть, этой старой вѣдьмѣ?!

Le Président Hoover *(en s'adressant à M. Mellon)* — Que pensez-vous, cher ami, si on donnait un peu d'air à cette vieille maboule ? !



ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА.

(Въ манерѣ Уайта Уитмэна).

О, дорогіе Соединенные Штаты,
Страдающіе золотымъ ожирѣніемъ сердца!
Пролетѣлъ свѣтлый слухъ,
Что вы передышку дадите Европѣ,
Скостите чуть-чуть долги,
Понизите учетный процентъ,
Устроите платежный антрактъ —
И еще что-то такое въ этомъ-же родѣ,
Чего не понимаютъ поэты,
И въ чемъ даже опытный чертъ
Сломаетъ себѣ свою козлиную ногу...

И тогда — Франція, Англія и прочія страны,
Которыя еще недавно назывались пѣвучимъ словомъ «Антанта»,
(Какъ имя венгерской графини звучитъ это слово!), —
Тогда всѣ эти страны въ избыткѣ лирическихъ чувствъ
Тоже что-то такое
Скостятъ — отсрочатъ — разсрочатъ Германіи...
И весь земной шаръ
Легче вздохнетъ своими двумя полушаріями,
О, дорогіе Соединенные Штаты!

Золото вновь потечетъ свободно въ жилахъ міра,
Преодолѣвъ закупорку венъ,
Безработные вновь получатъ работу,
Улыбнутся портные,
Расправятъ брови заказчики,
Тѣ, кто ходятъ пѣшкомъ, — поѣдутъ въ трамваяхъ,
Тѣ, кто ѣздятъ въ трамваяхъ, — поѣдутъ въ такси,
И каждый влюбленный конторщикъ вновь сможетъ
Купить своей Дульцинеѣ
Мотыльковый чайный передникъ...

О, дорогой мой Хуверъ!
Поговорите тамъ со своими —
Дѣльцами, купцами, министрами
И другими, — дьяволъ ихъ знаетъ,
Какъ они тамъ еще называются...
Соберитесь за круглымъ столомъ въ пижамахъ
(Лѣтомъ можно попроще)
И за бутылкой безалкогольнаго морса
Скорѣе, рѣшайтесь!
У васъ вѣдь въ Штатахъ тоже не сахаръ:
Бандитъ на бандитѣ,
Банкротъ на банкротѣ,
Шесть милльоновъ, — подумайте, шесть! — безработныхъ головъ.

Умножьте на два:
Двѣнадцать милліоновъ рукъ,
Которыя чешутъ угрюмо въ затылкахъ,
Вы понимате сами...

О, дорогіе Соединенные Штаты!
Рикошетомъ вашъ жестъ благородный
Коснется и насъ:
Любой эмигрантъ вывернулъ трижды
Свои довоенные брюки, —
Въ четвертый нельзя!...
По «репараціямъ» нашимъ —
Квартира! Газъ! Электричество!
Долгъ въ угловой мелочной!
Долгъ краснощекой, но звѣрски безжалостной прачкѣ!
Никто не даетъ намъ отсрочки...
А доходы?
Американскій любой финансистъ
Сошелъ-бы съ ума,
Если-бы вздумалъ въ бюджетѣ нашемъ шальномъ разобраться.
А вѣдь мы тоже люди, о, Хуверъ!
И по случаю лѣта
Тоже имѣемъ формальное право
На распродажный купальный костюмъ,
На чайную розу въ петлицѣ,
На пару свѣтлыхъ подтяжекъ,
На билетъ изъ Парижа въ Кламаръ
(Туда и обратно),
И на свой ежедневный бокалъ
Темнаго пива, о, Хуверъ!...

А. Черный.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Готовится къ печати и поступить въ продажу 11 іюля с.г.
спеціальный номер «Сатирикона»
КОЛОНІАЛЬНЫЙ
посвященный Международной Колоніальной Выставкѣ въ Парижѣ.

«ВЪ БОЛЬШОМЪ СВѢТѢ».

— Отчего у васъ такой разстроенный видъ, моя дорогая?

— Поневолѣ разстроишься... Тутъ выставка, разгаръ сезона, балы за балами, а я, какъ на зло, линяю и линяю!...

СТАТИСТИКА.

Ужасно это меня все таки занимаетъ:

— Сколько-же, въ концѣ концовъ, въ Парижѣ русскихъ?

Одни увѣряютъ, что тысячъ сорокъ.

другіе божатся и клянутся, что по пальцамъ могутъ во семьдесятъ насчитать.

А третьи просто говорятъ, что восемьдесятъ не восемьдесятъ, а триста тысячъ, пожалуй, что наберется.

Многое, конечно, зависитъ и отъ того, гдѣ ихъ набирать.

Обратитесь, напримѣръ, къ владѣльцу книжнаго магазина или библіотеки, и спросите его честно и прямо:

— Сколько, по вашему, въ Парижѣ русскихъ?

Книжникъ и бровью не моргнетъ:

Человѣкъ пятнадцать... въ крайнемъ случаѣ, двадцать пять...

И будетъ правъ.

Но оставьте вы книжника и фарисея, и спросите любого присяжнаго повѣреннаго, и онъ вамъ скажетъ, что если взять одни только русскіе третейскіе суды, да изъ тяжущихся въ этихъ судахъ взять однихъ только истцовъ и жалобщиковъ, то и то цифра получится совершенно потрясающая!..

А вѣдь есть-же еще и отвѣтчики.

И свидѣтели. И годовые свидѣтели. И, вообще...

Однимъ словомъ, съ какой стороны къ вопросу ни подойти, все равно, — путаница.

Ѣдешь иной разъ въ метро, и только диву даешься.

— Неужели, кромѣ контролера, который дырочки дѣлаетъ, всѣ остальные французы изъ Парижа прочь выѣхали?

Или ткнешься ночью на Пигаль, въ какой нибудь этакій «Замокъ Тамары», или «Бахчисарайскій Фонтанъ», и на глазъ прикидываешь:

— Цыгане — русскіе, балалаечники — русскіе, испанскіе танцоры — русскіе, итальянская капелла — русскіе, румынскій оркестръ — русскіе, Куропаповъ-Систерсъ — русскія, пикадоры съ шашлыками — русскіе, гарсоны — русскіе, метръ д-отели — русскіе, и пьютъ, ѣдятъ, и чарлстонъ танцуютъ — тоже русскіе!...

Даже въ глазахъ рябить начинаетъ, до того все русское.

А потомъ, не угодно-ли этихъ самыхъ сюже рюссъ на всеобщую перепись взять, когда ихъ словно какая нечистая сила съ мѣста на мѣсто гонитъ...

Начнешь его на Этуали переписывать, только это ручку въ чернила обмакнешь, а онъ, здравствуйте, пожалуйста! — на Батиньоль переѣхалъ.

И еще хоть-бы толкомъ адресъ оставилъ...

Да, какъ бы не такъ!

Уложитъ свою безопасную бритву въ пустой чемоданъ, и самымъ такимъ небрежнымъ тономъ и заявляетъ:

— Если кто спрашивать будетъ, скажите, что постъ-рестантъ...

Вотъ, и переписывайте его.

А ужъ когда лѣто приходитъ, совсѣмъ запутаться можно.

Кого ни спросишь, — я, говоритъ, на Котъ-глазурь уѣзжаю, хочу на пляжѣ организмъ размять.

И, въ самомъ дѣлѣ, разъ у человѣка еще организмъ остался, пусть его мнетъ въ свое удовольствіе.

Ну, думаешь, вотъ теперь я ихъ всѣхъ и выясню.

Потому что, какъ ты тамъ ни изворачивайся, а въ случаѣ крушенія тебя все равно полнымъ шрифтомъ въ хроникѣ пропечатаютъ.

И начинаешь, стало быть, слѣдить за хроникой.

И, можете себѣ представить! По три-четыре катастрофы въ день, паровозы въ щепки, пассажиры въ порошокъ, и хотьбы тебѣ одна русская фамилія... Ни одной!

Значитъ, что же это такое? Либо, значитъ, фуксомъ на пляжъ проскочили.

Либо, по просту говоря, набрехали: переѣхали на постъ-рестантъ, и въ усъ не дуютъ.

А ты тутъ мучаешься, ночей не спишь:

— Сорокъ тысячъ? Триста тысячъ? Или двадцать пять человѣкъ чохомъ?!

Н. Ѳадѣевъ.

УБЫТОКЪ.

— Ну, какъ дѣла?

— Отвратительныя. Не везетъ, какъ каторжнику. Только что потерялъ на улицѣ золотой портсигаръ.

— У васъ была дырка въ карманѣ?

— Нѣтъ, но тотъ, который его уронилъ, услышалъ стукъ, обернулся и самъ поднялъ.

ТОЧНОЕ ОПРЕДѢЛЕНІЕ.

— Папа, кто это такой — твой шефъ?

— Мой шефъ — это человѣкъ, который сидитъ уже на своемъ мѣстѣ, когда я опаздываю въ контору и опаздываетъ всякій разъ, когда я прихожу въ контору во-время.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО НА ЛИЦО.

— Ты очевидно, въ сорочкѣ родился.

— Почему ты такъ думаешь?

— Я вижу: ты же ее съ тѣхъ поръ не мѣнялъ...

ТОЧНЫЙ РАЗСЧЕТЪ.

— Начало засѣданія назначено у насъ на семь часовъ. значитъ на восемь. Докладчикъ обѣщалъ пріѣхать въ девять значитъ въ десять. Вы должны выступить въ одиннадцать? Пріѣзжайте въ двѣнадцать.

ЖИЛИЩНЫЙ ГОЛОДЪ.

— Ну что, ваша Соня довольна кукольнымъ домикомъ, который я ей подарилъ?

— Очень довольна. Она уже сдала его за два су въ сутки куклѣ Берточки.

КОМИССІЯ ПО РЕПАРАЦІЯМЪ.

— Ты не волнуйся, милый, если я опоздаю сегодня къ обѣду. Мнѣ нужно заѣхать къ зубному врачу, къ парикмахеру, къ маникюршѣ, къ педикюру, къ массажисткѣ и въ институтъ де ботэ.

— Ну да, я понимаю. Тебѣ нужно объѣхать всю комиссію по репараціямъ.

ОПЫТНЫЙ СВИДѢТЕЛЬ.

— Свидѣтель, вы были очевидцемъ этого аксидана. Не можете ли вы сказать намъ, на какомъ приблизительно разстояніи находились вы отъ зеленаго автомобиля, когда онъ врѣзался въ дверь табачной лавочки?

— На разстояніи 9 метровъ 44 съ половиной сантиметра.

— Какимъ образомъ вы знаете это съ такой точностью?

— Я измѣрилъ. Я же зналъ, что ко мнѣ будутъ приставать съ разспросами.

НАТУРЩИЦЫ.

Рис. И. Ильина.

— Напрасно ты безпокоишься, онъ вернется!...

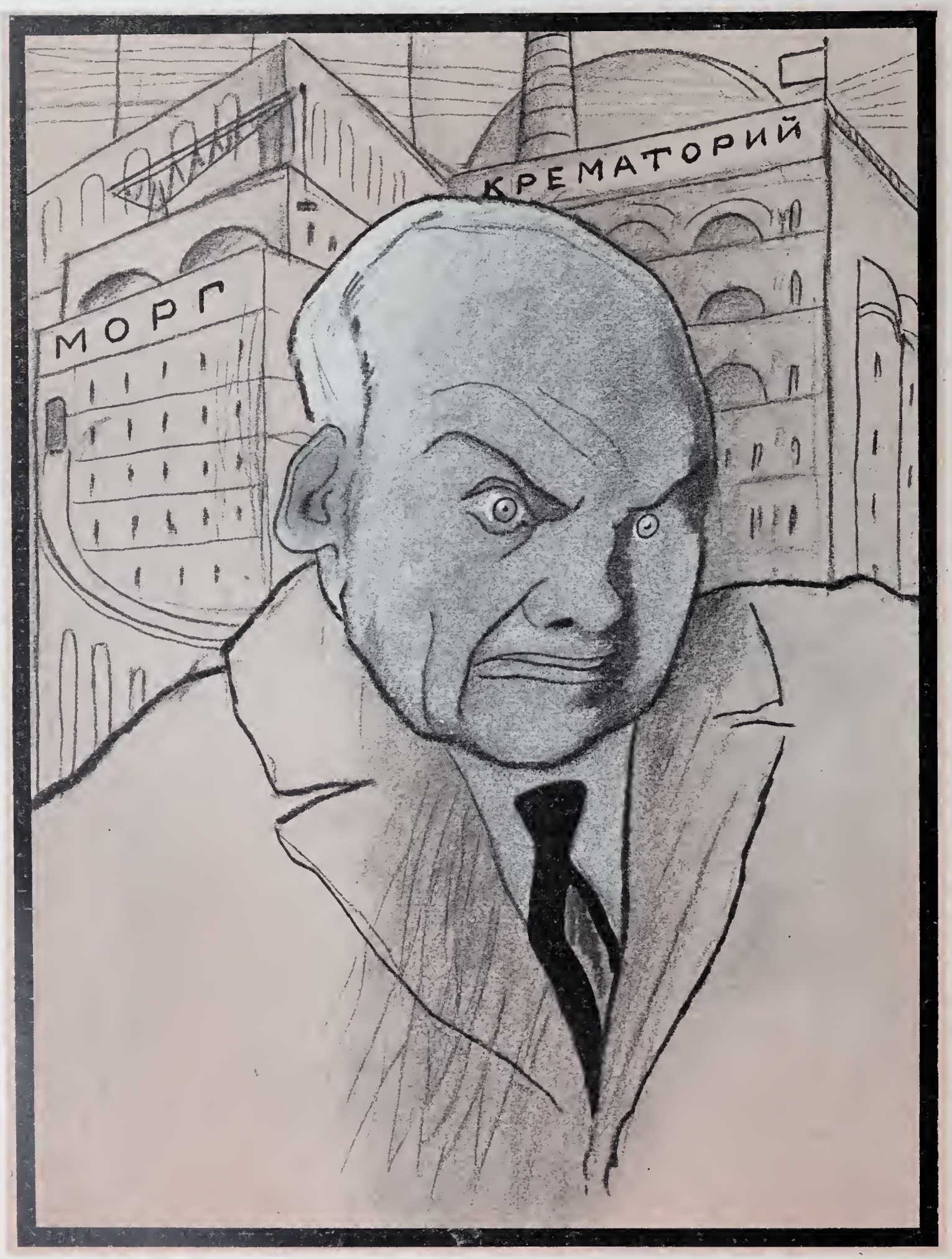
— Это меня и безпокоитъ!...

КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

LES PILIERS DU RÈGIMF SOVIÉTIQUE

Pour ceux qui cherchent à comprendre le sens de la Révolution Communiste

Рис. А. Шараю.



КРЫЛЕНКО.

«ПРОКУРОРЪ РЕСПУБЛИКИ».

KRILENKO

Procureur Général

ШУТКА СТАРАГО ИЗРАЭЛИ.

Живописецъ Феариче получилъ письмо отъ портного. Портной писалъ:

«Стыдно вамъ, г. Феариче. Вы почти что износили сшитое мной для васъ платье, а до сихъ поръ не уплатили мнѣ за него. Предлагаю вамъ немедленно же запастись фиговымъ листкомъ. Онъ несомнѣнно будетъ полезенъ вамъ съ того момента, когда я сниму съ васъ штаны, прикрывать которыми вашу безрадостную наготу вы не имѣете никакого права.

Портной *Уріэль Маціо*.

Странный этотъ Уріэль — размышлялъ живописецъ. Онъ все еще не забылъ моего долга. И съ другой стороны: платье дѣйствительно изношено. Не смѣшно ли платить за старую вещь, какъ за новую. Дуракъ Уріэль, если онъ на что-нибудь расчитываетъ...

Но напрасно храбрился живописецъ. Въ тайникахъ души онъ признавалъ свое положеніе вполнѣ серьезнымъ.

— Эй, Феариче! Какъ живешь старина? — послышался голосъ.

Феариче очень обрадовался приходу часовщика Израэли. Онъ давно замѣтилъ, что между портнымъ и часовщикомъ кипитъ глухая вражда и оба они при всякомъ удобномъ случаѣ поносятъ одинъ другого.

— Вотъ, Израэли, смотри! — сказалъ живописецъ, протягивая часовщику записку портного. Прочти и подпись безстыдству недруга твоего Маціо. Развѣ платье, сшитое мнѣ Уріэлемъ, уже не пришло въ ветхость. Справедливо ли теперь платить за него, какъ за новое?

— Никогда не удивлялся наглости человѣческой, — сказалъ Израэли, прочтя записку. Однако, я научу тебя, какъ выйти изъ положенія.

— О, научи, Израэли! — воскликнулъ живописецъ.

— Ты, Феариче, хорошій мастеръ, — сказалъ часовщикъ. — Между прочимъ, я вижу у тебя загрунтованное полотно, натянутое на раму. Возьми кисть и пиши!

Феариче взялъ кисти и краски и съ надеждой глядя на Израэли спросилъ:

— Что же я буду писать, Израэли?

— Увеличь во все полотно ботъ эту миніатюру, — сказалъ часовщикъ, вынимая изъ кармана часы, на задней крышкѣ которыхъ былъ изображенъ прекраснѣйшій юноша, несомнѣнно принадлежащій къ высокому дворянскому дому.

— Работай-же, — продолжалъ Израэли, — и постарайся кончить не позже вечера завтрашняго дня.

Израэли ушелъ и Феариче принялся за картину. Воодушевленный надеждой избавиться отъ недобросовѣстныхъ притязаній портного, — живописецъ работалъ съ необыкновенной легкостью и порой казалось ему, что кистью его водитъ чья-то посторонняя рука, болѣе искусная, нежели его собственная.

Израэли былъ точенъ. Онъ пришелъ на слѣдующій день вечеромъ и остался весьма довольнымъ работой.

— Браво, Феариче! — воскликнулъ часовщикъ, — браво! Бери теперь этого красавца и неси его къ Уріэлю. Предложи ему эту картину въ уплату долга. Пусть онъ повѣситъ его у дверей своей мастерской. Дѣла его плохи, но должны конечно поправиться. Вотъ, скажетъ каждый, взглянувъ на картину, — вотъ какой красивый аристократъ! И каждый добавитъ: я тоже парень не плохъ собой, но у меня нѣтъ такого хорошаго платья, а все дѣло въ платьѣ. Закажу-ка я Уріэлю и для себя получше нарядъ, чтобы стать похожимъ на этого цвѣтущаго графа»...

Феариче поблагодарилъ Израэли и немедленно же понесъ картину къ портному, который принялъ ее съ полной признательностью, такъ какъ лучшей вывѣски для мастерской дѣйствительно нельзя было желать.

*

Если бы Феариче зналъ, что часовщикъ безнадежно влюбленъ въ его невѣсту, очаровательную Клеофу, то едва ли бы съ такой довѣрчивостью передалъ бы свое дѣло о штанахъ въ руки стараго Израэли.

Клеофа была хороша. Израэли давно вздыхалъ о Клеофѣ, но не имѣя основанія для какихъ-либо надеждъ, предался мрачной ненависти. Онъ мучился и ревновалъ, напрасно изыскивая какія-нибудь средства для охлажденія отношеній между безпечнымъ художникомъ и прелестной Клеофой. Феариче даже не подозрѣвалъ, что служитъ для часовщика предметомъ злой внимательности.

Израэли былъ уменъ. Исторія со штанами натолкнула его на нѣкоторый планъ. Онъ почувствовалъ возможность причинить живописцу зло, расчитавшись попутно съ портнымъ Уріэлемъ, давнимъ своимъ врагомъ.

Израэли только что взялъ въ починку часы молодого аристократа, три дня тому назадъ пріѣхавшаго въ ихъ городъ. Конечно, аристократъ, гуляя по городу, увидитъ свое изображеніе въ качествѣ вывѣски у портного и оскорбится. И, конечно, онъ побьетъ Уріэля Маціо палкой, а тотъ въ свою очередь не останется въ долгу у Феариче.

— Не плохо придумано! — радовался часовщикъ, потирая руки.

Дѣйствительно, событія не замедлили разразиться, но только въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ предполагалъ злоумышленникъ.

— Какъ хорошо имѣть штаны! — съ улыбкой подумалъ живописецъ, спокойно засыпая въ этотъ вечеръ въ своей постели. Однако, на утро его ожидало непріятное пробужденіе.

— Да откроешь ли ты глаза, наконецъ, лѣнивое животное, бездарный пачкунъ, безчестный обманщикъ! — услышалъ Феариче надъ своей головой грозный голосъ портного. Велѣдъ затѣмъ онъ почувствовалъ себя совершающимъ воздушное путешествіе.

Феариче сквозь сонъ вообразилъ себя архангеломъ и сталъ кричать, дрыгая ногами:

— Какъ ты смѣешь, негодяй, говорить въ такомъ тонѣ съ божьимъ посланникомъ?

— Я тебѣ покажу божьяго посланника! — гремѣлъ портной и посадилъ соннаго Феариче на табуретъ.

— Что вамъ угодно, господинъ Уріэль? — пришелъ наконецъ въ себя живописецъ.

— Я пришелъ наказать тебя за надувательство!

— Я не понимаю васъ, господинъ Уріэль. Или картина не хороша?

— Она слишкомъ хороша, негодяй!

— Можетъ ли быть что-нибудь слишкомъ хорошимъ? Если вы иронизируете, то совершенно напрасно. Мой аристократъ изображенъ и ярко, и живо.

— Въ этомъ то вся и бѣда, что живо! — вскричалъ портной.

— Что вы хотите этимъ сказать? — уже смѣлѣе спросилъ живописецъ, уловивъ въ голосѣ портного нотки отчаянія.

— А то, что вашъ дворянинъ удралъ отъ меня и сейчасъ разгуливаетъ по главной улицѣ. Удралъ и не оставилъ на полотнѣ даже пятнышка!...

Феариче былъ потрясенъ этимъ сообщеніемъ.

Рис. Лори.

— Да, да, да! — кричалъ Уріэль. Еще спасибо Израэли, что онъ указалъ мнѣ сейчасъ на выходку твоего графа и помогъ напасть на его слѣдъ. Ну-же! Скорѣй!

И Феариче и портной сломя голову выбѣжали на улицу.

*

Продѣлка часовщика, измѣнившаго первоначальный планъ своихъ козней выяснится позже, а пока обратимся къ Клеофѣ, которая, по порученію матери, въ это утро пошла на базаръ. Дорогой ей повстрѣчался молодой дворянинъ, не оставившій безъ вниманія ея превосходныхъ качествъ.

Юноша увязался за дѣвушкой и слѣдуя за ней шагъ за шагомъ, сталъ говорить ей самыя пріятныя слова въ мірѣ.

Торговки на базарѣ съ удивленіемъ переглядывались между собой. Видъ неизвѣстнаго благороднаго юноши поразилъ ихъ, а то, что онъ таскалъ корзинку Клеофы и не спускалъ съ нея глазъ — наполнило ихъ смущеніемъ. Но не настолько, однако, чтобы они забыли свои интересы. Смущенныя сами, онѣ извлекли все таки пользу отъ смущенія Клеофы и наполнили ея корзину самой отборной дрянью.

— Она измѣнила своему живописцу, — молодая вѣтреница! Ее накажетъ Господь!

Говорила одна.

— И уже наказалъ! — подхватила другая, молитвенно сложивъ руки. Наказалъ, избравъ меня своимъ орудіемъ. Я подсунула ей пятокъ совсѣмъ протухшихъ яицъ...

Третья торговка, у которой на лоткѣ лежала испорченная курица, богомольно вздохнула.

— Я подожду еще выбрасывать курицу, — сказала третья торговка. — Быть можетъ Клеофа окончательно согрѣшитъ сегодня со своимъ щеголемъ. Тогда завтра я продамъ ей эту мерзкую птицу...

— До свиданья, прелестная Клеофа! — сказалъ дворянинъ дѣвушкѣ, достаточно нагулявшись съ ней и прощаясь на углу двухъ глухихъ переулковъ.

— До свиданья, мой дорогой.

— Но когда же мы увидимся? Я горю желаніемъ опять съ тобой встрѣтиться.

— Завтра, передъ закатомъ солнца, въ саду надъ городомъ...

— А теперь позволь мнѣ поцѣловать тебя!...

Дѣвушка внимательно поглядѣла кругомъ. Нигдѣ никого не было и молодые люди поцѣловались.

Едва разсталась Клеофа со своимъ кавалеромъ, какъ изъ за двухъ противоположныхъ угловъ показались двое свидѣтелей этой нѣжной сцены. Блѣдный отъ ревности Феариче и сотрясающійся отъ злого смѣха часовщикъ, весьма обрадованный легкомыслiемъ Клеофы и отчаяньемъ живописца.

Феариче бросился въ погоню за аристократомъ, но нигдѣ не могъ его найти и вернулся домой въ самомъ отвратительномъ состояніи духа.

Зато портной, послѣ долгихъ поисковъ столкнулся съ юношей, почти что подлѣ своего дома.

— Эй, обождите одну минутку, молодой человѣкъ, закричалъ портной. Я имѣю къ вамъ нѣкоторыя претензіи.

— Что тебѣ нужно? — гордо спросилъ дворянинъ.

— Ваша Свѣтлость! — смутился портной. — Вы не имѣете никакого права обижать бѣднаго ремесленника.

— Не пьянъ ли ты, голубчикъ? Въ чемъ дѣло? Иди своей дорогой! — сказалъ дворянинъ, намѣреваясь продолжать свою прогулку.

— Я не пьянъ, Ваша Свѣтлость. — Но развѣ Феариче не отдалъ мнѣ васъ въ уплату за штаны ?Вы напрасно покинули полотно. Вернитесь, Ваша Свѣтлость! Въ ближайшіе же дни я закажу для васъ раму у самого лучшаго столяра.

— Пьяница и дуракъ! — твердо и ясно заключилъ рѣчь Уріэля аристократъ.

Портной вознегодовалъ.

— Какъ! — вскричалъ онъ. — Я — пьяница и дуракъ? И отъ кого же я слышу. Отъ лѣнтяя и болтуна? Отъ мальчишки, на котораго я потратилъ свой трудъ. Да знаешь ли ты, что я поколочу и тебя и твоего мошенника Феариче!...

Собравшаяся толпа любопытныхъ искренне удивлялась поведенію Уріэля, а дворянинъ, рѣшивъ, что имѣетъ дѣло съ умалишеннымъ ушелъ, даже не попытавшись наказать портного за дерзость.

Уріэль вернулся домой. Втайнѣ онъ расчитывалъ, что юноша все таки захочетъ вернуться, по увы. Пустое полотно глядѣло на портного изъ рамы. Повидимому, аристократу болѣе нравилось гулять по городу, чѣмъ служить вывѣской и посильно участвовать въ скромномъ и честномъ дѣлѣ.

Тѣмъ временемъ пришелъ Феариче. Онъ съ такимъ отчаяньемъ разсказалъ Уріэлю объ измѣнѣ Клеофы съ молодымъ повѣсой, что портной расчувствовался, помирился съ живописцемъ и принесъ вина.

Весь вечеръ они провели вмѣстѣ, изливаясь другъ передъ другомъ въ жалобахъ. Портной вышелъ проводить гостя.

— Бери же обратно, пріятель, твое полотно, — сказалъ Уріэль, — оно тебѣ еще пригодится. Нарисуешь что-нибудь болѣе положительное, чѣмъ твой графъ.

Но можетъ быть онъ еще и вернется на ночь дружище? Въ самомъ дѣлѣ не подстеречь ли намъ его, когда онъ будетъ забираться обратно въ раму?

Вооружившись хорошими дубинами, Уріэль и Феариче стали ждать юношу на улицѣ, спрятавшись за двумя большими бочками сосѣда-виноторговца.

Ждать пришлось достаточно долго, пока не сгустилась ночь и не показалась наконецъ подлѣ рамы желанная тѣнь.

Уріэль и Феариче выскочили изъ засады.

— Бей его! — вскричали портной и живописецъ.

Послышались глухіе удары палокъ и громкій стонъ избиваемаго. Судя по тембру, голосъ несчастнаго не могъ принадлежать молодому.

— Постой, Феариче! — первымъ опомнился Уріэль. — А вѣдь мы бьемъ съ тобой кого-то другого. Держи-ка его. Я сейчасъ принесу фонарь.

— Израэли! — вскричалъ пораженный Феариче, когда фонарь освѣтилъ того, кого они били такъ старательно.

— Да, это я, — простоналъ часовщикъ.

— Но какъ же вы попали сюда? Что вы здѣсь дѣлали?

— Ахъ, я такъ наказанъ за свою глупую и злую шутку... Я пришелъ перевернуть картину, чтобы завтра опять сѣсть васъ съ графомъ, который безсовѣстно мало платитъ мнѣ за работу. Ахъ, я сналъ и видѣлъ, чтобы вы его крѣпче поколотили....

Пріятели бросились къ картинѣ и перевернули ее. Юный красавецъ глянулъ на нихъ печальными глазами.

— Какіе же мы дураки! — вскричалъ Феариче.

— Большіе, чѣмъ это можно себѣ представить, — подхватилъ Уріэль Маціо, хлопнувъ себя по лбу...

Они зазвали часовщика къ себѣ и пили съ нимъ до утра, побратавшись и поклявшись въ дружбѣ. Счастливѣйшимъ изъ троихъ былъ Феариче, такъ какъ часовщикъ сообщилъ ему, что молодой дворянинъ черезъ три дня покидаетъ ихъ городъ. Значитъ, увлеченье Клеофы не будетъ продолжительнымъ и счастью его ничто не грозитъ.

Валентинъ Горянскій.

АМЕРИКАНСКІЙ СЛУЧАЙ.

Джо Круксъ, знаменитый боксеръ, чемпіонъ-тяжеловѣсъ западныхъ штатовъ, медленно шелъ почью по пустынной улицѣ въ предмѣстьи Чикаго. Вдругъ онъ услышалъ гдѣ-то впереди крики. Кто-то съ поросячьимъ визгомъ взывалъ о помощи. Джо Круксъ прибавилъ шагу и скоро увидѣлъ сцену, которая не могла не возмутить его спортсменской души. Толстый здоровенный верзила тузилъ извивавшагося передъ нимъ какъ угорь хлипкаго маленькаго человѣчка.

Джо Круксъ подлетѣлъ къ негодяю верзилѣ и математически точнымъ «нокаутъ», онъ превратилъ его съ одного удара въ бездыханный мѣшокъ съ костями.

— Фу.. еле выдавилъ изъ себя, глотая воздухъ, какъ собака, маленькій человѣчекъ. — Ну, и баня же была!... Онъ бы меня въ лепешку скаталъ, если бы вы не подоспѣли.

И съ этими словами онъ вложилъ въ руку чемпіону бумажку въ 50 долларовъ.

— А это зачѣмъ же? — сказалъ съ недоумѣніемъ боксеръ.

— Ей Богу, честно, — отвѣтилъ, почесывая бока, маленькій человѣчекъ. — Ноподломъ. Въ бумажникѣ, который я у него слизнулъ, были двѣ такихъ бумажки и одна въ долларъ. Такъ долларъ-то я могу оставить себѣ на примочку?

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ «САТИРИКОНА»

Въ цѣляхъ наиболѣе раціональнаго распредѣленія «Сатирикона» по кіоскамъ, Гл. контора покорнѣйше проситъ гг. читателей покупать журналъ по возможности въ одномъ и томъ же кіоскѣ или магазинѣ.

Въ случаѣ, если у вашего газетчика не окажется «Сатирикона», Гл. контора проситъ увѣдомить ее по адресу:

51, rue Vivienne, Paris (II).

КРИТИКА ЧИСТАГО РАЗУМА ИЛИ РАЗГОВОРЪ СЪ НЯНЕЙ.

Рис. В. Бѣлкина

— **Maman** говоритъ, что это докторъ принесъ мою маленькую сестричку, **papa** говоритъ, что ее ангелъ притащилъ, а ты говоришь, что ее вовсе въ капустѣ нашли... Кто-то изъ васъ троихъ все таки вретъ!

ПРОСТЫЯ ЖЕЛАНІЯ.

Жажду райскаго блаженства,
Дуновенья вѣтерокъ,
Жажду общества пріятныхъ,
Легкихъ, лѣтнихъ дураковъ,
Безъ глубокихъ точекъ зрѣнья,
Безъ надрывовъ міровыхъ,
А смѣющихся, веселыхъ,
Первобытныхъ и простыхъ!...

Чтобъ ходить гурьбою шумной
На морской и вольный пляжъ,
Отъ причины неизвѣстной
Приходить въ безумный ражъ,
Передразнивая эхо,
Рѣзкій Нордъ и теплый бризъ,
Упражняя мышцы смѣха,
Опустившіяся внизъ,

Прыгать, двигаться, кружиться,
Въ сумасшедшей чехардѣ,
То въ песокъ морской зарыться,
То барахтаться въ водѣ,
Отдуваться, наслаждаться
Набѣгающей волной,
Прогрѣвать кипящей солью
Каждый шарикъ кровяной,
Омолаживая нервы,
Весь остатокъ, весь запасъ,
И впадать въ шальное дѣтство
Каждый день и каждый часъ...

Чтобъ потомъ, зимой холодной,
У каминныхъ угольковъ,
Среди важныхъ, многодумныхъ,
Тяжкихъ, зимнихъ дураковъ,
Когда медленное Время
Будетъ маятникъ качать,
Когда надо будетъ сразу
Очень многое рѣшать,
Когда снова будетъ взрослымъ
Этотъ міръ принадлежать..

Чтобъ тогда, подъ чинной, чванной
Оболочкой тусклыхъ дней —
Долго жить воспоминаньемъ
Знойныхъ солнечныхъ лучей,
Этимъ свѣжимъ вѣтромъ съ моря
Этимъ золотомъ песковъ,
Этимъ смѣхомъ беззаботныхъ,
Легкихъ, лѣтнихъ дураковъ,
Безъ угрюмыхъ точекъ зрѣнья,
Безъ очковъ и безъ морщинъ,
Просто глупыхъ безъ послѣдствій,
Просто глупыхъ безъ причинъ!...

Донъ-Аминадо.

■

АКАЖУ.

— Садитесь, пожалуйста. Въ этомъ ресторанчикѣ таки недурно кормятъ. Хотите печенки съ лукомъ? Или тушеной морковки? Я, знаете, лѣтомъ предпочитаю морковку. Легко переваривается, абсолютно не тяжело — и всего три франка. Дешевле грибовъ.

Такъ вотъ, продолжаю. Вы не покупатель, пришли на марше-о-пюсъ, купите себѣ какую-нибудь персидскаго орѣха рамку, хотя вамъ вставлять рѣшительно нечего. Артистъ въ душѣ, развѣ это надо на лбу писать?... И вотъ, какъ со старымъ знакомымъ, не покупателемъ, могу съ вами говорить на распашку.

Объясните мнѣ, пожалуйста, зачѣмъ эмигрантамъ стиль? Я продавецъ, я съ этого свой хлѣбъ кушаю, пусть покупаютъ, дай имъ Богъ всѣмъ выиграть на колоніальный билетъ... Но меня интересуетъ психологія. Зачѣмъ имъ стиль? Развѣ въ Одессѣ или, допустимъ, въ Житомірѣ мы всѣ не сидѣли на вѣнскихъ стульяхъ? Плохо было сидѣть? Стулъ, какъ стулъ, абсолютно прочный, и даже, если дѣти на немъ качались, дай Богъ каждому такъ выдерживать.

Или, напримѣръ, буфетъ... Дубовый, я не спорю. Большая важность въ Россіи дубъ. И какая нибудь рѣзная собака на дверкахъ. Или заяцъ, пусть себѣ заяцъ. Но при этомъ, замѣтьте, — ни малѣйшаго стиля. Удобно, солидно, прочно — и непремѣнно выдвижная доска, чтобъ рѣзать хлѣбъ. Въ какомъ стилѣ вы здѣсь имѣете такую доску? Не бросался въ глаза, — но развѣ квартира Лувръ? Или буфетъ это органъ? Зато, когда бывало раскроешь дверку: варенье, наливка, повидло, хоть не ходи въ лавку. А если ѣшь прямо изъ банки и капнешь, не дай Богъ, на дубъ, — никакого несчастья: вытеръ пальцемъ, облизалъ и ни малѣйшихъ слѣдовъ...

А вспомните спальню. Кровать такъ кровать. Никелированные столбики, бронзовыя шишечки. Уютно, блеститъ, гигіенично. И если, между нами говоря, клопы, — поставилъ каждую ножку въ тазъ, выпарилъ кипяткомъ и спи себѣ, какъ царь... Кровать для тебя или ты для кровати? Какой человѣку ночью нуженъ стиль? Зато матрацъ — чистый волосъ, простыня хруститъ, — лежишь, какъ на розахъ... А если ребенокъ когда-нибудь и отвертитъ шишечку, такъ что вы хотите, чтобы онъ съ пулеметомъ игралъ?

Или передняя. Солидный желтый лакъ, вѣшалка на три семейства и еще четвертое можно повѣсить. Кругомъ рѣшетка, сбоку плевательница, внизу калоши... Я для вѣшалки, или вѣшалка для меня?

А теперь имъ нуженъ стиль... Немножко человѣкъ поднялся, такъ онъ выглядитъ желтый, какъ дыня: откладываетъ на столъ — директорію. Купитъ и потомъ ходитъ два дня кругомъ на цыпочкахъ, пока привыкнетъ. И уже стакана съ чаемъ онъ на него не поставитъ, потому что остается пятно. Газеты не положитъ, потому что прилипаетъ шрифтъ. Пепельницу покупаетъ стильную, потому что обыкновенное блюдце къ директоріи не подходитъ. И подбираетъ себѣ вся-

НА « *GRAND PRIX* ».

— **«Способъ разбогатѣть на скачкахъ»!... Купите!**
— **Въ чемъ-же смыслъ, если вы его продаете другимъ?**
— **Именно въ этомъ смыслъ и заключается!**

кіе флакончики: тигровый глазъ, кошачій глазъ, собачій глазъ... Мало у него болячекъ, такъ надо себѣ новыя заводить.

Это, замѣтьте себѣ, только начало. Потомъ онъ приходитъ съ женой, и оба блѣднѣютъ, и оба краснѣютъ, — и выбираютъ себѣ кресло. Людовикъ XIII. Такія крученыя ножки, будто двѣ колбасы переплелись, а середка чтобъ съ гарусной вышивкой и чтобъ непремѣнно вылинявшая, — такъ что мы даже спеціально ставимъ на солнце, чтобы выгорало. И потомъ онъ цѣлый день бѣгаетъ кругомъ и отгоняетъ моль и не позволяетъ ребенку забираться съ ногами и самъ садится только на пять минутъ, потому что въ этихъ Людовикахъ пружины всегда, какъ дама въ сорокъ пять лѣтъ: дрожатъ и не держатъ...

Вы думаете это все? Каждое воскресенье онъ ходитъ ко мнѣ съ разбитымъ сердцемъ, какъ тихій помѣшанный, чтобы подобрать второе кресло. Подбираешь, лѣзешь изъ кожи, — я-же съ этого свой хлѣбъ кушаю. А послѣ начинается: тумбочка къ кровати. Тоже директорія, сверху круглый мраморъ, внизу акажу. Для такой практической вещи, — извѣстно для чего такая тумбочка, — ему мавзолей нуженъ! Будто нельзя очки или зубы положить на табуретку...

Буфетъ? Такъ онъ всѣ рюстики обнюхаетъ. Справа, чтобъ столбикъ съ пастушкой, слѣва — съ монахомъ, посрединѣ мифологія, а сверху такая плоская холера для наружныхъ тарелокъ.... Прямо несчастье. Выберетъ, смотрѣть на него жалко. Онъ-же теперь полгода курить не будетъ, вина и не понюхаетъ... На чемъ его жена экономитъ, я даже и не знаю, должно быть на его аппетитѣ. Дашь ему разсрочку, человѣкъ онъ сравнительно порядочный, и торговать-же я долженъ... И что вы думаете у него, даже и при разсрочкѣ, въ такомъ стильномъ буфетѣ можетъ быть? Три пуговицы отъ жилетки и альбомъ съ родственниками. И цѣлый день ходи съ тряпочкой и вытирай пастушкѣ въ ушахъ...

Вы думаете — все? Черезъ мѣсяцъ онъ приходитъ: достань ему ларь для передней. На вѣшалкѣ гости его раздѣваться не могутъ... Надо имъ раздѣваться со стиломъ, чтобы непремѣнно ларь... Чтобы половина пальто на крышкѣ, а другая на полу. И тоже съ мифологіей и съ бархатнымъ верхомъ. Конечно-же онъ весь проточенный, какъ ситечко, потому что всякій рюстикъ обязательно весь насквозь въ дыркахъ... Червячки у нихъ такіе есть французскіе. Въ Россіи у насъ, слава Богу, безъ нихъ обходились. Шпаклевкой замажешь, воскомъ затрешь, — ничего. Но вѣдь совѣсть я, все таки, имѣю, человѣка мнѣ, все таки, жалко...

Ну подумайте сами, зачѣмъ эмигранту ларь? Для гроба онъ короткій, для сундука длинный... Поставь, наконецъ, два чемодана рядомъ, задрапируй пледомъ, вотъ тебѣ и ларь... Конечно-же я не самоубійца, этого я ему не говорю.

Такъ и это не все. Въ одинъ прекрасный день приходитъ мадамъ, — достань ей кушетку Рекамье. Съ лебедемъ. Иначе она не можетъ... Мучаюсь, достаю. Но вы-же понимаете, когда женщина уже вся, какъ позавчерашній шпинатъ, зачѣмъ ей Рекамье? Зачѣмъ ей такая рамка, когда уже съ картины вся краска лупится... Онѣ никогда не понимаютъ. И я не вмѣшиваюсь. Я хочу продать, а не получить протоколъ. За стиль я отвѣчаю, за дезинфекцію я тоже отвѣчаю, зачѣмъ-же я еще за чужую глупость отвѣчать буду?

И опять — новое дѣло. Пришлешь все это болѣе-менѣе чистенькое. Тусклый блескъ... Что-же вы хотите, чтобы Людовики блестѣли, какъ лакированные ботинки? Такъ они недовольны. И мужъ покупаетъ какой-нибудь патентованный «Блескъ для всѣхъ» и натираетъ, какъ идіотъ, всѣ эти акажу, такъ что сердце болитъ смотрѣть. И, конечно, выходитъ вродѣ оспы. Они всѣ думаютъ, что играть на балалайкѣ надо учиться, а полировать можетъ каждый эмигрантъ, — оторветъ рукавъ отъ фуфайки, посмотритъ въ самоучитель — и онъ уже краснодеревецъ. А потомъ прилетаетъ ко мнѣ, умоляетъ прислать ему интеллигентнаго мастера, который разстояніемъ не стѣсняется. Мастеръ, дѣйствительно, не стѣсняется и наводитъ такую политуру, что потомъ цѣлый мѣсяцъ они кушаютъ одну рѣдьку съ голымъ арапидомъ...

Такъ вотъ, перехожу къ психологіи. Во-первыхъ они думаютъ, что если покупать со стиломъ (и даже съ паспортомъ), — такъ это самое вѣрное помѣщеніе сбереженій. Придется продать, — какой-нибудь «пудрезъ» изъ птичьяго глаза, Людовикъ пополамъ съ Филиппомъ, — всѣ такъ и прибѣгутъ! Станутъ въ хвостъ и раскроютъ бумажники... Чепуха на подсолнечномъ маслѣ. Я, какъ спеціалистъ, могу вамъ сказать: купить ларь или пудрезъ можетъ каждый болванъ, а чтобъ продать, надо быть по меньшей мѣрѣ Спинозой. И при этомъ имѣть и лавку, и опытъ, и счастье, и я не знаю еще что... Во-вторыхъ, на полный шикъ теперь никого не хватаетъ, хотя эмигранту такъ-же нуженъ шикъ, какъ генералъ-губернатору мамка. Что-же получается? Одни, самые умные, хорошо ѣдятъ и не одѣваются; другіе одѣваются и очень плохо ѣдятъ; третьи, самые сумасшедшіе, — покупаютъ акажу, а чѣмъ они питаются, спросите мою бабушку...

Отчего вы не берете коржикъ съ макомъ? Я такихъ даже въ Житомірѣ не ѣлъ... Вотъ — видите: одинъ уже стоитъ и колупаетъ нормандскую прялку. Надо идти. Будьте пока здоровы. Слыхали вы когда-нибудь въ Россіи, чтобы нормальный человѣкъ покупалъ себѣ прялку?...»

А. Черный.

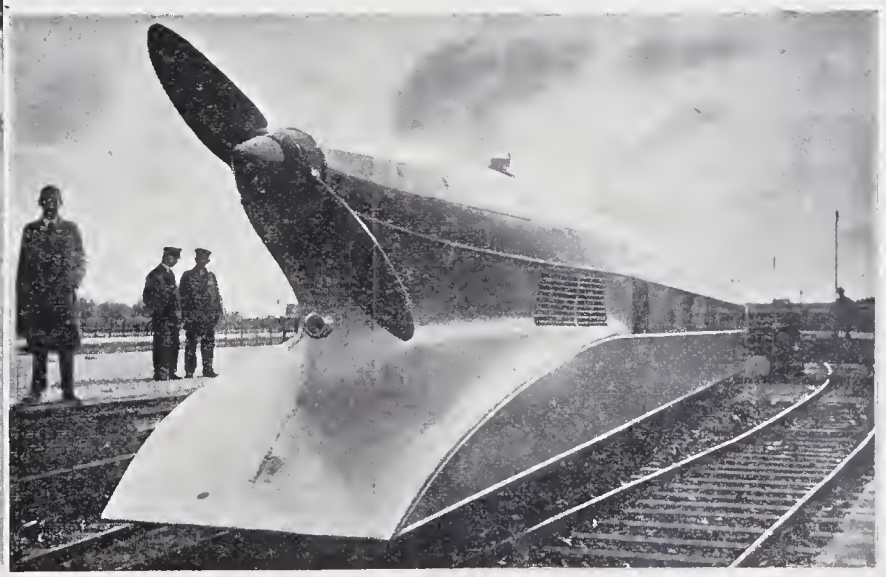
СЕМЬ ДНЕЙ САТИРИКОНА

Конецъ парижскаго сезона.

Праздникъ парижскихъ артистовъ въ Булонскомъ бассейнѣ. Наверху упражненія на кольцахъ надъ бассейномъ и оригинальный купальный костюмъ (артистка Колеттъ Андри). Направо — первый призъ пижамъ для морскихъ купаній (артистка Дюбо).

Знаменитый русскій режиссеръ А. А. Санинъ, вернувшійся въ Парижъ изъ Италіи, выѣзжаетъ въ сентябрѣ на 4 года въ Ньюіоркъ, куда онъ приглашенъ Метрополитэнъ - Опера для оперныхъ постановокъ.

Карлъ Радекъ произноситъ рѣчь о международномъ положеніи въ московскомъ «клубѣ» для иностранцевъ.



«Цеппелинъ на колесахъ», развившій во время опытовъ на желѣзнодорожномъ пути Берлинъ-Шпандау скорость въ 230 километровъ въ часъ, при средней скорости 170 клм.

СМѢХЪ У ДРУГИХЪ

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОРЪ.

Предложеніе.

А что вы скажете, Лизхенъ, если я васъ сейчасъ спрошу...

— О чемъ-же вы меня спросите, если я отвѣчу да?...

(*Fliegende Blaetter.*)

Скептикъ.

— Это, конечно, превосходная профессія, но.. безъ будушаго.

(*Life.*)

Весна.

Весной все кажется поэтичнымъ!...

(*New-Yorker.*)

Сліяніе съ природой.

Только во время дождя и можно сливаться съ природой!..

(*Life.*)

Міровые вопросы.

Съѣздъ портныхъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, сколько должно быть пуговицъ на пиджакахъ въ будущемъ сезонѣ...

(*Punch.*)

У хиромантки.

Линіи вашей руки указываютъ на то, что васъ задушатъ, разрѣжутъ на куски и съѣдятъ...

Простите, пожалуйста, я забылъ снять перчатки.

(*Le Rire.*)

Откровенный разговоръ.

— Милостивый Государь, вы бросились на невинно-пострадавшаго, который направлялся не къ вашей женѣ, а къ горчичной...

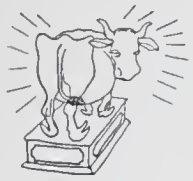
— Оставьте меня въ покоѣ, именно поэтому я на него и набросился!...

(*Le Rire.*)

Русскіе шоферы.

— Какое невезеніе, Иванъ Петровичъ! И безъ того работы мало, а тутъ еще эта испанская эмиграція!...

(*Le Rire.*)



Золотой теленокъ

Романъ изъ совѣтской жизни

Ильи Ильфа и Евгенія Петрова.

(Продолженіе).

Содержаніе предыдущихъ главъ:

«Тридцать сыновей и дочерей лейтенанта Шмидта» спекулируютъ на легковѣріи совѣтскихъ губернаторовъ, предисполкомовъ и проч.

Въ городѣ Арбатовѣ встрѣчаются главные герои романа, они-же и дѣти Шмидта, Остапъ Бендеръ, Шура Балагановъ и бывшій студентъ Паниковскій.

Но въ это время на сцену выступаетъ новый персонажъ, никто Корейко, по геніальности далеко превосходящій всѣхъ дѣтей лейтенанта Шмидта, вмѣстѣ взятыхъ.

Пока Корейко умудряется раздѣть до гола цѣлую автономную республику на югѣ сов. Россіи, вышеупомянутая четверка «Шмидтовъ по призванію» совершаетъ тріумфальный автопробѣгъ изъ Арбатова въ Черноморскъ.

Смыслъ автопробѣга заключается въ томъ, чтобъ опередить на нѣсколько часовъ оффиціальный автомобильный конкурсъ и сіять, такимъ образомъ, тѣнки съ молока...

— Товарища Плотскаго... — сказалъ замѣститель Генриха Наваррскаго, задыхаясь.

— Поцѣлуева, — добавилъ абажуръ.

— Не видѣли? — прокричалъ Наваррскій.

— Онъ здѣсь долженъ прогуливаться, — объяснилъ абажуръ.

Бендеръ отстранилъ Балаганова, который раскрылъ было ротъ для произнесенія ругательства, и съ оскорбительной вѣжливостью сказалъ:

— Товарища Плотскаго, урожденнаго Поцѣлуева, мы не видѣли, но если указанный товарищъ васъ дѣйствительно интересуетъ, то поспѣшите. Его ищетъ какой-то трудящійся, по виду художникъ-пушкарь.

— Какой культурный городъ! — сказалъ Остапъ. — Вы, вѣроятно, замѣтили, Балагановъ, что изъ четырехъ встрѣченныхъ нами гражданъ, четверо оказались художниками. Любопытно.

Сухія краски въ банкахъ, стеклянныхъ цилиндрахъ, мѣшкахъ, боченкахъ и прорванныхъ бумажныхъ пакетахъ имѣли заманчивые цирковые цвѣта и придавали москательной лавкѣ праздничный видъ.

Командоръ и бортмеханикъ придирчиво стали выбирать краски.

— Черный цвѣтъ — слишкомъ траурно, — говорилъ Остапъ. — Зеленый — тоже не подходитъ: это цвѣтъ рухнувшей надежды. Лиловый — нѣтъ. Пусть въ лиловой машинѣ разъѣзжаетъ начальникъ угрозыска. Розовый — пошло, голубой — банально, красный — слишкомъ вѣрноподданно. Придется выкрасить «Антилопу» въ желтый цвѣтъ. Будетъ ярковато, но красиво.

Расплачиваясь съ разговорчивымъ продавцомъ, Остапъ спросилъ:

— Да, кстати, кто такой Плотскій-Поцѣлуевъ? А то мы, знаете, не здѣшніе, не въ курсѣ дѣла.

— Товарищъ Плотскій-Поцѣлуевъ — извѣстный работникъ центра, нашъ горожанинъ. Теперь изъ Москвы въ отпускъ пріѣхалъ.

Все понятно, — сказалъ Остапъ. — Спасибо за информацію. До свиданія!

Весь день антилоповцы красили свою машину. Къ вечеру она стала неузнаваемой и блистала всѣми оттѣнками яичнаго желтка.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня преображенная «Антилопа» покинула гостепріимный сарай и взяла курсъ на югъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

СНОВА КРИЗИСЪ ЖАНРА.

Въ области ребусовъ, шарадъ, шарадоидокъ, логогрифовъ и загадочныхъ картинокъ пошли новыя вѣянія. Работа по-старинкѣ вышла изъ моды. Секретари газетныхъ и журнальныхъ отдѣловъ «Въ часы досуга» или «Шевели мозговой извилиной» рѣшительно перестали брать товаръ безъ идеологіи. И пока великая страна шумѣла, пока строились тракторные заводы и создавались грандіозныя зерновыя фабрики, старикъ Синицкій, ребусникъ по профессіи, сидѣлъ въ своей комнатѣ, и устремивъ остеклянѣвшіе глаза въ потолокъ, сочинялъ шараду на модное слово «индустріализація».

— Индустріализація, — горестно шепталъ онъ, шевеля блѣдными, какъ сырыя котлеты, старческими губами.

И онъ привычно раздѣлилъ это слово на шарадныя части:

— Индусъ. Три. Али. За.

Все это было прекрасно. Синицкій уже представлялъ себѣ пышную шараду, значительную по содержанію, легкую въ чтеніи и трудную для отгадки. Сомнѣнія вызывала только послѣдняя часть — «ція».

Сквозь бѣлую стеклянную дверь балкона видны были цвѣтущія акаціи, латаныя крыши домовъ и рѣзкая синяя черта морского горизонта. Черноморскій полдень заливалъ городъ кисельнымъ зноемъ.

Старикъ подумалъ и написъ на бумагу начальныя строчки:

Мой нѣрвый слогъ сидитъ въ чалмѣ.
Онъ на Востокѣ быть обязанъ.

— Онъ на Востокѣ быть обязанъ, — съ удовольствіемъ произнесъ старикъ.

Ему понравилось то, что онъ сочинилъ, трудно было только найти рифмы къ словамъ «обязанъ» и «чалмѣ». Ребусникъ походилъ по комнатѣ и потрогалъ руками бороду. Вдругъ его осѣнило:

Второй же слогъ извѣстенъ мнѣ,
Онъ съ цифрою какъ будто связанъ.

Съ «Али» и «За» тоже удалось легко справиться.

Въ чалмѣ сидитъ и третій слогъ,
Живетъ онъ тоже на Востокѣ.
Четвертый слогъ поможетъ Богъ
Узнать, что это есть предлогъ.

Утомленный послѣднимъ усиліемъ, Синицкій отвалился на спинку стула и закрылъ глаза. Ему было уже семьдесятъ лѣтъ. Пятьдесятъ изъ нихъ онъ сочинялъ ребусы, шарады, загадочныя картинки и шарадоиды. Но никогда еще почтенному ребуснику не было такъ трудно работать, какъ сейчасъ. Онъ отсталъ отъ жизни, былъ политически неграмотенъ и молодые конкуренты легко его побивали.

Очнувшись отъ своихъ горестныхъ мыслей, старикъ снова взялся за листокъ съ надписью «дебетъ», но въ это время въ комнату вошла дѣвушка съ мокрыми стрижеными волосами и чернымъ купальнымъ костюмомъ на плечѣ.

Она молча пошла на балконъ, развѣсила на облупленныхъ перилахъ сырой костюмъ и глянула внизъ. Дѣвушка увидѣла бѣдный дворъ, который видѣла уже много лѣтъ, — нищенскій дворъ, гдѣ валялись разбитые ящики, бродили переначканные углемъ коты и жестяникъ съ громомъ чинилъ ведро. Въ нижнемъ этажѣ домашнія хозяйки разговаривали о своей тяжелой жизни.

И разговоры эти дѣвушка слышала не въ первый разъ, и котовъ она знала по имени, и жестяникъ, какъ показалось, чинилъ это самое ведро уже много лѣтъ подрядъ. Зося Синицкая вернулась въ комнату.

— Идеологія заѣла, — услышала она бормотанье дѣда, — а какая въ ребусномъ дѣлѣ можетъ быть идеологія? Ребусное дѣло...

Зося заглянула въ старческіе каракули и сейчасъ же крикнула:

— Что ты тутъ написалъ? Что это такое? «Четвертый слогъ поможетъ Богъ узнать, что это есть предлогъ». Почему Богъ? Вѣдь ты самъ говорилъ, что въ редакціи теперь не принимаютъ шарадъ съ церковными выраженіями.

Синицкій ахнулъ. Крича: «Гдѣ Богъ, гдѣ? Тамъ нѣтъ Бога», онъ дрожащими руками втащилъ на носъ очки въ бѣлой оправѣ и ухватился за листокъ.

— Есть Богъ, — промолвилъ онъ печально. — Оказался... Опять маху далъ. Ахъ жалко! И рифма пропадаетъ хорошая.

— А ты вмѣсто «Богъ» поставь «рокъ», — сказала Зося.

Но испуганный Синицкій отказался отъ «рока».

— Это тоже мистика. Я знаю. Ахъ, маху далъ! Что же это будетъ, Зосенька?

Зося равнодушно посмотрѣла на дѣда и посовѣтовала сочинить новую шараду.

— Все равно, — сказала она, — слово съ окончаніемъ «ція» — у тебя не выходитъ. Помнишь, какъ ты мучился со словомъ «теплофикація»?

— Какъ же, — оживился старикъ, — я еще третьимъ слогомъ поставилъ «кацъ» и написалъ такъ: «А третій слогъ, досугъ имѣя, узнаетъ всякъ фамиліи еврея». Не взяли эту шараду. Сказали: «Слабо, не подходитъ». Маху далъ!

Вообще дѣла Синицкихъ были плохи. Ребусы и шарады приносили въ домъ больше волненій, чѣмъ денегъ. Съ домашними обѣдами, которые старый ребусникъ давалъ знакомымъ гражданамъ и которые являлись главной статьей семейнаго дохода, тоже было плохо.

Недовольно задвигавъ плечами, Зося отправилась въ кухню, а когда вернулась, за обѣденнымъ столомъ сидѣлъ послѣдній столовникъ — Александръ Ивановичъ Корейко.

Въ обстановкѣ внѣслужебной Александръ Ивановичъ не казался человѣкомъ робкимъ и приниженнымъ.

Александръ Ивановичъ столовался у Синицкихъ сначала потому, что обѣды тамъ были дешевые и вкусные.

Но съ нѣкоторыхъ поръ цѣна и вкусъ обѣдовъ потеряли для него то отвлеченное и показательное значеніе, которое онъ имъ придавалъ. Если бы отъ него потребовали и онъ могъ сдѣлать это не таясь, то платилъ бы за обѣдъ не шестьдесятъ копеекъ, какъ онъ это дѣлалъ теперь, а три или даже пять тысячъ рублей.

Сегодня, наконецъ, онъ рѣшилъ объявить Зосѣ о своихъ чувствахъ и предложить свою руку, гдѣ бился пульсъ, маленькій и злой, какъ хорекъ, и свое сердце, стянутое сказочными обручами.

— Да, — сказалъ онъ, — такія-то дѣла, Зося Викторовна.

Зося Викторовна озабоченно вздохнула, остановившись передъ зеркаломъ. У нея былъ тотъ спортивный видъ, который за послѣдніе годы пріобрѣли всѣ красивыя дѣвушки. Провѣривъ это обстоятельство, она усѣлась противъ Александра Ивановича и приготовилась слушать. Но Александръ Ивановичъ ничего не сказалъ. Онъ зналъ только двѣ роли: служащаго и подпольнаго милліонера. Третьей онъ не зналъ.

— Вы слышали новость? — спросила Зося. — Побирухина вычистили.

— У насъ тоже чистка началась. — отвѣтилъ Корейко, — многіе полетятъ. Напримѣръ, Лапидусъ-младшій. Да и Лапидусъ-старшій тоже хорошъ...

Здѣсь Корейко замѣтилъ, что идетъ по тропинкѣ бѣднаго служащаго. Свинцовая задумчивость снова овладѣла имъ.

— Да, да, — сказалъ онъ. — живешь такъ въ одиночествѣ, не зная наслажденій.

— Чего, чего не зная? — оживилась Зося.

— Не зная женской привязанности, — замѣтилъ Корейко спертымъ голосомъ.

Не видя никакой поддержки со стороны Зоси, онъ развилъ свою мысль.

Онъ уже старъ. То-есть не то чтобъ старъ, но не молодъ. И даже не то, чтобъ не молодъ, а просто время идетъ, годы проходятъ. Идутъ года. И вотъ это движеніе времени навѣваетъ на него разныя мысли. О бракѣ, напримѣръ. Пусть не думаютъ, что онъ какой-то такой. Онъ хорошій, въ общемъ. Совершенно безобидный человѣкъ. Его надо жалѣть. И ему даже кажется, что его можно любить. Онъ не шикенъ, какъ другіе, и не любитъ бросать слова на вѣтеръ. Почему бы одной дѣвушкѣ не пойти за него замужъ?

«...Старикъ Синицкій сочинялъ шараду на модное слово — индустріализація...»

«...Въ раскрытыхъ настежь буфетахъ искусственныхъ минеральныхъ водъ толпились молодые люди безъ шляпъ, въ бѣлыхъ рубашкахъ съ закатанными рукавами».

Выразивъ свои чувства въ такой несмѣлой формѣ, Александръ Ивановичъ сердито посмотрѣлъ на Зосю.

— А Лапидуса-младшаго дѣйствительно могутъ вычистить? — спросила внучка ребусника.

И, не дождавшись отвѣта, заговорила по существу дѣла.

Она все отлично понимаетъ. Время дѣйствительно идетъ ужасно быстро. Еще такъ недавно ей было девятнадцать, а сейчасъ уже двадцать. А еще черезъ годъ будетъ двадцать одинъ. Она никогда не думала, что Александръ Ивановичъ какой-то такой. Напротивъ, она всегда была увѣрена, что онъ хорошій. Лучше многихъ. И, конечно, достоинъ всего. Но у нея именно сейчасъ какія-то исканія, какія — она еще и сама не знаетъ. Въ общемъ она въ данный моментъ выйти замужъ не можетъ. Да и какая жизнь у нихъ можетъ выйти? У нея исканія. А у него, если говорить честно и откровенно, всего лишь сорокъ шесть рублей въ мѣсяцъ. И потомъ она его еще не любитъ, что, вообще говоря, очень важно.

— Какіе тамъ сорокъ шесть рублей, — страшнымъ голосомъ сказалъ вдругъ Александръ Ивановичъ, подымаясь во весь ростъ. — У меня... Мнѣ..

Больше онъ ничего не сказалъ. Онъ испугался.

Она пацѣпила шляпку и направилась къ выходу. Александръ Ивановичъ двинулся за ней, хотя понималъ, что идти не слѣдовало бы.

На улицѣ Зося взяла Корейко подъ руку.

— Мы все-таки будемъ дружить. Правда?

— Было бы лучше, если бы вы вышли за меня замужъ, — откровенно буркнулъ Корейко.

Въ раскрытыхъ настежь буфетахъ искусственныхъ минеральныхъ водъ толпились молодые люди безъ шляпъ, въ бѣлыхъ рубашкахъ съ закатанными выше локтя рукавами. Синіе сифоны съ металлическими кранами стояли на полкахъ. Длинные стеклянные цилиндры съ сиропами на нертящейся подставкѣ мерцали аптекарскимъ свѣтомъ. Персы съ печальными лицами калили на жаровняхъ орѣхи и угарный дымъ манилъ гуляющихъ.

— Въ кино хочется, — капризно сказала Зося. — Орѣховъ хочется, сельтерской съ сиропомъ.

Для Зоси Корейко былъ готовъ на все. Онъ рѣшился бы даже слегка нарушить свою конспирацію, потративъ рублей пять на кутежъ, но сейчасъ въ карманѣ у него въ плоской желѣзной коробкѣ отъ папиросъ «Кавказъ» лежало десять тысячъ рублей бумажками, достоинствомъ по двадцать пять червонцевъ каждая. Но если бы даже онъ сошелъ съ ума и рѣшился бы обнаружить хотя бы одну бумажку, ее все равно ни въ одномъ кинематографѣ нельзя было размѣнять.

— Зарплату задерживаютъ, — сказалъ онъ въ полномъ отчаяніи, — выплачиваютъ крайне неаккуратно.

Въ эту минуту отъ толпы гуляющихъ отдѣлился молодой человѣкъ въ прекрасныхъ сандаліяхъ на босу ногу. Онъ привѣтствовалъ Зосю поднятіемъ руки.

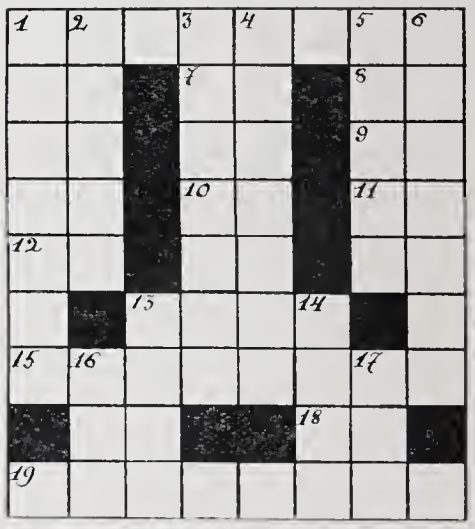
— Привѣтъ, привѣтъ, — сказалъ онъ, — у меня двѣ контрамарки въ кино. Хотите? Только моментально.

И молодой человѣкъ въ замѣчательныхъ сандаліяхъ увлекъ Зосю подъ тусклую вывѣску кино «Камо грядеши», быв. «Кво-Вадисъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРЕСТОСЛОВИЦА № 6.

Составилъ мичманъ Дырка.



Горизонтально: 1. Сумбуръ. 7. Въ чинѣ генерала англійской службы, былъ тюремщикомъ артиллерійскаго поручика, сдѣлавшаго неслыханную даже для генераловъ карьеру. 8. Богъ, которому поклонялись нѣкогда древніе египтяне, а нынче невольно молятся составители крестословицъ. 9. Похожъ на совѣтскій флагъ. 10. Принадлежитъ къ числу восклицаній, издающихся въ кабинетѣ дантиста, но вмѣстѣ съ тѣмъ значится и на винной картѣ. 11. Псевдонимъ знаменитаго русскаго террориста. 12. Греческая буква. 13. Онъ этого не говорилъ, но онъ тоже имѣлъ бы право сказать: «Насъ было двое: братъ и

я». 15. Извѣстенъ многими подвигами, но не главный ли изъ нихъ тотъ, что онъ далъ клятву и сдержалъ ее? 18. Инициалы имени, отчества извѣстнаго современнаго русскаго изобрѣтателя. 19. Итальянскій поэтъ, которому достаточно было бы измѣнить только одну (послѣднюю) букву, чтобы онъ моментально превратился въ дикое животное, да еще во множественномъ числѣ.

Вертикально: 1. Его такъ сказать конкуррентъ, хотя они между собою никогда не сталкиваютъ. Ракъ. Но смѣшно было бы, если бы вы этого Рака съ прописной буквы надѣялись когда-нибудь съѣсть. 2. Въ сущности говоря, онъ былъ любителемъ цыганскаго пѣнія. 3. Портной, но прославился онъ не своимъ мастерствомъ, а бездарностью одного полицейскаго. 4. Говорятъ, что онѣ приносятъ счастье. 5. Ихъ надо опасаться въ пустынѣ, но съ одной измѣненной согласной они въ пустынѣ уже не опасны, но очень опасны въ клубахъ. 6. Его даютъ въ качествѣ слабительнаго. 13. Дочь рынка. 14. Въ старину въ Италіи такъ назывались нищіе. Теперь это слово любятъ употреблять нищіе высокимъ слогомъ газетные передовики. 16. Молитва. 17. Греческій адъ.

Рѣшеніе крестословицы ном. 5.

Горизонтально: 2. Аптека. 6. Эзопъ. 9. Ара. 10. Латъ. 11. Пенитъ. 12. Еле. 13. Якъ. 15. Цюрихъ. 17. Адъ. 19. Лиръ. 21. Охта. 24. Огнь. 25. Зоо. 26. Трое. 27. Партія.

Вертикально: 1. Бѣлена. 2. А. П. 3. Тае. 4. Ершъ. 5. Катя. 7. Залъ. 8. Отенъ. 11. Парма. 14. Корнетъ. 16. Хлоръ. 18. Доза. 20. Иго. 22. Хор. 23. Тотъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

С. П. Валишеву.

Присланныя вами мелочи до такой степени мелки, что напечатать ихъ цѣликомъ мы не рѣшаемся.

Не желая однако, чтобъ вы заподозрили насъ въ придирчивости и мелочности, даемъ мѣсто одной изъ нихъ, самой крупной и.. пусть читатель плачетъ!

Скупой рыцарь.

— Значитъ, вы все на свѣтѣ презираете?

— Все, кромѣ презрѣннаго металла..»

Эхъ, г. Валишевъ! Напрасно вы ведете такой роскошный образъ жизни, и разбрасываете Божій даръ по чужимъ почтовымъ ящикамъ.

«L'ENVERS VAUT L'ENDROIT»

19, rue de Châteaudun.

ПЕРЕЛИЦОВКА

ВСЯКОЙ ОДЕЖДЫ.

ПЕРЕДѢЛКА, ПОЧИНКА

Отдѣленія: 10, rue Sophie Germain (av. d'Orléans).

198, rue St-Jacques (Soufflot)

Подателю сего объявленія 5% скидки.

Редакторъ-издатель: **М. Г. Корнфельдъ.**

Cette Gaine garde le corps jeune

Вы не найдете подобной модели нигдѣ, только у РУССЕЛЬ. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ... Это самая лучшая парижская Gaine... Эластичная, легкая, безъ костей, она надѣвается буквально въ нѣсколько секундъ, облегаетъ ваше тѣло, какъ перчатка, давая полную свободу движеніямъ, устраняя складки на таліи, — эта Gaine въ тоже время, если нужно. утончаетъ вашу фигуру.

Сотканная изъ эластичнаго трико, тонкаго и прочнаго, Gaine красиво выдѣляетъ линію вашего платья и, при большомъ вырѣзѣ на спинѣ, подходитъ и для вечерняго туалета. Ея изящный бюстгальтеръ ручной работы, изъ тонкихъ кружевъ, разъединяетъ грудь и придаетъ ей модную линію. GAINE ROUSSEL имѣются готовыми и могутъ быть сдѣланы на заказъ въ 6-8 дней. Зайдите въ одинъ изъ нашихъ магазиновъ и примѣрьте... Или потребуйте, чтобы Вамъ прислали по почтѣ... Вы будете въ восторгѣ...

ЗАКАЗЫ ПО ПОЧТѢ.

Пояса, заказанные по почтѣ, безпрекословно обмѣниваются. Укажите объемъ груди, таліи и бедеръ (безъ одежды) и ростъ въ сантиметрахъ. Цѣна Gaine полушелк. съ круж. 539 франковъ, изъ чистаго шелка съ круж. 960 франковъ. Изъ бумажной ткани съ круж. 345 франковъ. Пересылка заграницу 25 франковъ.

Въ продажѣ только у

J. Roussel Paris

166 a, Bd Haussmann

SUCCURSALES

83, Bd Malesherbes — PARIS

LONDRES 117, Regent Street, W.I. — LA HAYE 21, Noordeinde — AMSTERDAM 145 Leidschestraat — MILAN 175 via Manzoni — BRUXELLES 144, rue Neuve — LIÉGE 13, rue Vinâve d'Ile

11

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ

„НАША РѢЧЬ“

издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.

Редакторъ-Издатель: С. М. ГАЗІЕВЪ.

Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse*. Въ Парижѣ — въ « *Publicité Metzl* », *Rue de Turbigo*, 51, *Paris VIII*e и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ «Нашей Рѣчи» С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier*, 7, *Paris IX*e.

РЕСТОРАНЪ
“CHEZ KORNILOFF”

6, rue d'Armaillé между avenue Carnot и des Ternes
(Tél. Carnot 52 - 49

Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ влад.
Ф. Д. КОРНИЛОВА.
Prix-fixe Завтракъ — 15 фр.
Обѣдъ — 20 фр. и à la carte

ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА:

Среда — ботвинья; четв. — чахохбили; пятн. — царскій студень; субб. — разсольникъ; воскр. — поросенокъ; пон. — бефъ-буи; вторникъ — пельмени.

Ежедн.: кулебяка, блины, осетрина, рябчики, чахохбили, гурьев. каша
Самый элегантный и уютный русско-французскій ресторанъ Парижа

Общество взаимнаго Кредита “СОЮЗЪ”
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). Tél. Trinité 45-77

Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрышн. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер

Денежные переводы и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9

БОЛѢЮТЪ

и теряютъ трудоспособность часто тѣ, у кого кровь засорена ядами нарушеннаго обмѣна (мочевой кислотой, уратами и пр.). Эти яды быстро растворяются и удаляются изъ организма **извѣстнымъ очистителемъ «КАЛЕФЛЮИДОМЪ Д. КАЛЕНИЧЕНКО»**, который одновременно насыщаетъ организмъ **лечебно-энергіетворными гормонами и жизнетворными витаминами, возстанавливающими здоровье, силы и трудоспособность** и бывшій больной опять пользуется всѣми радостями молодого и здороваго человѣка.

« KALEFLUID », 49, rue Balagny, Bureau 18. Paris (17e)
БЕЗПЛАТНО требуйте литературу, какъ сохранить здоровье.

Аптека

Всѣ патентованныя средства
Всѣ анализы

38, av. Félix-Faure,
Tél. Vaugir. 44-15

Зубоврачебн. кабинетъ **М. Когенъ**
D. F. M. P.
8, Rue Duban (16). Pl. Passy. Auteil 95-14
Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6.
Остальные дни 10-8 час. веч.

А. С. ШАПИРО
Петр. Прис. Пов. licencié en droit
Налоги, натур., уставы, Prud'hommes
11, rue Mogador, tél. Centr. 11-35.
Ежедн. 11-12 и 5-6 ч., суб. 11-12 ч.

ВЕТЕРИНАРНАЯ КЛИНИКА
Проф. Н. А. ИЛЬИНА
Пріемъ: 2-6 ч. кромѣ воскр.
45, avenue Emile Zola, 45,
Tél.: Vaugir. 18-99
ПАНСІОНЪ ВАННЫ

ДЛЯ СЛАБЫХЪ И ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХЪ
MAISON DE REPOS
Doctoresse B. LEVANTISSE

Діэтическій столъ. Прекрасный уходъ. Комфортъ модернъ. Большой садъ. Гидротерапія, Массажъ, Гимнастика. Ультра-фіолетовые лучи, Діатермія.

Постоянное дежурство врача
Комната съ полнымъ пансіономъ, включая уходъ и пр. отъ 50 фр. въ сутки.

(5 минутъ отъ Porte Champerret около 25, Bd Bineau)
47, rue Parmentier,
NEUILLY s/s
Téléphone: MAILLOT 10-84

Паста - Порошекъ - Эликсиръ
ESKA

по форм. С. С. Кострицкаго б. зубн. врача Госуд. Импер.

Наилучшія, научно - обоснованныя средства для ухода за зубами и полостью рта

Продаются только въ аптекахъ

Laboratoires ESKA, A. Hobchette
Dr. en Pharmacie.
76, rue Orfila, PARIS (20)

Прошедшее, настоящее и будущее
Извѣстная Ясновидящая
пріемъ ежедневно, кромѣ воскрес. 3—7 ч. веч.
Mme Cherbatoff
10 rue Froidvaux, второй этажъ
рядомъ съ метро Denfert Rochereau

Дав. Е. Каганъ
Кандидатъ Парижск. Унив.
Взысканія, уставы общ-въ разводы и проч.
новый адресъ:
8, square Port Royal (13)
(15, rue de la Santé)
Télephone Gobelins 61-95
пріемъ 10—12 и 6—8 ч. веч.

КОНДИТЕРСКАЯ
JULIEN
25, rue Bosquet
во дворѣ на право
Téléphone SEGUR 68-27
Métro: Ecole Militaire
доставка на домъ

Издательство «ДОБРО»
въ Варшавѣ
принимаетъ подписку на
« САТИРИКОНЪ »
На 1 мѣс. — зл. 5.50 ; на 3 мѣс. — зл. 15; на 6 мѣс. — зл. 29; на 12 мѣс. — зл. 57.
Подписную плату можно вносить на почтовое конто фирмы «Добро» въ Р. К. О. №9668.

Сатиконъ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи	Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ странахъ, вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза		160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почт. Союза		177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: 51, Rue Vivienne. Paris (2e)
Téléphone: GUTENBERG 05-40

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII. Цѣна отд. ном. 1 шилл.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8. Цѣна отд. ном. 20 л.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tel. Barbarossa 4881. Postscheckkonto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГОЛЛАНДІЯ.	Роттердамъ. — Van Ditmar, Post Box 262, Rotterdam.
ГРЕЦІЯ.	Афины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitorv, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 70 л. с.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko,* Khiabané Post Hané Koutcha Beha es Saltaneh N°4. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovie. Цѣна отд. ном. зл. 1.35.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré.
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York.
	Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra. Цѣна отд. ном. 25 піастр.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors. Ц. отд. ном. ф. м. 6.50
	Выборгъ. — *Ivankov,* Linnankatu, 8, Wiiborg.
	Келломяки. — *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel.
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon,* Goldschmiedstrasse, Reval.
	Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 70 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre,* Ul. Kn. Mihailova br. 27.

17.027 АДРЕСОВЪ АМЕРИКАНСКИХЪ МИЛЛІОНЕРОВЪ
444 " МИЛЛІАРДЕРОВЪ
5410 " АМЕРИК. БЛАГОТВОРИТ. УЧРЕЖД.

Адреса МАНУФАКТУРИСТОВЪ, ИЗОБРѢТАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЕВЪ, БАНКИРОВЪ, КИНО - РЕЖИССЕРОВЪ и др.

100 адресовъ 3 доллара
200 " 5 "
1000 " 18 "

Деньги можете посылать въ любой валютѣ

Наша фирма существуетъ съ 1908 года

Adress: A. R. BOGIN, 201 2nd Avenue

New York, N. Y. U. S. of America

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ **Л. РИХТЕРЪ, Рига**

Представительница Е. Михайловская

9, rue Auguste Vitu, Paris (15). Métro Javel. Tél. Vaugirard 65-59.

САМЫЯ ДЕШЕВЫЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ

Нѣкоторыя цѣны за килограммъ

Масло сливочное въ жестянкѣ **22** фр. **50.** **Грудинка 16** фр.
Сало свиное въ жестянкѣ **16** фр. **Колбаса** сухая 1 с. **28** фр. **50**
Упаковка, страховка, отправка за 5 к. **25** фр., за 10 к. **50** фр.
Пріемъ заказовъ ежедн. не исключая воскр. и праздн. съ 9 ч. у. до 9 ч. веч.

ПЕРЕВОДЫ и ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ на небывало выгодныхъ условіяхъ. Переводы съ ручательствомъ за выплату въ 15 дней.

BANQUE pour l'ARBITRAGE et COMMISSION

6, Rue Buffault. PARIS (9e) Tél. Provence 95-20 и 95-21

TOUT DERNIER CONFORT
ASCENSEUR - CHAUFFAGE CENTRAL - CHAMBRES avec BAINS - EAU CHAUDE ET FROIDE

Tél. VAUGIRARD 10-77
Télégr. Hotelef 5 Paris

PENSION-HOTEL DE LA PORTE DE VERSAILLES

15, rue de la Grotte PARIS (15e)
Angle du Boulevard Lefebre - Près la Foire de Paris)

Nord-Sud : Porte de Versailles - Aut. : Aut. A. G. Bourse - Tram. : 89 Hôtel de Ville

НАЛОГИ Учрежденіе обществъ. Всѣ юридич. акты. Разводъ. Регистрація фирмъ. Выборка патентовъ. Ваисканія. Натурализація. Консультаціи по всѣмъ вопросамъ.

JACQUES KARNAOUCH lic. en droit

3, rue du Pasteur Wagner. (на углу 26, Bd. Beaumarshais), M-ro Bastille
Tél. Roquette 07-66.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ принимаетъ

Комитетъ Помощи Голодающимъ въ Россіи (Comité Russe de Secours)
7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9)
M-o Clichy. Tél. Trinité 29-92 et la suite
Пріемъ исключительно отъ 3--7

IMPRIMERIE
COOPÉRATIVE ÉTOILE
17, rue de la Comète

Téléphone: Invalides 11-50 — PARIS (7) R. C. S. 227.770 — Métro: La Tour-Maubourg

TOUS GENRES DE TRAVAUX
EN TOUTES LES LANGUES

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ТИПОГРАФСКІЯ РАБОТЫ
НА ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала контора журнала

САТИРИКОНЪ

проситъ г.г. подписчиковъ, срокъ подписки коихъ истекаетъ, ВОЗОБНОВИТЬ ЕЕ заблаговременно

РУССКАЯ МАСТЕРСКАЯ ДАМСКОЙ И МУЖСКОЙ ОБУВИ НА ЗАКАЗЪ

MAX

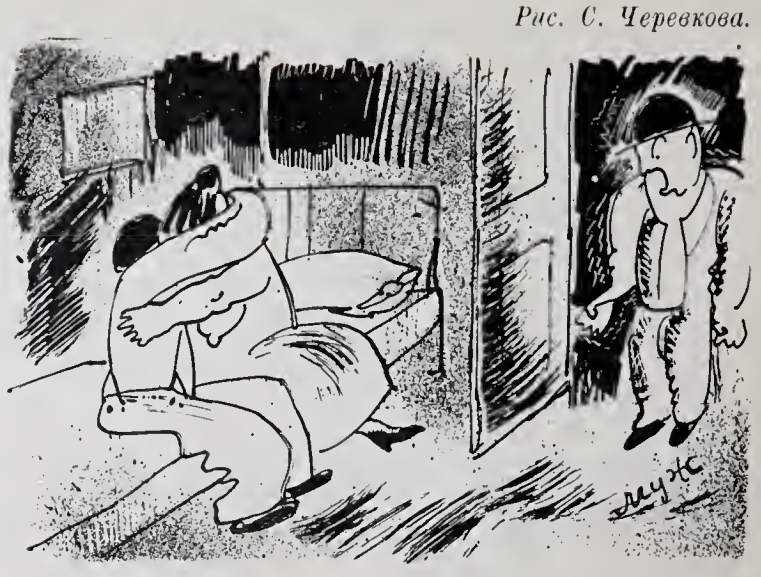
10, Rue Edmond Roger yr. Rue Violet, PARIS (XVe)
Téléphone Vaugirard 52-15.

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), téléph. Inval. 11-50 — Le Gérant : *N. Kornfeld.*

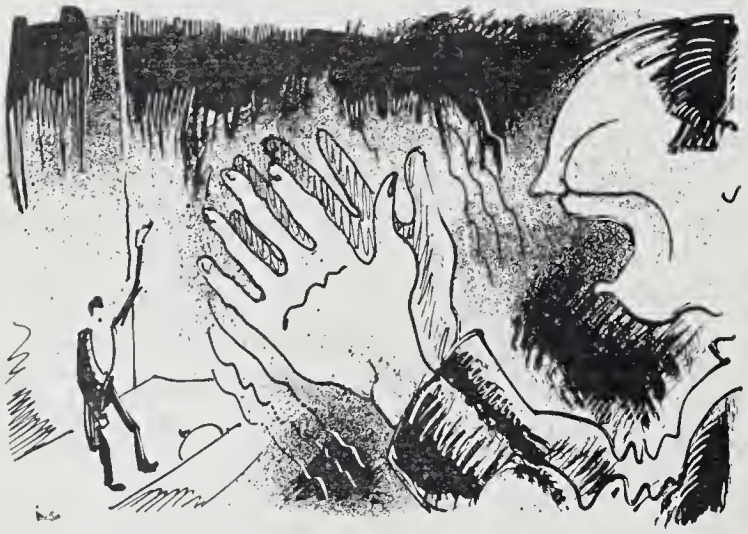
КАКЪ ПРЕДСТАВЛЯЮТЪ СЕБѢ, ЭМИГРАНТСКІЯ ДѢТИ, РОДИВШІЯСЯ ВО ФРАНЦІИ, ОБЫКНОВЕННЫЯ РУССКІЯ СЛОВА...

Рис. С. Черевкова.

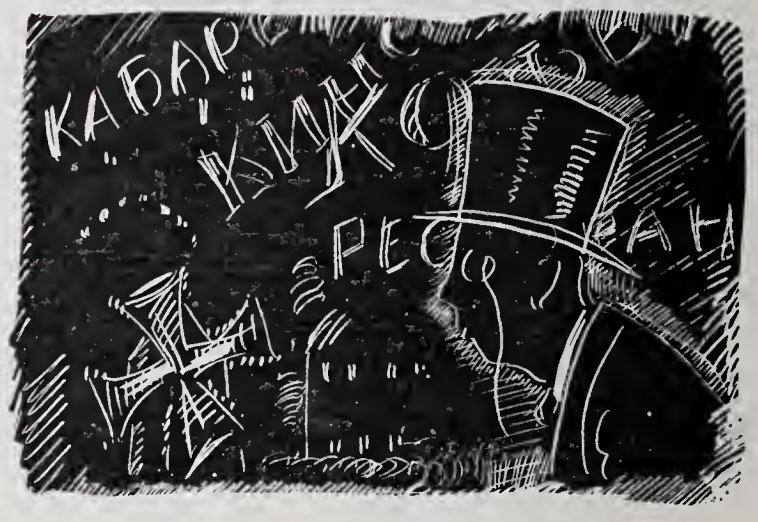
Повѣса.



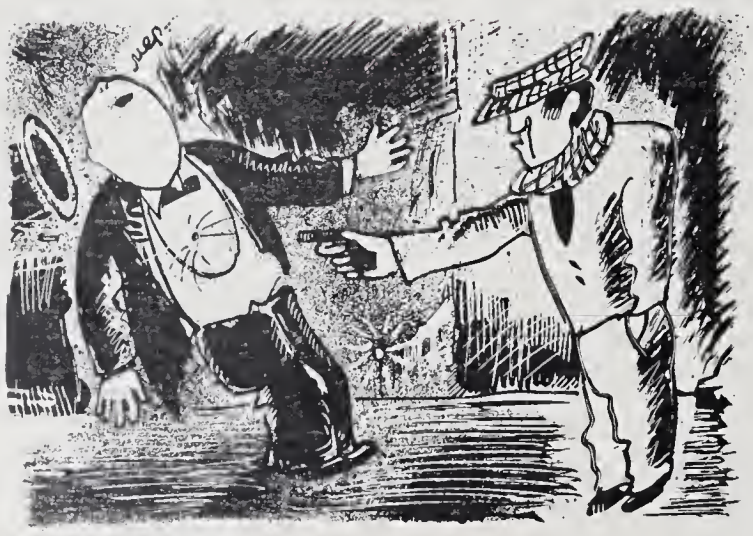
Любитель.



Хлопоты.



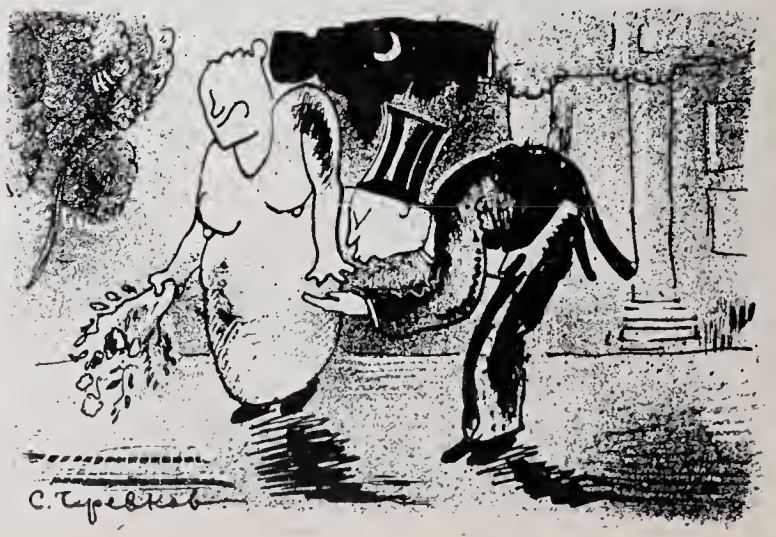
Ночникъ.



Уморитедьный.

Отчаиваться.

Крошить.



И только русское слово «мерси» эмигрантскія дѣти представляютъ себѣ совершенно правильно.

PRIX EN FRANCE : Frs 3. — 11 ІЮЛЯ 1931. 11 JUILLET 1931. — ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

САТИРИКОНЪ

SATYRICON

1931 — ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ — № 15

Hebdomadaire Russe — *Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)* — *Directeur M. Kornfeld*

Рис. А. Шарлю.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ НОМЕРЪ: „КОЛОНІАЛЬНЫЙ“

Рис. Шварца.

ЭКСПЕДИЦІЯ САТИРИКОНЦЕВЪ НА КОЛОНІАЛЬНУЮ ВЫСТАВКУ.

Глава первая.

Рѣшеніе совершить экспедицію на Колоніальную выставку было принято на общемъ собраніи сатириконцевъ, состоявшемся въ помѣщеніи «Сатирикона», подъ предсѣдательствомъ редактора Сатирикона, при генеральномъ секретарѣ Сатирикона и при участіи старыхъ и новыхъ сатириконцевъ, В. А., Д. А., П. Б., В. Г., М. К., С. Ч., чуткой дѣвушки Н. Д. и допущенныхъ къ участію въ засѣданіи на правахъ терпимости къ животнымъ — тэрьера Мики и терпимости къ молодежи — мичмана Дырки (съ правомъ лишь совѣщательнаго голоса).

Засѣданіе открылъ редакторъ «Сатирикона».

Прославивъ въ краткой, но прочувствованной рѣчи былые подвиги сатириконцевъ, ораторъ звучнымъ голосомъ возгласилъ:

— Господа, не посрамимъ и мы знамени добраго звѣря «Сатирикона»!

Покажемъ себя достойными хранителями и продолжателями его традицій!

Старые сатириконны совершили потрясшую всю смѣющуюся Россію экспедицію въ Западную Европу.

Такъ неужели же мы отстанемъ отъ нихъ?

Неужели мы, какъ сказалъ Тарасъ Бульба, будемъ безпечно бабиться съ женами?

Нѣтъ, господа, я вѣрю, что у васъ есть еще порохъ въ пороховницахъ и что онъ еще не отсырѣлъ!

Господа!

Я призываю всѣхъ изъ васъ, кто не трусъ, на экспедицію: на большую экспедицію сатириконцевъ въ Западную Европу!

Послѣ глубокой паузы, заполненной лишь трепетаніемъ хвоста Мики и трепетаніемъ пуховки чуткой дѣвушки, раздался сокрушительный для иллюзій басокъ С. Ч.:

— Но позвольте, какъ же это мы можемъ совершить экспедицію въ Западную Европу? А гдѣ же мы находимся, какъ не въ Западной Европѣ.

— Такъ изъ-за такого пустяка вы предлагаете похоронить блестящую идею и растоптать лучшія традиціи? — запальчиво воскликнулъ Д. А. — Значитъ мы совершимъ экспедицію въ Восточную Европу, вмѣсто Западной. Только и всего!

— Безъ меня, — рѣшительно сказалъ В. А. — Вѣдь Восточная Европа — это Сов. Россія...

Наступила вторая пауза, заполненная прихлебываніемъ чая и лимонада. Но ровно черезъ 45 секундъ она была прервана заявленіемъ редактора и издателя:

— Господа, — сказалъ онъ, — все совершенно ясно. Въ Западную Европу мы дѣйствительно не можемъ ѣхать, потому что мы въ ней находимся. Въ Восточную Европу мы не можемъ ѣхать, потому что насъ туда не пустятъ. Значитъ, се ту т-эндике! — мы должны снарядить экспедицію въ колоніальныя страны: въ Африку, въ Индо-Китай, въ Полинезію...

— Ура! — закричали хоромъ дисциплинированные сатириконцы.

— Господа, — остановилъ ихъ Д. А. — Безъ лишняго энтузіазма! Къ дѣлу! Когда мы ѣдемъ?

— Но позвольте, — вступился П. Б., — а о финансовой сторонѣ экспедиціи въ колоніальныя страны вы подумали? Вѣдь это какихъ-же денегъ должно стоить?

Паузу, которая наступила вслѣдъ за этимъ трезвымъ заявленіемъ, нельзя назвать иначе, какъ тяжелой. Это была свинцовая пауза. Слышно было, какъ пролетѣла только что свершившая все, что суждено было ей свершить, моль, и какъ Д. А. сдунулъ пылинку со стола, за которымъ онъ сидѣлъ. Черныя крылья разбитой надежды осѣнили собраніе.

И вдругъ, — это было ровно въ 10 ч. 35 минутъ, — раздался юношески визгливый голосъ мичмана Дырки:

— Господа, но зачѣмъ же намъ, чтобы обозрѣть колоніальныя страны, мотаться отдѣльно въ Африку, отдѣльно въ Индо-Китай и отдѣльно въ Полинезію? Вѣдь мы можемъ сразу обозрѣть всѣ эти страны, и сколько другихъ еще! — на Колоніальной выставкѣ у Венсенскихъ воротъ!

Читатель самъ можетъ представить себѣ, какой энтузіазмъ вызвало это практическое и полное здраваго смысла и непоколебимой логики предложеніе младшаго члена нашей редакціонной семьи и какъ безславно потонуло въ гулѣ аплодисментовъ шипѣніе Маргарина Пармскаго, съ пѣной и со стаканомъ лимонада у рта доказывавшаго, что мичманъ Дырка, какъ приглашенный съ правомъ лишь совѣщательнаго голоса, вообще не имѣлъ права вносить предложенія.

Разумѣется, предложеніе мичмана Дырки было принято единогласно, при одномъ воздержавшемся (Маргаринъ Пармскій) и одномъ помахивающемъ хвостомъ (собака Мики).

Остальная часть засѣданія прошла въ живомъ и бодромъ темпѣ. В. А. внесъ предложеніе обязать всѣхъ участниковъ экспедиціи на выставку облачиться въ тропическіе костюмы и колоніальныя каски. Предложеніе это было отвергнуто безъ баллотировки. Но зато простымъ поднятіемъ рукъ принято было предложеніе В. Г. отправиться на выставку не скопомъ, а разбившись на нѣсколько бригадъ и выдѣливъ генеральный штабъ. Послѣ преній, въ которыхъ приняли участіе всѣ присутствовавшіе, рѣшено было разбиться на четыре бригады, съ тѣмъ, чтобы первая «взяла» метро, вторая — автобусъ, третья — трамвай и четвертая — септюръ.

Охотно было также принято предложеніе мичмана Дырки, чтобы личные расходы членовъ экспедиціи во время обозрѣнія ими Колоніальной выставки были приняты за счетъ общей кассы экспедиціи, но внесенная въ послѣднюю минуту поправка ограничила эти расходы пивомъ и сосисками.

Во исполненіе всѣхъ этихъ рѣшеній, ровно черезъ недѣлю, а именно 22 іюня 1931 года, въ 11 часовъ утра, четыре бригады сатириконской экспедиціи выступили на Колоніальную выставку четырьмя указанными выше способами передвиженія и ровно въ 12 часовъ были встрѣчены у главнаго

входа на выставку заранѣе выѣхавшимъ туда въ комфортабельномъ такси штабомъ экспедиціи.

Надлежитъ отмѣтить, что въ моментъ, когда сатириконцы, слившись въ одинъ отрядъ, въ стройномъ порядкѣ входили на территорію самой выставки, чтобы тамъ разсыпаться опять по отдѣльнымъ странамъ, хмурое съ утра небо вдругъ прояснилось и на головныхъ уборахъ сатириконцевъ заграли яркіе лучи солнца.

И въ тотъ же моментъ раздались звуки гонга, тамъ-тамовъ, львиное рыканіе и обезьяній визгъ.

Совпаденіе! — скажутъ враги «Сатирикона». Можетъ быть! Но сатириконцы не замедлили истолковать эти явленія природы и музыки какъ благопріятныя предзнаменованія, въ чемъ они и не ошиблись.

Ровно въ 12 час. 15 мин., едва успѣвъ выпить по кружкѣ пива и съѣсть по парѣ сосисокъ, сатириконцы прошли индѣйской фалангой мимо М.. Г. Корнфельда, отдавая честь знамени «Сатирикона», которое онъ держалъ за древко, а въ 12 час. 17 минутъ, подъ свистъ боцманской дудки мичмана Дырки, разсыпались казачьей лавой по территоріи выставки.

Впереди всѣхъ тотчасъ же очутился мичманъ Дырка, преслѣдуемый по пятамъ тэрьеромъ Микой.

ГЛАВА 2-ая.

20 demis blonde	30 fr.
18 demis brune	27 fr.
9 vermouth-cassis	31 fr. 50 c.
14 Mandarin-Curaçao	61 fr.
16 bocks panachés	32 fr.
Total	181 fr. 50 c.

ГЛАВА 3-ья.

Такимъ образомъ, только одна чуткая дѣвушка, которая живетъ одной только чуткостью, а жажды не испытываетъ, оказалась на высотѣ, и подошла къ вопросу серьезно и научно.

Слоны.

Педагогическій отдѣлъ выставки представленъ слонами. Отличительные признаки слоновъ — мягкія уши и матріархатъ. Слониха — женщина сырая и полногрудая. Воспитаніемъ слона-дитяти завѣдуетъ отецъ-слонъ.

Дитя получаетъ воспитаніе наслѣднаго принца: избытокъ благополучія и никакой самостоятельности. Гуляетъ оно исключительно въ ногу со старшими. Каждыя пять минутъ его подводятъ къ матери на предметъ усиленнаго питанія слоновымъ молокомъ, что для слоновъ очень полезно, а для посѣтителей выставки поучительно.

Львы и львицы.

Львовъ кормятъ сырымъ мясомъ и безъ всякихъ овощей. При чемъ каждаго порознь, во избѣжаніе классовыхъ стычекъ.

Аппетитъ этихъ царей природы привлекаетъ особое вниманіе посѣтителей выставки.

Городское населеніе, не отходя отъ клѣтки, занимается умноженіемъ съ десятичными дробями, и высчитываетъ вслухъ, что каждый средній левъ съѣдаетъ въ среднемъ пятьдесятъ ресторанныхъ порцій. Умноженныя на среднюю цѣну въ четыре франка за вычетомъ восьми сантимовъ на маргаринъ, ибо мясо сырое, порціи эти и составляютъ т. н. львиную долю, ложащуюся налоговымъ бременемъ на плечи каждаго, даже такого, который еще ни разу не былъ на выставкѣ.

Львица ведетъ себя, какъ синематографическая звѣзда на пляжѣ. Дѣлаетъ видъ, что любуется природой, а сама все высматриваетъ и принимаетъ позы. Вернется въ пустыню, будетъ устраивать при свѣтѣ тропической луны файвъ-о-клоки, и говорить:

— Когда я была въ Парижѣ... Полицейскіе разгоняютъ толпу... Аппараты щелкаютъ... Такъ странно, — ни одна тигрица почему-то не пріѣхала на этотъ сезонъ въ Парижъ...

Прочая фауна.

Газели употребляются въ пищу и для выраженія нѣжности.

Зубры — явленіе слишкомъ извѣстное русской эмиграціи, а кромѣ того ихъ и вообще на выставкѣ не имѣется.

Обезьяны поражаютъ своимъ зябкимъ видомъ. Ко всеобщему разочарованію, онѣ ѣдятъ салатъ и цѣлуются гораздо меньше, чѣмъ мирное парижское населеніе въ часы наплыва въ вагонахъ метро.

Изъ птицъ заслуживаютъ вниманіе аисты, привезенные изъ Эльзаса.

По природѣ, они совершенно лишены темперамента и, несмотря на черно-розовое опереніе, цѣлый день стоятъ на одной ногѣ, и такъ, не мѣняя позы, и плодятся.

Общія понятія объ Африкѣ.

Въ Африкѣ почва изъ гравія. Европейская нога тамъ не бывала, а если и бывала, то только для того, чтобы портить каблуки.

Климатъ въ Африкѣ до того жаркій, что жители загораютъ еще въ утробѣ матери и поэтому родятся неграми.

Негры очень добры и чисты душой.

Между бѣлымъ и чернымъ населеніемъ существуетъ тѣсная связь. Любая негритянка за какіе-нибудь пятьсотъ франковъ становится вѣрной женой. Однако, слѣдуетъ отнестись къ этому явленію діалектически. Выгоды: легкость развода и экономія на туалетахъ.

Невыгоды: запахъ кокосоваго масла и днемъ и ночью, и бѣшеные расходы на зубную пасту, поѣдаемую подругой жизни въ невѣроятномъ количествѣ.

Африканскіе кафэ называются джунглями. Въ кафе этихъ тьма европейцевъ и даже общихъ знакомыхъ. Я видѣла издали многихъ изъ нашихъ сотрудниковъ, начинавшихъ уже ассимилироваться съ мѣстнымъ населеніемъ при помощи дэми и боковъ.

Населеніе Африки рѣзко дѣлится на военное и гражданское.

Военные — живые, и неподвижно стоятъ на часахъ.

Гражданскіе — унылые, лоснящіеся, но зато часовъ не наблюдаютъ.

Религія у негровъ неуютная. Богъ деревянный и съ клыками. Жрецы — съ дрекольями и голсвешками.

Будущая жизнь темна, не взирая на точное понятіе объ обѣщанномъ раѣ, про который сказано, что: — съ милымъ рай и въ шалашѣ.

Въ ожиданіи шалаша, земная жизнь проходитъ на сваяхъ, а у бѣдняковъ и просто на корточкахъ.

Негритянки большія феминистки и поэтому выполняютъ всю черную работу, включая кормленіе дѣтей и танецъ живота. Это отразилось и на поэзіи, что явствуетъ изъ небезизвѣстнаго негро-цыганскаго романса:

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРѢЧА.

Рис. Г. Шильтяна.

— Неужели вы меня, Марья Ивановна, не узнаете?...

«ОНИ ИДУТЪ, ЦВѢТНЫЕ КАРАВАНЫ...»

Рис. Шварца.
На тему К. Бальмонта.

«Будетъ нѣкогда день, и погибнетъ бѣдняжка Европа»,
И.. вы, бѣлокурая миссъ, и я... за компанію съ вами!..

Бѣлыя очи, черная грудь
До самой полночи мнѣ спать не даютъ,
Эхъ, распошелъ и т. д.»

Маленькіе негритосы привязаны къ спинѣ матери. По достиженіи зрѣлости, они со спины прыгаютъ прямо внизъ, становятся на ноги и тутъ-же начинаютъ плясать чарльстонъ. Поощряетъ ихъ къ этому ритмическая музыка, извлекаемая изъ аллюминіевыхъ кастрюль.

Африка поставляетъ исключительно предметы роскоши: тигровыя шкуры для будуаровъ, крокодиловыя сумочки для любимыхъ женщинъ и танцоровъ для одинокихъ женщинъ.

Заботливая администрація слѣдитъ за народнымъ здоровьемъ и время отъ времени переселяетъ застоявшееся въ тропическомъ болотѣ населеніе въ болѣе мягкіе климаты сосѣднихъ павильоновъ. Не щадя своей жизни, я пыталась проникнуть все глубже въ самыя дебри, но въ это время послышался радостный визгъ нашего дорогого, континентальнаго фокса и дружественные голоса собратьевъ по перу.

Въ теченіе трехъ съ половиной часовъ, пока я честно выполняла порученіе редакціи, эти потомки Петронія упивались темнымъ и свѣтлымъ пивомъ, и притомъ въ такомъ количествѣ, что когда имъ подали счетъ, у нихъ сразу-же потемнѣло въ глазахъ, и конечно смотрѣть на выставку имъ уже не хотѣлось.

Фоксъ тихо взвизгивалъ, въ такси было тѣсно и пахло пивными дрожжами, а милѣйшій и безволосый М. К. только повторялъ на каждомъ ухабѣ: — Какая вы чуткая, какая молодая, какая любознательная!...

КОЛОНІАЛЬНЫЙ ДЕНЬ.

Со сконфуженной улыбкой
Влѣзъ я въ поѣздъ лилипутскій,
Подобралъ повыше ноги, —
Въ сердцѣ — вѣтеръ, въ пяткахъ — зудъ...
Сквозь кусты летятъ - ныряютъ
Разноцвѣтные кіоски, —
Дѣти, что-ли, ихъ слѣпили
Изъ халвы и пастилы?
Тарахтятъ-гремятъ колеса...
Сонно озеро блеснуло.
Здравствуй, башня въ бычьихъ мордахъ!
Сомали! Мадагаскаръ!
Дама рядомъ вертитъ ножкой...
Ахъ, сударыня, простите!
Не могу-жъ я разорваться, —
Или башня или вы...

Кругосвѣтнымъ хороводомъ
Обогнули кругъ волшебный:
Въ головѣ лапша цвѣтная,
Гроздья крышъ и куполовъ...
Полъ-милльона потныхъ ближнихъ!
Вправо двинуться иль влѣво?
Въ ресторанъ антропофаговъ?
Или къ лону синихъ водъ?
Подъ соломеннымъ наметомъ
Глянцевитый, толстый идолъ
На меня уставилъ строго
Пупковидные глаза...
Я воткнулъ ему подъ мышку
Смятый свой путеводитель
И, пугливо озираясь,
Скрылся въ зарослях кустовъ.

Въ итальянской строгой залѣ
Дышатъ ангелы прохлады...
На стѣнѣ вдоль картъ мигаютъ
Свѣтляками маяки.
За витриной мелкій жемчугъ,
Пряжа, кофе и кораллы...
Но душа моя надулась:
«Къ черту пряжу! Ухожу!»

Въ нидерландскомъ павильонѣ
Было, право, интереснѣй:
На скамейкѣ иностранка
Изучала томно планъ...
О, кудрей льняная пряжа!
О, лукавыхъ губъ кораллы!
И глаза, какъ зерна кофе, —
По семнадцать франковъ фунтъ...

Дотащился до звѣринца...
На площадкѣ голой спали
Львы, брезгливо повернувшись,
Къ пестрой публикѣ спиной.
Въ ровъ жираффъ забрался тощій
И, какъ нищій, клянчилъ пищи...
Я облатку аспирина
Сунулъ въ ротъ ему, смутясь...
Въ три ряда на бурыхъ скалахъ
Возсѣдали павіаны:
Можетъ быть у нихъ былъ раутъ
Иль научный рефератъ?
На бугрѣ облѣзлый страусъ
Въ пыль струей зеленой прыснулъ...
Я смущенно отвернулся
И пошелъ, вздыхая, прочь.

Все, что надо, я продѣлалъ:
Полчаса глазѣлъ, какъ негры,
Звѣрски дергая задами,
По помосту дули вскачь...
Обошелъ базаръ тунисскій, —
Всѣ духи тамъ перенюхалъ
И купилъ зачѣмъ-то каску
Изъ прессованной трухи...
Куполъ крѣпости суданской
Всласть глазами я ощупалъ,
Сосчиталъ вверху всѣ палки,
Выпирающія вбокъ...
И потомъ стопой смиренной
Обошелъ я храмъ Ангкорскій...
Ахъ, пожить-бы въ этомъ храмѣ
Одному недѣли три!

Чтобъ у входовъ часовые
Отгоняли всѣхъ знакомыхъ,
Чтобъ во всемъ огромномъ храмѣ
Только я и дактило...
Чтобъ... Но сумерки сгустились.
Выползъ къ озеру усталый...
О, измученныя пятки!
О, прилипшій воротникъ!
Переливчатымъ каскадомъ
Вспыхнулъ пестрый дымъ фонтановъ, —
Я задумчиво и скорбно
Ѣлъ подъ елкой бутербродъ.
Ѣлъ и думалъ, содрогаясь:
— Какъ теперь я съ этой каской
Проскользну въ метро ночное, —
Въ человѣческую кашу,
Въ человѣческій компотъ?!

А. Черный.

Рис. Н. Ильина.

О, Ханумъ, звѣзда восточная,
Нѣгъ и нѣжности обѣтъ!
Красота твоя порочная
Словно розовый шербетъ...
Ахъ, недаромъ сердцу хмурому
Надо высшихъ совершенствъ —
И въ раю готовы гуріи
Для неслыханыхъ блаженствъ!...

ЕДИНСТВЕННОЕ СРЕДСТВО.

Иногда на колоніальной выставкѣ посѣтитель попадаетъ въ положеніе непредусмотрѣнное ни путеводителемъ, ни администраціей выставки. Выйти изъ этого положенія можно только при помощи собственной находчивости и нѣкоторой доли хитрости, вполнѣ допустимой въ цѣляхъ самоохраненія и сохраненія устойчиваго душевнаго равновѣсія.

Дѣло было такъ. Нѣкто Томилинъ, жизнерадостный и любознательный эмигрантъ поѣхалъ въ первый разъ на выставку вмѣстѣ со своими сосѣдями — мужемъ и женой и ихъ семилѣтнимъ симпатичнымъ Борькой.

Борькины родители начали ссориться еще въ метро; ссорились они со вкусомъ и съ полнымъ знаніемъ этого дѣла, — вниманія окружающихъ на себя не обращали и самыя ядовитыя реплики подавали другъ другу такъ тихо и съ такой предупредительной улыбкой, что даже хорошо знающій ихъ Томилинъ не сразу понялъ въ чемъ дѣло.

Но на выставкѣ, въ двухъ шагахъ отъ главнаго входа, Борькины родители увлеклись и отстали. И когда Томилинъ у мадагаскарскаго павильона обернулся, — сосѣди сгинули, исчезли, растворились, какъ ласточки въ утреннемъ туманѣ. Рядомъ съ нимъ былъ только ничуть не растерявшійся Борька, крѣпко уцѣпившійся за его руку... Пришлось тащить его на буксирѣ дальше.

И вотъ тутъ-то и началось.

— Почему, дядя, на башнѣ коровьи морды? — спросилъ Борька, подхлестывая самъ себя пяткой.

— Не коровьи, а бычьи.

— Почемъ вы знаете? Туловищевъ вѣдь нѣту...

— Знаю и конецъ.

— А для чего бычиныя морды?

— Бычьи!

— Для чего бычьи?

— Для красоты.

— Скажете тоже... Для красоты лошадевъ вверху ставятъ или ангеловъ. Для чего бычьи?...

— Отстань, Борька. Ну, скотоводы они, мадагаскарцы... Такъ вотъ... имъ были и нравятся.

— И бараны нравятся... Да отстань ты отъ меня, скипидаръ несчастный.

Но Борька не отставалъ. Не затѣмъ онъ на выставку пошелъ, чтобъ молчать. Родители удрали, пусть дядя Томилинъ отвѣчаетъ.

— Дядя, а дядя... Почему крыши вонъ тамъ одна на другую насажены?

— Для температуры.

— Почему для температуры?

— Подъ верхней крышей жарко, подъ второй полужарко...

— А подъ третьей?

— Подъ третьей бѣлые медвѣди ванну принимаютъ... Клейстеръ! Вотъ пойду, сдамъ тебя въ Аннамскій павильонъ на храненіе и буду гулять одинъ.

— Не сдадите... Такъ я и повѣрилъ. А подъ четвертой крышей?

— Подъ четвертой крышей дикихъ мальчиковъ, которые глупые вопросы задаютъ, крапивой сѣкутъ.

— А, взрослыхъ, дядя, которые глупые отвѣты отвѣчаютъ?...

Вѣдь вотъ мальчикъ! Ужъ, кажется, и спрашивать больше не о чемъ, а онъ найдетъ...

Томилинъ растерянно осмотрѣлъ съ перекрестка всѣ дороги. Хороши сосѣди... Подбросили мальчика и хоть-бы что! Ни шлепнуть его нельзя, ни удрать.. Ловко устроились.

Передъ Ангорскимъ храмомъ, сама архитектура котораго требуетъ чтобы передъ нимъ хоть пять минутъ помолчали, Борька совсѣмъ замучилъ Томилина.

— Почему, дядя, часовые по площадкѣ ходятъ?

— Охраняютъ храмъ.

— Зачѣмъ охраняютъ? Развѣ онъ убѣжитъ?

— Тамъ внутри золотая мышь на столбѣ стоитъ. Чтобъ не украли.

— А если подкопъ сдѣлать? Они не замѣтятъ?

— Замѣтятъ, чертъ! Проволоки съ колокольчиками проведены къ мышиному хвосту.

— О! здорово! А почему правый часовой стоитъ, какъ слѣдуетъ, а лѣвый зѣваетъ?

— Потому что... у него сонная болѣзнь.

— Какая, дядя, сонная? А есть и безсонная?

Томилинъ посмотрѣлъ уныло вдаль. направо и налѣво.

Господи, сколько еще павильоновъ и кіосковъ и башенъ... и вопросовъ... и отвѣтовъ.

— Дядя, а дядя! Почему на столбахъ такіе смѣшные грибы?

— Это не грибы, это лотосы.

— Что такое лотосы?

— Цвѣты! Алебастровые! Для красоты! Для освѣщенія!... Точка!

— Зачѣмъ для освѣщенія?

Но Томилинъ ничего не отвѣтилъ, быстро перешелъ черезъ дорогу и остановился, раскрывъ ротъ, передъ негритянской бурой крѣпостью.

Не успѣлъ Борька задать первый вопросъ, какъ дядя Томилинъ дернулъ его за рукавъ и сердито спросилъ:

— Ну, ты скорѣй. Что это за штука такая?

— Крѣпость... чернокожая, — отвѣтилъ озадаченный Борька.

— Ага, крѣпость! А почему вверху во всѣ стороны балки торчатъ?

Борька смущенно пожалъ плечами и промолчалъ.

— Ага, не знаешь! Почему цвѣтъ такой паршивый, будто крѣпость изъ тухлой говядины сдѣлана? Почему зубцы вокругъ стѣнъ? Почему на верхней балкѣ голубь сидитъ?

— Вы, дядя, теперь все время спрашивать будете?

— Все время. Пока не найдемъ твоихъ родителей. Сколько лѣтъ вонъ тому старому негру, который изъ камышевыхъ воротъ выходитъ?

— Семьдесятъ три.

— Почему не восемьдесятъ два? Почему у него сзади на штанахъ заплата?...

Борька понялъ, что дѣло плохо. Дядя Томилинъ, оказывается, тоже умѣетъ вопросы задавать.

— Дядя, а дядя, знаете что... Пойдемъ ѣсть мороженое, а потомъ пойдемъ къ звѣрямъ!... И спрашивать больше не будемъ. Ни я, ни вы. Будемъ сами догадываться. Хорошо, дядя?

Конечно, дядя Томилинъ сразу согласился. Еще бы онъ не согласился!

Скрутъ.

●

ДОБРОСОВѢСТНЫЙ НЕГРЪ.

Сэмъ пришелъ въ желѣзнодорожное депо въ Санъ-Франциско и обратился къ дорожному мастеру:

— Масса, нѣтъ-ли какой-нибудь работы для бѣднаго и честнаго негра?

— А что ты умѣешь дѣлать? — спросилъ мастеръ. — Спеціальность есть?

— Я все умѣю дѣлать, — отвѣтилъ Сэмъ. — Что прикажете, то и буду дѣлать.

Умильная рожа Сэма понравилась мастеру.

— Ладно, — сказалъ онъ. — Вонъ возьми тамъ бидонъ съ керосиномъ и тряпку и иди прямо по рельсамъ. Если увидишь гдѣ на стыкѣ ржавчину, обмакни тряпку въ керосинъ и сотри.

Сэмъ взялъ бидонъ и тряпку и пошелъ.

Прошли три недѣли. Сэмъ не возвращался. Мастеръ и думать о немъ забылъ. Рѣшилъ, что негръ соблазнился полнымъ бидономъ съ керосиномъ и сбѣжалъ съ нимъ.

Но на двадцать четвертый день мастеръ получилъ телеграмму:

«Дошелъ до Чикаго, вышлите срочно еще керосину и еще тряпку. Сэмъ».

КОРИЧНЕВАЯ ОПАСНОСТЬ.

«Они идутъ, цвѣтные караваны».
К. Бальмонтъ.

Дирекція обращаетъ вниманіе почтеннѣйшей публики на картину пробужденія народовъ Индіи подъ руководствомъ опытнаго спеціалиста, по фамиліи Махатма-Ганди, имя и отчество неизвѣстно.

Не получивъ никакого высшаго образованія, этотъ благородный индусъ идетъ ощупью, но все время пѣшкомъ.

Переходя изъ города въ городъ, и нигдѣ не останавливаясь, онъ незамѣтно приближается къ одному изъ лучшихъ произведеній индійскаго Эпоса, а именно къ стихотворенію господина Некрасова, Дядя Власъ, что въ переводѣ на туземное нарѣчіе и означаетъ Махатма-Ганди.

«— Въ армякѣ, съ открытымъ воротомъ, съ непокрытой головой...»

Но, конечно, имѣется одинъ маленькій анахронизмъ, или говоря точнѣе, цвѣтъ лица и туловища.

Такъ называемый couleur local.

Несмотря, однако, на скучное отношеніе великобританскихъ властей къ couleur'у, народное движеніе идетъ впередъ и если все будетъ идти нормально, то на нашъ вѣкъ хватитъ.

Ибо не слѣдуетъ забывать, что Индія занимаетъ изрядную площадь, величиною въ пять съ половиной милліоновъ километровъ и при томъ квадратныхъ.

Такъ что двигаться есть куда.

Но съ другой стороны не надо предаваться излишнему легкомыслію и безотвѣтственному оптимизму.

Ибо безпечная русская интеллигенція совершенно напрасно думаетъ, что она все знаетъ и наизусть чувствуетъ.

Потому что съ тѣхъ поръ, какъ въ изданіи «Золотой Библіотеки» бр. Вольфъ, что на Кузнецкомъ мосту, вышла книжка Редіарда Киплинга о джунгляхъ Индіи, весьма многое въ этихъ джунгляхъ очень и очень перемѣнилось.

Поэтому не слѣдуетъ думать, что все тамошнее населеніе состоитъ изъ однихъ голодающихъ индусовъ, которые только то и дѣлаютъ, что дѣлаютъ изъ мухи слона, и потомъ торгуютъ его слоновой костью и съ этого и живутъ.

И совершенно напрасно либеральная русская интеллигенція надѣется, что, если она выйдетъ пробудившимся народамъ Индіи навстрѣчу и споетъ имъ хоромъ пѣсню индійскаго гостя, сочиненную Римскимъ-Корсаковымъ для сольнаго исполненія, то вся коричневая опасность пройдетъ мимо, или свернетъ въ сторону.

Дирекція предупреждаетъ почтеннѣйшую публику, что судя по портрету, никакихъ шутокъ этотъ Власъ Ганди не понимаетъ.

Не такой это дядя, чтобъ шутить.

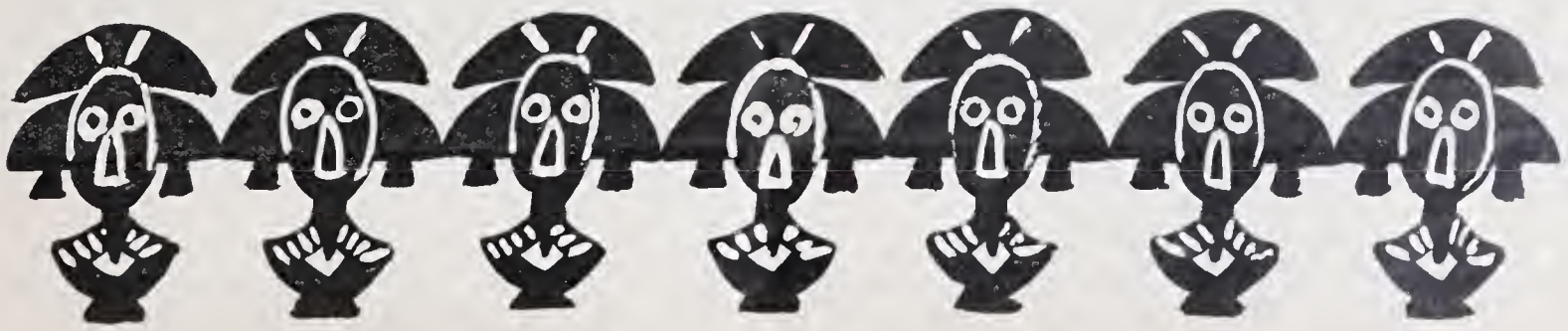
Поэтому можетъ выйти большая заворушка и наплывъ магараджей въ шестнадцатый арронднсманъ...

Вслѣдствіе чего на очередь ставится вопросъ о нежелательныхъ иностранцахъ и о преимуществахъ земской давности для русскихъ бѣженцевъ.

И пусть неудачникъ плачетъ.

Не можемъ-же мы каждыя десять лѣтъ устраиваться заново и начинать все сначала: и паспорта, и визы, и полдюжины моментальныхъ фотографій, и репризъ за квартиру, и покупку мебели на пюсахъ, и экзамены на картъ-розъ, и инфляцію, и стабилизацію, и штаны въ разсрочку, и прочее...

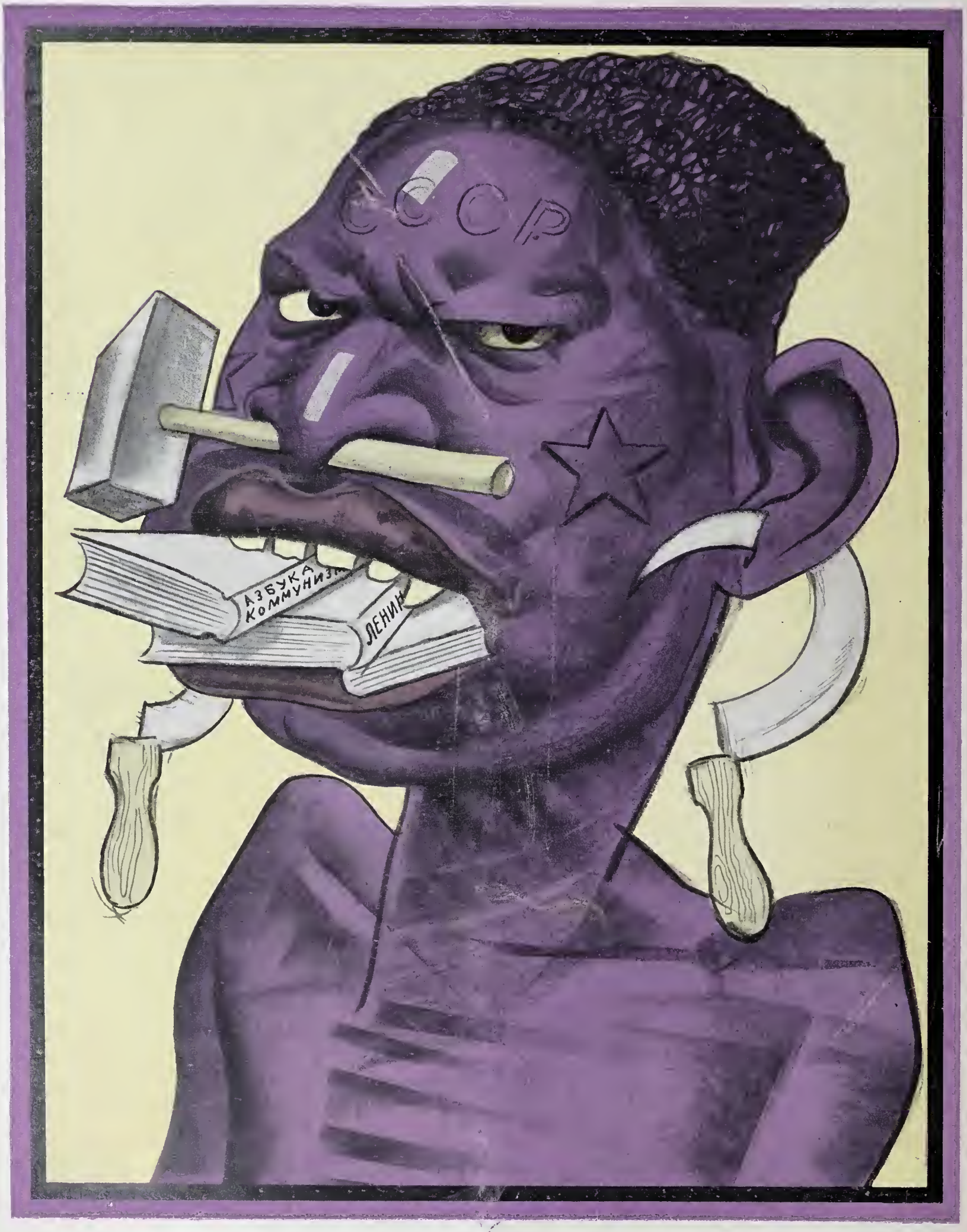
Генри Лонгфелло-Юніоръ.



КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Pour ceux qui cherchent à comprendre le sens de la Révolution Communiste

Рис. А. Шарапо.



КОЛОНІАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СТАЛИНА.

LA POLITIQUE COLONIALE DE l'U. R. S. S.

«НАШИ ЗА-ГРАНИЦЕЙ».

(ГЕРОИ ЛЕЙКИНА НА КОЛОНІАЛЬНОЙ ВЫСТАВКѢ).

Рис. Г. Шильтяна.

Ангкорскій храмъ.

— Не знаю, чѣмъ они восхищаются?... По-моему Сухарева башня можетъ ихнему Ангкору сто очковъ впередъ дать!

Танцовщицы изъ Камбоджа.

— Зачѣмъ ты на нихъ такъ пристально смотришь? Ты-же знаешь, что тебѣ запрещено черное мясо!...

Марокканскіе ковры.

— Боже, какая прелесть!... Ну, прямо нашъ родной кіевскій шовъ, и еще главное болгарскимъ крестомъ насквозь простеганъ!...

Арабскій писецъ.

— Какъ ты думаешь, Ваничка, кто-бы это могъ быть? Муратовъ, или Кулишеръ?!...

ПЛОДЫ ВООБРАЖЕНЬЯ ИЛИ «НѢТЪ ПРОРОКА ВЪ СВОЕМЪ ОТЕЧЕСТВѢ».

Слонъ, у котораго было слишкомъ много воображенья, рѣшилъ, что клыки и хоботъ являются признаками, отличающими военныхъ отъ штатскихъ. Онъ подѣлился своимъ открытьемъ съ другими слонами, тѣ въ свою очередь вообразили себя военными и послѣ водопоя занялись раздачей чиновъ.

Средніе чины слоны подѣлили между собою, т.-е. между слонами же, низшіе, во избѣжаніе обиды и пререканій, упразднили, а высшій, изъ скромности, предложили обезьянѣ.

У обезьяны, разумѣется, не было ни клыковъ, ни хобота, зато она умѣла прыгать по верхушкамъ деревьевъ, что всегда было и будетъ предметомъ мечтаній каждаго слона. (Немногимъ извѣстно, что птицы въ слоновьемъ царствѣ считаются святыми).

Однажды слонъ, тотъ самый, который раньше другихъ вообразилъ себя военнымъ, отмахиваясь отъ мухъ, по неосторожности задѣлъ хоботомъ сидѣвшую на его спинѣ обезьяну-генерала.

Обезьяна подняла дикій визгъ и пригрозила отставкой, если слонъ, обидѣвшій ее, не будетъ примѣрно наказанъ.

Напрасно слонъ увѣрялъ обезьяну, что онъ «не нарочно», что «больше это не повторится», обезьяна оставалась неумолимой.

Судившіе слона пріятели приговорили обвиняемаго лъ лишенію чиновъ, т.-е. «искусственному удаленію клыковъ и хобота, какъ признаковъ, свидѣтельствующихъ о принадлежности къ военному сословію».

Выслушавъ приговоръ, несчастный слонъ мрачно опустился на колѣни и сказалъ:

— Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ...

Удаленье клыковъ и хобота безъ участія опытнаго хирурга могло кончиться весьма печально, но, такъ какъ изъ всякаго безвыходнаго положенья есть всегда тотъ или иной выходъ за границу, — слонъ сталъ эмигрантомъ.

Судьба слона-эмигранта оказалась такой-же, какъ судьба всѣхъ «метековъ». Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ жилъ тѣмъ, что изрѣдка снимался для кино и позировалъ художникамъ.

Дѣла его шли изъ рукъ вонъ плохо: онъ похудѣлъ, осунулся, стаптывалъ копыта въ поискахъ подходящей работы и печаталъ въ газетахъ объявленія о томъ, что «молодой интеллигентный слонъ изъ хорошей семьи ищетъ укротителя».

Укротители не читали газетъ и слону пришлось бы совсѣмъ худо, если бы не колоніальная выставка и сообразительность Икса, мужчины русскаго происхожденія.

Иксъ открылъ на выставкѣ ресторанъ, въ которомъ туземцы объѣдались борщомъ и пожарскими котлетами. Зная, что слоновъ баснями не кормятъ (онъ былъ не совсѣмъ дилетантъ въ ресторанномъ дѣлѣ), Иксъ предложилъ нашему герою половину прибыли, справедливо полагая, что когда герой будетъ стоять передъ рестораномъ въ какой-нибудь картинной позѣ, цѣны на борщъ и котлеты можно будетъ учетверить.

Предположенья Икса оправдались. Ресторанъ торговалъ, какъ нельзя лучше. Слонъ очень подружился со своимъ компаніономъ. Ихъ объединила общая судьба. Богачу, меценату и извѣстному любителю передовыхъ идей въ прошломъ, — Иксу, тоже не удалось стать пророкомъ въ своемъ отечествѣ. Подобно многимъ другимъ отечественнымъ пророкамъ, онъ нашелъ пріютъ на чужестранной кухнѣ...

Антиной Килькинъ.

УРОКЪ ДЕЛИКАТНОСТИ.

На американскомъ кладбищѣ японецъ кладетъ на могилу своего отца чашечку съ варенымъ рисомъ.

— Когда же твой покойникъ встанетъ, чтобъ съѣсть этотъ рисъ? — съ насмѣшкой обращается къ японцу подошедшій къ сосѣдней могилѣ съ букетомъ цвѣтовъ въ рукахъ американецъ.

— Сейчасъ же послѣ того, какъ вашъ покойникъ встанетъ, чтобы понюхать цвѣты, которые вы ему принесли, — отвѣтилъ японецъ.

МЕСТЬ ДЯДИ ТОМА.

Салли Браунъ сидѣлъ на лавочкѣ у своего деревенскаго дома и курилъ трубку на сонъ грядущій. Время было позднее. Пора была идти спать. Изъ своей хижины выползъ дядя Томъ. Старый дядя былъ въ сапогахъ.

— Томъ? — удивился Салли Браунъ. — Куда же это ты собрался на ночь глядя? Сапоги даже надѣлъ.

— Ничего не подѣлаешь, — вздохнулъ Томъ, — надо въ городъ идти, письмо опустить сыну.

— Въ городъ для этого идти? — удивился Салли Браунъ. — Это чего же ради? Почему же ты не можешь опустить письмо въ почтовый ящикъ въ мелочной лавочкѣ Смита? Все равно оно пойдетъ рано утромъ.

— Благодарю васъ, — сказалъ дядя Томъ. — Смитъ у меня яицъ не покупаетъ, а покупаетъ у тетки Клары, такъ пусть тетка Клара и опускаетъ въ его почтовый ящикъ свои письма, а я ему этого удовольствія не сдѣлаю.

БЛАНЪ Э НУАРЪ.

М а м а . — Сегодня у тебя шея еще чернѣе, чѣмъ обыкновенно.

С ы н о к ъ. — Ничего подобнаго, мама. Это тебѣ такъ кажется, потому что я надѣлъ чистый воротникъ.

ТЕОРІЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ.

Въ звѣреторговой компаніи Гагенбекъ въ Гамбургѣ.

Д и р е к т о р ъ. — Какой былъ сегодня самый большой заказъ?

С л у ж а щ і й. — На три дюжины бѣлыхъ мышей, г. директоръ.

Д и р е к т о р ъ. — А самый маленькій?

С л у ж а щ і й. — На одного слона, г. директоръ.

НА ВЫСТАВКѢ МАЛЕНЬКИХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ.

Господа и дамы, передъ вами результаты жертвеннаго труда, святого учительства и подлинной заботы о счастьи человѣчества. Уайтъ, Маркони, Эдиссонъ, паръ, электричество, телеграфъ, радіо — къ чему всѣ эти высоты, если мы не можемъ устроить нашей простой, будничной, комнатной жизни? Всѣмъ, господа, надо сначала избавиться отъ тяжкаго и оскорбительнаго плѣна мелочей, и именно съ нихъ начать реорганизацію нашего быта.

Моторъ къ дѣтской колясочкѣ.

Вамъ всѣмъ знакома, господа, унылая картина городского сада въ лѣтній день. Гигантскія человѣкоподобныя, похожія больше на гиппопотамовъ и именуемыя нянями, сидятъ на скамьяхъ и сонно вяжутъ чулки, въ то время, какъ младенцы неподвижно лежатъ въ колясочкахъ, съ первыхъ дней существованія привыкая къ ненужной созерцательности, пассивности и лѣни.

Нѣтъ, господа, покой подобенъ смерти. Какое поколѣніе мы воспитываемъ? Больше движенія, стремительности. Вы укрѣпляете моторъ надъ колесами вашей колясочки, какъ волшебно измѣняется вся картина! Колясочка мчится, развивая ходъ, младенцы, увлеченные движеньемъ, вырабатываютъ въ себѣ инициативу и предпріимчивость, а за колясочками бѣгутъ не заплывшія жиромъ тумбы, а стройныя существа, граціей напоминающія древнихъ весталокъ.

Неклеваторъ.

А вотъ маленькій, но чрезвычайно полезный приборъ для сельскихъ хозяйствъ, въ частности для куроводствъ. Извѣстно, что раціональное питаніе ровно въ пятьдесятъ семь разъ продуктивнѣе нераціональнаго. Два стакана молока, ежедневно принимаемые въ опредѣленный часъ, нужнѣе организму, чѣмъ безсмысленно поглощаемыя имъ горы устрицъ, поросятъ, тортовъ и индѣекъ. То же съ животными и птицами. Курица, обуреваемая слѣпой жадностью, готова цѣлый день клевать просо безъ всякой пользы для себя и съ явнымъ ущербомъ для хозяина. Вы кормите курицу дважды въ день, а въ остальное время она носитъ на клювѣ вотъ этотъ металлическій чехольчикъ.

Автоматическій чтецъ.

Культурный человѣкъ, — вы привыкли на ночь почитать книгу. Вы ложитесь, начинаете первую главу, но на седьмой страницѣ вѣки ваши слипаются и, утомленный дневнымъ трудомъ, вы засыпаете. На завтра вы все забыли и начинаете вновь сначала и вновь, дойдя до седьмой страницы, засыпаете. То же и на третій день, и на четвертый.

Межъ тѣмъ, укрѣпивъ по бортамъ кровати вотъ эти двѣ колонки съ проводомъ отъ обыкновеннаго электрическаго двигателя, вы можете читать спокойно. Система рычаговъ въ опредѣленный срокъ перевернетъ первую страницу вашей книги, вторую, третью, четвертую. На седьмой вы по обыкновенію засыпаете, но вашъ аппаратъ продолжаетъ работать за васъ. Къ утру закрытъ послѣдній листъ и вы просыпаетесь съ бодрымъ сознаніемъ, что книга вами прочтена.

Амплификаторъ для робкихъ.

Робость, господа, одно изъ несчастій человѣка. Вы впали въ нужду, вамъ нужно достать денегъ. Увѣренно отправляетесь вы къ намѣченному знакомому, но чѣмъ ближе къ цѣли, тѣмъ медленнѣе ваши шаги, мужество васъ покидаетъ. Вы сидите, жметесь, мнетесь, невразумительно бормочете: вотъ я... вотъ вы... я хотѣлъ бы... Тутъ голосъ вашъ падаетъ до шопота и вы переводите разговоръ на постороннюю тему, къ великому удовольствію вашего собесѣдника. Да что деньги! Слова признанія, священныя слова любви, этотъ серафическій гимнъ, въ устахъ робкаго человѣка превращается въ унылое и тягостное еле слышное мычаніе. Вставивъ въ ротъ вотъ эту металлическую трубку, съ клапаномъ и вращающимся дискомъ, вы вашему шепоту сообщаете силу нормальнаго бодраго человѣческаго голоса, а путемъ перевода бокового регулятора можете довести его даже до крика.

Голосовой глушитель.

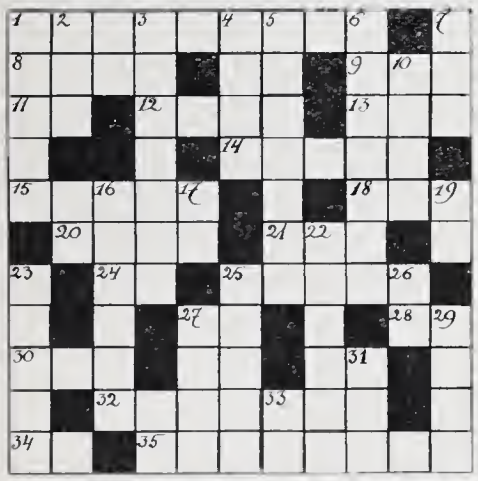
Но если слабость иныхъ звуковъ — горе, то чрезмѣрность другихъ — подлинное бѣдствіе. Вашъ первенецъ надрывается отъ крика, жена ушла, стѣны комнаты сотрясаются отъ стука сосѣдей, полъ дрожитъ подъ ударами швабры снизу, а вамъ самому необходимо закончить срочную работу. Въ отчаяніи вы мечетесь по комнатѣ, не зная, что дѣлать съ младенцемъ, женой, сосѣдями, самимъ собой.

Не нужно отчаянія. Вы вводите въ ротъ младенца вотъ этотъ, небольшихъ размѣровъ гуттаперчевый предметъ, — и все прекращается. Ребенокъ молчитъ, стѣны безмолвствуютъ, свѣтитъ солнце, жизнь прекрасна и въ творческомъ воодушевленіи вы можете, наконецъ, шагнуть къ вашему письменному столу.

Ринъ.

КРЕСТОСЛОВИЦА № 7.

СОСТАВИЛЪ МИЧМАНЪ ДЫРКА.



Горизонтально:

1. Сотрудница «Сатирикона» въ цвѣтѣ лѣтъ. 8. Огнедышащая гора. 9. Собственно говоря, растеніе, но въ творительномъ падежѣ имѣетъ почему-то силу рѣшительнаго отказа. 11. Предлогъ. 12. Чемоданъ образца, который былъ въ модѣ, когда сотрудница «Сатирикона», помѣченная «3 вертикально», была еще маленькой дѣвочкой. 13. Женское имя. 14. Пунктуально. 15. Такъ, вѣроятно, звали няню Пушкина, когда она была еще дѣвченкой. 18. Одинъ изъ псевдонимовъ Аркадія Аверченко и вмѣстѣ съ тѣмъ молитва. 20. Терминъ, распространенный въ конспиративныхъ кругахъ. 21. Условный языкъ. 24. Рѣка. 25. Ассоціируется съ Гогомъ. 28. Звѣрекъ. 30. Южно-американская столица (сокращенно). 32. Птица. 34. Встрѣчается на берегахъ рѣкъ. 35. Ублажали.

Вертикально:

1. Сотрудникъ «Сатирикона». 2. Мѣстоименіе. 3. Сотрудница «Сатирикона» въ преклонныхъ лѣтахъ. 4. То, что собирается устроить въ началѣ будущаго сезона «Сатириконъ», въ возрожденіе былыхъ баловъ стараго «Сатирикона». 5. Съ нея начинается «Сатириконъ». 6. Сотрудникъ «Сатирикона». 7. Рѣка. 10. Сотрудникъ «Сатирикона». 16. Сотрудникъ «Сатирикона». 17. Рѣка. 19. Дерево. 22. Еженедѣльный журналъ, издававшійся въ Питерѣ въ одно время съ «Сатирикономъ», но не имѣвшій съ нимъ ничего общаго. 23. Сотрудникъ «Сатирикона». 25. Ассоціируется съ серномъ. 26. Русскій художникъ. 27. Рѣка въ Испаніи. 29. Посылаетъ на эшафотъ, но и возводитъ на тронъ, правда, недолговѣчный. 31. Почтово-телеграфный терминъ. 33. Восклицаніе.

РѢШЕНІЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 6.

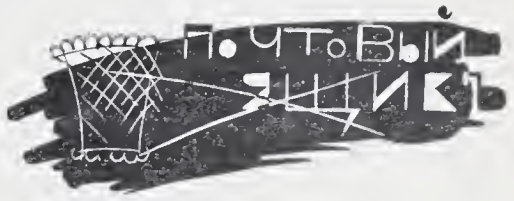
Горизонтально:

1. Кавардакъ. 7. Ло. 8. Ра. 9. Алъ. 10. Аи. 11. Бо. 12. Ро. 13. Аяксъ. 15. Ганнибалъ. 18. И. И. Махонинъ. 19. Леопарди.

Вертикально:

1. Козерогъ. 2. Алеко. 3. Алмазіанъ. 4. Родники. 5. Арабы. 6. Каломель. 13. Анго. 14. Сбиръ. 16. Аве. 17. Аидъ.

«L'ENVERS VAUT L'ENDROIT»
19, rue de Châteaudun.
ПЕРЕЛИЦОВКА
ВСЯКОЙ ОДЕЖДЫ.
ПЕРЕДѢЛКА, ПОЧИНКА
Отдѣленія: 10, rue Sophie Germain (av. d'Orléans),
198, rue St-Jacques (Soufflot)
Подателю сего объявленія 5% скидки.



С. Адрееву.

Адреевъ выражается просто, но стихотворно:

«Не нужна намъ и даромъ
Ихъ выставка колоніальная,
А вотъ-бы комиссарамъ
Выставка, да генеральная!»

Мы тоже не прочь выразиться просто:

Произведеніе ваше геніальное
Произвело впечатлѣніе сильное.
Что-то въ немъ есть колоніальное,
Что-то въ немъ есть москотильное...
Что-то въ немъ есть наждачное,
Наждачное и колючее,
А редакторъ — животное жвачное,
Ницшереніе у него могучее,
Поэтъ и не оглянется, —
Ничего отъ него не останется!..

П. Р. — Хотя рисъ и является колоніальнымъ товаромъ, хотя рисовая пудра и является продуктомъ цивилизаціи, и хотя вашъ разсказъ о рисовой пудрѣ и написанъ спеціально для колоніальнаго номера, однако:

— Разсказъ не пойдетъ!

Если хотите, обратитесь въ парфюмерный отдѣлъ выставки, возможно, что такой человѣкъ какъ вы имъ до зарѣзу нуженъ!...

Редакторъ-издатель: М. Г. Корнфельдъ.

СОНЪ КЛЭРКА.

Хорошо уѣхать въ Чили,
Или, скажемъ, въ Пернамбуко —
И заняться обработкой
Знаменитаго бамбука!

Трижды дѣвственную рощу
Взять въ безсрочную аренду,
Богатѣть ежеминутно
И творить свою легенду.

А потомъ однажды утромъ,
Зарядивъ слегка двустволку,
Выйти въ рощу, и внезапно
Встрѣтить юную креолку.

Опустить предъ ней оружье,
Этотъ доводъ трижды скользкій,
И сказать ей все, что нужно,
Но, конечно, по креольски.

Объяснить ей откровенно
Про Фоли и про Бержеры,
Вообще ужъ привести ей
Подходящіе примѣры.

Разсказать ей, что Парижемъ
Правитъ Идолъ, правитъ Молохъ,
И что Молохъ помѣшался
На креолкахъ и креолахъ!...

Если-жъ дѣвушка упрется,
То немедля, для острастки,
Выбрать вѣточку бамбука
На бамбуковомъ участкѣ,

И сказать ей страшнымъ басомъ:
— Жозефина, не ломайся,
Уложи свои бананы,
И сейчасъ-же собирайся...

А потомъ съ попутнымъ вѣтромъ,
Погулявши въ Новомъ Свѣтѣ,
Плыть по волнамъ океанскимъ
На разбойничьемъ корветѣ,

И съ безумнымъ романтизмомъ,
Подкупивъ матросовъ банду,
Ночью вынести на берегъ
Дорогую контрабанду!

А затѣмъ. За неимѣньемъ
Рынка рабскаго для сбыта...
Заявить ей совершенно
Откровенно и открыто:

«Госпожа моя, креолка,
Пернамбукская Діана!
Ты явилась жертвой чтенья
Авантюрнаго романа,

Жертвой жажды приключеній
Съ доброй свадьбой въ эпилогѣ,
Безъ особыхъ упражненій
Въ психологіи и слогѣ!...

Но въ романахъ есть безумцы,
Графы, герцоги, бароны,
И, потомъ, они герои,
А не мокрыя вороны.

Не безумецъ и, къ тому-же,
Я не знатный полуночникъ.
Я — бухгалтеръ, даже хуже,
Я бухгалтера помощникъ!...

У меня жена и дѣти —
Оля, Коля, Ваня, Таня...
Понимаешь Жозефина?!
Жозефеня, Жозефаня?!»

И когда дитя природы,
Смуглый жемчугъ Пернамбуко,
Овладѣетъ гибкой тростью
Изъ чудеснаго бамбука,

И захочетъ этой тростью
Въ явномъ гнѣвѣ замахнуться,
Въ эту самую минуту...

Клэрку слѣдуетъ проснуться!...

Донъ-Аминадо.

●

СТИХОТВОРЕНІЕ ВЪ ПРОЗѢ.

Жарко. Душно. Окна заклеены газетной бумагой.

Человѣкъ сидитъ въ меблированной комнатѣ, въ креслѣ.

Надъ головой его люстра-ампиръ, и хрустально позвякиваетъ.

Человѣкъ закрываетъ глаза и думаетъ:

«Хорошо бы, кабы весь этотъ ампиръ былъ мой.. а не хозяйскій.

И чтобъ было у меня денегъ столько, чтобъ куры ихъ не клевали.

Или въ крайнемъ случаѣ, чортъ съ ними, пусть даже и клюютъ.

И надѣваю я штаны въ складочку, и съ двумя карманами.

И кладу въ каждый карманъ по чековой книжкѣ, для желѣзнодорожнаго чтенія.

И беру я совершенно нѣмую карту Африки или Азіи, и тыкаю пальцемъ куда хочу.

И говорю громкимъ голосомъ жертвамъ соціальной несправедливости, которыя у меня въ камердинерахъ:

— Подать мнѣ трехпарусную яхту невѣроятнѣйшей бѣлизны, и немедленно!

И камердинеры вытягиваются на носкахъ, и говорятъ воспитаннымъ шопотомъ:

— Уже подана!

— Въ такомъ случаѣ звоните въ гонгъ, и берите курсъ на Соломоновы острова!...

...И звонокъ звонитъ».

Только не на яхтѣ, а на парадномъ ходу.

И человѣкъ идетъ открывать двери, самъ, и безъ камердинера.

И подаютъ ему желтенькое billet-doux отъ налогового инспектора: на добрую память.

И, будучи предметомъ одушевленнымъ, человѣкъ выражается вслухъ словами каменотесовъ, или рабовъ на плантаціи.

И, конечно, люстра-ампиръ звенитъ всѣмъ своимъ хрусталемъ, и содрогается.

И становится человѣку безумно жаль всей своей неудавшейся жизни и смерти.

И плюетъ онъ плевкомъ желчи и обиды, и главное что мимо.

А жить хочется красиво.

А жить хочется развратно...

К. Страшноватенко.

●

КРУГОВАЯ ПОРУКА.

— Зина мнѣ сказала, что ты разсказала ей вещи, о которыхъ я просила тебя не говорить.

— Возмутительно! Я вѣдь просила ее не говорить тебѣ, что я ей это разсказала.

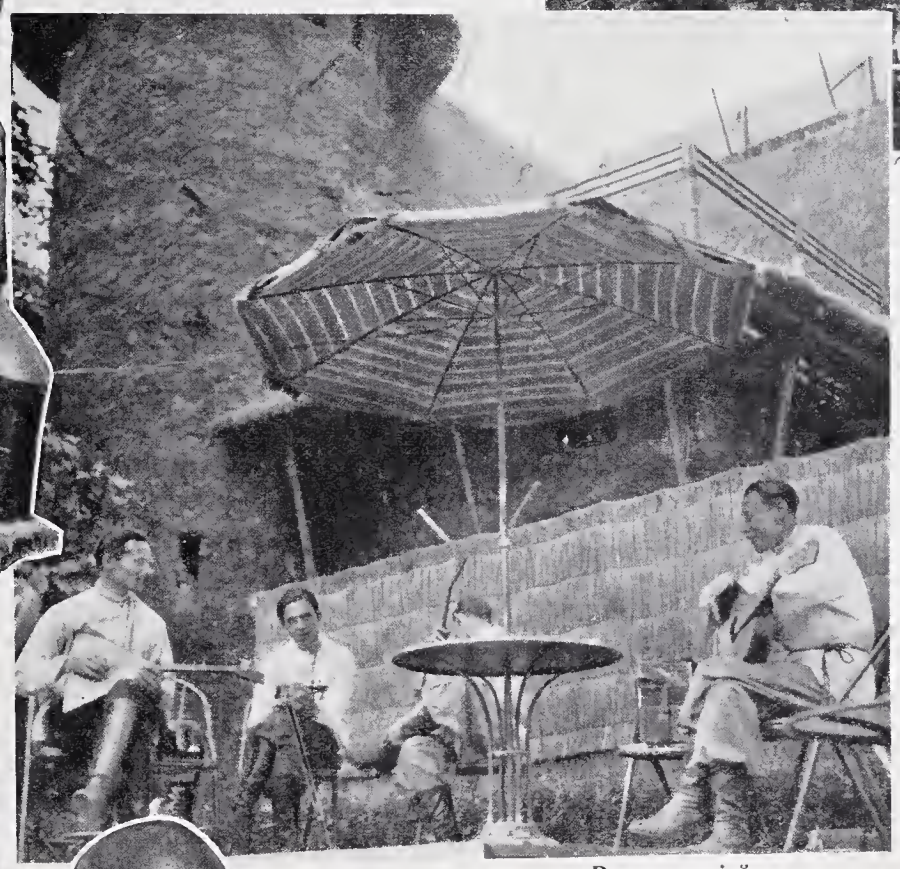
— Она меня такъ и просила, — чтобы я тебѣ не говорила, что она мнѣ сказала, что ты ей разсказала...

"Сатириконъ„ на Колоніальной Выставкѣ

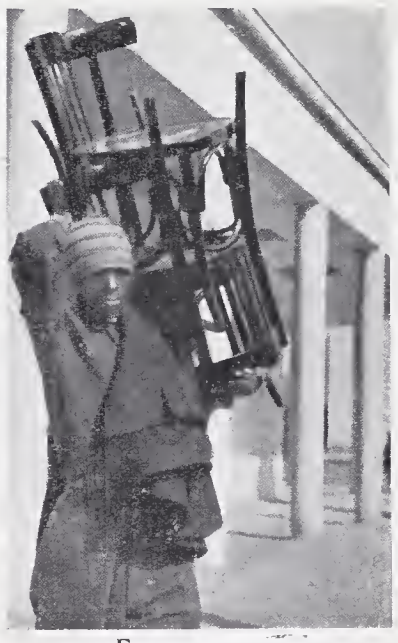
Уничтоженный пожаромъ голландскій павильонъ.

Ангкорскій храмъ.

Негритянскій идолъ.



Русскій «атракціонъ» : Балалаечники.



Будни выставки: Негры за работой.

Величайшая колоніальная держава — Британская Имперія — на выставкѣ че представлена. Выдающіеся представители Британской Индіи : Рабиндранатъ Тагоръ, Махатма Ганди и Лама съ южныхъ склоновъ Гималаевъ.

«Королева колоній» Жозефина Бэкеръ.

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ

„НАША РѢЧЬ“

издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.

Редакторъ-Издатель: С. М. ГАЗІЕВЪ.

Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse*. Въ Парижѣ — въ « *Publicité Metzl* », *Rue de Turbigo*, 51, *Paris VIII*e и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ «Нашей Рѣчи» С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier*, 7, *Paris IX*e.

РЕСТОРАНЪ
“CHEZ KORNILOFF”

6, rue d'Armaillé между avenue Carnot и des Ternes
(Tél. Carnot 52 - 49

Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ влад.
Ф. Д. КОРНИЛОВА.
Prix-fixe Завтракъ — 15 фр.
Обѣдъ — 20 фр. и à la carte

ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА:

Среда — ботвинья; четв. — чахохбили; пятн. — царскій студень; субб. — разсольникъ; воскр. — поросенокъ; пон. — бефъ-бун; вторникъ — пельмени.

Ежедн.: кулебяка, блины, осетрина, рябчики, чахохбили, гурьев. каша
Самый элегантный и уютный русско-французскій ресторанъ Парижа

Аптека

Всѣ патентованныя средства
Всѣ анализы

38, av. Félix-Faure,

Tél. Vaugir. 44-15

Зубоврачебн. кабинетъ **М. Когенъ**
D. F. M. P.
8, Rue Duban (16). Pl. Passy. Auteil 95-14
Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6.
Остальные дни 10-8 час. веч.

А. С. ШАПИРО
Петр. Прис. Пов. licencié en droit
Налоги, натур., уставы, Prud'hommes
11, rue Mogador, tél. Centr. 11-35.
Ежедн. 11-12 и 5-6 ч., суб. 11-12 ч.

ВЕТЕРИНАРНАЯ КЛИНИКА
Проф. Н. А. ИЛЬИНА
Пріемъ: 2-6 ч. кромѣ воскр.
45, avenue Emile Zola, 45,
Tél.: Vaugir. 18-99
ПАНСІОНЪ ВАННЫ

ДЛЯ СЛАБЫХЪ И ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХЪ
MAISON DE REPOS
Docteresse B. LEVANTISSE
Діэтическій столъ. Прекрасный уходъ. Комфортъ модернъ. Большой садъ. Гидротерапія, Массажъ, Гимнастика. Ультра-фіолетовые лучи, Діатермія.
Постоянное дежурство врача
Комната съ полнымъ пансіономъ, включая уходъ и пр. отъ 50 фр. въ сутки.
(5 минутъ отъ Porte Champerret около 25, Bd Bineau)
47. rue Parmentier.
NEUILLY s/s
Téléphone: MAILLOT 10-84

Паста - Порошекъ - Эликсиръ
ESKA
по форм. С. С. Кострицкаго б. зубн. врача Госуд. Импер.
Наилучшія, научно - обоснованныя средства для ухода за зубами и полостью рта
Продаются только въ аптекахъ
Laboratoires ESKA, A. Hobchette
Dr. en Pharmacie.
76, rue Orfila, PARIS (20)

Прошедшее, настоящее и будущее
Извѣстная Ясновидящая
пріемъ ежедневно, кромѣ воскрес. 3—7 ч. веч.
Mme Cherbatoff
10 rue Froidvaux, второй этажъ рядомъ съ метро Denfert Rochereau

Дав. Е. Каганъ
Кандитатъ Парижск. Унив.
Взысканія, уставы общ-въ разводы и проч.
новый адресъ:
8, square Port Royal (13)
(15, rue de la Santé)
Télephone Gobelins 61-95
пріемъ 10—12 и 6—8 ч. веч.

КОНДИТЕРСКАЯ
JULIEN
25, rue Bosquet
во дворѣ на право
Téléphone SEGUR 68-27
Métro: Ecole Militaire
доставка на домъ

Общество взаимнаго Кредита “СОЮЗЪ”
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). Tél. Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрышн. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер

Денежные переводы и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9

Юридическій Кабинетъ
БЮРО ОФФИЦІАЛ. ПЕРЕВОДОВЪ
Консультаціи и выполн. всѣхъ формальностей предписан. новымъ закономъ и соціальн. страх., исключ. утромъ до 12 съ половиной час.
MARC BELLIS et FILS
присяжный переводчикъ при Парижскомъ трибуналѣ и кандидатъ правъ (Парижскаго университета).
24. rue Lafitte. Paris.
Tél. : Provence 84-56. Métro Opéra.
Пріемъ отъ 9 до 12 и отъ 2 до 6.30 ч.
Существуетъ въ Парижѣ съ 1861 г.
Говорятъ по русски.

BERCK-PLAGE PENSION MILA
12. rue Lavoisier
въ 2-хъ шагахъ отъ пляжа
ХОРОШІЙ ПИТАТЕЛЬНЫЙ СТОЛЪ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ

Издательство «ДОБРО» въ Варшавѣ
принимаетъ подписку на
« САТИРИКОНЪ »
На 1 мѣс. — зл. 5.50 ; на 3 мѣс. — зл. 15; на 6 мѣс. — зл. 29; на 12 мѣс. — зл. 57.
Подписную плату можно вносить на почтовое конто фирмы «Добро» въ Р. К. О. №9668.

Сатиконъ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи	Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ странахъ, вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза		160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почт. Союза		177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: 51, Rue Vivienne. Paris (2e)
Téléphone: GUTENBERG 05-40

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII. Цѣна отд. ном. 1 шилл.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8. Цѣна отд. ном. 20 л.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tel. Barbarossa 4881. Postscheckkonto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГОЛЛАНДІЯ.	Роттердамъ. — Van Ditmar, Post Box 262, Rotterdam.
ГРЕЦІЯ.	Афины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitorv, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 70 л. с.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko,* Khiabané Post Hané Koutcha Beha es Saltaneh N°4. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovic. Цѣна отд. ном. зл. 1.35.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré. Цѣна отд. ном. 25 лей
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York.
	Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra. Цѣна отд. ном. 25 піастр.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors. Ц. отд. ном. ф. м. 6.50
	Выборгъ. — *Ivankov,* Linnankatu, 8, Wiiborg.
	Келломяки. — *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel Ц. отд. н. К.Ч. 5.50
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon,* Goldschmiedstrasse, Reval.
	Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 70 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre,* Ul. Kn. Mihailova br. 27.

17.027 АДРЕСОВЪ АМЕРИКАНСКИХЪ МИЛЛІОНЕРОВЪ
444 " МИЛЛІАРДЕРОВЪ
5410 " АМЕРИК. БЛАГОТВОРИТ. УЧРЕЖД.

Адреса МАНУФАКТУРИСТОВЪ, ИЗОБРѢТАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЕВЪ, БАНКИРОВЪ, КИНО - РЕЖИССЕРОВЪ и др.

100 адресовъ 3 доллара
200 " 5 "
1000 " 18 "

Деньги можете посылать въ любой валютѣ

Наша фирма существуетъ съ 1908 года

Adress: A. R. BOGIN, 201 2nd Avenue
New York, N. Y. U. S. of America

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ **Л. РИХТЕРЪ, Рига**
Представительница Е. Михайловская
9, rue Auguste Vitu, Paris (15). Métro Javel. Tél. Vaugirard 65-59.
САМЫЯ ДЕШЕВЫЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ
Нѣкоторыя цѣны за килограммъ
Масло сливочное въ жестянкѣ **22** фр. **50.** **Грудинка 16** фр.
Сало свиное въ жестянкѣ **16** фр. **Колбаса** сухая 1 с. **28** фр. **50**
Упаковка, страховка, отправка за 5 к. **25** фр., за 10 к. **50** фр.
Пріемъ заказовъ ежедн. не исключая воскр. и праздн. съ 9 ч. у. до 9 ч. веч.

ПЕРЕВОДЫ И ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ на небывало выгодныхъ условіяхъ. Переводы съ ручательствомъ за выплату въ 15 дней.
BANQUE pour l'ARBITRAGE et COMMISSION
6, Rue Buffault. PARIS (9e) Tél. Provence 95-20 и 95-21

TOUT DERNIER CONFORT
ASCENSEUR - CHAUFFAGE CENTRAL - CHAMBRES avec BAINS - EAU CHAUDE ET FROIDE
Tél. VAUGIRARD 10-77
Télégr. Hotelef 5 Paris
PENSION-HOTEL DE LA PORTE DE VERSAILLES
15, rue de la Grotte PARIS (15e)
Angle du Boulevard Lefebvre - Près la Foire de Paris
Nord-Sud : Porte de Versailles - Aut. : Aut. A. G. Bourse - Tram. : 89 Hôtel de Ville

НАЛОГИ Учрежденіе обществъ. Всѣ юридич. акты. Разводъ. Регистрація фирмъ. Выборка патентовъ. Взысканія. Натурализаціи. Консультаціи по всѣмъ вопросамъ.
JACQUES KARNAOUCH lic. en droit
3, rue du Pasteur Wagner. (на углу 26, Bd. Beaumarshais). M-ro Bastille
Tél. Roquette 07-66.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ принимаетъ
Комитетъ Помощи Голодающимъ въ Россіи (Comité Russe de Secours)
7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9)
M-o Clichy. Tél. Trinité 29-92 et la suite
Пріемъ исключительно отъ 3--7

У ДИМЫ УСОВА въ ресторанѣ "ДЖИГИТЪ"
19, Boulevard Edgard-Quinet
Музыка. Пѣніе. Танцы. ежедневно играетъ Михаилъ Бурже
Prix fixe 7.50 до 9 часовъ вечера и à la carte
Ресторанъ всѣгда открытъ всю ночь

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала контора журнала
САТИРИКОНЪ
проситъ г.г. подписчиковъ, срокъ подписки коихъ истекаетъ, ВОЗОБНОВИТЬ ЕЕ заблаговременно

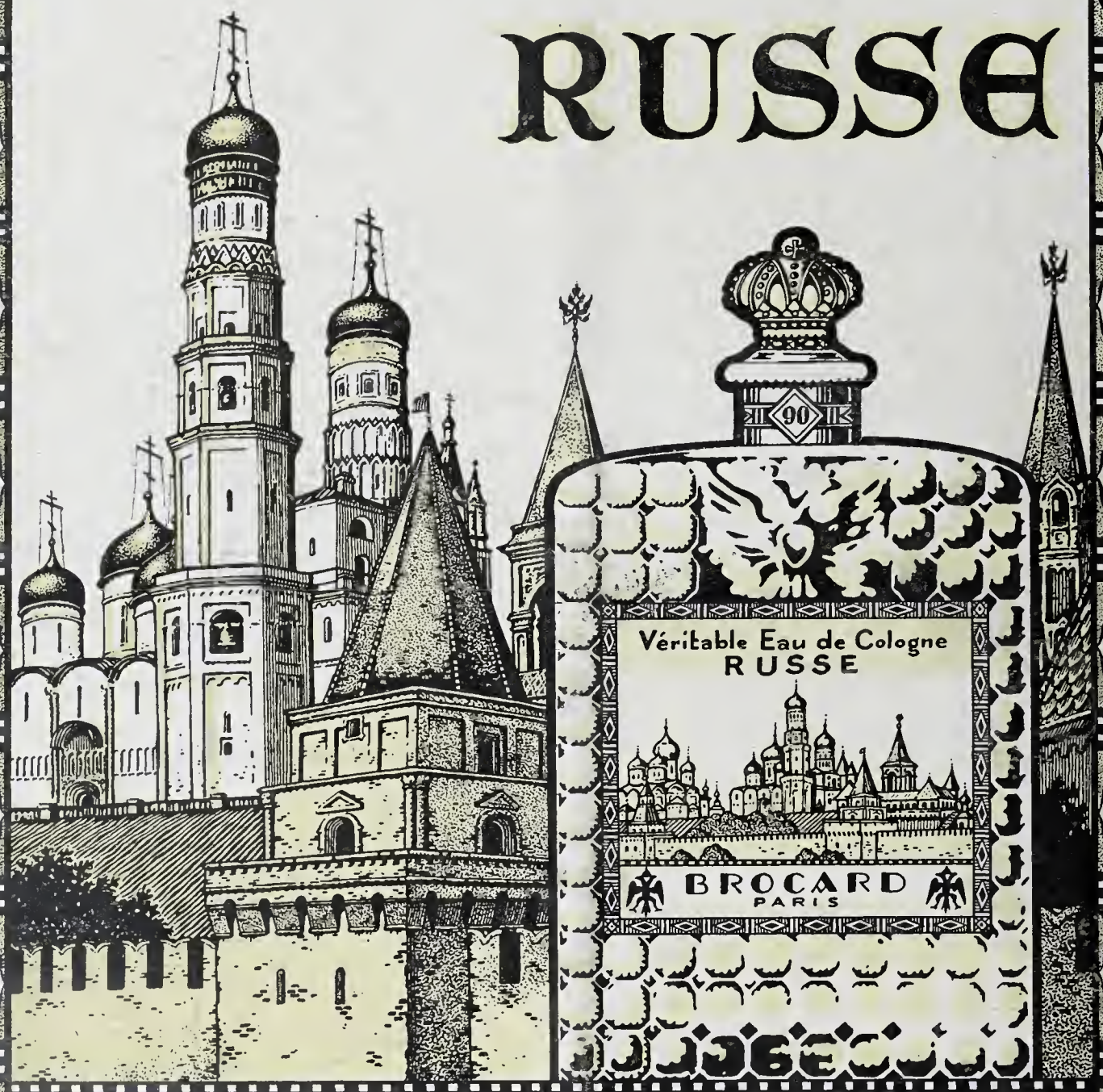
IMPRIMERIE
COOPÉRATIVE ÉTOILE
17, Rue de la Comète
Téléphone : Invalides 11-50
PARIS (7)
R. C. S. 227.770
Métro : La Tour-Maubourg
TOUS GENRES DE TRAVAUX EN TOUTES LES LANGUES

РУССКАЯ МАСТЕРСКАЯ ДАМСКОЙ И МУЖСКОЙ ОБУВИ НА ЗАКАЗЪ
MAX
10, Rue Edmond Roger yr. Rue Violet, PARIS (XVe)
Téléphone Vaugirard 52-15.

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), téléph. Inval. 11-50 Le Gérant : *N. Kornfeld.*

Véritable Eau de Cologne

RUSSE



BROCARD

PARIS

B.Z.

PRIX EN FRANCE : Frs 3. – 18 ИЮЛЯ 1931. 18 JUILLET 1931. ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

САТИРИКОНЪ

SATYRICON

1931 **ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ** № 16

Hebdomadaire Russe *Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)* *Directeur M. Kornfeld*

«Les techniciens rebels au régime soviétique ayant été supprimés, nous devons toute notre solicitude aux survivants...»
Staline. Dernier discours.

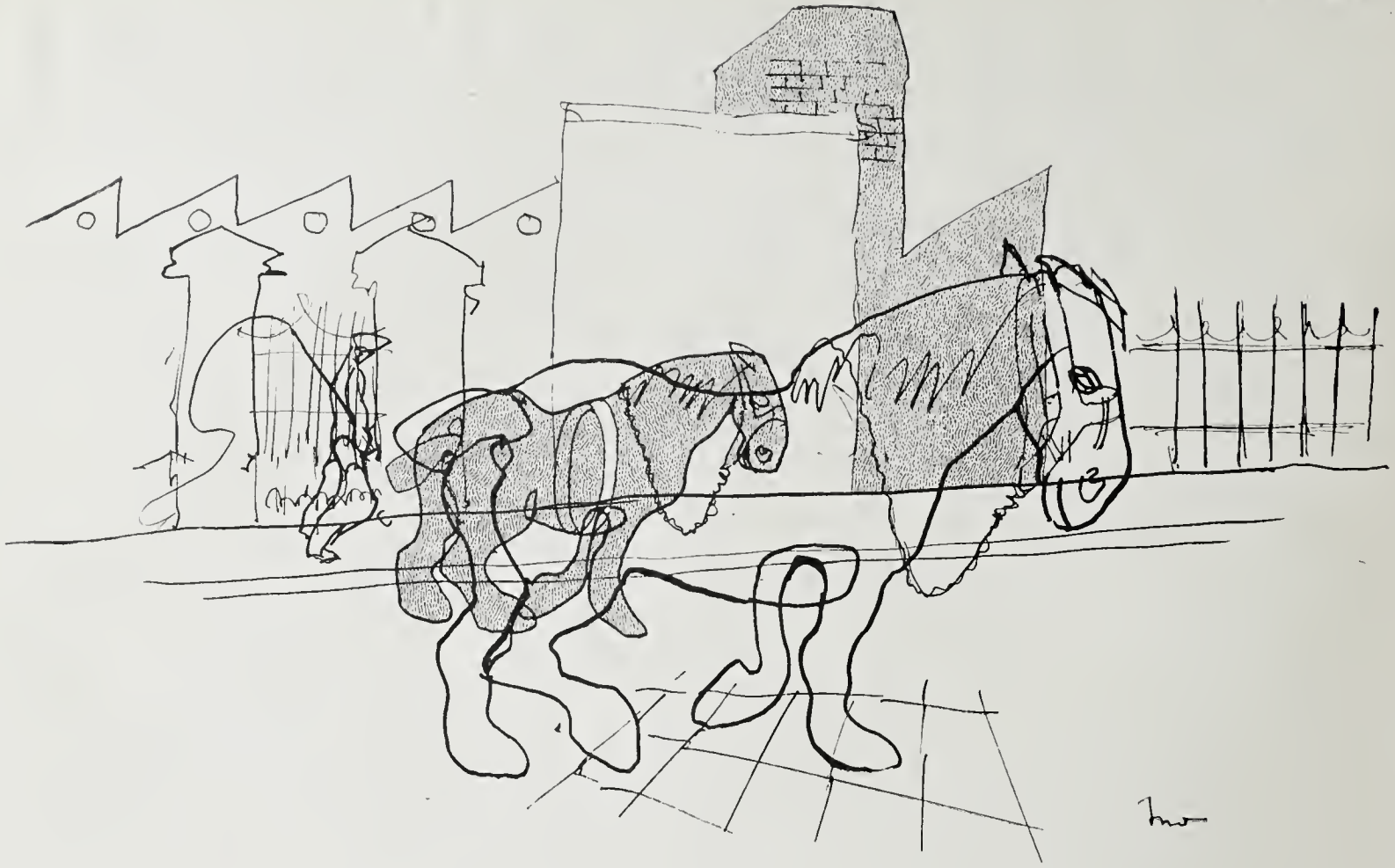
ПОСЛѢДНІЙ СПЕЦЪ.

Рис. А. Шарлю.

LE DERNIER TECHNICIEN - SPECIALISTE.

«...Спецы симпатизировавшіе саботажникамъ, всѣ разстрѣляны.
Оставшіеся въ живыхъ искренно преданы совѣтскому строю. Поэтому мы должны кардинально измѣнить свое отношеніе къ нимъ и окончательно привлечь ихъ на нашу сторону!» *Изъ рѣчи Сталина на съѣздѣ совѣтской промышленности.*

Рис. Хэйтера.



PRO DOMO NOSTRA.

«О ты, что въ горести напрасно»
Мѣняя жалобъ варіантъ,
Ежеминутно, ежечасно,
На Бога ропщешь, эмигрантъ!

Заткни роскошные фонтаны,
Не натирай души мозоль.
Не сыпь на собственныя раны
Свою же собственную соль.

Не пяться въ прошлое уныло,
Воспоминанья это дымъ.
Не вспоминай о томъ, что было,
И не разсказывай другимъ.

Не мни прикидываться жертвой,
Судьбы пріемлющей ударъ.
И не клянись, что фоксъ-терьеръ твой
Былъ въ оно время сенъ-бернаръ.

Себя на всѣ печали въ мірѣ
Монополистомъ не считай,
И нервнымъ шагомъ по квартирѣ
Въ минуты гнѣва не шагай.

О жизни мелкобуржуазной
Слезы насильственной не лей.
И десять разъ въ году не празднуй
Одинъ и тотъ же юбилей.

Не довѣряй словамъ красивымъ
И не предсказывай конецъ.
Не пей рябиновку съ надрывомъ,
А просто пей подъ огурецъ.

Но чистымъ спиртомъ нагруженный,
Не приходи въ такой азартъ,
Чтобъ клясться жизнью, что Буденный
И есть грядущій Бонапартъ.

И ты не думай, день настанетъ —
И грянетъ громъ, и вспыхнетъ свѣтъ...
Весьма возможно, что и грянетъ,
Но вѣдь возможно, что и нѣтъ.

А посему не злобствуй страстно
И не упорствуй, какъ педантъ,
«О ты, что въ горести напрасно»
На Бога ропщешь, эмигрантъ!

Но возноси благодаренья
И не жалѣй хорошихъ словъ
За то, что въ часъ столпотворенья
И въ мигъ смѣшенья языковъ,

Ты самъ во столпъ не обратился
Не изничтожился въ тоскѣ,
Но вдругъ отъ страха объяснился
На столь французскомъ языкѣ.

Что всѣ французы испытали
Внезапный приступъ тошноты,
И сразу въ обморокъ упали —
И имъ воспользовался ты!...

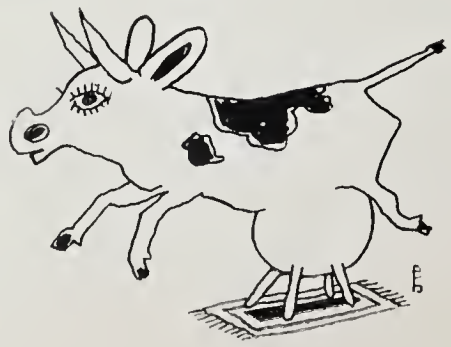
Донъ-Аминадо.

●

ЛУЧШАЯ «ДЕСЯТИЛѢТКА».

— Слушайте, какъ женскій врачъ, вы можете мнѣ сказать, какіе годы у женщины являются порою ея лучшаго расцвѣта?

— Для европейской женщины — это десять лѣтъ между 28-ю и 30-ю годами!



ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ.

Чистая абстракція.

Берлинъ, Тауэнтціенштрассе, часовъ девять вечера. Два голоса у меня за спиной.

— Нѣтъ, братъ, ты что тамъ ни говори, а волосъ у тебя дрянь.

— А я тебѣ говорю, волосъ у меня даже очень хорошій.

— Да какъ же хорошій, коли ты лысый?

— Вотъ то-то и есть, что у меня только нѣтъ его. А кабы онъ былъ, такъ былъ бы очень хорошій.

— Чудакъ человѣкъ! Какой же онъ у тебя хорошій, коли его совсѣмъ нѣту?

— А вотъ такой, что кабы я его брылъ, онъ былъ бы у меня хорошій, а я его не брылъ, вотъ его и нѣту. Мнѣ такъ и докторъ сказалъ: волосъ у васъ хорошій, да только его нѣту, потому что вы его не брыли. А кабы вы, говоритъ, его брыли, у васъ, говоритъ, былъ бы замѣчательный волосъ.

Въ метро.

Онъ. — Мнѣ шестнадцать лѣтъ скоро. А сколько вамъ?

Она. — А мнѣ четырнадцать.

Онъ. — Вы у папы съ мамой одни?

Она. — Одна, но могло быть еще двое: мама два раза абортъ дѣлала.

День русской культуры.

— Нѣтъ, что ни говорите, а великій былъ человѣкъ. Я «Полтаву» его, почитай, наизусть зналъ. Ну, теперь-то забылъ, конечное дѣло. А то, бывало, какъ пойду чесать: трррр... И до чего же онъ остроумный былъ — удивительно. Разъ это одѣвается онъ у себя, а тутъ входитъ одна курсисточка. А онъ, понимаете, въ одной рубашенкѣ. Такъ онъ что сдѣлалъ ?Взялъ конецъ рубашенки въ зубы, да такъ передъ ней и стоитъ. Да еще говоритъ: «Извиняюсь, говоритъ, я безъ галстучка...» Я много чего про него знаю, и всю его жизнь знаю очень хорошо. Выпивоха былъ, между прочимъ, отчаянный, — все съ гусарами пилъ. День и ночь пьетъ, бывало. А только вотъ вы подумайте, до чего былъ скоръ на стихи, трезвый ли, пьяный ли — все одно. Ему ни по чемъ. Вотъ одинъ разъ какой былъ достовѣрный фактъ. Напился это онъ и валяется на дорогѣ. А Лермонтовъ-то идетъ. Увидалъ его да и говоритъ, стихами, само собой разумѣется:

Чье это безжизненное тѣло
Лежитъ на моемъ пути?

А онъ, хоть и пьянъ, какъ колода, а въ разъ ему прямо изъ лужи и отвѣчаетъ:

А тебѣ какое дѣло?
Пока морда цѣла — проходи.

Ну, тутъ Лермонтовъ ему сразу первое мѣсто и уступилъ.

О театрѣ.

— Ну что, интересный вышелъ спектакль?

— Ужасно интересный! Представьте себѣ, Иванъ Петровичъ очутился въ одиннадцатомъ ряду рядомъ съ Семеномъ Марковичемъ — и ничего, даже потомъ разговаривали!

— А какъ вы нашли костюмы?

— Вполнѣ порядочные костюмы, мужчины многіе были даже въ смокингахъ.

— Такъ что въ общемъ — удачный вечеръ?

— Очень! Какъ только вышли — прямо въ автобусъ попали.

— Ну, а все-таки, какъ играли?

— Вотъ играли не важно. Во-первыхъ, уже поздно начали, а потомъ я сразу безъ двухъ на безкозыряхъ осталась.

Дѣвица съ приданымъ.

На скамьѣ въ Люксембургскомъ саду сидятъ: старикъ въ высокомъ крахмальномъ воротникѣ и въ потертомъ жакетѣ съ ленточкой въ петлицѣ; его дочь, лѣтъ подъ тридцать, некрасивая, съ блѣднымъ лицомъ и красными руками; застѣнчивый молодой человѣкъ самаго благонамѣреннаго вида.

Молодой человѣкъ. — Ce qui m'ennuie, c'est que je manque un peu de cadavres...

Старикъ. — Oh, si ce n'est que cela, je peux toujours vous être utile.

Молодой человѣкъ. — Mille fois merci, seulement... je crains vraiment d'abuser...

Старикъ. — Voyons, ne vous gênez pas. Je ne suis pas tout-puissant en la matière, mais je suis toujours en mesure de vous offrir cinq ou six cadavres bien frais.

Молодой человѣкъ. — Encore une fois merci. Je suis tout confus de vous importuner... S'il n'y allait pas des intérêts de la science, vraiment, je n'oserais jamais...

Старикъ. — Mais non, je vous prie, c'est entendu. Un coup de téléphone, et une heure après vous avez les cadavres qu'il vous faut.

Молодой человѣкъ. — Oh, monsieur le professeur, que vous êtes aimable! Malgré tout je n'ose..(Къ барышнѣ). Monsieur votre père me comble de ses bienfaits... Ai-je le droit ?... Dois-je accepter ?...

Барышня. — Mais comment donc... (Вспыхнула). Croyez bien... soyez sûr que pour vous... Nous sommes toujours prêts de vous servir... Comptez sur nous : nos cadavres sont vos cadavres !

Владиславъ Ходасевичъ.

«МОЛИТВА ДѢВЫ».

Рис. Вл. Бѣлкина.

**«Спрятался мѣсяцъ за тучку,
Больше не хочетъ гулять!..»**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.

Не въ обиду, а любя.

М. А. Алданову.

Презрѣвъ отжившіе примѣры
Вѣками освященныхъ призмъ,
Нотръ-дамской зрѣніемъ Химеры
Онъ обострилъ свой скептицизмъ.

Ахъ, сколько громкихъ репутацій
Сей лютый скептикъ подмочилъ!
Ахъ, сколько тѣмъ племенъ и націй
Онъ, оконфузивъ, огорчилъ!

На пьедесталѣ въ позѣ бравой
Какой бы идолъ ни торчалъ, —
Алдановъ... «посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ!»

Гайто Газданову.

Люблю я стиль его подробный,
Когда въ уютномъ уголкѣ
Задорныхъ «Чиселъ» книжки здобной
Онъ извивается, «подобный
Узору надписи надгробной
На... осетинскомъ языкѣ!»

Н. Рощину.

Читатель! слышишь плачъ вдали?
То рощинскіе «Журавли»!

В. В. Сирину.

Пишетъ онъ уму цѣпкому внятное,
Пишетъ сердцемъ привѣтливо чуемое...
Лишь немножко порой непонятное:
Гдѣ подлежащее, гдѣ сказуемое?

Наблюденіе проникновенное,
Торжество психологіи вящее,
Построеніе ловко манящее...
И однимъ только недоумѣнное:
Гдѣ сказуемое, гдѣ подлежащее?

Н. Берберовой.

Ея талантъ ядренъ, какъ кустъ
Цвѣтной кочинистой капустки.
Не знаю я, кто русскій Прустъ,
Она же мѣтитъ прямо въ Прустки.

Александръ Амфитеатровъ.

●

РЕВОЛЮЦІОННЫЕ ТЕМПЫ.

Въ Москвѣ, на Красной площади, патруль задержалъ человѣка, расхаживавшаго нагишемъ. Въ комиссаріатѣ его спрашиваютъ, почему онъ появился на улицѣ въ такомъ видѣ. Нагой человѣкъ отвѣчаетъ:

— Да вѣдь мы калуцкіе.

— Что-жъ изъ того, что вы калуцкіе?

— Какъ — «что»? Нешто вы не слыхали, что у насъ пятилѣтку въ два года провели?...

АМЕИРКАНСКІЕ РЕКОРДЫ.

1.

Проповѣдникъ нью-іоркскаго содружества «Истина внутри васъ» прочелъ въ циркѣ, стоя на одной ногѣ, проповѣдь, длившуюся 19 часовъ 41 минуту. Остальныя содружества посрамлены, такъ какъ такого времени до сихъ поръ еще не показывалъ никто. Содружество «Неугасимый пламень» тренируетъ своего проповѣдника, который будетъ говорить, стоя на головѣ, въ теченіе сутокъ.

2.

Изабелла, лошадь скаковой конюшни холливудской звѣзды Рія-Пипа, третьи сутки играетъ на двухъ роялях «Вальсъ Миссисипи».

Лошадь еще совершенно бодра. Исполненіе по радіо передается во всѣ штаты. Если лошадь выдержитъ еще сутки, — Рія-Пипа потребуетъ повышенія своего гонорара на 40 процентовъ.

3.

Союзъ «Чикагскихъ интеллектуальныхъ шатеновъ» объявилъ конкурсъ на сочиненіе третьей части «Фауста».

Условія: 1) число словъ 21.735; 2) число запятыхъ 2.648; 3) число точекъ 1.580; 4) послѣ каждой тысячи сочиненныхъ словъ каждый участникъ конкурса обязанъ выпить полъ литра воды; и 5) до окончанія конкурса никто изъ состязующихся не имѣетъ права выходить изъ зала.

С—э.

СЫРОЙ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ДРАМЫ.

Дѣйствіе происходитъ наканунѣ свадьбы.

Женихъ. — Папаша, я хочу или, вѣрнѣе, я требую, чтобы вѣнчаніе было ровно, минута въ минуту, въ двѣнадцать Затѣмъ я желаю, чтобы за столъ сѣли никакъ не позже двухъ и чтобы вина были приличныя, а музыканты не обшарпанные. Въ пять чтобы былъ поданъ автомобиль, который отвезетъ насъ на вокзалъ, и на вокзалѣ — я настоятельно желаю, я требую, — чтобы не было никакихъ длинныхъ и утомительныхъ проводовъ. Выпьемъ въ буфетѣ по бокалу шампанскаго — и адье!

Тесть. — Столько требованій — и всѣ сразу!...

Невѣста. — Папаша, исполни... Вѣдь это же его «послѣдняя воля»!

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

Въ судѣ, прежде чѣмъ выступить съ рѣчью, адвокатъ облачается въ тогу.

Буба. — Папа, зачѣмъ этотъ господинъ надѣваетъ дамское платье?

Папа. — Потому что ему придется много говорить.

«УТИЛЬ».

На совѣтскихъ открыткахъ появился новый лозунгъ:

«Собирая и сдавая государству «Утиль», помогаешь нашей промышленности выполнить 5-лѣтку въ 4 года».

На пояснительной картинкѣ нарисованы: рваная калоша, обглоданная кость, старая жестянка и тому подобные символы домашняго совѣтскаго инвентаря.

Съ мелкобуржуазнымъ привѣтомъ спрашиваемъ: стоило ли тринадцать лѣтъ подрядъ, съ граціей бѣшенаго верблюда въ посудной лавкѣ, все ломать сверху до низу для того, чтобы потомъ протягивать ручку и собирать у нищихъ гражданъ для рахитичной пятилѣтки то, что мы, эмигранты, выбрасываемъ въ ордюръ?

Съ ближайшей оказіей вышлемъ на адресъ т. Сталина собранный среди сотрудниковъ «Сатирикона» утиль:

Пуговицу отъ довоенныхъ штановъ, ржавый гвоздь (достаточно крѣпкій), кусокъ прочной веревки, сломанный штопоръ (для Рыкова) и нѣсколько другихъ столь же полезныхъ предметовъ.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ «САТИРИКОНА»

Въ цѣляхъ наиболѣе раціональнаго распредѣленія «Сатирикона» по кіоскамъ, Гл. контора покорнѣйше проситъ гг. читателей покупать журналъ по возможности въ одномъ и томъ же кіоскѣ или магазинѣ.

Въ случаѣ, если у вашего газетчика не окажется «Сатирикона», Гл. контора проситъ увѣдомить ее по адресу:

51, rue Vivienne, Paris (II).

«МАРАѲОНЪ ТАНЦЕВЪ».

...Въ парижскомъ циркѣ Медрано, во время спеціально организованнаго Мараѳона танцевъ, нашлись чемпіоны и подвижники, танцевавшіе по 400-500 часовъ подрядъ.

Рис. Шварца.

«Я памятникъ себѣ воздвигъ н е р у к о творный,
Къ нему не зарастетъ народная тропа!...»
И ницъ падетъ презрѣнная толпа
Предъ силою ноги моей упорной.

ДУША, ТѢЛО И ПЛАТЬЕ.

Рис. Н. Пльина.

— Не такъ важно родиться въ сорочкѣ, какъ умѣть ее носить...

ДВОЙНИКИ.

Прологъ къ роману

Пріятно быть милліонеромъ, путешествовать въ голубыхъ экспрессахъ, дарить хрупкой и нѣжной подругѣ жемчугъ и орхидеи, глотать устрицы и запивать ихъ шампанскимъ. По крайней мѣрѣ такъ изображаютъ жизнь милліонеровъ американскіе фильмы. Пріятно быть лордомъ, жить въ прадѣдовскомъ домѣ подъ сѣнью каштановыхъ и тисовыхъ деревьевъ, въ старинномъ домѣ, гдѣ зимою въ огромныхъ каминахъ потрескиваютъ сосновыя полѣнья, а лѣтомъ въ открытыя окна прилетаютъ съ розовыхъ цвѣтниковъ и зеленыхъ газоновъ пчелы и шмели. Пріятно охотиться въ дубовыхъ рощахъ на лисицъ и оленей, и на бѣлой яхтѣ съ палевой, слегка отклоненной, трубой плыть въ Индію или Египетъ и, растянувшись на лонгшезѣ, дышать голубымъ воздухомъ южныхъ морей. По крайней мѣрѣ такъ описываютъ жизнь лордовъ романы великосвѣтскихъ писателей.

Лордъ Мидлэндъ былъ милліонеромъ, жилъ въ прекрасномъ прадѣдовскомъ домѣ, состоялъ членомъ самыхъ аристократическихъ клубовъ Лондона, охотился на тигровъ и оленей, и шесть мѣсяцевъ въ году проводилъ на борту своей бѣленькой яхты «Персей», которая неустанно дымила палевой трубой и рѣдко покидала благословенныя воды Средиземнаго моря. То она крейсировала у береговъ Алжира, то странствовала въ прелестномъ туманѣ Цикладъ, то неожиданно возвращалась въ Монако, гдѣ лордъ Мидлэдъ равнодушно проигрывалъ очередную тысячу фунтовъ. Равнодушіе и скука, кажется, были отличительными и главными свойствами его характера. Покуривая трубку, опираясь на поручни своей неугомонной яхты, онъ съ одинаковымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на грозные корабли его величества, на полуголыхъ греческихъ рыбаковъ, что ловятъ сѣтями скумбрію и кефаль у береговъ Морея, или на черномазыхъ арабовъ, грузящихъ хлопокъ въ Александріи на огромные британскіе пароходы. Онъ избѣгалъ свѣтскаго и всякаго другого общества, а письма, дѣловыя и не дѣловыя, недочитанными бросалъ въ море.

Рѣдко случалось въ его жизни что-нибудь такое, что бы привлекало его вниманіе или заставляло бы его удивляться. Одинъ изъ такихъ случаевъ произошелъ съ нимъ въ Марселѣ.

Однажды онъ наткнулся на одной изъ портовыхъ улицъ на своего двойника. Какой-то бѣдно и не по сезону одѣтый человѣкъ стоялъ у витрины фотографическаго магазина и разсматривалъ фотографіи. Сходство его съ лордомъ Мидлэномъ было поразительно: тотъ же ростъ, то же бритое худощавое лицо, тѣ же скучные голубоватые глаза.

— Удивительно, — подумалъ лордъ Мидлэндъ и вынулъ изо рта трубку.

— Простите, — обратился онъ къ незнакомцу, вы англичанинъ?

— Нѣтъ, я не англичанинъ, — отвѣтилъ тотъ и въ свою очередь окинулъ взглядомъ лорда.

— Но вы прекрасно говорите по-англійски, не правда-ли?

Незнакомецъ пожалъ плечами:

— Я русскій, по англійски я говорю съ дѣтства.

— Гмъ... пососалъ трубку Мидлэндъ, — вы не отказались бы выпить со мною рюмку коньяку?

Русскій опять пожалъ плечами:

— Пожалуй.

— Не правда ли странно, — спросилъ его англичанинъ, когда они сѣли за столикъ въ маленькомъ кабачкѣ, и хозяинъ налилъ имъ по рюмкѣ коньяку, — не правда ли странно, что мы такъ похожи другъ на друга? Вы не находите?

Они оба посмотрѣли въ зеркало и увидѣли двухъ совершенно похожихъ, какъ близнецы, людей. Только одинъ былъ въ сѣренькомъ, видавшимъ виды пиджачкѣ и въ полосатой рубашкѣ, а другой носилъ безукоризненный костюмъ, сшитый какимъ-нибудь лондоскимъ портнымъ и щегольское бѣлье.

— Да, — промолвилъ русскій, — дѣйствительно странно, какъ близнецы!

Послѣ третьей рюмки разговоръ принялъ болѣе непринужденный характеръ. Выяснилось, что собесѣдникъ Мидлэнда честный русскій эмигрантъ, работалъ на одной макаронной фабрикѣ, а послѣ ея закрытія разгружаетъ пароходы въ марсельскомъ порту.

— Что же вы намѣрены дѣлать дальше? — спросилъ лордъ Мидлэндъ.

— У меня есть письмо къ хозяину малярнаго предпріятія. Я думаю отправиться въ Парижъ.

— Такъ, — задумчиво произнесъ Мидлэндъ, и въ его головѣ роились какія-то необычно легкомысленныя мысли.

— Вотъ что, — сказалъ онъ, придвинувшись ближе къ собесѣднику, — не устроило бы васъ такое предложеніе...

Результатъ бесѣды былъ совершенно неожиданный и фантастическій. Въ этомъ грязномъ и подозрительномъ кабачкѣ было подписано соглашеніе, въ силу котораго они оба мѣнялись на одинъ годъ своимъ положеніемъ и даже именами. Въ теченіе года Борисъ Бобровъ долженъ былъ, превратившись въ лорда Мидлэнда, не покидать яхты и жить такъ, какъ жилъ лордъ, а лордъ получалъ эмигрантскія бумаги и письмо къ парижскому антрепренеру и превращался въ русскаго бѣженца Бориса Боброва.

— Олъ райтъ, — заключилъ лордъ Мидлэндъ, васъ это устраиваетъ?

— Устраиваетъ, — отвѣтилъ Бобровъ, которому казалось, что онъ спитъ и видитъ все это въ какомъ-то несуразномъ снѣ.

— Меня это тоже устраиваетъ, — пожалъ его руку лордъ.

Полетѣли телеграммы въ Лондонъ, въ банкъ «Куксъ эндъ Компани», и въ контору адвокатскаго дома «Ментигрю эндъ Сонъ» и всѣ формальности были въ одну минуту улажены.

Капитанъ яхты Бригсъ и его навербованная изъ малайцевъ команда и даже китаецъ бой не замѣтили никакихъ перемѣнъ въ своемъ патронѣ, который мало кого удостаивалъ разговора, и «Персей» направился въ обычное плаванье къ берегамъ Италіи. Лордъ Мидлэндъ, а теперь русскій бѣженецъ Борисъ Борисъ Бобровъ, взялъ билетъ на Марсельскомъ вокзалѣ и поѣхалъ въ третьемъ классѣ въ Парижъ.

Нельзя сказать, чтобы его первыя впечатлѣнія были очень пріятны, но онъ упрямо рѣшилъ пережить все то, что полагалось переживать Боброву, и безъ копейки денегъ явился въ Парижъ. Тамъ начались его мытарства.

Началось хожденіе по русскимъ учрежденіямъ, по редакціямъ газетъ, по консультаціямъ и по бюро труда. Русскаго языка онъ, конечно, не зналъ и пришлось сочинить исторію о томъ, что онъ разучился говорить по-русски, проведя десять лѣтъ въ Англіи. Въ одной изъ газетъ его пожалѣли и даже напечатали замѣтку о его злоключеніяхъ съ призывомъ жертвовать въ пользу несчастнаго соотечественника. «Мика съ Пикой» прислали два франка, «неизвѣстный» три, а какой-то старичекъ прислалъ изъ Турціи лиру. Впрочемъ, лорду удалось устроиться въ артель маляровъ, и въ скоромъ времени онъ довольно бодро красилъ стѣны парижскихъ домовъ, и нужно сказать, что новая работа ему очень понравилась. Онъ даже научился немного говорить по-русски, подпѣвалъ во время работы «не осенній мелкій дождичекъ», а въ русскомъ ресторанѣ «Золотой Орелъ», гдѣ онъ обѣдалъ съ новыми товарищами, научился пить водку и полюбилъ русскій борщъ. Отъ его сплина не осталось и слѣда.

— Очень хорошо, — говорилъ онъ, хлопая пріятеля по плечу, — выпьемъ водки? Замѣчательный напитокъ!

— Выпьемъ, — соглашался пріятель, партнеръ по малярному ремеслу, и оба тихонько затягивали какую-нибудь невеселую русскую пѣсню.

Новая жизнь окончательно показалась ему прекрасной, когда въ «Золотомъ Орлѣ» появилась кельнерша Анфиса Петровна. И какъ разъ въ это время истекалъ срокъ ихъ договора съ Бобровымъ. Отъ него уже пришло письмо съ напоминаніемъ, что нужно пріѣзжать въ Марсель. Бобровъ писалъ съ подозрительной настойчивостью. Очевидно ему осточертѣло плаванье на прекрасной яхтѣ по всякимъ поэтичнымъ морямъ. Мидлэндъ отыскивалъ въ свою очередь всякіе предлоги, чтобы оттянуть поѣздку въ Марсель.

— Какъ разъ патронъ обѣщалъ прибавить плату за часъ, — вздыхалъ лордъ, — это не плохо получать шесть франковъ семьдесятъ пять въ часъ. Очень обидно... Очень...

И въ первый разъ въ жизни лордъ Мидлэндъ задумался.

Ант. Ладинскій.

●

ВЪ РОТОНДѢ.

— Нѣтъ, я этюдовъ больше не пишу. Какого чорта! Ѣдешь писать на берегъ моря, расходуешься, мокнешь подъ дождемъ, портишь платье и сапоги, а потомъ картина не продается, и потомъ смотрѣть на нее тошно — сколько она тебѣ самому стоитъ. Я пишу теперь исключительно натюръ-мортъ. Купишь омара, полъ-дыни, винограду, бутылку вина, напишешь, а потомъ всю эту натуру съѣшь и выпьешь!

По крайней мѣрѣ, если картина не продается, не обидно.

«ДНЕВНИКЪ ГОРНИЧНОЙ».

Рис. Лотт.

— Сколько разъ, Жанъ, я васъ просила, — когда вы меня съ ведромъ встрѣчаете, не говорите мнѣ о чувствахъ!...

ВОТЪ ИМЕННО, «МОЛОДАЯ ГВАРДІЯ»!

Въ одномъ изъ «толстыхъ» совѣтскихъ журналовъ, напечатаны въ сурьезъ и не безъ внутренняго, надо полагать, восторга слѣдующіе стихи:

ЦИРКЪ.

Циркъ сіяетъ, словно щитъ,
циркъ на пальцахъ верещитъ,
циркъ на дудкѣ завываетъ,
душу въ душу ударяетъ.
Съ нѣжнымъ личикомъ испанки
и цвѣтами въ волосахъ —
тутъ дѣвочка — просвѣтлый ангелъ,
вiясь, плясала вальсъ-казакъ.
То вдругъ присвиснетъ одинокая,
совьется маленькимъ ужомъ
и вновь несется, нѣжно охая, —
прелестный образъ и почти-что нагишомъ.

Членовъ нѣжное устройство
на всѣхъ впечатлѣніе произвело...
Толпа встаетъ, всѣ дышатъ, какъ сапожники.
Во рту — слюны наваръ кудрявый.
Иные — даже самые безбожники —
полны таинственной отравой.
Лошадь бѣлая выходитъ,
блѣднымъ личикомъ вертя,
и на ней при всемъ народѣ
сидитъ полновѣсное дитя.

Вотъ, маша руками въ разъ,
дитя, смѣясь, сидитъ анъ-фасъ,
и вдругъ, взмахнувъ ноги обмылкомъ,
дитя сидитъ къ коню затылкомъ.
Тутъ опять всеобщее изумленіе
и похвала, и одобреніе.
Мальчишка, тихо хулиганя.
подружкѣ на-ухо шепталъ:
«Какая тутъ сварилась баня».
И дѣвку нѣжно обнималъ.
Она же, къ этому привыкнувъ,
сидѣла тихая, не пикнувъ:
законъ имѣя естества,
она желала сватовства.

Но вотъ опять арена скачетъ;
ходъ представленья снова начатъ:
два тоненькіе мужика
серьезно гнутся у шеста.
Одинъ, чертя рукой дѣвичьей,
на воздухъ медленный ползетъ,
то красный шарикъ выпускаетъ,
то внизъ — нарядный — упадетъ
и товарищу на плечи
легкой ножкою встаетъ.
На послѣдній страшный номеръ
вышла женщина — змѣя,
она усердно ползала въ соломѣ,
ноги въ кольца завія.
Проползавъ нѣсколько минутъ,
она совсѣмъ лишилась тѣла.
Кругомъ служители бѣгутъ:
Гдѣ? Гдѣ? Красотка улетѣла.

Тутъ пошелъ въ народѣ ужасъ,
всѣ свои хватаютъ шапки
и бросаются наружу,
имѣя дѣвокъ полныя охапки.
Надъ ними небо было рыто
веселой руганью двойной,
и жизнь трещала, какъ корыто,
летая книзу головой.

Н. Заблоцкій.

ДУХЪ И МАТЕРІЯ.

Получивъ новую интересную роль, актеръ Громобоевъ, любовникъ-неврастеникъ, пригласилъ въ пивную театральнаго парикмахера.

— Понимаешь ли, Осипъ Семенычъ, — сказалъ Громобоевъ, — я на тебя очень, другъ мой, разсчитываю. Ты мнѣ долженъ сдѣлать паркъ для этой роли съ голкомъ. Я хочу опереть типъ, понимаешь, или характеръ, что-ли, на внѣшность, связать психологію съ физіологіей этакимъ морскимъ, что-ли неразрынымъ узломъ. Ты можешь это сдѣлать, если только захочешь понять меня. Вѣдь ты же тоже художникъ. Я хочу, чтобы въ шевелюрѣ этого человѣка сказалась вся его нравственная, понимаешь-ли, усталость. Я мыслю его внѣшность — эти длинные волосы, эту рѣдкую бородку — въ разрѣзѣ глубочайшаго экспрессіонизма. Его волосы, которые недавно еще перебирали съ такой любовью любимые пальчики тончайшей женщины какъ-то умерщвлены теперь пережитыми неудачами. Это уже не кудри — это просто длинные волосы... но съ другой стороны — это и не грива пономаря! Въ нихъ есть интеллектъ, въ нихъ масса статики, но есть и динамика. И гдѣ-то въ нихъ пролетаетъ, или лучше я сказалъ бы залегаетъ, сѣдая прядь, этакій символъ и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтель мучительнѣйшей борьбы духа съ плотью... Ты понимаешь, Осипъ Семенычъ въ чемъ дѣло? Ты уже видишь, чего я хочу?

Осипъ Семенычъ сплюнулъ въ бокъ и сказалъ:

— Чего же тутъ не понимать? Подмастерье пойметъ! Городской шатенъ номеръ три съ просѣдью!...

ВЪ ДНИ КРИЗИСА.

Американскій фабрикантъ шелковыхъ издѣлій хвалится передъ своимъ конкурентомъ:

— Я выписалъ для своей фабрики машину самой послѣдней конструкціи: представьте себѣ, что въ верхнее отверстіе кладутъ коконъ, а изъ нижняго выходитъ готовый шелковый чулокъ!

Конкурентъ мрачно посмотрѣлъ на собесѣдника:

— Вы отстали, мой милый. Моя машина еще болѣе совершенна: въ верхнее отверстіе вы кладете коконъ, а изъ нижняго выходитъ протестованный вексель.

РОЛИ ПЕРЕМѢНИЛИСЬ.

— Ну, что вашъ сынъ? Дѣлаетъ, говорятъ, карьеру?

— Я думаю! Три года назадъ онъ еще носилъ мои переличованные пиджаки, а теперь я ношу его.

У ПРАЧКИ.

— Позвольте, позвольте! Вы потеряли мою сорочку и ставите мнѣ въ счетъ за ея стирку?!

— Такъ я же ее потеряла, когда она была уже выстирана!

ВЪ СУДѢ.

— Вы обвиняетесь въ томъ, что вы ударили месье Дюбуа, пропріетэра, къ которому вы явились для того, чтобы снять квартиру въ принадлежащемъ ему домѣ. Угодно вамъ разсказать, какъ это произошло?

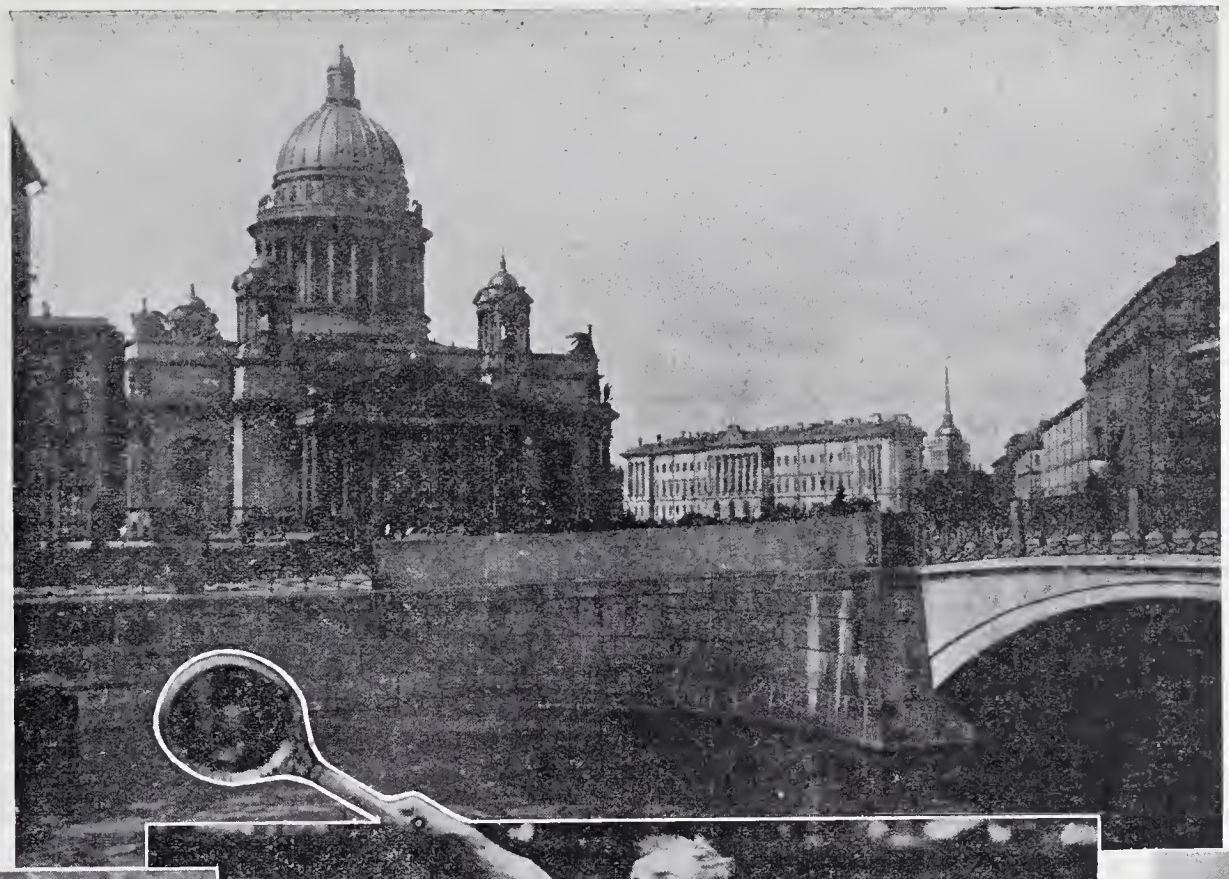
— Да произошло это, г. предсѣдатель, такъ. Прихожу я къ месье Дюбуа, дѣйствительно снять квартирку въ его домѣ. Онъ говоритъ: есть квартира, и ознакомьтесь съ моимъ контрактомъ. Читаю я контрактъ его, печатный, и вижу: условія адовыя. Дѣтей моложе 10 лѣтъ не имѣть, собакъ не держать, кошекъ тоже, не говоря уже о попугаяхъ. На рояли играть воспрещается. На пишущей машинкѣ стучать нельзя. На швейной машинѣ работать — ни-ни. Послѣ 10-ти часовъ вечера ходить по квартирѣ только въ туфляхъ. Плевать на лѣстницѣ воспрещается, окурки бросать на дворѣ воспрещается, цвѣты на подоконникъ выставлять не моги.

Я и говорю ему: «Месье Дюбуа ,да у васъ не домъ, а тюрьма какая-то. Чѣмъ у васъ квартиру снять, лучше руки на себя наложить». А онъ въ амбицію: «Какъ такъ, говоритъ, вы смѣете про мой домъ выражаться, что онъ тюрьма? Вы сами, можетъ, вчера изъ тюрьмы». Я ему говорю на это: «Месье Дюбуа, заткните вашу глотку». А онъ опять начинаетъ дерзить. Ну, я, дѣйствительно, и далъ ему разъ по шеѣ».

— Значитъ, вы признаете себя виновнымъ?

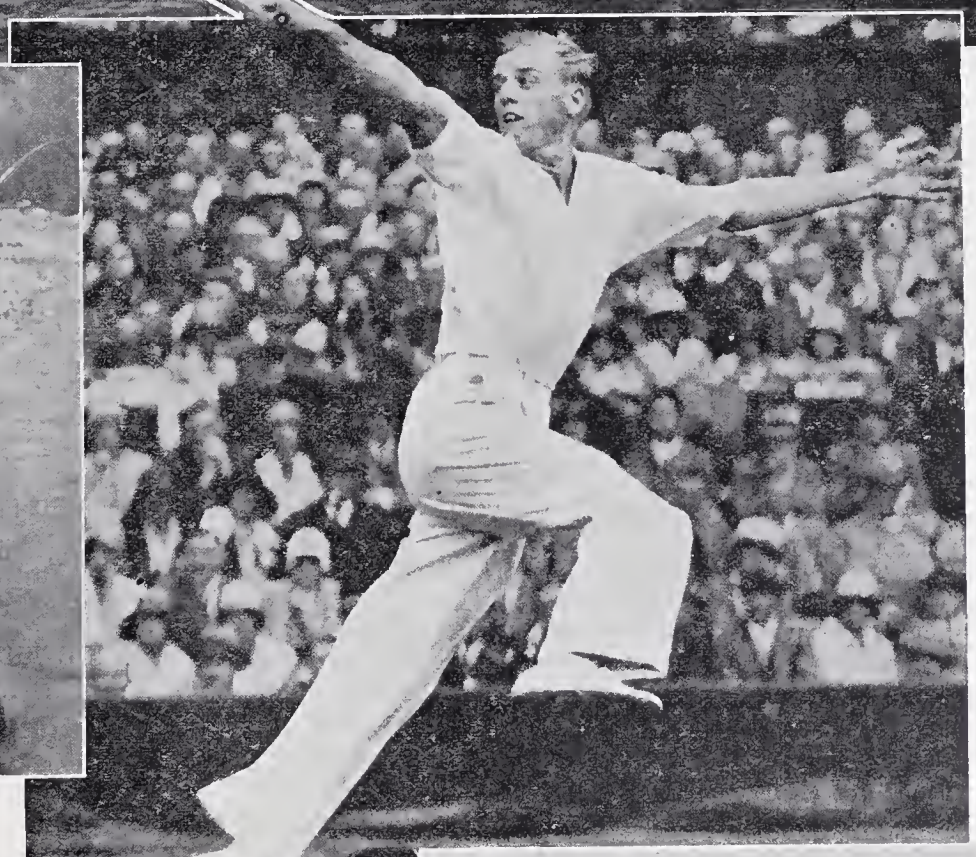
— Ни въ какомъ случаѣ, г. предсѣдатель. Если бы его нельзя было по шеѣ бить, какъ-же онъ такой важный пунктъ въ контрактѣ не предусмотрѣлъ-бы?!

СЕМЬ ДНЕЙ САТИРИКОНА



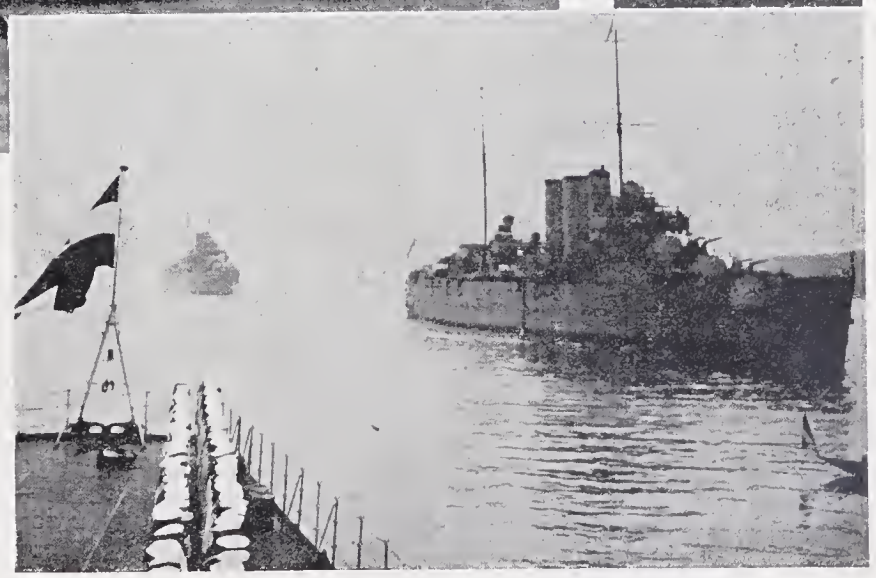
Петербургъ (фотографія, снятая этой весной).

Извѣстная киноартистка Эвелинъ Кнаппъ за своимъ любимымъ занятіемъ — рыбной ловлей въ горныхъ рѣчкахъ Калифорніи.



Побѣдитель теннисnаго состязанія въ Уимбледонѣ — американецъ Вудъ.

Послѣднія моды, напоминающія доброе старое время (на конкурсѣ элегантности въ Парижѣ).



Англійскій флотъ въ Кильскомъ каналѣ — въ первый разъ послѣ войны. Англійскіе корабли *Dorsetshire* и *Norfolk*, сняты съ германскаго крейсера.

БЛИЖНЕ-ВОСТОЧНЫЙ СЛУЧАЙ.

— Какое жулье эти цыгане, — сказалъ мнѣ старый Соломонъ, когда мы усѣлись съ нимъ на Алеппскомъ базарѣ подъ навѣсомъ кофейни, и кафэджи подалъ намъ по чашкѣ ароматнаго крѣпкаго кофе и глиняный кувшинъ съ ледяной водой. Изобрѣтательность этихъ цыганъ! Это прямо ужасъ! Это геніальные жулики. Я вамъ разскажу случай, который произошелъ со мною въ прошлый базаръ, такъ вы сами скажете, можетъ до такой штуки додуматься какая-нибудь другая голова, кромѣ цыганской... Вы слушайте...

Я выхожу раненько на базаръ. Вы знаете, я вѣдь покупаю не для себя. Мнѣ все равно, что купить. Что можно быстро продать и взять пользу — я уже покупатель. Такъ я это иду и вижу стоитъ цыганъ; незнакомый, не здѣшній какой-то, — и вывелъ лошадь. Лошадь — картина, а не лошадь. За такую лошадь тысячу піастровъ отдать такъ не жалко. Подержишь ее три дня и продашь турецкому офицеру за двѣ тысячи. Ну, я останавливаюсь и спрашиваю: «Сколько за лошадь хочешь?» И думаю: сейчасъ онъ загнетъ безумную цѣну. Но цыганъ говоритъ: «Сто піастровъ».

Я говорю: «Что?» Думаю, что не разслышалъ. Цыганъ повторяетъ: «Сто піастровъ».

Я говорю: «Что же, ты ее навѣрно пять минутъ назадъ укралъ здѣсь же, въ Алеппо, что ты ее за сто піастровъ продаешь?»

Цыганъ говоритъ: «Вамъ хорошо смѣяться. Я за нее шестьсотъ піастровъ заплатилъ самъ. Такъ вотъ она проклятая, захромала у меня, и такъ хорошо захромала, что хоть на конебойню ее веди».

И у цыгана слезы по лицу текутъ.

Ну, я думаю, это дѣло надо разслѣдовать. Если она даже и безнадежно хромая, такъ сто піастровъ она все равно стоитъ. Въ американскомъ госпиталѣ покупаютъ лошадей для какихъ-то тамъ сыворотокъ. Такъ неужели же я ее американцамъ за двѣсти не продамъ?

Словомъ, я подхожу и начинаю осматривать лошадь, какъ полагается. Вижу — молодая лошадь, четырехлѣтка. Статьи превосходныя. Беру ее подъ уздцы, веду, она дѣйствительно припадаетъ на правую переднюю, и здорово припадаетъ.

Цыганъ стоитъ и утираетъ слезы.

Поднимаю я лошади больную ногу, смотрю и глазамъ своимъ едва вѣрю. Ясно, почему она хромаетъ: она совершенно неправильно подкована. Какъ будто ее не кузнецъ подковывалъ, а сапожникъ. Я себѣ думаю: если ее расковать и поставить на недѣльку на мокрую глину, такъ она же выздоровѣетъ, какъ пить дать. Молодая же лошадь! Допустимъ, у нея глубокая рана или даже образовалось маленькое нагноеніе. Такъ я ее мѣсяцъ лѣчить буду, и неужели же я ее не подлѣчу достаточно, чтобы всучить ее покупателю? Игра стоитъ свѣчъ.

А въ это время начинаетъ подходить народъ. Начинаютъ лошадью интересоваться. Вижу, идетъ толстый Амбарцумъ который тоже не дуракъ дешево купить хромую лошадь и подлѣчить ее. Сто піастровъ не деньги. Наконецъ, можноже когда-нибудь и рискнуть. Словомъ, я говорю цыгану: «Давай руку». Я хлопаю, онъ обратно хлопаетъ, и прежде чѣмъ приковылялъ толстый Амбарцумъ, лошадь была моя.

Ну, въ это время подошелъ какъ разъ мой зять Иссахаръ, и я отправилъ съ нимъ лошадь домой, а самъ пошелъ еще въ ковровый рядъ. Туда изъ пустыни должны были ручные ковры привезти, — нѣмецкой фабричной работы. Это для туристовъ очень хорошій товаръ. Я имъ въ гостиницы доставляю.

Возвращаюсь я къ обѣду домой, выскакиваетъ Иссахаръ. «Отецъ, — говоритъ, — что ты сдѣлалъ? Вѣдь лошадь совсѣмъ хромая».

Я говорю: «Я знаю. Но отчего она хромая? Оттого, что она дуракомъ подкована...»

Иссахаръ не даетъ мнѣ говорить. «Отецъ, — говоритъ онъ, — она не дуракомъ подкована, а жуликомъ, и очень умнымъ. Она спеціально плохо подкована, чтобы покупатель рѣшилъ, что она хромаетъ отъ дурной ковки и что ее можно вылѣчить. А я снялъ подкову и посмотрѣлъ: у нея глубокій гнойникъ подъ бабкой и вообще она черезъ два часа околѣетъ».

Я поспѣшилъ осмотрѣть лошадь и убѣдился ,что мой Иссахаръ совершенно правъ. И, дѣйствительно, не черезъ два часа, но къ вечеру лошадь моя околѣла, и мнѣ пришлось продать ее на шкуру за двадцать піастровъ.

Такъ кто-нибудь кромѣ цыгана, способенъ придумать такую комбинацію? — заключилъ свой разсказъ старый Соломонъ. — Только цыганъ! Такую западню подстроить покупателю! Говорятъ, греки хитрые, армяне, мы, евреи, тоже не дураки... Но такъ завертѣть комбинацію съ такимъ тонкимъ разсчетомъ, — на это способенъ только цыганъ...

— Бѣдный Соломонъ, — сказалъ я, — такъ вы при всей вашей осторожности и при всей вашей опытности пострадали таки на восемьдесятъ піастровъ? Бѣдняга!

— Кто вамъ сказалъ, что я пострадалъ на восемьдесятъ піастровъ, — обидѣлся Соломонъ. — Откуда вы это взяли?

— Изъ вашихъ же словъ, — сказалъ я. — Вы заплатили за лошадь сто піастровъ, а выручили за нее двадцать.

— Да, — протянулъ старый Соломонъ, — но вѣдь я же тоже не вчерашній день родился! Я на всякій случай тоже принялъ свои мѣры. Бумажка въ сто піастровъ, которую я далъ цыгану, была, на всякій случай, фальшивая.

В. Оріентальскій.

СЛОЖНЫЙ СЛУЧАЙ.

Рис. Г. Ш.

Докторъ. — Помните, что микстуру надо принимать ровно за часъ до того, что вы проснетесь!

СОВРЕМЕННОЕ ДИТЯ.

— Хорошо развивается вашъ мальчишка?

— Чудно! Ему только 10 мѣсяцевъ, а онъ ужъ такой молоденъ...

— Выговариваетъ уже «папа»?

— Нѣтъ, «папа» онъ еще не выговариваетъ, но гудокъ нашего автомобиля имитируетъ чудесно.

ТРУДОДЕНЬ.

— Восемь рублей за десятокъ яицъ? Съ ума вы сходите, право. Вѣдь это же безумно дорого!

— Какое-же дорого, гражданка? Вы посудите сами: вѣдь каждое яйцо стоитъ курицѣ цѣлаго рабочаго дня, такъ или нѣтъ?

НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

— Дайте мнѣ, пожалуйста, два фунта порошка отъ клоповъ.

— Слушаю. Вы съ собой возьмете?

— А что же вы думали, я къ вамъ въ аптеку клоповъ монхъ пригоню?

ВЪ ЭМИГРАНТСКОМЪ РЕСТОРАНЧИКѢ.

— Кувырковъ, что ты канителишься съ этимъ кліентомъ, который спитъ за столомъ? Выставь его за дверь ко всѣмъ чертямъ. Здѣсь ресторанъ, а не ночлежка.

— Дуракъ я буду его выставлять! Я уже три раза будилъ его, и онъ каждый разъ платилъ мнѣ по счету и на чай давалъ.

Смѣхъ у другихъ.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОРЪ.

На Колоніальной выставкѣ.

— Ну какъ ты себя чувствуешь во Франціи?

— Все бы ничего — если бы не костюмъ. Дома я ношу пиджачную пару.

(*Ami du Peuple.*)

Требовательная кліентка.

— Я вполнѣ довольна вашей машинкой, но не могли бы вы прибавить нѣсколько неразборчивыхъ знаковъ для словъ съ труднымъ правописаніемъ?..

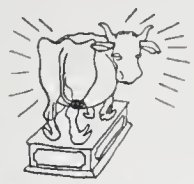
(*Le Rire.*)

Логика должника.

— Когда же наконецъ вы мнѣ заплатите, господинъ Швенглеръ?

— Очень жалѣю — совершенно невозможно. На что, собственно, вамъ мои деньги? Увѣряю васъ онѣ совершенно похожи на ваши...

(*Fliegende Blaetter.*)



Золотой теленокъ

Романъ изъ совѣтской жизни

Ильи Ильфа и Евгенія Петрова.

(Продолженіе).

Содержаніе предыдущихъ главъ:

«Тридцать сыновей и дочерей лейтенанта Шмидта» спекулируютъ на легковѣріи совѣтскихъ губернаторовъ, предсѣдателей исполкомовъ и проч.

Въ городѣ Арбатовѣ встрѣчаются главные герои романа, они-же и дѣти Шмидта, Остапъ Бендеръ, Шура Балагановъ и бывшій студентъ Паниковскій.

Но въ это время на сцену выступаетъ новый персонажъ, нѣкто Корейко, по геніальности далеко превосходящій всѣхъ дѣтей лейтенанта Шмидта, вмѣстѣ взятыхъ.

Пока Корейко умудряется раздѣть до гола цѣлую автономную республику на югѣ сов. Россіи, вышеупомянутая четверка «Шмидтовъ по призванію» совершаетъ тріумфальный автопробѣгъ изъ Арбатова въ Черноморскъ.

Смыслъ автопробѣга заключается въ томъ, чтобъ опередить на нѣсколько часовъ оффиціальный автомобильный кочкурсъ и снять, такимъ образомъ, пѣнки съ молока...

Эту ночь конторщикъ - милліонеръ не спалъ дома. До самого утра онъ шатался по городу, тупо разсматривалъ карточки голенькихъ младенцевъ въ стеклянныхъ витринахъ фотографовъ, взрывалъ ногами гравій на бульварѣ и глядѣлъ въ темную пропасть порта. Тамъ переговаривались невидимые пароходы, слышались милицейскіе свистки и поворачивался красный маячный огонекъ.

«Проклятая страна! — бормоталъ Корейко. — Страна, въ которой милліонеръ не можетъ повести свою невѣсту въ кино».

Сейчасъ Зося уже казалась ему невѣстой.

Къ утру побѣлѣвшій отъ безсонницы Александръ Ивановичъ забрелъ на окраину города. Когда онъ проходилъ по Бессарабской улицѣ, ему послышались звуки «Матчиша». Удивленный онъ остановился.

Навстрѣчу ему спускался съ горы желтый автомобиль. За рулемъ, согнувшись, сидѣлъ усталый шоферъ въ хромовой тужуркѣ. Рядомъ съ нимъ дремалъ широкоплечій малый, свѣсивъ набокъ голову въ стетсоновской шляпѣ съ дырочками. На заднемъ сидѣньи развалились еще двое пассажировъ: пожарный въ полной выходной формѣ и атлетически сложенный мужчина въ морской фуражкѣ съ бѣлымъ верхомъ.

— Привѣтъ первому черноморцу! — крикнулъ Остапъ, когда машина съ тракторнымъ грохотомъ проносилась мимо Корейко. — Теплыя морскія ванны еще работаютъ? Городской театръ функціонируетъ? Уже объявили Черноморскъ вольнымъ городомъ?

Но Остапъ не получилъ отвѣта. Козлевичъ открылъ глушитель и «Антилопа» утопила перваго черноморца въ облакѣ голубого дыма.

— Ну, — сказалъ Остапъ очнувшемуся Балаганову, — засѣданіе продолжается. Подавайте сюда вашего подпольнаго Рокфеллера. Сейчасъ я буду его раздѣвать. Охъ, ужъ мнѣ эти принцы и нищіе!

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава десятая.

ТЕЛЕГРАММА ОТЪ БРАТЬЕВЪ КАРАМАЗОВЫХЪ.

Съ нѣкотораго времени подпольный милліонеръ почувствовалъ на себѣ чье-то неусыпное вниманіе. Сперва ничего опредѣленнаго не было. Исчезло только привычное и покойное чувство одиночества. Потомъ стали обнаруживаться признаки болѣе пугающаго свойства.

Однажды, когда Корейко обычнымъ размѣреннымъ шагомъ двигался на службу, возлѣ самаго «Геркулеса» его остановилъ нахальный нищій съ золотымъ зубомъ. Наступая на волочащіяся за нимъ тесемки отъ кальсонъ, нищій схватилъ Александра Ивановича за руку и быстро забормоталъ:

— Дай милліонъ, дай милліонъ, дай милліонъ!

Послѣ этого нищій высунулъ толстый нечистый языкъ и понесъ совершенную уже чепуху. Это былъ обыкновенный нищій - полуидіотъ, какіе часто встрѣчаются въ южныхъ городахъ. Тѣмъ не менѣе Корейко поднялся къ себѣ, въ финансчетный залъ, со смущенной душой.

Съ этой вотъ встрѣчи началась чертовщина.

Въ три часа ночи Александра Ивановича разбудили. Пришла телеграмма. Стуча зубами отъ утренняго холодка, милліонеръ разорвалъ бандероль и прочелъ:

«Графиня измѣнившимся лицомъ бѣжитъ къ пруду».

— Какая графиня? — ошалѣло прошепталъ Корейко, стоя босикомъ въ коридорѣ.

Александръ Ивановичъ ничего не понялъ, но такъ волновался, что сжегъ телеграмму на свѣчкѣ.

Въ 17 к. 35 м. того же дня прибыла вторая депеша.

«Засѣданіе продолжается, милліонъ поцѣлуевъ».

Но въ эту же ночь принесли еще двѣ телеграммы-молніи. Первая:

«Грузите апельсины бочкахъ братья карамазовы».

И вторая:

«Ледъ тронулся точка командовать парадомъ буду я».

Послѣ этого съ Александромъ Ивановичемъ произошелъ на службѣ обидный казусъ. Умножая въ умѣ, по просьбѣ Чеважевской, 985 на 13, онъ ошибся и далъ невѣрное произведеніе, чего съ нимъ никогда въ жизни не бывало. Но сейчасъ ему было не до ариѳметическихъ упражненій. Сумасшедшія телеграммы не выходили изъ головы.

Онъ пытался успокоить себя мыслью, что это милыя шутки какихъ - то друзей, но эту версію живо пришлось отбросить.

Нищій высунулъ толстый нечистый языкъ...

Друзей у него не было. Что же касается сослуживцевъ, то это были люди серьезные и шутили только разъ въ году — перваго апрѣля. Да и въ этотъ день веселыхъ забавъ и радостныхъ мистификацій они оперировали только одной печальной шуткой: фабриковали на машинкѣ фальшивый приказъ объ увольненіи Кукушкинда и клали ему на столъ. И каждый разъ въ теченіе семи лѣтъ старикъ хватался за сердце, что очень всѣхъ потѣшало. Кромѣ того, не такіе это были богачи, чтобы тратиться на депеши.

Послѣ телеграммы, въ которой неизвѣстный гражданинъ увѣдомлялъ, что командовать парадомъ будетъ именно онъ, а не кто-либо другой, наступило успокоеніе. Александра Ивановича не тревожили три дня. Онъ началъ уже привыкать къ мысли, что все случившееся нисколько его не касается, когда пришла толстая заказная бандероль. Въ ней содержалась книга подъ названіемъ «Капиталистическія акулы» съ подзаголовкомъ: «Біографіи американскихъ милліонеровъ».

Въ другое время Корейко и самъ купилъ бы такую занятную книжицу, но сейчасъ онъ даже скривился отъ ужаса. Первая фраза была очеркнута синимъ карандашомъ и гласила:

«Всѣ крупныя современныя состоянія нажиты самымъ безчестнымъ путемъ».

Александръ Ивановичъ на всякій случай рѣшилъ пока что не навѣдываться на вокзалъ къ завѣтному чемодану. Онъ находился въ весьма тревожномъ расположеніи духа.

— Самое главное, — говорилъ Остапъ, прогуливаясь по просторному номеру гостиницы «Карлсбадъ», — это внести смятеніе въ лагерь противника. Врагъ долженъ потерять душевное равновѣсіе. Въ концѣ концовъ люди больше всего пугаются непонятнаго. Я убѣжденъ, что моя послѣдняя телеграмма «мысленно вмѣстѣ» произвела на нашего контрагента потрясающее впечатлѣніе. Все это — суперфосфатъ, удобреніе. Пусть поволнуется. Клієнта надо пріучить къ мысли, что ему придется отдать деньги. Его надо морально разоружить, подавить въ немъ реакціонные собственническіе инстинкты.

Произнеся эту рѣчь, Бендеръ строго посмотрѣлъ на своихъ подчиненныхъ. Балагановъ, Паниковскій и Козлевичъ чинно сидѣли въ красныхъ плюшевыхъ креслахъ съ бахромой и кистями.

— Паниковскій, — сказалъ Остапъ, — вамъ было поручено встрѣтиться сегодня съ нашимъ подзащитнымъ и вторично попросить у него милліонъ, сопровождая эту просьбу идіотскимъ смѣхомъ?

— Какъ только онъ меня увидѣлъ, онъ перешелъ на противоположный тротуаръ, — самодовольно отвѣтилъ Паниковскій.

— Такъ. Все идетъ правильно. Клієнтъ начинаетъ нервничать. Сейчасъ онъ переходитъ отъ тупого недоумѣнія къ безпричинному страху. Я не сомнѣваюсь, что онъ вскакиваетъ по ночамъ въ постели и жалобно лепечетъ: «Мама, мама». Еще немного, самая чепуха, послѣдній ударъ кисти, — и онъ окончательно дозрѣетъ. Съ плачемъ онъ полѣзетъ въ буфетъ и вынетъ оттуда тарелочку съ голубой каемкой...

Остапъ подмигнулъ Балагановъ. Балагановъ подмигнулъ Паниковскому. Паниковскій подмигнулъ Козлевичу и хотя честный Козлевичъ ровно ничего не понялъ, онъ тоже сталъ мигать обоими глазами.

И долго еще въ номерѣ гостиницы «Карлсбадъ» шло дружелюбное перемигиваніе, сопровождавшееся смѣшками, цоканьемъ языковъ и даже вскакиваніемъ съ красныхъ плюшевыхъ креселъ.

— Отставить веселье, — сказалъ Остапъ. — Пока что тарелочка съ деньгами въ рукахъ Корейко, если только она вообще существуетъ, эта волшебная тарелочка.

Затѣмъ Бендеръ предписалъ держать «Антилопу» наготовѣ.

— Ну, Шура, — сказалъ онъ, оставшись вдвоемъ съ Балагановымъ, — телеграммъ больше не надо. Подготовительную работу можно считать законченной. Начинается активная борьба. Сейчасъ мы пойдемъ смотрѣть на драгоцѣннаго теленочка при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей.

Держась въ прозрачной тѣни акацій, молочные братья прошли городской садъ.

Толстыя макаронныя буквы деревяннаго золота, составлявшія слова «Геркулесъ», замаячиво свѣтились. Солнце прыгало по саженнымъ стекламъ вертящейся двери. Остапъ и Балагановъ вошли въ вестибюль и смѣшались съ толпой дѣловыхъ людей.

Глава одиннадцатая.

ГЕРКУЛЕСОВЦЫ.

Какъ ни старались часто смѣнявшіеся начальники изгнать изъ «Геркулеса» гостиничный духъ, достигнуть этого имъ такъ и не удавалось. Какъ завхозы ни замазывали старыя надписи, онѣ все-таки выглядывали отовсюду. То выскакивало въ торговомъ отдѣлѣ слово «Кабинеты», то вдругъ на матовой стеклянной двери машиннаго бюро замѣчались водяные

Въ бѣлыхъ ваннахъ валялись дѣла...

знаки «Дежурная горничная», то обнаруживались нарисованные на стѣнахъ золотые указательные персты съ французскимъ текстомъ «Pour les dames». Гостиница перла наружу.

Служащіе помельче занимались въ рублевыхъ номерахъ четвертаго этажа, гдѣ останавливались въ свое время консисторскіе чиновники, пріѣзжавшіе на спеціальные съѣзды или маленькіе коммивояжеры съ варшавскими успками. Тамъ еще пахло подмышками, и стояли розовые желѣзные умывальники. Въ роскошныхъ: номерахъ съ ваннами и альковами гнѣздилось начальство. Въ бѣлыхъ ваннахъ валялись дѣла, а въ полутемныхъ альковахъ висѣли діаграммы и схемы, наглядно рисовавшія структуру «Геркулеса», а также связь его съ периферіей. Тутъ сохранились дурацкіе золоченые диванчики, ковры и почные столики съ мраморными досками. Въ нѣкоторыхъ альковахъ стояли даже панцырныя никелированныя кровати съ шариками. На нихъ тоже лежали дѣла и всякая нужная переписка. Это было чрезвычайно удобно, такъ какъ бумажки всегда находились подъ рукой.

Начальникъ всего «Геркулеса» тов. Полыхаевъ помѣщался въ бывшемъ зимнемъ саду, и секретарша его, Серна Михайловна, то и дѣло мелькала среди уцѣлѣвшихъ пальмъ и спкоморъ. Тамъ же стоялъ длинный, какъ вокзальный перронъ, столъ, покрытый малиновымъ сукномъ, за которымъ происходили частыя и длительныя засѣданія правленія. А съ недавняго времени въ комнатѣ ном. 262, гдѣ нѣкогда помѣщалась малая буфетная, засѣла комиссія по чисткѣ въ числѣ восьми ничѣмъ не выдающихся съ виду товарищей съ сѣренькими глазами. Приходили они аккуратно каждый день и все читали какія-то служебныя бумаженціи.

Когда Остапъ и Балагановъ подымались по лѣстницѣ, раздался тревожный звонокъ, и сразу же изъ всѣхъ комнатъ выскочили служащіе. Стремительность этого маневра напоминала корабельный авралъ.

Однако, это былъ не авралъ, а перерывъ для завтрака. Иные изъ служащихъ поспѣшили въ буфетъ, чтобы успѣть захватить бутерброды съ красной икрой. Иные же дѣлали променадъ въ коридорахъ, закусывая на ходу.

Изъ планового отдѣла вышелъ служащій благороднѣйшей наружности. Молодая округлая борода висѣла на его блѣдномъ, ласковомъ лицѣ. Въ рукѣ онъ держалъ холодную котлету, которую то и дѣло подносилъ ко рту, каждый разъ ее внимательно оглядѣвъ.

Въ этомъ занятіи служащему чуть не помѣшалъ Балагановъ, желавшій узнать, на какомъ этажѣ находится финечетный отдѣлъ.

— Развѣ вы не видите, товарищъ, что я закусываю? — сказалъ служащій съ негодованіемъ отвернувшись отъ Балаганова.

И не обращая больше вниманія на молочныхъ братьевъ, онъ погрузился въ разглядываніе послѣдняго кусочка котлеты. Осмотрѣвъ его со всѣхъ сторонъ самымъ тщательнымъ образомъ и даже понюхавъ на прощанье, служащій отправилъ его въ ротъ, выпятилъ грудь, сбросилъ съ шид-

жака крошки и медленно подошелъ къ другому служащему, стоявшему у двери своего отдѣла.

— Ну, что. — спросилъ онъ, оглянувшись, — какъ самочувствіе?

— Лучше-бъ не спрашивали, товарищъ Бомзе, — отвѣтилъ тотъ и, тоже оглянувшись, добавилъ: — развѣ это жизнь? Нѣтъ никакого простора индивидуальности. Все одно и то же, пятилѣтка въ четыре года, пятилѣтка въ три года.

Сотрудники ритмично били въ ладоши...

— Да, да, — зашепталъ Бомзе, — просто ужасъ какой-то! Я съ вами совершенно согласенъ. Именно, никакого простора для индивидуальности, никакихъ стимуловъ, никакихъ личныхъ перспективъ. Жена, сами понимаете, домашняя хозяйка, и та говоритъ, что нѣтъ стимуловъ, нѣтъ личныхъ перспективъ.

Новый звонокъ, извѣщавшій о концѣ аврала, вернулъ служащихъ въ номера. Работа возобновилась.

Собственно говоря, слова «работа возобновилась» не имѣли отношенія къ прямой дѣятельности «Геркулеса», заключавшейся по уставу въ различныхъ торговыхъ операціяхъ въ области лѣсо- и пиломатеріаловъ. Послѣдній годъ геркулесовцы, отбросивъ всякую мысль о скучныхъ бревнахъ, диктовыхъ листахъ, экспортныхъ кедрахъ и прочихъ неинтересныхъ вещахъ, предались увлекательнѣйшему занятію: они боролись за помѣщеніе, за любимую свою гостиницу.

Все началось съ маленькой бумажки, которую принесъ въ брезентовой разносной книгѣ лѣнивый скороходъ изъ Коммунотдѣла.

«Съ полученіемъ сего, — значилось въ бумажкѣ, — предлагается вамъ въ недѣльный срокъ освободить помѣщеніе бывш. гостиницы «Капръ» и передать со всѣмъ бывш. гостиничнымъ инвентаремъ въ вѣдѣніе гостиничнаго треста. Вамъ предоставляется помѣщеніе бывш. акц. о-ва «Жесть и бетонъ». Основаніе: постановленіе Горсовѣта отъ 12/1929 г.»

Эту бумажку вечеромъ положили на столъ передъ лицомъ товарища Полыхаева, сидѣвшаго въ электрической тѣни пальмъ и сикоморъ.

— Какъ! — нервно вскричалъ начальникъ «Геркулеса». — Они пишутъ мнѣ «предлагается»! Мнѣ, подчиненному непосредственно центру. Да, что они съ ума тамъ посходили? А?

— Они еще бы написали «предписывается», — поддала жару Серпа Михайловна. — Мужланы!

— Это просто анекдотъ, — сказалъ Полыхаевъ, мрачно улыбаясь

Немедленно же былъ продиктованъ отвѣтъ самаго рѣшительнаго характера. Начальникъ «Геркулеса» наотрѣзъ отказывался очистить помѣщеніе.

— Будутъ знать въ другой разъ, что я имъ не ночной сторожъ, и никакихъ «предлагается» мнѣ писать нельзя, — бормоталъ товарищъ Полыхаевъ, вынувъ изъ кармана резиновую печатку со своимъ факсимиле и въ волненіи оттиснувъ подпись вверхъ ногами.

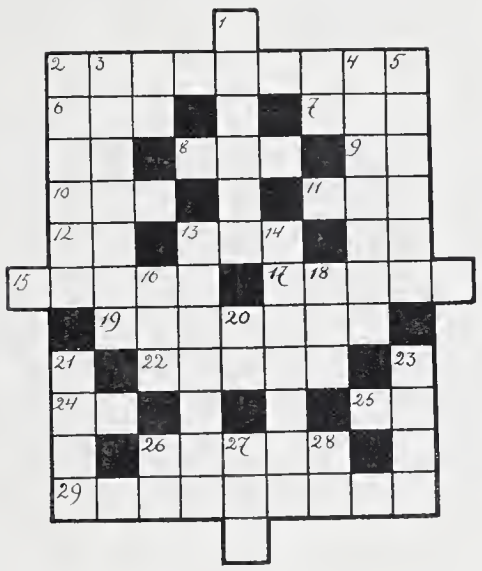
Цѣлую недѣлю послѣ этого геркулесовцы обсуждали создавшееся положеніе. Служащіе сходились на томъ, что Полыхаевъ не потерпитъ такого подрыва своего авторитета.

— Вы еще не знаете нашего Полыхаева, — говорили молодцы изъ финсчета. — Онъ мытый-перемытый. Его на голое постановленіе не возьмешь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРЕСТОСЛОВИЦА № 8.

СОСТАВИЛЪ МИЧМАНЪ ДЫРКА.



Горизонтально:

2. Несчастная дѣвушка. Сирота, была низко обманута докторомъ философіи, а братъ ея былъ убитъ на дуэли. 6. Ему поручаютъ партію Вани въ «Жизни за Царя». 7. Глупое слово: произносить его до того, какъ перескочишь, не рекомендуется, а однажды перескочивши, нѣтъ никакого смысла произносить его. 8. Парижская газета. 9. Изъ исторіи медицины и рѣшенія многихъ крестословицъ извѣстно, что онъ изобрѣлъ дифтеритную сыворотку. 10. Озеро въ Арменіи. 11. Необходима въ столовой во время обѣда и въ кабинетѣ во время сочиненія юмористики для «Сатирикона». 12. Мѣстоименіе въ произношеніи колхозника. 13. Координируется съ прилагательнымъ «жирный». 15. Американскій штатъ. 17. Составная часть жирныхъ маселъ. 19. Какой тамъ къ чорту ягуртъ! Гораздо вкуснѣ и питательнѣе. 22. Любовныя проказы. 24. Поговорка гласитъ, что два лучше. На этомъ убѣжденіи можетъ быть и основано увлеченіе парламентаризмомъ. Въ парламентахъ ихъ набирается до шестисотъ и больше. 25. Ассоціируется со старой Москвой. 26. Когда была молода и прекрасна, отвергла любовь чухонца, а превратившись въ старую каргу, стала этому же чухонцу бросаться на шею. «Печальной ветхости картина»... 29. Авторъ пьесы о лягушкахъ.

Вертикально:

1. Турецкій святой. 2. Апостолъ. 3. Не будучи отнюдь композиторомъ, сочинилъ «симфонію». 4. Русскій городокъ. 5. Авторъ романа объ ослѣ. 13. Хозяинъ Кота въ сапогахъ. 14. Итальянскій государственный дѣятель. 16. Не нашъ и не ихъ. 18. Денежные знаки. 22. Лопай! 21. Мужское имя. 23. Согласно поговоркѣ, на вороту не виснетъ. Но что вообще виснетъ на вороту, кромѣ развѣ заблудшаго волоса? 26. Отрицаніе. 27. Общеупотребительное сокращеніе. 28. Инициалы имени и отчества одного присяжнаго повѣреннаго Округа С.-Петербургской Судебной Палаты, ночевавшаго обычно у себя дома, но проведшаго рядъ безпокойныхъ ночей и въ Зимнемъ Дворцѣ.

РѢШЕНІЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 7.

Горизонтально:

1. Берберова. 8. Этна. 9. Макъ. 11. На. 12. Баулъ. 13. Иза. 14. Точно. 15. Арша. 18. Аве. 20. Явка. 21. Кодъ. 24. Аа. 25. Магогъ. 28. Ежъ. 30. Рio. 32. Воробей. 34. Илъ. 35. Потакали.

Вертикально:

1. Еенуа. 2. Эта. 3. Бабушка. 4. Раутъ. 5. Обложка. 6. Аминадо. 7. Ока. 10. Азовъ. 16. Ивановъ. 17. Аа. 19. Ель. 22. Огонекъ. 23. Шарый. 25. Молотъ. 26. Ге. 27. Эбро. 29. Жюри. 31. Віа. 33. Ба.

Е. М. Ш. Парижъ. — Вашъ разсказъ о покупкѣ дачи производитъ сильное впечатлѣніе.

И дача, судя по разсказу, вполнѣ пригодна для жилья; и садъ хорошій; и деревья столѣтнія; и условія платежа божескія...

Вообще видно, что все это вы пережили остро и съ непосредственностью впечатлительной и темпераментной натуры.

Несмотря однако на всѣ вышеперечисленныя достоинства, разсказъ напечатанъ не будетъ.

И только по той простой причинѣ, что «Сатириконъ» органъ юмористовъ, а не дачевладѣльцевъ.

А юмористическаго въ вашемъ произведеніи ровно столько же, сколько знаковъ препинанія...

— Ни одного.

Впрочемъ, пользуйтесь дачнымъ отдыхомъ, и не принимайте близко къ сердцу резолюціи нашего подавленнаго городской суетой редактора:

« Ни юмора, ни препинанія...»

Валентину Валентинову. — Все это очень высокопарно, надумано, а главное не весело.

До того не весело, что плакать хочется.

До того плакать хочется, что слезы рѣкой текутъ.

До того рѣкой текутъ, что утопиться можно.

И до того утопиться можно, что мы прямо диву даемся:

— Отчего васъ на берегу нѣтъ?!

Редакторъ-издатель: **М. Г. Корнфельдъ.**

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ

„НАША РѢЧЬ“

издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.

Редакторъ-Издатель: С. М. ГАЗІЕВЪ.

Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse*. Въ Парижѣ — въ « *Publicité Metzl* », *Rue de Turbigo*, 51, *Paris VIII*e и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ «Нашей Рѣчи» С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier*, 7, *Paris IX*e.

РЕСТОРАНЪ
“CHEZ KORNILOFF”

6, rue d'Armaillé между avenue Carnot и des Ternes
(Tél. Carnot 52 - 49)

Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ влад.
Ф. Д. КОРНИЛОВА.
Prix-fixe Завтракъ — 15 фр.
Обѣдъ — 20 фр. и à la carte

ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА:
Среда — ботвинья; четв. — чахохбили; пятн. — царскій студень; субб. — разсольникъ; воскр. — поросенокъ; пон. — бефъ-бун; вторникъ — пельмени.

Ежедн.: кулебяка, блины, осетрина, рябчики, чахохбили, гурьев. каша
Самый элегантный и уютный русско-французскій ресторанъ Парижа

Аптека

Всѣ патентованныя средства
Всѣ анализы

38, av. Félix-Faure,
Tél. Vaugir. 44-15

Паста - Порошекъ - Эликсиръ
ESKA
по форм. С. С. Кострицкаго б. зубн. врача Госуд. Импер.
Наилучшія, научно - обоснованныя средства для ухода за зубами и полостью рта
Продаются только въ аптекахъ
Laboratoires ESKA, A. Hobchette
Dr. en Pharmacie.
76, rue Orfila, PARIS (20)

Зубоврачебн. кабинетъ **М. Когенъ**
D. F. M. P.
8, Rue Duban (16). Pl. Passy. Auteil 95-14
Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6.
Остальные дни 10-8 час. веч.

Прошедшее, настоящее и будущее
Извѣстная Ясновидящая
пріемъ ежедневно, кромѣ воскрес. 3—7 ч. веч.
Mme Cherbatoff
10 rue Froidvaux, второй этажъ
рядомъ съ метро Denfert Rochereau

А. С. ШАПИРО
Петр. Прис. Пов. licencié en droit
Налоги, натур., уставы, Pru'h'mmes
11, rue Mogador, tél. Centr. 11-35.
Ежедн. 11-12 и 5-6 ч., суб. 11-12 ч.

Дав. Е. Каганъ
Кандидатъ Парижск. Унив.
Взысканія, уставы общ-въ, разводы и проч.
новый адресъ:
8, square Port Royal (13)
(15, rue de la Santé)
Téléphone Gobelins 61-95
пріемъ 10—12 и 6—8 ч. веч.

ВЕТЕРИНАРНАЯ КЛИНИКА
Проф. Н. А. ИЛЬИНА
Пріемъ: 2-6 ч. кромѣ воскр.
45, avenue Emile Zola, 45,
Tél.: Vaugir. 18-99
ПАНСІОНЪ ВАННЫ

КОНДИТЕРСКАЯ
JULIEN
25, rue Bosquet
во дворѣ на право
Téléphone SEGUR 68-27
Métro : Ecole Militaire
доставка на домъ

Общество взаимнаго Кредита “СОЮЗЪ”
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). Tél. Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрышн. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер.

Денежные переводы и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9

ДЛЯ СЛАБЫХЪ И ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХЪ
MAISON DE REPOS
Doctoresse B. LEVANTISSE
Діэтическій столъ. Прекраеный уходъ. Комфортъ модернъ. Большой садъ. Гидротерапія, Массажъ, Гимнастика. Ультра-фіолетовые лучи, Діатермія.
Постоянное дежурство врача
Комната съ полнымъ пансіономъ, включая уходъ и пр. отъ 50 фр. въ сутки.
(5 минутъ отъ Porte Champerret около 25, Bd Bineau)
47. rue Parmentier,
NEUILLY s/s
Téléphone: MAILLOT 10-84

Требуйте во всѣхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ:
ГОЙЕРЪ Л. В. — **Жестокосердный камешщикъ**
Романъ изъ исторіи третьяго вѣка христіанства.
Его-же - **Запретный хлѣбъ**
Повѣсти.
Складъ издат. въ кн. магаз. „МОСКВА“
« LIBRAIRIE MOSKVA »
9, rue Dupuytren, Paris 6e

Юридическій Кабинетъ
БЮРО ОФФИЦІАЛ. ПЕРЕВОДОВЪ
Консультаціи и выполн. всѣхъ формальностей предписан. новымъ закономъ и соціальн. страх., исключ. утромъ до 12 съ половиной час.
MARC BILLIS et FILS
присяжный переводчикъ при Парижскомъ трибуналѣ и кандидатъ правъ (Парижскаго университета).
24. rue Laffitte. Paris.
Tél. : Provence 84-56. Métro Opéra.
Пріемъ отъ 9 до 12 и отъ 2 до 6.30 ч.
Существуетъ въ Парижѣ съ 1864 г.
Говорятъ по русски.

BERCK-PLAGE PENSION MILA
12. rue Lavoisier
въ 2-хъ шагахъ отъ пляжа
ХОРОШІЙ ПИТАТЕЛЬНЫЙ СТОЛЪ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ

Сатирикон’

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи	Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ странахъ, вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза		160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почт. Союза		177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: 51, Rue Vivienne. Paris (2e)
Téléphone: GUTENBERG 05-40

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII. Цѣна отд. ном. 1 шилл.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8. Цѣна отд. ном. 20 л.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tcl. Barbarossa 4881. Postscheckkonto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГОЛЛАНДІЯ.	Роттердамъ. — Van Ditmar, Post Box 262, Rotterdam.
ГРЕЦІЯ.	Афины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitorv, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 70 л. с.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko,* Khiabané Post Hané Koutcha Beha es Saltaneh N°4. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovie. Цѣна отд. ном. зл. 1.35.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré. Цѣна отд. ном. 25 лей
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York.
	Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra. Цѣна отд. ном. 25 піастр.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors. Ц. отд. ном. ф. м. 6.50
	Выборгъ. — *Ivankov,* Linnankatu, 8, Wiiborg.
	Келломяки. — *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel Ц. отд. и. К. Ч. 5.50
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon,* Goldschmiedstrasse, Reval.
	Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 70 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre,* Ul. Kn. Mihailova br. 27.

17.027 АДРЕСОВЪ АМЕРИКАНСКИХЪ МИЛЛІОНЕРОВЪ
444 " МИЛЛІАРДЕРОВЪ
5410 " АМЕРИК. БЛАГОТВОРИТ. УЧРЕЖД.

Адреса МАНУФАКТУРИСТОВЪ, ИЗОБРѢТАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЕВЪ, БАНКИРОВЪ, КИНО - РЕЖИССЕРОВЪ и др.

100 адресовъ 3 доллара
200 " 5 "
1000 " 18 "

Деньги можете посылать въ любой валютѣ

Наша фирма существуетъ съ 1908 года

Adress: A. R. BOGIN, 201 2nd Avenue

New York, N. Y. U. S. of America

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ **Л. РИХТЕРЪ, Рига**

Представительница Е. Михайловская

9, rue Auguste Vitu, Paris (15). Métro Javel. Tél. Vaugirard 65-59.

САМЫЯ ДЕШЕВЫЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ

Нѣкоторыя цѣны за килограммъ

Масло сливочное въ жестянкѣ **22** фр. **50**. **Грудинка 16** фр.
Сало свиное въ жестянкѣ **16** фр. **Колбаса** сухая 1 с. **28** фр. **50**
Упаковка, страховка, отправка за 5 к. **25** фр., за 10 к. **50** фр.
Пріемъ заказовъ ежедн. не исключая воскр. и праздн. съ 9 ч. у. до 9 ч. веч.

ПЕРЕВОДЫ и ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ на небывало выгодныхъ условіяхъ. Переводы съ ручательствомъ за выплату въ 15 дней.

BANQUE pour l'ARBITRAGE et COMMISSION

6, Rue Buffault. PARIS (9) Tél. Provence 95-20 и 95-21

TOUT DERNIER CONFORT ASCENSEUR - CHAUFFAGE CENTRAL - CHAMBRES avec BAINS - EAU CHAUDE ET FROIDE

Tél. VAUGIRARD 10-77
Télégr. Hotelef 5 Paris

PENSION-HOTEL DE LA PORTE DE VERSAILLES

15, rue de la Grotte PARIS (15e)

Angle du Boulevard Lefebre - Près la Foire de Paris)

Nord-Sud : Porte de Versailles - Aut. : Aut. A. G. Bourse - Tram. : 89 Hôtel de Ville

У ДИМЫ УСОВА
въ ресторанѣ "ДЖИГИТЪ"
19, Boulevard Edgard-Quinet
Музыка. Пѣніе. Танцы. ежедневно играетъ **Михаилъ Бурже**
Prix fixe 7.50 до 9 часовъ вечера и **à la carte**
Ресторанъ всегда открытъ всю ночь

НАЛОГИ Учрежденіе обществъ. Всѣ юридич. акты. Разводъ. Регистрація фирмъ. Выборка патентовъ. Взысканія. Натурализація. Консультація по всѣмъ вопросамъ.

JACQUES KARNAOUCH lic. en droit

3, rue du Pasteur Wagner. (на углу 26, Bd. Beaumarshais). M-ro Bastille

Tél. Roquette 07-66.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ принимаетъ

Комитетъ Помощи Голодающимъ въ Россіи (Comité Russe de Secours)

7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9)

M-o Clichy. Tél. Trinité 29-92 et la suite

Пріемъ исключительно отъ 3--7

IMPRIMERIE
COOPÉRATIVE ÉTOILE
17, Rue de la Comète

Téléphone : Invalides 11-50 — PARIS (7) — R. C. S. 227.770 — Métro : La Tour-Maubourg

TOUS GENRES DE TRAVAUX EN TOUTES LES LANGUES

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала контора журнала

САТИРИКОНЪ

проситъ г.г. подписчиковъ, срокъ подписки коихъ истекаетъ, ВОЗОБНОВИТЬ ЕЕ заблаговременно

РУССКАЯ МАСТЕРСКАЯ ДАМСКОЙ И МУЖСКОЙ ОБУВИ НА ЗАКАЗЪ

MAX

10, Rue Edmond Roger yr. Rue Violet, PARIS (XVe)

Téléphone Vaugirard 52-15.

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), téléph. Inval. 11-50 — Le Gérant : *N. Kornfeld.*

ИСТОРІЯ ОДНОГО ГРАФИНЧИКА.

Рис. Г. Шильтяна.

— Какъ пріятно въ этомъ чужеземномъ Вавилонѣ встрѣтиться съ соотечественникомъ и услышать родную русскую рѣчь!

— Ваше здоровье!

— Будьте и вы здоровеньки!...

— А пріятно, чортъ возьми, выпить съ хорошимъ человѣкомъ, безъ точекъ зрѣнія...

— Внѣ партій и внѣ программъ, но однако-же на платформѣ активизма и интервенціи...

— Вы ошибаетесь, милостивый государь!... Ни активизма, ни интервенціи!... Поступательный прогрессъ, и съ республикой въ результатѣ!!!

— Ага!.. Вотъ какъ!.. Республики захотѣлось?!.. А между глазъ не желаете?! А подъ правое ребро не хотите?!... Рразъ!.. Рразъ!... Рразъ!...

PRIX EN FRANCE : Frs 3. – 25 ІЮЛЯ 1931. 25 JUILLET 1931. ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

Сатирикон

SATYRICON

1931 еженедѣльное изданіе № 17

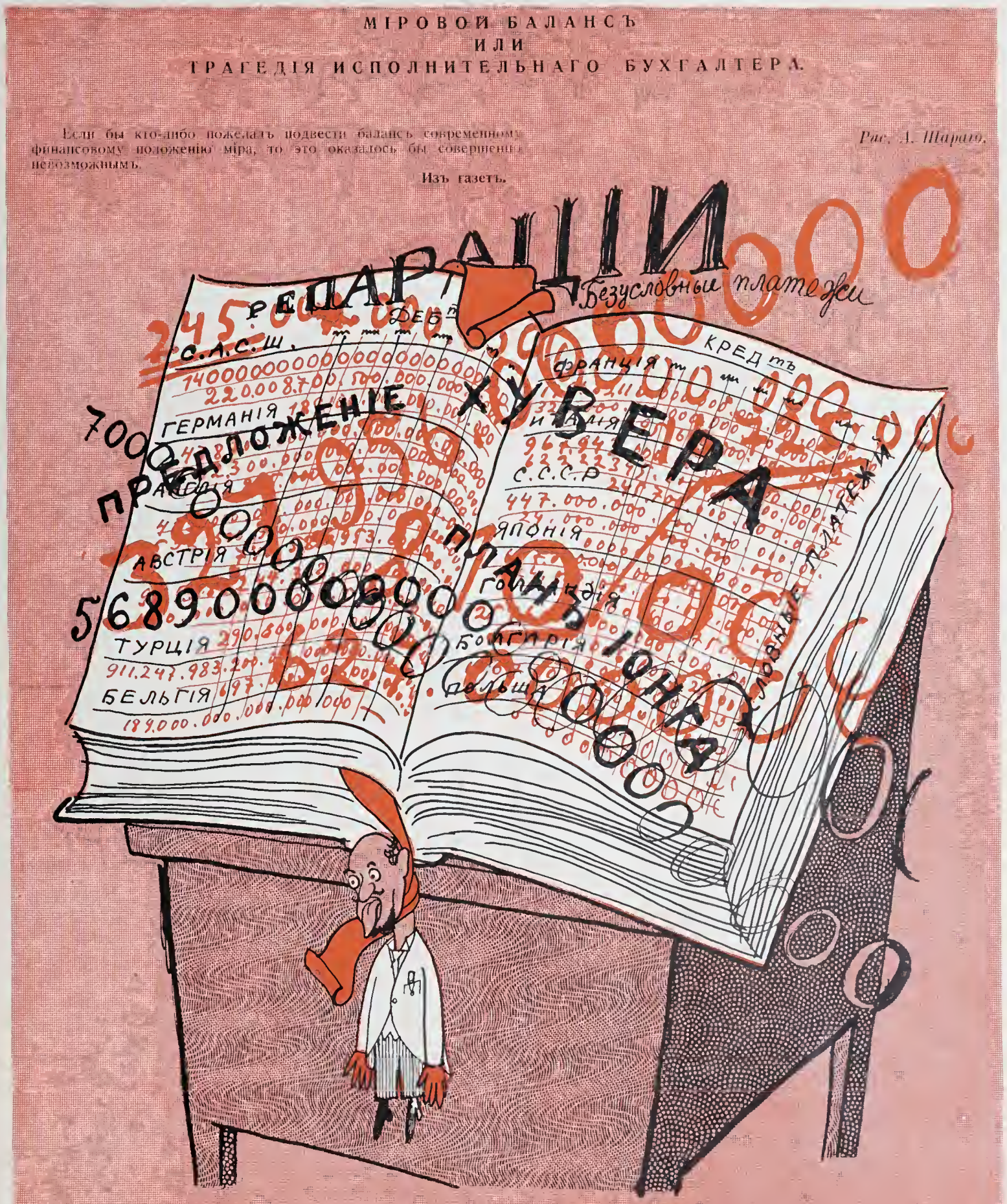
Hebdomadaire Russe *Rédaction et Administration :* 51, *Rue Vivienne, PARIS* (2e) *Directeur M. Kornfeld*

МІРОВОЙ БАЛАНСЪ
ИЛИ
ТРАГЕДІЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО БУХГАЛТЕРА.

Если бы кто-либо пожелалъ подвести балансъ современному финансовому положенію міра, то это оказалось бы совершенно невозможнымъ.

Изъ газетъ.

Рис. А. Шарапо.



«Съ тѣхъ поръ, какъ Высшій Судія»
Возстановить велѣлъ мнѣ числа,
Искать прилежно началъ я
Ихъ окончательнаго смысла.

Но между началомъ и концомъ
Настоль все было неизвѣстно,
Что, извинившись предъ Творцомъ,
Рѣшилъ повѣситься я честно!...

Fin tragique d'un comptable présomptueux qui s'est aventuré à dresser le bilan mondial.

Рис. Шварца.

CHEWING-GUM

Презрительно - опущенныя губы.
Жевательный и непріятный звукъ.
Они жуютъ. Ихъ золотые зубы
Вонзаются въ упругій каучукъ...

Они жуютъ на фабрикѣ, на дачѣ,
Возставъ отъ сна и отходя ко сну.
Они жуютъ, когда природа плачетъ,
Когда природа празднуетъ весну.

Они жуютъ въ сенатахъ и въ палатахъ,
На берегу и въ тишинѣ каютъ.
Жуютъ во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ,
И въ каждомъ Штатѣ всѣ они жуютъ.

Они жуютъ отъ перваго момента
До самаго послѣдняго въ судьбѣ.
Когда они хоронятъ президента
И выбираютъ новаго себѣ.

Они жуютъ отъ мала до велика,
Причемъ, хранятъ молчанія печать.
Они жуютъ, оглядывая дико
Глупца, который смѣетъ не жевать.

И какъ они не получаютъ сыпи,
Чумы! Всего, что сокращаетъ вѣкъ?!
Они жуютъ отъ устьевъ Миссисипи
До устьевъ менѣе роскошныхъ рѣкъ.

Они жуютъ. Проходятъ дни и годы.
Они жуютъ, слѣдя временъ полетъ,
За исключеньемъ Статуи Свободы,
Которая, какъ будто, не жуетъ.

Мѣняя видъ всего земного шара,
Вулканы рвутъ несовершенный міръ.
Бѣснуется сѣдая Ніагара,
Таинственный задумался Памиръ.

Мѣняются и судьбы, и правленья
Народовъ, странъ, и малыхъ, и большихъ.
Они жуютъ въ часы землетрясенья,
Когда оно касается не ихъ.

На материкъ зловѣщимъ ураганомъ
Глухія тучи медленно ползутъ.
За Атлантическимъ, далекимъ океаномъ
Они молчатъ, считаютъ и жуютъ.

Да будетъ такъ! Своеобразна прелесть
И выводы естественныхъ наукъ:
Америка — единственная челюсть,
Европа — неизбѣжный каучукъ.

Донъ-Аминадо.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ «САТИРИКОНА»

Въ цѣляхъ наиболѣе раціональнаго распредѣленія «Сатирикона» по кіоскамъ, Гл. контора покорнѣйше проситъ гг. читателей покупать журналъ по возможности въ одномъ и томъ же кіоскѣ или магазинѣ.

Въ случаѣ, если у вашего газетчика не окажется «Сатирикона», Гл. контора проситъ увѣдомить ее по адресу:

51, rue Vivienne, Paris (II).

«НА ЛУНАЧАРСКОЙ УЛИЦѢ».

На Луначарской улицѣ,
Стоялъ высокій домъ...
В. Маяковскій.

У народнаго комиссара Луначарскаго пріемъ въ Зимнемъ Дворцѣ.

Народный комиссаръ сидитъ въ кабинетѣ, обтянутомъ веселенькимъ кретономъ въ цвѣточкахъ, за декадентскимъ письменнымъ столомъ бѣлаго дуба. Кругомъ — диванчики, пуфы, семь слоновъ, колченогій тигръ. Народный комиссаръ, должно быть предпочитаетъ «изящный уютъ» — дворцовой пышности. Онъ, конечно, могъ бы выбрать помѣщеніе повнушительнѣй. Выбирать есть изъ чего — весь Зимній Дворецъ.

Вотъ, напримѣръ, Штернбергъ, комиссаръ «отдѣла Изобразительныя Искусствъ». Онъ прибылъ изъ Парижа, точнѣе изъ «Ротонды», прямо въ Зимній Дворецъ, чтобы «принять власть» изъ рукъ «призвавшаго» его пролетаріата. Выборъ пролетаріата былъ сдѣланъ правильно. У Штернберга былъ солидный художественный стажъ фотографа-ретушера. Было и марксистское прошлое — вечера проведенные на углу Распай и Монпарнасса за бокомъ и художественно-революціонной бесѣдой съ будущимъ наркомомъ искусствъ.

Возставшій пролетаріатъ на примѣрѣ Давида Штернберга лишній разъ показалъ свое умѣніе ставить людей, какъ разъ на то мѣсто, къ которому они предназначены самой судьбой. Телеграммой Луначарскаго — онъ призвалъ Штернберга вершить россійскія художественныя судьбы. Спѣшно, отретушевавъ послѣдніе заказы (не стоитъ ссориться съ кліентами — неизвѣстно, какъ еще обернутся дѣла), выпивъ въ Ротондѣ прощальное демі — Штернбергъ прибылъ.

Помѣщеніе себѣ — не въ примѣръ Луначарскому — онъ выбралъ величественное.

Маленькій, щуплый, заикающійся — онъ сидитъ въ какихъ-то раззолоченныхъ хоромахъ. Кругомъ малахитъ, штофныя занавѣси, саженныя вазы. Въ гигантскомъ креслѣ на львиныхъ лапахъ съ кожаной обивкой, тисненной золотыми орлами, въ сѣренькомъ пиджачкѣ и голубыхъ манжетахъ Линоль (не требуютъ прачки — целлулоидировано — патентъ) сидитъ бывшій фотографъ-ретушеръ, а нынѣ, послѣ Луначарскаго, «Первое лицо въ живописи» — Давидъ Штернбергъ. Сидитъ — и скучаетъ. У Луначарскаго — полная пріемная. У Штернберга — никого. За неимѣніемъ дѣлъ, онъ занимается на досугѣ.. немного зыбытымъ въ Ротондѣ — русскимъ языкомъ.

— У меня болитъ нога — читаетъ онъ вслухъ.

— Нога, — поправляетъ приставленный къ нему секретарь.

Штернбергъ обижается.

— Ви поправляйте настоящія ошибки, товарищъ. А ви придираетесь къ пустякамъ. Нога — нога — ну какая разница!

Рѣдкихъ посѣтителей Штернбергъ занимаетъ разговорами о парижской художественной жизни.

— Пикассо!... Если только онъ замѣтитъ у васъ тамъ краску или интересный мотивъ — такъ кончено. Укралъ. У насъ на Монпарнассѣ всѣ художники его остерегаются. Если онъ придетъ — я такъ и говорилъ: погодите, господинъ Пикассо, — у меня не прибрано. И пока онъ ждетъ за дверью — всѣ холсты переверну къ стѣнѣ. Такъ ему что! Такой нахалъ, — перевернетъ обратно и все высмотритъ. И если что ему понравится, — такъ это уже не вашъ мотивъ, — это его мотивъ...

Но посѣтители у Штернберга рѣдки. Похвастать секретаремъ и царскимъ помѣщеніемъ, потолковать о Пикассо —

не всегда удается. Посѣтители, пока, минуя кабинетъ комиссара Изобразительныхъ Искусствъ, осаждаютъ пріемную народнаго комиссара.

Кокетливая пріемная — тоже кретонъ, пуфы и слоны — полна народу. Какая смѣсь одеждъ и лицъ!... Итальянецъ-скульпторъ, спеціалистъ по «Ню» (преимущественно на шрукѣ льва или со змѣей) принесъ проектъ памятника Лассалю. Актриса изъ Акваріума — очень миловидная, кстати — хлопочетъ о переводѣ въ Маріинскій. Старуха-княгиня съ трясущейся сѣдой головой — держитъ свернутую трубкой жалобу на Совѣтъ, грабящій ея особнякъ. Тутъ же и предсѣдатель совѣта — жуликоватый молодой человѣкъ въ галифэ крутя усъ, презрительно поглядываетъ на старуху: посмотримъ, чья возьметъ. Іеронимъ Ясинскій, — первый изъ крупныхъ русскихъ писателей, — признавшій большевиковъ. Саженный ростъ, сѣдая грива, выраженіе лица — сплошное благородство. Очень импозантный старикъ. Для воспроизведенія на открыткахъ, на фонѣ серпа и молота, вполнѣ замѣняетъ Льва Толстого. Ну и эстеты, поэты, художники въ возрастѣ отъ семнадцати до двадцати трехъ, все больше лѣвыхъ теченій — ничевоки, всеки, ослиные хвосты, бубновые тузы. Теперь на ихъ улицѣ праздникъ футуризмъ оффиціально объявленъ господствующимъ искусствомъ. Что-жъ, въ добрый часъ!

Собственно пролетаріата — почти не видно, если судить по платью. Впрочемъ, — вотъ въ углу два не то старшихъ дворника, не то водочныхъ сидѣльца, солидно переговариваются:

— Да этто тебѣ не шутки. Этто тебѣ не вакса.

— Родной племянникъ, сестры сынъ. Все наше семейство отъ него отчуралось. Первое дѣло воръ, второе дѣло — пьяница, запойный, — третье дѣло, — хулиганъ. Родную мать только и не зарѣзалъ, что на прежде того отъ горя померла...

— Да... Это тебѣ не шутки.

...Лежитъ, бывало на Лиговкѣ ,въ дерьмѣ, рожа расцарапана, на ногахъ опорки...

— Да... Это тебѣ...

...Теперь комиссаръ въ нашемъ районѣ. Захожу къ нему — все таки племянникъ, сестры сынъ. Насчетъ муки и вообще. Сидитъ онъ, братъ ты мой, за ломбернымъ столомъ, куртка на немъ кожанная, новенькая, золотые зубы вставилъ. Эй, — кричитъ, — подать мнѣ мою машину. — Ѣду въ партейный комитетъ...

— Это тебѣ не вакса. Многое случается. А сюда зашли по какому дѣлу?

— Насчетъ стеколъ. Стекла выбитыя подрядились въ Зимнемъ вставлять. А вы?

— За разрѣшеніемъ. На рояль. Рояль у насъ въ домѣ съ самой войны въ подвалѣ стоитъ. Нѣмецкій. Зря стоитъ. Домовый комитетъ постановилъ распилить на дрова. Анъ — нельзя безъ Луначарскаго. За разрѣшеніемъ и пришелъ. Думаете, выдастъ?

— Выдастъ. Онъ, говорятъ, добрый...

...Въ общемъ просителей человѣкъ пятьдесятъ. Секретарь Луначарскаго — молодой человѣкъ, блѣдный, томный, съ чолкой на лбу, съ подведенными глазами и сиреневымъ галстукомъ папильономъ. Онъ — эстетъ неопредѣленной профессіи. Лицо его давно примелькалось всѣмъ посѣтителямъ «Вѣны», «Бродячей Собаки», разныхъ концертовъ и вернисажей. Онъ уже лѣтъ десять толчется въ петербургской богемѣ. Всѣ его знаютъ въ лицо, никто не знаетъ толкомъ, ни кто онъ, ни какъ его фамилія.

Женоподобный и завитой, секретарь — не помнитъ зла. Не помнитъ небрежно протянутыхъ двухъ пальцевъ, невѣжливо недослушанныхъ изліяній, не отвѣченныхъ поклоновъ на улицѣ. Нѣтъ — «власть» не вскружила ему голову.

На любезныя улыбки тѣхъ, кто вчера еще отворачивался отъ него — онъ отвѣчаетъ сіяющей готовностью сдѣлать все отъ него зависящее для старыхъ пріятелей. Такихъ оказалось вдругъ множество.

На густо-напудренномъ лицѣ товарища - секретаря играетъ смѣсь томности, растерянности, удовольствія. Граціознымъ жестомъ онъ откидываетъ портьеру, отдѣлующую будуаръ-пріемную отъ будуара народнаго комиссара. Изъ толпы просителей новоиспеченные друзья дѣлаютъ ему знаки — меня... меня. Секретарь на минуту задумывается: какъ бы провести пріятелей внѣ очереди, не вызвавъ неудовольствія остальныхъ? А! Придумалъ.

— Граждане, кто съ запиской отъ Горькаго — пожалуйте.

Три четверти ожидающихъ радостно вскакиваютъ: я... я...

...У народнаго комиссара — пріемъ. Онъ сидитъ, обложенный папками, печатями, циркулярами и другими аттрибутами власти. Поблескивая пенснэ, онъ перебираетъ эти бумаги, смѣты, чертежи...

Входитъ посѣтитель.

— Прошу садиться, — бросаетъ народный комиссаръ, мелькомъ, но проницательно взглянувъ на вошедшаго и снова опуская взглядъ.

— Прошу садиться. Изложите ваше дѣло. По возможности короче. Я страшно занятъ.

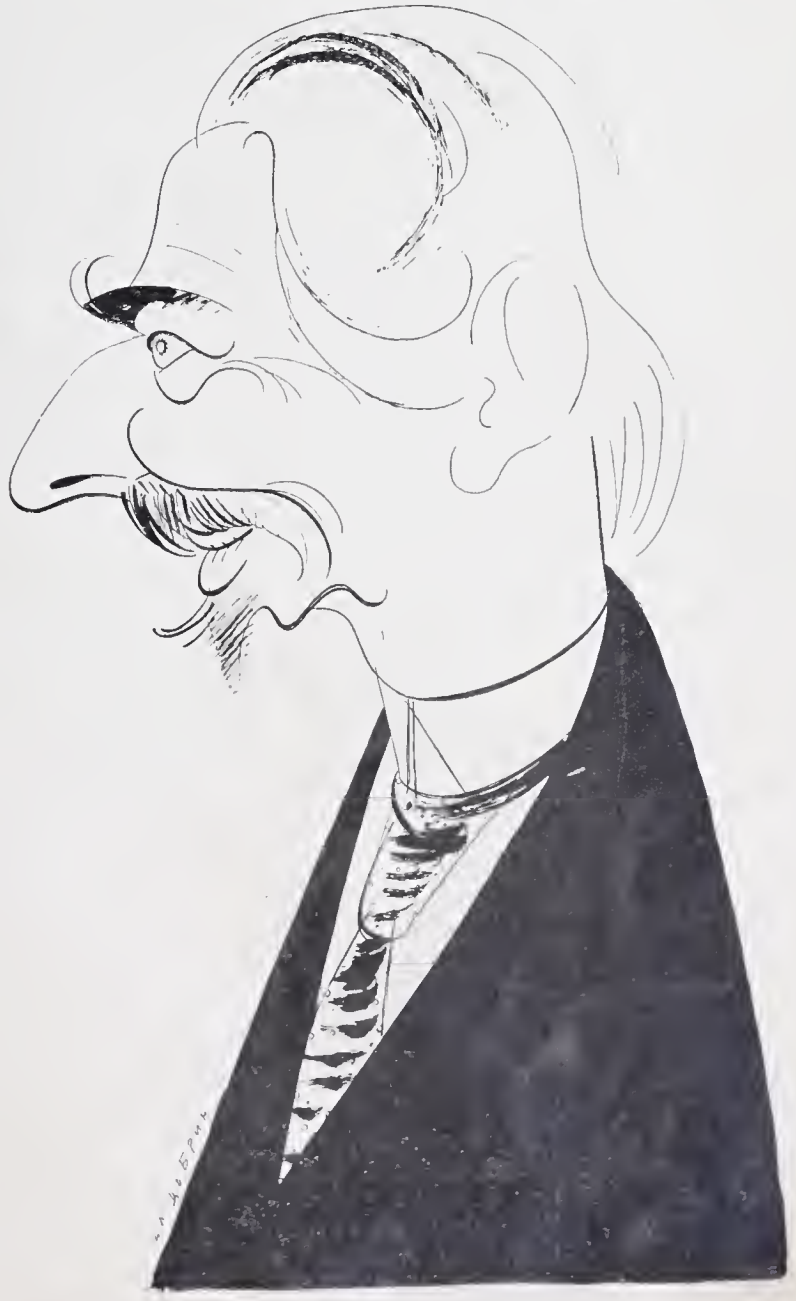
Посѣтитель рѣдко излагаетъ дѣло самъ. По большей части, у него есть записочка отъ Горькаго, не отъ Горькаго, такъ отъ кого-нибудь другого.

— Вотъ, товарищъ комиссаръ, — мнется онъ. — Вотъ... письмо отъ... гдѣ... я...

Дрръ.... Звонитъ переносный телефонъ на столѣ у Луначарскаго. Дръ... Дрръ... Дрръ... Алло! — Да перестаньте же звонить, товарищъ. Алло! У телефона народный комиссаръ... Дрръ... Дрръ... Дръ... Алло! Да перестаньте же звонить!

ДРУЖЕСТВЕННЫЕ ШАРЖИ.

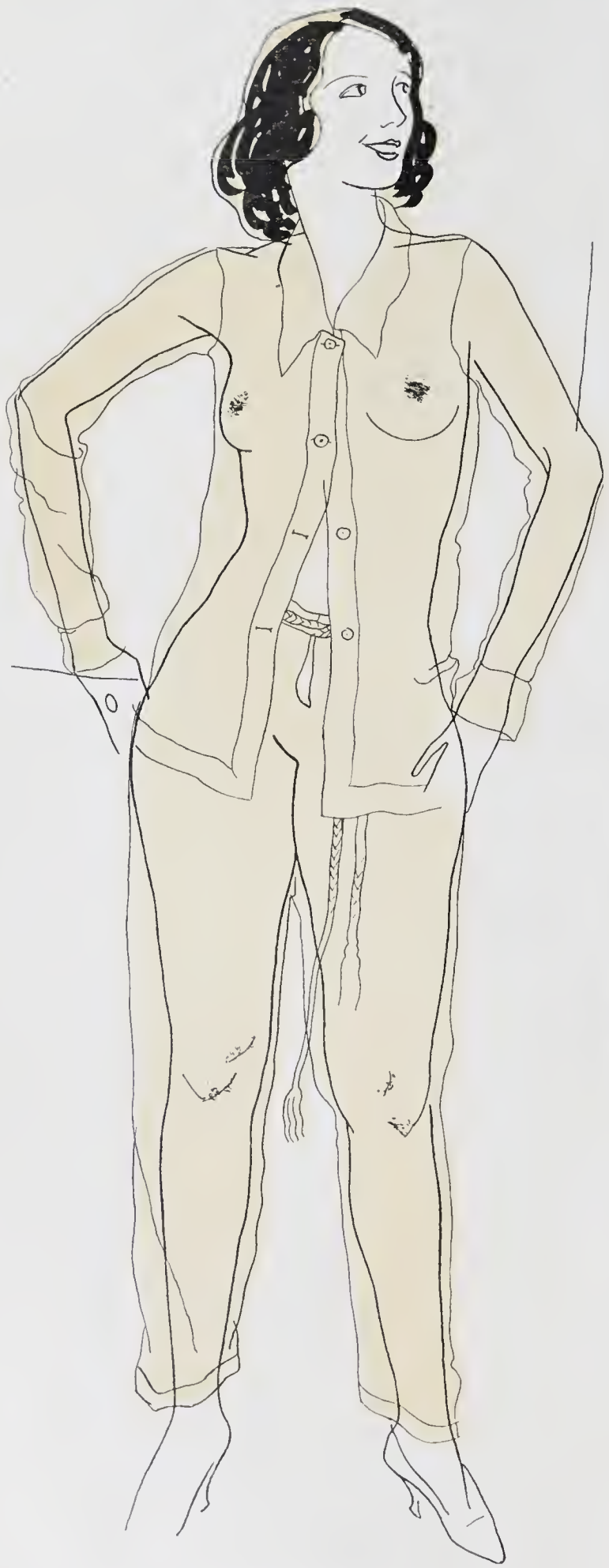
Рис. М. Добринова.



Мякотинъ-Пражскій.

«ВЕСГАЛКА».

Рис. Н. Ильина.



Гдѣ римскія матроны,
И мудрость ихъ и свѣтъ?
Гдѣ фижмы и роброны
Послѣдующихъ лѣтъ?
И дѣвичій, лилейный
Источникъ бытія?
Гдѣ барышни кисейной
Не все, но кисея?!

Наконецъ, телефонъ перестаетъ звонить. Телефонъ новенькій. «Акустика» въ немъ хорошая. Не одному Луначарскому слышно, какъ на другомъ концѣ проволоки кто-то надрывается:

— Откуда?...

— У телефона народный комиссаръ...

— Откуда! Зимній? Позовите Якова.

Луначарскій, пожимая плечами, оборачивается къ секретарю. — Спрашиваютъ какого-то Якова. Есть у насъ товарищъ Яковъ?

Секретарь презрительно улыбается. — Яковъ? У насъ? Connais pas — вдругъ жеманно выпаливаетъ онъ, забывъ о неумѣстности для представителя рабоче-крестьянской власти парижскихъ оборотовъ... Понятія не имѣю, поправляется онъ, смутившись. Впрочемъ... Кажется, кто-то изъ товарищей-служителей. Я сейчасъ справляюсь.

Онъ граціозно ныряетъ за портьеру.

Луначарскій ждетъ, поблескивая пенснэ и перебирая бумаги. Ждетъ и посѣтитель, машинально откручивая кончикъ конверта на письмѣ, гдѣ все изложено.

— Откуда?... Зимній... Откуда?... — гудитъ снятая телефонная трубка...

Черезъ нѣкоторое время — секретарь возвращается въ сопровожденіи румяной бабы. Она распространяетъ сильный запахъ Жуковскаго мыла, рукава ея засучены.

Баба берется за трубку. Хлопокъ мыльной пѣны, помедливъ на ея локтѣ, падаетъ на портфель народнаго комиссара.

— Откуда?...

— Яковъ Петровичъ вышли. На Васильевскій, струментъ починять. Скоро долженъ вернуться.

— У... У... У... — гудитъ трубка.

— Только сейчасъ признали? — жеманится баба. Вотъ вы какіе, не узнаете... Маланья Сидоровна и есть...

Она жеманится и болтаетъ. Новый клокъ пѣны начинаетъ собираться на багровомъ конусѣ ея локтя, угрожая на этотъ разъ колѣну Луначарскаго. Народный комиссаръ осторожно отодвигаетъ колѣно.

— Вотъ вы какіе, — воркуетъ баба, — безъ дѣловъ къ намъ ужъ и не заглянете...

На лицѣ Луначарскаго смѣсь досады — время деньги — съ озабоченной торжественностью — да, пролетарскіе министры, не царскіе. Проситель, открутивъ уголъ рекомендательнаго письма, теперь тщательно его разглаживаетъ. Губы эстета - секретаря, противъ его воли, складываются въ брезгливую усмѣшку.

...Вотъ вы какіе... А еще кумы...

Наконецъ, это торжество демократизма — кончается. Баба уходитъ. Снова берясь за бумаги, Луначарскій бросаетъ:

— Къ вашимъ услугамъ, товарищъ. А?... Письмо? Позвольте...

Съ сурово озабоченнымъ видомъ онъ пробѣгаетъ письмо.

— Гмъ.... Отсрочка призыва?... Дѣятель искусства... Конечно... Лично я — безспленъ... Впрочемъ...

— Товарищъ, — обращается онъ къ машинисткѣ, — будьте добры...

— ...Военному комиссару... Прошу... Въ видѣ исключенія... Отсрочку... Совершенно незамѣнимому... Лично мнѣ извѣстному...

Какъ ваша фамилія?

— Петровъ.

— ...Лично мнѣ извѣстному товарищу Петрову... А фамилія вашего друга?

— Поповъ.

— ...И лично мнѣ извѣстному, высокоталантливому...

...Сіяя, «лично извѣстный и высокоталантливый» уходитъ, унося свѣже-отпечатанное отношеніе. Просьба Луначарскаго - еще подѣйствуетъ на этотъ разъ. Комиссаръ, прочтя адресованную ему просьбу, поморщится, но все-таки исполнитъ просимое. Только все сильнѣй они морщатся, все неохотнѣе исполняютъ... Скоро...

...Въ кабинетѣ Луначарскаго уже новый посѣтитель. Снова народный комиссаръ, грозно — благосклонно — диктуетъ:

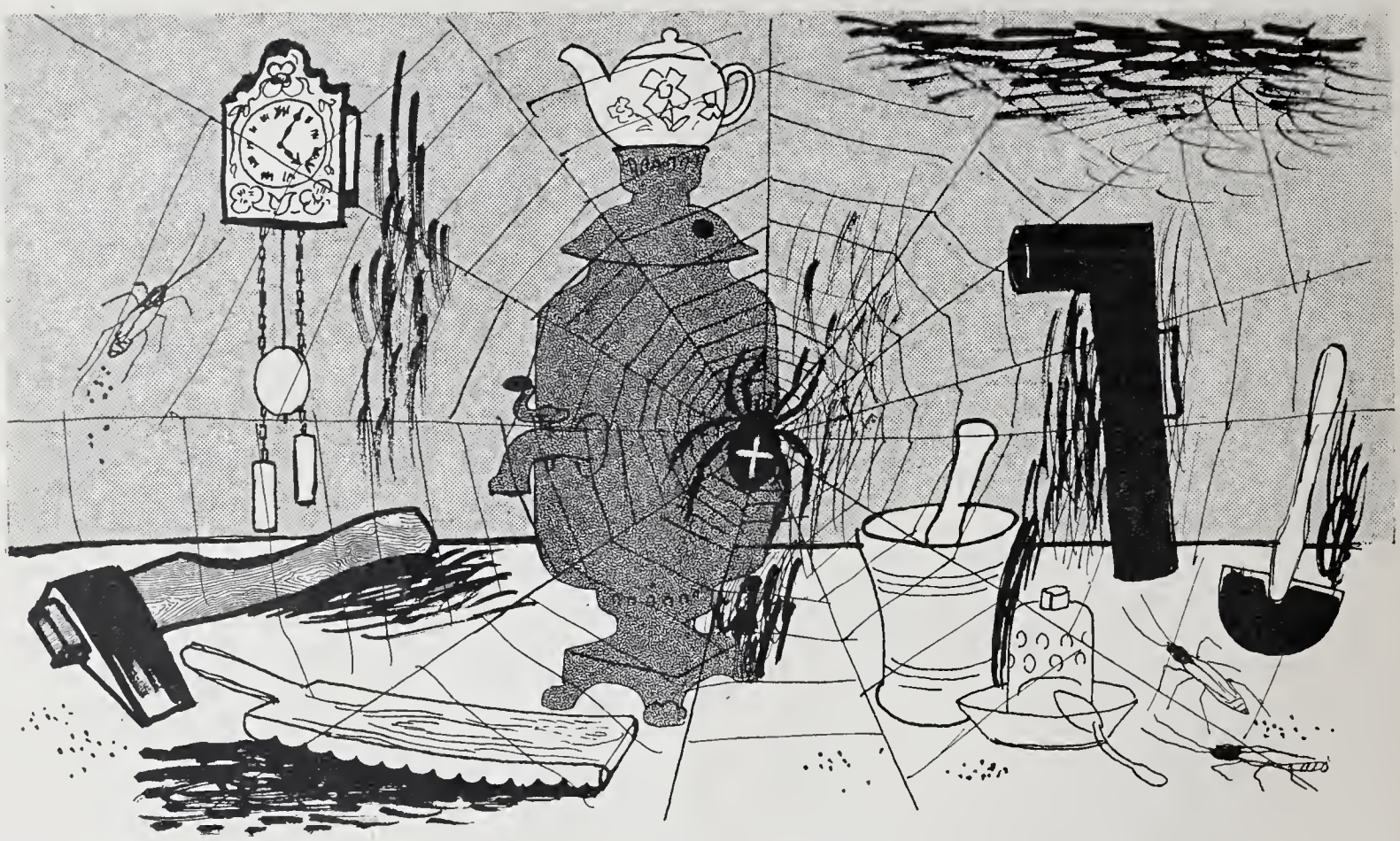
КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ **ЭМИГРАЦІИ.**

Рис. А. Шараю.

ИЛЬЯ ИЛЬИЧЪ ОБЛОМОВЪ.

«...О славномъ прошломъ воздыхаетъ
И Ять слезами обливаетъ...»

Рис. Тварца.



Ушелъ россійскій бытъ. Домовъ зіяютъ окна.
Пыль многолѣтнюю чета хозяйскихъ рукъ
Съ вещей не омететъ, и долгія волокна
Который годъ прядетъ задумчивый паукъ.
Ушелъ россійскій бытъ. Веселыя тревоги
Не мѣритъ маятникъ, часы прервали ходъ,
Старинный котъ не дремлетъ на порогѣ,
И бодрый песъ не лаетъ у воротъ.
Ушелъ россійскій бытъ. Сумерничать безъ свѣта
Гость не придетъ и въ восхищеньи нѣмъ
Отъ самовара, — тульскаго поэта,
Не будетъ ждать застѣнчивыхъ поэмъ. В. Г.

«...Въ изъятіе изъ правилъ, прошу снять арестъ съ сейфа, принадлежащаго гражданину Сапогову, предсѣдателю ассоціаціи поэтовъ-футуристовъ «Кубъ».

Снова наркомъ размашисто расписывается и протягиваетъ гражданину Сапогову завѣтную бумажку. Гражданинъ Сапоговъ, вѣроятно, добьется своего и, вынувъ изъ сейфа свои брошки и протсигары, успѣетъ уѣхать за границу. Но скоро... Скоро — военный комиссаръ, прочтя просьбу Луначарскаго, топнетъ ногой и разорветъ ее въ клочья. И комиссаръ банковскій холодно улыбнется въ лицо предсѣдателя поэтовъ - футуристовъ. — Ничего не можемъ сдѣлать... Слишкомъ много записокъ пишетъ товарищъ народный комиссаръ, по... добротѣ сердца...

Скоро въ кретоновомъ будуарѣ расточительнаго на рекомендаціи народнаго комиссара сильно поубавится посѣтителей. И прибавится ихъ этажемъ выше, въ кабинетѣ просто комиссара Штернберга. Скоро комиссаръ Штернбергъ уже не будетъ имѣть досуга изучать позабытый въ Ротондѣ русскій языкъ...

Засѣданіе идетъ къ концу. За столомъ — Штернбергъ — предсѣдатель и нѣсколько членовъ, только что образованнаго «И-З-О» (Отдѣла Изобразительныхъ Искусствъ). Члены ИЗО — художники изъ лѣвыхъ, уже доказавшіе свою преданность пролетаріату, прославленіемъ его конструктивно — и въ гипсѣ и на полотнѣ. Засѣданіе, какъ разъ и посвящено вопросу, какъ поддержать этихъ самоотверженныхъ борцовъ за революцію. Нѣтъ вѣдь больше Морозовыхъ и Гиршмановъ, чтобы покупать картины. Да эти безвкусные снобы развѣ способны были бы оцѣнить ихъ передовое творчество? Ну, хотя бы шедевръ товарища Х, надъ которымъ онъ такъ долго работалъ. Къ гладильной доскѣ прикрѣпленъ никелированной цѣпочкой отъ ключей кирпичъ. Называется «Ленинъ въ ссылкѣ». Развѣ Морозовы бы оцѣнили?

Но пролетарская власть — оцѣнитъ. Недаромъ Штернбергъ возглавляетъ ИЗО... Въ самомъ дѣлѣ — не все ли равно нога или нога — было бы стремленіе къ высшему и революціонный энтузіазмъ.

...Пріобрѣсти для музея бывшаго Александра III, конечно, недурно. Но въ концѣ концовъ, все-таки — наслѣдіе буржуазіи. Наиболѣе передовые товарищи даже требуютъ сожженія всѣхъ этихъ мертвецкихъ. Сжечь, пожалуй, слишкомъ крутая мѣра. Но основать собственный музей — необходимо.

...Постановили, — читаетъ секретарь, — основать Музей Художественной Культуры... взыскать... Установить... Ассигновать... Управленіе Музеемъ возглавляется Коллегіей. — «Предсѣдатель Штернбергъ», «Члены» — слѣдуютъ имена присутствующихъ, «секретарь» — читающій протоколъ съ благородной скромностью произноситъ собственное имя.

Главное — сдѣлано. Музей — основанъ. Суммы отпущены. Но, все-таки — гдѣ будетъ помѣщаться Музей, чѣмъ пополняться?

Совѣщаются по этому поводу недолго. Тамъ, гдѣ есть революціонный порывъ, — могутъ ли быть несогласія? Секретарь дочитываетъ протоколъ:

...Впредь до пріисканія помѣщенія, суммы, ассигнованныя на Музей, выдать на руки товарищамъ... Слѣдуетъ перечень членовъ коллегіи... Для пріобрѣтенія ими произведеній искусства, которыя и составятъ ядро музея...

Секретарь нѣсколько обиженнымъ тономъ читаетъ эту часть протокола. Увы — здѣсь его имя не фигурируетъ. Досадно. И несправедливо! Неужели, если человѣкъ при «кровавомъ царизмѣ» былъ аптекаремъ, для него закрыты возможности революціоннаго строительства?! Нѣтъ, не скоро мы изживемъ прездразсудки проклятаго прошлаго!

Все это — засѣданія у Штерибрга ,основаніе Музея, дружное согласіе насчетъ раздѣла «суммъ», скоро все это осуществится. Пульсъ художественной жизни страны перемѣстится изъ ситцеваго царства Луначарскаго въ пышные покои Штернберга. Перемѣстится и забьется по-иному — ровнѣе, методичнѣе.

Посѣтители съ письмами отъ Горькаго будутъ уходить неудовлетворенными — ихъ даже не приметъ товарищъ комиссаръ. У него нѣтъ никакого вкуса къ широкой манерѣ его предшественника. Конечно, эффектно, морща лобъ и поблескивая пенснэ, разсыпать деньги и рекомендаціи, какъ Лоренцо Великолѣпный, но разумно ли такое распыленіе революціоннаго порыва? Въ тиши кабинета, въ тѣсномъ кругу дѣйствительно незамѣнимыхъ и впрямь лично извѣстныхъ, работа идетъ, можетъ быть, и не съ такимъ блескомъ, зато результаты ея... реальнѣе.

...Скоро будетъ такъ. Но пока Штернбергъ скучаетъ одинъ, а машинистка Луначарскаго отбила себѣ всѣ пальцы, отстукивая письма и отношенія. Съ лица изящнаго секретаря давно сползли пудра и кремъ-симонъ, и оно блеститъ вполнѣ по-пролетарски. Самъ «министръ искусствъ» тоже какъ то увялъ.

Со стороны можетъ показаться не столь ужъ тяжелымъ дѣломъ — сидя въ комфортабельномъ креслѣ, фигурно расчеркиваться на четверкѣ бумаги. Но попробуйте продѣлать сто, а то и двѣсти такихъ росчерковъ, особенно при каждомъ — ритуалъ открытыхъ вопросовъ, понимающихъ кивковъ, строгихъ улыбокъ — однимъ концомъ губъ...

...Завтракъ опять пропущенъ. Къ «Фаусту и Городу», драмѣ, которую сочиняетъ народный комиссаръ — опять не удастся притронуться. Нѣтъ времени. Никогда нѣтъ времени! Время Луначарскаго, поистинѣ деньги. Еще точнѣе — деньги и рекомендаціи.

Послѣ творческаго дня — творческій отдыхъ.

Большая гостиная. Восковыя оплывающія свѣчи въ старинномъ канделябрѣ. Столъ, покрытый парчей. На столѣ развернутая рукопись «Фауста и Города». Надъ ней склоненное, утомленное, строгое лицо народнаго комиссара. Рукопись.. Свѣчи.. Стаканъ воды... Луначарскій читаетъ.

Слушаютъ — внимательно и чутко — десятка два избранныхъ. Многія лица намъ уже знакомы: они были утромъ на пріемѣ въ кретоновомъ кабинетѣ — ихъ принимали безъ очереди....

Теперь, они слушаютъ «четкіе стихи» народнаго комиссара въ его «мастерскомъ» чтеніи. Когда онъ останавливается на минуту, чтобы выпить глотокъ воды, — легкій шопотъ восхищенія проносится по залу. И снова — благоговѣйная тишина.

Послѣ чтенія обмѣнъ восторженныхъ мнѣній. Х хочетъ писать музыку къ поэмѣ. З — ее иллюстрировать. У — переводить ее.

За дружескимъ диспутомъ распиваютъ не одну бутылку вина, полученную по запискѣ съ печатью наркомпроса со складовъ Смольнаго. Икра и ананасы въ банкахъ — тоже оттуда.

— ...Изумительно... Конструкція фразы — чисто мольеровская, — вдумчиво роняетъ колобородый критикъ.

— При этомъ — гетевская просвѣтленность, — вставляетъ другой.

— И темпъ Маринетти...

Народный комиссаръ — нѣтъ, не комиссаръ, просто поэтъ среди братьевъ по искусству, можетъ быть, старшій изъ нихъ, болѣе одаренный, болѣе мудрый — и только, — слушаетъ эти отзывы, мягко поблескивая стеклами пенснэ. То, что товарищъ Х отмѣтилъ просвѣтленность, — его особенно радуетъ. Именно, просвѣтленность тона онъ считаетъ важнѣйшимъ достиженіемъ поэзіи. Конечно, если при этомъ сохраняется темпъ...

Пустыя бутылки — смѣняются новыми. Икра — тоже. Хозяйка салона — пышная дама съ большими брилліантами въ ушахъ (конечно, они спасены изъ сейфа благодаря хлопотамъ наркома), — пышная хозяйка въ пышномъ пунцовомъ платьѣ — кринолиномъ — отводитъ Луначарскаго въ сторону.

— ...Анатолій Васильевичъ, — слышится шопотъ изъ угла. — Я въ отчаяньи... Ваша любезность... Нашъ театръ... Все такъ дорого... Предыдущая ассигновка...

Луначарскій отечески улыбается.

— Пустяки, дорогая. Мы это устроимъ...

Скоро все измѣнится. Скоро теперешніе восторженные слушатели «Фауста и Города», основавъ Музей Художественной Культуры, перестанутъ «гутировать» стихъ наркома и его мастерское чтеніе. Скоро благосклонная хозяйка салона станетъ менѣе благосклонной — ассигновки наркома неоплаченными. Скоро... Много непріятностей скоро придется испытать товарищу народному комиссару просвѣщенія и искусствъ...

Но пока — свѣчи оплываютъ, каминъ горитъ, цѣнители поэзіи тихо переговариваются, доѣдая послѣдній ананасъ. Народный комиссаръ собираетъ рукописи въ портфель. Пора домой — онъ усталъ. Еще бы не устать. Но есть что-то бодрящее въ этой усталости — трудовой, творческой, революціонной. И просвѣтленность и темпъ — въ одно время.

Георгій Ивановъ.

«КАУЧУКОВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ».

Рис. Ищие.

— Колесомъ можно не только пройтись, но и проѣхаться...

ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ.

По роскошнымъ обложкамъ
Двѣ угрюмыя мухи
Одурѣло бродятъ въ витринѣ...
А внутри за окошкомъ,
Чистя спичкою въ ухѣ,
Человѣкъ сидитъ въ магазинѣ.

*

Дремлютъ книги рядами.
Пахнетъ тлѣномъ и пылью.
Безнадежно замерло время...
Моль взлетаетъ кругами
И въ уныломъ безсильи
Человѣку садится на темя.

*

Со стѣны въ подоконникъ
Пушкинъ смотритъ съ досадой, —
Непонятно ему и обидно:
За три дня только сонникъ,
Да открытка съ наядой,
Да одинъ календарь инвалидный...

*

Человѣкъ встрепенулся, —
Въ дверь ввалился прохожій...
Но напрасно, увы, ликованье, —
Постоялъ, оглянулся,
И спросилъ (ахъ, все то-же!):
— Какъ пройти къ ресторану «Маланья»?

Скрутъ.

УСЛУГА ЗА УСЛУГУ.

— У тебя превосходный портной. Дай мнѣ его адресъ.
— Пожалуйста. Но съ условіемъ, что ты не дашь ему моего адреса.

МОСКОВСКОЕ ЖИТІЕ
ВЪ ТРЕХЪ КОМНАТАХЪ СЪ КУХНЕЙ.

Комната первая.

— Жанъ! Повернись въ профиль!... Ну, сдѣлай мнѣ удовольствіе!... Жанъ!

— Не мѣшай, видишь я считаю на счетахъ...

— Но ты можешь считать и въ профиль. Сегодня ровно тридцать лѣтъ, какъ ты мнѣ сдѣлалъ предложеніе. Я только что кончила институтъ, и была влюблена въ твой профиль... Ну, повернись, Жанъ!

— Эхъ, пристала! Ну, повернулся!... Керосину 600 литровъ — 60 рублей. Газолину 125...

— Жанъ! Ты совсѣмъ зачерствѣлъ въ своей керосиновой лавкѣ! Ты разлюбилъ меня. Я это особенно замѣчаю въ послѣднее время.

— Углей 42 кулька по 28 копеекъ... Глупо, Поликсена... Черезъ три недѣли я уже членъ профсоюза, а ты съ глупостями. Думаешь мнѣ сладко изъ вице-губернаторовъ въ завѣдующіе нефте-лавкой. Четыре щетки по 37 копеекъ. Одна половая 3 р. 90 к... Ей-Богу, ты какъ малый ребенокъ. Даже сосѣди не вѣрятъ, что ты кончила Смольный, да еще съ шифромъ.

Комната вторая.

— Дарья Семеновна! Вы говорили Ивану Никитичу, что я не была въ Смольномъ институтѣ и не кончила съ шифромъ?

— Успокойся, Поликсена, прекрати, я тебя прошу!

— Нѣтъ, этому надо разъ навсегда положить предѣлъ!

— И не думала я ничего говорить... Какое мнѣ дѣло до вашего шифра. Это Марья Федоровна Михаилу Никифировичу говорила и даже не про васъ, а про вашего мужа, что онъ никогда не былъ вице-губернаторомъ, а былъ старшимъ совѣтникомъ губернскаго правленія...

— Я не былъ вице-губернаторомъ!

— А я не кончила Смольный!... Вы говорите, Марья Федоровна вашему мужу? А гдѣ же вашъ мужъ?

— Нѣтъ, ужъ вы Михаилу Никифоровичу, пожалуйста, не мѣшайте: онъ на кухнѣ варенье варитъ.

— Ахъ, варенье!.. Опять навѣрное для начальства?

— А ужъ это васъ не касается, Поликсена Петровна! Мы васъ не спрашиваемъ, куда вы отправили вашу знаменитую бутылку Шартреза, которую тринадцать лѣтъ берегли... А вотъ Марья Федоровна знаетъ, кому... Мнѣ это безразлично, я въ чужіе тазы съ вареньемъ не заглядываю, какъ нѣкоторые...

— Опять Марья Федоровна! Ну, доберусь же я до этой зловредной старухи!

Комната третья.

— Тобикъ, Тобикъ милый!... Вылѣзай же, моя радость!..

— Далеко залѣзъ, Анна Игнатьевна, въ самый уголъ залѣзъ... Я его сейчасъ вамъ достану... Тобикъ, Тобикъ... Вотъ сейчасъ Бобика чистенькаго принесутъ, и тебѣ будетъ стыдно... Анна Игнатьевна, откройте, стучатъ... Не слышитъ, старая, придется изъ-подъ кровати вылѣзать... Ишь стучатъ, какъ оглашенные!... Ну, что вамъ, разстучались? Кажется, можно минуточку обождать...

— Гдѣ Марья Федоровна? Ея нѣтъ?

— Марья Федоровна въ кухнѣ Бобика купаетъ, а мы съ Анной Игнатьевной никакъ не можемъ Тобика дозваться: залѣзъ подъ кровать и спитъ...

— Марья Федоровна оказывается говорила Михаилу Никифоровичу...

— Подожди, Поликсена... Такъ въ кухнѣ она? Однако и запахъ у васъ. Это хорошо, что вы наконецъ рѣшили выкупать псовъ. Въ корридоръ вонь проникла. Зараза!

Кухня.

— Марья Федоровна!... Господи, сколько народу набилось... Марья Федоровна, говорили вы Михаилу Никифоровичу, что я Смольнаго...

— Что, матушка? Говорите громче!... Бобикъ, Бобикъ, не прыгай, батюшка, дай ушки хорошенько промыть...

— Насчетъ Смольнаго говорили про меня?... Не слышитъ, вотъ наказаніе!... Михаилъ Никифоровичъ! Говорила вамъ Марья Федоровна...

— Ахъ, примусъ проклятый... На секунду отвернулся, а пѣна опять черезъ край... Вы ужъ меня будьте любезны не отвлекайте. Съ этимъ вареньемъ нуженъ глазъ.

— Не обращай вниманія, Мишенька, дѣлать имъ нечего, вотъ и ходятъ по всей квартирѣ...

— Марья Федоровна, говорили вы...

Пойдемъ, Бобинька, родной, вотъ я тебя въ теплое одѣяльце, а на твое мѣсто...

— Вотъ, вотъ Тобикъ!... насилу вытащила изъ подъ кровати, до сихъ поръ спитъ... Берите, а я Бобика понесу...

— Фу, вонища какая, граждане! Точно околѣлъ кто...

— Марья Федоровна! До свѣдѣнія моего и моей жены... Какъ можно такъ запустить собаку! Да окунайте вы ее скорѣй!...

— Не слышу, батюшка!... Ну, вотъ, Тобинька, и ты будешь чистенькій, и у тебя будетъ шерсточка, какъ шелкъ...

— Да, такъ вотъ! Извольте отвѣтить мнѣ и Поликсенѣ Петровнѣ... Невыносимо смердитъ... Вотъ не сталъ бы возиться съ падалью такой...

— А вы развѣ чужія чувства понимаете, гражданинъ! У Марьи Федоровны въ ея собакахъ, можетъ быть, вся отрада. Дайте, Марья Федоровна, я помогу... Онъ у васъ въ водѣ съ головой... И не захлебывается. Вотъ упрямая собачка: до сихъ поръ спитъ.

— Ну, и вонища у васъ тутъ, товарищъ, будто мясо тухлое въ кооперативѣ распотрошили... Да вы что же это собаку дохлую купаете?... Вѣдь она же дохлая у васъ...

— Какъ дохлая?

— Ай, какія ужасти!

— Ларчикъ просто открывался. Я говорилъ, что смердитъ.

— Что вамъ надо? Говорите громче, не слышу... Что вамъ отъ Тобика надо? Столпились всѣ?...

— Марья Федоровна! Говорили вы Михаилу Никифоровичу...

— Заладила свое! Марья Федоровна, Тобикъ вашъ сдохъ!

— Давно сдохъ, гражданка, недѣли полторы. Какъ вы не замѣтили, удивляюсь.

— Ничего удивительнаго, товарищъ! Тобикъ съ Бобикомъ близнецы. Старуха и думала, что выходятъ изъ подъ кровати на кличку то одинъ, то другой. А получилось, что одного давно и на свѣтѣ нѣтъ.

— Не слышу, ничего не слышу. Голубчикъ мой, красавчикъ, да что же это съ тобой!

— Да не цѣлуйте вы мертвую собаку!

— Марья Федоровна! Подождите вы съ вашей собакой... Говорили вы Михаилу Никифоровичу...

— Ну, и безчувственность! Видите, ей не до васъ!

— Оставь ее, Поликсена, все равно толку не добьешься. Вотъ тутъ гражданинъ Чепчиковъ отъ варенья никакъ оторваться не можетъ, катастрофы собачьей не слыхалъ.

— Я и забыла... То-то прикинулся, будто и въ кухнѣ его нѣтъ. Гражданинъ Чепчиковъ, будьте любезны объясниться насчетъ Смольнаго и насчетъ Шартреза!

— Отойдите, пожалуйста, не заслоняйте свѣтъ. Видите — пѣна опять уходитъ... Прямо хоть тазъ навѣсу держи...

— Жанъ! Ты слышишь?... Съ твоей женой не желаютъ разговаривать, къ ней поворачиваются спиной!

— Милостивый государь! Потрудитесь быть вѣжливѣе съ дамой!

— Ахъ, оставьте меня въ покоѣ! И отойдите, пожалуйста, отъ варенья. Отъ васъ керосиномъ воняетъ. Варенье страшно чувствительно къ керосину.

— Къ керосину? Чувствительно, говорите? А къ собакѣ дохлой не чувствительно? Такъ вотъ вамъ, вотъ!

— Батюшки! Никакъ собаку бросили въ тазъ!

— Вотъ-съ! Кушайте съ вашимъ начальствомъ на здоровье!

Анатолій Каменскій.

Подписчики «Сатирикона» за-границей могутъ высылать подписную плату переводомъ по почтѣ, банковскимъ чекомъ или въ заказномъ письмѣ въ мѣстной валютѣ по курсу дня.

СЕМЬ ДНЕЙ САТИРИКОНА

Въ совѣтской Россіи.
Ударная бригада по свиноводству.
Есть и такая!...

Четвероногая кино - звѣзда.
Хорошо извѣстный любителямъ кино холливудскій песъ «Pete the Pup» позируетъ.

Германія въ дни финансовой катастрофы.

Въ то время какъ въ Дрезденѣ на кавалерійскомъ съѣздѣ демонстрируется военная мощь Германіи, — сберегательныя кассы во всей странѣ осаждаются милліонами мелкихъ вкладчиковъ.

Волнующія пижамы.

Во время состязанія въ Гранвалѣ съ гольфа были удалены участницы турнира на кубокъ Франціи, одѣтыя въ пижамы, дабы не смущать своихъ соперниковъ мужского пола.

ЦЫПЛЯТА МАДАМЪ ЛИЛИ.

Мадамъ Лили очень любила жареныхъ цыплятъ и каждый вечеръ сажала свою старую курицу на яйца. Мадамъ Лили ходила важная и серьезная и накидывала на себя для парада испанскую шелковую шаль.

— Курица мадамъ Лили сидитъ на яйцахъ! — говорили между собою сосѣди и обмѣнивались многозначительными взглядами.

— А развѣ мадамъ Лили надѣла испанскую шаль?

— Да, сегодня надѣла...

— Несчастная женщина!

— Да, дѣйствительно несчастная женщина!

Увы! Мадамъ Лили не отличалась удачливостью. Ей ни разу не пришлось попробовать жареныхъ цыплятъ. Каждый день Фру-Фру, — ея взлохмаченный, съ отрубленнымъ хвостомъ, нахальный котъ, приходилъ къ курицѣ справляться, вылупились цыплята или нѣтъ.

Послѣдніе часы онъ неотлучно проводилъ у гнѣзда и немедленно же съѣдалъ птенцовъ, которые только мелькомъ успѣвали взглянуть на прекрасное земное солнце. Бытіе было для нихъ маленькой станціей, на которой поѣздъ задерживался только полминуты.

Въ зимніе вечера граждане гадали различными способами — съѣстъ ли и этой весной недобросовѣстный Фру-Фру бѣдныхъ цыплятъ мадамъ Лили. И всегда выходило, что съѣстъ. Чтобы вознаградить несчастную женщину за всѣ ея разочарованія, мэръ тихаго города, г. Фервиль, подарилъ уважаемой гражданкѣ великолѣпный инкубаторъ на шестьсотъ яицъ.

— Вотъ, — сказалъ мэръ города, — вотъ вамъ, мадамъ Лили, реальное доказательство нашего къ вамъ отношенія. Разводите цыплятъ, а вашего Фру-Фру, простите, мы задержимъ при городскомъ арестномъ домѣ. Все равно надзирателю не за кѣмъ смотрѣть, а жалованье онъ получаетъ...

Стоитъ ли говорить, какъ счастлива была мадамъ Лили. Ей даже не снилось — стать обладательницей шестисотъ цыплятъ сразу.

Весь городъ ожидалъ того момента, когда удивительный аппаратъ закончитъ свою работу. Хожденіе другъ къ другу въ гости особенно усилилось за эти дни и часы вечернихъ чаепитій проходили съ особымъ интересомъ. Въ сумеркахъ романтично позванивали струны старыхъ гитаръ и трогательно фальшивили разбитыя піанино.

Въ тѣ минуты, когда очарованіе лѣни и безпредѣльной чувствительности ослабѣвало подъ вліяніемъ зажженныхъ лампъ, граждане предавались обсужденію послѣдней новости. Жанъ-Мизантропъ, недоброжелательный молодой человѣкъ, ходитъ по ночамъ въ загородную рощу. Онъ въ черномъ плащѣ и дырокопаной шляпѣ. Въ правой рукѣ у него палка, а въ лѣвой корзинка.

— Какъ вы думаете. Что бы все это могло обозначать?

— Ужъ не хочетъ ли онъ отравиться?

— Но, милая, почему? Я не вижу никакой связи... Зачѣмъ ему для этого палка?

— Чтобы ударить того человѣка, который бы вздумалъ оказать ему первую помощь...

— Ну, допустимъ, что такъ, — а корзинка?

— Неужели вы не догадываетесь? Въ корзинкѣ онъ носитъ свои любимыя мелкія вещи...

— Ну, конечно, вы правы! Какъ это я сама раньше не догадалась...

Прелестный тихій городъ. Его жители не умѣли ни спорить, ни ссориться... Пейте же душистый чай, беззаботные граждане. Услаждайте слухъ пѣніемъ канареекъ и звонкими фонтанчиками музыкальныхъ шкатулокъ. Запоминайте до послѣднихъ мелочей всѣ стороны вашего лазурнаго быта, который, быть можетъ, завтра уже станетъ невозвратнымъ прошлымъ. Жанъ Мизантропъ не спитъ! Недоброжелательный Жанъ Мизантропъ.

«...Злые люди поймутъ твою невиновность и выпустятъ тебя на волю», — пѣла птичка. « Ты опять узнаешь радость жизни, прелесть солнечнаго заката и сладостную музыку вечернихъ колоколовъ... Ты опять..» хотѣла продолжать птичка, но въ это время циничный котъ ловко сцапалъ свою утѣшительницу и съѣлъ ее вмѣстѣ со скромнымъ ея опереніемъ.

И вотъ насталъ торжественный мигъ. Шестьсотъ цыплятъ огласили дворъ мадамъ Лили жалобнымъ пискомъ. Я замѣню вамъ вашу мать! — сказала добрая женщина, обращаясь къ цыплятамъ и съ того часа перестала жить для себя.

Цыплята оказались совершенно безпомощными вначалѣ. Всѣмъ шестистамъ заботливая мать должна была засовывать пищу въ ихъ жадно раскрытые и оглушительно орущіе рты. На этотъ разъ счастье сопутствовало мадамъ Лили. Птенцы росли и она рѣшила преподать имъ наконецъ урокъ клеванія. Женщина не боялась трудности предстоящаго занятія. Въ свое время она прочла нѣсколько книгъ педагогическаго содержанія, что и сообщало ей нѣкоторую увѣренность. Проявивъ большую находчивость, мадамъ Лили становилась на четвереньки посреди двора и окруженная воспитанниками, самоотверженно клевала разсыпанныя по землѣ зерна своимъ собственнымъ носомъ. А чтобы придать носу большую твердость, мадамъ Лили надѣвала на него наперстокъ. Выучившись клохтать по куриному, она достигла большихъ успѣховъ. Цыплята развивались и крѣпли, наполняя веселымъ гамомъ ея уютный дворъ.

Однажды граждане прислали делегацію къ мадамъ Лили. Счастливая обладательница шестисотъ цыплятъ вышла къ делегатамъ съ наперсткомъ на носу.

— Мы, кажется, помѣшали вамъ шить, дорогая сосѣдка? — сказалъ одинъ изъ делегатовъ. Простите, пожалуйста. Мы пришли по маленькому дѣлу. Не можете ли вы принять какія-нибудь мѣры: ваши цыплята такъ шумятъ, что нарушаютъ спокойствіе цѣлаго города. Особенно они кричатъ, какъ мы замѣтили, передъ дождемъ. Именно передъ дождемъ ихъ крикъ дѣлается совершенно невыносимымъ.

— Каждая тварь по своему хвалитъ Бога. Я не имѣю никакого права подавлять въ моихъ питомцахъ ихъ природное влеченіе... — сказала мадамъ Лили, сложивъ молитвенно руки.

Пристыженная делегація удалилась, а вернувшаяся на дворъ мадамъ Лили была встрѣчена радостнымъ крикомъ цыплятъ, къ которымъ добрая женщина уже давно подозрительно приглядывалась и которые сегодня окончательно поразили ее, когда вдругъ взлѣтѣвъ черной тучей надъ ея головой, они съ пронзительнымъ карканьемъ полетѣли въ сторону далекой церкви...

— Ципъ-ципъ-ципъ! — кричала мадамъ Лили растерянно. Неужели вы покинули меня? Неужели неблагодарность свойственна и домашней птицѣ?!

Однако, облетѣвъ весь городъ и его окрестности, шестьсотъ молодыхъ воронъ опустились на дворѣ мадамъ Лили въ часъ кормленія.

Какъ вамъ не стыдно, Жанъ Мизантропъ? Зачѣмъ вы подмѣнили шестьсотъ куриныхъ яицъ въ инкубаторѣ мадамъ Лили воронъими? Съ утра до вечера летаютъ они теперь надъ городомъ, вредятъ насажденіямъ въ садахъ и уничтожаютъ пѣвчихъ птицъ. Ихъ наглость возмутила даже священника.

— Произведенныя на свѣтъ бездушной машиной, эти птицы лишены всякихъ моральныхъ основъ, — сказалъ священникъ.

Но не ошибался ли онъ? Любовь къ родинѣ — развѣ не высокое чувство. А вороны мадамъ Лили гдѣ бы онѣ ни летали, всегда возвращались къ ней на дворъ. Здѣсь онѣ стали плодиться и размножаться, проявляя любовь къ своей воспитательницѣ настолько, что даже за одной головкой луку женщина ходила, какъ королева въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотенъ черныхъ пажей.

Какъ это могло случиться такъ, что изъ куриныхъ яицъ ваш инкубаторъ произвелъ на свѣтъ мерзкихъ воронъ? — запросилъ мэръ города г. Фервиль компанію инкубаторовъ.

И получился отвѣтъ: «Вы, должно быть, поддерживали въ аппаратѣ слишкомъ высокую температуру.

Спокойствіе покинуло тихій городъ. Уже не стало ни снисходительности, ни добродушія въ судахъ и пересудахъ милыхъ сосѣдей; уже не звякали гитары по вечерамъ у садовыхъ калитокъ и въ затемненныхъ садахъ; и уже не блестѣли золотомъ плохо вычищенные самовары...

Гадкій, гадкій Жанъ Мизантропъ!

Валентинъ Горянскій.

КОЛОНІАЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ.

Ява — островъ, уходящій
На экваторъ.
Есть на Явѣ настоящій
Губернаторъ.

Губернаторъ этой Явой
Управляетъ.
Океанъ-же эту Яву
Омываетъ.

Это все необычайно
Интересно.
Остальное-же, ей Богу,
Неизвѣстно.

Говорятъ еще про климатъ,
Что онъ райскій,
И что корень населенія
Малайскій.

Въ силу этой уважительной
Причины,
Ходятъ голыми на островѣ
Мужчины.

Если-жъ только намъ не врутъ
Корреспонденты,
То и женскіе раздѣты
Элементы.

Если все это есть фактъ,
А не реклама,
То, дѣйствительно, какая
Мелодрама!...

— Чтобъ отъ самаго начала
Міорозданья,
Не имѣть, ну хоть... халата
Для купанья,

Хоть какой-нибудь паршивенькой
Шапченки
Для малайской безсознательной
Дѣвченки...

Губернаторъ ходитъ весь
Въ непромокайкахъ,
Не заботясь о малайцахъ
И малайкахъ!...

Но ужъ рѣетъ и взмываетъ
Буревѣстникъ,
Въ явныхъ судорогахъ корчится
Намѣстникъ,

Понимаетъ, что онъ вырванъ
Будетъ съ корнемъ...
Эхъ, дубинушка, малайская,
Подернемъ!...

Вспыхнемъ такъ, какъ полагается
Въ обидѣ,
Выходи, народъ малайскій,
Въ голомъ видѣ,

Вотъ отъ Ленина изъ гроба
Эстафета:
Грабь награбленныя части
Туалета!...

Да погибнетъ нидерландскій
Губернаторъ,
И, дѣйствительно, да здравствуетъ
Экваторъ!!!

Кр. Джимми.

Золотой теленокъ

Романъ изъ совѣтской жизни
Ильи Ильфа и Евгенія Петрова.

(Продолженіе).

Вскорѣ послѣ этого товарищъ Бомзе вышелъ изъ кабинета начальника, держа въ рукахъ списочекъ избранныхъ сотрудниковъ. Онъ шагалъ изъ отдѣла въ отдѣлъ, наклонялся надъ указанной въ спискѣ особой и таинственно шепталъ:

— Маленькая вечеринка. По три рубля съ души. Проводы Полыхаева.

— Какъ? — Ругались избранные сотрудники. — Развѣ Полыхаевъ уходитъ? Снимаютъ?

— Да нѣтъ. Ѣдетъ на недѣлю въ центръ, хлопочетъ насчетъ помѣщенія. Такъ смотрите, не опаздывайте. Ровно въ восемь у меня.

Проводы прошли очень весело. Сотрудники преданно смотрѣли на Полыхаева, сидѣвшаго съ лафитничкомъ въ рукѣ, ритмично били въ ладоши и пѣли:

— Ней до дна, ней до дна, пейдодна, ней до дна, ней до дна, пейдодна.

Пѣли до тѣхъ поръ, покуда любимый начальникъ не осушилъ изрядное количества лафитничковъ и высокихъ севастопольскихъ стопокъ, послѣ чего въ свою очередь колеблющимся голосомъ началъ пѣсню: «По старой калужской дорогѣ, на сорокъ девятой верстѣ». Однако, никто не узналъ, что произошло на этой верстѣ, такъ какъ Полыхаевъ, неожиданно для всѣхъ, перешелъ на другую пѣсню:

Шелъ трамвай, девятый номеръ,
На площадкѣ кой-то номеръ,
Тянутъ, тянутъ мертвеца
Ламца-дрица-ца-на-ца.

Послѣ отъѣзда Полыхаева, производительность труда въ «Геркулесѣ» слегка понизилась. Смѣшно было бы работать въ полную силу, не зная, останешься ли въ этомъ помѣщеніи, или придется со всѣми канцпринадлежностями тащиться въ «Жесть и бетонъ». Но еще смѣшнѣе было бы работать въ полную силу послѣ возвращенія Полыхаева. Онъ вернулся, какъ выразился Бомзе, на щитѣ, помѣщеніе осталось за «Геркулесомъ», и сотрудники посвящали служебные часы насмѣшкамъ надъ Коммунотдѣломъ.

Повергнутое учрежденіе проснло отдать хотя бы умывальники и панцырныя кровати, но возбужденный успѣхомъ Полыхаевъ даже не отвѣтилъ. Тогда схватка возобновилась съ новой силой. Въ центръ лѣтели жалобы. Опровергать ихъ Полыхаевъ выѣзжалъ лично. Все чаще на квартирѣ Бомзе слышалось побѣдное «пейдодна», и все болѣе широкіе слои сотрудниковъ втягивались въ работу по борьбѣ за помѣщеніе. Постепенно забывались лѣсо- и пиломатеріалы. Когда Полыхаевъ находилъ вдругъ у себя на столѣ бумажку, касающуюся экспортныхъ кедровъ или дактовыхъ листьевъ, онъ такъ поражался, что нѣкоторое время даже не понималъ, чего отъ него хотятъ. Сейчасъ онъ былъ поглощенъ выполненіемъ чрезвычайно важной задачи. — переманивалъ къ себѣ на высшій окладъ двухъ особенно опасныхъ коммуноотдѣльцевъ.

— Вамъ повезло, — говорилъ Остапъ своему спутнику. Вы присутствуете при смѣшномъ событіи. — Остапъ Бендеръ идетъ по горячему слѣду. Учитесь властвовать собой. Мелкая уголовная сошка, вродѣ Паниковскаго, написала бы Корейко письмо: «Положите во дворѣ подъ мусорный ящикъ 600 рублей, иначе будетъ плохо» и внизу приписовала бы крестъ, черепъ и свѣчу. Соня-Золотая Ручка, достоинствъ которой я отнюдь не желаю умалить, въ концѣ концовъ, прибѣгла бы къ обыкновенному хитрецу, что принесло бы ей тысячи полторы. Дѣло женское. Возьмемъ, наконецъ, корнета Савина. Аферистъ выдающійся. Какъ говорится, негдѣ пробы ставить. А что сдѣлалъ бы онъ? Пріѣхалъ бы въ Корейкѣ на квартиру подъ видомъ болгарскаго царя, наскандалилъ бы въ домоуправленіи и испортилъ бы все дѣло. Я же какъ видите, не тороплюсь. Мы сидимъ въ Черноморскѣ уже недѣлю, и я только сегодня иду на первое свиданіе... Ага, вотъ и финскочетный залъ! Ну, бортмеханикъ, покажите мнѣ больного. Вѣдь вы спеціалистъ по Корейкѣ.

Они вошли въ гогочущій, наполненный посѣтителями залъ, и Балагановъ повелъ Бендера въ уголъ, гдѣ за желтой перегородкой сидѣли Чевакевская, Корейко, Кукушкинъ и Дрейфусъ. Балагановъ уже поднялъ руку, чтобы указать сію милліонера, когда Остапъ сердито шепнулъ:

Вы бы еще закричали во всю глотку: «Вотъ онъ богатѣй, держите его». Спокойствіе. Я угадаю самъ. Который же изъ четырехъ?

Остапъ усѣлся на прохладный мраморный подоконникъ и, по-дѣтски болтая ногами, принялся разсуждать.

Дѣвушка не въ счетъ. Остаются трое. Краснорожій подхалимъ съ бѣгающими глазами, старичокъ-боровичокъ въ желѣзныхъ очкахъ и толстый барбосъ серьезнѣйшаго вида. Старичка-боровичка я съ негодованіемъ отметаю. Кромѣ ваты, которой онъ заткнулъ свои мохнатыя уши, никакихъ цѣнностей у него не имѣ-

...Препираясь, они не замѣчали даже, что вѣтеръ, сгибавшій пожарную струю фонтана, сыплетъ на нихъ сѣянную водичку.

...Тотчасъ же онъ получилъ короткій, очень болѣзненный ударъ въ плечо...

ется. Остаются двое: барбосъ и бѣлоглазый подхалимъ. Кто же изъ нихъ Корейко? Надо подумать.

Толстый барбосъ больше подходитъ къ роли подпольнаго милліонера, нежели бѣлоглазый подхалимъ. Вы обратите вниманіе на тревожный блескъ въ глазахъ барбоса. Ему не сидится на мѣстѣ, ему не терпится, ему хочется поскорѣе побѣжать домой и запустить свои лапы въ пакеты съ червонцами. Конечно, это онъ собиратель каратовъ и долларовъ. А тотъ, бѣлоглазый, просто ничтожество, совѣтскій мышенокъ. У него, конечно, есть состояніе — 12 рублей въ сберкассѣ. Предѣлъ его ночныхъ грезъ — покупка полосатаго пальто съ телячьимъ воротникомъ. Это — не Корейко. Это — мышь, которая...

Но тутъ полная блеска рѣчь великаго комбинатора была прервана мужественнымъ крикомъ, который донесся изъ глубинъ финсчетнаго зала и несомнѣнно принадлежалъ работнику, имѣющему право кричать.

— Товарищъ Корейко! Гдѣ же цифровыя данныя о задолженности намъ Коммунотдѣла? Товарищъ Полыхаевъ срочно требуетъ.

Остапъ толкнулъ Балаганова ногой. Но барбосъ спокойно продолжалъ скрипѣть перомъ. Зато красномордый блондинъ съ бѣлыми глазами, это ничтожество, этотъ совѣтскій мышенокъ, обуянный мечтою о пальто съ телячьимъ воротникомъ, проявилъ необычайное оживленіе. Онъ хлопотливо застучалъ ящиками стола, схватилъ какую-то бумажонку и быстро побѣжалъ на зовъ.

Великій комбинаторъ крякнулъ и непытующе посмотрѣлъ на Балаганова. Шура еще не научился властвовать собой. Онъ засмѣялся.

— Да, — сказалъ Остапъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Этотъ денегъ на тарелочкѣ не принесетъ. Развѣ только я очень ужъ попрошу. Объектъ, достойный уваженія. Теперь — скорѣе на воздухъ. Въ моемъ мозгу родилась забавная комбинація. Сегодня вечеромъ мы съ Божьей помощью впервые потрогаемъ господина Корейко за вымя. Трогать будете вы, Шура.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Гомеръ, Мильтонъ и Паниковскій

Инструкція была самая простая:

1. Случайно встрѣтиться съ гражданиномъ Корейко на улицѣ.

2. Не бить его ни подъ какимъ видомъ и вообще не примѣнять физическаго воздѣйствія.

3. Отобрать все, что будетъ обнаружено въ карманахъ поименованнаго гражданина.

4. Объ исполненіи донести.

Несмотря на исключительную простоту и ясность указаній, сдѣланныхъ великимъ комбинаторомъ, Балагановъ и Паниковскій завели жаркій споръ. Сыновья лейтенанта сидѣли на зеленой скамейкѣ въ городскомъ саду. Препираясь, они не замѣчали даже, что вѣтеръ, стибавшій пожарную струю фонтана, сыплетъ на нихъ сѣянную водичку. Они только дергали головами, безсмысленно смотрѣли на чистое небо и продолжали спорить.

— Почему бы не ограбить? — сказалъ Балагановъ. — Развѣ такъ трудно? Корейко вечеромъ идетъ по улицѣ. Темно. Я подхожу съ лѣвой руки, вы подходите справа. Я толкаю его въ лѣвый бокъ, вы толкаете въ правый. Этотъ дуракъ останавливается и говоритъ: «Хулиганъ!» «Кто хулиганъ?» — спрашиваю я. И вы тоже спрашиваете, кто хулиганъ, и надавливаете справа. Тутъ я даю ему по морд... Нѣтъ, бить нельзя!

— Въ томъ-то и дѣло, что бить нельзя, — лицемѣрно вздохнулъ Паниковскій. — Бендеръ не позволяетъ.

— Да я самъ знаю... Въ общемъ, я хватаю его за руки, а вы смотрите, нѣтъ ли карманахъ чего линяняго. Онъ, какъ водится, кричитъ « милиція», и тутъ я его... Ахъ ты, чортъ возьми, нельзя бить...

Послѣ нѣсколькихъ часовъ уличнаго дежурства объявились, наконецъ, всѣ необходимыя данныя: покровъ ночной темноты и самъ паціентъ, вышедшій съ дѣвушкой изъ дома, гдѣ жилъ старый ребусникъ. Дѣвушка не укладывалась въ планъ. Пока что пришлось послѣдовать за гуляющими, которые направились къ морю.

Горящій обломокъ луны низко висѣлъ надъ остывающимъ берегомъ. На скалахъ сидѣли черныя базальтовыя, навѣкъ обнявшіяся парочки. Море шушукалось о любви до гроба, о счастьи безъ возврата, о мукахъ сердца и тому подобныхъ неактуальныхъ мелочахъ. Звѣзда говорила со звѣздой по азбукѣ Морзе, зажигаясь и потухая. Свѣтовой туннель прожектора соединялъ берега залива. Когда онъ исчезъ, на его мѣстѣ долго еще держался черный столбъ.

— Я усталъ, — хныкалъ Паниковскій, тащась по обрывамъ за Александромъ Ивановичемъ и его дамой. — Я старый. Мнѣ трудно.

Онъ спотыкался о сусликовыя норки и падалъ, хватаясь руками за сухіе коровьи блины. Ему хотѣлось на постоялый дворъ, къ домовитому Козлевичу, съ которымъ такъ пріятно попить чаю и покалякать о всякой всячинѣ.

И въ тотъ моментъ, когда Паниковскій твердо уже рѣшилъ идти домой, предложивъ Балаганову довершить начатое дѣло одному, впереди сказали:

— Какъ тепло! Вы не купаетесь ночью, Александръ Ивановичъ? Ну, тогда подождите здѣсь. Я только окунусь — и назадъ.

Послышался шумъ сыплющихся камешковъ, бѣлое платье исчезло, и Корейко остался одинъ.

— Скорѣй! — шепнулъ Балагановъ, дергая Паниковскаго за руку. — Значитъ, я захожу съ лѣвой стороны, а вы — справа. Только живѣе!

— Я — слѣва, — трусливо сказалъ нарушитель конвенціи.

— Хорошо, хорошо, вы — слѣва. Я толкаю его въ лѣвый бокъ, нѣтъ въ правый а вы жмете слѣва.

— Почему слѣва?

— Вотъ еще! Ну, справа. Онъ говоритъ: «Хулиганъ», а вы отвѣчаете: «Кто хулиганъ?».

— Нѣтъ, вы первый отвѣчаете.

— Хорошо. Все Бендеру скажу. Пошли, пошли. Значитъ, вы слѣва...

И доблестные сыны лейтенанта, отчаянно труся, приблизились къ Александру Ивановичу.

Планъ былъ нарушенъ въ самомъ же началѣ. Вмѣсто того, чтобы, согласно диспозиціи, зайти съ правой стороны и толкнуть милліонера въ правый бокъ, Балагановъ потоптался на мѣстѣ и неожиданно сказалъ:

— Позвольте прикурить.

— Я не курю, — холодно отвѣтилъ Корейко.

— Такъ, — глупо молвилъ Шура, озираясь на Паниковскаго. — А который часъ, вы не знаете?

— Часовъ двѣнадцать.

— Двѣнадцать, — повторилъ Балагановъ. — Гмъ... Понятія не имѣлъ.

— Теплый вечеръ, — заискивающе сказалъ Паниковскій.

Наступила пауза, во время которой неистововали сверчки. Луна побѣлѣла, и при ея свѣтѣ можно было замѣтить хорошо развитыя плечи Александра Ивановича. Паниковскій не выдержалъ напряженія за спиной Корейко и взгливо крикнулъ:

— Руки вверхъ!

— Что? — удивленно спросилъ Корейко.

— Руки вверхъ, — повторилъ Паниковскій упавшимъ голосомъ.

Тотчасъ же онъ получилъ короткій, очень болѣзненный ударъ въ плечо и упалъ на землю. Когда онъ поднялся, Корейко уже сидѣлся съ Балагановымъ. Оба тяжело дышали, словно перетаскивали рояль. Снизу донесся русалочный смѣхъ и плескъ.

— Что же вы меня бьете? — надры-

— Варвара! — сказалъ Лоханкинъ въ носъ.

Жена молчала, громко дыша.

вался Балагановъ. — Я же только спросилъ, который часъ!...

— Я тебѣ покажу, который часъ! — шипѣлъ Корейко, вкладывавшій въ свои удары вѣковую ненависть богача къ грабителю.

Паниковскій на четверенькахъ подобрался къ мѣсту побоища и сзади запустилъ обѣ руки въ карманы геркулесовца. Корейко лягнулъ его ногой, но было уже поздно. Желѣзная коробочка отъ папиросъ «Кавказъ» перекочевала изъ лѣваго кармана въ руки Паниковскаго. Изъ другого кармана посыпались на землю бумажонки и членскія книжечки.

— Бѣжимъ! — крикнулъ Паниковскій откуда-то изъ темноты.

Послѣдній ударъ Балагановъ получилъ уже въ спину.

Черезъ нѣсколько минутъ, помятый и взволнованный Александръ Ивановичъ увидѣлъ высоко надъ собою двѣ лунныя, голубыя фигуры. Онѣ бѣжали по гребню горы, направляясь въ городъ.

Свѣжая, пахнущая іодомъ, Зося застала Александра Ивановича за страннымъ занятіемъ. Онъ стоялъ на колѣняхъ и, зажигая спички срывающимися пальцами, подбиралъ съ травы бумажонки. Но прежде чѣмъ Зося успѣла спросить, въ чемъ дѣло, онъ уже нашелъ квитанцію на чемоданишко, покоящійся въ камерѣ храненія ручного багажа, между камышевой корзинкой съ черешнями и байковымъ портпледомъ.

— Случайно выронилъ, — сказалъ онъ, напряженно улыбаясь и бережно пряча квитанцію.

О папиросной коробкѣ «Кавказъ» съ десятью тысячами, которыя онъ не успѣлъ переложить въ чемоданъ, вспомнилось ему только при входѣ въ городъ.

Покуда шла титаническая борьба на морскомъ берегу, Остапъ Бендеръ рѣшилъ, что пребываніе въ гостиницѣ на виду у всего города выпираетъ изъ рамокъ затѣяннаго дѣла и придаетъ ему ненужную оффиціальность. Прочтя въ черноморской вечеркѣ объявленіе: «Од. гр. ком. в. п. м. од. ин. хол.6, и мигомъ сообразивъ, что объявленіе это означаетъ — «Сдается прекрасная комната со всѣми удобствами и видомъ на море одинокому интеллигентному холостяку», Остапъ подумалъ:

«Я холостъ, одинокъ и интеллигентенъ. Комната безусловно останется за мной».

И натянувъ прохладныя бѣлыя брюки, великій комбинаторъ отправился по указанному въ объявленіи адресу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Васисуалій Лоханкинъ и его роль въ русской революціи.

Ровно въ 16 часовъ 40 минутъ Васисуалій Лоханкинъ объявилъ голодовку.

Онъ лежалъ на клеенчатомъ диванѣ, отвернувшись отъ всего міра, лицомъ къ выпуклой диванной спинѣ. Лежалъ онъ въ подтяжкахъ и зеленыхъ носкахъ, которые въ Черноморскѣ называютъ также карпетками.

Поголодавъ минутъ двадцать въ такомъ положеніи, Лоханкинъ застонадъ, перевернулся на другой бокъ и посмотрѣлъ на жену. При этомъ зеленыя карпетки описали въ воздухѣ небольшую дугу. Жена бросала въ крашеный дорожный чемоданъ свое добро: фигурные флаконы, резиновый валикъ для массажа, два платья съ хвостами и одно старое безъ хвоста, фетровый киверъ со стекляннымъ полумѣсяцемъ, мѣдные патроны съ губной помадой и трикотажные рейтузы.

— Варвара! — сказалъ Лоханкинъ въ носъ.

Жена молчала, громко дыша.

— Варвара! — повторилъ онъ. — Неужели ты въ самомъ дѣлѣ уходишь отъ меня къ Птибурдукову?

— Да, — отвѣтила жена. — Я ухожу. Такъ надо.

— Но почему же, почему? — сказалъ Лоханкинъ съ коровьей страстностью.

Его и безъ того крупныя ноздри горестно раздулись. Задрожала фараонская бородка.

— Потому что я его люблю.

— А я какъ же?

— Васисуалій! Я еще вчера поставила тебя въ извѣстность. Я тебя больше не люблю.

— Но я! Я же тебя люблю, Варвара!

— Это твое частное дѣло, Васисуалій. Я ухожу къ Птибурдукову. Такъ надо.

— Нѣтъ! — воскликнулъ Лоханкинъ. — Такъ не надо! Не можетъ одинъ человѣкъ уйти, если другой его любитъ!

— Можетъ, — раздраженно сказала Варвара, глядясь въ карманное зеркальце. — И вообще перестань дурить, Васисуалій.

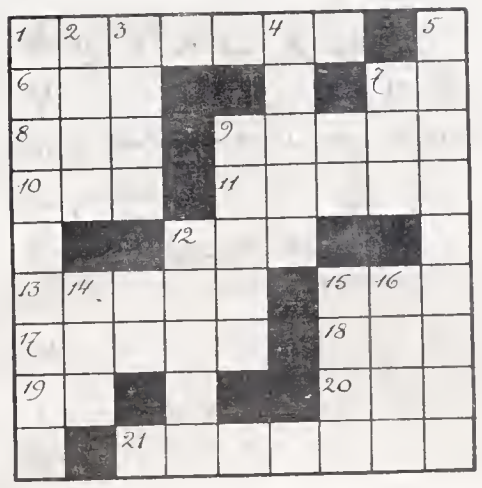
— Въ такомъ случаѣ я продолжаю голодовку! — закричалъ несчастный мужъ. — Я буду голодать до тѣхъ поръ, покуда ты не вернешься. День. Недѣлю. Годъ буду голодать!

Лоханкинъ снова перевернулся и уткнулъ толстый носъ въ скользкую холодную клеенку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРЕСТОСЛОВИЦА № 9.

СОСТАВИЛЪ МИЧМАНЪ ДЫРКА.



Горизонтально:

1. Рецептъ изготовленія ихъ простъ: берутся дырки и обмазываются тѣстомъ. 6. Первое слово латинскаго изреченія, служащаго лозунгомъ международнымъ проходимцамъ. 7. Мѣстопребываніе. 8. Человѣкъ, который ѣздитъ въ метро не иначе, какъ въ первомъ классѣ. 9. Добрый старый обычай, при которомъ папаша могъ выручить за дочку хоть нѣсколько бананововъ. 10. Срокъ, при которомъ лишній милліончикъ лѣтъ не играетъ большой роли. 11. Если хочешь судить о здоровьи человѣка, не полагайся на цвѣтъ его лица. Ея цвѣтъ скажетъ о здоровьи человѣка больше и вѣрнѣе. 12. Анаграмма двухъ словъ, изъ коихъ одно пріятно звучитъ для француженки, а другое — для лирика. 13. Оросительныя канавы. 15. Забавляетъ обозначеныхъ подъ «21 горизонтально». 17. Если словъ, такъ это еще бѣда невелика, но вотъ рекрутскій... 18. Охота. 19. Крестное имя французскаго писателя, котораго высоко цѣнилъ Толстой. 20. Отъ вчиненія его иногда удерживаетъ необходимость внести пошлины. 21. Начитавшись Майнъ-Рида, Густава Эмара, Жюль Верна и проч., мечтаютъ объ «1-мъ вертикально» и «5-мъ вертикально» и играютъ «15-мъ горизонтально».

Вертикально:

1. О нихъ мечтаютъ, при сказанныхъ выше условіяхъ, обозначенные подъ «2 горизонтально». 2. Сочетается съ прилагательнымъ «головной». 3. Если карта, то физически не больно, но убыточно. 4. Крестное имя (хотя какое же крестное, когда она еврейка?) одной изъ бабушекъ революціи. 5. И о нихъ мечтаютъ, при извѣстныхъ же условіяхъ, «21 горизонтально». 7. Курьезное слово! Если къ нему прибавить арабскій членъ, то получится старинная русская монета. Само же по себѣ оно обозначаетъ изгородь. 9. Заповѣдь рекомендуетъ не заниматься изготовленіемъ опыхъ. 12. Для однихъ — предметъ почитанія, для другихъ, безстыжихъ, предметъ спекулятивнаго экспорта. 14. Старый адресъ: Месопотамія, между Тигромъ и Ефратомъ. Новый адресъ — между Вислой и Тихимъ Океаномъ. 15. Крестное имя (хотя какое же крестное, когда онъ былъ язычникомъ?) человѣка, утверждавшаго, что Галлія дѣлится на три части. 16. Необходимъ для половъ и цѣненъ въ обществѣ.

РѢШЕНІЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 8.

Горизонтально:

2. Маргарита. 6. Альтъ. 7. Гопъ. 8. Танъ. 9. Ру. 10. Ванъ. 11. Соль. 12. Енъ. 13. Кусъ. 15. Айова. 17. Олеинъ. 19. Варенецъ. 22. Шашни. 24. Умъ. 25. Яръ. 26. Напна. 29. Аристофанъ.

Вертикально:

1. Марабу. «. Матвѣй. 3. Алдановъ. 4. Торопецъ. 5. Апулей. 13. Карабасъ. 14. Соннино. 16. Вашъ. 18. Леи. 20. Ѣшь. 21. Лука. 23. Брань. 26. Ни. 27. И т. д. 28. А. Ф. (Керенскі).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Ликѣ и Танѣ. Монжеронъ.

Милыя дѣвочки! «Сатириконъ» счастливъ, что такія милыя, воспитанныя русскими мамами и англійскими гувернантками дѣвочки... тоже хотятъ написать что-нибудь подходящее для журнала!..

Поэтому, посылаемъ вамъ почтовый бланкъ для денежнаго перевода.

Вамъ остается написать только цифру **135** (т.-е. 135 франковъ за годовую подписку) — и сдѣлать переводъ (почтовый переводъ!) вашего произведенія на французскій языкъ.

Это и будетъ вашимъ вкладомъ въ сокровищницу «Сатирикона».

Редакторъ-издатель: **М. Г. Корнфельдъ.**

У ДИМЫ УСОВА

въ ресторанѣ **"ДЖИГИТЪ"**

19, Boulevard Edgard-Quinet

Музыка. Пѣніе. Танцы. ежедневно играетъ Михаилъ Бурже

Prix fixe 7.50 до 9 часовъ вечера и à la carte

Ресторанъ всѣгда открытъ всю ночь

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ

„НАША РѢЧЬ"

издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.

Редакторъ-Издатель: С. М. ГАЗІЕВЪ.

Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse*. Въ Парижѣ — въ « *Publicité Metzl* », *Rue de Turbigo*, 51, *Paris VIII*e и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ «Нашей Рѣчи» С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier*, 7, *Paris IX*e.

РЕСТОРАНЪ

"CHEZ KORNILOFF"

6, rue d'Armaillé между avenue Carnot и des Ternes

(Tél. Carnot 52 - 49

Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ влад. Ф. Д. КОРНИЛОВА.

Prix-fixe Завтракъ — 15 фр.

Обѣдъ — 20 фр. и à la carte

ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА:

Среда — бобовнья; четв. — чахохбили; пятн. — царскій студень; субб. — разсольникъ; воскр. — поросенокъ; пон. — бефъ-бун; вторникъ — пельмени.

Ежедн.: кулебяка, блины, осетрина, рябчики, чахохбили, гурьев. каша

Самый элегантный и уютный русско-французскій ресторанъ Парижа

Аптека

Всѣ патентованныя средства

Всѣ анализы

38, av. Félix-Faure,

Tél. Vaugir. 44-15

Зубоврачебн. кабинетъ **М. Когенъ**

D. F. M. P.

8, Rue Duban (16). Pl. Passy. Auteil 95-14

Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6. Остальные дни 10-8 час. веч.

А. С. ШАПИРО

Петр. Прис. Пов. licencié en droit

Налоги, патур., уставы, Prud'hommes

11, rue Mogador, tél. Centr. 11-35.

Ежедн. 11-12 и 5-6 ч., суб. 11-12 ч.

ДЛЯ СЛАБЫХЪ И ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХЪ

MAISON DE REPOS

Doctoresse B. LEVANTISSE

Діэтическій столъ. Прекрасный уходъ. Комфортъ модернъ. Большой садъ. Гидротерапія, Массажъ, Гимнастика. Ультра-фіолетовые лучи, Діатермія.

Постоянное дежурство врача

Комната съ полнымъ пансіономъ, включая уходъ и пр. отъ 50 фр. въ сутки.

(5 минутъ отъ Porte Champerret около 25, Bd Bineau)

47, rue Parmentier. NEUILLY s/S

Téléphone: MAILLOT 10-84

Паста - Порошекъ - Эликсиръ

ESKA

по форм. С. С. Кострицкаго б. зубн. врача Госуд. Импер.

Наилучшія, научно - обоснованныя средства для ухода за зубами и полостью рта

Продаются только въ аптекахъ

Laboratoires ESKA, A. Hobchette

Dr. en Pharmacie.

76, rue Orfila, PARIS (20)

Прошедшее, настоящее и будущее

Извѣстная Ясновидящая

пріемъ ежедневно, кромѣ воскрес. 3—7 ч. веч.

Mme Cherbatoff

10 rue Froidvaux, второй этажъ рядомъ съ метро Denfert Rochereau

Дав. Е. Каганъ

Кандидатъ Парижск. Унив.

Взысканія, уставы общ-въ, разводы и проч.

новый адресъ:

8, square Port Royal (13)

(15, rue de la Santé)

Téléphone Gobelins 61-95

пріемъ 10—12 и 6—8 ч. веч.

КОНДИТЕРСКАЯ

JULIEN

25, rue Bosquet

во дворѣ на право

Téléphone SEGUR 68-27

Métro: Ecole Militaire

доставка на домъ

Юридическій Кабинетъ

БЮРО ОФФИЦІАЛ. ПЕРЕВОДОВЪ

Консультаціи и выполн. всѣхъ формальностей предписан. новымъ закономъ и социальн. страх., исключ. утромъ до 12 съ половиной час.

MARC BILLIS et FILS

присяжный переводчикъ при Парижскомъ трибуналѣ и кандидатъ правъ (Парижскаго университета).

24, rue Laffitte, Paris.

Tél. : Provence 84-56. Métro Opéra.

Пріемъ отъ 9 до 12 и отъ 2 до 6.30 ч.

Существуетъ въ Парижѣ съ 1861 г.

Говорятъ по русски.

BERCK-PLAGE PENSION MILA

12, rue Lavoisier

въ 2-хъ шагахъ отъ пляжа

ХОРОШІЙ ПИТАТЕЛЬНЫЙ СТОЛЪ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ

Новыя книги Н. Городецкой

„Мара"

Романъ Издат. «Москва»

„Les mains vides"

съ предисловіемъ А. И. Куприна

Изд. St.-Michel

Требуйте во всѣхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ:

ГОЙЕРЪ Л. В. — **Жестокосердный каменщикъ**

Романъ изъ исторіи третьяго вѣка христіанства.

Его-же - **Запретный хлѣбъ**

Повѣсти.

Складъ издат. въ кн. магаз. „МОСКВА"

« LIBRAIRIE MOSKWA »

9, rue Dupuytren, Paris 6e

Сатирикон'

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи	Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ странахъ, вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза		160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почт. Союза		177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**

Téléphone: GUTENBERG 05-40

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII. Цѣна отд. ном. 1 шилл.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8. Цѣна отд. ном. 20 л.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tel. Barbarossa 4881. Postscheckkonto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГРЕЦІЯ.	Афины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitorv, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 70 л. с.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko,* Khiabané Post Hané Koutcha Beha es Saltaneh N°4. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovie. Цѣна отд. ном. зл. 1.35.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré. Цѣна отд. ном. 25 лей
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York.
	Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra. Цѣна отд. ном. 25 піастр.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors. Ц. отд. ном. ф. м. 6.50
	Выборгъ. — *Ivankov,* Linnankatu, 8, Wiiborg.
	Келломяки. — *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel Ц. отд. н. К. Ч. 5.50
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon,* Goldschmiedstrasse, Reval.
	Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 70 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre,* Ul. Kn. Mihailova br. 27.

17.027 АДРЕСОВЪ АМЕРИКАНСКИХЪ МИЛЛІОНЕРОВЪ
444 " МИЛЛІАРДЕРОВЪ
5410 " АМЕРИК. БЛАГОТВОРИТ. УЧРЕЖД.

Адреса МАНУФАКТУРИСТОВЪ, ИЗОБРѢТАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЕВЪ, БАНКИРОВЪ, КИНО - РЕЖИССЕРОВЪ и др.

100 адресовъ 3 доллара
200 " 5 "
1000 " 18 "

Деньги можете посылать въ любой валютѣ

Наша фирма существуетъ съ 1908 года

Adress: A. R. BOGIN, 201 2nd Avenue

New York, N. Y. U. S. of America

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ **Л. РИХТЕРЪ, Рига**

Представительница Е. Михайловская

9, rue Auguste Vitu, Paris (15). Métro Javel. Tél. Vaugirard 65-59.

САМЫЯ ДЕШЕВЫЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ

Нѣкоторыя цѣны за килограммъ

Масло сливочное въ жестянкѣ **22** фр. **50.** **Грудинка 16** фр.
Сало свиное въ жестянкѣ **16** фр. **Колбаса** сухая 1 с. **28** фр. **50**
Упаковка, страховка, отправка за 5 к. **25** фр., за 10 к. **50** фр.
Пріемъ заказовъ ежедн. не исключая воскр. и праздн. съ 9 ч. у. до 9 ч. веч.

ПЕРЕВОДЫ и ПОСЫЛКИ въ РОССІЮ на небывало выгодныхъ условіяхъ. Переводы съ ручательствомъ за выплату въ 15 дней.

BANQUE pour l'ARBITRAGE et COMMISSION

6, Rue Buffault. PARIS (9) Tél. Provence 95-20 и 95-21

TOUT DERNIER CONFORT
ASCENSEUR - CHAUFFAGE CENTRAL - CHAMBRES avec BAINS - EAU CHAUDE ET FROIDE

Tél. VAUGIRARD 10-77
Télégr. Hotelef 5 Paris

PENSION-HOTEL DE LA PORTE DE VERSAILLES

15, rue de la Grotte PARIS (15e)

Angle du Boulevard Lefebvre - Près la Foire de Paris

Nord-Sud . Porte de Versailles - Aut. : Aut. A. G. Bourse - Tram. : 89 Hôtel de Ville

НАЛОГИ Учрежденіе обществъ. Всѣ юридич. акты. Разводъ. Регистрація фирмъ. Выборка патентовъ. Высканія. Натурализаціи. Консультаціи по всѣмъ вопросамъ.

JACQUES KARNAOUCH lic. en droit

3, rue du Pasteur Wagner. (на углу 26, Bd. Beaumarshais). M-ro Bastille

Tél. Roquette 07-66.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ принимаетъ

Комитетъ Помощи Голодающимъ въ Россіи (Comité Russe de Secours)

7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9)

M-o Clichy. Tél. Trinité 29-92 et la suite

Пріемъ исключительно отъ 3–7

Общество взаимнаго Кредита "СОЮЗЪ"

Crédit Mutuel UNION

12, rue Blanche, Paris (9). Tél. Trinité 45-77

Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрышн. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер

Денежные переводы и посылки въ Россію

Земскій Союзъ

Union des Zemstvos Russes

12, rue Blanche, Paris-9

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала контора журнала

САТИРИКОНЪ

проситъ г.г. подписчиковъ, срокъ подписки коихъ истекаетъ, ВОЗОБНОВИТЬ ЕЕ заблаговременно

IMPRIMERIE COOPÉRATIVE ÉTOILE

17, Rue de la Comète

Téléphone : Invalides 11-50

PARIS (7)

R. C. S. 227.770

Métro : La Tour-Maubourg

TOUS GENRES DE TRAVAUX EN TOUTES LES LANGUES

РУССКАЯ МАСТЕРСКАЯ ДАМСКОЙ И МУЖСКОЙ ОБУВИ НА ЗАКАЗЪ

MAX

10, Rue Edmond Roger yr. Rue Violet, PARIS (XVe)

Téléphone Vaugirard 52-15.

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), téléph. Inval. 11-50 Le Gérant : *N. Kornfeld.*

«ПОКУРИТЬ НЕ ХОТИТЕ-ЛИ?»

Рис. Г. Шильтяна.

— Старомодные портсигары прошлаго вѣка, съ тяжеловѣсной шуткой, гравированной на крышкѣ, и съ пріятнымъ сюрпризомъ на внутренней сторонѣ.

— Модные портсигары для международныхъ дипломатовъ, съ легковѣсной шуткой, гравированной на крышкѣ, и съ непріятнымъ сюрпризомъ на внутренней сторонѣ.

PRIX EN FRANCE : Frs 3. — 1 АВГУСТА 1931. 1-er AOUT 1931. ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

САТИРИКОНЪ

SATYRICON

1931 Hebdomadaire Russe

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)

№ 18

Directeur M. Kornfeld

СЛОЖНАЯ ОПЕРАЦІЯ.

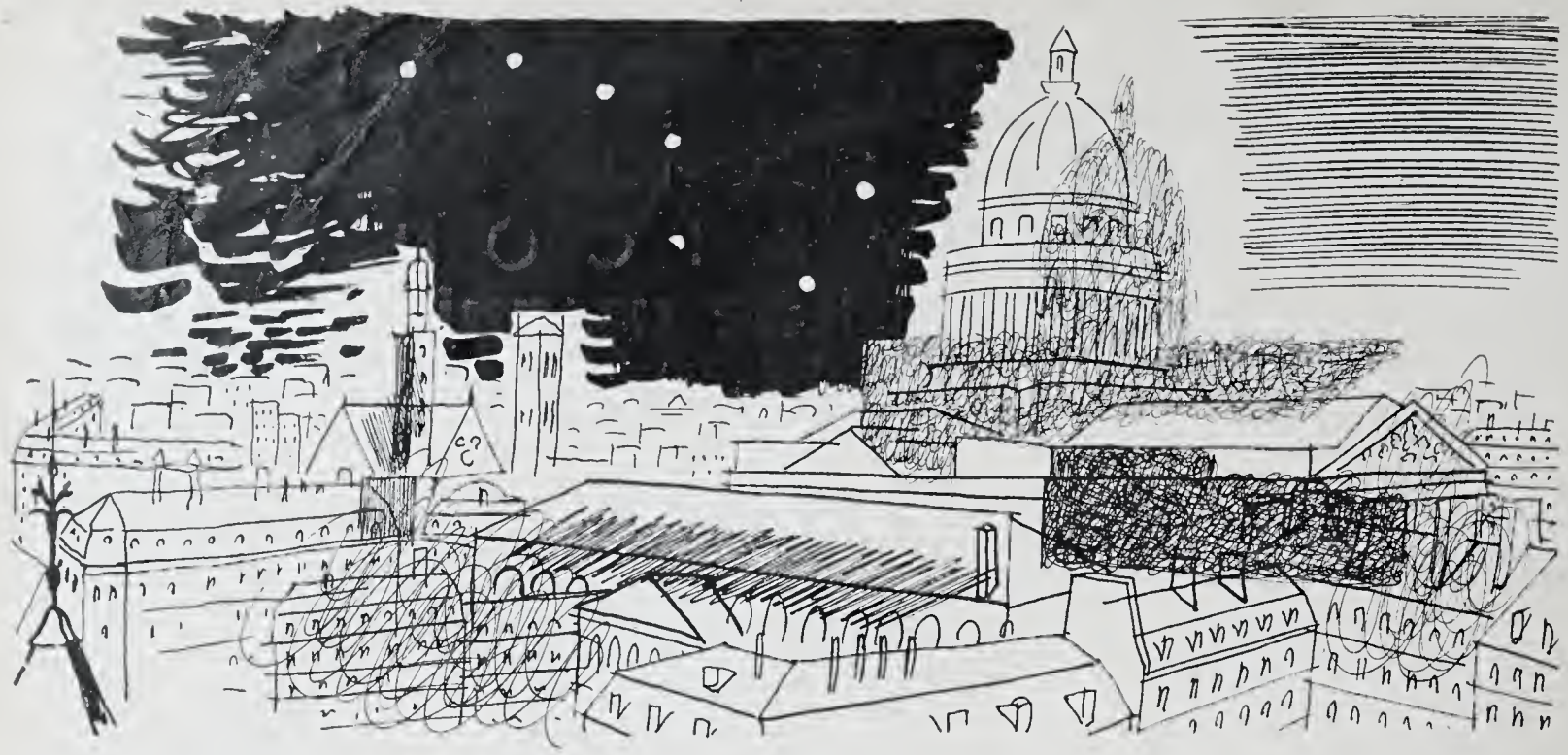
Рис. А. Шарлю.

Лаваль. — Прежде всего необходимо удалить когти. Безъ этого намъ никогда не удастся ввести питательный зондъ.

OPERATION DELICATE.

Laval. — Si on ne réussit pas à lui enlever ses griffes, nous n'arriverons jamais à lui passer la sonde alimentaire...

Рис. Шварца.



СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ.

Небо кисти Вэронеза.
Нѣжность утра. Сонъ рѣки.
Кто-то женщину разрѣзалъ
На квадраты, на куски.

И въ обрывкахъ одѣяла,
Въ чемоданахъ, въ вензеляхъ,
Такъ, съ Ліонскаго вокзала
И отправилъ впопыхахъ.

И поютъ подъ нею рельсы
И летятъ изъ подъ колесъ
Ослѣпительныя искры
Развѣвающихся розъ.

А въ углу, въ кафе, у цинка,
Пьетъ убійца оранжадъ,
А надъ нимъ плыветъ блондинка,
Вся откинувшись назадъ.

Ахъ, какъ все и всѣмъ извѣстно!...
Беллетристъ, прищуривъ глазъ,
Сочинитъ про нихъ навѣрно,
Полный живости разсказъ,

И опишетъ безкорыстно,
Человѣческое дно,
И продастъ его полистно,
Иль построчно, все равно...

Кривой Джимми.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ « С А Т И Р И К О Н А »

Въ цѣляхъ наиболѣе раціональнаго распредѣленія «Сатирикона» по кіоскамъ, Гл. контора покорнѣйше проситъ гг. читателей покупать журналъ по возможности въ одномъ и томъ же кіоскѣ или магазинѣ.

Въ случаѣ, если у вашего газетчика не окажется «Сатирикона», Гл. контора проситъ увѣдомить ее по адресу:

51, rue Vivienne, Paris (II).

«ВИШНЕВЫЙ САДЪ».

Получилъ пачку совѣтскихъ газетъ.
Погрузился въ чтеніе, и еле обратно выгрузился.
Удивительно, до чего все таки языкъ Тургеневскій!...
Вотъ именно, Записки Охотника, но только для бѣдныхъ.
И все, сокращенія, сокращенія и сокращенія.

Такъ торопятся, что ни одного слова до конца выговорить не успѣваютъ.

— Словно ихъ вмѣсто чая, съ самаго утра скипидаромъ напили: внутри жжетъ, а сказать некогда.

Такъ, на однѣхъ шипящихъ и свистящихъ только и держатся.

Что же до смысла жизни, то ссылка на поселеніе и танцы для оставшихся.

Прямо даже не разберешь, кого больше: внутренно - танцующихъ или наружно - высланныхъ ?

Или, половина на половину?

Съ одной стороны конецъ - лагерь, съ другой стороны танецъ-лагерь.

Впрочемъ, такъ, говорятъ, и у другихъ было.

Во Франціи карманьола, у насъ полька-птичка.

Головы на плаху, ноги на паркетъ.

«Пойдемъ, пойдемъ, ангелъ милый,
Пойдемъ танцевать со мной,
Слышишь, слышишь звуки польки
Звуки по-ольки неземной!...»

Бѣдный Карлъ Радекъ, окаймленный собственной бородой!

Столько лѣтъ подрядъ облокачиваться на глобусъ, независимо силевывать и попыхивать трубочкой!

Настоящій Епиходовъ октябрьской революціи.

Да и вообще лирическія сцены изъ Вишневаго сада, въ легкой передѣлкѣ.

Буйный вишневый цвѣтъ осыпался.

Старый ленинскій особнякъ постепенно пустѣетъ.

Бывшая владѣлица Раневская, она же Крупская, собирается заграницу.

Колонтай играетъ гувернантку Шарлотту Ивановну, и все еще въ панпьоткахъ ходитъ.

Но на нее просто вниманія не обращаютъ.

Уѣздный Симеоновъ-Пищикъ, онъ же всероссійскій староста Калинишъ, « по преданію, происходящій отъ той самой лошади, на которой Калигула въ сенатъ въѣхалъ», хорохорится, и съ пьяныхъ глазъ рѣчи произноситъ.

Входитъ чудесный грузинъ (Лопахинъ) и приказываетъ рубить вишневый садъ.

Слышны рѣзкіе удары топора.

Появляется старый идеалистъ Раковскій съ анчоусами и сардельками, и отъ неожиданности роняетъ деликатессы на полъ.

— Многоуважаемый никапъ!... — говоритъ онъ со слезой въ голосѣ, обращаясь къ неподвижно стоящему въ углу Чичерину.

Потомъ только безнадежно машетъ рукой, и съ раздраженіемъ бросаетъ Радеку:

«Отойди, любезный, отъ тебя курицей пахнетъ»...

А въ это время садъ рубятъ, рубятъ, рубятъ.

И лишенный прекраснодушія Лопахинъ произноситъ свой знаменитый монологъ:

— Ничего!.. мы построимъ новую жизнь и новую экономическую политику, и да здравствуетъ новый Нэпъ!» Приходите всѣ смотрѣть, какъ упадутъ на землю отцвѣтшія ленинскія деревья!» Эй, Микоянъ, музыку!...

Робко входятъ мѣстечковые музыканты, Зиновьевъ, Каменевъ, Стекловъ и другіе.

И стараясь изо всѣхъ силъ, и вытягивая шеи, играютъ польку-птичку.

Шарлотта Ивановна Колонтай безсовѣстно кокетничаетъ съ молодыми красноармейцами.

Комсомолъ пляшетъ, каблуками отбиваетъ потрескавшійся паркетъ.

Вишневый садъ октябрьской революціи рубятъ.

Заколачиваютъ старый партійный особнякъ.

По лицу бывшей владѣлицы Крупской текутъ настоящія вдовьи слезы.

Наступаетъ тишина.

И только изъ замурованнаго мавзолея раздается голосъ набальзамированнаго Фирса:

«— Уѣхали... забыли... эхъ, недотепа!... »

К. Страшноватенко.

●

КАТЕГОРИЧЕСКИ.

— Она отказала тебѣ?

— Да.

— Ерунда! Не огорчайся. Развѣ ты не знаешь, что женское «нѣтъ» часто обозначаетъ «да».

— Да она не сказала «нѣтъ». Она просто сказала: «Къ чертямъ собачьимъ».

●

ИЗЪ ХРЕСТОМАТІИ САТИРИКОНА.

Разсѣянность до добра не доводитъ.

Разсѣянные люди должны быть очень осторожны. Конечно, если разсѣянный человѣкъ забудетъ въ трамваѣ зонтикъ или, наступивши на ногу унтеръ-офицеру, скажетъ: «Извините, мадамъ!» — отъ этого большой бѣды быть не можетъ. Но часто бываетъ и такъ, что черезъ свою разсѣянность человѣкъ лишается гораздо большихъ благъ чѣмъ зонтикъ и испытываетъ гораздо болѣе тяжелый репримандъ, чѣмъ тотъ, на который онъ можетъ напороться изъ устъ нечаянно оскорбленнаго имъ унтеръ-офицера. Случай, происшедшій недавно въ Ментонѣ (Франція, департаментъ Приморскихъ Альповъ) показываетъ, что черезъ разсѣянность человѣкъ можетъ лишиться и горячо любимой имъ супруги.

Этотъ тяжелый случай произошелъ съ г. Георгіемъ Деляферте, обывателемъ города Ментоны, очень извѣстнымъ своей безусловной порядочностью всему югу Франціи. У г. Георгія Деляферте, съ самаго дѣтства весьма разсѣяннаго, была привычка, какъ за обѣдомъ, такъ и за завтракомъ, сажать на стулъ рядомъ съ собою свою любимую собачку, «Малыша» изъ породы французскихъ бульдожекъ. Жена-же г. Георгія Деляферте, очень милая особа, Сюзанна, изъ семьи Дюпанлу, нотаріуса въ Авиньонѣ, садилась всегда наискосокъ отъ него съ правой руки.

И вотъ въ одинъ несчастный день за обѣдомъ, когда г. Георгій Деляферте впалъ въ свою обычную разсѣянность, Сюзанна, желая обратить что-ли на что-то его вниманіе, или просто вернуть его съ облаковъ на землю, легонько коснулась своими пальчиками до его руки.

Что же сдѣлалъ этотъ несчастный разсѣянный человѣкъ?

Онъ беретъ съ тарелки, на которой онъ ѣлъ свиныя котлеты, кость, суетъ ее женѣ и говоритъ: «Ахъ, отстань! Возьми эту кость и иди грызть ее подъ столъ».

Натурально, госпожа Деляферте, какъ и всякая женщина на ея мѣстѣ, обидѣлась, тотчасъ же встала изъ-за стола и уѣхала въ Авиньонъ къ своимъ родителямъ.

Думается, что одного этого примѣра болѣе чѣмъ достаточно, чтобы убѣдить разсѣянныхъ людей, что надо имъ, въ собственныхъ ихъ интересахъ, иногда все-таки собираться съ мыслями.

Апоплексій Барбаросскій.

ЧЕСТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

— Послушайте, почтенный, ваша собака разорвала у меня въ саду трехъ куръ. Я этого такъ не оставлю, но я хотѣлъ бы узнать сначала, что вы сами намѣрены мнѣ предложить?

— А вы увѣрены, что это была именно моя собака?

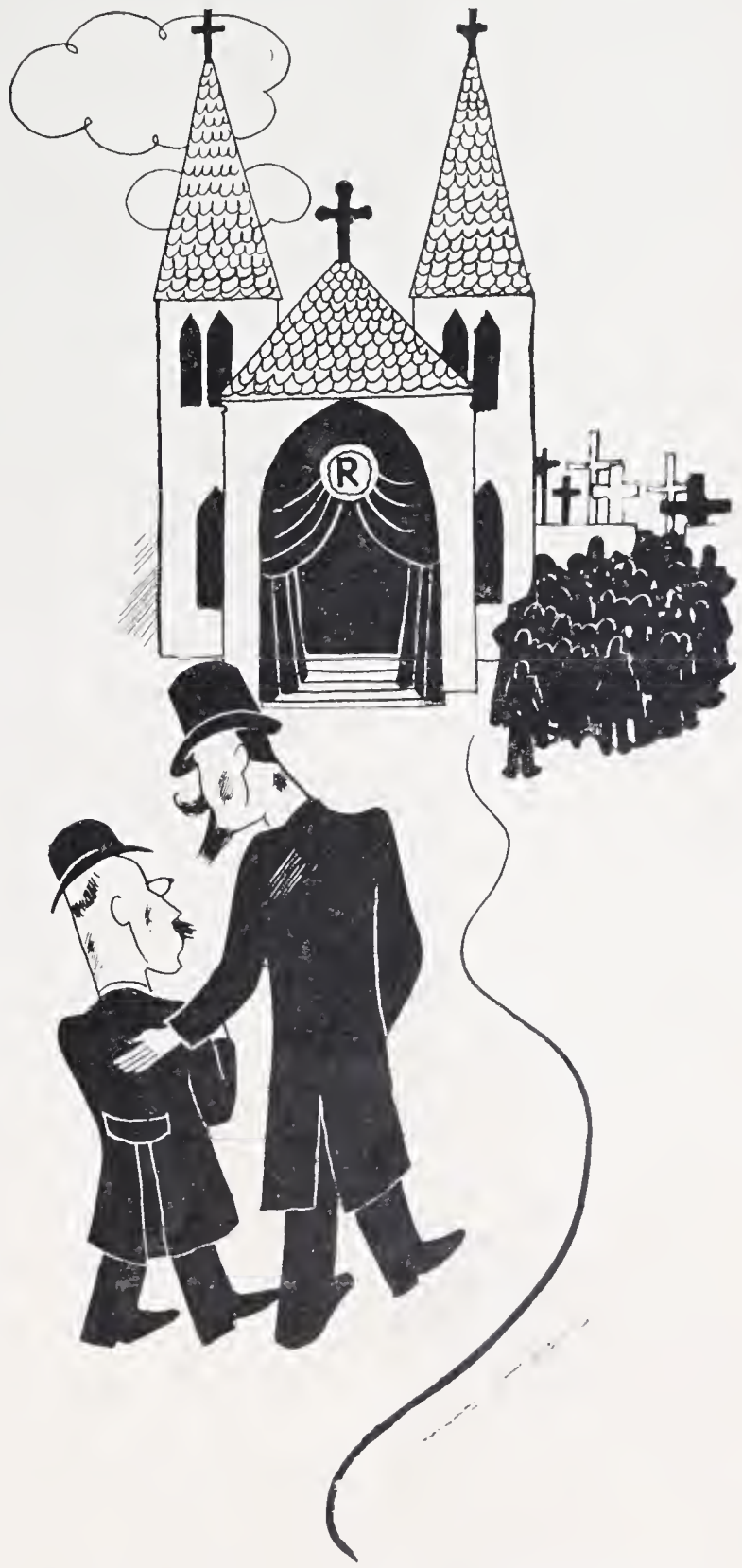
— Еще бы я не былъ увѣренъ! Я видѣлъ все это своими глазами съ балкона.

— Гмъ... Тогда я, право, не знаю, что дѣлать... Придется, повидимому, продать собаку... Послушайте, вы не хотите купить хорошую собаку?

●

ИЗЪ ПОДСЛУШАННЫХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

Рис. Э. Ницше.



— Какъ вы думаете, попадетъ онъ въ царствіе небесное?

— Не думаю... Для этого онъ слишкомъ застѣнчивъ!...

ЗАПИСКИ ЗНАМЕНИТОЙ ЖЕНЩИНЫ.

2.

Вотъ я уже больше и не манекенша! И въ самомъ дѣлѣ, развѣ это была профессія для меня? И развѣ это путь, чтобы по настоящему прославиться? Нѣтъ. Сначала я плакала, какъ дура, когда меня выгнали изъ Шикъ-Имперіаль, но потомъ сообразила, что надо не плакать, а радоваться И когда поняла, то такъ обрадовалась, что иду по улицѣ и вся сіяю, такъ легко, такъ чудно, такъ сладко, точно я не на тротуарѣ, а на дворцовомъ паркетѣ, а другомъ не прохожіе, а высочайшія особы и полицмейстеры. Даже какъ будто музыка гдѣ-то вдали и такая нѣжная, чарующая, — то флейта слышится, то какъ будто фортепьяно, — какъ сказалъ нашъ чудесный Пушкинъ. И вотъ я иду, лечу окрыленная успѣхомъ, будущимъ то-есть, упоенная мечтами, какъ во снѣ и вдругъ для полноты иллюзіи кто-то наклоняется ко мнѣ близко-близко, дышитъ мнѣ въ лицо и страстно вскрикиваетъ...

Что онъ вскрикнулъ, я хорошенько не разобрала, что-то вродѣ фердъ или пердъ. Можетъ быть пфердъ? Пферъ, какъ извѣстно, по-нѣмецки нога, а я какъ разъ наступила ему на ногу и должно быть на мозоль, потому что очень пронзительно онъ это свое пфердъ выкрикнулъ, прямо, какъ зарѣзанный. Я отъ неожиданности сначала растерялась, но сейчасъ же пришла въ себя и, принявъ подобающее случаю выраженіе, чтобы не ронять себя въ глазахъ плебса, — немного Маріи Стюартъ, немного Императрицы Евгеніи, сказала ему вѣжливо, но съ достоинствомъ — милль пардонъ — и прошла, не останавливаясь, хотя онъ продолжалъ волноваться и выкрикивать мнѣ вслѣдъ свое пфердъ и еще какія-то слова. Странный типъ — вѣдь не придется же ему покупать себѣ протезу оттого что я на его пфердъ наступила! Я вѣдь не мужичка, нога у меня дворянская, легкая, походка ритмическая. Поболитъ и пройдетъ. И гдѣ она — врожденная французская вѣжливость — приличный мужчина самъ бы отъ стыда сгорѣлъ, оттого что обнаружилось, что на немъ мозоли. Не понимаю.

Но все по порядку. Итакъ, я поступила въ Шикъ-Имперіаль. И все это оказалось сплошнымъ надувательствомъ. Никакого шику, да и имперіалю тоже мало. Манекены — не 42-44, какъ публиковалось, а всего двѣ — я и еще одна пигалица. Съ перваго же дня начала меня графиня гонять, какъ рабу. Туда-сюда, вниз-вверхъ, сбѣгайте за папиросами, подайте булавки и все не такъ, и все не то, все ей не нравится гордячкѣ. И такъ грубо обращается: Лида, вѣдь знаетъ, что я Лилія. И норовитъ уколоть: заговоритъ будто нечаянно по-французски и сейчасъ же состроитъ рожу кислую-прекислую. — «Ахъ, да вѣдь вы не понимаете». Дрянь!

Стали на меня платья мѣрить. Ну, и платья! Деревенской бѣднотѣ въ кровавой Триэсеріи такія носить. Я сразу поняла, гдѣ тутъ собака зарыта, — графиня-то скряга. Матеріи экономитъ каждый вершокъ, нигдѣ ни тебѣ кружевца, ни тебѣ рюшечки, ни тебѣ какого позументика. Скучища, а не платья. Сѣли, однако, на меня великолѣпно. Еще бы — съ моей-то фигурой. У графини даже глаза закруглились и носъ заблестѣлъ. Тычетъ меня пальцемъ-то въ грудь, то въ бокъ и все лопочетъ — афре, афре — видно, что въ восторгѣ. То-то думаю, — теперь афре, а то — «сбѣгайте за папиросами». За папиросами каждая можетъ, а фигура афре не у каждой, это понимать надо, старая вѣдьма.

Послѣ примѣрки позвала меня завтракать. Я, не скрою, обрадовалась — аппетитъ у меня вообще хорошій, а тутъ отъ этихъ примѣрокъ и тѣлодвиженій разыгрался прямо, какъ у волка. Что же подаютъ? Немного какихъ-то объѣдковъ, три рединки и два орѣха. Я такъ вѣжливо говорю: «Извините, графиня, отъ такой ѣды апендицитъ безусловно можетъ сдѣлаться». Она отвѣчаетъ: «Вамъ худѣть надо». Я опять: «Извиняюсь, если даже и худѣть, то вѣдь надо разбирать, кому худѣть — дѣвушкѣ во всемъ цвѣту или канарейкѣ...» «Не разсуждайте, — говоритъ, — ѣшьте что даютъ». Дрянь!

Не успѣла я рединку догрызть, какъ звонитъ телефонъ, и сейчасъ же вбѣгаетъ графиня, взволнованная такая. «Кончайте, Лида. Сейчасъ къ намъ заказчикъ на цѣлую страну пріѣдетъ. Вы показывать будете. Тутъ вы подойдете. Онъ какъ разъ жаловался, что манекенши у насъ тонкія. На вашихъ жердяхъ, — говоритъ, — красиво, словъ нѣтъ, а какъ будетъ на настоящихъ женщинахъ — кто его знаетъ. Вотъ вы и есть настоящая женщина». Я вся похолодѣла отъ внутренняго торжества, сердце такъ и кувыркается. Настоящую женщину хочетъ... На всю страну... Американецъ ? — хочу спросить, а губы не слушаются, африканецъ вышло. «Что вы, — говоритъ графиня... — Бѣлый, такой-же, какъ и мы съ вами и даже почти что соотечественникъ. Литвякъ».

Ну, облачили меня наскоро — выхожу. Передъ глазами маленькіе туманчики и въ ушахъ телефоны звонятъ. Но выхожу гордо. Выхожу и вижу сквозь туманчики и телефоны — сидитъ. Въ креслѣ сидитъ. Литвякъ. На цѣлую страну. Въ креслѣ. Толстый, какъ подушка и большіе роговые очки. Онъ! Какъ увидѣла его, такъ и узнала. Онъ! Безусловно онъ. Мой милліонеръ съ бумажникомъ. Американецъ. То-есть литвякъ. Ахъ, все равно, хоть самоѣдъ, разъ съ бумажникомъ, и все, даже очки тѣ же. Очки меня и погубили. Подняла я голову, одно глиссе сдѣлала, второе, остановилась, да какъ взгляну на него... И тутъ-то и ошиблась. А все очки виноваты. Блестящіе, какъ автомобильные фонари и прямо въ сердце мнѣ этотъ свѣтъ идетъ. Взглянула я на него, но вмѣсто того, чтобы смѣсью Жозефины Бекеръ и Жозефины Богарнэ взгляшуть — одной Жозефины Бекеръ поддала. И какъ поддала — во всю. Вижу — клюнуло. Приподнялся онъ съ кресла. Ого! — сказалъ и очками меня такъ и сверлитъ. А меня ужъ подхватила волна успѣха и понесла. Ничего не вижу, ни пигалицы, ни старой вѣдьмы, ни литвяка. Только очки горятъ передо мной, какъ метеоръ. Горятъ и меня зажигаютъ. И я горю. Горю, будто не руки у меня, а плавники, качусь, какъ на роликахъ, — ногъ не чувствую. И глиссе дѣлаю, и балансе, и кабріоле, и опять балансе. Ношусь бабочкой въ лучахъ восторга и передо мной только очки, очки на всю страну... И вдругъ литвякъ, какъ захохочетъ...

Какъ я очутилась въ раздѣвалкѣ, помню какъ сквозь сонъ. Помню, что вдругъ очки погасли, и выросла около меня графиня и пигалица... А я хоть и чувствую, что что-то не то, вся еще дрожу отъ восторга, вся еще смѣюсь и полыхаю, и ноги еще сами выдѣлываютъ все кабріоле, кабріоле. Но чувствую — что-то не то. Литвякъ хохочетъ и въ креслѣ подпрыгиваетъ, а графиня съ пигалицей около меня вьются — одна за плечо тянетъ, другая въ спину толкаетъ. И все это, какъ сквозь туманъ. И хохотъ литвяка, какъ сквозь туманъ, и визгъ пигалицы, и голосъ графини. Противный такой голосъ, тонкій, противоестественный: «Вонъ»!

А я стою. Стою, какъ въ туманѣ. Пигалица съ меня платье черезъ голову тянетъ. Литвякъ гдѣ-то вдали умолкнетъ на минуту и опять — ха-ха-ха. А графиня только всплескиваетъ руками и какъ кукушка на два тона повторяетъ: «Вонъ»!

Опомнилась окончательно я только на улицѣ. Сначала стало мнѣ такъ грустно, такъ жалко себя, что я зашла въ какой-то тупичекъ и заплакала. Но плакала я недолго: вытерла слезы и все взвѣсила. И что же выходитъ? Что не плакать надо, а радоваться. Такая ли я женщина, чтобы быть простой манекеншей? И что такое, въ сущности, манекенша? Вѣшалка для платьевъ, такъ называемыя портъ-манто, по нашему, плечики, только въ живомъ видѣ. Но развѣ это карьера для меня — быть вѣшалкой. У какой-то вѣдьмы? Для какихъ-то грязныхъ платьевъ, безъ единаго позумента, которые такъ и трескаются, едва ихъ тронешь, такой паршивый на нихъ матерьялъ. Передъ какимъ-то литвякомъ, который не то что кабріоле, просто глиссе не можетъ оцѣнить. И для этого еще худѣть. Бѣгать за папиросами. Получать полтора орѣха на завтракъ. Нѣтъ, то, что такъ случилось — лишнее доказательство благосклонности ко мнѣ судьбы и звѣзды успѣха. Надо только избрать достойную меня карьеру, на этотъ разъ не при помощи билетиковъ, а все обдумавъ и обсудивъ. Я знаю себѣ цѣну и это главное. А то — вѣшалка... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какая я дура — вздумала плакать, когда танцовать отъ радости надо. Надо только выбрать карьеру, а успѣхъ обезпеченъ. О, меня оцѣнятъ! Вѣдь даже вѣдьма-графиня ужъ на что глупа и зла, а и то не могла сдержаться и созналась, что я афре. Надо будетъ, кстати, посмотрѣть въ словарѣ, что это значитъ точно — прелестно, прелестна, прекрасна или можетъ быть божественна.

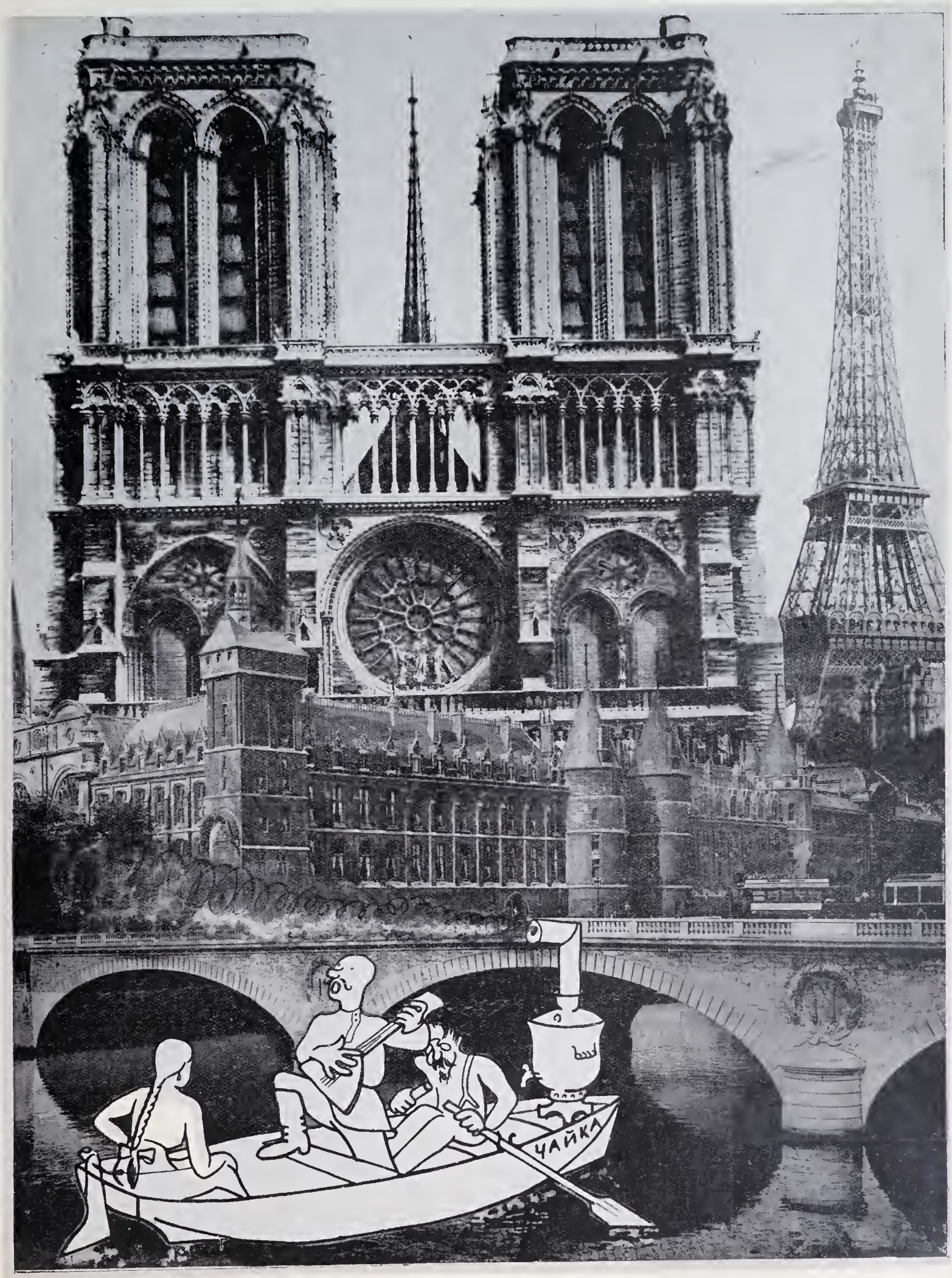
Да, даже вѣдьма призналась — и она права: я, Лилія Нильская афре, и все, къ чему ни прикоснусь — тоже будетъ афре, какъ я сама. И недолго ждать того часа, когда объ этомъ будетъ кричать весь Парижъ.

Ирина Одоевцева.

КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ **ЭМИГРАЦІИ.**

НЕИСПРАВИМЫЕ.

Рис. А. Шараю.



— «Внизъ по ма-а-а-тушкѣ, по Во-о-о-лгѣ...»

ВОЗВРАЩЕНІЕ ГЕНРИХА.

Эпилогъ къ «Потонувшему Колоколу».

Мѣстность совершенно безлѣсная, но пнистая. Лѣсной Бѣсъ «на камушкѣ сидитъ, папиросочку куритъ», подозрительно вглядываясь въ приближающагося пѣшехода, личность весьма потертую.

Бѣсъ.

Здорово, человѣкъ.

Пѣшеходъ.

Здорово, бѣсъ.
Узналъ меня?

Бѣсъ.

Да, Генрихъ ты, литейщикъ.

Генрихъ.

Провѣдать я пришелъ свой милый, старый лѣсъ.

Бѣсъ.

По прежнему, какъ вижу, ты затѣйщикъ.
Опять намѣренъ лить колокола?

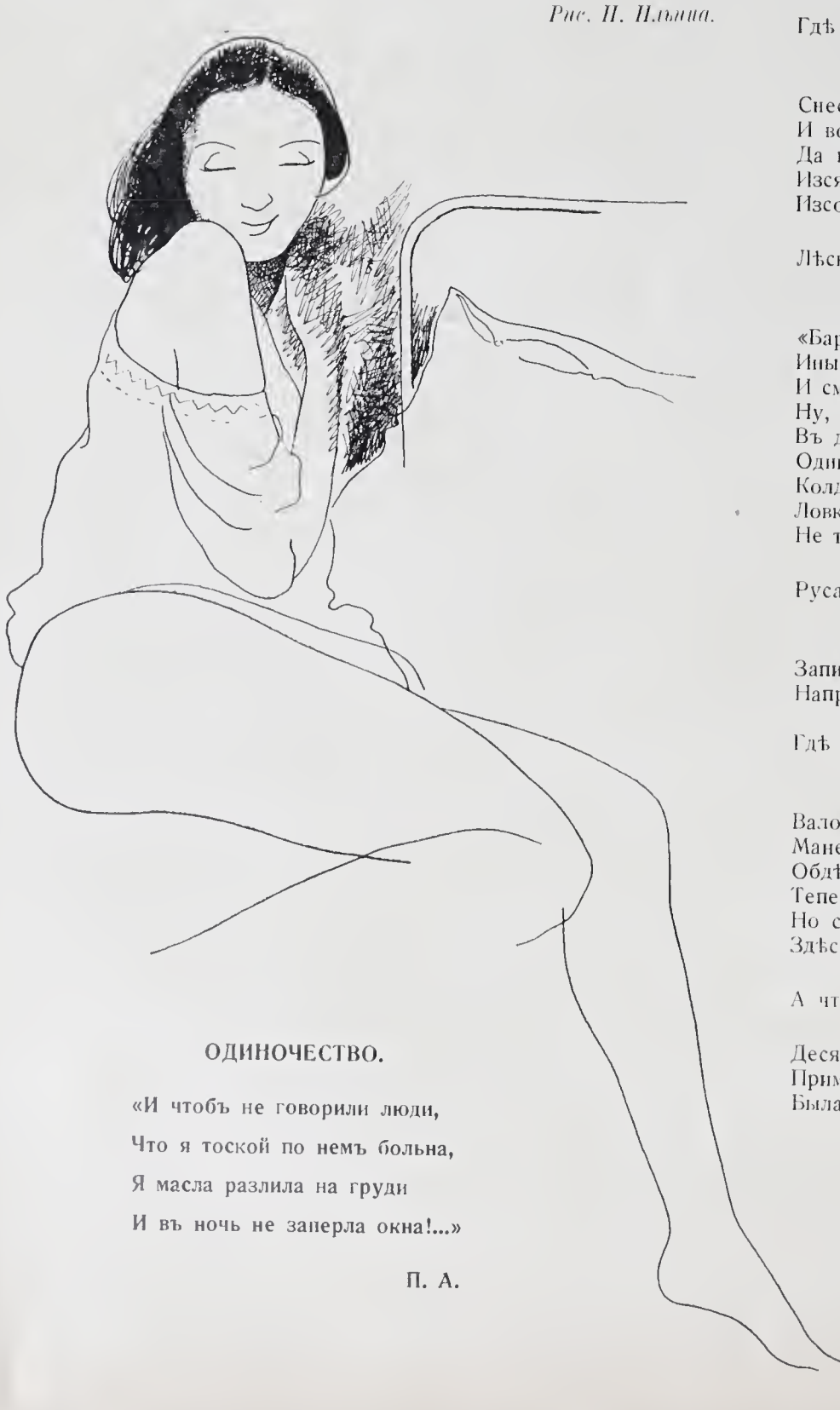
Генрихъ.

Нѣтъ, бѣсъ лѣсной, не опасайся звону:
Я ликвидировалъ литейныя дѣла.

Бѣсъ.

Да, колокольный торгъ сейчасъ не по сезону.

Рис. И. Ильина.



ОДИНОЧЕСТВО.

«И чтобъ не говорили люди,
Что я тоской по немъ больна,
Я масла разлила на груди
И въ ночь не заперла окна!...»

П. А.

Генрихъ.

Какъ постарѣлъ ты, бѣсъ!

Бѣсъ.

Ну да, и ты,
Сказать по правдѣ, не весьма удачный
Остатокъ полинявшей красоты:
Плѣшивъ и тощъ, и не въ одеждѣ брачной.
Обильныхъ суммъ, замѣтно, не обрѣлъ
Ты въ гордомъ слетѣ выспреннихъ талантовъ?

Генрихъ.

Да, я съ крыломъ подшибленнымъ орелъ.

Бѣсъ.

И, кажется, притомъ изъ эмигрантовъ?

Генрихъ.

Хлѣбъ черствый и гнилая колбаса —
Вотъ премія стремленій къ высшей цѣли!
На смарку все! Опять бѣгу въ лѣса
Къ звѣрямъ, бѣсамъ...

Бѣсъ.

Любезный, ты въ умѣ-ли?
Несешь какой-то евразійскій бредъ!
Чай, мы съ тобой живемъ не до потопа.
Очухайся, наивный умовредъ:
Кругомъ — послѣвоенная Европа.

Генрихъ.

Гдѣ лѣсъ мой, бѣсъ?

Бѣсъ.

Въ воинственные дни
Снесло его шрапнельнымъ ураганомъ,
И вотъ гляди: остались только пни
Да пустыри, заросшіе бурьяномъ.
Изсякъ ручей; звѣрь, птица извелись;
Изсохло Брекекексово болото...

Генрихъ.

Лѣсныя дѣвы?

Бѣсъ.

Въ городъ нанялись
«Бардамами»: въ дансерки для фокстротта.
Иныя приспособились въ кино
И смѣло лѣзутъ въ звѣзды Холливуда.
Ну, а кому таланта не дано,
Въ домахъ свиданій треплются покуда.
Одинъ такой для нашего дѣвья
Колдунья Виттила въ избѣ своей открыла.
Ловка проценты стричь корыстная змѣя
Не то, что съ красоты, но даже хоть и съ рыла.

Генрихъ.

Русалочки?

Бѣсъ.

На конкурсъ красоты
Записаны: всѣ мѣтятъ въ «миссъ Европу»...
Напрасныя, но сладкія мечты!

Генрихъ.

Гдѣ Брекекекскъ?

Бѣсъ.

Ну, этому езопу
Валомъ везетъ. Такой сталъ нуворишъ!
Маневрами арапскихъ спекуляцій
Обдѣлалъ и Берлинъ онъ, и Парижъ,
Теперь, поди, испанскихъ ждетъ инфляцій.
Но съѣхалъ онъ отъ насъ въ другой бассейнъ,
Здѣсь для его здоровья стало сухо.

Генрихъ.

А что моя.. его.. Раутеиделейнъ?

Бѣсъ.

Десятое, никакъ, таскаетъ брюхо.
Примѣрная жена, хозяйка, мать.
Былая фея стало толще бочки.

Генрихъ.

О, ужасъ?!

Бѣсъ.

Надо возрастъ понимать:
Поди, мечталъ ты съ ней опять цвѣточки
Срывать въ горахъ и... точки, точки, точки?
Анъ, у нея уже невѣсты-дочки!

Генрихъ.

О, горе мнѣ! Какой же я свинья!

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ.

Рис. М. Добужинскаго.

«И вѣтерь вѣялъ красной пелериной...»

П. А. Бунинъ

Бѣсъ.

Ну, что ты врешь? Почтенная семья.
Брекекекексъ, хоть плутъ, но парень дошлый.
По дому онъ — супругъ подъ башмакомъ,
Въ дѣлахъ — жена его, какъ бога, цѣнитъ,
И, — можешь угоститься симъ грибкомъ, —
Никто ей Брекекекса не замѣнитъ.
Умѣютъ оба жить, да поживать...

Генрихъ.

Не то, что я, шутъ глупый и печальный!

Бѣсъ.

На дняхъ они успѣли побывать
На Выставкѣ Колоніальной.

Генрихъ.

Что-жь, дочери похожи на нее?

Бѣсъ.

Да какъ сказать? Отродье полубабье:
По маменькѣ то — размое-мое,
А по отцу — видать, что племя жабье.
Острижены онѣ à la garçonne,
И юбки носятъ не длиннѣе ляжекъ,
Шимми танцуютъ лихо и чарльстонъ,
Осоргина читали «Сивневъ Вражекъ»,
По цѣлымъ днямъ заводятъ граммофонъ
И радіо непстощимо мучатъ,
А въ немъ пѣвцы то воютъ, то мяучатъ, —
По нынѣшнему, это все — бонтонъ!
Не морщась, пьютъ жестокіе коктэйли
И — лыжи, греблю, теннисъ имъ затѣй-ли,
Искусницы на всякій дюжій спортъ,
Едва-ль не чемпіонки даже въ боксъ.
Но замужъ взять ихъ развѣ адскій чортъ
Отважится...

Генрихъ.

А ты, поди, толокся?
Вѣдь ты, страстей непстовыхъ символъ,
Бывало, дня прожить не могъ безъ флирта!

Бѣсъ.

Увы, камрадъ, понизмѣнился міръ-то:
Козелъ тогда — теперь я тихій волъ
И, съ горя, сталъ придерживаться спирта.
Надѣюсь, ты не за сухой режимъ?

Генрихъ.

Нѣтъ, къ партіи одной принадлежимъ.

Бѣсъ.

Ловить въ поляхъ Аксютокъ и Аришекъ,
Когда щетиной желтой спѣетъ рожь,
Еще способенъ. Но до нуворишекъ
Куда мнѣ, бѣсу лѣшему! Негожъ!

Генрихъ.

Однако, въ старину имѣлъ ты шансы:
Плясалъ недурно, сладко пѣлъ романсы,
Могъ разсказать неглупый анекдотъ...

Бѣсъ.

Чудакъ, я говорю же: вѣкъ не тотъ.
Теперь не суйся, братъ, въ дѣлишки эфти,
Кто въ биржевой не вписанъ бюллетень
По каменному углю или нефти, —
Слѣдятъ за биржей дѣвы каждый день, —
Такъ строить куры имъ не безпокойся,
Коль не имѣешь своего ролсъ-ройса.
Волнуетъ ихъ американскій бредъ,
Нули для нихъ поэты, скальды, барды,
Но даже большевицкій милъ полпредъ,
Когда украсть сумѣетъ милліарды.

Генрихъ.

Какъ поживаютъ гномики мои?
О, какъ работать съ ними было ловко!

Бѣсъ.

Къ нимъ не ходи: отъ нихъ тебѣ веревка.

Генрихъ.

Какъ? Почему?

БЕРНАРДЪ ШОУ ВЪ С. С. С. Р.

«Въ Москвѣ, во время осмотра Кремля, Бернардъ Шоу позировалъ фотографамъ, стоя верхомъ на Наполеоновской пушкѣ».
Изъ газетъ.

Рис. Шварца.

— Чего ради этотъ интуристъ на фонарь полѣзъ?
— Вѣрно показать хочетъ, что онъ не такой, какихъ тутъ много шляется — а свѣтило!...

Бѣсъ.

Записаны въ буржуи.
У нихъ, вѣдь, что ни часъ, то забастовка.
Узнавъ тебя, припомнятъ, не равно,
Какъ ты за лѣнь ихъ ставилъ на колѣнки.
А колоколъ твой пропитъ ужъ давно,
А Пастора угробили у стѣнки.

Генрихъ.

Ты пранъ: плачевно помрачился вѣкъ!
Лишь двое насъ вѣрны минувшей были:
Ты нищій бѣсъ, я нищій человѣкъ...

Бѣсъ.

Да, не для насъ съ тобой автомобили.

Генрихъ.

Но почему, скажи, я нахожу
Тебя въ безлѣсьѣ этомъ? Въ чемъ причина?

Бѣсъ.

Гмъ... гмъ... да... то есть... Лѣсъ я сторожу
По силѣ званья прежняго и чина.

Генрихъ.

Ой, врешь?

Бѣсъ.

Ей-ей!

Генрихъ.

Куда ни погляжу,
На что тутъ лѣшій? Нѣтъ кругомъ ни вѣтки.

Бѣсъ.

Я больше за прохожими слѣжу...

Генрихъ.

Да и они въ трущобѣ этой рѣдки.

Бѣсъ.

Ну, если хочешь знать всю правду, то скажу...

Генрихъ.

Навѣрно, состоишь въ какой-нибудь развѣдкѣ?

Бѣсъ.

Вдвойнѣ: развѣдчикомъ я родинѣ служу,
А контръ-развѣдчикомъ чужой странѣ-сосѣдкѣ!

Александръ Амфитеатровъ.

●

ЕДИНСТВЕННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ ПАМЯТИ БЛОКА

1921 — 1931.

7 августа исполняется 10 лѣтъ со смерти Блока.

Журналъ «Числа» выпускаютъ въ единственномъ авторскомъ экземплярѣ книгу А. Ремизова «Памяти Блока» — 47 рисунковъ.

Alexei Remizov. La Russie en tourmente. I. — A la mémoire d'Alexandre Blok. 47 dessins en blanc et noir et en couleur pour illustrer le poème « Les douze ». Textes russe, français et allemand. Les éditions « TCHISLA ». Paris, 1931. Exemplaire unique.

Или, по-простy говоря, возвращеніе въ первобытное состояніе: выпускъ книги въ единственномъ экземплярѣ не снобизмъ и не фокусъ библіофила, мечтающаго о библіографическихъ рѣдкостяхъ, а бѣда, въ которую попадаютъ писатели въ какія-то «десятилѣтія». 10 лѣтъ назадъ писатели въ Петербургѣ, не имѣя возможности издавать книги, выдумали эти единственные экземпляры, украшая ихъ собственными «каракулями»; книги выставлялись для обозрѣнія въ «Домѣ Литераторовъ». И теперь черезъ 10 лѣтъ выпустить книгу, за немногими исключеніями, можно только за свой счетъ, прикрывшись какой-нибудь книжной фирмой, а если денегъ нѣтъ, остается довольствоваться единственнымъ экземпляромъ. И эти единственные экземпляры — единственный способъ заявить, что писатель еще существуетъ на бѣломъ свѣтѣ, продолжаетъ писать.

Василій Куковниковъ.

УСПѢХИ МОДЫ.

— Ну, папа, я могу тебя обрадовать. На это лѣто мнѣ не нужно никакого платья.

— Боже мой! Мода уже дошла до этого?!

ЗА КУЛИСАМИ ЦИРКА.

— Эй, вы, женщина съ бородой, почему вы подрались съ человѣкомъ-змѣей?

— Потому что у него языкъ какъ у ехидны.

ЧАСТИЧНОЕ РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ.

— Я разрѣшилъ проблему уличнаго движенія.

— Какимъ образомъ?

— Продалъ свой автомобиль.

ЗАБЛУЖДАЮЩІЙСЯ.

— Такъ онъ поцѣловалъ тебя противъ твоей воли?

— Онъ думаетъ, что да.

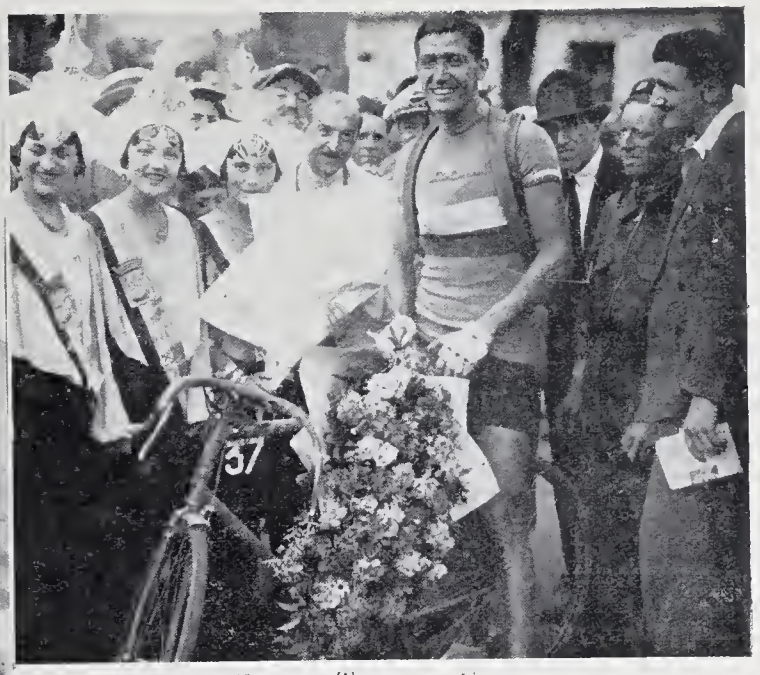
ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Готовится къ печати и поступитъ въ продажу 8 августа спеціальный номеръ «Сатирикона» КУПАЛЬНЫЙ.

СЕМЬ ДНЕЙ САТИРИКОНА

Джоана Крауфордъ.

Послѣдній снимокъ извѣстной кинозвѣзды.



Конецъ *Tour de France*.

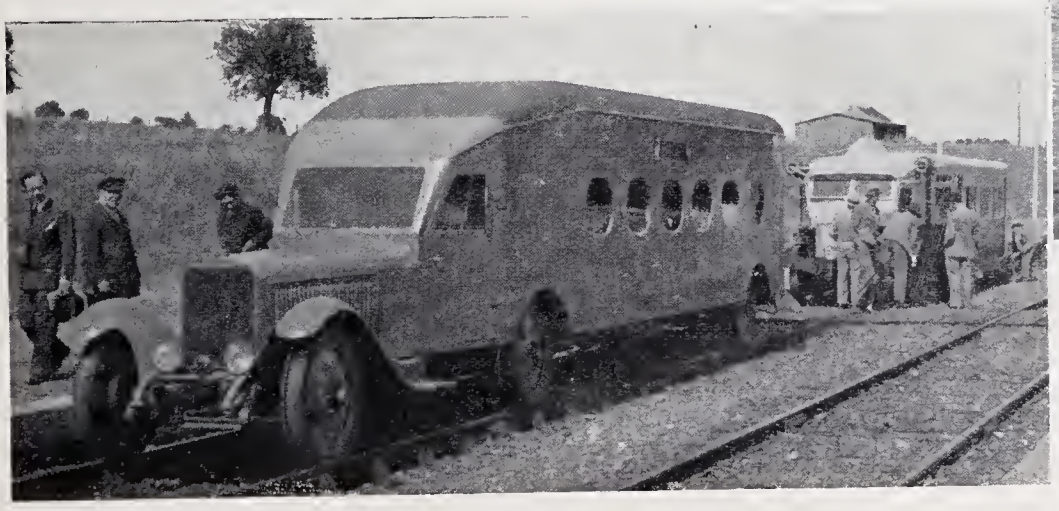
Знаменитый французскій гонщикъ Шарль Пелисье, побѣдитель послѣдняго этапа.

Знатные интуристы.

Бернардъ Шоу, въ сопровожденіи лэди Асторъ, передъ отъѣздомъ въ С.С.С.Р. Какъ извѣстно, маститый писатель на старости лѣтъ бѣжалъ отъ своихъ неблагодарныхъ соотечественниковъ справлять свой 75-лѣтній юбилей въ плѣнившую его сердце красную Москву.

Въ устьѣ Сены.

Парусныя гонки, организованныя по случаю открытія новаго яхть-клуба въ Руанѣ.



Новое слово техники.

Авто-вагонъ на резиновыхъ шинахъ. Во время первыхъ опытовъ во Франціи была развита громадная скорость въ 120 километровъ въ часъ, причемъ благодаря пневматикамъ достигнута полная безшумность и исключительная плавность хода.

ВЕРТЯЩІЙСЯ СТОЛИКЪ.

(Испанская революція. — А. Ф. Керенскій. — Союзъ юныхъ поэтовъ).

Революція въ Испаніи вошла въ долгожданную коллею законности и порядка.

Чуткая русская эмиграція вздохнула наконецъ облегченнымъ вздохомъ. Истекшій сезонъ прошелъ, какъ извѣстно, подъ знакомъ Испаніи. Неужели, — съ легкой тревогой думали мы, — и въ предстоящій сезонъ нашъ духовный взоръ будетъ прикованъ къ Пиренеямъ? Углубится революція или не углубится? Вернется Альфонсъ на престолъ предковъ или не вернется? Удѣлитъ ли видный испанскій государственный дѣятель г. Х нашему видному журналисту г. У нѣсколько минутъ своего драгоцѣннаго вниманія? Что скажетъ г. Х? Что отвѣтитъ ему — это особенно важно! — что отвѣтитъ ему г. У? Куда, однимъ словомъ, идетъ Испанія? Сердца замирали отъ всѣхъ этихъ вопросовъ. Теперь сердца успокоились.

Испанія отошла подъ сѣнь забвенія. Однако, оглянуться на прошлое чуткая наша эмиграція можетъ не безъ гордости. Не мало сдѣлала она, дабы уразумѣть смыслъ и значеніе событій. Наши газеты, забывъ исконную распрю, благородно соперничали, не щадя ни себя, ни читателей, въ посильномъ освѣщеніи испанской природы, нравовъ, обычаевъ, а также и политическихъ факторовъ революціи. Союзъ юридическихъ и сценическихъ дѣятелей устроилъ показательный судъ надъ Донъ-Кихотомъ. Въ «Голубой лампѣ» состоялся докладъ съ преніями на тему «Достоевскій — пророкъ русской революціи» или «Тайна Мадрида — тайна Петербурга», причемъ вопреки традиціи вечеръ прошелъ безъ скандала. Наконецъ, въ «Гончаровскомъ обществѣ» была организована оживленная литературно - вокально - музыкальная вечеринка въ испанскихъ костюмахъ, съ танцами и недорогимъ испанскимъ буфетомъ.

Знойная страна быковъ и торреадоровъ владѣла въ истекшій сезонъ умами и душами эмиграціи. « Общество ревнителей неизвѣданнаго за рубежомъ» естественно, не могло остаться безразличнымъ къ общему увлеченію. На послѣднемъ своемъ засѣданіи оно постановило обратиться къ одному изъ наиболѣе компетентныхъ лицъ по испанско - революціоннымъ дѣламъ съ цѣлью прогноза указаній и разъясненій. Споръ возникъ изъ за вопроса: къ кому обратиться? Имѣются всѣмъ извѣстные спеціалисты по Испаніи. Но если побезпокоить ихъ, они примутся говорить о невыразимомъ величьи толедскаго неба или непзъяснимой прелести танцевъ госпожи Аржентины. Имѣются спеціалисты по революціи. Но они, чего добраго, вмѣсто Испаніи начнутъ разсказывать, что было въ Москвѣ, на Преснѣ, въ 1905 году, кто былъ тогда участковымъ приставомъ, изъ чего строили тогда баррикады... «Не то, не то!» — вздыхалъ предсѣдатель общества.

Вдругъ онъ ударилъ себя по лбу.

— Господа! Обратимся къ Александру Федоровичу Керенскому!

Блестящая мысль! — согласились всѣ. — Ужъ кто-кто, а Александръ Федоровичъ все объяснитъ! На революціи онъ собачку съѣлъ, познанія у него энциклопедическія, мысль ясная, острая... Александра Федоровича!

Было около двухъ часовъ ночи. Часъ благопріятный. Г. Керенскій въ это позднее время обычно отдыхаетъ и духъ его свободенъ для бесѣды. Члены «Общества ревнителей неизвѣданнаго» расположились за чудеснымъ столикомъ.

Послѣ первыхъ пассовъ, послышался недовольный, отрывистый голосъ:

Давно ожидаю вызова. Второй мѣсяцъ. Удивляюсь небрежности. Ставлю на видъ.

Затѣмъ наступила пауза. Члены общества въ испугѣ не смѣли поднять глазъ. Внезапно, послышалась знакомая, памятная, громовая рѣчь:

Граждане! Сорокъ вѣковъ смотритъ на васъ. Ибо, что есть свобода? Я обѣщаю вамъ... (шопотомъ) мы е-ще будемъ на Пире-не-яхъ! Ибо свобода есть... долгъ !(Ударъ астральнаго кулака по столу). Долгъ прежде всего! И если мнѣ говорятъ, что революціонная демократія есть революціонная демократія, то да будетъ тому позоръ! Кто это сказалъ, тамъ налѣво, кто тамъ улыбается? Позоръ! Я говорю свобода есть бремя! Сорокъ вѣковъ смотрятъ на насъ. Надо спросить Испанію и я спрашиваю ее: чѣмъ она хочетъ быть? Страной свободы или... (шопотомъ) рабства? Надо умѣть нести бремя! Солнце Аустер... нѣтъ, извиняюсь, товарищи, солнце Гвадалквивира надъ нами. Ибо свобода есть испытаніе. И если мнѣ говорятъ...

Члены общества сидѣли подавленные, очарованные. Но предсѣдатель позволилъ себѣ остановить духъ г. Керенскаго:

— Александръ Федоровичъ, подобно всему образованному міру, мы цѣнимъ ваше краснорѣчіе. Но сегодня... мы думали... прогнозъ текущихъ событій...

— Предлагаю не прерывать, — властно возразилъ духъ. — Не позволю! Ибо... да... свобода есть... я вамъ уже сказалъ... Мадридъ... но они еще узнаютъ... это предательство... а что такое предательство? Это есть бремя... ибо революція... лучше умереть!

Рѣчь продолжалась полтора часа. Когда духъ г. Керенскаго умолкъ, выяснилось, что предсѣдатель покинулъ залъ засѣданій. Но замѣститель его выразилъ общее мнѣніе, сказавъ:

— Господа! Мы не могли сдѣлать лучшаго выбора! Какая глубина анализа, какая логика! Теперь, я думаю, намъ всѣмъ понятно прошлое, настоящее и будущее испанской революціи. Остается благодарить оратора.

Расходиться еще было рановато. Не было еще метро. Брезжили первые лучи ласковой лѣтней зари. Грозная революціонная суровость, охватившая души присутствующихъ послѣ рѣчи духа г-на Керенскаго уступила мѣсто болѣе мягкимъ настроеніямъ... Захотѣлось мечты, иллюзій, далекихъ сказочныхъ принцессъ, бѣлыхъ лебедей, нѣжной музыки!

— Господа, вызовемъ какого-либо поэта! — воскликнула вторая помощница секретаря. — Поэта ! Это такъ прекрасно! Юнаго, стройнаго, бѣлокураго поэта, съ наивной душой и бездонными синими глазами!

— Но кого-же?

— Ахъ, все равно! Поэта!

— По моимъ свѣдѣніямъ, — сказалъ одинъ изъ присутствующихъ молодыхъ поэтовъ, — допускаются въ эмиграціи къ печати отъ сорока лѣтъ и выше... Но есть такой «Союзъ юныхъ поэтовъ». Туда входятъ юноши и дѣвушки немного моложе. Не вызвать ли его?

— Какъ цѣлый Союзъ?

— Отчего же нѣтъ? Кто свободенъ, кто хочетъ тотъ и подаритъ намъ, такъ сказать, цвѣты своего вдохновенія?

Предложеніе было принято. На лицахъ любителей поэзіи и всего прекраснаго пола заранѣе расцвѣли блаженныя улыбки. Сѣли вокруъ столика... и вдругъ раздались со всѣхъ сторонъ заглушенные крики, визгъ и писк.

— Пустите, пустите!

— Я хочу говорить!

— Нѣтъ я! Господинъ предсѣдатель! Что за безобразіе!

— Я женщина, пустите меня!

— Никакихъ женщинъ... Здѣсь всѣ равны.

— Я, я... Мнѣ дайте слово! Мнѣ...

Члены общества переглянулись. Кто-то сказалъ: «Не ошиблись ли мы? Надо провѣрить. Это дѣйствительно Союзъ поэтовъ?»

Но ошибки не было. Голоса становились все громче, все страстнѣе.

— Не толкайтесь, пожалуйста! Обо мнѣ Гиппіусъ писала!

— Гиппіусъ? А кому изъ «Чиселъ» стихи вернули? Не памъ, нѣтъ?

— Господа, пустите Мамченко... Мамченко хочетъ говорить!

— Аси Берлинъ дурно. Воды, воды!

— Чего вы деретесь! Въ очередь, господа, въ очередь!

— Я хочу читать. «Нѣжный вечеръ былъ похожъ на арлекина...»

— Кто это? Поплавскій? Долой! Онъ не въ Сюозѣ. Только члены Союза!

— Послушайте, пропустите Заковича... Его обѣщали напечатать въ «Современныхъ Запискахъ».

— Господа, я начинаю. Меня просили «О, смерть, сестра моя любимая...» Не мѣшайте, что это такое, право!

— Протестую! Мандельштамъ, гдѣ вы! Соберите подписи!

— Тише, тише.

Розовѣла въ небѣ заря. Подъ землей гремѣло метро.

— Господа, — первно сказалъ замѣститель предсѣдателя, — я всегда была того мнѣнія, что современная поэзія не представляетъ большого интереса. Ничего не понять. Развѣ это искусство? Грубо, не эстетично... Я размыкаю цѣпь.

— Въ другой разъ мы вызовемъ Бальмонта! — мечтательно протянула вторая помощница секретаря. — Бальмонтъ это мое безуміе!

Ата - Троль.

Смѣхъ у другихъ.

Автомобильныя катастрофы.

— Дома ли докторъ?
— Это я, сударь.

(*Lustige Blaetter.*)

Подходящій кліентъ.

Татуировщикъ. — Ваша грудь, сударь, требуетъ броненосца по крайней мѣрѣ!... (*New-Yorker.*)

Провинція.

— Жена нотаріуса надѣла розовую сорочку: значитъ парижскій кузенъ пріѣзжаетъ съ вечернимъ поѣздомъ.

(*Le Rire.*)

Золотой телепокъ

Романъ изъ совѣтской жизни
Ильи Ильфа и Евгенія Петрова.

(Продолженіе).

— Такъ вотъ и буду лежать въ подтяжкахъ, — донеслось съ дивана, — пока не умру. И во всемъ будешь виновата ты съ инженеромъ Птибурдуковымъ.

Жена подумала, надѣла на бѣлое невымѣченное плечо сваливщуюся бретельку и вдругъ заголосила:

— Ты не смѣешь такъ говорить о Птибурдуковѣ! Онъ выше тебя!

Этого Лоханкинъ не снесъ. Онъ дернулся, словно электрическій разрядъ пробилъ его во всю длину, отъ подтяжекъ до зеленыхъ карпетокъ.

— Ты самка, Варвара, — тягуче заныл онъ. — Ты публичная дѣвка!

— Васисуалій, ты дуракъ! — спокойно отвѣтила жена.

— Волчица ты. — продолжалъ Лоханкинъ въ томъ же тягучемъ тонѣ. — Тебя я презираю. Къ любовнику отъ меня уходишь. Къ ничтожному Птибурдукову нынче ты, мерзкая, уходишь отъ меня. Такъ вотъ къ кому ты отъ меня уходишь! Ты охоти предаться хочешь съ нимъ. Волчица старая и мерзкая притомъ!

Унижаясь своимъ горемъ. Лоханкинъ даже не замѣчалъ, что говоритъ пятистопнымъ ямбомъ, хотя никогда стиховъ не писалъ и не любилъ ихъ читать.

— Васисуалій! Перестань паясничать. — сказала волчица, застегивая мѣшокъ. — Посмотри, на кого ты похожъ! Хоть бы умылся. Я ухожу. Прощай, Васисуалій! Твою хлѣбную карточку я оставляю на столѣ.

И Варвара, подхвативъ мѣшокъ, пошла къ двери. Увидѣвъ, что заклинанія не помогли. Лоханкинъ живо вскочилъ съ дивана, подбѣжалъ къ столу и съ крикомъ: «Спасите!» порвалъ карточку. Варвара испугалась. Ей представился мужъ, изсохшій отъ голода, съ затихшими пульсами и холодными конечностями.

— Что ты сдѣлалъ? — сказала она. — Ты не смѣешь голодать!

— Буду! — упрямо заявилъ Лоханкинъ.

— Это глупо, Васисуалій. Это бунтъ индивидуальности.

— И этимъ я горжусь. — отвѣтилъ Лоханкинъ подозрительнымъ по ямбу тономъ. — Ты недооцѣниваешь значенія индивидуальности и интеллигенціи.

— Но вѣдь общественность тебя осудитъ.

— Пусть осудитъ. — рѣшительно сказалъ Васисуалій и снова повалился на диванъ.

Варвара молча швырнула мѣшокъ на полъ, поспѣшно стащила съ головы соломенный капоръ и, бормоча: «взбѣсившійся самецъ». «тиранъ». «собственникъ», торопливо сдѣлала бутербродъ съ баклажанной икрой.

— Ѣшь! — сказала она, поднося пищу къ пунцовымъ губамъ мужа. — Слышишь, Лоханкинъ? Ѣшь сейчасъ же. Ну!

— Оставь меня, — сказалъ онъ, отводя руку жены.

Пользуясь тѣмъ, что ротъ голодающаго на мгновеніе открылся. Варвара ловко впихнула бутербродъ въ отверстіе, образовавшееся между фараонской бородкой и подбритыми московскими усиками. Но голодающій сильнымъ ударомъ языка вытолкнулъ пищу наружу.

— Ѣшь, негодяй! — въ отчаяніи крикнула Варвара, тыча бутербродомъ. — Интеллигентъ!

По Лоханкинъ отводилъ лицо и отрицательно мычалъ. Черезъ нѣсколько минутъ разгорячепная, вымазанная зеленой икрой Варвара отступила. Она сѣла на свой мѣшокъ и заплакала ледяными слезами.

Лоханкинъ смахнулъ съ бороды затесавшіяся туда крошки, бросилъ на жену осторожный косой взглядъ и затихъ на своемъ диванѣ. Ему очень не хотѣлось разставаться съ Варварой. Наряду съ множествомъ недостатковъ. у Варвары были два существенныхъ достиженія: большая бѣлая грудь и служба. Самъ Васисуалій никогда и нигдѣ не служилъ. Служба помѣшала бы ему думать о значеніи русской интеллигенціи, къ каковой соціальной прослойкѣ онъ причислялъ и себя. Такимъ образомъ продолжительныя думы Лоханкина сводились къ пріятной и близкой темѣ: «Васисуалій Лоханкинъ и его значеніе». «Лоханкинъ и трагедія русскаго либерализма». «Лоханкинъ и его роль въ русской революціи», обо всемъ этомъ было легко и покойно думать, разгуливая по комнатѣ въ фетровыхъ сапожкахъ, купленныхъ на Варварины деньги и поглядывая на любимый шкафъ, гдѣ мерцали церковнымъ золотомъ корешки брокгаузовскаго энциклопедическаго словаря. Подолгу ставилъ Васисуалій передъ шкафомъ, переводя взоры съ корешка на корешокъ. По рангиру вытянулись тамъ дивные образцы переплетнаго искусства: Большая медицинская энциклопедія, «Жизнь животныхъ» Брэма, пуховый томъ «Мужчина и женщина», а также «Земля и люди» Элизе Реклю.

«Рядомъ съ этой сокровищницей мысли, — неторопливо думалъ Васисуалій, — дѣлаешься чище, какъ-то духовно растешь».

Придя къ такому заключенію, онъ радостно вздыхалъ, вытаскивалъ изъ-подъ шкафа «Родину» за 1899 годъ въ переплетѣ цвѣта морской волны, съ пѣной и брызгами, разсматривалъ картинки англо - бурской войны, объявленіе неизвѣстной дамы, подъ названіемъ: «Вотъ какъ я увеличила свой бюстъ на шесть дюймовъ» и прочія интересныя штучки.

Съ уходомъ Варвары исчезла бы и матеріальная база, на которой покоилось благополучіе достойнѣйшаго представителя мыслящаго человѣчества.

Но было уже поздно. Напрасно хныкалъ Васисуалій о любви и голодной смерти. Варвара ушла навсегда, волоча за собой дорожный мѣшокъ съ цвѣтными рейтузами, фетровой пляной, фигурными флакопами и прочими предметами дамскаго обихода.

И въ жизни Васисуалія Андреевича наступилъ періодъ мучительныхъ думъ и моральныхъ страданій. Есть люди, которые не умѣютъ страдать, какъ-то не выходитъ. А если ужъ и страдаютъ, то стараются продѣлать это какъ можно бы-

стрѣе и незамѣтнѣе для окружающихъ. Лоханкинъ же страдалъ открыто, величаво, онъ хлесталъ свое горе чайными стаканами, онъ упивался имъ. Великая скорбь давала ему возможность лишній разъ поразмыслить о значеніи русской интеллигенціи, а равно о трагедіи русскаго либерализма.

«А можетъ быть, такъ надо, — думалъ онъ, — можетъ быть, это искупленіе, и я выйду изъ него очищеннымъ. Не такова ли судьба всѣхъ стоящихъ выше толпы, людей съ тонкой конституціей. Галилей. Милюковъ, А. Ф. Кони. Да, да, Варвара права, такъ надо!»

Душевная депрессія не помѣшала ему, однако, дать въ газету объявленіе о сдачѣ въ наемъ второй комнаты.

«Это все-таки матеріально поддержитъ меня на первыхъ порахъ», — рѣшилъ Васисуалій. И снова погрузился въ туманныя соображенія о страданіяхъ плоти и значеніи души какъ источника прекраснаго.

Однажды Лоханкинъ увидѣлъ стоявшаго въ дверяхъ незнакомаго мужчину въ бѣлыхъ джентльменскихъ брюкахъ. Васисуалій Андреевичъ живо вскочилъ, поправилъ свой туалетъ и съ ненужной улыбкой обратилъ лицо къ вошедшему Бендеру.

— Я вамъ не помѣшалъ? — учтиво спросилъ великій комбинаторъ, щурясь.

— Да, да, — пролепеталъ Лоханкинъ, шаркая ножкой, — видите ли, тутъ я былъ, какъ бы вамъ сказать, немножко занятъ... Но... кажется... я уже освободился...

— А можетъ быть, я васъ все-таки отвлекъ? — спросилъ Остапъ, очутившись въ первой комнатѣ Лоханкина. — Нѣтъ? Ну, хорошо. Такъ это у васъ «Сд. пр. ком. в. уд. в. н. м. од. ин. хол.»? А она на самомъ дѣлѣ «пр.» и имѣетъ «в. уд.»?

— Совершенно вѣрно, — оживился Васисуалій, — прекрасная комната, всѣ удобства. И недорого возьму. Пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

— Торговаться я не стану, — вѣжливо сказалъ Остапъ, — но вотъ сосѣди... Какъ они?

— Прекрасные люди, — отвѣтилъ Васисуалій, — и вообще всѣ удобства. И цѣна дешевая.

— Завтра я къ вамъ переѣзжаю.

— А задатокъ? — спросилъ Лоханкинъ.

— Вы не въ церкви, васъ не обманутъ, — вѣско сказалъ великій комбинаторъ. — Будетъ и задатокъ. Съ теченіемъ времени.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ПЕРВОЕ СВИДАНІЕ.

Когда Остапъ вернулся въ гостиницу «Карлсбадъ» и, отразившись несчетное число разъ въ вестибюльныхъ, лѣстничныхъ и коридорныхъ зеркалахъ, которыми такъ любятъ украшаться подобнаго рода учрежденія, вошелъ къ себѣ, его смутилъ господствовавшій въ номерѣ безпорядокъ. Красное плюшевое кресло лежало кверху кущими ножками, обнаруживая непривлекательную джутовую изнанку. Бархатная скатерть съ позументами съѣхала со стола. Даже картина «Явленіе Христа народу», и та покосилась набокъ, потерявши въ этомъ видѣ большую часть

«...Великій комбинаторъ брезгливо перешагнулъ черезъ дерущихся...»

поучительности, которую вложилъ въ нее художникъ. Съ балкона дулъ свѣжій пароходный вѣтеръ, передвигая разбросанные по кровати денежные знаки. Между ними валялась желѣзная коробка отъ папиросъ «Кавказъ». На коврѣ, сцѣпившись и выбрасывая ноги, молча катались Паниковскій и Балагановъ.

Великій комбинаторъ брезгливо перешагнулъ черезъ дерущихся и вышелъ на балконъ. Внизу, на бульварѣ лепетали гуляющіе, перемалывался подъ ногами гравій, рѣяло надъ черными кленами слитное дыханіе симфоническаго оркестра. Въ темной глубинѣ порта кичился огнями и гремѣлъ желѣзомъ строящійся холодильникъ. За брекваторомъ ревѣлъ и чего-то требовалъ невидимый пароходъ, вѣроятно проснлся въ гавань.

Возвратившись въ номеръ, Остапъ увидѣлъ, что молочные братья уже снятъ другъ противъ друга на полу и, устало отпихиваясь ладонями, бормочутъ: «А ты кто такой?»

— Не подѣлились? — спросилъ Бендеръ, задергивая портьеру.

Паниковскій и Балагановъ быстро вскочили на ноги и принялись разсказывать. Каждый изъ нихъ приписывалъ весь успѣхъ и чернилъ дѣйствія другого. Обидныя для себя подробности они, не сговариваясь, опускали, приводя взамѣнъ ихъ большое количество деталей, рисующихъ въ выгодномъ свѣтѣ ихъ молодечество и расторопность.

— Ну, довольно! — молвилъ Остапъ. — Не стучите лысиной по паркету. Картина битвы мнѣ ясна. Такъ вы говорите, съ нимъ была дѣвушка? Это хорошо. Итакъ, маленькій служащій запросто носитъ въ карманѣ... вы, кажется, уже посчитали? Сколько тамъ? Ого! Десять тысячъ! Жалованье господина Корейко за двадцать лѣтъ безпорочной службы. Зрѣлище для боговъ, какъ пишутъ наиболѣе умные передовики. Но не помѣшалъ ли я вамъ? Вы что-то дѣлали тутъ на полу? Вы дѣлили деньги? Продолжайте, продолжайте, я посмотрю.

— Я хотѣлъ честно, — сказалъ Балагановъ, собирая деньги съ кровати, — по справедливости. Все поровну — по двѣ съ половиной тысячи.

И разложивъ деньги на четыре кучки, онъ скромно отошелъ въ сторону, сказавши:

— Вамъ, мнѣ, ему и Козлевичу.

— Очень хорошо. — замѣтилъ Остапъ. — А теперь пусть раздѣлитъ Паниковскій, у него, какъ видно, имѣется особое мнѣніе.

Оставшійся при особомъ мнѣніи Паниковскій принялся за дѣло съ большимъ азартомъ. Наклонившись надъ кроватью, онъ шевелилъ толстыми губами, слюнилъ пальцы и безъ конца переносилъ бумажки съ мѣста на мѣсто, будто раскладывалъ большой королевскій пасьянсъ. Послѣ всѣхъ ухищреній на одѣялѣ образовались три стопки: одна — большая, изъ чистыхъ новенькихъ бумажекъ, вторая — такая же, но изъ бумажекъ погрязнѣе, и третья — маленькая и совсѣмъ грязная.

— Намъ съ вами по четыре тысячи, — сказалъ онъ Бендеру, — а Балаганову двѣ. Онъ и на двѣ не наработалъ.

— А Козлевичу? — спросилъ Балагановъ, въ гнѣвѣ закрывая глаза.

— За что же Козлевичу? — завизжалъ Паниковскій. — Это грабежъ! Кто такой Козлевичъ, чтобы съ нимъ дѣлиться? Я не знаю никакого Козлевича.

— Все? — спросилъ великій комбинаторъ.

— Все, — отвѣтилъ Паниковскій, не отводя глазъ отъ пачки съ чистыми бумажками. — Какой можетъ быть въ этотъ моментъ Козлевичъ?

— А теперь буду дѣлить я, — по-хозяйски сказалъ Остапъ.

Онъ не спѣша соединилъ кучки воедино, сложилъ деньги въ желѣзную коробочку, а коробочку засунулъ въ карманъ бѣлыхъ брюкъ.

— Всѣ эти деньги, — заключилъ онъ, — будутъ сейчасъ же возвращены потерпѣвшему гражданину Корейко. Вамъ нравится такой способъ дѣлежки?

— Нѣтъ, не нравится! — вырвалось у Паниковскаго.

— Бросьте шутить, Бендеръ. — недовольно сказалъ Балагановъ. — Надо раздѣлить по справедливости.

— Этого не будетъ, — холодно сказалъ Остапъ. — И вообще въ этотъ полночный часъ я съ вами шутить не собираюсь.

Паниковскій всплеснулъ старческими лиловатыми ладонями. Онъ съ ужасомъ посмотрѣлъ на великаго комбинатора, отошелъ въ уголъ и затихъ. Изрѣдка только сверкалъ оттуда золотой зубъ нарушителя конвенціи.

У Балаганова сразу сдѣлалось мокрое, какъ бы сварившееся на солнцѣ лицо.

— Зачѣмъ же мы работали? — сказалъ онъ, отдуваясь. — Такъ нельзя. Это... объясните.

— Вамъ. — вѣжливо сказалъ Остапъ, — любимому сыну лейтенанта, я могу повторить только то, что я говорилъ въ Арбатовѣ. Я чту уголовный кодексъ. Я не налетчикъ, а идейный борецъ за денежные знаки.

«...Свѣтилась вся пятилѣтка, затмевая блескомъ старое, примелькавшееся еще египтянамъ небо...»

— Зачѣмъ же вы послали насъ? — спросилъ Балагановъ, остывая. — Мы старались...

— Иными словами, вы хотите спросить, извѣстно ли достопочтенному командору, съ какой цѣлью онъ предпринялъ послѣднюю операцію? На это отвѣчу — да, извѣстно. Дѣло въ томъ...

Въ эту минуту въ углу потухъ золотой зубъ. Паниковскій развернулся, опустилъ голову и съ крикомъ: «А ты кто такой?» — внѣ себя бросился на Остапа. Не перемѣняя позы и даже не повернувъ головы, великій комбинаторъ толчкомъ каучуковаго кулака вершулъ взбѣсившагося нарушителя конвенціи на прежнее мѣсто и продолжалъ:

— Дѣло въ томъ, Шура, что это была провѣрка. У служащаго съ сорокарублевымъ жалованьемъ оказалось въ карманѣ десять тысячъ рублей, что нѣсколько странно и даетъ большіе шансы, позволяетъ, какъ говорятъ марафоны и бѣговые жуки, надѣяться на кушъ. Пятьсотъ тысячъ — это безусловно кушъ. И получимъ мы его такъ. Я возвращу Корейкѣ десять тысячъ, и онъ ихъ возьметъ. Хотѣлъ бы я видѣть человѣка, который не взялъ бы назадъ своихъ денегъ. И вотъ тутъ-то ему придетъ конецъ. Его погубитъ жадность. И едва только онъ сознается въ своемъ богатствѣ, я возьму его голыми руками. Какъ человѣкъ умный, онъ пойметъ, что часть меньше цѣлаго, и отдастъ мнѣ эту часть изъ опасенія потерять все. И тутъ, Шура, на сцену появится нѣкая тарелочка съ каемкой...

— Правильно! — воскликнулъ Балагановъ.

Въ углу плакалъ Паниковскій.

— Отдайте мнѣ мои деньги, — шепелявилъ онъ, — я совсѣмъ бѣдный! Я годъ не былъ въ банѣ. Я старый.

— Вы лучше скажите, будете служить или нѣтъ? Послѣдній разъ спрашиваю.

— Буду, — отвѣтилъ Паниковскій, утирая медленныя стариковскія слезы.

Ночь, ночь, ночь лежала надъ всей страной.

Въ Черноморскомъ порту легко поворачивались краны, спускали стальныя стропы въ глубокіе трюмы иностранцевъ и снова поворачивались, чтобы осторожно, съ кошачьей любовью опустить на пристань сосновые ящики съ оборудованіемъ для Тракторстроя. Розовый кометный огонь рвался изъ высокихъ трубъ силикатныхъ заводовъ. Пылали звѣздныя скопленія Днѣпростроя, Магнитогорска и Сталинграда. На сѣверѣ взошла Краснопутиковская звѣзда, а за нею зажглось великое множество звѣздъ первой величины. Были тутъ фабрики, комбинаты, электростанціи, новостройки. Свѣтилась вся пятилѣтка, затмевая блескомъ старое, примелькавшееся еще египтянамъ небо.

И молодой человѣкъ, засидѣвшійся съ любимой въ рабочемъ клубѣ, торопливо зажигалъ электрифицированную карту пятилѣтки и шепталъ:

— Посмотри, вонъ красный огонекъ. Тамъ будетъ Сибкомбайнъ. Мы поѣдемъ туда. Хочешь?

И любимая тихо смѣялась, высвобождая руки.

Ночь, ночь, ночь, какъ уже было сказано, лежала надъ всей страной.

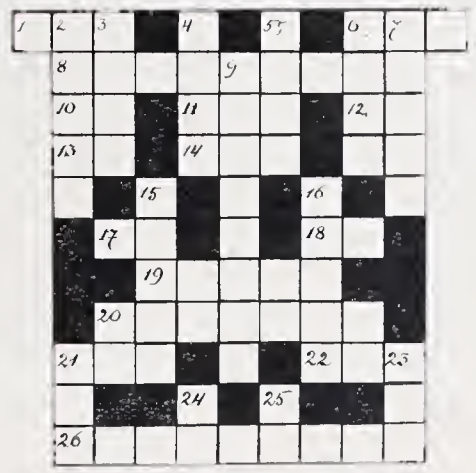
Александръ Ивановичъ Корейко не могъ заснуть, мучимый мыслью о своемъ богатствѣ. Если бы этого богатства не было вовсе, онъ спалъ бы спокойно.

Рано утромъ Бендеръ раскрылъ свой акушерскій саквояжъ, вынулъ оттуда милицейскую фуражку съ гербомъ города Кіева, и, засунувъ ее въ карманъ, отправился къ Александру Ивановичу Корейко. По дорогѣ онъ задиралъ молочницъ, ибо часъ этихъ оборотистыхъ женщинъ уже наступилъ, въ то время какъ часъ служащихъ еще не начинался, и мурлыкалъ слова романса: «И радость перваго свиданья мнѣ не волнуетъ больше кровь». Великій комбинаторъ немного кривилъ душой. Первое свиданье съ милліономъ - конторщикомъ возбуждало его. Войдя въ домъ ном. 16 по малой Касательной улицѣ, онъ напялилъ на себя оффиціальную фуражку и, сдвинувъ брови, постучалъ въ дверь.

(Продолженіе слѣдуетъ)

КРЕСТСЛОВИЦА № 10.

СОСТАВИЛЪ МИЧМАНЪ ДЫРКА.



Горизонтально:

1. Членъ тройки, потуги которой къ коллективному дѣйствію оказались совершенно несостоятельными, хотя эта тройка и не была революціонной. 6. Горестное восклицаніе. 8. Животное, названіе котораго превратилось въ нарицательное для опредѣленія людей, называемыхъ также въ русскомъ просторѣчьи «тетями», «ростопшами», «фетюками» «вафлями», «вареными судаками», «шляпами» и проч. 10. Восклицаніе ужаса, смѣшаннаго съ отвращеніемъ. 11. Прошеніе. 12. Простонародная рѣчевая частица, замѣняющая частицу-же «то». 13. Первое слово, произнесенное Ломоносовымъ, Менделѣевымъ, Суворовымъ, Толстымъ, Ивановымъ Ивановымъ и вами, г. читатель. 14. Анаграмма географическаго понятія. 17. Одно изъ двухъ французскихъ словъ, ровныхъ для начавшихъ учиться по-французски въ эмиграціи. 18. Названіе одной поэмы. 19. Любитъ рыбную ловлю и завтракалъ въ Туари. 20. Количество, которомъ отличаются 99 пр. четвероногихъ друзей и едва ли 1 проц. друзей двуногихъ. 21. Бываетъ паркетный, каменный, изъ метлахскихъ плитокъ, асфальтовый, а также мужской и женскій. 22. Простая желѣзная кровать можетъ превратиться въ оный, если вмѣшается грипнъ. 26. Этотъ человѣкъ, передъ тѣмъ какъ переѣхать изъ своей квартиры, изодралъ въ ней и оплевалъ всѣ обои. Попробовалъ бы онъ сдѣлать это, если бы квартира его была не въ русскомъ провинціальномъ городѣ, а въ 15-мъ арронднсманѣ, и пропріетеромъ его были бы г. Дюранъ или г-жа Дюпонъ. Эхъ, и жизнь же была вольготная въ Россіи!

Вертикально:

2. Петръ Петровичъ Пѣтухъ напоминалъ его своимъ сложеніемъ. 3. У дерева. 4. Не брезговалъ щами, кашей и пирогами. 5. Лунка. 6. Благодаря Плевицкой, ассоціируется съ купцомъ-. 7. Ассоціируются съ капитанами второго ранга, но больше съ боцманами и рядовыми матросами. 9. Дѣлается отъ кислыхъ ягодъ и стиховъ Демьяна Бѣднаго. 15. Покупается часто въ разсрочку и продается часто съ молотка. 16. Былъ толстъ, обладалъ здравымъ смысломъ. Ѣздилъ на ослѣ и сдѣлался губернаторомъ. 20. Предлогъ. 21. Адамъ былъ его лишенъ. 23. Канава. 24. Нота. 25. Нота.

РѢШЕНІЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 9.

Горизонтально:

1. Бублики. 6. Уби. 7. То. 8. Мотъ. 9. Калымъ. 10. Эра. 11. Урина. 12. Има (Ами и май). 13. Арыки. 15. Юла. 17. Наборъ. 18. Ловъ. 19. Ги. 20. Искъ. 21. Мальчики.

Вертикально:

1. Бумеранги. 2. Уборъ. 3. Бита. 4. Клара (Цеткина). 5. Томагавки. 7. Тынъ. 9. Кумиръ. 12. Икона. 14. Рай. 15. Юлій. 16. Лоскъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

А. Н. Петрову-Сидорову. Монжеронъ.

Разсказъ изъ желѣзнодорожной жизни, равно какъ и новеллу изъ почтово-телеграфнаго быта получили заказнымъ порядкомъ...

Говоря точнѣе: въ 2 1/2 ч. дня, въ то время, какъ секретарь редакціи тихо покоился на блѣдно - малиновомъ диванѣ, грезя объ отпускѣ и переваривая охотничьи сосиски и незатѣйливый салатъ, у парадныхъ дверей раздался бѣшеный звонокъ, и Григорій Александровичъ, человѣкъ съ незаурядным темпераментомъ, крикнулъ не своимъ голосомъ:

— Пакетъ изъ Монжерона!... Навѣрное, денежный!...

Пришлось рѣзко оборвать пищеваренiе сосисокъ, дать на чай почтальону, продрать глаза, вскрыть пакетъ, швырнуть его съ досадой на полъ, вновь поднять, прочесть, и вновь швырнуть!...

Въ слѣдующій разъ, посылайте простой бандеролью, и то не въ «Сатириконъ», а въ «Живописное Обозрѣніе»!

Редакторъ-издатель: М. Г. Корнфельдъ.

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ

„НАША РѢЧЬ“

издается въ теченіе **10 лѣтъ** въ Бухарестѣ.

Редакторъ-Издатель: **С. М. ГАЗІЕВЪ.**

Объявленія принимаются въ конторѣ **газеты** въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, **въ конторахъ** *Rudolf Mosse*. Въ Парижѣ — въ « *Publicité Metzl* », *Rue de Turbigo*, 51, *Paris VIII*e и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ «Нашей Рѣчи» С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier*, 7, *Paris IX*e.

IMPRIMERIE
COOPÉRATIVE ÉTOILE
17, rue de la Comète

Téléphone: Invalides 11-50 — **PARIS (7)** — R. C. S. 227.770 — Métro: La Tour-Maubourg

TOUS GENRES DE TRAVAUX
EN TOUTES LES LANGUES

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ТИПОГРАФСКІЯ РАБОТЫ
НА ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ

Аптека

Всѣ патентованныя средства
Всѣ анализы

38, av. Félix-Faure,

Tél. Vaugir. 44-15

Зубоврачебн. кабинетъ **М. Когенъ**
D. F. M. P.
8, Rue Duban (16). Pl. Passy. Auteil 95-14
Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6.
Остальные дни 10-8 час. веч.

А. С. ШАПИРО
Петр. Прис. Пов. licencié en droit
Налоги, патур., уставы, Prud'hommes
11, rue Mogador, tél. Centr. 11-35.
Ежедн. 11-12 и 5-6 ч., суб. 11-12 ч.

ДЛЯ СЛАБЫХЪ И ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХЪ
MAISON DE REPOS
Doctoresse B. LEVANTISSE
Діэтическій столъ. Прекрасный уходъ. Комфортъ модернъ. Большой садъ. Гидротерапія, Массажъ, Гимнастика. Ультра-фіолетовые лучи, Діатермія.
Постоянное дежурство врача
Комната съ полнымъ пансіономъ, включая уходъ и пр. отъ 50 фр. въ сутки.
(5 минутъ отъ **Porte Champerret** около **25, Bd Bineau**)
42, rue Parmentier, NEUILLY s/s
Téléphone: MAILLOT 10-84

Паста - Порошекъ - Эликсиръ
ESKA
по форм. С. С. Кострицкаго б. зубн. врача Госуд. Импер.
Наилучшія, научно - обоснованныя средства для ухода за зубами и полостью рта
Продаются только въ аптекахъ
Laboratoires ESKA, A. Hobchette
Dr. en Pharmacie.
76, rue Orfila, PARIS (20)

Прошедшее, настоящее и будущее
Извѣстная Ясновидящая
пріемъ ежедневно, кромѣ воскрес. 3—7 ч. неч.
Mme Cherbatoff
10 rue Froidvaux, второй этажъ
рядомъ съ метро Denfert Rochereau

Дав. Е. Каганъ
Кандидатъ Парижск. Унив.
Взысканія, уставы общ-въ, разводы и проч.
повый адресъ:
8, square Port Royal (13)
(15, rue de la Santé)
Tèlephone Gobelins 61-95
пріемъ 10—12 и 6—8 ч. веч.

КОНДИТЕРСКАЯ
JULIEN
25, rue Bosquet
во дворѣ на право
Téléphone SEGUR 68-27
Métro: Ecole Militaire
доставка на домъ

Новыя книги
Н. Городецкой
„Мара“
Романъ V. Издат. « Москва »
„ Les mains vides ”
съ предислов. А. И. Куприна
Изд. St.-Michel

Требуйте во всѣхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ:
ГОЙЕРЪ Л. В. — **Жестокосердный каменщикъ**
Романъ изъ исторіи третьяго вѣка христіанства.
Его-же - **Запретный хлѣбъ**
Повѣсти.
Складъ издат. въ кн. магаз. „МОСКВА“
« LIBRAIRIE MOSKWA »
9, rue Dupuytren, Paris 6e

ПРИ РЕДАКЦІИ « САТИРИКОНА » ОТКРЫТЪ

Книжный Складъ

Читатели и подписчики «Сатирикона» могутъ выписывать черезъ **Книжный Складъ**
ЛЮБЫЯ РУССКІЯ КНИГИ, ПОЯВИВШІЯСЯ НА КНИЖНОМЪ РЫНКѢ.

Стоимость книги (по каталогу) можетъ быть выслана переводомъ по почтѣ, банковскимъ чекомъ или въ заказномъ письмѣ въ мѣстной валютѣ по курсу дня

Лица, выписывающія книги изъ книжнаго склада « Сатирикона » ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.

Подписчики «Сатирикона» пользуются скидкой въ размѣрѣ 10% съ цѣнъ, указанныхъ въ каталогахъ.

СПИСОКЪ № 1. (Цѣны въ французскихъ франкахъ)

АВЕРЧЕНКО. Записки простодушнаго	15.60
— Пантеонъ совѣтовъ молодымъ людямъ (нов. орфогр.)	6.25
— Разсказы шпика (нов. орфогр.)	24.20
— Смѣшное въ страшномъ	15.60
— Чудаки на подмосткахъ	9.35
— Шутка мецената (нов. орф.)	19.50
БУХОВЪ. Разговоръ съ сосѣдомъ	10.90
ЗОЩЕНКО. Надъ кѣмъ смѣетесь	6.25
— Нервные люди	6.25
ТЭФФИ. Вечерній день	11.70
— Рысь	13.—
ВОЛОШИНЪ. Вечера подъ зеленой лампой	2.85
ЕСЕНИНЪ. Стихи скандалиста	7.80
СѢВЕРЯНИНЪ. Трагедія Титана	7.80
ЧЕРНЫЙ. Жажда. Сатиры	6.25
ЧТЕЦЪ-ДЕКЛАМАТОРЪ. Въ коленкор. перепл.	39.—
ЖУРНАЛЪ «ЖАРЪ-ПТИЦА» №№ 7, 8, 12 и 13 .. по	13.—

Всѣмъ желающимъ высылается безплатно полный каталогъ вышедшихъ за-рубежомъ книгъ и журналовъ.

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky,* Mchitarsitengasse, 4, Wien VII. Цѣна отд. ном. 1 шилл.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8. Цѣна отд. ном. 20 л.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tel. Barbarossa 4881. Postscheckkonto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГРЕЦІЯ.	Афины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitorv, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 70 л. с.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko,* Khiabané Post Hané Koutcha Beha es Saltaneh N°4. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovie. Цѣна отд. ном. зл. 1.35.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré. Цѣна отд. ном. 25 лей
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York.
	Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra. Цѣна отд. ном. 25 піастр.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors. Ц. отд. ном. ф. м. 6.50
	Выборгъ. — *Ivankov,* Linnankatu, 8. Wiiborg.
	Келломяки. — *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel Ц. отд. п. К.Ч. 5.50
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon,* Goldschmiedstrasse, Reval.
	Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 70 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre,* Ul. Kn. Mihailova br. 27.

У ДИМЫ УСОВА
въ ресторанѣ "ДЖИГИТЪ"
19, Boulevard Edgard-Quinet
Музыка. Пѣніе. Танцы. ежедневно играетъ Михаилъ Бурже
Prix fixe 7.50 до 9 часовъ вечера и à la carte
Ресторанъ всѣгда открытъ всю ночь

РЕСТОРАНЪ
"CHEZ KORNILOFF"
6, rue d'Armaillé между avenue Carnot и des Ternes
Tél. Carnot 52 - 49
Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ влад. Ф. Д. КОРНИЛОВА.
Prix-fixe Завтракъ — 15 фр.
Обѣдъ — 20 фр. и à la carte
ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА:
Среда — ботвинья; четв. — чахохбили; пятн. — царскій студень; субб. — разсольникъ; воскр. — поросенокъ; пон. — бефъ-бун; вторникъ — пельмени.
Ежедн.: кулебяка, блины, осетрина, рябчики, чахохбили, гурьев. каша
Самый элегантный и уютный русско-французскій ресторанъ Парижа

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ Л. РИХТЕРЪ, Рига
Представительница Е. Михайловская
9, rue Auguste Vitu, Paris (15). Métro Javel. Tél. Vaugirard 65-59.
САМЫЯ ДЕШЕВЫЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ
Нѣкоторыя цѣны за килограммъ
Масло сливочное въ жестянкѣ **22** фр. **50**. **Грудинка 16** фр.
Сало свиное въ жестянкѣ **16** фр. **Колбаса** сухая 1 с. **28** фр. **50**
Упаковка, страховка, отправка за 5 к. **25** фр., за 10 к. **50** фр.
Пріемъ заказовъ ежедн. не исключая воскр. и праздн. съ 9 ч. у. до 9 ч. веч.

ПЕРЕВОДЫ и ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ на небывало выгодныхъ условіяхъ
Переводы съ ручательствомъ за выплату въ 15 дней.
BANQUE pour l'ARBITRAGE et COMMISSION
6, Rue Buffault. PARIS (9e) Tél. Provence 95-20 и 95-21

Общество взаимнаго Кредита "СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). Tél. Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрыши. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер

Денежные переводы и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9

НАЛОГИ Учрежденіе обществъ. Всѣ юридич. акты. Разводъ. Регистрація фирмъ Выборка патентовъ. Взысканія. Натурализаціи. Консультаціи по всѣмъ вопросамъ.
JACQUES KARNAOUCH lic. en droit
3, rue du Pasteur Wagner. (на углу 26, Bd. Beaumarchais), M-ro Bastille
Tél. Roquette 07-66.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ принимаетъ
Комитетъ Помощи Голодающимъ въ Россіи (Comité Russe de Secours)
7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9)
M-o Clichy. Tél. Trinité 23-92 et la suite
Пріемъ исключительно отъ 3—7

TOUT DERNIER CONFORT
ASCENSEUR · CHAUFFAGE CENTRAL · CHAMBRES avec BAINS · EAU CHAUDE ET FROIDE
Tél. VAUGIRARD 10-77
Télégr. Hotelef 5 Paris
PENSION-HOTEL DE LA PORTE DE VERSAILLES
15, rue de la Grotte PARIS (15e)
Angle du Boulevard Lefebvre - Près la Foire de Paris
Nord-Sud : Porte de Versailles - Aut. : Aut. A. G. Bourse - Tram. : 89 Hôtel de Ville

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала контора журнала
САТИРИКОНЪ
проситъ г.г. подписчиковъ, срокъ подписки коихъ истекаетъ, ВОЗОБНОВИТЬ ЕЕ заблаговременно

Юридическій Кабинетъ
БЮРО ОФФИЦІАЛ. ПЕРЕВОДОВЪ
Консультаціи и выполн. всѣхъ формальностей предписан. новымъ закономъ и социальн. страх., исключ. утромъ до 12 съ половиной час.
MARC BILLIS et FILS
присяжный переводчикъ при Парижскомъ трибуналѣ и кандидатъ прим. (Парижскаго университета).
24, rue Lafitte, Paris.
Tél. : Provence 84-56. Métro Opéra.
Пріемъ отъ 9 до 12 и отъ 2 до 6.30 ч.
Существуетъ въ Парижѣ съ 1864 г.
Говоритъ по русски.

BERCK-PLAGE PENSION MILA
12, rue Lavoisier
въ 2-хъ шагахъ отъ пляжа
ХОРОШІЙ ПИТАТЕЛЬНЫЙ СТОЛЪ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ

РУССКАЯ МАСТЕРСКАЯ ДАМСКОЙ И МУЖСКОЙ ОБУВИ НА ЗАКАЗЪ
MAX
10, Rue Edmond Roger yr. Rue Violet, PARIS (XVe)
Téléphone Vaugirard 52-15.

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), téléph. Inval. 11-50 Le Gérant : *N. Kornfeld.*

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ И ЮМОРА

Сатирикон'

Отъ редакціи

Для того, чтобы сдѣлать **«Сатириконъ»** своей настольной книгой, надо:

— прежде всего аккуратно складывать его номеръ за номеромъ;

— затѣмъ, всѣ собранные номера переплести въ изящный переплетъ;

— а въ концѣ подписного года посмотрѣть на себя въ зеркало, и въ восторгѣ воскликнуть:

— Боже, какое у меня одухотворенное выраженіе лица и какой тонкій взглядъ на вещи!

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи . . . . . Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ странахъ, вход. въ составъ Всем. Почтоваго Союза	160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза	177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**

Téléphone: GUTENBERG 05-40

PRIX EN FRANCE : Frs 3. – 8 АВГУСТА 1931. 8 AOUT 1931. ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

SATYRICON

САТИРИКОНЪ

1931 ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ № 19

Hebdomadaire Russe *Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)* *Directeur M. Kornfeld*

СПЕЦІАЛЬНЫЙ НОМЕРЪ:
К У П А Л Ь Н Ы Й

Рис. И. Ильина.

НА ПЛЯЖЪ.

Рис. Э. Ницше.

О н ъ погруженъ въ покой глубокій,
О н е й - же искренно вздохнемъ:

«Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ просторѣ моря голубомъ...»

СЛУЧАЙ СЪ ДѢВИЦЕЙ.

Въ имѣнье Бонъ - Абри
Примчалась дѣва Нона:
Глаза, какъ фонари,
И бюстъ, какъ два баллона...
Гигантскіе бока,
Затылокъ — бритой щеткой
И ростъ до потолка,
Но сердцемъ — ангелъ кроткій.

Съ утра она уже
Копалась въ огородѣ, —
Сидѣла на межѣ,
Подобная колодѣ.
Сырая почва — ядъ...
Напрасно ей твердили:
«Простудишь, Нона, задъ!
У насъ примѣры были».

И даже трезвый гласъ
Садовника - бельгійца
Ей повторялъ не разъ:
«Мамзель — самоубійца!»
Но Нону не унять,
Съ упорствомъ психопатки
Подрядъ часовъ по пять
Она давила грядки.

Судьба подчасъ, увы,
Жестокая персона:
Угрюмѣе совы
Ползетъ къ верандѣ Нона...
Какъ будто бѣсъ въ спинѣ
Затѣялъ перестрѣлку!
«Скорѣе дайте мнѣ
Резиновую грѣлку...»

Прощай велосипедъ
И дальнія прогулки!
Забралась Нона въ плэдъ,
Задрала ноги - булки.
Томитъ издалека
Зеленый сумракъ сада...
Кузенъ ей съ чердака
Приноситъ мазь для зада.

Вотъ, дѣти, вамъ примѣръ:
Повѣрьте мудрой лирѣ!
Нельзя на свой манеръ
Все дѣлать въ этомъ мірѣ.
Когда судьба тебя
Пошлетъ полоть петрушку,
То надо подъ себя
Класть доску иль подушку...

Скрутъ.

ВЪ КУРОРТНОМЪ МѢСТЕЧКѢ.

— Скажите, ваше мѣстечко освѣщается электричествомъ?

Только во время грозы, когда бываетъ молнія.

ВЪ ПРИМОРСКОМЪ РЕСТОРАНѢ.

— Послушайте, гарсонъ, что случилось съ омаромъ, котораго вы мнѣ подали? Почему у него только одна клешня?

— Изволите ли видѣть, омары у насъ такіе свѣжіе, что они дерутся между собою на кухнѣ.

— Очень хорошо, но зачѣмъ же вы дали мнѣ побѣжденнаго омара? Возьмите его обратно и дайте мнѣ побѣдителя

ПОСЛѢ ТУРНЭ ПО КУРОРТАМЪ.

— Ну, какъ прошло турнэ? Какіе были сборы?

— Какъ вамъ сказать... Когда мы ставили трагедію, сборы были большей частью комическіе, а когда мы ставили комедію, такъ и совсѣмъ трагическіе...

ЖАРА.

К л і е н т ъ. — Слушайте, почему вы подали мнѣ рыбу раньше супа?

Г а р с о н ъ. — Скажу вамъ откровенно: жарко! Рыба не можетъ больше ждать.

ИСТОРІЯ СЪ ПУЗЫРЯМИ.

Я, братишки-эмигранты, воды боюсь. Она наводитъ на меня суевѣрный ужасъ. Конечно, если она изъ крана бѣжитъ, то такую воду еще можно вынести. Но я говорю о водѣ въ натуральную величину, которая волнуется у живописныхъ береговъ и омываетъ скалы. Короче сказать, я поѣхалъ недавно на курортъ, чтобы выкупаться. Чтобы пропитаться іодомъ и солью и пріобрѣсти сопротивляемость. Потому что это необходимо мнѣ для продолженія моей литературной двадцатипятилѣтней дѣятельности. Она у меня очень полезная для общества. Для нашего общества писателей и журналистовъ въ Парижѣ. Ужъ тамъ знаютъ, что если Тощенко чего пишетъ, такъ за ссудой не придетъ. Но не будемъ затрагивать интимныя стороны литературнаго быта. Вернемся къ исходной точкѣ моего приморскаго этюда, напоеннаго запахомъ всякихъ водорослей. Такъ я пошелъ съ вокзала на берегъ и очень у меня было хорошее настроеніе. Вотъ, думаю, и я, какъ всѣ занятые люди, помоюсь на зиму. Я даже запѣлъ пѣсню моего свѣтлаго отрочества:

Пошелъ купаться Уверлей,
Осталась дома Доротея,
Съ собою пару пузырей
Беретъ онъ, плавать не умѣя.

И тогда я вспомнилъ, что я тоже не умѣю плавать.

Но я не стыжусь, граждане, сознаться въ этомъ моемъ физическомъ недостаткѣ. Я родился въ сухопутной мѣстности, въ Тамбовской губерніи. У насъ до ближайшаго океана можетъ быть больше ста верстъ. А въ рѣчкѣ нашей я не хотѣлъ купаться, потому что населеніе по праздникамъ любило въ нее плевать съ моста. Идутъ, остановятся, поглядятъ въ воду и всегда почему-то плюнутъ. И исправникъ плевался, и даже батюшка. Такъ я не хотѣлъ такой рѣкой пользоваться. Но вернемся, граждане, къ исходной точкѣ. Вотъ, думаю, куплю пузыри, зажму подмышки и такимъ морскимъ волкомъ въ воду. И тутъ вышло недоразумѣніе, братишки. Я не знаю, гдѣ пузыри покупать и какъ они называются на французскомъ языкѣ. Я, конечно, первымъ долгомъ въ аптеку. Предметъ, говорю, мнѣ одинъ нуженъ. Не знаю, говорю, какъ онъ по-французски называется. Во всякомъ случаѣ, говорю, онъ какъ бы резиновый и его даже надувать можно. И тогда онъ, говорю, естественно, получается пузыремъ. Аптекарь какъ разъ русскимъ оказался. Поглядѣлъ на меня, головой покачалъ и даже какъ-то нехорошо улыбнулся. Какой-то маленькій конвертикъ изъ коробки вынулъ и протягиваетъ. Это, говорю, что же такое? Неужели съ этимъ плаваютъ? Плаваютъ, отвѣчаетъ аптекарь. Тутъ кассирша барышня фыркнула чего-то и убѣжала. Вижу, что смѣются здѣсь надо мной и очень я разсердился. Стыдно, говорю, гражданинъ. Аптека, говорю, у васъ. Мѣсто печальное. Къ вамъ, говорю, люди съ горя ходятъ. Мнѣ, говорю, пузыри нужны, чтобы держаться на лазурной поверхности, а вы мнѣ неизвѣстно чего даете. Тутъ аптекарь извинился и направилъ меня въ мясную лавку. Мясная лавка недалеко была, только тамъ русскихъ не оказалось. Я опять попалъ въ затрудненіе. Не знаю, какъ пузыри по-французски. Знаю, что отецъ — перъ, мать — меръ, а какъ пузыри — не знаю. Ну, думаю, значитъ къ мимикѣ прибѣгать нужно. И тогда я, братишки, сталъ изображать всякія купальныя движенія. Я даже легъ на землю, чтобы эти движенія были совершенно конкретными. Ну, конечно, французы народъ любопытный. Собрались кругомъ и смотрятъ. И даже очень сочувственно вздыхаютъ. И вдругъ появляется около меня какой-то русскій комбатантъ и говоритъ:

— Не отчаивайтесь, все будетъ улажено. Повторите вашъ номеръ. Онъ у васъ прекрасно выходитъ.

Я, конечно, соглашаюсь, потому что пузыри мнѣ имѣть все таки очень хочется, а русскій гражданинъ давай чего-то французамъ говорить, на ихнемъ музыкальномъ нарѣчіи. И только онъ кончилъ, какъ стали французы въ мою сторону деньги бросать, а русскій гражданинъ собираетъ ихъ, да еще со шляпой кругомъ ходитъ.

— Ну, идемъ, — говоритъ мнѣ этотъ гражданинъ, — идемъ, выпьемъ.

— Позвольте, — спрашиваю я, — что это значитъ?

— А ничего, — говоритъ, — кризисъ теперь и безработица. Зѣвать нельзя. Французы народъ добрѣйшій. Я имъ сказалъ, что вы бурю на Волгѣ изображаете. Очень они довольны остались.

И тогда мы пошли съ гражданиномъ пить. И вечеромъ же оба въ Парижъ поѣхали.

Такъ я и не выкупался, братишки. Но мнѣ не жаль, потому что вода для человѣка довольно гадкая стихія.

Тощенко.

ЦИТАТА ИЗЪ ПУШКИНА.

Рис. Н. Ильина.

**«...Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ лечь къ ея ногамъ!...»**

ВЪ ПОИСКАХЪ ВЫСОТЫ И УРОВНЯ.

1.

За отсутствіемъ собственной высоты и собственнаго уровня моря, можно проѣхаться на чужой уровень и слегка, такъ сказать, попользоваться чужой высотой.

Для этого надо пойти въ бюро путешествій и незамѣтно стащить нѣсколько свѣжеотпечатанныхъ проспектовъ и иллюстрированныхъ путеводителей, которые соблазнительнымъ вѣеромъ разложены на столахъ у любого Кука и сына.

Несмотря на то, что проспекты вполнѣ безплатные, ихъ надо все таки стащить.

Этимъ сразу дается удовлетвореніе неистребимому инстинкту хищничества, невольно просыпающемуся въ тотъ мигъ, когда человѣкъ изъ мертвящаго состоянія осѣдлости собирается нерейти на волнующее положеніе кочевника и номада.

Въ кражѣ путеводителей есть что-то охотничье и древнее, какой-то сладчайшій, пронзительный атавизмъ...

Потомъ можно вернуться къ себѣ въ берлогу, то-есть, на шестой этажъ безъ лифта, отереть крупныя капли того самаго пота, которому обреченъ человѣкъ въ борьбѣ за существованіе, швырнуть добычу съ торжествующимъ видомъ на многосемейный столъ, и голосомъ уставшаго побѣдителя хрипло буркнуть восхищеннымъ домочадцамъ:

— Вотъ! Выбирайте...

2.

Не легко сказать — выбирайте, и не такъ-то легко выбрать.

Въ каждомъ путеводителѣ есть не менѣе одной тысячи метровъ надъ уровнемъ моря, и въ любомъ проспектѣ есть обязательные горячіе источники, бьющіе прямо изъ земли.

Нѣтъ такой безплатной иллюстрированной брошюрки, гдѣ-бы не было сказано:

«Общедоступный курортъ для больныхъ, выздоравливающихъ, здоровыхъ и здоровенныхъ.

Желѣзистые, мышьяковистые,, углеводные, углеродные, щелочные, углекислые, сѣрные и сѣроводородные, горячіе и холодные, извѣстные еще со временъ Юлія Цезаря, натуральные, цѣлебные и радіоактивные источники.

Ванны изъ пріятнѣйшей на вкусъ столовой минеральной воды для переутомленныхъ, новорожденныхъ, слабогрудыхъ и неврастениковъ.

Особенно рекомендуются въ случаяхъ растяженія венъ, беременности и другихъ опухолей.

Чудодѣйственное вліяніе нашихъ источниковъ на нервную систему извѣстно еще со временъ императора Діоклетіана.

Живописный сосновый лѣсъ, какъ-бы ожерельемъ окаймляющій какъ-бы уходящія къ небу горы, создаетъ какъ бы естественное окаймленіе для какъ-бы убѣгающихъ въ неизвѣстную даль долинъ.

Расположенный въ глубокой котловинѣ и защищенный самой природой отъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, курортъ славится своимъ удивительно мягкимъ и ровнымъ климатомъ, извѣстнымъ еще со временъ братьевъ Гракховъ.

Живописныя окрестности, тысячи очаровательныхъ прогулокъ, казино и рулетка, прихотливо расположившаяся надъ уровнемъ моря, все это, вмѣстѣ съ добродушіемъ и гостепріимствомъ коренного населенія, справедливо упрочили за курортомъ заслуженное названіе парины астматиковъ, или жемчужины малокровныхъ.

Къ услугамъ пріѣзжающихъ и нуждающихся въ полномъ отдыхѣ имѣется безплатный симфоническій оркестръ изъ шестидесяти человѣкъ, играющій съ шести часовъ утра въ городскомъ паркѣ.

Для страдающихъ первными заболѣваніями, два раза въ недѣлю устраиваются народные факельщуги съ фейерверками, ракетами и безпрерывной пальбой изъ карабиновъ.

Цѣны общедоступныя, извѣстныя еще со временъ Юстиніана.

Гостиницы и пансіоны — отъ и до...»

И, дѣйствительно, думаешь, неужели же такой избалованный мужчина, какъ Юлій Цезарь, сталъ-бы такъ, здорово живешь, пить эту самую минеральную воду, если-бъ въ ней не было щелочи или, по крайней мѣрѣ, сѣры?

И что за охота была-бъ императору Діоклетіану ѣздить въ Бурбуль, если-бъ не дѣтскія болѣзни?

И постепенно, до того самъ себя начинаешь настраивать и навинчивать, что послѣ нерваго-же проспекта чувствуешь:

— Слабогрудость, общее ожирѣніе живота и сердца, углекислый вкусъ во рту и потребность обмѣна веществъ въ казино, или въ рулеткѣ.

Но чортъ тебя дергаетъ еще одинъ проспектъ наизусть выучить!...

И оказывается:

«Шатель-Гійонъ, общедоступный курортъ, расположенный въ котловинѣ и знаменитый своими углеводными, углеродными, сѣроводородными, тухлоячными и капустотухлыми, щелочными и кислыми источниками, извѣстными со временъ Агрипины Младшей.

Мягкій климатъ и защищенное отъ сѣверныхъ вѣтровъ казино....

Лѣченіе застарѣлыхъ катарровъ надъ уровнемъ моря...

Симфоническій оркестръ для желудочныхъ больныхъ, какъ бы окаймляющихъ со времени императора Адріана... »

И то же самое оказывается въ Контрексевиллѣ.

И тѣ же тысячи очаровательныхъ прогулокъ въ живописныхъ окрестностяхъ Вини.

И такія же ванны для общедоступныхъ новорожденныхъ въ Эвіанъ-Каина!...

И тотъ же самый уровень моря въ брошюркахъ Экъ-лэ-Бэна и Виттеля, и Клермонъ-Феррана, и Руайа!...

И, стоящій на распутьи, номадъ и кочевникъ недоумѣнно думаетъ:

— Болѣзней у нихъ множество, географія, слава Богу, тоже не маленькая, а типографія на всѣ болѣзни и на всѣ курорты — одна...

Донъ-Аминадо.

ГОЛОСЪ СЪ НЕБА.

Совѣтское радіо ведетъ въ эфирѣ агитаціонные діалоги съ самимъ собою: задаетъ вопросы о положеніи въ СССР и тутъ-же на нихъ отвѣчаетъ.

(Изъ газетъ).

Когда на крыши мрачныхъ зданій
Лилъ серебро вечерній часъ
— Всходилъ на небъ рогъ бараній
И раздавался нѣкій гласъ.

Надъ всей Европой безразсудной
Звуча архангельской трубой,
Онъ по Куэ системѣ нудной
Велъ разговоры самъ съ собой.

Онъ вопрошалъ: «Тамъ жизнь прекрасна?»
И отвѣчалъ: «Какъ сонъ легка...»
(Тутъ доносили волны ясно
Эфирный отзвукъ тумака).

Онъ говорилъ: «А какъ питанье?»
— «Плетется міръ у насъ въ хвостѣ!»
(И явно слышалось урчанье
Въ его воздушномъ животѣ).

Но вдругъ... въ стремительномъ полетѣ
Съ высотъ сорвавшись міровыхъ,
На самой яркой, звонкой нотѣ
Онъ поперхнулся — и затихъ.

И въ трепетѣ народы ждали...
И голосъ вопросилъ опять:
— «Скажите, братцы, а нельзя-ли
У васъ хоть корку пожевать?...»

Маркіанъ Малаевъ.

КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ **ЭМИГРАЦІИ.**

Рис. А. Шараго.

– О какихъ пляжахъ можетъ быть рѣчь, когда въ Абиссиніи такія событія?!..

«СУПРУЖЕСТВО».

Рис. Г. Шильтяка.

Мужъ газету читалъ внимательно,
Жена застыла въ позѣ старательно,
Вокругъ кричали чайки пронзительно,
И было даже и имъ отвратительно...

ЛѢТНІЙ РАЗСКАЗЪ.

— Не узнаете?... Китицынъ!

Китицынъ, мой одноклассникъ, взялъ меня за локти и мы расцѣловались.

Мы стояли, разсматривая другъ друга, противъ гастрономическаго магазина, изъ котораго Китицынъ только что вышелъ. Онъ былъ огроменъ, толстъ, съ окладистой бородой, очень загорѣлый, въ дворянской фуражкѣ, говорилъ сиплымъ баритономъ.

— Женатъ, шестеро дѣтей, хлѣборобъ? — задавалъ я ему вопросы.

— Женатъ, но дѣтей нѣтъ, къ сожалѣнію... И не хлѣборобъ, къ сожалѣнію...

— Не служишь?

— Нѣтъ. Поѣдемъ ко мнѣ обѣдать на хуторъ, познакомимся, всего пятнадцать верстъ. Жена будетъ рада; мы тебя читаемъ усердно. Это должно быть очень трудно каждый день писать? Такъ ѣдемъ!?

Я нерѣшительно отказывался, а онъ оказался очень настойчивымъ, и внушилъ мнѣ, что черезъ часъ онъ заѣдетъ за мной и я долженъ ждать его.

Я ѣхалъ домой, и во мнѣ вдругъ забродило живое желаніе очутиться въ деревнѣ, захотѣлось тишины и особенно деревенскаго сна.

Я купилъ сигаръ и конфектъ, позвонилъ въ редакцію и наскоро сталъ собирать необходимыя вещи.

Пара сѣрыхъ крѣпышей въ яблокахъ, запряженныхъ въ отличный экипажъ, мягко вынесли насъ изъ города.

Мы болтали.

Еще мелькали послѣдніе пригородные домишки, заборы, несло чѣмъ-то зловоннымъ отъ дома съ фабричной трубой, было пыльно.

— Да, — сказалъ Китицынъ, — и все это суета и вѣтренность... Человѣкъ я небольшого калибра, вотъ въ чемъ горе... Вотъ увлекся разведеніемъ афенъ-пинчеровъ, а теперь развожу ананасныя дыни... Иванъ, попридержи...

Мы подъѣхали къ постоялому двору и очень кстати выпили пива — становилось жарко.

— Замѣтилъ ты въ банкахъ, въ конторахъ — такіе карандаши на спираляхъ? Это мое изобрѣтеніе... Завидую я вашей братіи журналистамъ...

Пока онъ объяснялся, почему онъ завидуетъ журналистамъ, въ частности мнѣ, я думалъ съ горечью о томъ, что мои писанья стоятъ не больше, чѣмъ его карандаши и разъ веденіе ананасныхъ дынь...

— Вотъ видишь въ долинѣ усадьбу съ красными крышами? — Это мой хуторъ и есть.

За хуторомъ подымался пригорокъ, дорога, уходившая къ горизонту, по которому текла воздушная рѣка, отражая въ себѣ копны, каменоломню. Давно ужъ собрались облака и ихъ легкія тѣни бѣжали по жнивью, межъ нихъ горѣли пятна солнца. Серебрились бѣлыя стѣны усадьбы, сверкали красныя крыши, то вдругъ все погружалось въ тѣнь — красныя крыши, деревья становились глубоко темными и тогда ярко разгорались поля свѣтло - золотистой, уже готовой, кукурузы, подходившія къ самому хутору.

Мы, наконецъ, въѣхали въ усадьбу. Странное впечатлѣніе произвела эта усадьба — такихъ я никогда не видѣлъ — и домъ, и службы, и дворъ все было такъ чисто сработано, такъ густо выкрашено, выкатано, подчищено, подрѣзано, что все казалось не настоящимъ, игрушечнымъ, не доставало только запаха клея и лака.

Я умывался, переодѣвался... Въ комнатѣ была неописуемая чистота, порядокъ, какъ во всемъ домѣ.

Пришелъ за мной Китицынъ.

— Это жена... помѣшана на чистотѣ, — сказалъ онъ, отвѣчая на мои вопросы.

— Но вѣдь это скучно, — сказалъ я.

Скучно, но ничего не подѣлаешь...

Въ столовой насъ встрѣтила Китицына и представила своего кузена.

Она была недурна собой, еще молода и что у нея было очаровательно — это дѣвственные бока и ноги, юбка какъ-то особенно заманчиво облегала ихъ.

Жена моего пріятеля была какъ будто не глупа, однако выбалтывала такія вещи, о которыхъ можно было бы и помолчать. Но Китицынъ смотрѣлъ на нее съ обожаніемъ.

Посреди стола, на серебряномъ блюдѣ, стояло стеклянное блюдо и на немъ возвышалась огромная ананасная дыня.

— Вотъ гордость моего дурачка — отвѣдайте! — сказала Китицына.

— Хочешь съ перцемъ, съ ликеромъ, — захрипѣлъ заботливо Китицынъ, наливая себѣ и мнѣ ликеру.

Дыня оказалась сочной, нѣжной, сладкой, ароматной.

Я почему-то не любитель дынь, арбузовъ и ограничился, къ огорченію хозяина, только пробой.

Мнѣ ужасно не понравился кузенъ, молодой человѣкъ съ очень тонкой таліей, широкими плечами, маленькой головкой, тщательно расчесанной. Ему могло быть лѣтъ двадцать пять; но, странно, глаза у него были старческіе, окруженные сухими морщинками. Онъ почти не говорилъ и до неприличья, по собачьи, смотрѣлъ на Китицыну.

Китицынъ и кузенъ начали играть въ экартэ, тутъ-же за чайнымъ столомъ, что привело Китицыну въ тихую ярость; сдерживая себя, она сказала мнѣ, подымаясь: «Давайте знакомиться», — и направилась въ гостинную.

Я узналъ, между прочимъ, что Китицынъ зиму обычно проживалъ возлѣ Ниццы, гдѣ у нихъ было имѣніе, большія знакомства, большія связи. Послѣ того, какъ въ 1905 году былъ сожженъ домъ, ткацкая школа въ имѣніи Китицыныхъ, онъ рѣшилъ эмигрировать во Францію и потихоньку ликвидировалъ землю, домъ....

— Мой дурачекъ увѣренъ, что въ Россіи будетъ настоящая революція... — сказала Китицына и задумалась.

Разсказывая о себѣ, она сказала:

— Я себя такъ хорошо чувствую на нашемъ миломъ земномъ шарѣ... Вѣроятно, это счастье и есть... Подумайте, я не знаю, что такое скука, у меня никогда не было насморка...

Я съ изумленіемъ на нее смотрѣлъ, а она хохотала.

Китицына и кузенъ пошли играть въ теннисъ, а Китицынъ увлекъ меня въ садъ, потомъ мы пошли смотрѣть бахчу.

И въ саду былъ тотъ же игрушечный порядокъ что и въ домѣ. Дорожки были расчищены по линейкѣ, плоды были завернуты въ тонкую бумагу, стволы закрашены известью. За садомъ, довольно большая площадка была отведена подъ дыни, которыя сверкали золотыми пятнами среди упитанной зелени и жирной земли. Китицынъ долго и съ наслажденіемъ разсказывалъ о рощеніи ананасныхъ дынь.

Онъ выбиралъ, любовно постукивая, ощупывая, и срѣзалъ двѣ дыни, потомъ снялъ нѣсколько яблокъ и грушъ, сперва осторожно развертывая бумагу, въ которую были завернуты плоды, предохраняя ихъ отъ «червя и птицы».

— Словъ нѣтъ, люблю возиться въ саду-огородѣ, — сказалъ Китицынъ, — но это все не то, мелко, не тотъ подходъ; вотъ нѣмцы...

— Чего же ты хочешь, добрый человѣкъ, ни у одного нѣмца я не видалъ такой добротности и порядка.

— Хотѣлось бы любить что-нибудь больше, чѣмъ жену, себя...

— Да вѣдь такихъ счастливцевъ, пожалуй, и нѣтъ...

— Нѣтъ, есть, — и онъ назвалъ нѣсколько именъ — все нѣмцы, знаменитые виноградари, садоводы.

Послѣ горячаго дня въ саду пахло яблоками, землей, сухими травами.

Обѣдъ былъ очень хорошій. Китицынъ много пилъ, по шерши и я не отставалъ... Конечно, на дессертъ были дыни.

— Вотъ изобрѣтеніе моего дурачка, — сказала Китицына, указывая на машинку для рѣзанія сыра. — Повезли въ Берлинъ, да тамъ нашли вдвое лучше и проще, и такъ все у насъ...

Въ гостиной пили кофе, слушали новые диски граммофона, привезенные изъ города; распили замѣчательную бутылку шато Марго, потомъ пошли пройтись и, въ десятомъ часу, разошлись по своимъ комнатамъ.

Блаженный сонъ, котораго я ждалъ, не приходилъ, я долго ворочался, всталъ, накинулъ на плечи пальто и съ благодарностью взглянулъ на бутылку вина, стоявшую на ночномъ столикѣ.

Я подвинулъ кресло къ окну, погасилъ свѣчу, закурилъ сигару.

Луна стояла подъ окномъ, въ травахъ стрекотали кузнечики, отъ далекихъ полей пахнуло прохладой, запахомъ сжатаго хлѣба, полыни. Я думалъ о хозяевахъ, о кузенѣ, самомъ богатомъ женихѣ на югѣ Россіи, какъ мнѣ сказалъ Китицынъ, о себѣ, не имѣвшемъ ровно ничего... и почему-то мнѣ казалось, что я и счастливѣе ихъ, и богаче ужъ потому, что у меня хоть есть желанія, а у нихъ и того нѣтъ. Китицына только хвастается благополучіемъ, на самомъ дѣлѣ мужа давно ужъ нѣтъ у нея, а можетъ быть и не было никогда, въ лучшемъ случаѣ остались только скверныя привычки... Было сомнительно и то, чтобы у нея были любовники — очень чистоплотныя женщины къ любовнымъ авантюрамъ относятся брезгливо. Кузенъ влюбленъ въ нее, она это позволяетъ... И снова во мнѣ поднялось, неизвѣстно почему, чувство ненависти къ этому кузену...

Я налилъ стаканъ вина, осторожно взболтнулъ, чтобы вызвать букетъ — это было Шато Марго, то самое, которое было подано въ концѣ обѣда — Китицынъ очевидно не былъ скупъ.

Я съ наслажденіемъ пилъ драгоцѣнное вино, курилъ, и чувствовалъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ на свѣтѣ.

Гдѣ-то за садомъ раздалась колотушка сторожа, пролетѣла стая куликовъ, перекликаясь стонущими короткими криками — и все умолкло. Воцарилась невѣроятная тишина, та тишина, отъ которой городскіе люди просыпаются...

А все таки хорошая вещь богатство, подумалъ я наливая вино...

Вдругъ раздались торопливые шаги по гравію ; я привсталъ и увидѣлъ кузена, который какъ-то странно торопился, и сразу меня охватило подозрѣніе, полѣзли въ голову чортъ знаетъ какія мысли.

Не прошло двухъ минутъ, я услышалъ вновь шаги, мелькнулъ бѣлый пеньюаръ — все было ясно.

Я съ досадой швырнулъ сигару и прошелся по комнатѣ. Мое положеніе было глупѣйшее, подымалась зависть...

Мужчина не можетъ равнодушно видѣть успѣха у женщины другого мужчины, хотя бы онъ не былъ никакъ заинтересованъ въ этомъ успѣхѣ...

Я ходилъ по комнатѣ, вновь закурилъ; подошелъ къ окну. Луна показалась странно яркой, тянула къ себѣ, какъ бы приближаясь вплотную... Но луна теперь свѣтила для другихъ — и ревность, самая настоящая ревность, охватила меня, какъ студента...

Раздались тяжелые, быстрые шаги... Китицынъ почти бѣжалъ. Я похолодѣлъ... однако нужно было что-то предпринять... И, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, я крикнулъ: — Гриша, погоди, такъ нельзя необдуманно. Умоляю, одну минутку...

— Ш-ш-ш-ъ! Всѣ спятъ... Я сейчасъ... я сейчасъ... Ты почему не спишь? Проклятыя дыни!...

Я никогда въ жизни такъ не хохоталъ, свалился въ постель, хохоталъ, какъ сумасшедшій, до боли, до судорогъ, до слезъ...

Полъ часа спустя въ мою комнату вошелъ Китицынъ, блѣдный, взволнованный, умоляя поѣхать за докторомъ.

И еще оказалось, что особенно страдалъ отъ дынь кузенъ.

П. Нилусъ.

РОМАНСЪ КАРТЕЖНИКА

Тебѣ безъ дальнихъ разговоровъ
Сказалъ я пламенно: люблю!
Я дамъ тебѣ всѣ пять онеровъ,
Лишь полюби меня — молю...

Отъ распасовокъ я отвыкну,
Я такъ тобою дорожу,
Что никогда, мой другъ, не пикну
И слова въ пику не скажу...

Въ своей игрѣ я дамъ забуду,
Ты-жъ козырей побольше трать!
Вездѣ, гдѣ можно, — всюду, всюду
Я буду жадно взятки брать...

Я окружу тебя тузами,
Тебѣ поклонится король, —
«Но славны бубны за горами», —
Таковъ былъ мрачный твой пароль...

И вотъ, лишившись всякой вѣры,
Валетъ червонный — я подъ судъ,
Увы, попалъ, — въ рукѣ мизеры,
И черви сердце мнѣ сосутъ...

В. Опочининъ.

КУПАЛЬНЫЙ МАСКАРАДЪ.

Рис. Шзарпа.

— Маска, я тебя знаю!...

ЭТО...

Подвыпившій англичанинъ возвращается домой, въ мирный пригородъ Лондона. Ночь. Улица пуста. Однообразные коттэджи похожи другъ на друга, какъ торцы мостовой. Англичанинъ останавливается на минуту въ задумчивости, потомъ храбро вынимаетъ ключъ изъ кармана, откидываетъ чугунную дверку садика передъ первымъ коттэджемъ, поднимается по лѣстницѣ и суетъ ключъ въ скважину. Тщетно. Ключъ не подходитъ. Англичанинъ съ той же рѣшимостью направляется ко второму — та же исторія. Онъ къ третьему — опять то же самое. Наконецъ дверь четвертаго легко подается и англичанинъ съ облегченіемъ уже заноситъ ногу на порогъ, какъ тяжелая рука констэбля его останавливаетъ.

— Куда?

— Какъ куда? Домой.

— Шалишь, голубчикъ. Я слѣжу за тобой отъ перваго коттэджа.

— Но это мой домъ, увѣряю васъ. Я это сейчасъ докажу.

Англичанинъ, за нимъ констэбль, входятъ въ домъ. Англичанинъ раздѣвается и тихимъ, но хозяйскимъ шагомъ направляется къ одной изъ дверей.

— Вотъ здѣсь спитъ моя дочь, — говоритъ онъ, пріоткрывая дверь. Дѣйствительно, на кровати лежитъ спящая дѣвушка.

— А здѣсь — сынъ, — отворяетъ онъ вторую дверь. И правда, на подушкѣ видна рыжая взъерошенная голова безусаго здоровеннаго верзилы.

— А вотъ здѣсь, — прижимая палецъ къ губамъ и на цыпочкахъ подходя къ третьей двери, говоритъ хозяинъ, — здѣсь спитъ моя жена.

Онъ съ лукавой улыбкой тихонько пріотворяетъ дверь. Но что это? Рядомъ съ чепчикомъ женщины покоится чье-то бритое мужское лицо.

— А это — грозно вопрошаетъ констэбль.

— Это... Это... — озадаченно бормочетъ англичанинъ.

— Да, это! — еще свирѣпѣе насѣдаетъ констэбль.

— Это... — лицо англичанина на минуту застываетъ, потомъ выраженіе его мѣняется, онъ хлопаетъ себя по лбу и со смѣхомъ поворачивается къ констэблю:

— Да это же — я самъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ВРАЧА.

Въ концѣ сезона Марья Ивановна стала чувствовать себя совсѣмъ неважно. Она немножко поблѣднѣла, и послѣ десятой папиросы у нея начинала кружиться голова. Къ тремъ часамъ ночи бриджъ сталъ терять для нея всякую прелесть, ее начинало клонить ко сну. Послѣ того какъ, вернувшись съ чая у Софьи Марковны, за которымъ были только маленькіе сандвичи, тарталетки съ свѣжими ягодами и пти-фуры, Марья Ивановна не въ состояніи была за обѣдомъ доѣсть вторую котлету, она рѣшила, съ благословенія Сергѣя Кузьмича, обратиться къ врачу.

Врачъ былъ очень внимателенъ. Онъ тщательно выстукалъ и выслушалъ Марью Ивановну, измѣрилъ у нея давленіе крови, ударилъ ее по колѣнкѣ, велѣвъ ей положить ногу на ногу, и даже отвернулъ ей вѣко на правомъ глазу и посмотрѣлъ, какого оно у нея цвѣта изнутри. Про языкъ и говорить нечего: докторъ осмотрѣлъ его у Марьи Ивановны два раза: въ началѣ и въ концѣ визита.

Марья Ивановна съ трепетомъ ждала заключенія врача, долго, послѣ того какъ онъ изслѣдовалъ ее, записывавшаго что-то въ мрачную толстую книгу въ неуютномъ переплетѣ изъ сѣраго холста.

Но, слава Богу, въ заключеніи врача не было ничего очень страшнаго.

— Вы немножко переутомлены, мадамъ, — сказалъ врачъ. — И это не удивительно, потому что вы ведете образъ жизни, весьма далекій отъ нормальнаго. Я вамъ не дамъ никакихъ лѣкарствъ, вамъ это не нужно. Вамъ нужны холодная вода, движеніе на свѣжемъ воздухѣ и вы не должны кутаться: вамъ надо полегче одѣваться.

Сергѣй Кузьмичъ встрѣтилъ Марью Ивановну на площадкѣ лѣстницы. Онъ выбѣгалъ на лѣстницу всякій разъ, когда до него доносилось шипѣніе поднимающагося лифта.

— Ну? — сказалъ онъ, принимая Марью Ивановну въ свои объятія.

— Ничего, — слабымъ голосомъ сказала Марья Ивановна, положивъ голову на плечо мужу. — Ничего страшнаго. Но только докторъ велѣлъ мнѣ непремѣнно поѣхать въ Довилль въ открытомъ автомобилѣ и сшить себѣ нѣсколько новыхъ лѣтнихъ платьевъ.

Влад. Азовъ.

КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Рис. Шильтяна.

— И ванна есть, и Маратъ въ ваннѣ сидитъ, только Шарлотты Кордэ что-то не видно!...

ВЪ РЕСТОРАНѢ.

К л і е н т ъ. — Слушайте, почему вы подали мнѣ рыбу раньше супа?

Г а р с о н ъ. — Скажу вамъ откровенно: жарко! Рыба не можетъ больше ждать.

БОТАНИКИ.

— Я каждый день подъ это дерево хожу... Я хочу, чтобы оно еще больше выросло!...

У МОРЯ.

На пляжѣ, въ залихватско - небрежныхъ позахъ, лежатъ куротныя наяды. Огромные попугайскіе зонты сливаются съ полосатыми палатками; палатки — съ шэзъ-лонгами; шэзъ - лонги — со штанами наядъ...

Близорукій человѣкъ, попавъ въ эту цвѣтистую кашу, легко можетъ сѣсть вмѣсто кресла на свою жену, или, Боже сохрани, на чужую... Но какъ-то всѣ разбираются. Каждая душа находитъ свое мѣсто подъ своимъ зонтомъ. Сидятъ тѣсными кружками въ тѣни, какъ песокъ струится легкая бесѣда, глаза обжигаютъ глаза, блестятъ натертыя кокосовымъ масломъ руки и плечи.

Даже неблизорукій человѣкъ не разберетъ: кто тутъ авантюристъ, кто святой, кто мулатъ, кто бѣлый, кто Антиной, кто Венера... Зачѣмъ вдаваться на пляжѣ въ такія подробности? Флиртуютъ, болтаютъ, разрѣзаютъ волны сильными взмахами рукъ, — да будетъ легка имъ жизнь...

Между взрослыми ползаютъ и барахтаются смуглые человѣческіе дѣтеныши. Тащатъ въ воду купаться упирающихся мохнатыхъ собачекъ, — дѣтеныши могутъ купаться сорокъ разъ подрядъ, пока уши не станутъ зелеными, а губы лиловыми...

Мохнатыя собачки знаютъ, что это негигіенично, — но какъ отъ этого несчастья избавиться, когда маленькій человѣчекъ тащитъ тебя за компанію, головой книзу, въ море? Кусаться запрещено, лаять подъ мышкой неудобно, а удрать изъ воды невозможно, потому что за каждую лапу тебя держатъ двѣ дѣтскихъ руки.

Но, въ общемъ, хорошо на пляжѣ... Весь божій міръ — огромный салонъ. Васильковый потолокъ отдѣланъ бѣлоснѣжнымъ карнизомъ облаковъ; вѣтеръ галантно обвѣваетъ прохладнымъ вѣеромъ спины; посреди средиземной ванны сонно покачивается эшафотъ, — плотъ для прыгуновъ - пловцовъ; по пляжу цвѣта чайной розы развозятъ на двуколкѣ мороженое, — райскую пищу для дѣтей до шестидесятилѣтняго возраста...

Если ты маленькій, можешь упросить маму, чтобы позволила тебѣ покататься на покорномъ осликѣ: такъ чудесно хлопать босыми пятками по гулкимъ бокамъ, такъ вкусно скрипитъ красное, кожаное сѣдло... Если ты большой, — иди въ казино, роскошную коробку изъ полусентиметроваго бетона, — дуй апперитивъ, разсматривай, повернувшись спиной къ морю, наядамъ и солнцу, родимое пятно на собственномъ бедрѣ и воображай себя Оскаромъ Уайльдомъ... Хорошо, въ общемъ, на пляжѣ...

А въ дюнахъ за бугромъ — другой вѣкъ. Можетъ быть, бронзовый, можетъ быть, желѣзный, можетъ быть, волосато-органгутангскій. Передъ походными скворешнями на колесахъ сидятъ кирпичные, тощіе люди, обросшіе бурымъ войлокомъ. Вмѣсто костюмовъ — пояса стыдливости шириной въ почтовую марку. Вѣтеръ раздуваетъ на головахъ выцвѣтшую паклю. Выцвѣтшіе глаза, выцвѣтшія рѣсницы... Сидятъ и молча прѣютъ.

По временамъ, то одинъ, то другой вскакиваетъ, продѣлываетъ какіе-то эвритмическо - шаманскіе пассы, — ноги циркулемъ, руки косыми граблями въ воздухѣ, пальцы, какъ пляшущія фуріи... И опять замираетъ. Въ котелкѣ на треножникѣ клокочетъ какое-то вегетаріанское варево: быть можетъ, рагу изъ сосновыхъ шишекъ, быть можетъ, супъ изъ водорослей. Ни смѣха, ни улыбокъ, ни веселаго слова. Прѣть надо молча, созерцательно, принципіально, и по системѣ.

Одна изъ фигуръ, — тощая коза, отдаленно похожая на вымоченную въ уксусѣ старую дѣву, — подошла къ морю. Зачерпнула ладонью воды, полила себѣ затылокъ. Изогнула коричневую кисть вбокъ, повернула ее египетскимъ жестомъ вокруъ оси и отошла въ дюны. Это она купалась. Выцвѣтшій дылдообразный блондинъ, весь состоящій изъ ключицъ, лопатокъ и сухожилій, торжественно распростеръ дѣвушку на пескѣ, склонился надъ нею. Усыплять онъ ее будетъ чтоли, или скальпировать? Вытянулъ ей руку, промассировалъ мелкими щипками, потомъ другую руку... Потомъ сталъ перебирать ей пальцы на ногахъ, будто игралъ на арфѣ... И дѣловито отошелъ въ сторону, какъ лунатикъ, исполнившій свой долгъ.

Надъ косогоромъ вверху проходятъ люди — двадцатаго вѣка. Осторожно косятся сквозь сосновыя лапы и съ почтительнымъ недоумѣніемъ шепчутъ:

— Нудисты...

— Культъ тѣла. Они переутомлены городомъ, и возвращаются къ природѣ...

— О, о! Скажите, пожалуйста!...

Какой, однако, тусклый «культъ тѣла»... Почему эти коричневыя макароны, принципіально высушенныя и пересушенныя на солнцѣ, называются «культомъ тѣла»? Почему тряпочка - перемычка, скрывающая послѣднюю наготу, объединяетъ этихъ скучныхъ чудаковъ въ какую-то нудную, скопческую секту? Что понимаютъ въ природѣ эти эвритмическіе Робинзоны, созерцающіе муравьевъ на большомъ пальцѣ собственной ноги?... Почему нужно скопомъ проводить лѣто вмѣстѣ вокругъ котелка съ кипящей овсянкой, — безъ смѣха, безъ пѣсенъ, безъ вина, безъ безпечной радости легкаго бродяги на легкой землѣ?...

Вѣтеръ насмѣшливо шуршитъ въ верескѣ, веселыя сороки стрекочутъ въ дремучемъ можжевельникѣ, веселое море сквозитъ сквозь сосны... Бѣлобрысый дылда растягивается на пескѣ, вбираетъ въ себя и безъ того вогнутый животъ и медленно, съ лицомъ пророка Исаіи, массируетъ его грубой шерстяной перчаткой.

Миръ праху твоему, волосатый бухгалтеръ, несущій міру новую двухсантимную безпитательную идею!

А. Черный.

ВЪ ОТЕЛѢ.

— Сколько стоитъ комната въ вашей гостиницѣ? Я хотѣлъ бы переночевать...

— Цѣна у насъ зависитъ отъ положенія...

— Отъ положенія? Не понимаю, какая вамъ разница! Не все ли вамъ равно, въ какомъ положеніи я буду спать: на спинѣ или на боку?

ВЪ НОРМАНДІИ.

— Что это за свинство? Въ маслѣ которое вы мнѣ продали, я нашелъ волосъ. Это безобразіе.

— Никакого безобразія. Мы нарочно кладемъ въ каждый фунтъ по волосу, чтобы покупатель видѣлъ, что у насъ настоящее нормандское коровье масло, а не маргаринъ.

— Юнона, которую содержитъ Меркурій.

— Меркурій, который содержитъ Юнону.

ВЪ « *HOSTELLERIE* ».

Метръ-д-отель. — Ну-съ, какъ вы нашли нарт бифштексъ по-нормандски?

Кліентъ. — Съ большимъ трудомъ нашелъ. Онъ завалился подъ картофелину, я еле его отыскалъ.

ВЪ ГОРАХЪ САВОЙИ.

Туристъ. — Комната у васъ туда-сюда, но, по крайней мѣрѣ, проточная вода въ ней есть?

Хозяинъ. — Проточная вода? У меня въ гостиницѣ въ комнатахъ только моются, а рыбу у меня ходятъ удить подъ горку къ ручью.

Золотой теленокъ

Романъ изъ совѣтской жизни
Ильи Ильфа и Евгенія Петрова.

(Продолженіе).

Посрединѣ комнаты стоялъ Александръ Ивановичъ. Онъ былъ въ сѣткѣ-безрукавкѣ и уже успѣлъ надѣть брюки мелкаго служащаго. Комната была обставлена съ примѣрной бѣдностью, принятой въ дореволюціонное время въ сиротскихъ пріютахъ и тому подобныхъ организаціяхъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ императрицы Маріи Федоровны. Здѣсь находились три предмета: желѣзная лазаретная кроватка, кухонный столъ съ дверцами, снабженными деревянной щеколдой, какой обычно запираются дачные сортиры, и облѣзлый вѣнскій стулъ. Въ углу лежали двѣ большихъ гири.

При видѣ милиціонера Александръ Ивановичъ тяжело ступилъ впередъ.

— Гражданинъ Корейко? — спросилъ Остапъ, лучезарно улыбаясь.

Я, — отвѣтилъ Александръ Ивановичъ, также высказывая радость по поводу встрѣчи съ представителемъ власти.

— Александръ Ивановичъ? — освѣдомился Остапъ, улыбаясь еще лучезарнѣе.

— Точно такъ, — подтвердилъ Корейко, подогрѣвая свою радость сколько возможно.

Послѣ этого великому комбинатору оставалось только сѣсть на вѣнскій стулъ и учинить на лицѣ сверхестественную улыбку. Продѣлавъ все это, онъ посмотрѣлъ на Александра Ивановича. Но милліонеръ - конторщикъ напрягся и изобразилъ чортъ знаетъ что: и умиленіе, и восторгъ, и восхищеніе, и нѣмое обожаніе. И все это по поводу счастливой встрѣчи съ представителемъ власти.

Происшедшее нарастаніе улыбокъ и чувствъ напоминало руконись композитора Франца Листа, гдѣ на первой страницѣ указано «играть быстро», на второй — « очень быстро», на третьей — «гораздо быстрѣе», на четвертой — «быстро, какъ только возможно», и все-таки на пятой «еще быстрѣе».

Увидѣвъ, что Корейко достигъ пятой страницы и дальнѣйшее соревнованіе невозможно, Остапъ приступилъ къ дѣлу.

— А вѣдь я къ вамъ съ порученіемъ, — сказалъ онъ, становясь серьезнымъ.

— Пожалуйста, пожалуйста, — замѣтилъ Александръ Ивановичъ, тоже затуманившись.

— Хотимъ васъ обрадовать.

— Любопытно будетъ узнать.

И безмѣрно грустя, Бендеръ полѣзъ въ карманъ. Корейко слѣдилъ за его дѣйствіями съ совсѣмъ уже похоронымъ лицомъ. На свѣтъ появилась желѣзная коробка отъ папиросъ «Кавказъ». Однако, ожидаемаго Остапомъ возгласа удивленія не послѣдовало. Подпольный милліонеръ смотрѣлъ на коробку съ полнымъ равнодушіемъ. Остапъ вынулъ деньги, тщательно пересчиталъ ихъ и, пододвинувъ пачку къ Александру Ивановичу, сказалъ:

— Ровно десять тысячъ. Потрудитесь написать расписку въ полученіи.

— Вы ошиблись, товарищъ, — сказалъ Корейко очень тихо. — Какія десять тысячъ? Какая расписка?

— Какъ какая? Вѣдь васъ вчера ограбили?

— Меня никто не грабилъ.

— Да какъ же не грабили? — взволновался Остапъ. — Вчера у моря. И забрали десять тысячъ. Грабители арестованы. Пишите расписку.

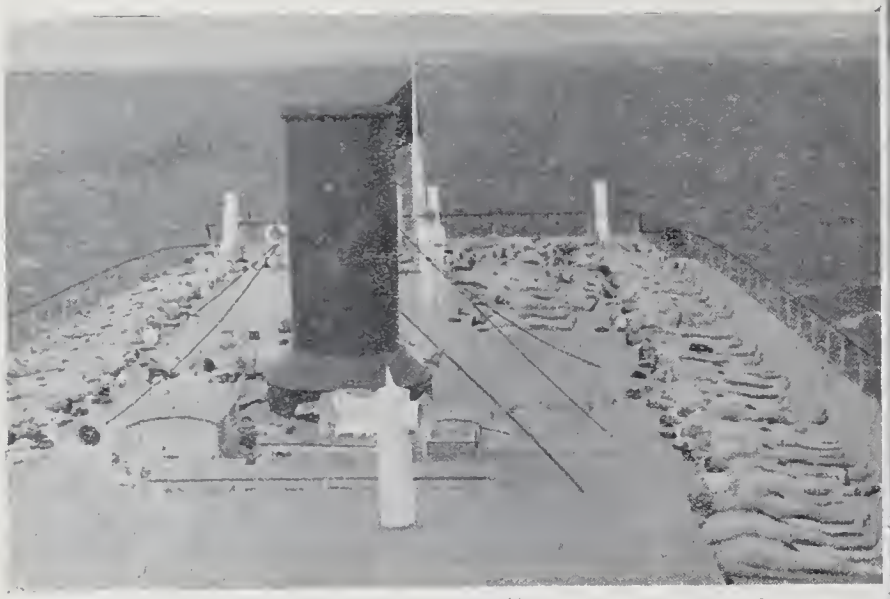
— Да, ей Богу же, меня никто не грабилъ. — сказалъ Корейко, по лицу котораго промелькнулъ свѣтлый зайчикъ. — Тутъ явная ошибка.

Еще не осмысливъ глубины своего пораженія, великій комбинаторъ допустилъ непріличную суетливость, о чемъ всегда вспоминалъ впослѣдствіи со стыдомъ. Онъ настаивалъ, сердился, совалъ деньги въ руки Александра Ивановича и вообще, какъ говорятъ китайцы, потерялъ лицо. Корейко пожималъ плечами, предупредительно улыбался, но денегъ не бралъ.

— Значитъ, васъ не грабили?

ЛѢТО

На Днѣпрѣ. «Пляжъ» на Трухановомъ островѣ близъ Кіева.



На Волгѣ. Солнечныя ванны на палубѣ парохода-санаторія.

На берегу океана.
Первое утро на пляжѣ (киноартистка Маржори Кингъ).

На Ривьерѣ
Не только на пляжѣ, но даже на улицахъ Каннъ и Ниццы можно встрѣтить дамъ въ пижамахъ.

На Черноморскомъ побережьѣ.
Столовая въ Новой Мацестѣ близъ Сочи.

— Никто меня не грабилъ.

— И десять тысячъ у васъ не брали?

— Конечно, не брали. Ну, какъ вы думаете, откуда у меня можетъ быть столько денегъ?

— Вѣрно, вѣрно, — сказалъ Останъ, поостывъ. — Откуда у мелкаго служащаго такая уйма денегъ... Значитъ, у васъ все въ порядкѣ?

— Все! — отвѣтилъ милліонеръ съ чарующей улыбкой.

— И желудокъ въ порядкѣ? — спросилъ Останъ, улыбаясь еще обольстительнѣе.

— Въ полнѣйшемъ. Вы знаете, я очень здоровый человѣкъ.

— И тяжелые сны васъ не мучатъ?

— Нѣтъ, не мучатъ.

Дальше по части улыбокъ все шло совсѣмъ какъ у Листа, быстро, очень быстро, гораздо быстрѣе, быстро какъ только возможно, и даже еще быстрѣе. Прощались новые знакомые такъ, словно не чаяли другъ въ другѣ души.

— Фуражечку милицейскую не забудьте, — говорилъ Александръ Ивановичъ.

— Она на столѣ осталась.

— Не ѣшьте на ночь сырыхъ помидоръ, — совѣтовалъ Останъ, — чтобы не причинить вреда желудку.

— Всего хорошаго, — говорилъ Корейко, радостно откланиваясь и шаркая ножкой.

— До свиданія, до свиданія, — отвѣтствовалъ Останъ, — интересный вы человѣкъ! Все у васъ въ порядкѣ. Удивительно, съ такимъ счастьемъ — и на свободѣ!

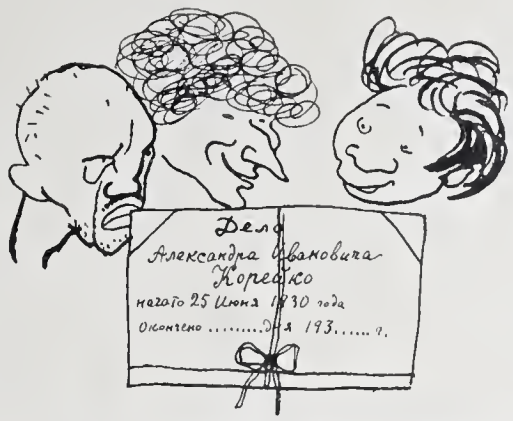
И все еще неся на лицѣ непужную улыбку, великій комбинаторъ выскочилъ на улицу. Нѣсколько кварталовъ онъ прошелъ скорымъ шагомъ, позабывъ о томъ, что на головѣ его сидитъ оффиціальная фуражка съ гербомъ города Кіева, совершенно неумѣстнымъ въ городѣ Черноморскѣ.

Онъ перебралъ въ головѣ всѣ четыреста честныхъ способовъ отъема денегъ и, хотя среди нихъ имѣлись такіе перлы, какъ организація акціонернаго общества по поднятію затонувшаго въ крымскую войну корабля съ грузомъ золота, или большое масляничное гулянье въ пользу узниковъ капитала, или концессія на снятіе магазинныхъ вывѣсокъ, — ни одинъ изъ нихъ не подходилъ къ данной ситуаціи. И Останъ придумалъ четыреста первый способъ.

«Взять крѣпость неожиданной атакой не удалось, — думалъ онъ, — придется начать правильную осаду. Самое главное установлено. Деньги у подзащитнаго есть. И, судя по тому, что онъ не моргнувъ отказался отъ десяти тысячъ, — деньги огромные. Итакъ, ввиду недоговоренности сторонъ, засѣданіе продолжается».

Онъ вернулся домой, купивъ по дорогѣ твердую желтую папку съ ботиночными тесемками.

— Ну? — спросили въ одинъ голосъ истомленные ожиданіемъ Балаганов и Паниковскій.



«...Дѣло Александра Ивановича Корейко. Начато 5 іюня 1930 года. Окончено ...дня... 193... г.»

Останъ молча прошелъ къ бамбуковому столику, положилъ передъ собой папку и крупными буквами вывелъ надпись:

«Дѣло Александра Ивановича Корейко. Начато 5 іюня 1930 года. Окончено... дня 193...г.»

Изъ-за плеча Бендера на папку смотрѣли молочные братья.

— Что тамъ внутри? — спросилъ любопытный Паниковскій.

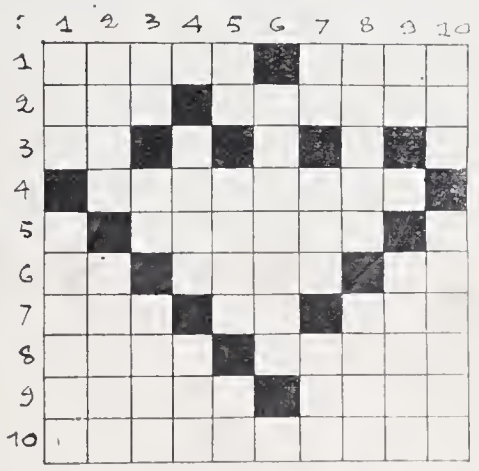
— О! — сказалъ Останъ. — Тамъ внутри есть все: пальмы, дѣвушки, голубые экспрессы, синее море, бѣлый пароходъ, мало-поношенный смокингъ, лакей-японецъ, собственный бильярдъ, платиновые зубы, цѣлые носки, обѣды на чистомъ животномъ маслѣ и, главное, мои миленькіе друзья, слава и власть, которую даютъ деньги.

И онъ раскрылъ передъ изумленными антилоновцами пустую папку.

К о н е ц ъ.

КРЕСТОСЛОВИЦА № 11.

ЗОСТАВИЛЪ МИЧМАНЪ ДЫРКА



Горизонтально:

1. Родъ проса. — Знаменитъ близнецами. 2. Едва — Походный храмъ. 3. Мѣстоименіе. 4. Слово, навязшее въ зубахъ въ связи съ франко - германскими переговорами. 5. Выпала на насъ всѣхъ — бѣженцевъ. 6. Русская рѣка. — Ваша бабушка, читатель, по материнской линіи по отношенію къ брату или сестрѣ вашей матери. — Первое слово извѣстнаго евангельскаго выраженія, состоящаго всего изъ двухъ словъ. 7. Предлогъ. — Союзъ, часто разрушающій иллюзіи. Его тщетно добиваются народы. 8. Когда она сердечная, — она скоро заживаетъ. — О нихъ никогда еще никто не мечталъ. 9. Мелетъ, когда его недѣля. — На сѣверѣ замѣняетъ лошадь. 10. Моллюскъ, весьма полезный въ приготовленіи красокъ.

Вертикально:

1. Спортивный терминъ: состоитъ всего изъ шести частей, если противникъ никуда не годится. — Часто обижаетъ того, къ кому онъ относится. 2. Историческое лицо: доказалъ на собственномъ опытѣ, что отъ судьбы не уйдешь. — Индусское божество. 3. Имя острова, связаннаго съ уголовнымъ міромъ. — Межъ-доміе. — Карта, радующая сердце бриджера. 4. Умноженная на одно изъ однозначныхъ чиселъ, составляетъ цѣлое. — Женское имя. 5. Земная — не существуетъ, хотя о ней учатъ. — Полуостровъ въ Азіи. — Тибетское животное. 6. Городъ въ Россіи. 7. Нота. — Наразитъ: играетъ большую роль въ муравьиномъ царствѣ. — Мѣра вѣса или библейскій мужъ. 8. Страна чудесъ. — Ихъ боятся мореплаватели. 9. «Любовницѣ подобно» (Пушкинъ)». — Имъ торговалъ некрасовскій коробейникъ. 10. Необходимая принадлежность большинства спортивныхъ игръ. — Предметъ уходящаго быта, хотя Шварцъ его и не нарисовалъ (см. ном. 17 «Сатирикона»).

РѢШЕНІЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 10.

Горизонтально:

1. Ракъ. 6. Увы. 8. Россомаха. 9. Брр... 10. Искъ. 12. Анъ. 13. Уа. 14. Капъ. 17. Ле. 18. Адъ. 19. Бріанъ. 20. Вѣрность. 21. Полъ. 22. Одръ. 26. Передоновъ.

Вертикально:

2. Арбузъ. 3. Кора .4. Осипъ (изъ «Ревизора»). 5. Ямка. 6. Ухарь. 7. Банты. 9. Оскомина. 15. Мебель. 16. Пансо («Донъ-Кихотъ»). 20. Во. 21. Пупъ. 23. Ровъ. 24. Ре. 25. До.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Филиппу К. — Рисунки очень приличные, даже можно сказать дѣтскіе.

Т.-е. въ томъ смыслѣ, что и дѣти могли-бъ такъ нарисовать.

Дальнѣйшее ясно.

Г. М. А. — Стиховъ вашихъ мы не оцѣнили.

Зато сопроводительное письмо прочитали съ великимъ вниманіемъ.

Уже одно то, что вы требуете по десять франковъ за строку стиховъ и пять за прозу, свидѣтельствуетъ, что у васъ есть большое чувство юмора...

Но такъ какъ мы тоже по профессіи юмористы, то вотъ и отвѣчаемъ: ни сантима!...

Джеку-Потрошителю. — Не подошло.

К. Н. — Напоминаемъ вамъ извѣстную малорусскую пословицу:

«Не трать, кумо, силы... опускайся на дно!»

П. Филиберу. — Рисунки очень хороши. Непремѣнно воспользуемся.

Редакторъ-издатель: **М. Г. Корнфельдъ.**

ДЛЯ СЛАБЫХЪ И ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХЪ

MAISON DE REPOS

Doctoresse B. LEVANTISSE

Діэтическій столъ. Прекрасный уходъ. Комфортъ модернъ. Большой садъ. Гидротерапія, Массажъ, Гимнастика. Ультра-фіолетовые лучи, Діатермія.

Постоянное дежурство врача
Комната съ полнымъ пансіономъ, включая уходъ и пр. отъ 50 фр. въ сутки.

(5 минутъ отъ Porte Champerret около 25, Bd Bineau)

42. rue Parmentier. NEUILLY s/s

Téléphone: MAILLOT 10-84

PARAMÉ (Ille-et-Vilaine)

Hôtel de l'Union

Прекрасный пляжъ для купанія. Хорошая кухня

Августъ 32 - 36 фр., Сент. 26 - 28 фр.

Pension de Famille

68bis, rue du Château, Asnières

Тишина. Садъ. Полный комфортъ. Ванная комната.

35 - 45 фр. въ день

Grésillons 21 - 44

BERCK-PLAGE PENSION MILA

12. rue Lavoisier

въ 2-хъ шагахъ отъ пляжа

ХОРОШІЙ ПИТАТЕЛЬНЫЙ СТОЛЪ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ

Паста - Порошекъ - Эликсиръ ESKA

по форм. С. С. Кострицкаго б. зубн. врача Госуд. Импер.

Наилучшія, научно - обоснованныя средства для ухода за зубами и полостью рта

Продаются только въ аптекахъ

Laboratoires ESKA, A. Hobchette
Dr. en Pharmacie.
76, rue Orfila, PARIS (20)

AUTO-ECOLE MARBEUF

GARAGE MARBEUF

Concessionnaire Citroën

32-34, rue Marbeuf (Champs-Elysées), Tél. : Elysées 58-83 et 97-61 et la suite. Métro : Marbeuf et Rond-Point des Champs-Elysées.

Самая большая русская автомобильная школа.

Carte-rose. Grande - remise. Poids-lourd. Cours de mécanique. Papiers-taxis.

Уроки на спец. терассѣ нашего гаража, въ Булонск. лѣсу и въ городѣ отъ 8-ми час. утра до 9-ти ч. в. на машинахъ посл. моделей съ прав. и лѣв. управлен. Приходите осмотрѣть нашъ гаражъ въ 10 этаж. на 1000 машинъ, самый большой въ Парижѣ, въ районѣ Шанъз-Элизе и нашу школу, оборудованную по послѣдн. слову автомобильной техники.

Зубоврачебн. кабинетъ М. Когенъ

D. F. M. P.

8, Rue Duban (16). Pl. Passy. Auteil 95-14

Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6. Остальные дни 10-8 час. веч.

Юридическій Кабинетъ

БЮРО ОФФИЦІАЛ. ПЕРЕВОДОВЪ

Консультаціи и выполн. всѣхъ формальностей предписан. новымъ закономъ и соціальн. страх., исключ. утромъ до 12 съ половиной час.

MARC BILLIS et FILS

присяжный переводчикъ при Парижскомъ трибуналѣ и кандидатъ правъ (Парижскаго университета).

24. rue Laffitte. Paris.

Tél. : Provence 84-56. Métro Opéra.

Пріемъ отъ 9 до 12 и отъ 2 до 6.30 ч.

Существуетъ въ Парижѣ съ 1864 г.

Говорятъ по русски.

TOUT DERNIER CONFORT
ASCENSEUR - CHAUFFAGE CENTRAL - CHAMBRES avec BAINS - EAU CHAUDE ET FROIDE

Tél. VAUGIRARD 10-77
Télégr. Hotelef 5 Paris

PENSION-HOTEL DE LA PORTE DE VERSAILLES

15, rue de la Grotte PARIS (15e)

Angle du Boulevard Lefebre - Près la Foire de Paris)

Nord Sud : Porte de Versailles - Aut. : Aut. A. G. Bourse - Tram. : 89 Hôtel de Ville

Дав. Е. Каганъ

Кандидатъ Парижск. Унив.

Взысканія, уставы общ-въ, разводы и проч.

новый адресъ :

8, square Port Royal (13)
(15, rue de la Santé)

Téléphone Gobelins 61-95

пріемъ 10—12 и 6—8 ч. веч.

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ

„НАША РѢЧЬ“

издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.

Редакторъ-Издатель: **С. М. ГАЗІЕВЪ.**

Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse*. Въ Парижѣ — въ « *Publicité Metzl* », *Rue de Turbigo*, 51, *Paris VIIIe* и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ «Нашей Рѣчи» С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier*, 7, *Paris IXe*.

Новыя книги

Н. Городецкой „Мара“

Романъ Издат. « Москва »

„Les mains vides“

съ предислов. А. И. Куприна

Изд. St.-Michel

А. С. ШАПИРО

Петр. Прис. Пов. licencié en droit

Налоги, патур., уставы, Prud'hommes

11, rue Mogador, tél. Centr. 11-35.

Ежедн. 11-12 и 5-6 ч., суб. 11-12 ч.

ПРИ РЕДАКЦІИ « С А Т И Р И К О Н А » ОТКРЫТЪ

Книжный Складъ

Читатели и подписчики «Сатирикона» могутъ выписывать черезъ Книжный Складъ

ЛЮБЫЯ РУССКІЯ КНИГИ, ПОЯВИВШІЯСЯ НА КНИЖНОМЪ РЫНКѢ.

Стоимость книги (по каталогу) можетъ быть выслана переводомъ по почтѣ, банковскимъ чекомъ или въ заказномъ письмѣ въ мѣстной валютѣ по курсу дня

Лица, выписывающія книги изъ книжнаго склада « С а т и р и к о н а » ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.

Подписчики «Сатирикона» пользуются скидкой въ размѣрѣ 10% съ цѣнъ, указанныхъ въ каталогахъ.

С П И С О К Ъ № 2 (Цѣны въ французскихъ франкахъ)

АЛДАНОВЪ. Тетралогія «Мыслитель»:

1. Девятое Термидора	45.50
2. Чертовъ мостъ	45.50
3. Заговоръ	45.50
4. Елена — маленькій островъ	20.80
Въ четырехъ колепк. переплетахъ	221.—

АЛДАНОВЪ. Ключъ	45.50
— Бѣгство (въ печ.)	
— Портреты	26.—
— Загадка Толстого	9.35
— Огонь и дымъ	10.—

Всѣмъ желающимъ высылается безплатно полный каталогъ вышедшихъ за-рубежомъ книгъ и журналовъ.

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII. Цѣна отд. ном. 1 шилл.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8. Цѣна отд. ном. 20 л.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tel. Barbarossa 4881. Postscheckkonto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГРЕЦІЯ.	Афины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitorv, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 70 л. с.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko,* Khiabané Post Hané Kouteha Beha es Saltaneh N°4. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovie. Цѣна отд. ном. зл. 1.35.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré. Цѣна отд. ном. 25 лей
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York.
	Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra. Цѣна отд. ном. 25 піастр.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors. Ц. отд. ном. ф. м. 6.50
	Выборгъ. — *Ivankov,* Linnankatu, 8, Wiiborg.
	Келломяки. — *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel Ц. отд. п. К. Ч. 5.50
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon,* Goldschmiedstrasse, Reval.
	Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 70 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre,* Ul. Kn. Mihailova br. 27.

IMPRIMERIE
COOPÉRATIVE ÉTOILE
17, Rue de la Comète
Téléphone : Invalides 11-50
PARIS (7)
R. C. S. 227.770
Métro : La Tour-Maubourg
TOUS GENRES DE TRAVAUX
EN TOUTES LES LANGUES

СТАРАЯ МЕБЕЛЬ
Большой выб. всевозм. мебели. Меб. КРАСН. ДЕРЕВА, Empire, Louis Phil. и совр. Цѣны искл. дешевыя, возмож. разсрочка платежа. Предупредить о посѣщ. предп. до 15 ч.
А. А. СТАХОВИЧЪ въ Аньерѣ:
8, 12, rue Nanterre, 33, rue Franklin. Tél. Gresillon 10-96.
8 мин. электр. поѣз. отъ Сэнъ-Лазарь, 2 мин. отъ вокзала Asnières (côté Asnières).

У ДИМЫ УСОВА
въ ресторанѣ "ДЖИГИТЪ"
19, Boulevard Edgard-Quinet
Музыка. Пѣніе. Танцы. ежедневно играетъ Михаилъ Бурже
Prix fixe 7.50 до 9 часовъ вечера и à la carte
Ресторанъ всѣгда открытъ всю ночь

РЕСТОРАНЪ
"CHEZ KORNILOFF"
6, rue d'Armaillé между avenue Carnot и des Ternes
(Tél. Carnot 52 - 49
Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ влад.
Ф. Д. КОРНИЛОВА.
Prix-fixe Завтракъ — 15 фр.
Обѣдъ — 20 фр. и à la carte
ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА :
Среда — ботвинья; четв. — чахохбили; пятн. — царскій студень; субб. — разсольникъ; воскр. — поросенокъ; пон. бефъ-бун; вторникъ — пельмени.
Ежедн.: кулебяка, блины, осетрина, рябчики, чахохбили, гурьев. каша
Самый элегантный и уютный русско-французскій ресторанъ Парижа

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ Л. РИХТЕРЪ, Рига
Представительница Е. Михайловская
9, rue Auguste Vitu, Paris (15). Métro Javel. Tél. Vaugirard 65-59.
САМЫЯ ДЕШЕВЫЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ
Нѣкоторыя цѣны за килограммъ
Масло сливочное въ жестянкѣ **22** фр. **50**. **Грудинка 16** фр.
Сало свиное въ жестянкѣ **16** фр. **Колбаса** сухая 1 с. **28** фр. **50**
Упаковка, страховка, отправка за 5 к. **25** фр., за 10 к. **50** фр.
Пріемъ заказовъ ежедн. не исключая воскр. и праздн. съ 9 ч. у. до 9 ч. веч.

ПЕРЕВОДЫ и ПОСЫЛКИ въ РОССІЮ
не бывало выгодныхъ условій!
Переводы съ ручательствомъ за выплату въ 15 дней.
BANQUE pour l'ARBITRAGE et COMMISSION
6, Rue Buffault. PARIS (9e) Tél. Provence 95-20 и 95-21

Общество взаимнаго Кредита "СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). Tél. Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрышн. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер

Денежные переводы
и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9

Прошедшее, настоящее и будущее
Извѣстная Ясновидящая
пріемъ ежедневно, кромѣ воскрес. 3—7 ч. веч.
Mme Cherbatoff
10 rue Froidvaux, второй этажъ рядомъ съ метро Denfert Rochereau

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ принимаетъ
Комитетъ Помощи Голодающимъ въ Россіи (Comité Russe de Secours)
7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9)
M-o Clichy. Tél. Trinité 23 92 et la suite
Пріемъ исключительно отъ 3 7

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала контора журнала
САТИРИКОНЪ
проситъ г.г. подписчиковъ, срокъ подписки коихъ истекаетъ, ВОЗОБНОВИТЬ ЕЕ заблаговременно

РУССКАЯ МАСТЕРСКАЯ ДАМСКОЙ И МУЖСКОЙ ОБУВИ НА ЗАКАЗЪ
MAX
10, Rue Edmond Roger yr. Rue Violet, PARIS (XVe)
Téléphone Vaugirard 52-15.

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), téléph. Inval. 11-50 Le Gérant : *N. Kornfeld.*

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ И ЮМОРА

Сатирикон'

Отъ редакціи

Для того, чтобы сдѣлать **«Сатириконъ»** своей настольной книгой, надо:

— прежде всего аккуратно складывать его номеръ за номеромъ;

— затѣмъ, всѣ собранные номера переплести въ изящный переплетъ;

— а въ концѣ подписного года посмотрѣть на себя въ зеркало, и въ восторгѣ воскликнуть:

— Боже, какое у меня одухотворенное выраженіе лица и какой тонкій взглядъ на вещи!

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи . . . . . Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ странахъ, вход. въ составъ Всем. Почтоваго Союза	160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза	177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**

Téléphone: GUTENBERG 05-40

PRIX EN FRANCE : Frs 3. – 15 АВГУСТА 1931. 15 AOUT 1931. ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

САТИРИКОНЪ

SATYRICON

1931

Hebdomadaire Russe

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

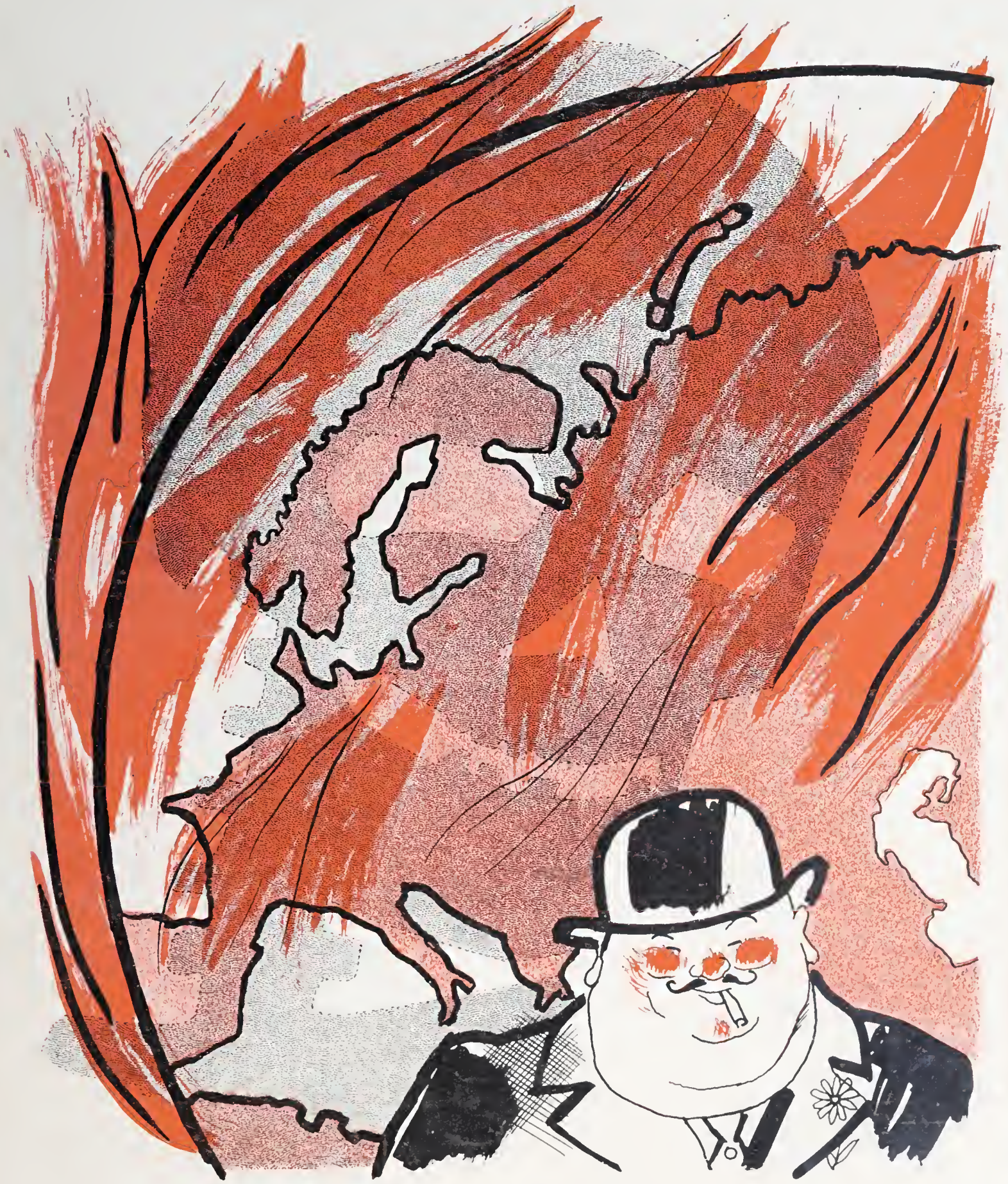
Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)

№ 20

Directeur M. Kornfeld

БЛАЖЕНЪ КТО ПОСѢТИЛЪ...

Рис. А. Шараю.



Блаженъ кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя...

Тютчевъ.

Heureux qui a connu ce monde à ses heures tragiques...

F. TIOUTCHEFF.

Рис. Чуба.

СКАЗКА ПРО КРАСНАГО БЫЧКА.

За годомъ годъ
Коллективный красный кретинъ
Съ упорствомъ сознательной прачки
Травилъ интеллигентовъ:
«Вредителей» къ стѣнкѣ,
«Спецовъ» по шапкѣ,
Профессоровъ въ Соловки,
Науку подъ ноготь...
Каждый партійный маляръ
Клалъ на кафедру ноги,
Дирижировалъ университетами,
Директорствовалъ на заводахъ...
Какъ дикій кабанъ на капитанскомъ мостикѣ,
Топтался на одномъ мѣстѣ:
Смыкалъ ножницы,
Склеивалъ слюной бѣшеной собаки
Прорывы и « неувязки», —
Плакаты! Плакаты! Лозунги! Фронты!
Чучело Чемберлена!...
Въ итогѣ — пошехонскій,
Планетарный, бездарный
Шишъ...
Партійные Иванушки-Дурачки въ кепкахъ
Даже и не подозрѣвали,
Что каждая гайка въ каждомъ станкѣ
Изобрѣтена интеллигентскими мозгами,
Что въ каждомъ штепселѣ —
Залежи ума и горы знанія,
Что поколѣнія зрячихъ, одно за другимъ,
Въ тиши кабинетовъ,
Въ лабораторіяхъ,
Изобрѣтали, числили, мѣрили,
Чтобъ изъ руды, изъ огня, изъ бурой нефти
Сдѣлать человѣку покорныхъ слугъ...
Иванушки-Дурачки
Сѣли задомъ напередъ на украденный тракторъ,
Партійный Стенька Разинъ свистнулъ въ два пальца, —
Черезъ ухабы, чрезъ буераки
Напроломъ по башкирско-марксистскому компасу:
«Изъ за острова... влѣво.. на стержень,
Къ чертямъ на рога! Вали!»
И вотъ, когда ржавый тракторъ
Свалился кверху колесами въ смрадную топь,
Когда въ деревняхъ не стало ни иглы, ни гвоздя,
Когда серпъ и молотъ можно было увидѣть
Лишь на заборныхъ плакатахъ,
Когда свои интеллигенты, Святые Дурни,
Сдавленные партійными задами,
Связанные по рукамъ и ногамъ,
Хрипѣли подъ досками, —
Тогда красные ослы призвали
Спецо - варяговъ :
«Тройной окладъ! Отборное меню!
Барскія квартиры за проволочными загражденіями!
Оазисы сытаго буржуазнаго житія
Средь нищей пустыни!
Стройте! Гоните! Сдавайте мозги на прокатъ, —
Свои заплевали... Чужіе надежнѣй...»
И вотъ потянулись изъ разныхъ странъ
Высокопробные роботы:
Китай, Гвинея, Совѣтская-ль Вотчина, —
Деньги не пахнутъ, икра не смердитъ,
Соловецкихъ стоновъ не слышно...
Заводъ на заводъ! Этажъ на этажъ!
Электрическій трестъ для выдѣлки масла
Изъ трупныхъ червей!
Небоскребы изъ торфа! Свинецъ изъ трахомы!
Крематоріи съ самоновѣйшимъ комфортомъ
Для политкаторжанъ!
Самогонъ изъ мощей Ильича! Перегонимъ Америку!..
И снова шишъ... Стоэтажный шишъ,
Грандіозный, совѣтскій, сталинскій шишъ...
И снова кличъ:
«Милость безпартійнымъ!
Пощада интеллигентамъ!
Амнистія мозгамъ!
Выдать пострадавшимъ и недомученнымъ премію
Отъ тысячи до десяти тысячъ рублей
(По разсчету — за каждый плевокъ по копѣйкѣ), —
ГПУ утираетъ обиженнымъ слезы,
Сталинъ прижимаетъ спецовъ къ косматому сердцу,
Варяги укладываютъ чемоданы,
Горькій, проклинавшій на прошлой недѣлѣ интеллигентовъ,
Объявляется уклонистомъ,
Партійные маляры почесываются на командныхъ высотахъ, —
Гремитъ Интернаціоналъ!
Гремитъ Интернаціоналъ! Красный штандартъ скачетъ!
Пятилѣтка задомъ напередъ взлѣзаетъ
На старый, изломанный тракторъ
И сказка про краснаго бычка начинается сначала...

А. Черный.

●

СЕРЬЕЗНОЕ ВОЗРАЖЕНІЕ.

— Я не понимаю, почему всѣ ваши дяди и тетки противъ того, чтобы вы вышли за меня замужъ?

— Да понимаете ли ихъ пять человѣкъ, а у васъ только двухмѣстный автомобиль.

РЕЗОНЪ.

— Я бы могъ одолжить вамъ сто франковъ, но, знаете, одалживаніе денегъ такъ портитъ хорошія отношенія.

— А когда это мы были съ вами въ хорошихъ отношеніяхъ?

«СОНЪ КООПЕРАТОРА».

Веселая совѣтская оперетка для буйно и тихо помѣшанныхъ.

Въ цѣляхъ кооперативной пропаганды рѣшена постановка «кооперативной оперетки».

(Молодой кооперативный теноръ спитъ, и поетъ со сна):

— Судьбою посланъ мнѣ паекъ!...
Ахъ, сколь судьба пріятна наша...
Позвольте сдѣлать вамъ намекъ,
Что тотъ паекъ зовется... Маша!!!

(Беретъ верхнее до и начинаетъ бредить).

Появляется Маша, сопрано въ нѣсколько берковцевъ:

– Я къ вамъ пришла, чего же болѣ?...
Пришла съ надеждами на бракъ.
Пришла сама, по доброй волѣ,
А вы... вы спите, какъ тюфякъ!...

(При помощи подъемнаго крана и лебедки начинаетъ носиться по сценѣ, такъ какъ постановка конструктивная...)

Теноръ, продолжая спать, протягиваетъ руки къ летающимъ берковцамъ:

— Я жажду бури и грозы,
Я жажду молній ослѣпленья
Какіе дивные низы
И вообще, и въ смыслѣ пѣнья!..
«Не пой, красавица, при мнѣ»
Ты пѣсенъ кооперативныхъ!...
«Напоминаютъ мнѣ онѣ»
Моихъ соперниковъ противныхъ!...

(Сопрано проваливается въ открытый люкъ и исчезаетъ... такъ какъ постановка феерическая).

На сценѣ веселый хоръ ревнителей сельско-хозяйственной кооперацiи.

Х о р ъ.

— Мы не сѣемъ и не жнемъ,
Ни о чемъ не тужимъ,
Зато весело живемъ,
Потому что служимъ!...

(Въ это время появляется второй хоръ, хоръ - очередь, или хоръ - хвостъ).

Х о р ъ - Х в о с т ъ.

— Мы бѣдняки,
Мы батраки,
— Мы мужики,
Мы жнемъ и сѣемъ...
Но ни портковъ,
Но ни штановъ,
Ни зипуновъ
Мы не имѣемъ!...

(Хоръ ревнителей поворачивается лицомъ къ деревнѣ и спиной къ зрителямъ).

Между обоими хорами происходитъ совершенно безмолвная, но рукопашная сцена, такъ называемая мимо-драма.

Отъ окружающаго безмолвія спящій кооператоръ просыпается, и бодрымъ речитативомъ успокаиваетъ обѣ стороны:

— Дорогіе граждане обоего пола
Отъ сохи и комсомола!
Говорю вамъ кратко:
— Довольно, сволочи, безпорядка!...
Не погрязайте въ безчинствѣ,
Помните о партійномъ единствѣ,
Ибо распри это бичъ,
Какъ говорилъ покойный Ильичъ,
Добавляя при этомъ:
— Съ кооперативнымъ привѣтомъ!...

(Теноровая партія отрезвляюще дѣйствуетъ на восторженную толпу пейзанъ и кооператоровъ, которые, взявшись за ручки, дружно танцуютъ юбилейный танецъ серпа и молота, въ то время какъ зрители, за отсутствіемъ въ театрѣ автора, дружно избиваютъ кассиршу...)

К. Страшноватенко.

ВЪ ЖАРКІЙ ДЕНЬ.

Рис. Н. Ильина.

— Enfin seule !...

ВИЛЛА «МАРИ-ЛУИЗЪ».

Жандармъ Тушату попросилъ доложить о себѣ бригадиру.

— Что-нибудь случилось, Тушату? — почти обрадовался бригадиръ.

Ужъ очень мало происшествій случалось въ фешенебельномъ, состоящемъ изъ красивыхъ виллъ и населенномъ состоятельными людьми мѣстечкѣ близъ Парижа. Другимъ бригадирамъ представлялись случаи отличиться и выдвинуться. Къ другимъ бригадирамъ пріѣзжали изъ Парижа репортеры. Портреты другихъ бригадировъ появлялись въ «Детективѣ». Но въ Пети Тру сюръ-Сенъ жандармскіе бригадиры доживали до пенсіи и отставки, такъ и не попавъ ни разу въ газеты.

— Что-нибудь случилось, Тушату? — обрадовался бригадиръ.

— Ничего особеннаго, — разочаровалъ своего начальника жандармъ, — но только вотъ не нравится мнѣ что-то вилла «Мари-Лузъ» г. Боннишона. Вчера проѣзжалъ я мимо на велосипедѣ въ семь часовъ вечера, — смотрю вся вилла освѣщена какъ для бала. Во всѣхъ трехъ этажахъ свѣтъ горитъ, въ залѣ большая люстра. Даже въ подвалѣ все освѣщено. Я еще сказалъ остряку Дюпанлу, который былъ вмѣстѣ со мною въ нарядѣ: «Смотри, месье Боннишонъ какъ освѣтился. Словно у него званый обѣдъ или балъ». А Дюпанлу сказалъ: «Навѣрно папаша Боннишонъ запонку потерялъ и подъ всѣми мебелями ищетъ...»

— Тушату, — нетерпѣливо сказалъ бригадиръ, — нельзя-ли поближе къ дѣлу? Какое мнѣ дѣло, что сказалъ этотъ дуракъ Дюпанлу. Что тамъ случилось на виллѣ г. Боннишона? Говори толкомъ.

— Да въ томъ-то и дѣло, — отвѣтилъ жандармъ, — что ровно ничего не случилось, а между тѣмъ не нравится мнѣ эта вилла и не нравится. И вамъ, г. бригадиръ, не понравится, если вы позволите мнѣ досказать.

— Говори, Тушату, — пожалъ плечами бригадиръ.

— Второй разъ, — продолжалъ Тушату, — я проѣзжалъ мимо виллы «Мари-Луизъ» въ два часа пятнадцать минутъ ночи. Картина была та же самая. Вся вилла горѣла. Я слѣзъ съ велосипеда и постоялъ минутъ десять. Горитъ! Я совсѣмъ уже рѣшился было позвонить, чтобы узнать, не случилось ли чего, но вдругъ вижу, по залу во второмъ этажѣ проходитъ самъ г. Боннишонъ, въ пижамѣ, съ сигарой, совершенно спокойно. Потомъ онъ прошелъ въ комнату съ задняго фасада: кажется, у него тамъ спальня. Я обошелъ низомъ тоже вокругъ.Слышу, г. Боннишонъ «Рамона» насвистываетъ. Ну, рѣшилъ, что у меня нѣтъ никакихъ основаній совать свой носъ въ это дѣло и поѣхалъ домой. А между тѣмъ въ семь часовъ утра приходитъ ко мнѣ молочница. Я знаю, что она проходитъ мимо виллы «Мари-Луизъ» и спрашиваю ее: «Что, на виллѣ «Мари-Луизъ» все спокойно?» Она говоритъ: «Я ничего не замѣтила, а только странно, что она вся освѣщена словно глубокой ночью».

Получивъ это свѣдѣніе, я счелъ своимъ долгомъ явиться къ вамъ, г. бригадиръ, въ срочномъ порядкѣ и доложить. Не будетъ ли съ вашей стороны по поводу этого необычайнаго случая какихъ-либо указаній или прямыхъ инструкцій?

Тушату щелкнулъ каблуками и вытянулся.

— Случай странный, — задумчиво сказалъ бригадиръ. Не вызывающій прямого вмѣшательства полиціи, но странный и наводящій на размышленія. И очень деликатный случай. Я самъ возьмусь за его разслѣдованіе. Слетай поскорѣе и узнай, что говорятъ сосѣди г. Боннишона. Мясника разспроси. Тамъ, кажется, наискосокъ есть парикмахерская. Хорошенько разспроси и парикмахера. Парикмахеры всегда все знаютъ.

Тушату вернулся съ подробнымъ докладомъ:

Г-жа Боннишонъ уѣхала недѣль шесть назадъ на курортъ и забрала съ собой большой автомобиль, шоффера и горничную. Прислуга на виллѣ вся распущена на вакансы. Осталась только старушка, жена садовника. Г. Боннишонъ ничего ненормальнаго въ своемъ поведеніи не проявляетъ. Утромъ уѣзжаетъ на своемъ маленькомъ Рено въ городъ и возвращается очень поздно. Обѣдаетъ, повидимому, въ городѣ. Повидимому, онъ здоровъ и въ отличномъ настроеніи.

— Хорошо, — сказалъ бригадиръ внимательно выслушавъ докладъ. — Я беру этотъ деликатнѣйшій случай въ свои руки. Если тутъ кроется тайна, я ее обнаружу.

Въ девять часовъ вечера, бригадиръ, положивъ на всякій случай въ карманъ запасный маленькій револьверъ, отправился съ жандармомъ Дюпанлу въ сторону виллы «Мари-Луизъ». Не успѣли жандармы завернуть на улицу, въ концѣ которой стояла вилла, какъ имъ бросился въ глаза ярко освѣщенный передъ нею тротуаръ. Жандармы добрались до виллы и перешли на противоположную сторону. Всѣ окна виллы отъ чердака до подвала были ярко освѣщены. Мало того: горѣли и всѣ фонари въ саду. Бригадиръ обошелъ виллу кругомъ, заглянулъ въ маленькое окошечко гаража и отпрянулъ. Ему ударилъ въ глаза свѣтъ лампы по крайней мѣрѣ въ пятьсотъ свѣчей, спускавшейся на простомъ шнурѣ съ потолка.

— Это мнѣ не нравится, — сказалъ бригадиръ. — Тутъ пахнетъ чѣмъ-то нечистымъ.

— Вы совершенно правы, г. бригадиръ, — отозвался острякъ Дюпанлу.

— Это дѣло черезчуръ свѣтлое, чтобы не быть темнымъ.

— Не собирается ли г. Боннишонъ устроить у себя на виллѣ пожаръ, вызвавъ искусственнымъ путемъ короткое замыканіе тока? — сказалъ бригадиръ.

— Это очень вѣроятно, — подтвердилъ Дюпанлу и, вѣрный себѣ, прибавилъ:

— Какъ бы только короткое замыканіе тока не привело г. Боннишона къ долгому замыканію въ тюрьмѣ.

Бригадиръ подумалъ съ минутку и принялъ рѣшеніе.

— Вотъ что, Дюпанлу, — сказалъ онъ. — Ты останься здѣсь, а я позвоню и попробую объясниться съ г. Боннишономъ, если онъ дома, или со старухой. Но будь на чеку. Дюпанлу и внимательно прислушивайся.

И съ этими словами бригадиръ рѣшительно нажалъ кнопку звонка.

Нѣкоторое время не было отвѣта. Потомъ послышалось мягкое шлепанье туфель въ корридорѣ, потомъ раздались голоса. «Сюзанна, — донеслось до бригадира, — идите себѣ, я самъ открою. Это вѣрно телеграмма...»

Г. Боннишонъ открылъ дверь и вмѣсто телеграфиста увидѣлъ на порогѣ бригадира.

— Виноватъ?... — вопросительно сказалъ онъ.

— Это я виноватъ, — отвѣтилъ бригадиръ, внимательно вглядываясь въ физіономію г. Боннишона, — но я проходилъ мимо, и мнѣ показалось, что у васъ на виллѣ не все ладно. Я и позволилъ себѣ позвонить къ вамъ въ этотъ немножко неурочный часъ, чтобы спросить васъ, не жалуетесь ли вы на что-нибудь?

Г. Боннишонъ смотрѣлъ на жандарма съ искреннимъ, повидимому, изумленіемъ.

— Я ничего, — сказалъ онъ. — У меня, такъ сказать, все въ порядкѣ. А что же вамъ, собственно говоря, показалось неладнымъ на моей виллѣ?

— Простите, — сказалъ жандармъ, — но это освѣщеніе или, лучше сказать, иллюминація... Это такъ необычно... Конечно, я ничего не говорю, но мнѣ показалось, что мой долгъ предписываетъ мнѣ зайти справиться...

— Дорогой мой бригадиръ, — сказалъ г. Боннишонъ, — ваше вмѣшательство глубоко трогательно, но, право, оно совершенно лишнее. — Чтобы васъ успокоить, впрочемъ, я могу вамъ объяснить, въ чемъ дѣло. Моя жена уѣхала на два мѣсяца въ Довилль, а потомъ въ Канны, и завтра она должна вернуться, а я передъ отъѣздомъ далъ ей слово, что я всѣ вечера буду проводить дома. А самъ я, — сами понимаете, — не провелъ дома ни одного вечера. Вотъ и все!

— Простите, но я васъ все-таки не очень понимаю, — сказалъ бригадиръ. — Все это въ порядкѣ вещей, что вы разсказываете, но зачѣмъ же эта иллюминація?

— Боже мой, бригадиръ! — воскликнулъ г. Боннишонъ.

— Я вижу, что мнѣ придется предложить вамъ распить со мною бутылочку шампанскаго, чтобы ваши административные мозги немножко прояснились. Пойдемте наверхъ... Какъ же вы не понимаете? Вѣдь жена-то сообразитъ, что я не сидѣлъ дома по вечерамъ, когда ей подадутъ счетъ за электричество за два мѣсяца въ какихъ-нибудь 28 франковъ 75 сантимовъ?!

В. Азовъ.

Подписчики «Сатирикона» за-границей могутъ высылать подписную плату переводомъ по почтѣ, банковскимъ чекомъ или въ заказномъ письмѣ въ мѣстной валютѣ по курсу дня.

КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

АЛЕКСАНДРА КОЛОНТАЙ

LES PILIERS DU RÉGIME SOVIÉTIQUE

Pour ceux qui cherchent à comprendre le sens de la Révolution Communiste

Рис. А. Шарапо.

Опора флота, и посолъ,
И авторъ книгъ «Любовь у пчелъ».

MADAME L'AMBASSADRICE A. COLONTAI

ИСТОРІЯ ПРИСЯЖНАГО ПОВѢРЕННАГО.

Рис. Г. Шильтяна.

На мотивъ Беранже.

«— Мой старый фракъ, не покидай меня!...»

●

ЭМИГРАНТСКІЯ ПРИМѢТЫ.

Играть во снѣ въ бриджъ съ эсъ-эромъ — къ зубной боли.

Собака воетъ — на квартиру набавятъ.

Попасть подъ автомобиль — къ исполненію желаній.

Чешется правая пятка — къ повѣсткѣ...

Купить подъ Парижемъ участокъ — къ безсонницѣ.

Купить въ Саль Друо кресло — къ клопамъ.

Храпѣть ночью въ отелѣ — сосѣдъ постучитъ въ стѣну.

Чихнуть въ ваннѣ — къ подпискѣ на «Сатириконъ».

Кинто.

ВЪ КАФЕ.

— Послушайте, молодой человѣкъ, съ чего это ради вы изволите смотрѣть на меня въ упоръ?

— А вы сами зачѣмъ на меня смотрите?

— Я? Я вовсе не смотрю на васъ.

— Такъ откуда вы знаете, что я на васъ смотрю?

НЕДОГАДЛИВЫЙ РЕБЕНОКЪ.

— Папа, какимъ образомъ астрономы узнаютъ, когда будетъ затменіе?

— Глупый вопросъ! Изъ газетъ, конечно, какъ всѣ.

РАЗСКАЗЫ ГОСПОДИНА ТОЩЕНКИ.

Мнѣ, братишки, разныя свѣтлыя личности очень нравятся. Ну, тамъ которые возвышенныя слова при разговорѣ употребляютъ и всякія мѣткія сравненія. Съ такими людьми пріятно побесѣдовать. Пріятно подняться выше уровня и почувствовать себя культурнымъ господиномъ, который тоже не лаптемъ щи хлебаетъ, а подхватываетъ на лету какіе-нибудь мало понятные намеки и одобрительной улыбочкой показываетъ, что и самъ вродѣ какъ съ высшимъ образованіемъ. Что и самъ окончилъ тамъ что-нибудь. Какое тамъ ни на есть привиллегированное заведеніе въ центрѣ города. Я это къ тому, что у меня пріятель имѣется — Василій Гавриловичъ. Онъ съ кѣмъ угодно можетъ въ разговорѣ сразиться и всегда собесѣдникъ уйдетъ отъ него дуракомъ. Сразу почувствуетъ, что кишка тонка и что за умственной игрой Василія Гавриловича ему не угнаться. И Боже мой — какая это тончайшая умственная игра. О чемъ съ нимъ ни заговори — онъ сразу на философію сведетъ. На Гегеля скажемъ или на какой другой яркій маякъ человѣческой культуры. Допустимъ вода изъ крана въ отелѣ перестала течь. Нижній жилецъ допустимъ послѣ работы моется и воду перехватилъ. И нѣтъ у него сукинаго сына того понятія, что верхнему жильцу тоже вода нужна. Можетъ этотъ верхній жилецъ самъ въ дрянь какую-нибудь рукой въѣхалъ и торопится экстренно руки ополоскнуть. Или можетъ онъ какой нибудь адресъ писалъ — карандашомъ подавился. И надо поскорѣй водой запить. Всякіе бываютъ случаи. А нижній жилецъ пустилъ себѣ воду и все позабылъ на свѣтѣ. Благо за нее платить отдѣльно не требуется. И вотъ посмотритъ Василій Гавриловичъ на эту домашнюю непріятность съ водопроводомъ и произнесетъ. Конечно, я не знаю, что онъ произнесетъ. Я не могу предвидѣть неожиданнаго хода его мысли. Во всякомъ случаѣ завинтитъ что-нибудь очень глубокомысленное и даже со ссылкой на историческій фактъ съ цифрой рожденія или смерти какого-нибудь дѣятеля. Но что самое главное, у Василія Гавриловича — это вѣра его въ благородство человѣческой души. И до чего онъ вѣритъ въ человѣческую душу — такъ я прямо и сказать не могу. Тутъ мое перо безсильно. Тутъ перомъ ничего не сдѣлаешь. Здѣсь только на музыкѣ можно изобразить приблизительное представленіе. На мандолинѣ, скажемъ, или фисгармоніи. Или даже на простой гармоникѣ если она трехрядная и дорогого сорта. Но я на музыкѣ не обучался. Откровенно говорю. Другой бы навралъ, что умѣетъ, а я вранья терпѣть не могу. И вотъ Василій Гавриловичъ пламенно вѣритъ въ человѣка. Скажемъ сборъ на Голодную Пятницу идетъ. Ужъ сколько разъ пробовали къ Василію Гавриловичу съ подписнымъ листомъ сунуться, а только напрасно. Нѣтъ, говоритъ, простите. Я слишкомъ вѣрю въ человѣка вообще и въ эмигранта въ частности. Эмигрантъ никогда не оставитъ безъ отклика обращеннаго къ нему призыва. Я нарочно не дамъ ни франка, потому что не сомнѣваюсь въ широтѣ русской души. А если бы сомнѣвался, то конечно бы далъ. Полный годовой окладъ пожертвовалъ бы. Ничего бы не пожалѣлъ, если бы усумнился. Даже вещи бы нѣкоторыя заложилъ или продалъ. Но нѣтъ, говоритъ, вѣрю! Вѣрю въ русскаго человѣка! И никто во мнѣ этой свѣтлой вѣры угасить не можетъ. А потому — простите — ни копѣйки не дамъ! Это бы нарушило цѣльность моего міровоззрѣнія. И такъ во всемъ Василій Гавриловичъ поступаетъ. Тутъ онъ недавно деньги нашелъ и вполнѣ сознательно никуда не представилъ. Зачѣмъ? говоритъ. Я, говоритъ, вѣрю, что никто другой такого поступка себѣ не позволитъ. Каждый уважаетъ чужую собственность. Я, говоритъ, вполнѣ могу позволить себѣ присвоить эту находку, въ видѣ исключенія. Вотъ если бы я сомнѣвался въ честности человѣчества, то конечно не только бы находку вернулъ, но даже и отъ себя бы еще въ бумажникъ нѣсколько крупныхъ билетовъ положилъ. А такъ, говоритъ, при такой вѣрѣ въ гуманизмъ, пусть эти деньжонки у меня останутся. И очень я доволенъ, что Василіемъ Гавриловичемъ дружбу имѣю.Я теперь тоже въ лучшія человѣческія достоинства увѣровалъ. Тутъ недавно жену поколотилъ. Ну,конечно, сосѣди на крикъ прибѣжали и давай совѣстить... Такъ я ихъ послалъ къ чортовой матери. Бью, говорю, эту беззащитную и слабую женщину потому, что никто другой такой подлости себѣ не позволитъ. Вотъ если бы я въ человѣка не вѣрилъ, то конечно бы до жены даже пальцемъ не прикоснулся! Ухаживалъ бы за ней бѣдненькой и пылинкѣ не далъ бы на нее упасть. Потому что кроткая она у меня и труженица и имѣ-

етъ право на преувеличенно вѣжливое обращеніе. Тутъ, братишки эмигранты, долженъ я сознаться, что мнѣ одинъ сосѣдъ въ рыло свиснулъ. Потому что онъ не понялъ философской идеи въ моемъ поведеніи и неизвѣстно чего разсердился. И такъ мнѣ здорово саданулъ, что я почувствовалъ какое то колебаніе въ моей свѣтлой вѣрѣ въ человѣка и думаю теперь пересмотрѣть мое отношеніе къ міру и произвести переоцѣнку цѣнностей.

Тощенко.

●

ЦѢЛИ ФИЗКУЛЬТУРЫ.

Худой, изможденный маленькій человѣчекъ пришелъ къ врачу, спеціалисту по физическимъ методамъ лѣченія.

— Вамъ надо укрѣпить ваши силы, — сказалъ, внимательно изслѣдовавъ паціента, врачъ. — Для этого вамъ надо дѣлать гимнастику: каждый день утромъ четверть часа. Вы начнете съ двѣнадцати присѣданій: руки въ боки, знаете, — этакъ фертомъ, — и колѣни, какъ можно шире, врозь. Потомъ 24 вращательныхъ движенія руками. Это называется «Мельница». Вы увидите, какъ это дѣлается, изъ иллюстрированной брошюрки, которую я вамъ дамъ. Затѣмъ столько же движеній взадъ и впередъ головой. Это называется «Китайскій болванчикъ». И, наконецъ, пять минутъ бѣга на мѣстѣ. И, разумѣется, всю эту гимнастику вы будете продѣлывать каждый день натощакъ и передъ широко открытымъ окномъ — зимой и лѣтомъ.

На лицѣ у паціента изобразилась кислота.

— Вотъ вѣдь какое осложненіе, докторъ, — сказалъ онъ. — Вѣдь я почему рѣшилъ заниматься гимнастикой? Именно потому, что у меня не хватаетъ силъ, чтобы открыть это проклятое окно.

●

ПОЗДНЕЕ РАЗДУМЬЕ.

(Изъ серіи «Превратности жизни»).

Я былъ воспитанъ въ школѣ дѣдовъ,
Я хорошо твердилъ урокъ, —
Мечталъ, какъ Чацкій - Грибоѣдовъ,
Громить неправду и порокъ...
Пусть будетъ міръ преступно черенъ,
Задача наша — обличать...
Но вдругъ увлекъ меня Печоринъ,
И я пріялъ его печать...
А впрочемъ — очень ненадолго, —
Не въ модѣ Байронъ былъ уже, —
Иного жребія и долга
Я очутилс̀я на межѣ...
Возможно-ль жить и празднословить,
И пить вино, и ѣсть росбратъ?
Вѣдь зло кругомъ, — поймите —
зло вѣдь,
И тяжко страждетъ меньшій братъ...
Ты помнишь, милая, какъ вмѣстѣ
Сходились мы, какъ крѣпла рѣчь, —
И какъ тебѣ — моей невѣстѣ —
Открылъ я тайну нашихъ встрѣчъ?
Да, конспираціи агентомъ
Я былъ, надъ бездною скользя...
Но русскимъ стать интеллигентомъ,
Увы, безъ этого нельзя!...
Потомъ прошло... бродя эстетомъ,
Я жилъ въ Италіи межъ скалъ,
Сталъ символистомъ и поэтомъ
И Бога всячески искалъ...
Я увлекался по сезонамъ,
Но ожидать никакъ не могъ,
Что окажусь теперь гарсономъ,
Весь день въ кафэ сбиваясь съ ногъ...
Зачѣмъ прошелъ я школу дѣдовъ,
Идеализмомъ такъ грѣша?
Чѣмъ мнѣ поможетъ Грибоѣдовъ,
Когда останусь безъ гроша?
Вотъ если-бъ могъ я мордобоемъ
Боксера ликъ расквашить въ кровь.
Намъ хорошо-бъ жилось обоимъ,
Моя жена, моя любовь...

В. Опочининъ.

СТРАШНЫЙ СЛУЧАЙ ВЪ СЕЛѢ СВЕРЧКОВѢ.

Иванъ Ивановичъ Заболтаевъ пріѣхалъ въ Сверчково къ Егору Ивановичу Густопсоеву провести денекъ въ имѣніи и, разумѣется, съ ночевкой. Послѣ завтрака, за которымъ Заболтаевъ слегка подвыпилъ, Машенька Густопсоева повела его показывать ему усадьбу. Во время осмотра Заболтаевъ нѣсколько разъ пытался поцѣловать Машеньку, но Машенька его отстраняла и угрожала, что она пожалуется отцу. Когда осматривали залъ и Машенька поднялась на цыпочки, чтобы указать Заболтаеву на висѣвшій довольно высоко портретъ своей бабушки, Заболтаевъ словчился и смачно чмокнулъ Машеньку въ бѣлый затылокъ.

— Ну, вы за это дорого заплатите, — сказала Машенька и бросилась въ находившійся рядомъ съ заломъ кабинетъ, гдѣ отдыхалъ послѣ завтрака Густопсоевъ.

— Машенька, Марья Егоровна... Ради Бога... это была просто шутка, — лопоталъ, поспѣшая за нею, Заболтаевъ.

Но Машенька влетѣла въ кабинетъ и Заболтаевъ остался въ залѣ.

— Папочка, — сказала Машенька, — Иванъ Иванычу очень хочется посмотрѣть твое новое ружье, которое тебѣ прислали изъ Москвы. Покажи ему.

— Съ превеликимъ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Густопсоевъ и, взявъ ружье, открылъ дверь въ залъ.

Черезъ полъ часа земскій врачъ, за которымъ послали нарочнаго, констатировалъ, что Заболтаевъ, когда онъ выпрыгнулъ изъ окна, сломалъ себѣ правую ногу въ двухъ мѣстахъ: у щиколотки и у бедра.

●

РАЗСУДИТЕЛЬНЫЙ БОЛЬНОЙ.

— Что же, вы такъ ни разу и не приняли лекарства, которое я вамъ прописалъ?

— А какъ же я могъ его принять, когда на бутылкѣ написано: «Держать герметически закупоренвымъ»?

●

ПРИЗРАКЪ ИНТЕРВЕНЦІИ.

Рис. Шварца.

— А въ случаѣ чего я наступаю на Францію, ты на Англію, а ты, Вася, берешь на себя Америку, и пусть знаютъ, какъ на Этуаляхъ парады устраивать!

МОРСКОЙ РАЗСКАЗЪ.

1.

Шумѣлъ прибой. Теченью вспять,
Волна у ногъ вскипала
И вновь темнѣла, и опять
Была, какъ цвѣтъ опала...
А дама, лѣтъ подъ тридцать пять,
Сидѣла, и вязала.

И въ шумѣ волнъ былъ словно всхлипъ,
Какой-то стонъ упрямый.
И былъ у дамы средній типъ —
Француженки и дамы.

И не смущалъ ея покой —
Ни шумъ, ни грохотъ бездны,
И лишь надъ бездной голубой
Мелькалъ крючекъ желѣзный.

2.

А тутъ-же рядомъ, на пескѣ,
Кокетничая торсомъ,
И съ папироскою въ рукѣ,
Слегка покрытой ворсомъ,

И моря блескъ, и солнца свѣтъ
Закрывъ надежнымъ мясомъ,
Лежала нѣмка среднихъ лѣтъ,
И хохотала басомъ.

Ей было вольно и легко
По той простой причинѣ,
Что очень розово трико,
Что очень небо сине,

Что вѣтръ ласкалъ ее морской,
И въ дымкѣ даль сквозила...
И нѣмка мокрою рукой
Себя по ляшкамъ била.

3.

Шумѣлъ прибой. Алѣлъ закатъ.
Уже сгущались тѣни.
И, зябко кутаясь въ халатъ,
И подогнувъ колѣни,

Внимала дама тихій всхлипъ
Волны, шумѣвшей въ морѣ.
И былъ у дамы русскій типъ
И двѣ слезы во взорѣ.

И обѣ были солонѣй,
Чѣмъ всѣ морскія воды,
Причемъ, одна была о ней,
Другая-жъ въ честь природы.

4.

Прошла француженка съ крючкомъ.
Прошелъ мужчина босикомъ.
На немъ ужъ нѣмка висла.
И въ тихомъ воздухѣ морскомъ
Вздыхала русская о томъ,
Что въ жизни нѣту смысла.

Донъ-Аминадо.

●

РУЧНАЯ РАБОТА.

— Подсудимый, вы нанесли потерпѣвшему тяжкія увѣчья. Какимъ орудіемъ вы нанесли ему эти раны?

— Никакого не было орудія, господинъ судья. Ручная работа.

ВЪ КРУГАХЪ ФИГУРАЦІИ.

— Ну, что ты дѣлаешь сейчасъ?

— Занятъ въ сопорномъ фильмѣ.

— Поешь?

— Нѣтъ, я играю приближающіеся тяжелые шаги въ финальной сценѣ.

ВЪ ВАГОНѢ.

Въ купэ, въ которомъ сидѣлъ желчный пожилой господинъ, влѣзла дама съ двумя дѣтьми. Дѣти сразу же начали шалить и возиться. Господинъ съ раздраженіемъ захлопнулъ книгу, которую они мѣшали ему читать, и сказалъ:

— Послушайте, сударыня, если вы не успокоите вашихъ дѣтокъ, я вынужденъ буду пожаловаться. Вѣдь ничего же дѣлать нельзя!

Мамаша вздохнула.

— Большаго горя у васъ нѣтъ, что дѣти мѣшаютъ вамъ читать? — сказала она. — А что вы скажете на мое положеніе. Когда Лиза потеряла наши билеты, Сема сломалъ оконное стекло въ корридорѣ, я забыла дома сумку со всѣми деньгами, и вообще мы попали не въ тотъ поѣздъ.

НАПЕРЕДЪ ВЫИГРАННОЕ ПАРИ.

Главная улица въ Житомірѣ. Встрѣчаются два пріятеля. «Слушайте, я съ вами держу пари, хотите, мы пойдемъ по улицѣ до городского сада, и двадцать пять человѣкъ зададутъ мнѣ одинъ и тотъ же вопросъ. На бутылку пива, хотите?»

— Ну, на бутылку пива, такъ можно.

Пріятели пошли по улицѣ, и предложившій пари обращался къ каждому встрѣчному со словами: «Вы слышали, Рабиновичъ обанкротился?»

На что каждый отвѣчалъ:

— Какой Рабиновичъ?

СОВЕРШЕННО ТОЧНОЕ УКАЗАНІЕ.

Толстый человѣкъ въ чесучевомъ костюмѣ и въ соломенной шляпѣ того фасона, который вѣчно моденъ на югѣ Россіи, подошелъ въ Москвѣ на улицѣ къ молодому человѣку, посвистывавшему, заложивъ руки въ карманы, у крыльца какого-то дома.

— Скажите пожалуйста, — обратился къ молодому человѣку провинціалъ, — какъ мнѣ попасть въ Малый Знаменскій переулокъ?

— Просто, — сказалъ молодой человѣкъ. — Сверните въ третью улицу налѣво, потомъ въ первую направо, потомъ возьмете опять направо, свернете въ четвертую налѣво, во вторую направо, въ первую налѣво, пересѣчете маленькій скверъ, возьмете налѣво и вы очутитесь въ Маломъ Знаменскомъ переулкѣ.

Провинціалъ досталъ книжку и карандашъ, попросилъ молодого человѣка повторить указанный имъ маршрутъ и пять минутъ писалъ его.

Черезъ три четверти часа, весь въ поту, провинціалъ вынырнулъ на то самое мѣсто, гдѣ произошелъ этотъ разговоръ, и увидѣлъ своего совѣтчика, продолжавшаго посвистывать у тѣхъ же воротъ.

— Послушайте, — сказалъ провинціалъ, — зачѣмъ же вы указали мнѣ невѣрный маршрутъ?

— Вы кажется спрашивали Малый Знаменскій переулокъ?

— Да. Я васъ вѣжливо спросилъ, не знаете ли вы, какъ мнѣ попасть въ Малый Знаменскій переулокъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Я вамъ далъ совершенно правильныя указанія. Вы въ него и попали.

ОПАСНОЕ МѢСТО.

— Такъ ты опять безъ мѣста?

— Ничего не подѣлаешь, пришлось таки бросить это мѣсто у Сердюковыхъ.

— А что, ругались очень?

— Нѣтъ, ругаться не ругались, да ужъ очень расчетливая публика. Кошка у нихъ подохла, они велѣли супъ для прислуги изъ нея сварить; попугай околѣлъ, приказали для прислуги рагу приготовить; обезьяна приказала долго жить, скормили прислугѣ на котлеты... Ну, а третьяго дня, понимаешь ли, у нихъ бэльмэръ померла...

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ « С А Т И Р И К О Н А »

Въ цѣляхъ наиболѣе раціональнаго распредѣленія «Сатирикона» по кіоскамъ, Гл. контора покорнѣйше проситъ гг. читателей покупать журналъ по возможности въ одномъ и томъ же кіоскѣ или магазинѣ.

Въ случаѣ, если у вашего газетчика не окажется «Сатирикона», Гл. контора проситъ увѣдомить ее по адресу:

51, rue Vivienne, Paris (II).

СЕМЬ ДНЕЙ САТИРИКОНА

Кремль. — Передъ новымъ кощунствомъ большевиковъ.

Вдали видѣнъ обреченный на сломъ храмъ Христа Спасителя.

Въ Довиллѣ. — Утренняя прогулка.

Борьба въ Японіи. — Состязаніе профессіональныхъ борцовъ въ присутствіи императора.

Жанетта Макдональдъ въ Парижѣ.

На снимкѣ Ж. Макдональдъ со своимъ женихомъ за книгой Мориса Прива, посвященной приписываемымъ ей похожденіямъ.

Малолѣтніе мотоциклисты.

Гонки въ окрестностяхъ Берлина. Подобныя гонки пользуются въ Германіи большимъ успѣхомъ.

ВЪ ВАГОНѢ.

Рис. Бора.

— Она у меня махонькая, товарищъ кондукторъ! Ей всего три года.

— Плати, плати, матушка! Это только пятилѣтка въ три года бываетъ.

Ю Н Е Р Ъ.

Въ литературной парижской газетѣ «*Les nouvelles littéraires*» есть такой иллюстрированный отдѣлъ - интервью: «*Une heure avec...*» Попасть въ этотъ отдѣлъ все равно, что получить Нобелевскую премію, только совсѣмъ не надо во фракѣ передъ шведскимъ королемъ позировать, а сиди себѣ дома: на весь свѣтъ имя, и изданіе книгъ обезпечено. А ведетъ этотъ отдѣлъ *Frédéric Lefèvre* — «лефевръ», что значитъ, человѣкъ, знающій больше всѣхъ Ларусовъ: онъ все и во всемъ — историкъ, математикъ, философъ и музыкантъ. Бесѣда ведется вопросами. И, что замѣчательно, сразу и не уловишь — очень тема сурьезная, а вчитаешься, и невольно приходитъ въ голову, что въ отвѣтахъ знаменитостей есть что-то знакомое, когда-то читанное — «Сатириконъ».

У А. А. Корнетова собрано «*Les nouvelles littéraires*» номеръ къ номеру со смерти Барреса, т.-е. со дня въѣзда Александра Александровича въ Парижъ и памятной ночи, проведенной съ чемоданами въ «домѣ свиданій», куда съ вокзала, проплутавъ по отелямъ впустую — «все занято!» — завезъ его небезызвѣстный Иванъ Козлокъ.

Находясь на положеніи «нумера» и «питаясь сомнительными матерьялами», по выраженію Достоевскаго, я этихъ «юперовъ» достаточно начитался, днюя и ночуя въ Булони у Корнетова. Изъ русскихъ я не нашелъ ни Шестова, ни Мережковскаго, ни Бердяева, хотя они и числились въ кандидатахъ на Нобелевскую премію, а равно какъ и Осоргина съ Алдановымъ, а понали только двое: Немировская, эта «вѣтвь отъ ствола Толстого и Достоевскаго», по мѣткому опредѣленію одного изъ безчисленныхъ французскихъ рецензентовъ, съ которыхъ спрашивать нечего, и Андрей Яковлевичъ Левинсонъ, художественный критикъ, извѣстный, какъ въ Россіи, такъ и заграницей; ожидается Яша Шрейберъ.

Я рѣшилъ попробовать счастья: будутъ ли мои «юперы» удачнѣе моихъ экономическихъ газовыхъ трубокъ или доведутъ до какой еще неизвѣстной, а по жучести все превосходящей «зоны» — впрочемъ, все равно, теперь я безработный, какъ сметье, дѣваться мнѣ некуда. Послѣдняя моя надежда — перебили таки у меня и этотъ проектъ: «русско-эмигрантское похоронное бюро» — собственными глазами читалъ объявленіе и въ «Послѣднихъ Новостяхъ» и въ «Возрожденіи»... «подъ руководствомъ б. директора петроградскаго центральнаго похороннаго бюро — при бюро имѣется одежда на умершихъ, русскій фасонъ гробовъ, монахини для чтенія псалтыря, заморозка умершихъ, отправка и пріемка умершихъ во всѣ страны свѣта». — «Во всѣ страны свѣта!» нечего тутъ и соваться: чтецомъ надъ покойникомъ я могу, въ факельщики тоже, а на счетъ заморозки... Такъ я и рѣшился на «юнеръ».

А. А. Корнетовъ не одобрилъ моего названія.

— Засоряете языкъ, — сказалъ А. А., — и притомъ «юнеръ» совсѣмъ не подходитъ: съ обозначеніемъ времени связывается таксировка, можно взять на часъ такси, и вообще въ играхъ, а кромѣ того французское «*une heure*» въ этомъ смыслѣ вовсе не равняется занятому или прогуленному часу, это такъ только «какъ говорится», а лучше назовите «полчаса съ такимъ-то».

Городецкая предлагала свое: «въ гостяхъ»... ну, а если знаменитость въ родѣ Алданова пожелаетъ разговаривать въ кафэ? Африканскій докторъ совѣтовалъ «визитъ».

— Ни въ гвоздяхъ, ни виситъ, — сказалъ баснописецъ Куковниковъ, — «почесалъ» хорошо, но лучше « на два слова». Поѣзжайте въ Комаръ, тамъ живетъ масло питателей — большой матерьялъ.

Василій Петровичъ, какъ свойственно всѣмъ баснописцамъ, любилъ игру словъ, а вовсе не подражалъ Джойсу, хотя и былъ большой поклонникъ и одолѣлъ «*Anna Livi Plurabelle*» по французски.

Я совсѣмъ было согласился, но меня сбилъ Балдахалъ: по русски, говоритъ, будто бы правильнѣе «на пару словъ». Нѣтъ, возьму для заглавія «юнеръ» — и звучитъ пріятно и созвучно «*iunior*»: какъ младшій подымается въ старшіе, такъ съ моей легкой руки, изъ моего «юнера» прогремятъ знаменитости на всѣ страны свѣта.

Мнѣ пришло въ голову начать съ критиковъ. Отъ Корнетова я узналъ, что въ Парижѣ четыре знаменитости: Георгій Викторовичъ Адамовичъ, Модестъ Людвиговичъ Гофманъ, Константинъ Васильевичъ Мочульскій и Николай Васильевичъ Мокеевъ.

Для провѣрки адресовъ я отправился по указанію Корнетова къ моему тезкѣ Семену Петровичу Судоку, извѣстному подъ названіемъ «залѣзшаго аптекаря». Судокъ составлялъ книжную хронику для газетъ и зналъ всѣхъ писателей. Послѣ ужъ мнѣ открыли, что занимается онъ по-преимуществу ложной информаціей и, хотя дѣлаетъ все это исключительно для оживленія рынка, свѣдѣнія его давно нигдѣ не печатаются; но тогда я ничего этого не зналъ.

Узнавъ, что я отъ Корнетова, Судокъ съ необыкновенной готовностью вызвался помочь мнѣ. И по привычкѣ, должно быть, воображать вещи, событія и имена несуществующія, какъ подлинно и безспорно существующія, называлъ меня не Полетаевымъ, а *Monsieur Lefèvre*.

Какихъ только именъ я не наслушался, да что имена! — всякаго по имени и отчеству и, конечно, подробный адресъ съ указаніемъ подъѣзда, этажа и направленія двери — «*à gauche*» или «*à droite*» — и при этомъ точный маршрутъ: трамвай, автобусъ, мэтро, сентюръ — и все это на бумагѣ разрисовалъ съ красными, синими и зелеными крестиками, означающими остановки, а стрѣлкой обозначилъ, какъ переходить улицу, а подъ стрѣлкой человѣчка, т.-е. меня, гордо выступающаго къ подъѣзду — «такъ что и консьержку не надо безпокоить!» Разрисовывая, ударился въ мелочи и подробности: кто съ кѣмъ въ сосѣдствѣ, и что вокругъ находится — строятъ ли домъ (торчитъ «кранъ») или ломаютъ или еще держится зданіе, обреченное на сломъ (подпись «руина») или гдѣ церковь близко, или кладбище, или просто кантанъ.

Увлекшись толковымъ рисованіемъ, Судокъ называлъ меня не *Monsieur Lefèvre*, а просто «*mon pot*». И попутно разсказалъ о своемъ «*copain*», тоже по информаціи, съ которымъ онъ, какъ «*frangin*», и у котораго «*le blaire*» — любую новинку изъ воздуха вынюхаетъ, а «*les arpions*» — поспѣетъ всюду, и при этомъ «*ribouis*» безсмѣнно пять лѣтъ, какъ В. В. Розановъ, а «*ses tifs*», когда, сигнализируя своимъ «*pepin*», онъ бѣжитъ за автобусомъ вскочитъ, шляпу не носитъ, какъ хвостъ кометы, и можетъ «*jaspiner*» обо всемъ, куда *Lefèvre* — *Monsieur Piedplat*, словомъ «*la caboche*» («голова»)!

Въ рукахъ у меня была карта генеральнаго штаба, но отъ пестроты, арго и мелочей разобрать ничего нельзя было, все перепуталось и всѣ имена выскочили изъ памяти. Одно только и запомнилъ и то, потому что въ училищѣ въ хорѣ пѣлъ, Бимоль: тутъ вотъ на планѣ левъ нарисованъ — это Левъ Шестовъ, а съ этой стороны скрипичный ключъ, въ родѣ нотъ, — квартира Бимоля.

Корнетовъ картой остался очень доволенъ, и самъ подрисовалъ какихъ-то фигурокъ съ нимбами: эти фигурки означали его самого, шествующаго со мною къ этому единственно - запоминившимуся Бимолю.

— Беймолю, — поправилъ Корнетовъ, — Беймоль, хотя тоже критикъ, только съ него начинать не совѣтую: дѣлу корысти не будетъ, и тѣ, кто его читалъ, и тѣ, кто ничего не читалъ, единогласно сходятся, что понять, что онъ пишетъ, ничего нельзя.

А. А. былъ въ очень хорошемъ расположеніи и чего-то смѣялся самъ съ собой и лукаво посматривалъ. Вѣрно, этотъ Судокъ чего-то тамъ смастерилъ, и такое художественное: глазамъ вѣришь, а нѣтъ ничего. А. А. и самъ большой выдумщикъ, про это всѣ знаютъ.

И я воспрянулъ духомъ: дѣло мое выгоритъ, и кто знаетъ, понемногу пріучусь, понаторѣю и со временемъ прославлюсь, ну не *Monsieur Piedplat*, а въ родѣ Лефевра. Не надо будетъ и голову ломать: въ самомъ дѣлѣ, чего еще не достаетъ русской эмиграціи? — есть «Музыкальное Общество», открыли «Похоронное Бюро», все, все, какъ было въ Россіи, развѣ что не достаетъ — «Публичный домъ?»

Остановка съ «юнерами» была чисто програмная: какіе вопросы долженъ я задавать, чтобы пыль пустить по-лефевру, т.-е. обнаружить свои познанія и разносторонность, и показать лицомъ знаменитость.

Помогая А. А. Корнетову въ хозяйствѣ, я старался думать въ направленіи вопросовъ. За нѣсколько дней у меня сложились три основныхъ.

У всякаго есть наболѣвшіе вопросы, и у меня есть такой животрепещущій: «вспомоществованіе». И мнѣ кажется, что этотъ вопросъ общій, присущій большинству русскихъ, живущихъ заграницей.

Когда объявили о «Зарубежномъ Съѣздѣ», у кого только не возникала мысль, и я со всѣми спросилъ себя: «а не будутъ ли выдавать вспомоществованіе»? И когда пріѣхалъ изъ Берлина философъ Ильинъ, и А. А. мнѣ сказалъ, что пойдемъ на лекцію, я опять невольно спросилъ себя, хотя никакого намека не было въ программѣ, все о томъ же вспомоществованіи. И когда я читалъ о переѣздѣ въ Парижъ Альфонса испанскаго и какъ ни мало русскихъ заходили къ нему на *Rue de Rivoli* съ выраженіемъ своего сочувствія, я подумалъ: вѣрно, имѣется въ виду вспомоществованіе, и не пройти ли и мнѣ? И сегодня я вырѣзалъ изъ «Послѣднихъ Новостей» — «Дѣло Нансена» и все съ тою же мыслью — нищенства, проникшаго все мое существо:

> «...опубликованъ призывъ къ созданію фонда Нансена для продолженія начатаго покойнымъ гуманитарнаго дѣла. Фондъ долженъ будетъ, между прочимъ п и т а т ь с р е д с т в а м и международное бюро по дѣламъ бѣженцевъ...»

Я подчеркнулъ «питать средствами». Это и будетъ мой первый вопросъ: «Какое ваше мнѣніе о «Дѣлѣ Нансена» и не ожидается ли выдача вспомоществованія»? Второй вопросъ долженъ обнаружить мою разносторонность: я спрошу о самой модной болѣзни, и почему идетъ дождь? Третій вопросъ мнѣ внушила литературная газета, прекратившаяся на пятомъ номерѣ за ненадобностью: эмиграція въ литературной газетѣ не нуждается! — въ этой газетѣ была анкета: «Какое произведеніе вы считаете самымъ выдающимся за послѣднее пятилѣтіе», а я спрошу — «какое самое скучное»? И послѣдній вопросъ: «Какъ вы работаете»? — безъ этого ни одинъ Лефевръ не обходится.

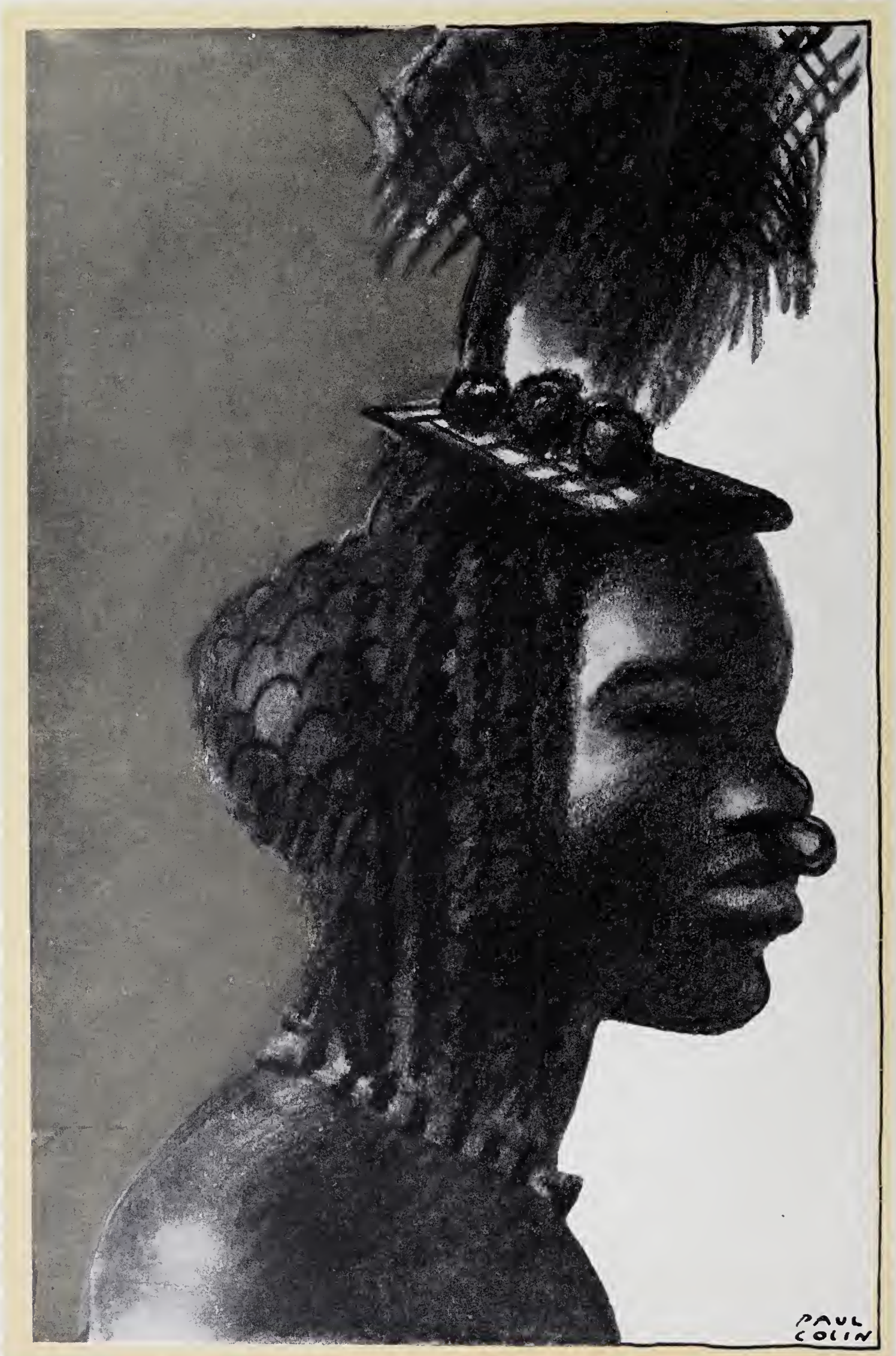
Я поспѣшилъ открыться Корнетову. Но А. А. меня не одобрилъ.

— Конечно, — сказалъ А. А., — спрашивать вы можете все. Но вы хотите получить отвѣтъ и напечатать вашъ отвѣтъ. А развѣ возможны такіе вопросы: «Какое самое скучное произведеніе»? Вы думаете, этотъ вопросъ не задавался, и вы первый? — ошибаетесь, наши критики до васъ спросили себя, и отвѣтъ готовъ, но ни одинъ изъ нихъ, даже самый отчаянный Беймоль, н е п о с м ѣ е т ъ сказать громко. А если бы какой-нибудь Пытко-Пытковскій сболтнулъ и вы бы записали, ни одинъ редакторъ, даже самъ Донъ-Аминадо, васъ не напечатаетъ, или сдѣлаетъ такъ, что изъ вашей статьи изъ набора выпадетъ строчка и именно какъ разъ та, которой вы хотѣли щегольнуть. Вы правильно замѣтили о «вспомоществованіи», да, всеобъемлющее нищенство, я это знаю на себѣ очень хорошо, но забыли другое, всегда сопутствующее нищенству: боязнь, кругосвѣтную робость. И эту боязнь, эту оробѣлость въ десятый, независимый свободный годъ заграницей, я тоже на себѣ чувствую. Вы затронули литературные обычаи, но тоже и вездѣ. За двѣнадцать лѣтъ эмиграціи, изъ «скрывшейся по европейскимъ лѣсамъ Россіи» вылѣзаютъ и показываются взаправдашныя Гоголевскія рожи, и эти рожи объявляютъ себя неприкосновенными или, какъ говорится, «для Сатирикона нѣтъ темъ». Вы меня поймете, если я скажу такъ: только человѣкъ со средствами, т.-е. дѣйствительно независимый, могъ бы использовать эти рожи. И редакторъ, который откажется напечатать вашъ отвѣтъ, правъ: если бы, повторяю, какой-нибудь Пытко-Пытковскій сболтнулъ, только, будьте увѣрены, настоящій Пытко-Пытковскій «Русской Культуры», гдѣ библіографическій отдѣлъ, т.-е. отзывы о книгахъ, угодныхъ редакціи писателей, по мѣткому опредѣленію того же отчаяннаго Беймоля, характеризуются однимъ словомъ «Захаровскій котелокъ», настоящій словодышащій Пытко - Пытковскій, безмятежно чувствующій себя подъ этимъ автоматически приподнимающимся и опускающимся «котелкомъ», никогда не сболтнетъ. Вы исходили весь Парижъ съ вашими экономическими газовыми трубками, мороча головы, помѣшанныя на экономіи сантима, но вы еще новичекъ въ русскомъ «стомилліонномъ» Парижѣ. «Стомилліонный» Парижъ! Русская провинція — густѣйшая съ судами, пересудами, сыскомъ, домыслами, «ножкой», подсидкой и клеветой, Парижъ, гдѣ по слову баснописца Куковника, 14 іюля въ праздникъ «взятія Васильева» танцуетъ день и ночь и этотъ «стомилліонъ», какія видѣлъ я рожи — реминисценція «Вія» — эти «пирамиды съ языкомъ наверху», это «черное со множествомъ рукъ», это «красновато - синее съ двумя хоботами», это «тонкое и длинное изъ однихъ глазъ» или словомъ послѣдней редакціи — «крылья и хвосты». Вы посмотрите, сколько обнаружилось за послѣдніе годы «разложившагося элемента» — самое страшное, потому что съ глаза никакъ не распознаешь, что за «крылья» и что за «хвостъ» — люди, одержимые ложью, прогнившіе ложью: кругъ дѣйствій — среди «ненужныхъ», а такихъ прудъ пруди, соблазнъ — обѣщанія, а вѣдь въ отчаяніи человѣкъ чему не повѣритъ; и если вы не пропащій, а только пропадающій, столкнувшись съ такимъ «разложившимся» и расплевавшись, все таки останетесь въ дуракахъ; или полюбуйтесь на это глубокомысліе непремѣнно «активныхъ» — вотъ опошленное, самое вывѣтрившееся, ничего ужъ въ себѣ не содержащее слово!—на этихъ съ воробынымъ клювомъ, а наскокомъ ястреба — какая гномическая галлерея. А попробуйте кого - нибудь затронуть, и не обрадуетесь. Въ 1906 году, послѣ первой революціи, въ разгаръ всякихъ петербургскихъ «Жупеловъ», затѣяли наивные люди гдѣ-то въ Костромѣ свою «Головловъ», затѣялъ наивные люди гдѣ-то въ Костромѣ свою «Головешку» («Головешка» — тысяча лѣтъ ей и идетъ со «Сквернаго анекдота» Достоевскаго), выпустили номеръ съ изображеніями и пародіями, конечно, на своихъ сосѣдей — въ провинціи всѣ сосѣди» — такъ редактору загадили дорожку! Да не въ переносномъ смыслѣ, не иносказательно, а въ самомъ прямомъ: на тротуарѣ отъ его подъѣзда до редакціи всякое утро работали молодцы — за этимъ дѣло не станетъ! — какъ выйдетъ, да еще близорукій, ногой и угодитъ, что ни шагъ, то увязъ, а кому не случалось ногой попадать, ничѣмъ не счистишь, трава не беретъ. Такъ «Головешка» и прекратилась: «не тронь нашихъ». Нѣтъ, вы это оставьте, это не дозволено, и не вините редактора: кому охота мараться!

А. А. былъ въ «обличительномъ» (транскрипція Достоевскаго) ударѣ, но, выговорившись, вдругъ привелъ въ умиленіе и покрылъ «рожи» — «несчастіемъ», въ которомъ очутился этотъ «стомилліонъ», согнанный вольно или невольно съ родной земли и обреченный на долю Лазаря питаться крохами — «и собаки, походя, тебя облизываютъ».

— Я вамъ хочу дать совѣтъ, — сказалъ А. А., — чтобы дѣйствовать навѣрняка, передъ вами открывается блестящая будущность, но дѣло трудное: легко сказать — Лефевръ! Есть темы, вызывающія у людей при всякихъ обстоятельствахъ самое доброе расположеніе и у самыхъ суровыхъ, даже у этихъ «съ воробынымъ клювомъ, а съ наскокомъ ястреба». Эта тема, извините, что говорю прямо... но слово это, какъ говядина, санскритское и несетъ въ себѣ признакъ «обилія» и «тепла». Въ этой темѣ глубокій смыслъ, потому что у нормальнаго человѣка оно одного порядка съ ѣдой; а о ѣдѣ, какъ извѣстно, охотно разговариваютъ, никому не наскучитъ. Когда, бывало, въ самую жестокую пору въ Россіи я разсказывалъ «денежный», но никогда не сбывшійся сонъ нашего знаменитаго археолога Ивана Александровича, какъ приснилось ему, что случился съ нимъ грѣхъ, и видитъ онъ не то что холмикъ, а пирамиду выше своего роста — «хожу, говоритъ, вокругъ, не знаю что дѣлать!» — такъ знаете, одно добродушіе свѣтилось въ самыхъ упорныхъ и самыхъ закоснѣлыхъ глазахъ. Вотъ что - нибудь въ этомъ родѣ и спросите: не было ли какихъ знаменательныхъ сновидѣній и не играло ли роль нищевареніе? И еще есть тема — вѣчная: любовь. Только обязательно должна быть любовность, чтобы не сбиться на похабный анекдотъ или скабрезный вопросъ. А похабщина — это кощунство. Розановъ тысячу разъ правъ. Правда, на кощунство есть любители, но не всѣ, и я скажу — «несчастные». А эта любовная тема неисчерпаема и совсѣмъ безобидная. Это тоже можно. Спрашивай-

Рис. Поля Колэна.



« La belle du jour... »

те — самый послѣдышъ съ удовольствіемъ отвѣтитъ, и всякая козявка свои сочинитъ.

Признаюсь, весь этотъ разговоръ, что можно и чего нельзя, меня поколебалъ. Но за чаемъ я сталъ перебирать въ памяти всѣ свои познанія въ области дозволеннаго, и цѣлый вечеръ прохохотали. Да, и въ моей жизни были всякія удобныя и неудобныя положенія. Въ особенности развеселилъ Корнетова мой разсказъ, какъ я лѣтомъ подъ Парижемъ попалъ ночевать въ одинъ домъ, и дверь наружу оказалась заперта...

***

Я рѣшилъ начать съ Гофмана. Я читалъ Гоффмана. И одно это имя меня привлекало. «Можетъ быть, — думалъ я, — этотъ Гофманъ родственникъ тому Гоффману, а если и не родственникъ его знатное волшебное имя дѣлаетъ его любопытнымъ: имена получаются не спроста». По плану Судока Корнетовъ мнѣ объяснилъ, какъ проникнуть въ домъ, въ какой идти корридоръ, и въ какую постучать дверь направо.

Изъ всѣхъ дней самое для меня счастливое — воскресенье. И въ этомъ мое горе — въ воскресенье всѣ присутственныя мѣста закрыты. На волѣ послѣ дождей было тепло, передъ домомъ распустился каштанъ, а солнце такое весеннее, такъ все высвѣчивало, что полуразрушенный домъ — «руины» — теперь показывалъ всѣ свои незамѣтныя зимой прорѣхи, и въ первый разъ рѣзную чугунную дверь.

Гофмана я нашелъ безъ всякихъ затрудненій. И, когда меня окликнула консьержка, я только рукой махнулъ: «самъ, де, знаю». Но самого Гофмана мнѣ не удалось видѣть. Встрѣтилъ меня мальчикъ, я думалъ, что это секретарь, но онъ говоритъ, что «онъ — Ростикъ», чудесный мальчикъ.

Ростикъ разсказалъ мнѣ басомъ, что папа пишетъ исторію русской литературы, и показалъ мнѣ коллекцію марокъ. Я все-таки не удержался и спросилъ, какъ его папа думаетъ о «Дѣлѣ Нансена»: «питать средствами»? На это Ростикъ разсказалъ мнѣ исторію, какъ у его папы ученики вытащили 1000 франковъ изъ портфеля, и какъ это было трудно назадъ получить деньги, потому что «*gosses*» на эти деньги купили шоколаду и съѣли. Потомъ Ростикъ показалъ мнѣ своего любимаго сибирскаго кота: котъ спалъ на папиной кровати, блохи вылетали изъ него, какъ искры; я тихонько его подъ шейкой погладилъ, но котъ не обратилъ никакого вниманія.

Видно было, что Ростикъ заботится о своемъ отцѣ: на крохотномъ столѣ, какіе даются въ меблированныхъ комнатахъ, навалена была бумажная куча — это та самая «исторія русской литературы, которую папа пишетъ для профессора Легры» и въ этой кучѣ Ростикъ распоряжался, какъ среди своихъ, трудно различаемыхъ, «людоѣдскихъ» марокъ: и когда что нужно, папа забывчивый, онъ ему изъ этой кучи и вынимаетъ.

— Папа пишетъ только о геніальныхъ! — сказалъ Ростикъ на прощанье.

И проводилъ меня до трамвая и дорогой все предупреждалъ — осторожно: автомобили! — чудесный мальчикъ.

Я разсказалъ свою первую неудачу Корнетову. Корнетовъ зналъ Гофмана съ Петербурга и сталъ увѣрять меня, что это вовсе не Ростикъ со мной разговаривалъ, а самъ Гофманъ, потому что хорошо помнитъ: какъ знаетъ Гофмана, Гофманъ всегда писалъ «исторію русской литературы». И только вечеромъ — воскресенье — когда пришелъ Ростикъ, А. А. мнѣ повѣрилъ.

Въ понедѣльникъ я отправился по плану того же Судока къ Мокееву. Совсѣмъ близко и планъ отчетливый: крестики означали кладбище, и показано было зеленымъ «сосочкомъ», гдѣ на лѣстницѣ зажигать электричество — «потому что, предупреждалъ А. А., если подыматься впотьмахъ, навѣрняка шею свернешь».

И все началось очень удачно: Мокеева засталъ, самъ Мокеевъ и дверь мнѣ отперъ. И чаю предложилъ — внимательный человѣкъ. Пошли вмѣстѣ на кухню чайникъ поставить. Сразу видно, любитель чаю. Только одно скажу, пріемовъ не знаетъ: надо бы ему у Корнетова хоть урока два взять — заварка, хоть и довольная порція, а поверхностная, выплываютъ чаинки, кипятокъ не крутъ.

За чаемъ я ему открылся, что обращаюсь къ нему, какъ къ извѣстному критику, и первый вопросъ: его мнѣніе о «Дѣлѣ Нансена» — «Питать средствами»?

— Я вовсе не критикъ, — сказалъ Мокеевъ, — у меня есть двѣ англійскія книги...

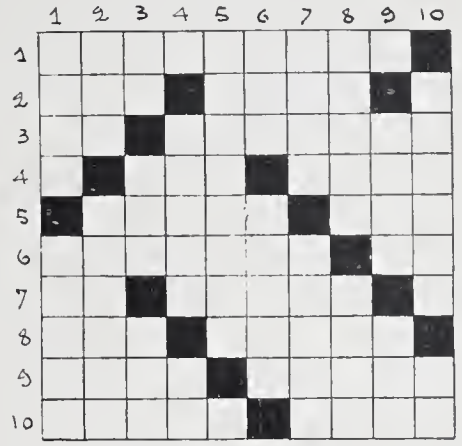
Но я не повѣрилъ. «Какъ же такъ, думаю, Корнетовъ рекомендовалъ? Или это у нихъ такой пріемъ, чтобы уклониться отъ прямого отвѣта?» А когда Мокеевъ узналъ, что я отъ Корнетова, онъ очень развеселился и показалъ мнѣ свои картины.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

А. Ремизовъ.

КРЕСТОСЛОВИЦА № 12.

СОСТАВИЛЪ **



Горизонтально

1. Самый замѣчательный журналъ въ мірѣ. 2. Во что рекомендуется глядѣть, согласно изрѣченію народной мудрости. — Жертва перваго преступленія. 3. Встрѣчается часто въ датахъ древней исторіи. — Остается послѣ неделикатнаго прикосновенія. 4. Войско. — Дѣлецъ, обладающій чрезмѣрнымъ апетитомъ. 5. Сбиваетъ съ пути зимой. — Турецкій начальникъ. 6. Озеро, давшее имя государству, входящему въ составъ другого государства. — Благодаря ему плодороденъ Египетъ. 7. Герой дѣвичьихъ грезъ. — Астрономическая точка, которой никому не дано увидѣть, даже астроному вооруженному сильнѣйшимъ телескопомъ. 8. Животный жиръ. — Участвовалъ въ единоборствѣ противъ самаго могущественнаго противника. 9. Добыча его послужила началомъ цивилизаціи. — Черти, бѣсы, гномы, лярвы и прочее. 10. Одна изъ столицъ Азіи. Одно изъ божествъ славянской мифологіи.

Вертикально.

1. Въ равной мѣрѣ полезна для желудка и для хозяйства. — Съ его именемъ связаны самыя чудовищныя жертвоприношенія въ древности. 2. Портъ въ Финляндіи. — Дышетъ жабрами и весьма полезна для составителей шарадъ. 3. Мѣстоименіе. Отличаетъ человѣка отъ животнаго. Физическій терминъ. 4. Матерія. — Союзъ. 5. Ими былъ знаменитъ ресторанъ Тѣстова въ Москвѣ. 6. Древесная порода, весьма любимая поэтами. Ароматическая смола. 7. Дерево. — Металлъ. 8. Плодъ, служащій для выработки масла. — Болѣзнь. 9. Таковы нюдисты. — Живописный — привлекаетъ туристовъ, глагольный — изучается школьниками. 10. Предпосылка конца. — Мѣстоименіе.

РѢШЕНІЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 11.

Горизонтально

1. Сорго. — Сіамъ. 2. Еле. — Скинія. 3. Тѣ. 4. Гарантія. 5. Недоля. 6. Обь. — Тетя. — Се. 7. Про. — Но. — Миръ. 8. Рана. — Плети. 9. Емеля. — Олень. — 10. Каракатица.

Вертикально.

1. Сэтъ. — Попрекъ. 2. Олегъ. — Брама. 3. Ре. — Анъ. — Онеръ. 4. Треть. — Ала. 5. Ось. — Аденъ. — Якъ. 6. Конотопъ. 7. Си. — Тля. — Лотъ. 8. Индія. — Мели. 9. Аи. — Ситецъ. 10. Мячъ. — Перина.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Пулловеру. Монтаржи. — Стихи ваши очень понравились.

Особенный успѣхъ выпалъ на долю слѣдующихъ строчекъ:

«Меня тоска давно снѣдаетъ,
И скоро можетъ вовсе **снѣсть**.
Ужели небо насъ рождаетъ,
Чтобъ только пить и только ѣсть?!»

Все это, дѣйствительно, глубоко вѣрно.

Но къ чему однако такая нескромность?

— Откуда вы взяли, что вы сынъ неба, а не дитя земли?!

Тѣмъ болѣе, что вы-же сами пишете «чтобъ только пить и только ѣсть...»

А разъ такъ, то гдѣ-же пищевареніе?!

А канализація?

А удобреніе? А черноземъ?

Эхъ, вы!... Обыкновенной естественной исторіи, и той не знаете!

Редакторъ-издатель: М. Г. Корнфельдъ.

РЕСТОРАНЪ
ESMERALDA
ПОЛИКАРПА ИВАНОВИЧА ЛОВЦОВА
73, Bd de Clichy, около **«Moulin Rouge», Tél.: Louvre 01-77**
Завтраки 15 фр. Обѣды 20 фр. et à la carte
Уютный залъ. Открытъ до 1 час. ночи.
Кухня подъ личн. наблюд. П. И. ЛОВЦОВА.

ДЛЯ СЛАБЫХЪ И ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХЪ
MAISON DE REPOS
Doctoresse B. LEVANTISSE
Діэтическій столъ. Прекрасный уходъ. Комфортъ модернъ. Большой садъ. Гидротирапія, Массажъ, Гимнастика. Ультра-фіолетовые лучи, Діатермія.
Поетоянное дежурство врача
Комната еъ полнымъ пансіономъ, включая уходъ и пр. отъ 50 фр. въ еутки.
(5 минутъ отъ **Porte Champerret** около **25, Bd Bineau**)
47, rue Parmentier, NEUILLY s/s
Téléphone: MAILLOT 10-84

PARAMÉ (Ille-et-Vilaine)
Hôtel de l'Union
Прекрасный пляжъ для купанія. Хорошая кухня
Августъ 32 - 36 фр., Сент. 26 - 28 фр.

Pension de Famille
68bis, rue du Château, Asnières
Тишина. Садъ. Полный комфортъ. Ванная комната.
35 - 45 фр. въ день
Grésillons 21 - 44

AUTO-ECOLE MARBEUF
GARAGE MARBEUF
Coneessionnaire Citroën
32-34, rue Marbeuf (Champs-Elysées), Tél. : Elysées 58-83 et 97-61 et la suite. Métro : Marbeuf et Rond-Point des Champs-Elysées.
Самая большая русская автомобильная школа.
Carte-rose. Grande - remise. Poids-lourd. Cours de mécanique. Papiers-taxis.
Уроки на спец. терассѣ нашего гаража, въ Булонск. лѣсу и въ городѣ отъ 8-ми час. утра до 9-ти ч. в. на машинахъ посл. моделей съ прав. и лѣв. управлен. Приходите осмотрѣть нашъ гаражъ въ 10 этаж. на 1000 машинъ, самый большой въ Парижѣ, въ районѣ Шанъз-Элизе и нашу школу, оборудованную по послѣдн. слову автомобильной техники.

Паста - Порошекъ - Эликсиръ ESKA
по форм. С. С. Кострицкаго б. зубн. врача Госуд. Импер.
Наилучшія, научно - обоснованныя средства для ухода за зубами и полостью рта
Продаются только въ аптекахъ
Laboratoires ESKA, A. Hobchette
Dr. en Pharmacie.
76, rue Orfila, PARIS (20)

Зубоврачебн. кабинетъ М. Когенъ
D. F. M. P.
8, Rue Duban (16). Pl. Passy. Autell 95-14
Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6. Остальные дни 10-8 час. веч.

Юридическій Кабинетъ
БЮРО ОФФИЦІАЛ. ПЕРЕВОДОВЪ
Консультаціи и выполн. всѣхъ формальностей предписан. новымъ закономъ и соціальн. страх., исключ. утромъ до 12 съ половиной час.
MARC BILLIS et FILS
присяжный переводчикъ при Парижскомъ трибуналѣ и кандидатъ правъ (Парижскаго университета).
24, rue Laffitte, Paris.
Tél. : Provence 84-56. Métro Opéra.
Пріемъ отъ 9 до 12 и отъ 2 до 6.30 ч.
Существуетъ въ Парижѣ съ 1864 г.
Говорятъ по русски.

BERCK-PLAGE PENSION MILA
12, rue Lavoisier
въ 2-хъ шагахъ отъ пляжа
ХОРОШІЙ ПИТАТЕЛЬНЫЙ СТОЛЪ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ

Дав. Е. Каганъ
Кандидатъ Парижск. Унив.
Взысканія, уставы общ-въ, разводы и проч.
новый адресъ :
8, square Port Royal (13)
(15, rue de la Santé)
Télephone Gobelins 61-95
пріемъ 10—12 и 6—8 ч. веч.

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ
„НАША РѢЧЬ“
издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.
Редакторъ-Издатель: **С. М. ГАЗІЕВЪ.**
Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse*. Въ Парижѣ — въ « *Publicité Metzl* », *Rue de Turbigo*, 51, *Paris VIII*e и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ «Нашей Рѣчи» С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier*, 7, *Paris IX*e.

Новыя книги Н. Городецкой „Мара“
Романъ Издат. « Москва »
„ Les mains vides ”
съ предислов. А. И. Куприна
Изд. St.-Michel

А. С. ШАПИРО
Петр. Прис. Пов. **licencié en droit**
Налоги, натур., уставы, **Prud'hommes**
11, rue Mogador, tél. Centr. 11-35.
Ежедн. 11-12 и 5-6 ч., суб. 11-12 ч.

ПРИ РЕДАКЦІИ « С А Т И Р И К О Н А » ОТКРЫТЪ
Книжный Складъ
Читатели и подписчики «Сатирикона» могутъ выписывать черезъ **Книжный Складъ**
ЛЮБЫЯ РУССКІЯ КНИГИ, ПОЯВИВШІЯСЯ НА КНИЖНОМЪ РЫНКѢ.
Стоимость книги (по каталогу) можетъ быть выслана переводомъ по почтѣ, банковскимъ чекомъ или въ заказномъ письмѣ въ мѣстной валютѣ по курсу дня
Читатели « С а т и р и к о н а » ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.
С П И С О К Ъ № 3 (Цѣны въ французскихъ франкахъ)
СОЧИНЕНІЯ А Л Е К С А Н Д Р А Б Л О К А

Собраніе соч. въ 7 т.т. по нов. орф. ..... по	15.60	Рамзесъ (нов. орф.)	3.90
Въ пер.	22.10	Роза и крестъ. Худ. изд.	5.—
Стихотворенія, 3 т.т. ..... по	15.60	Въ пер.	6.—
Возмездіе (нов. орф.)	10.40	Театръ	15.60

Всѣмъ желающимъ высылается безплатно полный каталогъ вышедшихъ за-рубежомъ книгъ и журналовъ.

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII. Цѣна отд. ном. 1 шилл.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8. Цѣна отд. ном. 20 л.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tel. Barbarossa 4881. Postscheckkonto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГРЕЦІЯ.	Афины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitorv, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 70 л. с.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko,* Khiabané Post Hané Koutcha Beha es Saltaneh N°4. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovie. Цѣна отд. ном. зл. 1.35.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré. Цѣна одт. ном. 25 лей
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York.
	Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra. Цѣна отд. ном. 25 піастр.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors. Ц. отд. ном. ф. м. 6.50
	Выборгъ. — *Ivankov,* Linnankatu, 8, Wiiborg.
	Келломяки. — *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel Ц. отд. п. К.Ч. 5.50
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon,* Goldschmiedstrasse, Reval.
	Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 70 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre,* Ul. Kn. Mihailova br. 27.

У ДИМЫ УСОВА
въ ресторанѣ "ДЖИГИТЪ"
19, Boulevard Edgard-Quinet
Музыка. Пѣніе. Танцы. ежедневно играетъ Михаилъ Бурже
Prix fixe 7.50 до 9 часовъ вечера и à la carte
Ресторанъ всѣгда открытъ всю ночь

РЕСТОРАНЪ
"CHEZ KORNILOFF"
6, rue d'Armaillé между avenue Carnot и des Ternes
Tél. Carnot 52 - 49

Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ влад.
Ф. Д. КОРНИЛОВА.
Prix-fixe Завтракъ — 15 фр.
Обѣдъ — 20 фр. и à la carte
ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА:
Среда — ботвинья; четв. — чахохбили; пятн. — царскій студень; субб. — разсольникъ; воскр. — поросенокъ; пон. — бефъ-бун; вторникъ — пельмени.
Ежедн.: кулебяка, блины, осетрина, рябчики, чахохбили, гурьев. каша
Самый элегантный и уютный русско-французскій ресторанъ Парижа

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ Л. РИХТЕРЪ, Рига
Представительница Е. Михайловская
9, rue Auguste Vitu, Paris (15). Métro Javel. Tél. Vaugirard 65-59.
САМЫЯ ДЕШЕВЫЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ
Нѣкоторыя цѣны за килограммъ
Масло сливочное въ жестянкѣ 22 фр. 50. Грудинка 16 фр.
Сало свиное въ жестянкѣ 16 фр. Колбаса сухая 1 с. 28 фр. 50
Упаковка, страховка, отправка за 5 к. 25 фр., за 10 к. 50 фр.
Пріемъ заказовъ ежедн. не исключая воскр. и праздн. съ 9 ч. у. до 9 ч. веч.

ПЕРЕВОДЫ и ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ на небывало выгодныхъ условіяхъ. Переводы съ рукательствомъ за выплату въ 15 дней.
BANQUE pour l'ARBITRAGE et COMMISSION
6, Rue Buffault. PARIS (9) Tél. Provence 95-20 и 95-21

Общество взаимнаго Кредита "СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). Tél. Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрышн. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер.

Денежные переводы
и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9

Прошедшее, настоящее и будущее
Извѣстная Ясновидящая
пріемъ ежедневно, кромѣ воскрес. 3—7 ч. веч.
Mme Cherbatoff
10 rue Froidvaux, второй этажъ рядомъ съ метро Denfert Rochereau

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ принимаетъ
Комитетъ Помощи Голодающимъ въ Россіи (Comité Russe de Secours)
7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9)
M-o Clichy. Tél. Trinité 23-92 et la suite
Пріемъ исключительно отъ 3—7

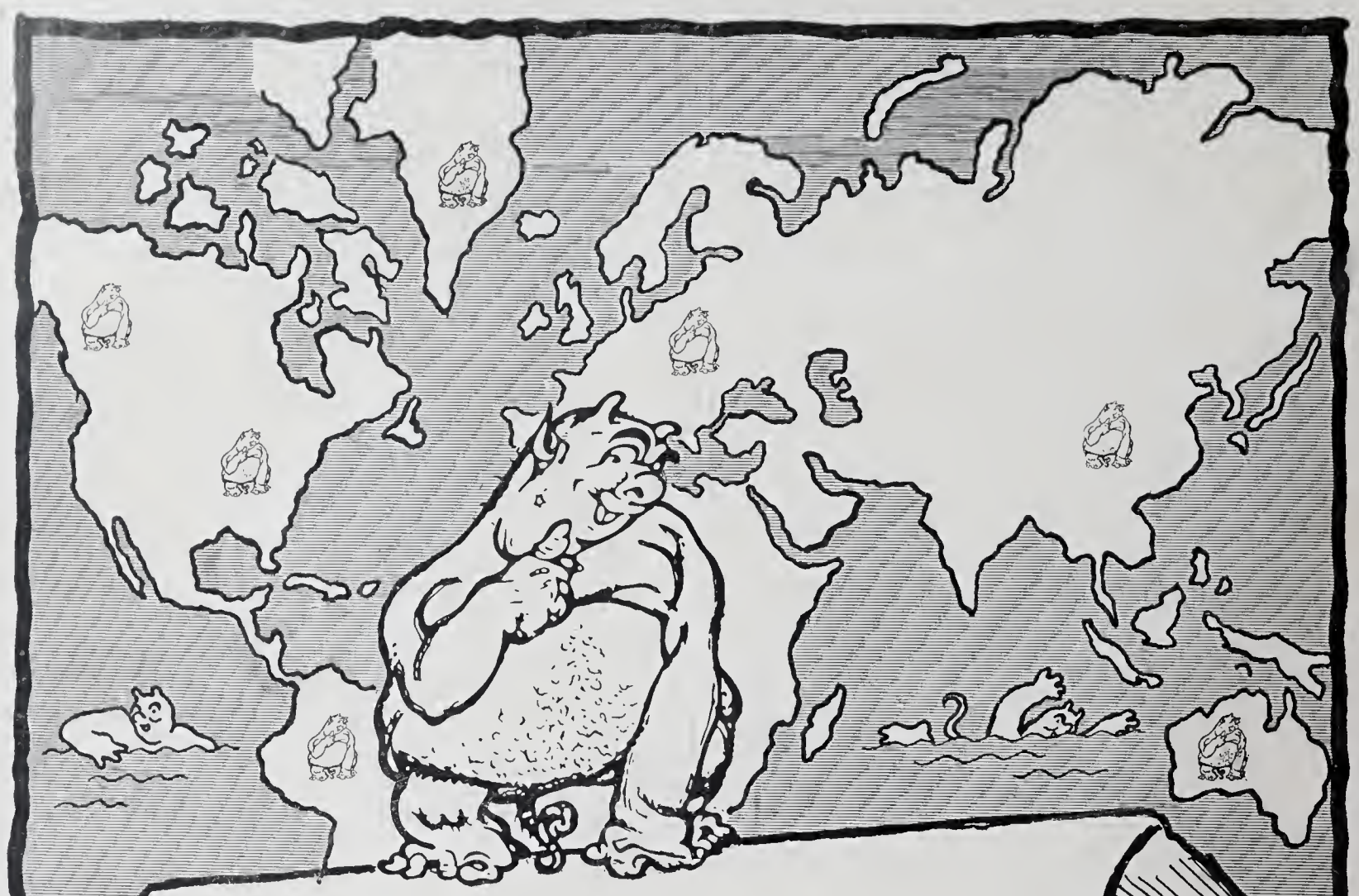
IMPRIMERIE
COOPÉRATIVE ÉTOILE
17, Rue de la Comète
Téléphone : Invalides 11-50
PARIS (7)
R. C. S. 227.770
Métro : La Tour-Maubourg
TOUS GENRES DE TRAVAUX
EN TOUTES LES LANGUES

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала контора журнала
САТИРИКОНЪ
проситъ г.г. подписчиковъ, срокъ подписки коихъ истекаетъ, ВОЗОБНОВИТЬ ЕЕ заблаговременно

СТАРАЯ МЕБЕЛЬ
Большой выб. всевозм. мебели. Меб. КРАСН. ДЕРЕВА, Empire, Louis Phil. и совр. Цѣны искл. дешевыя, возмож. разсрочка платежа. Предупредить о посѣщ. предп. до 15 ч.
А. А. СТАХОВИЧЪ въ Аньерѣ:
8, 12, rue Nanterre, 33, rue Franklin. Tél. Gresillon 10-96.
8 мин. электр. поѣз. отъ Сэнъ-Лазарь, 2 мин. отъ вокзала Asnières (côté Asnières).

TOUT DERNIER CONFORT
ASCENSEUR - CHAUFFAGE CENTRAL - CHAMBRES avec BAINS - EAU CHAUDE ET FROIDE
Tél. VAUGIRARD 10-77
Télégr. Hotelef 5 Paris
PENSION-HOTEL DE LA PORTE DE VERSAILLES
15, rue de la Grotte PARIS (15e)
Angle du Boulevard Lefebre - Près la Foire de Paris)
Nord-Sud : Porte de Versailles - Aut. : Aut. A. G. Bourse - Tram. : 89 Hôtel de Ville

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), téléph. Inval. 11-50 Le Gérant : *N. Kornfeld.*



ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ И ЮМОРА

Сатиконъ

Отъ редакціи

Для того, чтобы сдѣлать **«Сатиконъ»** своей настольной книгой, надо:

— прежде всего аккуратно складывать его номеръ за номеромъ;

— затѣмъ, всѣ собранные номера переплести въ изящный переплетъ;

— а въ концѣ подписного года посмотрѣть на себя въ зеркало, и въ восторгѣ воскликнуть:

— Боже, какое у меня одухотворенное выраженіе лица и какой тонкій взглядъ на вещи!

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи . . . . . Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ странахъ, вход. въ составъ Всем. Почтоваго Союза	160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза	177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**

Téléphone: GUTENBERG 05-40

IX EN FRANCE : Frs 3. — 22 АВГУСТА 1931. 22 AOUT 1931. — ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

САТИРИКОНЪ

SATYRICON

1931 — ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ — № 21

Hebdomadaire Russe — *Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)* — *Directeur M. Kornfeld*

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНІЕ. *Рис. Шараго*

« Le régime soviétique aurait vécu depuis longtemps sans le concours des capitalistes »

LENINE.

Рис. А. Гросса.

Конкурсъ рыболововъ.

КУКУРУЗА.

Сердце къ пищѣ равнодушно:
Тощій супъ или котлеты,
Или просто булка съ сыромъ
И десятокъ вялыхъ фигъ, —

Ѣшь и смотришь, какъ за склономъ
По лазури средиземной
Проплываетъ въ искрахъ солнца
Бѣлоснѣжный, сонный бригъ...

Но порой котлеты съ супомъ
До того осточертѣютъ,
Что душа моя выходитъ
Изъ привычныхъ береговъ —

И тогда опять невольно
Къ дѣтскимъ тянешься истокамъ —
Къ бессарабской кукурузѣ,
Пищѣ лакомокъ-боговъ...

О, кочанъ, весь въ сочныхъ зернахъ,
Масломъ политый топленымъ,
И горячій, какъ испанка,
Разомлѣвшая во снѣ!

Перемажешь носъ и руки,
Скатерть, уши и салфетку, —
Даже крошки не оставишь
На янтарномъ кочанѣ.

Рядомъ съ этимъ райскимъ блюдомъ
(Даже въ сердцѣ засосало
При одномъ воспоминаньи) —
Вспомнишь съ нѣжностью не разъ:

Кабачки съ мясной начинкой,
Желтый перецъ въ маринадѣ
И икру изъ баклажановъ...
Слезы брызнули изъ глазъ!

Но къ несчастью здѣсь въ Провансѣ
Старой, жесткой кукурузой,
А другой здѣсь не увидишь,
Кормятъ только жадныхъ куръ...

Не глотать-же эти камни
Огорченному поэту, —
Потому что, потому что
Это было-бъ черезчуръ...

Сердце къ пищѣ равнодушно,
Но хранятъ страницы дѣтства
Вмѣстѣ съ милой кучей вздора
Ощущеніе одно:

Запахъ нѣжной кукурузы,
Лоскъ растопленнаго масла
И облизанные пальцы
И разбухшее зерно...

А. Черный.

СОХРАНИВШАЯСЯ ЖЕНЩИНА

1.

Возрастъ сохранившейся женщины общеизвѣстенъ:

— Тридцать четыре года, и нѣсколько мѣсяцевъ.

Будь ихъ сто двадцать или даже двѣсти сорокъ, это все равно.

Послѣ тридцати четырехъ лѣтъ, остальной счетъ ведется на мѣсяцы.

И совершенно правильно.

Законъ стабилизируетъ только франки и ничего не говоритъ о сантимахъ.

На тридцать пятомъ году жизни хронологія кончается, и начинается мифологія.

У Венеры, выходящей изъ пѣны морской, не спрашиваютъ документовъ.

Ею любуются, блѣднѣютъ и молчатъ...

2.

Проснувшись, сохранившаяся женщина должна прежде всего продрать глаза.

На это у нее уходитъ минутъ тридцать, такъ какъ карандашъ для глазъ не такъ ужъ легко продирается, какъ кажется.

Хорошо, если въ это время приходитъ мимо проходящая массажистка, женщина съ характеромъ и съ рукой.

Потому что массажъ, это есть воля къ дѣйствію, а не разговоръ въ пользу бѣдныхъ.

Опытная массажистка возьметъ, и десять лѣтъ какъ рукой сниметъ.

Но, конечно, не всякій можетъ себѣ это позволить.

Особенно въ эмиграціи, и десять лѣтъ спустя...

Поэтому, для порядочныхъ женщинъ, сохраняющихся въ изгнаніи, мы усиленно рекомендуемъ такъ называемые шарико-подшипники, на которые надо ложиться плашмя и кататься какъ въ бѣшенствѣ.

Полъ часа такого домашняго скэтингъ-ринга, у сохранившейся женщины будетъ такой видъ, словно ее изъ подъ автобуса вынули:

— Полное исчезновеніе мяса, одна галія.

3.

«Въ десять часовъ утра мадамъ нажимаетъ перламутровую сонетку электрической грушки, и изящная камеристка приноситъ ей легкій завтракъ, состоящій изъ...».

Такъ говорится въ старомъ довоенномъ изданіи.

Само собою разумѣется, что этотъ прелестный параграфъ съ сонеткой требуетъ нѣкоторыхъ поправокъ.

Во-первыхъ, не въ десять часовъ утра, а въ семь часовъ на разсвѣтѣ.

Во-вторыхъ, не столько Мадамъ нажимаетъ грушу, сколько Мосье колотитъ ногой въ дверь.

Причемъ, во избѣжаніе недоразумѣній, скажемъ сразу что хотя онъ и Мосье, но булочникъ.

И, наконецъ, въ третьихъ, не камеристка приноситъ завтракъ, состоящій изъ, а сама Мадамъ разогрѣваетъ вчерашній кофе, состоящій изъ цикорія...

«Въ одиннадцать часовъ сохранившаяся женщина приказываетъ своему безукоризненному шоферу везти ее въ кутюръ, ибо сегодня вечеромъ изумительно вышитое бисеромъ, блѣдно голубое платье, цвѣта средиземной волны во время отлива, должно быть во что бы то ни стало, готово!».

И вотъ тутъ то именно и сказываются всѣ неоцѣнимыя преимущества заграничной жизни! Потому что, зачѣмъ, спрашивается, отравлять легкія перегаромъ собственнаго автомобиля и какой смыслъ ввѣрять свою тридцати четырехъ лѣтнюю зрѣлость вольно-наемному шоферу, когда стоитъ только убрать кофейникъ и весь кутюръ налицо!?

— Съ безрукими болванками, съ модными картинками, со швейными машинками, и съ блѣдно-голубымъ платьемъ, полувышитымъ бисеромъ, которое, во что бы то ни стало, должно быть готово сегодня къ вечеру.

Сохранившаяся женщина пудритъ носъ, кладетъ Дорэнъ на глаза, кладетъ Гэрлэнъ на губы, и кладетъ голубой шелкъ на колѣни, и шьетъ, и спѣшитъ, чтобъ успѣть къ приходу той, которая все еще сохраняется при помощи собственнаго шоффера и перламутровой грушки.

...«Въ пять часовъ, подъ томные звуки гавайской гитары, перекинувъ ногу на ногу, Лэди пьетъ коктайль...».

Изъ всего этого роскошнаго репертуара интересующая насъ лэди можетъ себѣ позволить только одно, а именно:

— Перекинуть ногу на ногу.

Пока послѣдній бисерный брызгъ не брызнетъ на средиземную волну, и пока въ замлѣвшихъ ногахъ не появится сельтерская вода.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что только въ эмиграціи женщина можетъ сохраниться, какъ слѣдуетъ.

К. Страшноватенко.

●

СТАНСЫ

О ты, что профилемъ камен
И строгой линіей лица,
И поворотомъ гордой шеи
Плѣняла многія сердца!
Подъ несравненною волною
И косъ каштановымъ узломъ
Твой лобъ, сіявшій бѣлизною,
Бровей подчеркивалъ изломъ.
И все такъ свѣтомъ озарялось
И такъ былъ правиленъ овалъ,
Что самъ Пракситель, такъ казалось,
Твои черты гравировалъ.
Но куаферъ, трудясь на славу,
За тридцать франковъ пріобрѣлъ
Принадлежавшій намъ по праву
Твой темнокудрый ореолъ.
Напрасно ищемъ линій строгихъ,
Объ ихъ печалимся красѣ...
Ты стала вдругъ одной изъ многихъ,
Такой, какъ прочія, какъ всѣ!
Такъ все проходитъ, все минуетъ,
Былыхъ блаженствъ не воскресить.
Діана въ дансингахъ танцуетъ,
Діану можно можно пригласить...
Но ты не вѣришь. Ты съ испугомъ
Подругъ опрашиваешь... Но
Не довѣряй твоимъ подругамъ,
Онѣ солгутъ. Имъ все равно.
Лишь мы правдивы. И, блѣднѣя,
Мы грустно шепчемъ: Ты не та!
Прощай, послѣдняя камея
И обманувшая мечта...

Д.-А.

●

Рис. Вл. Быкина.

Вы не изъ Москвы будете?

— Нѣтъ, я изъ Москвы.

А я думалъ, вы москвичъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я московскій...

ЭМИГРАНТСКАЯ ПЕРЕПИСЬ

Тарталеткинъ, мой добрый другъ и статистикъ, двѣнадцать лѣтъ къ ряду былъ одержимъ одной идейкой: устроить всемірную перепись эмигрантскаго населенія. И, правда, какъ подумаешь, сколько пользы могло принести эдакое дѣло, сколько поучительныхъ знаній, сколько данныхъ уму и сердцу! Недаромъ Тарталеткинъ, носясь со своей идейкой, никому ее не открывалъ, боясь, что перешибутъ ее люди, всякіе тамъ видные общественные дѣятели, профессора по географіи и исторіи.

— Слушайте, — сказалъ онъ мнѣ однажды, давно еще, когда населеніе, его интересующее, только что размѣстилось по городамъ и весямъ, — вамъ и только вамъ, другъ мой и наблюдатель, повѣдаю я цѣль моей жизни: переписать всѣхъ и каждаго, и сколько у кого чего: дѣтей, профессій, денегъ, женъ, паспортовъ... Только нишкните, ради Бога, не то какое-нибудь филантропическое заведеніе этимъ займется.

— Тарталеткинъ, да какъ же вы это сдѣлаете?

Онъ покрутилъ свой довоенный усъ.

— Сдѣлать то это не трудно. Средства нужны. Административный талантъ есть — за средствами дѣло.
Онъ поковырялъ, чѣмъ Богъ послалъ, подъ ногтемъ.

— Нанимается рать, печатаются опросные листы. Рать получаетъ листы, ходитъ по домамъ, опрашиваетъ и заполняетъ. И я хожу, и вы ходите, и женщины могутъ.

— По Парижу?

— По Парижу — парижскіе, по Америкѣ — американскіе, по Африкѣ — африканскіе. Затѣмъ всѣ приходятъ домой и переписываютъ каждый самъ себя, потомъ въ запечатанныхъ конвертахъ присылаютъ мнѣ, а я сажусь и считаю. Считаю день, считаю мѣсяцъ, считаю годъ... Вы только подумайте, какое счастье!

— Ну еще бы.

— Затѣмъ публикую матеріалъ: двоеженецевъ — 27.371 человѣкъ, безпаспортныхъ — 399.876, играющихъ въ шахматы — 17.866, и такъ далѣе. Что?

— Ничего.

— То-то. Вы представляете себѣ, какой матеріалъ для историка? Пишущихъ стихи — 79.541 (онъ на цыпочкахъ подошелъ къ двери взглянуть, не подслушиваетъ ли кто-нибудь), покупающихъ халву — 8.443, употребляющихъ... Это и представить себѣ не возможно!

Прошло много лѣтъ. Тарталеткинъ перепробовалъ всевозможныя профессіи, былъ женатъ, усыновилъ кого-то, словомъ на своей шкурѣ испыталъ превратности бѣженской судьбы. И вотъ однажды, когда онъ швейцаромъ въ ресторанѣ подавалъ шубы и калоши посѣтителямъ, на него ласково взглянула одна американка.

— Я увѣрена, что вы — великій князь, — сказала она тихонько, — не хотите ли поступить ко мнѣ въ конюхи?

Тартелеткинъ, конечно, сейчасъ же согласился, и съ этого дня колесо его жизни круто повернулось. Сталъ онъ хорошо зарабатывать и не мало откладывать, а когда накопилъ кругдую сумму, рѣшилъ двинуть свою идейку въ дѣло — хоть попробовать на ста человѣкахъ, хоть первый опытъ сдѣлать, — ужъ очень она его жгла.

И вотъ сочиняетъ Тарталеткинъ анкету — сорокъ восемь вопросовъ, для круглаго счета; отдаетъ въ печать, получаетъ стопочку не малаго размѣра. Беретъ онъ эту стопочку съ собой, несетъ двумя руками, прижавъ къ груди и придавливая сверху подбородкомъ, а рядомъ иду я. День воскресный, солнечный, птицы поютъ, сирень цвѣтетъ. Начинается всеэмигрантская перепись.

— Сто человѣкъ опросить — это примѣрно десять кварталовъ обойти, — разсуждаетъ Тарталеткинъ. — Къ обѣду кончимъ. Вотъ зайдемъ, Миша, въ этотъ домъ, съ него и начнемъ. Бонжуръ, скажемъ мадамъ, есть ли у васъ въ домѣ русскіе?

Домъ, какъ домъ. Снаружи ничего не замѣтно. Входимъ, бонжуръ, говоримъ, мадамъ, и такъ далѣе.

— Какъ же, — говоритъ консьержка, — есть русскіе. Двѣнадцать семействъ.

— Неужели, — говоритъ Тарталеткинъ, — двѣнадцать? Не меньше ли?

Поднимаемся въ первый этажъ, звонимъ. Открываетъ женщина въ фартукѣ, двѣ изъ дверей выглядываютъ, человѣкъ пять дѣтей на кухнѣ завтракаютъ, трое мужчинъ въ спальнѣ въ преферансъ играютъ.

— Мы, — говорю я имъ, — перепись. Мы, — говорю, — вопросъ, а вы отвѣтъ. Начнемте.

— Садитесь, — отвѣчаютъ намъ и ведутъ въ столовую.

— Сколько, — говоримъ, — васъ тутъ живетъ?

— Четырнадцать человѣкъ.

— Неужели? — спрашиваетъ Тарталеткинъ, и все подбородкомъ листы придавливаетъ. — А вы не ошибаетесь?

Мама, папа, двѣ бабушки и братъ бабушки, подъ кличкой дѣдушки, сестра папы — тетя, мужъ тети — дядя, сынъ брата бабушки, его дочь отъ второго брака, свояченица мужа тети, ея сынъ, двое дѣтей мамы и папы и дочка, дѣвочка, папы отъ перваго брака.

Сѣли.

— Опросите, — просятъ, — для начала брата бабушки отъ второго брака: они уже покушали.

Подходитъ старикъ, красивый, статный.

— Ваше превосходительство, — спрашиваетъ вѣжливо Тарталеткинъ, — были ли вы женаты?

— Никакъ нѣтъ, — отвѣчаетъ, — не довелось.

— А дѣти у васъ есть?

— Какъ же, сынъ имѣется.

— По какому паспорту изволили сюда въѣхать?

— А безъ всякаго, милые люди. Могу разсказать въ подробностяхъ, какъ это было.

. . . . . .

— А стихи, ваше превосходительство, пишете?

Задумался

— Кажется, не приходилось.

— А гимнастику дѣлаете?

— Никакъ нѣтъ. Однако, научиться не прочь.

— А. . . . . .

И пошло. Тарталеткинъ спрашиваетъ, я записываю. Проходитъ часъ, другой, подводятъ дочь сына брата бабушки отъ второго брака. Потомъ приносятъ чай: люди простые, гостепріимные. Потомъ заходитъ свояченица мужа тети (голая въ Фоли-Бержеръ танцуетъ, основная профессія — институтка), потомъ — самъ папа, бывшій плантаторъ (въ шахматы — ни-ни, только въ хальму), потомъ — сестра папы — женщина-врачъ (одинъ мужъ въ Москвѣ, другой въ Болгаріи, третій — тутъ какъ тутъ, страдаетъ ухомъ). Подаютъ обѣдъ — всѣ развеселились, время идетъ; вотъ, говоритъ, какое интересное воскресенье! Послѣ обѣда часокъ передохнули и опять принялись за работу: кто старое вспоминаетъ, кто о будущемъ мечтаетъ, кто настоящимъ удовлетворяется. Въ двѣнадцать часовъ рѣшили мы домой идти — не отпускаютъ, оставляютъ ночевать, винцо откупориваютъ, грамофонъ заводятъ.

Попировали мы часовъ до двухъ, легли въ кресла. Утромъ, чуть свѣтъ, Тарталеткинъ просыпается, будитъ меня и задумчиво говоритъ:

— Пойдемъ, Миша, а то на работу опоздаемъ.

Папа вышелъ насъ проводить:

— Не забывайте, забѣгайте на огонекъ, будемъ знакомы.

Забрали мы бумажки и потихоньку вышли.

— Въ будущее воскресенье — говорю, — придется слѣдующую квартиру обревизовать. Терпѣнья надо набраться.

А онъ мнѣ грустно:

— Нѣтъ ужъ, милый другъ, не придется. Видѣлъ ты фигуру дочки ихняго папы отъ перваго брака? Не сегодня — завтра родитъ, придется опять къ нимъ идти, о младенцѣ свѣдѣнія собирать, а тутъ глядишь — бабушка померла, опять работа. Тутъ съ однимъ семействомъ не кончить, гдѣ ужъ! Намъ съ тобой дальше этой квартиры во вѣкъ не двинуться.

И перестали мы съ Тарталеткинымъ вспоминать его идейку, стали ходить къ пріятнымъ людямъ въ гости, чай пить, въ преферансъ по малейькой играть, грамофонъ заводить. Ребеночка окрестили въ честь Тарталеткина Ваней, а я на прошлой недѣлѣ предложеніе сдѣлалъ старшей дочкѣ (отъ папы и мамы вмѣстѣ).

Скоро свадьба.

Рюрикъ.

КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ **ЭМИГРАЦІИ.**

НЕИЗЛѢЧИМЫЕ.

Рис. А. Шараго.

— И вотъ держу пари, Ваше Превосходительство, что ежели разбудить русскаго мужика глубокой ночью и спросить его толкомъ, что ему снилось, то оный мужикъ, не задумываясь, отвѣтитъ: Союзъ Русскихъ Дворянъ въ Парижѣ.

Рис. И. Ильина.

ВЪ РАЗДУМЬИ.

КАКТУСЫ.

Басня.

Посвящается молодымъ поэтамъ.

Не помню ужъ, въ какомъ году,
Пріятель мой однажды на прогулкѣ
Былъ въ ботаническомъ саду;
Онъ всѣ избѣгалъ закоулки,
Ища пути,
Какъ къ кактусамъ пройти.
Пойдетъ лѣвѣе —
Орхидеи,
Направо сунется —
Какая-то трава...
Пріятель мой туда-сюда метался,
Ходилъ, обратно возвращался, —
Все зря: лишь разболѣлась голова.
Вдругъ сторожъ на пути;
Пріятель мой: «Прости,
Помилуй — возопилъ —
Какъ къ кактусамъ пройти?
Какъ къ какъ...
Запнулся, покачнулся, —
И на дорогѣ растянулся.
Что-жъ далѣе? — Бѣдняга проклялъ садъ
И кактусы, и былъ тому ужъ радъ,
Что съ цѣлою убрался головою.
Вотъ до чего доводятъ насъ порою
Три «К» поставленныхъ подрядъ.

Робинъ-Гудъ.

●

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ РЕБЕНОКЪ.

— Вы знаете, моя трехлѣтняя Лиля своей маленькой ручкой остановила поѣздъ, мчавшійся со скоростью сто километровъ въ часъ.

— Что вы говорите? Какимъ же это образомъ?

— Она потянула за ручку сигнала бѣдствія.

ВЪ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

— У васъ, знаете-ли, совершенно неумѣренныя претензіи. Почему это вы хотите получить за потерянную ногу 100.000 франковъ? А почему не 25.000? Что вы — милліонеръ, что-ли?

— Я, дѣйствительно, не милліонеръ, но вѣдь я же и не сороконожка!

ВЪ ГОСТИНИЦѢ.

Кліентъ. — Послушайте, господинъ хозяинъ, я выставилъ вчера́ на ночь въ корридоръ мои сапоги, и никто до нихъ даже не дотронулся.

Хозяинъ. — О, да! У меня вся прислуга исключительной честности. Вы и часы и бумажникъ можете выставить въ корридоръ, и то ихъ никто пальцемъ не тронетъ.

ЗА СЕМЕЙНЫМЪ СТОЛОМЪ.

Она. — Я не понимаю, какъ тебѣ можетъ не нравиться этотъ соусъ. Я сдѣлала его совершенно точно по рецепту, который мнѣ сказалъ по телефону самъ Рыжиковъ изъ Большого Эрмитажа.

Онъ. — Я сейчасъ сдѣлаю заявленіе на станцію. Очевидно, у насъ телефонъ не въ порядкѣ.

У ПОРТНОГО.

Кліентъ. — Я принесъ вамъ эти брюки, чтобы вы мнѣ сдѣлали заплатку на сидѣніи. Знаете, мнѣ приходится довольно много сидѣть.

Портной. — А можетъ быть вы кстати принесли и деньги по послѣднему счету. Знаете, мнѣ приходится довольно много ходить?

СОГЛАСНО СЪ НАРОДНОЙ МУДРОСТЬЮ.

Почтенный господинъ. — Если вы дѣйствительно любите работу, какъ вы утверждаете, то какъ это вы не можете найти работу?

Бродяга. — Любовь слѣпа.

ТОЧНОСТЬ.

Вы говорите, что вамъ пришлось долго ждать меня? Ну, какъ долго?

— Я вамъ скажу совершенно точно: двѣнадцать папиросъ.

СМѢХЪ У ДРУГИХЪ

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОРЪ.

— Вотъ тебѣ два су, пойди и купи себѣ конфетъ.

— Мнѣ ничего не нужно.

— Ну, возьми себѣ этотъ франкъ и убирайся!

— Не хочу...

— Что-жъ ты хочешь?

— Я хочу видѣть! *(Le Rire.)*

— Это еще что?

— Купальный костюмъ для вашей супруги... *(Popolo di Roma.)*

На небоскребѣ.

— О, чужеземецъ, говори! Ты — первый человѣкъ изъ внѣшняго міра, котораго я вижу за эти годы.

(The New-Yorker.)

РАЗСКАЗЫ г. ТОЩЕНКИ.

Я рѣшилъ, братишки, написать романъ. Солидное литературное произведеніе. Чтобы захватить жизнь въ огромномъ масштабѣ и чтобы эта жизнь полностью отразилась. Я вообще не люблю маленькихъ разсказовъ. Мнѣ, напримѣръ, совсѣмъ не нравится — «Солнечный ударъ» — господина Бунина. Я ничего въ немъ не нахожу и не понимаю восторга публики. Ну, встрѣтились молодые люди на пароходѣ, ну сошли на какой то пристани и взяли номеръ, имѣя въ конечной цѣли безнравственныя наслажденія, а дальше что? Тутъ мы и натыкаемся на любопытный фактъ: Иванъ Алексѣевичъ не доразвилъ сюжета. И очень жаль! А вѣдь какія роскошныя перспективы открывались передъ его духовными глазами. Напримѣръ — пожаръ! Въ моментъ самаго крайняго напряженія ихъ животной страсти — герои вдругъ почувствовали запахъ дыма. И тогда, конечно, героиня вскакиваетъ съ кровати и говоритъ: обождите съ вашими поцѣлуями немножко. Кажется наша провинціальная гостиница загорѣлась... Ну, а герой, само собой разумѣется, пренебрегаетъ пламенемъ и требуетъ у нея преступныхъ удовольствій. А этотъ маленькій и недорогой отель ужъ объятъ огнемъ и пожарные самоотверженно лѣзутъ въ окна. И брандъ-маіоръ оказывается мужемъ этой беззастѣнчивой и изолгавшейся женщины. И тогда въ грохотѣ разрушающейся и застрахованной постройки происходитъ встрѣча супруга съ невѣрной женой и ея предпріимчивымъ любовникомъ. Вотъ какое развитіе могъ бы получить незначительный замыселъ господина Бунина, если-бы онъ любилъ масштабы. Но я никого учить не собираюсь. Пусть живутъ писатели и работаютъ какъ имъ Богъ на душу положитъ. Мое дѣло только намекнуть на недостатки. Такъ я рѣшилъ, граждане, написать романъ и дѣйствительно закончилъ его на прошлой недѣлѣ. Очень благоуханный шедевръ получился. И я вывелъ въ немъ частную жизнь всѣхъ моихъ знакомыхъ съ разными узлами ихъ запутанныхъ отношеній. И я даже ихъ фамиліи полностью прописалъ, потому что являюсь сторонникомъ реализма. И тутъ, конечно, стали всѣ ко мнѣ съ претензіями лѣзть — такъ какъ никому не охота фигурировать. Положительные типы еще ничего себѣ — даже будто довольны, а отрицательные — прямо разъярились. А я какъ разъ на отрицательныхъ типахъ рѣшилъ принципиу измѣнить и самаго главнаго негодяя подъ вымышленной фамиліей дать — просто Ивановымъ назвалъ. И вотъ именно здѣсь я поступилъ непосмотрительно. Теперь что ни Ивановъ, то считаетъ своимъ долгомъ мнѣ скандалъ сдѣлать. И даже съ дракой. А у насъ на улицѣ четыре отеля и въ каждомъ Ивановыхъ по семь человѣкъ. Вчера еще только восьмой по мордѣ съѣздилъ — значитъ сколько еще впереди испытаній предстоитъ. Но я не смущаюсь. Я преданъ своей свободной профессіи и долженъ обличать пороки. Но только въ слѣдующемъ романѣ самому отрицательному типу какую нибудь другую фамилію выдумаю. Петровъ — что-ли? Можетъ быть Петровыхъ меньше?

Тощенко.

ВЪ МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА.

— Мнѣ страшно нравится эта ваша картина. Отъ нея такъ и дышетъ предразсвѣтной мглой, этой дивной прелестью нарождающагося утра. Какъ вы назовете ее на выставкѣ?

— Закатъ.

УТОЧНЕНІЕ.

— Понимаешь, какая непріятная исторія! Я далъ сегодня утромъ нашему разсыльному 10.000 франковъ, чтобы онъ отнесъ ихъ въ банкъ, заплатить по векселю. Онъ ушелъ и вотъ уже два часа, какъ о немъ ни слуху, ни духу. И въ банкѣ онъ не появлялся. Я прямо чувствую дрожь...

— Въ ногахъ?

— Ну да... въ его ногахъ.

ЮНЕРЪ.

II.

— Люблю красочки, — сказалъ Мокеевъ, — осенью журналъ «Числа» устраиваетъ выставку рисунковъ французскихъ и русскихъ писателей: Валери, Кокто, Жакобъ, а изъ русскихъ — Поплавскій, Шаршунъ, и я дамъ кое-что.

Мнѣ очень понравились рисунки, всѣ въ краскахъ — лѣсные виды и опушки, нѣсколько портретовъ, между прочимъ и Корнетовъ съ камертономъ.

Узнавъ, что я «шомеръ», Мокеевъ далъ мнѣ 10 франковъ. Простились мы очень сердечно.

Домой я шелъ пѣшкомъ. И взяло меня раздумье: а что, если А. А. все это такъ, парочно? И этотъ Судока планъ генеральнаго штаба? Судокъ — обманщикъ, теперь мнѣ это открылъ А. А., «ничего особеннаго, ложной информаціей питается».

«А что если, — думалъ я, — ни Адамовича, ни Мочульскаго вовсе не существуетъ? А если и существуютъ, то, какъ Мокеевъ, по какой-то своей спеціальности: рисуютъ картины или пишутъ по-англійски...»

Въ газетахъ я критическихъ отдѣловъ не читаю, потому что я и безъ указки разбираюсь, какія книги на желѣзную дорогу, какія въ библіотеку, и что читать глазомъ, и что перебирая губами. На вечерахъ же у Корнетова я много встрѣчалъ всякихъ критиковъ — и Пѣтушкова, и Пытко - Пытковскаго и Птицина, хорошо знаю Перлова — Константинъ Сергѣевичъ! Но никогда и видѣлъ ни Адамовича, ни Мочульскаго.

И когда я чистосердечно высказалъ А. А. Корнетову свои сомнѣнія и, что послѣ Мокеева, я спутался и не увѣренъ въ существованіи Мочульскаго съ Адамовичемъ, А. А. даже сначала обидѣлся:

— Больше всего я не люблю, когда мнѣ возражаютъ, — сказалъ А. А., — если Мокеевъ не пишетъ критическихъ статей, то это еще ничего не значитъ, критикомъ онъ всегда можетъ быть. Если бы онъ захотѣлъ.

Я хотѣлъ идти къ Адамовичу, потому что А. А. сказалъ мнѣ,

что это одинъ изъ самыхъ умныхъ и подмѣчающихъ критиковъ и, несмотря на всеобщее оробѣніе, бываетъ иногда очень смѣлымъ, а кромѣ того, потому что живетъ на Монпарнасѣ. Въ Булони скучно и особенно скучно, что лѣсъ, какъ стѣна, отдѣляетъ отъ Парижа и кричи не кричи, туда не донесетъ, а оттуда автомобили — счастливые, которые могутъ пріѣхать и вернуться. Безъ Парижа скучно и покинуто, а безъ предлога попасть въ Парижъ, не выберешься. Но А. А. сказалъ мнѣ, что Адамовича нѣтъ въ Парижѣ, что онъ отдыхаетъ въ Ниццѣ. И показалъ на картѣ Ниццу. Я никогда не былъ въ Ниццѣ и испытываю необыкновенное чувство, когда говорятъ «*Côte d'Azur*» — мнѣ всегда кажется, что это тотъ самый рай, который Богъ насадилъ для Адама и Евы, чтобы потомъ прогнать.

А. А. совѣтовалъ идти къ Мочульскому. Но это дѣло не просто: надо напередъ, какъ Лефевръ, запастись всякими знаніями, и не показаться тѣмъ дуракомъ, который думаетъ: что ни спрошу, все ладно! а не подумаетъ, что «вопросъ» — это все. И далъ мнѣ прочитать книгу отца нашего критика: В. Н. Мочульскій, «Слѣды народной библіи въ славянской и древне - русской письменности». Одесса, 1893.

— Человѣкъ праведной жизни, — говорилъ А. А., — единогласный отзывъ всѣхъ его учениковъ и слушателей его лекцій въ Сорбоннѣ. И отъ себя скажу, нѣжнѣйшей души, единственный въ Парижѣ, говоря словомъ его любимаго Донъ - Кихота, — Боже мой, сколько вчерашнихъ друзей готовы тебя, забившагося въ уголъ, копытомъ пнуть! — единственный, въ нашъ предательскій вѣкъ, обладатель Волшебнаго меча Амадиса и шлема Мамбрина.

Въ вечеръ я одолѣлъ «Слѣды народной библіи» и другую книгу того же автора: «Малороссійскія и петербургскія повѣсти Гоголя». Од. 1902. Я очень волновался. Я чувствовалъ, что «юнеръ съ Мочульскимъ» будетъ для меня рѣшительнымъ. А скажу по-правдѣ, неудача съ Гофманомъ и Мокеевымъ приводила меня въ отчаяніе, и передо мной открывался единственный исходъ — ѣхать въ Испанію; по-испански я не говорю, но въ Берлинѣ въ унтергрундѣ меня часто принимали за португальца.

Ночь я спалъ тревожно: все время я задаю себѣ вопросы, но вмѣсто отвѣта мнѣ задаютъ вопросы. И это было мучительно: не успѣвалъ я придумать отвѣта, меня перебивали. Я совсѣмъ запутался. Актеръ Громовъ въ роли хозяина бистро изъ «Потопа» безъ всякаго молотка и камня магическимъ движеніемъ разбилъ всю стеклянную посуду — рюмки, стаканы, графины, блюдечки изъ-подъ варенья, бутылки, оставивъ мнѣ одинъ сифонъ. А перепуганная кошка нагадила мнѣ на руку. И я проснулся съ бодрымъ чувствомъ: сонъ означалъ и къ деньгамъ, и славу.

Пожалуй, слѣдовало бы предупредить Мочульскаго, чтобы не вышло недоразумѣнія. Но А. А. мнѣ сказалъ, что предупреждать безполезно: на письма въ Парижѣ отвѣчать не принято, и какъ правило — письма пишутся только тогда, когда это нужно пишущему, но не тогда, когда нужно написавшему, ожидающему отвѣта. Единственный способъ — нахрапомъ: застанешь, хорошо, не застанешь, туркнись и еще разъ или, какъ сказалъ бы Шнуръ изъ Туниса, «арвуаръ мэрси».

Спозаранку вышелъ я по указанному адресу — плану Судокъ. Адресъ былъ особенно разукрашенъ: человѣчка, въ которомъ я узналъ себя, подталкивала сзади нелѣпая задорная фигурка — самъ Судокъ, направляя прямо къ подъѣзду, а кругомъ стрѣлки и подписи, куда не надо смотрѣть, чтобы не сбиться — Шрейберъ, Шкляверъ, Оцупъ, Зноско - Боровскій, Набоковъ, Кельберинъ и съ особой подписью «временно»: Фельзенъ. Всѣ эти имена сосѣдей Мочульскаго я за дорогу выучилъ наизусть. И опять безъ всякихъ консьержекъ, какъ къ Гофману и Мокееву, нашелъ искомую дверь. Я постучалъ. И на довольно-таки звѣрскій окликъ, — если бы въ такую минуту заставили меня написать мое имя, я непремѣнно бы изъ Полетаева сдѣлалъ Попаева, — пробормотавъ себя, я вошелъ въ комнату.

Несмотря на ранній часъ, Мочульскій былъ не одинъ. И, кажется, попалъ я не во-время: Мочульскаго рисовалъ аргентинскій художникъ Билисъ. Я вошелъ въ самую неподходящую минуту: Билисъ трудился надъ самымъ деликатнымъ, стараясь уловить неуловимое — улыбку. Видимо, окликъ сбилъ всю композицію. Начинать разговоръ въ такую досадную минуту нечего было и думать.

Мочульскій смотрѣлъ строго и величественно; бѣлый съ краснымъ ободкомъ бумажный крестъ придавалъ еще большее величіе. Африканскій докторъ потомъ объяснилъ мнѣ, что этотъ орденъ, означающій рыцарское посвященіе, выданъ Ивану Андреевичу Козлову Кириломъ Зноско-Боровскимъ.

Около Билиса сидѣлъ молчаливый англичанинъ Жоржъ Репей, спутникъ Билиса, который, какъ говорится «держалъ кисточки»: кисточекъ у него никакихъ не было, потому что Билисъ рисовалъ углемъ, а имѣлъ онъ въ рукахъ огромный альбомъ — портреты французскихъ писателей и прочихъ знаменитостей, украшенные самыми фантастическими орденами.

Мнѣ показалось подозрительнымъ присутствіе на такомъ раннемъ сеансѣ знакомыхъ: баснописецъ В. Н. Куковниковъ и африканскій докторъ. Точно они сговорились? Или подосланы Корнетовымъ для провѣрки? Но, можетъ, это случайность? Я поздоровался и присѣлъ къ столу ближе къ Репею.

Куковниковъ что-то тихонько говорилъ африканскому доктору. Я понялъ, что разговоръ медицинскій. Африканскій докторъ, не говорившій тихо, отвѣтилъ отчетливо:

— Мало кала.

И эта повторяющаяся «малокала», звуча, какъ «маракара» прорубала шопотъ Куковниковa.

— Въ Гересгеймѣ, близъ Дюссельдорфа, — громко сказалъ Куковниковъ, замѣтивъ, что я прислушиваюсь, — рабочіе нашли на кладбищѣ клыкъ мамонта длиной въ сорокъ метровъ. Полагаютъ, что клыку 50.000 лѣтъ.

— Нормальное кало должно быть маслянистымъ и парнымъ! — сказалъ африканскій докторъ и, обведя унылымъ взглядомъ комнату, закурилъ.

Въ это время настойчиво постучали. И опять хозяинъ звѣрски окликнулъ. Это была делегація: Варшавскій и Поплавскій — пришли просить прочитать въ «Кочевьѣ» о Джойсѣ, о его новомъ произведеніи «*Work in progress*». Мочульскій знакомъ показалъ, что согласенъ, но что онъ прочитаетъ о Чеховѣ.

Я воспользовался минутой: Билисъ уронилъ уголь и Мочульскій нагнулся его ловить. И я проговорилъ мой первый вопросъ о «Дѣлѣ Нансена» —

— «Нитать средствами»?

Но къ моему несчастью Билисъ взялъ другой уголь. И вмѣсто Мочульскаго мнѣ отвѣтилъ африканскій докторъ: по его глубокому убѣжденію, эта выдача навѣрное будетъ тѣмъ, кто согласится ѣхать въ колонiи, и что у него имѣются точныя свѣдѣнія, къ кому обращаться за справкой.

— Какая самая модная болѣзнь? — продолжалъ я заученное, ужъ обращаясь къ доктору.

— Простатитъ, — сказалъ африканскій докторъ и опять посмотрѣлъ уныло, — самая модная, наблюдается она у любителей верховой ѣзды или, какъ говорится, у трубочистовъ.

Билисъ заканчивалъ. Я понялъ, что теперь можно. И поднялся отъ Репея ближе.

— Почему идетъ дождь?

— Кора отсырѣла, — не глядя, коротко отвѣтилъ Мочульскій.

Неожиданность отвѣта меня обезкуражила. Я приходилъ въ совершенное отчаяніе: ужъ никакимъ Лефевромъ, а Юріемъ Доріомедовымъ, проникнимъ къ недосягаемому Морна, хотѣлъ я быть. И вдругъ меня осѣнило:

— Откуда это у русскихъ имя и отчество, и есть ли еще у какого - нибудь другого народа?

— Справьтесь у Лозинскаго.

Жоржъ Репей «складывалъ кисточки». Мочульскій поднялся.

— Какъ вы работаете? — проговорилъ я, не слыша своего голоса.

Мочульскій размялся и отряхнулся.

— Всѣ думаютъ, что мы, ученые, сидимъ въ библіотекахъ. А на самомъ дѣлѣ мы проводимъ большую часть дня на остановкахъ, дожидаясь автобуса, или «бѣгаемъ» по урокамъ и часами выслушиваемъ идіотскіе отвѣты нашихъ учениковъ.

Я поспѣшилъ заявить, что я не насчетъ уроковъ, а отъ А. А. Корнетова.

Затѣянъ юнеръ.

— А вы знаете, — сказалъ Мочульскій, — интервью пишутъ тѣ, кого интервьюируютъ. Чего-жъ вы молчали? У меня всегда на случай заготовлено! — и онъ взялъ со стола отъ Куковникова два листка и подалъ ихъ мнѣ.

Какъ я былъ счастливъ! Стало быть, напрасно я голову ломалъ. Такъ просто! И мы простились очень нѣжно.

Я понимаю, прощаются всегда нѣжнѣе, чѣмъ встрѣчаются. И хотя подъ этой нѣжностью, Богъ знаетъ, какія скрыты пожеланія, и я навѣрное знаю: «чортъ унесъ» и «отвязался наконецъ» — но этого никогда себѣ не скажешь, и нѣжныя прощальныя слова вселяютъ въ душу признательность къ человѣку.

Я не помню, какъ я очутился въ Булони.

Киноартистка Констанція Беннеттъ

въ новомъ фильмѣ Метро - Гольдвинъ - Майеръ.

Видѣніе прошлаго.

На велосипедѣ 1882 года.

Въ современномъ Петергофѣ.

Въ Евпаторіи.

Солнечныя ванны на берегу моря.

Совѣтскіе академики.

Луначарскій и Ольденбургъ.

Ничего не говоря, я подалъ Корнетову мои счастливые листки. Я торжествовалъ. Начинается новая эра: я — Лефевръ. И за судьбу моего «юнера» нечего безпокоиться. Напиши я самъ, и чего добраго, откажутъ — Полетаева еще никто не знаетъ! — но когда я скажу, что писалъ Мочульскій или самъ Левъ Шестовъ, я увѣренъ, передо мной откроется вся пресса.

А. А. бѣгло просмотрѣлъ листки и молча вернулъ ихъ мнѣ:

МАТЕМАТИКА.

«Мать-и-матика. Мать-и-мачиха. Математика моя мачиха. Но мачиха добрая и понимающая. Математика мнѣ не родная, но сродни. И многое она мнѣ объясняетъ. Особенно значительны и полны намеками на жизнь духа дифференціальныя уравненія. Уравненіе — это намекъ на неизвѣстное въ словахъ извѣстнаго. Для прозорливаго, для понимающаго — неизвѣстное вѣдомо и знакомо, но для другихъ оно еще не открыто. Шекспиръ — одинъ изъ самыхъ великихъ математиковъ. Мнѣ всегда казалось, что любовь Гамлета къ Офеліи выражается уравненіемъ:

$$\frac{d^2x}{dt} + \frac{dx}{dt} + k^2x = d.$$

Когда я въ первый разъ прочиталъ: «Я такъ люблю тебя, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ...» — я былъ потрясенъ. Это точное опредѣленіе доступно лишь гепію. Точнѣе словами сказать невозможно. Такъ же меня поразило опредѣленіе Жарри: «Богъ есть кратчайшее разстояніе между нолемъ и безконечностью», т.-е между «ничѣмъ» и «всѣмъ», ибо Богъ «все» создалъ изъ «ничего». Жарри мнѣ чуждъ, но у него есть замѣчательныя открытія, напр., гдѣ говорится, что когда вскрыли черепъ убитаго ажана нашли, что онъ былъ набитъ вчерашними газетами...»

У меня въ глазахъ позеленѣло. И сквозь зелень я увидѣлъ Корнетова улыбавшагося во всѣ свои орѣховые глаза. И по его улыбкѣ вдругъ я понялъ эту «комедію ошибокъ»! — мнѣ стало ясно, что ни у какого Мочульскаго я не былъ, а по обманщицкому плану Судока попалъ къ кому-то... можетъ, и къ Козлоку? Конечно, къ Козлоку: и подпись — «Иванъ Козлокъ» и орденъ Козлока — африканскій докторъ такъ прямо и сказалъ «Кириллъ Зноско - Боровскій выдалъ Ивану Андреевичу Козлоку». И я почувствовалъ: моя голова, если вскрыть черепъ, была набита Козлоками, Судаками и планами Судока... слипшимся комкомъ плутни.

А на другомъ листкѣ безъ подписи единственная строчка:

«...и не каждый дуракъ на интервью годится...»

Алексѣй Ремизовъ.

●

СЕРЬЕЗНАЯ ПРИЧИНА.

Жена. – Скажи, пожалуйста, почему ты всегда выходишь на площадку лѣстницы, когда я пою? Что, тебѣ такъ не нравится мое пѣніе?

Мужъ. — Нѣтъ, но я выхожу, чтобы сосѣди видѣли, что я тебя не бью.

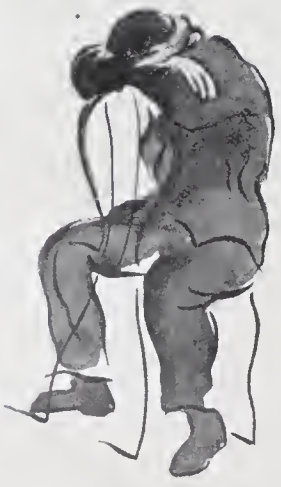
ВЪ ТЮРЬМѢ.

— За что вы сидите?

— За конкурренцію.

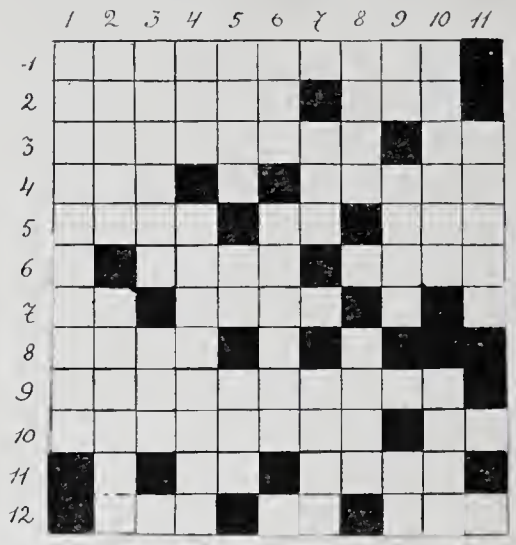
— Очевидно за злостную конкурренцію?

— Да какъ вамъ сказать? Дѣло въ томъ, что я выпускалъ кредитки того же самаго образца, какой выпускаетъ Французскій Банкъ.



КРЕСТОСЛОВИЦА № 13.

Составилъ иностранецъ В. Ф.



Горизонтально:

1. Обращеніе, которое можно часто услышать на казачьихъ собраніяхъ. 2. Молитвенный домъ караимовъ (безъ удв. согл.). — Скифскій царь, хотя многіе не знаютъ, что онъ былъ царемъ; имя его очень часто употребляется съ другимъ созвучнымъ ему именемъ. 3. Лекарство очень многимъ необходимое въ опредѣленномъ возрастѣ. — Буква; если ее повторить, получится бранное выраженіе. 4. Два раза въ году равенъ своей противоположности. — Понятіе изъ индусской философіи, выражающее идею возмездія. 5. Восточный повелитель. — Имя популярнаго французскаго писателя прошлаго вѣка. — Лицо, поправшее одну изъ десяти заповѣдей. 6. Нарѣчіе, воспринимаемое съ сожалѣніемъ, когда оно относится къ предмету нашихъ вожделѣній. — Городъ въ Палестинѣ. 7. Возгласъ, имѣющій разнообразное значеніе въ зависимости отъ интонаціи. — Снадобье, преслѣдующее опредѣленную цѣль, но рѣдко служащее утоленію жажды. 8. Мифическій герой, давшій имя одной изъ европейскихъ странъ. 9. Трактирщикъ. 10. Библейскій городъ. — Славянская буква. 11. Междометіе. — Знамя. 12. То-же, что 5 горизонтально (3-ье опредѣленіе).

Вертикально:

1. Сокровищница. 2. Обиталище въ древнемъ русскомъ бытѣ. — Линиться по разсѣянности. 3. Лишенный имени. — Имя, распространенное на востокѣ. 4. Предлогъ. — Разрушить. 5. Трава. — Старая французская мѣра. — Вербы. 6. Сосудъ. — Знаменитый великанъ. 7. Какъ. — Необходимая принадлежность рыболова. 8. Самое незамѣтное орудіе въ домашнемъ обиходѣ. — Успокоить. 9. Полногласный предлогъ. — Тряпье; въ переносномъ смыслѣ звучитъ очень нелестно. — Западно-русская область. 10. Правитель. — Мѣстоименіе (род. п.). 11. Столица Золотой Орды.

РѢШЕНІЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 12.

Горизонтально:

1. Сатириконъ. 2. Оба. — Авель. 3. До. — Ссадина. 4. Рать. — Рвачъ. 5. Метель. — Ага. 6. Мичиганъ. — Илъ. 7. Онъ. — Надиръ. 8. Лой. — Іаковъ. 9. Огонь — Нежить. 10. Заной. — Ладо.

Вертикально:

1. Сода. — Молохъ. 2. Або. — Минога. 3. Та. — Рѣчь. — Іонъ. 4. Сатинъ. — Но. 5. Растеган. 6. Ива. — Ладанъ. 7. Кедръ. — Никель. 8. Олива. — Рожа. 9. Наги — Видъ. 10. Начало. — То.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ «САТИРИКОНА»

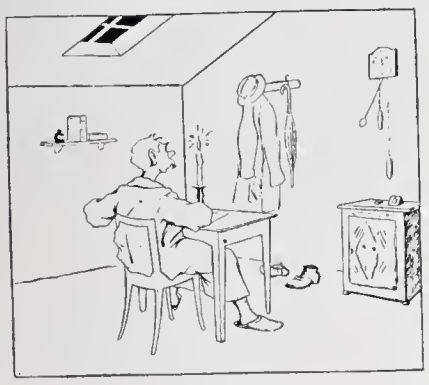
Въ цѣляхъ наиболѣе раціональнаго распредѣленія «Сатирикона» по кіоскамъ, Гл. контора покорнѣйше проситъ гг. читателей покупать журналъ по возможности въ одномъ и томъ же кіоскѣ или магазинѣ.

Въ случаѣ, если у вашего газетчика не окажется «Сатирикона», Гл. контора проситъ увѣдомить ее по адресу:

51, rue Vivienne, Paris (II).

ПЕРЕВОРОТЪ ВЪ СКАЗОЧНОМЪ ЦАРСТВѢ

У меня есть трое дѣтей
Миша, Надя и Алексѣй.
Сегодня дѣти, ложась въ кровать,
Просили къ завтрему имъ написать
Разсказъ про что-нибудь смѣшное.
Хорошее, новое и простое.
А ничего нѣтъ стыдніе,
Обидніе и трудніе,
Какъ стараться разсказы писать,
Когда нечего разсказать.
Дѣти все ужъ слыхали,
Все знаютъ и все читали.
И про то, что у дѣвочки Шуры
Были котята и куры,
И о томъ, какъ хотѣлось Ванѣ
Кататься на аэропланѣ,
Объ индѣйской боевой пляскѣ
И о золотоискателяхъ въ Аляскѣ,
Объ умѣ кошекъ и собакъ
Имъ разсказано много вракъ.
Въ головѣ было пусто, какъ въ пустомъ
[комодѣ,
На душѣ тошно, какъ на пароходѣ,



И мнѣ очень хотѣлось спать.
А нужно вамъ сказать,
Что прямо передо мной, подъ часами,
Между стуломъ и сапогами,
Стоялъ книжный шкапъ, какихъ, милыя
[дѣти,
Есть очень много на бѣломъ свѣтѣ.
Еловый шкапикъ, простой, суковатый.
Немного косой, на доскѣ узловатой
Тоненькихъ жилочекъ цѣлая сѣть...
И такъ какъ нужно куда-нибудь глядѣть,
То я и уставился сонными глазами
На этотъ шкапикъ подъ стѣнными
[часами.
Сколько прошло времени не могу вамъ
[сказать.
Боюсь соврать.
Часъ или пять минутъ.
Но тутъ
Приключилось удивительное дѣло,
Которое, скажу смѣло,
Съ тѣхъ поръ какъ стоитъ бѣлый свѣтъ
Случается разъ въ тысячу лѣтъ.
Пока я такъ сижу да скучаю,
Вдругъ я примѣчаю,
Что въ глазахъ у меня зарябило.
Я пагнулся впередъ. Съ нами честная
[сила!
Вижу, шкапикъ гримасничать сталъ.
Затуманился, замерцалъ,
Вся доска его замигала,
Мелкой зыбью задрожала,
Словно скорячило ее отъ смѣха.
И пошла потѣха!
Жилочки извиваются.
Въ разныя стороны загибаются.
Пупырки да сучки имъ помогаютъ.
Вмѣстѣ рисунокъ слагаютъ.
И вѣрьте мнѣ или нѣтъ.
Увидѣлъ я на доскѣ портретъ.
Нарисованъ какъ живой,
Карликъ съ длинной бородой.
Этимъ дѣло не кончается,
Дѣло только начинается.
Портретъ сталъ бухнуть, какъ почка.
Закруглился, что бочка,
Вспучился, раздался,
Треснулъ и распался.
И вылупилась изъ него, какъ изъ яйца,
Половина смориненаго лица;
Потомъ другая,
Борода сѣдая,
Слѣдомъ плечи, грудь, животъ,
Двѣ руки, нога и вотъ —
Изъ шкапа, какъ улитка изъ домика,
Вылѣзла фигурка маленькаго гномика.
Диво, гляжу, небывалое!
Ростомъ съ дитя годовалое
Бѣленькій карликъ стоитъ.
Плѣшью блеститъ.
Бѣгаютъ глазки подъ бровью мохнатой,
Дулею носъ, борода лопатой,
А самъ бочковатый, крѣпкій какъ ка-
[леный орѣхъ.
Вижу: его разбираетъ смѣхъ.
На меня глядитъ,
Скрюченнымъ пальцемъ грозитъ.
Непрошенный и незванный,
Что дѣлать! Хоть гость и странный.
А нужно, любо иль нѣтъ,
Гостей принимать.
«Здравствуйте, говорю, какъ васъ
[звать?»
А гномъ мнѣ въ отвѣтъ:
«Простого я званія
И живу въ шкапу безъ прозванія,
Зови меня, молодецъ,
Старичкомъ, и дѣлу конецъ».
«А пожаловать изволили отколѣ?»
«Да изъ шкапа. Не видалъ ты что-ли?»
А самъ стоитъ улыбается,
На носочкахъ качается.
Вотъ, думаю, проклятый гномъ!
И рѣшилъ поставить вопросъ ребромъ.
«Какъ ты такимъ уродился
И зачѣмъ сюда заявился?»
Отвѣчаетъ старикъ мнѣ такія слова:
«Ну такъ слушай же, милая голова.
Слушай, на усъ мотай,

И меня не перебивай:
У многихъ людей
Есть такой чародѣй,
Который ихъ утѣшаетъ,
Скуку-тоску разгоняетъ.
Вотъ и я почуялъ, что тебѣ не въ мочь,

А я за нимъ слѣдомъ полѣзъ...

И пришелъ, чтобъ дѣлу какъ-нибудь по-
[мочь.
Вѣдь я знаю, что тебя тревожитъ,
Что печалитъ и печенку гложетъ.
Не состряпаешь ты никакъ разсказъ?
Пустяковина! У меня какъ разъ
Есть пріятель: онъ тебѣ поможетъ
И любую сказку въ два счета сложитъ».
«Вотъ, говорю, спасибо за такую услугу!
Веди-же меня скорѣе къ своему другу».
«Подожди, отвѣчаетъ, прежде чѣмъ от-
[правиться,
Надо еще мнѣ съ тобою управиться».
И вотъ старичокъ согнулся,
Перекувырнулся,
На карачки присѣлъ
И на меня посмотрѣлъ
Удивительно.
Потомъ повелительно
Рукой взмахнулъ,
Привсталъ, пошепталъ.
Влѣзъ на мой стулъ
И въ глаза мнѣ подулъ.
И страшное дѣло!
Нутро у меня похолодѣло,
Въ головѣ застучало,
Подъ ложечкой засосало,
Въ животѣ замело,
Руки, ноги свело,
Въ глазахъ пестры и мерцанье...
И я потерялъ сознанье.

Какъ я очнулся и оглянулся по сторо-
[намъ,
Я такъ и ахнулъ и не повѣрилъ своимъ
[глазамъ:
Моя каморка вдругъ превратилась въ
[огромный залъ,
Высокой стала, широкой стала, давай
[хоть балъ.
Въ моей постели могли бъ улечься два-
[три вола.
И растянулась на двѣ сажени доска
[стола.
Свободно могъ бы я прогуляться подъ
[тѣмъ столомъ.

Идемъ мы тихо, за скалы цѣпляясь,
То внизъ скользя, то вверхъ поднимаясь.

И былъ не меньше моего роста самъ ста-
[рый гномъ.
А ножки стульевъ стали не тоньше мед-
[вѣжьихъ лапъ,
И шкапикъ былъ уже не шкапикъ боль-
[ше, а шкапъ.
«Ну вотъ, пока ты спалъ,
Я тебя кое-гдѣ окромсалъ.
Хоть ты и сталъ по-мельчѣе,
Да идти такъ будетъ ловчѣе.
А теперь собирайся,
Въ дальній путь отправляйся,
За мною иди,
Подъ ноги гляди,
Да не упади».
Старикъ сказалъ, повернулся,
Пригнулся,
И въ шкапу тотчасъ же исчезъ.
А я за нимъ слѣдомъ полѣзъ.

У СКАЗОЧНАГО ГНОМА

Хоть я и часто шкапъ отиралъ,
Но до сихъ поръ не замѣчалъ,
Что на нижней полкѣ, гдѣ бумага лежала,
Огромная, черная дыра зіяла.
Въ эту дыру мы тихонько спустились
И въ подземелье очутились.
Нависъ низкій каменный сводъ.
Узкій, склизкій подземный ходъ
Ползетъ, извивается,
Въ темнотѣ теряется.
Идемъ мы тихо, за скалы цѣпляясь,
То внизъ скользя, то вверхъ подымаясь;
Не зги не вижу! Только слегка
Впереди мерцаетъ плѣшь старика.
Коротко-ли, долго-ли такъ мы шли,
Но наконецъ и къ цѣли пришли.
Вдали какъ будто звѣзда замигала,
Зажглась, потухла и вновь заиграла,
Сіяетъ все ближе, все ярче и вотъ
Мы видимъ огромный сверкающій гротъ.
Предъ нами высится скала голая,
Въ скалѣ дубовая дверь тяжелая.
Старичокъ обернулся: «Ну вотъ и домъ,
Гдѣ живетъ мой пріятель, Сказочный
[Гномъ,
Думный дьякъ, книжныхъ дѣлъ блюсти-
[тель.
Царицы Сказокъ вѣрный служитель.
Ты уважь старика, попроси бывалаго
Дать тебѣ добрый совѣтъ:
Вѣдь ему теперь ужъ безъ малаго
Тысячи лѣтъ».
Мой спутникъ на цыпочки всталъ
И тихо въ дверь постучалъ.
Въ скалѣ послышалось шуршаніе.
Кряхтѣніе и бормотаніе.
Дверь скрипя растворилась
И въ дверяхъ появилась
Зеленью подернутая,
Какъ въ пруду вода,
Сѣдая, косматая,
Мшистая, мохнатая
Опахаломъ развернутая
Борода.
Среди лохматыхъ волосъ
Висѣлъ горбатый носъ,
И сквозь круглые очки
Совиные зрачки
Глядѣли внушительно.
Важно и пронзительно.
Я, признаться, смутился
И низко бородѣ поклонился.
А когда я снова глаза поднялъ,
На порогѣ древній старикъ стоялъ:
Онъ привѣтливо рукой манилъ
И войти къ себѣ насъ просилъ.
Почтительно, небольшими шажками,
Вошелъ я въ дверь за двумя стариками.

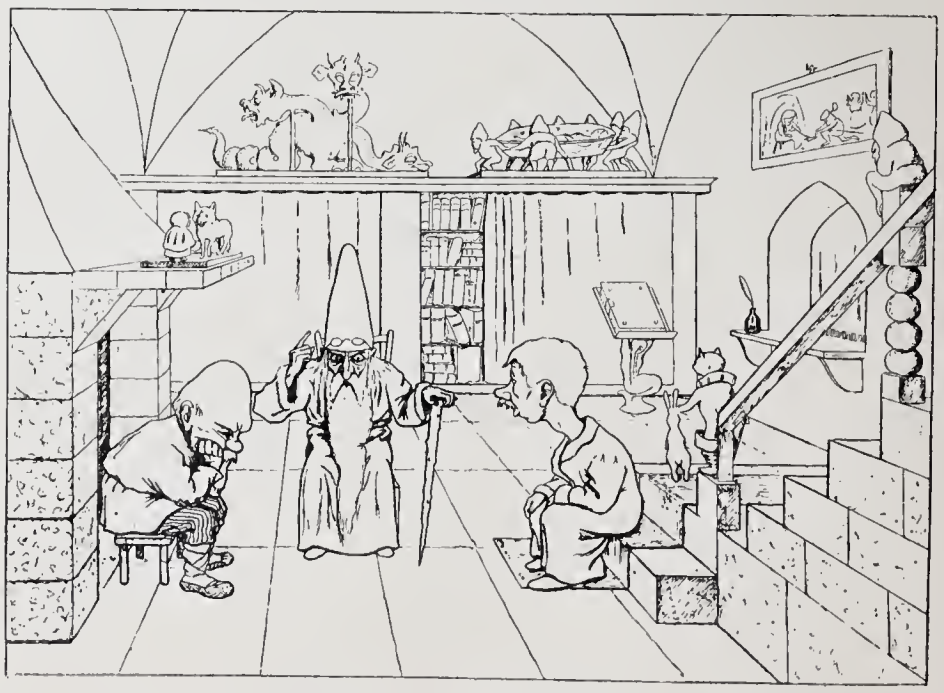
Хозяинъ насъ вводитъ въ обширный
[покой,
Садится и дѣлаетъ знакъ рукой:
«Садитесь и вы, гостями будьте.
И милостью вашей меня не забудьте!»
Ласковымъ взоромъ на насъ глядитъ;
А мой старичокъ говоритъ:
«Пришли мы къ тебѣ, старый дѣдъ,
Чтобы далъ ты намъ добрый совѣтъ.
Пріятель мой хочетъ узнать,
Какъ дѣтямъ разсказы писать.
Писать то ему не въ мочь;
Такъ нельзя-ли дѣлу помочь,
Чтобы ему не срамиться,

Мой спутникъ на цыпочки всталъ
И тихо въ дверь постучалъ.

Передъ дѣтьми не стыдиться».
Древній старикъ на меня взглянулъ,
Помолчалъ немного и тяжко вздохнулъ.
«Вотъ видишь въ стѣнѣ небольшое окно?
Въ палату волшебную смотритъ оно.
Тамъ Царица Сказокъ на тронѣ сидитъ
И закрывшись фатою, спитъ.
Бывало дремлешь да вяжешь чулокъ,
Вдругъ слышишь царицынъ звонокъ.
На звонокъ къ окну я скорѣй подбѣгалъ
И ей гусли въ окно подавалъ.

На порогѣ древній старикъ стоялъ.

И Царица Сказокъ на гусляхъ играла,
Медленно струны перебирала
И напѣвала свои золотыя
Нѣжныя вѣщія и простыя.
И про кащея окаяннаго
И про солдатика оловяннаго
И про то, что дѣлалъ Иванушка-Дурачокъ
И про маленькій аленькій цвѣтокъ.
А я стоялъ подъ окномъ
И гусинымъ перомъ
Записывалъ въ книги завѣтныя
Слова самоцвѣтныя.
А гномики разсыльные
Тѣ книги пыльныя
Наизусть учили
И наверхъ снѣшили,
Чтобы сказки друзьямъ передать,
Чтобы людямъ о нихъ разсказать.
И люди тѣ сказки писали
И дѣти тѣ сказки читали,
Читали и удивлялись,
Плакали и смѣялись.
А нынѣ другія пошли времена,
Иныя взошли сѣмена.
Весь міръ повернулъ стальнымъ рыча-
[гомъ
Нашъ соперникъ, Машинный Гномъ.
Теперь онъ одинъ лишь дѣтьми управ-
[ляетъ.
Одинъ онъ дѣтей забавляетъ.
И вмѣсто игрушекъ имъ даритъ онъ



«Садитесь и вы, гостями будьте...»

Паровозъ, пароходъ и вагонъ.
Ужъ дѣти сказокъ не понимаютъ.
Волшебныя сказки презираютъ,
Говорятъ: это вздоръ, чепуха, небылица...
И заснула Сказокъ Царица.
А дворъ ея бросилъ пещеру эту
И разошелся по бѣлу-свѣту,
Чтобы здѣсь да тамъ на разные лады
Получать: гроши за труды.

Ты вѣрно слышалъ какъ прежде, бывало,
Помело съ вѣдьмой по небу летало?
Какъ весело старая шутки шутила,
Звѣзды срывала и мѣсяцъ тушила?
Такъ знай же, вѣдьма ужъ не летаетъ;
Своей заслуженной, почтенной метлой
На улицахъ мусоръ она подметаетъ.

Вотъ что надѣлалъ машинишкъ злой!
Если увидишь ее невзначай,
Поклонъ отъ меня старика передай.
Скажи, чтобъ старушка не очень скучала
И ноги зимой потеплѣй обувала.
Бѣсенку, что съ вѣдьмою прежде леталъ
И звѣзды въ мѣшокъ собирать помогалъ,
Надѣли намордникъ, на цѣпь посадили
И тщательно рожки пилой отпилили,
Чтобъ бѣдный бѣсенокъ бодаться не
[могъ,
И платитъ бѣсенокъ собачій налогъ.
А съ толстымъ дядей скандалъ приклю-
[чился;

Лохматый бука совѣмъ осрамился.
Рѣшилъ онъ, какъ прежде, дѣтей попу-
[гать.
Имъ розгой въ окно постучать.
И что же? Дѣти не ужаснулись.
А такъ, слегка улыбнулись;
Любезно подняли руки
И сдѣлали снимокъ буки.
Такой обиды нельзя перенесть!
И въ сердцѣ своемъ затаивши месть,
Бѣдняга со свѣтомъ простился,
Отъ міра навѣкъ удалился.

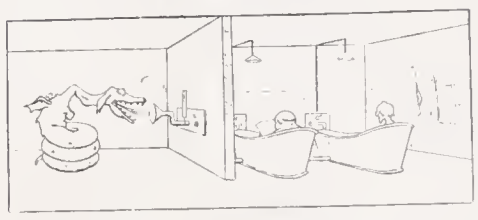
И слышно, такъ баютъ въ народѣ,
Сталъ пугаломъ на огородѣ.
Что знаютъ люди о великанахъ?
Ты видѣлъ уродовъ въ балаганахъ.
Что глотаютъ лягушекъ, зѣвакамъ на
[радость.
Этакая гадость!
Нѣтъ! Старые наши чудаки.
Великаны, обжоры и простаки,
Что дубы вѣковые съ корнемъ вырывали
И быковъ цѣликомъ поѣдали.
Поднялись на горы и въ тучахъ живутъ.
Съ голодухи бремень грызутъ.
И даже почтенный отшельникъ драконъ
Вылѣзъ наружу; лежитъ онъ
Отъ двухъ до пяти, но не въ гротѣ вол-
[шебномъ.
А въ институтѣ водолѣчебномъ:
Водопроводы хвостомъ прочищаетъ
И сѣрные пузыри пущаетъ.
И царевичъ съ царевной тридевятаго
[царства,
Тридесятаго государства
На землю пошли
И работу нашли:
Цѣлыми вечерами
Съ намазанными щеками
Махаютъ руками,
Мерцаютъ, мигаютъ
И снова махаютъ
И снова мигаютъ и снова, и снова...
Въ ки-не-ма-... какъ опишь то? мудреное
[слово,
Новое и негожее,
Ни на что не похожее.
Да. Другія пошли времена,
Другія взошли сѣмена.
И вотъ почему Царица заснула
И колокольчикъ затянула
Паучья сѣть.
Царица не хочетъ ужъ нѣть».
Тихую рѣчь свою кончилъ старикъ
И головою поникъ.
Я сталъ сморкаться.
Чтобъ постараться
Горькія слезы скрыть.
И всѣ мы молчали
И громко вздыхали
Потому что не знали,
Какъ быть.
Такъ дольше сидѣть не стало силъ
И я наконецъ спросилъ:
«Неужели гнома нельзя прогнать?»
И старецъ началъ опять:
«Ты помнишь сказку простую
Великой книги людской
Про кота и про цѣпь золотую
И про дубъ у луки морской?
Такъ вотъ этотъ котъ ученый
Ночные знаки прочелъ
И въ звѣздахъ онъ смыслъ мудреный,
Пророческій смыслъ нашелъ:
Предсказаніе одно.

**«Ты видѣлъ уродовъ въ балаганахъ,
Что глотаютъ лягушекъ, зѣвакамъ на
радость?»**

Вотъ оно:
— Такъ говоритъ котъ:
Вотъ!
Если найдется человѣкъ
Имя рекъ,
Хоть самаго маленькаго роста,
Который просто
Согласенъ обнять буку,
И водяному пожать руку,
Змѣя за жабры трепать
И въ шалашѣ у лѣшаго спать,
Съ бѣсенкомъ косматенькимъ,
Съ бученкомъ мохнатенькимъ
Въ горѣлки играть,
Подразнить анчутку
И въ шутку
Схватить его за рога,
Кому мила баба-яга,
Кто Царицѣ Сказокъ готовъ поклониться,
Тотъ можетъ съ Гномомъ сразиться. —
Такъ вотъ какъ гласитъ предсказаніе».
И вновь наступило молчаніе.
Вдругъ я почувствовалъ легкій щелчокъ.
Въ спину толчокъ.
Я обернулся. Шкапной старичокъ
Меня тихонько пихаетъ,
Лбомъ плѣшивымъ качаетъ,
Точно меня понукаетъ.
И взглядъ у него значительный,
Удивленный и вопросительный,
Словно хочетъ сказать:
Что жъ это? Знать
Нѣтъ у тебя догадки,
Никакой доброй повадки?
Въ сильномъ смущеніи
И волненіи
Я со стула привсталъ
И древнему старцу сказалъ:
«Я всѣхъ васъ очень люблю.
И правда не потерплю.
Что бы Царица... Однимъ словомъ.
Я желаю сразиться съ гномомъ.
Я хочу послужить затворницѣ!»
И едва я замолкъ, по горницѣ
Пронесся таинственный шорохъ.
Ворохъ
Тяжелыхъ томовъ въ шкапахъ,
На полкахъ и на столахъ.
Пошевельнулся,
Словно проснулся.

М. Стаховичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Редакторъ-издатель: **М. Г. Корнфельдъ.**

РЕСТОРАНЪ
ESMERALDA
ПОЛИКАРПА ИВАНОВИЧА ЛОВЦОВА

73, Bd de Clichy, около **«Moulin Rouge»,** Tél.: Louvre 01-77

Prix-fixe - Завтраки 15 фр. Обѣды 20 фр. et à la carte

Воскр.: Кулебяка съ рыбой и вязигой. Пон.: Пельмени. Вторн.: Бефъ буйи съ хрѣномъ. Среда: Царскій студень. Четв.: Куринкъ. Пятн.: Поросенокъ съ кашей. Субб.: Селянка съ растегаями. — Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ П. И. Ловцова.

Ежедн.: блины, свѣжая икра, балыкъ, семга, рябчики, каша Гурьев.

ДЛЯ СЛАБЫХЪ И ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХЪ

MAISON DE REPOS

Docteresse B. LEVANTISSE

Діэтическій столъ. Прекрасный уходъ. Комфортъ модерить. Большой садъ. Гидротерапія, Массажъ, Гимнастика. Ультра-фіолетовые лучи, Діатермія.

Постоянное дежурство врача

Комната съ полнымъ пансіономъ, включая уходъ и пр. отъ 50 фр. въ сутки.

(5 минутъ отъ **Porte Champerret** около **25, Bd Bineau**)

47. rue Parmentier, NEUILLY s/s

Téléphone: MAILLOT 10-84

PARAMÉ (Ille-et-Vilaine)

Hôtel de l'Union

Прекрасный пляжъ для купанія. Хорошая кухня

Августъ 32 - 36 фр., Сент. 26 - 28 фр.

Pension de Famille

68bis, rue du Château, Asnières

Тишина. Садъ. Полный комфортъ. Ванная комната.

35 - 45 фр. въ день

Grésillons 21 - 44

САМАЯ БОЛЬШАЯ

САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ

РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ

„НАША РѢЧЬ“

издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.

Редакторъ-Издатель: **С. М. ГАЗІЕВЪ.**

Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse*. Въ Парижѣ — въ « *Publicité Metzl* », *Rue de Turbigo*, 51, *Paris VIII*e и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ «Нашей Рѣчи» С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier*, 7, *Paris IX*e.

LE CAFÉ MARTIN

DÉPÔTS

Paris-Banlieue-Province

PARIS-BANLIEUE PROVINCE

4f.50 LES 250 GRS **4f.70**

Le "Café Martin" ne comporte qu'une seule qualité et vous êtes certain en le consommant d'obtenir le meilleur café au prix le plus juste.

34, RUE JOUBERT PARIS

Le Café Martin

СКЛАДЫ : въ Парижѣ, окрестностяхъ, провинціи

4фр.50с. ЦѢНА 250 гр. **4фр.70с.**

LE CAFÉ MARTIN существуетъ только одного сорта и, употребляя его, Вы можете быть увѣрены, что получаете лучшее кофе по самой дешевой цѣнѣ.

34, rue Joubert, PARIS

BERCK-PLAGE PENSION MILA

12. rue Lavoisier

въ 2-хъ шагахъ отъ пляжа

ХОРОШІЙ ПИТАТЕЛЬНЫЙ СТОЛЪ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ

Паста - Порошекъ - Эликсиръ

ESKA

по форм. С. С. Кострицкаго б. зубн. врача Госуд. Импер.

Наилучшія, научно - обоснованныя средства для ухода за зубами и полостью рта

Продаются только въ аптекахъ

Laboratoires ESKA, A. Hobchette

Dr. en Pharmacie.

76, rue Orfila, PARIS (20)

Зубоврачебн. кабинетъ **М. Когенъ**

D. F. M. P.

8, Rue Duban (16). Pl. Passy. Auteil 95-14

Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6. Остальные дни 10-8 час. веч.

Юридическій Кабинетъ

БЮРО ОФФИЦІАЛ. ПЕРЕВОДОВЪ

Консультаціи и выполн. всѣхъ формальностей предписан. новымъ закономъ и соціальн. страх., исключ. утромъ до 12 съ половиной час.

MARC BILLIS et FILS

присяжный переводчикъ при Парижскомъ трибуналѣ и кандидатъ правъ (Парижскаго университета).

24. rue Lafitte, Paris.

Tél. : Provence 84-56. Métro Opéra.

Пріемъ отъ 9 до 12 и отъ 2 до 6.30 ч.

Существуетъ въ Парижѣ съ 1864 г.

Говорятъ по русски.

Дав. Е. Каганъ

Кандидатъ Парижск. Унив.

Взысканія, уставы общ-въ, разводы и проч.

новый адресъ :

8, square Port Royal (13)

(15, rue de la Santé)

Tèlephone Gobelins 61-95

пріемъ 10—12 и 6—8 ч. веч.

А. С. ШАПИРО

Петр. Прис. Пов. licencié en droit

Налоги, патур., уставы, Prud'hommes

11, rue Mogador, tél. Centr. 11-35.

Ежедн. 11-12 и 5-6 ч., суб. 11-12 ч.

ПРИ РЕДАКЦІИ « С А Т И Р И К О Н А » ОТКРЫТЪ

Книжный Складъ

Читатели и подписчики «Сатирикона» могутъ выписывать черезъ **Книжный Складъ**

ЛЮБЫЯ РУССКІЯ КНИГИ, ПОЯВИВШІЯСЯ НА КНИЖНОМЪ РЫНКѢ.

Стоимость книги (по каталогу) можетъ быть выслана переводомъ по почтѣ, банковскимъ чекомъ или въ заказномъ письмѣ въ мѣстной валютѣ по курсу дня

Читатели « С а т и р и к о н а » ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.

С П И С О К Ъ № 4 (цѣны въ французскихъ франкахъ)

«ЗОЛОТАЯ БИБЛІОТЕКА». Подъ ред. Л. М. Вольфа.

Загоскинъ. Юрій Милославскій (420 стр.). Въ папкѣ	**26.—**	**Тургеневъ.** Записки охотника (403 стр.). Въ папкѣ	**19.50**
Олькотъ. Маленькіе мужчины (547 стр.) Съ ил. Въ п.	**32.50**	(«Записки охотника» имѣются также въ дешевомъ изданіи для школъ. Цѣна: фр. **10.40**).	
Гауфъ. Сказки (232 стр.) Съ иллюстрац. Въ папкѣ	**15.60**	**Всѣ перечисленныя книги имѣются также въ подарочныхъ коленкоровыхъ переплетахъ съ золотымъ тисненіемъ.** (Дороже на фр. **6.50**)	
Чарская. Газаватъ (310 стр.), съ 120 илл. Въ папкѣ	**23.40**		
Бушъ. Веселые разсказы (270 стр.) съ илл. Въ папкѣ	**20.80**		
Басни Крылова. (352 стр.). Съ иллюстр. Въ папкѣ	**15.60**		

Всѣмъ желающимъ высылается безплатно полный каталогъ вышедшихъ за-рубежомъ книгъ и журналовъ.

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky*, Mehitarsitengasse, 4, Wien VII. Цѣна отд. ном. 1 шилл.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8. Цѣна отд. ном. 20 л.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin*, Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tel. Barbarossa 4881. Postscheckkonto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГРЕЦІЯ.	Аѳины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitorv, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport*, 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 70 л. с.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko*, Khiabané Post Hané Koutcha Beha es Saltaneh N°4. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovie. Цѣна отд. ном. зл. 1.35.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré. Цѣна отд. ном. 25 лей
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York.
	Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra. Цѣна отд. ном. 25 піастр.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov*, Boulevardin, 17, Helsingfors. Ц. отд. ном. ф. м. 6.50
	Выборгъ. — *Ivankov*, Linnankatu, 8, Wiiborg.
	Келломяки. — *Reiche*, Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel Ц. отд. н. К.Ч. 5.50
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon*, Goldsehmiedstrasse, Reval.
	Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 70 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre*, Ul. Kn. Mihailova br. 27.

У ДИМЫ УСОВА
въ ресторанѣ "ДЖИГИТЪ"
19, Boulevard Edgard-Quinet
Музыка. Пѣніе. Танцы. ежедневно играетъ Михаилъ Бурже
Prix fixe 7.50 до 9 часовъ вечера и à la carte
Ресторанъ всѣгда открытъ всю ночь

РЕСТОРАНЪ
"CHEZ KORNILOFF"
6, rue d'Armaillé между avenue Carnot и des Ternes
(Tél. Carnot 52 - 49
Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ влад.
Ф. Д. КОРНИЛОВА.
Prix-fixe Завтракъ — 15 фр.
Обѣдъ — 20 фр. и à la carte
ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА:
Среда — ботвинья; четв. — чахохбили; пятн. — царскій студень; субб. — разсольникъ; воскр. — поросенокъ; пон. — бефъ-бун; вторникъ — пельмени.
Ежедн.: кулебяка, блины, осетрина, рябчики, чахохбили, гурьев. каша
Самый элегантный и уютный русско-французскій ресторанъ Парижа

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ Л. РИХТЕРЪ, Рига
Представительница Е. Михайловская
9, rue Auguste Vitu, Paris (15). Métro Javel. Tél. Vaugirard 65-59.
Гарант. посылки съ мыломъ
и др. наилучш. латвійскими продуктами въ Россію безъ ограниченія нормы. Получатель не несетъ никакихъ расходовъ. — Кратчайшій срокъ доставки. Самыя дешевыя цѣны. — Пріемъ заказовъ ежедневно, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней съ 9 час. утра до 9 час. вечера.

ПЕРЕВОДЫ и ПОСЫЛКИ въ РОССІЮ
на небывало выгодныхъ условіяхъ
Переводы съ ручательствомъ за выплату въ 15 дней.
BANQUE pour l'ARBITRAGE et COMMISSION
6, Rue Buffault. PARIS (9e) Tél. Provence 95-20 и 95-21

Общество взаимнаго Кредита "СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). Tél. Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Сѣсуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрышн. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер.

Денежные переводы
и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9

Прошедшее, настоящее и будущее
Извѣстная Ясновидящая
пріемъ ежедневно, кромѣ
воскрес. 3—7 ч. веч.
Mme Cherbatoff
10 rue Froidvaux, второй этажъ
рядомъ съ метро Denfert Rochereau

ПЕРЕВОДЪ
ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ
ПОСЫЛКИ принимаетъ
Комитетъ Помощи Голодающимъ
въ Россіи (Comité Russe de Secours)
7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9)
M-o Clichy. Tél. Trinité 23-92 et la suite
Пріемъ исключительно отъ 3—7

IMPRIMERIE
COOPÉRATIVE ÉTOILE
17, Rue de la Comète
Téléphone : Invalides 11-50
PARIS (7)
R. C. S. 227.770
Métro : La Tour-Maubourg
TOUS GENRES DE TRAVAUX
EN TOUTES LES LANGUES

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала контора журнала
САТИРИКОНЪ
проситъ г.г. подписчиковъ, срокъ подписки коихъ истекаетъ, ВОЗОБНОВИТЬ ЕЕ заблаговременно

СТАРАЯ МЕБЕЛЬ
Большой выб. всевозм. мебели. Меб. КРАСН. ДЕРЕВА, Empire, Louis Phil. и совр. Цѣны искл. дешевыя, возмож. разсрочка платежа. Предупредить о посѣщ. предп. до 15 ч.
А. А. СТАХОВИЧЪ въ Аньерѣ:
8, 12, rue Nanterre, 33, rue Franklin. Tél. Gresillon 10-96.
8 мин. электр. поѣзд. отъ Сэнъ-Лазарь, 2 мин. отъ вокзала Asnières (côté Asnières).

TOUT DERNIER CONFORT
ASCENSEUR - CHAUFFAGE CENTRAL - CHAMBRES avec BAINS - EAU CHAUDE ET FROIDE
Tél. VAUGIRARD 10-77
Télégr. Hotelef 5 Paris
PENSION-HOTEL DE LA PORTE DE VERSAILLES
15, rue de la Grotte PARIS (15e)
Angle du Boulevard Lefebvre - Près la Foire de Paris
Nord-Sud : Porte de Versailles - Aut. : Aut. A. G. Bourse - Tram. : 89 Hôtel de Ville

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), téléph. Inval. 11-50 Le Gérant : *N. Kornfeld.*

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ И ЮМОРА

Сатирикон'

Отъ редакціи

Для того, чтобы сдѣлать «Сатириконъ» своей настольной книгой, надо:

— прежде всего аккуратно складывать его номеръ за номеромъ;

— затѣмъ, всѣ собранные номера переплести въ изящный переплетъ;

— а въ концѣ подписного года посмотрѣть на себя въ зеркало, и въ восторгѣ воскликнуть:

— Боже, какое у меня одухотворенное выраженіе лица и какой тонкій взглядъ на вещи!

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи . . . . . Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ странахъ, вход. въ составъ Всем. Почтоваго Союза	160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза	177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**

Téléphone: GUTENBERG 05-40

PRIX EN FRANCE : Frs 3. –

29 АВГУСТА 1931. 29 AOUT 1931.

ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

Сатиконъ

SATYRICON

1931

Hebdomadaire Russe

еженедѣльное изданіе

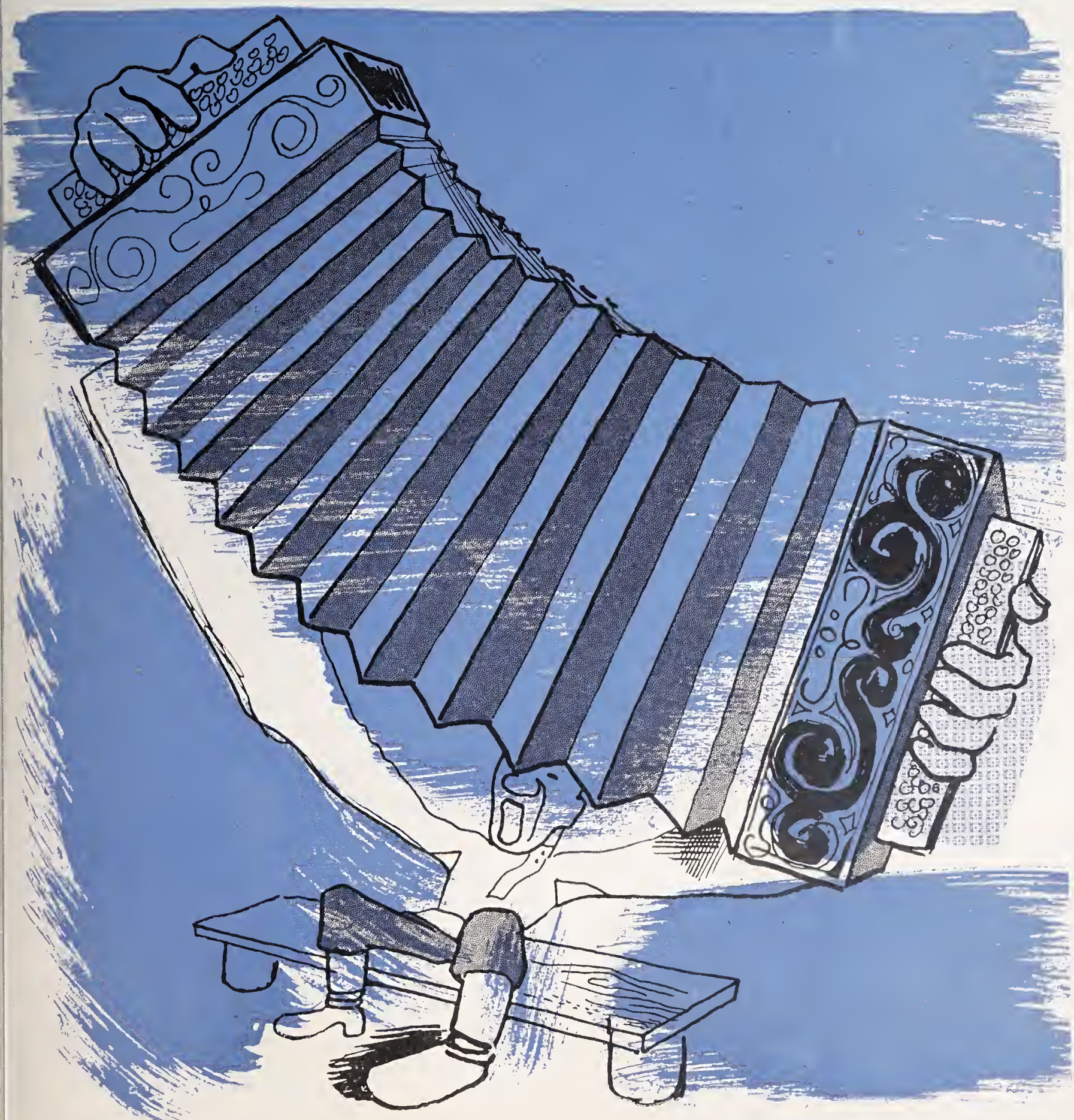
Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)

№ 22

Directeur M. Kornfeld

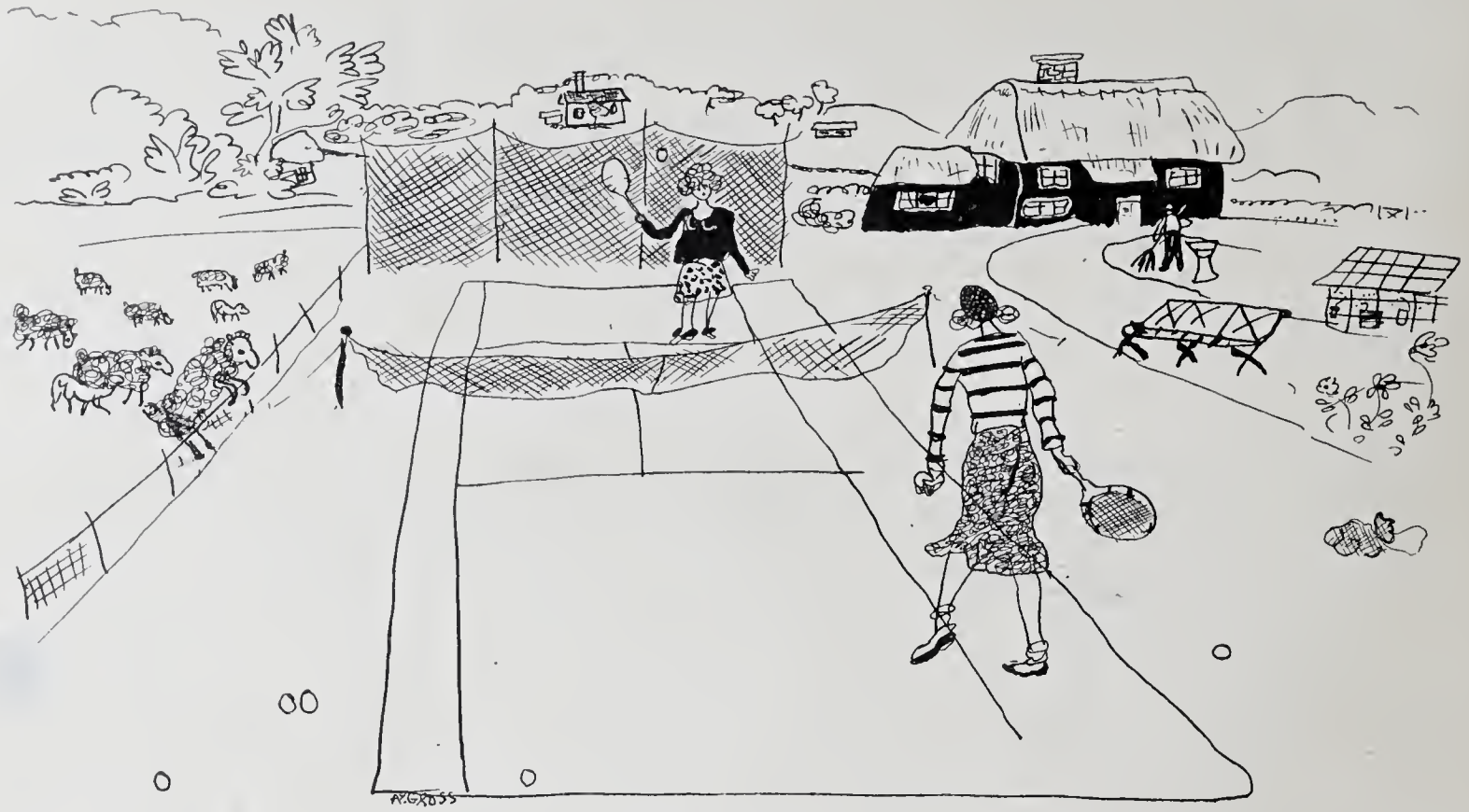
ЧАСТУШКА

Рис. Шараю



Яблочко, яблочко
Куда ты котишься
Попадешь въ Г. П. У.
Не воротишься . . .

Рис. А. Гросса.



Теннисъ въ деревнѣ.

КАМАРИНСКАЯ

Въ Москвѣ устроены «образцовые вытрезвители», въ которыхъ изъ желудка пьяныхъ насильственно выкачиваютъ алкоголь.

«Красная Газета».

По бульвару Клары Цеткиной домой
Шелъ рабочій Трактoръ Кузькинъ изъ пивной.
Фонарю на перекресткѣ подмигнулъ:
«Третьи сутки, братъ, прогулъ, прогулъ, прогулъ!».

Вдругъ, мучители злодѣйскіе,
Выбѣгаютъ милицейскіе.

Старшій Трактора схватилъ подъ локотокъ
И въ роскошный вытрезвитель поволокъ.
Трактoръ Кузькинъ отбивается, оретъ,
А злодѣй ему: «Впередъ, впередъ, впередъ!

Неча груши околачивать!»
И давай его выкачивать...

Докторъ, аспидъ, приготовилъ бочекъ пять,
Вылилъ водку, началъ пиво выливать...
«Нѣтъ» — вздыхаетъ — «не дотянемъ до шестой!
Онъ совсѣмъ уже пустой, пустой, пустой».

Послѣ черти окаянные
Потащили прямо въ ванную.

Ухмыляясь, дюжій фельдшеръ-хулиганъ
Цѣликомъ суетъ несчастнаго подъ кранъ —
И потомъ еще ему же подаетъ
За такое обращенье счетъ, счетъ, счетъ.

Тутъ вполнѣ, какъ полагается,
Бѣдный Трактoръ протрезвляется.

Съ кулаками насѣдаетъ на врача:
«Ты вино мое выкачивалъ для ча?!
Воровать изъ брюха водку — это что-жъ?
Окончательный грабежъ, грабежъ, грабежъ!

Ужъ отвѣтишь ты и прочіе
За гроши мои рабочіе.

Въ животѣ-то, кромѣ хлѣба, кромѣ щей
Было полностью вина на шесть рублей.
Наплевать мнѣ и на воблу, и на чай —
Ты мнѣ выпивку отдай, отдай, отдай!»

Докторъ злющій, невнимательный,
Обозвалъ его телятиной,

Для острастки милицейскаго позвалъ —
Да никто не появлялся на скандалъ.
Врачъ сердито дверь рванулъ, что было силъ,
И въ испугѣ ротъ открылъ, открылъ, открылъ...

Вотъ-те братцы, и исторія!
Посреди амбулаторіи

Въ умиленьи, передъ бочками съ виномъ,
Милицейскіе устроились кругомъ —
Хлещутъ тракторскій, безплатный алкоголь...
Вновь выкачивать изволь, изволь, изволь!

Маркіанъ Малаевъ.

НАЧАЛО СКАЗКИ.

— Мама, всѣ сказки начинаются такъ: «Въ нѣкоторомъ царствѣ въ нѣкоторомъ государствѣ»?...

— Нѣтъ, милый не всѣ. Нѣкоторыя сказки начинаются такъ: «Сегодня вечеромъ у меня опять очень важное засѣданіе»...

ХВАСТОВСТВО НА МИССИСИПИ.

— Слушай, я тебѣ такъ дамъ колѣнкой подъ одно мѣсто, что ты у меня взовьешься такъ высоко, что если у тебя нѣтъ случайно въ карманѣ куска хлѣба, ты у меня упадешь на землю мертвый отъ голода!...

О МЫЛѢ САВОНЪ И ПРОЧЕМЪ

...Читалъ о съѣздѣ урбанистовъ и архитекторовъ и о томъ, какъ надо строить города-сады съ висячими тротуарами и вертящимися котэджами.

Проэктъ совершенно умопомрачительный.

Если не считать лопарей и эскимосовъ, то все остальное человѣчество будетъ выходить окнами на солнечную сторону, съ утра и до вечера, и безъ перерыва на обѣдъ.

Достаточно будетъ нажать кнопку, или, какъ любезно говорятъ во Франціи, обыкновенный бутонъ, и уютный, зеркальный домикъ немедленно опишетъ полныхъ девяносто градусовъ вокругъ своего собственнаго домовладѣльца и повернется на востокъ, переднимъ фасадомъ къ солнцу, а заднимъ къ эскимосамъ.

Вообще надо прямо сказать, что урбанисты это не тѣ люди, которые обращаютъ вниманіе на національное меньшинство...

Кромѣ постояннаго свѣта и воздуха, потомки наши будутъ имѣть и другія удовольствія, вродѣ электрическихъ насосовъ, призванныхъ замѣнить устарѣвшій носовой платокъ, или взаимныхъ вентиляторовъ для пріема гостей, или усовершенствованныхъ аппаратовъ для чистки брюкъ по телефону и по радіо.

Получасовой рабочій день окончательно возстановитъ пришедшую было въ упадокъ промышленность, а остающіеся двадцать три часа и тридцать минутъ будутъ широко использованы для общественнаго купанія и обязательной ритмической гимнастики.

И каждый, достигнувшій совершеннолѣтія потомокъ будетъ неизмѣнно повторять:

— Мнѣ хорошо сегодня, потому что завтра можетъ быть еще хуже!..

Единственно, о чемъ господа урбанисты не подумали, это о рекламахъ большого города и о вліяніи ихъ на душу человѣка и средняго гражданина!..

Неужели же имъ еще до сихъ поръ не пришло въ голову, что грядущее человѣчество для того, чтобы быть счастливымъ, должно прежде всего быть свободнымъ?!..

Неужели они не понимаютъ, до какой степени порабощенія и обезличенія доводитъ человѣческую индивидуальность этотъ проклятый и подавляющій двигатель торговли?!

Незамѣтно, упорно, съ неустанной, внѣдряющейся въ сознаніе и просачивающейся въ подсознаніе настойчивостью, огромная, нахальная, отовсюду вылѣзающая, отовсюду выпирающая, безстыдная, откровенная, наглая, преслѣдуетъ тихаго, средняго, безобиднаго человѣка эта страшная, городская реклама.

Человѣку хочется тишины, покоя, дуновенія эфировъ и, въ крайнемъ случаѣ, щебетанія ласточекъ, а его грубо хватаютъ за шиворотъ и, безъ всякихъ церемоній, приказываютъ:

— Употребляйте мыло Савонъ!..

А можетъ я не желаю мыла Савонъ?

А можетъ оно мнѣ противно до высшей степени?

А можетъ я это мыло Савонъ и видѣть не хочу?!

Такъ говоритъ неподкупленный и уважающій себя гражданинъ, который мылится тѣмъ, чѣмъ подсказываетъ ему его чуткая совѣсть...

Увы! напрасное негодованіе, безполезная, безсмысленная борьба.

Если не теперь, то черезъ годъ, то черезъ два, и если не въ расцвѣтѣ силъ, то на склонѣ жизни, все равно человѣкъ уничтоженъ.

Онъ станетъ употреблять мыло Савонъ!

И — съ высоты освѣщенной развратными прожекторами рекламы — рахитической улыбкой большеголоваго ребенка будетъ торжествующе улыбаться самъ Сатана.

И, въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ мыслить и страдать, бороться и донкихотствовать, когда малѣйшее движеніе благороднѣйшей души, непроизвольное сердцебіеніе пламенѣющаго сердца... заранѣе обречено, расчитано, взвѣшено?!

— «Одѣвайтесь у портного Мавракія!».

— «Выводите ваши пятна на Сенъ-Жермэнъ!»

— «Чистите ваши зубы зубной пастой Пьера!».

— «Натирайтесь передъ сномъ кремомъ номеръ 14».

— «Смазывайте ваши шины масломъ Ойль!».

— «Пейте какао Ванъ-Гутенъ!».

— «Жертвуйте на Голодную Пятницу!».

— «Промывайте желудокъ Другомъ Желудка!».

— «Требуйте пилюли Иксъ!».

— «Заказывайте парики у Лазаря!».

— «Употребляйте мыло Савонъ!..».

И тихій, беззащитный, безпомощный человѣкъ, которому надо щебетанія ласточекъ, человѣкъ этотъ никнетъ, вянетъ и, послѣ изнурительной и неравной борьбы, идетъ на все: промываетъ желудокъ, выводитъ пятна, употребляетъ Савонъ и натирается номеромъ 14-мъ, а для чего, неизвѣстно...

Донъ-Аминадо.

ЖЕРТВА КРИЗИСА.

Анекдотъ въ картинкахъ.

Рис. Г. Шильтяна.

— Что ты дѣлаешь? Съ ума сошелъ?

— Видишь, вѣшаюсь!

— Да развѣ такъ вѣшаются! За горло надо...

— За горло?!.. Пробовалъ, задыхаюсь!

ШАГИ ИСТОРІИ

Несмотря на очень жаркую весну, всѣ окна, форточки и даже вентиляторы въ одной изъ лекціонныхъ залъ московской консерваторіи закрыты. Профессоръ исторіи музыки Африканъ Семеновичъ Кондратьевъ совершенно не переноситъ сквозняка, но согласитесь сами, что вѣдь ему тоже нужно ѣсть, а для того, чтобы ѣсть, надо читать лекціи, а чтобы читать лекціи, надо быть здоровымъ. Это маленькій 78-лѣтній старичокъ, глуховатый, подслѣповатый, страшно разсѣянный, но въ то же время крикливый и воинственный, какъ пѣтухъ. Словомъ смѣшной. А такъ какъ молодежь, даже комсомольская, любитъ смѣшное, то она любитъ и Африкана Семеновича. Самое смѣшное въ немъ это то, что онъ, какъ извѣстно москвичамъ, «проспалъ всѣ три революціи». Проспалъ 1905-й годъ, проспалъ февраль, проспалъ октябрь. Прощая и даже одобряя все очень смѣшное, аудиторія прощаетъ ему и это. Тѣмъ не менѣе профессоръ «ловчится» и на всякій случай старается отыскать революцію даже тамъ, гдѣ ея и въ поминѣ не могло быть.

— Исторія музыки, — выкрикиваетъ онъ, — какъ исторія всякаго другого искусства не могла не отразить ту борьбу... то движеніе... то стремленіе, какъ это сказать... которыя, невзирая на тысячепудовый гнетъ реакціоннаго безвременья... однимъ словомъ, да!.. прорывали желѣзную твердыню реакціи, и этихъ стремленій ничто не могло задушить. Да-съ! Перехожу къ иллюстраціямъ. Товарищи иллюстраторы, приготовьтесь! (баритонъ откашливается, піанистъ беретъ нѣсколько аккордовъ)... Я сейчасъ демонстрирую вамъ, какъ это сказать, да!... тотъ предѣльный максимумъ революціонности, который... который... да гдѣ же она, куда я ее дѣлъ... вы не видали, товарищи?..

— Кого ее? — кричатъ ему со всѣхъ концовъ, — революціонность?.. что вы ищете?.. что вы потеряли?..

— Пачку нотъ. Куда я ее положилъ?

— Она у васъ подъ руками.

— Нѣтъ, это другая. Это современные отрывки.

— На полу еще пачка. На полу!

— Благодарю васъ. Вотъ. Сейчасъ. Большинству изъ васъ извѣстна «Увертюра 12-го года» Чайковскаго, гдѣ, среди звона колоколовъ и мелодіи народнаго гимна, начинаетъ прорѣзываться марсельеза. Шаги исторіи неумолимы. Они, какъ сказать, да!.. надвигаются, нависаютъ, да-съ, нависаютъ, какъ древній фатумъ. Нашелъ. Берите ноты. Да ну же, скорѣй.

— Эхъ, яблочко, — хватаетъ со всего маху баритонъ, — да куды котишься, — и, съ запозданіемъ понявъ ошибку профессора, замолкаетъ.

Молодежь восторженно грохочетъ.

— Онъ нечаянно не изъ той пачки взялъ.

— Вотъ это такъ марсельеза!

— А что вы хотите, граждане! Это и есть русская марсельеза. Если бы Чайковскій былъ пророкомъ, то онъ бы «Яблочко» въ увертюру обязательно вставилъ...

— Ефремовъ, попридержи языкъ, не бузи!

— Самъ не бузи!

— Тише! Ти-ше! — надрывается профессоръ, — увертюра куда-то запропастилась. Я вамъ болѣе яркій образчикъ изъ «Двухъ гренадеровъ»... Гдѣ же они?.. Да, здѣсь. Не все, только отмѣченное краснымъ карандашемъ.

«Ты орденъ на ленточкѣ красной, — съ экспрессіей поетъ баритонъ, — положишь на сердце мое, и шпагой меня опояшешь, и въ руки мнѣ вложишь ружье. И сладко, и чутко я буду лежать, какъ на стражѣ въ гробу...».

— Вы слышите, какъ надвигается, — продолжаетъ профессоръ, но его сразу перебиваетъ нѣсколько голосовъ:

— Что надвигается? Что?

— Тутъ никакой революціи нѣтъ.

— Наполеоновскій солдатъ тоскуетъ по своемъ императорѣ.

— Тутъ революція и не ночевала.

— Не ночевала? — подхватываетъ профессоръ, — вполнѣ съ вами согласенъ. Однако марсельезу-то, запрещенный революціонный гимнъ, подъ предлогомъ этого самого солдата-съ, распѣвали на концертахъ. И производили фуроръ. Я и хочу сказать, какъ это сказать, да!.. Однимъ словомъ, когда нѣтъ революціи, то откуда ее взять...

— Вотъ это правильно!

— Здорово отбрилъ!

— Съ этого и начали бы, профессоръ!

— А то все: надвигается да надвигается...

— Тише вы, черти полосатые! — добродушно кричитъ вошственный старичокъ, — дайте досказать. Я про то и говорю. Если не считать знаменитой «Дубинушки», то въ русской музыкѣ періода реакціи вы не найдете и намека на общественный протестъ. Опера была сплошь реакціонна. Примѣровъ этой реакціонности...

— Вы обѣ пачки смѣшали, профессоръ!

Современная наверху, до-революціонная внизу.

— Благодарю васъ. Я не собираюсь демонстрировать вамъ примѣровъ реакціонности въ оперѣ. Я перехожу къ романсу. Что касается романса того времени, то наиболѣе популярной темой его была тюрьма. Да, тюрьма-съ. Приведу вамъ два примѣра: романсъ Гречанинова на слова Пушкина и арестантская пѣсня Слонова на слова Скитальца. Гдѣ они, вотъ кажется... возьмите.

«Отворите окно отворите, — заунывно подъ шарманку, поетъ баритонъ, — мнѣ не долго осталося жить...».

— Тише! Ти-ше! — снова надрывается профессоръ надъ грохочущей аудиторіей, — тише, прошу васъ. Это несерьезное отношеніе къ дѣлу...

— А вы бы сначала ноты подобрали.

— Зачѣмъ, товарищи, такъ куды веселѣе...

— Ну, теперь онъ все спуталъ, всѣ ноты на манеръ картъ перетасовалъ.

— Все равно, — кричитъ профессоръ, — обойдемся на этотъ разъ безъ иллюстрацій. Важенъ принципъ. За тюремной тематикой скрывался особый чисто-революціонный смыслъ, и пѣвцы умѣли иногда вложить въ свое исполненіе крикъ неудержимаго протеста, доказывающаго, что неумолимыхъ шаговъ исторіи не заглушить никакими тюрьмами. Да вотъ-съ, пожалуйста, посчастливилось найти... Вотъ, только эти двѣ строчки.

— Да это хоръ изъ «Пиковой Дамы» — возражаетъ піанистъ.

— Не вмѣшивайся, товарищъ, — кричатъ ему, — жарь!

— Что же вы медлите, — волнуется профессоръ, — скорѣе же, чортъ возьми!

Баритонъ, прячась за ноты, каверзно машетъ рукой и, едва удерживаясь отъ смѣха, бравурно «жаритъ»:

Славься симъ Екатерина,
Славься нѣжная къ намъ мать!

— Вотъ это я понимаю протестъ противъ реакціоннаго строя!

— Браво, профессоръ, браво!

— Тише, товарищи, дайте профессору исправить ошибку... Видите хочетъ сказать.

— Перестаньте же наконецъ! — перекрикиваетъ профессоръ хохочущую аудиторію, — ошибка дѣла не мѣняетъ. Я ничего и не утверждалъ. Какъ вы помните, въ началѣ лекціи я констатировалъ, что только октябрьская революція вложила истинную музыку въ истинныя формы. Языкъ музыкальнаго искусства сталъ языкомъ народныхъ массъ, и шаги исторіи зазвучали бодрымъ... бодрымъ шагомъ, виноватъ, исторія зашагала... какъ это сказать, да!.. бодро зашагала впередъ. Изъ нѣсколькихъ иллюстрацій... Сейчасъ, тутъ у меня не будетъ путаницы, тутъ у меня все въ порядкѣ...

— Довольно иллюстрацій, знаемъ, знаемъ...

— Коли не будетъ путаницы, то не для чего и сидѣть.

— Что вѣрно, то вѣрно. Жарища чортова. Окна откройте, товарищи, слышите музыка, никакъ физкультурники идутъ...

— Айда, ребята, на улицу. Тамъ повеселѣй музыка, чѣмъ «Славься симъ Екатерина»...

— До слѣдующей лекціи, профессоръ!

. . . . . .

— Ушли! — говоритъ послѣ небольшой паузы Африканъ Семеновичъ въ опустѣвшее пространство аудиторіи. — Никого!.. И баритонъ туда же поперъ!.. И піанистъ!.. Тэкъ-съ!

Анатолій Каменскій.

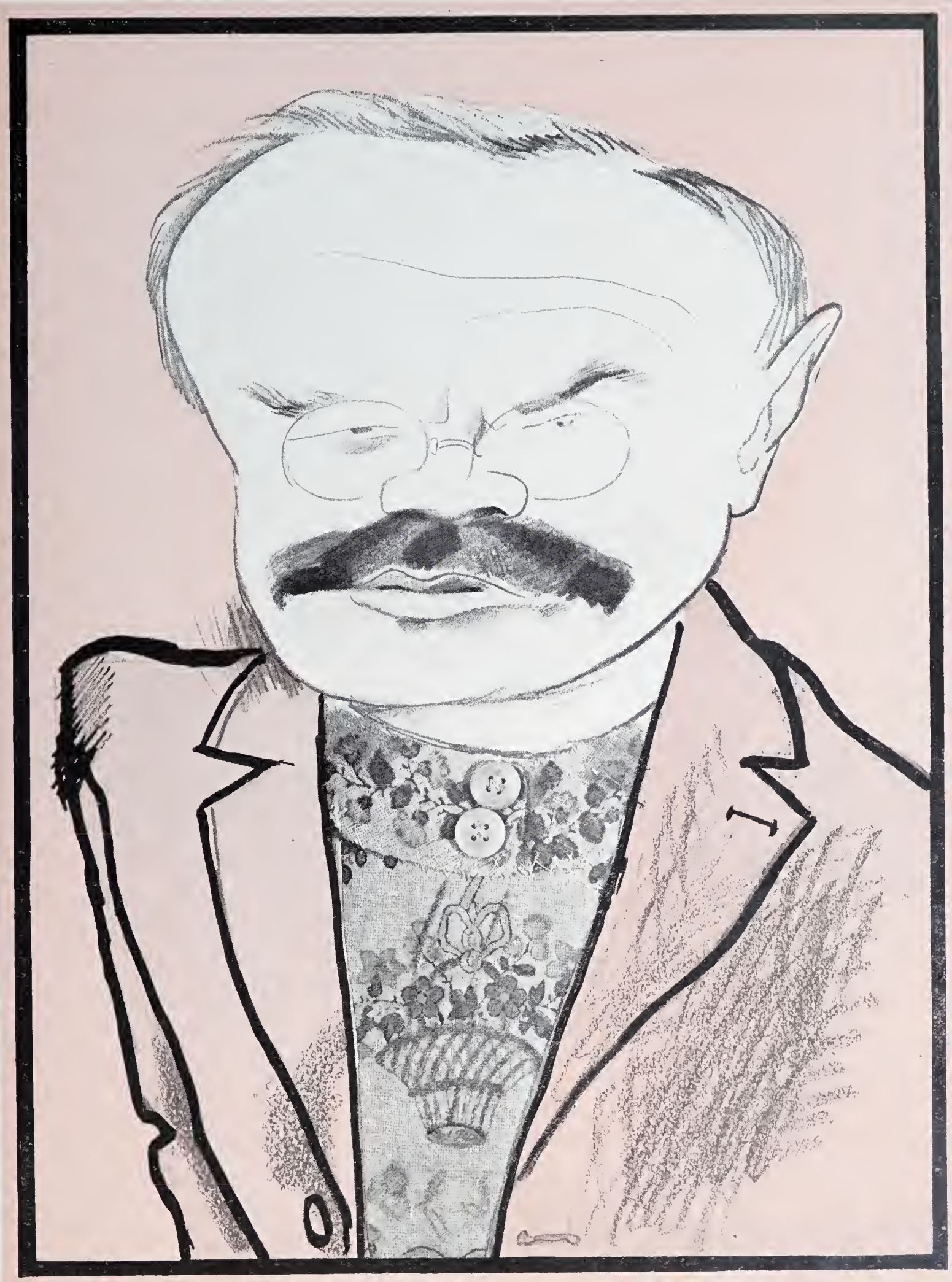
1931. Парижъ.

КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

МОЛОТОВЪ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ СОВѢТА НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Рис. А. Шараю.



Всѣхъ доказательствъ въ мірѣ тверже
На немъ легко намъ доказать,
Что можетъ собственныхъ Ллойдъ-Джоржей
«Россійская земля рождать!...»

МУДРЫЙ МЛАДЕНЕЦЪ.

(Одобрено 12-ымъ съѣздомъ совѣтовъ для постановокъ въ клубахъ, театрахъ СССР).

Дѣйствующія лица:

Онъ.
Она.
Новорожденный.
Хоръ сознательныхъ рабочихъ и крестьянъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Портретъ Ленина, два стула. Онъ и Она.

Онъ. — Наконецъ-то! Аделанда, моя крошка, моя пятилѣточка, почему ты опоздала?

Она. — Я мѣняла имя и фамилію...

Онъ. — Тебя больше не зовутъ Аделандой Трупчикъ?..

Она. — Теперь меня зовутъ Октябриной Воскресенской!

Онъ (въ экстазѣ). — Октябрина!... Милая, ненаглядная, рабоче-крестьянская. Какой сюрпризъ! Знай-же, я тоже перемѣнилъ имя и фамилію. Мнѣ надоѣло быть Кузьмой Подштанковымъ. Зови меня Молотомъ Галифэ!

Она (мечтательно). — Галифэ...

Онъ. — Галифэ это звучитъ гордо!

Она (обнимаетъ его). — Въ твоихъ честныхъ партійныхъ глазахъ сіяетъ заря новой жизни...

Онъ. — А въ твоихъ горятъ огни міровой революціи...

Она (кокетливо). — Комплиментщикъ!...

(Поцѣлуи).

Онъ и Она (вмѣстѣ). — Ѣдемъ въ «Загсъ»!!!

(Убѣгаютъ).

(На сцену входятъ сознательные рабочіе и крестьяне съ пѣньемъ интернаціонала).

(Публика подпѣваетъ).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Портретъ Ленина, кушетка. Онъ и Она.

Онъ. — Теперь, когда мы стали мужемъ и женой, поклянись въ вѣрности... — не мнѣ, о нѣтъ! — поклянись въ вѣрности рабочему классу.

Она. — Клянусь!

Онъ. — Ты слышишь, Ильичъ?

Хоръ сознательныхъ тружениковъ (за сценой). — Слышимъ!
Слышимъ!
Слышимъ!

Онъ (обращаясь къ портрету). — Вождь угнетенныхъ! Твоимъ голосомъ говорятъ пролетаріи всего міра! (Обнимаетъ ее, подводитъ къ кушеткѣ и попрежнему, обращаясь къ портрету Ильича). — Нашу первую брачную ночь мы посвящаемъ Тебѣ!

(За сценой интернаціоналъ).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Портретъ Ленина и колыбель.
Дѣйствующія лица тѣ-же + новорожденный.

Первый рабочій (подходя къ колыбели). — Какъ уже?

Второй рабочій. — Быстро, мѣсяцъ теперь...

Онъ (перебиваетъ Второго рабочаго). — Въ разгаръ пятилѣтки такія замѣчанія совершенно неумѣстны!

Она (показывая новорожденнаго). — Его зовутъ Серпомъ... Это мальчикъ...

Первый рабочій. — Серпъ Молотовичъ Галифэ, значитъ...

Второй рабочій. — Вотъ это я понимаю, а то Ваня, Петя, Коля...

Онъ. — Наши мозолистыя пролетарскія уши не выносятъ такихъ звуковъ!

Первый и Второй рабочіе (вмѣстѣ). — Что правда, то правда.

Новорожденный (кричитъ). — Ла, ла, ла, ла...

Она (суетъ новорожденному соску). — На, не кричи.

Новорожденный (съ негодованіемъ бросаетъ соску). — Я кричу отъ того, что изъ за меня вы не занимаетесь партійной работой! (Обращаясь къ рабочимъ, декламируетъ):

— Товарищи!
Нынче явившись на свѣтъ,
Я конечно всѣхъ васъ моложе,
Но, зачѣмъ мнѣ соска?!...
— Партійный билетъ
Мнѣ во сто разъ нужнѣй и дороже!
Товарищи!
Вы знаете, — меня зовутъ Серпомъ,
Это не имя, а программа!
Товарищи!
Отнесите меня въ «дѣтъ-домъ»
И отдайте на попеченье мамокъ!!!

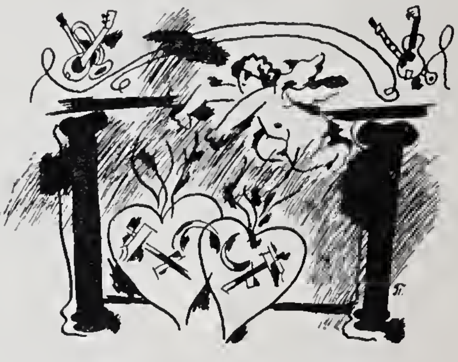
Хоръ рабочихъ и крестьянъ. —
— Товарищи! Отнесемъ его въ «дѣтъ-домъ»
И отдадимъ на попеченье мамокъ!!!

(Подъ звуки того-же интернаціонала рабочіе и крестьяне выносятъ новорожденнаго).

Занавѣсъ.

Апплодисменты (желательно).

Антиной Килькинъ.



ПРИДИРЧИВЫЙ КЛІЕНТЪ.

Заказчикъ умоляетъ портного приготовить ему костюмъ къ указанному дню: ему нужно жениться, ѣхать въ Америку, хоронить тетку, быть на пріемѣ у президента республики, — словомъ, малѣйшее опозданіе грозитъ катастрофой. Портной обѣщаетъ — и, конечно, костюмъ къ сроку не готовъ. Заказчикъ бранится, стучитъ по столу кулакомъ, топаетъ ногами... Портной выслушиваетъ все это хладнокровно и, наконецъ, пожимая плечами, спрашиваетъ:

— Отчего вы, собственно говоря, такъ кипятитесь? Ну, да, я обѣщалъ вамъ костюмъ на понедѣльникъ... Но я думалъ при этомъ — на вторникъ. Такъ если я вмѣсто среды сдалъ вамъ его въ четвергъ, тутъ же нѣтъ еще ничего страшнаго.

СОВРЕМЕННОЕ ПИСЬМО.

«Уважаемый Григорій Марковичъ! Три мѣсяца назадъ я отдалъ вамъ 1.000 франковъ, которые я былъ вамъ долженъ. Къ сожалѣнію, нынѣшнее повсемѣстное положеніе дѣлъ и глубокій кризисъ вынуждаютъ меня просить васъ по возможности немедленно вернуть мнѣ эти деньги».

МИНИМУМЪ.

— Ты опять возвращаешься домой чортъ знаетъ когда? Смотри: на часахъ уже часъ!

— Ттакъ, мммилллая, нна часахъ жже мменьше бытъ нне можжетъ... Этто же ммм-мминнимммумъ...

НИЖЕГОРОДСКОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

Сидѣлъ я какъ-то съ Мефодіемъ Савельичемъ Смуровымъ (извѣстныхъ петербургскихъ купцовъ однофамилецъ) на Большихъ Бульварахъ за столикомъ и слушалъ изливавшуюся скробь нижегородской души его, которой нестерпимо тѣсно было въ этомъ необъятномъ Парижѣ.

— Никогда, — говорилъ онъ пригорюнившись, — русскій человѣкъ не войдетъ цѣликомъ въ здѣшній обиходъ иностранный. Развѣ это народъ? — Мефодій Савельевичъ дернулъ головою въ сторону сидѣвшихъ противъ насъ консоматоровъ. — Какое въ нихъ понятіе? Самое ничтожное! А между тѣмъ, амбицію свою имѣютъ. Вонъ, не угодно ли посмотрѣть на этого щупатаго въ шляпѣ? Нацѣдили ему въ рюмку на полтора франка касису смородиннаго, а сифономъ шипитъ онъ на весь бульваръ и даже нога на ногу, подлецъ, заложилъ. Дескать, вотъ какъ мы въ заведеніи сидѣть можемъ — смотрѣть непріятно.

— Да что-же вамъ, собственно, непріятно-то, дорогой, спрашиваю.

— То-есть, какъ это, что? — изумился Смуровъ и покосился на меня укоризненно. Попробовалъ бы этотъ стрекулистъ у насъ въ Нижнемъ сифономъ шипѣть, такимъ образомъ!

— Будто, говорю, у васъ это не полагалось ?

— Ни въ коемъ разѣ, — строго сказалъ мнѣ собесѣдникъ, — чтобы среди бѣлаго дня холодной воды наливаться? — да гдѣ же это видано?

Онъ побарабанилъ пальцами по столу и потомъ заговорилъ раздумчиво.

— Помню я, еще до японской войны въ трактирѣ — на ярмаркѣ у насъ вотъ какой случай вышелъ. Заходимъ мы какъ-то часовъ въ десять утра съ купцами нашими чайкомъ побаловаться и видимъ — сидитъ въ сторонкѣ у столика вотъ такой-же примѣрно брюнетъ, и тоже сифонъ передъ нимъ стоитъ и на тарелочкѣ что-то такое размазано на манеръ закуски, значитъ. Сидѣлъ онъ, надо правду сказать, смирно: поцѣдитъ малость водицы и лепешечку какую-то изъ кармана вынетъ и за щеку заложитъ. Староста нашъ, покойный теперь, Изотовъ, Герасимъ Васильевичъ, покосился на черномазаго и половому махнулъ: «Давно у васъ это происходитъ?» — «Никакъ нѣтъ-съ, — докладываетъ тотъ, — съ полчасика не болѣе». — «По какой же причинѣ?» — интересуется Изотовъ. А половой нагнулся къ нему и шопотомъ объясняетъ: «Испанскій жонглеръ это, изъ пріѣзжаго цирка, — артистъ и шпагоглотатель». Понятное дѣло, Герасимъ Васильевичъ нахмурился, но промолчалъ. Заказали мы, положенное, порцію чаю, графинчикъ и прочее изъ рыбнаго какого-то и сидимъ, калякаемъ. Однако, нѣтъ-нѣтъ, да на испанца и покосимся. И все мнѣ тогда, помню, думалось: «Вотъ вѣдь есть же на свѣтѣ породы такія несообразныя, что и въ трактирѣ то посидѣть какъ слѣдуетъ не въ состояніи». «Положимъ, — соображаю, — онъ — артистъ и шпагоглотатель испанскій, но тѣмъ не менѣе находится въ Нижнемъ Новгородѣ и русскія денежки отлично, поди, различаетъ даже на ощупь: какая зелененькая, а какая синенькая А лепешки водой запиваетъ съ самаго утра: точно онъ въ Мадридѣ своемъ прохлаждается...» Все-же никто изъ насъ его не трогалъ и разговаривали мы про постороннее.

Смуровъ отхлебнулъ полрюмки коньяку и продолжалъ:

— Герасимъ Васильевичъ сперва сидѣлъ къ испанцу бокомъ, но затѣмъ не выдержалъ и оборотился спиной: «Прямо, говоритъ, терпѣнія нѣтъ никакого». И дѣйствительно, смотрѣть было неудобно. Но крѣпились мы до послѣдней крайности! Когда же перемѣнили намъ третій графинчикъ и свѣжаго кипятку въ чайникѣ долили, паршивецъ этотъ испанскій довелъ таки насъ до недоразумѣнія. Вынимаетъ онъ, вообразите, изъ жилетнаго кармашка зубочистку и, какъ ни въ чемъ не бывало, начинаетъ ковырять ею въ зубкахъ. Ну, тутъ, мы уже не выдержали: Изотовъ прямо лицомъ къ нему оборотился и вмѣшался:

— Какъ же онъ вмѣшался, — спросилъ я, хотя уже предвидѣлъ развязку этого нижегородскаго недоразумѣнія.

— Обыкновено какъ! — Смуровъ сдѣлалъ рукой волнообразный жестъ. — Испанцу кипяткомъ изъ чайника голову ошпарили, а онъ изотовскому прикащику губу вилкой проткнулъ.

— Что же тутъ хорошаго? — попытался скрыть я свою улыбку, — навѣрное въ участкѣ протоколъ писали?

— Обязательно, — подтвердилъ Смуровъ убѣжденно. — Но тамъ же и недоразумѣніе это было выяснено.

— Вотъ какъ! — изумился я.

— Да... документально установили мы, что жонглеръ дѣйствительно испанскаго города Виги — мѣщанинъ и что въ немъ отъ его шпагоглотательной профессіи оказались поврежденными внутренности, почему доктора воспретили ему временно употребленіе спиртныхъ напитковъ.

Изотовъ вошелъ въ его положеніе и все обошлось по хорошему. Артисту сообща четвертной билетъ вынули, а онъ обѣщался Герасиму Васильевичу у него на дому въ именины огненные факелы глотать. И дежурный околоточный на зрѣлище это напросился.

Мефодій Савельевичъ допилъ коньякъ, вытеръ лобъ платкомъ и добавилъ со вздохомъ:

— А здѣсь развѣ съ этими щупатыми сговоришься? Сифонами они шипятъ, ногу на ногу заложивши, а что у нихъ на мысляхъ, чортъ ихъ знаетъ. А вѣдь безпремѣнно всѣ они что-нибудь да думаютъ?

— Вѣроятно, — согласился и я, вставая и пробираясь къ выходу.

— Ни въ коемъ случаѣ, — сокрушенно вздыхалъ за моей спиной Смуровъ, — русскому человѣку здѣсь къ заграничному обиходу приноровиться невозможно. Горизонтъ не тотъ и понятіе вещей у насъ различное.

Мы завернули къ Оперѣ, ища глазами нашъ автобусъ.

Сергѣй Шишмаровъ.

НА ПЛЯЖѢ.

— Пляжъ — это какъ бальный залъ. Разница только въ томъ, что на пляжѣ женщины менѣе раздѣты...

— Какое чудесное солнце! Настоящій источникъ здоровья, долголѣтія и счастья...

— Вы навѣрно докторъ? Или поэтъ?

— Нѣтъ, я изобрѣтатель мази противъ загара.

— А почему вы не купаетесь?

— Мнѣ мама запретила купаться, пока я не научусь плавать.

ВЪ ОБСЕРВАТОРІИ.

Старая дама. — Это Марсъ?

Астрономъ. — Нѣтъ, это Венера.

Старая дама. — Удивительно, какъ вы можете разглядѣть на такомъ разстояніи?!

РАЗГОВОРЪ ВЪ ЛОБЪ.

Рис. Б. Гроссера.

— Да я жертва судебной ошибки!
— На много васъ засудили?
— Въ томъ-то и дѣло, что меня оправдали!...

СЛУЧАЙ СЪ КАРПУШЕЙ.

Мы шли надъ моремъ соннымъ
Средь пиній и оливъ.
Вдали пустыннымъ лономъ
Сверкнулъ у скалъ заливъ,
По влагѣ стлался — вился
Янтарный переливъ.
Такъ сладокъ часъ бездѣлья...
Тропа свернула внизъ:
Изъ жаркаго ущелья,
Цѣпляясь за карнизъ,
Помчались мы козлами
Къ прохладѣ синихъ ризъ.

Нашъ Донъ-Жуанъ — Карпуша,
Гвоздь общества и франтъ,
Въ камняхъ, свернувшись тушей,
Развязывалъ свой бантъ.
Его проборъ на солнцѣ
Блесталъ, какъ брилліантъ.
Въ тѣни скалы прохладной
Мы стыли на пескѣ,
А онъ чего-то жадно
Искалъ въ своемъ мѣшкѣ,
И трижды плюнулъ въ море
И пальцы сжалъ въ тоскѣ.

«Гдѣ трусики?! О, боги!
Увы, — забылъ опять...»
Но женщины въ дорогѣ
Заботливы, какъ мать:
Одна изъ нашихъ спутницъ
Разрыла въ сумкѣ кладь,
Достала полотенце
И бросила ему.
Прикрылъ онъ по колѣнце
Фасадъ свой и корму
И закололъ булавкой
По вкусу своему.

Какъ молодой Меркурій,
Какъ стройный обелискъ,
Взвинтилъ онъ гладь лазури
Фонтаномъ свѣтлыхъ брызгъ.
Поплылъ... И вдругъ раздался
Безумный, дружный визгъ:
Какъ пробка, полотенце
Вдругъ всплыло надъ спиной...
О, пухлый тылъ младенца
Подъ бѣлою чалмой!
О, профиль поросенка
На мраморѣ въ мясной...

А онъ средь синей глади
Все плылъ, блестя, какъ тазъ, —
У человѣка сзади
Нѣтъ, къ сожалѣнью, глазъ...
Нырнулъ — перевернулся
И понялъ все безъ фразъ.
«Собаки! Не смо-три-те...»
Былъ крикъ суровъ и дикъ.
Въ каскадѣ влажныхъ нитей
Онъ вынесся, какъ быкъ,
Прикрывъ слегка ладонью
Лоснящійся балыкъ.

Цвѣла лазурь надъ кручей,
Алѣлъ далекій кряжъ,
Но дикій этотъ случай
Затмилъ морской пейзажъ, —
Какіе тамъ пейзажи,
Какой тамъ, къ чорту, пляжъ! —
Вонъ мокрый бокъ Карпуши
Прокрался за утесъ...
У насъ дрожали уши
И хрюкалъ чей-то носъ,
И вновь и вновь, какъ дѣти,
Визжали мы до слезъ...

А. Черный.

АНЕКДОТИЧЕСКАЯ КОПИЛКА

Одинъ изъ читателей «Сатирикона» прислалъ мнѣ дополнительные курьезы о Ѳ. Н. Плевако.

Первою супругою его была монашенка, выкраденная весьма романически изъ какого то провинціальнаго монастыря. Когда она скончалась, вдовецъ долгое время былъ неутѣшенъ. Потомъ нашелъ утѣшительницу въ опереточной актрисѣ Гр-вой, дамѣ красоты замѣчательной, но ума средняго. И принялась эта утѣшительница приставать къ возлюбленному, чтобы онъ съ нею повѣнчался. На что возлюбленный отвѣчалъ невозмѣнно съ калмыцкою флегмою:

— Хорошо, Оля. Сейчасъ некогда. Какъ нибудь ужо, въ другой разъ.

Въ другой разъ, да въ другой разъ. Время бѣжитъ. Оля пристаетъ. Надоѣла она Плевако. Однажды приноситъ онъ ей какія то бумаги:

— Это, Оля, къ вопросу о бракѣ. Подпиши.

Подписала. Плевако бумаги унесъ.

А затѣмъ вопросъ о бракѣ — какъ въ воду канулъ. Мѣсяцъ, другой, третій, — никакого движенія. Актриса бѣсится. Плевако молчитъ.

Наконецъ, не выдержавъ, закатываетъ она жесточайшую сцену:

— Не намѣрена больше жить въ беззаконіи! Желаю быть твоей законной женой и носить твою фамилію!

— Фамилію мою носить, — успокаиваетъ Плевако, — не волнуйся, Оленька, — ты будешь.

— Слава Богу! наконецъ то! Когда же мы вѣнчаемся, — назначь день!

Плевако уныло:

— Нельзя, Оленька.

— Какъ нельзя?! что нельзя?!

— Фамилію мою носить ты можешь, а вѣнчаться намъ никакъ нельзя.

— Почему?!?!?!...

— Законъ не позволяетъ.

— Что ты городишь? Какой законъ? Не на дуру напалъ! Не можетъ быть такого закона!

Вздыхаетъ:

— Есть, Оля. Нельзя отцу жениться на дочери.

— Ты.. въ своемъ умѣ?!

— Совершенно.

— Что же ты плетешь безсмыслицу? Съ какой это стати ты мнѣ отецъ?! съ какой стороны я тебѣ дочь?!

— А помнишь, Оленька, я тебѣ приносилъ бумаги къ подписи?

— Ну?

— Это ты подписала свое согласіе на то, чтобы...

— Н-ну?!

— Однимъ словомъ, дѣло конченное: я тебя, Оленька, удочерилъ.

Плевако не любилъ бракоразводныхъ дѣлъ и рѣдко брался за нихъ, — развѣ по дружбѣ. Но будущаго министра юстиціи Николая Валерьяновича Муравьева онъ развелъ такъ быстро и чисто, что сей сановникъ впослѣдствіи говаривалъ съ одобреніемъ:

— Удивительный городъ Матушка Москва! У насъ въ Петербургѣ Николаевскій мостъ дольше разводятъ, чѣмъ у нихъ тамъ мужа съ женой!

На Плевако часто находили капризы. Вдругъ не понравится ему что нибудь въ кліентѣ, — Ѳедоръ Никифоровичъ и пошелъ его разыгрывать и рядить въ дурака.

Однажды является къ нему купчина изъ подмосковныхъ — крупный, но сѣрый. Дѣло его путанное и сомнительное, но выигрышъ возможенъ. Плевако мигомъ сообразилъ, что и какъ, — и задумался. Потомъ:

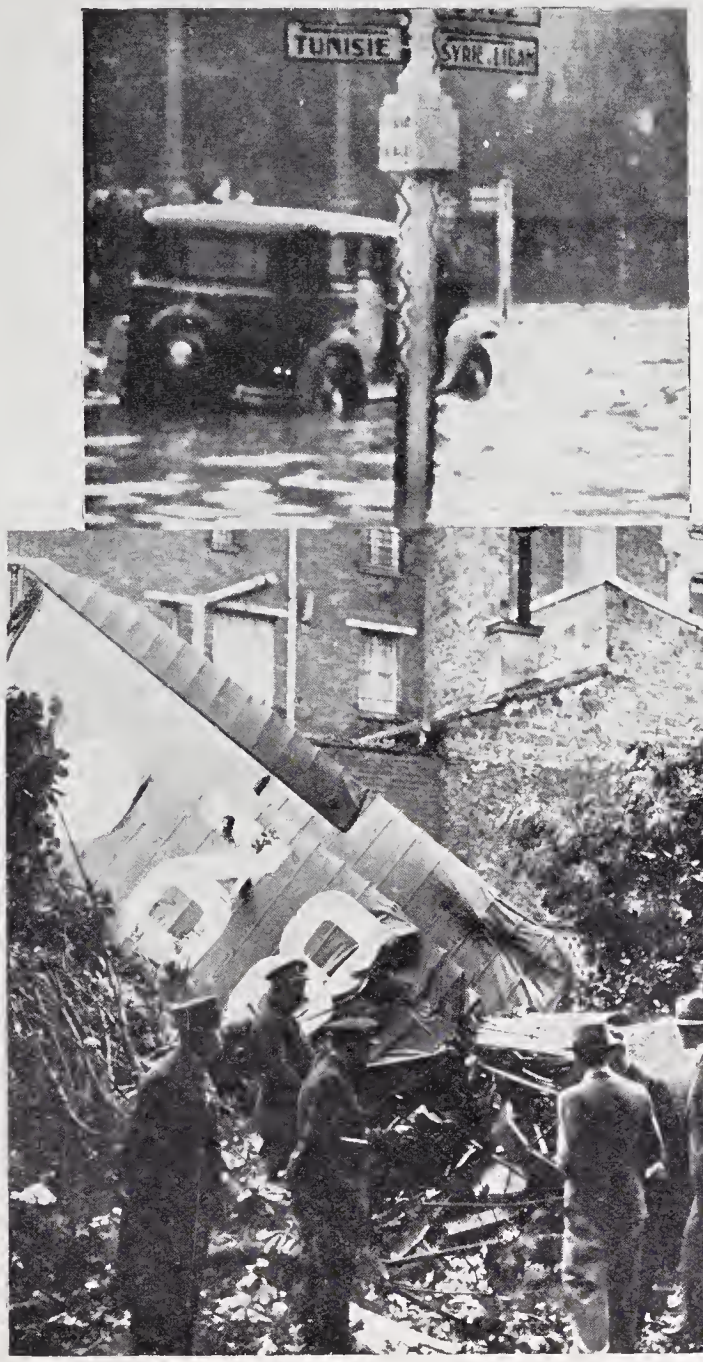
— Вотъ что, — говоритъ, — Парфенъ Кузьмичъ, за дѣло твое я взяться могу, но признаюсь: не въ охоту мнѣ. Оно сложное, возни съ нимъ будетъ много, а у меня и безъ того — дѣлъ, дѣлъ... голова кругомъ идетъ!

Купецъ взмолился: берите, отецъ-благодѣтель, какія хотите, деньги, только возьмите процессъ за себя!

— Нѣтъ, — возражаетъ Плевако, — что же «какія хотите деньги»? Дешево взять съ тебя, ты самъ понимаешь, я не могу, а настоящій гонораръ взять — найдешь, что дорого и будешь потомъ кричать, что Плевако тебя ограбилъ...

Купецъ клянется и божится, что этого не будетъ, — на-

СЕМЬ ДНЕЙ САТИРИКОНА



Тотъ же ураганъ настигнулъ аэропланъ во время полета надъ Парижемъ. Одинъ изъ летчиковъ снизился на парашютѣ. Другой вмѣстѣ съ аппаратомъ упалъ въ садъ загородной виллы въ Нэйи. Оба воздухоплавателя живы.

Наводненіе на Колоніальной выставкѣ въ Парижѣ. Во время небывалаго урагана цѣлыя аллеи оказались подъ водою.

Послѣдній портретъ одной изъ самыхъ знаменитыхъ кино-звѣздъ Холливуда — Рене Адорэ.

Аэропланъ принцессы Илеаны Румынской, который она получила въ видѣ свадебнаго подарка отъ своего брата, румынскаго короля.

Золото на Кавказѣ. Члены научной экспедиціи промываютъ золотоносный песокъ въ долинѣ рѣки Лабы.

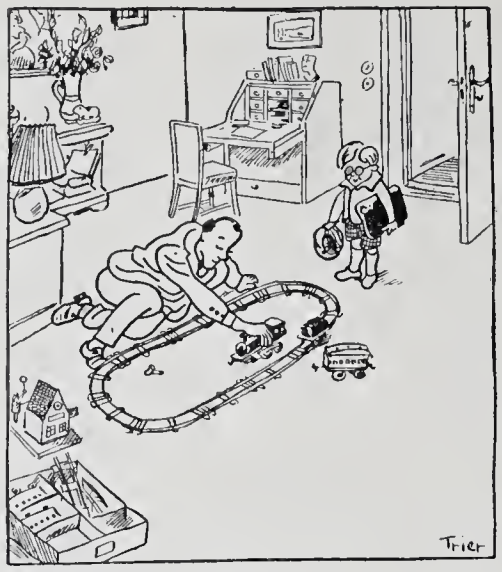
СМѢХЪ У ДРУГИХЪ

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОРЪ.

Новыя исканія.

— Нѣтъ ли у васъ свѣтящихся костюмовъ для купаній на пляжѣ ночью?

(*London Opinion.*)



По Фрейду.

— Ты всерьезъ играешь, папа, или это твои подавленные инстинкты наружу вырвались?

(*Uhu.*)

— Эти шляпы шестидесятыхъ годовъ... Молодѣешь на нихъ глядя...

— Увы, только въ теоріи...

(*Le Journal.*)

противъ, сулитъ неизбывную благодарность «по гробъ могилы».

— Ладно, — соглашается Плевако, — но, въ такомъ случаѣ, давай поступимъ такъ: назначь самъ, сколько, по твоему, долженъ я снять съ тебя за твое дѣло?

— Помилуйте, Ѳедоръ Никифоровичъ, — озадачился купецъ, — смѣю ли я? Какъ могу? Совершенно внѣ моей компетенціи... Нѣтъ, ужъ вы будьте милостивы, извольте сами.

Но на Плевако уже нашелъ очередной капризъ.

— Не согласенъ. А развѣ вотъ что: давай гадать.

— То есть... какъ это гадать, Ѳедоръ Никифоровичъ?

— А вотъ какъ. Я выйду на пять минутъ въ другую комнату, а ты поспди, подумай, сколько я, по твоему, памѣренъ съ тебя спросить. Вернусь, — скажешь. Если угадаешь, твое счастье: беру дѣло на себя. Если нѣтъ, извини, братъ, ищи другого повѣреннаго!

Купецъ взмолился было, что не колдунъ же онъ, чтобы читать мысли въ чужой головѣ, но Плевако остался непреклоненъ. И, въ концѣ концовъ, завздыхалъ купецъ:

— Что съ вами дѣлать? Богъ вамъ судья. Ѳедоръ Никифоровичъ, въ какую неизвѣстность меня ставите, но, видно, такъ тому быть: куда ни шло, попробую...

Когда Плевако, оставивъ кліента въ раздумьѣ, вышелъ, помощники, слышавшіе споръ, говорятъ патрону:

— Что вы его мучите? Сказали бы свою цифру, да и конецъ дѣлу.

А патронъ — съ гримасой:

— Нѣтъ, мнѣ интересно, во сколько оцѣнитъ меня хватитъ воображенія у этого чучела.

— Смотрите: упустите хорошее дѣло.

— Нѣтъ, меньше трехъ тысячъ предложитъ онъ не посмѣетъ, а скажетъ — три, я скажу, что угадалъ, и возьмусь.

Возвратился къ размышляющему купцу.

— Ну?

Тотъ — съ трепетною робостью:

— Ѳедоръ Никифоровъ, вотъ, я думалъ, думалъ, надумалъ... Если теперь осмѣлюсь предложить... скажемъ, пятнадцать тысячъ?... Это — какъ будетъ? угадалъ?

Со стороны Плевако — мгновеніе остолбенѣнія и затѣмъ громовой хохотъ:

Угадалъ! угадалъ! вотъ молодчина! беру твое дѣло: цифра въ цифру угадалъ! Именно пятнадцать тысячъ! Угадалъ!

Этимъ, однако, сцена не кончилась. Покуда составляли договоръ и писали довѣренность на веденіе дѣла, пришли къ Плевако какія то курсистки съ благотворительною подпискою. Плевако въ подобныхъ случаяхъ всегда бывалъ щедръ. Подписалъ и, передавая листъ купцу, ткнулъ въ бумагу пальцемъ, съ лаконическимъ приказомъ.

Пиши тысячу и плати.

— За что?

— За честь. Прямо послѣ меня и вдвое больше меня.

Купецъ написалъ и заплатилъ.

Когда МХАТ поставилъ «Царя Федора», москвичи острили, что міръ стоитъ на трехъ китахъ, а Москва отнынѣ — на трехъ Федорахъ: Федорѣ Плевако, Федорѣ Шаляпинѣ и «Царѣ Федорѣ». Политическая оппозиція зло прибавляла:

— И совсѣмъ, какъ принято въ сказкахъ: два Федора умныхъ, а третій — царь.

Такъ какъ «умные Федоры» — оба — были пресловуты своими гонорарными аппетитами, то какой то московскій остроумецъ, однажды видѣвъ ихъ вмѣстѣ въ оживленномъ разговорѣ, импровизировалъ по Пушкину:

Федоръ съ Федоромъ сидитъ,
Федоръ Федору твердитъ:
Федоръ, кѣмъ намъ отобѣдать?
Какъ бы намъ о томъ провѣдать?

Въ одинъ изъ московскихъ Татьяниныхъ дней (Ѳ. Н. Плевако любилъ этотъ студенческій праздникъ горячо, даже, можно сказать, страстно, никогда его не пропускалъ и гулялъ на немъ истымъ буршемъ стародавнихъ временъ, еще не слыхавшихъ кислой проповѣди Льва Толстого) Плевако, въ «Эрмитажѣ», за профессорскимъ столомъ, такъ разошелся, ораторствуя, что предложилъ окружавшимъ задавать ему темы: готовъ импровизировать рѣчь на любую.

— Будто? возразилъ издали Василій Осиповичъ Ключевскій. А ну, Ѳедоръ Никифоровичъ, вотъ интересная тема: «О пользѣ вреда».

Передъ столь глубокою темою Плевако, при общемъ хохотѣ, которому первымъ подалъ примѣръ, безспльно спасовалъ.

Изъ курьезовъ Татьяниныхъ дней.

Былъ когда то беллетристъ Григорій Мачтетъ, слабый подражатель Короленки и конкурентъ молодого Потапенки. Писалъ онъ либерально до чорта и былъ довольно популяренъ среди молодежи, а жаждалъ популярности пущей. И вотъ, въ Татьянинъ день, у Яра, узнанный студентами, вознесся онъ на столъ и, готовый произнести зажигательнѣйшую рѣчь, начинаетъ, среди воцарившейся тишины, трагическимъ басомъ:

— Я стою одной ногой въ могилѣ...

А снизу реплика:

— Къ сожалѣнію, это неправда.

Ораторъ сбился:

— То есть... какъ неправда?.. почему къ сожалѣнію?...

— Потому что вы стоите одной ногой совсѣмъ не въ могилѣ, а въ моей тарелкѣ съ пожарской котлетой, и, согласитесь, это для меня весьма къ сожалѣнію.

Угораздило же бѣднаго Мачтета влѣзть на столикъ... Власа Дорошевича!

Александръ Амфитеатровъ.

ПЕРЕВОРОТЪ ВЪ СКАЗОЧНОМЪ ЦАРСТВѢ.

(Сказка для дѣтей и для взрослыхъ)

(Продолженіе).

Мѣдными застежками блестя,
Желтыми листами шелестя.
Всѣ книги вразъ раскрылись
И снова закрылись.
Старый дѣдъ встрепенулся
И въ первый разъ улыбнулся
И сказалъ: «Постарайся внучокъ!»
А мой шкапной старичокъ
Вскочилъ и воскликнулъ смѣло:
«Вотъ это дѣло!»
И въ комнатѣ вдругъ посвѣтлѣло

Все разомъ повеселѣло.
Старики другъ на друга взглянули,
Глазомъ подмигнули,
И стали тихонько шептаться,
Будто совѣщаться,
Другъ къ дружкѣ близко склоняясь
И въ бороду ухмыляясь.
Потомъ старикъ
Къ половицѣ приникъ
И открылъ потаенный люкъ,
Въ которомъ стоялъ сундукъ;
Его Сказочный Гномъ
Отперъ ржавымъ ключомъ.
И извлекъ оттуда на свѣтъ Божій
Тяжелый мѣшокъ изъ свиной кожи.
Затѣмъ подозвалъ старика и ему
Вручилъ эту кожаную суму.
Мой старичокъ
Тяжелый мѣшокъ
Вскинулъ на спину
И пошелъ къ камину.
«Ну, дѣдушка, прощай!
И насъ не забывай.
А ты другъ-пріятель,
Дѣтскій писатель,
За мною въ трубу полѣзай».

У МАШИННАГО ГНОМА

Въ трубѣ было душно,
Неудобно и скучно,
Совершенно темно и нечисто.
Ползти было тѣсно;
Мы лѣзли отвѣсно
Вверхъ, какъ два трубочиста.
Старичокъ наверху — впереди,
А я внизу — позади.
Во время пути утомительнаго
Не случилось ничего удивительнаго.
Ничего такого, что хочется знать
И о чемъ бы слѣдовало разсказать.
Развѣ только, время отъ времени,
Меня задѣвала по темени
Обутая въ лапоть ступня,
И это пугало меня.
Но всему на свѣтѣ бываетъ конецъ.
И вотъ надъ нами мелькнулъ наконецъ
Кружочекъ синяго небосвода
И мы полѣзли изъ дымохода.
Странная картина!
Сѣрая равнина,
Сѣрыя скалы,
Рельсы и шпалы,
Прокопченыя трубы,
Шоссе макадама,
Небоскребы, какъ зубы
Гиппопотама.
Въ семьдесятъ два этажа,
Асфальтъ, копоть и сажа,
Цементъ и желѣзо-бетонъ,
И суда въ сотни тысячъ тоннъ.
Плетеныя вышки
Безъ дна и покрышки
Вонзаютъ иглу
Въ дымную мглу.
Скрипятъ краны,
Аэропланы
Въ небѣ гудятъ,
И вся равнина
Одна машина,
Моторовъ рядъ.
Свистъ, лязгъ, грохотъ и шумъ.
Трахъ — тарарахъ
Бумъ!

3.

И мѣрно ходитъ дозоромъ,
Какъ будто на часахъ,
Огромный черепъ съ проборомъ
И на кривыхъ ногахъ.
Лобастый, бритый,
Сухой, сердитый.
Нахмурился мой старичокъ
И крѣпче стянулъ свой мѣшокъ.
«Такъ вотъ она нечисть какая.
Пакость такая-сякая:
Господинъ Механическій Гномъ!
Ну что же глядѣть? Подойдемъ».
Подошли мы къ страшилищу близко,
Поклонились страшилищу низко:
«Здравствуй, Машинное Величество,
Государь пара и электричества!»
Обернулся машинный уродъ и въ отвѣтъ
Отчеканилъ сухо: «Привѣтъ».
Окинулъ насъ взглядомъ, кивнулъ на суму:
«Кто, куда, почему?»
«Мы человѣчки Божіи,
Калики перехожіе,
Перехожіе калики,
Ростомъ невелики.
Подъ землею вдвоемъ шатались,
Съ дождевымъ червякомъ братались.
Въ потемкахъ блуждали,
Смотрѣли, видали,
Какъ мѣдная жилка подъ камнемъ мерцаетъ,
Подземный ручей съ нею въ прятки играетъ
Какъ травинка ползетъ изъ сѣмени».
Гномъ насмѣшливо крякнулъ
И отрывисто брякнулъ:
«Какая потеря времени!
«А теперь желаемъ людей повидать,
Да людишкамъ себя показать.
Поглядѣть, кто у васъ тутъ всего умнѣе.
Всѣхъ красивѣе, лучше и сильнѣе,
И кого больше всѣхъ на свѣтѣ
Теперь почитаютъ дѣти,
И кому послушна земля».
Гномъ отвѣтилъ: «Смотри — это я!»
«Вишь ты, поди жъ ты», сказалъ старичокъ.
«А мнѣ дураку невдомекъ.
Но какое же знаменіе можешь ты дать,
Какъ сумѣешь ты мнѣ, старику, доказать
Что взаправду на свѣтѣ ты всѣхъ сильнѣй.
Всего краше, ловчѣй и умнѣй?»
Гномъ отвѣтилъ: «На юго-востокъ
Ты увидишь отсюда лѣсокъ.
Я доѣду до этого лѣса
На торпедо-спортифъ Мерседеса
Въ сорокъ девять секундъ и двѣ трети.
Это знаютъ и малыя дѣти».
«Эка невидаль!», молвилъ шкапной старичокъ
«Я поѣду молъ въ этотъ лѣсокъ.

**Огромный черепъ съ проборомъ
И на кривыхъ ногахъ.**

Разъ — мы на воздухъ взвились,
Два — надъ землей понеслись.

Да сейчасъ объ закладъ я побиться могу,
Что я, хромый калика, всегда обѣгу
Твой трескучій, трясучій моторъ».
Гномъ на насъ поглядѣлъ
И въ сердцахъ проскрипѣлъ:
«Дѣтски наивный вздоръ!»
«Ой вздоръ-ли? Про басню ты знать не [слыхалъ,
Какъ ежъ русака обѣжалъ?»
«Всѣ басни собранье нелѣпѣйшихъ [вракъ:
Въ теперешній вѣкъ знаетъ каждый ду- [ракъ,
Что звѣрь не владѣетъ людскимъ язы- [комъ.
Довольно! «И взбѣшенный Гномъ
Подходитъ къ столбу, гдѣ впсѣлъ теле- [фонъ,
Аппаратъ-автоматъ Эриксонъ.
И въ гаражъ номеръ девять-три-семь по- [звонилъ:
«Алло! Мерседесъ въ двѣсти силъ».
А въ это время шканной старичокъ
Развязалъ потихонько мѣшокъ.
Долго въ немъ рылся и что то искалъ,
И наконецъ осторожно досталъ
Съ самаго низу, изъ глубины,
Необычайной величины
Пару тяжелыхъ ботфортъ старинныхъ,
Очень широкихъ и очень длинныхъ.
Сѣлъ за пригорокъ, лапти разулъ
И эти ботфорты обулъ.
Посмотрѣлъ на насъ Гномъ сурово:
«Саноги носить нездорово!»
И съ совершеннымъ презрѣніемъ
И отвращеніемъ
Онъ взошелъ на бугоръ,
Гдѣ стоялъ ужъ моторъ,
Поцуналъ шину,
Сѣлъ на машину,
«Эй смотри!
Разъ, два, три».
И Мерседесъ
Въ пыли исчезъ.
Мой старичокъ вскочилъ,
Руку мою схватилъ:
«Ну теперь берегись!
Крѣпко держись!»

4.

Разъ — мы на воздухъ взвились,
Два — надъ землею неслись,
Такъ и спирало духъ.
Ухъ!
Три — мы въ лѣсу сидѣли.
Другъ на друга глядѣли.
Вотъ такъ приключеніе,
Всѣмъ на удивленіе!
Доволенъ старикъ, улыбается,
Подъ дубомъ сидитъ, разувается.
«Это не гонки автомобильныя,
Это, дружокъ, саноги семимильные.
Добрые саноги,
Для всякой ноги».

— —

Вдругъ мы слышимъ жужжаніе,
Рѣзкій свистъ, завываніе,
Поднимается пыль столбомъ.

Увидя насъ гномъ обомлѣлъ,
Какъ спѣлый лимонъ пожелтѣлъ.

Колыхаясь какъ въ морѣ,
На трясучемъ моторѣ
Подлетаетъ взъерошенный гномъ.
Онъ часы вынимаетъ
И секунды считаетъ,
На лицѣ презрѣнье и спѣсь,
Старичокъ засмѣялся:
«Что ты долго коналея?
Мы, говоритъ, ужъ здѣсь».

5.

Увидя насъ, Гномъ обомлѣлъ,
Какъ спѣлый лимонъ пожелтѣлъ
И буркнулъ, скрививши свой ротъ:
«Чисто случайный исходъ.
Объясняю явленіе это
Только тѣмъ, что подмокло магнето,
Сломался одинъ карбюраторъ,
Цилиндръ и весь радіаторъ,
А кромѣ того я долженъ сказать,
Что эти гонки нельзя признать.
Бѣгъ на дистанцію въ парѣ ботфортъ
Абсолютно не спортъ.
Но впрочемъ готовъ я тебѣ предложить
Мой рекордъ вышины побить.
Я достигну двѣнадцати верстъ высоты:
Посмотримъ, что сдѣлаешь ты.
Вниманье! Сейчасъ состоится полетъ».
Старичокъ отвѣчаетъ: «Идетъ».
Механическій гномъ къ телефону спѣ- [шитъ,
Въ аппаратъ-автоматъ торопливо зво- [нитъ:
«Дзень. Ангаръ номеръ восемь-поль-со- [рокъ. Алло!
Подать монопланъ Блеріо».

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Стаховичъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Парижъ. Ал. Цуниpову.
« Поѣду я въ лѣсъ, гдѣ буду одинокій
Какъ психъ и день и ночь бродить,
И о тебѣ, измѣнницѣ далекой,
Стихи мои плакучіе строчить».

И хорошо сдѣлаете. И уходите. И оставайтесь въ лѣсу. И не возвращайтесь. Никогда не возвращайтесь!...

Медонъ, Акулинѣ Чернооковой. — Отрывокъ изъ вашего разсказа:

— Ага, — воскликнула Тамара, — ты мнѣ измѣняешь! Хорошо. Я буду мстить тебѣ.

Затѣмъ она перевернулась спиной къ инженеру и вышла изъ гостиной...

Очень талантливо. У «Сатирикона» то же **перевернулась** душа спиной къ вамъ.

Гренобль, Гр. М—ну.

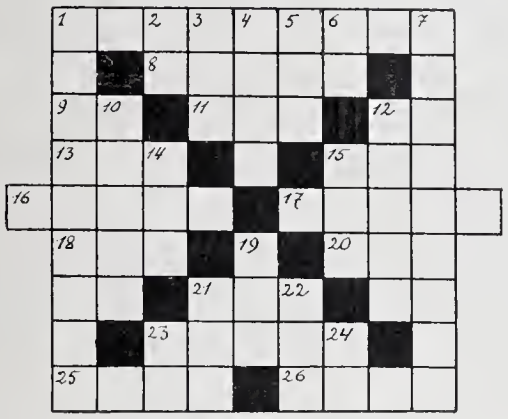
«Если вы не знаете,
Если понимаете,
Если вы желаете,
То меня узнаете
По моимъ стихамъ.
Скажу безъ стѣсненія:
Есть у меня рвеніе,
Есть и вдохновеніе,
Есть и настроеніе —
Попасть сразу къ вамъ».

Въ спѣшномъ порядкѣ отвѣчаемъ:

— При всемъ пониманіи,
Есть у меня желаніе —
Ваше дарованіе
И ваши старанія
Послать.... въ корзину!.

КРЕСТОСЛОВИЦА № 14.

Составилъ мичманъ Дырка.



Горизонтально:

1. Если бы не онъ, уму непостижимо, что представлялъ бы изъ себя нашъ міръ. Подумайте: въ мірѣ не было бы ни одной барышни - машинистки! 8. Многіе не знаютъ, кто она была, но всѣ знаютъ, что у нея было какое-то покрывало и при томъ не постельное. 9. Въ этой роли великолѣненъ былъ покойный Лонъ Чанейн. 11. Богородице, дѣво, радуйся. 12. Автомобилисты интересуются только задней, а на переднюю плевать хотятъ. 13. Литературная форма. 15. «Да» по-матроссни. 16. Бываетъ могильная и кухонная, а въ уменьшительной формѣ и шоколадная. 17. Металлъ. 18. Старинная дѣтская игрушка, совершенно вытѣсненная нынѣшними «меккано». 20. Его спрашиваютъ въ Парижѣ, когда не хватаетъ денегъ на демі. 21. Былъ президентомъ французской Республики. 23. Былъ императоромъ германской имперіи. 25. Городъ, въ которомъ очень надоѣдали Чехову. 26. Одна изъ основъ стараго русскаго быта.

Вертикально:

1. Уразумѣнію смысла ея посвящаются лучшія страницы «Сатирикона». 2. Нота. 3. Имя пѣвицы, прославившей «модель отъ Пакэна». 4. Журналъ, издававшійся однофамильцемъ извѣстнаго бородача. 5. Нарѣчіе. 6. Мѣстоименіе. 7. Названіе цвѣтка, весьма поддающагося милой салонной игрѣ въ стилѣ: «Почему говорятъ Досвиданія, а не Досвишвеція? 10. Ихъ иногда закусываютъ, но ими — никогда! 12. Ему принадлежатъ слова: «Батько! Гдѣ ты? Слышишь ли ты все это?»... 14. Имя сотрудничающаго въ «Сатириконѣ» медвѣдя. 15. Членъ суда, остальными двумя членами котораго были Миносъ и Радаментъ. 19. Имъ якобы жирѣютъ обжоры. 21. Божество египетской мифологіи. 22. Первая часть имени знаменитаго шотландскаго разбойника, прославленнаго Вальтеръ-Скоттомъ. 23. Предлогъ. 24. Предлогъ.

РѢШЕНІЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 13.

Горизонтально:

1. Станичники. 2. Кенасса ; Гогъ. 3. Уродоналъ; Эсъ. 4. День; Карма. 5. Эмиръ; Ги; Воръ. 6. Мало; Кана. 7. Ну; Зелье. 8. Италъ. 9. Цѣловальникъ. 10. Аримафея; Отъ. 11. Ай; Стягъ; 12. Тать; На; Молъ.

Вертикально:

1. Скудельница. 2. Теремъ; Утерять. 3. Анонимъ; Али. 4. Надъ; Разломать. 5. Иссопъ; Лье; Ваи. 6. Чанъ; Голіафъ. 7. Аки; Леса. 8. Игла; Унять. 9. Ко; Рвань; Ямь. 10. Игемонъ; Кого. 11. Сарай.

Редакторъ-издатель: М. Г. Корнфельдъ.

Cette Gaine garde le corps jeune

Вы не найдете подобной модели нигдѣ, только у РУССЕЛЬ. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ... Это самая лучшая парижская Gaine... Эластичная, легкая, безъ костей, она надѣвается буквально въ нѣсколько секундъ, облегаетъ ваше тѣло, какъ перчатка, давая полную свободу движеніямъ, устраняя складки на таліи, — эта Gaine въ тоже время, если нужно, утончаетъ вашу фигуру.

Сотканная изъ эластичнаго трико, тонкаго и прочнаго, Gaine красиво выдѣляетъ линію вашего платья и, при большомъ вырѣзѣ на спинѣ, подходитъ и для вечерняго туалета. Ея изящный бюстгальтеръ ручной работы, изъ тонкихъ кружевъ, разъединяетъ грудь и придаетъ ей модную линію.

GAINE ROUSSEL имѣются готовыми и могутъ быть сдѣланы на заказъ въ 6-8 дней. Зайдите въ одинъ изъ нашихъ магазиновъ и примѣрьте.. Или потребуйте, чтобы Вамъ прислали по почтѣ... Вы будете въ восторгѣ...

ЗАКАЗЫ ПО ПОЧТѢ.

Пояса, заказанные по почтѣ, безпрекословно обмѣниваются. Укажите объемъ груди, таліи и бедеръ (безъ одежды) и ростъ въ сантиметрахъ. Цѣна Gaine полушелк. съ круж. 530 франковъ, изъ чистаго шелка съ круж. 960 франковъ. Изъ бумажной ткани съ круж. 345 франковъ. Пересылка заграницу 25 франковъ.

Въ продажѣ только у

J. Roussel Paris

166 a, Bd Haussmann

SUCCURSALES

83, Bd Malesherbes — PARIS

LONDRES 117, Regent Street, W.I. — LA HAYE 21, Noordeinde — AMSTERDAM 14, Leidschestraat — MILAN 17, via Manzoni — BRUXELLES 144, rue Neuve — LIÉGE 13, rue Vinâve d'Ile

РЕСТОРАНЪ
ESMERALDA
ПОЛИКАРПА ИВАНОВИЧА ЛОВЦОВА

73, Bd de Clichy, около **«Moulin Rouge»,** Tél.: Louvre 01-77

Prix-fixe - Завтраки 15 фр. Обѣды 20 фр. et à la carte

Воскр.: Кулебяка съ рыбой и вязигой. Пон.: Пельмени. Вторн.: Бефъ буйи съ хрѣномъ. Среда: Царскій студень. Четв.: Курникъ. Пятн.: Поросенокъ съ кашей. Субб.: Селянка съ растегаями. — Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ П. И. Ловцова.

Ежедн.: блины, свѣжая икра, балыкъ, семга, рябчики, каша Гурьев.

ДЛЯ СЛАБЫХЪ И ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХЪ

MAISON DE REPOS

Docteresse B. LEVANTISSE

Діэтическій столъ. Прекрасный уходъ. Комфортъ модернъ. Большой садъ. Гидротерапія, Массажъ, Гимнастика. Ультра-фіолетовые лучи, Діатермія.

Постоянное дежурство врача

Комната съ полнымъ пансіономъ, включая уходъ и пр. отъ 50 фр. въ сутки.

(5 минутъ отъ Porte Champerret около 25, Bd Bineau)

47. rue Parmentier. NEUILLY s/s

Téléphone: MAILLOT 10-84

PARAMÉ (Ille-et-Vilaine)

Hôtel de l'Union

Прекрасный пляжъ для купанія. Хорошая кухня

Августъ 32 - 36 фр., Сент. 26 - 28 фр.

Pension de Famille

68bis, rue du Château, Asnières

Тишина. Садъ. Полный комфортъ. Ванная комната.

35 - 45 фр. въ день

Grésillons 21 - 44

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ

„НАША РѢЧЬ“

издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.

Редакторъ-Издатель: С. М. ГАЗІЕВЪ.

Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse*. Въ Парижѣ — въ « *Publicité Metzl* », *Rue de Turbigo*, 51, *Paris VIII*e и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ «Нашей Рѣчи» С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier*, 7, *Paris IX*e.

AUTO-ECOLE MARBEUF

GARAGE MARBEUF

Concessionnaire Citroën

32-34, rue Marbeuf (Champs-Elysées), Tél. : Elysées 58-83 et 97-61 et la suite. Métro : Marbeuf et Rond-Point des Champs-Elysées.

Самая большая русская автомобильная школа.

Carte-rose. Grande - remise. Poids-lourd. Cours de mécanique. Papiers-taxis.

Уроки на спец. терассѣ нашего гаража, въ Булонск. лѣсу и въ городѣ отъ 8-ми час. утра до 9-ти ч. в. на машинахъ посл. моделей съ прав. и лѣв. управлен. Приходите осмотрѣть нашъ гаражъ въ 10 этаж. на 1000 машинъ, самый большой въ Парижѣ, въ районѣ Шанъз-Элизе и нашу школу, оборудованную по послѣдн. слову автомобильной техники.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ принимаетъ

Комитетъ Помощи Голодающимъ въ Россіи (Comité Russe de Secours)

7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9)

М-о Clichy. Tél. Trinité 23-92 et la suite

Пріемъ исключительно отъ 3--7

BERCK-PLAGE PENSION MILA

12. rue Lavoisier

въ 2-хъ шагахъ отъ пляжа

ХОРОШІЙ ПИТАТЕЛЬНЫЙ СТОЛЪ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ

Паста - Порошекъ - Эликсиръ

ESKA

по форм. С. С. Кострицкаго б. зубн. врача Госуд. Импер.

Наилучшія, научно - обоснованныя средства для ухода за зубами и полостью рта

Продаются только въ аптекахъ

Laboratoires ESKA, A. Hobchette

Dr. en Pharmacie.

76, rue Orfila, PARIS (20)

Зубоврачебн. кабинетъ **М. Когенъ**

D. F. M. P.

8, Rue Duban (16). Pl. Passy. Auteil 95-14

Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6. Остальные дни 10-8 час. веч.

Юридическій Кабинетъ

БЮРО ОФФИЦІАЛ. ПЕРЕВОДОВЪ

Консультаціи и выполн. всѣхъ формальностей предписан. новымъ закономъ о социальн. страх., исключ. утромъ до 12 съ половиной час.

MARC BILLIS et FILS

присяжный переводчикъ при Парижскомъ трибуналѣ и кандидатъ правъ (Парижскаго университета).

24. rue Laffitte. Paris.

Tél. : Provence 84-56. Métro Opéra.

Пріемъ отъ 9 до 12 и отъ 2 до 6.30 ч.

Существуетъ въ Парижѣ съ 1864 г.

Говорятъ по русски.

Дав. Е. Каганъ

Кандидатъ Парижск. Унив.

Взысканія, уставы общ-въ, разводы и проч.

новый адресъ :

8, square Port Royal (13)
(15, rue de la Santé)

Téléphone Gobelins 61-95

пріемъ 10—12 и 6—8 ч. веч.

А. С. ШАПИРО

Петр. Прис. Пов. licencié en droit

Налоги, натур., уставы, Prud'hommes

11, rue Mogador, tél. Centr. 11-35.

Ежедн. 11-12 и 5-6 ч., суб. 11-12 ч.

ПРИ РЕДАКЦІИ « С А Т И Р И К О Н А » ОТКРЫТЪ

Книжный Складъ

Читатели и подписчики «Сатирикона» могутъ выписывать черезъ Книжный Складъ

ЛЮБЫЯ РУССКІЯ КНИГИ, ПОЯВИВШІЯСЯ НА КНИЖНОМЪ РЫНКѢ.

Стоимость книги (по каталогу) можетъ быть выслана переводомъ по почтѣ, банковскимъ чекомъ или въ заказномъ письмѣ въ мѣстной валютѣ по курсу дня

Читатели « С а т и р и к о н а » ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.

С П И С О К Ъ № 5 (цѣны въ французскихъ франкахъ)

СОЧИНЕНІЯ И. А. Б У Н И Н А .

Божье древо	25.—	Митина любовь	25.—
Господинъ изъ Санъ - Франциско	15.—	Начальная любовь	15.60
Грамматика любви	15.60	Послѣднее свиданіе	20.—
Деревня	15.—	Роза Іерихона	26.—
Жизнь Арсеньева	31.—	Солнечный ударъ	22.—
Избранные стихи	25.—	Тѣнь птицы	19.50
Крикъ 13. Въ пер.	15.60	Чаша жизни	12.50

Всѣмъ желающимъ высылается безплатно полный каталогъ вышедшихъ за-рубежомъ книгъ и журналовъ.

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII. Цѣна отд. ном. 1 шилл.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8. Цѣна отд. ном. 20 л.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tel. Barbarossa 4881. Postscheckkonto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГРЕЦІЯ.	Афины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitorv, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 70 л. с.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko,* Khiabané Post Hané Koutcha Beha es Saltaneh N°4. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovic. Цѣна отд. ном. зл. 1.35.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré. Цѣна отд. ном. 25 лей
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York.
	Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra. Цѣна отд. ном. 25 піастр.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors. Ц. отд. ном. ф. м. 6.50
	Келломяки. — *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel Ц. отд. н. К.Ч. 5.50
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon,* Goldschmiedstrasse, Reval.
	Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 50 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre,* Ul. Kn. Mihailova br. 27.

ВОРИДИ и ГРУШКО
Voridi & Grouchko)

6, rue de Provence, Paris, (9)
Métro: Le Peletier et Richelieu-Drouot Téléphone: Provence 36-39

ОТПРАВЛЯЕМЪ
Посылки въ Россію съ оплаченной пошлиной, по наивыгоднѣшимъ цѣнамъ
Получателю выдается посылка безъ доплаты
И впредь гарантируемъ высокое качество продуктовъ и быструю доставку.

У ДИМЫ УСОВА
въ ресторанѣ "ДЖИГИТЪ"
19, Boulevard Edgard-Quinet
Музыка. Пѣніе. Танцы. ежедневно играетъ Михаилъ Бурже
Prix fixe 7.50 до 9 часовъ вечера и à la carte
Ресторанъ всегда открытъ всю ночь

РЕСТОРАНЪ
"CHEZ KORNILOFF"
6, rue d'Armaillé между avenue Carnot и des Ternes
(Tél. Carnot 52 - 49

Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ влад.
Ф. Д. КОРНИЛОВА.
Prix-fixe Завтракъ — 15 фр.
Обѣдъ — 20 фр. и à la carte
ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА:
Среда — ботвинья; четв. — чахохбили; пятн. — царскій студень; субб. — разсольникъ; воскр. — поросенокъ; пон. — бефъ-буи; вторникъ — пельмени.
Ежедн.: кулебяка, блины, осетрина, рябчики, чахохбили, гурьев. каша
Самый элегантный и уютный русско-французскій ресторанъ Парижа

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ **Л. РИХТЕРЪ, Рига**
Представительница Е. Михайловская
9, rue Auguste Vitu, Paris (15). Métro Javel. Tél. Vaugirard 65-59.
Гарант. посылки съ мыломъ
и др. наилучш. латвійскими продуктами въ Россію безъ ограниченія нормы. Получатель не несетъ никакихъ расходовъ. — Кратчайшій срокъ доставки. Самыя дешевыя цѣны. — Пріемъ заказовъ ежедневно, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней съ 9 час. утра до 9 час. вечера.

IMPRIMERIE
COOPÉRATIVE ÉTOILE
17, Rue de la Comète
Téléphone: Invalides 11-50 — PARIS (7) — R. C. S. 227.770 — Métro: La Tour-Maubourg
TOUS GENRES DE TRAVAUX EN TOUTES LES LANGUES

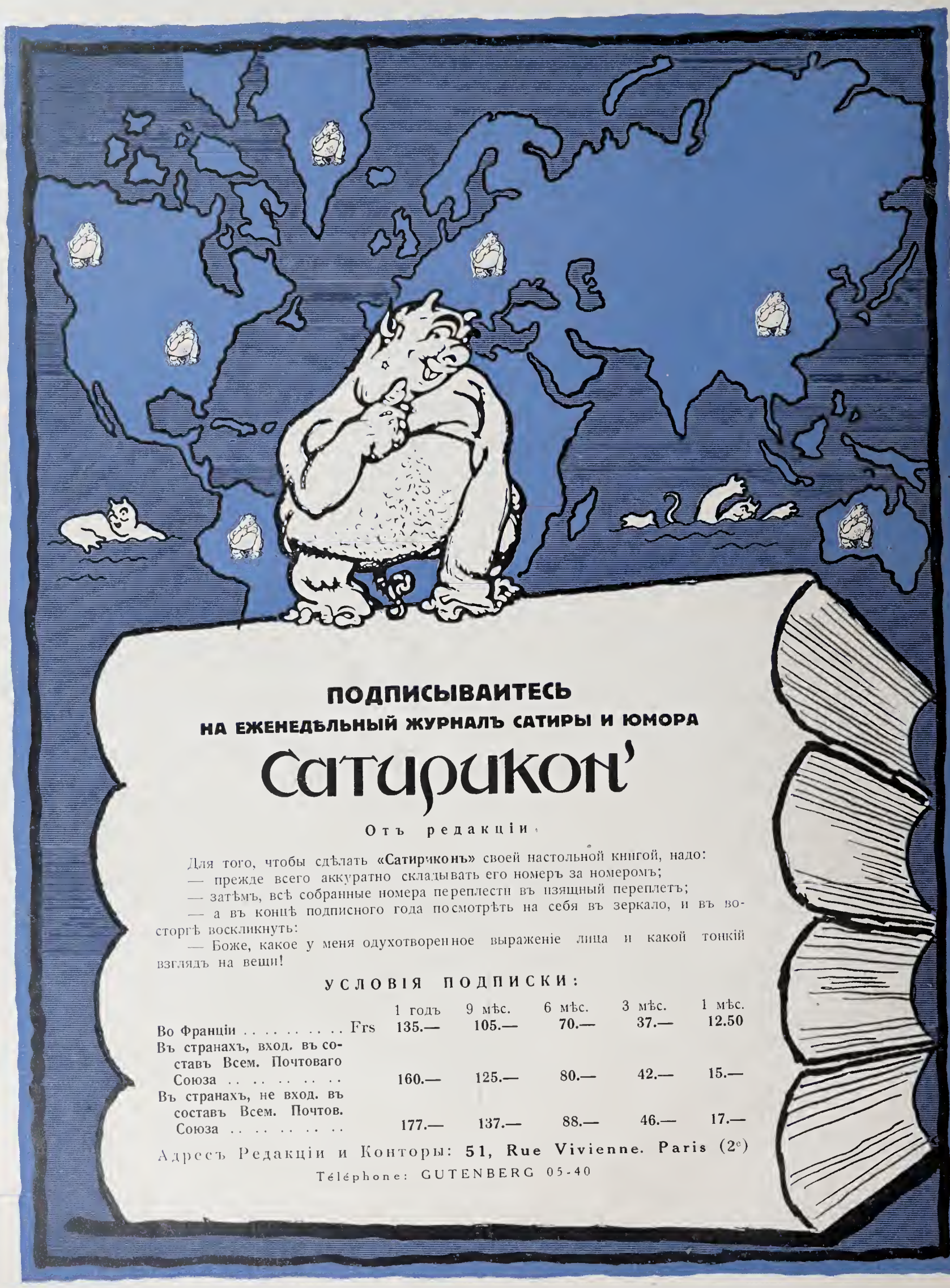
ПЕРЕВОДЫ и ПОСЫЛКИ въ РОССІЮ на небывало выгодныхъ условіяхъ. Переводы съ ручательствомъ за выплату въ 15 дней.
BANQUE pour l'ARBITRAGE et COMMISSION
6, Rue Buffault. PARIS (9e) — Tél. Provence 95-20 и 95-21

СТАРАЯ МЕБЕЛЬ
Большой выб. всевозм. мебели. Меб. КРАСН. ДЕРЕВА, Empire, Louis Phil. и совр. Цѣны искл. дешевыя, возмож. разсрочка платежа. Предупредить о посѣщ. предп. до 15 ч.
А. А. СТАХОВИЧЪ въ Аньерѣ:
8, 12, rue Nanterre, 33, rue Franklin. Tél. Gresillon 10-96.
8 мин. электр. поѣз. отъ Сэнъ-Лазарь, 2 мин. отъ вокзала Asnières (côté Asnières).

Общество взаимнаго Кредита "СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). Tel. Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрышн. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-4 ч. безъ перер

Денежные переводы и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), Téléph. Inval. 11-50 — Le Gérant : *N. Kornfeld.*



ПОДПИСЫВАИТЕСЬ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ И ЮМОРА

Сатирикон'

Отъ редакціи.

Для того, чтобы сдѣлать **«Сатириконъ»** своей настольной книгой, надо:

— прежде всего аккуратно складывать его номеръ за номеромъ;

— затѣмъ, всѣ собранные номера переплести въ изящный переплетъ;

— а въ концѣ подписного года посмотрѣть на себя въ зеркало, и въ восторгѣ воскликнуть:

— Боже, какое у меня одухотворенное выраженіе лица и какой тонкій взглядъ на вещи!

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи . . . . . Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ странахъ, вход. въ составъ Всем. Почтоваго Союза	160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза	177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**

Téléphone: GUTENBERG 05-40

PRIX EN FRANCE : Frs 3. – 5 СЕНТЯБРЯ 1931. 5 SEPTEMBRE 1931. ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

САТИРИКОНЪ

SATYRICON

1931 ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ № 23

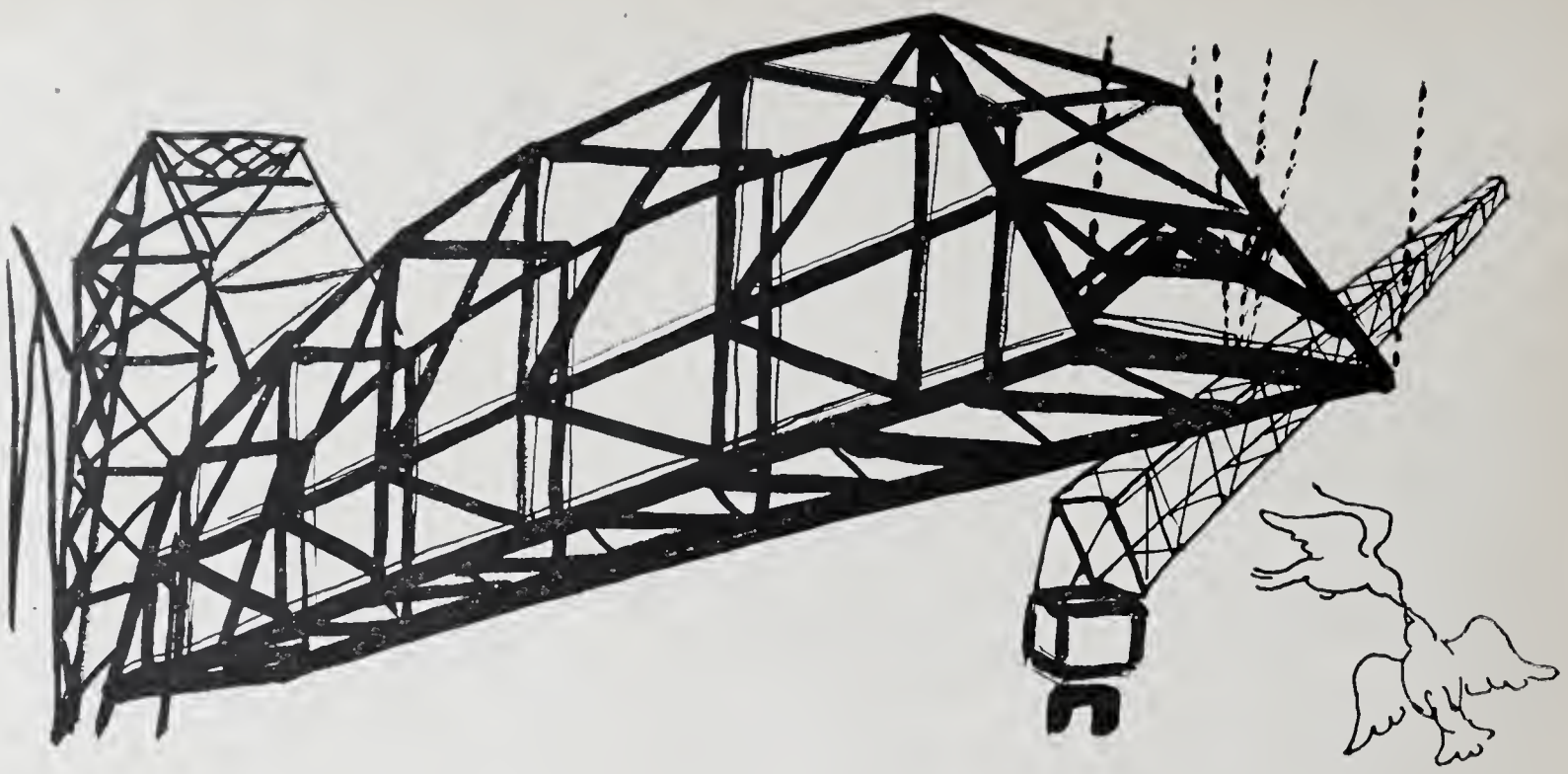
Hebdomadaire Russe *Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)* *Directeur M. Kornfeld*

ПРИРОДА И ЛЮДИ.

1. РОЗОВЫЯ МЕЧТЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА. *Рис. Шварца.*

Полная чаша, гостинная «модернъ» въ разсрочку и прочее...

Рис. Шварца.



ГОСПОДИНЪ НАШЪ БУРЖУА.

Господинъ нашъ Буржуа
Не зулусъ и не индѣецъ.
Господинъ нашъ Буржуа —
Человѣкъ и европеецъ.

Онъ не сплющенъ, не раскосъ,
Не уродливъ отъ рожденья.
У него нормальный носъ,
Типъ лица, и убѣжденья.

И настоль его пути
Не похожи на химеру,
Что на немъ *Monsieur Coty*
Строитъ всю свою карьеру.

Это онъ сидитъ въ метро
Грузный, плотный, молчаливый.
Это онъ въ своемъ бистро
Пьетъ свои аперитивы.

Это онъ всегда одной
Начинаетъ день молитвой,
И багровый профиль свой
Безопасной брѣетъ бритвой.

Это онъ, въ кругу семьи
Развалившись благосклонно,
Любитъ въ сладкомъ забытьи
Слушать звуки грамофона.

Это онъ, считая су,
И процентъ ко дню отставки,
Грезитъ домикомъ въ лѣсу
И цыплятами на травкѣ.

Горе тѣмъ, кто этихъ сновъ
Пріоткрыть покровъ посмѣетъ!...
Господинъ нашъ Буржуа
До ногтей побагровѣетъ.

Европейскую красу
Сбросить прочь!... и стонъ, и скрежетъ,
И за дырочку, за су —
Разъ! и горло перерѣжетъ...

И присяжные его
Непремѣнно оправдаютъ
А индѣйцы ничего
Въ этихъ су не понимаютъ.

Донъ-Аминадо.

УВЛЕКАЮЩІЯ ПРОФЕССІИ.

— Дорогая, — сказала Клавдія Павловна, — какъ не вспомнить прежнюю красивую жизнь, когда съ нею вмѣстѣ безвозвратно ушли увлекающія профессіи! Вы спросите, что это такое, увлекающія профессіи? Ну, конечно, это не тѣ, что увлекаютъ людей, которые ими занимаются. Увлекающія профессіи это такія профессіи, которыя даютъ возможность мужчинамъ увлекать насъ. Адвокатъ, напримѣръ. Сколь много въ этомъ словѣ для сердца дамскаго слилось! Или писатель. Можетъ быть, ни адвоката, ни писателя не увлекаетъ ихъ профессія, но Боже, какъ зато увлекаетъ она насъ!

Въ эмиграціи честному человѣку невозможно имѣть такую профессію... А помните судейскихъ? Какъ много таинственнаго шарма было въ словахъ: взысканіе и ипотека! Вспомните врачей, вспомните, какъ чаровали насъ когда-то выраженія: діагнозъ, плацента, аспиринъ! А штабные? Одинъ звукъ такихъ словъ, какъ субординація и стратегія могъ иногда сдѣлать больше, чѣмъ два вечера цыганскаго пѣнія. Какъ хороши, какъ свѣжи были розы! А теперь осталась одна грубая погоня за кускомъ булки.

— Нѣтъ, вы не правы, дорогая, — возразила на это Анна Захаровна, — сказать откровенно, и теперь имѣются нѣкоторыя должности, которыя способны вскружить голову, и существуютъ слова, знаете-ли, совершенно новыя, которыя иногда радуютъ сильнѣе прежнихъ.

— Неужели?

— Увѣряю васъ. Среди русской эмиграціи найдется не мало людей, которые сто очковъ дадутъ впередъ и аспирину, и ипотекѣ. Возьмите, напримѣръ, Андрея Петровича, агента по вывозу и распространенію бумеранговъ съ какихъ-то тамъ острововъ. Вѣдь если вникнуть, такъ вѣдь это умопомрачительно!

— Пожалуй, да. Но такихъ людей очень мало. Днемъ съ огнемъ не сыскать. Такого Андрея Петровича подцѣпить — одной Марьѣ Васильевнѣ такое счастье привалить можетъ.

— Что вы, голубчикъ, да такіе люди вокругъ васъ валяются, — стоитъ только взглянуть, голыми руками взять можно — не надо быть для этого Марьей Васильевной. Какія профессіи, какія увлекающія профессіи! Если бы я не боялась, что вы упрекнете меня въ легкомысліи, я бы сказала, что онѣ въ эмиграціи стали даже сексапильнѣе, ей-Богу!

— Разскажите мнѣ, дорогая, умоляю васъ, — вскричала Клавдія Павловна, — разскажите мнѣ про эти увлекающія, сексапильныя профессіи! Это такъ интересно.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтила Анна Захаровна, — я могу васъ даже познакомить кое съ кѣмъ изъ героевъ моихъ исторій — выбирайте.

Крыша изъ творога.

Представьте себѣ молодого человѣка лѣтъ тридцати пяти: художникъ, живетъ съ маманей, почти безъ поведенія, но

съ большимъ воображѐніемъ. Былъ одно время чертежникомъ — ремеслу не выучился. И вотъ однажды рѣшаетъ онъ непремѣнно что-нибудь изобрѣсти, но такъ какъ онъ не изобрѣтатель, то начинаетъ онъ съ совершенно другого конца: не что человѣчеству **нужно,** а что человѣчеству **не нужно.**

Ни минуты не думаетъ онъ ни о машинкѣ-самодралкѣ, на которую еще со временъ Песталоцци и Фребеля надѣются въ школахъ учителя, ни о новомъ стопроцентномъ депилаторіи — пусть объ этомъ думаютъ другіе. Онъ часами размышляетъ о никому не нужныхъ отбросахъ и все соображаетъ: какъ бы ихъ употребить въ дѣло, это, такъ называемое, утиль-сырье? Нельзя ли изъ апельсинныхъ корокъ дамскія шляпы дѣлать? Нельзя ли изъ яичной скорлупы лѣпить статуэтки и вазочки? Изъ пустыхъ спичечныхъ коробокъ — пьянино?

И вотъ, подъ Пасху, покупаетъ мамаша четыре литра молока — творогъ дѣлать. Молоко скисаетъ, снимаютъ съ него сметану, ставятъ простоквашу въ духовую. Стоитъ горшокъ часъ, стоитъ два, стоитъ ночь — творогъ получается какой-то странный: мыломъ отдаетъ, словно въ него какимъ-то «ботэ» капнули. Выбросить его приходится, хоть плачь. Сынъ мать упрекаетъ за « ботэ», мать сына за то, что подъ руку говоритъ. Наконецъ, сынъ видитъ, что творогъ — его. Онъ долго любовно смотритъ на него и кончаетъ тѣмъ, что льетъ въ него столярный клей.

Что еще сыпалъ онъ и подмѣшивалъ въ теченіи долгой безсонной ночи — никто не знаетъ. Утромъ въ кастрюлѣ было что-то крутое, желтоватое, пузырчатое, вонючее и абсолютно безвкусное. Изъ этой массы молодой человѣкъ нарѣзалъ подошвы, подставки подъ блюда, пробки, дверныя ручки...

Сейчасъ у него квартира на рю Мадемуазель (не захотѣлъ онъ разставаться съ насиженными мѣстами) и кокетливое «бунгало» на берегу Марны. Крыша «бунгало» крыта творогомъ.

Мамаша довольна.

Учитель головной гимнастики.

Де-Кулькову совершенно нечего было дѣлать въ Парижѣ — всюду обходились безъ него. Тогда онъ рѣшилъ самъ себѣ выдумать профессію. Надо было помочь людямъ не думать, облегчить имъ жизнь — для спорта, для танцевъ, для многаго другого, что въ жизни современнаго человѣка занимаетъ большое мѣсто, надо было устроить такъ, чтобы голова съ мозгами играла наименѣе обременительную роль, надо было придти на помощь населенію, которому она до сихъ поръ мѣшала.

Разсужденіе де-Кулькова было такое: раньше, скажемъ, до войны, люди упражняли память и воображеніе, отчего и умнѣли. Сейчасъ надо было отшибить память и унять воображеніе. Какъ это сдѣлать? Въ нашъ вѣкъ ускоренныхъ темповъ, усиленной динамики и постояннаго шума можно всего добиться гимнастикой. Такъ де-Кульковъ и сдѣлалъ.

Онъ объявилъ себя учителемъ головной гимнастики — снять голову вовсе вонъ (какъ лишній жиръ, напримѣръ), конечно, было невозможно, но гимнастика могла сильно помочь сокращенію мозговыхъ извилинъ и убыли сѣраго вещества.

Кліентовъ и кліентокъ въ первый же мѣсяцъ оказалось у де-Кулькова множество: публиковалъ онъ о своемъ методѣ въ американскихъ и англійскихъ газетахъ, и публика повалила валомъ, такъ что къ концу второго мѣсяца де-Кулькову пришлось нанять квартиру въ Пасси и завести электрическій грамофонъ, а такъ же нанять собственнаго двоюроднаго брата, чтобы тотъ двери открывалъ.

Кліента (или кліентку) ставилъ де-Кульковъ посреди комнаты; громко и молодцевато игралъ грамофонъ. Де-Кульковъ заставлялъ пришедшаго восемьдесятъ разъ крутить головой слѣва направо и восемьдесятъ разъ — справа на лѣво, шестьдесятъ разъ кивать, сорокъ разъ мотать, затѣмъ теръ ему затылокъ жесткой щеткой въ теченіи 10 минутъ, дабы отучить мозжечекъ отъ ненужныхъ мыслей. Послѣ того де-Кульковъ совалъ человѣка подъ холодный душъ, и человѣкъ шатаясь уходилъ, однако, довольный результатами, которые, конечно, сказывались немедленно.

Такъ жилъ де-Кульковъ.

Репрезантанъ (представитель).

Петръ Ивановичъ дѣлалъ такъ: онъ входилъ въ чужой домъ со своимъ чемоданомъ и освѣдомлялся у консьержки,

Рис. Н. Ильина.

ЛОГИКА МОДЫ.

— Годъ назадъ мы должны были быть худы, какъ щепки. Теперь же, когда жрать нечего, требуютъ округлость формъ!

имѣются ли въ домѣ собаки? Если отвѣтъ бывалъ положительный, онъ просилъ указать ему собачью квартиру и тутъ же дарилъ консьержкѣ маленькій, розовый календарь. Затѣмъ онъ поднимался по лѣстницѣ и звонилъ.

Дверь обычно открывала женщина съ непроницаемымъ лицомъ, среднихъ лѣтъ и плотной комплекціи — въ собачьихъ квартирахъ всегда есть такія женщины. Собачка гдѣ-нибудь тутъ, неподалеку, крутила хвостомъ.

— Что вамъ угодно? — спрашивала женщина, въ душѣ уже догадавшись, что ей предложатъ пылесосъ или энциклопедическій словарь Ларусса, и легонько нажимала на дверь.

— Мнѣ ничего не угодно, мадамъ, — отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, — я пришелъ сдѣлать вамъ подарокъ.

— Мнѣ?

— Да-съ. Разрѣшите....

— Войдите. Ахъ, здѣсь даже повернуться негдѣ, пройдите ужъ въ столовую, все равно.

Петръ Ивановичъ скромно улыбаясь и извиняясь то передъ вѣшалкой, то передъ дверью, входитъ въ столовую и становится въ позу.

— Мадамъ, у васъ есть собака. Вы ее любите. Вы ее холите. Вы ее лелеете. Я пришелъ къ вамъ, чтобы облегчить вамъ это. Возьмите на память что хотите: спеціальную щеточку, чтобы чистить собакѣ пятки (обмакнуть въ любую жидкость и провести два раза туда и обратно) или гребешокъ для расчески собачьяго хвоста (кончика). Оба предмета могутъ служить вѣчно.

Съ этими словами онъ вынимаетъ изъ кармана гребешокъ и щетку, не болѣе ногтя, а въ то же время, нечаяннымъ движеніемъ раскрываетъ чемоданъ и удивленная хозяйка видитъ ряды очковъ, въ гутаперчевой оправѣ, всевозможныхъ фасоновъ и размѣровъ.

Ей совѣстно принять подарокъ отъ чужого господина. («Дайте ужъ лучше гребешокъ», — говоритъ она тихо). Петръ Ивановичъ, однако, не закрываетъ чемоданъ и даетъ ей вдоволь наглядѣться на очки.

— Это очки для собакъ, — говоритъ онъ, наконецъ, — къ сожалѣнію, я не могу вамъ предложить ихъ — всѣ они проданы. Собаки старѣютъ, у нихъ портится зрѣніе. Неужели вы думаете, мадамъ, что эти бѣдныя животныя такъ таки могутъ прожить безъ очковъ? Вѣдь даже вы не можете!

Дама съ гребешкомъ въ рукѣ не сводитъ съ чемодана глазъ, фоксикъ трется у ея колѣнъ.

— Сколько же стоятъ такіе очки? — спрашиваетъ она робко.

— Я кажется, могу уступить вамъ вотъ эту пару, хотя за нее уже данъ задатокъ — она прямо нарочно сдѣлана для вашей собачки, — говоритъ Петръ Ивановичъ и нацѣпляетъ фоксику очки.

— Но онъ еще не такъ старъ, — пытается протестовать хозяйка.

— Да. Но онъ будетъ старъ! — восклицаетъ Петръ Ивановичъ съ чувствомъ.

Хозяйкѣ неловко: она получила подарокъ, ей надо отблагодарить этого любезнаго человѣка.

— Хорошо, — говоритъ она, — я беру эти очки. Сколько они стоятъ?

И вотъ ей приходится идти за кошелькомъ въ кухню. Въ кухнѣ ее беретъ ужасъ, когда она понимаетъ, что тридцать пять франковъ сейчасъ уйдутъ и не вернутся. Но она уже сказала «хорошо». «Развѣ я не хозяйка своего слова? Пропадай все — надо платить!»

И Петръ Ивановичъ, насвистывая, уходитъ. Гдѣ-то наверху хлопаютъ двери, заливается неистовымъ лаемъ собаченка. Но дѣло сдѣлано.

— Ахъ дайте мнѣ, дайте мнѣ этого репрезантана! — вскричала Клавдія Павловна, — онъ нравится мнѣ больше всѣхъ. Важно, конечно, выказать геніальность и интуицію, какъ вашъ творожникъ, или учесть моментъ, воспользоваться случаемъ, какъ гимнастъ, но кто можетъ сравниться съ человѣкомъ, умѣющимъ во время сказать красивое слово, сдѣлать во-время полезное движеніе? Да, я согласна съ вами — политическій ораторъ и церковный проповѣдникъ ничто передъ этимъ молодымъ человѣкомъ, я согласна — существуютъ, не умерли еще увлекающія профессіи!...

Рюрикъ.

ДВА БОЯ.

Баллада.

На Чампзъ-Илайзисъ 43
Громадный домъ: Отель Берри.

Два боя жили въ домѣ томъ:
Одинъ бой — Джимъ, другой бой — Томъ.

Лифтъ-бой (бой Томъ) и грумъ (Джимъ-бой)
Дружили: не разлить водой.

И вѣкъ дружили бы они,
Но... у стандарта — Сидони...

Кто Сидони? Мила собой,
Веселыхъ глазъ цвѣтъ голубой,

А ножка... тутъ не то, что бой, —
Изъ насъ прельстился бы любой.

И видно рѣшено судьбой:
Влюбленъ бой-Томъ, влюбленъ Джимъ-бой.

Ихъ двое. Сидони одна.
Какъ быть? Кто съ ней и съ кѣмъ она?

И говоритъ тутъ бою бой:
Пускай рѣшитъ лояльный бой.

И всѣ сбѣжалися гурьбой
Смотрѣть на боя съ боемъ бой.

Бой съ боемъ бойко въ бой идетъ,
Бой боя боемъ смертнымъ бьетъ.

Бьетъ боя бой, бой боемъ битъ,
Кругомъ стоятъ: кто побѣдитъ?

Лишь Сидони кричитъ съ мольбой:
«О, прекратите, бои, бой...»

Но бьетъ бой боя нипочемъ,
Локтемъ, колѣномъ и плечомъ.

На боѣ бой въ бою повисъ,
Пришлось позвать Дантонъ-Полисъ.

Сидитъ въ кутузкѣ грумъ Джимъ-бой,
Лифтъ-бой, бой Томъ — сидитъ въ другой,

Помяты и разбиты въ кровь,
Клянутъ и женщинъ, и любовь.

А Сидони, причина зла,
Шассеру сердце отдала.

Жоржъ.

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

— У васъ утомленный видъ!

— Да. Я хронически не высыпаюсь. Моя жена просыпается при каждомъ шумѣ ночью и будитъ меня. Ей все мерещатся воры.

— Воры обыкновенно не шумятъ. Они стараются работать какъ можно тише.

— Да я ей, наконецъ, втолковалъ это въ голову, такъ теперь она просыпается и будитъ меня когда она не слышитъ шума...

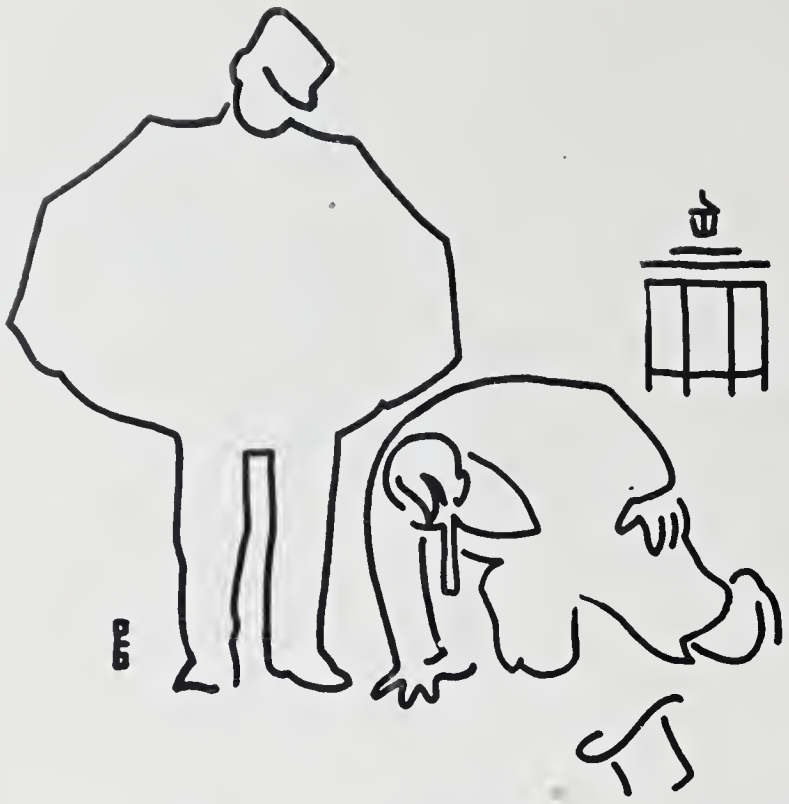
ВЪ ОТКРЫТОМЪ МОРѢ.

Рис. Хэйтера.

Выше громады волнъ, бѣлоснѣжные рушатся гребни,
Радостный крикъ заглушивъ чаекъ въ лазури небесъ.

Только весь міръ это — Майя, иллюзія, воображенье:
Въ тайныхъ глубинахъ нутра такъ безнадежно мутитъ.

Рис. Вл. Бѣлкина.



— **Вставайте! Въ чемъ дѣло? Вы потеряли что-нибудь?**
— **Да... рравновѣсіе...**

ПРОГУЛКА ПО САДАМЪ СОВѢТСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

«Роль кавалеріи въ современной войнѣ замѣтно уменьшается. Имѣются основанія полагать, что предвидѣлъ это извѣстный французскій полководецъ Наполеонъ Бонапартъ».

Н. Д е м и н ъ. — «Война и Революція».

«Незнакомецъ остановился, снялъ очки и чего-то спросилъ по-англійски.

Онъ былъ одѣтъ по прихотливымъ правиламъ европейской моды. Разинувъ рты, ребята глядѣли на его широкополую мягкую шляпу, короткое до колѣнъ прорезиненное пальто, изъ подъ котораго виднѣлись полосатые сѣрые брюки и такія же гетры... »

Г. Б р у н с т ъ. — «По шахтамъ», очерки.

«Рабочимъ, вовлекаемымъ въ фашистскій имперіализмъ, должно быть извѣстно, что соціалъ-демократія только тѣмъ и занимается, что держитъ услужливо для буржуазіи ея ночной горшокъ».

Л. Л о з о в с к і й. — «О задачахъ профсоюзовъ».

«— Петь! А, Петь!
Степь разносила хриплый голосъ.
— Петь!
— Чего тебѣ?
— Петька! Подь сюда!
Петька нехотя поднялся, подошелъ.
— Ну?
— Петь, потри спину!
Петька фыркнулъ.
— Потри спину! Да что это ты за Ракчеевъ такой взялся? Чимбирленъ какой! Это ужъ ты здрасте-пожалуста ахъ оставьте!
Лукичъ поглядѣлъ на него пристально.
— Петь!
— Ну?
— Петь, а за что боролись то мы? Помѣщиковъ прогнали? Царя свергли? Пролетаріи мы вѣдь, Петька, хозяева!
— Рази что такъ! — осклабился Петька. — Ну, давай, старина, потру!

А. К р а й с к і й. — «По дорогамъ».

«Нѣкоторые руководители областныхъ литкружковъ такъ понимаютъ марксистскій методъ. Надергаютъ перышекъ изъ хвоста у Плеханова и Фриче и тщатся прикрыть этимъ свою идеологически сомнительную внѣшность».

Л. Т о м ъ. — «Учоба и практика».

«— Забылъ, что-ли? Завтра имянины мои».
Перфильевъ вытеръ рукой лобъ и переспросилъ:
— Имянины? Скажи, какое дѣло, изъ головы вонъ! Имянины, значитъ надо подарокъ, такъ?
— Ну да, подарочекъ, ласкаясь сказала она. — Знаешь, я видѣла на Кузнецкомъ кружевную горжетку, прелесть какая... И знаешь, недорого совсѣмъ!
— Постой, постой, женушка, остановилъ Зинаиду Перфильевъ. Подарочекъ надо настоящій, постой, я сейчасъ обмозгую. Завтра что, пятница. Слушай, завтра я останусь въ трестѣ лишнихъ полтора часа, разберу заваль дѣловую... и въ ячейкѣ докладъ сдѣлаю, въ твою честь. Довольна?»

«И безконечно вереницей
Ударники идутъ на бой
Рѣшительны, суроволицы,
Сплошною, сѣрою стѣной.
И рядомъ въ небѣ стягъ алѣетъ
И ввысь несется кличъ,
И чутко дремлетъ въ мавзолеѣ
Слегка сощурившись, Ильичъ».

П. А р с к і й. «Ударники на красной площади».

«Эмбріональное состояніе эмоціональной теоріи художественныхъ ассоціацій обусловлено какъ общимъ кризисомъ эмпирико-наблюдательныхъ методовъ, причемъ они забываются быть проведенными черезъ соотвѣтствующую дифференціацію, такъ и частнымъ окказіональнымъ воздѣйствіемъ принциповъ методологическаго релятивизма возведеннымъ при проникновеніи въ критическое сознаніе, какъ теоретическое, такъ и практическое, въ догматъ квази - абсолютный, причемъ критикъ дегенерируетъ его въ релятивизмъ не столько научный, сколько метафизическій... Полагаю, что это въ достаточной мѣрѣ ясно».

П. Р а б б ъ. — «Къ характеристикѣ нашихъ разногласій».

«Проблему коммунальнаго питанія въ будущихъ соціалистическихъ городахъ нельзя разрѣшить путемъ нивеллировки. Это упрощенская точка зрѣнія. Если одинъ гражданинъ любитъ мясо въ жареномъ видѣ, то другому нельзя отказать въ правѣ предпочесть мясо вареное... Однако, общая раціонализація быта должна привести и къ упорядоченію вкусовыхъ запросовъ массъ».

Ф. Ф и л и п п о в ъ. — «Новые города».

«— Нѣтъ, Иванъ, это ты не говори... У нихъ женщины были лучше. Дай ты мнѣ такую, чтобы съ бѣлпчьей муфточкой, да глазки козочкой, да пальчики, да духи французскіе, « Ахъ, что вы, развѣ сразу такъ можно?» Пардонъ, силь ву плэ, эхъ, что тамъ толковать.. Совсѣмъ запахъ другой. А наша или дура деревенская, или товарищъ въ кепкѣ. Стиля мы насчетъ женщины не выработали.
— Женщина и есть товарищъ.
— Я же не противъ, пойми... А только отчего онѣ мужчины и поластить не умѣютъ».

М и х. К и р ь я н о в ъ. — «Исторія о перепелѣ».

«Играть на музыкальныхъ инструментахъ можно тоже по пролетарски».

А. Л у н а ч а р с к і й.

«Онъ говорилъ прозаически и дѣловито, но по блеску глазъ видно было, что предметъ доклада ему дорогъ, какъ жизнь, какъ революція, какъ имя Сталина... Онъ — горѣлъ».

З. Ш т е й н м а н ъ. —«Днѣпрострой».

Георгій Адамовичъ.

ДОМАШНІЙ РЕПЕРТУАРЪ.

— Вы завели себѣ второго попугая?
— Да. У моей жены есть попугай и я купилъ себѣ тоже.
— Они говорятъ?
— Да, они научились. Женинъ попугай все говоритъ: «Ты опять роняешь пепелъ на коверъ?», а мой: «У тебя опять на кухнѣ что-то пригорѣло?»

ДВѢ ЛОШАДИ

Ужъ почитай десятокъ лѣтъ
Извозчиковъ въ Парижѣ нѣтъ.
Ихъ родъ степенный канулъ въ лету,
А потому и лошадей
На мостовой парижской нѣту...
Теперь хоть двадцать верстъ пройди
По городу,
По стогнамъ гордымъ —
Ихъ не увидишь ни одной,
Зато раздолье разнымъ «Фордамъ»,
Но тѣмъ не менѣе, какъ ни какъ
А двухъ немудренькихъ конякъ,
Во исключеніе изъ правилъ
Зевесъ оставилъ
На племя.
Въ столицѣ Франціи прекрасной, —
Таковъ его капризъ былъ властный.
И вотъ, телѣгами гремя,
Онѣ сошлись въ случайной встрѣчѣ,
Другъ друга видючи впервой
И — толь ни простота святая —
Себя машиною считая...
«Ахти! — воскликнула одна, —
Ахъ Боже мой! Мнѣ даже — худо!
Вы кто — такое чудо-юдо?...
Съ хвостомъ, съ ушами и рыжо...»
— Кто-я? — отвѣтствуетъ другая —
Обыкновенное Пежо!..
«Пежо?
Позвольте дорогая!
Вѣдь это я — автомобиль!
А вы — скотина и не болѣ...
Того не знаете вы что-ли,
Что самозванку ждетъ тюрьма...
Пежо!
Вы — право безъ ума!...»
Тутъ стали лошади браниться,
Шумѣть, доказывать и злиться.
Читатель добрый! Не стара-ль
Сей басни ясная мораль,
Въ слова уложенная просто:
Другъ другомъ такъ удивлены
Подчасъ бываютъ — два прохвоста.

Вальгоръ.

ОПОРА СЕМЬИ.

Жена безработнаго. — Ты лѣнтяй! Ты тряпка. Ты ни къ чему не годное существо!

Мужъ. — Хорошенькое дѣло! А кто получаетъ пособіе для безработныхъ, на которое мы живемъ?

ПОСЛѢДНІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Усѣвшись въ свой автомобиль, прелестная блондинка даетъ послѣднія инструкціи стоящему передъ ней на вытяжку швейцару гостиницы:

— Я, кажется, все вамъ сказала? Да, вотъ еще что: если на мое имя будутъ письма отъ молодого человѣка въ очкахъ, какъ у Гарольда Ллойда, съ небольшими черными усиками, вы ихъ мнѣ не пересылайте. Вы скажете почтальону, что я уѣхала, не оставивъ адреса.

ВѢРНЫЙ ВЫВОДЪ.

— Все, что вы мнѣ говорите, входитъ у меня въ одно ухо и выходитъ въ другое.

— Очевидно, у васъ между ушами пустота?

18

ОСТОРОЖНѢЕ СЪ ДѢТЬМИ...

Мальчику сказали, что если онъ будетъ лазить на дерево и ѣсть не спѣлыя сливы, у него распухнетъ животъ.

Мальчикъ испугался и пересталъ ѣсть сливы, а глупая, старая тетка, выдумавшая угрозу, считала себя настоящимъ педагогомъ.

Пріѣхала изъ-за границы съ молодымъ мужемъ восемнадцатилѣтняя кузина мальчика, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вышедшая замужъ.

Собрались въ гостинную пить чай съ вареньемъ изъ сливъ и съ петифурами.

Шустрый мальчикъ, уже успѣвшій подружится со своей юной веселой кузиной, лукаво указывая глазами на ея пополнѣвшую фигуру и грозя пальцемъ, торжественно произнесъ :

— А я знаю, что ты дѣлала, и почему у тебя такой толстый животъ...

Больше всѣхъ была смущена — старая дѣва — тетка, которой пришлось давать объясненія.

●

ПАЦИФИСТЪ.

Въ публичномъ мѣстѣ ему нанесли оскорбленіе дѣйствіемъ.

— Вамъ теперь придется драться...

— Какъ? опять драться?! Довольно уже дрались...

●

ОБСТОЯТЕЛЬНЫЙ ТУРИСТЪ.

Вы можете мнѣ рекомендовать гостиницу?

— О, нашъ курортъ въ этомъ отношеніи знаменитъ: здѣсь есть, та гдѣ еще останавливался Гете...

— А онъ остался доволенъ?

МАРСЕЛЬСКІЯ ИСТОРІИ.

Рис. Б. Гроссера.

— Развѣ это — пловцы?! Вотъ я видѣлъ одного, такъ онъ изъ Нью-Іорка въ Гавръ приплылъ и былъ свѣжій, какъ огурчикъ.

— А вы его хорошо разглядѣли?

— Да, разглядѣлъ.

— И вы меня не узнаете?!

ЛЖЕЦЪ.

(Почти по Крылову).

Недавно сдѣлано замѣчатсльное открытіе — сыворотка противъ лжи. Самый упорный и опытный лжецъ послѣ вспрыскиванія этой сыворотки физіологически не въ состояніи говорить неправду.

Изъ газетъ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то Доменикъ, а можетъ быть и князь,
Носитель гордый имени большого,
Иль нѣкій лордъ, иль самъ писатель Шоу —
Расхвастался о томъ, что видѣлъ въ той землѣ,
Гдѣ правитъ совнаркомъ, гдѣ власть сидитъ въ Кремлѣ,
Ища для нашей горестной юдоли
Какой-то новый идеалъ...

— Нѣтъ, — говоритъ, — что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ!
Живете вы во тьмѣ, въ неправдѣ и въ неволѣ, —
Что здѣсь у васъ за край!
Одни тутъ нищіе, другіе тутъ банкиры,
Милитаризмъ, — и пушки, и сѣкиры...
Вотъ тамъ-то прямо рай!

И вспомнить — такъ душѣ отрада...
Я былъ въ Москвѣ, на стогнахъ Ленинграда,
Я навсегда остался въ той землѣ-бъ,
Я ѣлъ совѣтскій черный хлѣбъ,
Онъ вкусенъ и сухой, безъ всяческихъ примочекъ,
Но щи, — ахъ, эти щи!
У насъ нигдѣ такого супа не ищи....

А лещикъ, потроха, а стерляди кусочекъ!
А водка русская... я выпилъ десять чаръ,
Въ восторгѣ я отъ этихъ дивныхъ чаръ, —
Что наше виски! Даже Луначар...

Тутъ перебилъ его внезапно собесѣдникъ:
— Но тамъ вѣдь голодъ, — пишутъ, говорятъ...
— Какія глупости! всѣ дни подрядъ
Мы ѣли всласть... вѣдь это здѣсь — наслѣдникъ
Богатаго отца — онъ можетъ сытно ѣсть,
А тамъ — тамъ равенство, оно ужъ есть,
И если мнѣ — и супъ, и ванна, —
То то же самое для бѣднаго Ивана...

Дается всѣмъ весь нужный имъ товаръ,
Весь русскій инвентарь — и кнутъ, и самоваръ...
А фабрики, а новые заводы!
Использованы степи, горы, воды...
А свиньи... сколько тамъ однихъ свиней!
Держу пари на тысячу гиней...
— Позволь же, — перебилъ знакомый:

Допустимъ — это такъ, и ваши совнаркомы
Достигли многаго, — я не вступаю въ споръ, —
Но и у насъ прогрессъ не пребывалъ въ покоѣ:
Какъ вы уѣхали, повѣрите-ль, съ тѣхъ поръ
Открытье сдѣлано чудесное такое,
Что правду выяснить для насъ всегда легко, —
Одинъ уколъ подъ нижнее трико,
И самъ языкъ вашъ выболтаетъ сразу
Правдивую рѣшающую фразу...
Пойду, пожалуй, даже на пари, —
Но такъ какъ разсудить нашъ споръ легко-ли,
То вы подумайте, пріятель, объ уколѣ, —
Онъ все рѣшитъ минуты въ три...
Уколъ пустой — обычныхъ не сильнѣе,
А сразу онъ разсѣетъ тайны мракъ...
— Съ пари я пошутилъ, я собственности врагъ
И презираю буржуазныя гинеи...

В. Опочининъ.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ « САТИРИКОНА »

Въ цѣляхъ наиболѣе раціональнаго распредѣленія «Сатирикона» по кіоскамъ, Гл. контора покорнѣйше проситъ гг. читателей покупать журналъ по возможности въ одномъ и томъ же кіоскѣ или магазинѣ.

Въ случаѣ, если у вашего газетчика не окажется «Сатирикона», Гл. контора проситъ увѣдомить ее по адресу:

51, rue Vivienne, Paris (II).

Рис. Э. Ницше.

« ET APRES?! »

СЧАСТЬЕ.

— Я вамъ говорю, опираясь на палку, сипѣлъ у кассы генералъ Арчаговъ, что дураки въ Европѣ кончаются: денегъ у совѣтовъ нѣтъ, экспортъ имъ обрѣжутъ, и полетятъ они къ свиньямъ со своимъ Коминтерномъ.

Лицо у генерала было изъ бурой губки, носъ — горой изъ того же матеріала, усы моржовые. Арміи у него уже не имѣлось, но онъ теперь командовалъ американцами, Европой и будущимъ.

Генералъ дожидался кулебяки. Почему это Софьюшка не несетъ блюда?

— Они думаютъ, что мы тутъ вымремъ пока что, — хищно таращась, продолжалъ генералъ. — Анъ — врешь: мы вотъ съ моей старухой игрушки дѣлаемъ; вы — лавку съѣстную завели. Возьми насъ голыми руками!

Степанъ Андреевичъ, слушая генерала, улыбался и одобрительно качалъ лысой головой, на которой отражалось окно. Щеки у него были одутловатыя, мертвенно блѣдныя, вѣки набрякшія, взглядъ потухшій. Марья Исааковна Вайнтраубъ, женщина - врачъ, жалостливая и преданная своему дѣлу, бывало заходитъ въ лавку и приглядывается къ Степану Андреевичу: «Что это у него? Отъ серлечной дѣятельности, или отъ почекъ?»

Да, вымереть то не вымремъ, подумалось Степану Андреевичу, а какъ живемъ? Когда-то былъ человѣкъ съ положеніемъ въ Питерѣ, въ высокихъ чинахъ по Вѣдомству Неокладныхъ Сборовъ, и вотъ пришлось на старости лѣтъ колбасой торговать.

Конечно можно и нужно терпѣть для Наташи, чтобы оставить ей прочное, надежное дѣло. А какъ по началу воротило его отъ этого занятія... Прямо какъ въ холодную воду бросаться. Спасибо, жена Софья Яковлевна уговорила: у женщинъ — нюхъ.

А теперь Наташѣ море по колѣно: живи, учись. Ничего для нея не жаль: красавица, умница и какъ расцвѣла! До Сорбонны добралась съ похвалами, съ наградами.

Все внутри Степана Андреевича ожило и освѣтилось при мысли о дочкѣ.

Съ видомъ строгимъ, но снисходительнымъ, какъ, бывало, войска на парадѣ, генералъ осматривалъ выставленный товаръ.

— Это у васъ съ чѣмъ же пирожки?

— Съ мясомъ и съ рисомъ.

— Люблю, люблю, — поощрительно сказалъ Арчаговъ. — Бывало, хлопнешь рюмки двѣ водочки гдѣ-нибудь подъ Москвой въ станціонномъ буфетѣ и принимаешься за горячіе щи съ ними, съ мерзавцами пухлыми. Только во вкусъ войдешь, а тутъ — третій звонокъ... Доѣсть не дадутъ окаянные. Повѣрите ли, изъ за меня одинъ разъ поѣздъ задержали... А тутъ у васъ что?

Котлеты пожарскія съ горошкомъ.

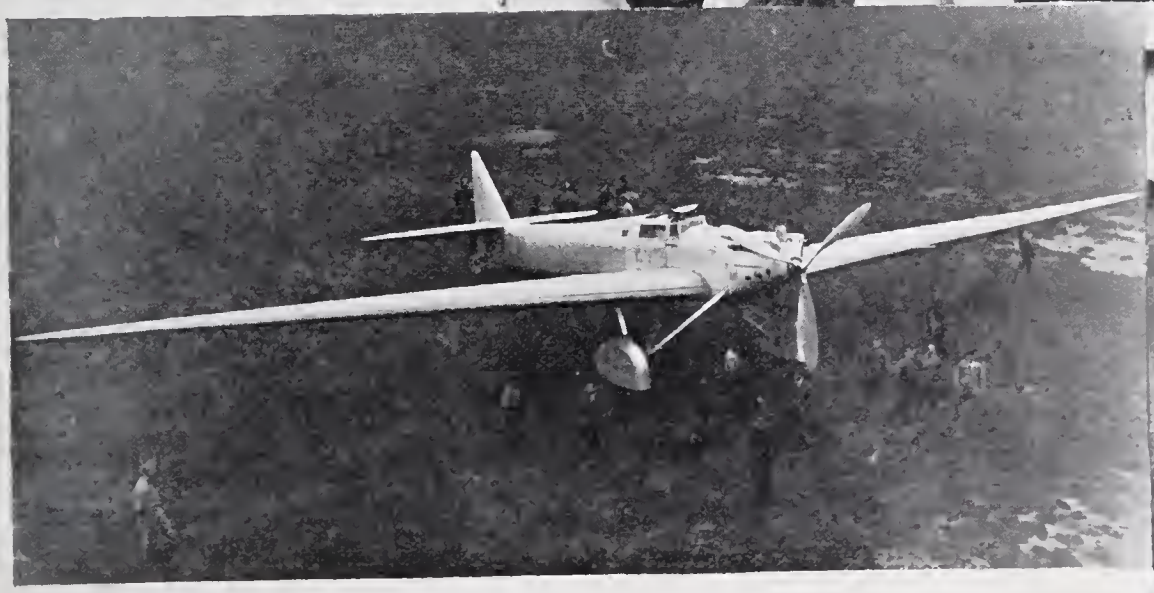
— Чего хочешь, того просишь, умилился генералъ. Королевскія сельди у васъ тоже хороши... А грибы соленые! Нѣтъ, ужъ ихъ, батенька мой, вы мнѣ отпустите обязательно и пирожечковъ обоихъ сортовъ тоже положите полдюжинки, — была не была, — хотя, безъ сомнѣнія, старуха моя будетъ ворчать.

СЕМЬ ДНЕЙ САТИРИКОНА

Отнынѣ знаменитая жена американскаго милліардера г-жа Ф. Дж. Гульдъ, которую Чарли Чаплинъ тщетно пытается соблазнить 25.000.000 франковъ за выступленіе въ одномъ фильмѣ.

Послѣдній крикъ моды. Ручные поросята на пляжѣ въ Міами (Флорида).

На снимкѣ направо — собраніе туркменовъ - колхозниковъ, обрабатываемыхъ коммунистическими агитаторами.



Парижъ-Токіо. «Трэ д-Юніонъ» ном. 2 на аэродромѣ въ Буржэ передъ новымъ полетомъ Дорэ и Ле-Брикса.

Принцъ Уэльскій идетъ играть въ гольфъ въ Шиберта, близъ Біаррица.

ВОДНЫЙ СПОРТЪ.

Рис. Э. Ниттше.

— **И ты его бросила?**

— **Что-жъ мнѣ было дѣлать, сама посуди: я привезла его въ это самое мѣсто на этой самой лодкѣ, и онъ даже не попытался меня поцѣловать...**

Замѣчательные покупатели у Степана Андреевича! И все больше ихъ съ каждымъ днемъ. Пришлось даже принять служащаго, чтобы съѣздить по дѣлу или помочь товаръ отпустить: славный такой молодой человѣкъ, Георгій Саввичъ Малышевъ, бывшій военный.

Да и какъ дѣлу не расти: попадаютъ въ лавку, разбѣгаются у нихъ глаза: и чайной колбасы хочется подъ водку, и огурчики соблазняютъ, и ситный хлѣбъ пахнетъ; отъ одного этого запаху человѣкъ дурѣетъ и размякаетъ. Денегъ у человѣка нѣтъ, за квартиру не плочено второй мѣсяцъ, а удержаться ему отъ кулебяки нѣтъ никакой возможности. А все потому, что у нихъ кромѣ аппетита еще и психологія.

Напримѣръ, чуть не каждый день приходитъ Соринскій: бывшій московскій адвокатъ, а теперь артистъ въ «Мэзонеттъ дэ комедьенъ рюссъ». Милѣйшій человѣкъ, весельчакъ, но немного циникъ. «Я, говоритъ, держусь того мнѣнія, Степанъ Андреевичъ, что любовь къ родинѣ есть чувство въ сущности своей гастрономическое: дайте вы мнѣ хорошей зубровки, грибковъ маринованныхъ, борща со сметаной, осетрины съ огурчикомъ и ситнаго хлѣба съ тминомъ, и буду я вамъ ожидать возрожденія родины сколько положено и безъ нетерпѣнія.»

Наташенькѣ вечеромъ разсказали про эти слова, такъ она хохотать стала: « Иль а рэзонъ сэ типъ-ля. Конечно, вы — самая настоящая опасность для совѣтовъ! Остерегайтесь, какъ бы парижскіе чекисты вашу лавку на воздухъ не не взорвали».

«Вашу лавку»... Степанъ Андреевичъ задумчиво потираетъ переносицу. Наташа въ лавкѣ не бываетъ никогда. Не то чтобы стѣснялась она, что родители у нея за прилавкомъ, Боже сохрани, а просто и времени не хватаетъ и относитъ ее жизнь какъ то въ другую сторону, въ другую среду: двѣ закадычныя подруги у нея, Люси и Женевьева; живетъ она ихъ, французскими, интересами. Давеча поссорилась съ кѣмъ-то изъ за Бріана, а заставить ее Анну Каренину прочитать нѣтъ никакой возможности.

— Что, достали, Георгій Саввичъ? — обратился съ живостью Степанъ Андреевичъ къ молодому человѣку, вошедшему въ лавку съ кулькомъ. — Вотъ хорошо, несите вишъ, Софьѣ Яковлевнѣ.

Да пускай живетъ какъ хочетъ Наташка. Была-бы здорова и счастлива, — все для нея...

А вотъ и жена идетъ снизу съ кулебякой горячей на блюдѣ для генерала: удалась, говоритъ, нынче на славу.

— Разрѣшите здѣсь же попробовать.

— Пожалуйста! — ласково поетъ хозяйка и тянется за ножикомъ, разрѣзать.

Степанъ Андреевичъ съ гордостью глядитъ на блюдо: такой кулебяки во всемъ Парижѣ не сыщешь: Софья на эти дѣла первѣйшая мастерица.

Генералъ жадно суетъ кулебяку подъ усы и сипитъ, выкативъ глаза:

— Три такихъ ломтика, пожалуйста, заверните мнѣ.

О чемъ бишь? Ахъ да, о Наташѣ, думаетъ Степанъ Андреевичъ. Нынче она на выставкѣ колоніальной съ Женевьевой Миллэ и ея братомъ инженеромъ. Молодой человѣкъ дѣлаетъ блестящую карьеру и неравнодушенъ къ Наталіи. Сироты они, родителей нѣтъ... большое состояніе, живутъ въ роскоши. Куда Наташѣ съ ними равняться... Только разбаловываютъ ее, кружатъ ей голову. Какъ бы не вышло чего плохого...

Генералъ ушелъ съ пакетами, жена вернулась назадъ, на кухню. Степанъ Андреевичъ поднялся со стула. Ломитъ въ поясницѣ, ноги набрякли, болятъ. Старость.

Пріоткрыть дверь на улицу... Ужъ очень сгустился въ лавкѣ грибной и рыбный запахъ, огуречный и чесночный духъ.

Крышка съ боченка сдвинута. Чтобы на мѣсто положить — нѣтъ этого.

Степанъ Андреевичъ заглянулъ внутрь. Огурцы влажно зеленѣли въ пахучемъ, мутно-молочномъ разсолѣ, свѣжіе, остро-пахучіе. Степанъ Андреевичъ вздохнулъ и даже опустилъ вѣки: вотъ такъ бывало, пахло въ чуланѣ у тети Елены Балашиной, когда онъ мальчикомъ гостилъ у нея въ имѣніи. Нѣтъ его Россіи, нѣтъ прошлаго, а вотъ огурцы пахнутъ такъ же... слава Богу и за запахъ этотъ.

Кулича полтора кило Георгій Саввичъ отпускалъ какой-то дамѣ и зачѣмъ то со столика на стойку переносилъ: тамъ — крошки, тутъ — крошки. Зачѣмъ таскать съ мѣста на мѣсто? Не научатся порядокъ соблюдать, а въ порядкѣ все дѣло.

Степанъ Андреевичъ оглядѣлся заботливо: чисто, хорошо, уютно.

А дѣйствительно, хорошо у него въ лавкѣ: все есть, на всякій вкусъ. На чистыхъ салфеткахъ лѣниво нѣжится на блюдѣ, въ сахарной пудрѣ женственно розоватый рахатъ-лукумъ; халва высится какъ скала, бѣлыми маслянистыми уступами; сушеные грибы и красный перецъ, нанизанные на веревочки, висятъ какъ дикарскія ожерелья, а главная гордость Степана Андреевича — полка винъ. Тутъ и наша русская водка царская и густая наливка, и «Спотыкачъ» и рябиновая и зубровка, нѣжно зеленая, съ соломинкой и коньякъ со звѣздочками. А портвейнъ прямо изумительный, — такой портвейнъ въ другомъ мѣстѣ и достать трудно: пріобрѣлъ его Степанъ Андреевичъ на распродажѣ виннаго погреба графа де-Ламбри.

И все это спиртное богатство сверкаетъ, предлагаетъ себя, ждетъ не дождется развеселить, осчастливить человѣка, заставить его забыть заботы и горести и одиночество. Только что, скажемъ, былъ человѣкъ никому невѣдомымъ шоффером, у котораго и друзей то никакихъ не осталось кромѣ счетчика и коробки скоростей, а выпилъ, и, глядь, не шоффер уже, а снова, по прежнему Григорій Григорьевичъ Самбурскій, бывшій кавалергардъ и адъютантъ великаго князя. А кто далъ ему эту радость? Никто иной какъ Степанъ Андреевичъ, который своевременно помчался на такси, сломя голову, на распродажу графа де-Ламбри и отбилъ партію винъ у перекупщиковъ.

Тишина... уютъ... бутылки нѣжно дребезжатъ отъ проѣзжающаго на улицѣ каміона.

И вдругъ распахивается съ грохотомъ дверь и впускаетъ не вѣтеръ, не бурю, а Наташку. Глаза сверкаютъ, красная,

бѣгомъ бѣжала, не то плачетъ, не то смѣется.

— Папка! Я замужъ выхожу! Иль ма фэ юнъ дэкларасіонъ анъ тутъ формъ.

— Что... постой... пусти....

Таша виситъ на немъ и покрываетъ поцѣлуями его щеки, лысину и даже подбородокъ.

— Я тебѣ говорю... Тамъ, на выставкѣ... Иль ма при а л-экаръ ... и... и все рѣшено. Мы вѣнчаемся черезъ мѣсяцъ «данъ ла илю стриктъ энтимитэ» и уѣзжаемъ въ Алжиръ. Онъ назначенъ главнымъ управляющимъ какихъ-то колоссальныхъ работъ. Огромное жалованье на всемъ готовомъ. «Ту са...» — она дѣлаетъ широкій жестъ, обводящій лавку... всѣ эти сардины... «онъ ва лэ балансэ анъ витессъ».

Черныя кудерки разлетаются, трепещутъ на вискахъ и затылкѣ, зубы сверкаютъ вакхически.

— Ташенька...

— Гдѣ мама? Чтобы ты мнѣ все это продалъ въ два счета... «Тю м-антанъ, вье папа?...» Весь этотъ базаръ... вотъ я тебя еще поцѣлую въ шейку... Въ двѣ недѣли «тю ва мэ базардэ та бутикъ». Черезъ мѣсяцъ мы всѣ ѣдемъ въ Африку... на новую жизнь. Понялъ? Гдѣ мама? Мама моя гдѣ?

Вихрь уносится внизъ по лѣстницѣ, въ кухню.

Степанъ Андреевичъ стоитъ оглушенный. Точно почва сотряслась подъ его ногами и всѣ вишневки и портвейны графа де-Ламбри и грибы и красный перецъ обрушились на его старую голову. И все перекувырнулось и рабилось окончательно, потому что, если Ташенька такъ рѣшила, то такъ и будетъ. Конецъ.

Да нѣтъ, не бутылки... это — счастье, огромное счастье свалилось на голову Ташенькѣ и имъ обоимъ.

«Такое счастье, такое неслыханное счастье», повторяетъ онъ, беззвучно шевеля губами. И они, старики, будутъ тамъ вмѣстѣ съ ней, навсегда... Славный молодой человѣкъ, веселый, энергичный, жизнерадостный... Счастье...

И вотъ нѣтъ же, нѣтъ настоящаго счастья въ сердцѣ у Степана Андреевича: что то тянетъ, ноетъ внутри, пугаетъ, заволакиваетъ грустью.

Такъ странно, что лавки въ сущности уже нѣтъ, въ сущности она съ этой минуты уже кончена, погибла, а стоитъ на мѣстѣ какъ ни въ чемъ не бывало, полная, пахучая, богатая, обставленная на славу. Дѣло на ходу, растетъ... Изъ театральной студіи Агнивцевой, которая тутъ гдѣ-то по сосѣдству, только вчера въ первый разъ пришли покупать...

И вотъ... закрыть дверь, опустить шторы... А завтра придетъ Самбурскій и врачиха Вайнтраубъ и генералъ Арчаговъ и еще многіе безымянные... и не будетъ Степана Андреевича, чтобы отпустить имъ товаръ. И вообще ничего не будетъ, не будетъ его торговли.

Все разрушалось беззвучно въ какой-то пугающей пустотѣ.

Весь взволнованный, весь растерянный, самъ не зная что дѣлаетъ, подходитъ Степанъ Андреевичъ къ прилавку. Стоитъ передъ нимъ милое, такое знакомое блюдо въ цвѣточкахъ; пухнетъ на блюдѣ золотистая, добротная кулебяка, — нѣтъ второй такой мастерицы на кулебяки какъ Софьюшка...

И думая о нежданномъ и страшномъ переворотѣ въ своей жизни, Степанъ Андреевичъ разсѣянно и аккуратно пододвигаетъ одинъ къ другому разсыпающіе мясныя крошки ломти.

Федоръ Богровъ.

ПЕРЕВОРОТЪ ВЪ СКАЗОЧНОМЪ ЦАРСТВѢ.

(Сказка для дѣтей и для взрослыхъ)

(Окончаніе).

А въ это время шкапной старичокъ
Развязалъ потихоньку мѣшокъ,
Долго въ немъ рылся и что то искалъ
И наконецъ осторожно досталъ
Старый персидскій коверъ расписной
И разостлалъ подъ собой.
На немъ растянулся,
Зѣвнулъ, потянулся,
Говоритъ: «Мы готовы, ну-тка!»
Гномъ сердито надулся
И отъ насъ отвернулся.
«Совершенно глупая шутка».
И пожавши плечами,
Большими шагами,
Засунувши руки въ карманъ,
Онъ направился въ поле
И не мѣшкая болѣ
Полѣзъ на свой монопланъ.
Пропеллеръ какъ шмель загудѣлъ,
Моторъ затрещалъ, засвистѣлъ,
Разъ или два стрѣльнулъ,

Аппаратъ покатился,
Подскочилъ, накренился
И ввысь сиганулъ.
Старичокъ подозвалъ меня взглядомъ,
Усадилъ на коврѣ съ собой рядомъ
И воскликнулъ: «Коверъ-Самолетъ
Абра-кадабра! Впередъ!»

И вотъ нашъ коверъ шевельнулся,
Мохнатой спиной изогнулся,
И плавно, слегка колыхаясь,
Какъ будто на волнахъ качаясь,
Онъ сталъ отъ земли отдѣляться

И медленно подыматься.
Все выше и выше,
Ужъ трубы и крыши
Какъ черныя точки,
Горы, что кочки,
Рельсы какъ нитка,
Грохотный поѣздъ ползетъ какъ улитка,
А человѣка, какъ ни глядишь,
Не различишь.
Но все еще сверху пропеллеръ гудѣлъ,
Машинный урокъ такъ высоко летѣлъ,
Что едва его было видно.
И мнѣ стало очень обидно;
А вдругъ нашъ коверъ осрамится,
Придется ни съ чѣмъ воротиться.
Покачалъ головою шкапной старичокъ:
«Смирно сиди, дурачокъ».
Все выше и выше. Ужъ тучи косматы,
Какъ кучи ваты,
Внизу подъ нами
Лежатъ пластами.
И тамъ и тутъ,
Какъ сѣрый лоскутъ,
Виднѣется сквозь туманъ
Океанъ.
Голова моя стала кружиться:
«Не пора-ль, говорю, воротиться?
Мы теперь перегнали ужъ Гнома:
Онъ навѣрно давно уже дома».

Старичокъ отвѣчаетъ: «Хотѣлось бы мнѣ
Отдохнуть полчаса на лунѣ».

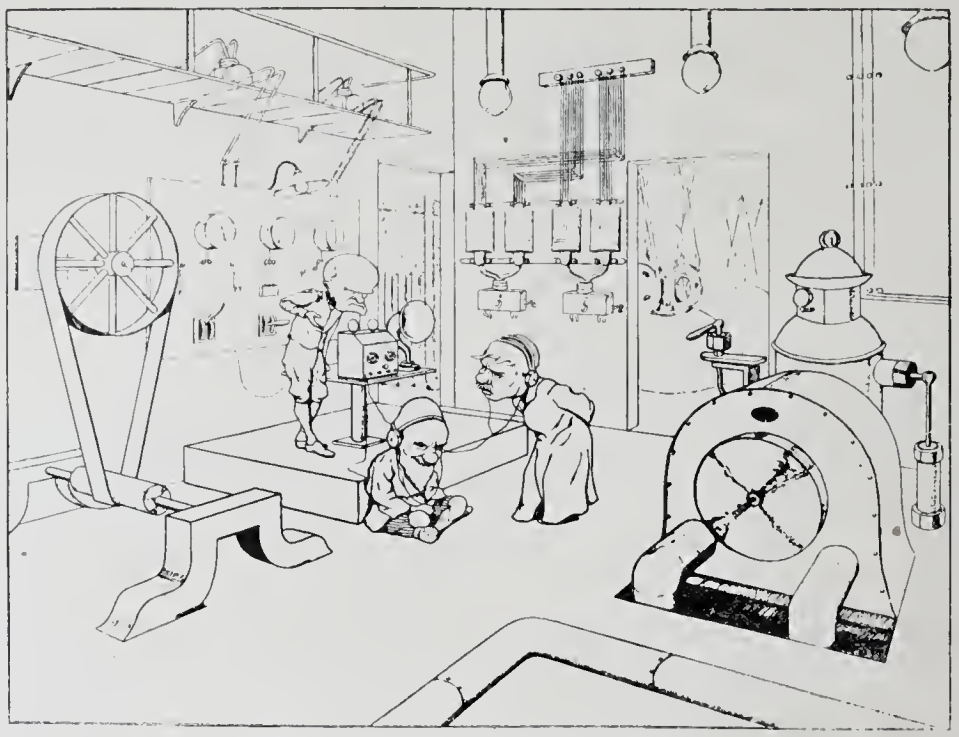
Все дальше и дальше земля убѣгаетъ.
Какъ будто бы таетъ;
Все меньше, круглѣе,
Туманнѣй, свѣтлѣе.

И вотъ ужъ вдали,
Намѣсто земли,
Въ небѣ виситъ одинъ
Апельсинъ.
А въ это же время съ другой стороны
Сіяетъ намъ толстая рожа луны,

Смѣется, мигаетъ, зоветъ насъ — и вотъ
Мы сѣли лунѣ прямо въ ротъ.

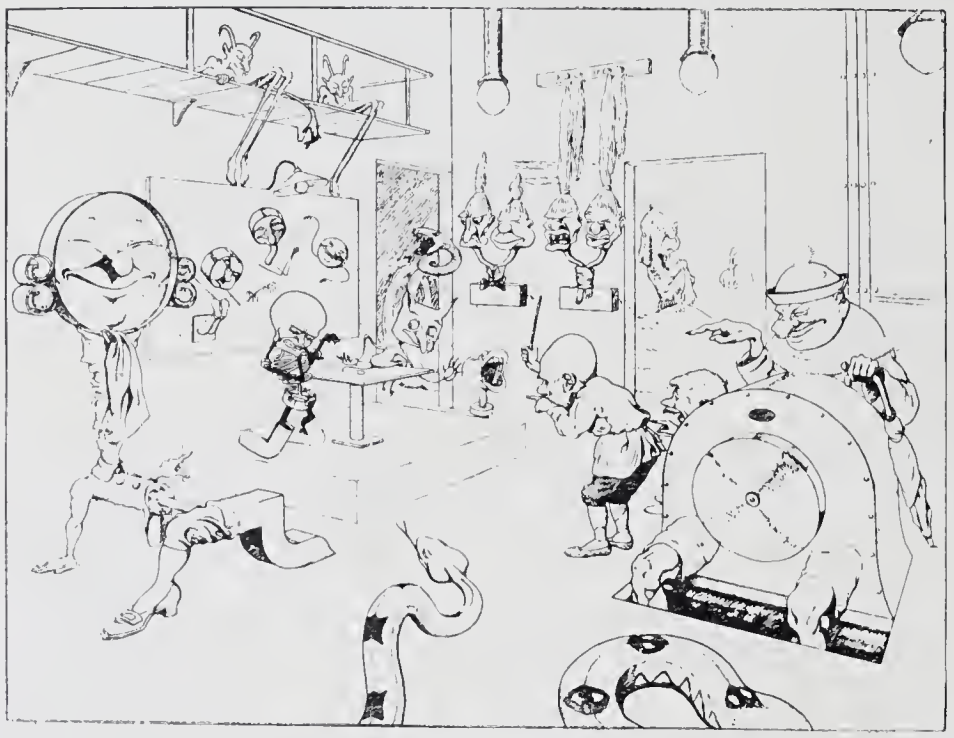
Старикъ преспокойно во рту растянулся.
Въ коверъ-самолетъ до ушей завернулся
И молвилъ:
«Лунѣ на носъ полѣзай,
Пѣсенку спой или звѣзды считай;
Дѣлай, что хочешь. Но только гляди,
Часа черезъ два ты меня разбуди:
Чтобъ, когда луна закатится,
Насъ съ тобою внизъ не скатиться».
А еще черезъ часъ мы такимъ же путемъ
Возвратились туда, гдѣ оставилъ насъ
[Гномъ.
Ходитъ машинникъ взадъ и впередъ,
Ноздри раздулъ, головою трясетъ,
Губы свои кусаетъ,
Злобно кулакъ сжимаетъ.
«Здравствуй», промолвилъ шкапной ста-
[ричокъ.
«Видно заждался, дружокъ.
А мы тебѣ сверху махали, кричали,
Къ себѣ на луну приглашали.

Да, вѣрно, ты насъ не слыхалъ,
Ужъ больно ты низко леталъ».
Подпрыгнулъ, затрясся машинный гномъ,
Змѣей зашипѣлъ, почернѣлъ лицомъ,
Весь скорючился, словно коряга,
«Погоди ты, проклятый бродяга!
Уже будешь меня ты хвалить-прослав-
[лять.
Будешь меня поминать!»
И состроивъ гримасу кривую,
Онъ повелъ насъ въ свою мастерскую.



Онъ повелъ насъ въ свою мастерскую.

Манометры и барометры
И гигро — и гидро — и ареометры,
Спектроскопы и гидроскопы
И теле — и микро — и стереоскопы,
Телефоны и телеграфы
И сейсмо — и фоно — и опалографы,
Электромобили, электромоторы,
Всѣ скопы и графы и фопы и форы
И всѣ остальные приборы,
Сколько ни есть ихъ на свѣтѣ,
Стояли въ его кабинетѣ.



И по мѣрѣ того, какъ онъ махалъ,
Огромный залъ оживалъ.

Двадцатаго вѣка,
Куетъ солидарности узы
Для Гонолулу и Тулузы,
Царевококшайска и Перу,
Фокстротомъ пронизивъ атмосферу.
Нѣтъ больше пространства и времени
Для нашего юнаго племени.
Я правлю эфирной волной!
Старикъ не тягайся со мной.
Продуктъ суевѣрья и лѣни.
На колѣни!»
«Погоди», отвѣчаетъ шикарной старичокъ.
Развязавъ потихоньку мѣшокъ,
«Я вѣдь тоже имѣю свою манеру
Оживлять атмосферу».
И доставши изъ сумки палочку,
Въ развалочку,
Сталъ по комнатѣ онъ шагать
И палочкой махать.
И по мѣрѣ того, какъ онъ махалъ,
Огромный залъ оживалъ.
Всѣ приборы, винты, столбы, котлы,
Ремни, колеса, валы,
Всѣ снаряды изъ мѣди и стали
Вдругъ задрожали.
Машины,
Какъ изъ резины,
Стали свиваться,
Тянуться, качаться,

Машинникъ подвелъ насъ къ столу
Въ переднемъ углу,
И я увидалъ предъ собой
Ящикъ съ трубой.
Машинникъ его осмотрѣлъ,
Рычагъ повертѣлъ,
Что то пажалъ,
Что то прижалъ,
И мы услыхали гудѣнье,
Свистъ и шипѣнье,
Коробка скрипѣла, хрипѣла
И вдругъ запѣла
Жиденькимъ голоскомъ:
Трам-ти-то-томъ.
Приосанился Гномъ,
Обратился къ намъ въ полуоборота
И сказалъ: «Санта-Фе-де-Богота.
Послѣдній танго-попурри.
Волна восемьсотъ сорокъ три».
Потомъ въ позицію всталъ
И такъ продолжалъ:
«Державное, дивное радіо,
Послѣдняя мощная стадія
Великихъ побѣдъ человѣка

И осталась отъ гордаго гнома
Только кучка желѣзнаго лома...

Пухнуть. сжиматься
И превращаться
Въ диковинныя существа
Невѣдомаго естества.
Изъ зубчатыхъ колесъ
Лѣзетъ старческій носъ,
Хоботочками расползается.
Изъ чугунной трубы
Двѣ толстенныхъ губы
Втихомолочку ухмыляются:
Необъятный животъ
Изъ цилиндра ползетъ
И дрыгаетъ.
А взамѣнъ рычага
Поросячья нога
Прыгаетъ.
И ужъ вмѣсто машинъ
Только множество спинъ
Горбатыхъ.
И огромныхъ носовъ,
И смѣющихся ртовъ,
И нелѣпыхъ головъ
Лохматыхъ.
Старичокъ своей палочкой снова взмах-
[нулъ
И по залу пронесся гулъ.
Всѣ чудовища словно очнулись,
Встрепенулись:
И вдругъ, своротивши рыла,
Вся орава завыла,
Дико заржала,
Загоготала.
Визги и хохотъ,
Посвистъ и грохотъ,
Сущій Содомъ!
Гномъ
Взглянулъ на насъ.
И отъ этихъ глазъ
Дыбомъ поднялся волосъ.
И раздался мертвенный голосъ:
«Ты царство мое возмутилъ,
Несчастье безсмысленныхъ силъ!
Умри же, несчастный кобольдъ,
Отъ тока въ двѣ тысячи вольтъ».
И Машинный Гномъ
Съ искаженнымъ лицомъ
Уже руку къ доскѣ протянулъ,
Но шаткой старикъ погрозилъ лишь
[перстомъ
И опять своей палкой взмахнулъ.
И Гномъ крякнулъ,
И Гномъ звякнулъ,
Какъ пружинка разбитыхъ часовъ.
Зашатался
И распался,
Развалился на сотни кусковъ.
И осталась отъ гордаго Гнома
Только кучка желѣзнаго дома.

И вотъ услышали мы
Серебряный звонъ трубы.
И дверь широко растворилась
И въ дверяхъ борода появилась,
И увидѣлъ я стараго дѣда,
И онъ громко кричалъ: «Побѣда!
Ребятушки собирайтесь!
Родные мои сбѣгайтесь!
Братцы мои лѣсные,
Горные, водяные,
Гномы, царевны и змѣи,
Черти, русалки и феи,
Дядюшка Бука, Вѣдьма сестрица!
Проснулась Сказокъ Царица!».

Старику я тутъ поклонился.
Да нечаянно оступился.
Оступился и провалился
И полетѣлъ кувыркомъ,
И куда то внизъ покатился
И упалъ и больно разбился
И не знаю какъ очутился
Въ своей комнатѣ подъ столомъ.

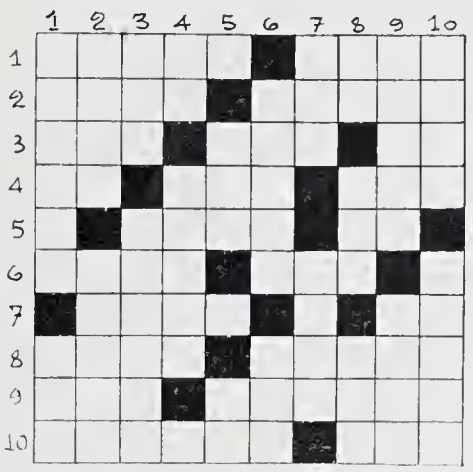
Моя свѣчка давно догорѣла
И узкъ солнце въ окошко глядѣло,
А дѣти стучались въ дверь.
И вотъ снизу я теперь
И все, что со мной случилось
И только что приключилось
Я разсказываю бакъ умѣю
Мишѣ, Надѣ и Алексѣю.

М. Стаховичъ.

Конецъ

КРЕСТОСЛОВИЦА № 15.

Составилъ **



Горизонтально:

1. Политическій — обычно печатается въ газетахъ. — Дѣвушка, живущая по ту сторону пролива. 2. Сѣверныя сказанія. — Извѣстный французскій политическій дѣятель. 3. Періодъ времени, начало коего отмѣчено крупнымъ историческимъ событіемъ. — «И понынѣ тамъ». — Возгласъ выражающій обычно избавленіе отъ чего-то непріятнаго. 4. Герой одной изъ пѣсенокъ Вертинскаго. — Хорошо извѣстенъ каждому гимназисту, изучающему древнюю исторію. — Относится къ будущему и часто выражаетъ угрозу. 5. Имя знаменитаго полководца. — Слогъ, повторяемый много разъ при чтеніи Сатирикона. 6. Золотыя — были бы очень полезны эмиграціи. — Курортъ въ Бельгіи. 7. Колющее оружіе. — Нота. 8. Игра, хоть и не въ карты, но съ картами. — Лицо, въ обычномъ представленіи исповѣдующее двѣ религіи. 9. Европейская монета. — Имя, часто встрѣчающееся среди монаховъ. 10. Человѣкъ, пребывающій на чрезвычайно низкомъ уровнѣ развитія. — Четырнадцатая буква одного европейскаго алфавита.

Вертикально:

1. Точильный камень. — Одинъ изъ обитателей Колоніальной Выставки, вѣроятно болѣе всѣхъ страдающій отъ пребыванія въ Парижѣ. 2. Итальянскій городъ, связанный съ Николаемъ Чудотворцемъ. — Безъ нея плохо приходится въ жизни. 3. Употребляется лишь въ родительномъ падежѣ. — Планета. 4. Возгласъ. — Имя французской вдовы, хорошо извѣстное въ Россіи еще со временъ Пушкина, а можетъ быть даже и раньше. 5. Явился послѣднимъ Хомѣ Бруту и былъ причиной его гибели. — Необходимо знать каждому танцору. 6. Мужское имя. — Тоже мужское имя, но чрезвычайно рѣдко встрѣчающееся. 7. Бываетъ лечебная, сапожная, колесная, и проч. — Порода лошадей. 8. Тоже, что анръ. — Изъ за нея Фока поссорился со своимъ сосѣдомъ. — Лежитъ въ основѣ гражданскаго процесса. 9. Холодъ. — Злакъ. — Бываетъ при отсутствіи влаги.

Ораторы.

РѢШЕНІЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 14.

Горизонтально:
1. Ремингтонъ. 8. Изида. Ву. 11. Аве. 12. Ось. 13. Ода. 15. Есть. 16. Плита. 17. Латунь. 18. Юла. 20. Каръ. 21. Форъ. 23. Оттонъ 25. Ялта. 26. Баня.

Вертикально:
1. Революція. 2. Ми. 3. Иза. 4. Нива. 5. Гдѣ. 6. Та. 7. Настурція. 10. Удила. 12. Остапъ. 14. Ата. 15. Эакъ. 19. Потъ. 21. Фта. 22. Робъ. 23. Отъ. 24. На.

Осмотрите послѣднія модели
F. SORBIER
11, rue La Fayette
Самые изящные въ Парижѣ пальто
Цѣны внѣ конкуренц.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Дорогой Сатириконъ!

Прошу не отказать мнѣ въ печатной поддержкѣ въ борьбѣ за чистоту роднаго слова, вѣдомую мною ужъ цѣлый годъ съ будущей моей супругой (я, видите, ли, женихъ!) и тещей.

Онѣ обзавелись квартирой съ кухонкой и сами готовятъ. А я у нихъ столуюсь. И съ возникновенія этого положенія вещей не перестаю слышать въ домѣ нелѣпое слово: «готовка». Подъ нимъ подразумѣвается то, что готовятъ на обѣдъ, скажемъ, или ужинъ, а такъ же и самый процессъ приготовленія различныхъ кулинарныхъ произведеній.

У меня и такъ много несчастій, дорогой Сатириконъ! Я имѣю полное высшее, а также и среднее образованіе, но я - неудачникъ. Мнѣ не везетъ и я нервничаю. А тутъ еще на моихъ глазахъ берутъ честный, старый глаголъ «готовить» и дѣлаютъ изъ него какое - то анекдотическое существительное «готовка»...

Я борюсь, но мнѣ не вѣрятъ. У нихъ на родинѣ, въ Самарѣ, такъ говорятъ, якобы. На грамматику имъ наплевать. Моя будущая семейная жизнь виситъ на волоскѣ и я вопію о помощи. Я читаю «Сатириконъ» съ перваго № и по сей моментъ. И онѣ читаютъ. И это (ваша замѣтка въ отд. вопр. и отв.) на нихъ подѣйствуетъ. И спасетъ мой покой и грамматическое правосознаніе по Смирнову.

Примите увѣренія глубочайшаго моего почтенія, вашъ постоянный читатель

Анатолій Шоръ-Епиходовъ.

Редакторъ-издатель: М. Г. Корнфельдъ.

РЕСТОРАНЪ
ESMERALDA
ПОЛИКАРПА ИВАНОВИЧА ЛОВЦОВА
73, Bd de Clichy, около **«Moulin Rouge», Tél.: Louvre 01-77**
Prix-fixe - Завтраки 15 фр. Обѣды 20 фр. et à la carte
Воскр.: Кулебяка съ рыбой и вязигой. Пон.: Пельмени. Вторн.: Бефъ буйи съ хрѣномъ. Среда: Царскій студень. Четв.: Курникъ. Пятн.: Поросенокъ съ кашей. Субб.: Селянка съ растегаями. — Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ П. И. Ловцова.
Ежедн.: блины, свѣжая икра, балыкъ, семга, рябчики, каша Гурьев.

Pension de Famille
68bis, rue du Château, Asnières
Тишина. Садъ. Полный комфортъ. Ванная комната.
35 - 45 фр. въ день
Grésillons 21 - 44

PARAMÉ (Ille-et-Vilaine)
Hôtel de l'Union
Прекрасный пляжъ для купанія. Хорошая кухня
Августъ 32 - 36 фр., Сент. 26 - 28 фр.

IMPRIMERIE COOPÉRATIVE ÉTOILE
17, Rue de la Comète
Téléphone : Invalides 11-50
PARIS (7)
R. C. S. 227.770
Métro : La Tour-Maubourg
TOUS GENRES DE TRAVAUX EN TOUTES LES LANGUES

ПОСЫЛКИ и ДЕНЬГИ ВЪ РОССІЮ
СЪ ПОЛНОЙ ГАРАНТІЕЙ ПОЛУЧЕНІЯ НА МѢСТѢ
ВЪ КРАТЧАЙШІЙ СРОКЪ
ПРЕДСТАВЛЕНІЕ РАСПИСОКЪ НА 10-15 ДЕНЬ
A. GODOVANNIKOFF
Téléph. Gob. 20-68 **36, Rue DIEULAFOY, PARIS-13** Métro Tolbiac

AUTO-ECOLE MARBEUF
GARAGE MARBEUF
Concessionnaire Citroën
32-34, rue Marbeuf (Champs-Elysées), Tél. : Elysées 58-83 et 97-61 et la suite. Métro : Marbeuf et Rond-Point des Champs-Elysées.
Самая большая русская автомобильная школа.
Carte-rose. Grande - remise. Poids-lourd. Cours de mécanique. Papiers-taxis.
Уроки на спец. терассѣ нашего гаража, въ Булонск. лѣсу и въ городѣ отъ 8-ми час. утра до 9-ти ч. в. на машинахъ посл. моделей съ прав. и лѣв. управлен. Приходите осмотрѣть нашъ гаражъ въ 10 этаж. на 1000 машинъ, самый большой въ Парижѣ, въ районѣ Шанъз-Элизе и нашу школу, оборудованную по послѣдн. слову автомобильной техники.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ принимаетъ
Комитетъ Помощи Голодающимъ въ Россіи (Comité Russe de Secours)
7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9)
М-о Clichy. Tél. Trinité 23-92 et la suite
Пріемъ исключительно отъ 3--7

BERCK-PLAGE PENSION MILA
12, rue Lavoisier
въ 2-хъ шагахъ отъ пляжа
ХОРОШІЙ ПИТАТЕЛЬНЫЙ СТОЛЪ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ

Паста - Порошекъ - Эликсиръ ESKA
по форм. С. С. Кострицкаго б. зубн. врача Госуд. Импер.
Наилучшія, научно - обоснованныя средства для ухода за зубами и полостью рта
Продаются только въ аптекахъ
Laboratoires ESKA, A. Hobchette
Dr. en Pharmacie.
76, rue Orfila, PARIS (20)

Зубоврачебн. кабинетъ **М. Когенъ**
D. F. M. P.
8, Rue Duban (16). Pl. Passy. Auteil 95-14
Пріемъ: пон., среда и пятница 10-6. Остальные дни 10-8 час. веч.

Юридическій Кабинетъ
БЮРО ОФФИЦІАЛ. ПЕРЕВОДОВЪ
Консультаціи и выполн. всѣхъ формальностей предписан. новымъ законом и соціальн. страх., исключ. утромъ до 12 съ половиной час.
MARC BILLIS et FILS
присяжный переводчикъ при Парижскомъ трибуналѣ и кандидатъ правъ (Парижскаго университета).
24, rue Laffitte, Paris.
Tél. : Provence 84-56. Métro Opéra.
Пріемъ отъ 9 до 12 и отъ 2 до 6.30 ч.
Существуетъ въ Парижѣ съ 1864 г.
Говорятъ по русски.

Дав. Е. Каганъ
Кандидатъ Парижск. Унив.
Взысканія, уставы общ-нъ, разводы и проч.
новый адресъ :
8, square Port Royal (13)
(15, rue de la Santé)
Téléphone Gobelins 61-95
пріемъ 10—12 и 6—8 ч. вск.

А. С. ШАПИРО
Петр. Прис. Пов. licencié en droit
Налоги, натур., уставы, Prud'hommes
11, rue Mogador, tél. Centr. 11-35.
Ежедн. 11-12 и 5-6 ч., суб. 11-12 ч.

ПРИ РЕДАКЦІИ «САТИРИКОНА» ОТКРЫТЪ
Книжный Складъ
Читатели и подписчики «Сатирикона» могутъ выписывать черезъ **Книжный Складъ**
ЛЮБЫЯ РУССКІЯ КНИГИ, ПОЯВИВШІЯСЯ НА КНИЖНОМЪ РЫНКѢ.
Стоимость книги (по каталогу) можетъ быть выслана переводомъ по почтѣ, банковскимъ чекомъ или въ заказномъ письмѣ въ мѣстной валютѣ по курсу дня
Читатели «Сатирикона» ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.
СПИСОКЪ №6 (цѣны въ французскихъ франкахъ)
АВАНТЮРНЫЕ И ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ.

БЕНУА. Полуночное солнце	11.50	УОЛЛЕСЪ. Дюссельдорфскій убійца	11.50
— Колодезь Якова	11.50	— Сильнѣе Скотландъ-Ярда	11.50
ДЕКОБРА. Потерянный рай	11.50	— Гостинница на берегу Темзы	11.50
— Плѣнница Доктора Шомберга	11.50	— Тайна желтыхъ нарциссовъ	11.50
ОППЕНГЕЙМЪ. Роковой выстрѣлъ	11.50	— Шестое чувство Ридера	11.50
— Тайна двѣнадцати	11.50	— Синяя рука	11.50
— Преступленіе Гаррарда	11.50	— Сыны Рагузы	11.50

Всѣмъ желающимъ высылается безплатно полный каталогъ вышедшихъ за-рубежомъ книгъ и журналовъ.

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна. — *Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII. Цѣна отд. ном. 1 шилл.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — «Родное Слово». Koptic str. 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — «Печатное Дѣло», ул. Царь Освободитель 8. Цѣна отд. ном. 20 л.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tel. Barbarossa 4881. Postscheckkonto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГРЕЦІЯ.	Афины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitorv, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39/41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія. — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 70 л. с.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. — *Schtefko,* Khiabané Post Hané Koutcha Beha es Saltaneh N°4. Téhéran.
ПОЛЬША.	Варшава. — «Добро», Krakowske Przed. 53, Varsovie. Цѣна отд. ном. зл. 1.35.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — «Наша Рѣчь», 28 Str. Poincaré. Цѣна отд. ном. 25 лей
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — «Новое Русское Слово», 178, 2-nd avenue. New-York.
	Санъ-Франциско. — Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — «Знаніе», 388, Grand'Rue de Péra. Цѣна отд. ном. 25 піастр.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors. Ц. отд. ном. ф. м. 6.50
	Келломяки. — *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel. Ц. отд. п. К. Ч. 5.50
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon,* Goldschmiedstrasse, Reval.
	Нарва. — «Старый Нарвскій Листокъ», 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 50 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre,* Ul. Kn. Mihailova br. 27.

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ

„НАША РѢЧЬ"

издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.

Редакторъ-Издатель: С. М. ГАЗІЕВЪ.

Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse.* Въ Парижѣ — въ « *Publicité Metzl* », *Rue de Turbigo,* 51, *Paris VIII*e и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ «Нашей Рѣчи» С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier,* 7, *Paris IX*e.

У ДИМЫ УСОВА
въ ресторанѣ **"ДЖИГИТЪ"**
19, Boulevard Edgard-Quinet
Музыка. Пѣніе. Танцы. ежедневно играетъ Михаилъ Бурже
Prix fixe 7.50 до 9 часовъ вечера и à la carte
Ресторанъ всегда открытъ всю ночь

РЕСТОРАНЪ
"CHEZ KORNILOFF"
6, rue d'Armaillé между avenue Carnot и des Ternes
(Tél. Carnot 52 - 49

Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ влад.
Ф. Д. КОРНИЛОВА.
Prix-fixe Завтракъ — 15 фр.
Обѣдъ — 20 фр. и à la carte
ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА:
Среда — ботвинья; четв. — чахохбили; пятн. — царскій студень; субб. — разсольникъ; воскр. — поросенокъ; пон. — бефъ-бун; вторникъ — пельмени.
Ежедн.: кулебяка, блины, осетрина, рябчики, чахохбили, гурьев. каша
Самый элегантный и уютный русско-французскій ресторанъ Парижа

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ **Л. РИХТЕРЪ, Рига**
Представительница Е. Михайловская
9, rue Auguste Vitu, Paris (15). Métro Javel. Tél. Vaugirard 65-59.
Гарант. посылки съ мыломъ
и др. наилучш. латвійскими продуктами въ Россію безъ ограниченія нормы. Получатель не несетъ никакихъ расходовъ. — Кратчайшій срокъ доставки. Самыя дешевыя цѣны. — Пріемъ заказовъ ежедневно, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней съ 9 час. утра до 9 час. вечера.

ПЕРЕВОДЫ И ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ на небывало выгодныхъ условіяхъ. Переводы съ ручательствомъ за выплату въ 15 дней.
BANQUE pour l'ARBITRAGE et COMMISSION
6, Rue Buffault. PARIS (9e) Tél. Provence 95-20 и 95-21

Общество взаимнаго Кредита "СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9). Tél. Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрыши, билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) отъ 10-1 ч. безъ перер.

Денежные переводы
и посылки въ Россію
Земскій Союзъ
Union des Zemstvos Russes
12, rue Blanche, Paris-9

ВОРИДИ
и
ГРУШКО
Voridi & Grouchko)
6, rue de Provence, Paris, (9)
Métro: Le Peletier et Richelieu-Drouot Téléphone: Provence 36-39
ОТПРАВЛЯЕМЪ
Посылки въ Россію съ оплаченной пошлиной, по наивыгоднѣшимъ цѣнамъ
Получателю выдается посылка безъ доплаты
И впредь гарантируемъ высокое качество продуктовъ
И БЫСТРУЮ ДОСТАВКУ.

Impr. COOPERATIVE ETOILE, 17, rue de la Comète, Paris (7e), téléph. Inval. 11-50 Le Gérant : *N. Kornfeld.*

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ И ЮМОРА

Сатиконъ

Отъ редакціи

Для того, чтобы сдѣлать **«Сатиконъ»** своей настольной книгой, надо:

— прежде всего аккуратно складывать его номеръ за номеромъ;

— затѣмъ, всѣ собранные номера переплести въ изящный переплетъ;

— а въ концѣ подписного года посмотрѣть на себя въ зеркало, и въ восторгѣ воскликнуть:

— Боже, какое у меня одухотворенное выраженіе лица и какой тонкій взглядъ на вещи!

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи . . . . . Frs	135.—	105.—	70.—	37.—	12.50
Въ странахъ, вход. въ составъ Всем. Почтоваго Союза	160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза	177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: **51, Rue Vivienne. Paris (2e)**

Téléphone: GUTENBERG 05-40

PRIX EN FRANCE : Frs 3. 12 СЕНТЯБРЯ 1931. 12 SEPTEMBRE 1931 ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

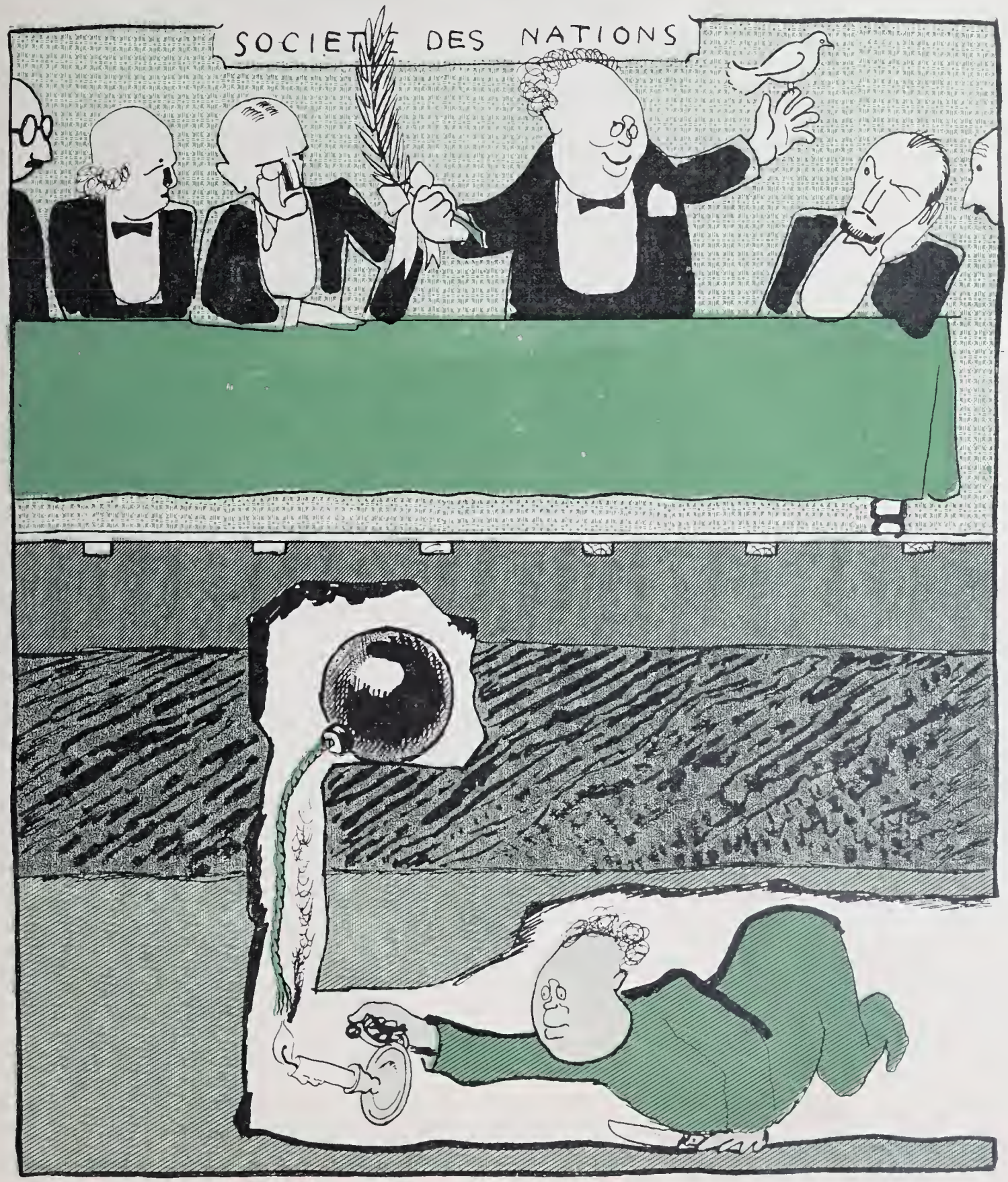
Сатирикон
SATYRICON

1931 еженедѣльное изданіе № 24

Hebdomadaire Russe *Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)* *Directeur M. Kornfeld*

ЛИТВИНОВЪ ВЪ ЖЕНЕВѢ
LITVINOFF A L'OEUVRE

Рис. А. Шараго.

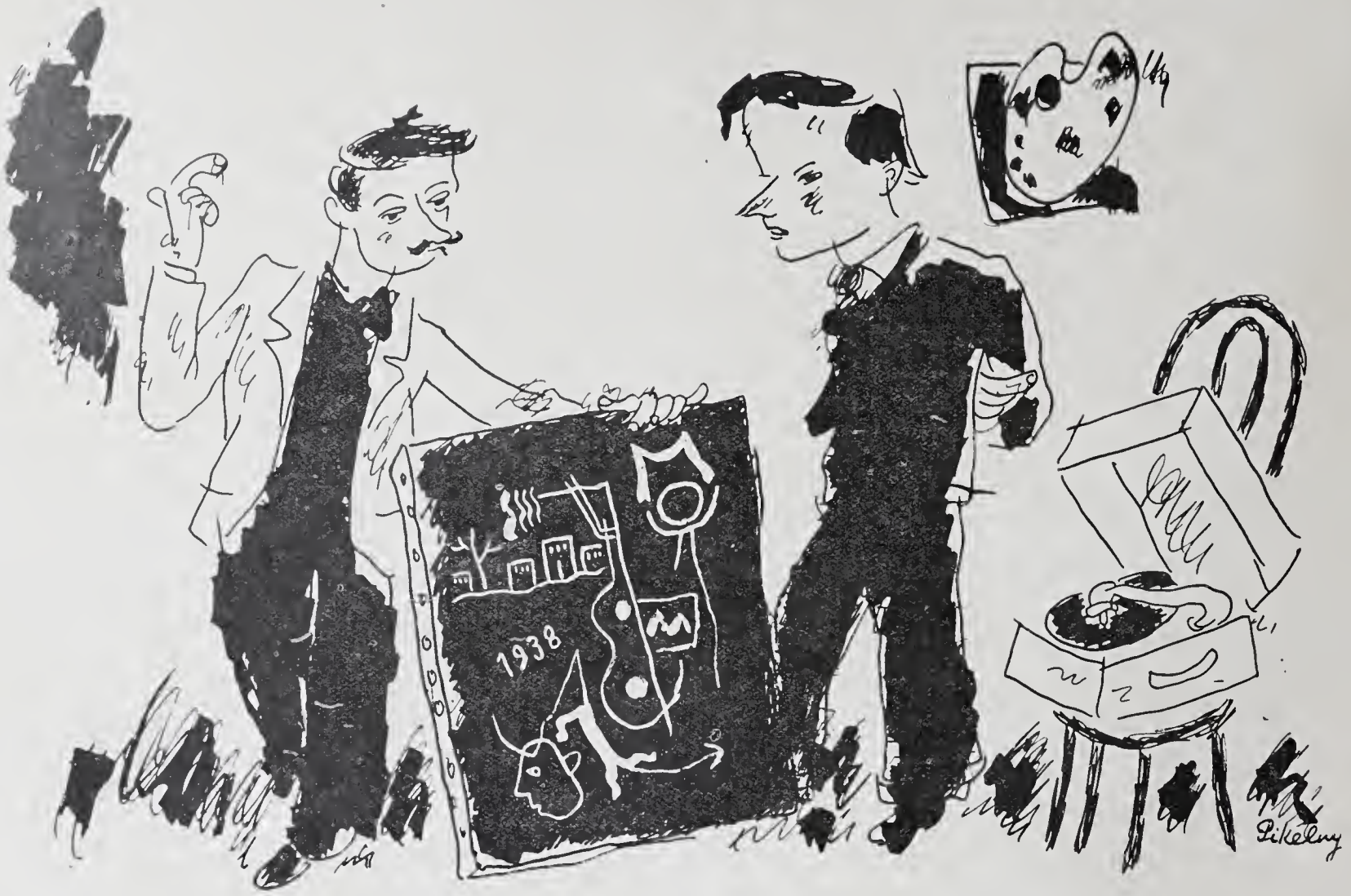


Высшая школа дипломатіи.

La haute école de diplomatie soviétique.

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

Рис. Пикельнаго.



— 1938 г.? Почему?

— Покуда я въ модѣ — пишу на нѣсколько лѣтъ впередъ.

ОСЕННЯЯ СКАЗКА

Осень. Падаетъ дождь. Вѣтеръ поетъ ироническія пѣсни надъ разочарованными любовниками. Они только что вернули другъ другу письма. Они перечли написанныя ими въ весеннія и лѣтнія ночи, а потомъ порвали голубые листки и разсыпали ихъ по-вѣтру. Отрезвленныя вѣтки яблонь съ негодованіемъ стряхиваютъ тяжелые плоды — безрадостную обузу. Въ жужжаніи послѣднихъ пчелъ — убійственное благоразуміе. Въ одинъ изъ такихъ дней, я сочинилъ сказку. Пусть не сердится на меня ласковый и галантный Перро. Лучезарная невинность его версальскихъ фантазій обольщала и меня когда то въ сѣверные вечера, при свѣтѣ висячей лампы съ опаловымъ абажуромъ. Слюденый пропеллеръ былъ пристроенъ къ ламповому стеклу и темный, тѣневой кругъ безъ устали вращался на потолкѣ. За окномъ сухо посвистывала снѣжная буря, а я путешествовалъ по цвѣтущимъ холмамъ Прованса и «Котъ въ Сапогахъ», сопутствовалъ мнѣ для веселыхъ и безотвѣтственныхъ надувательствъ глуповатаго короля. Пусть не сердится на меня Перро.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Кому не знакома эта исторія? Принцесса, надъ которой тяготѣлъ рокъ, предсказанія, гуляла по безчисленнымъ закаулкамъ Королевскаго Замка. Въ одной изъ одинокихъ башенъ она увидѣла волшебницу Морфіэль. Старуха пряла. Одна рука ея тянула шерсть, другая — пускала веретено. Принцессѣ захотѣлось прясть. Она взяла у Морфіэль веретено и вдругъ укололась объ его острый конецъ. Такъ было предсказано. И тогда случилось то, что послужило впослѣдствіи щедрымъ матеріаломъ для жадныхъ искателей символовъ и аллегорій. Принцесса уснула, а съ ней все великолѣпное царство ея отца. Поваръ не донесъ тяжелой своей руки до головы поваренка и предназначенный мальчугану жестокій ударъ, замеръ въ воздухѣ. Клеветникъ царедворецъ наклонился къ уху церемоніймейстера, чтобы передать ему отвратительнѣйшую сплетню о новой фрейлинѣ королевы. — «А вы знаете ново...» — сказалъ царедворецъ и даже не договорилъ слова — «новость». Онъ такъ и уснулъ съ гадкой улыбкой на устахъ. Сплетнѣ не суждено было радовать-ся. Злая собака загнала въ уголъ бѣлаго котенка съ голубыми глазами. Еще мгновеніе и она растерзала бы его безъ всякой пощады — и вдругъ собака тоже уснула, не успѣвъ вонзить клыковъ въ шею уже погибшаго было животнаго. Самого короля только что хватилъ ужаснѣйшій припадокъ подагры. Король былъ на грани того, чтобы жалобно застонать, т. е. проявить недостойное короля малодушіе и какъ разъ въ это время внезапный сонъ овладѣлъ имъ... Все живое уснуло въ королевствѣ. Только старуха Морфіэль не спала, а пряла свою пряжу. Да въ непроходимыя трущобы разростался лѣсъ.

Но кто не знаетъ этой сказки, которую я сочиняю второй разъ? Перро написалъ ее въ маѣ. Моя написана въ сентябрѣ. Я бы назвалъ свою — «сказкой объ отсроченныхъ бѣдахъ и огорченіяхъ»... которыя насъ неизбѣжно настигнутъ. Влюбленный принцъ проникъ въ зачарованный замокъ. Онъ поцѣловалъ принцессу и тогда все королевство очнулось отъ сна. Бѣдный, поваренокъ! Какъ больно ударилъ его немилосердный поваръ... Бѣдная фрейлина королева! Какія ужасныя слова сказалъ о ней клеветникъ царедворецъ на ухо церемоніймейстеру... Бѣдный бѣлый котенокъ съ голубыми глазами! Злобный песъ растерзалъ его. Несчастный король! Можно-ли уважать короля, стонущаго отъ боли?

Сонъ прервался и началась жизнь. И я не знаю радоваться-ли жаркому поцѣлую принцессы и принца. Не напрасно-ли восторженные и наивные толкователи придали ему смыслъ радостной значительности...

Мнѣ жаль, что я написалъ эту сказку. И я бы не написалъ ее, если-бы сегодня былъ май, если-бы не падали яблоки съ яблонь, если-бы осенній вѣтеръ не кружилъ у меня подъ ногами порванныхъ голубыхъ листковъ. Бѣдныя мои письма!..

Валентинъ Горянскій.

ПОЭТЫ.

Все, что трогаетъ поэта,
Въ этомъ мірѣ, какъ струну,
Возлетаетъ безъ отвѣта
Дикой пѣсней въ вышину.

Отъ такихъ ужасныхъ крнковъ
Происходитъ въ небесахъ
Омраченье нѣжныхъ ликовъ,
Дрожь въ лазоревыхъ крылахъ.

Къ Богу ангелы приходятъ,
Безъ стѣсненья говорятъ:
«Если главный ты въ природѣ,
Повели — пусть замолчатъ!

Эти визги, эти всхлипы,
Эти жалобы людей,
Намъ напоминаютъ скрипы
Непромазанныхъ дверей».

Богъ на солнышкѣ зѣваетъ:
«Ужъ не знаю, какъ и быть !...
Кто изъ васъ, друзья, желаетъ,
Нынче чай съ вареньемъ пить?

Что касается подвальныхъ
Непосѣдливыхъ жильцовъ, —
Пустимъ краны въ умывальняхъ
И помочимъ молодцовъ».

«Мы слыхали эти штуки,
Насъ на нихъ не проведешь!
Мы хотимъ твоей поруки,
Что окончится галдежъ!»

Но надъ пѣсней человѣчьей
Сонмъ безгрѣшныхъ не воленъ, —
Будемъ пѣть, ихъ слухъ калѣча,
Разрывая горній сонъ!

Рюрикъ.

СТРАХОВОЙ АГЕНТЪ

Въ страховые агенты идутъ только мужественные или отчаявшіеся люди. Иванъ Петровичъ былъ отчаявшійся. Уже цѣлый мѣсяцъ онъ бродилъ по эмигрантскому русскому Парижу, лазилъ по этажамъ и стучался въ квартиры незнакомыхъ соотечественниковъ.

— Пытайтесь найти при разговорѣ съ кліентомъ интимный тонъ, — наставлялъ Ивана Петровича директоръ «Неопалимой Купины». Будьте вкрадчивы и нѣжны. Иногда чуть-чуть фамильярны... Но въ мѣру! Въ тончайшую мѣру!

Иванъ Петровичъ обладалъ деликатнымъ и робкимъ характеромъ. Его обращеніе съ людьми сводилось вообще къ тончайшей мѣрѣ. Онъ совершенно терялся, если ему приходилось имѣть дѣло съ высокими, громогласными людьми административной складки и радовался при встрѣчѣ съ малокровными блондинами, женщинами и стариками.

Когда сегодня на звонокъ ему открыла симпатичная старушка въ добрыхъ очкахъ, съ косынкой на головѣ — Иванъ Петровичъ пріободрился. Онъ почувствовалъ на своей сторонѣ преимущества молодости и здоровья.

— Неглиженко! Страховой агентъ! — Ласково отрекомендовался онъ и не безъ пріятности улыбнулся.

— Это сыщикъ, что ли, батюшка? — спросила старушка.

— Никакъ нѣтъ, сударыня! Страховой агентъ. Страхованіе на случай болѣзни...

— Ну-ну-ну! Понимаю! батюшка! Теперь понимаю... Сынъ то какъ разъ снитъ. А отъ какой болѣзни страхуешь? Отъ одной какой или отъ всѣхъ вмѣстѣ?

— Конечно подразумѣваются всѣ болѣзни, сударыня...

— Такъ, такъ, такъ, батюшка. Понимаю. Только отъ всѣхъ то вмѣстѣ, поди, дорого стоитъ. А ты дѣтскія сбрось, вани мужскія нѣкоторыя сбрось, да и чахотку тоже. Я бы отъ одной поясницы хотѣла. Или хозяинъ такъ не велитъ?

Иванъ Петровичъ слегка растерялся.

— Вы меня немного не поняли, сударыня. Разрѣшите разъяснить...

— Нечего разъяснять, батюшка! Не дури. Слава Богу семьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ живу. Это дѣло мнѣ знакомо. Внучатъ только что отъ оспы застраховали — прививку дѣлали. Знаю! Ты, поди, тоже чего нибудь въ кровь пущаешь?

— Увѣряю, васъ, что вы не понимаете, сударыня! Мы страхуемъ на случай болѣзни и смерти... Это видите ли...

— Такъ, такъ. — перебила старуха. И отъ смерти страхуешь? Я уже давно видѣла, что ты жуликъ, батюшка, — только сказать не хотѣла. Иди-ка лучше своей дорогой. А то возьму — сына и разбужу. Только крикнуть! А онъ у меня контуженный и разбирать не станетъ...

Старуха захлопнула дверь подъ носомъ у Ивана Петровича, который безнадежно вздохнулъ, вышелъ на улицу, и поглядѣвъ въ адресный указатель, двинулся въ дальнѣйшій путь.

Въ одномъ мѣстѣ на его звонокъ вышелъ какой то небритый господинъ въ халатѣ, съ перомъ въ рукѣ.

— Что вамъ угодно? — вѣжливо спросилъ господинъ.

— Неглиженко, Иванъ Петровичъ. Агентъ. Разрѣшите представиться! Страхованіе на случай болѣзни и смерти...

— Войдите, пожалуйста, — грустно предложилъ господинъ. — Войдите!

Онъ ввелъ Ивана Петровича въ свой кабинетъ и, попросивъ его сѣсть, сказалъ печально и кротко:

— Какъ вамъ не стыдно. Какъ не совѣстно вамъ вторгаться въ кабинетъ писателя, во время работы? Почему вы считаете себя въ правѣ произнести — такія страшныя слова, какъ болѣзнь и смерть!.. Что васъ привело ко мнѣ. И какъ я долженъ смотрѣть на вашъ непріятный, я сказалъ бы зловѣщій, визитъ? Что это — memento mori? Почему вамъ кажется, что именно мой домъ угрожаемъ въ смыслѣ болѣзни... Какъ вамъ не стыдно? Видите это перо? Видите эту рукопись, испещренную моимъ характернымъ нервнымъ почеркомъ. Я рисовалъ безсмертныя картины прошлаго, дореволюціоннаго быта. Гдѣ я теперь найду радостныхъ и пестрыхъ красокъ для воплощенія

БЕЗСЕРЕБРЯНИКЪ

Рис. Г. Шильтяна.

ОТЕЦЪ: — **Я совершенно увѣренъ, что Иванъ Ивановичъ хочетъ на тебѣ женится по расчету!**

ДОЧЬ: — **Что ты папа, онъ совершенный безсеребряникъ за десять лѣтъ пребыванія въ Парижѣ онъ не заработалъ ни одного франка!**

ПОСЛѢДНІЕ ЛѢТНІЕ ДНИ

"САТИРИКОНЪ" НА БЕРЕГУ МОРЯ

Холливудскія звѣзды: Мэри Ислей
и самая маленькая киноартистка Америки Глэдисъ Фордъ

Внизу: Анита Пэджъ.

Послѣднее слово.. Съ микрофономъ въ волнахъ океана.

Наверху: Тридцать лѣтъ тому назадъ и сейчасъ.

Рис. Б. Зворыкина.

Разрушенный большевиками Симоновъ Монастыръ въ Москвѣ.

моихъ идей въ свѣтлые образы... Все пропало! Вы пришли напомнить о болѣзни и смерти? Вы, которому я не сдѣлалъ никакого зла. И вы хотите видѣть результатъ вашего внезапнаго нападенія на мой покой и на мое вдохновенье? Хотите? Извольте:

И вдругъ писатель съ полной неожиданностью бросился къ столу. Онъ началъ рвать свою эпическую рукопись, мять листы, расшвыривать во всѣ стороны, и съ бѣшенствомъ приговаривать:

— Вотъ результаты! Вотъ они! Вотъ результаты, вотъ они!

Иванъ Петровичъ сломя голову выскочилъ на лѣстницу и сбѣжалъ внизъ. Онъ успокоился только въ бистро, за чашкой чернаго кофе.

Нѣкоторое время спустя онъ уже звонился у солидныхъ дверей богатой квартиры торговца брилліантами. Ему открыла прелестная молодая женщина и вопросительно посмотрѣла на него.

— Неглиженко! Иванъ Петровичъ! — назвалъ онъ себя и даже не успѣлъ добавить — страховой агентъ, — такая радость отразилась на лицѣ женщины...

— Очень пріятно. А мы васъ ждемъ. Леня мнѣ о васъ столько говорилъ. Вы знаете, что онъ только что проснулся послѣ вчерашняго... Я такъ жалѣю, что не была съ вами...

Черезъ минуту онъ сидѣлъ въ великолѣпной гостиной и въ растерянности принималъ на себя потокъ кокетливыхъ любезностей хозяйки.

— Леня! крикнула она — Иванъ Петровичъ пришелъ!

— Сейчасъ, сейчасъ — раздался издали ласковый и мужественный голосъ. Сію минуту!.. Очень радъ. Сію минуту!..

А потомъ началось сновидѣніе. Вышелъ хозяинъ — добрый баринъ въ шелковомъ халатѣ и сразу же заключилъ Ивана Петровича въ объятія.

— Здравствуй, Ваня! — сказалъ торговецъ брилліантами. Ну какъ, голова не болитъ? Здорово вчера было? А вѣдь ты съ Ниной Петровной потомъ уѣхалъ, а? Ха-ха-ха! Сознавайся, братъ. Да не смущайся, голубчикъ! Я артистовъ люблю. И пѣлъ ты вчера такъ, что до сихъ поръ въ ушахъ звучитъ. Ха-ха-ха. Опять — расхохотался онъ — меня жена спрашиваетъ, а какой онъ Иванъ Петровичъ Неглиженко, блондинъ или брюнетъ. А я и забылъ. Хоть убей не помню... Ха-ха-ха! Что хорошо пѣлъ — помню. Что «на ты» пили — помню! Что пригласилъ не сегодня опохмелиться вмѣстѣ — тоже помню, а вотъ какой ты — прости — забылъ! Такъ вѣдь сколько же и выпито было. Ну идемъ же, закусимъ...

Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ водки Иванъ Петровичъ совсѣмъ осмѣлѣлъ. Онъ чокался съ хозяиномъ, ѣлъ какую то вкусную рыбу и уже ухаживалъ за хозяйкой. Въ разгарѣ пира и веселья вошла горничная.

— Какой то господинъ Неглиженко, барина спрашиваетъ.

— Ха-ха-ха! Расхохотался хозяинъ, — тоже Неглиженко! Слышишь, Иванъ Петровичъ, у тебя однофамилецъ есть. Не принимать! Скажи, что занятъ! Пускай въ контору придетъ!

Прекрасный молодой человѣкъ! — сказалъ женѣ торговецъ брилліантами, когда поздно ночью Иванъ Петровичъ, обласканный и взволнованный, покинулъ гостепріимный домъ.

Я ему вчера проигралъ кой что и не расплатился. Такъ ты знаешь, онъ сейчасъ не хотѣлъ брать! Милѣйшій человѣкъ! Не пригласить ли его, милочка, работать у насъ въ конторѣ. Ты знаешь, какъ рѣдки нынче честные и безкорыстные люди...

— Конечно пригласи! — согласилась жена.

И въ жизни Ивана Петровича намѣтились счастливыя перемѣны.

Петръ Гугулинъ.

АВТОБУСЪ

Свободнаго времени у художника Рышко было не мало. Его тетушка уже въ эмиграціи успѣла выйти замужъ за владѣльца водочнаго завода "Бѣлый Слонъ" въ одной изъ прибалтійскихъ странъ и время отъ времени присылала любимому и геніальному племяннику нѣсколько десятковъ долларовъ, суммы вполнѣ достаточныя для того, чтобы Рышко могъ безбѣдно существовать въ Парижѣ. Во всякомъ случаѣ, ему не приходилось заниматься раскрашиваньемъ платочковъ, какъ суждено многимъ обитателямъ Монпарнасса. Иногда онъ бралъ съ собой ящикъ съ красками, походный мольбертъ и складной стулъ и отправлялся куда-нибудь на набережную Сены или въ живописную улочку квартала Муфтарь, чтобы набросать очередной этюдъ, который потомъ валялся въ пыли въ его комнатушкѣ на улицѣ Сэнъ-Пэръ, увеличивая съ каждымъ днемъ коллекцію сизе-сѣрыхъ парижскихъ пейзажей. По вечерамъ онъ проводилъ время въ одномъ изъ кафе Монпарнасса, гдѣ онъ неизмѣнно заказывалъ каждый вечеръ одно и то же — "кафе-кремъ".

Человѣкъ онъ былъ не безъ странностей. Напримѣръ, вполнѣ было въ его характерѣ просидѣть цѣлый вечеръ въ шумной компаніи и не проронить ни одного слова, или неожиданно встать и, не прощаясь ни съ кѣмъ, уйти. И многое въ этомъ родѣ. Была у него еще одна странность, болѣе фантастическаго свойства. Частенько онъ спускался въ метро, бралъ билетъ, не глядя на надписи и стрѣлки, садился въ поѣздъ, куда-то ѣхалъ, мѣнялъ направленіе, опять ѣхалъ, стараясь не смотрѣть на названія станцій, и выходилъ на свѣтъ Божій въ самомъ неожиданномъ мѣстѣ. Иногда онъ вскакивалъ въ первый попавшійся трамвай или автобусъ и ѣхалъ безъ всякой нужды до конечной станціи. Его забавляло, что судьба то увозила его за городъ, то привозила неожиданно къ самому дому.

Однажды онъ влѣзъ въ пустой автобусъ, по обыкновенію избѣгая смотрѣть на номеръ и на табличку маршрута, закрылся отъ окружающаго міра газетой и поѣхалъ въ неизвѣстномъ направленіи. Автобусъ заносило на углахъ, звенѣли звонки, но Рышко нарочно не смотрѣлъ въ окно и разстался съ газетой только тогда, когда кондукторъ возгласилъ:

— Конечная станція! Всѣ выходятъ!

Рышко сложилъ газету и вышелъ изъ вагона. Автобусъ привезъ его на какую то незнакомую площадь, вымощенную булыжникомъ, осѣненную листвой двухъ - трехъ чахлыхъ городскихъ деревьевъ. Кругомъ стояли высокіе, но съ однимъ окномъ на этажъ, дома. У дверей одного изъ нихъ висѣлъ фонарь, у двери другого на кронштейнѣ поскрипывала старинная вывѣска въ видѣ чугунной грозди винограда. Смеркалось, на площади не было ни души.

— Интересный уголокъ, — подумалъ Рышко, — нужно будетъ еще разъ пріѣхать сюда, сдѣлать этюдъ. Какой же это автобусъ?

Но автобусъ таинственно исчезъ. Изъ дверей подъ чугунной гроздью человѣкъ въ сабо выкатилъ на улицу пустой бочонокъ. Рышко направился черезъ площадь, къ этому человѣку. Въ окнѣ горѣлъ свѣтъ. Это былъ темный и грязный кабачекъ.

Человѣкъ въ сабо вернулся въ домъ, и Рышко нашелъ его за деревяннымъ прилавкомъ.

— Въ такомъ кабачкѣ пріятно и выпить, — подумалъ художникъ и сказалъ:

— Дайте мнѣ стаканъ краснаго вина!

Хозяинъ наполнилъ изъ горластой бутылки толстый пузырчатый стаканъ и съ явнымъ изумленіемъ смотрѣлъ на посѣтителя.

— Позвольте спросить, мосье иностранецъ,? — наконецъ промолвилъ онъ.

— Да, я русскій, — отвѣтилъ Рышко.

— Русскій? — съ оживленіемъ переспросилъ его трактирщикъ. Я по вашему костюму узналъ, что вы не французъ.

— Русскихъ много въ Парижѣ, — пожалъ плечами Рышко.

Но въ это время въ кабачекъ вошли два солдата въ красныхъ штанахъ, въ допотопныхъ синихъ мундирахъ и въ маленькихъ кэпи, лихо сдвинутыхъ на затылокъ. У обоихъ были острыя бородки и тараканьи усы.

— Здорово дядя Гастонъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ, — абсенту!

Трактирщикъ засуетился.

— Вотъ абсентъ! Вотъ кости!

Игральныя кости весело шуршали въ кожаномъ стаканчикѣ.

— Какъ идутъ дѣла? Скоро отправляетесь на войну? — спросилъ трактирщикъ сыновъ Марса.

— Это маскированные, — рѣшилъ Рышко, — или вѣрнѣе статисты изъ какого-нибудь театрика. Хозяинъ поддерживаетъ съ ними шуточный разговоръ.

Сыны Марса грозно закрутили свои усы.

— Скоро въ походъ! Мы напомнимъ русскимъ 14-ый годъ! Мы имъ припомнимъ Березину!

— Мосье — русскій, — поспѣшилъ вставить хозяинъ.

— Мосье русскій? — спросилъ одинъ изъ солдатъ, — что жъ, мы всегда къ услугамъ господина изъ Россіи.

— Пусть выпьетъ любого изъ насъ, — вызывающе подтвердилъ второй.

— Пьяные, — рѣшилъ Рышко, и чтобы избѣжать скандала, которыхъ онъ терпѣть не могъ, спросилъ хозяина:

— Сколько съ меня за вино?

Хозяинъ отвѣтилъ:

— Два су.

— Два су? — переспросилъ Рышко не вѣря ушамъ, — два су за стаканъ бордо?

— Два су, — повторилъ трактирщикъ.

Все еще не вѣря неслыханнымъ цѣнамъ, Рышко положилъ на прилавокъ мѣдную монету въ два су — какъ разъ съ портретомъ Наполеона Третьяго — и вышелъ изъ кабачка. За его спиной раздался хохотъ солдатъ.

— Вотъ нализались, — подумалъ еще разъ Рышко.

Но у него самого было какъ-то смутно на душѣ. Міръ на минуту показался ему нереальнымъ, какъ во снѣ. Желая скорѣе покинуть мрачную площадь, онъ свернулъ въ первую попавшуюся улицу и замѣтилъ, что она освѣщена древними фонарями: за стеклами пузатыхъ фонарей мерцали фитили масляныхъ коптилокъ. Рѣдкіе встрѣчные своими костюмами напоминали уже эпоху Генриха Четвертаго.

— Что за чертовщина, — ахнулъ художникъ, сплошной маскарадъ, или я схожу съ ума?

Онъ остановился передъ однимъ изъ освѣщенныхъ оконъ. Въ комнатѣ пылалъ очагъ, и человѣкъ въ кожанномъ передникѣ, стоялъ на колѣняхъ, вращалъ вертелъ съ огромнымъ гусемъ, котораго онъ время отъ времени поливалъ пахучимъ гусинымъ саломъ изъ ковша. За столомъ сидѣли тучные люди, курили трубки

Рис. Вл. Бѣлкина.

— Когда прикажете Васъ разбудить, сударь?
— Я вамъ за полчаса позвоню...

LE GRAND ÉCART

Рис. Н. Ильина.

Вложить ли въ маленькія строки
Сколь тяжки граціи уроки?

и видимо съ нетерпѣніемъ ожидали, когда будетъ готовъ гусь. Это была самая обыкновенная сценка, но обстановка была такой необычной, что Рышко показалось, что онъ въ самомъ дѣлѣ сходитъ съ ума. Что было духу онъ побѣжалъ прочь. Ему чудилось, что кто-то гонится за нимъ по безлюдной и черной улицѣ, и вѣтеръ свистѣлъ въ ушахъ.

На перекресткѣ стояли странные люди. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ рѣшетчатый фонарь, двое другихъ бряцали оружіемъ. Они закричали что-то, когда Рышко промчался мимо, и потомъ все опять затихло.

— Слава Богу, вотъ и Сена, — подумалъ Рышко, увидѣвъ передъ собою знакомыя башни Нотръ-Дамъ.

Но окружающій пейзажъ измѣнился до неузнаваемости. Соборъ облѣпили со всѣхъ сторонъ маленькіе домишки, на берегу росли корявыя дуплистыя ивы, по рѣкѣ плылъ челнокъ...

Задыхаясь отъ ужаса, Рышко схватился руками за сердце, которое готово было разорваться, какъ паровой котелъ.

— Что же это такое? Что же это такое? — повторялъ Рышко вслухъ, — галлюцинація! Я грежу на яву!

Но вотъ вечерній туманъ, который покрывалъ пеленой берегъ рѣки, башни собора и дома, сталъ таять, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Липнн башенъ стали отчетливѣе, деревья, которыя онъ принялъ со страху за ивы, мало по малу превратились въ обычные парижскіе платаны, дома стали расти и принимать другія очертанія. Вдругъ изъ-за крыши Префектуры выплыла луна.

Рышко вытеръ носовымъ платкомъ потный лобъ. Мимо шли люди въ привычныхъ одеждахъ, въ котелкахъ и шляпахъ. На углу стоялъ полицейскій въ короткой синей нелерпнкѣ. По мосту прогремѣлъ трамвай. Горѣли газовые фонари.

Рышко вернулся къ себѣ домой по знакомымъ улицамъ, быстро раздѣлся и подъ одѣяломъ, зажмурнвъ глаза, стуча зубами отъ волненія, припоминалъ, то что онъ видѣлъ, — площадь съ чугунной гроздью на кронштейнѣ, средневѣковыя улицы, харчевню съ гусемъ на вертелѣ, рѣшетчатый фонарь городскихъ стражей, все ему казалось страшнымъ и мимолетнымъ сномъ.

Ко всѣмъ странностямъ Рышко прибавилась еще одна: каждый разъ, когда онъ видѣлъ автобусъ, онъ шарахался въ сторону и хватался рукой за сердце.

— Что съ вами? — спрашивали знакомые.

— Боюсь, знаете, автобусовъ, — отвѣчалъ съ кривой улыбкой Рышко.

— Подъ автобусомъ были?

— Нѣтъ, была у меня одна странная исторія.

И знакомые думали, что онъ хотѣлъ проѣхать безъ билета и попался на томъ предпріятіи.

Ант. Ладинскій.

◆

ЧЕРЕЗЧУРЪ МОЛОДА

Дочь банкира Сантьягова перевалила годика на четыре за тридцать. Папаша рѣшилъ во что бы то ни стало выдать ее замужъ. Но женихи отлынивали, узнавъ настоящій возрастъ невѣсты. Тогда Сантьяговъ позвалъ къ себѣ въ кабинетъ одного изъ своихъ служащихъ и сказалъ ему:

— Слушайте, я вамъ долженъ сказать, что моя дочь, Юлія Павловна, ничего не имѣла бы противъ того, чтобы выйти за васъ замужъ, а я со своей стороны полагаю, что вы были бы для меня очень подходящимъ зятемъ. Что вы на это скажете?

— Право не знаю, — сказалъ кандидатъ. — Это такъ неожиданно. А сколько лѣтъ Юліи Павловнѣ?

— Одна минута, — отвѣтилъ банкиръ. — Прежде всего вы должны знать, что я даю за Юліей Павловной въ приданое столько разъ десять тысячъ франковъ сколько ей лѣтъ.

— Такъ сколько же ей лѣтъ?

— Тридцать четыре съ половиной.

— Не могу принять вашего предложенія, — рѣшительно отвѣтилъ молодой человѣкъ, — Юлія Павловна для меня слишкомъ молода.

ЭМИГРАНТСКАЯ ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА

— Что же имъ на свадьбу подарили?

— Удивительное совпаденіе! Каждый изъ гостей принесъ золотую рыбку.

Подписчики "Сатирикона" за-границей могутъ высылать подписную плату переводомъ по почтѣ, банковскимъ чекомъ или въ заказномъ письмѣ въ мѣстной валютѣ по курсу дня.

СЛУЧАЙ ВЪ ГОСТИННИЦѢ

— Ф-фу, какая богомерзкая рожа! И каждый день все одна и та же, скоро сорокъ лѣтъ одна и та же... Здравствуйте, господинъ Лебедевъ... Ле-бе-девъ... Скажите пожалуйста, Ле-бе-девъ. А можетъ быть Сильфидинъ, Птицынъ-Райскій?.. У-у, чортова харя!..

Такой тирадой каждое утро привѣтствовалъ собственное свое появленіе въ зеркалѣ шкафа противъ кровати Андрей Ивановичъ Лебедевъ. Онъ натягивалъ на себя одѣяло и подходилъ къ зеркалу ближе.

— Болванъ! Лысѣетъ, мѣшки подъ глазами. Сорокъ лѣтъ и ни положенія, ни семьи, ни денегъ. Ничтожная личность, надоѣлъ ты мнѣ хуже горькой рѣдьки...

И пока онъ брился, умывался, одѣвался, пока на спиртовкѣ грѣлся кофе, онъ все ворчалъ на свое неудачничество, старость, робость.

Собственно, за всѣмъ этимъ возмущеніемъ была почти увѣренность, что сорокъ лѣтъ еще не старость, что мѣсто заводского техника совсѣмъ не плохое мѣсто для бѣженца, а главное, что много людей поумнѣе и поинтереснѣе Андрея Ивановича находятся въ положеніи куда худшемъ, чѣмъ онъ, стало быть жаловаться нечего. Конечно, Наташа была не Богъ вѣсть какая красавица, ужъ конечно не богата, иначе зачѣмъ было бы ей стучать на машинкѣ въ хлѣбномъ складѣ, такъ что ничего особеннаго не было бы въ ихъ бракѣ, но Андрей Ивановичъ просто ужаснулся бы собственному кощунству, если бы слѣпыя эти догадки вылились въ точную мысль.

— Жениться захотѣлъ? — ехидствовалъ онъ. Прикажите послать за миссъ Гонолулу, заказать кабину на "Мажестикѣ" для свадебнаго путешествія?..

Тяжелой стороной знакомства была необходимость встрѣчъ съ Брикомъ, или фонъ-Брикомъ, какъ именовалъ себя этотъ господинъ, хотя по точнымъ справкамъ Андрея Ивановича никакихъ фонъ-Брековъ въ таблицахъ русской геральдики не значилось. Этотъ нагловатый молодой человѣкъ въ модныхъ штанахъ, нигдѣ не служившій и невѣдомо чѣмъ жившій, вотъ уже три недѣли вьюномъ вился около Наташи.

— Всякое понятіе имѣетъ два смысла, — цѣдилъ, щуря глаза, Брикъ, когда втроемъ сидѣли они въ кафе подъ гостинницей. — Это отлично понимали эпикурейцы. Вы, конечно помните, у Тита-Ливія...

— Что за наглецъ, — съ отчаяніемъ думалъ Андрей Ивановичъ. Ну, что мнѣ съ нимъ дѣлать?.. А она слушаетъ...

— Нѣтъ, это все банально. Шаляпина надо слышать только въ гостиной. Какъ то мнѣ случилось быть въ салонѣ небезызвѣстной Элсны Нарышкиной, она за фонъ Андерсеномъ, мы въ родствѣ. И вотъ...

— Опять вретъ! — уже съ восхищеніемъ восклицалъ Андрей Ивановичъ.

— ... Да. Я лечу, внизу непріятельскія колонны. Нажимаю педаль, слѣжу полетъ бомбы, и вдругъ чудовищный взрывъ, волна воздуха меня подхватываетъ, инерція катаетрофическая, моторъ не справляется, я лечу все выше, выше, четыре тысячи, пять тысячъ, шесть тысячъ...

— Послушайте, — шепталъ пересохшими губами Андрей Ивановичъ.

— Что такое? — пренебрежительно поворачивался къ нему Брикъ.

— Нѣтъ, ничего, я хотѣлъ спросить Наталью Васильевну, — можетъ быть еще мороженнаго?

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Андрей Ивановичъ окончательно понялъ, что все кончено, что Наташа влюблена въ Брика и что послѣдняя надежда переломить свою жизнь ушла.

— Счастья захотѣлъ? — съ ненавистью останавливаясь передъ зеркаломъ шепталъ онъ всчеромъ. — Чтобы вотъ за этотъ картофельный носъ и линялые глазки, за этого стараго кретина она вышла замужъ. Хороша бы она была...

Онъ раздѣлся, бросился въ постель и въ послѣдній разъ погрозилъ себѣ кулакомъ.

— У-у, чортова харя, чтобъ ты навѣки пропала! Тьфу!

Поворочавшись съ боку набокъ, онъ заснулъ.

Показалось ему, что ночь пролетѣла что то очень быстро, когда надъ ухомъ затрещалъ будильникъ. Онъ протянулъ руку къ столику.

— Опять съ этой мордой встрѣчаться... — поморщился онъ. — Ну, еще пять минутъ.

Онъ перевернулся на животъ и ткнулся носомъ въ подушку. Какое то непривычное ощущеніе его обезпокоило. Онъ зѣвнулъ, закрылъ ротъ рукой и вдругъ замеръ. Носъ и щеки были чужіе. Онъ открылъ глаза и вскочилъ. Изъ свѣтлой глубины зеркала на него смотрѣло лицо... Брика. На зачесанныхъ волосахъ чернѣла сѣточка, плечи прикрывала не очень чистая, но шелковая пижама, щурились нагловатые глазки. Готовый закричать отъ ужаса, Андрей Ивановичъ вскочилъ съ кровати.

— Я сошелъ съ ума! Конечно! — Метался онъ по комнатѣ, не сводя глазъ съ зеркала.

— Что же мнѣ дѣлать? Восемь, опоздалъ на службу. Да чортъ съ ней, со службой. Надо бѣжать въ полицію, къ доктору.

Лихорадочно одѣвшись, онъ кубаремъ скатился съ лѣстницы. Черезъ десять минутъ опромстью влетѣлъ онъ въ подъѣздъ и чуть не сбилъ съ ногъ лысаго толстяка.

— Успокойтесь, успокойтесь молодой человѣкъ, — суетился докторъ. — Все отлично, все въ порядкѣ, сердце правильное, пульсъ нормальный.

— Да не въ пульсѣ, чортъ возьми, дѣло, къ чорту пульсъ! Поймите, докторъ, что я — Лебедевъ, Андрей Ивановичъ Лебедевъ и сорокъ лѣтъ былъ Лебедевымъ, а сегодня ни съ того ни съ сего превратился въ этого прохвоста Брика...

— Ничего, ничего, не волнуйтесь, это бываетъ. Главное, спокойствіе. Часто это бываетъ съ вами? Пьете много, или наслѣдственное?

Андрей Ивановичъ оттолкнулъ толстяка и убѣжалъ. Въ возбужденіи шелъ онъ по улицамъ, боясь встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ, и еще больше опасаясь знакомыхъ Брика, — чортъ знаетъ что за знакомства у этого господина!

— Что же дѣлать, чортъ возьми, что дѣлать? Итти въ сумасшедшій домъ? Но я не хочу, я совершенно здоровъ...

Выхода не было. Онъ превратился въ Брика, это подтвердили ему всѣ встрѣчныя зеркала. Страхъ и отчаяніе охватывали его все сильнѣй. Вдругъ злорадная мысль заставила забиться его сердце сильнѣй. Было пять часовъ, суббота. Въ этотъ часъ они встрѣчались. Андрей Ивановичъ повернулся и пошелъ въ кафе.

Онъ не ошибся. Наташа сидѣла въ глубинѣ, одна. Лебедевъ быстро пробѣжалъ лабиринтъ столиковъ и подражая Брику, манерно изогнувшись, воскликнулъ:

— Наташа, Натлечекъ, Натуленька, какъ я радъ! Наконецъ то мы одни.

— Ну да, нѣтъ того болвана, который вѣчно ходитъ за вами въ хвостѣ.

Лицо Наташи измѣнилось.

— Поелушайте, что съ вами, кто далъ вамъ право такъ говорить о моихъ друзьяхъ? — возмущенно спросила она.

— Ха-ха-ха, ну и шутница! — расхохотался Лебедевъ. — Ловко. Впрочемъ, довольно, поговоримъ серьезно. Пора откинуть притворство. Я знаю все, я нравлюсь вамъ, вы нравитеесь мнѣ, будемъ же просты, будемъ какъ солнце!.. — Онъ схватилъ дѣвушку за руки рванулъ къ себѣ. — Давай, упьемся счастьемъ, ѣдемъ скорѣй, скорѣй...

— Вы съ ума сошли, какъ вы смѣете! Вонъ отсюда, я сейчасъ позову лакея. Неужели не замѣтили вы, самонадѣянное ничтожество, — приблизила она къ нему гнѣвное лицо, что если я слушаю вашу жалкую и лживую болтовню, если встрѣчалась съ вами, то только, чтобы возбудить ревность въ другомъ, котораго люблю...

— Ахъ, вотъ оно что, — сардонически захохоталъ Лебедевъ. — Вы влюблены въ этого соннаго идіота! Поздравляю!

— Убирайтесь вонъ отсюда!

— Пож-жалуйста. Найду что нибудь получше, — презрительно пожимая плечами процѣдилъ Лебедевъ и повернулся.

Надо ли говорить, что нѣтъ средствъ описать чувства Андрея Ивановича въ ту ночь. Возмущеніе, ужасъ, отчаяніе не размыкали надъ нимъ своихъ мрачныхъ объятій. Итакъ, не только до конца дней обреченъ онъ носить личину ненавистнаго человѣка, но и то единственное, что могло бы оправдать эту метаморфозу, ушло. Всему конецъ. Надо вѣшаться, стрѣляться, жить больше незачѣмъ. Ложась спать, онъ долго и горько плакалъ.

КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ **ЭМИГРАЦІИ**

ОТЦЫ И ДѢТИ

Рис. А. Шараго.

— Такъ какъ волею судьбы нашъ Николенька долженъ стать парижанином̀ъ, то я рѣшила пригласить Марью Ивановну давать ему уроки французскаго языка: она очень недурно говоритъ по французски!

Было уже позднее утро, когда онъ проснулся. Черезъ штору проходилъ свѣтъ и зайчикомъ отъ зеркала игралъ на стѣнѣ. Андрей Ивановичъ потянулся и вдругъ похолодѣлъ, вспомнивъ, что произошло вчера. Онъ нерѣшительно приподнялся и сквозь прищуренныя вѣки бокомъ глянулъ на себя въ зеркало. Но что это? Что за второе чудо? На него, прищуривъ глаза, глядѣло заспанное его всегдашнее, лебедевское лицо. Онъ, какъ вчера, закрылъ глаза, протеръ пхъ и опять глянулъ. Да, сомнѣній нѣтъ, это онъ, онъ, Андрей Ивановичъ Лебедевъ.

— У-р-р-а-а! — скатываясь съ кровати и дико кружась по комнатѣ, закричалъ онъ.

— У-р-р-а-а, я живъ и спасенъ! — продолжалъ онъ, распахивая окно и приводя въ полный безпорядокъ обстановку своей комнаты. Онъ выбѣжалъ въ корридоръ и на площадкѣ нижняго этажа столкнулся съ теткой Наташи.

— Здравствуйте. Что это вы сіяете, какъ имянинникъ? — спросила старуха.

— Ура, ура! Гдѣ Наташа?

— Наташа дома. Можете зайти къ ней. Да что съ вами?

— Ура, я спасенъ! — не слушая оторопѣвшей тетки, съ крикомъ бѣжалъ внизъ Андрей Ивановичъ. Противъ гостиницы на мостовой стояла тачка съ цвѣтами. Андрей Ивановичъ схватилъ цѣлую охапку, швырнулъ не глядя кредитку и вихремъ взбѣжалъ наверхъ.

— Что это, откуда столько цвѣтовъ? — улыбаясь встрѣтила его Наташа.

— Наталья Васильевна, Наташа, скажите, это правда, что вы вчера сказали мнѣ, т. е. Брику?

— Вамъ или Брику?

— Т. е. Брику, но въ одно и то же время и мнѣ, такъ какъ я вчера былъ Брикъ.

— Что съ вами, я ничего не понимаю.

— Ну вчера же, вчера вечеромъ, — съ отчаяніемъ закричалъ Андрей Ивановичъ. Вчера вы сказали мнѣ, т. е. Брику, что любите другого, т. е. меня, Лебедева, и выгнали Брика, т. е. меня.

— Какой дурной сонъ вамъ приснился? Ни о какой любви я ни съ кѣмъ не говорила и никого не выгоняла.

— Значитъ, ничего этого не было, — безпомощно опускаясь на стулъ пробормоталъ Андрей Ивановичъ, значитъ вы продолжаете любить Брика?

Глаза дѣвушки лукаво заблестѣли, она улыбнулась.

Послѣдніе дни я немного кокетничала съ Брикомъ. Я не знала, что это вамъ не нравится. Я больше не буду. А я думала, что вамъ все равно, — засмѣялась она.

— Наташа, — краснѣя вымолвилъ онъ, — если бы вамъ пришлось выбирать между Брикомъ и мной, кого бы вы предпочли?

— Зачѣмъ такая поспѣшность? Да что это, право, съ вами?

— Ну, а если я сейчасъ стану на колѣни и буду умолять, я больше не могу.

— Значитъ, нуженъ выборъ?

— Да!

Она опять засмѣялась, повернулась на одной ножкѣ и, бросившись ему на шею, зашептала:

— Медвѣдь неуклюжій, о чемъ же тутъ говорить. Я давно ждала. Конечно, да, да, да...

Н. Рощинъ.

ЦѢЛАЯ ЭПОХА.

— У васъ чудесный буфетъ, какая рѣзьба! Какая отдѣлка! Нынче такихъ не дѣлаютъ. Эпоха, конечно?

— Еще какая эпоха! Тридцать шесть мѣсяцевъ по двѣсти франковъ придется платить.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ "САТИРИКОНА"

Въ цѣляхъ наиболѣе раціональнаго распредѣленія "Сатирикона" по кіоскамъ Гл контора покорнѣйше проситъ гг. читателей покупать журналъ по возможности въ одномъ и томъ же кіоскѣ или магазинѣ.

Въ случаѣ, если у вашего газетчика не окажется "Сатирикона", Гл. контора проситъ увѣдомить ее по адресу:

51. rue Vivienne. Paris 2e.

ДА БУДЕТЪ

Да будетъ снова все что было.
Пусть въ ту же глубь каштанъ сѣдой
Взнесетъ свое паникадило
И встанетъ мѣсяцъ молодой!

Да будетъ такъ же милъ и сладокъ
Вечерній звонъ, а наша часть —
Такой же днямъ вести порядокъ
И паутинки счастья прясть.

На пасѣку направь свой важный
Полетъ, пчела! цвѣточный прахъ
Неси, и музыкой протяжной
Прославь удачу въ клеверахъ.

Всплывайте тучи изъ за пашни,
Прохлада взвѣй смиренныхъ рощъ,
И возведи косыя башни
Молебномъ выплаканный дождь.

Неспѣшно, чинно и сурово,
Въ лѣсу, въ поляхъ и на рѣкѣ —
Пройди, домохозяинъ, снова
Съ холщевымъ зонтикомъ въ рукѣ.

Валентинъ Горянскій.

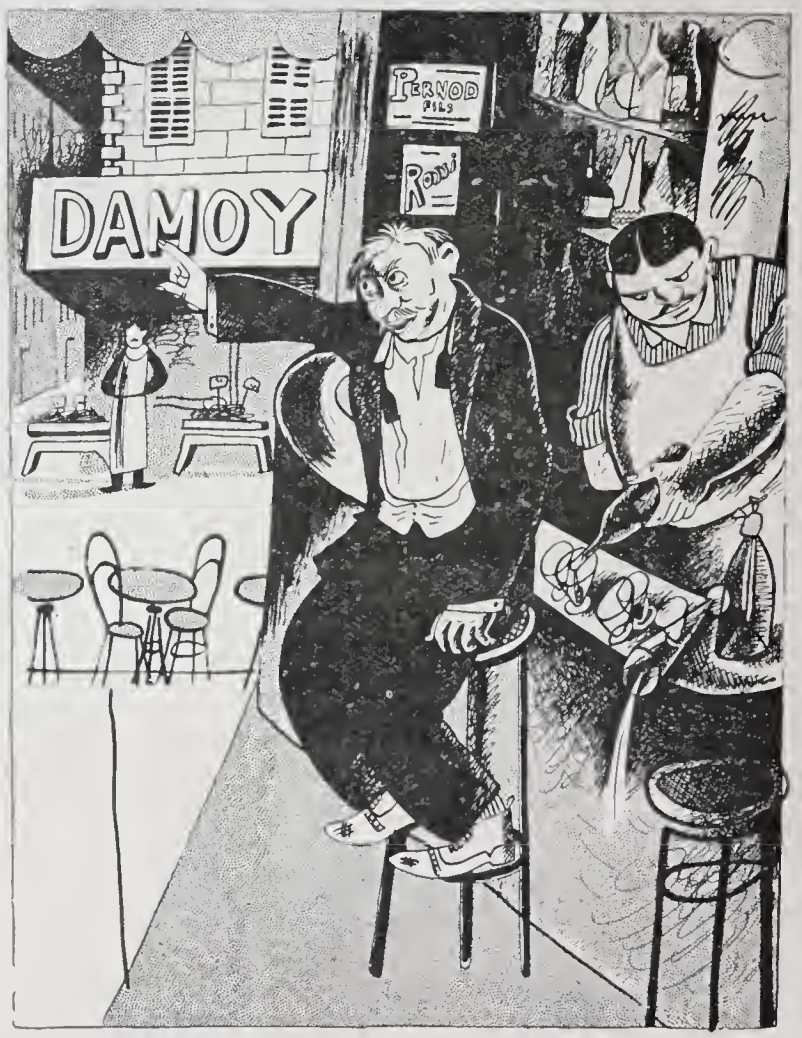
НЕ СТРАШНО.

— Я тебя умоляю, Григорій Ивановичъ, когда мы будемъ обѣдать у Пинкусовыхъ, оставь ты эту свою привычку, не ѣшь съ ножа.

— Да чего ты боишься? Я уже 35 лѣтъ ѣмъ съ ножа и ни разу еще не обрѣзался.

ПОСЛѢ ДЕСЯТОЙ РЮМКИ

Рис. Г. Шильтяна.



— Домой?!.. А если я... не... желаю?!!..

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВѢЛЕНІЮ

(Изъ воспоминаній)

Рис. Шварца.

I.

Когда оглянешься назадъ, на прожитые годы, и вспомнишь дни дѣтства и юности, то не вѣришь своей памяти — неужели я, **только за свою жизнь,** прошелъ черезъ весь этотъ безконечно длинный переходъ отъ быта сохранившейся еще въ тѣ времена провинціальной дореформенной Россіи до текущихъ дней русской эмиграціи? Кажется Джеромъ Джеромъ (или Маркъ Твэнъ?) гдѣ-то говоритъ: «Я не могу довѣриться своей памяти, ибо когда я ей довѣряюсь, получается абсурдъ: я отлично помню, какъ ребенкомъ упалъ въ помойную яму, и совершенно не помню, какъ оттуда вылѣзъ. Если я повѣрю своей памяти, то долженъ буду придти къ выводу, что сижу въ этой помойкѣ до сихъ поръ».

Такъ и я, оглядываясь кругомъ, живя **послѣдними** годами, мгновеніями думаю, что тѣхъ **первыхъ у меня** никогда не было; что о нихъ я гдѣ-то читалъ, отъ кого-то слышалъ. Но самъ ихъ не переживалъ, до такой степени отъ нихъ въ моей жизни реально ничего не осталось. Въ этомъ ощущеніи «небытія прошлаго» нѣтъ ни грусти, ни досады, ни жалости, — все придавлено странностью ощущенія, фантастичностью того, что все то, **что** было и **какъ** оно было — сказка, а не быль. Сказка — Волга и красавецъ Нижній, второй Кіевъ; сказка — школьные годы и вся свѣжесть ихъ переживаній; сказка — тѣ люди, которые первые приступили къ созданію новой Россіи, первые учили насъ жизни, звали куда-то; сказка и тотъ идеалистическій романтизмъ и та вѣра въ «вѣчно-прекрасное» и «вѣчно-справедливое», отъ которыхъ тогда такъ сильно билось сердце, и за которые теперь немного (а кому и много) совѣстно. Только, вотъ, это « совѣстно» и держитъ еще какую-то тоненькую связь съ прошлымъ: совѣстно — стало быть, что-то въ этой сказкѣ было и отъ дѣйствительной жизни, о чемъ не только можно грезить, но и чему можно повѣрить. Быть можетъ, даже **должно** повѣрить, чтобы не пришлось повторить афоризмъ Джеромъ Джерома въ болѣе страшномъ видѣ: я совершенно **не помню,** когда и какъ я свалился въ помойную яму, но, приближаясь къ своему концу, **вижу,** что всю жизнь просидѣлъ въ ней.

II.

Въ дни моего школьнаго возраста — 80-ые годы прошлаго вѣка — романы-хроники Мельникова-Печерскаго, «Въ лѣсахъ» и «На горахъ», были однимъ изъ любимыхъ нашихъ чтеній. «Въ лѣсахъ», это — лѣвобережная сторона Волги, луговая и лѣсная, отшельническая и старовѣрческая. Заволжскіе скиты, ихъ старцы и старицы, пошли съ Нила Сорскаго, съ XVI-го вѣка, а то и раньше. «На горахъ», это — правый, нагорный берегъ великой русской рѣки, городской и помѣщичій. «Въ лѣсахъ» отъ XVI-го вѣка въ XIX-ый рукой подать: сохранилась и вѣра и бытъ. «На горахъ» жизнь шла быстрѣе и за 300 лѣтъ не узнать «Горъ», какъ и саму Волгу съ ея бѣгающими пароходами и плывущими караванами баржей. Изъ «Лѣсовъ» на «Горы» шелъ тотъ, кого влекла жизнь. Съ «Горъ» въ «Лѣса» бѣжали, спасаясь отъ жизни и ея новшествъ. «Лѣса» полны тайны, сказаній, традицій, преданій, протеста. «На горахъ» все ясно и трезво: жизнь идетъ — надо за ней поспѣвать. Эти два міра сходились въ Нижнемъ и особенно на Макарьевской ярмаркѣ — у «Макарія», какъ скажетъ всякій волжанинъ. Ихъ-то и описалъ въ своихъ романахъ Андрей Печерскій, взявшій свой псевдонимъ отъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря. Нижній и его «Макарій» — центръ описываемыхъ событій; отсюда разбѣгаются тропы по таинственнымъ лѣсамъ и раменьямъ; отсюда же подымаются онѣ и въ горы, бѣгутъ вверхъ и внизъ по Волгѣ, въ Москву, въ Сибирь и заграницу, въ Австрію и Румынію — всюду, гдѣ сохранилось «древлее благочестіе».

Для насъ — нижегородцевъ оба міра были родными, мы выросли въ нихъ. Ихъ мѣста были нашими мѣстами; ихъ эпоха — въ своихъ остаткахъ нашей эпохой; ихъ люди — нашими людьми. И понятно, что нарочитая (иногда до сусальности) романтика хроникъ, ихъ превосходный волжскій — **нашъ** — языкъ, старообрядческій бытъ съ легендарнымъ Святымъ Озеромъ, куда опустился «Градъ Китежъ», и гдѣ разъ въ годъ слышится звонъ его колоколовъ, сохранившіеся въ народной жизни поэтическіе отголоски язычества, — все это влекло насъ несказанно. Волга, Ока, Ветлуга, Сура; Нижній, Городецъ, Балахна, Семеновъ, Юрьевецъ, Желтоводскій, Макарьевъ, Василь-Сурскъ были изъѣзженными, исхоженными живыми мѣстами. Этого мало — для насъ герои и героини романа, Чапурина, Смолокуровы, Самоквасовы, Лохматые являлись образами, списанными съ живыхъ, многихъ еще жившихъ тогда людей, представителей широко-извѣстныхъ волжскихъ купеческихъ родовъ — Башкировыхъ, Блиновыхъ, Бугровыхъ, Губиныхъ, Ермолаевыхъ, Тарсуевыхъ, Рукавишниковыхъ. Всѣ эти семьи жили въ Нижнемъ; въ ихъ радушныхъ домахъ мы часто бывали и веселились съ ихъ внуками и внучками. Изъ «тысячниковъ» они стали "милліонщиками", отошли отъ быта скитовъ и посадовъ, жили на широкую ногу, а дѣтей своихъ уже вели черезъ гимназію и университетъ.

Недостатковъ повѣствованія мы не замѣчали, «скучныя мѣста» пропускали и многое дополняли тѣмъ, что знали «сверхъ романовъ» изъ той жизни, что стояла за ними, и о чемъ писатель умолчалъ.

Разсказываетъ авторъ о « дошломъ человѣкѣ» Стуколовѣ, объ «игуменѣ» Михаилѣ, о поѣздкѣ Потапа Максимовича Чапурина со Стуколовымъ въ скитъ этого «игумена» за открытымъ на Ветлугѣ «золотомъ», и изъ-за страницъ разсказа выступаетъ недавняя живая Нижегородская быль съ громкими процессами фальшивомонетчиковъ, долгое время усердно нечатавшихъ «антихристовы знаки" въ темныхъ лѣсахъ и усердно сплавлявшихъ свое доходное производство по низовья Волги для торговли съ башкирами и калмыками, а при случаѣ и съ персами.

Описываетъ авторъ, какъ Алексѣй Лохматый въ первый разъ попадаетъ изъ глухихъ «Лѣсовъ» въ большой, шумный городъ; какъ сидитъ онъ въ богатомъ трактирѣ и съ замираніемъ слушаетъ дивную «машину», выписанную диковину, которую пріѣзжалъ слушать самъ «хозяинъ губерніи». А мы знаемъ, что большой городъ, это — нашъ Нижній; что «богатый трактиръ» до сихъ поръ стоитъ на Нижнемъ Базарѣ, и играетъ въ немъ все та же «диковина», только немного охрипла она и мѣстами спотыкается; знаемъ и имя давно сошедшаго со сцены дореформеннаго губернатора, который пріѣзжалъ со своими знакомыми слушать машину, — слушалъ, хорошо съ друзьями пообѣдалъ и заплатилъ за все «честью своего посѣщенія». Знаемъ и то, что Алексѣй Лохматый не утонулъ въ самый разгаръ своей карьеры, какъ это разсказано Пе-

черскимъ, и что никогда не былъ онъ Самарскимъ городскимъ головой, а какъ разъ сейчасъ «ходитъ въ Нижегородскихъ головахъ» — глубокій, но крѣпкій, суровый старикъ, въ большихъ золотыхъ очкахъ, по царскимъ днямъ на молебныхъ въ Соборѣ — въ мундирѣ, съ серебряной цѣпью на груди, съ орденомъ Св. Владимира на шеѣ — старообрядческій староста.

Кутятъ безшабашно герои романовъ у «Макарія», знаменито кормитъ ихъ стерлядями и поитъ «шипучимъ» поволжская извѣстность, поваръ Никита Семновъ, «дворовый господъ Жадовскихъ», а мы опять знаемъ и самихъ господъ Жадовскихъ съ ихъ веселымъ имѣньемъ «Фугунами», и самого сѣдого Никиту Семенова, изумительнаго кулинара, объѣздившаго со своимъ владѣльцемъ «всѣ Европы» и гордо заявлявшаго, что ему извѣстны «всѣ кухни»; и его сына, Семена Никитича, содержателя буфета на желѣзно - дорожномъ вокзалѣ. Знаемъ и его друга, Федосея, «старшаго человѣка» на томъ же вокзалѣ, непремѣннаго метръ д-отеля всѣхъ макарьевскихъ кутежей — и купеческихъ «отъ прибылей» и помѣщичьихъ на «остинныя».

Начетчикъ Тихонъ Борисовичъ — тоже живой и благополучно - живущій, только давно уже бросилъ онъ скиты и споры о правильной вѣрѣ и объ австрійскомъ священствѣ, лѣса съ ихъ «яръ-хмѣльемъ», пѣніе и гулянки со скитскими послушницами, переселился въ Москву и тихо доживаетъ жизнь библіотекаремъ у московскаго старообрядца - милліонера. Отъ прежняго сохранилъ только любимую поговорку — «отъ искушенія».

Не выдуманы и мать Манефа и ея дочка, красавица и сорвиголова Фленушка, и ея женихъ Самоквасовъ. Только и тутъ авторъ не все разсказалъ — не хотѣлъ портить своего уютнаго романтизма трагической развязкой. Это правда, что Фленушка еще въ скиту, за Волгой, въ угоду своей матери, отказалась выйти замужъ за Самоквасова и постриглась. Но на этомъ не кончилась ея любовная исторія. По смерти Манефы Фленушка возглавила ея общину, а когда впослѣдствіи скиты были уничтожены властью, мать Филагрія (Фленушка) купила въ Юрьевцѣ нѣсколько домовъ подрядъ и переѣхала въ нихъ вмѣстѣ съ общиной. Однако, сношенія ея съ Самоквасовымъ не порвались: какъ ѣздилъ онъ въ Манефинъ скитъ, такъ продолжалъ ѣздить къ Фленушкѣ въ ея Городецкую общину. И все умолялъ Фленушку вернуться въ міръ, выйти за него замужъ и переѣхать на жизнь въ Нижній. Мать Филагрія упорствовала. Что произошло между ними въ одну изъ такихъ бесѣдъ, — послѣднюю, никто не знаетъ, но кончилось это свиданіе тѣмъ, что обзумѣвшій Самоквасовъ схватилъ стоявшій на столѣ кипящій самоваръ и весь его вылилъ на бѣдную Фленушку. Она скончалась въ страшныхъ мученіяхъ, а его судили и засудили... разсказывали, что онъ не пытался оправдываться, на судѣ не проронилъ ни слова — крѣпкій, лѣсной былъ человѣкъ и въ любви и въ несчастьи.

Вспомнивъ о Фленушкѣ, не могу не вспомнить объ одномъ «увозѣ» красавицы-монашки изъ этой самой Фленушкиной общины въ Городцѣ, случай болѣе поздней эпохи — начала 70-ыхъ годовъ. Нашумѣлъ онъ въ свое время и потому, что послѣ разгрома скитовъ, увозы невѣстъ за Волгой вообще прекратились; и потому, что осложнился онъ соперничествомъ — двое любили красавицу и каждый хотѣлъ ее похитить. Обоихъ ихъ звали Леонидами. Фамилію одного назову — Кохновъ. Она, какъ увидитъ читатель, «увѣковѣчена». Другого называть не стоитъ.

Кохнову удалось похитить красавицу, но боясь соперника, онъ укрылъ ее не въ Нижнемъ, а въ 20-ти верстахъ отъ Нижняго, ниже по рѣкѣ, въ прибрежномъ селѣ Кстовѣ, и не на берегу, а на своей баржѣ. Соперникъ немедленно узналъ о похищеніи и о томъ, гдѣ скрыта "жертва". На собственномъ пароходѣ онъ бросился въ погоню за похитителемъ, пришелъ въ Кстово, присталъ къ баржѣ и во главѣ своей команды пошелъ на абордажъ. Произошло побоище, въ которомъ два противника честно «сражались», такъ сказать, въ персональномъ порядкѣ — другъ противъ друга. Кохновъ потерпѣлъ полное пораженіе, красавица была отнята, перенесена на пароходъ и доставлена въ Нижній. Счастливый побѣдитель сыгралъ свадьбу и счастливо зажилъ съ отвоеванной молодой женой. Я ее зналъ въ концѣ 80-ыхъ годовъ, когда ей было «подъ сорокъ», но и въ эти годы она поражала своей красотой и молодостью. Побѣдитель Кохнова владѣлъ рифмой и любилъ описывать въ стихахъ всѣ нижегородскія злобы дня. Описалъ онъ и Кохновскую исторію на древне-классическій ладъ. Назвалъ поэму «Кохнидой». Юная память удержала нѣсколько строкъ:

Два Леонида. Баржа. Кстово.
Глубокій берега изгибъ...
Пою дѣяніе Кохнова,
Пою о томъ, какъ онъ погибъ.

И затѣмъ описаніе «поединка» соперниковъ:

Узри — сворочены ѣдала,
Разбиты зубы, скулы, носъ,
И ужъ бородъ у нихъ не стало
И нѣтъ на головѣ волосъ.
И се предстанетъ образъ вѣрный
Кохнова брани безпримѣрной.

Это было однимъ изъ послѣднихъ бытовыхъ отголосковъ отходившей эпохи, которая описана Печерскимъ «Въ Лѣсахъ» и «На горахъ».

III.

Мнѣ лично оба романа были близки еще и потому, что начаты они были въ домѣ моего дѣда, Владимира Ивановича Даля, — начаты отчасти по его **«требованію»** среди довольно оригинальныхъ условій.

Конецъ сороковыхъ, всѣ пятидесятые годы и начало шестидесятыхъ В. И. Даль прожилъ въ Нижнемъ Новгородѣ, занимая мѣсто «управляющаго Удѣльной Конторой». Въ тѣ времена еще не было Министерства Двора и Удѣловъ, и Удѣльное Вѣдомство, въ компетенцію котораго входило завѣдываніе всѣми Императорскими удѣльными имѣніями, составляло часть Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Удѣльные округа иногда граничили съ одной губерніей, иногда охватывали двѣ-три. Въ Нижегородскій округъ входили Нижегородская и Костромская губерніи. Во главѣ этого округа и стоялъ В. И. Даль.

Большинство удѣльныхъ земель Нижегородскаго круга какъ разъ находились въ лѣсахъ, куда съ самаго начала раскола стали уходить старообрядцы. Въ то же время "Лѣса" гораздо меньше чувствовали крѣпостное право, не то что «Горы», гдѣ помѣстья лежали одно подлѣ другого. За Волгой и по Ветлугѣ жили почти исключительно казенные и удѣльные крестьяне, народъ промышленный — лѣсорубы, гончарники, токари, угольщики, торговцы всѣмъ этимъ сырьемъ, хозяйственно - административной властью надъ ними и являлось «Удѣльное Вѣдомство».

Домъ Нижегородской «Удѣльной конторы», съ громадныхъ тѣнистымъ липовымъ садомъ, что стоялъ до самыхъ послѣднихъ предъ-революціонныхъ дней на Большой **Печорской** улицѣ, въ тѣ времена усердно посѣщался «лѣснымъ людьми», приходившими къ начальству по хозяйственнымъ и оброчнымъ дѣламъ. Для В. И. Даля, составлявшаго Русскій Толковый Словарь и собиравшаго русскія пословицы, этотъ заволжскій людъ былъ неисчерпаемымъ кладомъ. Онъ подолгу разговаривалъ съ «ходоками», вслушиваясь въ ихъ живую, образную рѣчь, узнавая ихъ толкованіе того или другого слова, ловя произношеніе и обороты. Иногда ему самому приходилось ѣздить по Заволжью и видѣть его бытъ на мѣстахъ. Весь этотъ міръ былъ старообрядческій. И вотъ, въ помощь В. И. Далю былъ откомандированъ чиновникъ особыхъ порученій при нижегородскомъ губернаторѣ, Павелъ Ивановичъ Мельниковъ, лучшій знатокъ раскола.

Воспитанникъ Нижегородской гимназіи и Казанскаго университета, оставленный по окончаніи университета по кафедрѣ исторіи, Мельниковъ однажды «заговорился» на какой-то пирушкѣ, за что ему грозило вмѣсто университетской кафедры мѣсто уѣзднаго учителя въ г. Шадринскѣ — время было «Николаевское», шелъ 1837 годъ. Заступничество университета спасло Мельникова отъ этой участи, ему была оказана «милость», и способный юноша очутился учителемъ исторіи и географіи въ Пермской гимназіи. Оттуда идетъ его знакомство съ раскольничьимъ Ураломъ. Эта «бѣда» положила своеобразный отпечатокъ на всю послѣдующую жизнь Мельникова. Онъ былъ честолюбивъ. То, что его «карьера» была разбита, вызвало въ немъ не протестъ, не обиду, а страхъ передъ начальствомъ и желаніе « заслужить вину». Съ того времени и до конца жизни мнѣніе власти стало для него руководящимъ жизненнымъ началомъ, усердная служба — первымъ и единственнымъ дѣломъ. Черезъ два года мы его уже застаемъ въ родномъ ему Нижнемъ все еще учителемъ исторіи въ гимназіи, а черезъ семь лѣтъ, въ 1846 году, онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій по раскольничьимъ дѣламъ при губернаторѣ — «ошибка молодости» была забыта, заслуги послѣдующихъ лѣтъ были учтены.

Павелъ Ивановичъ былъ надѣленъ изумительнымъ даромъ разсказчика, болѣе сильнымъ, чѣмъ даромъ писателя; онъ началъ писать какъ разъ въ годы своего возвращенія изъ Перми на родину. Тогда появились въ печати его «Дорожныя Записки», которыя и принесли ему первый литературный успѣхъ. В. И. Даль не разъ убѣждалъ своего подчиненнаго написать что-нибудь «большое», но ничего не выходило. На свое писательство Мельниковъ смотрѣлъ какъ на «баловство», не придавалъ ему никакого зна-

ченія и даже какъ будто стыдился, что онъ, серьезный чиновникъ, «крапаетъ чернилами». Вотъ служба — это другое дѣло; ей нужно отдать всѣ силы. Можно предположить, что такъ бы и скороталъ онъ свои дни чиновниковъ по старообрядческимъ дѣламъ, если бы въ его жизни не произошло одного случая.

Въ 1861-омъ году была рѣшена поѣздка по Волгѣ старшаго сына императора Александра II, наслѣдника Николая Александровича, впослѣдствіи скончавшагося въ Ниццѣ отъ чахотки. Передъ этимъ путешествіемъ В. И. Даль получилъ запросъ, кого могъ бы онъ указать, для сопровожденія наслѣдника, какъ человѣка, хорошо знающаго Волгу, волжскій народъ, его бытъ. Лучшаго кандидата, чѣмъ П. И. Мельниковъ, быть не могло, и В. И. назвалъ его. Когда самъ виновникъ узналъ о своемъ назначеніи сопутствовать наслѣднику въ его путешествіи по Волгѣ, страху и счастью его не было предѣловъ: страху — отъ сознанія столь большой близости къ высочайшей особѣ наслѣдника, счастью — отъ сознанія, что онъ, наконецъ, оцѣненъ.

Во время путешествія наслѣдника на пароходѣ, особенно по вечерамъ, Мельниковъ разсказывалъ о тѣхъ мѣстахъ, мимо которыхъ они плыли. Не надо было сомнѣваться, что красочность, оригинальность и интересъ этихъ разсказовъ достигнетъ своего апогея, когда начнутся Нижегородскія мѣста съ «Лѣсами» и «Горами». Такъ оно и случилось. Когда пароходъ, миновавъ Нижній, подходилъ къ большому торговому селу Лыскову, противъ котораго на лѣвомъ берегу рѣки расположенъ уѣздный городъ Макарьевъ, Желтоводскій со своимъ знаменитымъ Макарьевскимъ монастыремъ, гдѣ и зародился первоначальный ярмарочный торгъ (отсюда и его названіе), то слушатели были совершенно зачарованы разсказчикомъ. Послѣ окончанія бесѣды, наслѣдникъ обратился къ Мельникову и сказалъ:

— Что бы вамъ, Павелъ Ивановичъ, все это написать — изобразить повѣрья, преданія, бытъ заволжскаго народа.

— При моихъ служебныхъ занятіяхъ не имѣю времени, Ваше Императорское Высочество, — отвѣтилъ Мельниковъ.

— Нѣтъ, непремѣнно напишите. Я за вами буду считать въ долгу повѣсть о томъ, какъ живутъ **въ лѣсахъ** за Волгой.

Когда кончилось волжское путешествіе великаго князя, и Мельниковъ вернулся изъ своей почетной командировки, онъ все подробно разсказалъ В. И. Далю, и, конечно, точно передалъ лестный отзывъ наслѣдника. В. И. серьезно посмотрѣлъ на П. И. и спросилъ его:

— Что-же вы теперь рѣшили дѣлать?

— То-есть какъ что? — съ недоумѣніемъ переспросилъ Мельниковъ.

— То-есть такъ, когда вы думаете приступить къ **исполненію Высочайшаго повелѣнія?**

— Какого? — продолжалъ не понимать Мельниковъ.

— Къ писанію повѣсти. Развѣ вы не понимаете, что вамъ дано Высочайшее повелѣніе?

Сначала Мельниковъ, по своему обыкновенію, оторопѣлъ, но потомъ принялъ шутливое толкованіе В. И. Даля совершенно всерьезъ — онъ искренно повѣрилъ въ Высочайшее повелѣніе и засѣлъ за повѣсть.

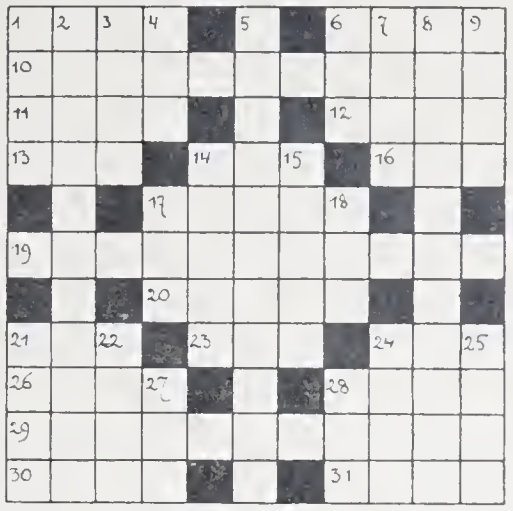
Однако, первую часть повелѣнія, «Въ лѣсахъ», онъ писалъ съ большими перерывами и закончилъ ее лишь черезъ десять лѣтъ, въ 1871 году. Слава, пришедшая къ нему послѣ появленія «Въ лѣсахъ» въ печати, увлекла его, и онъ рѣшилъ приступить ко второму роману «На горахъ». И здѣсь постигшія его въ 60-ыхъ годахъ служебныя неудачи надолго затормозили его работу. Къ "Горамъ онъ приступилъ лишь позднѣе, послѣ того, какъ ему пришлось оставить службу и вернуться въ Нижній. Онъ писалъ «На Горахъ» черезъ силу — жизнь была надломлена. Это сказалось на творчествѣ — «Горы » растянуты, тяжелы и мѣстами просто скучны, чтобы не сказать бездарны.

Послѣдніе годы жизни Мельниковъ - Печерскій жилъ «забытый» и обиженный въ своемъ небольшомъ имѣніи «Ляховѣ», въ 15-ти верстахъ отъ Нижняго, на высокомъ берегу Оки, гдѣ и скончался 1-го февраля 1883-го года. Надъ самой Окой въ Ляховѣ стоялъ боръ «Слуда».

...Въ этомъ бору я не разъ бывалъ, когда школьникомъ пріѣзжалъ къ сыну писателя. Я ходилъ каждый разъ слушать немолчный шумъ бора — въ немъ для меня звучало прошлое, свидѣтелями котораго были его вѣковыя деревья, и почему-то каждый разъ думалось мнѣ, что такой же шумъ сѣдой старины проносился надъ тѣмъ пароходомъ, на которомъ высокій гость слушалъ сказаніе о старой вѣрѣ и ея вѣрныхъ хранителяхъ, о повѣрьяхъ, преданіяхъ и бытѣ заволжскаго народа — о томъ, «какъ живутъ въ лѣсахъ на Волгѣ».

И. Демидовъ.

КРЕСТОСЛОВИЦА № 16



Горизонтально:

1. Необходимъ для стрѣлка, выцѣливающаго свою жертву на большомъ разстояніи, а также для человѣка, готовящагося поднять тяжесть. 6. Мѣшокъ. 10. Таковой бываетъ крестословица. 11. Эмблема Юпитера. 12. Мѣра вѣса. 13. Животное, славящееся своими глазами. 14. Животное, отличающееся благородствомъ. 16. Названіе извѣстной русской повѣсти. 17. Герой басни Крылова, съ которымъ часто сравнивали А. Ф. Керенскаго. 19. Одна изъ самыхъ нашумѣвшихъ затѣй пятилѣтки. 20. Архипелагъ въ Тихомъ Океанѣ. 21. Корень слова, выражающаго возмездіе. 23. Въ географіи это слово часто означаетъ мысъ. 24. Хорошо извѣстенъ парижскимъ хозяйкамъ. 26. Танецъ, пользовавшійся большой популярностью до войны. 28. Героиня романа: прачка, ставшая куртизанкой. 29. Власть богатыхъ. 30. Выѣдаетъ глаза до восхода солнца. 31. Нѣчто, никуда не годное.

Вертикально:

1. Бываетъ черный, бурый и бѣлый. 2. Поразметало. 3. Животное, благородное какъ 14 горизонтально, но болѣе похоже на 10 горизонтально. 4. Ее играютъ. 5. Разносъ. 6. Бываетъ у каждаго тѣла. 7. Истино такъ. 8. Своеобразное психическое заболѣваніе, весьма распространенное въ СССР. 9. Часть Индо-Китая. 14. Священная книга. 15. Необходимая принадлежность каждаго велосипедиста. 17. Политическая партія въ Польшѣ. 18. Часть лица (род. над.). 21. Одна изъ международныхъ коммунистическихъ организацій. 22. Землетрясеніе. 24. Металлъ. 25. Пѣвецъ. 27. Часть названія переименованнаго большевиками русскаго города въ Средней Азіи. 28. Предлогъ.

РѢШЕНІЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 15

Горизонтально:

1. Обзоръ. — Миссъ. 2. Саги. — Барту. 3. Эра. — Возъ. — Ухъ. 4. Ли. — Киръ. — Ужо. 5. Юлій. — Ха: 6. Коп:. — Сна. — 7. Пика. — Ми. — 8: Лото: — Уніатъ. 9. Эре. — Пансій. 10. Варваръ. — Кси.

Вертикально:

1. Оселокъ. — Левъ. 2. Бари. — Опора. 3. Зга: — Юпитеръ: 4. Ой. — Клико. 5. Вій. — Па. 6. Борисъ. — Уаръ. 7. Мазь. — Пони. 8. Иръ. — Уха. — Искъ. — 9. Стужа. — Мансъ. 10. Сухо: — Витін...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Парижъ Г-ну П. О-ву. Присланные Вами веселые анекдоты, написаны превосходнымъ русскимъ языкомъ, чуднымъ почеркомъ, и на прекрасной бумагѣ. Къ сожалѣнію мы не можемъ ими воспользоваться, т. к. боимся какъ бы они не вызвали наплыва грусти у нашихъ читателей.

Лионъ. Г-ну Поликарпу Милоквасову. Вы спрашиваете интересуютъ ли насъ **"очень злыя каррикатуры на наиболѣе важныхъ представителей русской эмиграціи въ Парижѣ: Ген. Миллера, П. Н. Милюкова, кн. М Горчакова, А. О Гукасова, А. Керенскаго и др. исполненныя въ краскахъ и не менѣе галантливыя нежели шаржи Вашего художника Шараго"**

Даже очень, ежели Вы не страдаете чрезмѣрными оптимизмомъ. Ждемъ.

Редакторъ-издатель М. Г. Корнфельдъ

РЕСТОРАНЪ
ESMERALDA
ПОЛИКАРПА ИВАНОВИЧА ЛОВЦОВА
73, Bd de Clichy, около «Moulin Rouge», Tél.: Louvre 01-77
Prix-fix - **Завтраки 15 фр. Обѣды 0 фр.** - et à la carte
Воскр: Кулебяка съ рыбой и вязигой. Пон.: Пельмени. Вторн.: Бефъ буйи съ хрѣномъ. Среда: Царскій студень. Четв.: Курникъ. Пятн.: Поросенокъ съ кашей. Субб: Селянка съ растегаями. — Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ П. И. Ловцова.
Ежедн.: блины свѣжая икра балыкъ, семга. рябчики, каша Гурьев

Pension de Famille
68 bis, rue du Château, Asnières
Тишина. Садъ. Полный комфортъ. Ванная комната
35 - 45 фр. въ день
Grésillons 21-44

PARAME (Ile-et-Vilaine)
Hôtel de l'Union
Прекрасный пляжъ для купанія. Хорошая кухня
Августъ 32 - 36 фр., Сент. 26-28 фр.

СТАРАЯ МЕБЕЛЬ
Большой выб. всевозм. мебели. Меб. КРАСН. ДЕРЕВА, Empire, Louis Phil. и совр. Цѣны искл. дешевыя, возмож. разсрочка платежа. Предупредить о посѣщ. предп. до 15 ч.
А. А. СТАХОВИЧЪ въ Аньерѣ:
8, 12, rue Nanterre, 33, rue Franklin. Tél. Gresillon 10-96.
8 мин. электр. поѣз. отъ Сэнъ-Лазаръ, 2 мин. отъ вокзала Asnières (côté Asnières).

ПОСЫЛКИ и ДЕНЬГИ ВЪ РОССІЮ
СЪ ПОЛНОЙ ГАРАНТІЕЙ ПОЛУЧЕНІЯ НА МѢСТѢ
ВЪ КРАТЧАЙШІЙ СРОКЪ
ПРЕДСТАВЛЕНІЕ РАСПИСОКЪ НА 10-15 ДЕНЬ
A. GODOVANNIKOFF
Téléph. Gob. 20-68 — 36, Rue DIEULAFOY, PARIS-13 — Métro Tolbiac

AUTO = ECOLE MARBEUF
GARAGE MARBEUF
Concessionnaire Citroën
32-34, rue Marbeuf (Champs-Elysées), Tél. : Elysées 58-83 et 97-61 et la suite. Métro : Marbeuf et Rond-Point des Champs-Elysées
Самая большая русская автомобильная школа.
Carte-rose, Grande remise. Poids-lourd. Cours de mécanique. Papiers-taxis.
Уроки на спец. терассѣ нашего гаража, въ Булонск. лѣсу и въ городѣ отъ 8-ми час. утра до 9-ти ч. в. на машинахъ посл. моделей съ прав. и лѣв. управлен. Приходите осмотрѣть нашъ гаражъ въ 10 этаж. на 1000 машинъ, самый большой въ Парижѣ, въ районѣ Шанъз-Элизе и нашу школу, оборудованную по послѣдн. слову автомобильной техники.

MR. GOOD, 18, Bd. Garibaldi
Уроки англійскаго языка.
Подготовка къ экзаменамъ
Quick effective results

ПЕРЕВОДЪ
ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ
ПОСЫЛКИ принимаетъ
Комитетъ Помощи Голодающ. въ Россіи
(Comité Russe de Secours)
7, rue du Cardinal Mercier
Paris (9)
Mét. Clichy. Tél. Trinité 23-92 et la suite
пріемъ исключит. отъ 3-7 ч.

СЕСТРА Кауфманской Общины
Pansements, Picures, Ventouses scarifiées, etc.
Справки весь день.
Infirmière, 18, Bd. Garibaldi

Паста-Порошекъ Эликсиръ ESKA
по форм. С. С. Кострицкаго б. зубн. врача Госуд. Импер.
Наилучшія, научно - обоснованныя средства для ухода за зубами и полостью рта
Продаются только въ аптекахъ
Laboratoires ESKA
A. Hobelette
Dr. en Pharmacie
76, rue Orfila, PARIS (20)

Юридическій Кабинетъ
Бюро оффиціал. переводовъ
Консультація и выполн. всѣхъ формальностей предписан. новымъ закономъ и соціальн. страх., исключ. утромъ до 12 съ половиной час.
MARC BILLIS et FILS
присяжный переводчикъ при Парижскомъ трибуналѣ и кандидатъ правъ (Париж. унив.)
24, rue Laffitte, Paris
Tél. : Prov. 84-56. Métro Opéra
Пріемъ отъ 9-12 и 2-6.30 ч.
Сущест. въ Парижѣ съ 1864 г.
Говорятъ по русски.

Дав. Е. Каганъ
Кандидатъ Парижск. Унив.
Взысканія, уставы общ-въ, разводы и проч.
новый адресъ:
8, Square Port Royal (13)
(15, rue de la Santé)
Téléphone : Gobelins 61 95
пріемъ 10-12 и 6-8 ч. веч.

А. С. ШАПИРО
Петр. Прис. Пов. li encié en droit
Налоги, натур., уставы,
Prud'hommes
11, rue Mogador, 11
Tél. : Centr. 11-35
Ежедн. 11-12 и 5-6 ч. суб. 11-12.

ПРИ РЕДАКЦІИ "САТИРИКОНА" ОТКРЫТЪ
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Читатели и подписчики "Сатирикона" могутъ выписывать черезъ Книжный Складъ
ЛЮБЫЯ РУССКІЯ КНИГИ, ПОЯВИВШІЯСЯ НА КНИЖНОМЪ РЫНКѢ.

Стоимость книги (по каталогу) можетъ быть выслана переводомъ по почтѣ, банковскимъ чекомъ или въ заказномъ письмѣ въ мѣстной валютѣ по курсу дня

СПИСОКЪ № 7 (цѣны въ французскихъ франкахъ)

Сочиненія Н. Гумилева		**Сочиненія Лѣскова**	
Жемчуга	2.50	Запечатлѣнный Ангелъ	3.85
Колчанъ	9.50	Лѣвша, Пустоплясъ	3.10
Костеръ	6.20	Очарованный Странникъ	3.10
Огненный Столпъ	9.50	Полуношники	3.10
Дитя Аллаха	2.50	Соборяне	15.50
Французскія нар. пѣсни	9.50	Избр. сочиненія (въ пер.)	22.00

Всѣмъ желающимъ высылается безплатно полный каталогъ вышедшихъ за-рубежомъ книгъ и журналовъ.

Представители "САТИРИКОНА"

для пріемъ подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна.—*Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII Цѣна отд. ном. 1 шилл.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — "Родное Слово". *Koptic str.* 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — "Печатное Дѣло", ул. Царь Освободитель 8. Цѣна отд. ном. 20 л.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tél. Barbarossa 4881, Postscheck-konto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГРЕЦІЯ.	Аѳины. — « *Bibliophite* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ.—« *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitory, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39-41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія, — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 70 л. с.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. —*Schtefko,* Khiabané Post Hané Kouteha Beha es Saltaneh N° 4. Téhéran
ПОЛЬША.	Варшава. — "Добро", Krakowskie Przed. 53, Varsovie. Цѣна отд. ном. зл. 1.35.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — "Наша Рѣчь", 28 Str. Poincaré. Цѣна отд. ном. 25 лей.
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — "Новое Русское Слово", 178, 2-nd Avenue. New-York. Санъ-Франциско. —Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — "Знаніе", Grand'Rue de Péra. Цѣна отд. ном. 25 піастр.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors. Ц. отд. ном. ф. м. 6.50 Келломяки. *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ.	Прага. — « *Russunion* », S. Maeh. Panska ul. Palace Hôtel. Ц. отд. н. К. Ч. 5.50
ЭСТОНІЯ.	Ревель. —*Tobon, Goldschmiedstrasse,* Reval. Нарва. — "Старый Нарвскій Листокъ", 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 50 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre, Ul Kn. Mihailova br.* 27.

Переводы и Посылки
ВЪ РОССІЮ
BANQUE pour l'ARBITRAGE et COMMISSION
6, Rue Buffault. PARIS (9). Tél. Provence 95-20 95-21

на небывало выгодныхъ условіяхъ. Переводы съ ручательствомъ за выплату въ 15 дней.

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ

„НАША РѢЧЬ"

издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.

Редакторъ-Издатель: С. М. ГАЗІЕВЪ.

Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse.* Въ Парижѣ — въ *«Publicité Metzt »*, *Rue de Turbigo,* 51, *Paris VIIIe* и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ "Нашей Рѣчи" С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier,* 7, *Paris IXe.*

РЕСТОРАНЪ
„CHEZ KORNILOFF"
6, rue d'Armaillé
между Avenue Carnot des Ternes
Tél. Carnot 52-49

Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ влад.
Ф. Д КОРНИЛОВА.
Prix fixe Завтракъ — 15 фр.
Обѣдъ — 20 фр. и à la carte
ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА:
Среда — ботвинья; четв. — чахохбили; пятн. — царскій студень; субб. — разсольникъ; воскр. — поросенокъ; пон. — бефъ-бун; вторникъ — пельмени.
Ежедн.:кулебяка, блины, осетрина, рябчики, чахохб. гурьев. каша
Самый элегантный и уютный русско-французскій ресторанъ Парижа

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ **П. РИХТЕРЪ, Рига**
Представительница Е. Михайловская
9, RUE AUGUSTE-VITU, PARIS (15). Métro : Javel. Tél. Vaugirard 65-59
Гарантир посылки съ мыломъ
и др. наилучш. латвійскими продуктами въ Россію безъ ограниченія нормы. Получатель не несетъ никакихъ расходовъ. — Кратчайшій срокъ доставки. Самыя дешевыя цѣны. — Пріемъ заказовъ ежедневно, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней съ 9 час. утра до 9 час. вечера.

PAUL LIEBENSOHN
3, Cité de Paradis, 3 — PARIS (10e)
Téléph.: Provence 05-17 Métro : Poissonnière
Деньги, продукты и вещи въ Россію
(Спеціальная контора).
Гарантир. выполн. экспрессомъ. Посылки съ оплач. пошл. въ 5 кило. начиная отъ 67 фр., въ 10 кило нач. отъ 132 фр. Первокл. кач. товар.
Требуйте проспекты.

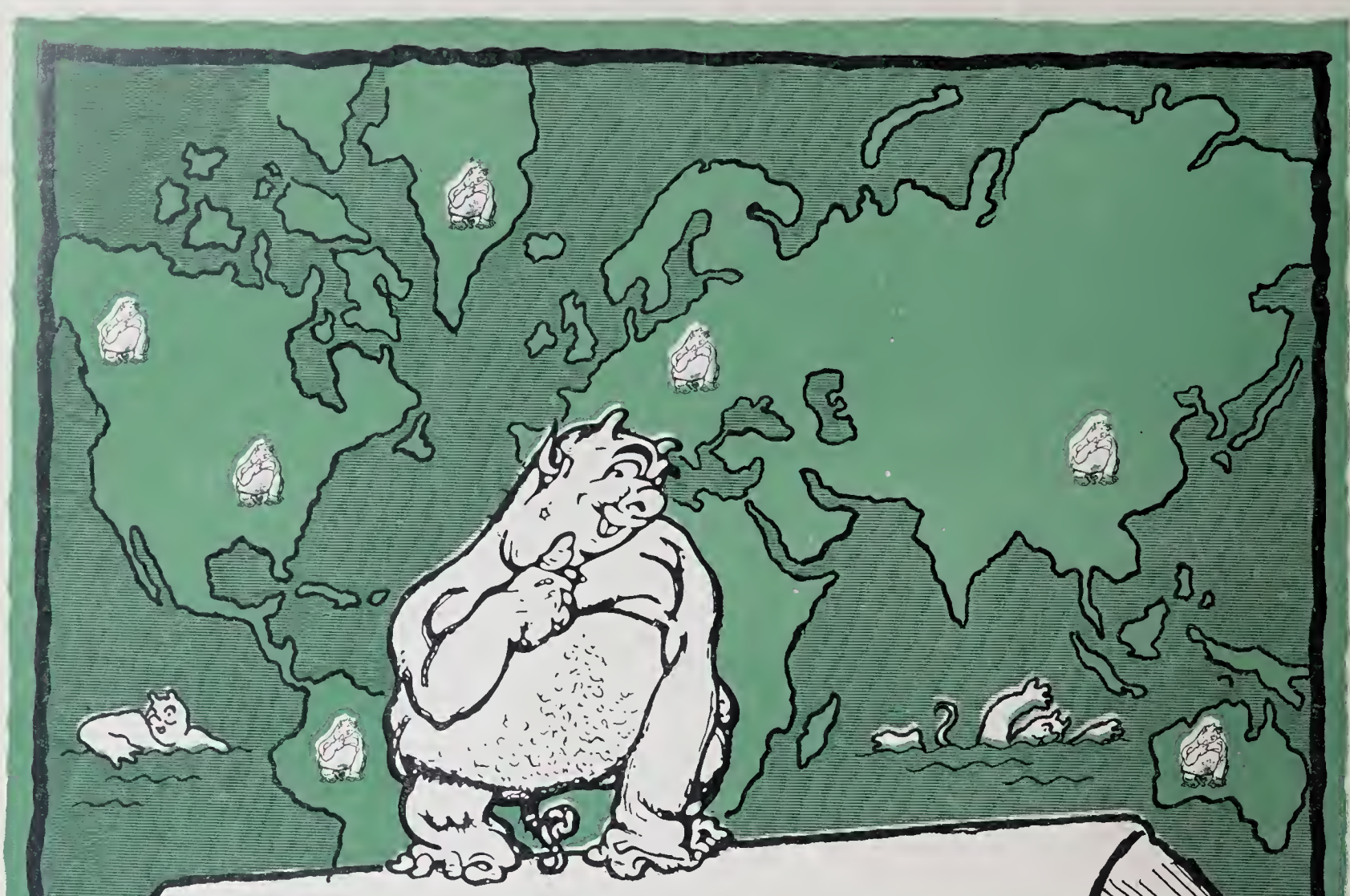
Обществсо Взаимнаго Кредита „СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9e) Tél. : Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрышн. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) 10-4 ч. безъ пер.

ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ
И ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ
Земскій Союзъ
UNION DES ZEMSTVOS RUSSES
12, rue Blanche, Paris (9).

ВОРИДИ и ГРУШКО
(Voridi & Grouchko)
6, RUE DE PROVENCE, PARIS (9)
Métro : Le Pelletier et Richelieu-Drouot. Téléphone : Provence 36-39
ОТПРАВЛЯЕМЪ
Посылки въ Россію съ оплаченн. пошлиной по наивыгодн. цѣнамъ
Получателю выдается посылка безъ доплаты
И ВПРЕДЬ ГАРАНТИРУЕМЪ ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО ПРОДУКТ.
И БЫСТРУЮ ДОСТАВКУ

Impr. d'Art Voltaire, O. Zeluk, Directeur; 34, rue Richer Paris IX.

Le Gérant: N. Kornfeld.



ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

на Еженедѣльный Журналъ Сатиры и Юмора

Сатириконъ

Отъ редакціи

Для того, чтобы сдѣлать **"Сатириконъ"** своей настольной книгой, надо:

— прежде всего аккуратно складывать его номеръ за номеромъ;

— затѣмъ, всѣ собранные номера переплести въ изящный переплетъ;

— а въ концѣ подписного года посмотрѣть на себя въ зеркало и въ восторгѣ воскликнуть:

Боже, какое у меня одухотворенное выраженіе лица и какой тонкій взглядъ на вещи!

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи . . . . . Frs	135.—	105.	70.	36.	12.50
Въ странахъ, не вход. въ ставъ Всем. Почтоваго Союза	160.	125.	80.	42.	15.
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза	177.—	137.—	88.—	46.	17.

Адресъ Редакціи и Конторы: 51, **RUE VIVIENNE, PARIS (2)**

Téléphone : GUTENBERG 05-40

PRIX EN FRANCE : Frs 3. 19 СЕНТЯБРЯ 1931. 19 SEPTEMBRE 1931 ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

САТИРИКОНЪ

SATYRICON

1931 ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ № 25

Hebdomadaire Russe *Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e)* *Directeur M. Kornfeld*

ВЪ ДНИ МІРОВОГО КРИЗИСА
LA CRISE

Рис. Шварца.

— Отчего Вы плачете?
— Какъ же мнѣ не плакать: не могу ничего купить! А вы?
— Какъ же мнѣ не плакать: не могу ничего продать!

— Pourquoi pleurez vous?
— Hélas! Je ne puis rien acheter. Et vous-même?
— Hélas! Je ne puis rien vendre.

КЪ ПОЗНАНІЮ РУССКОЙ ИСТОРІИ

(Политическіе темпераменты)

Рис. А. Шараго.

СТРУВЕ (вбѣгаетъ справа): — **Пожаръ! Горимъ! Спасайте сь!...**
МИЛЮКОВЪ (входитъ слѣва): — **Милостивыя Государыни и Милостивые Государи! Считаю необходимымъ констатировать фактъ: въ нашемъ домѣ только что обнаруженъ огонь.**

БАБЬЕ ЛѢТО

Вотъ опять это бабье лѣто,
Въ примиренностью, съ неизбѣжностью.
Ахъ, нанъ быстро пѣсня спѣта...
Со слезой, съ величайшей нѣжностью!

Помнишь домъ на зеленой горкѣ,
Въ четырехъ верстахъ отъ станціи?
Помнишь запахъ рябины горькій;
Котораго нѣтъ во Франціи?...

Помнишь, какъ взлетали качели
Надъ садомъ, надъ полемъ скошеннымъ,
И пѣсню, которую пѣли
Дѣвушки въ платьяхъ въ горошину?

Помнишь, какъ мы дразнили эхо,
И въ старомъ лѣсу березовомъ
Снольно, Господи, было смѣха,
Снольно дѣвушенъ въ бѣломъ, въ розовомъ.

А когда темносиній вечеръ
Надъ земными вставалъ покоями,
Помнишь, какъ зажигали свѣчи,
Въ гостинной съ голубыми обоями.

Гдѣ стояли важныя кресла
И турецній диванъ съ узорами,
И гдѣ было танъ чудесно
Упиваться Тремья Мушнетерами...

И пришелъ вѣтеръ съ пустыни
Съ завываніемъ, съ всхлипами, съ всплеснами,
И нашъ милый домъ съ мезониномъ,
Съ бѣлыми занавѣсками,

Застоналъ, зашатался, рухнулъ
Всѣми своими сваями.
И на падаль, на тлѣнъ, на рухлядь
Воронье налетѣло стаями.

Нинто ничего не знаетъ...
Будетъ нѣкій часъ, и услышимъ мы,
Вотъ, опять закатъ догораетъ,
Надъ чужими, счастливыми нрышами.

Вотъ опять это бабье лѣто
Въ примиренностью, съ неизбѣжностью.
Ахъ, какъ быстро пѣсня спѣта...
Со слезой, съ величайшей нѣжностью!...

Донъ-Аминадо.

ИДЕОЛОГИЧЕСКІЙ ПЕРЕМОНТАЖЪ

Если, какъ писалось когда то въ цирковыхъ афишахъ:

— Надо видѣть, чтобы вѣрить!

Разсказывалъ мнѣ объ этомъ одинъ почтенный человѣкъ съ совѣтскимъ паспортомъ и съ трехмѣсячной визой.

Почтенный человѣкъ пріѣхалъ воздухомъ подышать, на другихъ посмотрѣть, и себя показать.

Вздыхалъ и разсказывалъ.

— Работаю я, какъ вамъ извѣстно, по синематографической части.

Кормлюсь отъ Великаго Глухонѣмого, и считаюсь спецомъ.

Оффиціальный же титулъ мой такой:

Сверхштатный вольному найму идеологическій перемонтеръ.

Не пугайтесь, а слушайте.

Дѣло заключается въ томъ, что совѣтскій нашъ фильмъ осточертѣлъ публикѣ до невозможности. Жизнь бѣдна, скучна, однообразна, а ежели вамъ при этомъ изо дня въ день и изъ года въ годъ станутъ еще преподносить такую планетарную пошлятину, какъ «Дѣтство и отрочество Ильича», или «Жизнь красноармейца», то вы и совсѣмъ заскучаете.

Публику, хоть ты ей колъ на головѣ теши, уже никакимъ міровымъ пожаромъ въ синематографъ не заманишь.

А ты подавай ей веселую заграницу со смокингомъ, съ чарлстономъ, со всякими этими вашими ведэттами, Мистангетами, мэтръ-д-отелями и прочими соблазнами дьявола. — Пусть, — говорятъ, — хоть глазами оттедова помигаетъ...

Вотъ, значитъ, наши наркомпросы и геній и додумались.

Фильмъ, стало быть, заграничный, а надпись къ нему совѣтская.

Съ экрана тебѣ, стало быть, смокингъ мигаетъ, а подъ нимъ — сермяга — написано.

Эффектъ, разумѣется, окончательный. И публика довольна, и наркомпросамъ спокойно.

А на сей предметъ и словечко придумано:

— Идеологическій перемонтажъ...

А дѣлается это такъ.

Картина, скажемъ называется:

— «Безумная ночь Кэтти Дерваль».

Берешь, карандашъ, пишешь:

— «Восьмичасовой день работницы Кати».

Хорошо-съ. Теперь дальше.

На экранѣ изображенъ ночной дансингъ. Негры, надувши свои негритянскія щеки, во всю жарятъ на саксофонахъ.

На столахъ фрукты, шампанское. Оголенныя женщины, изысканные кавалеры, до упаду откалываютъ фоксъ-троттъ. А на первомъ планѣ — рыжеволосая Кэтти Дерваль, актриса изъ мюзикъ-холля, въ обнимку съ какимъ то напомаженнымъ щеголемъ Гастономъ, ведетъ свой честный заграничный разговоръ:

— «Тю м-эмъ, Гастонъ?

— Ж-т-адоръ, Кэтти!

— Ди муа, ктю-м-эмъ!..

— Же-тэ-ди, кэ тю м-афоль!..

— Э сэ пуръ — тужуръ?

— Э сэ пуръ — тужуръ!...

И такъ далѣе.

Вотъ тутъ, стало быть, идеологическій перемонтажъ и требуется.

Берешь карандашъ, и пишешь:

— «Разлагающаяся буржуазія безстыдно пляшетъ вокругъ золотого тельца, словно предчувствуя неизбѣжную близость коммунистической революціи, идущей гигантскими шагами все впередъ и впередъ.

И тѣмъ болѣе рельефна на фонѣ всеобщаго разврата эта сознательная работница Катя, уставшая послѣ восьмичасового рабочаго дня и все таки пришедшая на сходку съ комсомольцемъ Яшей.

— О чемъ ты думаешь, дорогая Катя?

— Я думаю о качествѣ продукціи, милый Яша!...

— Не пойти ли намъ въ ближайшій кооперативъ, чтобы зарегистрировать нашу любовь, Катя?

— Пойдемъ, пожалуй...

И, дружно обнявшись, молодые люди сомкнутыми рядами покидаютъ этотъ жуткій и гнилой рокфоръ Запада и идутъ навстрѣчу свѣтлой зарѣ будущаго подъ мощные звуки интернаціонала, исполняемаго этими грозно-возставшими неграми, которыхъ вы видите, граждане, передъ собой!...».

К. Срашноватенко.

УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

Рис. Вл. Бѣлкина.

— Отчего ты разошелся съ Мэри?

— Представь себѣ: когда я ее вчера поцѣловалъ, отъ нея несло табакомъ.

— Ты развѣ не выносишь курящихъ женщинъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, но она то не куритъ!

ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ.

Для другихъ, они, можетъ, и не проклятые. А то, можетъ, и вовсе ихъ нѣтъ. Но для меня, долженъ признаться, все вопросомъ оборачивается, что-бы въ голову ни пришло. И если отвѣта не вижу — вотъ и проклятый вопросъ.

Почему, напримѣръ, пишутъ у насъ всякія «Исторіи», а никто еще не выпустилъ «Исторію» эмиграціи? Ну хотя бы литературной эмиграціи? Или, если ужъ пошло на спеціализмъ, исторіи сатиры въ эмиграціи? Думаютъ, рано, что-ли? Я вотъ тоже думалъ — рано. Какая у насъ исторія, вчера пріѣхали, завтра уѣдемъ... А оглянулся назадъ — батюшки! Иное, изъ той же литературы нашей, и даже сатирической, такъ далеко и такъ на сегодняшнее не похоже, истинная исторія!

Такой, скажемъ, случай, — весьма древній. Приходитъ ко мнѣ пріятель, Антонъ-Горемыка. Я его люблю: и теска да и насчетъ стихотворчества: самъ я плохъ, онъ же умѣетъ изобразить порой стишки гладенькіе. А горемыка — подлинный: нигдѣ его не берутъ, онъ ужъ и упованіе потерялъ, для себя пишетъ, такъ. Или письма въ стихахъ.

Пришелъ, онъ тогда ко мнѣ и говоритъ: пишутъ въ одной газетѣ три сатирика, а я ихъ различить не могу. Можетъ, это все одинъ и тотъ-же?

Я подумалъ и отвѣчаю: можетъ. А ты ихъ спроси. — Спрашивалъ. Послалъ въ редакцію стишокъ, деликатно объяснилъ, читаю, молъ, и не понимаю, кого: этого-ли — того-ли, Лоллія-ли, Лоло-ли, Лери-ли; трое-ли ихъ, не одинъ-ли?

— И чтожъ?

— Да чтожъ. Отвѣтили печатно (тотъ-ли, этотъ-ли — безъ подписи): приходите, молъ, глупый обыватель, въ редакцію. мы вамъ всѣхъ тропхъ покажемъ, да поучимъ, кстати, какъ стихи писать. А я не плоше ихъ написалъ, еще ихъ бы поучилъ. Кончилъ такъ: «Одинъ — только Донъ-Аминадо... Впрочемъ, объ этомъ не надо».

Я даже руками всплеснулъ.

— Зачѣмъ-же ты это? Развѣ можно? Ну вотъ, оттого и нагоняй, оттого ты и горемыка: непремѣнно у тебя что нибудь неполитичное! Ладно, давай мнѣ стишки въ архивъ.

Обѣщалъ, да послѣ куда-то они запропастились. Развѣ — не «исторія?» Ну кто теперь помнитъ, что въ старомъ струвьевскомъ «Возрожденіе» всѣ три сатирика вмѣстѣ сидѣли, хорошую погоду дѣлали? Теперь ужъ всѣ знаютъ, что ихъ трое, когда ихъ по разнымъ мѣстамъ разметало. Какую газету возьмешь, по ней того и найдешь. И не смѣшаешь.

Годы между тѣмъ, идутъ. Опять является мой Горемыка. Я, говоритъ, не могу. Я теперь самому Дону Аминадѣ стишокъ написалъ.

Тутъ я испугался. Нѣтъ, убѣждаю, ты ужъ его оставь. Да чего тебѣ? Онъ-то ужъ одинъ разъединственный.

— Знаю, что разъединственный. А только зачѣмъ у него въ одно время и сирень, и липы цвѣтутъ? Это мнѣ обидно.

— Покажи.

Показалъ. Дѣйствительно.

— Хорошо, говорю. А не обидно тебѣ, что у Зайцева цвѣтутъ одновременно и черемуха, и жасмины? Да постой, постой...

Снимаю ему съ полки книгу.

— Это что? Изъ подъ куста ландышъ серебристый головой киваетъ, а въ саду слива, и ужъ малиновая, слава Богу! Это какъ тебѣ нравится? Напиши впередъ г-ну Лермонтову, а потомъ ужъ на Дона Аминадо обижайся!

Пріятель, конечно, сконфузился, забормоталъ что-то, что мы, молъ, въ эмиграціи, такъ надо слѣдить... впрочемъ махнулъ рукой на протестъ. Въ архивъ мнѣ отдалъ.

Увидѣлъ, кстати, въ архивѣ одну вырѣзку, и просіялъ.

— Да, вотъ это — ничего не говорю, это — шедевръ! Я Донъ-Аминадо всегда отличалъ, а какъ эту штуку увидѣлъ — просто хоть «умри, Денисъ!» Наизустъ знаю.

Тутъ мы сошлись, потому что я тоже наизустъ. И по сю пору, ей Богу, — а кто помнитъ? Пожалуй и самъ Донъ-Аминадо забылъ, а какъ-же въ исторіи эмиграціонной сатиры безъ этихъ строкъ обойтись? Да хоть бы теперь перепечатать: сколько лѣтъ этой штукѣ, исторія, а вотъ будто про всѣхъ насъ, съ евроцейпами, сегодня! Только отъ исторической перспективы оно углубилось. Да, «не углемъ краснится домикъ...» Если Донъ-Аминадо забылъ — я ему могу напомнить, для перепечатки.

А насчетъ общей эмигрантской литературы — такой проклятый вопросъ: почему в с ѣ наши писатели — талантливы?

Сначала, конечно, поднялся вопросъ: дѣйствительно ли- всѣ талантливы? Но онъ-то былъ рѣшенъ. Собрались какъ то у меня молодыя литературныя «сливки». Ну, не очень молодыя: «второе» поколѣніе, каждому лѣтъ подъ сорокъ. Люди свѣдущіе, и компанія все пріятельская, говорятъ безъ стѣсненія, но — по совѣсти. И стали мы искать, кто въ эмиграціи изъ пишущихъ, безъ разбора поколѣній, не талантливъ? Думали-думали — ни одного не нашли. Назвалъ кто-то нерѣшительно два-три имени... но тотчасъ согласился, что и тутъ не безъ дарованія. Ужъ не говорю, сколько нашли мы талантливыхъ о ч е н ь .

Фактъ, значитъ, на лицо. Рѣшали, вѣдь, по совѣсти, не для печати, между собой... И ни единаго безъ таланта! Вотъ и вопросъ, — что же это такое? Если это правило, то должны быть исключенія. Пусть кто нибудь скажетъ (только по совѣсти!), что онъ знаетъ хоть одно исключеніе — и я успокоюсь. Тогда — правило. Мало-ли какія правила на бѣломъ свѣтѣ эмигрантскомъ! Но пока необъявилъ никто, что бездарность (полная) есть — проклятый вопросъ такъ и останется проклятымъ.

Не считая множества другихъ, не менѣе проклятыхъ.

Антонъ Крайній.

ПАНОПТИКУМЪ

Исторія интересная не на шутку —
Вотъ причина языкомъ похлопать кумѣ:
Лилипутъ Иванъ Иванычъ полюбилъ лилипутку,
Встрѣтясь съ ней въ одномъ паноптикумѣ.

Два лота всего, если бъ взвѣсить можно,
Было сердце лилипута, но
Любить сильнѣе все равно невозможно.
Хотя бы вытянуло даже пудъ оно.

День за днемъ проходилъ въ угарномъ флиртѣ, —
Ахъ не даромъ ихъ дороги скрещены, —
Заключилась любовь подлѣ банки, гдѣ въ спиртѣ
Плавали близенцы — чада Сіамской женщины.

Съ изысканной манерой парижанина или вѣнца,
Сжимая страстно смѣшные пальчики,
Онъ цѣловалъ, упавъ на кривыя колѣнца,
Лилипуткиныхъ щекъ дряблые овальчики.

А изъ за статуи осыпаннаго нафталиномъ
И апетитнаго для моли Пія Пятаго,
Надъ Иванъ Иванычемъ кто то взмахнулъ графиномъ
И квасомъ облилъ съ головы до пятъ его.

Исторія интересная не на шутку, —
Вотъ причина языкомъ похлопать кума:
Подстерегъ съ лилипутомъ лилипутку
Хозяинъ того паноптикума.

Два лота всего, если бъ взвѣсить можно,
Было сердце лилипута, но
Страдать сильнѣй все равно невозможно,
Хотя бы вытянуло даже пудъ оно.

В. Г.

Рис. Александра Н. Бенуа.

И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
Въ сѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
Гдѣ миртъ благоухалъ и липа трепетала, —
Тамъ нынѣ, угли, пепелъ, прахъ:
Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней нощи
Веселье шумное туда не полетитъ;
Не блещутъ ужъ въ огняхъ брега и свѣтлы рощи;
Все мертво, все молчитъ.

Пушкинъ.

БРАЧНЫЙ ВОПРОСЪ

(Сюрреалистическій романъ).

Логика событій:

Капитану Мунвински (Самоюнову тоже), нужно было соціальное обезпеченіе на старость, каковое онъ мыслилъ въ видѣ просвѣтительнаго клуба со спиртными напитками для моряковъ въ Макао. Пароходной Компаніи (Линія: въ хорошую погоду Сингапуръ — Зондскіе острова; въ дурную — Сингапуръ — куда придется), совсѣмъ не было нужно старое, выслужившее всѣ сроки судно, которымъ командовалъ капитанъ, но нужна была страховая премія. Соотвѣтственно на суднѣ, когда оно болталось у береговъ Суматры, вспыхнулъ пожаръ. Вслѣдствіе полагающейся въ такихъ случаяхъ паники въ шлюпки успѣла погрузиться только команда, тогда какъ нерасторопные пассажиры продолжали рейсъ при помощи спасательныхъ поясовъ, скамей, досокъ, а кто по спортсменистѣй, просто при помощи наличныхъ конечностей.

Въ положеніе сихъ послѣднихъ оказались, между прочимъ, Барнабасъ Пэмпкинъ (Варнава Тыквинъ тоже), и его невѣста Марджори (Мордарія).

Перебираясь они изъ страны тайнаго винокуренія и явнаго бандитизма на островъ оранъ-утанговъ, гдѣ проживалъ неосторожный авторъ Варнавиныхъ дней, предпріимчивый янки, ведшій удачную мѣновую торговлю съ даяками: въ обмѣнъ на сильно поношеные американскіе пиджаки, фраки и смокинги онъ получалъ слоновую кость, золото, жемчугъ и пр. мелочь домашняго обихода дѣтей природы. (Штаны не шли, даяки до сихъ поръ, несмотря на героическія усилія галландскаго правительства, питаютъ къ этой принадлежности туалета суевѣрное отвращеніе).

Въ этомъ путешествіи Варнаву и Мордарію объединяли (какъ это часто бываетъ съ враждебными политическими партіями), совершенно противоположныя цѣли: Мордарія ѣхала туда, чтобы вылупиться изъ довольно таки подержаной хризалиды полудѣвы въ видѣ роскошной бабочки миссисъ Пэмпкинъ, а Варнава ѣхалъ туда же съ отрицательной цѣлью самоубійства — жениться на Мордаріи.

Ходъ событій:

Англо-саксы всѣ масоны. Бога не признаютъ, но въ существованіе Великаго Архитектора вѣрятъ. Вѣра же двигаетъ горами, а не то что нѣсколькими десятками кило женскаго тѣла, удѣльный вѣсъ котораго (вслѣдствіе ласкающихъ мужской глазъ запасовъ жира), меньше воды. Неудивительно поэтому, что послѣ двухчасовой добросовѣстной работы мистеръ Пэмпкинъ благополучно прибуксировалъ сладкій грузъ къ пустынному атоллу, который мудростью Промысла оказался на пути его крейсированія.

Въ табели дѣйственныхъ добродѣтелей (ср. этику Бердяева и ихъ же съ нимъ), слѣдующей за вѣрой силой значится оптимизмъ. Сей послѣдній заставилъ Пэмпкина придти къ выводу, будто главное дѣло сдѣлано: остается только дождаться случайнаго судна, которое переброситъ любящіе сердца и остальныя части спасшихся тѣлъ на болѣе гостепріимные берега. Съ этимъ выводомъ, однако, не согласилась дорогая Марджори, кротко возразивъ:

— Дуракъ!!! Прежде чѣмъ это случится, мы подохнемъ отъ голода и жажды!

Барнабасъ, который досель назывался Варнавочкой, милымъ, дорогусей и даже Варнавусенькой, слегка удивился этому новому ласкательному выраженію, но, какъ человѣкъ объективный, рѣшилъ, что во второмъ предложеніи его невѣсты есть извѣстная доля истины. Посему онъ немедленно отправился на поиски питьевой воды и съѣдобныхъ предметовъ.

Суммарное обозрѣніе островка, черезъ который блоха среднихъ лѣтъ могла перепрыгнуть безъ разбѣга, обѣщало сравнительно мало. Ландшафтъ былъ хуже, чѣмъ въ Совѣтской Россіи. Если тамъ нормальный невооруженный глазъ видитъ обширную равнину, оживленную кое гдѣ чипами Г.П.У., то здѣсь, кромѣ обломковъ коралловъ и острой гальки, ничего нельзя было замѣтить. Однако, успѣшная развѣдка установила наличность выбоинъ, наполненныхъ старой, хорошо выдержанной, ароматно-дождевой водой. Къ этому водопою Варнава поспѣшилъ привести свою невѣсту. Послѣдняя, посмотрѣвъ на натуральную настойку, при видѣ которой спеціалистъ по микробіологіи при-

шелъ бы въ восторгъ, объявила, что «эту гадость пусть пьетъ Варнава», и отвернулась съ негодованіемъ, добавивъ нѣсколько новыхъ ласкательныхъ, словъ, которыя Варнаву опять немного удивили.

Вслѣдъ за тѣмъ, безъ всякой увертюры, Мордарія залилась слезами и стала проклинать въ послѣдовательномъ порядкѣ: 1) Варнаву, вовлекшаго ее въ невыгодную сдѣлку, 2) Варнаву-же, который помѣшалъ ей выйти замужъ за м-ра Нокаута, владѣльца обширнаго ранча въ Техасѣ, 3) опять Варнаву, который такой,-сякой-этакой, и т. д.

Варнава слушалъ и удивленіе его переходило въ изумленіе. Желая смягчить положеніе спасительнымъ юморомъ, онъ замѣтилъ:

— Вѣдь вотъ ты увѣряла меня, что ты безприданница, а оказывается, у тебя такой богатый запасъ ласкательныхъ словъ...

Въ подтвержденіе сего вывода Варнава получилъ еще нѣсколько болѣе или менѣе точныхъ квалификацій своей персоны.

Какъ всѣ англо-саксы, Варнава былъ джентльмэнъ, и потому онъ реагировалъ на открывшуюся серію сценъ лишь легкимъ ѣподозрѣніемъ, что характеръ его возлюбленной далеко не такъ пріятенъ, какъ ему казалось доселѣ. Будучи же человѣкомъ долга и ощущая замѣтный аппетитъ, онъ отправился вновь въ съѣстную экспедицію.

Обѣжавъ островокъ и убѣдившись, что становиться въ очередь за полученіемъ пайка у скудной природы нѣтъ никакого смысла, онъ рѣшилъ поискать среди прибрежныхъ скалъ какихъ-нибудь съѣдобныхъ тварей. На сей конецъ онъ сложилъ на берегу свой несложный костюмъ (пиджаму, тк. кк. пожаръ возникъ, конечно, ночью), и вошелъ въ воду. Но «развѣ знаешь гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь»? Когда онъ, не обрѣтя ничего съѣстного, вышелъ на сушу, то убѣдился, что вѣтеръ унесъ его костюмъ въ море.

Появленіе Варнавы въ спецъ-одеждѣ Адама до грѣхопаденія передъ его невѣстой вызвало такой взрывъ негодованія, что вышеуказанное подозрѣніе въ немъ окрѣпло, а кромѣ того онъ сдѣлалъ цѣнное наблюденіе, что его собственное настроеніе начинаетъ портиться. Путемъ сложныхъ діалектическихъ пріемовъ ему удалось исторгнуть, изъ рукъ Мордаріи ея сумочку (съ которой она не разставалась, ибо въ ней замключались зеркальце, пудра и красный штифтикъ), для прикрытія стыда. Сей трофей онъ и прикрѣпилъ кос какъ къ своимъ бедрамъ.

Щадя кассу редакціи, минуемъ психологическую метаморфозу голодающихъ. (Необходимыя свѣдѣнія читатели могутъ почерпнуть въ изслѣдованіяхъ психіатровъ и въ трудахъ авторовъ приключенскихъ романовъ). Отмѣтимъ лишь, что Мордарія сравнительно быстро привыкла къ цѣлебной, гнилой дождевой водѣ, но къ голоду привыкнуть не могла. Соотвѣтственно она съ каждымъ днемъ устилала жизненный путь Варнавы все гуще не столь розами, сколь шипами. Оно понятно: и у англо-саксоновъ голодъ не значится въ числѣ ближайшихъ попечительныхъ родственниковъ.

Отсутствіе авторитета по вопросу о леченіи голодомъ (А. А. Суворина), привело вскорѣ къ тому, что Варнава, какъ джентльмэнъ, не будучи въ силахъ выносить двойную тяжесть мукъ голода Мордаріи и поношеній собственной персоны, предложилъ своей невѣстѣ утолить голодъ при помощи его, Варнавы, крови. Мордарія съ такимъ наслажденіемъ впилась въ мужественно-благородно протянутую ей джентльменскую руку, что Варнава сразу пришелъ къ уразумѣнію ряда вѣчныхъ истинъ, въ томъ числѣ и той, что его возлюбленная порядочная таки фурія. Акціи же его самочувствія упали еще на нѣсколько пунктовъ.

Прецедентъ — источникъ права. Въ силу этого, кормленіе Мордаріи кровью возлюбленнаго быстро стало обычнымъ правомъ. Столь же быстро Варнава установилъ, что въ сущности онъ состоитъ яко-бы въ бракѣ, хотя и внѣ его (въ виду отсутствія благословенія церкви и санкціи государства), а равно, что этотъ бракъ принялъ скоротечную форму: самъ онъ быстро слабѣлъ, тогда какъ Мордарія и ея монологи крѣпили. Онъ слушалъ сіи послѣдніе съ такимъ же удовольствіемъ, какъ тюлень радіоконцертъ, смущенно поправляя сумочку на запавшемъ животѣ.

Кто сказалъ А, долженъ сказать Б. Въ одинъ дѣйствительно прекрасный день (прошелъ дождь и запасы гнилой воды разжижились), Варнава, какъ всегда, сервировалъ своей возлюбленной очередной лэнъ. Послѣдняя, однако, не удовлетворилась утомительно однообразнымъ меню изъ спартанскаго кровяного супа, а начала жадно пожирать мясо возлюбленнаго. Смѣшаныя цвѣта Варнавы испытали небывалый подъемъ. Въ глазахъ его закружились тучи серебряныхъ и золотыхъ комаровъ. Онъ потерялъ сознаніе трехмѣрнаго пространства.

Когда Варнава очнулся, онъ констатировалъ два факта: во первыхъ, что онъ значительно окрѣпъ, и, во вторыхъ, что онъ загрызъ свою возлюбленную.

Послѣ нѣкотораго періода такого психическаго состоянія, которое читатели пусть не полѣнятся нарисовать подробно сами (на основаніи выше упомянутыхъ изслѣдованій психіатровъ и трудовъ авантюрныхъ писателей), къ Варнавѣ вернулась способность логическаго мышленія, которое привело его къ ряду цѣнныхъ наблюденій и выводовъ. Онъ установилъ фактъ отсутствія чувства голода, убѣдился въ исчезновеніи мучительныхъ монологовъ Мордаріи, ощутилъ вкусъ вновь пріобрѣтенной свободы холостого бытія и привѣтствовалъ (какъ практичный англо-саксъ), наличность значительныхъ запасовъ мясной пищи. Крѣпко посоливъ дорогіе останки морской солью, онъ соорудилъ изъ пиджамы былой любви флагъ и поручилъ дѣло своего спасенія случайному судну.

На зло пессимистамъ такое судно замѣтило знакъ бѣдствія Варнавы, какъ разъ когда онъ доѣдалъ послѣдній кусокъ брачной солонины. Овдовѣвшій до брака былъ доставленъ въ ближайшій портъ въ сравнительно уштанномъ состояніи.

. . . . . .

Прошли годы. Нынѣ Варнава Пыквинъ (Барнабасъ Пэмкинъ тож.), уважаемый негоціантъ Питсбурга (Иллинойсъ), и членъ мѣстнаго фешенебельнаго клуба Сухихъ Сломовъ. У него цензовая лысина, брюхо, на которомъ можно играть въ преферансъ вчетверомъ съ прикупкой, и внушительной текущій счетъ. Всѣ говорятъ, что ему пора жениться. Но когда кто-нибудь изъ его друзей настаиваетъ на этой мысли слишкомъ энергично, Варнава съ загадочно-блаженной улыбкой отвѣчаетъ: «И ты хочешь чтобы я женился?! Я, единственный человѣкъ въ мірѣ, который удачно разрѣшилъ брачный вопросъ?!».

Г. Татаровъ.

CAMPING

Рис. Ницше.

— Господа вотъ мы послушали пятый дискъ подрядъ безъ дождя: такого продолжительнаго солнечнаго просвѣта въ этомъ году еще не было!

БЕЗЪ ЧЕТВЕРТИ ДЕВЯТЬ

Рис. А. Гросса.

— А еще надо одѣться, намазаться, приготовить кофе, накормить дѣтей, попасть въ автобусъ, и быть къ девяти на службѣ.

АМЕРИКАНСКІЙ БЫТЪ

Идеальная организація.

Образовательный цензъ священника.

До какой высоты взвинченъ этотъ цензъ острой борьбой за существованіе, явствуетъ изъ слѣдующей рекомендаціи кандидата на штатное мѣсто священника въ Илимутѣ (Сѣв. Каролина), напечатанной въ мѣстномъ органѣ Беаконъ:

«Достопочтенный М-ръ Маршалъ окончилъ курсъ подготовки священослужителей, школу ядовитыхъ газовъ, имѣетъ газовые ожоги на шеѣ и на носу. Онъ выдержалъ эпидемію инфлуэнцы, во время которой присутствовалъ при всѣхъ смертяхъ и посмертныхъ вскрытіяхъ, будучи отвѣтственнымъ передъ правительствомъ лицомъ въ дѣлѣ опознанія и сохраненія всѣхъ труповъ. Онъ былъ свидѣтелемъ смерти 748 человѣкъ, въ сентябрѣ 1918 года. Состоитъ членомъ Масонской Ложи, Рыцаремъ Храма, Кавалеромъ Ордена Ипфіи и Плотникомъ».

Съѣздъ дожностныхъ лицъ.

По словамъ нью-іокскаго Ворлдъ, въ гор. Эри (Пенсильванія), работа съѣзда пенсильванскихъ шерифовъ была нарушена налетомъ агентовъ трезвости. Когда агенты и окружной прокуроръ ворвались въ помѣщеніе съѣзда, то шерифы сначала приняли это за шутку. Когда-же дѣло выяснилось, то возникъ правильный кулачный бой. Затѣмъ съѣздъ шерифовъ, перенесъ свои работы въ Доверъ-Портъ (Онтаріо), внѣ предѣловъ досягаемости агентовъ трезвости.

Поваръ — чемпіонъ міра, или просвѣщеніе негровъ.

«Ловитъ, рѣжетъ, ощипываетъ, чиститъ, моетъ, валяетъ въ сухаряхъ и яйцѣ, жаритъ и съѣдаетъ курицу вѣсомъ въ 2 съ чертвертью фунта въ пять минутъ по Вашимъ часамъ». — Этимъ сенсаціоннымъ зрѣлищемъ Филадельфійское Общество Просвѣщенія Негровъ, поднимаетъ культурный уровень сихъ послѣднихъ. Рекомендуемъ Обществу выписать пару десятковъ подданныхъ Сталина, — культурный уровень негровъ испытаетъ небывалый подъемъ.

Экономическое положеніе провинціальныхъ журналистовъ въ Америкѣ.

Редакторъ газ. «Нюгжетъ» (Дахлонега, Георгія), сообщаетъ:

«Одна лэди запросила насъ, хорошо-ли оплачиваетъ журналъ нашъ трудъ. Мы отвѣчали: «Да, сударыня. Видите-ли, провинціальному журналисту не нужно обладать особо стильнымъ или дорогимъ туалетомъ. То есть, мы такого не держимъ. Пара штановъ живетъ довольно долго. У насъ есть два дешевыхъ передника для пользованія въ редакціи, гдѣ мы преимущественно и пребывасмъ. Если сѣдалищная часть нашихъ штановъ уступаетъ, дѣйствію времени и климата, мы одѣваемъ эти передники: — одинъ спереди, другой сзади. Въ случаѣ, если задній передникъ отсутствуетъ, и въ редакцію неожиданно входитъ дама, мы пятимся въ сосѣднюю комнату, гдѣ и пребываемъ, пока посѣтительница не уйдетъ».

Рыцарское отношеніе къ женщинѣ.

По словамъ Ассоціатедъ Прэссъ, въ Джексонвиллѣ (Флорида), 150 мущинъ отпраздновали день субботній тѣмъ, что, раздѣли до нага двухъ женщинъ, вымазали ихъ дегтемъ и вывалявъ въ перьяхъ, пустили ихъ гулять въ такомъ видѣ по городу.

Вниманію комсомола! На этомъ фронтѣ, надо думать, совѣтская молодежь свободно Америку перегнать сможетъ.

Біологическій феноменъ.

Издающаяся въ Бэрнсѣ (Орегонъ), газета Таймсъ-Геральдъ печатаетъ слѣдующее объявленіе:

«Приносимъ свою сердечную благодарность нашимъ многочисленнымъ друзьямъ за выраженіе сочувствія, по поводу смерти нашего малолѣтняго сына. Подпісп: М-ръ и М-ссъ Глепъ Клеменсъ; М-ръ и М-ссъ Каль Клеменсъ; М-ръ и М-ссъ Клей Клеменсъ; М-ссъ Ч. Кропинъ, М-ръ и М-ссъ Рей Смитъ».

Обращаемъ вниманіе читателей на особенно важную подробность: отцовъ у покойнаго младенца меньше, чѣмъ матерей.

Мощный избирательный пріемъ съ воздвиженіемъ прижизненнаго монумента.

П. И. Флэннингенъ, кандидатъ въ члены совѣта гор. Конпельсвилля (Пенсильванія), сообщаетъ въ мѣстномъ органѣ Дэйли Ньюсъ, что, въ случаѣ если обыватели изберутъ его въ городской совѣтъ, онъ обязуется воздвигнуть на собственныя средства прямо противъ мѣстнаго почтамта, уборную для женщинъ, а около вокзала такое-же учрежденіе, для мущинъ его, Флэннингена, имени.

Вниманію жаждущихъ безсмертія!

Рекордъ точности предсказанія.

Американскіе теологи очень заняты вопросомъ о второмъ пришествіи Христа. Это событіе предвидится и даже описывается довольно точно По словамъ, напр., его преподобія д-ра Джона Рочъ-Стратона (Нью-Іоркъ), «пришествіе Христа затмитъ даже прибытіе Линдберга въ Америку». Достопочтенный Марвинъ Ризъ (Ю. Каролина) увѣряетъ, что «въ теченіе ближайшихъ десяти лѣтъ ось земли получитъ другое склоненіе и Христосъ явится на землю». Но рекордъ побиваетъ нѣкій «знатокъ Библіи»: Убертъ Уоллрэфъ (Миннезота), который возвѣщаетъ: «Іисусъ явится 10 октября 1931 года въ точности съ заходомъ солнца».

Какъ искать работу.

Объявленіе въ Чикагскомъ «Натіональ Миллеръ» (Айдахо):

«Ищу работы. Мельникъ; 46 лѣтъ; имѣю семью, слабъ зрѣніемъ, глухъ на одно ухо, туговатъ на другое. Очень плохо знаю мельничное дѣло, которымъ занимался 25 лѣтъ; много красплъ и работалъ смазчикомъ. Референціи такого рода, что врядъ-ли интересны вамъ, еще меньше мнѣ. Хочу попробовать свои силы Согласны? В. В. Мельнику. Адресъ».

Убѣдительно!

Дѣйствительно убѣдительно.

Слѣдующее объявленіе въ «Ворльдъ», изд. въ г. Чортовс Озеро (!), (Сѣв. Дакота):

«Предупрежденіе: Фланн Петерсонъ! Вамъ воспрещается являться на ферму Мунига, а равно рекомендуется держать насъ подальше отъ телефона фермы. Если Вы не обратите вниманія на это предупрежденіе, Вамъ придется обратить вниманіе на картечный зарядъ. Джонъ Мунигъ».

О ДВУХЪ МУЖИКАХЪ

(Интеллигентская сказка).

Жили два мужика. Одинъ — богатый, завистливый и конечно рыжій: другой — бѣднякъ, простой, ласковый и волосъ въ бородѣ черный съ просѣдью.

Ѣхалъ какъ то непріятный богатый мужикъ съ конной ярмарки. Купилъ на ярмаркѣ трехъ копей и двуколую повую телѣгу. Одного копя въ оглобляхъ гналъ, два другихъ позади привязанные бѣжали. Надо бы съ покупки нѣсни пѣть, да кнутовищемъ играючи съ придорожныхъ кустиковъ листочки сѣчь, забавляться, — а только пѣтъ. Злой мужикъ ѣхалъ, недовольный, совсѣмъ разстроенный. Новая телѣта въ колею не шла, не по здѣшнимъ мѣстамъ была сдѣлана: вершка на три шире. Одинъ бокъ все время выше другого идетъ. Сидѣть неловко, оглобли вихляются, дуга на сторону лѣзетъ и коню противно.

Вотъ меня чортъ угораздилъ, ругался богатый мужикъ, — и телѣгу жаль бросать — хороша телѣга, и въ колею не лѣзетъ — мука будетъ, а не ѣзда!... Еще когда-когда свою колею отъ села до города прокатаю — вѣку не хватитъ!...

Сталъ богатый мужикъ къ селу подъѣзжать. Уже свои мірскія поля пошли. неровное мѣсто, торбы да овражки, тяжело пахать.

Не захотѣлъ богатый мужикъ сразу же домой ѣхать. Свернулъ къ вербѣ, сѣна конямъ подбросилъ, а самъ улегся въ тѣни. о дѣлахъ подумать. неудачей кулацкое свое сердце побередить.

Лежитъ. трубочку закурилъ, дымкомъ комара гонитъ, отвратительными словами ругается. Глядь — въ сторонѣ бѣдный мужикъ пашетъ. Прошла его полоса въ этотъ годъ по самой крутой горушкѣ. Поглядѣлъ богатый мужикъ, какъ бѣдный страдаетъ. и самъ съ собой злорадствуетъ. Тянетъ лошаденка по горбу вверхъ — соха упирается. По ровному мѣсту скачетъ — чуть по зубамъ не бьетъ. Съ горы — новая бѣда: не угонишься. Бѣжитъ, торопится, царапаетъ а не пашетъ.

Остановится бѣдный мужикъ. отретъ лицо рукавомъ, да скажетъ: Фу-ты! Еще разъ остановится опять оботрется и скажетъ: Охъ!

— Слава-те, Господи, не мнѣ это проклятое мѣсто вышло, подумалъ богатый мужикъ, и лицемѣрно перекрестился. А въ это время. смотритъ — два какихъ то человѣка идутъ. Величественные старцы.

— Поглядп-ка, Охъ, сказалъ одинъ. какъ бѣдный умаялся!

— Вижу-вижу, Фу-ты! Работаетъ, да насъ помпнаетъ.

— Сдѣлай ты ему, Охъ, какое нибудь добро отъ души, ты можешь!..

— Сдѣлаю, Фу-ты, сдѣлаю! Завтра вывернетъ бѣдный мужикъ своей сохой кладъ изъ земли. Въ десятъ разъ богаче того мужика станетъ. что сегодня не въ колею съ базара ѣхалъ.

Сказалъ это Охъ и оба пропали, какъ ихъ и не было.

Понялъ богатый мужикъ, что о немъ была рѣчь. Раздосадовался. Даже за бороду себя рванулъ, такой былъ корыстный.

Не допущу! Не желаю! Не быть ему богаче меня. Перехитрю! Эй. Терентій!

Бѣднаго-то мужика Терентьемъ звали.

— Давай, Терентій, уговоръ сдѣлаемъ и нерушимую печать приложимъ. Все мое добро тебѣ дарю. Животину, и домъ. и лавку. И что въ дому, и что въ лавкѣ. И сто рублей денегъ чистымъ серебромъ въ саду, въ горшкѣ, подъ яблоней. Все бери, а коли — сохой у себя на полосѣ завтра кладъ вывернешь — отдай мнѣ!

— Обязательно отдамъ! — согласился сразу же бѣдный мужикъ.

Пошли они въ село, приложили у старосты нерушимую печать и стало дѣло свято.

Получилъ Терентій отъ богатаго мужика все его добро, только новой телѣги не взялъ, чтобы міръ не обижать — колеи не портить. А богатый мужикъ радуется, да думаетъ: подождемъ до завтра!

Ночь миновала, пошелъ на зарѣ Терентій полосу допахивать, а завистникъ уже за вербой лежитъ и приглядывается.

Тяжело Терентію пахать, совсѣмъ мужикъ слабый, остановится, рукавомъ лицо утретъ, да скажетъ — Фу-ты! Еще разъ остановится. опять оботретъ и скажетъ: Охъ!

Смотритъ кулакъ, опять вчерашніе старцы идутъ. Охъ торопится, а Фу-ты отстаетъ.

Подожди! Охъ, — говоритъ Фу-ты, — постоимъ немного, хочу посмотрѣть. какъ Терентій кладъ изъ земли на соху зацѣпитъ.

Пойдемъ, пойдемъ, Фу-ты, отвѣчаетъ Охъ. Никакого клада теперь Терентію не нужно. Онъ уже и такъ въ десять разъ богаче завидущаго лавочника сталъ. Тотъ ему самъ съ дуру да, корысти все отдалъ. Такъ ему и надо мерзавцу этакому!

Какъ заплачетъ завистливый мужикъ, да уже поздно. Назадъ дѣло не повернуть, нерушимая печать поставлена.

Еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ, эту сказку никто не назвалъ бы сатирической. Какъ мѣняются времена!

Петръ Гугулинъ.

КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

Pour ceux qui cherchent à comprendre le sens de la Revolution Communiste.

Рис. А. Шараго.

НАПОЛЕОНЫ: Ворошиловъ и Буденный.

Les NAPOLEON ROUGES : Vorochiloff et Boudenny.

ВЪ МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

Рис. Н. Ильина.

ОНЪ: — Сейчасъ надо будетъ подрисовать тебѣ шелковые чулки.

ОНА: — А ты помнишь номеръ?

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Изъ дневника поэтовъ

Пусть будетъ скроменъ этотъ стихъ,
Я истины ничѣмъ въ немъ не украшу,
Но все жъ не думаю, чтобы любовь другихъ
Похожа чѣмъ нибудь была на нашу.

Мы познакомились не лѣтомъ, а зимой,
И не на пляжѣ, а въ подъѣздѣ
Большого дома съ вывѣской большой
Врача по «носовымъ и горловымъ болѣзнямъ».

Но мнѣ «особымъ» показался свѣтъ
Луны обычной, равнодушной, блѣдной, —
Когда съ тобой, мужчиной среднихъ лѣтъ,
Я встрѣтилась подъ вывѣской врачебной.

Ты не похожъ на юношей античныхъ —
Высокихъ, стройныхъ, щедрыхъ на слова,
Чьи подвиги прославила молва
И въ провинціальной прессѣ и въ столичной,
При видѣ коихъ женщины обычно
Теряютъ голову на мѣсяцъ или два.

О нѣтъ!

Такихъ, какъ ты, не воспѣвалъ никто,
Такихъ, какъ ты, совсѣмъ не любятъ жены,
Но мнѣ и равнодушной, и влюбленной
Ты милъ въ непромокаемомъ пальто.

Увы! къ военной службѣ не пригоденъ
За то, что толстъ, за то что ростомъ малъ,
Онъ, изъ почтенья, матери-природѣ
Претензій никакихъ не предъявлялъ.
Но не стѣсняясь временемъ и мѣстомъ,
Сквозь будничный непроходимый мракъ,
Онъ смѣло рвался къ сердцу поэтессы,
Какъ къ сухопутной женщинѣ морякъ.
И поэтесса ласково и строго,
Какъ подобаетъ падчерицѣ музъ, .
Лишь только руку, руку лишь (ей-Богу)
Позволила поцѣловать ему...

Любимый взоръ въ любимомъ тонетъ взорѣ.
Сомнѣній нѣтъ:
То двѣ души съ архангелами въ хорѣ
Поютъ дуэтъ.
Чего еще, скажите, людямъ надо,
Чего желать? —
Насъ опьяняетъ райская прохлада
И благодать:
Его любить, хватило бъ только силы,
Навѣкъ, навѣкъ...
Такой прелестный, симпатичный, милый
Онъ человѣкъ!

— «Я счастлива, а ты?»
— «Весьма,
«Отъ счастья я схожу съ ума...»
. . . . . .
И я, чтобъ шествовать съ нимъ въ ногу
Съ ума сходила понемногу . . . . . .
. . . . . .

Коварный, отвѣть! Почему и зачѣмъ
Ты адреса мнѣ не оставилъ?!!.
Изъ за тебя я къ нарядамъ и славѣ
Интересъ потеряла совсѣмъ!

Между стульевъ, столовъ и креселъ
Я брожу, и какъ будто въ бреду
Не день, не два, а мѣсяцъ
Цѣлый мѣсяцъ тебя я жду.
Я часами смотрю на знакомый
Палисадникъ съ цвѣтами въ травѣ
И не знаю я, всѣ ли дома,
Всѣ ли дома въ моей головѣ...

Антиной Килькинъ.

ОТКРОВЕННОСТЬ

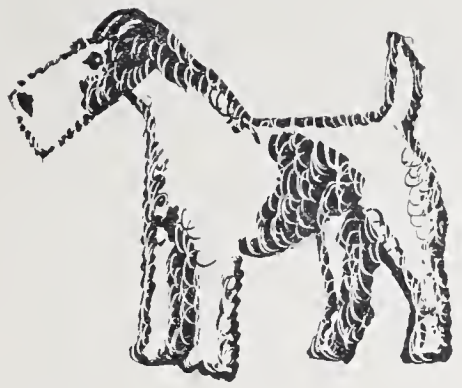
— Подсудимый! Вы судились когда нибудь прежде?

— Не попадался г. судья!..

ПРОГОВОРИЛСЯ

Гость: — Я такъ люблю животныхъ. Ну зачѣмъ вы убили этого зайца, котораго мы сейчасъ ѣдимъ?

Хозяинъ (мрачно): — За что онъ съѣлъ мою канарейку...



ТОЧНАЯ ИНФОРМАЦІЯ

— Опять объ этихъ русскихъ! — воскликнулъ съ досадой Поль Алларъ, выслушавъ отъ своего друга, Гастона Веро, тему новаго, задуманнаго имъ романа. — Да скажи пожалуйста, что ты объ этихъ русскихъ знаешь? Развѣ у тебя есть знакомые русскіе? Вѣдь нѣтъ? Стало быть, и не пиши о томъ, чего не знаешь.

— Однако, — обидѣлся Гастонъ, — я, вѣдь, все же читалъ великихъ русскихъ авторовъ.

— Такъ-то такъ, но когда это все было написано? А, главное, надо писать не по книгамъ, надо писать съ натуры. Теперь русскихъ въ Парижѣ, какъ собакъ. Неужели невозможно распросить настоящихъ, живыхъ людей?

Гастонъ Веро задумался, почесалъ носъ.

— Ну... ты правъ! Однако, гдѣ же я ихъ возьму, этихъ русскихъ? Я ни съ кѣмъ не знакомъ.

— Я тоже. Но это просто. Ихъ царство — Монмартръ. Теперь 11 часовъ. Бери шляпу и ѣдемъ — я угощаю тебя русской эмиграціей!

Въ почти пустомъ вагонѣ метро пріятели очутились напротивъ полной дамы и молоденькой, курносенькой блондинки съ большой картонкой.

Говорили дамы очень громко, на непонятномъ языкѣ.

— Я увѣренъ, что это русскія, — шепнулъ Гастону Алларъ: — только русскіе способны такъ кричать. Должно быть вѣчные снѣга особенно дѣйствуютъ на голосовыя связки и барабанныя перепонки.

На ближайшей остановкѣ полная дама вышла. Блондинка напудрила свой хорошенькій, курый носикъ и кокетливо покосилась на Гастона Веро.

Не теряя времени, Алларъ нѣжно улыбнулся ей.

— Простите нескромный вопросъ, мадемуазелль, Вы — русская, неправда ли. О, я отличу русскую женщину отъ милліона другихъ. Я большой другъ и поклонникъ русскихъ.

Блондинка польщенно засмѣялась.

— Да, я русская, вы угадали.

— Я Алларъ, журналистъ. А это мой другъ, писатель, Гастонъ Веро. Знакомство съ русской дамой — мечта и цѣль его жизни.

Блондинка смутилась. Теперь надо было знакомиться и называть себя — минута доставлявшая ей много непріятностей еще въ саратовской прогимназіи. Правда, для иностраннаго уха «Глафира Ивановна Кошкодралова» звучитъ не хуже, чѣмъ напримѣръ... ну хотя бы княжна Тамара Гагарина. Но прежде чѣмъ Глашенька это сообразила, она произнесла уже вторую фамилію...

Черезъ четверть часа маленькая компанія уже сидитъ въ кафе. Глашенька, категорически отказавшись отъ сандвичей, отпиваетъ крошечными глоточками шартрезъ и чувствуетъ себя очень счастливой, несмотря на то, что подъ ложечкой у нея сосетъ, когда Алларъ аппетитно откусываетъ огромные куски булки съ ветчиной. Глашенькѣ съ утра было скучно. Цѣлый день утомительная работа въ мастерской, вечеромъ пустая комнатка въ плохонькомъ отелѣ. Хорошо тѣмъ, у кого есть хоть что вспомнить! А Глашенькѣ и вспомнить нечего, кромѣ Саратовской прогимназіи да тамошняго мамашинаго роднаго салона. Та же капитель была! Зато сейчасъ Глашенькѣ весело подъ восторженными взглядами французовъ, она чувствуетъ, какъ исчезаетъ куда то Глашенька Кошкодралова и все увѣреннѣе становится княжна Тамара Гагарина.

— Меня интересуетъ, все, рѣшительно все, что касается русскаго быта — взволнованно говоритъ Гастонъ Веро: — разсказывайте обо всемъ съ самого начала. Съ той минуты, какъ ваша семья собиралась утромъ вокругъ кипящаго самовара.

Болѣе безтактнаго вопроса Гастонъ Веро не могъ бы придумать.

Княжна Гагарина въ Глашенькѣ болѣзненно содрогнулась, увидѣвъ возникшій въ глашенькиной памяти мѣдный самоваръ, съ помятыми боками, который приносила по утрамъ прислуга Анисья.

Глашенька внезапно горько обидѣлась.

— Самоваръ! Вотъ еще. Да у насъ изъ самоваровъ только черный народъ пилъ. Мы, всей семьей, съ утра пили это... какъ его... пломбиръ съ цукатами намъ подавали... въ рюмочкахъ... въ золотыхъ...

— О! — удивляется Гастонъ Веро. — Это дѣйствительно ново!! Я не зналъ...

— А потомъ, вы, должно быть, ѣздили кататься на тройкахъ, да?

— Видите, я все таки знаю кое что о вашей родинѣ.

Но Глашенька уже пасторожѣ. Теперь всѣ ея усилія сосредоточены на томъ, чтобы не уронить національнаго достоинства въ глазахъ иностранцевъ.

— На тройкахъ катались?! Да Богъ съ Вами... Это мѣщане, развѣ, на лошадяхъ ѣздили. Мы десять автомобилей держали, а при Дворѣ ихъ было не меньше тысячи. Государыня, напримѣръ, даже лошадей не видала никогда. Былъ такой случай, — мнѣ мамаша сама разсказывала — забѣжала откуда то кобыла во дворъ, такъ государыня прямо на смерть перепугалась, всѣхъ министровъ крикомъ созвала, «кесъ-кесе» лепечетъ, «кесъ ке се? уберите скорѣе», говоритъ «это грубое животное».

Гастонъ Веро опять пріятно пораженъ.

— Какъ, семейство princesse было близко къ придворнымъ кругамъ? Быть можетъ, вы сами видѣли покойную Императрицу?

— Конечно же, я при дворѣ своя была. Прямо со двора не выходила. А мой дядя родной, Степанъ Кошкодраловъ, министромъ двора былъ.

—Одну минутку — перебиваетъ Веро — какъ вы сказали? Кош-ко-драл-офъ?... Позвольте мнѣ записать. Мнѣ очень важно знать русскія аристократическія фамиліи. Глашенька таетъ отъ впечатлѣнія произведеннаго на французовъ настоящей, нечаянно сорвавшейся съ языка, фамиліей. Такое впечатлѣніе она видитъ въ первый разъ.

— Да, да... Это тоже очень знаменитый княжескій родъ. Я, вѣдь, и сама Кошкодралова... То-есть по дядѣ... У насъ по отцу и по дядѣ называются. — «Вотъ... я записываю... princesse Гагаринъ-Кошкодралофъ...

Еще черезъ пятнадцать минутъ Глашенька уже не испытываетъ никакихъ сомнѣній. Голосокъ ея звучитъ увѣренно и авторитетно.

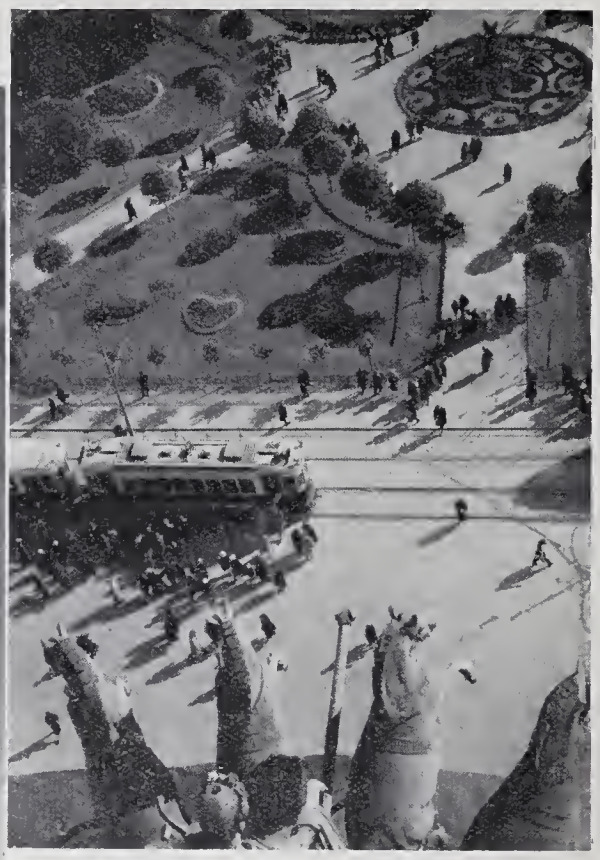
— Какъ при дворѣ одѣвались? Очень хорошо одѣвались. Государь съ утра во фракѣ, государыня въ парижскомъ бальномъ туалетѣ, мы, придворные, тоже.

— И въ кокошникахъ, разумѣется? — спѣшитъ блеснуть эрудиціей Гастонъ.

— Въ кокошникахъ. Ха, ха, ха! Кокошники только мамки носили. Это у нихъ такая форма была, какъ у вашихъ ажановъ кэпи. А мы, принцессы, ходили либо въ коронѣ либо въ шляпкѣ. Папаша мой тоже дома корону носилъ, а на улицу , понятно, цилиндръ надѣвалъ.

Гастонъ Веро чувствуетъ себя окончательно погибшимъ въ глазахъ Аллара. Онъ пробуетъ еще разъ спасти положеніе.

Извѣстная киноартистка, Грета Гарбо, за своимъ любимымъ занятіемъ.



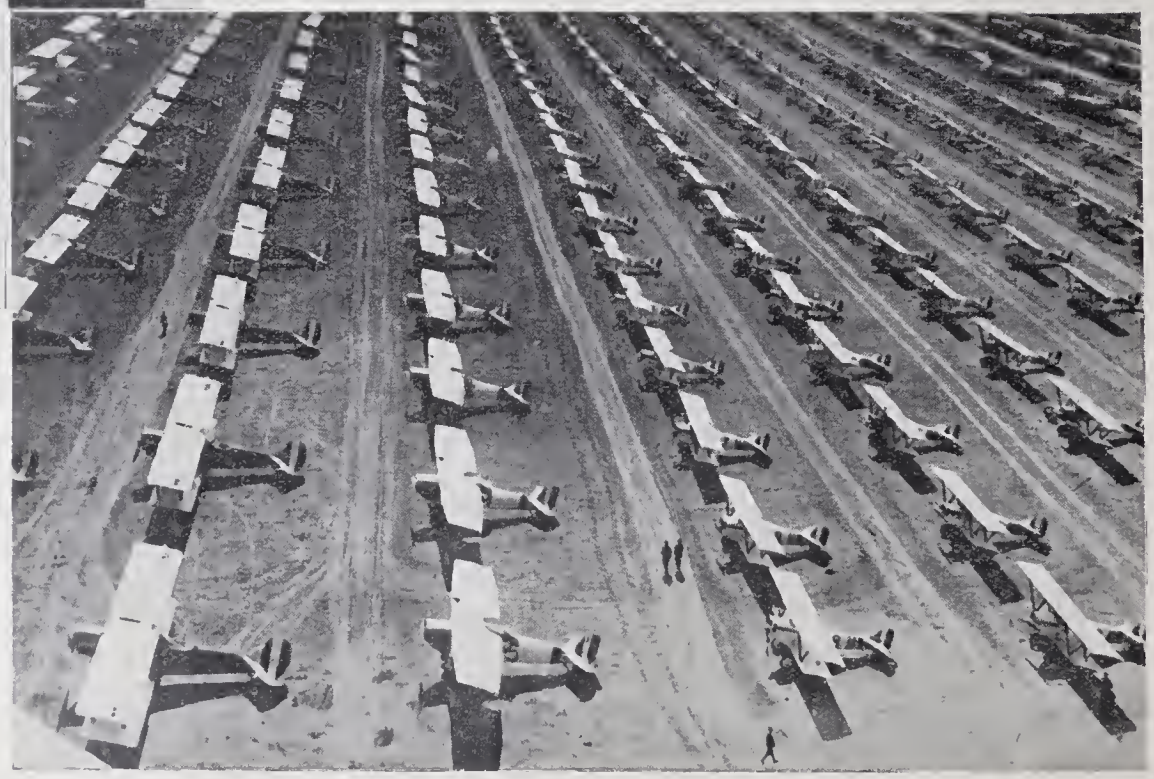
СОВРЕМЕННАЯ МОСКВА. Видъ на Театральную площадь съ фронтона Большого Театра.

Ниже: НАВОДНЕНІЕ ВЪ КИТАѢ

Первые снимки, полученные съ потопленнаго района (провинція Хунанъ).

"АЛЛО! ТАКСИ.."

Въ Парижѣ на стоянкѣ такси установлены телефонные аппараты. На снимкѣ шоферъ отвѣчаетъ на телефонный вызовъ.



Направо: Общій видъ Феррарскаго аэродрома во время послѣднихъ воздушныхъ маневровъ въ Италіи.

— — Мнѣ извѣстны многія ваши національныя блюда... — замѣчаетъ онъ, какъ будто вскользь, — борщъ, напримѣръ... каша, щи... кулебяка...

Княжна Гагарина съ ужасомъ видитъ, какъ въ памяти Глашеньки семейство Кошкодраловыхъ хлебаетъ оловянными ложками жирныя, красныя щи изъ общей миски у бабушки Анисьи Трофимовны. Мамаша Глашеньки была уже выше подобныхъ обычаевъ.

— Щи? Каша? Это все ѣда для самаго чернаго народа. Развѣ можетъ благородная дама кулебяку перенести? Консомэ намъ давали... Ну, еще крылышки цыплячьи.... Миндальное молоко... Ананасъ... это народъ щами да кулебяками объѣдался, а мы, благородныя дамы, почти и вовсе ничего не ѣли... когда ничего не дѣлаешь, нѣту никакого грубаго аппетита.

— Значитъ, вашъ народъ работалъ также много, какъ ѣлъ?

Глашенька пугается, что французы могутъ подумать, будто народу плохо жилось.

— Да у насъ и народъ вовсе не трудился. Наготовятъ себѣ кушанье, устанутъ, проголодаются, ну и жрутъ. Это они такъ плохо ѣли отъ плохихъ манеръ. Ничего они больше не работали, только жрали, да Богу за насъ молились.

— Гм... — недоумѣваетъ Алларъ. — Но если такъ... почему же вы все таки устроили революцію?

Глашенька, наконецъ, смягчается, этого она и сама не знаетъ.

— Да такая ужъ, видно, судьба была... слишкомъ хорошо жили... вотъ Богъ и покаралъ... — пытается она объяснить... — и сама не убѣждается въ собственныхъ доводахъ. Французы, однако, вполнѣ удовлетворены.

— Вотъ — говоритъ негромко и значительно Гастонъ Веро своему другу — это ихъ мистика, судьба... рокъ.

Алларъ почтительно склоняетъ голову.

— Нѣтъ, вы это читали? — возмущается въ редакціи «Русскаго Голоса» рецензентъ Томилинъ, потрясая новымъ романомъ Гастона Веро передъ носомъ фельетониста Степанова, — да, до такого абсурда, кажется, еще никто изъ нихъ не доходилъ!

— Къ тому же, это какая то совсѣмъ новенькая клюквочка. Ни троекъ, ни самоваровъ, ни кокошниковъ. Зато русскую каторгу на Роньсахъ катаютъ, охоты на тигровъ и павлиновъ устраиваютъ... Квасомъ у нихъ посуду моютъ, всего и не перескажешь!

— Въ концѣ концовъ, это даже и не смѣшно. Это жутко — кисло отвѣчаетъ Степановъ, у котораго ноетъ зубъ. — Право, мы точно въ лѣсу живемъ!

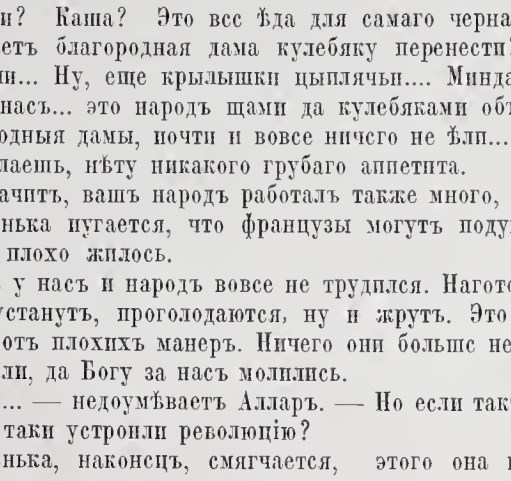
— Неужели такъ трудно распросить настоящего русскаго человѣка. Любой бѣженецъ разскажетъ имъ больше правды о Россіи, чѣмъ вся ихняя литература!

Со Степановымъ соглашается вся редакція.

Маркіанъ Малаевъ.

КРЕСТОСЛОВИЦА № 17.

Составилъ иностранецъ В. Ф.



Горизонтально:

1. Предложеніе, которое чаще всего слышишь. 2. Нѣсколько устарѣлый типъ небольшого судна. — Въ древне-русскомъ сознаніи отожествлялся съ Перуномъ, хотя онъ ничего общего съ славянской мифологіей не имѣетъ. 3. Часто бываютъ мѣдными. — Положеніе его было несомнѣнно хуже крѣпостного. — Герой поэмы Гете. 4. Родина Іова Многострадальнаго. — Народъ, извѣстный своей ненавистью къ калмыкамъ. — Предлогъ. 5. Получивъ "слѣва направо", человѣкъ становится "справа налѣво". — Популярное въ Россіи снотворное. 6. Тысячи килограммовъ (безъ удв. согл.). — Названіе города, происходящее отъ мифическаго лица, имя котораго является омонимомъ принадлежности распространенной комнатной игры. 7. Уже не модный головной уборъ. — Тутъ. 8. Если существуютъ шляпы цилиндры, то это — шляпа конусъ. 9. Съ Востока на западъ. 10. Одежда, которую пророкъ Илія сбросилъ съ неба пророку Елисѣю. 11. Калымъ. — Двуколка. 12. Въ Америкѣ — писатель, во Франціи — городъ, въ Италіи — рѣка. — Волчокъ. — Молъ.

Вертикально:

1. Имя воеводы князя Владиміра. 2. Брудершафтъ по русски. 3. Ежели они открыты, то обычно свидѣтельствуютъ объ изумленіи. — Главное дѣйствующее лицо греческой трагедіи, хотя никто изъ актеровъ его никогда не изображалъ. 4. Бери. 5. Имѣется въ каждой кавказкой деревушкѣ. — Слово симетричное, не оттого ли что оно обозначаетъ нѣчто круглое? 6. Французскій генералъ эпохи Революціи. — Басня Крылова. 7. Пестикъ. — Круглый хлѣбецъ. 8. Междометіе. — Стволъ. 9. Предметъ изъ конскаго гардероба. — Французскій король, давшій имя одной провинціи. 10. Геліополь. 11. Французское нарѣчіе. — Крѣпкій напитокъ. 12. Родина Гриши Зиновьева. 13. Дань.

РѢШЕНІЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 16.

Горизонтально:

1. Упоръ. 6. Баулъ. 10. Головоломка. 11. Орелъ. 12: Кило: 13. Лань. 14. Конь. 16. Носъ. 17. Поваръ. 19. Днѣпрострой. 20. Самоа. 21. Мст. 23. Носъ. 24. Набъ. 26. Ойра. 28. Нана. 29. Плутократія. 30. Роса. 31. Дрянь.

Вертикально:

1. Уголь. 2. Поразносило. 3. Олень. 4. Роль. 5. Головомойка. 6. Бокъ. 7. Аминь. 8. Уклономанія. 9. Лаосъ. 14. Коранъ. 15. Насосъ. 17. П. П. С. 18. Рта. 21. Мопръ. 22. Трусъ. 24. Натръ. 25. Баянъ. 27. Ата. 28. Надъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Орлицѣ изъ Монтаржи. Вашъ сонетъ на гражданскую тему получили. Вы правы: гражданскую поэзію необходимо возродить. Но какъ-то жутко сразу возродить ее на страницахъ "Сатирикона" — лучше сперва попробовать это сдѣлать въ "Почтовомъ ящикѣ". Поэтому печатаемъ Вашъ сонетъ въ этомъ отдѣлѣ и просимъ гонорара не ожидать: ужъ если что нибудь возрождать — такъ ужъ безкорыстно! Потомство больше цѣнитъ.

На столѣ у меня хризантемы,
А въ душѣ роковая печаль.
Я накину на плечи вуаль,
Я подсяду тишкомъ къ секретэру,
И предамся Пегасу вполнѣ.
Страсть, сомнѣнье, надежду и вѣру
Я въ стихи перелью въ тишинѣ.
Лишь одно у меня утѣшенье,
Сознавать, что несетъ развлеченье
Это звучное, женское пѣнье
Для другихъ опечаленныхъ дамъ.
Я за нихъ свою душу отдамъ
И за родину, гдѣ царитъ хамъ.

Надѣемся, что послѣ такихъ сонетовъ возрожденіе гражданской поэзіи пойдетъ быстрымъ ходомъ!

Г-ну Ли-Рэнъ. Парижъ. Вашъ анекдотъ, конечно весьма остроуменъ:

— Мой дядя каждый день занимается боксомъ.
— Онъ имѣетъ инструктора?
— Нѣтъ, у него есть теща...

Вы только немного запоздали, слѣдовало послать его лѣтъ сорокъ тому назадъ, въ Московскій "Будильникъ".

Парижъ. Сатангъ Андраеву. Ваши вещи не плохи. Заходите въ редакцію побесѣдовать.

Редакторъ-издатель **М. Г. Корнфельдъ.**

РЕСТОРАНЪ
ESMERALDA
ПОЛИКАРПА ИВАНОВИЧА ЛОВЦОВА
73, Bd de Clichy, около «Moulin Rouge», Tél.: Louvre 01-77
Prix-fix - **Завтраки 15 фр. Обѣды 20 фр.** - et à la carte
Воскр: Кулебяка съ рыбой и вязигой. Пон.: Пельмени. Вторн.: Бефъ буйи съ хрѣномъ. Среда: Царскій студень. Четв.: Курникъ. Пятн.: Поросенокъ съ кашей. Субб.: Селянка съ растегаями. — Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ П. И. Ловцова.
Ежедн.: блины, свѣжая икра, балыкъ, семга, рябчики, каша Гурьев

Pension de Famille
68 bis, rue du Château, Asnières
Тишина. Садъ. Полный комфортъ. Ванная комната
35 - 45 фр. въ день
Grésillons 21-44

PARAMÉ (Ille-et-Vilaine)
Hôtel de l'Union
Прекрасный пляжъ для купанія. Хорошая кухня
Августъ 32 - 36 фр., Сент. 26-28 фр.

СТАРАЯ МЕБЕЛЬ
Большой выб. всевозм. мебели. Меб. КРАСН. ДЕРЕВА, Empire, Louis Phil. и совр. Цѣны искл. дешевыя, возмож. разсрочка платежа. Предупредить о посѣщ. предп. до 15 ч.
А. А. СТАХОВИЧЪ въ Аньерѣ:
8, 12, rue Nanterre, 33, rue Franklin. Tél. Gresillon 10-96.
8 мин. электр. поѣз. отъ Сэнъ-Лазаръ, 2 мин. отъ вокзала Asnières (côté Asnières).

ПОСЫЛКИ и ДЕНЬГИ ВЪ РОССІЮ
СЪ ПОЛНОЙ ГАРАНТІЕЙ ПОЛУЧЕНІЯ НА МѢСТѢ
ВЪ КРАТЧАЙШІЙ СРОКЪ
ПРЕДСТАВЛЕНІЕ РАСПИСОКЪ НА 10-15 ДЕНЬ
A. GODOVANNIKOFF
Téléph. Gob. 20-68 — 36, Rue DIEULAFOY, PARIS-13 — Métro Tolbiac

AUTO = ECOLE MARBEUF
GARAGE MARBEUF
Concessionnaire Citroën
32-34, rue Marbeuf (Champs-Elysées), Tél. : Elysées 58-83 et 97-61 et la suite. Métro : Marbeuf et Rond-Point des Champs-Elysées
Самая большая русская автомобильная школа.
Carte-rose, Grande remise. Poids-lourd. Cours de mécanique. Papiers-taxis.
Уроки на спец. терассѣ нашего гаража, въ Булонск. лѣсу и въ городѣ отъ 8-ми час. утра до 9-ти ч. в. на машинахъ посл. моделей съ прав. и лѣв. управлен. Приходите осмотрѣть нашъ гаражъ въ 10 этаж. на 1000 машинъ, самый большой въ Парижѣ, въ районѣ Шанъз-Элизе и нашу школу, оборудованную по послѣдн. слову автомобильной техники.

MR. GOOD, 18, Bd. Garibaldi
Уроки англійскаго языка.
Подготовка къ экзаменамъ
Quick effective results

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ принимаетъ
Комитетъ Помощи Голодающ. въ Россіи
(Comité Russe de Secours)
7, rue du Cardinal Mercier
Paris (9)
Mét. Clichy. Tél. Trinité 23-92 et la suite
пріемъ исключит. отъ 3-7 ч.

СЕСТРА Кауфманской Общины
Pansements, Pieures, Ventouses scarifiées, etc.
Справки весь день.
Infirmière, 18, Bd. Garibaldi

Паста-Порошекъ-Эликсиръ ESKA
по форм. С. С. Кострицкаго б. зубн. врача Госуд. Импер.
Наилучшія, научно - обоснованныя средства для ухода за зубами и полостью рта
Продаются только въ аптекахъ
Laboratoires ESKA
A. Hobchette
Dr. en Pharmacie
76, rue Orfila, PARIS (20)

Юридическій Кабинетъ
Бюро оффиціал. переводовъ
Консультація и выполн. всѣхъ формальностей предписан. новымъ закономъ и соціальн. страх., исключ. утромъ до 12 съ половиной час.
MARC BILLIS et FILS
присяжный переводчикъ при Парижскомъ трибуналѣ и кандидатъ правъ (Париж. унив.)
24, rue Laffitte, Paris
Tél. : Prov. 84-56. Métro Opéra
Пріемъ отъ 9-12 и 2-6.30 ч.
Сущест. въ Парижѣ съ 1864 г.
Говорятъ по русски.

Дав. Е. Каганъ
Кандидатъ Парижск. Унив.
Взысканія, уставы общ-въ, разводы и проч.
новый адресъ:
8, Square Port Royal (13)
(15, rue de la Santé)
Téléphone : Gobelins 61 95
пріемъ 10-12 и 6-8 ч. веч.

А. С. ШАПИРО
Петр. Прис. Пов. licencié en droit
Налоги, натур., уставы,
Prud'hommes
11, rue Mogador, 11
Tél. : Centr. 11-35
Ежедн. 11-12 и 5-6 ч., суб. 11-12.

ПРИ РЕДАКЦІИ "САТИРИКОНА" ОТКРЫТЪ
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Читатели и подписчики "Сатирикона" могутъ выписывать черезъ Книжный Складъ
ЛЮБЫЯ РУССКІЯ КНИГИ, ПОЯВИВШІЯСЯ НА КНИЖНОМЪ РЫНКѢ.

Стоимость книги (по каталогу) можетъ быть выслана переводомъ по почтѣ, банковскимъ чекомъ или въ заказномъ письмѣ въ мѣстной валютѣ по курсу дня

СПИСОКЪ № 8 (цѣны въ французскихъ франкахъ)

КНИГИ ПО ИСКУССТВУ

Альтманъ. Еврейская графика	150.—	Лукомскій. Старый Кіевъ	30.—
Бакстъ. Сѣровъ и я въ Греціи	8.—	" Старый Петербургъ	12.50
Графика Добужинскаго	250.—	" Царское Село	12.50
Григорьевъ. Лики Россіи (Англ. текстъ)	130.—	" Русская Старина	20.—
" Рассея	100.—	Маковскій. Силуэты русскихъ художниковъ	30.—
Кондаковъ. Русская икона, 3 тома	25.—	" Народное искусство Прикарпатской Руси	150.—
Сборникъ памяти Кондакова	300.—	Муратовъ. Образы Италіи. 3 т.	62.—
Тенишева. Эмаль и инкрустація	200.—	Шлецеръ. Скрябинъ.	15.—

Всѣмъ желающимъ высылается безплатно полный каталогъ вышедшихъ за-рубежомъ книгъ и журналовъ.

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	**Вѣна.**—*Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII Цѣна отд. ном. 1 шилл.
АНГЛІЯ.	**Лондонъ.** — "Родное Слово". *Koptie str.* 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	**Софія.** — "Печатное Дѣло", ул. Царь Освободитель 8. Цѣна отд. ном. 20 л.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr. 53, Tél. Barbarossa 4881. Postscheck-konto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГРЕЦІЯ.	**Афины.** — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	**Копенгагенъ.** — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitory, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	**Цоппотъ.** — *Gebr. Rappoport,* 39-41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	**Александрія,** — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	**Рига.** — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 70 л. с.
ЛИТВА.	**Ковно.** — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	**Тегеранъ.** —*Schtefko,* Khiabané Post Hané Kouchha Beha es Saltaneh N° 4. Téhéran
ПОЛЬША.	**Варшава.** — "Добро", Krakowskie Przed. 53, Varsovie. Цѣна отд. ном. зл. 1.35.
РУМЫНІЯ.	**Бухарестъ.** — "Наша Рѣчь", 28 Str. Poincaré. Цѣна отд. ном. 25 лей.
СОЕД. ШТАТЫ.	**Нью-Іоркъ.** — "Новое Русское Слово", 178, 2-nd Avenue. New-York. **Санъ-Франциско.** —Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	**Стамбулъ.** — "Знаніе", Grand'Rue de Péra. Цѣна отд. ном. 25 піастр. **Стамбулъ.** Pakhalov. Beyoglu, Posta Sokak N° 8.
ФИНЛЯНДІЯ.	**Гельсингфорсъ.** — *Oblakov,* Boulevardin, 17, Helsingfors. Ц. отд. ном. ф. м. 6.50 **Келломяки.** *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ.	**Прага.** — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel. Ц. отд. н. К. Ч. 5.50
ЭСТОНІЯ.	**Ревель.** —*Tobon, Goldschmiedstrasse,* Reval. **Нарва.** — "Старый Нарвскій Листокъ", 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 50 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	**Бѣлградъ.** — *Henri Soubre, Ul Kn. Mihailova br. 27.*

Переводы и Посылки ВЪ РОССІЮ
на небывало выгодныхъ условіяхъ. Переводы съ ручательствомъ за выплату въ 15 дней.
BANQUE pour l'ARBITRAGE et COMMISSION
6, Rue Buffault. PARIS (9). Tél. Provence 95-20 95-21

РЕСТОРАНЪ
„CHEZ KORNILOFF"
6, rue d'Armaillé
между Avenue Carnot и des Ternes
Tél. Carnot 52-49
Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ влад.
Ф. Д. КОРНИЛОВА.
Prix fixe Завтракъ — 15 фр.
Обѣдъ — 20 фр. и à la carte
ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА:
Среда — ботвинья; четв. — чахохбили; пятн. — царскій студень; субб. — разсольникъ; воскр. — поросенокъ; пон. — бефъ-бун; вторникъ — пельмени.
Ежедн.: кулебяка, блины, осетрина, рябчики, чахохб. гурьев. каша
Самый элегантный и уютный русско-французскій ресторанъ Парижа

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ **Л. РИХТЕРЪ, Рига**
Представительница Е. Михайловская
9, RUE AUGUSTE-VITU, PARIS (15). Métro : Javel. Tél. Vaugirard 65-59
Гарантир. посылки съ мыломъ
и др. наилучш. латвійскими продуктами въ Россію безъ ограниченія нормы. Получатель не несетъ никакихъ расходовъ. — Кратчайшій срокъ доставки. Самыя дешевыя цѣны. — Пріемъ заказовъ ежедневно, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней съ 9 час. утра до 9 час. вечера.

PAUL LIEBENSOHN
3, Cité de Paradis, 3 — PARIS (10e)
Téléph.: Provence 05-17 Métro : Poissonnière
Деньги, продукты и вещи въ Россію
(Спеціальная контора).
Гарантир. выполн. экспрессомъ. Посылки съ оплач. пошл. въ 5 кило. начиная отъ 67 фр., въ 10 кило нач. отъ 132 фр. Первокл. кач. товар.
Требуйте проспекты.

Общество Взаимнаго Кредита „СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9e) Tél. : Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрышн. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) 10-4 ч. безъ пер.

ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ
И ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ
Земскій Союзъ
UNION DES ZEMSTVOS RUSSES
12, rue Blanche, Paris (9).

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ
„НАША РѢЧЬ"
издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.
Редакторъ-Издатель: С. М. ГАЗІЕВЪ.
Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse.* Въ Парижѣ — въ *«Publicité Metzl »*, *Rue de Tui·bigo,* 51, *Paris VIIIe* и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ "Нашей Рѣчи" С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier, 7, Paris IXe.*

ВОРИДИ и ГРУШКО
(Voridi & Grouchko)
6, RUE DE PROVENCE, PARIS (9)
Métro : Le Pelletier et Richelieu-Drouot. Téléphone : Provence 36-39
ОТПРАВЛЯЕМЪ
Посылки въ Россію съ оплаченн. пошлиной по наивыгодн. цѣнамъ
Получателю выдается посылка безъ доплаты
И ВПРЕДЬ ГАРАНТИРУЕМЪ ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО ПРОДУКТ.
И БЫСТРУЮ ДОСТАВКУ

Impr. d'Art Voltaire, O. Zeluk, Directeur; 34, rue Richer Paris IX. Le Gérant: N. Kornfeld.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

на Еженедѣльный Журналъ Сатиры и Юмора

Сатириконъ

Отъ редакціи

Для того, чтобы сдѣлать **"Сатириконъ"** своей настольной книгой, надо:

— прежде всего аккуратно складывать его номеръ за номеромъ;

— затѣмъ, всѣ собранные номера переплести въ изящный переплетъ;

— а въ концѣ подписного года посмотрѣть на себя въ зеркало и въ восторгѣ воскликнуть:

— Боже, какое у меня одухотворенное выраженіе лица и какой тонкій взглядъ на вещи!

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи .. .. Frs	135.—	105.—	70.—	36.—	12.50
Въ странахъ, входящихъ въ составъ Всем. Почтоваго Союза	160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза	177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: 51, RUE VIVIENNE, PARIS (2e)

Téléphone : GUTENBERG 05-40

PRIX EN FRANCE : Frs 3.

26 СЕНТЯБРЯ. 26 SEPTEME

Сатир

SATY

1931

Hebdomadaire Russe

ЕЖЕНЕДѢЛЬ

Rédaction et Administration

ПРИРОДА

Великіе нѣмые. (Les grands muets)

Рис. А. Гросса.

КОГДА СМѢЮТСЯ БОГИ...

Когда смѣются боги
Красивыми играя вазами,
Тогда небесныя дороги
Ангелы мостятъ алмазами,

Тогда лиловыя фіалки
Подъ пеньями во мху ласкаются,
А дѣвушкамъ старыя гадалки
Счастливое нагадать стараются,

Океаны алаго свѣта
Зори даютъ безтучныя,
На чердакѣ у поэта
Пѣсни выходятъ самыя лучшія.

Кувыркается медвѣдица у берлоги
Съ медвѣжатами остроглазыми... —
Это когда смѣются боги,
Красивыми играя вазами.

Ну, а если струны рвутся на скрипкѣ,
Или пѣсня любимая не вяжется,
Если у милой въ улыбкѣ
Что то злое кажется,

Если бѣлыя ромашки
Подъ острыми гибнутъ косами,
А въ колеѣ тяжко
Раздавило бабочку колесами,

Если мѣсяцъ на ущербѣ двурогій,
И туманами болото курится, —
Это значитъ скучаютъ боги,
Это значитъ боги хмурятся.

Валентинъ Горянскій.

РУССКІЙ ГЕНІЙ

Знаю я тутъ одного земляка. Изъ Тулы человѣкъ. Былъ прежде бѣженецъ, а потомъ когда валюта вся вышла, перечислился въ эмигранты. Любопытный малый, геній. Есть у него, однако, слабость — изобрѣтать любитъ. Всякія штуки. И безъ всякаго интереса корыстнаго, а такъ — дѣла ради. Норовитъ все помудреннѣе выдумать. Чтобъ чрезвычайно никому не нужно было. Про него разсказываютъ, что въ Тулѣ, при царскомъ еще режимѣ, блоху подковалъ. Къ чему — не домекали. Блохѣ, и той пользы отъ подковъ никакой. Только стало ей, прыгать тяжелѣе. А забавно. Народъ очень радовался. Въ газетахъ даже про блоху тульскую написали, какъ она англичанъ, значитъ, сконфузила.

Такъ вотъ землякъ то мой, сидѣлъ-сидѣлъ въ Кламарѣ и рѣшилъ, нехорошо талантъ въ землю зарывать, какъ завелось отъ досады въ эмиграціи, рѣшилъ взяться за дѣло. Съ выдающимся человѣкъ подбородкомъ. Сталъ опять штуки выдумывать. И все, замѣчательно ни къ чему. Сдѣлалъ онъ перво-наперво скрипку: такъ она флейтой играетъ. Ни дать, ни взять — настоящій кларнетъ. Такъ поетъ, диковинная, точно не струны, не смычокъ изъ лошадинаго волоса, а сплошныя дырочки, съ серебряными лапочками. На Днѣ Русской Культуры показывали. Народъ цѣлый вечеръ бѣгалъ смотрѣть.

Потомъ птичку выдумалъ необыкновенную: летаетъ какъ аэропланъ, рекорды побиваетъ, народъ портитъ, горитъ. А вотъ на Голодную Пятницу пожелалъ дѣтей порадовать — игрушку выдумалъ... Какъ бы вродѣ рояля съ хвостомъ. И разсказать то порядкомъ трудно. Очень мудрено. Это какъ бы театръ такой, заводной — соноръ и парланъ. И такъ все къ эмигрантской жизни прилажено. Удивительно. Человѣкъ, видите ли, мягкій. Какъ бы никого не обидѣть. Значитъ, клавиши въ алфавитномъ порядкѣ распредѣлилъ. Выходитъ, натурально, Алдановъ — первая клавиша, Бальмонтъ — вторая, Брешко-Брешковскій — третья, Бунинъ — четвертая, и все по порядку такому правильному. Толстой то у него и Фетъ — всѣхъ, щельма, знаетъ! — въ самый задъ попали. Тоже наука и политика. Первымъ дѣломъ — Гукасовъ, Керенскій, Маклаковъ, Милюковъ, Струве, Авксентьева выбросилъ — неудобно впереди Гукасова ставить. Деликатный малый. Шаляпинъ — порядка ради, тоже въ тылъ поставленъ. Ну, хорошо. А къ клавишѣ тонкіе связочки изъ наканифоленной струны прицѣплены. Ткнешь въ клавишу, связочка то двинулась и толкаетъ фигурку, либо винтикъ задѣваетъ музыкальный — получается соноръ.

Ткнешь, къ примѣру ,въ Алданова, — Бетховенъ такой выскакиваетъ и въ бѣгство по блестящей, а

читъ, рояльной крышѣ, а ему во слѣдъ — со скрипичнымъ ключомъ, музыка, цѣлая симфонія... Въ Бальмонта ткнешь — болгары, сербы, чехи, словаки, поляки такъ и сыплютъ, стихи разные произносятъ — первый сортъ! Изъ Брешко-Брешковскаго — барабаны съ дробью катятся — вродѣ военнаго похода. Правду сказать — Бунинъ не очень удался. Тыкаешь-тыкаешь, а ничего кромѣ Зурова не выскакиваетъ. Сказы сказываетъ — бунинскіе же. Отъ Ремизова Алексѣя — какъ когда: иной разъ чортикъ выскочитъ, иной разъ Никола Угодникъ. Чередуются. Отъ Мережковскаго Дмитрія Сергѣевича — жуть беретъ: Атлантида этакая выкатываетъ, ростомъ вонъ какая большая, вся взмыленная, и не разберешь — левъ это пустынный или изъ нашихъ мѣстъ барскій песъ. Важнѣющій... Степунъ есть такой, мыслитель знатный, фигуры никакой не придумалъ для него тулякъ, за то звуки — песокъ золотой, какъ хрусталь звенятъ. Пріятно уху... Маклаковъ Василій Алексѣевичъ Марсельезу поетъ, по французски. Въ Гукасова ткнешь — бумажки сыплятся — будто чеки для фонда имени Милюкова при союзѣ русскихъ журналистовъ. Отъ Керенскаго разно — то Дни, то Вечера. Ткнешь въ Милюкова — Марсельеза по русски. Отъ Шаляпина — подкованная эта самая блоха по кафтану Бориса Годунова скачетъ...

Всего не разскажешь. Только одумался теперь тулякъ. Хочетъ отъ выдумки пользу получить. Ищетъ капиталиста для патента и эксплоатаціи. Хорошее, говоритъ, дѣло. Американцы покупать будутъ. Это, говоритъ, послѣдняя моя надежда. А то — кризисъ.

Поль Яковъ.

РАЕШНИКЪ

Подходите граждане-эмигранты, оборванные и франты, юноши въ широкихъ брючкахъ, дамочки съ пакетомъ въ ручкахъ, тихіе и орущіе, бравшіе взятки — теперь въ долгъ берущіе, отдающіе и не отдающіе, все продавшіе до булавки, покупатели изъ русской лавки, изъ пажей смотрители гаражей, шоферы ночные и денные, хорошіе писатели и дрянные, этакіе и таковскіе, Мережковскіе и Тутковскіе, ораторы изъ Зеленой Лампы, дурачки отъ рампы, подобно резинѣ раздутые въ образинѣ, отъ хамской спѣси, черти крупные и мелкіе бѣсы. Въ преферансъ мастера и висты, переутомленные пессимисты, отмѣчающіе въ смѣтѣ возможности тѣ и эти, поужинать на банкетѣ, — ухъ! сперло духъ, усталъ отъ скороговорки, тяжело дѣду-Егоркѣ, чуть не померъ, гляди въ окошечко — картина первый номеръ. Называется: сплетни, — застоломъ имянинникъ лѣтній, на столѣ самоваръ, изъ русской лавки товаръ, угощенье — одно восхищенье, чайная колбаса какъ небеса; водки ясны и кротки, одну бы стопку хлопъ подъ огурчикъ да подъ укропъ, а потомъ за бесѣду, тряхнуть головушку сѣду, благословить и пріять и все, что съ ятью, и что безъ ять, ибо всѣ человѣки — люди, ищи себѣ вилкой въ блюдѣ и милостивъ ко всѣмъ буди, потому что гость, а гостю не пристала злость, только тутъ вотъ какъ разъ и начинается эмигрантскій экстазъ. И что берется откуда. И у того не хорошо, и у этого худо. Тотъ дѣтьми недоволенъ, этотъ гадко боленъ, а у Г. и вовсе никакой чести беретъ два франка въ долгъ, а не двѣсти. Вы подумайте, два франка. А говорятъ, что жена дворянка. И сидятъ гости зеленые отъ злости, а въ глазахъ радость, что удалась таки на сегодня гадость и мнѣ — дѣду Егоркѣ попало бы во всѣ корки да хижина моя на пригоркѣ.

Дѣдъ Егоръ.

ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНІЯ ЮЖНОЙ КАРОЛИНЫ

Слѣдующій компетентный отзывъ о населеніи названнаго штата даетъ достопочтенный Робертъ Квилленъ на страницахъ своей газеты Трибюнъ:

«Большинство населенія Ю. Каролины — грязь, распѣвающая псалмы, клянущаяся именемъ Христа, сосущая водку, воровская банда, безъ малѣйшаго представленія о понятіи чести, органически неспособная къ стыду, помои мысли, души и тѣла».

СЛУЧАЙ СЪ ГУЗИКОВЫМЪ

Вотъ, вы говорите, латинскій геній, латинскій духъ, латинская культура...

А возьмите вы только одинъ ихній телефонъ, такъ что отъ всего этого духа, да культуры останется?

Прямо, можно сказать, ничего!

На дняхъ такой, можете себѣ представить, случай происходитъ.

Съ Гузиковымъ, Иванъ Семеновичемъ.

Живетъ, онъ конечно, какъ всѣ русскіе, въ шестнадцатомъ аррондисманѣ,и, конечно, близъ Булонскаго лѣса.

За квартиру платить нечѣмъ, за то воздухъ.

Прямо такъ, одними лѣсными запахами и вѣетъ.

Цвѣтной капустой ,лукомъ жаренымъ и маргариномъ.

Прямо, знаете, букетъ.

Но, въ общемъ, дѣло не въ запахахъ и не букетѣ, а въ жильцѣ.

Потому что у Ивана Семеныча еще и жилецъ есть, который за одну комнату столько платитъ, что, если бъ онъ только платилъ, то можно было бы всю квартиру оплачивать.

Но только это такой жилецъ, что онъ не платитъ, а такъ живетъ. И еще, знаете ли, болѣетъ.

.. На грудь жалуется.

Какъ первое число подходитъ, у него сейчасъ выходъ дѣлается .

Прямо, знаете ли, не человѣкъ, а календарь.

Хоть по мѣсяцамъ переворачивай его, или на стѣнку вѣшай.

Но на этотъ разъ, дѣйствительно, въ сурьезъ занемогъ.

Три термометра въ одну ночь испортилъ.

А главное, что языкъ ему обложило.

У ГАДАЛКИ

Рис. Г. Шильтяна.

— Вы, сударыня, всегда пріятныя вещи предсказываете.

— Какъ же батюшка, иначе благородные гости ко мнѣ хаживать перестанутъ!

Такой, знаете ли, у него языкъ сдѣлался, все равно, какъ у верблюда.

Конечно, Иванъ Семенычу, это, можете себѣ представить, непріятно.

И, конечно, человѣкъ онъ горячій и кидается онъ въ телефонъ, и кричитъ алло! И сейчасъ же доктора вызываетъ.

И, конечно, докторъ тоже въ шестнадцатомъ арондисманѣ живетъ, и тоже русскій.

И наконецъ барышня ихъ обоихъ вмѣстѣ соединяетъ, и вотъ они даже уже между собой и разговариваютъ.

И, конечно, докторъ въ свою очередь, говоритъ:

— Сейчасъ пріѣду...

А Иванъ Семеновичъ отъ ужаса руками машетъ, и тоже въ свою очередь ему говоритъ:

— Да, вы, докторъ, не безпокойтесь, можетъ ему еще лучше станетъ, можетъ — говоритъ, — до вечера подождемъ.

— Только, — говоритъ, — пока скажите, какія мѣры принять и что именно?..

Тогда докторъ, конечно, обижается и хотя басомъ, но разочарованно говоритъ:

— Въ такомъ случаѣ, дѣлайте то, что я вамъ скажу...

И, можете себѣ представить, въ этотъ самый роковой моментъ телефонъ, прямо какъ на зло чвиркъ! чвиркъ! И совершенно между ними разъединяется!...

Но, слава Богу, Иванъ Семеновичъ, тоже не маленькій, и бѣшенно начинаетъ по телефону правой рукой выколачивать и кричать — алло, алло... до тѣхъ поръ, пока обратно не соединятся, и кричитъ — я васъ слушаю, и, въ общемъ, какъ-никакъ, а добивается, и даже въ трубку дышать избѣгаетъ, чтобы не дай Богъ слова не пропустить.

А тотъ, значитъ, въ свою очередь, тоже басомъ, и продолжаетъ:

— ... стало быть, положить его на холодномъ мѣстѣ, лучше всего на подоконникѣ, и пусть стынетъ.

— А потомъ, какъ только остывать начнетъ, такъ сейчасъ же уксусомъ обильно полейте, и немного бурачковаго соку сверху прибавьте, онъ отъ этого дольше держаться будетъ!

Иванъ Семеновичъ отъ радости поблѣднѣлъ даже, спасибо! — кричитъ — спасибо, докторъ, понялъ! Мерси!...

И, однимъ словомъ, кидается къ своему жильцу въ комнату, беретъ его могучимъ движеніемъ подъ мышки, все окно какъ есть настежь распахиваетъ, и прямо такъ поперекъ сырого подоконника и кладетъ!..

Тотъ, несчастный, уже и бредить началъ, и все равно, какъ въ огнѣ горитъ, а ужъ стонетъ, ужасъ до чего жалобно.

А Иванъ Семенычъ хлопочетъ, возится, и еще успокаиваетъ его:

— Ничего, — говоритъ, — дорогуля, не безпокойся, теперь, — говоритъ, — сплошь и рядомъ отъ всѣхъ болѣзней холодомъ лечатъ...

И рукой его придерживаетъ, чтобъ, не ровенъ часъ, не свалился бѣдняга.

И потомъ черезъ всѣ три комнаты въ кухню кричитъ:

— Луизъ, аппортэ муа дю винэгръ!!...

И, не дай Богъ, чѣмъ бы все это кончилось, если бъ, на счастье, Иванъ Семеныча жена, Марья Петровна, съ рынка не вернулась...

Какъ увидѣла она эту картину, какъ это значитъ ихній жилецъ въ одномъ мужскомъ бѣльѣ на подоконникѣ лежитъ, а Иванъ Семенычъ его сверху уксусомъ поливаетъ, да какъ вскрикнетъ не своимъ голосомъ:

— Ваня!.. Ваничка!... За что ты его?

Такъ Иванъ Семеновичъ бутыль на полъ и выронилъ...

Ну, конечно, потомъ все и разъяснилось.

И очень все, оказывается, просто было.

И вовсе это не докторъ съ Иваномъ Семеновичемъ говорилъ, а изъ русского гастрономического магазина поваръ.

И главное, что вовсе онъ не съ Иванъ Семеновичемъ говорилъ, а съ Софьей Гавриловной, которая, какъ всѣ русскіе, тоже, конечно, въ шестнадцатомъ арондисманѣ живетъ.

И, главное, съ какой стати сталъ бы онъ въ интимную жизнь какихъ то жильцовъ вмѣшиваться, когда Софья Гавриловна у нихъ постоянная покупательница и онъ ей поросячій студень не болѣе получаса назадъ съ мальчишкой отослалъ?! :

— ... А вы говорите, латинскій геній, латинскій духъ, латинская культура! Чуть человѣка на тотъ свѣтъ не отправили.

К. Страшноватенко.

О ПОЛЬЗѢ ВѢТРА

Вѣтеръ приноситъ пользу
Уже только тѣмъ, что дуетъ,
Мало ли всякой дряни ползаетъ
И плодится человѣку на бѣду.

Представьте, что вы нѣжный мужъ,
Женились въ соотвѣтствующія лѣта,
Проходите мимо лужи,
А въ лужѣ, — холерная запятая.

Вцѣпится запятая въ туфлю жениху,
А потомъ ухватится за платье,
И смотришь — черезъ часъ уже
Дохтора надо звать.

Будете спасать всѣми мѣрами,
Бить поклонами нрѣпнолобыми,
Но ничто не спасетъ отъ холеры —
И заназывать придется гробъ.

Но представьте себѣ ту же лужу
Съ той же запятой-гадиной,
Которая, какъ въ болотѣ ужъ,
Фырнаетъ озорства ради.

И представьте, что вѣтеръ дуетъ,
Забирается противно въ уши,
Но въ тоже время — имѣйте въ виду —
Гадную лужу сушитъ.

И уже не случится грѣха:
Уменьшенная въ силѣ и ростѣ,
Запятая мерзная подыхаетъ,
Занусивши свой грязный хвостъ.

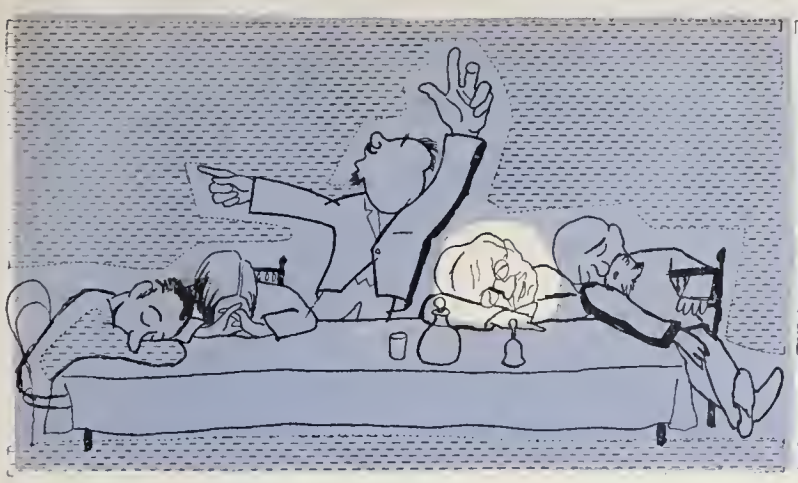
И вотъ — вы счастливы въ бранѣ,
Ходите за женой сетеромъ,
Ну, не пойметъ ли наждый дуракъ,
Какую пользу приноситъ вѣтеръ?

В. Г.

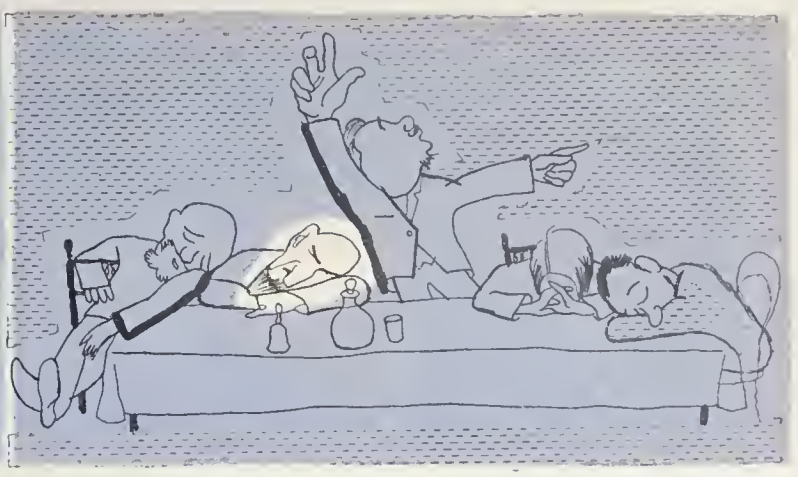
Подписчики "Сатирикона" за-границей могутъ высылать подписную плату переводомъ по почтѣ, банковскимъ чекомъ или въ заказномъ письмѣ въ мѣстной валютѣ по курсу дня.

НА ЕДИНОМЪ ФРОНТѢ РУССКОЙ ЭМИГРАЦІИ

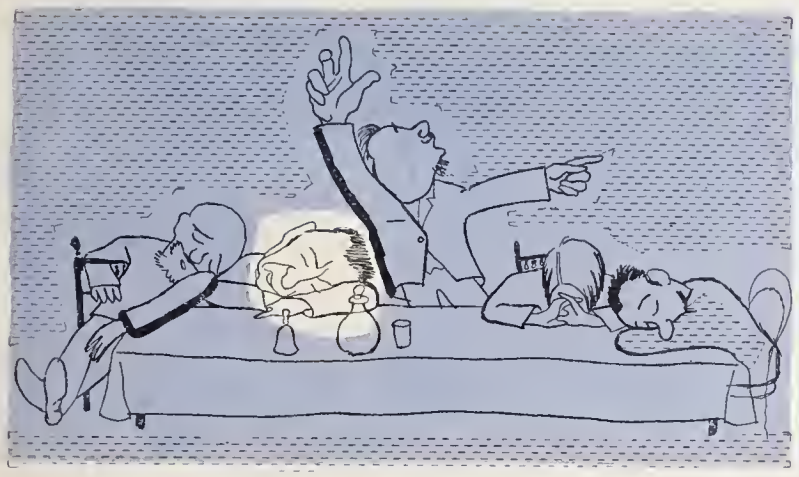
Рис. А. Шараго.



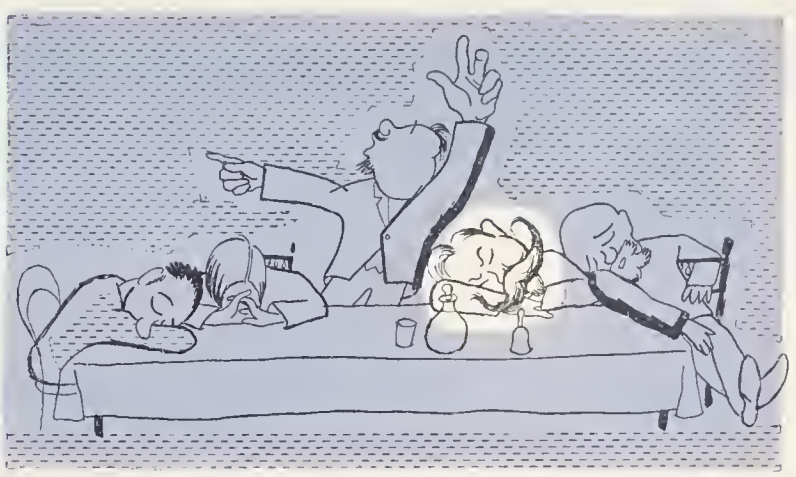
1. — Народъ, конечно, суверененъ, но онъ не можетъ не высказаться, въ моментъ своего волеизъявленія, въ пользу демократической, парламентарной Республики, гарантирующей всѣмъ гражданамъ Великой Страны Свободу, Равенство и Братство!... А потому, не пора ли господа, перейти наконецъ отъ словъ къ дѣлу!



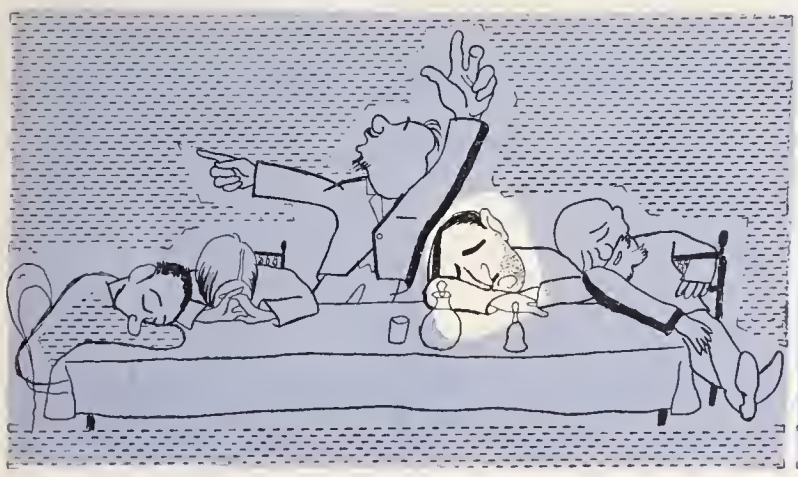
2. — Въ первую очередь, пробудившееся сознаніе Національной Россіи, конечно, потребуетъ возстановленія монархическаго строя, съ соблюденіемъ должныхъ правовыхъ основъ... Однако форму правленія установитъ самъ русскій народъ, который ждетъ отъ насъ немедленныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій...



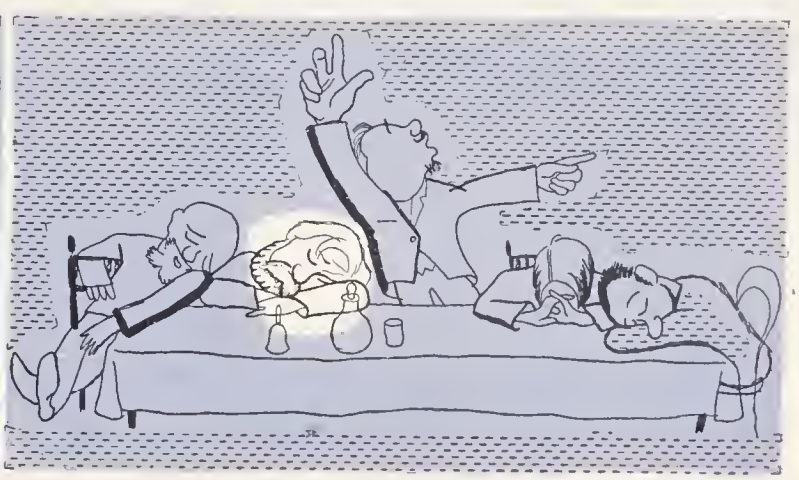
3. — Тѣ лозунги, во имя которыхъ возсталъ революціонный народъ въ дни великой, безкровной, Февральской Революціи, живы и нынѣ. Никто не искоренилъ въ насъ вѣры въ русскій народъ. И я призываю васъ къ дѣйственной борьбѣ за его идеалы!!.



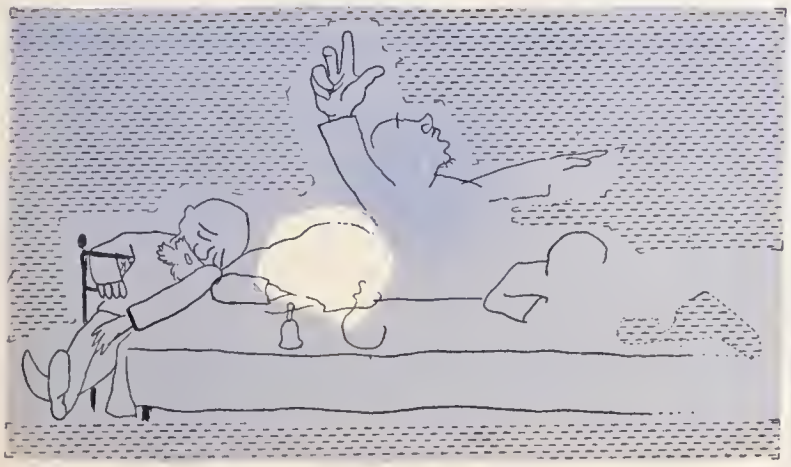
4. — Когда пробьетъ часъ, мы всѣ, какъ одинъ, пойдемъ сомкнутыми рядами за нашими славными вождями, съ непоколебимой вѣрой въ то, что они, вѣрные идеѣ бѣлой борьбы, поведутъ насъ туда, куда слѣдуетъ!.. Россія ждетъ отъ насъ дѣйствій!



5. — Молодая Россія — это мы. Національная Революція уже началась, хотя ни народныя массы, ни ихъ вожди этого еще не осознали. Пятилѣтка — первый шагъ на этомъ пути, а пока мы призываемъ всю эмиграцію составить единый фронтъ подъ державнымъ стягомъ природнаго Государя.



6. — Мы считаемъ своимъ патріотическимъ долгомъ еще разъ поднять свой голосъ для протеста противъ того ужаса, что творится на нашей многострадальной Родинѣ, и довести до свѣдѣнія мірового общественаго мнѣнія, что С.С.С.Р. не есть Національная Россія. Пора перейти отъ словъ къ дѣлу!



7. — Свобода... Русскій народъ рѣшитъ... Національный долгъ: Единымъ фронтомъ... Впередъ... Время не терпитъ!..

8. ....

Рис. Н. Ильина.

— Ахъ, люби меня безъ размышленія
Безъ тоски, безъ думы роковой... А. Майковъ.

ГРЯДУЩІЙ ПАНТАЛОНЪ

Кто не знаетъ старой сказки о Коломбинѣ и ея трехъ возлюбленныхъ?

А между тѣмъ старая, ставшая классической, арлекинада, полна сокровеннаго смысла. Въ несложной драмѣ кукольныхъ героевъ скрытъ неумолимый законъ, руководящій жизнью, впередъ намѣченъ ходъ событій давно прошедшихъ, происходящихъ, еще не бывшихъ!...

Нѣжной, мечтательной любовью, полюбила Коломбина Пьеро.

Пьеро — тщедушенъ и болѣзненъ, но у него огромные, задумчивые глаза, ярко красныя губы и онъ умѣетъ мечтать.

Пьеро — герой дѣвичьихъ грезъ Коломбины. Ему же принадлежитъ ея первый, робкій поцѣлуй.

Пьеро строитъ для себя и своей прелестной подруги, воздушные замки, одинъ другого краше. Онъ пробуждаетъ въ ней сладостныя желанія, но удовлетворить ихъ не въ силахъ: онъ можетъ только мечтать...

На смѣну Пьеро появляется Арлекинъ.

Арлекинъ — полная противоположность Пьеро. Пьеро — мечта. Арлекинъ — сама жизнь. Пьеро анеменъ и безконечно слабъ. Въ жилахъ Арлекина бушуютъ вулканы горячей крови и весь онъ такъ и пышетъ здоровьемъ и избыткомъ силъ. Погруженный въ грезы Пьеро — бездѣятеленъ и неподвиженъ. Арлекинъ — это сама динамика, одинъ сплошной порывъ.

Неудержимымъ ураганомъ врывается Арлекинъ въ домикъ Коломбины и мгновенно овладѣваетъ ею. Это столь же естественно и неизбѣжно какъ наступленіе жаркаго лѣта на смѣну поздней веснѣ.

Коломбинѣ надоѣло мечтать. Пробужденныя Пьеро желанія требуютъ исхода. Коломбина отдается своему новому возлюбленному цѣликомъ ,безъ остатка и удержа, со всѣмъ пыломъ юности.

И тотчасъ же, по заведенному обычаю, начинаются чудеса — чудеса любви. Коломбининъ домикъ, на постройку котораго, въ качествѣ строительныхъ матеріаловъ, пошли одни лишь зеленыя вѣтки, переплетенныя солнечными лучами, — превращается въ золотой, сплошь усѣянный изумрудами, чертогъ (его недавно такъ восторженно и подробно описывалъ бѣдный Пьеро). Клочекъ лазурнаго неба, служившій потолкомъ, становится сказочнымъ сводомъ изъ настоящей персидской бирюзы. Вѣнокъ изъ васильковъ съ незасохшими каплями росы — свадебный подарокъ Арлекина— превращается мгновенно, на глазахъ восхищенной Коломбины, въ торжественную діадему изъ сапфировъ и бриллiантовъ...

Арлекинъ пьетъ съ жадностью изъ традиціоннаго кубка любви... до самаго дна...

Однако... онъ безсиленъ осуществить всѣ тѣ грезы, которыя безумный фантазеръ — Пьеро успѣлъ пробудить въ Коломбинѣ...

Коломбина, въ свою очередь, принеся на алтарь любви всѣ свои сокровища и отдавъ Арлекину все что имѣла, начинаетъ съ ужасомъ замѣчать, что ей уже нечего отдавать, — а онъ, попрежнему буйный и неудовлетворенный, продолжаетъ предъявлять все новыя требованія.

Послѣ всѣхъ восторговъ раздѣленной любви наступаетъ отрезвленіе и въ душѣ Коломбины всплываетъ вновь уже испытанное ею однажды чувство разочарованія.

Къ тому же надвигается осень съ дождливыми, печальными днями и Коломбина видитъ, съ грустью, что ея жилище — все тотъ же домикъ изъ пожелтѣвшихъ листьевъ — слишкомъ ненадежная защита отъ холода и непогоды.

Вотъ тутъ-то на сценѣ появляется Панталонъ.

Панталонъ представляетъ полную противоположность Арлекину въ такой же мѣрѣ, какъ Арлекинъ противоположенъ Пьеро.

Панталонъ далеко не молодъ. (Ему пошелъ шестой десятокъ). Онъ уродливъ, съ брюшкомъ и смѣшными ухватками, страдаетъ астмой, геморроемъ и подагрой. Но... въ рукахъ у него, солидная мошна, полная червонцевъ. А потому онъ крайне самоувѣренъ и храбро стучится въ Коломбининъ домикъ.

Коломбина колеблется недолго.

На дворѣ — поздняя осень. Порывы вѣтра листъ

за листомъ уносятъ остатки непрочной кровли. Сѣрое небо, хмуро глядитъ сквозь оголившіяся вѣтки.

Коломбинѣ холодно, она голодаетъ и въ тоскѣ и томительномъ ожиданіи Арлекина, ушедшаго куда то въ поискахъ за пропитаніемъ, пытается въ жалкихъ лохмотьяхъ согрѣть свое все еще прекрасное тѣло.

Панталонъ приступаетъ къ дѣлу не спѣша, съ привычной дѣловитостью. Онъ играетъ наверняка...

Онъ захватилъ съ собою образчики того великолѣпія, которое онъ сулитъ Коломбинѣ, — въ видѣ сладкихъ пирожковъ изъ настоящей крупчатки, жемчужнаго ожерелья и коралловыхъ сережекъ.

Панталонъ приходитъ во время, а потому съ легкостью соблазняетъ бѣдняжку Коломбину, которой, въ сущности, успѣлъ смертельно надоѣсть ея безпокойный и требовательный любовникъ.

Такова тривіальная исторія о Коломбинѣ и трехъ ея любовникахъ. Циклъ Коломбинной любви завершился.

Ея любовь, зародившаяся отъ нѣжной ласки Пьеро, расцвѣтаетъ въ жаркихъ объятьяхъ Арлекина и... умираетъ отъ старческаго прикосновенія Панталона.

Но вотъ занавѣсъ падаетъ. Вокругъ — міръ печальной дѣйствительности. Скучные, нудные разговоры, будни эмигрантской жизни, а вдалекѣ, на нашей родинѣ, заглушенные раскаты продолжающейся бури.

Но развѣ наша революція не подобна Коломбинѣ? Развѣ наши мечтатели ея перваго весенняго періода не напоминаютъ анемичнаго фантазера — Пьеро?

Въ нихъ нѣтъ, быть можетъ, всей пьериной нѣжности и изящества, но все же они съумѣли пробудить въ своей прекрасной дамѣ всѣ тѣ желанія, которыя не были въ силахъ удовлетворить, и осуществить которыя взялся наглый и грубый Арлекинъ. Арлекинъ — большевикъ.

Конечно и Арлекинъ русской революціи далекъ отъ романтическаго образа старой сказки. Но не надо забывать: символъ лишь идеальное воплощеніе реальной жизни.

Что же дальше? Какъ завершится кругъ русской революціи, если въ немъ дѣйствительно отраженъ далекій символъ коломбининой любви?

Жизнь движется впередъ по намѣченному пути. Пьеро и Арлекинъ по существу уже изжиты. И весна, и жаркое лѣто революціи остались за нашей спиной. Наступаетъ холодная осень.

Пришествіе Панталона неизбѣжно.

Мы не знаемъ деталей его туалета: будетъ ли у него на головѣ вязанная, съуживающаяся кверху ермолка съ кисточкой на концѣ и длинная глиняная трубка въ зубахъ или, наоборотъ, коротенькая деревянная трубочка и штаны въ клѣтку, или же просто напросто махорка и смазные саноги — но это и не существенно.

Важно то, что, независимо отъ нашихъ симпатій, отъ того что намъ хочется, грядетъ именно улыбающійся и самодовольный Панталонъ съ кошелькомъ туго набитымъ червонцами въ рукахъ.

Онъ неотвратимъ какъ рокъ, ибо таковъ пророческій символъ, — Коломбина, разочаровавшись въ Арлекинѣ, **не возвратилась обратно къ Пьеро,** *) — но пала, соблазненная Панталономъ.

Angulus.

---

*) Пьеро не вынесъ измѣны своей подруги и безвременно скончался: по однимъ источникамъ — отравился, по другимъ — отъ скоротечной чахотки.

ВНИМАНІЮ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ЯЗЫКА

Повидимому русскій языкъ не обиженъ въ Персіи, и національное меньшинство является хранителемъ его чистоты. Вотъ примѣры объявленій. (Приводимъ съ сохраненіемъ орфографіи):

Содержатель гостинницы Грандъ-Отель доводитъ до свѣдѣнія почтеннѣйшемъ публике, что такъ какъ гор. Рештъ съ каждымъ днемъ прогрессируетъ, то есть обостраивается слѣдить за чистотой и порядкой, точно же такъ и гостиннице Грандъ-Отель слѣдить за чистой и порядкой.

Гостинница Грандъ-Отель находиться въ центръ города (хіавана-Пехлеви) имѣются отдѣльна номера съ чистымъ постельнымъ бѣльемъ.

Каждой гражданинъ желающій провести время съ друзьями или устроить семейнный вечеръ персонъ на 50, можетъ использовать помѣщеніе Грандъ-Отеля.

Кромѣ того гостинница Грандъ-Отел можетъ отпускать на домъ для ужиновъ и обѣдовъ цѣлую сервировку и всевозможныя кушанья.

Абонирующія будутъ пользоваться привелегіей.

Интересно знать, въ чемъ тутъ дѣло: разучился ли такъ хорошо авторъ прилагаемаго документа русскому языку, или еще только плохо выучился? Во всякомъ случаѣ этотъ шедевръ ждетъ своего Хенкина, который переложилъ бы его на обще-доступную музыку.

НАХОДЧИВОСТЬ

На полицейскомъ экзаменѣ въ Лосъ-Анджелосъ, (Калиф.). Первая помощь.

Вопросъ: — Что Вы сдѣлаете, если найдете человѣка, имѣющаго на головѣ сильно кровоточащую рану?

Отвѣтъ: — Туго перетяну ему шею турникетомъ.

ЕШЕ ОБЪ АНГЛІЙСКОМЪ ХЛАДНОКРОВІИ

Рис. А .Ш.

СЭРЪ ОСТИНЪ ЧЕМБЕРЛЕНЪ (Первый Лордъ Адмиралтейства). — **Значеніе настоящаго факта ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ преувеличивать!**

МЕБЛИРОВАННАЯ ЖИЗНЬ

Изъ груди безполезный
Вырывается стонъ.
Проклинаю желѣзо,
Проклинаю бетонъ!

Я катаюсь, какъ мячикъ.
Я верчусь въ колесѣ,
Да погибнетъ подрядчикъ,
Архитекторъ и всѣ!

Чертыхаюсь, и чортомъ
Жизнь до краю полна... —
Я живу на четвертомъ,
А на пятомъ... Она!

Что сказать вамъ про муки,
Про удары судьбы?...
Вы слыхали ли звуки
Іерихонской трубы?!

Или грохотъ кипящихъ
Океанскихъ пучинъ?
Или трескъ настоящихъ
Пневматическихъ шинъ?

Низверженье обваловъ
На альпійскихъ горахъ?
Завыванье шакаловъ,
Наводящее страхъ?

Или жуткій и тошный,
И истошный азартъ
Безотвѣтственной кошки,
Прославляющей Мартъ?

А теперь, предположимъ,
Что и утромъ, и днемъ,
Даже ночью, на ложѣ
Разметавшись своемъ,

Вы въ одной перепонкѣ
Ощущаете вдругъ
И трубы Іерихонскій
Оглушительный звукъ,

И шакаловъ въ пустынѣ
Отвратительный вой,
И обвалъ на вершинѣ,
И въ пучинѣ морской.

Грохотаніе, ужасъ
И надрывный восторгъ,
Тотъ, который, натужась,
Котъ у кошки исторгъ!...

Ибо некуда дѣться,
Ибо силой вещей
И сопрано, и меццо
Сочеталися въ ней!!...

Ибо данную чортомъ
Пью я чашу до дна,
Ибо я — на четвертомъ,
А на пятомъ — она!!!

Донъ-Аминадо.

АНЕКДОТЫ ИТАЛЬЯНСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

При въѣздѣ въ какой то маленькій городишко Романьи, автомобиль Дуче потерпѣлъ аварію. Шоффферъ повелъ автомобиль въ гаражъ, а Дуче отправился погулять по городу, и зашелъ въ кино во время спектакля. Передъ показомъ фильма «Дуче» (фашистская продукція, обязательная для каждаго кино), оркестръ заигралъ «Джіовинеццу». Всѣ встали, Дуче же продолжалъ сидѣть. Въ полу-тьмѣ онъ почувствовалъ на своемъ плечѣ чью то руку, а на ухо ему говорилъ служащій:

— Встаньте, синьоръ, я самъ того же мнѣнія, какъ и вы, но знаете, эти фашисты хулиганы и можно нарваться на крупныя непріятности.

ЖЕНСКАЯ ХИТРОСТЬ

Замѣчали ли вы, господа, сколько хитрости въ каждой женщинѣ заложено? Нѣтъ чтобы подойти къ человѣку по хорошему, отъ чистаго сердца, а все больше норовитъ схитритъ, да слукавить. Вотъ былъ со мной, напримѣръ, въ прошломъ году случай. Познакомился я тутъ съ однимъ семействомъ: мамаша и двѣ дочки, папаша гдѣ то въ провинціи работаетъ. Русскіе. И знакомство то вышло совсѣмъ случайное: въ дровяномъ складѣ. Разговорились. Выходитъ — земляки, тоже изъ Донской Области. Познакомились. Мамаша пригласила захаживать.

Денька черезъ три я къ нимъ навѣдался. Двѣ комнатки небольшія, обстановка кое какая. Видно люди живутъ — перебиваются. Мамаша Пелагея Ивановна, со старшей Нюрой, бѣлье на магазины шьютъ, а младшая кельнершей работаетъ. Угостили меня чаемъ, поговорили. Посидѣлъ я у нихъ съ часъ другой и пошелъ домой. Дня черезъ четыре зашелъ опять: въ женскомъ обществѣ посидѣть и чайку попить. А потомъ каждую недѣлю сталъ захаживать. Раза четыре съ Нюрой въ кино даже ходили — пріятно какъ-никакъ въ женскомъ обществѣ время проводить.

.. Только захожу одинъ разъ въ воскресенье послѣ обѣда, вижу сидитъ мамаша съ дочкой за столомъ и на картахъ гадаетъ. Я тоже подсѣлъ и говорю:

— Погадайте мнѣ, говорю, Пелагея Ивановна.

А дочка беретъ у матери изъ рукъ карты и ко мнѣ:

— Давайте я вамъ погадаю, Василій Ивановичъ.

— Сдѣлайте ваше одолженіе, говорю.

Разложила она карты, и сообщаетъ:

— Обручальныя кольца и фата выходятъ, Василій Ивановичъ.

А я еще помню разсмѣялся и спрашиваю: насчетъ, молъ, приданаго, ничего не видно? Деньги не вышли ли?

— Нѣтъ, говоритъ, ничего не видно.

Посидѣлъ я у нихъ еще съ часикъ и пошелъ домой.

ВЪ ДНИ КРИЗИСА

Въ Берлинскомъ Тиргартенѣ.

Рис. Ницш

Экономія прежде всего...

Рис. Чуба.

Гавань.

Прихожу домой и эту новость сожителю своему Ивану Христофоровичу докладываю. А онъ послушалъ, да и говоритъ:

— Ты, говоритъ, походи еще туда, такъ тебя тамъ сразу женатымъ сдѣлаютъ, она это тебѣ дураку на картахъ намеки дѣлала, а ты и не смекнулъ въ чемъ дѣло.

Тутъ меня какъ что осѣнило. Вѣрно, думаю, такъ оно и есть. И тутъ же рѣшилъ повѣрку устроить.

На другой день послѣ работы, прихожу къ нимъ. Мамаша это здоровается и улыбается. Можетъ она и раньше улыбалась, а только я будто этого не примѣчалъ. Сидятъ съ дочкой, шьютъ. Посидѣлъ я немного и къ мамашѣ:

— Что это вамъ такъ загорѣлось судьбу узнать? Вчера же только, говоритъ, вамъ Нюра гадала.

— Да вопросъ спѣшный, отвѣчаю, Пелагея Ивановна. Погадайте.

Откладываетъ она рубашки въ сторону и беретъ карты. Разложила да и говоритъ:

— Опять женитьба выходитъ, Василій Ивановичъ.

— Такъ-съ, думаю. А имя невѣсты на картахъ не выходитъ, спрашиваю.

— Такія вещи, говоритъ, по картамъ узнать нельзя.

А сама смѣется.

Тутъ эта хитрость ея меня совсѣмъ изъ себя вывела.

— Бросьте, говорю, Пелагея Ивановна, картами людей морочить и не трудитесь женіховъ ловить.

А самъ поднимаюсь и начинаю одѣваться.

— Господь то съ Вами, говоритъ, Василій Ивановичъ.

— Господь то съ нами, отвѣчаю, а вотъ вы со своей дочкой оставайтесь — ваши комбинаціи и для посторонняго яснѣй яснаго.

Тутъ она какъ подскочитъ, какъ заерепенится, — какъ вамъ, кричитъ, не стыдно такія дерзости говорить въ присутствіи Нюры?

— Мнѣ, отвѣчаю, стыда тутъ никакого нѣту, мы ловлей женіховъ не занимаемся. А что до вашей дочки, такъ вы с ъней въ компаніи ловите.

Отъ этихъ моихъ словъ лицо у нея побагровѣло и глаза на лобъ полѣзли.

А дочка какъ подскочитъ, да въ подушки, да въ слезы.

— Вонъ, говоритъ, сію минуту. Уходите.

— Я, говорю, уйду и съ большимъ удовольствіемъ, а вы не волнуйтесь и продолжайте лучше пуговицы пришивать.

Повернулся я и ушелъ. Что тамъ было дальше — не знаю. Больше я ихъ не видалъ.

А вотъ недавно познакомился тутъ съ однимъ семействомъ. Тоже русскіе. Барышня есть взрослая. Въ кино вмѣстѣ ходимъ и вообще вечера проводимъ вмѣстѣ, но тутъ я уже держу ухо востро.

Такъ вотъ этотъ случай я разсказалъ къ тому, что сколько хитрости и лукавства въ женщинѣ имѣется.

И. Грунинъ.

МУРАВЬИНАЯ СИЛА

Желѣзная дверь медленно растворилась и обнаружила Анну Игнатьевну, словно спящую наяву. Маленькая, незамѣтная, но еще красивая, она вышла на перонъ метро въ своемъ пальтишкѣ съ обветшалымъ скунсовымъ воротникомъ...

Мысли у нея были невеселыя и короткія: едва зародившись, останавливались онѣ одна за другой передъ чѣмъ нибудь непріятнымъ или тревожнымъ, и потускнѣвъ, замирали на полъпути.

Отвернулся ли отъ Анны Игнатьевны Богъ, или такъ надо было, но только огорченія и неудачи преслѣдовали ее по пятамъ.

Если подумать, въ томъ, что произошло съ ней, не было, собственно говоря, ничего изъ ряду вонъ выходящаго: опять, какъ ужъ случалось не разъ, не вышло толку изъ долгихъ ея хлопотъ и тайныхъ надеждъ. Мадамъ Юрасова компаньонкой къ ея и Марьи Георгіевны дѣло не вступитъ, и денегъ не дастъ. Можно, конечно, попытаться найти кого нибудь другого... Значитъ, снова искать... Но гдѣ? И опять уйдетъ на это много дней. А какъ же пока сохранить дѣло?

Руки опускаются, устала она жить, устала пробивать лбомъ стѣнку. И такая тоска у нея въ душѣ, такая слабость въ тѣлѣ, что страшно ей вдругъ какъ бы не приключилось съ ней сейчасъ что нибудь нехорошее: можно вдругъ упасть и умереть.

И сразу никто даже не сможетъ узнать кто она такая, потому что картъ д-лдантитэ дома, въ шкапу, а въ сумочкѣ у нея нѣтъ ничего, кромѣ мелкихъ денегъ, платка и образцовъ крепъде-шина.

Растворились двери подкатившаго вагона, Анна Игнатьевна взяла себя въ руки и вошла. Была она свиду какъ всѣ другіе, бодрые и спокойные, и вмѣстѣ съ ними втиснулась въ теплоту, между какимъ то рабочимъ съ большимъ мѣшкомъ и влюбленной парочкой, стоявшей вобнимку.

Не думать ни о чемъ, а смотрѣть куда нибудь въ одну точку, и, какъ будто, спать...

... Вечеромъ нужно будетъ работать: къ субботѣ обѣщано кончить и сдать... Такая досада, шестой часъ, — дома Шурка, навѣрно, уже голоденъ... А какъ же, все таки, будетъ теперь? Какъ сказать Марьѣ Георгіевнѣ, что все провалилось? Нѣтъ, объ этомъ — дома, не сейчасъ, не теперь. Дома спокойнѣе.

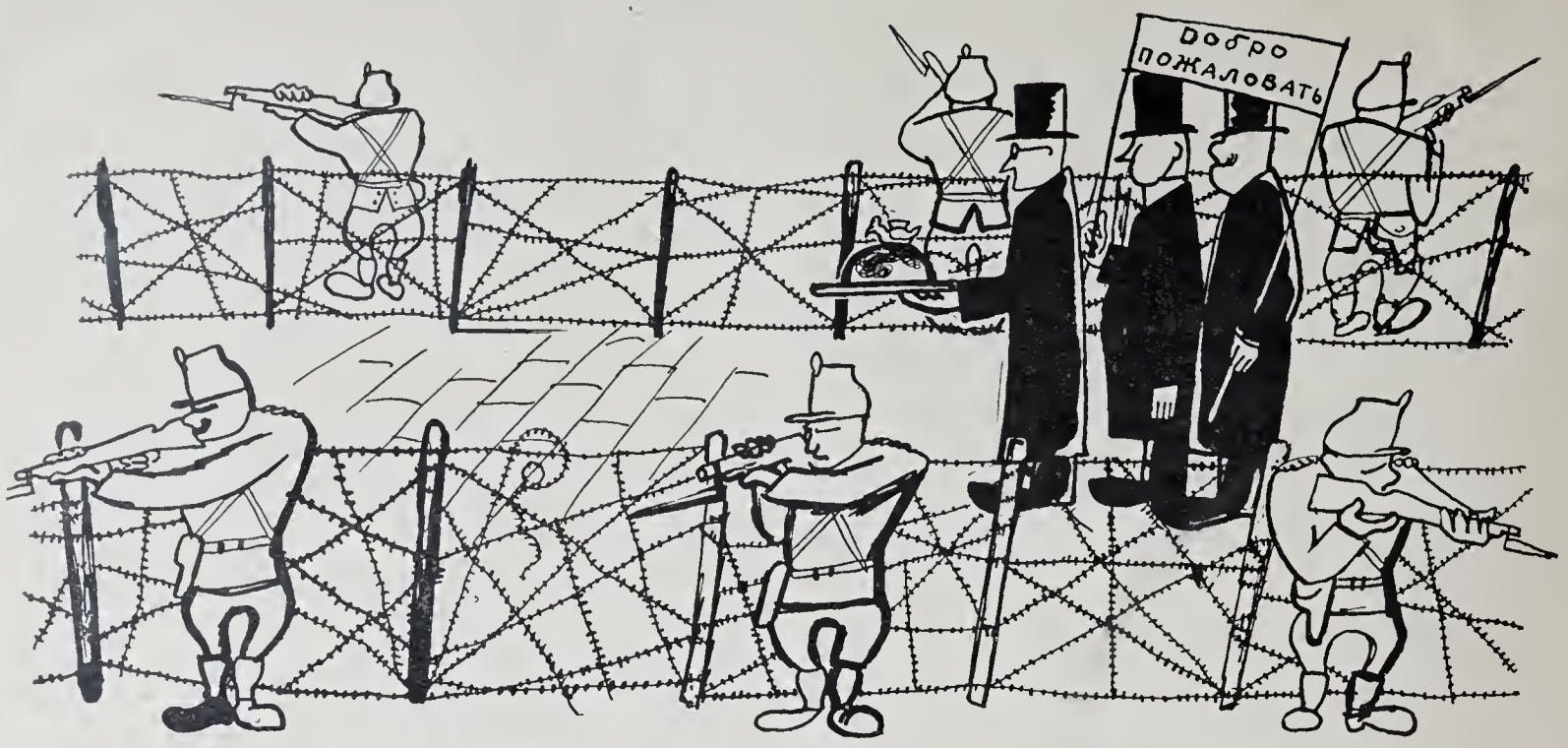
Квартира у Анны Игнатьевны славная, хоть и очень мала. Да имъ большой и не нужно, вдвоемъ съ мальчикомъ. Совсѣмъ бы хорошо, если бы не холодъ въ кухнѣ, — страшно даже бываетъ войти. У французовъ все расчитано на теплый климатъ, а на повѣрку... Ахъ не надо объ этомъ, все это пустяки.

Молиться Богу нужно. Нужно повѣрить чисто и горячо, что все у Него въ рукахъ, что все дѣлается къ лучшему. Если такъ хорошо повѣрить, можетъ случиться чудо, — вѣдь уже бывали въ ея жизни небольшія чудеса... Только нѣтъ у нея теперь такой вѣры, нѣтъ: ньетъ, сосетъ у нея кровь тревога.

... А что, если чудо все таки, можетъ вызвать самъ человѣкъ? Найти какое то колдовское слово или заклинанье, что

НАРОЖДАЮЩЕЕСЯ БРАТСТВО НАРОДОВЪ

Рис. А. Ш.



Въ Берлинѣ закончены послѣднія приготовленія для встрѣчи дорогихъ гостей.

то стѣлать по особенному, и вдругъ все перемѣнится, пойдутъ удачи, начнется новая жизнь...

Думать въ вагонѣ было неудобно: какіе то люди каждый разъ проталкивались къ дверямъ, зажимали и тянули съ собой полу ея пальто, приходилось даже ее рукой вытаскивать. Вся измятая доѣхала домой и, какъ въ туманѣ, изъ послѣднихъ силъ поднялась по лѣстницѣ.

Шурка скакалъ въ передней точно козленокъ на лугу.

— Погоди, Шурочка, раздѣться дай... Ну-у, Шурикъ!

Стоя въ передней, въ пальто, она ласкала его кудрявую головенку, обвитая по таліи его ручками маленькими, миленькими. Немного сердце у нея разжалось, легче стало дышать.

Отъ Шуркиныхъ волосъ, какъ всегда, трогательно пахнетъ свѣжей соломой. Подъ ея поцѣлуями щечки атласныя, за ухомъ родинка.

На площадкѣ лѣстницы послышались чьи то шаги. Это наверхъ, къ англичанину... Нѣтъ, къ намъ... Это онъ только передохнуть остановился, — некому къ намъ въ такой часъ.

И вдругъ быстрый, рѣшительный звонокъ.

— Пусти, я сама. Не ходи къ двери, холодно.

Въ первое мгновеніе она ни одного слова вымолвить не могла, до такой степени это было неожиданно и изумительно: на порогѣ появился инженеръ Титовъ, пріятель ея покойнаго мужа.

— Господи, какая радость! Андрей Андреевичъ, вы! Какъ же это... безъ предупрежденія... ни слова не написали... Я бы на вокзалъ... Такъ рада вамъ, такъ рада!

У нея даже выступили слезы на глаза.

— Ежели бы и могъ предупредить, тоже бы не сталъ, — цѣдитъ онъ густымъ теплымъ басомъ, — не ближній свѣтъ этотъ вашъ Гаръ дю Норъ.

— Какъ вы меня разыскали? Боже мой, вѣдь это же какъ сонъ! Гдѣ вы жили все это время?

— Вотъ сейчасъ все по порядку разскажу.

— А вѣдь мы тутъ уже седьмой годъ съ Шурочкой, — вотъ увидите сейчасъ какой мальчишка у меня. Знаете, я вѣдь вамъ писала въ Константинополь два раза.

Про Константинополь, объяснилъ Андрей Андреевичъ, онъ давно и думать забылъ: живетъ въ Берлинѣ уже больше пяти лѣтъ, директоръ завода.

За эти нѣсколько минутъ Анна Игнатьевна такъ расцвѣла отъ радости, стала такъ моложава, такъ легка, какъ будто и впрямь пришло къ ней чудо, о которомъ только мечталось.

— А вы молодцомъ! Вѣдь мы съ вами не видѣлись... боже ты мой! — девять лѣтъ?

— Я уже старушка.

— Будетъ вамъ!

Ласково смѣясь, онъ смотрѣлъ ей въ лицо, большой, широкоплечій, немного смущенный съ отвычки. Тѣ же роговые очки, тотъ же упрямый, серьезный ротъ, на которомъ улыбка появлялась какъ прелестная неожиданность. А на вискахъ у него все-таки сѣдина.

И отведя взглядъ, Анна Игнатьевна мелькомъ увидѣла самое себя въ небольшомъ зеркалѣ подъ вѣшалкой. Конечно, — онъ не могъ этого не замѣтить сразу, — уже совсѣмъ не та она, какою онъ зналъ ее когда то. На мигъ ей становится стыдно за свои усталыя вѣки и за потускнѣвшіе волосы, и за кожу на лицѣ. Но развѣ это теперь имѣетъ значеніе? Важно, что онъ радъ ей, какъ она ему рада.

Въ коричневой столовой, въ которую вошелъ гость, было уютно и свѣтло. Обстановка сборная, болѣе скромная чѣмъ онъ ожидалъ, — ему, когда то говорили, что Аннѣ Игнатьевнѣ удалось вывезти изъ Москвы порядочныя деньги въ валютѣ.

Титовъ пожелалъ увидѣть Шуру, гдѣ же онъ? Она пошла за нимъ и почти насильно вытащила его изъ за портьеры въ спальнѣ, — не хотѣлъ выходить, и все тутъ. Однако весьма прилично подалъ руку и поклонился, красный какъ ракъ.

— Сейчасъ будете съ нами ужинать, Андрей Андреевичъ, — какъ разъ во-время пришли.

Онъ сталъ отказываться: закусывалъ въ городѣ, совершенно сытъ.

— Сядьте, пожалуйста вотъ сюда и сидите смирно. Будетъ готово черезъ полъ-часа.

— Анна Игнатьевна, погодите...

— Я ничего не слышу, я слишкомъ рада. Шура стереги его, чтобы онъ не убѣжалъ.

Шура хохочетъ на самыхъ высокихъ тонахъ, и за рукавъ тянетъ гостя на диванъ.

Въ спальнѣ холодная темнота. Скрипучій шкапъ, деревьянная коробочка... Анна Игнатьевна бѣжитъ по лѣстницѣ внизъ, потомъ черезъ дворъ, и за уголъ, на широкую, людную улицу. Только уже у самой лавки русскихъ продуктовъ она слегка замедляетъ шаги: такъ дорого все это стоитъ... Тамъ, въ шкапу въ деревянной коробкѣ не осталось почти ничего.

Ахъ, вѣдь все теперь устроится, измѣнится, разъ Андрей Андреевичъ здѣсь.

Она вдругъ почувствовала себя какъ малое дитя за спиной у огромнаго, взрослаго человѣка, который можетъ все: позаботиться, научить, дать много, много денегъ...

«Фу, какая гадость, что я такъ...»

Весело щурясь на свѣтъ, она вошла въ лавку, въ грибной и капустный запахъ.

Между тѣмъ Шура принесъ гостю свой игрушечный граммофонъ, луну, альбомчикъ съ видами Парижа. Онъ болталъ грудным голоскомъ, довѣрчиво опираясь бокомъ о колѣно Титова. Раза два онъ украдкой понюхалъ его, замѣтилъ что отъ него пріятно пахнетъ сигарами и понемногу начиналъ его любить.

— Ну какъ же вы тутъ съ мамой живете?

— Мы очень хорошо живемъ. Мамочка сумочки дѣлаетъ вмѣстѣ съ Марьей Георгіевной, а я въ лицей хожу и учусь.

Разсказалъ онъ Титову про елку у «Бирюковыхъ мальчиковъ», и про то что онъ тамъ получилъ «стило», но что оно скоро «кассэкалось»; про то, что къ нимъ внизъ переѣхали

японцы, съ ребенкомъ-желтушкой, и еще про кучу всякихъ вещей.

— Ты мнѣ скажи, что ты больше всего любишь дѣлать?

— Рисовать люблю.

— А есть у тебя хорошій ящикъ съ красками?

— Есть, — мнѣ мамочка купила. Мнѣ мушечка покупаетъ все, что я хочу.

Тутъ съ пакетами вернулась Анна Игнатьевна.

Въ семейственномъ сіяньи столовой лампы, Титовъ разсказывалъ про себя. Пожилъ онъ и въ Болгаріи, и въ Польшѣ, пока не обосновался въ Берлинѣ. Директорское мѣсто на большомъ заводѣ получилъ не такъ ужъ давно, благодаря небольшому своему изобрѣтенію, которое удалось ему продать нѣмцамъ. Въ Парижѣ онъ по дѣламъ фирмы; завтра утромъ выѣзжаетъ въ Лондонъ и въ Ливерпуль, а тамъ — назадъ, моремъ, въ Германію.

Широкая, просторная жизнь... Анна Игнатьевна молчитъ немного ослѣпленная. Она ужъ и забыла какъ живутъ люди, у которыхъ нѣтъ тяжкихъ, грошевыхъ заботъ, какъ путешествуютъ, какъ отдыхаютъ. И такъ трудно теперь разсказать ему о себѣ, о своей жизни, о нуждѣ... о чемъ то просить...

— Про смерть бѣднаго Виктора, понизивъ голосъ, говоритъ Титовъ, давно у насъ носились слухи.

Кто то сообщалъ и объ отъѣздѣ Анны Игнатьевны за границу; но выяснить куда она направлялась, онъ такъ и не смогъ.

— Я вамъ писала о Викторѣ.

— Ничего я не получалъ отъ васъ, ничего.

О томъ, что она въ Парижѣ, не имѣлъ понятія. Сообщили ему друзья адресъ Бѣлосельской-Юрьевой, она и сказала, и адресъ дала. Бѣлосельская постарѣла ужасно, — не узналъ бы ее на улицѣ ниочемъ.

— А меня? вырвалось у Анны Игнатьевны.

— Ну васъ — другое дѣло, — вы не измѣнились почти совсѣмъ. У васъ только видъ утомленный.

— Я дѣйствительно очень утомлена.

— Отъ чего?

Она хотѣла сказать, «отъ нужды», но показалось не къ мѣсту.

— Отъ чего? Да отъ всего. Всѣ утомлены, вы, небось, тоже.

— Ну, я то ничуть, сверкая очками разсмѣялся Титовъ. — У меня силы какъ у лошади. Я двѣнадцать часовъ работаю, а потомъ въ театръ иду.

Что то отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга... Что же это такое? Нельзя понять...

Титовъ разспрашивалъ много ли у нея здѣсь друзей. Нѣтъ, она почти ни съ кѣмъ не встрѣчается.

— Охъ, жалко что я не здѣсь живу. Я бы къ вамъ каждый день ходилъ въ гости. Вы бы меня гнали, а я бы все ходилъ.

И такъ тепла его рука, которою поглаживаетъ онъ руку Анны Игнатьевны... столько незабытаго прошлаго у него въ глазахъ, которые когда то видѣли ее счастливой, красивой тамъ, дома, на Кудринской-Садовой...

Кому же ей довѣриться, кому же сердце открыть какъ не ему: вѣдь онъ у нихъ бывалъ какъ родной когда то...

Что онъ думаетъ? Должно быть, ему еще не приходитъ на умъ, что ей такъ невыносимо тяжело. А можетъ быть, понялъ съ первыхъ словъ и только ждетъ повода, чтобы предложить ей помощь.

Какъ отвратительно все таки, что она думаетъ объ его деньгахъ... Но вѣдь ей такъ это нужно, такъ нужно!...

Титовъ любуется чудесной синей вазочкой, изъ обожженной глины, — подарокъ Виктора въ Москвѣ, передъ самой смертью. Какъ синька синій маслянистый блескъ ласкаетъ глаза.

— Очень у васъ уютно, господа хорошіе. Двое васъ, а чувствуется семья. Все таки, когда своя квартира, это очень важно. Въ Берлинѣ всѣ у хозяекъ живутъ.

— Вы тоже, Андрей Андрепчъ?

— Нѣтъ, мнѣ лично повезло: у меня большая квартира при заводѣ. Недурно обставлена, правда, немного удалена отъ центра, но у меня свой автомобиль.

И опять стало неловко и безъ причины совѣстно Аннѣ Игнатьевнѣ. За себя, за него-ли? Почему?

— А какъ здѣсь въ общемъ устроено большинство русскихъ? интересуется Титовъ.

Помолчавъ, она слегка пожимаетъ плечами.

— Всѣ работаютъ и существуютъ, кто лучше, кто кое какъ. Мы гости деликатные, хлопотъ французскимъ хозяевамъ не доставляемъ.

Въ голосѣ ея — гордость за русскихъ, за общую съ Андреемъ Андреевичемъ родину, немного и за себя. Но въ то же время чувствуется ей, что не то она совсѣмъ говоритъ, не о томъ и не такъ, какъ нужно. Вдобавокъ она все обращаетъ въ шутку:

— Ежели мы всѣ когда нибудь станемъ собираться домой, французы насъ, навѣрно, не отпустятъ: ужъ очень полюбили. Какъ родныхъ.

— Ну, пока вашъ отъѣздъ имъ еще не угрожаетъ.

— Я прямо изъ Парижа поѣду на дачу Павлова, — Помните ее, Андрей Андрепчъ?

Стали припоминать палисадъ красные столбы, кривыя ели, окна въ тонкой рѣзьбѣ и колодезь, въ который упалъ какъ то утромъ англійскій плэдъ; и какъ ихъ пріятель Притвицъ хотѣлъ Рожкова въ Нехоркѣ топить за то, что онъ ухаживалъ за Анной Игнатьевной.

Передъ Титовымъ тихонько струится рѣчка Пехорка съ высокимъ, крутымъ берегомъ, на который тяжело ползутъ бронзовыя ели по землѣ рыжей отъ заката...

... Анна Игнатьевна идетъ съ книгой мокрымъ утромъ по березовой рощѣ. Только что было передъ ней очень синее небо въ очень большихъ круглыхъ облакахъ... Теперь — легкая полутѣнь, среди деревьевъ и сладкій грибной духъ.

Блестятъ черно-бѣлые стволы и шелушатся нѣжной атласной кожицей надъ головой красный, зелено-розовый, золотой пожаръ, облетающей осенней листвы.

И слышится тихій густой звонъ, которому нѣтъ мѣста въ прошломъ, трезвый звонъ часовъ надъ головой.

— Что это? Половина двѣнадцатаго?

Титовъ прячетъ въ карманъ портсигаръ и эмалевую зажигалку.

— Уходите? Уже?

У Анны Игнатьевны упало сердце.

— Видитъ Богъ, голубушка моя, не хочу я уходить.

— И не нужно, совсѣмъ еще рано! Не отпускаю васъ и дѣло съ концомъ.

Что подѣлаешь когда утромъ на восемь съ половиной часовъ, у него назначена дѣловая встрѣча. Безконечно обидно, что такъ поздно узналъ онъ, что они здѣсь: онъ бы выѣхалъ изъ Берлина раньше на день или два.

— Не пущу.

— Правда же, нужно. Да и Шура вашъ совсѣмъ сонный.

Онъ застегиваетъ пиджакъ на всѣ пуговицы и встаетъ. Анна Игнатьевна чувствуетъ, что душой онъ уже не здѣсь, что сама она и Шура и ея домъ для него уже почти отодвинулись въ прошлое.

Нѣтъ, ничего уже сказать ему нельзя: все, что ихъ обоихъ соединяло уже разбивается на пустыя предотъѣздныя мелочи.

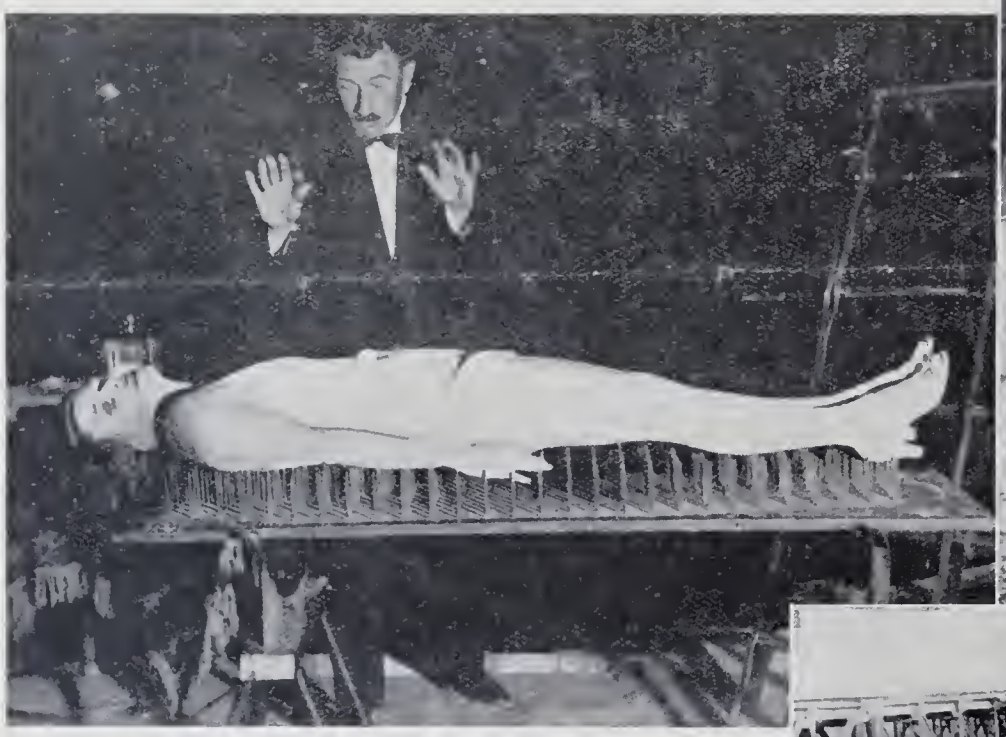
АХЪ! ЭТИ ДѢТИ...

Рис. Б. Гроссера.

— Дѣдушка, пройдись, пожалуйста, по аллеѣ. Я хочу посмотрѣть: тетя вчера сказала, что изъ тебя песокъ сыпется!

На озерѣ Буржэ, за моторной лодкой на "акваланѣ".

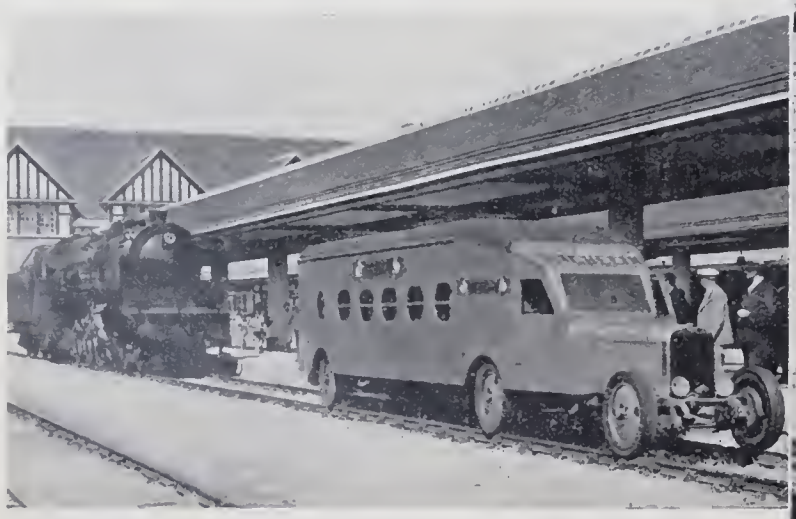
Петербургъ — Адмиралтейство.



ДОЛЛИ ДЭВИСЪ ВЪ РОЛИ ФАКИРА
Демонстраціи Поля Эзэ — разоблачителя факиризма — въ Жуанъ-ле-Пэнъ.

НА КОЛОНІАЛЬНОЙ ВЫСТАВКѢ ВЪ ПАРИЖѢ

Обезьяны.



"МИШЛИНЪ", развившій недоступную для поѣзда сред. скорость въ 107 кил. въ часъ между Парижемъ и Довилемъ.

КРАСНЫЙ ТЕРРОРЪ ВЪ ЕВРОПѢ

Крушеніе экспресса Будапештъ-Вѣна, вызванное взрывомъ бомбы подложенной коммунистами.

— Когда же вы завтра ѣдете? Въ которомъ часу?

— Самъ еще не знаю, есть нѣсколько утреннихъ поѣздовъ. Это завтра рѣшится.

— Подождите, я зажгу въ передней.

— Мерси... Не безпокойтесь, Шурочка, я самъ сниму... Не помню, куда я притянулъ мою палку... Ну вотъ, значитъ, разрѣшите ручки поцѣловать. Будущей зимой, вѣроятно, опять къ вамъ, въ Парижъ нагряну. Былъ счастливъ увидѣть васъ. Вы совсѣмъ молодцомъ, я даже не ожидалъ... Направо, у двери? Вотъ, нашелъ, горитъ.

— Шура, отойди отъ двери, дуетъ. Счастливаго пути, Андрей Андреичъ! Пріѣзжайте непремѣнно еще разъ.

— Обязательно!

И глухо, уже съ нижней площадки, въ отвѣтъ:

Дверь затворяется; мягко булькнулъ американскій замокъ.

Отправивъ Шурку спать, Анна Игнатьевна долго стоитъ въ передней подъ тусклымъ фонарикомъ, свисающимъ на цѣпи, потомъ идетъ въ кухню. На столѣ громоздится жирная посуда, вилки, ножи, все въ кучѣ. Это нужно перечистить, перемыть. Нужно, но нѣтъ силъ приняться.

Она опустилась на табуретъ между простѣнкомъ и столомъ и осталась такъ, безъ движенья, сложивъ руки на колѣняхъ. Кровь медленно билась у нея въ головѣ, въ щекахъ, въ кончикахъ пальцевъ, и отъ каждой ея волны чуть замѣтно вздрагивало усталое тѣло.

Незамѣтно для себя Анна Игнатьевна совсѣмъ окаменѣла отъ холода. Она съ усиліемъ встала и пошла къ себѣ.

Шурка спалъ, словно цѣлуясь съ подушкой, красный, растрепанный, прелестный подъ косымъ свѣтомъ ночника. Она раздѣлась и легла въ большую общую постель.

Какая удача все таки что Титову сказали адресъ Бѣлосельской-Юрьевой; если бы не она, такъ бы онъ и не узналъ, что они съ Шуркой еще живутъ на свѣтѣ.

«Еще живутъ»...

Придвинувшись порывисто, она чуть тронула губами теплую Шуркину щеку.

И вдругъ, отъ одного прикосновенья къ нему, тяжело колыхнулась въ ней сила, огромная жаркая любовь, страстная до слезъ. Не шевелясь, она долго смотрѣла на ребенка, свернувшагося калачикомъ, на его шейку въ разстегнутой рубашенкѣ: нѣжное существо, довѣренное ей одной, беззащитное, родное, за которое, если бы нужно, такъ легко было бы умереть. И неужели теперь со всѣхъ сторонъ приближаются къ нему опасности?

Она откинулась на подушку и стала лихорадочно соображать:

Завтра она съ утра поѣдетъ въ ломбардъ, попроситъ, чтобы выдали хоть какую нибудь дополнительную ссуду подъ ея кольцо и попробуетъ заложить оборку изъ старинныхъ кружевъ. Ахъ, да, вѣдь Брюкова еще не доплатила за сумочку... Затѣмъ что? Вотъ, если бы предложить Бѣлосельской-Юрьевой вступить къ нимъ въ дѣло компаньонкой... Какъ это она до сихъ поръ не подумала о Бѣлосельской? Ахъ, скорѣй бы завтрашній день!

Федоръ Богровъ.

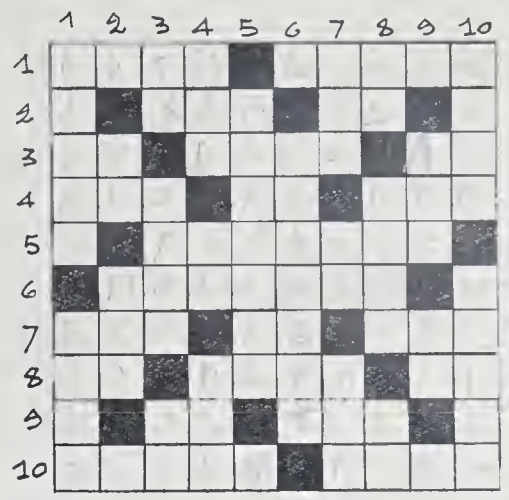
Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала контора журнала

САТИРИКОНЪ

проситъ г. г. подписчиковъ, срокъ подписки коихъ истекаетъ, ВОЗОБНОВИТЬ ЕЕ заблаговременно

КРЕСТОСЛОВИЦА № 18

Составилъ ***



Горизонтально:

1. Всякая съѣдобная всячина. — Обычное дѣйствующее лицо въ русскихъ сказкахъ. 2. Такихъ какъ онъ много, но не всѣ они посмѣялись надъ наготой отца своего. — Предлогъ. 3. Рѣка. — Гробница святого. — Американскій полководецъ. 4. Цѣлый. — Предлогъ. (полногл. ф.). — Коротать его — наша судьба. 5. Мѣстожительство музъ. 6. Положеніе — бываетъ боевой, танцевальной, но не пиковой. 7. Англійскій титулъ. — Отрицаніе. — Мѣстоименіе. 8. Буква. — Закладъ. — Буква. 9. Междометіе. — Его задаютъ и не только музыканты 10. Въ него превратилась жена Лота. — Названіе извѣстнаго русскаго журнала.

Вертикально:

1. Логосъ. — Житель одного сосѣдняго съ Россіей государства. 2. Въ одномъ всѣмъ извѣстномъ евангельскомъ текстѣ предшествуетъ непосредственно 1 вертикально. (первое слово). — Созвѣздіе. 3. Возгласъ. — Стихотвореніе Лермонтова. — Псевдонимъ одного извѣстнаго русскаго революціонера. 4. Окончаніе названія многихъ русскихъ городовъ. — Первое слово одной изъ десяти заповѣдей. — Погибъ. 5. Женское имя. 6. На благотворительныхъ вечерахъ обычно предшествуетъ танцамъ. 7. Нѣкое смолистое вещество, часто встрѣчающееся въ крестословицахъ. — Марка шампанскаго. — Физическій терминъ. 8. Божество, безъ котораго обходится рѣдкая крестословица. — Такъ и этакъ. — Союзъ служащій отрицаніемъ. 9. Извѣстное стихотвореніе Кольцова. — Мѣстоимѣніе. 10. Звукъ издаваемый при помощи голосовыхъ связокъ и свидѣтельствующій о нѣсколько повышенномъ состояніи лица его издающаго. — Юридическій терминъ.

РѢШЕНІЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 17

Горизонтально:

1. Придаточное; 2. Ботъ; Илья; 3. Лбы; холопъ; лисъ; 4. Уръ; башкиры; за; 5. Даръ; макъ; 6. Тоны; Кіевъ; 7. Кика; здѣсь; 8. Кукуль; 9. Посолонь; 10. Милоть; 11. Вѣно; арба; 12. По; кубарь; де.

Вертикально:

1. Блудъ; 2. Побратимство; 3. Рты; рокъ; 4. На; 5. Духаны; комокъ; 6. Ошъ; гуси; 7. Толчакъ; колобъ; 8. Ой; дуло; 9. Чапракъ; Лотарь; 10. Изъ; 11. Ойль; медъ; 12. Елизаветградъ; 13. Ясакъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Мистиславу Иванову. Ницца. — Стихотвореніе Ваше "Коршунъ" имѣло большой успѣхъ въ редакціи. Оно очень не длинное, а потому помѣщаемъ его полностью:

Онъ по атмосферѣ летаетъ,
Ищетъ добычу себѣ.
Найдя, себя утѣшаетъ,
Говоря: теперь хорошо и мнѣ.

Полагаемъ, что теперь хорошо и Вамъ.

Любителю крестословицъ. Тегеранъ. — Предложеніе Ваше составить крестословицу исключительно изъ именъ художниковъ — сотрудниковъ "Сатирикона" — затѣя очень любопытная. Можете прислать. Опасаемся только, что она не очень заинтересуетъ любителей нашихъ крестословицъ.

Редакторъ-издатель М. Г. Корнфельдъ.

РЕСТОРАНЪ
ESMERALDA
ПОЛИКАРПА ИВАНОВИЧА ЛОВЦОВА
73, Bd de Clichy, около «Moulin Rouge», Tél.: Louvre 01-77
Prix-fix - **Завтраки 15 фр. Обѣды 20 фр.** - et à la carte
Воскр.: Кулебяка съ рыбой и вязигой. Пон.: Пельмени. Вторн.: Бефъ буйи съ хрѣномъ. Среда: Царскій студень. Четв.: Курникъ. Пятн.: Поросенокъ съ кашей. Субб.: Селянка съ растегаями. — Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ П. И. Ловцова.
Ежедн.: блины. свѣжая икра, балыкъ, семга, рябчики, каша Гурьев

Pension de Famille
68 bis, rue du Château, Asnières
Тишина. Садъ. Полный комфортъ. Ванная комната
35 - 45 фр. въ день
Grésillons 21-44

НОВАЯ КНИГА
Serge Kaffalovich
SCHOURA
Une Enfant de la Révolution
ROMAN
Edition du Tambourin

СТАРАЯ МЕБЕЛЬ
Большой выб. всевозм. мебели. Меб. КРАСН. ДЕРЕВА, Empire, Louis Phil. и совр. Цѣны искл. дешевыя, возмож. разсрочка платежа. Предупредить о посѣщ. предп. до 15 ч.
А. А. СТАХОВИЧЪ въ Аньерѣ:
8, 12, rue Nanterre, 33, rue Franklin. Tél. Gresillon 10-96.
8 мин. электр. поѣз. отъ Сэнъ-Лазаръ, 2 мин. отъ вокзала Asnières (côté Asnières).

ПОСЫЛКИ и ДЕНЬГИ ВЪ РОССІЮ
СЪ ПОЛНОЙ ГАРАНТІЕЙ ПОЛУЧЕНІЯ НА МѢСТѢ
ВЪ КРАТЧАЙШІЙ СРОКЪ
ПРЕДСТАВЛЕНІЕ РАСПИСОКЪ НА 10-15 ДЕНЬ
A. GODOVANNIKOFF
Téléph. Gob. 20-68 **36, Rue DIEULAFOY, PARIS-13** Métro Tolbiac

AUTO = ECOLE MARBEUF
GARAGE MARBEUF
Concessionnaire Citroën
32-34, rue Marbeuf (Champs-Elysées), Tél. : Elysées 58-83 et 97-61 et la suite. Métro : Marbeuf et Rond-Point des Champs-Elysées
Самая большая русская автомобильная школа.
Carte-rose, Grande remise. Poids-lourd. Cours de mécanique. Papiers-taxis.
Уроки на спец. терассѣ нашего гаража, въ Булонск. лѣсу и въ городѣ отъ 8-ми час. утра до 9-ти ч. в. на машинахъ послѣд. моделей съ прав. и лѣв. управлен. Приходите осмотрѣть нашъ гаражъ въ 10 этаж. на 1000 машинъ, самый большой въ Парижѣ, въ районѣ Шанъз-Элизе и нашу школу, оборудованную по послѣдн. слову автомобильной техники.

А. С. ШАПИРО
Петр. Прис. Пов. licencié en droit
Налоги, натур., уставы,
Prud'hommes
11, rue Mogador, 11
Tél. : Centr. 11-35
Ежедн. 11-12 и 5-6 ч., суб. 11-12.

ALLIANCE FRANÇAISE
101, Boulevard Raspail, Paris-6e
ШКОЛА ПРАКТИЧ. ИЗУЧ. ФРАНЦ. ЯЗЫКА
предлагаетъ на Октябрь:
1) **Дневной курсъ,** состоящій изъ: 15 часовъ въ недѣлю практическаго изученія франц. яз.
40 лекцій
10 лекцій прогулокъ по Парижу и окрестностямъ.
Цѣна 180 фр. въ мѣсяцъ
2) **Вечерніе курсы, кот.** состоятся ежедневно, кромѣ суб. и воскр. Въ среду курсъ обычно посвященъ изученію коммерческаго франц. яз.
Цѣна: 100 фр. за мѣсяцъ
350 фр. за пять мѣс.
За справками обращаться къ Директору **Robert Depouey,**
101, Boulevard Raspail, Paris-6e

Паста-Порошекъ-Эликсиръ
ESKA
по форм. С. С. Кострицкаго б. зубн. врача Госуд. Импер.
Наилучшія, научно - обоснованныя средства для ухода за зубами и полостью рта
Продаются только въ аптекахъ
Laboratoires ESKA
A. Hobchette
Dr. en Pharmacie
76, rue Orfila, PARIS (20)

Не забудьте осмотрѣть новый отдѣлъ платьевъ и пальто отъ 350 фр. Изящество, качество, вкусъ внѣ всякой конкур. у **MAGUET, 11, Pl. de la Madeleine**

СЕСТРА Кауфманской Общины
Pansements, Pieures, Ventouses scarifiées, etc.
Справки весь день.
Infirmière, 18, Bd. Garibaldi

Авто-Школа AV. DES CHAMPS-ELYSEES
б. СПБ "Знаніе" сам. стар. въ Парижѣ.
Обученіе ѣздѣ на автомоб. всѣхъ марокъ 4 и 6 цил.
Продажа автомобилей фр. и американскихъ марокъ.
Единственный русскій агентъ Citroën'a въ Парижѣ.
Запись, уроки (до 9 ч. веч.) и продажа:
1) 78, Av. des Champs-Elysées въ глубинѣ пассажа, налѣво
2) 74, Av. Mozart (16e)
Знаніе фр. яз. необязательно.
Справки безплатно. Директоръ инж. **Б. Балясный.**

ПРИ РЕДАКЦІИ "САТИРИКОНА" ОТКРЫТЪ
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Читатели и подписчики "Сатирикона" могутъ выписывать черезъ **Книжный Складъ**
ЛЮБЫЯ РУССКІЯ КНИГИ, ПОЯВИВШІЯСЯ НА КНИЖНОМЪ РЫНКѢ.

Стоимость книги (по каталогу) можетъ быть выслана переводомъ по почтѣ, банковскимъ чекомъ или въ заказномъ письмѣ въ мѣстной валютѣ по курсу дня

СПИСОКЪ № 9 (**цѣны въ французскихъ франкахъ**)

Тэффи. Городокъ	15,50	**Потемкинъ** Избранныя страницы	20,—
Книга Іюнь	18,—	**Совѣтскіе анекдоты**	10,—
Сокровища Земли	2,50	**Зощенко** Веселыя приключенія	7,75
Стамбулъ и солнце	2,50	Дни нашей жизни	11,50
Тихая заводь	15,50	Лишніе люди	11,50
А. Черный. Первое знакомство	3,20	О чемъ пѣлъ соловей	11.50
Несерьезные разсказы	20,—	Скупой рыцарь	11,50
Сатиры. 2 книги по	12 50	Разсказы	11,50
Жажда	6,20		

Всѣмъ желающимъ высылается безплатно полный каталогъ вышедшихъ за-рубежомъ книгъ и журналовъ.

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	Вѣна.—*Persky,* Mehitarsitengasse, 4, Wien VII Цѣна отд. ном. 1 шилл.
АНГЛІЯ.	Лондонъ. — "Родное Слово". *Koptic str.* 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	Софія. — "Печатное Дѣло", ул. Царь Освободитель 8. Цѣна отд. ном. 20 л.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin,* Berlin W. 30. Barbarossastr.53, Tél. Barbarossa 4881. Postscheck-konto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГРЕЦІЯ.	Афины. — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	Копенгагенъ. — « *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitory, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	Цоппотъ. — *Gebr. Rappoport,* 39-41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	Александрія, — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	Рига. — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 70 л. с.
ЛИТВА.	Ковно. — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	Тегеранъ. —*Schtefko,* Khiabané Post Hané Koutcha Beha es Saltaneh N° 4. Téhéran
ПОЛЬША.	Варшава. — "Добро", Krakowskie Przed. 53, Varsovie. Цѣна отд. ном. зл. 1.35.
РУМЫНІЯ.	Бухарестъ. — "Наша Рѣчь", 28 Str. Poincaré. Цѣна отд. ном. 25 лей.
СОЕД. ШТАТЫ.	Нью-Іоркъ. — "Новое Русское Слово", 178, 2-nd Avenue. New-York. Санъ-Франциско. —Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	Стамбулъ. — "Знаніе", Grand'Rue de Péra. Цѣна отд. ном. 25 піастр. Стамбулъ.Pakhalov. Beyoglu, Posta Sokak N° 8.
ФИНЛЯНДІЯ.	Гельсингфорсъ. — *Oblakov,* Boulevar-din, 17, Helsingfors. Ц. отд. ном. ф. м. 6.50 Келломяки. *Reiche,* Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ.	Прага. — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel. Ц. отд. н. К. Ч. 5.50
ЭСТОНІЯ.	Ревель. — *Tobon, Goldschmiedstrasse,* Reval. Нарва. — "Старый Нарвскій Листокъ", 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 50 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	Бѣлградъ. — *Henri Soubre, Ul Kn. Mihailova br. 27.*

Переводы и Посылки на небывало выгодныхъ условіяхъ. Переводы съ ручательствомъ за выплату въ 15 дней.
ВЪ РОССІЮ
BANQUE pour l'ARBITRAGE et COMMISSION
6, Rue Buffault. PARIS (9). Tél. Provence 95-20 95-21

РЕСТОРАНЪ
„CHEZ KORNILOFF"
6, rue d'Armaillé
между Avenue Carnot и des Ternes
Tél. Carnot 52-49
Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ влад.
Ф. Д. КОРНИЛОВА.
Prix fixe Завтракъ — 15 фр.
Обѣдъ — 20 фр. и à la carte
ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА:
Среда — ботвинья; четв. — чахохбили; пятн. — царскій студень; субб. — разсольникъ; воскр. — поросенокъ; пон. — бефъ-бун; вторникъ — пельмени.
Ежедн.:кулебяка, блины, осетрина, рябчики, чахохб. гурьев. каша
Самый элегантный и уютный русско-французскій ресторанъ Парижа

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ **Л. РИХТЕРЪ, Рига**
Представительница Е. Михайловская
9, RUE AUGUSTE-VITU, PARIS (15). Métro : Javel. Tél. Vaugirard 65-59
Гарантир. посылки съ мыломъ
и др. наилучш. латвійскими продуктами въ Россію безъ ограниченія нормы. Получатель не несетъ никакихъ расходовъ. — Кратчайшій срокъ доставки. Самыя дешевыя цѣны. — Пріемъ заказовъ ежедневно, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней съ 9 час. утра до 9 час. вечера.

PAUL LIEBENSOHN
3, Cité de Paradis, 3 — PARIS (10e)
Téléph.: Provence 05-17 Métro : Poissonnière
Деньги, продукты и вещи въ Россію
(Спеціальная контора).
Гарантир. выполн. экспрессомъ. Посылки съ оплач. пошл. въ 5 кило. качиная отъ 67 фр., въ 10 кило нач. отъ 132 фр. Первокл. кач. товар.
Требуйте проспекты.

Общество Взаимнаго Кредита „СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9e) Tél. : Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрышн. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) 10-4 ч. безъ пер.

ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ
И ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ
Земскій Союзъ
UNION DES ZEMSTVOS RUSSES
12, rue Blanche, Paris (9).

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ
„НАША РѢЧЬ"
издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.
Редакторъ-Издатель: С. М. ГАЗІЕВЪ.
Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse.* Въ Парижѣ — въ *«Publicité Metzl », Rue de Turbigo,* 51, *Paris VIIIe* и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ "Нашей Рѣчи" С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier, 7, Paris IXe.*

ВОРИДИ и ГРУШКО
(Voridi & Grouchko)
6, RUE DE PROVENCE, PARIS (9)
Métro : Le Pelletier et Richelieu-Drouot. Téléphone : Provence 36-39
ОТПРАВЛЯЕМЪ
Посылки въ Россію съ оплаченн. пошлиной по наивыгодн. цѣнамъ
Получателю выдается посылка безъ доплаты
И ВПРЕДЬ ГАРАНТИРУЕМЪ ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО ПРОДУКТ.
И БЫСТРУЮ ДОСТАВКУ

Impr. d'Art Voltaire, O. Zeluk, Directeur; 34, rue Richer Paris IX.

Le Gérant: N. Kornfeld.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

на Еженедѣльный Журналъ Сатиры и Юмора

Сатириконъ

Отъ редакціи

Для того, чтобы сдѣлать **"Сатириконъ"** своей настольной книгой, надо:
— прежде всего аккуратно складывать его номеръ за номеромъ;
— затѣмъ, всѣ собранные номера переплести въ изящный переплетъ;
— а въ концѣ подписного года посмотрѣть на себя въ зеркало и въ восторгѣ воскликнуть:
— Боже, какое у меня одухотворенное выраженіе лица и какой тонкій взглядъ на вещи!

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи .. .. Frs	135.—	105.—	70.—	36.—	12.50
Въ странахъ, входящихъ въ составъ Всем. Почтоваго Союза	160.—	125.—	80.—	42.—	15.—
Въ . странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза	177.—	137.—	88.—	46.—	17.—

Адресъ Редакціи и Конторы: 51, RUE VIVIENNE, PARIS (2e)

Téléphone : GUTENBERG 05-40

PRIX EN FRANCE : Frs 3. 3 ОКТЯБРЯ. 3 OCTOBRE ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ: 3 ФР.

САТИРИКОНЪ

SATYRICON

1931 ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ № 27

Hebdomadaire Russe Rédaction et Administration : 51, Rue Vivienne, PARIS (2e) Directeur M. Kornfeld

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
LA CRISE ANGLAISE

Посвящается Макъ-Дональду.

Рис. А. Шараго.

— Если кто тебя ударитъ въ правую щеку — подставь ему лѣвую и посмотри, что изъ этого выйдетъ...

— Si quelqu'un te frappe sur la joue droite, présente-lui aussi l'autre...

Рис. М. В. Добужинскаго.

Трактиръ на Клинскомъ Проспектѣ.

ПРОГРАММА ном. 4711.

Тили-тили-тили-бомъ,
Въ стѣнку, въ стѣнку, въ стѣнку лбомъ!
Либо стѣнка, либо я,
Лишь бы родина моя
Возвеличилась опять,
Разъ-два-три, четыре-пять!

Что-жъ касается того,
Какъ изъ лона моего,
Лона дальнихъ за-границъ,
Воскресить двуглавыхъ птицъ,
Обязательныхъ орловъ,
То и планъ уже готовъ.

Я фашистъ, и ты фашистъ,
Петръ Иванычъ монархистъ,
Сидоръ Карпычъ активистъ,
Генералъ нашъ — беллетристъ,
А племянникъ гимназистъ
Зарядилъ свой Монтз Кристъ!...

Монтз-Кристъ начнетъ стрѣлять,
Петръ Иванычъ — управлять,
Беллетристъ, изъ дальнихъ мѣстъ,
Сочинитъ намъ манифестъ,
И займутъ свои посты
Сидоръ Карпычъ, я да ты.

Ты запомни, ангелокъ,
Надо, надо, надо блокъ,
Надо блокъ образовать,
Разъ-два-три, четыре-пять!...
Блокъ есть блокъ со всѣхъ сторонъ,
Кворумъ я, и кворумъ онъ,
Кворумъ — бабушка его,
Разъ и два, и — статусъ кво!

Сочинивъ подобный трюкъ-съ,
Мы садимся въ трэнъ-дз-люксъ,
И, съ плацкартами въ рукахъ,
Мы летимъ на всѣхъ парахъ,
Изъ Парижа — въ Петроградъ,
Изъ вагона — на парадъ.

Нетерпѣнія полна
Насъ встрѣчаетъ вся страна,
Хлѣбъ и соль намъ подаетъ,
Слова ласковаго ждетъ,
Мы то слово говоримъ...

Пушекъ громы. Плошекъ дымъ.
Фейерверки. Блескъ. Балы.
А на вывѣскахъ орлы.
Флаги тамъ. И флаги тутъ.
И вездѣ куранты бьютъ:
Тили-тили-тили-бомъ,
Въ стѣнку, въ стѣнку, въ стѣнку лбомъ!...

К. Страшноватенко.

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала контора журнала

САТИРИКОНЪ

проситъ г. г. подписчиковъ, срокъ подписки конхъ истекаетъ, ВОЗОБНОВИТЬ ЕЕ заблаговременно

СПИРИТИЧЕСКІЙ СЕАНСЪ

Не-то ли это отъ малокровія, не то ли, наоборотъ, отъ избытка здоровья, а въ эмиграціи стали заниматься спиритизмомъ!...

Съ верченіемъ столовъ, съ верченіемъ блюдечекъ, съ вызываніемъ духовъ, съ перестукиваніями, съ перекликаніями, однимъ словомъ, со всѣми вещественными доказательствами невещественныхъ отношеній.

Для перваго раза собрались у Марьи Ивановны.

Марья Ивановна женщина костлявая, но одухотворенная.

Глаза съ поволокой, губки бантикомъ, бюстъ въ прошломъ.

Съ мужемъ обращается небрежно и полупрезрительно, все никакъ ему простить не можетъ, что онъ присяжный повѣренный, а не Кришнамурти.

Пообѣдали, впрочемъ, сытно, выпили тоже не мало.

Потомъ перешли въ салонъ и, за отсутствіемъ другой мебели, беззаботно раскинулись на подушкахъ.

Поговорили объ англійскомъ фунтѣ, о пылесосахъ, о средствахъ для рощенія волосъ и незамѣтно подошли къ безсмертію души и къ загробной жизни.

Кончилось это тѣмъ, что Марья Ивановна принесла блюдечко, хозяинъ дома приволокъ ночной столикъ и грустно поставилъ его посерединѣ комнаты, а гости стали таскать стулья.

Подушки были выброшены въ корридоръ, такъ какъ духи ничего мягкаго не выносятъ.

Затѣмъ образовали цѣпь, задернули шторы, погасили, электричества, вздохнули и замерли...

Голосъ Марьи Ивановны прозвучалъ, глухо и торжественно:

— Вася, прерви цѣпь и зажги люстру!...

Вася чуть не перевернулъ всю постройку отъ неожиданности и, спотыкаясь, полѣзъ къ выключателю.

— Господа, — наставительно обратилась къ присутствующимъ хозяйка дома, — прежде всего необходимо установить, чей духъ вы желаете вызвать?!.

Замѣчаніе было вполнѣ дѣловое, но бурю оно вызвало страшную.

Одни предлагали вызвать духъ Ленина и, такъ сказать, изъ первоисточника выяснить, когда же наконецъ вся эта музыка кончится?...

Но бывшій товарищъ прокурора Ялкинъ категорически заявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ уйдетъ, такъ какъ не только съ Ленинымъ, но съ духомъ Ленина онъ въ одной комнатѣ оставаться не намѣренъ.

Отводъ представителя прокурорскаго надзора произвелъ надлежащее впечатлѣніе, и рѣшено было оставить Ленина въ покоѣ.

Но толчокъ нежелательному направленію мыслей былъ такъ или иначе данъ.

И никто иной, какъ Вася, робко осмѣлился предложить вызвать... духъ Дыбенки...

Боже мой, что ему влетѣло отъ Марьи Ивановны!

— Во-первыхъ, если ты ничего не понимаешь, то не лѣзь. Во-вторыхъ, этотъ любезный твоему сердцу Дыбенко еще не умеръ, и потому вызывать его мы не можемъ!... А въ третьихъ, ты себѣ представляешь, что за удовольствіе, этотъ духъ Дыбенки?!.

— Это вамъ не Коти!... мрачно огрызнулся Ялкинъ.

Хозяинъ дома виновато улыбнулся и отошелъ въ сторону.

—Нѣтъ, господа, такъ нельзя! — начала уже выходить изъ себя Марья Ивановна, — либо относиться къ этому серьезно, либо совсѣмъ бросить... давайте поочереди... Петръ Семенычъ, вы!

Петръ Семенычъ задумался и сказалъ меланхолически:

— Распутина, что ли...

Но единодушія и это имя не вызвало.

— Дѣйствительно, нашли чѣмъ порадовать!..

— Есть, чѣмъ хвастаться!...

— То Ленинъ, то Распутинъ, какъ будто на нихъ весь міръ кончается!...

Короче говоря, Петра Семеныча затюкали.

— Ну, Вѣрочка, можетъ быть, вы что нибудь путное придумаете?

Вѣрочка была натура непосредственная и, кромѣ того, вдова.

— Я, господа, стою за Рудольфа Валентино и больше ни за кого!

На Вѣрочку набросились.

— Это никому неинтересно, это не историческая личность, онъ ничего не знаетъ, съ нимъ даже и поговорить не о чемъ, это вамъ не синема...

И такъ далѣе.

Страсти разгорались все сильнѣй и сильнѣй.

Одни были противъ Наполеона, но за профессора Иловайскаго.

Другіе были противъ Иловайскаго, но за диктатуру вообще.

Называли и валили всѣхъ въ кучу: Марфу-Посадницу, Робеспьера, Салтыкова-Щедрина, Марію Антуанету, Стеньку Разина, Гете, Шиллера, Карла Маркса, Нерона, Ибсена. Златовратскаго и Сарру Бернаръ.

Пропустили послѣднее метро и разошлись.

Донъ-Аминадо.

ТОНКІЙ РАСЧЕТЪ

Рис. Адлена.

—Отчего ты себѣ сшила такое короткое платье?

— Ты знаешь, я не стараюсь слѣдить за модой. Когда денегъ мало — всегда запаздываешь. А мода на короткія юбки все равно вернется...

МОНОЛОГЪ

Вы нравитесь мнѣ не меньше.
Чѣмъ въ годы минувшихъ встрѣчъ.
Служили вы манекеншей,
Манто ниспадало съ плечъ.

Чужое манто. но плечи
При-над-ле-жали вамъ!
... Гдѣ эти наши встрѣчи
На авеню Ваграмъ?

Но нѣтъ ужъ той манекенши;
Собственное манто.
Вы нравитесь мнѣ не меньше,
Но что то оно — не то...

Бывало, сядемъ не глядя
Въ трамвай, въ сто какой то второй.
А нынче? Паккаръ. Въ немъ дядя,
А ждетъ васъ — дядя другой.

Стихи написать? Едва ли
Теперь вы склонны къ мечтамъ.
Въ Америкѣ побывали?
А я вѣдь и не былъ тамъ!

По разнымъ Индіямъ, Явамъ
Не ѣздилъ. Все тутъ сижу.
О чемъ же, дорогая, я вамъ
Въ стихахъ моихъ разскажу?

И стиль мой теперь — не модный,
И такъ и быть — не солгу:
Я часто сижу голодный...
Про Яву — нѣтъ, не могу.

Вы нравитесь мнѣ не меньше...
Простите; я пьянъ, какъ звѣрь.
А всетаки: манекеншей
Вы стали только теперь.

Мих. Долиновъ.

ИЗЪ ХРЕСТОМАТІИ «САТИРИКОНА»

Не ляпай!

Русская народная мудрость говоритъ: «Не справившись въ святцахъ, не бухай въ колокола». Но многіе бухаютъ и ставятъ себя же черезъ то въ глупое и смѣшное положеніе. Случай, который недавно произошелъ здѣсь, въ Парижѣ, съ однимъ русскимъ господиномъ, какъ нельзя лучше доказываетъ, какъ осторожно долженъ относиться каждый человѣкъ къ дѣлаемымъ имъ заявленіямъ.

Этотъ господинъ прельстился въ метро между Этуалью и Клиши одной дамочкой. Ну, прельстился — его дѣло, тѣмъ болѣе, что человѣкъ онъ холостой. И началъ онъ, конечно, за этой дамочкой, то да се, ухлестывать. Какъ, молъ, душно въ метро, и куда она, значитъ, ѣдетъ и что въ такую жару не грѣхъ бы ситронаду или оранжаду выпить гдѣ-нибудь на плясъ Клиши, или, по желанію, и чего нибудь покрѣпче.

Ну, дамочка сначала фасонилась, но какъ услышала, что можно и покрѣпче, то сказала прямо, что ситронадовъ съ оранжадами и въ ротъ не беретъ, но отъ портвейна отказаться считаетъ даже неприличнымъ.

И вотъ они выходятъ на плясъ Клиши и садятся въ кафэ. Гарсонъ приноситъ ей портвейнъ за 5 франковъ, ему пиво за полтора, и онъ начинаетъ говорить какъ полагается: и какія у нея глаза и тамъ брови и что онъ, можетъ быть, десять лѣтъ ѣздитъ въ метро, но такихъ ручекъ и ножекъ еще не встрѣчалъ ни во второмъ классѣ, ни даже въ первомъ, и не поѣдетъ ли она дескать къ нему на квартиру чай пить, при чемъ, конечно, намекаетъ, что чай пить — это только такъ называется, но не исключена возможность и шампанскаго.

Но она тоже, конечно, говоритъ, что чай она пьетъ только когда имѣетъ гриппъ, а въ шампанское не вѣритъ, потому что мужчины всѣ обманщики и зовутъ на шампанское, но на самомъ дѣлѣ имѣютъ въ виду лишь удовлетвореніе своихъ эгоистическихъ стремленій къ прекрасному. И вдобавокъ говоритъ, что она замужемъ.

Тутъ то нашъ господинчикъ и бухъ, не справившись въ святцахъ, въ колокола:

— Ахъ, — восклицаетъ онъ, — какъ бы я желалъ быть на мѣстѣ вашего мужа!

И изъ дальнѣйшаго разговора, сопровождаемаго со стороны дамочки громкимъ смѣхомъ, узнаетъ, что ея мужъ вотъ уже полтора года сидитъ въ тюрьмѣ за кражу автомобиля!

Значитъ какое же пожеланіе высказалъ себѣ нашъ легкомысленный господинъ, заявивъ, что онъ желалъ бы быть на мѣстѣ ея мужа?

Смекаете?

Но, разумѣется, если бы онъ, вмѣсто того, чтобы ляпать, что на языкъ придетъ, предварительно разспросилъ бы, что вашъ мужъ, да какъ вашъ мужъ да гдѣ вашъ мужъ, онъ такого заявленія, ставящаго его вровень съ преступными элементами общества, не сдѣлалъ бы.

Слово не воробей: вылетитъ — не поймаешь

Нѣкоторые люди какъ будто вовсе не понимаютъ, что прежде чѣмъ сказать или произнести даже одно слово, надо подумать, потому что слово не шутка и можетъ имѣть весьма тяжелыя послѣдствія. Случай, который имѣлъ мѣсто въ маѣ 1926 года въ городѣ Фитцморисъ, въ американскомъ соединенномъ штатѣ Кентукки, прямо таки наглядно доказываетъ, что отъ одного необдуманно произнесеннаго слова можетъ воспослѣдовать смерть молодой человѣческой жизни.

Въ обозначенномъ мирномъ, утопающемъ въ зелени хвои городѣ работали на крышѣ небоскреба въ 40 этажей два кровельщика — Іонафанъ и Павелъ. Маленькій ростомъ Павелъ началъ задирать толстаго Іонафана, что онъ много пьетъ да часто въ кино ходитъ, а членскіе взносы въ кассу взаимопомощи союза кровельщиковъ вноситъ неаккуратно. Іонафанъ отмахивался отъ Павлуши, какъ отъ мухи, а Павлушкѣ то и на руку: онъ давай Іонафана еще больше пилить и зудить. Наконецъ, Іонафанъ не выдержалъ, ухватилъ Павла за воротъ и давай его трясти и приговаривать: «Замолчишь ты когда, муха ты навозная?» Ну, и дѣйствительно разошелся въ сердцахъ. Трясетъ его и трясетъ — надъ пропастью-то глубиною въ сорокъ этажей!

Что же дѣлаетъ этотъ безумный Павлушка? Вмѣсто того, чтобы подождать, пока Іонафанъ, потрясши его хорошенько, поставитъ его опять на ноги, онъ начинаетъ кричать, какъ оглашенный:

«Пусти меня, сволочь! Пусти меня! Пусти!»

Іонафанъ его пустилъ, и бѣдный Павелъ полетѣлъ внизъ и, конечно, упалъ на землю уже не Павелъ, а трупъ бѣднаго Павла, оставивъ послѣ себя жену, Мэри, 28 лѣтъ, и троихъ дѣтей: Санчо, Мигуэля и Джекки.

Если бы у Павла этого была хоть капля мозга, сталъ бы онъ повелительно кричать человѣку, трясшему его надъ бездной: «Пусти меня!»?

Надо думать, что этой печальной исторіи достаточно для того, чтобы доказать, что прежде чѣмъ сказать хотя бы одно слово, всякій человѣкъ долженъ предварительно взвѣсить, къ чему оно можетъ привести и какія отъ него могутъ впослѣдствовать роковыя послѣдствія...

Апоплексій Барбаросскій.

КЪ УРАЗУМѢНІЮ СМЫСЛА РУССКОЙ ЭМИГРАЦІИ

Рис. А. Шараго.

НОВОСТИ ВОЗРОЖДЕНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА И А. О. ГУКАСОВА

Джунгли Монмартра

Тайная торговля наркотиками

Проповѣдь подъ гитару

Тайна одного чемодана

Принцъ Уэльскій и Чаплинъ

Война королей подполья

УБІЙСТВО МИЛЛІОНЕРА-БАНДИТА

„Синяя Борода изъ Тихаго Дельса"

Чудо въ Гуадамарѣ

Чулки изъ воздуха

Бриджевый турниръ

Процессъ вѣдьмы въ Венгріи

Трупъ въ багажѣ

Роковой перстень

Американка на Сухаревкѣ

Марсельскіе мертвецы

Похищеніе милліонера

Слонъ безъ вожака

Какъ развлекаются милліонеры

14.000 крестниковъ

Баккара подъ гипнозомъ

Холливудская маффія

Ожерелье миссисъ Хармэнъ

Богатая воровка

Котелокъ премьеръ-министра

Самая большая птица въ мірѣ

Королева красоты

ШАРЛОТТА НИРДЛИНГЕРЪ НАСЛѢДУЕТЪ ТРЕТЬ СОСТОЯНІЯ УБИТАГО ЕЮ МУЖА

Королева въ третьемъ классѣ

Конкурсы чревоугодія

Массовое леченіе гипнозомъ

Электрическій кладоискатель

Трупъ въ чемоданѣ

Мыши русскія и англійскія

Сумасшедшій на аэропланѣ

Шарада-акростихъ № 21

Привидѣніе изъ Монпелье

Тайный бракъ Глорій Свансонъ

Бутлегеръ на отдыхѣ

Баронетъ — безработный

Мода на татуировку

Наслѣдство Пэ

Искушеніе Ленней

Голый человѣкъ на Курфюрстендамм'ѣ

Овчарки короля Альфонса

Крестословица мастера игрушки

Нападеніе льва на аэроплан

Свободное печатное слово имѣетъ, несомнѣнно, огромное воспитательное значеніе.

ВЪ РАЗДУМЬИ

Рис. Хэйтера.

— На чемъ остановиться: на пикантной блондинкѣ 22-хъ лѣтъ или на опытной массажисткѣ съ небольшимъ приданымъ?..

ОТКРОВЕННОСТЬ ЗА ОТКРОВЕННОСТЬ

Горбатый господинъ въ очкахъ сидѣлъ въ купэ, читая газету. На промежуточной станціи въ купэ вошелъ франтовски одѣтый полный господинъ съ красивой, немножко наглой физіономіей, въ чрезмѣрно свѣтлыхъ брюкахъ, въ чрезмѣрно франтовскихъ ботинкахъ. На немъ былъ галстухъ бабочкой и круглая шляпа съ широкими полями, какія носятъ зачѣмъ то жрецы искусства. Едва усѣвшись на свое мѣсто, господинъ началъ болтать. Онъ говорилъ о театрѣ, объ оперѣ, о концертахъ, о пѣвцахъ и пѣвицахъ и получаемыхъ ими гонорарахъ. Повѣдалъ мимоходомъ, что онъ недавно получилъ письмо отъ самаго Стравинскаго, а Кусевицкаго называетъ просто Сережей. Проболтавъ этакъ съ полъчаса, онъ сказалъ, коснувшись колѣна своего слушателя рукой, на которой звякалъ неумѣренной величины браслетъ:

— Я долженъ вамъ сказать, что я теноръ.

— Откровенность за откровенность, — сказалъ господинъ въ очкахъ: — я горбатый.

ФИЛАНТРОПЪ

Маленькому мальчику, везущему очень нагруженную телѣжку, помогаетъ случайный прохожій.

— Что же ты не скажешь своему хозяину, что не подъ силу тебѣ тащить такія тяжести?

— Сколько разъ я говорилъ ему это, а онъ все свое: всегда, говоритъ, найдется дуракъ на улицѣ, который тебѣ поможетъ.

ПѢСНЯ ВЕСТАЛОКЪ

Ахъ, мужчинъ. ахъ. мужчинъ слишкомъ мало на дѣвичьемъ фронтѣ.
И короткія юбки ихъ вовсе не сводятъ съ ума!
Но какъ тонущій — парусъ привѣтствуетъ на горизонтѣ.
Такъ мы всѣ устремились, завидя весной пижама.
Новый день. новый день засіялъ утѣшительно, бодро,
На волнующій бой выходили въ оружіи мы:
Чортъ возьми! Мы покажемъ зовущія ноги и бедра
Подъ прозрачнымъ покровомъ разящей мужчинъ пижамы!
И все лѣто, все лѣто, все лѣто, все лѣто, все лѣто,
Въ Ниццѣ, въ Каннахъ, въ Жуанѣ, при крикахъ Тартюфовъ: «О, срамъ!» —
Диктатура царила единаго сверхтуалета —
Яркихъ, жаркихъ, манящихъ, дразнящихъ, томящихъ пижамъ.
Ахъ, промчалось, умчалось пижамное лѣто, — и гдѣ вы,
Гименея вѣнки? Мы вернулися съ пляжа домой,
Какъ и были. полу — (можетъ быть на десятую) — дѣвы —
Съ непознававшимъ побѣдъ пестрымъ стягомъ своимъ, пижамой.
Но не вовсе. не вовсе надежды весталокъ пропали:
Можетъ быть, пижама будетъ дерзче и больше къ лицу
Среди чопорныхъ фраковъ, зимой, на торжественномъ балѣ,
И мужчину поддѣвъ, поведетъ негодяя къ вѣнцу.
Ну а если, а если не вывезетъ эта кривая,
Сбросить козырь послѣдній отважная дѣвичья рать,
Какъ высокая истина, явится міру нагая
И съ пижамою больше не будетъ себя рифмовать.
Пусть отъ голода всѣ подыхаютъ портные, модистки,
Какъ обманъ, какъ обманъ, мы покинемъ покровы совсѣмъ,
Въ бой послѣдній, рѣшительный мы устремимся, нюдистки...
Тьмы Саулъ побѣдилъ, покоримъ мы подъ нози тьмы темь...

Олегъ Южанинъ.

ВЛІЯНІЕ ПРЕСТУПНОСТИ НА КЛИМАТЪ

Въ Вильмингтонской Морнингъ Старъ (Сѣв. Каролина); мѣстный выдающійся насадитель вѣры, пишетъ:

«Какъ преступленіе Нидльмэна, такъ и это второе преступленіе совершено въ субботу!... Можно-ли послѣ этого удивляться, что молитвы населенія о ниспосланіи дождя остались неуслышенными, если покой господняго дня нарушается подобными преступленіями?!..

ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Рис. Пикельнаго.

Письмо султаншѣ. (По Рѣпину).

ВЪ МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

(Отхожій промыселъ)

Рис. П. Ильина.

— Только что я начала обдумывать основныя положенія моего реферата по гражданскому судопроизводству, а мнѣ уже говорятъ, что пора одѣваться...

ПОТРЯСАЮЩАЯ ИСТОРІЯ

Миніатюра **О. Генри.**

На сѣверной окраинѣ Аостина пріживала однажды весьма почтенная семья Смозерсъ. Состояла она изъ главы семьи, самого Джона Смозереа, его жены и ихъ маленькой пятилѣтней дочурки, которой восхищались всѣ ее знавшіе.

Однажды вечеромъ, послѣ слишкомъ обильнаго обѣда, ребенокъ почувствовалъ отчаянные рѣзи въ желудкѣ, и Джонъ Смозерсъ, потерявъ голову, побѣжалъ въ городъ за лекарствомъ.

Онъ ушелъ и больше не вернулся...

Между тѣмъ, дѣвочка поправилась, и черезъ нѣсколько лѣтъ, превратилась въ цвѣтущую дѣвушку.

Мать первое время сильно горевала по случаю исчезновенія мужа, но уже черезъ три мѣсяца, успокоилась и вышла замужъ за весьма почтеннаго человѣка, который увезъ ее въ Санъ-Антоніо.

Дочь тоже вышла замужъ и продолжала жить съ мужемъ въ томъ же домѣ, какъ и раньше. По прошествіи положеннаго срока у нея родилась дочка.

Однажды вечеромъ, какъ разъ въ тотъ день, когда дѣвочкѣ минуло пять лѣтъ, и, по удивительному совпаденію, въ годовщину таинственнаго исчезновенія Джона Смозера, который, будь живъ, былъ бы теперь дѣдушкой, — у именинницы начались отчаянныя рѣзи въ желудкѣ.

— Я пойду въ городъ за лекарствомъ! — рѣшительно заявилъ Джонъ Смитъ (такъ звали человѣка, за котораго дочь Джона Смозерса вышла замужъ).

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнула его жена: — Я ни за что на свѣтъ не пущу тебя въ городъ. Ты тоже можешь исчезнуть навсегда. Моей мамѣ еще повезло, мнѣ, можетъ быть и не удастся такъ скоро выйти вторично замужъ.

Побѣжденный искренностью ея тона, Джонъ Смитъ остался дома, и оба они усѣлись у кроватки маленькой Пепси (такъ звали ихъ дочку).

Вскорѣ, дѣвочкѣ стало хуже, и Джонъ Смитъ снова собрался ѣхать въ городъ за лекарствомъ, но жена и на этотъ разъ не пустила его.

Въ самую критическую минуту внезапно постучали въ дверь, и въ комнату вошелъ согбенный старикъ, съ длинными, сѣдыми волосами.

— А вотъ и дѣдушка пришелъ! — закричала Пепси, которая немедленно узнала старика и раньше остальныхъ присутствующихъ.

Старикъ вынулъ изъ кармана стеклянку съ лекарствомъ, налилъ столовую ложку и далъ выпить дѣвочкѣ.

Дѣвочка немедленно почувствовала себя легче.

— Я немного запоздалъ, сказалъ извиняющимся тономъ Джонъ Смозерсъ, — мнѣ пришлось ждать трамвая.

Перевелъ **З. Л-скій.**

АНЕКДОТЫ ИЗЪ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ

У Дуче въ гостяхъ ближайшіе друзья. Обѣдъ. Тутъ же за столомъ и семья. Среди разговора старшихъ о фашизмѣ вдругъ раздается тоненькій голосокъ маленькаго Муссолини:

— Папа, что такое фашизмъ?

— Ѣсть и молчать!! — слѣдуетъ суровый отвѣтъ родителя.

У стойки ресторана знаменитый боксеръ Карнери, выжимая до-суха полъ-лимона на поданныя ему сардины, говоритъ:

— Ну, я увѣренъ, что отсюда ужъ никто не воспользуется.

Рядомъ стоящій невзрачнаго вида господинъ:

— Вы разрѣшите попробовать? — И, беря лимонъ, выдавливаетъ еще нѣсколько капель.

— Кто вы такой? Какъ ваше имя? — Говоритъ изумленный Карнери.

— Я рядовой сборщикъ налоговъ — слѣдуетъ скромный отвѣтъ.

Рис. Шварца.

Радіо-привѣтъ художника.

ФИЛОСОФИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

Бутылка.

Поѣздъ двигался съ обычной для французскихъ экспрессовъ быстротой, превышающей сто километровъ въ часъ.

Вагонъ ходуномъ ходилъ по рельсамъ, и пользовался каждымъ стыкомъ, чтобы попытаться вырваться изъ цѣпи, въ которую включилъ его на станціи отправленія составитель поѣздовъ.

Телеграфные столбы проносились мимо непрерывнымъ частоколомъ.

Мама съ двумя дѣтьми, мальчикомъ и дѣвочкой, помѣстились у двери въ корридоръ, а у окна расположился со всѣми удобствами толстый краснощекій господинъ, въ которомъ съ перваго взгляда можно было признать опытнаго путешественника.

Занявъ на промежуточной станціи заранѣе заказанное мѣсто, онъ быстро стащилъ съ себя сапоги и облекъ свои ноги въ полосатыхъ немаркаго цвѣта, носкахъ въ туфли, которыя онъ извлекъ изъ спеціальнаго карманнаго футляра. Изъ другого футляра онъ досталъ удобную дорожную шапочку, а когда онъ открылъ свой сакъ-вояжъ, въ немъ оказался цѣлый погребецъ.

Господинъ закусилъ, при помощи складного ножа и такой же вилки, которая съ другого конца была ложкой, а по серединѣ штопоромъ, выпилъ изъ превращающагося въ блюдечко стаканчика вина, утерся бумажной салфеточкой, повѣсилъ на крючокъ въ углу спеціальную подушечку, надѣлъ защищающіе глаза отъ пыли и копоти спеціальныя очки и задремалъ спеціальнымъ сномъ путешественника, чувствующаго себя въ вагонѣ желѣзной дороги, какъ дома.

— Какой замѣчательный господинъ, — сказала мама.

— Очень интересный, — подтвердилъ мальчикъ.

— Папѣ не мѣшало бы поучиться у него, — сказала дѣвочка.

Мама вздохнула.

Подремавъ ровно столько, сколько требуется для пищеваренія, опытный путешественникъ заглянулъ въ желѣзнодорожный указатель, который онъ первымъ же дѣломъ положилъ на столикъ передъ собою, развернутымъ на заранѣе загнутой страницѣ, и сказалъ:

— Черезъ четырнадцать минутъ Ліонъ. Остановка пятнадцать минутъ. Буфетъ. На вокзалѣ продаютъ сотернъ, о которомъ нельзя сказать ничего, кромѣ самаго наилучшаго. Въ дорогѣ бѣлое вино лучше краснаго. Оно больше освѣжаетъ.

— Я куплю вамъ лимонаду, — сказала мама и погладила по головѣ дѣвочку.

Опытный путешественникъ досталъ свою бутылку съ виномъ, вылилъ остатокъ вина въ стаканчикъ, проглотилъ, вылилъ изъ горлышка бутылки послѣднія нѣсколько капель и, размахнувшись, выбросилъ бутылку въ окно.

— Это онъ не хорошо сдѣлалъ, — сказала, мама. — Никогда не надо выбрасывать пустыя бутылки. Почему этого не надо дѣлать? Кто изъ васъ скажетъ, дѣти?

— Конечно, онъ это очень нехорошо сдѣлалъ, — сказалъ мальчикъ. — При быстротѣ, съ которой движется нашъ, поѣздъ, всякій выброшенный изъ него предметъ пріобрѣтаетъ большую ударную силу, которая называется живой силой. Эта бутылка, если бы она попала въ человѣка или животное, могла бы его сильно поранить и даже убить на мѣстѣ. Учитель намъ объяснялъ, что маленькій орѣшекъ, брошенный съ верхушки Эйфелевой башни, способенъ былъ бы пробить черепъ носорогу, потому что при приближеніи этого орѣшка къ землѣ сила его удара равнялась бы силѣ удара самой большой свинцовой гири самыхъ большихъ размѣровъ.

Мальчикъ остановился, и въ глазахъ его появилось выраженіе ученика, ожидающаго похвалы отъ учителя за хорошо отвѣченный урокъ.

— Можетъ быть это и такъ, — сказала мама, — я въ этомъ плохо разбираюсь.

И обратно къ дѣвочкѣ:

— А ты знаешь, Лили?

— Конечно, — сказала Лили, и рѣчь ея дышала убѣжденіемъ. — Это очень глупо выбрасывать пустыя бутылки :вѣдь за нихъ возвращаютъ въ лавкахъ восемьдесятъ сантимовъ за винныя и цѣлыхъ франкъ двадцать пять за изподъ прованскаго масла.

Мама любовно посмотрѣла на дѣвочку и погладила ее по головѣ.

Влад. Азовъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ДѢТИ

Маленькому мальчику задаютъ извѣстный шуточный вопросъ: У Ноя было три сына: Симъ, Хамъ и Іафетъ — кто былъ ихнимъ отцомъ?

— А развѣ, — спросилъ мальчикъ, хитро подмигивая, — у старика были на этотъ счетъ какія нибудь сомнѣнія?

СКАЗКА ПРО ЗАЙЦА

Жилъ на свѣтѣ дровосѣкъ,
Очень добрый человѣнъ.
Съ нимъ жила его жена
И была добра она.
Хоть прошло ужъ много лѣтъ,
Но дѣтей все нѣтъ, нанъ нѣтъ.

Разъ жена подъ новый годъ
Въ лѣсъ за хворостомъ идетъ.
Видитъ зайчина въ снѣгу,
Весь дрожитъ — и ни гу-гу.
Къ зайчину она идетъ,
На руни его беретъ,
Бѣлый, мягеньній таной.
Принесла его домой,
Затопила жарно печь,
Принялась ватрушни печь,
Ими зайца угощать —
Будто бы родная мать.

Вотъ вернулся дровосѣкъ.
Онъ, накъ добрый человѣкъ,
Говоритъ: — Я гостю радъ,
Нѣтъ у насъ своихъ ребятъ —
Будетъ сыномъ намъ бѣлянъ. —
А жена въ отвѣтъ: — пусть такъ. —

Зажили они ладномъ,
Сталъ имъ Заинька сынномъ,
Сшили Заиньнѣ штаны:
Сыновьямъ штаны нужны.
Дали носовой платокъ,
Чтобъ сморнаться Зайна могъ.

Канъ то Зайна проситъ мать:
— Отпусти меня гулять. —
Скокъ да сконъ, сконъ да снокъ —
Сначетъ Зайна вдоль дорогъ.
Вдругъ онъ видитъ предъ собой
Замонъ съ нрышей золотой,
Тронъ съ корсной и орломъ
И нороль на тронѣ томъ,
Весь закутанъ въ горностай —
Пьетъ изъ чашни сладній чай.

Зайку увидалъ нороль
И нричитъ женѣ: изволь
Сдѣлать изъ него рагу!

Скачетъ Зайка на лугу
И за нимъ бѣгутъ пажи,
Точатъ повара ножи,
Дамъ придворныхъ двадцать пять
Заиньку хотятъ поймать.
— Слѣва, слѣва забѣгай! —
Позабылъ нороль про чай:
Онъ номандуетъ и вдругъ
Самъ пустился черезъ лугъ,
Подхвативъ свой горностай
И крича: — Держи! Хватай! —
Но прыжна не расчиталъ,
Поснользнулся и упалъ.

— Не ушибли ли вы бонъ?
Зайна встать ему помогъ:
Не раснвасили ли носъ? —
Задалъ вѣжливый вопросъ.
Вѣжливость нороль любилъ.
— Этотъ заяцъ очень милъ.
Я споноенъ быть могу:
Выйдетъ внусное рагу. —
Зайна криннулъ норолю:
— Я о жизни не молю —
Тольно не большая честь
Вамъ меня на завтранъ съѣсть:
Я почти что человѣнъ —
Мой папаша дровосѣнъ. —

Долго размышлялъ нороль,
Нанонецъ сназалъ: — Изволь,
Ѣсть тебя не стану я,
Будемъ мы съ тобой друзья.
Не пущу тебя домой,
Оставайся жить со мной. —

Но былъ Заинькинъ отвѣтъ:
— Не могу. Спасибо, нѣтъ!
Тамъ въ лѣсу отецъ и мать
Будутъ безъ меня снучать. —
— Это, Зайка, не бѣда,
Приведи ихъ нъ намъ сюда —
Очень ужъ ты, Зайка, милъ, —
Добрый танъ нороль рѣшилъ.

Сталъ барономъ дровосѣкъ,
Очень важный человѣнъ.
Съ нимъ живетъ его жена
И еще важнѣй она.
Зайнинъ вѣрный другъ нороль
Дѣлитъ съ ними хлѣбъ и соль.

Ирина Одоевцева.

ВЪ ДНИ КРИЗИСА

Рис. А. Гросса

— Нѣтъ, это совсѣмъ не то: мнѣ нужна пара туфель, ноторая годилась бы для улицы, для танцевъ и для тэнниса!...

КУЛИСЫ ДУШИ

Юмореска

(Къ Н. Евреинову отношенія не имѣетъ).

Комната студента-медика. Кровать, два стула, столъ, книги.

Студентъ готовится къ экзамену.

Студентъ. Не понимаю, зачѣмъ столько книгъ. Должно быть для того, чтобы студенты испугались. Вообще все очень глупо. Лучше всего, если бы внутри человѣка была пустота. Какъ въ глобусѣ. Нечему было бы болѣть и нечего было бы учить. Профессора спросятъ: А ну, какіе органы внутри человѣка? — Никакихъ, господинъ профессоръ. Ни печени, ни желудка, ни сердца — ничего нѣтъ! Садитесь! скажетъ профессоръ — пять!

(За дверью шумъ. Входятъ г-нъ и г-жа Гольцъ, хозяева квартиры, въ дочь которыхъ Анжелику студентъ влюбленъ).

Г. Гольцъ. Мы къ вамъ, милостивый государь.

Г-жа Гольцъ. Имѣемъ къ вамъ дѣло, господинъ студентъ.

Студентъ. Садитесь, пожалуйста, прошу васъ!

Г. Гольцъ (женѣ), Онъ предлагаетъ намъ садиться! Наглый человѣкъ!

Г-жа Гольцъ. (мужу), Онъ предлагаетъ намъ садиться! Какой нахалъ!

Г. Гольцъ. Мы сядемъ безъ вашего разрѣшенія. Вся эта мебель наша!

Г-жа Гольцъ. Вотъ я сяду на кровать и вы ничего не можете сдѣлать. Кровать наша! (Садится).

Г. Гольцъ. А я переверну вотъ этотъ стулъ и вы ничего не можете сдѣлать: стулъ нашъ собственный! (Переворачиваетъ стулъ).

Студентъ. Почему у васъ такое буйное настроеніе? Что вамъ угодно?

Г. Гольцъ. Намъ нужны деньги!

Г-жа Гольцъ. Всѣ деньги, которые вы намъ должны за столъ и квартиру.

Г. Гольцъ. За четыре мѣсяца.

Студентъ. (Рѣшительно), Денегъ нѣтъ и не будетъ.

Г-жа Гольцъ. Ахъ! (Падаетъ на кровать).

Г. Гольцъ. Я этого не перенесу (Садится на полъ).

Студентъ. Не волнуйтесь!! У васъ имѣется выходъ. Отдайте за меня Анжелику. Тогда я сразу же дѣлаюсь вашимъ родственникомъ. Мой долгъ вы можете вычислить изъ приданаго.

Г. Гольцъ. Увы! Это невозможно.

Г-жа Гольцъ. Анжелика уже невѣста господина совѣтника.

Студентъ. Но ему — семьдесятъ пять лѣтъ.

Г-жа Гольцъ. Долголѣтіе — награда честныхъ людей.

Студентъ. Но у него на головѣ ни одного волоса.

Г. Гольцъ. (Самъ плѣшивый). Это признакъ большого ума и благородныхъ чувствъ.

Студентъ. Но онъ не выдержитъ брачныхъ обязанностей и умретъ въ первую же ночь.

Г-жа Гольцъ. Тѣмъ лучше для Анжелики: она получитъ наслѣдство.

Студентъ. Я не могу. Мы любимъ съ Анжеликой другъ друга. Я застрѣлюсь.

Г. Гольцъ. А наши деньги?

Г-жа Гольцъ. За четыре мѣсяца!

Студентъ. (Рѣшительно). Денегъ нѣтъ и не будетъ!

Г-жа Гольцъ. Ахъ! у

Г. Гольцъ. Этого я не перенесу.

Студентъ. Есть выходъ. Отдайте за меня Анжелику. Долгъ высчитайте изъ приданаго.

Г. Гольцъ. Мы подумаемъ!

Г-жа Гольцъ. Мы подумаемъ!

(Оба выходятъ. Студентъ садится за книги).

Студентъ. Конечно, можно признать важнѣйшіе органы человѣка. Но только курсъ долженъ быть краткимъ. Профессоръ спроситъ: для чего сердце? Чтобы любить, г. профессоръ! Для чего печень? Чтобы говорить ближнему непріятности, г. профессоръ! Для чего почки? Чтобы блуждать безъ цѣли и смысла... Садитесь, — скажетъ профессоръ, — пять!

Входитъ Анжелика.

Анжелика. Я принесла тебѣ чашку чернаго кофе. Чтобы не уснулъ за книгами...

Студентъ. Спасибо, дорогая моя. Выпью и усну. Кофе не помогаетъ.

Анжелика. Бѣдняжка. До чего ты усталъ! (Садится студенту на колѣни).

Студентъ (Обнимая Анжелику). Чертовски усталъ. Учу, учу и ничего не понимаю. Если меня спросятъ на экзаменѣ — гдѣ бываетъ геморрой, то я и на это не съумѣю отвѣтить.

Анжелика. Неужели будутъ спрашивать такія гадости? Фи!

Студентъ. То ли еще спрашиваютъ наши профессора.

Анжелика. Безстыдники! Должно быть всѣ холостые?

Студентъ. Я тоже холостой, Анжелика! Значитъ я безстыдникъ? (Цѣлуетъ ее).

Анжелика. Ну, конечно безстыдникъ! (Вырывается).

Студентъ. Подожди, Анжелика. **Еще одинъ поцѣлуй**... Сдамъ экзамены и женюсь на тебѣ. Ты такая миленькая!

Анжелика. Папа и мама велятъ мнѣ итти за совѣтника.

Студентъ. Но вѣдь этого никогда не будетъ.

Анжелика. Не знаю.

Студентъ. Какъ! Ты сомнѣваешься? Вѣдь совѣтникъ старъ! Ему семьдесятъ пять лѣтъ!

Анжелика. Долголѣтіе награда честныхъ людей!

Студентъ. Но у него на головѣ ни одного волоса!

Анжелика. Это признакъ большого ума и благородныхъ чувствъ.

Студентъ. Но онъ не выдержитъ брачныхъ обязанностей и умретъ въ первую же ночь.

Анжелика. Тѣмъ лучше для меня! Я получу наслѣдство!

Студентъ. Что я слышу, Анжелика? Гдѣ твои клятвы? Я — застрѣлюсь!

Анжелика. Успокойся, дорогой. Я шучу. Я люблю тебя и стану твоей женой.

Студентъ. Ну вотъ, давно бы такъ, моя милая. Мы заживемъ съ тобой прекрасно. У меня будетъ кожаный кабинетъ для пріема больныхъ. Утромъ, послѣ кофе — звонокъ. Слуга докладываетъ: пришла какая то нарядная дама. Проси! Входитъ красавица. Графиня или баронесса. Очень радъ, сударыня! Ложитесь на софу и разстегните кофточку!

Анжелика. Что? Негодяй! Не позволю! Никогда не позволю!

Студентъ. Чего не позволишь?

Анжелика. Чтобы она разстегивала кофточку.

Студентъ. Но вѣдь надо же мнѣ ее выслушать.

Анжелика. И она при тебѣ раздѣнется?

Студентъ. Ну, конечно.

Анжелика. А ты?

Студентъ. Что — я? Не надо же доктору раздѣваться, чтобы выслушать больную.

Анжелика. Ахъ, такъ... Тогда — ничего. Что же дальше?

Студентъ. Я выслушиваю ее и выслушиваю. И наступаетъ блаженный моментъ...

Анжелика. Что? Негодяй! Не позволю! Никогда не позволю!

Студентъ. Чего не позволишь?

Анжелика. ... Чтобы блаженный моментъ... Ты мнѣ самъ говорилъ, что блаженные моменты у тебя бываютъ только со мной.

Студентъ. Это совсѣмъ въ другомъ родѣ, моя дорогая. Графиня вынимаетъ изъ сумочки мой гонораръ...

Анжелика. Ахъ, такъ!

Студентъ. Графиня уйдетъ, и сейчасъ же войдетъ какой нибудь важный баринъ. Генералъ или банкиръ. Очень радъ! Ложитесь на софу и разстегните кофточку!

Анжелика. И ему — разстегните кофточку? У тебя только это на умѣ! Ты бы всѣмъ разстегивалъ кофточки...

Студентъ. Прелестная!... Позволь мнѣ теперь тебя выслушать... Ты кажется кашляешь?

Анжелика. Ты ужс вчера дѣлалъ это съ большимъ усердіемъ.

Студентъ. Ну, а все таки?

Анжелика, (Кокетливо). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! (Убѣгаетъ).

(Студентъ углубляется въ чтеніе. Дремлетъ. Засыпаетъ. Появляется призракъ Фауста).

Фаустъ (Студенту). Слушай меня, лѣнтяй невѣжда, усумнившійся въ пользѣ медицинской науки!

Студентъ. Кто ты?

Фаустъ. Я — докторъ Фаустъ.

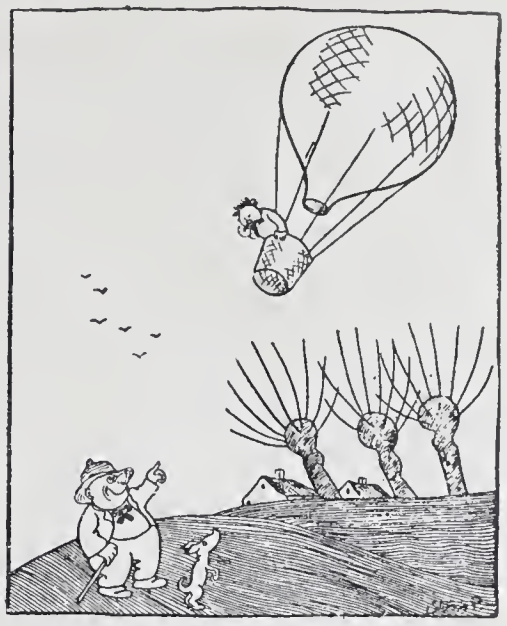
Студентъ. Вы хотите меня экзаменовать г. Фаустъ? Напрасно. Я ничего не знаю.

Фаустъ. Теперь ты будешь все знать. Я покажу тебѣ жизнь органовъ внутри человѣка. Смотри!

ДРУГЪ ЖИВОТНЫХЪ

Жена — Оставь собаку въ покоѣ! Мнѣ какъ разъ нужна новая шляпа...

«Illustrierte Zietung».



— Эй, тамъ! Гдѣ я нахожусь?

— Въ вашей корзинѣ, господинъ воздухоплаватель!

«Lustige Blatter»

НАШИ ДѢТИ

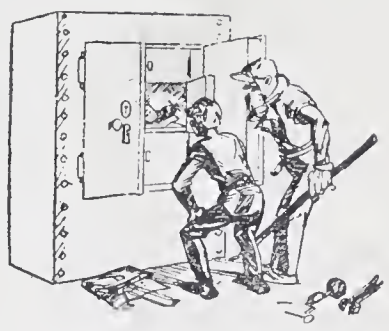
Мать: — Стань въ уголъ, гадкій мальчишка, и стой смирно,не то я пошлю тебя спать!

— **Сынъ:** — ... Сказала она...

«Punch»

Дитя нашего вѣка.

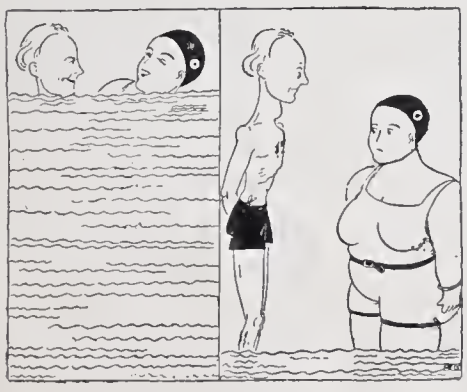
«Dagens Nyheter».



ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИСЪ

Взломщики (передъ несгораемымъ шкапомъ, въ которомъ оказался лишь кусокъ колбасы): — Будемъ великодушны, Карлъ, и оставимъ банкиру нѣсколько кредитокъ...

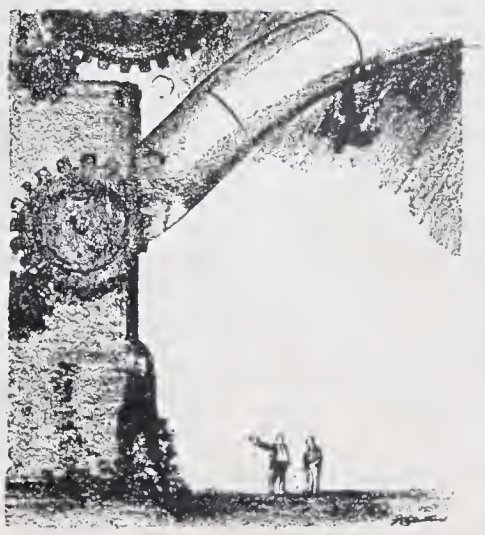
«Lustige Blatter»



РАЗОЧАРОВАНІЕ

До и послѣ

Jugend



— Эта одна машина, замѣняетъ сто рабочихъ!

— О! Если бы она могла замѣнить сто покупателей!

«Post Dispatch»

ОТВЛЕЧЕННОЕ ИСКУССТВО

— Что изображаетъ твоя картина?

— Разоруженіе народовъ.

— Но въ ней ничего нельзя понять!

— Вотъ именно!

Lustige Blatter

Картина 2-ая.

Внутренности человѣка. Г. Гольцъ — желудокъ. Г-жа Гольцъ — Печень. Анжелика — Почка. Студентъ — Сердце. Совѣтникъ — Слѣпая Кишка.

Желудокъ. (Накачивая примусъ). Цѣлую жизнь варп да переваривай, всякую дрянь. Очень скучное занятіе... (Мѣшаетъ ложечкой въ кастрюлѣ).

Сердце. (къ Почкѣ). Почка! Ты мой кумиръ! Идеалъ! Восторгъ! Блаженство!

Печень. Оставьте мою дочь въ покоѣ, молодой человѣкъ.

Желудокъ. (Пробуетъ изъ кастрюльки). Ну конечно! Нашъ хозяинъ пьетъ черный кофе съ ликеромъ и отсюда возбужденное состояніе Сердца. Оставьте нашу дочь въ покоѣ, молодой человѣкъ!

(Почка, привязанная на голубой лентѣ, рвется къ Сердцу).

Почка. Милый!

Сердце. Когда же наша свадьба?

Почка. Увы! Папа и мама велятъ мнѣ итти за Слѣпую Кишку.

Сердце. Но вѣдь онъ старъ!

Почка. Долголѣтіе — награда честныхъ людей.

Сердце. Но у него на головѣ ни одного волоса! !

Почка. Это признакъ большого ума и благородныхъ чувствъ.

Сердце. Но онъ не выдержитъ брачныхъ обязанностей и умретъ въ первую же ночь...

Почка. Тѣмъ лучше для меня. Я получу наслѣдство.

Сердце. Такъ вотъ они — твои клятвы! Лопну! Не выдержу! Разорвусь!

Почка. Развѣ ты не понимаешь, дорогой, что это только шутка?

Желудокъ. (Сердцу). Ну конечно. Кофе съ ликеромъ на васъ оказываетъ самое скверное дѣйствіе. Охъ ужъ мнѣ эти наркозы!

Сердце. (Желудку). Толстокожее животное! Ты ли поймешь экстазъ артистической натуры? Ты ли постигнешь прекрасное? Хамъ! Бегемотъ! Накачивай «примусъ» и не раздражай меня своимъ узкимъ матеріализмомъ.

Желудокъ. (Спокойно). Бѣсись, дуракъ, до первой порціи брома.

Слѣпая Кишка. (Желудку). Молодость вѣтрена, милостивый государь. Поменьше обращайте вниманія на сумасброда. А ваша дѣвочка мнѣ очень нравится... Цыпъ-цыпъ-цыпъ! Иди ко мнѣ, Поченка!

Печень. Что же ты ничего не отвѣчаешь нашему благородному сосѣду!

Почка. Я люблю только Сердце! Только его одного!

(Дѣлаетъ усиліе и отрывается).

Ахъ радость! О, счастье! !Я на свободѣ! Ахъ-ахъ!

(Устремляется къ Сердцу).

Печень. (Злобно). Ни съ мѣста, негодница. Ни съ мѣста. Немедленно же иди къ Слѣпой Кишкѣ. Иначе ты не получишь отъ меня въ наслѣдство ни одного камня... Ни одного...

(Почка въ нерѣшительности).

Желудокъ. Успокойся, жена. Ты раздражаешься, а мнѣ въ результатѣ придется испробовать Карлсбадской Соли.

Печень. Плевать я хочу на твою Карлсбадскую Соль...

Желудокъ. (Пробуетъ изъ кастрюли). Ну — такъ и есть — Карлсбадская Соль. Вотъ такъ постоянно. Вари да перевариваи всякую дрянь.

Слѣпая Кишка. Почечка. Цинъ-цинъ-цинъ.

Почка. У-у-у, противный! Слышите? Вы противная старая обезьяна.

Сердце. (Почкѣ). Иди ко мнѣ. Иначе я разорвусь.

(Почка колеблется).

Сердце. Ты не рѣшаешься? Ты медлишь! Такъ вотъ же, смотри! Лопну! Разорвусь на милліонъ кусковъ! Смотри! (Начинаетъ биться).

Всѣ. (Въ ужасѣ). Тише! Осторожно! Подождите! Ахъ!

Желудокъ (Пробуя изъ кастрюльки). Слава Богу! Бромъ. Не бойтесь. Это у него чисто нервное.

Сердце. (Безспльно). Что со мною? Гдѣ я! О Боже, сколько терзаній!

Печень. (Слѣпой Кишкѣ). Покончимъ скорѣе, мой дорогой сосѣдъ. Я отдаю вамъ дочь. Она будетъ ваша. Когда мы назначимъ свадьбу?

Слѣпая Кишка. Сейчасъ. Немедленно. Но одна бѣда. Вишневая косточка, которую проглотилъ нашъ хозяинъ, ужасно безпокоитъ меня.

Желудокъ. Я не виноватъ, мой другъ. Я варилъ се весьма добросовѣстно.

Печень. (Почкѣ). Поцѣлуйся, дѣвочка, со Слѣпой Кишкой. Онъ тебя такъ любитъ.

(Слѣпая Кишка тянется къ Почкѣ и вдругъ огромные ножницы схватываютъ его и тащутъ со сцены).

Слѣпая Кишка. Караулъ!

Желудокъ. Операція! Аппендицитъ!

Печень. Миръ его праху! (Плачетъ).

Желудокъ. Ахъ, какъ я разстроенъ!

(Глухіе громовые раскаты).

Печень. (Желудку), Милый, примирись съ потерей друга.

Желудокъ. О, какъ я разстроенъ!

(Грохотъ растетъ).

Всѣ. Тише! Довольно! Остановитесь!

(Ударъ грома и тьма).

Картина 3-ья.

(Студентъ спитъ за столомъ. Въ окнѣ разсвѣтъ. За дверью стукъ).

Студентъ. (Во снѣ). Довольно. Остановитесь!

(Входятъ господинъ и госпожа Гольцъ).

Г. Гольцъ. Мы къ вамъ, милостивый государь.

Г-жа Гольцъ. Имѣемъ къ вамъ дѣло, господинъ студентъ.

Студентъ. (Просыпаясь). Какой страшный сонъ! Садитесь, господа.

Г. Гольцъ. Вы знаете, что случилось съ господиномъ Совѣтникомъ?

Г-жа Гольцъ. Ужасное несчастье.

Г. Гольцъ. Онъ впалъ въ дѣтство.

Г-жа Гольцъ. Сидитъ на полу и играетъ въ кубики.

Студентъ. А значитъ?

Г. Гольцъ. Мы согласны. Анжелика ваша.

Г-жа Гольцъ. Ваша.

Г. Гольцъ. Все, что вы должны намъ, мы высчитаемъ изъ приданаго.

Г-жа Гольцъ. Съ причитающимися процентами...

Студентъ. Надѣюсь, не ростовщическими?

Г. Гольцъ. Мы подумаемъ!

Г-жа Гольцъ. Мы подумаемъ!

(Пятясь уходятъ. Вбѣгаетъ Анжелика).

Анжелика. Мой милый. Я — твоя!

Студентъ. О моя дорогая Почечка! Блуждающая моя!

Анжелика. Почему Почечка, да еще блуждающая?

Студентъ. Не спрашивай! Я такъ счастливъ! Наконецъ то Слѣпую Кишку вырѣзали. Теперь Желудокъ и Печень согласны.

Анжелика. Милый! Не захворалъ ли ты? Вотъ до чего доводитъ наука!

(Нѣжно его цѣлуетъ).

З а н а в ѣ с ъ

Петръ Гугулинъ.

ПОМОЩЬ ВЪ РОССІЮ

ВЕЩИ И ПРОДУКТЫ. Стандартно или по выбору. Стоимость посылки и всѣ расходы при заказѣ. Выдача безплатно. Товаръ первосортный. Цѣны минимальныя.

Деньги на выгодн. условіяхъ.

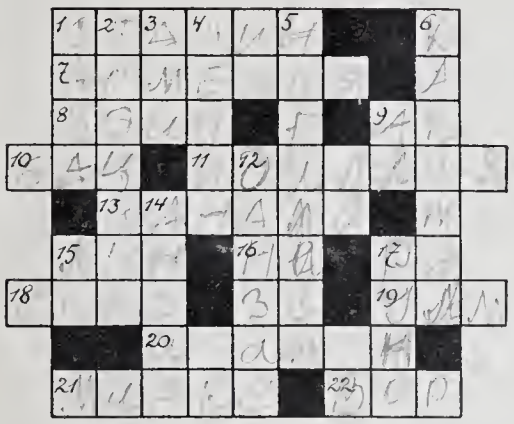
DARCHOVSKY, 62, Rue des Pyrénées, Paris (20·)

Métro Avron, Vincennes. Tram 4, 26, 98, Aut. BZ, BT/22, AV

Пріемъ 2-9 ежедн. не исключ. праздн. и воскр.

КРЕСТОСЛОВИЦА № 19

Составилъ мичманъ Дырка.



Горизонтально:

1. Его настольная книга "6 вертикально". 7 Страна, непосредственно граничащая со страной, въ которой въ одинъ злополучный день родился "1-й горизонтально". 8. Боецъ. 9. Инициалы автора "14 вертикально". 10. Звукоподражаніе рукоприкладства. 11. Отношенія Афанасія Ивановича съ Пульхеріей Ивановной. 13. Прохвостъ. 15. Рыба, а для старыхъ петербуржцевъ, фарсовая актриса. 16. Отрицаніе. 17. Богъ солнца. 18. Длинный, способенъ испортить самый вкусный обѣдъ. 19. Здѣсь генералъ Макъ капитулировалъ передъ Наполеономъ. 20. Знаменитый итальянскій старикъ. 21. Бородатый авторъ настольной книги "1-го горизонтально" и "4-го вертикально". 22. Юридически: тайный похититель.

Вертикально:

1. На ней стоитъ Бѣлградъ. 2. Обѣщалъ какъ то хлопнуть дверью, но дверь захлопнулась сама за нимъ. 3. Ассоціируется съ мидинеткой. 4. Мумія, но не египетская. 5. Духовный предшественникъ "1-го горизонтально", "2-го вертикально" и "4-го вертикально". 6. Настольная книга "1-го горизонтально", сочиненная "21-мъ горизонтально". 9. Какъ совѣтскій флагъ. 12. Его "пустое сердце" билось "ровно". 14. Сочиненіе "9-го горизонтально", заключающее въ себѣ рѣдкое прилагательное **"послушливыя"**. 17. За золотымъ погнались аргонавты, "Золотое" издавалъ Рябушинскій.

РѢШЕНІЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 18

Горизонтально:

1. Снѣдь: — дуракъ; 2. Хамъ; — за; 3. Обь; — рака; Ли; 4. Весь; — ко; — вѣкъ; 5. Парнассъ; 6. Позиція; 7. Пэръ; — не; — кто; 8. Есъ; — пари; — Еръ; 9. Ба — тонъ; 10. Столбъ; — Нива.

Вертикально:

1. Слово; — персъ; 2. — Бе; — песъ; 3. Эхъ; — Споръ; — Бо; 4. Даръ; — Азъ; — палъ; 5. Макрина; 6. Концертъ; 7. Уза; — ни; — Іонъ; — 8. Ра; — всякъ; — ни; 9. Лѣсъ; — тѣ; 10. Крикъ; — Норма.

Редакторъ-издатель М. Г. Корнфельдъ.

Cette Gaine garde le corps jeune

Вы не найдете подобной модели нигдѣ, только у РУССЕЛЬ. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ... Это самая лучшая парижская Gaine... Эластичная, легкая, безъ костей она надѣвается буквально въ нѣсколько секундъ, облегаетъ ваше тѣло, какъ перчатка, давая полную свободу движеніямъ, устраняя складки на таліи, — эта Gaine въ тоже время, если нужно, утончаетъ вашу фигуру.

Сотканная изъ эластичнаго трико, тонкаго и прочнаго, Gaine красиво выдѣляетъ линію вашего платья и, при большомъ вырѣзѣ на спинѣ, подходитъ и для вечерняго туалета. Ея изящный бюстгальтеръ ручной работы, изъ тонкихъ кружевъ, разъединяетъ грудь и придаетъ ей модную линію.. GAINE ROUSSEL имѣются готовыми и могутъ быть сдѣланы на заказъ въ 6-8 дней. Зайдите въ одинъ изъ нашихъ магазиновъ и примѣрьте... Или потребуйте, чтобы Вамъ прислали по почтѣ... Вы будете въ восторгѣ..

ЗАКАЗЫ ПО ПОЧТѢ

Пояса, заказанные по почтѣ, безпрекословно обмѣниваются. Укажите объемъ груди, таліи и бедеръ (безъ одежды) и ростъ въ сантиметрахъ. Цѣна Gaine полушелк. съ круж. 530 франковъ, изъ чистаго шелка съ круж. 960 франковъ, изъ бумажной ткани съ кружев. 345 франковъ. Пересылка заграницу 25 франковъ.

Въ продажѣ только у

J. Roussel Paris

166 a, Bd Haussmann

SUCCURSALES

83, Bd Malesherbes — PARIS

LONDRES 117, Regent Street, W.I. — LA HAYE 21, Noordeinde — AMSTERDAM 143 Leidschestraat — MILAN 17, via Manzoni — BRUXELLES 144, rue Neuve — LIÉGE 13, rue Vinâve d'Ile

РЕСТОРАНЪ
ESMERALDA
ПОЛИКАРПА ИВАНОВИЧА ЛОВЦОВА
73, Bd de Clichy, около «Moulin Rouge», Tél.: Louvre 01-77
Prix-fix - **Завтраки 15 фр. Обѣды 20 фр.** - et à la carte
Воскр: Кулебяка съ рыбой и вязигой. Пон.: Пельмени. Втор.: Бефъ буйи съ хрѣномъ. Среда: Царскій студень. Четв.: Курникъ. Пятн.: Поросенокъ съ кашей. Субб.: Селянка съ растегаями. — Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ П. И. Ловцова.
Ежедн.: блины свѣжая икра, балыкъ, семга. рябчики, каша Гурьев

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ. ПРОДОВОЛЬСТВЕН. ПОСЫЛКИ принимаетъ Комитетъ Помощи Голодающ. въ Россіи Comité Russe de Secours
7, rue du Cardinal Mercier Paris (9e). M-o Clichy. Tel. Trinite 23-92 et la suite.
Пріемъ исключительно отъ 3-7.

НОВАЯ КНИГА
Serge Raffalovich
SCHOURA
Une Enfant de la Révolution
ROMAN
Edition du Tambourin

СТАРАЯ МЕБЕЛЬ
Большой выб. всевозм. мебели. Меб. КРАСН. ДЕРЕВА, Empire, Louis Phil. и совр. Цѣны искл. дешевыя, возмож. разсрочка платежа. Предупредить о посѣщ. предп. до 15 ч.
А. А. СТАХОВИЧЪ въ Аньерѣ:
8, 12, rue Nanterre, 33, rue Franklin. Tél. Gresillon 10-96.
8 мин. электр. поѣз. отъ Сэнъ-Лазаръ, 2 мин. отъ вокзала Asnières (côté Asnières).

ПОСЫЛКИ и ДЕНЬГИ ВЪ РОССІЮ
СЪ ПОЛНОЙ ГАРАНТІЕЙ ПОЛУЧЕНІЯ НА МѢСТѢ
ВЪ КРАТЧАЙШІЙ СРОКЪ
ПРЕДСТАВЛЕНІЕ РАСПИСОКЪ НА 10-15 ДЕНЬ
A. GODOVANNIKOFF
Téléph. Gob. 20-68 — 36, Rue DIEULAFOY, PARIS-13 — Métro Tolbiac

Вы должны посмотрѣть у модной модистки
F. SORBIER
11, rue Lafayette
11, Pl. de la Madeleine.
сам. извѣстн. въ Парижѣ шляпы по цѣн. внѣ конкур.

Авто-Школа
PERFECTION
новый адресъ
23, rue George Sand. Paris 16e
новые сотрудники
Обуч. на маш. Intхе. мод. 1932 г.
Citroen ACH-G
Дир. В. А. Юрковскій.
Tel. Aut. 91-93.

MR. GOOD, 18, Bd. Garibaldi
Уроки англійскаго языка.
Подготовка къ экзаменамъ
Quick effective results

А. С. ШАПИРО
Петр. Прис. Пов. licencié en droit
Налоги, натур., уставы,
Prud'hommes
11, rue Mogador, 11
Tél. : Centr. 11-35
Ежедн. 11-12 и 5-6 ч., суб. 11-12.

ALLIANCE FRANÇAISE
101, Boulevard Raspail, Paris-6e
ШКОЛА ПРАКТИЧ. ИЗУЧ. ФРАНЦ. ЯЗЫКА
предлагаетъ на Октябрь:
1) **Дневной курсъ,** состоящій изъ: 15 часовъ въ недѣлю практическаго изученія франц. яз.
40 лекцій
10 лекцій прогулокъ по Парижу и окрестностямъ.
Цѣна 180 фр. въ мѣсяцъ
2) **Вечерніе курсы, кот.** состоятся ежедневно, кромѣ суб. и воскр. Въ среду курсъ обычно посвященъ изученію коммерческаго франц. яз.
Цѣна: 100 фр. за мѣсяцъ
350 фр. за пять мѣс.
За справками обращаться къ Директору **Robert Depouey,**
101, Boulevard Raspail, Paris-6e

Паста-Порошекъ-Эликсиръ
ESKA
по форм. С. С. Кострицкаго б. зубн. врача Госуд. Импер.
Наилучшія, научно - обоснованныя средства для ухода за зубами и полостью рта
Продаются только въ аптекахъ
Laboratoires ESKA
A. Hobchette
Dr. en Pharmacie
76, rue Orfila, PARIS (20)

Художника Александра Васильевича **ЛОШАКОВА** прошу сообщить свой адресъ La revue «Satyricon», 51, rue Vivienne, Paris (2e), V. P. Tvorogoff.

СЕСТРА Кауфманской Общины
Pansements, Picures, Ventouses scarifiées, etc.
Справки весь день.
Infirmière, 18, Bd. Garibaldi

Авто-Школа AV. DES CHAMPS-ELYSEES
6. СПБ "Знаніе" сам. стар. въ Парижѣ.
Обученіе ѣздѣ на автомоб. всѣхъ марокъ 4 и 6 цил.
Продажа автомобилей фр. и американскихъ марокъ.
Единственный русскій агентъ Citroen'a въ Парижѣ.
Запись, уроки (до 9 ч. веч.) и продажа:
1) 78, Av. des Champs-Elysées въ глубинѣ пассажа, налѣво
2) 74, Av. Mozart (16e)
Знаніе фр. яз. необязательно.
Директоръ инж. **Б. Балясный.**
Справки безплатно.

ПРИ РЕДАКЦІИ "САТИРИКОНА" ОТКРЫТЪ

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Читатели и подписчики "Сатирикона" могутъ выписывать черезъ **Книжный Складъ**
ЛЮБЫЯ РУССКІЯ КНИГИ, ПОЯВИВШІЯСЯ НА КНИЖНОМЪ РЫНКѢ.

Стоимость книги (по каталогу) можетъ быть выслана переводомъ по почтѣ, банковскимъ чекомъ или въ заказномъ письмѣ въ мѣстной валютѣ по курсу дня

СПИСОКЪ № 9 (цѣны въ французскихъ франкахъ)

Минцловъ.	Царь Берендей	9,—	Красновъ.	Отъ двуглаваго орла къ красному знамени, 4 т. по	25,—
	Святое Озеро	30,—		За чертополохомъ	11,50
	Секретное порученіе	50,—		Амазонка пустыни	10,—
	За мертвыми душами	25,—		Ларго	47,—
	Гусарскій монастырь	23,—		Степь	6,25
	Мистическіе вечера	15,—		Понять — простить	32,—
	Петербургъ	25,—		Опавшіе листья	25,—
	Свистопупъ	15,—			

Всѣмъ желающимъ высылается безплатно полный каталогъ вышедшихъ за-рубежомъ книгъ и журналовъ.

Представители "САТИРИКОНА"

для пріема подписки и розничной продажи за границей

АВСТРІЯ.	**Вѣна.** —*Persky*, Mehitarsitengasse, 4, Wien VII Цѣна отд. ном. 1 шилл.
АНГЛІЯ.	**Лондонъ.** — "Родное Слово". *Koptie str.* 32 London N. W.
БОЛГАРІЯ.	**Софія.** — "Печатное Дѣло", ул. Царь Освободитель 8. Цѣна отд. ном. 20 л.
ГЕРМАНІЯ.	*Pesskin*, Berlin W. 30. Barbarossastr.53, Tél. Barbarossa 4881. Postscheck-konto Berlin Nr 159376. — Цѣна отд. ном. 75 пфен.
ГРЕЦІЯ.	**Афины.** — « *Bibliophile* », 24, rue du Stade, Athènes.
ДАНІЯ.	**Копенгагенъ.** —« *Tourist Kiosken* », 34, Kongens Nitory, Copenhague.
ДАНЦИГЪ.	**Цоппотъ.** — *Gebr. Rappoport*, 39-41, Seestr. Zoppot.
ЕГИПЕТЪ.	**Александрія.** — 15, Boulevard de Ramleh, Bibliothèque Russe.
ЛАТВІЯ.	**Рига.** — Ed Petzholz. Skonu iela, 16. Riga. Цѣна отд. ном. 70 л. с.
ЛИТВА.	**Ковно.** — « *Spauda* », Maironio, g-ve 5, Kaunas.
ПЕРСІЯ.	**Тегеранъ.** —*Schtefko*, Khiabané Post Hané Kouteha Beha es Saltaneh N° 4. Téhéran
ПОЛЬША.	**Варшава.** — "Добро", Krakowskie Przed. 53, Varsovie. Цѣна отд. ном. зл. 1.35.
РУМЫНІЯ.	**Бухарестъ.** — "Наша Рѣчь", 28 Str. Poincaré. Цѣна отд. ном. 25 лей.
СОЕД. ШТАТЫ.	**Нью-Іоркъ.** — "Новое Русское Слово", 178, 2-nd Avenue. New-York. **Санъ-Франциско.** —Anitchkov, 1661, O'Farrell Str.
ТУРЦІЯ.	**Стамбулъ.** — "Знаніе", Grand'Rue de Péra. Цѣна отд. ном. 25 піастр. **Стамбулъ.**Pakhalov. Beyoglu, Posta Sokak N° 8.
ФИНЛЯНДІЯ.	**Гельсингфорсъ.** — *Oblakov*, Boulevardin, 17, Helsingfors. Ц. отд. ном. ф. м. 6.50 **Келломяки.** *Reiehe*, Représentant, Kellomiaki.
ЧЕХОСЛОВАКІЯ.	**Прага.** — « *Russunion* », S. Mach. Panska ul. Palace Hôtel. Ц. отд. н. К. Ч. 5.50
ЭСТОНІЯ.	**Ревель.** —*Tobon, Goldschmiedstrasse*, Reval. **Нарва.** — "Старый Нарвскій Листокъ", 1, Suur tan, Narva. Цѣна номера 50 сант.
ЮГОСЛАВІЯ.	**Бѣлградъ.** — *Henri Soubre, Ul Kn. Mihailova br. 27.*

LE PAVILLON DU CAFÉ MARTIN
à l'Exposition Coloniale Internationale PARIS 1931
Allée S'Pierre et Miquelon (près du lac Daumesnil)

LE CAFÉ MARTIN

DÉPÔTS : *Paris - Banlieue - Province*

PARIS-BANLIEUE : les 250 Gr. **4f.50** PROVINCE : **4f.70**

le "Café Martin ne comporte qu'une seule qualité et vous êtes certain, en le consommant, d'obtenir le meilleur café au prix le plus juste

34, RUE JOUBERT
PARIS

РЕСТОРАНЪ
„CHEZ KORNILOFF"

6, rue d'Armaillé
между Avenue Carnot и des Ternes
Tél. Carnot 52-49
Кухня подъ личнымъ наблюденіемъ влад.
Ф. Д. КОРНИЛОВА.
Prix fixe Завтракъ — 15 фр.
Обѣдъ — 20 фр. и à la carte
ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА :
Среда — ботвинья; четв. — чахохбили; пятн. — царскій студень; субб. — расольникъ; воскр. — поросенокъ; пон. — бефъ-бун; вторникъ — пельмени.
Ежедн: кулебяка блины, осетрина, рябчики, чахохб. гурьев. каша
Самый элегантный и уютный русско-французскій ресторанъ Парижа

Переводы и Посылки ВЪ РОССІЮ
BANQUE pour l'ARBITRAGE et COMMISSION
6, Rue Buffault. PARIS (9). Tél. Provence 95-20 95-21
на небывало выгодныхъ условіяхъ. Переводы съ ручательствомъ за выплату въ 15 дней.

Общество Взаимнаго Кредита „СОЮЗЪ"
Crédit Mutuel UNION
12, rue Blanche, Paris (9e) Tél. : Trinité 45-77
Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операцій. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ усл. выигрыш. билетовъ Crédit National, Ville de Paris и т. д. Ежедн. (кр. праздн.) 10-4 ч. безъ пер.

ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ
И ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ
Земскій Союзъ
UNION DES ZEMSTVOS RUSSES
12, rue Blanche, Paris (9).

САМАЯ БОЛЬШАЯ
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ БЕССАРАБІИ
И ВО ВСЕЙ РУМЫНІИ
„НАША РѢЧЬ"
издается въ теченіе 10 лѣтъ въ Бухарестѣ.
Редакторъ-Издатель: С. М. ГАЗІЕВЪ.
Объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ Бухарестѣ, а также во всѣхъ центрахъ Европы, въ конторахъ *Rudolf Mosse*. Въ Парижѣ — въ «*Publicité Metzl* », *Rue de Turbigo*, 51, *Paris VIIIe* и у завѣдующаго парижскимъ отдѣленіемъ "Нашей Рѣчи" С. Ф. Штерна, *rue du Cardinal-Mercier*, 7, *Paris IXe*.

PAUL LIEBENSOHN
3, Cité de Paradis, 3 — PARIS (10e)
Téléph.: Provence 05-17 Métro : Poissonnière
Деньги, продукты и вещи въ Россію
(Спеціальная контора).
Гарантир. выполн. экспрессомъ. Посылки съ оплач. пошл. въ 5 кило. начиная отъ 67 фр., въ 10 кило нач. отъ 132 фр. Первокл. кач. товар.
Требуйте проспекты.

Impr. d'Art Voltaire, O. Zeluk, Directeur; 34, rue Richer Paris IX. Le Gérant: N. Kornfeld.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

на Еженедѣльный Журналъ Сатиры и Юмора

Сатириконъ

Отъ редакціи

Для того, чтобы сдѣлать **"Сатириконъ"** своей настольной книгой, надо:
— прежде всего аккуратно складывать его номеръ за номеромъ;
— затѣмъ, всѣ собранные номера переплести въ изящный переплетъ;
— а въ концѣ подписного года посмотрѣть на себя въ зеркало и въ восторгѣ воскликнуть:
— Боже, какое у меня одухотворенное выраженіе лица и какой тонкій взглядъ на вещи!

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во Франціи .. .. Frs	**135.—**	**105.—**	**70.—**	**36.—**	**12.50**
Въ странахъ, входящихъ въ составъ Всем. Почтоваго Союза	**160.—**	**125.—**	**80.—**	**42.—**	**15.—**
Въ странахъ, не вход. въ составъ Всем. Почтов. Союза	**177.—**	**137.—**	**88.—**	**46.—**	**17.—**

Адресъ Редакціи и Конторы: 51, **RUE VIVIENNE, PARIS** (2e)

Téléphone : GUTENBERG 05-40